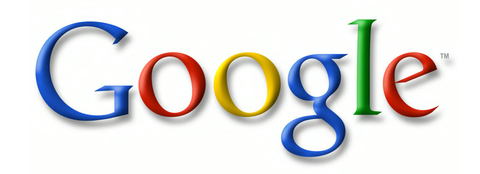


ДОМАШНИЙ БЫТЪ
РУССКИХЪ ЦАРИЦЪ

ВЪ XVI И XVII СТ.

СОЧИНЕНІЕ **И. ЗАБѢЛИНА.**

Второе изданіе съ дополненіями.

Царица Марья Ильична Милославскихъ.

МОСКВА.
Типографія Грачева и Ко, у Пречистенскихъ вор., д. Шиловой.
1872.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ

РУССКАГО НАРОДА

въ XVI и XVII ст.

сочиненіе

ИВАНА ЗАБѢЛИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Второе изданіе съ дополненіями.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Кº, у Пречистенскихъ вор., д. Шиловой.

1872.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ

РУССКИХЪ ЦАРИЦЪ

ВЪ XVI И XVII СТ.

СОЧИНЕНІЕ И. ЗАБѢЛИНА.

Второе изданіе съ дополненіями.

Царица Марья Ильична Милославских.

МОСКВА.
Типографія Грачева и Кº, у Пречистенскихъ вор., д. Шиловой.
1872.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

I. 1) Царица Марья Ильична шествуетъ въ монастырь къ панихидѣ. На ней урбусъ съ волосникомъ или ошивкой, ожерелье жемчужное, ожерелье бобровое, шубка золотная накладная, въ рукахъ жезлъ и ширинка. 2) Сѣнныя боярышни въ тѣлогрѣяхъ. 3) Крайчая Анна Михайловна Вельяминова, на ней убрусъ съ волосникомъ, бобровое ожерелье, лѣтникъ съ вошвами, въ рукѣ ширинка. 4) Верховая боярыня, несущая канунъ, кутью. На ней убрусъ съ волосникомъ, жемчужное и бобровое ожерелья, шубка накладная. 5) Верховая боярыня въ сопровожденіи. На ней убрусъ съ волосникомъ, тѣлогрѣя, въ рукѣ ширинка. 6) Сѣнная боярышня, несущая надъ царицею солночникъ или зонтъ. На ней тѣлогрѣя. 7) Царица Евдокія кушаетъ во время своей свадьбы въ избушкѣ. На ней вѣнецъ, убрусъ, царская шубка—платно (сравн. № 9.)—8 и 10 боярыни въ каптурахъ, шубкахъ и тѣлогрѣяхъ.

II. 1) Царица Марья Ил. шествуетъ въ большой праздникъ на богомолье въ церковь. На ней коруна, убрусъ, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка золотная накладная, въ рукѣ ширинка. 2) Дѣвица, несущая маленькаго царевича. На ней тѣлогрѣя. 3—5) Три старшихъ Царевны. На нихъ: вѣнцы, бобровыя ожерелья, золотныя шубки, въ рукахъ у старшей четки, у младшей ширинка. 6) Сѣнныя боярышни, поддерживающія большой солночникъ (балдахинъ). 7—8) Сѣнныя боярышни, въ предшествіи. На нихъ бобровыя ожерелья, тѣлогрѣи, въ рукахъ ширинки. 9—10) Крайчая и верховыя боярыни въ сопровожденіи. На нихъ: убрусы съ волосниками, бобровыя ожерелья, лѣтники съ вошвами, въ рукахъ ширинки. 11) Царица Евдокія царевною шествуетъ къ брачному вѣнцу. На ней: вѣнецъ съ убрусомъ и царская шубка—платно. Боярыни поддерживаютъ ее подъ руки. 12—13) Царица Евдокія царевною шествуетъ въ Грановитую Палату на брачное мѣсто. На ней: коруна, тѣлогрѣя теплая, шубка. 12) Боярыня, несущая на блюдѣ кику. 14) Царица Евдокія въ своихъ хоромахъ, принимающая по случаю брака благословеніе Патріарха и поздравленіе отъ властей и бояръ. На ней: вѣнецъ съ убрусомъ, шубка—платно, въ рукѣ ширинка. 15) Царица Евдокія, входящая въ Успенскій соборъ къ брачному вѣнцу. На ней: кика, убрусъ, царская шубка—платно. 16) боярыни, сидящія за столомъ, въ каптурахъ и тѣлогрѣяхъ.

III. 1) Убрусъ. 2) Жемчужное ожерелье. 3) Царица Евдокія, въ нарядѣ избранной невѣсты — царевны, ожидающая до времени въ своихъ хоромахъ выхода на свадебное мѣсто. На ней: вѣнецъ съ городы, тѣлогрѣя и шубка—платно. 4) Боярыни свахи. 5) Ца-

рица Евдокія, нареченная царевною, введена въ царскіе хоромы; на ней: вѣнецъ, тѣлогрѣя и шубка. 6) Дѣвицы боярышни, сопровождающія нареченную царевну. На нихъ: перевязки, тѣлогрѣи и шубки. 7) Нарядъ невѣсты нач. XVII ст.: кика, убрусъ, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка—платно.

IV. 1) Вел. княгиня Елена Глинскихъ въ убрусѣ, ожерельяхъ и въ шубкѣ-платнѣ. 2) Одежда XVI ст.: волосникъ, убрусъ, тѣлогрѣя. 3) Боярыни, сопровождающія в. к. Елену въ шляпахъ и убрусахъ. 4) Онѣ же въ убрусахъ. 5) Шествіе великой инокн Мароы Ив. во вдовьемъ старицкомъ нарядѣ. Сопровождающія ее: 6) женщины: убрусъ, распашница, тѣлогрѣя, башмаки. 7) Дѣвицы: шапка, ожерелье жемчужное, верхняя одежда — опашень.

V. Нарядъ женскій: 1) шапка, подзатыленъ, серьги, шубка. 2) Дворянка: шапка, тѣлогрѣя и верхняя одежда—шуба. 3) Шапка, убрусъ, серьги, ожерелья жемчужное и бобровое, тѣлогрѣя, чеботы. Нарядъ дѣвичій: 4) Шубка, чеботы. 5) Вѣнецъ, тѣлогрѣя.

VI. 1) Каптуръ, изъ подъ него видна часть ошивки. 2) Нарядъ дѣвичій: шапка, кика съ рясами, ожерелье, шапка и коса. 3) Убрусъ. 4) Шляпа, убрусъ, бобровое ожерелье. 5) Боярыня, подчивающая гостей; шапка, жемчужное ожерелье, лѣтникъ съ вошвами, въ рукахъ чарка. 6) Дѣвица въ сорочкѣ съ поясомъ. 7) Женщина въ нарядѣ XVI ст.: волосникъ съ убрусомъ, бобровое ожерелье, шубка, чеботы.

VII. 1) Ширинка. 2) Зимній нарядъ дѣвицъ дворянокъ: шапка лисья, тѣлогрѣя. 3) Дѣвичья повязка. 4) Нарядъ боярышенъ: шапка лисья, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка. 5) Дѣвица посадская: шапка изъ медвѣжьяго мѣха, шубка или сарафанъ. 6) Дѣвица въ сорочкѣ верхней и нижней съ поясомъ.

VIII. 1) Посадская дѣвица въ кикѣ и кафтанѣ. 2) Дѣвичья повязка съ волоснымъ уборомъ въ двѣ косы. 3) Боярыня въ шапкѣ и въ опашнѣ. 4) Дѣвица въ сорочкѣ съ поясомъ. 5) Женщина посадская, въ охобнѣ, покрытая фатой.

ГЛАВА I.

ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ ВЪ ДОПЕТРОВСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Общія черты положенія женской личности въ допетровскомъ обществѣ. Сужденіе Котошихина и сужденія изслѣдователей—идилликовъ. Коренное начало древнерусскаго общества. Родовой бытъ. Идиллія семейно-общиннаго быта. Смыслъ рода и смыслъ общины. Родовая идея есть идея родительской воли—опеки. Достоинствомъ личности было «отечество». Мѣстничество и вѣче суть выраженія древнерусской общественности. Существенный ея характеръ.—Родовая идея—воспитательница русской личности. Домострой—школа личнаго развитія. Въ чемъ полагалась самостоятельность личности.—Основныя черты характера русской личности. Государство воли и дѣтство воли. Общая характеристика допетровскаго общества.

Котошихинъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича“, разсказываетъ, что когда были московскіе послы на свадьбѣ у польскаго короля, то правили посольство и подносили свадебные дары отъ царя и отъ царицы особо королю и особо королевѣ. Править посольство значило исполнить его само-лично предъ лицемъ потентата. Желая въ той же мѣрѣ отблагодарить московскаго царя, и польскій король посылалъ къ царю своихъ пословъ и велѣлъ посольство править и дары подносить отъ себя и отъ королевы, царю и царицѣ, тоже каждому особо, такъ, какъ дѣлали наши послы въ Польшѣ. Этого, конечно требовало обычное вѣжество, обыкновенный этикетъ во взаимныхъ сношеніяхъ двухъ государей. Но, справивъ посольство и поднеся дары царю, польскіе послы, *по московскому обычаю*, не были допущены къ царицѣ. „А къ царицѣ посольства править и ее видѣть не допустили, говоритъ Котошихинъ; а отговорилися тѣмъ: назвали царицу больною; а она въ то время была здорова. И слушалъ у пословъ посольства, т. е. обычныя рѣчи, и дары за царицу

принимал царь самъ". Точно тоже случилось съ англійскимъ посломъ, пріѣзжавшимъ къ царю съ дарами по такому же поводу въ 1663 году.

Для чего такъ творятъ? вопрошаетъ Котошихинъ, желая раскрыть иноземцамъ, для которыхъ онъ писалъ свое сочиненіе, истинныя причины этого обычая, и дѣлая съ этою цѣлью свой достопамятный отвѣтъ.

„Для того, отвѣчаетъ онъ, что московскаго государства *женскій полъ грамотѣ неученые*, и не обычай тому есть, а *природнымъ разумомъ простоваты*, и *на отговоры несмышлены* и *стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чюжіе люди, никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ*. И потому можно дознаться, отъ чего бъ имъ быти гораздо *разумными* и *смѣлыми*. Также какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потомужъ люди видаютъ мало. И только бъ царь въ то время учинилъ такъ, что польскимъ посломъ велѣлъ бы быть у царицы своей на посольствѣ; а она бы, выслушавъ посольства, собою отвѣта не учинилабъ никакого, и отъ того пришлобъ самому царю въ стыдъ [1]."

Настоящій случай, почему царица не вышла принять посольство, Котошихинъ объясняетъ не совсѣмъ вѣрно, ибо править посольство иноземнымъ посламъ прямо предъ лицемъ царицы строго воспрещалъ старо-давній обычай. Послы не могли видѣть царицу не потому, что царь боялся стыда отъ ея несмышленыхъ и стыдливыхъ отговоровъ, а потому, что хоромы царицы были совсѣмъ недоступны не только для иноземныхъ пословъ, но и для своего народа, даже для всего боярства и всего Двора, за исключеніемъ самыхъ близкихъ ей людей, обыкновенно близкихъ ея родственниковъ или самыхъ довѣренныхъ слугъ Двора. Но, не вѣрно объясняя частный случай, Котошихинъ очень вѣрно и вполнѣ обстоятельно изображаетъ вообще положеніе женской личности въ нашемъ старомъ обществѣ, рисуетъ дѣйствительность, надъ постепеннымъ созданіемъ которой усердно работали цѣлые вѣка и цѣлый рядъ поколѣній. Короткими словами, но очень живо, онъ рисуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и характеристику самого общества, ибо характеристика женской личности всегда служитъ вполнѣ вѣр-

---

[1] Котошихинъ, стр. 44.

нымъ изображеніемъ самого общества. Напрасно мы будемъ отвергать суровую, быть можетъ слишкомъ жесткую правду этого отзыва, приводя въ доказательство нѣкоторыя имена, заявившія своею жизнію и умственную и нравственную самостоятельность женской личности; напрасно мы будемъ смягчать простую и можетъ быть оттого слишкомъ грубую и рѣзкую силу этихъ неподкупныхъ словъ, указывая на нѣкоторыя идилліи, въ которыхъ выражались, иногда даже очень благодушно, семейныя и общественныя отношенія женской личности и которыя, сказать по правдѣ, въ той красотѣ, какая имъ приписывается, существуютъ только въ воображеніи добрыхъ защитниковъ всего добраго и нравственнаго по формѣ. Ни одиночное какое либо имя, т. е. личность, которая всегда можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни, выдвинуть себя изъ общаго теченія, даже съ особенною славою; ни благодушная какая либо идиллія, которая точно также *бываетъ*, какъ и все и всегда бываетъ и случается въ человѣческой жизни, словомъ сказать: ни какія частныя и потому случайныя явленія не въ состояніи заслонить отъ насъ въ этихъ словахъ настоящій свѣтъ жизненной правды, настоящій свѣтъ дѣйствительной, а не воображаемой жизни. Отзывъ Котошихина, оправдывается не какими либо исключительными одиночными явленіями, а всѣмъ строемъ допетровскаго русскаго быта, общимъ положеніемъ и умоначертаніемъ тогдашней жизни, всею нравственною стихіею общества. Нѣкоторыя историческія явленія, нѣкоторыя юридическія опредѣленія, придававшія женщинѣ самостоятельный смыслъ, не могутъ колебать самой основы старыхъ воззрѣній. Такія личности, какъ напр., Софья Витовтовна—литовка, Софья Өоминишна—гречанка, Елена Васильевна Глинская,—тоже иноземка, которыя, какъ извѣстно, пользовались нѣкоторою долею женской свободы, покрайней мѣрѣ иногда принимали лично иноземныхъ пословъ и не прятались въ своихъ хоромахъ, когда обстоятельства требовали ихъ участія въ подобныхъ церемоніяхъ; [1] такія личности, какъ иноземки,

[1] Контарини разсказываетъ между прочимъ, что при его отъѣздѣ изъ Москвы В. К. Иванъ Вас. пожелалъ, чтобъ посолъ представился В. Княгинѣ Софьѣ, „что и было мною исполнено съ приличными привѣтствіями и поклонами. Великая княгиня обошлась со мною весьма вѣжливо и ласково и убѣдительно просила поклониться отъ нея свѣтлѣйшей нашей республикѣ (Венеціанской). Послѣ сего я распростился

ничего не могутъ объяснять въ отношеніи общей характеристики. Нѣкоторая доля самостоятельности принадлежала имъ отчасти потому, что онѣ были *чужія*, что личность ихъ, по ихъ иноземству и по высокому значенію ихъ рода, сама собою уже пріобрѣтала въ глазахъ русскаго общества особенное, независимое положеніе, которое ни въ какомъ случаѣ не могло равнять ихъ съ *своими*, а потому и освобождало нѣкоторые ихъ поступки отъ привычныхъ ограниченій женскаго быта. Но, воспитанныя въ обычаяхъ, дававшихъ большій просторъ женской личности, онѣ, однакожъ, въ московскомъ дворцѣ, должны были жить такъ, какъ повелось изстари, т. е. должны были подчиниться тѣмъ понятіямъ и порядкамъ жизни, какіе повсемѣстно господствовали въ русской землѣ. А эти понятія почитали весьма *зазорнымъ* всякое обстоятельство, гдѣ женская личность пріобрѣтала какой либо общественный смыслъ. Эти понятія признавали ея свободу и то въ извѣстной мѣрѣ, въ однихъ лишь семейныхъ отношеніяхъ и въ положеніяхъ исключительно семейнаго общежитія. Какъ скоро общежитіе принимало какую либо форму общественности и изъ домашней, семейной сферы переходило въ сферу жизни публичной, тогда и обнаруживалось, что женская личность не имѣетъ здѣсь своего мѣста, что безъ особеннаго *зазора* въ публичномъ общежитіи она не можетъ становиться рядомъ съ личностью мужчины. Извѣстная выработка идей и представленій въ этомъ направленіи привела вообще къ тому, что женская личность своимъ появленіемъ въ обществѣ нарушала какъ-бы цѣломудріе публичнаго общежитія, не говоря уже о томъ, что собственное ея цѣломудріе при такомъ подвигѣ, въ глазахъ вѣка, погибало окончательно. Одному мужчинѣ исключительно принадлежали интересы общественности. Онъ одинъ обладалъ правомъ жить въ обществѣ, жить общественно. Женщинѣ оставалась обязанность жить дома, жить семейно, быть человѣкомъ исключительно домашнимъ, и въ существенномъ смыслѣ быть вмѣстѣ съ домомъ и домочадцами только орудіемъ, средствомъ для жизни общественнаго человѣка — мужчины.

Въ одномъ только случаѣ самостоятельность женщины являлась законною и неоспоримою, въ томъ случаѣ, когда она станови-

---

съ нею и возвратился въ свое жилище." Подобные пріемы впослѣдствіи были уже не мыслимы.

лась главою дома; а это могло произойдти лишь при томъ обстоятельствѣ, когда, по смерти мужа, она оставалась *матерою* вдовою, т. е. вдовою — матерью сыновей. И мы видимъ, что *матерая* вдова въ древнемъ русскомъ обществѣ играетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мужскую роль; мы видимъ, что типъ этой личности пріобрѣтаетъ сильныя самостоятельныя черты и въ общественной жизни и въ историческихъ событіяхъ, а слѣд. и въ народной поэзіи, въ былинахъ и пѣсняхъ. Она пользуется и значительными юридическими правами.

Но матерая вдова всетаки была явленіемъ случайнымъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ исключительнымъ. Личность ея ни какъ не можетъ служить мѣрою самостоятельности женской личности вообще. Матерая вдова являлась случайнымъ представителемъ дома, семьи, которая стояла уже такъ сказать на матерпкѣ, т. е. на корню, ибо сыновья всегда придавали семьѣ именно это значеніе корня. Вдова бездѣтная, у которой не оставалось подъ ногами матерпка или корня, у которой со смертью мужа разрушалась и семья, такая вдова по убѣжденію вѣка равнялась въ своемъ значеніи съ сиротою, и въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи вмѣстѣ съ сиротами, убогими, калѣками и пр. и всѣми беззащитными личностями поступала подъ покровительство церкви, причислялась къ людямъ церковнымъ, *богадѣльнымъ*, т. е. къ людямъ, забота объ участи которыхъ была *дѣломъ божьимъ*, потому что не была дѣломъ общественнымъ. Вотъ почему вдова безъ сына почитаетъ себя тоже сиротою. Одно это можетъ уже свидѣтельствовать, что личность женщины не имѣла ни малѣйшей *общественной* самостоятельности и какъ скоро выдѣлялась изъ семьи, гдѣ только и сохраняла извѣстную долю самостоятельности, то теряла и эту малую долю самостоятельнаго значенія и приравнивалась ко всѣмъ сиротствующимъ, совершенно беззащитнымъ въ общественномъ смыслѣ, такъ что по необходимости переходила подъ опеку церкви, подававшей ей руку вмѣсто общества, которое отрицало въ женскомъ достоинствѣ всякій смыслъ личности, имѣвшей какія либо общественныя, а не семейныя только домашнія права.

Идиллики исторіи очень серьезно и съ подобающею ученостью, съ ссылками на лѣтописи и другіе источники, съ выписками подлинныхъ текстовъ, доказываютъ, что напр. „красота жены цѣнилась“: Святославъ женитъ сына Ярополка на плѣнницѣ гречанкѣ „красоты ради лица ея“; Ольга удивляетъ красотой лица

греческаго императора; что „жена имѣла право на часть мужнина имѣнія; что всѣ заботы о дѣтяхъ возлагались на мать; что попеченія и заботы, которыя употребляла мать при воспитаніи дѣтей своихъ, давали ей въ народномъ воззрѣніи неоспоримое право на уваженіе послѣднихъ; что тѣсная связь матери съ дѣтьми не могла не оказывать вліянія на послѣднихъ: характеръ матери явственно отражался и въ дѣтяхъ, что дѣвушку не стѣсняли въ ея дѣйствіяхъ (слѣдуютъ доказательства и подтвержденія о томъ, какъ дѣвицы постригались въ монахини); что дочь дѣвица имѣла участіе во всѣхъ событіяхъ своей семьи; что покидая семью родительскую, при выходѣ замужъ, дѣвушка однако не прерывала связи съ нею; что воспитанная въ общемъ кругу родной семьи, одинаково согрѣтая любовью отца и матери, русская женщина этого времени (до Монголовъ), являясь женою, стоитъ нравственно на одномъ уровнѣ съ мужемъ. Въ этомъ лежитъ объясненіе тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ между ними. Подружье — названіе жены въ книжномъ языкѣ, ладой зоветъ жена мужа въ языкѣ народномъ. Равна жена мужу въ законѣ: кто убьетъ жену — тотъ же судъ, какъ за мужа. (Здѣсь однакожъ законъ, Русская Правда, говоритъ вообще объ убійствѣ женщины, а не о женѣ мужа). Любите жену свою, учитъ дѣтей хорошій отецъ (Владиміръ Мономахъ, который тотчасъ же и прибавляетъ другое поученье, пропускаемое авторомъ: *но не дайте имъ надъ собою власти*, что собственно значитъ: властвуйте надъ ними). Жена стоитъ рядомъ съ мужемъ, живетъ съ нимъ одною жизнію, раздѣляя радость и горе, сопутствуя ему всюду, участвуя въ самыхъ сокровенныхъ его думахъ. Мужъ видитъ въ ней лучшаго друга, спутника жизни, повѣряетъ ей все; что гдѣ бы ни былъ мужъ, мысль о женѣ не покидаетъ его; что жена была не стѣснена въ своей жизни, могла дѣйствовать свободно доказательства: Верхуслава ведетъ переписку съ епископомъ Симономъ, принимаетъ большое участіе въ монахѣ Паликарпѣ, желая устроить его гдѣ либо епископомъ, вотъ и все); что жена могла имѣть свою собственную землю, села; жена независимо отъ мужа могла имѣть свою казну и т. д. [1]

---

[1] Русская женщина въ до-монгольскій періодъ. Историческое изслѣдованіе Александра Добрякова. Спб. 1864. Стр. 32, 34, 35, 39, 57, 58, 62, 69, 77, 78 и мн. др.

Подобныя идиллическія заключенія носятся въ сознаніи многихъ изыскателей нашей старины; но въ сущности онѣ обнаруживаютъ только какое-то странное сомнѣніе во всемъ томъ что составляетъ существо человѣка, будетъ ли онъ мужчина или женщина, и что никогда не подвергалось спору, въ чемъ ни одинъ разсудительный человѣкъ никогда и ни гдѣ не могъ сомнѣваться. Всѣ выводы, съ такимъ усердіемъ добытые изъ лѣтописей, житій, грамотъ и т. д., сводятся къ одному, что жена любила мужа, а мужъ любилъ жену; что мать любила дѣтей а дѣти любили мать; что женщина, какъ членъ семьи, пользовалась семейными правами, пользовалась извѣстными правами какъ человѣкъ вообще и какъ членъ семьи въ особенности. Ктоже могъ когда либо въ этомъ сомнѣваться. Исторія застаетъ древнюю Русь именно на той степени историческаго развитія когда семья составляетъ единственный и непосредственный узелъ народной жизни, когда семья составляетъ существо, основу народнаго быта; когда, слѣдовательно, семейныя добродѣтели являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, естественнымъ продуктомъ жизни. Доказывать ученымъ образомъ, что мужъ любилъ жену, а мать любила дѣтей, все равно, что доказывать, что и въ старину жили также люди. Не въ томъ дѣло, имѣла ли женщина — человѣкъ человѣческія чувства, находилась ли въ человѣческихъ отношеніяхъ къ отцу, къ мужу, къ дѣтямъ; вообще, не въ томъ дѣло, что именемъ женщины обозначался человѣкъ женскаго пола; дѣло въ томъ, пользовался ли женскій полъ общественными правами наравнѣ съ мужскимъ поломъ, т. е. въ равной половинѣ; была ли женская личность самостоятельна въ обществѣ именно этою своею женскою половиною; почиталась ли женская половина необходимою и самостоятельною половиною в семьи, а самого общества; или же эта половина въ сущности была только придаткомъ къ тому цѣлому, которое выражалось лишь одною личностью мужчины; вообще: была ли женская личность самостоятельна въ обществѣ сама по себѣ, какъ личность женщины, или же ея самостоятельность опредѣлялась только ея принадлежностью къ личности мужской, какъ напр. значеніемъ жены мужа, матери сына и т. п.

Вотъ вопросы, которые возникаютъ сами собою, когда намѣреваемся узнать, каково было положеніе женской личности въ допетровской Руси. Мы, однимъ словомъ, не должны смѣшивать понятій и свидѣтельствъ о правахъ женщины, какъ члена семьи

какія бы ни были эти права, нравственныя или юридическія, съ понятіями и свидѣтельствами о ея правахъ, какъ члена общества. Смѣшеніе, безразличіе этихъ понятій и производитъ путаницу въ нашихъ представленіяхъ о характерѣ и общественномъ положеніи древнерусской женщины.

Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ необходимо прежде всего узнать важнѣйшее обстоятельство, именно: признавало ли и могло ли признавать женщину своимъ членомъ древнерусское общество; а еще ближе, что такое было, каково было это самое общество, признавало ли оно вообще общественныя права личности, почитало ли оно личность общественною единицею, самостоятельнымъ цѣлымъ, которымъ держится само общество; ибо самостоятельность женской личности является лишь тамъ, гдѣ является самостоятельность человѣческой личности вообще, гдѣ общество носитъ въ своемъ сознаніи, а слѣд. и въ своемъ развитіи самую идею личности, идеалъ человѣческаго достоинства, независимо ни отъ какихъ частныхъ, случайныхъ бытовыхъ его опредѣленій.

Очень понятно, что русское допетровское общество въ своемъ взглядѣ на достоинство женской личности не могло стоять выше тѣхъ убѣжденій, которыя господствовали вообще въ средне-вѣковомъ европейскомъ обществѣ, которыя господствуютъ во всякомъ обществѣ младенчествующемъ. Точно также, какъ и вездѣ, на равной степени общественнаго развитія, русское общество опредѣляло нравственныя и общественныя права женской личности ветхимъ и по преимуществу восточнымъ сознаніемъ, что лицо женщины, каково бы ни было ея положеніе, не есть половина, а есть всетаки, въ отношеніи мужчины, — величина меньшая; что женщина, сравнительно съ мужчиною, есть малолѣтокъ, недоросль, членъ общества не совершеннолѣтній. Сама женская природа способствовала развитію такого убѣжденія.

Въ первую эпоху человѣческой жизни въ понятіяхъ и представленіяхъ человѣка господствовалъ и управлялъ всею его дѣятельностью идеалъ богатыря, т. е. идеалъ собственной физической силы человѣка. Въ то время физическая сила была первою необходимостію для человѣка, а слѣд. первымъ, самымъ высшимъ, почти исключительнымъ его достоинствомъ. Въ то время, по естественнымъ причинамъ, человѣкъ вездѣ въ своей дѣятельности долженъ былъ богатырствовать, богатырски завоевывать себѣ положеніе и побѣждать природу больше силою плеча, чѣмъ

силою ума. Богатырство было исходнымъ началомъ его жизни, оно же стало и высшимъ его идеаломъ. Подъ вліяніемъ этого-то идеала и созидались постепенно всѣ первобытныя воззрѣнія человѣка: въ его мѣру онъ мѣрилъ и всѣ свои первоначальныя отношенія, всѣ положенія своей жизни.

Очень понятно, что, по физіологическимъ особенностямъ своей природы, женская личность не могла приравняться къ этому идеалу, къ этой первозданной и тогда единственной мѣрѣ человѣческаго достоинства. Правда, что въ богатырскій вѣкъ и она должна была носить въ себѣ нѣкоторыя богатырскія черты; но вполнѣ сдѣлаться богатыремъ ей было невозможно. Призванная природою къ рожденію дѣтей и ко всѣмъ тяжкимъ послѣдствіямъ этого дѣйствія природы, каково воспитаніе или собственно вскормленіе ребенка и т. д., женщина однимъ этимъ дѣйствіемъ природы обрекалась уже на страдательную, вполнѣ зависимую роль предъ личностью богатыря—мужчины, не говоря уже о томъ, что самый ея организмъ, сравнительно слабый и нѣжный, никогда не могъ равнять ея физическія силы съ силами мужчины. Вотъ естественная причина, по которой богатырскія воззрѣнія первобытнаго человѣка очень легко могли воспитать въ его сознаніи мысль о великомъ различіи женскаго существа отъ мужскаго. Различіе въ физическихъ силахъ обоихъ половъ было слишкомъ очевидно, а между тѣмъ богатырскія силы, какъ мы сказали, были единою мѣрою человѣческаго достоинства, единою оцѣнкою достоинства каждой личности. Такимъ образомъ сама природа женщины, вовсе не способная отвѣчать своею дѣятельностью первозданнымъ идеаламъ человѣка, указывала женской личности мѣсто, которое въ отношеніи ея самостоятельности всегда колебалось, да и до сихъ поръ колеблется между мужчиною и его дѣтьми.

Съ богатырской точки зрѣнія женщина—существо слабое, не только физически, но и нравственно и умственно. Она отличается дѣтскими чертами. Она даже и создана отъ кости самого богатыря; она въ сущности его ребенокъ; поэтому зависимость, повиновеніе—вотъ ея идеалы, которыми она и воспитывается въ теченіи тысячелѣтій, т. е. во все то время, когда въ быту человѣческомъ долженъ былъ господствовать идеалъ богатырскій. Вообще достоинство женской личности на основаніи этихъ первозданныхъ идей было возведено въ идеалъ милой жертвы, милой *хоти*, какъ выразилось Слово о полку Игоревомъ. Соот-

вѣтственно этому идеалу цѣнились и всѣ качества женской личности, вся такъ называемая женственность, какъ исключительная сила ея природы, понятая лишь такъ, какъ требовалъ именно этотъ идеалъ. Въ этомъ идеалѣ и выразился весь жизненный смыслъ женской доли, весь смыслъ ея роли общественной, а стало быть и исторической.

Мы не должны также забывать, что эпоха богатырскаго идеала была вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохою идеала родительскаго, т. е. идеала родительской опеки, по которому всякая, почему либо зависимая личность иначе не представлялась, какъ въ образѣ малолѣтства.

Естественно, что навсегда слабая и зависимая женская личность должна была навсегда же сохранить въ своемъ лицѣ образъ нескончаемаго малолѣтства, нескончаемаго дѣтства, ибо такова была сила первозданныхъ богатырскихъ и патріархальныхъ убѣжденій человѣка.

Само собою разумѣется, что тѣже первозданныя убѣжденія и идеалы управляли и нашимъ бытовымъ развитіемъ. У насъ по причинѣ нашей молодости они сохранились даже съ большею свѣжестью, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ. Богатырскія идеи, какъ и идеи родительской опеки у насъ живутъ еще до сихъ поръ, а въ допетровскую эпоху онѣ были въ полномъ цвѣту.

Идеалъ родительской опеки былъ основателемъ и устроителемъ всего нашего быта. По этому идеалу создалось наше общество и государство. По этому идеалу наше общество представлялось совокупностью семьи или родни, такъ что его разряды или ступени, особенно низменные, иначе и не представлялись, какъ малолѣтными и постоянно обозначались именами родства, каковы были, *отроки*, *пасынки*, *дѣтскіе*, *молодь*. Самые низменные въ общественномъ смыслѣ именовались *сиротами*, т. е. людьми несчастными въ смыслѣ родства, а стало быть и въ общественномъ смыслѣ, каково было вообще неслужилое земледѣльческое и промышленное сословіе, необладавшее властнымъ положеніемъ въ обществѣ—государствѣ.

По идеалу родительской опеки, не только личность женщины, но и личность мужчины не имѣла никакого самостоятельнаго, независимаго значенія, по той причинѣ, что этотъ идеалъ вообще не признавалъ, да и не могъ понять самой идеи личности. Онъ зналъ только идею рода, идею отчества, т. е. идею при-

надлежности лица извѣстному отцу или роду, идею полной зависимости лица отъ своего родства, вообще идею его дѣтства, а не идею его свободы и самостоятельности. Для него независимая личность получала смыслъ личности *гулящей*, какъ и назывались вольные люди, которые такъ сказать выпадали изъ родоваго круга, т. е. изъ круга, извѣстной зависимости или принадлежности къ тому или другому общественному разряду жизни.

Идея родовой зависимости построила по своему образцу и всѣ эти общественные разряды, всякую другую зависимость, всѣ общественныя отношенія лица, весь общественный нашъ бытъ, такъ что древне-русское общество въ существенномъ и непосредственномъ смыслѣ есть собственно не *общество*, а *родство*, ибо его общее, его идея заключалась въ идеѣ рода, а не въ идеѣ независимой личности. Вотъ почему и древній нашъ бытъ очень основательно называется родовымъ бытомъ.

Но, говорятъ, у насъ не было родоваго быта, а былъ общинный бытъ, слѣд. и общественныя отношенія устроивались по другому, т. е. общинному началу; слѣд. не только мужчина, но и женщина пользовалась правами личности самостоятельной и независимой; ибо чтожъ такое община, какъ не совокупность болѣе или менѣе обособленныхъ, самостоятельныхъ, равноправныхъ независимыхъ личностей. Дѣйствительно, понятіе объ общинѣ не допускаетъ иныхъ представленій въ отношеніи устройства общежитія, въ отношеніи характера общественности; общее, значитъ равное для всѣхъ; община значитъ равенство. Въ общинѣ, если она служитъ основою быта, невозможно представить себѣ какой либо иной порядокъ жизненныхъ отношеній, какъ не порядокъ равенства, равноправности всѣхъ частей этого *общаго* цѣлаго. Все это такъ. Но одно необходимо помнить, именно: какую силу представляетъ каждая часть этого общаго цѣлаго, въ чемъ заключается существенный смыслъ каждой части; какого свойства эта единица, которая служитъ основою, корнемъ всего цѣлаго; носитъ ли въ себѣ эта часть, эта единица, смыслъ отдѣльной обособленной личности, независимой личности человѣка, самого по себѣ; или она изображаетъ совсѣмъ иное свойство, носитъ въ себѣ совсѣмъ иной смыслъ, именно смыслъ человѣка не самого по себѣ, а какъ представителя или выразителя чего либо такого, въ чемъ его личность почитается за ничто, не имѣетъ ни малѣйшаго смысла и значенія. Община, какъ равенство вообще, можетъ вмѣщать въ себѣ такія состав-

ныя части, такія единицы, которыя хотя, по естественной необходимости, и будутъ лицами, но вовсе не будутъ представителями личности. Въ этомъ весь вопросъ. Наша древняя община была въ собственномъ смыслѣ общиною *родовъ*, или еще ближе общиною хозяйствъ, домовъ, дворовъ, а не общиною независимыхъ личностей. Чтобы уяснить себѣ справедливость такого заключенія, мы должны по необходимости остановиться на спорномъ вопросѣ о характерѣ и свойствахъ нашего древнѣйшаго быта. Въ настоящемъ случаѣ для насъ это необходимо по той причинѣ, что отъ уясненія этого вопроса вполнѣ зависитъ уясненіе вопроса: что такое было древне-русское общество и каково было положеніе въ немъ женской личности?

Люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ на существенный характеръ нашей допетровской исторіи будутъ, вѣроятно, согласны въ томъ, что въ древней русской жизни, домашней и общественной, съ особенною силою господствовало и управляло жизнію отдѣльныхъ лицъ патріархальное родительское начало, что оно въ значительной степени господствуетъ даже и теперь. Иначе конечно, и быть не могло, если непреложна та истина, что русская земля расплодилась по преимуществу первобытною силою нарожденія, если *родъ* былъ непосредственнымъ дѣятелемъ въ образованіи народной массы, если на самомъ дѣлѣ онъ былъ растительною органическою клѣточкою, основою строенія каждаго племени и всего народа, если наконецъ сама *община*, являлась только совокупностью этихъ родовыхъ клѣточекъ, совокупностью не отдѣльныхъ лицъ, а отдѣльныхъ хозяйствъ или дворовъ, въ которыхъ замкнулись отдѣльные роды или семьи. Мы пользуемся такимъ уподобленіемъ, предполагая яснѣе и нагляднѣе представить отношеніе такъ называемаго родоваго быта, къ быту такъ называемому, общинному.

Такой естественный, почти физическій ходъ народной жизни существовалъ вездѣ. Въ другихъ странахъ онъ еще въ незапамятныя времена подвергся различнымъ колебаніямъ и стороннимъ вліяніемъ и потому очень рано утратилъ свой первобытный обликъ, не оставивъ по себѣ слишкомъ замѣтныхъ слѣдовъ. У насъ, въ нашей исторіи, въ нашей жизни, сравнительно очень молодой, наоборотъ, такіе слѣды можно наблюдать даже въ настоящую минуту.

Родовой бытъ, какъ жизненное историческое начало, для многихъ является предметомъ ошибочной, даже нелѣпой, и къ тому

еще нѣмецкой теорія; а потому, не рѣдко предметомъ голословныхъ отрицаній и даже остроумныхъ шутокъ. Намъ кажется что отрицатели и порицатели родоваго быта ведутъ споръ собственно о словахъ. Они упрекаютъ противниковъ въ неопредѣленности будто бы понятій, заключающихся въ словахъ *родовой патріархальный* и стараются опредѣлить эти слова, какъ говорится, научно, т. е. исключительно книжнымъ путемъ, болѣ въ духѣ грамматическомъ, чѣмъ историческомъ, болѣе грамматическимъ именно смысломъ отрывочныхъ текстовъ, а не смысломъ самой жизни, разлитой въ общемъ составѣ древнихъ памятниковъ. Оттого они усердно ищутъ въ родовомъ бытѣ *учрежденій* съ одной стороны—политическаго, каково напр. государственное устройство, съ другой—юридическаго, въ законахъ и правахъ, и конечно ничего *учрежденнаго* въ этомъ смыслѣ не находятъ, вовсе забывая, что родовой бытъ не есть фактъ, а есть начало, стихія жизни, которая, какъ стихія, входитъ во всѣ факты проницаетъ ихъ, даетъ имъ свою окраску, формируетъ ихъ но сама ни гдѣ въ особое учрежденіе не воплощается. Само прилагательное: *родовой*—обозначаетъ только стихійное качество быта и вовсе не указываетъ какую либо учрежденную т. е. законченную его форму. Точно также и существительное *родъ*, вовсе не обозначаетъ какого либо учрежденія, т. е. искуственной какой либо формы, выработанной развитіемъ общества. Это, напротивъ, непосредственная, естественная форма человѣческой жизни, произведенная стихійною силою рожденія. Если же эта форма становится нормою, стихіею не только для домашнихъ, но и для общественныхъ отношеній народа, то замѣчая повсюду ея присутствіе, изслѣдователь съ полною основательностію можетъ и весь народный бытъ обозначить именемъ этой стихіи, именемъ начала, которое движетъ всѣмъ этимъ бытомъ.

Однакожъ отрицатели этого начала утверждаютъ, что „слово *родъ* значитъ собственно: *семья* и что поэтому у славянъ родоваго быта не было, а была *семья и община*, что Русская земля есть изначала *наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная* и *наиболѣе общественная* (именно общинная) земля" [1]. По смыслу нѣкоторыхъ лѣтописныхъ и другихъ свидѣтельствъ слово *родъ* дѣйствительно обозначаетъ также и семью и даже семью въ

[1] Соч. К. С. Аксакова, ч. I. Стр 92, 93, 124. и др.

тѣсномъ смыслѣ, на чемъ особенно настаиваютъ защитники *семейной* и общинной теоріи. Но иначе не могло и быть, потому что семья служитъ составною частью или же зерномъ рода: понятіе о родѣ неизбѣжно заключаетъ въ себѣ и понятіе о семьѣ. Семья служитъ съ одной стороны, подъ видомъ старшей семьи, его кореномъ, его основою, а съ другой, выражаетъ, подъ видомъ младшихъ семей, его размноженіе, его развѣтвленіе; семья, однимъ словомъ, относится къ роду, какъ частное понятіе къ общему. Не мудрено, что въ текстахъ эти понятія очень часто переходятъ одно въ другое, мѣшаются, и доставляютъ легкую возможность подыскать свидѣтельства, указывающія на тожество семьи и рода. Но чтоже изъ этого выходитъ? Что именно хотимъ мы опредѣлить, называя народный бытъ *семейнымъ*? Не слишкомъ ли широко, пространно, не слишкомъ ли обще такое опредѣленіе? Люди всегда жили, теперь живутъ и всегда будутъ жить семейно. Это неизмѣнное условіе человѣческаго быта, которое въ отношеніи характеристики быта у извѣстнаго народа, на извѣстной степени его развитія, ничего доказывать не можетъ. Словомъ „семейный“ обозначается именно тотъ тѣсный, или, вѣрнѣе, частный смыслъ жизни, который навсегда останется въ быту человѣчества, какія бы формы и порядки не принимало его развитіе: останется какъ естественный, физіологическій законъ жизни. Намъ кажется, что, говоря фразу: „русская земля была наиболѣе семейная“, мы въ историческомъ смыслѣ ровно ничего не обозначаемъ. Другое дѣло, если мы, не взирая на обыкновенный жизненный смыслъ этого слова, создадимъ собственное понятіе о семьѣ, придадимъ ей свойства и качества, какихъ она никогда не имѣла, именно свойства и качества кроткой и мирной славянской домашней общины и назовемъ эту общину славянскою семьею, въ отличіе отъ обыкновенной семьи, отъ семьи вообще. тогда, конечно, мы откроемъ дѣйствительно характеристическія черты въ нашемъ древнемъ народномъ быту и по необходимости назовемъ его *семейнымъ*. Оно отчасти такъ и случилось съ защитниками семейно—общиннаго быта славянъ.

„Рода у древнихъ славянъ не было, говорятъ они, а была *семья*. Семья эта была семья въ тѣсномъ смыслѣ. Въ устройствѣ ея *нѣтъ и признака родоначальническаго, патріархальнаго характера*. Напротивъ мы видимъ, что *всѣ члены въ ней имѣютъ голосъ въ вопросѣ собственности*. Это назвать родовымъ устрой-

ствомъ невозможно. Если бы общество было построено на основѣ родоваго, патріархальнаго быта, такъ, чтобы въ его устройствѣ находилось отраженіе этого быта, мы могли бы признать родовой бытъ основнымъ элементомъ, существующимъ въ народѣ (напримѣръ въ Китаѣ). Но когда предъ нами явленіе совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена подъ вліяніемъ общиннаго начала, какъ можемъ мы тутъ найти родовой бытъ?.... Что же вообще была славянская семья? Она была семья; но какъ скоро вопросъ становится общественнымъ, какъ напр. вопросъ о владѣніи (на землю право имѣла вся община), то она, стороною къ этому вопросу, становилась сама *общиною*. Какъ скоро встрѣчается другой общественный вопросъ народнаго совѣщанія, вѣча, она опять становилась *общиною* и отъ нея шелъ представитель: или старшій, или избираемый ею (какъ въ „Судѣ Любуши"). Кто изъ дѣтей отдѣлялся отъ *семьи* и жилъ отдѣльно, тотъ уже отрѣшался отъ *семьи* и не наслѣдовалъ ей, — семья сжималась въ числѣ. Съ другой стороны она могла расширяться по произволу, могла принимать въ свой составъ родившихся съ нею и даже постороннихъ, но въ этомъ случаѣ соединеніе дѣлалось относительно *хозяйства*; собственность не принадлежала всѣмъ принятымъ (вспомнимъ выморочное наслѣдство), но общимъ было *пользованіе имуществомъ*, во время котораго, въ распоряженіяхъ по имуществу, естественно имѣли голосъ не только члены самой семьи, но и всѣ и тѣ, кого она приняла въ составъ свой. Раздѣлъ же былъ всегда возможенъ, ибо постоянно дѣйствовала живая, свободная воля. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ семья являлась, какъ община, имѣли голосъ не только дѣти, не только семья собственно, но и другія лица, принятыя въ семью. Но здѣсь является вопросъ: при такомъ общинномъ значеніи семьи въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, гдѣ даже дѣти имѣли голосъ, не подрывается ли ея значеніе семейное, кровное? Нисколько, продолжаетъ семейная теорія. „*Семейное чувство* и *семейный бытъ* крѣпки были, крѣпки теперь и крѣпки будутъ у славянскихъ народовъ, пока они не утратятъ своей народности. На это доказательствъ такъ много, и прошедшихъ и современныхъ, что мы не считаемъ нужнымъ на нихъ указывать... *Семейное начало* конечно было твердо и въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ говоримъ, — и было твердо оно, какъ *начало чисто нравственное*; оно жило въ нравственной свободѣ, въ любви, въ

духѣ человѣка: оно было вполнѣ чисто у славянъ, ибо съ нимъ не связывалась выгода, ибо оно не нуждалось въ житейскихъ подпоркахъ. Да и кто мѣшалъ *семейной общинѣ* свободно и любовно исполнять волю отца? Изъ этого *объясненія* видимъ мы, какъ свято и нравственно понята была славянская семья, какъ всякій расчетъ былъ удаленъ отъ святаго семейнаго чувства (!). Чисто нравственная, чисто духовная сила *семейнаго начала* (каково оно у славянъ) всего болѣе ручается за существованіе, глубину и вѣковѣчную прочность онаго. А *чувство семейное* и *семейное начало*, повторяемъ, глубоко и неразрывно соединено съ существомъ славянина“ [1].

Вотъ основанія тѣхъ представленій о древнемъ нашемъ бытѣ, по которымъ этотъ бытъ именуется *семейно-общиннымъ*, и въ которыхъ сосредоточиваются всѣ доказательства и доводы его защитниковъ или отрицателей родоваго быта. Мы полагаемъ, что читатель замѣтитъ здѣсь несравненно болѣе теплой любви къ идеалу семейной общины у древняго славянина, чѣмъ основательнаго разъясненія существовавшей нѣкогда живой дѣйствительности; несравненно болѣе фантазіи и стало быть поэзіи, чѣмъ, разсудительной, хотя бы и суровой, прозы, разъясняющей существо дѣла. А дѣло это въ томъ, что все, что ни сказано здѣсь о семьѣ-общинѣ, именно объ общинномъ ея значеніи и характерѣ, должно относиться прямымъ и непосредственнымъ образомъ къ понятію не о семьѣ собственно, а о *хозяйствѣ*, именно о *дворѣ*: такъ что если вмѣсто слова *семья*, мы поставимъ слово *дворъ*, хозяйство, по древнему *господарство*, то получимъ совершенно правильное, вполнѣ соотвѣтствующее дѣйствительности представленіе о томъ, что именно намѣревалась выяснить общинная теорія. Ей необходимо было доказать, что *семья* славянская была не семьею въ обыкновенномъ смыслѣ, а была въ сущности необыкновеннымъ явленіемъ, она была *семья-община*. Такому значенію семьи вполнѣ соотвѣтствуетъ *дворъ*. Но почему семья, живущая во дворѣ, пріобрѣтаетъ это значеніе? Потому, что существо двора, его корень есть имущество, хозяйство-господарство; а хозяйство-господарство по естественной необходимости ведется, строится, наживается общими, совокупными усиліями, работами и заботами всѣхъ, живущихъ на этомъ хозяйствѣ; всѣ, стало быть, вносятъ свою

---

[1] Соч. К. С. Аксакова, I, стр. 92—93; сравн. также стр. 90 и 91.

долю труда въ общій оборотъ хозяйства; всѣ, стало быть, имѣютъ полное право и на свою долю пользованія общимъ хозяйскимъ имуществомъ. Изъ того же источника вытекаетъ и относительное равенство голосовъ въ общихъ дѣлахъ хозяйства двора; непререкаемое право *думы*, непререкаемое право *представительства* въ общихъ совѣщаніяхъ. Однакожъ всѣ эти права въ сущности есть простыя естественныя права семьи, по которымъ обыкновенно выходитъ, что отецъ обязанъ вскормить свое рожденіе, своихъ дѣтей, а взрослыя дѣти обязаны помогать отцу-кормителю, чтобы точно также и самимъ кормиться отъ семейнаго хозяйства; что отецъ необходимо всегда совѣтуется съ возрастными дѣтьми и родичами, а возрастные дѣти и родичи всегда убѣждены, что безъ ихъ думы и согласія онъ никогда ничего не предприметъ по общему для всѣхъ дѣлу. Все это были и есть непосредственныя права рожденія. Самая собственность, дворъ-хозяйство, носила въ своемъ смыслѣ туже идею кровнаго союза въ ея вещественномъ проявленіи, т. е. общемъ хозяйствѣ семьи. Дѣти, пріобрѣтая своимъ рожденіемъ право быть дѣтьми своего отца, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали право пользоваться отцовскою, а по крови, стало быть, и своею собственностію; они и дѣлили ее, когда они, какъ кровь семьи, считали необходимымъ разойдтись въ разныя стороны и зажить особною самостоятельною жизнію. Раздѣлялась кровь семьи, раздѣлялась и собственность семьи, какъ вещественное ея выраженіе.

Мы не думаемъ, чтобы къ идеалу такихъ отношеній могло удобно прилагаться понятіе объ общинѣ, а тѣмъ менѣе самое слово: община. Собственность, именно дворъ-хозяйство, придавала семьѣ лишь видъ общины. Эта община была только количествомъ родныхъ лицъ, жившихъ на одномъ хозяйствѣ. Внутри же, въ качествѣ союза этихъ лицъ, въ духѣ этой общины, жила создавшая ее идея кровнаго союза. По этой идеѣ и была построена внутренняя домашняя жизнь этой общины. Она въ полной силѣ господствовала внутри каждаго двора и ни подъ какимъ видомъ не допускала равенства лицъ, тамъ жившихъ, недопускала даже малѣйшей возможности такого равенства, самой мысли о немъ, что съ особенною силою и образностью выражалось всегда, напр. въ отношеніяхъ женатыхъ братьевъ, замужнихъ сестеръ, въ отношеніяхъ свекрови къ невѣсткѣ, въ отношеніяхъ золовокъ къ той же невѣсткѣ и т. п. Во дворѣ жила семья, слѣдовательно

тамъ жило естественное раздѣленіе людей на отцовъ и дѣтей, на старшихъ и младшихъ по крови. Какая же тутъ можетъ существовать община, т. е. равенство лицъ, правъ. Родитель по естественнымъ причинамъ становился главою и властителемъ своей семьи; въ его рукахъ сосредоточивалась патріархальная опека не только надъ дѣтьми, надъ своимъ рожденіемъ, но даже и надъ матерью этого рожденія, значеніе которой, какъ мы упоминали, всегда колебалось между значеніемъ главы семейства и значеніемъ его рожденія, т. е. его дѣтей. Предъ его лицомъ всѣ члены семьи были по самому существу дѣла малолѣтными. Не говоримъ о томъ, что сила его опеки и власти увеличивалась и развивалась пропорціонально безсилію или даже совершенному отсутствію опеки гражданской, въ собственномъ смыслѣ общественной, которую напрасно мы будемъ воображать въ обществѣ младенчествующемъ. Въ такомъ обществѣ, какимъ было и древне-русское, родительская опека замѣняетъ все то, чѣмъ обезпечивается свобода и нравственное и имущественное положеніе личности въ современномъ быту, всѣ эти государственныя, правительственныя, общественныя учрежденія и многочисленныя гражданскія охраны. Очень естественно, что по тойже самой причинѣ въ древне-русскомъ обществѣ родительское начало опеки выростало до размѣровъ, теперь намъ мало даже и понятныхъ.

Мы совершенно согласны съ утвержденіемъ семейно-общинной теоріи, что древне-русская „семья была семья въ тѣсномъ смыслѣ", но никакъ не можемъ согласиться съ другимъ ея утвержденіемъ, что въ устройствѣ этой семьи „нѣтъ и признака родоначальническаго патріархальнаго характера", что вообще у "древнихъ славянъ не было рода". Мы напротивъ, и тамъ именно, гдѣ эта теорія видитъ *семью-общину*, видимъ только одинъ родъ, не видимъ даже и семьи въ ея прямомъ и тѣсномъ смыслѣ. Понятіе о семейной общинѣ возникло у этой теоріи изъ представленія о собственности, о дворѣ-хозяйствѣ, на которомъ всегда и жила семья-община. Положимъ, что хозяйство заводилось и дворъ строился первоначально одною семьею, въ тѣсномъ смыслѣ семьею. Но такая семья никогда не оставалась замкнутою въ этомъ тѣсномъ смыслѣ; она тотчасъ развѣтвлялась и обыкновенно къ основному хозяйству сами собою прирастали другія новыя семьи: являлась община, пожалуй; но община родныхъ семей, община-*родня*, а въ простомъ смыслѣ

являясь *родъ*. Семья, по просту, разросталась въ родъ, т. е. въ кровную совокупность старшихъ и младшихъ семей, выроставшихъ на одномъ корню. Отецъ становился, уже дѣдомъ, прадѣдомъ, дѣти являлись уже внуками, правнуками. Этотъ новый типъ быта, не злоупотребляя словами, мы не можемъ называть семьею, а тѣмъ менѣе общиною. Нельзя называть такъ цѣлую совокупность семей, совокупность *родичей*, дѣтей рода, а не отца только, между которыми возникаютъ счеты и отношенія уже не семейные, а именно *родовые*. Самое имущество, дворъ, какъ корень матеріальнаго существованія семьи, пріобрѣтаетъ смыслъ имущества уже не семейнаго, а родоваго. Конечно, оно становится *общимъ* имуществомъ, но для кого? Лишь для одного кровнаго родства. Центръ тяготѣнія уходитъ уже къ роду, а не остается только въ семьѣ. Во дворѣ, на общемъ хозяйствѣ живетъ уже родъ, а не семья. Въ дѣйствительности такъ и было въ древней Руси. Дворъ именно былъ средою родоваго быта, выразителемъ родоваго устройства жизни, былъ экономическимъ, хозяйственнымъ типомъ рода [1]. Въ сѣверной, собственно въ Великой Руси и теперь часто встрѣчается, что во дворѣ живетъ цѣлый родъ, а въ древнее время этому способствовало множество причинъ, напр. самый поборъ дани съ двора, съ дыма, отъ плуга, отъ рала, слѣд. съ хозяйства или тоже съ двора, что, практически, должно было единить родство на одномъ мѣстѣ, принуждало жить въ одномъ дворѣ цѣлымъ племенемъ· „живяху кождо съ своимъ родомъ". Нельзя же полагать, чтобы наши далекіе предки не могли, какъ говорится, двухъ пересчитать, т. е., понять, какъ легче платить дань, съ семьи только или съ цѣлаго рода, когда основою дани была не душа, а хозяйство. Такимъ образомъ выраженіе лѣтописца: „живяху кождо съ своимъ родомъ", мы почитаемъ типическимъ, какъ для цѣлаго племени, такъ и для каждой его первоначальной единицы, т. е. для двора, для единичнаго хозяйства. Въ отношеніи пользованія общимъ, т. е. родовымъ имуществомъ, на чемъ собственно и построена семейно-общинная теорія, мы скажемъ, что самымъ выразительнымъ типомъ этого пользованія былъ нашъ княжескій рюриковскій родъ, для котораго русская земля была такимъ же

---

[1] Срав. превосходную статью г. Кавелина: *Мысли и замѣтки о русской Исторіи*, въ Вѣстникѣ Европы 1866 г., томъ II.

дворомъ-хозяйствомъ, какимъ былъ въ собственномъ смыслѣ дворъ-хозяйство для тогдашняго крестьянина. Періодъ княжескихъ междоусобій былъ собственно борьбою за это пользованіе общимъ имуществомъ, въ которой именно никакъ не могли помириться между собою стихіи или, пожалуй, взгляды, родовые и семейные; въ томъ состояла и самая борьба. Впослѣдствіи семейные взгляды побороли, а на семейномъ началѣ выросла и личность, къ чему конечно стремилась вся наша исторія. — Какъ бы ни было, но назвать княжескій *родъ* общиною по случаю общаго владѣнія и пользованія имъ русскою землею мы никакъ не сможемъ. Переходя къ частнымъ типамъ такого владѣнія и пользованія, мы еще меньше имѣемъ возможности обзывать ихъ общинами, ибо въ нихъ еще тѣснѣе сжималась стихія рода, чему сильно способствовалъ типическій видъ собственности, дворъ-хозяйство. Это хозяйство было общимъ, родовымъ; но кто собственно властвовалъ надъ этимъ хозяйствомъ, управлялъ имъ? Въ семьѣ управлялъ и властвовалъ родитель и тотъ же родитель властвовалъ и надъ родомъ. Община—родня, какъ совокупность живыхъ лицъ, само собою разумѣется, имѣла въ общихъ дѣлахъ хозяйства и голосъ, и права; но это былъ голосъ и права дѣтей, членовъ кровнаго союза, а не свободныхъ лицъ, членовъ союза общиннаго. Полагаемъ, что здѣсь существуетъ великая разница. Семья, какъ мы сказали, разросталась въ цѣлый родъ; она становилась пожалуй общиною семей, (хотя это общее представляло все одинъ и тотъ же типъ). Существенное же положеніе ея власти отъ этого нисколько не измѣнялось. Напротивъ, отъ размноженія семьи лицо родителя пріобрѣтало еще большее освященіе; онъ уже былъ не только отецъ, но и отецъ отцовъ, *родо*-начальникъ; затѣмъ все его *рожденіе* оставалось въ тѣхъ же естественныхъ отношеніяхъ дѣтства, малолѣтства къ *родо*-начальнику и въ отношеніяхъ старшинства и меньшинства между собою, смотря по восходящему или нисходящему порядку рожденія. Никакого равенства членовъ здѣсь быть не могло. Равенство или *общее* для всѣхъ было то, что всѣ были родня между собою, всѣ имѣли и голосъ и права родни, извѣстныя права. О самостоятельной личности здѣсь нельзя и думать. Здѣсь лицо не само себя представляло, а являлось представителемъ извѣстнаго старшинства или меньшинства по степенямъ рожденія. Самый *родо*-начальникъ вовсе не былъ представителемъ собственнаго лица, собствен-

ной своей личности, а представлялъ онъ лишь старшинство рожденія. Въ сущности это былъ олицетворенный родъ. Личное начало совсѣмъ изчезало въ идеѣ рода. Смутное представленіе объ этомъ именно отношеніи личности къ роду, о господствѣ чего-то *общаго*, вмѣсто *личнаго*, и понудило семейно-общинную теорію вообразить здѣсь, вмѣсто рода, общину. Теперь очень трудно войдти въ жизненный смыслъ понятій рода, въ эту родовую идею, трудно представить себѣ насколько въ самомъ дѣлѣ были крѣпки, совсѣмъ неразрывны эти узы рода и родства, вязавшія и путавшія личность на каждомъ шагу, во всѣхъ ея даже малѣйшихъ нравственныхъ движеніяхъ. Требовалось дѣйствительное, эпическое богатырство, чтобы вырваться изъ этихъ нравственныхъ узилищъ. Еслибъ эти узы были только семейныя, какъ должно называть ихъ по увѣренію отрицателей родоваго быта, тогда не объ чемъ было-бы и толковать. Въ характеристикѣ быта, какъ мы замѣтили, семейныя узы ничего не опредѣляютъ: онѣ въ такой же силѣ существуютъ и теперь, какъ существовали за нѣсколько вѣковъ и даже тысячелѣтій. Для личной жизни семейныя узы—необходимая нравственная сфера. Личность въ нихъ не пропадаетъ хотя и остается нѣкоторое время пассивною въ лицѣ дѣтей Другое дѣло именно узы рода и родства, т. е. распространеніе смысла и духа непосредственныхъ семейныхъ связей и отношеній на множество лицъ, составляющихъ уже не семью, а цѣлый родъ и въ иныхъ случаяхъ совсѣмъ постороннихъ старшей семьѣ, напр. въ лицѣ зятьевъ и невѣстокъ. Здѣсь личность совершенно теряется въ сплетеніяхъ родоваго старшинства и меньшинства и, подчиненная счетамъ этихъ сплетеній никогда не пользуется самостоятельнымъ независимымъ положеніемъ. Такую связь людскихъ отношеній мы не можемъ называть только семейною, а тѣмъ еще меньше общинною. Эта связь въ прямомъ и точномъ смыслѣ родовая.

Такимъ образомъ, намъ кажется, что отрицатели и порицатели родоваго быта ведутъ споръ только о словахъ. Они говорятъ, что рода не было, а была *семья*, что было *семейное чувство, семейное начало* (жизни), какъ начало чисто нравственное что *семейная община* любовно исполняла волю отца и т. д. Со всѣми такими утвержденіями мы согласны вполнѣ. Семейное чувство, семейное начало жизни мы почитаемъ нравственною стихіею древнерусскаго быта, основою всѣхъ его жизненныхъ

движеній. Мы только, желая вѣрнѣе и точнѣе обозначить свойства этого быта, именуемъ его не семейнымъ, а родовымъ, и въ той семьѣ, какую изобразила намъ общинная теорія, видимъ родъ, въ семейномъ чувствѣ—именно родовое чувство; въ семейной общинѣ—родовую общину или общину-родню. Семьею мы именуемъ семью въ тѣсномъ, т. е. въ ея собственномъ, прямомъ смыслѣ, не почитая умѣстнымъ переносить этотъ смыслъ на новый своеобразный порядокъ жизни, для обозначенія котораго существуетъ свое, ему именно принадлежащее слово. Родъ есть семья семей, что, конечно, не одно и тоже съ семьею въ обыкновенномъ смыслѣ. Оттого родъ есть въ тоже время и община съ правами извѣстнаго равенства и представительства, какія всегда неизмѣнно принадлежали роднѣ. Родовое чувство, *родовое* начало, управлявшее нашимъ старымъ бытомъ, есть въ сущности родовая идея, которая была творцомъ нашего единства, нашей народной силы, творцомъ всѣхъ нашихъ народныхъ добродѣтелей и всѣхъ нашихъ народныхъ напастей, государственныхъ и общественныхъ.

Но была же, однако, община въ древней Руси? Дѣйствительно была и дворъ, этотъ неизбѣжный сосудъ родоваго быта, своею *внѣшнею* стороною, тою стороною, что онъ есть собственность или часть общей земской собственности, является единицею общиннаго быта. Дворъ былъ жилищемъ для семьи-рода, онъ же былъ земскимъ имуществомъ, частью земли, на которой сидѣло племя: въ этомъ послѣднемъ своемъ значеніи онъ и является единицею новыхъ отношеній того же племени, онъ тянетъ къ общимъ дѣламъ земли.

Сидѣнье племени на одной землѣ, владѣнье угодьями этой земли, общее *тягло* на защиту или въ дань, какое неизбѣжно являлось отъ сидѣнья-владѣнья на той землѣ.—все это само собою становилось общимъ дѣломъ земли и создавало общинную жизнь.

Въ общихъ земскихъ дѣлахъ кто же долженъ былъ принимать участіе въ общемъ тяглѣ, какъ не хозяинъ земской же единичной собственности, единичнаго хозяйства, частнаго, особнаго сидѣнья на землѣ, особнаго пользованія ея угодьями? Дворъ былъ выразителемъ этой особности. А кто былъ выразителемъ двора? Конечно его хозяинъ, большой. Большимъ же былъ отецъ или *родо*-начальникъ и никто другой, т. е. въ собственномъ смыслѣ старшій, большой по крови. Такъ было и иначе быть не могло. Идея отца или родоначальника не умирала; въ одныхъ

только ея рукахъ соблюдалась власть во дворѣ-хозяйствѣ. Умирало лицо — т. е. отецъ, но идея была безсмертна: въ отца мѣсто вступалъ старшій, большой изъ оставшихся въ живыхъ. Этотъ старшій всегда и былъ выразителемъ жившаго во дворѣ *рожденія*; естественно, что онъ же всегда былъ и выразителемъ двора, какъ особнаго земскаго имущества. Но что же собственно выражалъ онъ въ глазахъ земщины? Для нея выражалъ онъ только особное имущество, только дворъ, въ которомъ жило его рожденіе своимъ особнымъ хозяйствомъ. Земская община, это общее сидѣнье на землѣ, корнемъ своихъ отношеній ничего другаго не могла признавать, какъ ту же землю, т. е. недвижимое имущество, иначе пользованіе землею. Изъ этого корня выростало извѣстное равенство всѣхъ членовъ земщины. То есть какихъ же членовъ? Именно частныхъ, особныхъ владѣльцевъ земли, какими были не лица собственно, а дворы-хозяйства. Лицо здѣсь изчезало въ понятіи земской собственности, такъ какъ внутри двора оно изчезало въ сплетеніяхъ кровной связи. Для земской общины нуженъ былъ лишь хозяинъ, представитель своего особнаго имущества, но не представитель собственнаго лица. На особомъ хозяйствѣ могла жить одна семья могли жить нѣсколько семей, цѣлый родъ, со многими домочадцами; но для земской общины всѣ лица, жившія при хозяинѣ т. е. жившія на особомъ земскомъ хозяйствѣ, не имѣли значенія и никакого смысла. Для нея смыслъ заключался въ одномъ лишь хозяинѣ этого хозяйства или въ тѣсномъ и непосредственномъ смыслѣ въ самомъ хозяйствѣ съ его представителемъ. Такимъ образомъ земская община, было ли то въ деревнѣ, в городѣ, въ цѣлой области, являлась въ существенномъ своем смыслѣ общиною хозяйствъ, а не людей, именно общиною дворовъ, совокупностью хозяевъ домовладыкъ, какъ представителе частныхъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ ней лицо разсматривалос лишь съ имущественной земской точки зрѣнія, съ точки зрѣні владѣнья землею, сидѣнья на общей землѣ. Ясно, что здѣсь н было мѣста для нравственныхъ опредѣленій личности, для личности самой по себѣ, для свободной личности въ нравственном ея значеніи и смыслѣ, а слѣд. не было и нравственнаго раве ства лицъ. Здѣсь существовало одно только имущественное р венство лицъ; здѣсь людей—хозяевъ, равняло лишь имущество, не нравственное достоинство человѣка. Здѣсь не видѣлось да пути для выработки *личной* нравственной, а вмѣстѣ съ нею юр

личеекой и политической свободы, по той причинѣ, что не личная свобода, а земское имущество составляло здѣсь почву для дѣйствій каждаго члена. Здѣсь наиболѣе независимое положеніе, собственно не свободное, а своевольное, личность могла пріобрѣсти лишь посредствомъ богатства, посредствомъ большаго имущества, сравнительно съ другими, т. е. въ существенномъ смыслѣ здѣсь получало наибольшую свободу дѣйствій и относительную независимость одно лишь богатое имущество. Земская община въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи всегда и выработывала только аристократію богатства, всегда выдѣляла нѣсколько богатыхъ, а потому какъ бы аристократическихъ родовъ (опять таки не лицъ), которые обыкновенно и заправляли всѣми движеніями общины, опредѣляли и выражали ходъ ея исторіи. Не личность своею нравственною и политическою свободою, своими нравственными и политическими правами давала смыслъ такой общинѣ, а богачь своими имущественными средствами. Имущество было основою и главною цѣлью нашей древней общины, имущество же должно было преобладать въ ней и порабощать себѣ всѣ другіе интересы. Оно должно было представлять и всегда представляло *душу* общины. Пластическое доказательство такого именно значенія нашей древней общины представляетъ знаменитая Новгородская община. Никто не станетъ сомнѣваться, что развитіе Новгорода, какъ общины, началось съ той же первородной клѣточки, какая создавала общину по всей землѣ, именно съ двора-хозяйства, съ общины деревенской. Уже въ незапамятныя для исторіи времена эта община является политическою силою. Она же и начинаетъ нашу исторію призваніемъ варяговъ. Мы видимъ, что варяги понадобились именно для того, чтобы побороть зло, которое по неизбѣжнымъ общиннымъ же причинамъ народилось въ общинѣ. Исторія открывается тѣмъ, что жизнію общины владѣютъ и управляютъ *роды*: „и вста родъ на родъ"; что варяги призываются противъ этого владѣнья и управленья. Какіе же это *роды*? Да тѣже, которые владѣютъ и управляютъ Новгородской жизнію во всю послѣдующую исторію, *передніе*, богатые и потому *знатные* роды. Исторія черезъ *шесть сотъ* лѣтъ оканчивается тѣмъ, что такіе же роды и по такимъ же причинамъ призываютъ новаго Рюрика—Московскаго государя. Что же выработано въ 600 лѣтъ? Все тоже, что и въ остальной Русской землѣ. Выработано вотчинное право, котораго различіе заключалось лишь въ формѣ его политическаго представительства. Въ

южной Руси это представительство выражалось въ цѣломъ княжескомъ родѣ; въ сѣверо-восточной стало выражаться въ одномъ лицѣ, государѣ-вотчинникѣ; въ Новгородѣ оно выражалось въ общинѣ-городѣ; вотчинникомъ былъ городъ, который въ этомъ именно смыслѣ и сталъ потомъ называть себя также *государемъ*. Въ сущности же вотчинникомъ были родовитые, знатные и богатые его дворы. Это повсюду было сверху; а внутри, въ глубинѣ жизненныхъ отношеній, все оставалось одинаковымъ. Смердъ вездѣ оставался смердомъ; и вездѣ шла подземная борьба меньшихъ людей съ большими. Родъ, какъ нравственная сила, всюду господствовалъ и притѣсналъ личность. Свобода личности не была вовсе мыслима, ни въ вотчинѣ государской, ни въ общинѣ народной, хотя бы и новгородской. Вершиною новгородской свободы было своеволіе меньшинства (богатыхъ родовъ) или своеволіе большинства, бѣдныхъ, меньшихъ родовъ, вообще своеволіе силы. Между этими двумя видами общинной свободы и колебалась вся новгородская исторія, до своего конца. *Уравнителемъ* такихъ свободныхъ движеній жизни и въ народной общинѣ и у себя въ отчинѣ является все тотъ же Рюрикъ, государь вотчинникъ, представитель личнаго начала, а слѣдовательно и будущій освободитель личности.

Въ самой Москвѣ, когда она устроилась окончательно въ государскую вотчину, мало по малу стало обнаруживаться тоже самовластіе большихъ родовъ надъ всею землею; но здѣсь оно встрѣтило кровавый отпоръ въ лицѣ Грознаго, безъ всякой пощады истреблявшаго этотъ ветхій духъ родоваго своеволія.

Такимъ образомъ наша древняя община ничего не выработала, да и не могла ничего выработать для нравственнаго и соціальнаго освобожденія личности. Она ничего не выработала даже и для матеріальнаго ея освобожденія, ибо новгородская община, какъ община имущественная, вовсе не мыслила однакожъ о равенствѣ, напр. о равномъ распредѣленіи земской собственности между всѣми членами общины. У ней, какъ и въ господарской вотчинѣ, земская собственность была раздѣлена слишкомъ неравномѣрно; у ней, какъ и въ господарской вотчинѣ, существовало только равенство правъ на землю, т. е. на пользованіе землею для каждаго плательщика даней, а это составляло первозданную стихію русской народной жизни по всей русской землѣ. Эта-то стихія и сохранила русскій народъ отъ всѣхъ историческихъ и всякихъ вражескихъ напастей; она же

создала и государство, именно какъ охрану и защиту отъ тѣхъ напастей.

Какъ бы ни было, но земская община, даже въ своемъ роскошномъ цвѣтѣ, въ политической своей формѣ, какою были Новгородъ, Псковъ, Вятка, не въ силахъ была высвободить личность и создать для нея равенство правъ нравственныхъ и соціальныхъ. въ чемъ заключается все существо дѣла.

Бытъ народа мы называемъ *общиннымъ*, желая совсѣмъ устранить другое его опредѣленіе: *родовой*, какъ противорѣчащее нашему представленію о существѣ общинной идеи. Но чего же мы ищемъ въ этомъ опредѣленіи и что именно хотимъ въ немъ обозначить. Народный бытъ выражаетъ себя и реально, въ извѣстныхъ формахъ; и не реально, одними идеями, которыя незамѣтно имъ движутъ, дѣйствуютъ въ немъ, и которыя всегда гдѣ-то скрываются отъ нашихъ глазъ; стало быть и характеръ народнаго быта можно опредѣлять реальными обозначеніями, вѣрнѣе сказать *дѣловыми*, и идеальными, иначе нравственными. Бытъ земледѣльческій, военный, торговый, промышленный, казацкій, охотничій и т. д., все это будутъ обозначенія реальныя, дѣловыя, обозначенія *дѣла*, какимъ занимается народъ. Мы думаемъ, что и бытъ общинный есть неболѣе, какъ только общее, какъ бы материковое обозначеніе, однихъ лишь реальныхъ, дѣловыхъ отношеній народа. Община вообще значитъ связь людей на общемъ дѣлѣ; община земская означала связь людей по землѣ, собственно связь земли, — связь народа, какъ земли, т. е. какъ реальной сущности народныхъ отношеній. Другаго смысла община не могла имѣть, ибо зачаткомъ ея было всегда представленіе о человѣкѣ въ его имущественномъ положеніи. Община выражала лишь связь имущественныхъ, слѣд. матеріальныхъ отношеній, неболѣе.

Ошибочное представленіе объ общинѣ заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что ее почитаютъ связью отношеній нравственныхъ, о чемъ она сама, какъ мы говорили, никогда не думала, да и до сихъ поръ не думаетъ. Между тѣмъ при опредѣленіи бытоваго начала важны лишь одни отношенія нравственныя, которыя всегда и составляютъ основный узелъ народной жизни и управляютъ ходомъ ея развитія. Народъ выражаетъ свой бытъ многими формами и одна изъ такихъ формъ есть община, какъ есть другая существующая рядомъ съ нею, вотчина; какъ есть третья—семья, и т. п.; все это только

формы. Но гдѣ же идея, общая всему быту, гдѣ нравственная сила, управляющая всѣми формами, гдѣ этотъ духъ, проникающій всякую форму и весь бытъ вообще? Общій характеръ народныхъ нравственныхъ связей и отношеній долженъ, по нашему мнѣнію, раскрываться ближе всего въ отношеніяхъ сожитія или *обще-житія*, въ той сферѣ, которую мы теперь обозначаемъ словомъ *общество*, общественность, т. е. въ сферѣ людскихъ отношеній, независимо ни отъ какихъ частныхъ, случайныхъ опредѣленій и формъ быта, обозначающихъ то или другое положеніе личности, и вовсе не обозначающихъ основной силы или стихіи личныхъ отношеній.

Какъ и на чемъ построены были отношенія общежитія—вотъ существенный вопросъ и вотъ гдѣ настоящее мѣсто нашимъ разсужденіямъ объ общемъ характерѣ народнаго быта. Потемнѣніе и путаница нашихъ понятій о характерѣ нашего древняго быта происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что мы смѣшиваемъ идею общины съ идеей общества, вообше смѣшиваемъ понятія о формахъ быта съ понятіями о его началахъ.

Фундаментомъ общины, основнымъ ея камнемъ было не лицо, не нравственная личность, а извѣстная матеріальная доля того матеріальнаго общаго, которое, какъ общая выгода, связывало людей. Лицо въ этомъ случаѣ было только юридическимъ представителемъ своей матеріальной доли, — и въ существенномъ смыслѣ всегда разсматривалось съ точки зрѣнія чисто матеріальной, съ точки зрѣнія годности или негодности для выраженія того матеріальнаго цѣлаго, котораго долю оно изображало. Во владѣніи землею--хорошій плательщикъ или пособникъ общимъ земскимъ дѣламъ, напр. защитѣ отъ враговъ и т. п.; въ торговлѣ--капиталъ, въ промышленности или въ ремеслѣ—умѣнье; словомъ сказать въ общинѣ, не исключая ни какую дружину, ни какую артель, — личность цѣнилась лишь со стороны прямаго пособничества тому дѣлу, которое соединяло людей. Нравственная сфера, какъ и нравственный смыслъ лица здѣсь были въ сторонѣ, не были главною руководящею силою. Лицо здѣсь имѣло земскій, торговый, промышленный смыслъ, но не нравственный. Общество наоборотъ всю силу полагаетъ въ нравственномъ смыслѣ человѣческой личности. Здѣсь фундаментомъ, основнымъ камнемъ лежитъ нравственное значеніе личности. И само собою разумѣется, что нравственная постройка общества вполнѣ зависитъ отъ того, какъ понимается это нрав-

ственное значеніе личности, т. е. въ чемъ оно заключается. Извѣстно, что нравы общества съ теченіемъ времени измѣняются, а вмѣстѣ съ ними измѣняется и воззрѣніе на нравственный смыслъ личности. Можно сказать, что каждый вѣкъ что-либо дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, каждый вѣкъ выработываетъ какую либо долю общаго сознанія о существѣ нравственной личности человѣка, т. е. о существѣ человѣческаго достоинства. Какъ же понималъ и какъ сознавалъ это достоинство нашъ русскій древній вѣкъ? Каково было наше древнее *общество*, какова была наша древняя общественность, эта дѣйствующая нравственная сила народнаго развитія, эта нравственная система или нравственный складъ житейскихъ отношеній? Какая нравственная сила служила основаніемъ нашему древнему обществу? изъ какой органической клѣточки образовалось русское общество?

Мы уже говорили что органическою клѣточкою нашего допетровскаго общественнаго быта былъ родъ, что родительское, патріархальное начало управляло всѣмъ ходомъ нашей допетровской жизни.

Но что же такое было это родительское, патріархальное или родовое начало жизни? Это было начало или *стихія родительской опеки*, стихія *старшей воли*, идеаломъ которой было родовое старшинство. Это старшинство одно почиталось выше всякихъ другихъ достоинствъ человѣка, оно одно и было главнымъ, начальнымъ достоинствомъ человѣческой личности. Родительская опека съ идеаломъ родоваго старшинства существовали и существуютъ вездѣ, но не вездѣ они становились стихіею жизни. У насъ не только семья и родъ, что очень естественно и обыкновенно, держались крѣпко и твердо стихіею родительской опеки; но ею же держалось все общество, ею же строилось наше государство, ею выработалась и эта необычайная государственная плотность и стойкость народа.

Родительская опека была исключительною силою нашего развитія. Она проникала всюду и все подчиняла своимъ воззрѣніямъ. Это былъ нашъ нравственный и политическій бытовой воздухъ, которымъ мы жили, дышали, въ теченіи всей нашей исторіи. Это было начало началъ нашего развитія, такое крѣпкое начало, по которому русскій народъ даже и до сихъ поръ понимается и ведется, какъ малолѣтокъ, недоросль, требующій

на всякомъ шагу, во всѣхъ его жизненныхъ стремленіяхъ и движеніяхъ, неусыпныхъ заботъ и попеченій родительскихъ.

Самою лучшею и наиболѣе вѣрною характеристикою основныхъ началъ народнаго быта всегда служитъ *власть*. Мы не говоримъ о власти въ ея тѣсномъ смыслѣ, о власти только политической, государственной, верховной; мы говоримъ о власти, какъ о стихіи народнаго и именно общественнаго развитія; о власти, которою живетъ и держится не государственное устройство, а устройство и связь самого общества, о власти, господствующей именно въ народномъ быту.

Власть, какъ извѣстно выработывается съ большимъ трудомъ и съ великими жертвами. Сама исторія каждаго народа есть ничто иное, какъ выработка болѣе или менѣе правильной власти. Свойство и характеръ власти, дѣйствующей въ быту народа, обрисовываетъ свойства и характеръ самаго быта. Для уясненія характера и свойства не политической только, а вообще бытовой власти, необходимо выразумѣть: какъ сознаетъ себя въ обществѣ властный человѣкъ, не только тогда, когда онъ становится дѣятелемъ власти, но и въ томъ случаѣ когда онъ является только членомъ общества; и потомъ, какъ понимаетъ себя въ томъ обществѣ человѣкъ безвластный, зависимый отъ власти.

Если общество сложилось путемъ завоеванія, слѣд. вообще путемъ наиболѣе сильнаго обособленія личности, то понятно, что и характеръ его власти будетъ совершенно иной, чѣмъ въ обществѣ, которое сложилось путемъ нарожденія. Властныя, общественныя и личныя, отношенія перваго будутъ стремиться опредѣлить себя юридически, разгородить себя, т. е. свои отношенія отчетливо и ясно, необходимыми правами и обязанностями, отчего и характеръ власти выразится опредѣленнѣе и рѣзче, а потому, быть можетъ, суровѣе и безпощаднѣе.

Въ такомъ обществѣ власть развивается и утверждаетъ себя идеею права, идеею закона или вѣрнѣе, идеею строгой опредѣленности и разграниченности жизненныхъ отношеній. Въ этомъ заключается все ея существо. Само собою разумѣется, что такое начало власти прямымъ путемъ ведетъ къ выработкѣ болѣе точныхъ и болѣе опредѣлительныхъ понятій о независимой личности человѣка, выдвигаетъ *личность* на первый планъ, и въ исторіи, и въ повседневныхъ частныхъ дѣлахъ жизни. По этому-то пути прошло развитіе западныхъ обществъ, съ самой ран-

ней эпохи поставившихъ личность выше всякихъ другихъ опредѣлeній.

Наше древнее общество, какъ мы упомянули, сложилось путемъ непосредственнаго распространенія рода, путемъ непосредственнаго нарожденія, безъ участія какихъ либо пришлыхъ, чуждыхъ ему элементовъ. Варяжское завоеваніе распустилось въ нашемъ быту, какъ капля въ морѣ, почти не оставивъ слѣда. Своеобразная сила нашего быта была такъ велика, что самая реформа и можно сказать революція Петра оказалась во многомъ совершенно безсильною. Естественно, что характеръ, существо и свойство нашей русской власти вполнѣ должны были выразить существо самаго быта. Существомъ нашего быта, единственнымъ и вполнѣ непосредственнымъ его источникомъ, единственною и непосредственною его силою былъ *родъ*. Поэтому наша древняя власть была власть по преимуществу родовая. Гдѣ бы и въ какой бы формѣ она не возникала, она вездѣ и всегда была властью отеческою со всѣми своими свойствами, съ одной стороны, съ непомѣрною жестокостью безотчетнаго произвола, предъ лицемъ котораго не могло существовать даже и малѣйшихъ понятій о какомъ либо правѣ; а съ другой, съ тою любовною родственностью въ отношеніяхъ, которая всегда ставила ее въ непосредственныя родственныя, братскія отношенія къ подвластной средѣ. Такими свойствами нашей власти и самаго быта опредѣляется и особенное своеобразіе нашей исторіи. Въ западномъ обществѣ въ основу бытоваго развитія, а слѣдоват. и въ основу бытовой власти легли отношенія завоевателей, дружинниковъ или собственно право сильнаго, слѣд. право личное. Тамъ властныя отношенія и властный человѣкъ всегда, вездѣ и во всемъ руководились этою основною идеею своей жизни; властный человѣкъ всегда и вездѣ понималъ себя, чувствовалъ себя, какъ побѣдитель; подвластный понималъ и чувствовалъ себя, какъ побѣжденный. Оба чувствовали себя *чужими* другъ другу и на этой идеѣ установляли свои отношенія. Бытовою связью людей руководило тамъ по преимуществу право,—законъ. У насъ, на оборотъ, всякое движеніе жизни, всякое бытовое отношеніе, и всю бытовую связь людей одухотворялъ смыслъ рода. Все наше общество по духу своей внутренней жизни представляло одну громадную совокупность *родни*, гдѣ не было и немогло быть членовъ, строго разграниченныхъ своими правами. По этому у насъ всѣ общественные разряды людей или ихъ

отношеній, напр. сословія, сливались можно сказать органически въ какую то общую, жизненно-цѣльную массу, так что трудно указать, гдѣ собственно начинается и гдѣ оканчивается тотъ или другой разрядъ. Все по своему духу сливалось въ одинъ жизненно—цѣльный организмъ рода. И такъ какъ родъ разграничиваетъ людей только по *рожденію*, т. е. по лѣствицѣ физическаго старшинства, то очевидно, что въ этомъ организмѣ всѣ частицы должны были распредѣлять и различать свои отношенія только въ мѣру такого старшинства. Такъ наши старые предки и понимали себя, и разверстывали по этому смыслу всѣ свои бытовыя отношенія. Старшіе, т. е. почему либо властные, идеализировали себя или свое общественное положеніе характеромъ отцовъ, свою власть характеромъ власти отеческой; младшіе, т. е. подвластные въ какомъ бы ни было смыслѣ, идеализировали свое положеніе характеромъ дѣтей, вообще малолѣтныхъ, несовершеннолѣтнихъ. Смыслъ такихъ именно, а не другихъ житейскихъ отношеній высказывался всюду, во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ обстоятельствахъ, во всѣхъ частныхъ и общихъ случаяхъ, съ эпическою первозданною наивностью, которая очень наглядно обнаруживала, какъ еще глубоко и широко лежали въ общественной почвѣ корни быта доисторическаго.

Если западный властный человѣкъ, въ средній вѣкъ своей исторіи, смотрѣлъ вездѣ побѣдителемъ, завоевателемъ; смотрѣлъ на подвластную среду, какъ на свое завоеваніе; то нашъ властный человѣкъ даже и до сихъ поръ смотритъ отцомъ—опекуномъ, смотритъ на подвластныхъ или вообще на меньшихъ, подчиненныхъ, какъ на малолѣтныхъ, несовершеннолѣтнихъ, недорослей въ общественномъ смыслѣ и никогда не думаетъ, какъ думалъ Петръ Великій, что онъ прежде всего только первый, передовой слуга обществу; а напротивъ, всегда убѣжденъ, подобно царю Алексѣю Михайловичу, что для управляемаго общества онъ отецъ—опекунъ, что его обязанности къ обществу, равно какъ и права, суть обязанности и права отеческія, опекунскія, а не гражданскія. Въ этомъ-то заключается все глубокое, коренное различіе нашего востока отъ европейскаго запада; отсюда и различіе исторіи, культуры, всей жизни, со всѣми ея понятіями и движеніями.

Строгое разграниченіе правъ побѣдителей и побѣжденныхъ на западѣ, это отчетливое пониманіе, чувствованіе себя чужими

другъ другу, совершенное отсутствіе въ бытовыхъ общественныхъ отношеніяхъ понятій *родни*, поставило тамошнее общество, какъ говорится, на ножи; но вмѣстѣ съ тѣмъ повело къ выработкѣ такихъ же строгихъ, точныхъ и до мелочей отчетливыхъ опредѣленій равноправности и полноправности человѣческой личности вообще; повело къ ученію и практическому водворенію идеи о правахъ человѣка, какъ человѣка, независимо отъ его случайныхъ, т. е. родовыхъ, политическихъ или общественныхъ опредѣленій: однимъ словомъ выдвинуло на первый планъ бытовыхъ отношеній достоинство человѣческой личности, эту коренную и неизмѣнную силу человѣческаго развитія. Къ той же цѣли мы должны были идти инымъ путемъ. Родовой духъ, управлявшій нашимъ развитіемъ, по свойству и характеру собственнаго своего начала, препятствовалъ строго и точно разпредѣлить или разграничить возникавшія у насъ права и бытовыя отношенія; онъ сливалъ все въ одну нераздѣльную массу родства. Личность въ строгой опредѣленности своихъ правъ была для него явленіемъ совершенно непонятнымъ. Онъ понималъ личность только, какъ извѣстное *рожденіе*, старшее, или младшее, но не болѣе какъ *рожденіе*. Для него личность служила только выразителемъ извѣстнаго рода, отечества. Она опредѣлялась только правами родовыми, а не личными.

Державшееся родовымъ духомъ наше общество въ своемъ соціальномъ развитіи ничего другаго не могло и выработать, какъ одно плотное, жизненно—связное единство. Такимъ образомъ, къ соціальному единству мы шли черезъ *родъ*, въ то время, какъ западное общество шло къ нему же черезъ *личность*. Тамъ община являлась совокупностью независимыхъ другъ отъ друга равноправныхъ личностей, у насъ совокупностью родни. Тамъ въ жизни господствовала идея личности, у насъ идея родни, иначе идея дѣтской зависимости.

Общество, если обозначимъ этимъ словомъ такъ называемый *свѣтъ* или по старому *міръ*, т. е. существо и складъ людскаго общежитія, людской общительности и общественности,—вверху какъ и внизу, во всѣхъ своихъ сферахъ и видахъ, основою своихъ отношеній кладетъ всегда извѣстное достоинство личности, извѣстную *честь* лица, разумѣя въ этомъ совокупность личныхъ или другихъ какихъ качествъ, наиболѣе уважаемыхъ, и наиболѣе цѣнимыхъ въ человѣкѣ. Словомъ сказать, всякое общество всегда живетъ идеаломъ хорошаго человѣка, понимая и

рисуя этотъ идеалъ подъ условіемъ своего развитія, своего времени, своего гражданскаго положенія, своихъ началъ жизни. Западная средневѣковая личность искала такой идеалъ сама въ себѣ, въ своихъ собственныхъ доблестяхъ, въ высотѣ собственнаго своего достоинства, ставила цѣлью своихъ идеализацій самое себя, свою индивидуальность. Рыцарь не потому становился рыцаремъ, что его посвящали въ это званіе, а потому именно, что личными качествами и доблестями онъ вполнѣ достоинъ былъ этого посвященія, воплощалъ собою идеалъ достойнаго человѣка.

У насъ, наоборотъ, идеалъ хорошаго, достойнаго человѣка личность искала не въ самой себѣ, а въ своемъ *отечествѣ*, въ своемъ родѣ, именно въ своемъ родовомъ старшинствѣ. По нашимъ старымъ понятіямъ человѣкъ почитался въ обществѣ достойнымъ не потому, что на самомъ дѣлѣ высокъ былъ своими нравственными или умственными качествами или какими заслугами и доблестями, а прежде и первѣе всего потому, что высокъ былъ своимъ родовымъ старшинствомъ, т. е. старшинствомъ своего рода или старшинствомъ въ своемъ родѣ. Покрайней мѣрѣ такъ, а не иначе, думало объ этомъ общежитіе, такъ понимала личное достоинство наша старая общественность. Мѣсто въ обществѣ человѣку указывали его родъ, его отечество, а не личныя таланты или доблести.

Общественное значеніе личности лучше всего конечно характеризуется понятіями о личной чести. Рыцарская честь строго и щекотливо охраняла именно неприкосновенность личности, придавала личности высокій нравственный смыслъ и всегда была готова поддерживать этотъ смыслъ съ рѣшимостью Донъ Кихота. Честь рыцаря лежала въ идеѣ собственнаго его достоинства. Напротивъ, честь русской личности лежала въ идеѣ достоинства ея рода или ея отечества. Русская боярская честь, т. е. самая развитая и высокая по общественному положенію, съ такимъ же донкихотствомъ ставила личность подъ батоги (палки), кидала въ тюрьму, кидала подъ столъ за царскимъ обѣдомъ, подвергала ее жестокой царской опалѣ и все это дѣлала съ единымъ стремленіемъ охранить неприкосновенность своего рода или отечества [1]. Лицо здѣсь было только средствомъ, орудіемъ для охраненія и возвышенія представленій о чести рода.

---

[1] Самое слово *честь* родственно съ словомъ отецъ и безъ сомнѣнія отъ него происходитъ. *Чтить* образовалось изъ *отчить*, относиться къ человѣку, какъ къ отцу, воздавать человѣку уваженіе отеческое.

Вообще въ нашемъ обществѣ, *отечество* личности, ея родовое *кровное* значеніе почиталось высшимъ ея достоинствомъ, существеннымъ достоинствомъ вообще человѣка. На понятіяхъ о такомъ только достоинствѣ построилась вся наша старая общественность, которая въ существенномъ смыслѣ была лѣствицею родоваго, а по его идеаламъ и всякаго другаго старшинства, такъ что каждый членъ ея, на какую бы ступень не восходилъ, всегда и вездѣ становился выше однихъ, младшихъ, и ниже другихъ, старшихъ, по ступенямъ этой лѣствицы.

Самымъ опредѣленнымъ и законченнымъ выраженіемъ нашей древней *общественности* служитъ извѣстное *мѣстничество*, которое напрасно разсматриваютъ съ одной только оффиціальной точки зрѣнія, какъ оффиціальное какое то учрежденіе или установленіе въ родѣ табели о рангахъ. Оффиціальный характеръ оно пріобрѣло отъ оффиціальной или собственно служебной среды, въ которой стало дѣйствовать и которую оно стремилось пересилить, подчинить собственнымъ своимъ искони-вѣчнымъ уставамъ и порядкамъ. Дѣйствительно, происхожденіе мѣстничества скрывается въ глубокой древности. Въ древній періодъ нашей исторіи оно не обнаруживало своихъ споровъ, стычекъ, и стало быть не обнаруживало какъ бы самого существованія, потому что въ то время оно было господствующею силою общественности, было святынею, неколебимымъ, неизмѣннымъ и несомнѣннымъ жизненнымъ положеніемъ, которое оспаривать, съ которымъ бороться не представлялось ни причинъ, ни случаевъ. Оно стало обнаруживать свое существованіе, т. е. свои движенія или споры, лишь съ той минуты, когда должно было вступить въ борьбу съ опаснымъ своимъ противникомъ — съ идеею государственности. Оно намъ и извѣстно несравненно больше только стороною этой борьбы; т. е. своею отрицательною, а не положительною стороною. Положительную его сторону наука еще до сихъ поръ не успѣла привести въ должный порядокъ и выяснить.

Когда, въ замѣнъ родовыхъ, кровныхъ опредѣленій лица, въ замѣнъ родовыхъ достоинствъ личности, новорожденная государственность поставила служебныя ея достоинства, достоинства личной службы государю и его государству; — старая общественность ни какъ не могла понять этого новаго шага въ народномъ развитіи и встрѣтила враждебно эту новину жизни, боролась съ

нею до послѣднихъ силъ и до послѣднихъ дней, даже и послѣ того, какъ мѣстническій уставъ оффиціально былъ упраздненъ.

Само великое самодержавіе, истребляя на своемъ пути всѣ чуждые ему элементы, разрушая побѣдоносно устройство цѣлыхъ и большихъ общинъ, упраздняя цѣлыя княжества, изводя цѣлые княжескіе и боярскіе роды, не находило однакожъ достаточно силы обуздывать мѣстническіе счеты, не находило ни какой возможности разомъ покончить съ этими счетами и большею частью или подчинялось имъ или уклонялось отъ нихъ, обходя ихъ какими либо косвенными путями. И это понятно. Легко было побѣдить какой либо внѣшній, формальный строй жизни или упразднить значеніе и даже самое существованіе цѣлаго ея порядка; но совсѣмъ было невозможно одною лишь волею разорить бытовой искониввѣчный строй народной общественности. Здѣсь приходилось считаться не съ личностями только, не съ вольными городами или княжествами и знатными родами, а съ нравственнымъ складомъ народной жизни, который могъ уступить не личной волѣ самодержца, а только нравственному же складу, построенному на другихъ началахъ.

Достоинство личной службы, внесенное самодержавіемъ въ среду общественныхъ отношеній, и было такимъ новымъ нравственнымъ началомъ жизни, способнымъ измѣнить ея ветхую старину. Оно было зародышемъ той новой организаціи общественныхъ убѣжденій и представленій, которая постепенно и послѣдовательно вела къ раскрытію и выясненію понятій о человѣческомъ достоинствѣ вообще, о достоинствѣ человѣка, какъ человѣка, помимо всякихъ другихъ опредѣленій его личности, и родовыхъ и даже служебныхъ, которыя явились на смѣну этимъ родовымъ.

Намъ, быть можетъ, скажутъ, что силы нашей древней общественности лучше всего отыскивать въ вѣчѣ, въ этой самой осязательной формѣ русскаго древняго общества. Мы и не думаемъ отрицать такого именно значенія нашего вѣча. Но мы думаемъ, что мѣстничество, какъ порядокъ мѣстъ, оно-то именно и есть выраженіе нашего древняго вѣча, вѣчеваго собранія съ внѣшней его стороны: оно-то и есть его реальная форма, т. е. форма собравшагося общества. Мѣстничество, какъ порядокъ мѣстъ, служило выраженіемъ собравшейся государевой думы, а что такое была государева дума XVI и XVII ст., какъ не таже дружина, по крайней мѣрѣ по формѣ, если не по духу, ибо духъ ея

китайки. Ширинка наблюдная миткалинная шита золотомъ и серебромъ на середкѣ орелъ. Остатокъ сарпату....

Коробья ясеновая большая, а въ ней: чеботы бархатъ червчатъ низаны жемчугомъ. Чеботы отласъ червчатъ, жемчугъ споротъ. 7 чеботы сафьянные шиты золотомъ и серебромъ. 11 чеботы сафьянные простые. 6 башмаки сафьянные. 2 чюлки тафта желта. Чюлки теплые тафта червчата на лисицѣ. Коробья ясеновая, а въ ней чеботы отставочные: 14 чеботы сафьянные желты. 15 башмаки сафьянные желтые. 2 чюлки лѣтніе тафта желта. 2 чюлки теплые одни на черевахъ на лисьихъ, а другіе на черевахъ на бѣлыхъ. (Тутожъ сверхъ списка чюлки алы да червчаты тафтяны, да сапоги бархатны съ золотомъ да сапоги низаны жемчюгомъ съ каменьемъ по червчатому отласу новые). Коробья ноугородцкая желта, а въ ней чеботы сафьянные зелены шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ, по швомъ низаны жемчугомъ. 3 чеботы отласъ червчатъ шиты золотомъ и серебромъ. 2 чеботы бархатъ червчатъ, у однихъ образцы низаны жемчюгомъ; чеботы бархатъ бурской съ золотомъ. 2 чеботы сафьянные одни алы, а другіе бѣлы. 4 башмаки желты сафьянные. Коробья ноугородцкая желта, а въ ней: 5 чеботы сафьянные желтые. 3 чеботы сафьянные бѣлые. Чеботы сафьянные черлены. Чюлки тафтяные, 2 черчеты, а третьие алы. Коробья ясеновая черна, а въ ней: 8 чеботы сафьянные желтые, 5 башмаки сафьянные желтые.

Сундукъ бѣлъ плосокъ, а въ немъ: Лѣтникъ камка кизылбашская на празелени люди стоячіе и сидячіе, безъ вошевъ. Лѣтникъ камка козылбаская люди и птицы съ розными шолки, безъ вошевъ. Шубка бархатъ червчатъ полосатъ съ золотомъ. Шубка камка кизылбашская на празелени розные шолки съ золотомъ. Шубка камка бурская шолкъ бѣлъ черчетъ съ золотомъ змѣйки. Шубка не додѣлана зелена сукно лундышъ. Тѣлогрѣя обьярь цениная подпушена камкою червчатою. Ост. сукна зеленаго лундышъ.... Запонъ полосатъ тафта ала полосы шиты по зеленой камкѣ золотомъ и серебромъ. 2 подкладки лѣтничные тафта червчата. Ожерелье пуховое. Остатки кушачные полосы изъ нихъ вырѣзаны. 2 вотолки кречатьи шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ. Коробья лубеная, а въ ней: 40 литръ шолку бурсково розныхъ цвѣтовъ, 3 литры шолку почеть; 21 ансырь шолку розныхъ цвѣтовъ. 2 зеркала, на одномъ плащи серебряны позолочены. Нашивка золотная съ кистьми. Шапка лисья черная. Полотно, 5 плоточковъ, 6 чеботы, 6 башмаки, 3-и четыги. Коробья ясеновая бѣла, а въ ней ризы и потрахѣля и книги. Коробья лубеная, а въ ней лоскутье гнило. (Нѣтъ, роздано). Ящичекъ нѣметцкой съ бѣлилы (справит съ отдачею и съ продажею).

Коробья лубеная поволочена кожею, что изъ Потѣшные полаты, а въ ней лѣтники отставочные: (описано 8 лѣтниковъ, 12 шубокъ бархатныхъ, 5 камчатыхъ, суконныхъ 6). Опа-

шень теплой сукно скорлатъ, а подъ нимъ песцы черные. 3 шапки золотныхъ. Спорокъ кафтанной алтабасъ шолкъ червчатъ съ золотомъ. Ферезцы выростокъ камка бурская на бѣли шолкъ червчатъ багровъ съ золотомъ. Наволока отставочная камка червчата, съ государевы постели съ бумажника. 2 наволочки зголовенные, одна червчата, а другая желта. Вошвы кушачные ветчаны. Спорки вошевные отласъ червчатъ. Цки бѣлыи хрептовые. 2 подкладки лѣтничные тафта ала; 2 подкладки опашневые тафта лазорева; спорокъ лѣтничной камка бѣла. Подкладка шубочная тафта лазорева. 3 одѣяла холодные зуфные червчаты. Одѣяло теплое камка кизылбаская на горнастаяхъ. 2 ожерелья пуховые. Одѣяло соболье нагольное. Подушечка отласъ червчатъ. Тѣлогрѣи теплые: (Описано 10 тѣлогрѣй камчатыхъ, тафтяныхъ на мѣху, 2 шубки). Тѣлогрѣи холодные: (Описано 4 и спорокъ). Шуба нагольная соболья. Сундукъ бѣлъ окованъ желѣзомъ, а въ немъ: 3 наволоки зголовейные бархатъ червчатъ съ золотомъ. 2 арш. 3 в. сукна багрецу червчатово. 2 суконца кровельныхъ. Аршинъ тафты алой. 3 чехла. 2 простынки. Коробья ясеновая ветчана, а въ ней обрѣзки бархатные и камчатые и тафтяные мелкіе. Сундукъ въ лагалищѣ оболоченъ кожею, а въ немъ каптуръ соболей да 7 ожерелей бобровыхъ. Коробья лубеная велика, что взята въ Потѣшной Палатѣ за государевою печатью, отослана на казенной дворъ, а въ ней (описаны въ портищахъ и остаткахъ камки, бархаты, отласы, тафты, объяри, алтабасъ, дороги): камка крымская.... камка гирѣйская лазорева цѣлая; камка кизылбаская.... нѣмецкая.... Камка царегородская на лазори шолкъ бѣлъ заѣйки и копытечка, цѣлая. (И та камка изъ коробьѣ вынята, а велѣлъ государь въ той камкѣ скроить себѣ шубу).... Кушакъ ценинненъ шемохейской полосатъ полосы съ золотомъ и съ серебромъ съ розными шолки. Кушакъ полосатъ мисюрской золотной мелкіе полосы въ мѣрѣ 3 арш. безъ вершка. Остатокъ тесмяки бѣлы полоски съ золотомъ (3 вер.). Кутня цѣлая ала. Миткали арапскіе цѣлые. 9 пугвицъ серебряныхъ золочены....

18. Въ палатѣ, что противъ Царицыны Золотые Полаты.

Лѣтники золотные (положены въ 1 сундукъ): Лѣтникъ камка бурская на зелени шолкъ червчатъ да бѣлъ съ золотомъ травы, вошвы низаны жемчугомъ по отласу по червчатому съ канителью грановитою и съ картулипью орлы и львы и травы, а въ орлахъ по яхонту лазоревому (взятъ). Лѣтникъ камка бурская на зелени шолкъ червчатъ лазоревъ багровъ съ золотомъ и съ серебромъ круги и травы, вошвы шиты волоченымъ золотомъ по червчатому бархату аксамичены золотомъ, низаны жемчюгомъ (взятъ). Лѣтникъ камка бурская на червцѣ шолкъ бѣлъ лазоревъ зеленъ съ золотомъ круги болшіе острые, вошвы низаны жемчюгомъ по синему отласу оксамичены золотомъ (взятъ). Лѣтникъ кушаки золотные полосы зелены, а дру-

гіе червчаты, а по полосамъ копытца и змѣйки, а въ стану кушаки съ золотомъ и съ серебромъ и съ розными шолки, вошвы шиты по червчатому бархату волоченымъ золотомъ низаны жемчюгомъ змѣйки и репьи (взятъ). Лѣтникъ камка кизылбаская на червцѣ розные шолки съ золотомъ люди стоячіе и сидячіе, вошвы бархатъ венедитцкой синь съ золотомъ и съ петлями низаны жемчюгомъ.... (Слѣдуетъ опись 6 лѣтниковъ). Лѣтникъ кушаки зелены съ розными шолки съ золотомъ, вошвы аксамичены золотомъ и серебромъ по червчатому бархату; дѣланъ 113 году къ Велику дни. (Есть во 2 палатѣ).... Лѣтникъ камка кизылбаская на зелени розные шолки съ золотомъ львы и барсы и козы, вошвы шиты по червчатому бархату золотомъ аксамичены серебромъ (взятъ). Лѣтникъ камка кизылбаская шолкъ алъ съ серебромъ аnbsp;нгрики и травки мелкіе, вошвы шиты по синему бархату золотомъ и серебромъ почечки аксамичены. Лѣтникъ камка кизылбаская на ценинной землѣ шолкъ червчатъ да синь съ золотомъ змѣи крылатые и травы, вошвы бархатъ венедитцкой шолкъ червчатъ да зеленъ съ золотомъ рѣки и листья. Лѣтникъ камка кизылбаская на серебряной землѣ шолкъ червчатъ мужички, вошвы бархатъ венедитцкой на вишневой землѣ зеленъ шолкъ съ золотомъ и съ петлями. Лѣтникъ кушаки червчаты съ золотомъ и съ розными шолки, вошвы царевскіе бархатные. (Всего описано 23 лѣтника).

Лѣтники золотные царевны Оксиньи. (А взят ден у князя Василья Мосальскаго). Лѣтникъ камка бурская на лазори червчатъ да бѣлъ шолкъ съ золотомъ травы мелкіе, вошвы бархатъ венедитцкой червчатъ съ золотомъ и съ петлями низаны жемчюгомъ (взятъ). Лѣтникъ камка бурская на червцѣ шолкъ бѣлъ лазоревъ зеленъ съ золотомъ круги большіе вострые около ихъ бѣлъ шолкъ съ лазоревымъ, вошвы бархатъ венедитцкій червъ съ золотомъ и съ петлями низаны жемчюгомъ цвѣточки бархачены шолкомъ червчатымъ. Лѣтникъ камка кизылбаская на золотой земли розные шолки мужички малые и птицы и травки, вошвы низаны двема жемчюги по зеленому по узорчатому бархату съ дробницею съ золотою. Лѣтникъ камка бурская на зелени шелкъ червчатъ алъ бѣлъ съ золотомъ травы мелкіе, вошвы аксамичены золотомъ и серебромъ по отласу по червчатому орлы дѣланы канителью съ жемчюгомъ. (Есть во 2 полатѣ). Лѣтникъ кушаки полосаты розные шолки съ золотомъ, а въ стану съ золотомъ и съ серебромъ, вошвы аксамичены съ золотомъ и съ серебромъ по червчатому бархату. Лѣтникъ камка кизылбаская на зелени розные шолки съ золотомъ и съ серебромъ львы и барсы, вошвы шиты золотомъ аксамичены серебромъ по червчатому бархату. Лѣтникъ камка кизылбаская на алѣ розные шолки съ золотомъ люди стоячіе и сидячіе вошвы аксамичены золотомъ и серебромъ. Лѣтникъ камка бурская на червцѣ шолкъ зеленъ лазоревъ жолтъ съ серебромъ, вошвы шиты по черному бархоту золотомъ и серебромъ листье и травы. Лѣт-

никъ камка бурская на серебряной землѣ черчатъ да жолтъ шолкъ копытца, вошвы бархатъ венедитцкой зеленъ двоеморхъ съ золотомъ и съ петлями. Лѣтникъ камка бурская на червцѣ полоски золоты, а другіе серебрены, вошвы шиты по черному бархату золотомъ и серебромъ кречаты и лебеди. Лѣтникъ камка бурская на бѣли черчатъ да лазоревъ шолкъ съ золотомъ клинцы, а въ клинцахъ змѣйки и копытца, вошвы бархатъ венедитцкой черчатъ да зеленъ шолкъ съ золотомъ и съ петлями. Лѣтникъ отласъ зеленъ съ волоченымъ золотомъ полоски, вошвы шиты по черчатому отласу золотомъ и серебромъ орлы аксамичены серебромъ. Въ хоромехъ лѣтникъ кушаки двойчаты съ розными шолки съ золотомъ, вошвы шиты по черчатому отласу золотомъ и серебромъ, дѣланъ 113 году. Лѣтникъ камка бурская на бѣли шолкъ зеленъ да алъ съ золотомъ, вошвы шиты серебромъ по черчатому бархату аксамичены золотомъ. Лѣтникъ камка куфтерь бѣла съ золотомъ, непениская, вошвы бархатъ венедитцкой червчатъ двоеморхъ съ золотомъ и съ петлями. Лѣтникъ камка бурская на червцѣ кружки золоты, а въ кружкахъ шолкъ бѣлъ да лазоревъ, вошвы столбчатые дѣланы въ кружки съ золотомъ и съ серебромъ; а взятъ изъ Офонасьевы рухляди Власьева.

Лѣтники беззолотные. Лѣтникъ камка куфтерь бѣла, по ней купки розные шолки, а въ купкахъ попугаи, вошвы аксамичены по червчатому бархату золотомъ и серебромъ (взятъ). Лѣтникъ другой таковъ же камка куфтерь бѣла по ней купки травные розные шолки, а въ купкахъ попугаи, вошвы шиты золотомъ и серебромъ лученчеты бархочены черчатымъ да зеленымъ шолкомъ. И тотъ лѣтникъ государыня пожаловала Матвѣевѣ женѣ Годунова Марьѣ. Лѣтникъ камка кизылбаская полосата, а въ полосахъ розные шолки и слова арапскіе. вошвы шиты золотомъ и серебромъ круги и репьи аксамичены по синему бархату.... Лѣтникъ камка бурская на червцѣ бѣлъ шолкъ звѣздки суремницы шолкъ алъ лазоревъ зеленъ, было въ нихъ золото да зашито шолки, вошвы по синему бархату шиты золотомъ аксамичены почки золотомъ и серебромъ.... Лѣтникъ камка на червцѣ бѣлъ шолкъ яблочка, вошвы шиты по синему бархату золотомъ и серебромъ коруны ... Лѣтникъ камка гирѣйская ала, по немъ полосы, а въ полосахъ розные шолки змѣи крылатые, вошвы аксамичены золотомъ и серебромъ и бархачены шолки, съ царивского дѣла (отданъ деи на Казенной дворъ).... Лѣтникъ камка еская желта вошвы шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ круги и репейки аксамичены, съ опашницею; опашница шита по отласу по черчатому золотомъ и серебромъ орлы. И нынѣ подъ тотъ лѣтникъ подложены горностаи для государевы радости. (Есть, а горностаи выпороты). Лѣтникъ камка цареградская бѣлъ да черчатъ шолкъ, вошвы шиты по зеленому бархату золотомъ и серебромъ кречаты и лебеди (взятъ). Лѣтникъ камка кизылбаская на червцѣ бѣлъ шолкъ

люди и барсы и птицы, вошвы камка бурская на зелени съ золотомъ.... Лѣтникъ камка кизылбаская на бѣли черчатъ шолкъ мелкой узоръ, вошвы камка бурская на лазори розные шолки съ золотомъ мелкой узоръ... Лѣтникъ камка кизылбаская черчатъ да бѣлъ шолкъ мужички малые, вошвы камка бурская на синей землѣ шолкъ черчатъ лазоревъ зеленъ съ золотомъ и серебромъ.... Лѣтникъ камка кизылбаская шолкъ зеленъ да бѣлъ мужички и барсы, вошвы бархатъ кизылбаской съ золотомъ розные шолки круги и травы и птицы.... Лѣтникъ камка еская малиновой цвѣтъ, вошвы шиты по зеленому бархату золотомъ и серебромъ кречаты и лебеди.... Лѣтникъ, камка кармазинъ черчатъ большой узоръ, вошвы камка бурская на лазори шолкъ зеленъ да черчатъ да бѣлъ съ золотомъ.... Лѣтникъ тафта широкая желта, вошвы бархатъ бурской черчатъ съ золотомъ.... Лѣтникъ камка бурская на лазори жолтъ шолкъ репьи денежки, вошвы бархатъ кизылбаской черчатъ съ серебромъ.... Лѣтникъ дороги прозелены, вошвы камка бурская на червцѣ шолкъ лазоревъ зеленъ бѣлъ съ золотомъ листье большое (въ хоромехъ ден, а изъ хоромъ отданъ Катеринѣ).... Лѣтникъ камка венедитцкая зелена, вошвы камка бурская на лазори съ золотомъ. (Отданъ князь Васильевѣ дочери Буйносова Ростовскаго)... Лѣтникъ отласъ полосатъ черчатъ да бѣлъ шолкъ, вошвы камка бурская по золотой землѣ рѣки. (Отданъ князь Васильевѣ женѣ Буйносова Ростовскаго).... Лѣтникъ отласъ на черчатой землѣ полосы желты широкіе около желтыхъ полосъ полоски шолкъ бѣлъ, вошвы бархатъ царевской розные шолки съ золотомъ и съ петлями (отданъ ден на Казенной дворъ).... Лѣтникъ камкаеская ценинна, вошвы шиты по отласу червчатому золотомъ и серебромъ въ кругахъ орлы серебряны. (Всего описано 72 лѣтника).

Государыни царицы и великіе княгини шубки бархатные. Шубка бархатъ венедитцкой, низана жемчугомъ узоры, круживо низано жемчугомъ по томужъ бархату съ дробницею съ золотою съ чернью съ яхонты и съ изумруды, а въ круживи 19 яхонтовъ да 21 изумрудъ въ гнѣздѣхъ; подложена тафтою лазоревою (взята). Шубка бархатъ венедитцкой на черчатой землѣ кружки золоты, а около кружковъ травы шолкъ бѣлъ: подложена тафтою ценинною. Шубка камка бурская на червцѣ шолкъ бѣлъ да лазоревъ рѣки и листья золоты и серебряны, подложена тафтою жолтою (взята).... (Всего описано 16 шубокъ камчатыхъ и бархатныхъ). Шубки скорлатные: 3 шубки червлены подложены тафтою лазоревою. Шубка червлена подложена тафтою желтою (взята). Шубки лундышные: 3 шубки брусничной цвѣтъ подложены тафтою зеленою. (Всего описано 27 шубокъ, всѣ подложены тафтою). Опашни скорлатные: опашень черчатъ круживо низано зялы съ каменьемъ съ рознымъ (а нынѣ въ казнѣ противъ Мастерской).

Опашни въ казнѣ противъ Золотой. Опашень черчатъ, около ево двѣ строки, одна низана въ рясную, а другая въ одинъ жемчюгъ, петли низаны жемчюгомъ; у него 15 пуговицъ золото капительное на закрѣпкахъ низаны жемчюгомъ, а на закрѣпкахъ бирюзки (взятъ.) Опашень черчатъ, около ево два кружива, оба кружива и петли фрязское дѣло съ картулиномъ и съ жемчюгомъ безъ пугвицъ. (Есть. Да 15 пугвицъ золоты съ зерны сняты съ иного опашня. Взятъ и съ пугвицы). Опашень черчатъ, а на немъ два кружива золотные, широкое да узкое нѣмецкое дѣло, петли золото съ серебромъ, у него 15 пугвицъ золотыхъ круглые съ черью. (Всего описано 7 опашней, 5 подложены, а 2 подпушены тафтою лазоревою).

Государыни царицы и великіе княгини тѣлогрѣи лѣтніе. Тѣлогрѣя камка бурская на червцѣ бѣлъ да лазоревъ шолкъ съ золотомъ яблочка бѣлы, круживо низано жемчюгомъ по синему атласу съ канителью, пугвицы рѣзаны на проемъ съ жемчюги 14. Тѣлогрѣя камка бурская на лазори шолкъ бѣлъ да червчатъ травы, круживо дѣлано канителью и картуленью по червчатому атласу, пугвицы золоты рѣзаны съ черныю круглы 15. Тѣлогрѣя камка бурская на зелени копытца золоты, а змѣйки серебряны, круживо шолкъ черчатъ съ золотомъ и съ серебромъ, пугвицы золоты съ жемчюги рѣзаны на проемъ 15. Тѣлогрѣя камка кизылбаская на зелени розные шолки люди стоячіе и звѣрки и птицы, круживцо нѣмецкое золото съ серебромъ пугвицы серебряны золочены рѣзаны грани прямые. (По ерлыку сеѣ тѣлогрѣи пугвицы и круживцо снято на царицыну тѣлогрѣю, что дѣлана къ радости). Тѣлогрѣя камка бурская на бѣли розные шолки травы чеканены, круживо золото плетено широкое. Тѣлогрѣя камка венедитцкая алъ да бѣлъ шолкъ, круживо шито золотомъ пе синему атласу аксамичено серебромъ и шолки, пугвицы серебряны золочены 13. Тѣлогрѣя камка венедитцкая желта большой узоръ, круживо сдѣлано въ кружки черчатъ шолкъ съ серебромъ, пугвицы серебряны золочены грани прямые рѣзаны, на забоехъ зерна бѣлы, 13. Тѣлогрѣя объярь зелена, круживо сдѣлано въ кружки черчатъ шолкъ съ золотомъ и съ серебромъ, пугвицы сереб. золочены шишкою чеканены, 15. Тѣлогрѣя атласъ венедицкой цвѣтной на червцѣ шолкъ зеленъ бѣлъ рудожолтъ травы, круживо нѣмецкое серебрено кованое, пугвицы серебряны золочены рѣзаны через грань. Пугвицы и круживо по ерлыку снято во 113 году къ царицыной къ иной тѣлогрѣѣ, 15. (Всего описано 21 тѣлогрѣя).

Лѣтніе-жъ тѣлогрѣи. Тѣлогрѣя камка кизылбаская на зелени шолки розные съ золотомъ листье и травы, круживо дѣлано въ цѣпки шолкъ черчатъ съ золотомъ и съ серебромъ лоси, пугвицы серебряны жлудки, 15. Тѣлогрѣя дѣлана изъ платна, камка кизылбаская полосата шолки розные съ золотомъ, въ полосахъ слова арапскіе, круживо нѣмецкое дѣло серебряно, пугвицы сереб. золочены черезъ грань рѣзаны, 15. Тѣлогрѣя

камка бурская на червцѣ шолки розные змѣйки золоты мелкіе, круживо нѣмецкое шолкъ черпъ съ золотомъ съ волоченымъ узко, пугвицы серебряны золочены узлы. Тѣлогрѣя атласъ венедицкой черчатъ круживо съ неѣ снято, пугвицы серебряны съ чернью на миндальное дѣло, 15. Тѣлогрѣя новодѣлана отласъ черчатъ шиты люди на конехъ и пѣшіе, львы и птицы и травы золотомъ и серебромъ съ розными шолки безъ кружива и безъ пугвицъ. (Описано 20 тѣлогрѣй).

Тѣлогрѣи теплые. Тѣлогрѣя камка кизылбаская на червцѣ шолкъ бѣлъ мелкой узоръ на пупкахъ собольихъ, круживо дѣлано въ кружки шолкъ зеленъ по краямъ червчатъ съ золотомъ и съ серебромъ, пугвицы серебр. золочены. Тѣлогрѣя отласъ цвѣтной на червцѣ шолкъ зеленъ да бѣлъ на черевахъ на бѣльихъ, круживо золото нѣметцкое, пугвицы серебряны желудики. (Описано 10 тѣлогрѣй).

Тѣплые-жъ Оксиньины. Тѣлогрѣя отласъ зеленъ полосатъ съ волоченымъ золотомъ на пупкахъ собольихъ, круживо дѣлано въ кружки червчатъ шолкъ съ золотомъ и съ серебромъ лоси, пугвицы серебр. золочены черезъ грань рѣзаны. Тѣлогрѣя камка кизылбаская на червцѣ бѣлъ шолкъ мелкой узоръ на черевахъ на бѣльихъ, круживо дѣлано въ кружки серебро съ золотомъ, пугвицы серебряны золочены грановиты. Тѣлогрѣя камка кизылбашская полосата розные шолки на черевахъ на лисьихъ, круживо дѣлано въ кружки червчатъ шолкъ съ серебромъ, пугвицы серебряны уголчаты съ чернью. Тѣлогрѣя отласъ жолтъ шолкъ огнивца, безъ наряду, черева бѣльи сняты.... Тѣлогрѣя объярь бѣла, круживо нѣметцкое золото съ серебромъ, 14 пуговокъ королковыхъ въ репейкахъ въ серебряныхъ въ скапныхъ, въ закрѣпкахъ жемчюжки. (Описано 11 тѣлогрѣй).

Кортель тафта широкая червчата на черевахъ на бѣльихъ, вошвы камка бурская на жолти червчатъ да лазоревъ шолкъ съ серебромъ. Кортель камка венедицкая жолта чешуйчата, безъ вошевъ на черевахъ на бѣльихъ. Кортель горносталей наголной, вошвы бархатъ венедитцкой червчатъ съ золотомъ и съ петлями.

Въ той же палатѣ: сундучекъ новъ не великъ окованъ бѣлымъ желѣзомъ, а въ немъ: Вошвы шиты въ ряды серебромъ, аксамичены золотомъ и шолки. Вошвы шиты по бѣлой камкѣ серебромъ въ ряды, аксамичены золотомъ да червчатымъ шолкомъ...... Вошвы камка кизылбашская на празелени розные шолки съ золотомъ люди на конехъ, а иные пѣши..... Вошва одна шита по вишневому бархату золотомъ, аксамичена золотомъ и серебромъ. (Описано 19 паръ вошевъ и одна). Камки цѣлые: Камка гирейская бѣла. Камка кизылбашская полосата розные шолки, по полосамъ слова арапскіе. Камка мисюрская шолкъ червчатъ да бѣлъ. Камка кизылбашская на алой землѣ мужички и травы. (Описано 6 камокъ). Остатки:

(бархату, камки, атласу, тафты, зуфи). Зеркало хрустальное въ серебрѣ, ипшени золочены, лагалище дороги алы на бумагѣ стегано.

Въ той же палатѣ: Коробка ноугородская, а въ ней выростки (Нѣтъ, сказ Анна згнили и выкинуты): 7 кафтанцовъ теплыхъ и холодныхъ тафтяны и камчаты. Ѳерезцы холодные тафтяны. 2 одѣяла холодное да теплое. 17 тафеекъ отласныхъ и камчатыхъ и суконныхъ отставочныхъ. Сапошки сафьяницы жолты. Башмачки лазоревы. Выростковъ сорочки и порты. (Все сгнили выростки). Сундучекъ бѣлъ кипарисной окованъ желѣзомъ, а въ немъ широкіе бѣлые тафты 26 арш., да 20 арш. съ полуаршиномъ кисеи. 2 сорочки нарядныхъ. Порты. Чехолъ. 4 сорочки съ пугвицы съ торочковыми. Поясъ шолкъ червчатъ съ золотомъ. 14 ширинокъ шиты золотомъ и серебромъ. 3 утиральника. 5 полотенецъ. Кисея съ шолки и съ золотомъ. 2 связки простыхъ бѣлыхъ. Коробья лубяная поволочена кожею, а въ ней отставочново платья: 5 шубокъ золотныхъ розныхъ цвѣтовъ. — Шубка цвѣтная камчатая беззолотная. 2 спорка камчаты цвѣтные. Спорокъ алъ. Кафтанишко тафтянъ черленъ. 2 узла остатковъ ветчаново платья бархатныхъ и отласныхъ и дорогильныхъ и тафтяныхъ. Коробочка ноугородцкая невелика окована желѣзомъ, а въ ней спорки образцовые 32 гнѣзда. 41 кистей кляпушныхъ золотыхъ ворворки низаны жемчюгомъ. 7 кляпушей золотыхъ съ кистми ворворки низаны жемчюгомъ. 16 кистей розныхъ портищъ золотыхъ и серебряныхъ. 5 портищъ завязокъ ветчаныхъ съ золотомъ и съ серебромъ съ розными шолки. Кисть золота ворворка низана жемчугомъ. 4 кружива снурныхъ, 2 низаны жемчюгомъ, а 2 шиты золотомъ и серебромъ. Мошна бархатъ червчатъ аксамичена съ кистьми шолкъ зеленъ. Коробочка таковажъ, а въ ней: 6 литръ шолку розныхъ цвѣтовъ. Ларчикъ красной окованъ желѣзомъ, съ мелочью, а въ немъ: сорочки со крестовъ и ожерелные. Сорочка отставная пошевная ветха. Коробка ноугородцкая окована, а въ ней отставочные сорочки и порты: 18 сорочекъ мужскихъ, 5 чехловъ. 29 порты. 12 сорочекъ женскихъ. 2 сорочки тафтяныхъ. Коробья ноугородцкая не окована, а въ ней отставочныежъ сорочки: 26 сорочекъ мужскихъ. 3 чехлы. 39 порты. 37 онучекъ. Спорокъ ко(л)пачной ординской. Коробка ноугородцкая окована бѣлымъ желѣзомъ, а въ ней: 6 сорочекъ мужскихъ отставочныхъ. 2 чехла. 7 порты. Сорочка женская. Поясъ шолкъ червчатъ ворворки низаны жемчюгомъ. 10 полотенецъ бѣлыхъ, 2 кики. Вѣнецъ съ городками. 3 судна серебряны золочены. 2 чаши паникадильныхъ серебряныхъ. Коробка ноугородцкая, окована чорнымъ желѣзомъ, а въ ней: 3 сорочки мужскихъ, 4 порты, чехолъ, 2 сорочки кисейныхъ бѣлыхъ, 3 пояски шолковыхъ красныхъ, 3 онучки, 3 простыни, тесма муская чорная Коробка ноугородцкая долга окована желѣзомъ бѣлымъ,

а въ ней: 2 сорочки мускихъ кисейныхъ, нарядныхъ, порты нарядные кисейные, чехолъ кисейной нарядной. 3 порты обычные, 2 сорочки женскихъ, 3 полотенца, простыня. Коробка ноугородцкая желта не окована, а въ ней: 15 сорочекъ женскихъ, 2 сорочки драныхъ мускихъ, 10 онучки. 6 ширинокъ да полотенцо шиты золотомъ и шолки, 2 полотенца бѣлыхъ, 2 рукава женскихъ кисейныхъ полосатыхъ, 4 кистки шолкъ багровъ съ золотомъ и съ серебромъ. Коробья желта ноугородцкая неокована, а въ ней ларчикъ раковинной, а въ немъ: передцы шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ. 2 платочка тафтяныхъ. 2 остатка отъ кружива струнцанью (sic) по вершку. 20 полотенецъ бѣлыхъ; 2 волосника шолкъ червчатъ да зеленъ съ золотомъ; ошивка шита золотомъ; 6 простынь; ширинка шита золотомъ и шолки; 4 связки косынныхъ. Коробка ноугородцкая жолта окована чорнымъ желѣзомъ, а въ ней: 6 снуры съ кистьми шиты золотомъ и серебромъ съ шолки; образцы початы шить по червчатому отласу, 3 простыни, полотно нитей, 2 наволоки бѣлыхъ, скатерть шитая; 6 спорковъ покровныхъ шиты золотомъ и серебромъ по черному и по тауспиному отласу, жемчюгъ снятъ. Коробка ноугородцкая невелика жолта, а въ ней 5 сорочекъ мускихъ обычныхъ; 10 полотенецъ; 12 полочекъ; простыни: полполотна нитей. Коробка ноугородцкая желта неокована, а въ ней: 100 полотенецъ бѣлыхъ роздаточныхъ; 19 спорковъ цѣлыхъ и драныхъ съ тафтяныхъ и дорогильныхъ разныхъ цвѣтовъ. Зеркало обнизано жемчюгомъ, лагалище у него бархатъ черной, оковы и маковки у лагалища серебряны, колечко серебряножъ (взято)

Коробья лубеная взята изъ потѣшной палаты, а въ ней: опашень черчатъ недомѣрокъ сукно багрецъ, а у него 10 пугвицъ серебряны. Рукавка шита по бѣлому отласу золотомъ и серебромъ. (И тое рукавку взяли ко государю). Поясъ тесма шолкъ лазоревъ оковы и пряжи и накбечники золоты. И тотъ поясъ взяли ко государю. Торлопъ черева бѣльи. Опашень чорнъ сукно настрафиль. Лѣтникъ олтабасъ на серебряной землѣ съ золотомъ, опашница у него шита по черчатой камкѣ золотомъ и серебромъ волоченымъ, безъ вошевъ; а у неѣ 14 пугвицъ серебряны. (Нѣтъ сказ Иванъ Есть въ сундукѣ во 2 полатѣ, въ сундукѣ, что изъ сѣнника). Лѣтникъ тафта бѣла, вошвы камка черчата съ золотомъ. Лѣтникъ камка желта, вошвы камка на червцѣ съ золотомъ. Шубка камочка на червцѣ съ золотомъ ветчана. Зуфи черчаты 7 ар. безъ 2 в., зуфи желтые 3 ар.; 2 чеботы женскіе бархатные черчаты, у однѣхъ по швомъ пояски серебряны (взяты); 4 чеботы сафьянные желтые; чеботы мешинные желты. Башмаки сафьянные желтые опушены бархатомъ черчатымъ. 2 сафьяна одинъ алъ, а другой желтъ (взяты). Полсафьяна черчатого да полсафьяна алово. Чеботы скроены сафьянные бѣлы (взяты). Шириночка тафта бѣла съ кистии съ золотыми. 11 полотенъ. Мѣшечикъ невеликъ, а въ немъ остатки суконные.

2 коробочки нѣметцкіе маленкіе, въ одной коробкѣ четки королковые (нѣтъ взят въ хором.) 2 простыни. Лахань виницейская скляничная въ лагалищѣ въ деревянномъ. Ларецъ бѣлъ не окованъ, а въ немъ ящичокъ невеликъ, а въ ящичкѣ въ пяти бумажкахъ жемчюгу не по мношку да камышки мелкіе разныхъ цвѣтовъ да дробницы серебрены золочены. 5 иконъ серебряны золочены рѣзаны на нихъ дѣисусы. Цата невелика золота съ черныо, а въ ней лалъ да 2 бирюзы. 2 золотыхъ угорскихъ и тѣ золотые взяты въ хоромы. 2 литры золота: Шолку рудожолтого турскіе скани 113 золотникъ съ полузолотникомъ. Шолку черчатого турскіе скани шеморхачсково 120 золотников. Шолку тауснного турскіе скани 274 золотника. Шолку черчатого бурсково литра и 60 золотникъ. Спорки, веревки и бахрамы съ золотомъ. Ширинка шита шолки съ золотомъ. Въ мѣшечкѣ по ярлыку 7 рублевъ и 2 алтыны съ денгою. (Нѣтъ сказ взялъ въ хором.). Мѣшечикъ княжченъ черчатъ, а въ немъ: 47 пугвицъ золотыхъ и серебряныхъ. 8 сорочекъ иконныхъ черчатыхъ бархатныхъ. Покровецъ тафта черчата шита золотомъ. Коробья лубеная обшита кожею, а въ ней: 2 кортеля наголные бѣлы черевьи. Ожерелье пуховое. Лѣтникъ отласъ черчатъ. вошвы камка бурская на бѣли съ золотомъ травы и листье. Лѣтникъ моркосъ лазоревъ, вошвы камка бурская на червцѣ розные шолки съ золотомъ. Лѣтникъ камка венедитцкая шолкъ бѣлъ желтъ, безъ вошевъ. Лѣтникъ камка голуба чешуйчата, вошвы шиты на черни золотомъ и серебромъ, ветчанъ.—Восемь подволокъ камчатыхъ и тафтяныхъ розныхъ цвѣтовъ, дѣланы на игрицъ. 2 шубки черчатыхъ, одна подпушена тафтою лазоревою, а другая зеленою. Шубка с. зелено лундышъ, подпушена тафтою алою. Кортель дороги бѣлы. Чеботы сафьянные черчаты строчены шолкомъ зеленымъ. Чюлки теплые на черевахъ на лисьихъ поволочены тафтою алою. Наволока постелная камка черчата. Подкладка одѣялная зендень желта. 4 однорядки черчаты выростки. 3 шубки выростки камочка цвѣтная. Спорокъ шубной лазоревъ тафта шамская. Кортель кушачной мелкіе полосы на черевахъ на бѣльихъ, вошвы бархатъ венедицкой на червцѣ [1].

19. 119 года.... Цата образовая золота чеканная (съ каменьи). Крестъ золотъ литой тѣлникъ наведенъ чернью. гойтанъ шолкъ червчатъ, на немъ 2 королка невелики. 2 блюда серебр. золоч. Лохань. Солонка серебреная вѣнецъ золоченъ подписано имя Царя Ивана. Росолникъ серебр. Часы бое-

---

[1] Перепись писана столбцомъ на листкахъ, у коихъ по склейкамъ на оборотѣ скрѣпа: діякъ Иванъ Өедоровъ. При каждой статьѣ или при каждомъ предметѣ съ боку на полѣ находятся отмѣтки: *нѣтъ*, *есть*, *справитца*, и т. п., изъ коихъ наиболѣе любопытныя мы указали въ своихъ мѣстахъ.

вые круглые ободы меденые золочены рѣзаны травы. 2 Шапки. Колпакъ ардынской подложенъ камкою золотною въ цвѣтахъ шолки червчатъ да лазоревъ да зеленъ, на прорѣхахъ по двѣ петли низаны жемчюгомъ. Ложечка серебреная складная рѣзаны травы золочены, ложечникъ бархатъ кизылбашской золотной, поцѣпка шелкъ червчатъ съ золотомъ. Торчь булатной черенъ каменой сизъ, шлякъ и оковы золоты. ножны по хзу по черному, оковы серебреные позолочены съ рѣзью, поцѣпка шолкъ червчатъ съ золотомъ. На поясу на шолковомъ на червчатомъ связенки въ 4 ножнахъ въ хозовыхъ въ черныхъ окованы серебромъ, ножикъ, шило, трубка, ножницы, свайко, сверло.

Въ Задней Повалышѣ рухлядь смотрена и переписана, а привезена та рухлядь на Старой дворъ съ Верху въ ларцѣ съ кипарисомъ. Зеркало хрустальное влагалище въ бархатѣ въ червчатѣ петелька, и крючокъ серебряны, исподъ подделанъ серебромъ бѣлъ рѣзаны травы, ободъ мѣденъ золоченъ. на верху орелъ двоеглавой; одного наугольника нѣтъ. Солоница. 3 булавки зерна гурмыжскіе на золотыхъ спняхъ большіе скатные. 4 булавки зерна невелики гурмыжскіежъ, три на золотѣжъ, а четвертая на серебрѣ. Чарка винная хрустальная, поддонье и по верху обложено золотомъ съ чернью. подпись имя царя Василья. Гребень кость чюбара на одной сторонѣ 5 искоръ яхонтовыхъ червчатыхъ да 4 бирюзки. а на другой сторонѣ 4 искры яхонтовыхъ червчаты да 5 бирюзъ врѣзываны въ золото. Лагалище оболочено кожею красною. Зарукавья золоты плащи кованые.... Два запястенца нѣмецкое дѣло золоты, дѣлано около костей по золоту наведены травы финиктомъ (sic) чернымъ да бѣлымъ, по 8 звенъ въ запястейцѣ. Зарукавья золото розсынано 8 звенъ, на верху рѣзаны травы на проемъ, а съ исподи наведено чернью. 16 плащиковъ золотыхъ.... Наузольникъ круголъ да 2 плащика золоты рѣзаны на проемъ. 18 образцовъ серебреныхъ литыхъ золочены рѣзаны травы. Печать серебрена индрогъ кругомъ писано имя царя Василья, гойтанъ шелкъ червчатъ. Орелъ двоеглавой низанъ жемчугомъ. 36 зеренъ жемчугу большово уродоватъ.

Въ коробьѣ въ кованной ноугородцкой: 4 сорочки мужскихъ, на дву нашивка и плетёнекъ шолкъ червчатъ съ золотомъ, а на дву нашивка тафтяная съ тесмами. 2 порты съ тесмами. 4 убруса. 3 шиты серебромъ, 1 съ золотомъ; 2 полки убрусные простые. Съ четверть гривенки дробницъ серебреныхъ басменыхъ; 2 ноженки маленки нѣмецкое дѣло. Пелепелочекъ серебреныхъ золочены съ четверть гривенки. Застѣнокъ по отласу таусинному бывалъ низанъ жемчюгомъ, а жемчюгъ снятъ. 4 образцы бывали низаны по таусинному отласу жемчюгомъ. 10 образцовъ бывали низаны по червчатому отласу жемчюгомъ. Наволока постельная да наволока

взголовенная камка червчата да желта, шахмочены. Въ коробьѣ бѣлой: торлопъ бѣлей черевей подъ тафтою подъ лазоревою подъ широкою, вошвы бархатъ на золотѣ шолкъ червчатъ да зеленъ, подольникъ червчатъ. Одѣяло отласъ золотной по червчатой землѣ около шито золотомъ и серебромъ съ шолки, грива шиты арабскіе слова золотомъ да серебромъ волоченымъ. Ферези женскіе отласъ червчатъ подложены дороги алы подпушка отласъ зеленъ около плетеневъ золотъ, 11 пуговокъ серебреныхъ съ рѣзью. Завѣсъ шитъ полосами. 8 полосъ шито по камкѣ по таусинной да по зеленой золотомъ да серебромъ да промежъ ихъ 7 полосъ отласныхъ и камчатыхъ, подложенъ тафтою розными цвѣты. Одѣяло соболье покрыто камкою золотною кизылбашскою, грива отласъ золотной по бѣлой землѣ въ цвѣтахъ шолкъ червчатъ да зеленъ да чернъ. Въ коробьѣ оболочена кожею: постеля бумажная, наволока дѣлана кипицами отласъ червчатъ зеленъ бѣлъ жолтъ лазоревъ. 2 ковра сорочинскихъ по бѣлой землѣ. 3 свѣчника мѣденыхъ.

Государева Старого двора: 28 образовъ да 2 складни обложены серебромъ басмою. Понагея рѣзь на кости Распятіе Христово, обложено серебромъ, сорочка бархатъ зеленъ. Понагея рѣзь на кости Троица Живоначальная да Пречистая Знаменіе, обложено серебромъ; сорочка бархатъ цвѣтной. Понагея Троица Живоначальная за хрусталемъ. обложена серебромъ, въ закрѣпкахъ 2 жемчуга. 2 креста золоты невелики, на обѣихъ Распятіе Христово, у одного въ закрѣпкахъ 4 жемчюжка невелики, 5 камошковъ простыхъ, 3 бауси да хрусталь, да линеикъ, 191 образъ неокладныхъ. 3 складни въ мѣди. Стопа ценинная. Налоецъ коженой. Книги: Евангеліе толковое въ десть, печать литовская. Апостолъ писменой въ полдесть. Книга въ десть, печать литовская, Василья Кесарѣйскаго. Псалтыря писменая въ полдесть толковая. Книга Правила писменая въ полдесть ветчана Книга въ затылкѣ въ голыхъ доскахъ писменая. Лѣтописецъ въ полдесть. Книга въ полдесть писменая, выписано изъ Правилъ святыхъ отецъ *цвѣтки*. Книжка въ затылкѣ въ доскахъ въ четверть, выписано изъ Правилъ же святыхъ отецъ. Книжка въ четверть литовская, писмо польское, святаго Кирила патріярха о Вѣрѣ, страница русскаго писма, а другая польского. Книга въ полдесть ветчана Измарагдъ. Книга Треодь цвѣтная въ десть печать московская. Книга въ полдесть писменая Треодь постная. Книга въ четверть печать литовская. Часословецъ. Книга въ полдесть писменая Охтаи 4-хъ гласовъ, начало 5 гласа. 2 тетрати въ десть изъ Бытьи съ знаменьемъ. 4 тетради въ кожахъ Житье и кануны Пречистые Знаменья да Онтонія Римлянина да Николы Чюдотворца, а 4 выписана изъ Златоуста о правѣ человѣческомъ; всѣ въ полдесть. 5 тетратей польскихъ печатныхъ въ полдесть. Книжка въ четверть ветха, выписано изъ лѣтописци. 4 Книжки въ четверть польскіе, печать литовская. Тетрать въ полдесть *травникъ* нѣ-

мецкой печатной. 5 тетратей въ полдесть выписано изъ Звѣздочетья. 2 книги въ десть польскіе, печать литовская. 11 Миней мѣсечныхъ: Сентябрь писменой въ десть, Октябрь, Ноябрь, Декабрь. Генварь въ полдесть. 2 Марта, одна въ десть, а другая въ четверть; Апрѣль, Май, Іюнь, въ полдесть, всѣ писменые.

Старого же двора, положено въ осиповую коробью съ государевымъ: 2 ожерелья отложные низаны одно большимъ жемчюгомъ, а въ немъ въ гнѣздахъ изумрудъ да 2 бирюзы, а другое низано обычнымъ жемчюгомъ безъ каменья (Ростригина данья). Отласъ золотной цѣлой по червчатой землѣ шолки бѣлъ да лазоревъ (Растригина данья). Наурузъ отласъ золотной по червчатой землѣ шелкъ бѣлъ да зеленъ, на немъ двѣ кисти шолкъ лазоревъ съ золотомъ, ворворки низаны жемчюжкомъ мелкимъ. Тигиляй съ горностали бархатъ шолкъ червчатъ да зеленъ съ золотомъ, нашивка пуговки серебряны на петляхъ. Орьячокъ тонкой, завязки шолкъ голубъ. Мошна шита золотомъ да серебромъ по отласу червчатому, поцѣвка шолкъ червчатъ, ворворки низаны жемчюжкомъ мелкимъ. Ѳата цвѣтная выбойка турская. Рубашенка женская ветчана тафта червчата. Наколенки нагавичные шиты по отласу червчатому золотомъ да серебромъ. 4 полотенечка шиты розными шолки. Рубашка мужская нашивка пуговицы шолку червчатого. Штаны ветчаны бархатъ вишневъ, наставки камчатые. Шапка рысья. Шапка черна лисья. Шапочка санная камка багрова на пупкахъ собольихъ. Часы мѣденые боевые на 4 углы нѣмецкіе въ лагалищѣ. 2 скляночки питьи, одна лазорева, а другая бѣла. Склянница водяная. 9 браѳинокъ троицкихъ съ вѣнцы. 3 достоканчики. 4 скатерти браныхъ. 10 трубокъ свѣчныхъ. Фонарь наюсной большой круглой свадебной. Фонарь наюсной большой 4 угольной. 3 ковра сорочинскихъ по червчатой землѣ травы бѣлы лазоревы зелены жолты. Коверъ бѣлъ по немъ краилины черны. Попона бѣла черкаская. Шатеръ кизылбаской безинной бѣлъ, полы безинные бѣлы, подложенъ шатеръ и полы бязью вишневою. Кровать складная. Шкатула порожжа. Лохань мѣденая большая. Лоханка мѣденая невелика. Кунганъ мѣдяной большой. Ламбикъ мѣдяной. Рукомойничокъ мѣдяной невеликъ. Иготь мѣдяная. Оловяничокъ маленкой чарки въ три. Сковоротка мѣдяная съ носкомъ. Кубикъ мѣдяной винной невеликъ съ трубою. Сулея оловяная въ лагалищѣ въ деревянномъ. Миса большая оловянная. Фляшка тыквяная съ шурупомъ. Миндерь кожаной.

И 119 г. февраля въ 25 день по приказу думнаго дворянина и казначея Ѳедора Ивановича Апронова изъ тое рухляди взято на Казенной дворъ и отдано дьякомъ Меньшому Булгакову да ....вью Коробейникову серебра: 2 блюда — лохань — солонка — крошелька — рассольникъ, 2 рукомойника — 2 таза — лохань — солонница — 17 образовъ. — Печать — чепь — 2 опоѣника. Достоканецъ. Да денегъ — 12 р. Еще рублевъ съ 11.

20. (Слѣдуетъ, кажется, опись м о н и с т а).... икона золота въ середкѣ образъ Пр. Богородицы. рѣзная.... 3 к р е с т а золотыхъ съ каменьи и жемч. 2 креста золотыхъ съ каменьи и жемчюги. На монистѣ 8 пронизокъ золотыхъ. О ж е р е л ь е жемчюжное муское, жемчюгъ бурмиской. 2 п е р с т н я золоты навожены финифтомъ, а въ нихъ 2 алмазца. Ч и ч а к ъ золотъ на немъ яхонтъ лазоревъ, вверху и внизу 2 зерна бурминскихъ. Ч е п о ч к а золота колечки витые. а другіе триграпные. П е с о ч н и ц а да ч е р н и л н и ц а серебряна. Т е с м а муская. Ш а п к а отласъ червчатъ низана жемчугомъ съ конютелью. 16 п о л о т е н ъ двойныхъ. 12 полотенъ тройныхъ. 2 полотна тверскихъ. 2 с о р о ч к и шиты золотомъ да 2 п о р т ы; сорочка кесейная шита золотомъ сорочка жъ да порты тафтиные червчаты съ пояски золотыми. З е р к а л о булатное обдѣлано конютѣлью. К р е с т ъ серебрянъ золоченъ съ мощми, на немъ Распятіе литое. Ч е п ь золота кольца ребристые: пронизка золота дѣлано.... К р ы ж ъ золотъ съ финифтомъ.... 2 к о л о т к и рясные золоты навожены финифтомъ, а въ нихъ 6 яхонтовъ червчатыхъ. К о р о б о ч к а серебряна съ кровлею золочена по ней рѣзаны травы. М о н и с т о золото на чепочкѣ золотой.... П а н и к а д и л о мѣдяное съ часами. Ж а р о в н я мѣдяна, а въ книгахъ написана серебрена золочена, для духовъ. В ѣ с к и и ф у н т ъ серебрены во влагалище. Ч а с ы мѣдяны золочены стенчіе, стояпица боранья. Ч е р н и л н и ц а серебрена, въ ней с в и с т ѣ л к а серебрена съ з у б о т ы ч к а м и да съ у х о в е р т к о ю. Л ы с п н а серебрена съ камешки по раковинѣ. 2 п е р а серебрены. Ч е п о ч к а серебрена золочена межъ звенъ бубенчики. З у б о т ы ч к а серебрена золочена. 2 зуботычки серебрены бѣлы. 2 о с т р о г и серебрены золочены. 19 п у г в и ц ъ золоты съ чернью, съ опашня царя Ѳ е д о р а. Л а р е ц ъ мѣдяной, а въ немъ (пуговицы). 3 с а м о п а л а короткихъ навожены золотомъ съ костьми. С т о п а ценинна. Ш а х м а т ы хрустальные. З е р к а л о булатное испорчено обдѣлано серебромъ съ раковинами. 21 звено чѣпи гремячей золотой. З а с т е ж е ч к а серебрена отъ книги. П е ч а т ь государева серебрена въ мѣшечкѣ въ отласномъ въ золотномъ. Ш к а т у л к а, а въ ней блюдечко да солонка да перешница да блюдечко малое да ложка большая да середняя да малая да вильца серебрены золочены да ножикъ стальной. Ч а с ы мѣдяны круглые указные да ящикъ на кости. Т е с е м к а шелкова зелена жуки и назади кольца и крюкъ и наконечникъ золоты. Н о ж ъ булатной. Л о ж е ч к а серебрена золочена складная. лжичевъ бархатъ съ золотомъ. С у м о ч к а, въ ней 5 полотенецъ. Ч ю л о ч к и дорогильны подъ низъ бѣлки. Б р у с н к ъ скляной. З г о л о в ь е 2. К о в е р ъ сорочинской. З е р к а л о булатно. Ч о т к и рыбей зубъ. П а в а г е и золоты. П а л а ш ъ стальной. 5 з о л о т ы х ъ угорскихъ. Ш а х м а т ы ентарные. 2 Ш а х м а т ы одни рыбей зубъ, а другіе костяные. Т а в л е и, въ нихъ шашки ентарные. 2 д о с к и ш а х м а т н ы е, 8 с а м о п а л о в ъ короткихъ. П а т р у ш н и к ъ серебрянъ скачей. Ф а н ш к и капова

Палашникъ малой. Сабля стальная. Ножъ булатной... Шкатула оболочена бархатомъ чернымъ, а въ ней: 2 креста золоты съ алмазы, а у нихъ 5 жемчюговъ. — Камень безуй въ коробочкѣ. — Запона золота (съ каменьи). Гнѣздо золото, дѣлано на просмъ... 3 запоны золоты (съ каменьи). 2 запоны (съ каменьи). 2 кляпышка золоты въ нихъ берюзки. 30 пронизокъ виписовыхъ. Запона въ ней звѣрокъ коза подъ нею изумрудъ... 13 пронизокъ золоты рѣзаны на просмъ. Ряса, а въ ней 9 веревочекъ жемчюжныхъ на спняхъ и на кольцахъ золотыхъ. 5 крестовъ золоты.... Икона яшма зелена на ней вырѣзаны 3 святыхъ, одинъ подписанъ: царь Костянтинъ, обложена золотомъ съ яхонты и съ изумруды и съ лалы, назади наведено чернью мученикъ Христовъ Ѳедоръ да пророкъ Еремей; сорочка бархатъ червчатъ низана жемчюгомъ. Крестъ золотъ съ мощми на немъ 3 берюзы да 2 червца да 2 жемчюга Понагея золота, на ней чернью наведенъ образъ Вседержителевъ, а назади мученикъ Ѳеодоръ; а въ понагеѣ Троицы Живоначальныя вырѣзано на кости, обложена золотомъ. Запана серебрена кругла дѣлана сканью камень сизовъ. Дробница серебрена кругла съ финифты. Въ коробочкѣ серебреной 31 перстень съ алмазы, а иные съ яхонты и съ бирюзами; да 3 запаны золоты въ одной 2 человѣка, въ другой птица, въ 3 два яхонта, всѣ съ жемчюги. Чепочка золота гойтанная кольчата, промежъ еѣ звенца скатные.

Въ коробьѣ въ ноугородцкой въ связкѣ сорочка съ ожерельемъ жемчюжнымъ; пугвицы жемчюжные бурминскіе, въ закрѣпкахъ лалики да изумруды. Порты. — Чехолъ. — Простыня. — Онучки. Утиральникъ. Коверъ сорочинской Чертежъ похоратьѣ. 7 лоханей меншихъ да 2 лохани большихъ. 2 лохани столчаковы мѣдяны. 3 шандана мѣдяны. Рукомойникъ мѣдянъ. Столчакъ. Въ коробкѣ лубяной: 4 простыни. Часы боевые. Фонарь слюдяной. 2 трубы мѣдяные водопускные. 2 склянпцы водяныхъ. Кругъ желѣзной, ставитъ надъ свѣчами. Коробья осиновая съ письмомъ запечатана. Ладонница да щипецъ мѣдяны. 2 стула бархатъ червчатъ оковы серебрены. Стулъ путной. Шахматы каменые донца серебрены золочены. Доски аспидные обложены серебромъ на ножкахъ на серебреныхъ. Подсвѣчникъ мѣдянъ. Зеркало нѣмецкое съ часы. Самопалъ колесной съ костьми. Сабля московская безъ поиса. Зерцала залочены. Зерцала турскіе на тесмахъ залочены съ мишени, подложены выбойкою пестрою. Фонарь слюдяной во влагалищѣ. 2 фонаря паюсныхъ. 5 столчаковъ, 2 суконные, 3 бархатные. 4 лохани столчаковые да 8 лоханей меншихъ и середнихъ да лохань сѣнная. 7 свѣчниковъ мѣдяныхъ, 8 кунгановъ луженыхъ. Шанданъ стѣнной булатной. 2 шандана мѣдяныхъ стончихъ. 3 шандана желѣзныхъ стѣнныхъ. 2 склянпцы водяныхъ. 2 кувшиппа оловяныхъ. Тазъ мѣдянъ. Чемоданъ столчаковой. Охобень зуфь багрова сто-

ловой. Посохъ царской золотъ, дѣланъ съ финифтомъ и съ яхонты и съ жемчюги. Рукавки замшаные подложены горностаи, по запястьямъ шито золотомъ съ шолки по червчатому отласу по узору низано жемчюгомъ. Рукавка ястребья.... Карманецъ сафьянъ червчатъ подложенъ тафтою китайкою зеленою. Рогъ корольковой красной. Осонъ посошной серебреной. Мѣсто царское кизылбаское.... Мѣсто сандальное складное оковы серебрены.... Мѣсто писано золотомъ по бакану подушка и застѣнокъ и налокотникъ сафьянные Мѣсто бархатъ червчатъ съ бахрамами рѣшетчатыми... Стулъ серебреной, на немъ 7 кистей золотныхъ, у нихъ ворворки жемчюжные, поволоченъ камкою золотною. Стулъ сафьянъ червчатъ деревяной золоченъ. Стулъ деревяной золоченъ поволоченъ бархатомъ червчатымъ, оковцы серебрены. Стулъ дерев. поволоченъ сафьяномъ червчатымъ (Всего 5 стуловъ). 2 стула кожаные. Ящикъ съ перьемъ струцовымъ.

Часы золочены сырчаты съ планидами во влагалищѣ. 2 часы флягою планидныежъ на стоянцѣ. Часы столпчатые золочены планидныежъ, на нихъ орелъ. Часы столпчатые боевые. Часики воротные боевые старые испорчены, у нихъ гойтанъ и кисть серебрены, ворворка жемчюжная. Часы боевые башня съ планидами. Часы боевые сыромъ испорчены. Часы боевые ходячіе на колесѣхъ колымага. Часы боевые струнные круглые башенка. Часы ходовые съ мигаломъ образщика. Часы медвѣдь съ боемъ. Часы трубные. Часы кубокъ серебренъ боевые. Часы боевые съ четвертьми на гойтанѣ шолкъ свѣтлозеленъ съ серебромъ, ворворка низана жемчюгомъ, кисть серебрена. Часики боевые малые круглые. Часы книжкою планидные. Часики мѣдяны кубчикомъ обложены боевые попорчены. Часы боевые сыръ большой. Пинья ходячая. Зеркало нѣмецкое во влагалищѣ. Зеркало кругло съ рукоядкою. 2 ковра причастные золотые. 4 посоха сандальныхъ у одного рога и подконецъ серебрены золочены, а у трехъ рога рыбей зубъ. 2 посоха съ настругою капоною, рога рыбей зубъ. Кровать сандальная дорожная. Знамя видѣніе Ивана Богослова, въ кругу образъ Господень на лошади изо устъ его изыде оружіе, избивая языки, а за нимъ воинство небесное, а передъ нимъ въ кругу архангелъ Михаилъ; шито по тафтѣ по червчатой золотомъ и серебромъ, опушка тафта заусипна; ещо недодѣлано. Зголовейцо мѣстное бархатъ червчатъ съ золотомъ, а на другой сторонѣ камка жолта, одѣяло отласъ жолтъ, подкладка тафта червчата. Бумажникъ и зголовейцо бархатъ червчатъ. застѣнки кругомъ камка золотная на лазори. 2 подушечки, одна камка червчата, а другая отласъ зеленъ. Связка шолкъ червчатъ, кольцо серебрено. 2 ковра сорочинскихъ. 2 одѣяла бѣлыхъ, одно подъ камкою бурскою, а другое подъ кизылбаскою съ золотомъ. Одѣяло объярь червчата, гриве камка га зелени съ золотомъ. подклад-

ка тафта жолта. 2-я коробья постельная, а въ ней 4 сукна червчаты настрафиль возковые. Наволока постельная бѣлая, въ ней бумага хлопчатая по смѣтѣ гривенокъ съ 5. 4 колодки подножные, одна позолочена отласъ золотной червчатой, а три поволочены сукномъ червчатымъ. Миндерь сафьянъ червчатъ. Коробья съ простынями купѣлными. Сундукъ, что взятъ въ сѣнникѣ, а въ немъ сорокъ соболей. Стулпкъ поволоченъ бархатомъ червчатымъ. Кубокъ раковинной бѣлъ обдѣланъ серебромъ. Кубокъ раковинной буйволъ на стоянцѣ.... Судно хрустальное. Обломокъ хрусталю на три угла. Ларчикъ оболоченъ бархатомъ червчатымъ, обитъ серебромъ, въ немъ рогъ королковый красной. Ящикъ костяной черной, въ немъ прибиваны мишени серебрены, а въ немъ 4 ящика серебреные, съ кровелками. Шапочка *царевнина* отласъ серебренъ по рудожелтой землѣ.

Платья: спорокъ съ тѣлогрѣи. Спорокъ съ шубки. Лѣтникъ алтабасъ золото и серебро волоченое безъ вошевъ, опашница шита золотомъ и серебромъ волоченымъ, подложенъ камкою червчатою. Опашень бархатъ кизылбаской. Лѣтникъ камка венидицкая. Кортель тафта червчата. Пола кровати англинскіе бархатъ алъ по швамъ и кругомъ каймы серебрены, подложено тафтою червчатою. Чеботы женскіе отласъ червчатъ, кривые. 4 снуры шиты по бѣлой тафтѣ розными шелки, на концѣхъ кисти шелкъ червчатъ. Камень яшмовой змѣины головы съ одну сторону, а на другой сторонѣ рѣзи нѣтъ. Сорочка бархатъ червчатъ, крестъ низанъ жемчюгомъ. Коробья осиновая бѣла, а въ ней: 2 блюдечка ценинные, одно бѣло, а другое пестро. 2 блюдечка бѣлы яшмовые. 3 чашки скляничные. Чашка янтарная. 2 чарки скляничныхъ по нихъ полосы бѣлы. 3 братинки съ кровлями скляничными. 4 достакана скляничныхъ, 9 скляницъ достоканцами розное дѣло. Кувшинецъ скляничной полосатъ кровля серебряна (описано 4). Скляница съ травами на стоянцѣ съ серебромъ.

Коробка ноугороцкая, а въ ней: 6 сорочекъ полотняныхъ пишивка шолковая частая. 4 порты полотняные поневые. Сорочка женская полотняная. Рукава рубашечные кисейные полосаты. Веретенцо серебрено, другое костяное. Уломокъ сурмы. Блюдечко серебрено чеканное по немъ выбиваны люди и травы. Въ другой коробьѣ ноугороцкой: Полотенцо шито шолкомъ чернымъ. Прокладка діадимная тафта ала съ бумагою. 6 полокъ убрусныхъ шитыхъ. Застѣнки къ постелѣ и къ подушкамъ шиты по отласу по бѣлому. Спуръ шляпочной дѣланъ картунѣлью и трунцалы съ жемчюги, подложенъ тафтою зеленою. 7 арш. сарпату. Ожерелье отласъ золотной по зеленой землѣ. Въ перьѣ зеленомъ стекло зеркальное.

21. Взято съ Казеннаго двора въ нижніе палаты, гдѣ сидятъ дьяки: 2 сулеи serебр. золоч. съ чепми. 81 чарка се-

ребр. бѣлыхъ гладкихъ, что дѣланы были на роздачу. 8 образцовъ низаны жемчюгомъ по таусинному бархату дѣланы лапою на трое. 10 образцовъ дѣланы лапою на пятеро (дѣланы на проемъ и т. п.). Образы складни на кипарисѣ рѣзные 2 цки: о Тебѣ радуетца да Единородный Сынъ — поля обложены серебромъ сканью съ финифты. Зеркало круглое булатное въ лагалищѣ. Ложка рыбья бѣлая. Коробочка ноугороцкая окована худенька, а въ ней мыла грецково 25 брусковъ. 2 сатыни по портищу; мухояръ червчатъ. Ѳата выбойка турская. Ѳата безпинная синя полосы бѣлые. Зеркало хрустальное нѣмецкое кругомъ врѣзываны раковины. Приволока бархатъ венедицкой лазоревъ съ золотомъ опушена горностаи, подкладка дороги алы безъ пугвицъ....... 4 кафтанишка литовскихъ згнили. Коробья лубяная. а въ ней 70 ѳатъ золотныхъ и беззолотныхъ и бумажныхъ. Коробья осиновая, а въ ней: (остатки тканей), кіотчишко, ящищекъ да ценинненка да ставичекъ съ камышки плохими. Лучишко карасанской да 2 сабляшка *дитячьихъ*, оболочены ножны бархаты. Коробья лубяная, а въ ней: 2 зерцала мѣдяны золочены съ камышки съ бирюзки; 2 щита мѣдяны золочены съ камышки плохими и съ бирюзками; 2 наручи мѣдяны золочены съ камышки плохими и съ бирюзки: 4 булавы оправлены мѣдью золочены съ камышки плохими и съ бирюзки; сабля черенъ и ножны окованы мѣдью золоченой съ каменьемъ, ножны оболочены бархатомъ черленымъ; 2 сабли; 14 попонокъ да покровецъ конскихъ нарядовъ. 10 стремена. Чашки железные испорчены: колокольчикъ мѣдянъ....

Саянъ нѣмецкой съ подольникомъ шитъ по черному бархату алтабасомъ, около алтабасовъ веревочки золотные. 7 барсовъ большихъ полежали, 8 барсовъ погнили, 3 барсы гнилыхъ. 4 волчишка. 4 скатерть турская на золотой землѣ шолкъ алъ зеленъ лазоревъ богровъ жолтъ съ серебромъ. 7 ширинокъ кисейныхъ шиты золотомъ и серебромъ крымскіе присылки.

Коробья ноугородцкая, а въ ней: 12 литръ золота, 2 литры серебра, 30 колодочокъ серебра волоченово, въ чомъ дѣлаютъ канитѣль, 2 цѣвки золота, 3 цѣвки серебра. Треухъ литовской рысей. Курта парпьянъ червчатъ, подкладка отласъ цвѣтной. Курта сукно тмозелено, подкладка бархатъ косматъ. Полотенцо литовское шито золотомъ и серебромъ съ шелкы. Тебеньякъ литовской.

Изъ подъ палаты, что подъ Благовѣщеньемъ, подъ навѣсомъ у рѣшотки: Соболи, куницы. 6 волковъ. 6 разсамахъ. 16 черевесей. Въ мѣху 1060 бѣлокъ. Исподишко чорно коты морскіе. 4 колокольчики очепныхъ невелики. 11 ковровъ сорочинскихъ розными цвѣты. Попонка волоская бѣлая. 180 зубовъ рыбьихъ.

Въ большомъ погребѣ 3 книги Минеи мѣсячные въ десть, Сентябрь, Октябрь, Іюль. Да книга въ полдесть Онтонія Печерского. Посохъ костяной складной испорченъ. 2 мѣста оболочены бархатомъ червчатымъ гладкимъ съ бахрамами, гвоздье мѣдные золочены, у одного орелъ шитъ золотомъ въ травахъ. Столчакъ походной оболоченъ бархатомъ червчатымъ ветчанъ. Столчакъ походной оболоченъ сукномъ червчатымъ ветчанъ, а въ немъ лахань мѣденая (взялъ Костинтинъ Михалковъ къ государю и съ лоханью). 2 рога мамонтовые, одинъ цѣлъ, а другой перетертъ на двое. Сундучекъ желѣзной порозженъ.

119 г. Февраля въ 9 день выдано изъ полаты, что позадь Благовѣщенья: (Описаны камки, отласы, участки, бархаты, и между прочимъ): 19 наволокъ двойныхъ золотныхъ и беззолотныхъ розныхъ шолковъ. 11 наволокъ одинакихъ. Моркосъ вишневъ шолкъ съ золотомъ. 2 шиды алы съ мишюрою. Ѳата полосата розные шолки. Ѳатажъ миткалинная. Палатникъ выбойка по миткалимъ. 8 пуговицъ аспидные на спияхъ на мѣденыхъ. Съ портища пуговки каменные обложены серебромъ. Да Февр. 21 отдано на купетцкой дворъ изъ полаты, что позадь Благовѣщенья: Два посоха серебреныхъ черезъ грань золочены. Коробейка ноугородцкая, а въ ней: осмеры подвязки кружчаты золото и серебро съ шолки, пряжи и наконечники и заприжники серебрены. Четверы подвязки нахтерминные строчены, пряжи и наконечники серебрены....

Записки верховому взносу.

22. 7123 года верхней относъ. — Сентября 3 въ Верхъ къ государынѣ и великой старицѣ инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ въ хоромы отнесъ дьякъ Жданъ Шиповъ спицу сахару леденцу, вѣсу въ ней фунтъ 42 зол. — Окт. 1 въ хоромы иноки Марѳы Ив. въ избушку на обивку на двери и на окончины 7 арш. сукна аглинского лазоревого, 2 р. 3 ал. 2 д.—Окт. 16 въ Верхъ къ государю въ хоромы сорокъ соболей 30 р., другой сорокъ соболей 25 р., а тѣми собольми государь пожаловалъ царя Васильеву царицу иноку Олену Петровну въ Новой дѣвичь монастырь на новоселье. — Окт. 17 къ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы сорокъ соболей 100 р., сорокъ 80 р., сорокъ 60 р., сорокъ 50 р., сорокъ 37 р., сорокъ 30 р., а тѣ соболи посланы въ Литву преосвящ. митр. Филарету. — Окт. 20 къ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы: охобенекъ объерь тауснинная подкладка киндякъ темносинь, нашивка тафтяная, цѣна 11 р. 30 ал.; да шуба объярь вишнева на соболехъ, цѣна 109 р. 15 алт.—

послано въ Литву къ преосвящ митр. Филарету. На обертку на платье 4¾ арш. сукна ипбарскаго зеленого, да двои сумы вьючные, по 1½ р.—Ноябр. 2 къ инокѣ Маров Ив. литру золота пряденого да литру серебра, по 6¾ р., взяла Марья Головина.—Ноября 6, въ Верхъ къ инокѣ Маров Ив. пара соболей 4 р.; государыня пожаловала Орину Никитичну на новоселье. — Въ Верхъ къ государю сорокъ соболей 25 р., государь пожаловалъ князь Юрья Яншича (sic); да сорокъ соболей 20 р., государь пожаловалъ Орину Никитичну на новоселье—Ноябр. 8 къ инокѣ Маров Ив. въ хоромы въ верхъ отнесъ д. Шиповъ фунтъ 43½ золот. сахару леденцу по 10 алт. 5 д. фунтъ; взялъ истопникъ Жданъ Ивановъ. Дек. 13 по приказу иноки Мароы Ив. дано ей государынина жалованья крестовому пѣвчему дьяку Васькѣ Максимову 2 арш. сукна аглинского багрового цѣна 1 р. 10 алт.—Генв. 9 въ Верхъ къ инокѣ М. И. сорокъ соболей 25 р., государыня пожаловала постельничаго и намѣстника трети Московские Констянт. Ив. Михалкова. — Генв. 17 къ нейже въ хоромы—одѣяло хребты песцовые поволочено зенденью тмосинею огривокъ зендень тмозелена, 8 р. 22 ал— Генв. 26 снесено съ Верху медвѣдно, и въ томъ медвѣднѣ здѣлано двѣ шапки, одна дураку Мосягѣ, а другая дурочкѣ да на прибавку пошло двѣ кошки, цѣна 4 ал. 2 д.; да двѣ пухи 6 ал. 2 д. — Марта 9, къ инокѣ М. И. въ хоромы взялъ Глѣбъ Ивановичь Морозовъ 4¾ арш. сукна багрецу да 5 ар. сукна багрецужъ, 10 арш. тафты широкой зеленой, а относилъ за нимъ истопникъ Сенка Михайловъ. — Марта 30 къ инокѣ М. И. въ хоромы боранъ синь, а пожаловала государыня тѣмъ бораномъ Марью Головину.—Апр. 3 въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ очки, что въ нихъ много видитца.—Апр. 7 въ Верхъ къ инокѣ М. И. въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ шубу тафту черную подъ горностаи, цѣна 14 р.; да опашенекъ киндякъ багровъ, цѣна 1 р. 21 ал. 4 д.; длина 2 арш. безъ 2 вершковъ; въ плечехъ 1¼ арш., рукавамъ съ полустану 1¾ арш., въ запястьѣ 2¾ верш., въ локти 4¾ вер., въ кореии 6 верш., воротъ 10 верш., въ подолѣ 3 арш. 6 вер.: на немъ 33 пугвицы хамъянныя, цѣна 12 ал. 2 д.—Апр. 29 къ инокѣ М. И. въ хоромы полотенцо коленское 4 р.—Мая 29 въ свѣтлицу золотымъ мастерицамъ покрывати воздухъ 8 арш. сукна ипбарскаго червчатово.—Іюня 5 къ инокѣ М. И. два арш. безъ чети камкасеи червчатой травки черны да рудожелты. — Іюня 7 къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ трубку нѣмецкую, что изъ неѣ видѣть далеко. — Іюля 11, къ государю въ хоромы три ожерельи бархатныхъ и огласныхъ золотныхъ съ розными шолки по 16 ал. 4 д. ожерелье. А тѣми ожерельи пожаловалъ государь крайчего Мих. Мих. Салтыкова да стольника Глѣба Иванов. Морозова, да стряпчего Оедора Мих. Толочанова.— Іюля 26 къ инокѣ М. И. два сорока соболей по 12 р. да 10

арш. камки одамашки зеленой, по 26 ал. 4 д.; пожаловала государыня князя Дмитрея Салтанышевича да княиню его.— Августа 29 къ инокѣ Марѳѣ Ив. полотенцо крапивное шито шелкомъ лазоревымъ зеленымъ червчатымъ да вишневымъ съ золотомъ и серебромъ волоченымъ, да тафья шита по отласу по червчатому золотомъ волоченымъ, что государю прислала въ поминкахъ царева мать во 123 г.

23. 124 г. Книги, а нихъ писанъ *верхней относ.*—Сент. 29 государь пожаловалъ на стану на Мытищѣ села Здвиженского крестьянина Ивашка Ѳедорова дано ему 4 арш. безъ чети сукна настрафилю лазоревого, цѣна 2 р. съ полтиною, а пожаловалъ государь его за то, что онъ нашелъ государевъ перстень съ олмазомъ. — Сент. 30 въ хоромы инокя Марѳы Ив. пол-литры шолку рудожолтово да пол-литры шолку бѣлово 3 р.; взяла боярыня Марья Головнина.—Ноябр. 27 государыня и в. ст. инока Марѳа Ив. пожаловала молодаго подьячево Ивашка Титова, *что у мастерицъ*, дано ему вершокъ шапочной суконной аглинской 6 ал. 4 д.—Генв. 1, въ Верхъ въ мастерскую палату отпущено на шахматные доски аршинъ сукна настрафилю червчатово цѣна 18 алт., взялъ знаменщикъ Ивашко Некрасовъ. — Генв. 24 въ Верхъ къ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы, 10 арш. камки адамашки червчатой по 25 алт., а тою камкою государыня пожаловала кн. Ѳанасья Васильевича Лобанова Ростовсково племянницу.—Февр. 15 государь пожаловалъ крайчево Мих. Мих. Салтыкова, дано ему 4 арш. сукна лундышу вишневого по рублю по 10 ал., а приказалъ государевымъ словомъ Борисъ Ив. Морозовъ.—Февр. 21 къ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Жданъ Шиповъ три литры золота, одна 10 р., а двѣ по 9½ р., да полотенцо коленское 4 р., да миткали арабскіе 2 р.—Февр. 26, тудаже 3 литры золота по 10 р., да двѣ литры золота по 8 р. 3 ал. 2 д. — Марта 1, тудаже двѣ литры шелку, одна лазорева, другая зелена, по 3 р — Мар. 7, тудаже литра шелку шемархансково, 3½ р. — Марта 11, къ государю въ потѣшную полчетверта аршина сукна настрафилю лазоревого по полтинѣ аршинъ, взялъ цымбальникъ Томило Михаиловъ. — Марта 15 послано въ конюшенной приказъ на государеву аргамачью конюшню къ государынинои кафтанѣ литра шелку черного 3½ р.; 1½ пуда бумаги хлопчатой по 4 р. пудъ, 18 арш. камки адамашки багровой по 26 ал. 4 д.: 46 ар. 2 вер. сукна лундышу чорново по 1½ р.; 10 арш. сукна настрафилю казенново черисьи по 18 ал. 4 д.; да на подбивку въ кафтану пошло 14 сороковъ безо штя соболей, цѣна 199 р 18 алт. 2 д.—Марта 17, къ инокѣ М. И. въ хоромы сорокъ соболей 20 р., а тѣми собольми государыня пожаловала князя Юрья Еншича (sic) княиню Марѳу Михаиловну на новоселья, да пару соболей цѣна 2 р.—Марта 21, въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ три камени безуръ, вѣсу въ нихъ 24 золотника безъ

деньги цѣна 215 руб.—Марта 25 къ инокѣ Мароѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ крестъ золотъ обнизанъ жемчугомъ, что государя благословилъ печерскій архимаритъ Іакимъ во 124 г.—Апр. 3 къ инокѣ Мароѣ Ив. въ хоромы 11½ арш. камки куфтерю тиосинего по рублю по 20 ал. по 4 д., а тою камкою государыня пожаловала царя Васильеву царицу княиню Олену Петровну.—Мая 1, къ инокѣ Мароѣ Ив. 4 арш. сукна англинсково зеленово по 29 ал. 4½ д., а тѣмъ сукномъ государыня пожаловала Ильину дочь Судимантову, да 3 арш. алтабасу полосатово по 5 р.—Инокѣ М. И. въ хоромы на поклонную колодочку поларшина сукна шебединского черново, 4 ал.—Мая 8, государыня и в. ст. инока Мароа Ив. пожаловала боярыню Анну Замыцкую, дано ей пару соболей, 2½ р.—Мая 16, отпущено въ походъ къ Троицѣ Живоначальной подъ образы на подстилку 2½ арш. сукна настрафилю лазоревого по 18 ал. 4 д., взялъ крестовой дьякъ Овдѣй Васильевъ. Отпущено въ мастерскую палату на станъ въ Танинское аршинъ 3 вер. камки адамашки червчатой 29 ал. 1 д.; государынѣ на изголовейцо на наволоку.—Мая 10 въ оружейной приказъ отпущена сабля булатная Теврнская, ножны хозъ черной, окова булатные цѣна 5 руб.; отнесъ молодой подъячей Семейка Костентиновъ.—Мая 29 отнесено къ государынѣ въ хоромы 9 арш. 3 в. отласу турецкого на червцѣ розные шолки съ золотомъ цѣна 50 р., 9 арш. отласу турецково по червчатой землѣ съ золотомъ 60 р.; 10 арш. алтабасу по серебреной землѣ по 5 р. аршинъ, 15 арш. отласу по червчатой землѣ круги и травы золоты по 5 р. арш.; 10 арш. 3 вер. отласу на зелени шолкъ алъ красно-лазоревъ мелкіе травки золоты 65 р.; косякъ отласу бурсково на червцѣ шолкъ бѣлъ жолтъ зеленъ лазоревъ круги островаты съ золотомъ, въ кругѣхъ змѣйки и древца, мѣры 9 арш. безъ чети, по 3 руб; четыре участка серебреныхъ цѣлыхъ по 7 р. участокъ; 7 арш. объяри по серебреной землѣ травки шолкъ зеленъ вишневъ 33 р. съ гривною; камка кизылбаская на одно лицо, по ней люди стоячіе и птицы и древа и кони и головы звѣрины шолкъ алъ бѣлъ красновишневъ синь ценинъ (sic) съ золотомъ, поверхъ людей солночники, цѣна 40 р.; камка кизылбаская на одно лицо по ней люди стоячіе съ саблями и съ щиты и луны и мечети на нихъ по два человѣка по угломъ и барсы и птицы и люди на слонѣхъ и сулейки, шолкъ празеленъ алъ бѣлъ зеленъ свѣтлозеленъ съ золотомъ, цѣна 30 р.: 14½ арш. камки адамашки жолтой по 26 ал. 4 д.; 18 арш. безъ чети камки адамашки багровой цѣна по 26 ал. 4 д.; камочка еская багрова 4 р.; двѣ камочки нѣмецкихъ по 5½ р. камочка; 10 арш. камочки кизылбаской жолтой по 23 ал. 2 д., 10 арш. камки кармазину червчатово травной на одно лицо по рублю 6 ал. 4 д.; 10 арш. камки кармазину мелкотравной по рублю 6 ал. 4 д.—Мая 30, инока Мароа Ив. пожаловала боярина князя Юрья Енишеевичу Су-

лешева княиню Мареу Михаиловну, дано ей опашенъ червчатъ съ круживомъ серебренымъ пугвицы серебрены золочены елкою, цѣна 17 р., Богдановской рухляди Бѣльсково.—Іюня 1 отпущено въ мастерскую полату 6 косяковъ тафтъ нѣмецкихъ розныхъ цвѣтовъ, по 2 р. съ полтиною. Въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ перстень золотъ наведенъ чернью, въ немъ олмазъ четвероуголенъ, 40 рублевъ.—Іюня 2, въ Верхъ въ хоромы иноки Мареы Ив. 17 арш. камки адамашки лазоревой, по 30 ал.: 10 арш. тафты червчатой кармазину по рублю 11 ал. 4 д.; 8 арш. тафты жолтой широкой по 26 ал. 4 д.; 40 арш. камки адамашки червчатой по 23 ал. 2 д.; взяла Марья Головина.—Іюня 6, государь пожаловалъ стольника Бориса Ив. Морозова, дано ему 10 арш. отласу кармазину червчатово, по рублю 20 ал.—Іюня 8, къ инокѣ М. И. въ хоромы аршинъ сукна аглинсково вишневого 29 ал. 4½ д., взялъ истопникъ Ортемъ Спасеной, у него взяла казначея Анна Сумина.—Іюня 9, государыня царева (царевна) и великая княгиня Настасѣя Ивановна всеа Русіи государыни и великой старицѣ инокѣ Мареѣ Ивановнѣ на новоселья челомъ ударила два сорока соболей, одинъ 30 руб., другой 25 руб.—Іюня 10, въ Вознесенской дѣвичь монастырь къ государыни и в. ст. инокѣ Мареѣ Ив. отнесъ дьякъ Жданъ Шиповъ сорокъ соболей 20 руб., да 4 пары соболей по 1½ р. пара.—Іюня 12, въ Верхъ къ инокѣ Мареѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ запонку золоту въ ней виниса долга съ камышки изумруды цѣна 15 р.; запонка съ тумпазомъ, а около 4 виннсы, 20 р.; запонка съ виннсою, а около 4 зерна да 4 камышка, 8 р.; запонка съ тумпазомъ, а около 4 искорки яхонтовые червчаты 8 р., запонка съ винисою граненою рогата 15 р., запонка съ хрусталемъ рогата 10 р.; запонка съ бирюзами 6 р., 5 запонокъ маленкихъ 10 р.; да аршинъ безъ чети бархату черново 26 ал. 4 д.—Іюня 14 инока Мареа Ив. пожаловала золотную мастерицу Микитину жену Тяпина Анну дано ей 4 арш. сукна мастрафилю червчатово по 21 ал. 4 д., а приказала государыниными словомъ казначея Анна.—Тогожъ дни государь пожаловалъ боярина кн. Ееонасья Васильевича Лобанова Ростовсково дано ему шлыкъ бархатъ венедицкой шолкъ червчатъ съ золотомъ двоеморхъ петлеватъ, Псковского Вора. Въ Верхъ къ инокѣ Мареѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ четыре завязки съ ворворки шолкъ зеленъ съ золотомъ, ворворки низаны жемчугомъ, да плащи низаны жемчугомъ по отласу по таусинному; спороты съ платна Псковского Вора. Къ ней же дьякъ Шиповъ отнесъ: платно бархатъ венедицкой шолкъ червчатъ съ золотомъ двоеморхъ петлеватъ, завязки шолкъ червчатъ съ золотомъ; а то платно государыня пожаловала боярина кн. Ееон. Вас. Лобанова Ростовскаго за сто рублевъ, что было ему взяти на ней на государыни; а то платно прислано изъ стрѣлецкого приказу.—Іюня 17, на конюшенный дворъ на обивку къ Дмитровскимъ санемъ 29 арш. алта-

басу по серебреной землѣ шолкъ зеленъ червчатъ багровъ съ золотомъ, по 5 р. арш. Тогожъ дни въ конюшенной приказъ 29 арш. крашенины лазоревой на подкладку въ Дмитровскіе сани по 9 ал., да на миндеръ шесть сафьяновъ червчатыхъ по 23 ал. 2 д., взялъ миндерной мастеръ Микита Ивановъ. Въ Верхъ къ государю въ хоромы двѣ запоны шитые на бѣли, индѣйскіе розные шолки, по 10 р. запона, да одѣяло бархатъ алъ шито золотомъ и шолки, 20 р.—Іюня 20 въ конюшенной приказъ на кровлю къ Дмитровскимъ санемъ 12 арш. бархату кизылбасково червчатово по 26 ал. 4 д.; на подкладку 12 арш. камки нѣмецкой зеленой по 20 ал. 2½ д.—Іюня 26 въ мастерскую палату отпущено двои цки собольи съ рукавы, одни сто рублевъ, другіе 150 руб. Одни отпущены подъ государеву подъ русскую шубу да подъ терликъ. Память прислана Іюля (sic) въ 6 числѣ, взялъ портной мастеръ Ѳедоръ Кейковъ.—Іюня 27 въ конюшенной приказъ пудъ 32 гривенки бумаги хлопчатые по 4½ р. пудъ.—Іюня 28, тудаже на мѣстное изголовейцо 2 арш. бархату по серебреной землѣ шолкъ алъ, по рублю 23 ал. 2 д.; на подкладку 1½ арш камки адамашки червчатой по 20 ал.; да пудъ бумаги хлопчатые, 4½ р.; взялъ конюхъ Илья Одинцовъ. Тудаже на скамейку 4 ар. 7 в. бархату кизылбасково червчатово гладково по 26 ал. 4 д.; да на 12 попонъ 30 арш. сукна багрецу по рублю 6 ал. 5 д. Въ Верхъ къ инокѣ М. И. въ хоромы поставъ сукна настрафилю свѣтлозеленого 22 р, взялъ истобникъ Жданко Мясникъ. Тудаже отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ Кисею цѣна 2 р.; тудаже на изголовейцо аршинъ бархату нѣмецково полосатово шолкъ бѣлъ зеленъ съ серебромъ, рубль.—Іюля 5 на конюшню къ колымагѣ 4½ арш сукна багрецу моченово на тежи и на мелкіе снасти, по рублю 5 ал. 2 д.; да подъ 12 попонъ на подкладку 9 косяковъ тафтъ нѣмецкихъ зеленыхъ и лазоревыхъ по 2½ р. косячекъ.—Іюля 10, государь пожаловалъ боярина кн. Ѳеод. Вас. Лобанова Ростовского дано ему полотенцо кисейное по немъ шито шолки въ круги розными цвѣты. Въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ тафейку шита по отласу по червчатому золотомъ и серебромъ волоченымъ, веревочка на перекресткахъ и кругомъ шита золотомъ пряденымъ, цѣна 25 алт.—Іюля 23, къ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ 50 литръ золота и серебра пряденого, по 6½ р. литра; да ожерелейцо низано по отласу по бѣлому половиничатымъ жемчугомъ, счетомъ 145 жемчужинъ.—Августа 26 государыня и в. стар. инока Марѳа Ив. пожаловала бѣлую мастерицу Люкерью Хлѣбникову дано ей 5 арш. сукна настрафилю червчатово по 23 ал. 2 д., а приказала государыниннымъ словомъ боярыня Марья Юрьевна Головина. Авг. 28 дано подъ понагею, что у Благовѣщенья, что къ государю носитца, аршинъ безъ 3 вершковъ камки червчатой карназину мелкотравной, 30 алт. съ денгою.

пускали изъ своей воли; и такое малолѣтство могло, въ извѣстныхъ родовыхъ обстоятельствахъ, продолжаться до его собственной глубокой старости. Это понятно; но менѣе понятно то, что тотъ же самый взглядъ на существо человѣческой личности неизмѣнно господствовалъ и въ общественномъ сознаніи, въ порядкѣ и складѣ общественныхъ отношеній, во внутреннемъ, нравственномъ складѣ всего нашего древняго житья-бытья. Практическій, жизненный смыслъ отеческой воли заключался, какъ мы видѣли, въ личномъ родительскомъ произволѣ, въ той, еще до сихъ поръ не умершей, и чуть не врожденной, нравственной аксіомѣ, что „мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю", какъ мыслитъ еще современный намъ родитель, и какъ мыслилъ XII вѣкъ въ лицѣ старшаго города, какъ мыслилъ потомъ дѣдъ Грознаго, в. к. Иванъ Васильевичъ, сказавшій Псковичамъ: „чи не воленъ язъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтехъ? Ино кому хочу, тому дамъ княженство....".

Очевидно, что такая воля и для малолѣтныхъ, и особенно для малолѣтныхъ въ общественномъ смыслѣ, не могла имѣть ни какого другаго смысла, какъ смыслъ произвола, смыслъ простой грубой силы или насилія, смыслъ обыкновенной физической силы, въ какой, подъ видомъ *ученья*--битья, по преимуществу, и проявлялась эта воля старшаго или родительская воля. Но этотъ произволъ, въ глазахъ массы, освящался не только авторитетомъ своего происхожденія, т. е. происхожденія изъ непререкаемой власти родительской, но и ученіемъ церкви, которая утверждала и распространяла его, какъ единственную силу общественнаго союза. Въ убѣжденіяхъ массы этотъ произволъ, эта воля старшаго, построившая по своему идеалу и всю бытовую власть, являлась какою-то первозданною физическою стихіею, въ родѣ огня, воды, предъ которою, по необходимости, должна была приникать всякая самостоятельность, а тѣмъ болѣе самостоятельность индивидуальной личности.

Малолѣтный, т. е. ребенокъ, отрокъ физически, равно какъ и ребенокъ, *отрокъ* общественно, чувствовалъ на каждомъ шагу силу этой воли—стихіи, и по необходимости ею одною воспитывался, воспитывалъ свои понятія и свои стремленія. Другихъ началъ, другихъ источниковъ для развитія и образованія собственной воли онъ не имѣлъ. Его со всѣхъ сторонъ охватывала среда произвольныхъ поступковъ, произвольныхъ дѣйствій, которые представляли практическое только выполненіе цѣлаго нравствен-

наго ученія объ авторитетной волѣ старшихъ. Въ этомъ ученіи онъ выяснялъ себѣ понятіе не о нравственной свободѣ человѣка вообще, на чемъ и должна бы созидаться воля; напротивъ онъ выяснилъ себѣ твердое убѣжденіе о подчиненіи такой свободы произволенію старшихъ, какъ исключительныхъ, отъ рода и отъ вѣка поставленныхъ, блюстителей нравственнаго закона. Онъ выяснялъ себѣ твердое убѣжденіе, что никто не долженъ имѣть воли (свободы) въ качествѣ человѣческой личности, а всякій долженъ обладать ею только въ качествѣ старшаго, въ качествѣ отца своимъ дѣтямъ, и въ прямомъ,и въ переносномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ всякаго властнаго положенія въ обществѣ. Воспитанный въ родительскомъ произволѣ, въ произволѣ старшихъ вообще, крѣпко убѣжденный, что этотъ произволъ, иначе родительская и родовая опека, есть священная воля самой нравственности, неколебимая основа нравственной жизни; что этою только одною волею держится не только связь семьи, рода, но и связь всего общества, всей земли; — старый нашъ предокъ, вступая въ жизнь уже возрастнымъ, болѣе или менѣе сознательнымъ ея дѣятелемъ, ничего не могъ принести въ нее другаго, какъ тѣже самыя понятія и убѣжденія, какъ тотъ же основной смыслъ воли вообще и своей въ особенности, тотъ же произволъ, который представлялъ для него единственную и исключительную норму дѣйствій и дѣяній.

Дѣйствуя по такому умоначертанію, по такому развитію и складу своего права, онъ не могъ въ собственномъ сознаніи отдѣлить законнаго отъ беззаконнаго въ этомъ отношеніи, потому что здѣсь для него ясенъ былъ одинъ только законъ — воля или произволъ старшаго, стало быть, *своя воля*, когда онъ *самъ* дѣлался старшимъ, властнымъ, т. е. свободнымъ и самостоятельнымъ по его понятіямъ и представленіямъ. Истинныхъ понятій о нравственной свободѣ лица не могло существовать въ обществѣ, гдѣ родовой духъ съ такою силою пригнеталъ, давилъ личность, т. е. всякую человѣческую индивидуальность. Поэтому идея свободы понималась также матеріально, какъ и идея воли, и свобода значила собственно освобожденіе отъ чужой воли, а слѣдовательно пріобрѣтеніе своей воли; или въ сущности пріобрѣтеніе нравственной или матеріальной силы распоряжаться въ данныхъ обстоятельствахъ полнымъ хозяиномъ. Идея самостоятельности, нравственной независимости была нераздѣльна съ идеей самовластія, а еще ближе, съ идей самоволія и своеволія.

Вотъ почему мы, люди другаго времени и другихъ понятій о законахъ нравственности, не имѣемъ права слишкомъ строго судить объ этомъ неизмѣримомъ и безграничномъ *своеволіи и самовластіи*, которое такъ широко господствовало въ нашемъ допетровскомъ и петровскомъ обществѣ, и особенно мало имѣемъ права осуждать за это отдѣльныя, а тѣмъ болѣе историческія личности, которыя всегда служатъ только болѣе или менѣе сильными выразителями идей и положеній жизни своего общества.

Своеволіе и самовластіе въ ту эпоху было нравственною свободою человѣка; въ этомъ крѣпко и глубоко былъ убѣжденъ весь міръ-народъ; оно являлось общимъ, основнымъ складомъ жизни. Это была общая норма отношеній между старшими и младшими, между властными и безвластными, между сильными и безсильными, между независимыми и зависимыми, и въ физическомъ, и въ нравственномъ, и въ служебномъ, и въ общественномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Это былъ нравственный законъ жизни, выращенный ею же, самою жизнію, изъ почвы родоваго, патріархальнаго быта и отеческихъ поученій; законъ, которому противорѣчія, отрицанія являлись только въ средѣ государственныхъ, вообще гражданскихъ, соціальныхъ стремленій, постоянно, хотя и не всегда успѣшно, съ нимъ боровшихся. Нужно было очень много времени для того, чтобъ этотъ законъ, въ борьбѣ съ государственными, т. е. соціальными элементами, износилъ свои жизненныя начала, сдѣлался дряхлымъ и ветхимъ, какимъ онъ представляется нашему сознанію только теперь, въ началѣ втораго тысячелѣтія нашей исторической жизни, все еще, время отъ времени, давая намъ иногда сильно чувствовать, что не совсѣмъ угасло его престарѣлое существованіе.

Само собою разумѣется, что историкъ, въ своихъ разысканіяхъ и размышленіяхъ о характерѣ многихъ событій нашей исторіи и особенно о характерѣ дѣйствовавшихъ въ этихъ событіяхъ лицъ, не могъ не замѣтить, не могъ не почувствовать особенной, какъ бы основной черты, проходящей по всей нашей исторіи и неизмѣнно появляющейся въ каждомъ, сколько нибудь сильномъ и наиболѣе выразительномъ ея дѣйствіи, особенно за послѣдніе два вѣка передъ реформою. Трудно было хорошо выяснить себѣ эту основную черту, найдти ея истинный, жизнен-

ный смыслъ. Тому очень мѣшали наши взгляды, исполненные западныхъ идей, западныхъ представленій объ историческихъ силахъ, развивавшихъ тамошнія народности. Западными идеями мы по преимуществу измѣряли и собственное, историческое развитіе; дѣлали ему оцѣнку съ точки зрѣнія западныхъ представленій о свободѣ и рабствѣ, о правѣ и государствѣ, о соціальной общинѣ, объ обществѣ и общественности, а главнымъ образомъ, о свободной и независимой личности. Отсюда развившееся въ Москвѣ самодержавіе мы объясняли и до сихъ еще поръ объясняемъ татарскою идеею, которая будто-бы въ немъ воплотилась и, какъ самое Батыево иго, безпощадно громила всѣ свободныя, самостоятельныя учрежденія совершенно свободной, будто-бы „удѣльно-вѣчевой“ нашей старины. Западный человѣкъ, исполненный идей о правахъ независимой личности, иначе и не могъ смотрѣть на наше дѣло, какъ именно такими глазами. По его взгляду и мы такъ поняли основной законъ нашей исторіи и вслѣдствіе того подняли нашу семейную и вѣчевую общину до идеала, какой возможенъ только въ поэзіи. Древняя семья-община предстала намъ въ образѣ угнетенной невинности; между тѣмъ, она-то и была первою причиною этой татарской идеи, наилучшею почвою ея воспитанія и развитія. Самодержавіе въ своей самовластной формѣ XVI и XVII вѣка явилось роскошнымъ цвѣтомъ, плодомъ именно родовой культуры, которая заботливо воспитывала насъ съ самыхъ первыхъ временъ нашей исторіи. Не зная хорошо самихъ себя въ исторіи и во всемъ своемъ, даже современномъ быту, мы, по неизбѣжной причинѣ, должны были удаляться больше въ поэзію, чѣмъ идти къ здравому, чисто научному изслѣдованію. Мы и теперь все еще идеализируемъ нашу прошлую жизнь по плану иноземныхъ идей. Однако разработка нашей исторической науки все-таки подвигается впередъ и здравый реализмъ, который характеризуетъ ее въ послѣднее время, незамѣтно наводитъ насъ на иныя соображенія о дѣйствующихъ силахъ нашей исторіи.

Сводя счеты всей дѣятельности и дѣйствительности старой Руси до эпохи преобразованія, историкъ ни какъ не могъ не почувствовать той основной черты въ нашихъ историческихъ характерахъ, о которой мы ведемъ рѣчь.

Онъ долженъ былъ замѣтить ея присутствіе повсюду и, слѣдя главнымъ образомъ за формами жизни, по естественной

причинѣ, остановился на самой выразительной, законченной, поэтической ея формѣ, которую создалъ самъ народъ. Историкъ очень вѣрно охарактеризовалъ эту черту эпическимъ богатырствомъ. Богатырь, въ самомъ дѣлѣ, въ народныхъ поэтическихъ представленіяхъ, является образомъ самостоятельной, независимой, вполнѣ свободной личности. какъ рисовалъ ее себѣ нашъ старый вѣкъ.

Указывая общее направленіе или общую силу дѣяній русскаго человѣка въ XVII ст.; историкъ говоритъ: „Бытъ русскаго народа до эпохи преобразованія вполнѣ выражается въ его поэзіи; однихъ ея памятниковъ достаточно для вѣрной, общей оцѣнки этого быта.... Вслушавшись внимательно въ эту длинную и однообразную пѣсню русскаго народа, которую онъ заводитъ отъ Кіева и Царягорода, и ведетъ черезъ Волынь, Галичь, Черниговъ, Новгородъ, Москву къ Казани, Астрахани и Сибири, мы видимъ ясно, что это народъ, прожившій восемь вѣковъ въ одинаковыхъ историческихъ условіяхъ. Любимый образъ фантазіи пѣвцовъ это *богатырь-казакъ*, названія однозначащія. Какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ русскій міръ былъ на украйнѣ; какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ человѣкъ, которому было тѣсно въ избѣ отцовской, у котораго *сила по жилочкамъ живчикомъ переливалась, которому было грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени*, отправлялся въ степь-поле, гдѣ ему легко найдти, на комъ попробовать свою силу молодецкую. Многое перемѣнилось въ государственномъ строю Россіи съ X до XVII вѣка, отъ временъ ласковаго Кіевскаго князя Владиміра до временъ великаго царя Алексѣя Михаиловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержца, но удальцы по прежнему шли въ степь *поляковать* (отъ *поле*), на Дону образовалось большое военное братство удалыхъ *поляницъ* (опять отъ *поле*), гдѣ каждому богатырю можно было набрать себѣ дружину и идти на подвигъ. Такимъ образомъ для народа была возможность черезъ цѣлый рядъ вѣковъ пѣть свою пѣсню на одинъ ладъ, потому что содержаніе ея было живо передъ его глазами; богатырь не умиралъ въ козакѣ, и наши древнія богатырскія пѣсни въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, суть пѣсни казацкія, о казакахъ“.

Такимъ образомъ выходитъ, что допетровское русское общество со стороны общаго характера своихъ подвиговъ, дѣяній и былей, переживало еще древній, эпическій складъ быта. Богатырство, какъ извѣстный законъ личнаго характера, было

исходнымъ началомъ личной дѣятельности, личнаго *дѣянья*. Понятно, что образомъ богатырства можетъ быть обрисовано и казачество, весьма видное и въ полномъ смыслѣ эпическое явленіе нашей исторіи. Историкъ распространяетъ смыслъ богатырства и на всѣ другія, съ виду однородныя, явленія жизни. Онъ ставитъ его общею характеристическою чертою нравственной жизни общества, а слѣдовательно типическою чертою жизни отдѣльныхъ лицъ. Съ этою цѣлью онъ даетъ намъ эпическую характеристику богатыря, рисуетъ вообще *сильнаго* человѣка нашей старины: „Молодой человѣкъ чувствуетъ тяжкій грузъ силы, чувствуетъ тоску по степи, и говоритъ матери: „Ай же ты, государыня, моя матушка! давай же прощеньице — благословленьице: поѣду я во далече—далече чисто поле, хочу разгонять бурушка косматаго, хочу поразмять своего плеча богатырскаго, спробовать силы-удали молодецкія. *Долго ли мнѣ жить во глупомъ, во маломъ во ребячествѣ*, ходить мнѣ дома по улицѣ широкія, съ ребятами тѣшиться“? Пока молодой человѣкъ не вырвется въ чисто-поле, все онъ будетъ жить въ глупомъ, маломъ ребячествѣ: *отъ глупаго ребячества до возмужалости нѣтъ переходнаго времени образованія!* Страшенъ бывалъ сильный человѣкъ, вырвавшійся прямо изъ глупаго, малаго ребячества на *полную волю*, въ чистое поле, и начавшій разминать свое плечо богатырское. Пѣсни превосходно изображаютъ намъ эту расходившуюся силу, которая не сдерживается ничѣмъ: эти поэтическія изображенія объяснятъ намъ не одно явленіе не только въ древней, но и въ новой нашей исторіи, которая не могла разомъ отрѣшиться отъ старыхъ условій. Илья Муромецъ, разсердившись, что его не позвали на пиръ, стрѣляетъ по божьимъ церквамъ, по чуднымъ крестамъ, и отдаетъ золоченныя маковки кабацкой голи на пропивъ, хочетъ застрѣлить князя Владиміра съ княгиней. Когда Василій Буслаевъ расходился въ бою съ новгородцами, то не пощадилъ крестнаго отца. Мать, чтобъ унять расходившагося богатыря, заходитъ сзади и надаетъ на плеча могучія: богатырь говоритъ ей: „ты старушка лукавая, толковая! умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня. А ежелибъ ты зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ, убилъ бы замѣсто мужика новгородскаго“.

Вотъ основныя черты того характера, который служитъ типическимъ выраженіемъ нашей допетровской жизни, который управ-

ляетъ этою жизнію во всѣхъ ея крупныхъ и мелкихъ дѣлахъ. Какъ ярко и живо въ этомъ изображеніи выясняется намъ ликъ и самого Петра, этого послѣдняго богатыря нашей эпической древности и перваго выразителя всѣхъ сознательныхъ элементовъ русской личности. Какое кровное, самое блажайшее родство чувствуется въ этихъ герояхъ, стоящихъ по ту и по сю сторону нашей исторической жизни. Восемь вѣковъ сливаются въ одинъ моментъ и обнаруживаютъ, что это люди не только одного и того же поколѣнія, но даже одной семьи. Историкъ далѣе еще больше уясняетъ намъ богатырскія черты старинной нашей личности. По поводу автобіографіи извѣстнаго протопопа Аввакума онъ говоритъ: „Важность памятника (автобіографіи) заключается въ томъ, что онъ лучше другихъ памятниковъ переноситъ насъ въ Россію XVII вѣка, отъ которой мы отошли такъ далеко и явленія которой мы съ такимъ трудомъ понимаемъ, придавая историческимъ лицамъ XVII вѣка черты нашего времени, наши воззрѣнія и стремленія. Мы имѣли возможность узнать, что такое былъ сильный человѣкъ въ древней Россіи, какъ силы богатыря мало сдерживались, какъ онѣ не были устроены и направлены *воспитаніемъ и образованіемъ*, ибо плеть и палка однѣ не могутъ содѣйствовать этому устроенію и направленію, какъ богатырь вырывался изъ отцовскаго дома, изъ подъ отцовской плети и палки размять плечо богатырское, и что могло тутъ сдержать его? сама мать должна была заходить сзади, чтобъ унять расходившуюся силу. Подробности жизни Никона много уясняютъ намъ явленія этихъ богатырей среди общества, невыработавшаго нравственныхъ сдержекъ для хаотическихъ богатырскихъ силъ. До тѣхъ поръ, пока мы не перенесемся въ XVII вѣкъ и не взглянемъ на Никона, какъ на богатыря въ патріаршей митрѣ и саккосѣ, до тѣхъ поръ это явленіе останется для насъ загадочнымъ, а Никонъ не перестанетъ изумлять насъ своею *силою* и *безсиліемъ*. Въ соотвѣтствіи богатырю патріарху, XVII вѣкъ выставляетъ намъ богатыря — протопопа, вслѣдствіе несдержанной *силы* ставшаго заклятымъ врагомъ Никона и расколоучителемъ. Аввакумъ въ драгоцѣнномъ житіи своемъ является не одинъ, но окруженный цѣлою дружиною подобныхъ ему богатырей, которые расходились въ защиту двуперстнаго сложенія и двойной аллилуіи и *не могли найдти себѣ удержу*; тутъ-же близко познакомимся съ особаго рода богатырями — юродивыми, которымъ также

грузно отъ *силушки*, какъ отъ тяжелаго бремени, и которые освобождаются отъ этого бремени тѣмъ, что ходятъ въ лютые морозы босикомъ въ одной рубашкѣ: толпа, видя проявленіе такой *силы*, вполнѣ вѣритъ и подвигамъ Ильи Муромца и Добрыни Никитича, какъ разсказываются они въ сказкѣ и поются въ пѣснѣ".

„Въ житіи Аввакума встрѣчаемъ мы и старыхъ своихъ знакомыхъ, воеводъ, такихъ охотниковъ давать чувствовать свою силу, встрѣчаемъ и Сибирскихъ воеводъ, этихъ русскихъ Кортесовъ и Пизарро, которые ходятъ на пріиски новыхъ землицъ и которые совершенно разнуздались въ далекой странѣ среди дикихъ звѣрей и дикихъ людей. Наконецъ встрѣчаемся и съ дикою силой толпы, которая такъ легко выражается въ насиліи".

Итакъ, вотъ смыслъ того богатырства, которымъ по преимуществу характеризуется эпоха и люди. Это стало быть богатырство дикой, первозданной силы, неустроенной и необразованной воспитаніемъ, богатырство необузданной или разнузданной воли, отъ которой самому богатырю становится *грузно*, какъ отъ тяжелаго бремени, — это богатырство первозданнаго своеволія и самовластія. Конечно, богатырство, въ этомъ распространеніи своего смысла и значенія, теряетъ уже свой истинный, поэтическій типъ, весьма опредѣленно и законченно выразившійся въ народномъ эпосѣ. Въ отношеніи исторической дѣйствительности оно является натяжкою, едва не каррикатурою. Въ народномъ эпосѣ значеніе и даже происхожденіе этихъ богатырскихъ силъ очень понятно, — тамъ это неболѣе, какъ эпическое олицетвореніе силъ народнаго духа, олицетвореніе силъ и направленій всей жизни народа. Но, перенося эпическій смыслъ богатырства на мелкія и крупныя дѣла людей XVII вѣка, въ среду ежедневной дѣйствительности, мы уже имѣемъ дѣло не съ поэтическою правдою, а съ правдою историческою, съ *нравственнымъ* историческимъ началомъ жизни и по необходимости должны вопросить: откуда это начало, гдѣ его корень? Историкъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ; онъ даже и не ставитъ такого вопроса, полагая, вѣроятно, что для уясненія дѣла достаточно одной параллели эпическаго богатырства съ дѣйствительнымъ богатырствомъ нравственныхъ дѣлъ XVII вѣка. А вопросъ очень любопытенъ и очень важенъ. Въ немъ ключь къ разъясненію характера не только отдѣльныхъ личностей,

но и цѣлыхъ событій нашей исторіи. Одною параллелью съ богатырствомъ эпическимъ объяснить его невозможно. Очевидно, что корни историческаго богатырства должны лежать въ той почвѣ, которая вообще именуется культурою народа, его нравственною и умственною выработкою или выправкою. Въ короткой характеристикѣ стариннаго обученія, историкъ мимоходомъ касается и этого вопроса, замѣчая, что „съ одной стороны древній, русскій человѣкъ начиналъ очень рано общественную дѣятельность, недоноскомъ относительно приготовленія, образованія, съ неокрѣпшими духовными силами; съ другой стороны, онъ дѣлался самостоятельнымъ очень поздно, потому что вмѣсто широкой, нравственной опеки общества, онъ очень долго находился подъ узкою опекою рода, старыхъ родителей (старшихъ родственниковъ); но легко понять, какъ должна была дѣйствовать эта долгая опека на человѣка возмужалаго; который самъ былъ отцемъ семейства. Такимъ образомъ два обстоятельства вредно дѣйствовали на гражданское развитіе древняго русскаго человѣка: *отсутствіе образованія*, выпускавшее его ребенкомъ къ общественной дѣятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его въ положеніи несовершеннолѣтняго, опека необходимая впрочемъ, потому что, вопервыхъ, онъ былъ дѣйствительно несовершеннолѣтенъ, а вовторыхъ, общество не могло дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что продолжительная опека дѣлала его прежде всего робкимъ передъ всякою силою, что впрочемъ нисколько не исключало дѣтскаго своеволія и *самодурства*“ [1].

Въ томъ-то и дѣло, что продолжительная опека прямо и непосредственно воспитывала это своеволіе и самодурство, которое и составляетъ сущность указаннаго историкомъ богатырства уже не эпическаго, а историческаго, какъ мы замѣтили, которое правильнѣе будетъ назвать не богатырствомъ, а господарствомъ. Въ томъ-то и дѣло, что *не отсутствіе образованія*, а именно слишкомъ тяжелое присутствіе *извѣстнаго* образованія, выразителемъ котораго былъ Домострой съ своими родоначальниками и родичами, и не отсутствіе со стороны общества нравственной опеки, а именно до крайности великое и осязательное ея присутствіе, до крайности сильно выработавшіяся, извѣстныя нравственныя сдержки всякой личной самостоятельности, — вотъ что именно

[1] Исторія Россіи г. Соловьева, т. XIII, 162, 172—174, 206 и др.

воспитывало и развивало каждый личный характеръ и дѣлало его съ одной стороны *робкимъ*, ребенкомъ, дитятею, *предъ всякою силою*, а съ другой самовольнымъ, своевольнымъ, т. е. самовластнымъ предъ всякимъ отсутствіемъ силы, предъ всякимъ ребенкомъ по силѣ. Совершенно справедливо, что личный характеръ выступалъ къ общественной дѣятельности совершеннымъ ребенкомъ. Духъ этого „глупаго малаго ребячества" и былъ первою основою его нравовъ, и стало быть и первою основою его поступковъ и подвиговъ. Но не потому онъ выступалъ въ общество ребенкомъ, что не было отъ глупаго ребячества до возмужалости переходнаго времени образованія: образованіе, имѣя слишкомъ общій, неопредѣленный смыслъ, даже и до послѣдняго времени плохо устроиваетъ нашу волю, которая въ общей сложности все-таки дѣйствуетъ еще по-дѣтски;—но главнымъ образомъ потому старый нашъ предокъ вступалъ въ общество и жилъ въ обществѣ ребенкомъ, что не имѣлъ и малѣйшихъ представленій о возмужалости воли, т. е. о нравственной самостоятельности лица, на чемъ конечно должно бы сосредоточиваться всякое образованіе, но что всегда маскируетъ или и совсѣмъ отстраняетъ, какъ великую напасть, образованіе, поддерживаемое патріархальными или родовыми идеями. Мы знаемъ, что напр. въ XVIII вѣкѣ было у насъ образованіе; однако оно даже въ образованныхъ личностяхъ нисколько не устраняло того эпическаго богатырскаго своеволія и самовластія, которое крѣпко еще держалось за старые русскіе корни и широко царствовало во всемъ быту. Мы вообще хотимъ сказать, что образованіе ничего не сможетъ сдѣлать, если вся общественная, и умственная, и нравственная культура питается противоположными ему началами. Тогда оно производитъ только печальные плоды и наиболѣе только жертвы умственныхъ и нравственныхъ несообразностей, какія всегда пораждаетъ борьба просвѣщенія съ закоренѣлымъ невѣжествомъ.

Точно тоже мы должны сказать и о нравственной опекѣ общества. Если есть общество, то есть и опека и именно нравственная. Весь вопросъ въ томъ, на чемъ общество стоитъ въ своемъ воззрѣніи на нравственное, что общество почитаетъ нравственнымъ? Ибо по этому вопросу каждый вѣкъ имѣетъ свои особыя созерцанія и убѣжденія. Наше общество было сильно лишь родовыми идеями, отчего мы и называемъ его не обществомъ, а родствомъ. Существо нравственной идеи, которая была

руководителемъ всѣхъ помысловъ и поступковъ стараго русскаго человѣка, когда онъ стремился взойти на высоту нравственной жизни, заключалось въ томъ, чтобы во имя родоваго идеала сдерживать до приниженія нравственную свободу и нравственную самостоятельность личности. Въ умственной культурѣ для этого существовалъ цѣлый нескончаемый рядъ представленій о господствѣ надъ жизнію человѣка невѣдомыхъ демоническихъ силъ, предъ которыми самостоятельность и свобода личности поникала въ полное сознаніе своего безсилія и ничтожества. Въ нравственной культурѣ существовала идея отеческой опеки, предъ которою точно также нравственная самостоятельность и свобода личности поникала въ полное сознаніе своего дѣтства, стало быть такогоже ничтожества. Полное всестороннее подчиненіе ума и воли этимъ началамъ было нравственностью вѣка. Но въ одномъ знаменателѣ чтоже выражала эта нравственность? Полное отрицаніе самостоятельности нравственныхъ индивидуальныхъ силъ человѣка, полную его нравственную зависимость отъ постороннихъ силъ, передъ которыми онъ стоялъ безпомощнымъ ребенкомъ; словомъ сказать, полное и глубокое сознаніе своего безпомощнаго дѣтства, глупаго малаго ребячества, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ именно требовалась вѣра въ достоинство и нравственную высоту человѣческой природы, въ ея полную независимость ни отъ добрыхъ, ни отъ злыхъ разныхъ силъ, т. е. независимость отъ первозданныхъ языческихъ идей и идеаловъ жизни.

Общество или, точнѣе, пропитанный идеями всесторонней опеки надъ личностью, общественный умъ чутко и зорко сторожилъ всякое и малѣйшее отступленіе отъ сознанныхъ имъ началъ жизни и даже отъ самыхъ ихъ формъ. Дѣтство ума онъ охранялъ и укоренялъ тѣмъ, что обзывалъ всякое его движеніе страшнымъ въ то время словомъ: ересью, а всякую книгу, не входившую въ кругъ его созерцанія, еретическою. Дѣтство чувства и воли онъ охранялъ и укоренялъ неустаннымъ преслѣдованіемъ всякаго выраженія самостоятельности, почитая это гордостью, высокоуміемъ, самонадѣянностью и т. п. нравственными грѣхами, и съ этой цѣлью широко развивалъ идею смиренія, а въ сущности идею повиновенія, безграничнаго приниженія личности во всевозможныхъ видахъ.

Такова была нравственная опека общества надъ личностью, дѣйствовавшая во имя нравственнаго совершенства, которое

все сводилось, какъ мы сказали, къ всестороннему отрицанію природныхъ человѣческихъ требованій и природныхъ человѣческихъ достоинствъ личности.

Эта-то опека и создавала тотъ тяжелый, душный міръ, изъ котораго вырваться было возможно только съ силою богатыря. Она-то и производила богатырей необузданной воли; но не потому, что недоставало имъ переходнаго времени образованія, или нравственной опеки общества, а потому что слишкомъ эта воля была зануздана. Тутъ становился сильнымъ естественный законъ, что крайность вызываетъ другую крайность; отрицаніе самостоятельности человѣка въ природѣ его нравственныхъ дѣлъ, являлось отрицаніемъ въ немъ самомъ его человѣческихъ свойствъ и онъ, по неизбѣжной причинѣ, дѣлался звѣремъ своей воли, или говоря поэтически становился богатыремъ.

Для дѣйствій такой воли, конечно необходимъ былъ просторъ, необходимо было *поле*. Какъ только человѣкъ, послѣ 30 лѣтняго сидѣнья сиднемъ въ своемъ домѣ, т. е. въ домѣ, исполненномъ родительской и общественной опеки, выѣзжалъ въ полѣ, онъ богатырствовалъ, какъ Илья Муромецъ. Для однихъ, счастливыхъ, такимъ полемъ была власть, властное авторитетное положеніе въ обществѣ; для другихъ, угнетенныхъ и чѣмъ либо утѣсненныхъ, такимъ полемъ было дѣйствительное поле, степь, куда, какъ въ нравственную и соціальную отдушину, уходило все, что чувствовало себя не по себѣ въ этомъ тѣсномъ и душномъ жилище всяческой опеки. Отсюда разбойная жизнь по большимъ дорогамъ и рѣкамъ, особенно по Волгѣ-матушкѣ, отсюда украинное казачество, отсюда усиленіе бродяжничества, т. е. въ сущности исканіе независимости и самостоятельности для личности, которая не могла иначе, т. е. лучше, разумнѣе, законнѣе и возвышеннѣе, понимать и чувствовать эти блага своей человѣческой природы. Отсюда развитіе нашего раскола и этотъ широкій нигилизмъ разныхъ его согласій и толковъ. И все это условливается однимъ и тѣмъ же началомъ нашего развитія и всей нашей культуры, тойже непомѣрною отеческою опекою, въ какой постоянно находился и до сихъ поръ находится нашъ умъ и наша воля; тою же родовою идеею, которая была главною и непосредственною воспитательницею и нашихъ добродѣтелей, и нашихъ пороковъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться очень страннымъ: старинная родительская философія и житейская практика со сто-

роны всяческой власти стояла на томъ, чтобъ *не давать воли* малому, т. е. малому или меньшему во всѣхъ отношеніяхъ, и домашнихъ, и общественныхъ. Это было коренное, неколебимое убѣжденіе вѣка въ его нравственной сферѣ, убѣжденіе, созданное развитіемъ и дѣлами самой жизни. Это было коренное, несомнѣнное начало, руководившее прежде всего воспитаніемъ дѣтей, слѣд. родительскою властью, а потомъ всякимъ начальствомъ, всякимъ управленіемъ въ житейской средѣ, начиная съ домовладычества и восходя до владычества въ какомъ либо воеводствѣ или намѣстничествѣ, или даже въ государствѣ. На этомъ началѣ крѣпко стоялъ смыслъ всякой власти, сколько бы ни была она мала или велика. Оно господствовало вездѣ и недопускало никакихъ другихъ понятій о подчиненныхъ, подвластныхъ, какъ только о дѣтяхъ, о малолѣтныхъ или о домочадцахъ, которыми *управлять* — значило *не давать имъ воли*. Сюда были направлены всѣ поученія, вся практическая философія того времени, вся *жесточь* практическихъ выполненій этой философіи.

Слѣдовало ожидать, что воля должна совсѣмъ утратить свою жизненную упругость, свою жизненную энергію. Внутри оно такъ и случилось. Восьми-вѣковой періодъ, жившій одною идеею, успѣлъ окончательно подавить, заглушить волю; но за то, взамѣнъ воли, этотъ многовѣковой періодъ успѣлъ вырастить самое безграничное своеволіе, отъ котораго старина ни какъ не могла отличить волю въ собственномъ смыслѣ. Вотъ почему въ нашей исторіи мы видимъ, что воля богатырствуетъ вездѣ, гдѣ только является *своею волею*. Мы видимъ, что волю бралъ всякій и вездѣ, гдѣ только являлась возможность и гдѣ не встрѣчалось другой, чужой воли, на столько сильной, чтобъ не давать забирать свою волю. Такимъ образомъ воля, какъ мы уже выше говорили, представлялась чѣмъ-то матеріальнымъ, внѣшнимъ, чѣмъ-то такимъ, что можно было давать и недавать, брать или не брать. Высокаго нравственнаго смысла человѣческой свободы она не имѣла, она носила одинъ лишь смыслъ животный, выражалась въ животныхъ формахъ и требовала животныхъ средствъ для направленія и отправленія своихъ дѣйствій.

Въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ намѣренія останавливаться на перечисленіи всѣхъ видовъ богатырствованія, къ какимъ приводила вырвавшаяся изъ удушливой опеки *своя воля* личности. Въ исторіи намъ знакомѣе всего богатырство-

ваніе властнаго человѣка, которое всегда поддерживалось и поддерживается обыкновенно положительными законами и учрежденіями. Оно всегда за нихъ и прячется, какъ за каменную стѣну. Исторія нашихъ властныхъ отношеній, даже до сихъ дней, исполнена такого богатырствованія. Здѣсь идея опеки находила себѣ положительное и весьма широкое выраженіе, ибо всякая власть сама по себѣ имѣла авторитетъ, смыслъ власти отеческой, вѣками освященной.

Должно вообще замѣтить, что если мы хорошенько всмотримся въ это богатырство необузданнаго самовластія, которымъ исполнена наша исторія, хорошенько вникнемъ въ непосредственныя и посредственныя причины этого всеобщаго жизненнаго явленія, то едва ли станемъ удивляться даже и такому типу нашего *самовластнаго* богатырства, какимъ былъ Иванъ Грозный. Народъ ему и не удивлялся. Онъ вынесъ его, какъ страшную физическую грозу, съ чувствомъ страха, съ чувствомъ ежеминутной гибели, съ мыслью, что тутъ ничего не подѣлаешь, что это бушуетъ и все громитъ непобѣдимая первозданная стихія. Народъ потому и не удивлялся, что здѣсь на самомъ дѣлѣ бушевала, первозданная стихія его быта; оттого бушевала, что воплотилась въ самые широкіе размѣры личной воли старшаго. Народъ, напротивъ, отнесся къ Грозному не только безъ всякой ненависти, но и съ большимъ сочувствіемъ, какъ къ эпическому богатырю — покорителю Татарскихъ царствъ и выводителю *измѣны* изъ Русской земли. Очень понятно, что на сентиментальный взглядъ нашихъ отцовъ и на гуманный взглядъ нашихъ современниковъ такой разгулъ нашей первозданной стихіи, не только возмутителенъ, но и ни съ чѣмъ не сообразенъ и совсѣмъ непонятенъ; однакожъ въ свое время онъ былъ терпимъ, онъ былъ въ порядкѣ вещей, онъ былъ въ сущности только наиболѣе сильнымъ, выпуклымъ выраженіемъ той же нравственной богатырской, вполнѣ эпической силы, которая руководила жизнію всей народной массы, которая проявляла себя повсюду.

Мы вообще напрасно думаемъ, что богатырство самовластія являлось характерною чертою только въ органахъ государственной, правительственной власти. Оно было существеннымъ характеромъ всякой власти, какъ въ домашнемъ, такъ и въ общественномъ и политическомъ быту. Самое существо власти, какъ мы уже говорили, иначе не представлялось, иначе не по-

нималось, какъ подъ видомъ *само*-властія; самое существо человѣческой свободы и представлялось и понималось, только подъ видомъ тогоже — *само*-властія. Лѣтописецъ, восхваляя Рюрика Ростиславича Кіевскаго († 1215), даетъ его личности такую общую характеристику: „словеса честна, дѣла благолюбна, *держава самовластна*, изваяная славою паче звѣздъ небесныхъ, нетокмо въ рускыхъ концѣхъ вѣдома, но и сущимъ въ морѣ далече...„ Ясно, что этимъ выраженіемъ лѣтописецъ обозначаетъ силу, крѣпость, самостоятельность и слѣд. политическую свободу Рюриковой княжеской власти. Самое это слово: *само*властіе—въ старыхъ поученіяхъ толкуется прямо именемъ человѣческой свободы. „Іоаннъ Златоустый рече, говоритъ одно учительное слово: яко все во человѣцѣхъ есть и добро и зло; да егда хощеть, добро творитъ, то добродѣеть; а иже хощеть дѣети зло, то дѣетъ зло. Богъ же ни добру нудить, ни ко злу влечеть, но *самовластна* сотвори Богъ человѣка, да *по самосвлатію* сотворитъ или добро или зло... Богъ учить человѣка добру, а діяволъ злу учитъ; а человѣкъ во обоемъ *самовластенъ*...“

Недаромъ Грозный явился вмѣстѣ съ Домостроемъ. Исторія выразила въ этихъ двухъ формахъ многовѣковые плоды русской жизни. Домострой былъ вполнѣ законченнымъ *словомъ* ея нравственнаго и общественнаго идеала. Грозный былъ самымъ *дѣломъ* того же идеала, также вполнѣ законченнымъ, послѣ котораго русская жизнь должна была идти уже по другому направленію, искать другаго идеала. Грозный окончилъ самый запутанный актъ русской драмы — исторіи. Онъ указалъ дорогу къ высвобожденію личности и обрисовалъ собою будущую личность освободителя личности Петра. Послѣ Грознаго старина опять было вздохнула въ лицѣ боярскаго царя Шуйскаго; но напрасно Шуйскій провозглашалъ возстановленіе ветхаго прави боярской думы ограничивать волю самодержца — его голосъ не былъ ни кѣмъ услышанъ. Государево дѣло уже выпадало изъ боярскихъ рукъ и становилось дѣломъ всей земли. Земля требовала новой жизни, новыхъ силъ развитія, искала новыхъ идеаловъ.... Цѣлые сто лѣтъ прошли въ смутахъ и волненіяхъ. Земля двигалась изъ конца въ конецъ, двигалась въ самой глубинѣ своихъ убѣжденій и воззрѣній. Приближалось что-то невѣдомое *новое*.... Тѣмъ сильнѣе подымалось все *старое* и высказывалось въ самыхъ рѣзкихъ, послѣднихъ очерта-

ніяхъ. Званый идеалъ наконецъ явился въ образѣ Петра, уже не перваго отца и перваго господаря обществу, а перваго его слуги, перваго его неутомимаго работника. Это уже нашъ идеалъ и насъ отъ него отдѣляетъ только старая прапрадѣдовская форма самовластія, завѣщанная еще Грознымъ, которую Петръ по необходимости носилъ, потому что въ ней и родился, и оттого такъ ей и сочувствовалъ.

Итакъ, самовластіе было жизненнымъ началомъ стараго русскаго быта; оно было олицетвореніемъ родовой идеи, которая построила нашъ бытъ. Оно во имя этой идеи держало личность многіе вѣка въ нескончаемомъ дѣтствѣ и во всякой крѣпости. Естественно, что по этому пути оно должно было выработать для личности условія самаго низменнаго, рабскаго приниженія предъ всякою властью.

Но какъ ни было широко рабское приниженіе личности подъ тяжестью родовой самовластной идеи, всетаки это приниженіе не имѣло въ себѣ того характера, которымъ обозначается дѣйствительное рабство, полное рабство азіатское, африканское, или даже юридически выработанное рабство западной Европы. Русское рабство, къ которому привело народъ, повторимъ еще, широкое, всестороннее развитіе въ жизни родовой идеи, никогда не было, да и быть не могло такимъ полнымъ, законченнымъ рабствомъ. Въ сущности, это было *дѣтство*, а не рабство. И если это дѣтство выражалось дѣйствительно въ унизительныхъ рабскихъ формахъ, то въ этомъ сказывалась только наивная первозданная природа родовыхъ отношеній, возвышавшая непомѣрно родительскую власть, а по ея идеалу и всякую другую власть. Людскія отношенія кристаллизовались по одному и тому же вездѣ присутствовавшему идеалу отношеній семьи-рода, гдѣ старшая власть, даже и возрастныхъ, и стариковъ, и всѣхъ равняла съ малолѣтными, а потому равно отъ всѣхъ требовала къ себѣ отношеній дѣтства, а не равенства. Эти-то отношенія дѣтства, въ которыхъ въ нашемъ быту выражались людскія отношенія ко всякой предержащей власти, представляются по естественной причинѣ формами рабства и даже самымъ рабствомъ, по той простой причинѣ, что здѣсь большіе, старики, вообще люди уже независимые и самостоятельные, являются по формѣ отношеній къ старшей ихъ власти совершенными дѣтьми. Ярче всего приниженіе русской личности выразилось въ пресловутомъ *челобитьѣ*, въ этомъ битьѣ головою до земли, безъ

котораго невозможно было встрѣтить какую либо власть, и особенно очень старшую, т. е. господарскую, владѣющую, стало быть въ полномъ смыслѣ родительскую, напр. помѣщичью, воеводскую, а тѣмъ болѣе царскую. При всемъ томъ наше челобитье по существу своему являлось лишь первородною формою чести, какую должны были воздавать дѣти родителямъ. Другаго смысла оно въ себѣ не носило. Это была форма родоваго приличія, форма сыновняго почтенія къ родителю, которая распространилась и на общественныя отношенія, потому что все общество организировалось силою родоваго духа, вводившаго повсюду свои уставы и порядки, свой строй жизни. Отъ родоваго корня пошла наша внутренняя, нравственная жизнь, отъ этого корня произошли, народились и всѣ ея формы, не исключая даже и государственной. Вотъ почему въ нашемъ рабствѣ, въ его существѣ, постоянно скрывалось какое-то родственное благодушіе, смягчавшее даже и силу крѣпостныхъ отношеній, такъ что рабъ, и холопъ становились у насъ дѣтьми, чадами дома, рабскія и холопскія формы отношеній всегда пріобрѣтали смыслъ отношеній дѣтскихъ, вообще отношеній малолѣтства къ возрастнымъ.

Особенно живую картину такихъ именно отношеній представляетъ напр. царскій отпускъ полковыхъ воеводъ въ походъ на польскаго короля, происходившій 23 апр. 1654 г., при царѣ Алексѣѣ. На отпускѣ, какъ и на пріѣздѣ къ государю, бояре и всѣ другія лица, которыя допускались видѣть его пресвѣтлыя очи, обыкновенно цѣловали его руку, что и называлось вообще: быть у государевой руки. Каждый, по порядку подходя къ государю, сначала поклонялся до земли, цѣловалъ руку, а затѣмъ отошедши, опять кланялся до земли. Въ настоящемъ случаѣ торжественный отпускъ совершался въ Успенскомъ соборѣ, послѣ молебна. Тутъ же всѣхъ полчанъ царь звалъ къ себѣ *хлѣба ѣсть*. Столъ былъ въ передней Избѣ. Послѣ стола, послѣ кубковъ и медовъ, двадцатипятилѣтній царь прощался съ полчанами и особенно съ главнымъ воеводою кн. Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ. „И царь паки звалъ бояръ и воеводъ къ рукѣ. И бояре шли единъ за единымъ. И царь кн. А. Н. Трубецкаго своими царскими руками принялъ къ персемъ своимъ, главу его, для его чести и старѣйшинства, зане многими сѣдинами украшенъ и зѣло мужъ благоговѣинъ и изященъ и мудръ въ божественномъ писаніи и предивенъ въ воинской одеждѣ и въ воинствѣ счастливъ и недругомъ страшенъ. И кн. А. Н. Тру-

бецкой, видя такую *отеческую* премногую и прещедрую милость къ себѣ, *паки главою на землю ударяется*[1] *со слезами, до тридесять кратъ*".

На прощаньи съ меньшими подчанами, дворянами и жильцами, государь угощалъ ихъ изъ своихъ рукъ бѣлымъ медомъ и говорилъ рѣчь, на которую они отвѣчали также рѣчью и поклонялись до *седми кратъ*.

Все это черты отношеній по преимуществу дѣтскихъ, отношеній меньшей родни, а не рабовъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ господствовало наиболѣе чувство родства — отечества и дѣтства, а вовсе не чувство рабства; господствовало чувство тѣсной, неразрывной родовой связности людей, а не чувство юридически выработанныхъ отношеній рабовъ къ господину. Въ глубинѣ этихъ-то чисто родовыхъ отношеній и скрывается весь смыслъ нашей исторіи, нашей нравственной и общественной культуры.

Если мы согласимся, что таковы были бытовыя нравственныя силы, дѣйствовавшія въ нашемъ допетровскомъ обществѣ, то вопросъ: какое положеніе занимало въ этомъ обществѣ женская личность, уясняется самъ собой. Если идея личности совсѣмъ не была сознаваема, то могла ли существовать самая мысль о самостоятельномъ положеніи личности женской. По причинамъ, указаннымъ выше, эта личность почиталась малолѣтной по преимуществу, почиталась ребенкомъ, надъ которымъ была необходима самая полная опека. Въ началѣ главы мы замѣтили, что положеніе женской личности въ какомъ либо обществѣ всегда и вполнѣ рисуетъ положеніе самого общества, т. е. состояніе его умственныхъ и нравственныхъ силъ, состояніе его образованности и гражданской свободы. Поэтому, какую правду сознающая и разсуждающая мысль говоритъ о женской личности въ данную эпоху, тою же правдою вполнѣ должно характеризоваться и то общество. Строгая характеристика Котошихина, перенесенная съ женской личности на цѣлое

---

[1] Очень примѣчательно, что въ подлинникѣ эта фраза: „главою на землю ударяется", измѣнена собственноручною приписною царя слѣдующимъ образомъ: поклоняется до земли. Столбцы Тайн. Прик. въ Госуд. Архивѣ.

древнерусское общество, очень вѣрно опредѣляетъ существенныя черты его положенія, его умственнаго и нравственнаго состоянія. Можно дознаться, выражаясь словами Котошихина, отчегобъ такому обществу быть гораздо разумнымъ и смѣлымъ, т. е. свободнымъ, когда грамотѣ оно неученое (умственно неразвитое) и не обычай тому есть; когда, отъ младенческихъ лѣтъ и до старости, оно живетъ въ тайныхъ покояхъ, т. е. во всякой умственной и нравственной опекѣ и цензурѣ, и никого и ничего не видитъ, т. е. ничего не знаетъ опричь самыхъ ближнихъ, родственныхъ ученій и наказаній Домостроя. Можно дознаться, отчего такое общество породнымъ разумомъ простовато, на отговоры несмысленно и стыдливо, т. е. отчего оно неподвижно цѣлыя столѣтія, отчего въ немъ не дѣйствуетъ живая сила человѣческой свободы и нѣтъ въ немъ развязныхъ свободныхъ движеній ума и воли. Это общество, какъ берегло женскую личность отъ сторонняго глаза, отъ міра—свѣта. такъ оно берегло и само себя отъ всякаго умственнаго свѣта. въ несказанной боязни, что, какъ проникнетъ къ нему такой свѣтъ, то растлѣнными явятся всѣ основы его нравственности... Оно точно также жило за замками въ высокомъ терему, именно въ терему своихъ многовѣковыхъ, душныхъ и тѣсныхъ воззрѣній на свободу личности вообще и на самую свободу въ особенности. Оно все крѣпче и крѣпче притворяло этотъ теремъ, все плотнѣе обгораживало его высокимъ тыномъ церковныхъ, государственныхъ, общественныхъ, домашнихъ запрещеній и разныхъ анаѳемъ, такъ что личность, вслѣдствіе напора самой исторіи, самой жизни, вырвавшаяся, наконецъ, изъ этого терема, ни чѣмъ другимъ не могла явиться, какъ полнѣйшимъ нигилистомъ, всесторонним отрицателемъ всего прожитаго, потому что въ этомъ прожитомъ она видѣла и знала только одну полицейскую опеку родовой власти и ни какихъ общечеловѣческихъ силъ развитія. Оттого и послѣдовалъ такой быстрый разрывъ общества съ своею стариною, которую оно очень скоро совсѣмъ забыло. Съ XVIII вѣка отрицаніе стало жизненною силою нашей общественной культуры. Мы отказались сами отъ себя, ибо ничего въ себѣ не чувствовали и не находили положительнаго, основнаго, съ чѣмъ бы возможно было показаться въ люди. Этотъ новый двигатель нашей жизни, съ особенною силою работавшій въ XVIII ст., еще продолжаетъ свое существованіе и до сихъ поръ. Онъ лучше всего и со-

всѣхъ сторонъ выразился и пластически насъ изобразилъ въ нашей литературѣ. Къ нашему счастію, нынѣшнія реформы вносятъ въ нашу жизнь дѣйствительно положительныя основы развитія, которыя и не замедлятъ совсѣмъ упразднить уже въ высшей степени обветшавшее начало родовой самовластной опеки съ ея неизмѣннымъ спутникомъ — отрицаніемъ и всяческимъ нигилизмомъ.

ГЛАВА II.

ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ ЖЕНСКОЙ ЛИЧНОСТИ ВЪ ДОПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ.

Языческое время: княгиня Ольга. Вліяніе византійской культуры. Постническій идеалъ. Происхожденіе терема. Боярыня Морозова. Царевна Софья и значеніе царскаго дѣвичьяго терема въ концѣ XVII ст.

На предѣлахъ нашей допетровской исторической жизни, по ту и по сю сторону, стоятъ двѣ очень замѣчательныя женскія личности, которыя въ дѣйствительности пользовались общественными правами, занимая высокое общественное положеніе. Одна почти начинаетъ нашу историческую жизнь, покрайней мѣрѣ принадлежитъ къ первымъ лицамъ, дающимъ этой жизни начальное движеніе и направленіе; другая заканчиваетъ и такъ сказать замыкаетъ древній періодъ русской жизни. Одна, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ общественная личность, носитъ въ своей дѣятельности характеръ прямыхъ, положительныхъ условій жизни, является тѣмъ, чѣмъ должна быть русская женщина — язычница, является идеаломъ, которымъ народъ выразилъ свои представленія о достоинствѣ женской личности, въ какихъ именно чертахъ это достоинство наиболѣе казалось ему высокимъ и желаннымъ. Другая, напротивъ, является только отрицаніемъ положительныхъ условій жизни, является вовсе не тѣмъ, чѣмъ должна быть русская женщина—христіанка, покрайней мѣрѣ по ученію и по идеаламъ вѣка. Она является плодомъ жизненной смуты, плодомъ растлѣнія положительныхъ жизненныхъ условій быта.

Мы говоримъ объ Ольгѣ—княгинѣ и Софьѣ—царевнѣ.

Несмотря на мужественный типъ Ольги — язычницы, который съ такою самостоятельностію открываетъ историческую жизнь русской женщины и тѣмъ самымъ какъ бы даетъ силь-

ный образъ для послѣдующаго развитія этой самостоятельности, мы однакожъ не видимъ въ послѣдующей исторіи, чтобы русская женщина употребила себѣ въ пользу это богатое наслѣдство. Семь сотъ слишкомъ лѣтъ, которыя отдѣляютъ другъ отъ друга Ольгу и Софью, не представили ни одной личности, сколько нибудь равной имъ по значенію. Семь сотъ лѣтъ такимъ образомъ протекли безъ слѣда для развитія женской личности въ смыслѣ самостоятельнаго члена общественной, а не семейной только, жизни, такъ что и самостоятельность царевны Софьи, какъ упомянуто, явилась собственно отрицаніемъ тѣхъ положеній быта, какія были выработаны этимъ семисотлѣтнимъ періодомъ русской исторіи.

Лѣтописный образъ Ольги исполненъ эпическихъ народныхъ очертаній. Она предстаетъ намъ идеализированною и какъ матерая вдова, и какъ женщина вообще, и наконецъ, какъ женщина-христіанка.

По смерти Игоря Ольга осталась вдовою съ сыномъ Святославомъ, стало быть, *матерою* вдовою. Въ тотъ вѣкъ она имѣла естественное, положительное и ни въ чемъ неоспоримое право *сидѣть на вдовьемъ стольцѣ*, какъ выражаются о такомъ правѣ даже позднѣйшіе юридическіе памятники, т. е. сидѣть на княженьи, управлять землею или по простому понятію управлять домомъ, владѣньемъ, имуществомъ умершаго князя, какимъ въ сущности и была для князей въ то время русская земля. Это былъ, по всему вѣроятію, очень старый обычай, общій для славянской земли, гораздо древнѣйшій, чѣмъ призваніе варяговъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ обычнымъ правомъ сидѣть на вдовьемъ стольцѣ, Ольга, по своему положенію, какъ вдова князя, и главное вдова матерая, получаетъ общественное политическое значеніе. Она въ дѣйствительности управляетъ землею, какъ князь. Она самолично съ маленькимъ сыномъ и дружиною идетъ мстить Древлянамъ за смерть мужа и покоряетъ ихъ Кіеву окончательно, съ тою хитростью — мудростью (напр. истребленіе нарочитыхъ, лучшихъ, людей земли) какая употреблялась нѣсколько столѣтій спустя, при собираніи земель Москвою. Она сама ходитъ по Древлянской землѣ, уставляя *уставы* и *уроки*, т. е. законодательствуя, давая порядокъ въ опредѣленіи даней и оброковъ.

Вслѣдъ за тѣмъ она сама ходитъ по всей русской землѣ, точно также, уставляя дани и оброки, устрояя землю, какъ са-

ный дѣятельный и мудрый князь. Объ этихъ земскихъ ея походахъ и уставахъ память жила еще въ XI—XII столѣтіяхъ, т. е. спустя сто—двѣсти лѣтъ. Еще тогда по всей землѣ оставались ея *знамянья*, мѣста, погосты, ловища и перевѣсища. Это значитъ, что въ XI—XII столѣтіяхъ устройство земли во многомъ и по всему вѣроятію въ самомъ главномъ, въ оброкахъ и даняхъ, оставалось еще тоже самое, какое дано было Ольгою; оставались тѣже мѣста, погосты, становища, въ которыхъ со временъ Ольги утвердились мѣстные данничьи и судебные центры княжескаго управленія. Изъ лѣтописнаго разсказа видно, что народъ очень дорожилъ памятью объ этой дѣйствительно замѣчательной личности, ибо еще послѣ нея сохранялись во Псковѣ ея сани.

„Ловища и перевѣсища“ указываютъ также, что Ольга въ своихъ походахъ „дѣяла ловы“, т. е. охотилась, какъ добрый князь. Въ этомъ нельзя и сомнѣваться. Если она сама ходила воевать съ Древлянами, сама въ лѣсахъ и болотахъ новгородской области уставливала дани и погосты, то почемужъ ей не ходить и на охоту, тѣмъ болѣе, что охота въ то время, кромѣ обыкновеннаго потѣшенья, составляла очень важный промыселъ даже и для князей. Форма словъ: ловища, перевѣсища, становища, показываетъ, что это были мѣста, гдѣ происходила охота или бывали остановки въ походѣ, мѣста наиболѣе выгодныя для охоты или удобныя для остановки. Припомнимъ, что хожденіе за данью, какъ и на охоту, князья предпринимали всегда въ сопровожденіи дружины и челяди — слугъ, оттого и станъ этого полка или *двора* по необходимости оставлялъ по себѣ знамянья, т. е. память и слѣды своего устройства и пребыванія. Вообще ни одинъ князь не оставилъ по себѣ такой земской и доброй памяти, какъ мудрая Ольга. За ея земскимъ ликомъ быть можетъ, сокрылись и всѣ земскія заслуги мудраго Олега, съ народнымъ идеаломъ котораго такъ родственно сливается и ея народный идеалъ, даже самое имя. Наконецъ Ольга идетъ въ Греки, въ Царьградъ, идетъ такъ, какъ обыкновенно хаживали русскіе въ греческую столицу, т. е. съ куплею, по торговымъ дѣламъ, ибо съ ней вмѣстѣ находится болѣе сорока купцовъ или гостей.

Ужс одинъ этотъ походъ могъ бы служить достаточною характеристикою ея необыкновенной предпріимчивости и мужества. Всякое дѣло она хочетъ и знать, и дѣлать самолично. Это

черта Петровская. Мы достовѣрно не знаемъ, какія именно прямыя цѣли влекли Ольгу въ Царьградъ, но видимо, главною цѣлью было христіанство, видимо. что она въ это время была уже христіанка въ своихъ мысляхъ и стремленіяхъ: въ походѣ съ ней находился даже и христіанскій священникъ Григорій. Она пожелала самолично видѣть христіанскій торжественный обрядъ въ самомъ Царьградѣ и тамъ просвѣтить свое поганство новымъ ученіемъ; видѣть лицомъ къ лицу лучшую жизнь.

Такимъ образомъ, дѣятельность Ольги представляетъ намъ типическій образъ всей княжеской дѣятельности перваго вѣка, олицетворяетъ идею жизни этого вѣка. Ольга дѣлаетъ то, что дѣлали всѣ первые князья, воевавшіе и торговавшіе съ Царьградомъ, покорявшіе сосѣднія племена, уставлявшіе уставы, уроки и дани. Все это было обычнымъ княжескимъ дѣломъ въ то время. Необычайно только то, что Ольга, женщина, совершаетъ эти мужскія и мужественныя дѣла. Но казалось ли это необычайнымъ для ея современниковъ? Мы полагаемъ, что общее убѣжденіе вѣка находило дѣянія Ольги очень обыкновенными и весьма естественными. Въ сущности она ничего не дѣлаетъ такого, что могло бы противорѣчить ея положенію. Въ ея дѣяніяхъ ничего нѣтъ *зазорнаго* для ея положенія, какъ женщины вообще и какъ матерой вдовы въ особенности. Она исполняетъ то, что была обязана исполнить именно, какъ матерая вдова, наслѣдница мужнина владѣнья, т. е. отомстить смерть мужа, потому что этого требовалъ обычай, требовала народная вѣра; ей было естественно устроить дани, уроки и оброки, вообще устроить землю, потому что неустройство именно даней, безпорядокъ, произволъ и насиліе въ ихъ собираніи привели къ тому, что мужъ былъ убитъ. Быть можетъ добрая народная память о ней потому такъ долго и сохранялась, что она привела въ порядокъ, въ ясность и опредѣленность эту важную статью княжескихъ отношеній къ землѣ. Она является только хорошею, умною, самостоятельною хозяйкою своего имущества, какою по понятіямъ старины должна быть каждая матерая вдова. Въ этомъ смыслѣ она и послужила идеаломъ для послѣдующаго времени. Конечно, мы должны отнести многое и къ ея личной энергіи, къ ея личному характеру. Не всякая женщина могла имѣть столько мужественной силы. Но не слѣдуетъ забывать, что мужество составляло общую характерную черту людей того времени. Это былъ вѣкъ силы и отваги, вѣкъ мужествен-

ныхъ дѣлъ по преимуществу. Храбрость освящалась въ то время даже религіозными представленіями о загробной жизни. Умереть побѣжденнымъ значило поступить въ рабство къ побѣдителю на томъ свѣтѣ [1]. Если же мужество, вообще храброе и отважное дѣло, составляло высшій идеалъ жизни для мужчины, то это убѣжденіе не могло оставаться безъ вліянія и на положеніе женщины. Обыкновенно, чего требуетъ основная мысль вѣка, на то отвѣчаетъ и жизнь людей, ихъ поступки и дѣла: только то и господствуетъ въ жизни, что убѣжденіе вѣка почитаетъ своимъ идеаломъ. Не могло быть, чтобы рядомъ съ мужественнымъ, сильнымъ и отважнымъ мужчиною, какимъ онъ былъ въ первый вѣкъ нашей исторіи, стояла женщина слабая или ослабленная нравственно, умственно и даже физически, какъ это было впослѣдствіи, при господствѣ другихъ идей и положеній жизни. Не могло быть, чтобы женщина, находясь въ сферѣ, гдѣ мужественное дѣло и отвага составляютъ стихію жизни, не воспитывалась подъ сильнымъ вліяніемъ этой стихіи, чтобы свобода дѣйствій, которая сама собою уже разумѣется въ представленіи о мужественномъ дѣлѣ и отвагѣ, не распространялась и на женщину, не смотря даже на физіологическія условія ея пола. Вообще мужественный вѣкъ, носившій въ сердцахъ людей необычайную храбрость и отвагу, необычайную силу воли, которая была воспитана въ средѣ смѣлыхъ предпріимчивыхъ дѣяній и ни чѣмъ неудержимаго богатырства и вовсе не вѣдала еще никакого *ученія*, кромѣ ученія самой жизни, — такой мужественный вѣкъ долженъ былъ рядомъ съ мужественнымъ мужчиною, воспитывать и мужественную женщину. Богатырскія свойства мужчины должны были поднимать богатырскія свойства и въ женщинѣ. Иначе и быть не могло. Мы должны вообще помнить, что то время тѣмъ и отличается отъ нашего, что въ немъ господствуетъ не какая либо теорія, извѣстное нравственное ученіе, извѣстное *слово* жизни, по которому должна располагаться жизнь; а господствуетъ самый фактъ, самое дѣло жизни, которое все и оправдываетъ, въ которомъ и заключается все *ученіе* вѣка. Дѣло жизни даетъ личности неизмѣримо большую свободу, чѣмъ какая либо ея нравственная программа, ея *слово*. Дѣло жизни прямо выдвигало женщину на богатырскіе подвиги. И вотъ народная былина рисуетъ намъ первобытную нашу

[1] Исторія Льва діакона, 94.

женщину такою же удалою поленицею, такимъ же удалымъ богатыремъ, нисколько не смущаясь мыслію, что это для женщины зазорно, какъ потомъ стали учить премудрыя *словеса* жизни. О мужествѣ русскихъ женщинъ въ языческую эпоху засвидѣтельствовали византійскіе лѣтописцы, которые разсказываютъ, что во время войны Святослава съ греками, послѣ одной весьма жестокой битвы, когда греки стали раздѣвать убитыхъ скиѳовъ, то нашли, между трупами, и убитыхъ женщинъ, которыя въ мужескомъ одѣяніи мужескою храбростію съ римлянами (греками) сражалися [1]. Такимъ образомъ народные идеалы рисовали въ сущности народную дѣйствительность. Такъ понималъ древній вѣкъ общественное положеніе женщины, такъ идеализировалъ онъ и личность Ольги. Но въ Ольгѣ древній вѣкъ идеализируетъ также и вообще женское существо, какъ оно ему тогда представлялось. Онъ идеализируетъ Ольгу мудрою—хитрою; она хитростью побѣдила не только Древлянъ, но перехитрила и самаго царя греческаго, который вздумалъ было взять ее себѣ въ жены. Таково въ глазахъ язычества свойство женской личности вообще. Хитрость въ томъ вѣкѣ являлась не только положительнымъ свойствомъ ума, но и вѣщею силою, приближавшею человѣка къ богамъ. Оттого всѣ женскіе типы изъ миѳической эпохи обладаютъ прежде всего именно этимъ свойствомъ ихъ существа. Такова, напр., и Февронія Муромская и типы народныхъ былинъ. Вообще языческій идеалъ присвоиваетъ женской личности существо миѳическое. Она обладаетъ даромъ гаданій, чарованій, даромъ пророчества; она знаетъ тайны естества и потому въ ея рукахъ по преимуществу хранится врачеваніе отъ болѣзней, а слѣд. колдовство, вѣдовство, заговоры, заклинанія. Она въ близкихъ связяхъ съ миѳическими силами; въ ея рукахъ и добро, и зло этихъ силъ. Миѳическій змѣй становится спутникомъ ея личности. На особенную высоту вѣщаго значенья ставитъ языческій идеалъ вѣщую дѣву. Какъ ни скудны и какъ ни темны сохранившіяся свидѣтельства о такомъ значеніи дѣвичьей личности, но они всетаки и до сихъ поръ сохраняютъ ея вѣщія черты. Достаточно указать на святочныя подблюдныя пѣсни, на нѣкоторые заговоры и народные обряды. Мы не намѣрены входить по этому случаю въ подробности, ибо для насъ важно лишь то, какъ

[1] Кедринъ 2, 118.

языческій вѣкъ идеализировалъ женское существо [1]. Онъ видѣлъ въ этомъ существѣ миѳическія, сверхъестественныя чарующія силы.... Языческія идеализаціи коренились конечно на почвѣ дѣйствительности, а дѣйствительность здѣсь заключалась уже въ самой природѣ женскаго пола, въ дѣйствіяхъ этой природы на другой полъ. Эту-то природу язычество и олицетворяло въ поэтическихъ образахъ и въ миѳахъ, которые какъ ни были многообразны, но всѣ выговаривали одно, что въ женскомъ существѣ кроются непостижимыя демоническія силы. Чары красоты и любви были очень достаточны для того, чтобы возвысить идеалъ женщины до миѳическаго существа и выростить на этой почвѣ цѣлый культъ очарованій во всякихъ другихъ смыслахъ.

Все это должно было ставить женскую личность въ самостоятельное отношеніе къ языческому обществу, давать ей самостоятельное общественное значеніе. Но помимо вѣроятныхъ соображеній, есть весьма положительныя свидѣтельства, о томъ что идеальный характеръ русской женщины—язычницы, какъ онъ рисуется въ эпической народной поэзіи, въ пѣсняхъ, въ обрядахъ, преданіяхъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ тогдашней дѣствительности, т. е. что женщина пользовалась самостоятельнымъ положеніемъ въ обществѣ, что ея общественная доля уравновѣшивалась съ долею мужчины.

Укажемъ важнѣйшее, именно языческіе браки, гдѣ свобода и самостоятельность женской личности является уже въ томъ обстоятельствѣ, что мужчины „умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашеся". Бракъ, слѣд., зависѣлъ не столько отъ воли родителей, сколько отъ согласія самой невѣсты, хотя вслѣдствіе родовыхъ отношеній общества необходимо было похищать невѣсту, ибо родъ даромъ ее не уступалъ. Общее свидѣтельство лѣтописи утверждается еще болѣе нѣкоторыми частными случаями; напр. Полоцкая Рогнѣда отказывается идти за мужъ за робичича — Владиміра, когда отецъ предложилъ ей, за кого она хочетъ: за Ярополка или Владиміра.

Свобода совѣщанія о бракѣ, свобода выборе свидѣтельствуетъ вообще, что въ языческое время положеніе женщины было вольнѣе, независимѣе, чѣмъ въ послѣдующіе вѣка. Къ этому вела, какъ мы замѣтили, самая непосредственность всего на-

[1] См. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, г. Аѳанасьева: т. 1 и 2.

роднаго быта, самое *дѣло* жизни, хотя бы и крѣпко связанной родовыми, кровными началами ея развитія. Мы выше указали какое именно дѣло жизни должно было уравновѣшивать женскую личность съ мужскою.

Если все такъ было, если личность женщины дѣйствительно, наравнѣ съ личностью мужчины, пользовалась, не домашними, семейными, и только, но и общественными правами, т. е. правами дѣлать дѣла мужскія, если, даже и въ народномъ сознаніи вовсе не существовало понятій о раздѣльности общественныхъ дѣлъ на женскія и мужскія, и женщина могла даже по богатырски выѣзжать въ поле, богатырствовать съ врагомъ; если такія и подобныя женскія дѣла вовсе не принадлежали къ необычайнымъ явленіямъ, а выражали только простой, естественный, самый обычный ходъ жизни; то и личность язычницы Ольги должна представляться намъ не какимъ либо исключительнымъ явленіемъ, а простымъ, естественнымъ, самымъ обычнымъ типомъ жизни. Въ чертахъ Ольги мы можемъ видѣть типъ русской женщины язычницы, выразившій въ себѣ ту весьма значительную долю свободныхъ дѣйствій, какая принадлежала по обычаю языческаго вѣка вообще женскому полу въ древнѣйшемъ Русскомъ обществѣ [1].

Само собою разумѣется, что принятіе Христовой Вѣры должно было измѣнить положеніе вещей въ древней Руси, измѣнить характеръ ея жизненной дѣятельности, характеръ ея представителей и героевъ. Съ этого времени, подобно тому, какъ со времени преобразованія, въ русское общество постепенно начинаютъ проникать и водворяться въ немъ новыя идеи жизни, дотолѣ невѣдомыя, новыя понятія и представленія о ея цѣляхъ и задачахъ. И умственный, и нравственный образъ русскаго человѣка начинаетъ мало по малу измѣняться. Св. Вѣра смиряетъ и смягчаетъ языческіе нравы и обычаи.

Но, естественно, что вмѣстѣ съ благовѣстіемъ евангельскаго ученія, приносится къ намъ нашими учителями греками и ихъ литературная образованность, ихъ умственная и нравственная культура въ многочисленныхъ произведеніяхъ ихъ литературы, приносится и извѣстный, собственно византійскій складъ понятій о многихъ предметахъ жизни, и именно тотъ складъ понятій, какой въ ту

---

[1] О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. Вит. Шульгина. Кіевъ, 1850.

эпоху господствовалъ въ умахъ византійскаго духовенства, находившагося, въ отношеніи своей проповѣди, въ исключительномъ положеніи, въ слѣдствіе особеннаго воспитанія и развитія византійскаго общества. Существенною стихіею этого склада понятій, по тойже причинѣ, было всестороннее и безпощадное отрицаніе тлѣннаго или собственно растлѣннаго византійскаго міра, со всѣми его жизненными формами и обольщеніями, во многомъ напоминавшими еще языческую жизнь античной цивилизаціи, а еще болѣе жизнь растлѣннаго востока. То, что было такъ необходимо всѣми силами поднять противъ этого, дѣйствительно, въ полномъ составѣ растлѣннаго міра, это самое было поднято и противъ нашей, хотя тоже языческой, но ничѣмъ не цивилизованной, совсѣмъ дѣвственной, простодушной и непосредственной природы. Суровая, грубая, но чистая и прямая эта природа вовсе не способна была даже и понять тѣхъ нравственныхъ утонченностей византійскаго развитія, какими по необходимости исполнены были литературные памятники Византіи, послужившіе для насъ и литературными образцами, и источниками образованія, источниками и умственной, и нравственной культуры. Дѣйствіе такого отношенія этой учительной литературы къ нашему обществу не замедлило обнаружиться. Сильнѣе, чѣмъ на мужчину, литературныя учительныя идеи стали дѣйствовать на женщину, т. е. вообще на домашній, такъ сказать, сидячій бытъ народа, и тою собственно стороною, которая изображала этотъ міръ — міромъ погибели и прославляла удаленіе отъ него. Былъ ли въ самомъ дѣлѣ древній русскій житейскій міръ, выросшій въ чистой непосредственности и дѣтской наивности, настолько погибѝленъ, объ этомъ учительное слово конечно не могло разсуждать; ибо оно отрицало вообще существо житейскаго міра, а слѣд. и всякую его форму, хотя бы и чисто дѣтскую, виновную только въ томъ, что она невинна. По его воззрѣнію все мірское, житейское было *поганымъ*, было ли то дѣйствительное язычество, т. е. проявленія самого языческаго вѣрованія, или это былъ простой нравъ и обычай жизни, простыя явленія и дѣйствія вообще человѣческой нравственной природы.

Такое отрицаніе конечно служило великимъ и единственнымъ благомъ для растлѣнной византійской цивилизаціи. Тамъ отрицаніе само собою выросло, какъ единый путь къ спасенію. Тамъ оно было священнымъ дѣломъ каждаго нравственнаго

ума, ибо въ действительности велика была погибель тамошняго человѣчества, печально и окончившаго свою исторію. Но сила столько цѣльнаго отрицанія на нашей непосредственной почвѣ, только что начинавшей жить, только что возродившейся для жизни и свѣта, — на такой почвѣ отрицаніе должно было произвести совсѣмъ иное дѣйствіе.

Отрицаніе житейскаго міра выразило свои идеалы главнымъ образомъ въ аскетизмѣ. Въ томъ обществѣ на самомъ дѣлѣ иного пути для спасенія и не было. Въ томъ обществѣ потребенъ былъ аскетизмъ безпощадный и всесторонній. Онъ необходимъ былъ для ума, исполненнаго всевозможныхъ философскихъ вѣтровъ, всевозможныхъ оттѣнковъ ереси, ума, совсѣмъ заблудившагося въ софистическихъ извитіяхъ мысли, погибавшаго въ темной области совопрошеній и словопреній. Онъ еще необходимѣе былъ для нрава, исполненнаго самыхъ разнообразныхъ восточныхъ пороковъ, копившихся цѣлое тысячелѣтіе, пороковъ непомѣрной роскоши, непомѣрнаго пресыщенія, непомѣрной праздности, непомѣрнаго униженія человѣческаго достоинства во всѣхъ видахъ и образахъ. Ясно, что только аскетическій идеалъ могъ хотя сколько нибудь обуздывать эти погибельныя стихіи общественнаго разложенія. Ясно, что только монашескій идеалъ и могъ стать исключительнымъ идеаломъ высоко-нравственной жизни. Но аскетизмъ, идя послѣдовательно, приводилъ къ отрицанію и такихъ силъ жизни, безъ которыхъ невозможно самое существованіе человѣческаго общества. Отрицая нескончаемые пороки ума, онъ отвергъ самую науку. И вотъ духъ этого отверженія вносится и къ намъ, въ молодое общество, умъ котораго не только не былъ зараженъ пороками празднаго и сварливаго умствованія, но обрѣтался еще въ полномъ дѣтствѣ и именно науки-то и требовалъ для своего здороваго развитія. Тоже должно сказать и о нравѣ. Не испорченность нрава. или старческій его развратъ, а напротивъ его младенческое развитіе ставило въ этомъ отношеніи наше общество какъ бы въ параллель съ византійскимъ и давало легкую и полную возможность отрицать его формы и порядки. Тамъ старость, дожившая до дѣтства, и потерявшая знаніе и сознаніе истинныхъ началъ жизни; здѣсь, настоящее дѣтство, еще не выросшее до пониманія этихъ началъ. Видимая форма той и другой стороны, конечно, заключалась въ крайнемъ рабствѣ и неподвижности ума, отчего безобразною являлась и самая жизнь общества.

Отвергая и отрицая наши младенческія формы жизни, аскетизмъ вмѣстѣ съ тѣмъ и здѣсь отвергъ цѣлую область эстетическихъ силъ народа, народную поэзію въ полномъ ея составѣ, не принеся въ замѣнъ того ни какихъ общечеловѣческихъ началъ для эстетическаго воспитанія народныхъ нравовъ, безъ котораго всегда черствѣютъ, грубѣютъ и развращаются эти нравы, что осязательнѣе всего доказала между прочимъ и наша исторія.

Въ Византіи особенное вниманіе нравственныхъ умовъ обращало на себя поведеніе женщины: ея публичная роль, которую она легко себѣ присвоивала въ обществѣ, преданномъ сластолюбію и роскоши; ея, можно сказать, господство надъ этимъ обществомъ, чего, конечно, никакъ не могли выносить аскетическіе и особенно восточные умы. Въ самомъ дѣлѣ, византійская женщина прославляла себя даже на императорскомъ престолѣ такими дѣлами и дѣяніями, которыя требовали самаго безпощаднаго, суроваго осужденія. Поэтому въ литературѣ она становится предметомъ самыхъ жестокихъ и сильныхъ обличеній, рисовавшихъ ее пластически во всѣхъ чертахъ ея грѣховной жизни. Вырастаетъ образъ *злой*, вообще грѣховной, *жены*, типъ всякаго нравственнаго безобразія, или вѣрнѣе типъ аскетическаго омерзенія вообще къ женскому существу, какъ къ существу великаго, неисчерпаемаго соблазна для аскетической мысли. Могло ли и явиться что либо другое въ эпоху, когда аскетическая идея, вызванная и выращенная полнымъ растлѣніемъ общества, господствовала не только во всѣхъ нравственныхъ умахъ, но и въ самомъ вѣроученіи, выражалась въ каждомъ литературномъ памятникѣ, была, какъ мы сказали, единымъ путемъ спасенія въ виду общей погибели, и единою исходною точкою сознанія о нравственномъ совершенствѣ человѣка.

Основная идея, въ которой главнымъ образомъ таилось начало всякихъ обвиненій, обличеній, даже поношеній женской личности въ образѣ злой жены, а вмѣстѣ съ тѣмъ таился и аскетическій страхъ вообще предъ женскимъ существомъ, а стало быть и аскетическая неугасимая вражда противъ него,— основная идея всего этого заключалась въ убѣжденіи, что „отъ жены начало грѣху и тою всѣ умираемъ“. Словомъ сказать, и по библейскому, и по аскетическому воззрѣнію женская личность сама по себѣ уже являла образъ соблазнительнаго грѣха, отъ котораго надо было бѣжать, неоглядываясь, какъ отъ Содома

и Гомора. Вотъ причина, почему въ ученіи, обращенномъ къ ея лицу, мы находимъ самое широкое отрицаніе всего того, въ чемъ сколько нибудь выражалась эта, по мнѣнію вѣка, обольстительная грѣховность.

Красота лица, вмѣстѣ съ красотою наряда, не говоря уже о кокетствѣ, которое называется вообще *лукавствомъ* и нисколько не различается отъ настоящаго лукавства, являлись для аскетическихъ умовъ самыми вопіющими предметами соблазна и грѣха и преслѣдовались съ ожесточеніемъ, свойственнымъ одному только аскетизму.

Такія-то идеи, которыми пропитана была литература Византіи, переносятся вмѣстѣ съ грамотностью и на нашу литературную почву и воспитываютъ умъ и нравъ нашего младенчествующаго общества. Поправляя и передѣлывая по этимъ идеямъ наши нравы, очищая ихъ отъ мнимыхъ грѣховъ непосредственнаго язычества, византійская литература переноситъ къ намъ, въ наши дѣтскіе умы и дѣйствительные, чисто византійскіе грѣхи, безчисленные грѣхи всяческаго суевѣрія и суесвятства, которые съ теченіемъ вѣковъ разрастаются у насъ въ тучную ниву и производятъ неисчислимые плоды, выражаются во многихъ жизненныхъ типахъ.

Принесенныя къ намъ литературныя, аскетическія и вообще восточныя, азіатскія представленія, совсѣмъ чуждыя, ни мало не свойственныя нашей сѣверной природѣ, и физической, и нравственной, въ духѣ своемъ клонились и стремились къ тому, чтобы поставить женскую личность въ самое невидное мѣсто общественной организаціи, чтобы вовсе отдалить ее изъ общества, какъ великую помѣху для нравственныхъ дѣлъ и дѣяній мужчины, какъ воплощенную человѣческую слабость и шатость нрава. Если духъ этихъ представленій не въ силахъ былъ совсѣмъ покорить своимъ цѣлямъ византійскую женщину, то ему, по многимъ причинамъ, очень легко было покорить себѣ умы и нравы нашей русской женщины. Его авторитетъ являлся въ такой одеждѣ, которую простые, непосредственные умы и нравы, жаждавшіе вѣры, жаждавшіе свѣта и истины, должны были принять благоговѣйно. Восточная идея о великомъ неравенствѣ существа женскаго съ существомъ мужскимъ, о великомъ превосходствѣ мужскаго существа предъ женскимъ, осязательнѣе всего чувствовалась, напр., въ физіологическомъ фактѣ, что для женщины наставали въ извѣстное время дни

очищенія. Эти-то дни и послужили быть можетъ началомъ для всѣхъ „восточныхъ" представленій о существѣ женской личности. Эти дни становятся для женщины днями изгнанія.... Въ эти дни она является существомъ нечистымъ, поганымъ.... и въ представленіяхъ книжныхъ умниковъ вѣка возбуждаетъ вопросъ: а что если случится, платъ женскій въ одежду вшити попу, можетъ ли онъ въ той одеждѣ служити? [1] Вопросъ конечно разрѣшается увѣреніемъ, что жена не погана; но тѣмъ не менѣе, простая, неизхитренная различными ученіями, мысль не можетъ отойдти отъ убѣжденія, что всетаки въ женскомъ существѣ есть нѣчто поганое, ибо святость иначе свѣтлость, чистота всетаки воспрещаетъ ей многія дѣйствія, которыя открыты для мужскаго существа, воспрещаетъ ей, когда она бываетъ *скверньна*, даже въ церковь лѣзти. Простой непосредственный умъ, не завитый въ книжныя утонченности, не можетъ иначе понять этого дѣла. Природная и потому всегда вѣрная послѣдовательность его соображеній, не можетъ вмѣстить въ себя тѣ вопіющія противорѣчія, какими всегда такъ богата книжная изворотливость. Непосредственный умъ опираетъ свои соображенія на самое дѣло, по которому и созидаетъ свои убѣжденія и вѣрованія. Хитрое сплетеніе словъ для него мудрость недовѣдомая. Дѣло говоритъ ясно, что женское существо бываетъ погано и потому отвергается отъ общенія съ тѣмъ, что пребываетъ чистымъ и свѣтлымъ — святымъ [2]. Какъ же послѣ того умнику-мужчинѣ не возымѣть понятія, высокаго о себѣ и низменнаго о женщинѣ.

Уже однихъ представленій о чистотѣ было достаточно, чтобы отдалить женскую личность отъ общенія съ свѣтомъ, т. е. съ обществомъ, отвергнуть въ ней смыслъ лица самостоятельнаго, полноправнаго для жизни общественной.

Духъ восточныхъ представленій отдѣляетъ ей въ храмѣ на общественномъ богослуженіи особое мѣсто, *ошуюю*. Тамъ она становится на лѣвой сторонѣ, иногда едва допускается только

---

[1] Вопросы Кирика. Вѣроятно, это касалось того обстоятельства, что женщины нерѣдко отдавали свои богатыя златотканныя, одежды въ церковь на ризы и покровы.

[2] Въ которомъ храмѣ (комнатѣ) мати дитя родитъ, недостоитъ влазити въ него по три дня; потомъ помыютъ всюду и молитву сотворятъ, которую творятъ надъ осквернившимися сосудомъ, и такъ влазить. (Вопросы Кирика).

въ притворъ или на полати — хоры; скрывается отъ чистыхъ глазъ за занавѣсами. „Женскій убо полъ, стояху (въ Царьградѣ, въ церкви Св. Софіи) на полатяхъ за шидяными запонами и *лицъ ихъ* и *украшенія прелестнаго и мертвеннаго* никому же отъ народа видѣти....“

Женщина пріобщается св. Таинъ не изъ царскихъ, а „изъ другихъ дверей, что противу жертвенника“ (Акты Ист. I, 18) съ той лѣвой стороны, гдѣ опредѣлено ей стоять. Невѣстою при вѣнчаніи она получаетъ перстень желѣзный, въ то время, какъ жениху подаютъ золотой. Женою, она должна покрыть свои волосы и до гроба носить этотъ покровъ. Даже случайно открытые волосы являли грѣхъ и срамъ неизобразимый. Народная культура обозначила свое понимание такого срама до сихъ поръ еще живущимъ выраженіемъ: *опростоволоситься*, сдѣлать наивную глупость, осрамиться.

Вдовою она должна носить платье *смирныхъ, вдовьихъ* цвѣтовъ т. е. темныхъ, траурныхъ, ибо „вдовья бѣда (доля) горчѣе всѣхъ людей“. Она на всю жизнь печальная сирота. Самыя матеріи употребляемыя на одежду, получали наименованіе вдовьихъ, такъ напр. въ XVII ст. были въ продажѣ *тафты вдовьи*.

„Пытайте ученья, которое говоритъ: женѣ не велю учити, ни владѣти мужемъ, но быти въ молчаніи и въ покореніи мужу своему. Адамъ прежде созданъ бысть, потомъ Ева сотворена, и Господь рече: азъ тя бехъ сотворилъ равно владычествовати съ мужемъ, но ты не умѣ(ла) равно господствовати, буди обладаема мужемъ, работающи ему въ послушаніи и въ покореніи вся дни живота твоего.... Да будутъ жены *домодержецы*... да покоряются во всемъ своимъ мужемъ, и мужи да любятъ жены своя, и жены да послушаютъ во всемъ мужей своихъ яко рабъ господина. Рабъ бо разрѣшится отъ работы отъ господскіи, а женѣ нѣтъ разрѣшенья отъ мужа, но егда мужъ ея умретъ, тогда свободна есть законнаго посягнути.... Глава есть мужеви Христосъ; женѣ глава — мужъ. Нѣсть сотворенъ мужъ жены дѣля, но жена мужа дѣля, того дѣля имати властъ мужъ надъ женою, а не жена надъ мужемъ. Не мози. сыну, возвести главы женскіи выше мужни, али то Христу наругаешися. Того ради не подобаетъ жены звати *госпожею*, но и лѣпо женѣ мужа звати господиномъ; да имя не хулится въ васъ, но и паче славится. Кій властель подъ собою суща зоветъ господою, или кій господинъ зоветъ раба господиномъ, или кія госпожа з

ветъ раба господиномъ, или кія госпожа зоветъ рабу госпожею? Не прельщайтеся во свѣтѣ семъ: имамъ бо великаго свѣтильника Христа Бога нашего, главу надъ всѣми главами. Да не срамляписте же мужскія главы, оли то Христа срамѣлъ есть. Рече: егда на земли ходихъ, плоть нося, тогда кто укорилъ мя или что хульно или крестное дерзновеніе, то тому прощу я; а иже нынѣ кто похулитъ, ли укоритъ, то и не прощенъ будетъ, ни въ сій вѣкъ, ни въ будущій" [1].

Въ этомъ текстѣ заключается вся философія восточныхъ воззрѣній на женскую личность вообще.

Само собою разумѣется, что вліяніе византійской культуры должно было подѣйствовать на самое устройство брака и мы видимъ, что, вмѣсто туземнаго языческаго брака, по обоюдному совѣщанію, „съ нею же кто съвѣщевашеся", возникаетъ, какъ положительный выводъ восточныхъ воззрѣній на женщину, бракъ малолѣтныхъ: являются *десятилѣтніе* мужья (Святославъ Игоревичь въ 1181 г.) и *восьмилѣтнія* жены (Верхуслава, дочь Суздальскаго Всеволода, отданная за четырнадцатилѣтняго Ростислава, въ 1187 г.). На востокѣ и въ Византіи совершеннолѣтіе для брачущихся полагалось для мужчинъ 14 лѣтъ (подобаетъ уношамъ въ *наусв* быти возрастомъ, 14 лѣтъ), для дѣвицъ 12 лѣтъ; но обрученіе могло совершаться и раньше. Законъ воспрещалъ однакожъ обрученіе для отроковъ *менѣе семи* лѣтъ возрастомъ, стало быть, бывало и то, что обручались чуть не младенцы. У насъ Верхуслава была повѣнчана восьми лѣтъ и безсомнѣнія это не былъ примѣръ единственный. [2] Естественно, что такой бракъ становился исключительно дѣломъ родительской воли или вообще воли старшихъ родичей. Родовой духъ здѣсь долженъ былъ торжествовать. Онъ дѣйствительно въ своемъ смыслѣ и растолковалъ себѣ чуждое, несвойственное ни климату, ни понятіямъ страны, законоположеніе о возрастѣ обрученія, установивъ его днемъ самаго брака. Изъ византійскихъ законоположеній о бракѣ родовой духъ хорошо понялъ только одно, именно то, что женская личность отдается ему по закону въ полную опеку, какъ личность малолѣтная.

---

[1] Рукописная Кормчая: толкъ Козмы Халкидонскаго, яко не подобаетъ жены госпожею звати.

[2] В. К. Иванъ Васильевичъ, собиратель Руси въ одно цѣлое, былъ обрученъ на Тверской Княжнѣ Марьѣ Борисовнѣ, *семи лѣтъ*, въ 1447 г.

Съ этою идеею свою опеку надъ женщиною онъ передавал всецѣло и ея мужу, который, становясь мужемъ, по понятія вѣка, становился уже и возрастнымъ, покрайней мѣрѣ въ отн шеніи жены, не смотря на то, что ему самому было тол 10—14 лѣтъ. Родовой духъ, воспользовавшись ученіемъ зако обошелъ мимо различныя ограниченія родовой власти, су ствовавшія въ томъ же законѣ, и въ теченіи цѣлыхъ вѣко разсматривалъ бракъ, какъ такое дѣло, которое никакъ не м гло быть совершено безъ воли и опеки старшихъ, [1] распростр няя понятіе о дѣтствѣ молодыхъ и на всякаго въ дѣйствител ности уже возрастнаго и потому *самовластнаго* распоряжать собою, чего не отрицалъ и византійскій законъ. Непосредстве ность родовыхъ понятій освятилась такимъ образомъ писаны и уже по этому одному только освященнымъ правиломъ — з кономъ, и получила еще большую силу для своихъ дѣйствій вліяній. Отсюда, изъ этого новаго жизненнаго положенія, са собою выросла цѣлая група новыхъ отношеній, совершен измѣнившихъ судьбу женской личности. Она, какъ ребено становится предметомъ самыхъ неустанныхъ заботъ, котор естественнымъ образомъ и приводятъ ее въ *теремъ*, какъ такое мѣсто, гдѣ бережевье неразумнаго дитяти вѣрнѣе и по нѣе достигаетъ своихъ цѣлей.

Съ какого именно времени вообще жены знатныхъ и бог тыхъ людей, стали скрываться въ удаленныхъ отъ людска глаза хоромахъ, съ какого именно времени является въ ру ской жизни этотъ *теремъ*, и какъ особая постройка, и ка особая жизненная идея, сказать опредѣлительно мы не може По всему вѣроятію это началось съ перваго же вѣка по во вореніи въ нашей землѣ византійскихъ понятій и византійски обычаевъ. Если бы теремъ и не былъ принесенъ къ на прямо византійскими руками, какъ особая форма жизни, вмѣс съ какою либо формою постройки, одежды, головнаго убора, т. п., то во всякомъ случаѣ онъ самъ собою народился бы

[1] Владиміръ Васильковичъ Волынскій, отдавая по смерти свою княги и воспитанницу Изяславу на руки брату Мстиславу, завѣщаетъ: „ тище Изяславу, не отдать еѣ неволею ни за кого же, но гдѣ буде княгинѣ моей любо, тутоть ю (ее) дати,“ устраняя такимъ образо отъ дѣтища только произволъ брата и оставляя устройство Изяс вной судьбы на полную волю своей княгини, гдѣ ей будетъ лю тамъ ее и отдастъ за мужъ.

ашемъ обществѣ по той простой причинѣ, что была принеена изъ Византіи и водворена въ нашей землѣ его идея. Всяая идея неизмѣнно и неминуемо рождаетъ свой плодъ, создатъ себѣ свою форму. Теремъ, покрайней мѣрѣ въ русской зелѣ, былъ плодомъ постнической идеи, дѣйствіе которой, и въ овольно сильныхъ чертахъ, обнаруживается въ нашемъ древемъ обществѣ очень рано. Монашескій идеалъ въ княжескомъ одѣ является господствующимъ уже при внукахъ Св. Владиіра и первыми его подвижниками являются дѣвицы, дочери Всеволода и сестры Мономаха, Янка (Анна) и Евпраксія. Янка, *дѣвою сущи*, постригается, собираетъ черноризицъ и пребыватъ съ ними по монастырскому чину, въ монастырѣ, который, езъ сомнѣнія, для нея же и устроенъ былъ ея отцомъ въ 1086 г. Чрезъ три года, когда въ Кіевѣ умеръ митрополитъ, „иде Янъ въ греки и приведе митрополита Іоана скопьчину; его же идѣвше людье, вси рекоша: это мертвецъ пришелъ“. Идеалъ княжны нашелъ себѣ живое олицетвореніе. Чрезъ годъ Іоаннъ омеръ. Лѣтописецъ говоритъ, что былъ сей мужъ не книженъ, о умомъ простъ и просторѣкъ“ [1].

Янка такимъ образомъ подаетъ благочестивый образецъ постичества и иночества для княжескихъ дочерей, указываетъ мъ путь подвижничества, самостоятельный и независимый отъ ірской жизни. За нею скоро слѣдуетъ ея сестра, Евпраксія, оторая постригается въ Печерскомъ монастырѣ.

Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ идеалы дѣвства и иночества аспространяются въ женскомъ быту все больше и больше. Не смотря на то, что знаменитый братъ этихъ первыхъ инониць-княженъ, Владиміръ Мономахъ, пишетъ своимъ дѣтямъ: „не онашество спасетъ васъ, а добрыя дѣла“, — его дочь Марица всеаки уходитъ въ монастырь (1146 г.). Къ этому же почти времени, немного позднѣе, принадлежитъ и замѣчательное подвижичество Евфросиніи Полоцкой, которая устроила также монатырь и постригла двухъ своихъ сестеръ, родную Гориславу и воюродную Звениславу, и двухъ племянницъ. Вообще съ XI вѣка иноческій образъ“ становится высшею цѣлью жизни не тольо для женщинъ, княгинь и княженъ, которыя въ немъ одномъ находятъ себѣ настоящій путь жизни, но и для мужчинъ — княей, которымъ само духовенство толковало, что Богъ имъ ве-

---

[1] П. С. Р. Л, I, 88, 89.

лѣлъ *такъ* быть, правду дѣлать на этомъ свѣтѣ, въ прав[
судъ судить, т. е. оставаться князьями, ибо и безъ того вели[
и священна ихъ обязанность предъ Богомъ, и которые одна[
кожъ всѣми силами стремились избавиться отъ суетнаго, мимо[
текущаго и мятежнаго житія сего [1], и постригались въ монах[
и даже принимали схиму, покрайней мѣрѣ на склонѣ дней п[
же предъ самою смертью. Чтоже касается княгинь, то напр[
въ одномъ московскомъ княжескомъ колѣнѣ, мы встрѣчае[
изъ нихъ цѣлый рядъ инокинь, заслужившихъ даже соборн[
памяти: Ульяна, супруга Калиты; Александра — Марья, су[
руга Семена Ив.; Евдокія, супруга Донскаго; Софья, супру[
Василья Дм.; Марья, супруга Темнаго [2]. Тоже находимъ и в[
другихъ великокняжескихъ родахъ, Суздальскихъ, Тверскихъ[
Рязанскихъ и т. д.

Какъ Анна Всеволодовна являлась образцомъ для южныхъ
княгинь, такъ Марья, супруга Суздальскаго Всеволода Юр[
евича, стала идеаломъ постнической жизни для княгинь сѣве[
ной Руси. Она постриглась въ 1206 г., по случаю восьмилѣ[
ней, вѣроятно неизлѣчимой болѣзни, еще при жизни мужа. [
многими слезами провожали ее въ монастырь самъ князь, сы[
и дочь, епископъ, игуменъ—отецъ ей духовной и другіе иг[
мены, и всѣ чернецы, и всѣ бояре и боярыни, и черницы [
всѣхъ монастырей, и всѣ горожане. Не можно было видѣть о[
щей скорби, замѣчаетъ лѣтописецъ, потому что до всѣхъ бы[
добра „преизлиха". Съ дѣтства въ страхѣ Божіемъ любила пра[
ду, воздавая честь епископамъ, игуменамъ, чернецамъ, пресв[
терамъ; „любяше черноризецъ и подаваше требованіе имъ[
Была нищелюбица, страннолюбица, печальныхъ, скорбныхъ[
больныхъ всѣхъ утѣшала и подавала имъ „требованіе" [3]. Сво[
добродѣтельною жизнью княгиня надолго оставила по себѣ св[
тую память. Позднѣйшій лѣтописецъ, описывая благочестив[
подвиги Евдокіи Донской, говоритъ между прочимъ: „поста[
на Москвѣ церковь камену зѣло чудну (Вознесенскій монастыр[
и украси ю съсуды златыми и серебренными.... и сотвори[
паче всѣхъ княгинь великихъ, развѣ точью Марья княгини Вс[
волода, иже въ Володимірѣ...."

[1] Исторія Рус. Церкви Е. Р. Ф. I, 238.
[2] Вивліоѳ. VI, 443 и дал.
[3] П. С. Р. Л. I, 178.

Лѣтописцы ни о какихъ другихъ женскихъ подвигахъ и не-разсказываютъ, какъ о постриженіи, о построеніи монастырей и церквей, потому что въ ихъ глазахъ эти-то подвиги одни только и заслуживали и памяти, и подражанія.

Съ особенною приверженностію устремлялось къ иноческому идеалу честное вдовство, такъ что изъ вдовъ—княгинь и особенно бездѣтныхъ, почти каждая оканчивала свою жизнь инокинею, а часто и схимницею. Это становилось какъ бы закономъ для устройства вдовьей жизни. „А княгини моа, говоритъ Володимеръ Васильковичь Волынскій, по моемъ животѣ, оже восхочетъ въ черницѣ пойти, пойдетъ; аже не восхочетъ пти, а како ей любо, мнѣ не воставши смотрить, что кто иметь чинити по моемъ животѣ“ [1]. Здѣсь князь вначалѣ указываетъ честному вдовству обыкновенный путь; но затѣмъ освобождаетъ княгиню, отдаетъ ей на свою волю идти и не идти въ монастырь, замѣчая, что не смотрѣть же ему, какъ будутъ жить послѣ его смерти. Еслибы вдова-княгиня была, по мнѣнію вѣка, совершенно свободна въ дѣйствіяхъ, то князь не сталъ бы и говорить о томъ, какъ ей нужно жить во вдовахъ.

Въ лѣтописяхъ читаемъ слѣдующее, вполнѣ типическое сказаніе о такомъ обычномъ подвигѣ честнаго вдовства: въ 1365 г. „преставися князь (Нижегородскій) Андрей Константиновичь въ *черньцѣхъ* и въ *схимѣ*“, которую принялъ въ несомнѣнной часъ кончины. „Княгиня же Василиса много плакавше по князи своемъ; пребысть вдовою 4 лѣта; пострижена бысть отъ Діонисья архимандрита печерскаго и наречено бысть имя ей Ѳеодора.—Бысть ей тогда отъ рожденія лѣтъ 40, и раздавала все имѣнье свое церквамъ и монастырямъ и нищимъ, а слугы своя и рабы и рабыни распустила на свободу, а сама нача жити въ монастырѣ у св. Зачатья, иже сама создала при князи своемъ; живяше же въ молчаніи, тружаяся рукодѣльемъ, постомъ, поклоны творя, молитвами и слезами, стояніемъ нощнымъ и неспаніемъ; многажды и всю нощь безъ сна пребываше; овогда чрезъ день, овогда чрезъ два, иногда же и пять дней не ядяше; въ мовню не хожаше, въ срачицѣ не хожаше, но власяницу на тѣлѣ своемъ ношаше; пива и меду не пьяше, на пирѣхъ и на свадьбахъ не бываше, изъ монастыря не исхожаше, злобы ни на кого же не держаше, ко всѣмъ любовь имѣяше.

[1] П. С. Р. Л. 2, 215.

Таковое же доброе и чистое житье ея видѣвше, многи болярыни, жены и вдовицы и дѣвицы постригашася у ней, яко бысть ихъ числомъ и до девяносто, и вси общее житье живяху. Княгиня же Василиса, поживши въ черницахъ восемь лѣтъ и поболѣвши нѣколико дній, преставися ко Господу".

Мы увидимъ ниже, что тотъ же идеалъ жизни, буква въ букву, воплощался въ благочестивомъ вдовствѣ и въ концѣ XVII ст.

Само собою разумѣется, что онъ господствовалъ и въ частномъ не княжескомъ быту, особенно въ знатномъ и боярскомъ, который всегда пользовался матеріальною возможностью осуществлять постническую жизнь въ полной мѣрѣ. Московскій лѣтописецъ записалъ между прочимъ, что въ 1393 г. „преставися игуменья Алексіевская (Алексѣевскаго монастыря) Ульяна, отъ града Ярославля, дщи нѣкоего богата родителя и славна; сама же зѣло богобоязлива, чернечьствовавши лѣтъ болѣе 30 и игуменья бывши 90 черницамъ, и общему житью женскому начальница сущи, и многимъ дѣвицамъ учительница бывши, и за премногую добродѣтель любима бысть отъ всѣхъ и почтена всюду...." [1]

Такъ высокъ и силенъ былъ идеалъ иночества и постничества въ нравственной жизни нашего древняго общества. Весьма естественно, что онъ, какъ идеалъ лучшей жизни, вносилъ свои стремленія, а съ ними и свои порядки и въ обыкновенную повседневную мірскую жизнь, устроивалъ эту жизнь по своимъ образцамъ и правиламъ.

Женская среда, какъ среда исключительно домашняя, еще сильнѣе должна была подчиняться уставамъ этого идеала. Женщина была *домодержецъ*; дѣятельность ея исключительно распространялась на устройство дома, даже ограничивалась только этимъ устройствомъ. Воплощая наилучшій идеалъ жизни въ дѣлахъ и отношеніяхъ дома, она, съ теченіемъ времени, мало по малу, незамѣтнымъ образомъ, одною лишь нравственною стихіею этого идеала, должна была изъ своего дома создать монастырь или нѣчто такое, что по своимъ нравственнымъ уставамъ очень напоминало чинъ жизни монастырской. Если древнѣйшій домострой, обращаясь къ мужчинѣ — главѣ дома, указывалъ ему идеалъ игумена, говоря: вы есте игумени во своихъ домахъ; то здѣсь, вмѣстѣ съ указаніемъ домовнаго идеала,

---

[1] Карамз. V, пр. 4, 254.

опредѣляя только идеалъ повелѣвающей власти. Воплощеніе же этого идеала, въ самой дѣйствительности, во всѣхъ его нравственныхъ и формальныхъ подробностяхъ всетаки главнымъ образомъ лежало на женщинѣ; ея мыслію, ея душею онъ приводился въ дѣло, ея постоянною заботою онъ неизмѣнно поддерживался. Мы, разумѣется, говоримъ здѣсь о женщинѣ не въ единичномъ какомъ либо смыслѣ, а говоримъ вообще о женской нравственной многовѣковой дѣятельности. Мы хотимъ сказать, что монастырскій устрой домашней жизни выработанъ многовѣковою нравственною дѣятельностью женской личности, конечно, при постоянномъ и непрестанномъ воздѣйствіи поученія, которое проповѣдовалъ исключительно только мужчина.

Что устройство домашней жизни, покрайней мѣрѣ въ достаточномъ, т. е. господарскомъ быту, имѣло дѣйствительно своимъ высшимъ идеаломъ устройство монастырское, это въ полной мѣрѣ подтверждаетъ Домострой XVI вѣка, записавшій лишь то, что искони существовало или искони должно было существовать, какъ наилучшій порядокъ и образецъ частной жизни.

По уставу Домостроя (глава XII), „по вся дни утре, вставъ, Богу молитися, и отпѣти заутреня и часы, а въ недѣлю (воскресенье) и въ праздникъ — молебенъ.... и святымъ кажденіе. Въ вечерѣ - отпѣти вечерня, павечерница, полунощница, съ молчаніемъ и со вниманіемъ и съ кроткостояніемъ, и съ молитвою и съ поклоны. Пѣти внятно и единогласно. (Павечерница, и полуношница, и часы, въ дому своемъ всегды, по вѣ дни пѣти: то всякому христіанину Божій долгъ). Послѣ *правила* (т. е. послѣ этой вечерней службы) отнюдь, ни пити, ни ѣсти, ни молвы творити, всегда—всему тому наукъ ... А ложася спати всякому христіанину по три поклона въ землю предъ Богомъ положити. А въ полунощи, всегда, тайно вставъ, со слезами прилежно къ Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи.... „Въ другой главѣ, XIII, Домострой прибавляетъ: „а дома всегда павечерница и полуношница и часы пѣти; а кто прибавитъ *правила* своего ради спасенія, ино то на его воли: ино болѣ мзда отъ Бога.... Всегда четки въ рукахъ держати и молитва Іисусова во устѣхъ непрестанно имѣти, и въ церкви и дома, и въ торгъ ходя, и стоя, и сѣдя, и на всякомъ мѣстѣ“

„Въ домовномъ обиходѣ и вездѣ, всякому человѣку, государю или государыни, сыну, дщери, или служкѣ, мужеска полу и жен-

ска, стару и малу—всякое дѣло начати, или ѣсти, или пити или ѣства варити, или печи;—всякое рукодѣліе и всякое мастерство,—устроивъ себя, преже святымъ поклянятися трижды въ землю, или понуждѣ до пояса; кто умѣетъ (молитву) „Достойно" проговорити да *благословясь у настоящаго*, да молитву Інсусову проговоря, да перекрестяся, молвя: „Господи благослови, Отче!„ тоже, такъ начати всякое дѣло, ино тому Божія милость поспѣшествуетъ, ангелы невидимо помогаютъ, а бѣси отбѣгнутъ.... А дѣлати съ молитвою и съ доброю бесѣдою или съ молчаніемъ; а дѣлаючи что нибудь, начнется слово праздное или хулное, или съ роптаніемъ, или смѣхи, или кощуны, или скверныя и блудныя рѣчи, или пѣсни бѣсовскія и игры—отъ такова дѣла и отъ таковыя бесѣды, Божія милость отступить, ангелы отъидутъ скорбни и возрадуются нечестивіи демони.... (гл. XIX). Егда трапезу предпоставляеши, вначалѣ священницы Отца и Сына и Святаго Духа прославляютъ, потомъ Богородицу; и Пречистой хлѣбъ вынимаютъ и, по отшествіи трапезы, Пречистыя хлѣбъ воздвигаютъ и отпѣвъ: „Достойно", вкушаютъ и чашу Пречистыя піютъ...." Это особый монастырскій обрядъ возношенія хлѣба въ честь Богородицы, который дѣйствительно совершался за обѣдомъ и въ царскомъ и въ боярскомъ быту. Мы не станемъ приводить новыя выписки, ибо всѣ наказы и поученія Домостроя сводятся къ одной цѣли, чтобы сдѣлать домашнюю жизнь непрестаннымъ моленіемъ, непрестаннымъ подвигомъ молчанія и отверженія отъ всякихъ мірскихъ удовольствій и веселостей, непрестаннымъ, чисто аскетическимъ отрицаніемъ всего того, чего сама жизнь отвергнуть не въ силахъ.

Такимъ образомъ, если благочестивый домъ древней Руси, т. е. самый лучшій домъ, во многомъ по своей жизни уподобляясь монастырю, то появленіе въ такомъ дому терема было простымъ, такъ сказать, естественнымъ условіемъ благочестивой жизни, по преимуществу для среды малолѣтныхъ, неразумныхъ, какими наравнѣ съ дѣтьми почитались и взрослыя дѣвицы, да и вообще женщины. Словомъ сказать, появленіе терема было воплощеніемъ благочестивыхъ воззрѣній на женскую личность, какъ на соблазнъ міра, а потому онъ долженъ былъ явиться еще въ то время, когда такія воззрѣнія достаточно уже укрѣпились въ обществѣ. Мы видѣли, что уже въ XI вѣкѣ стремленіе къ терему обнаружилось въ сестрахъ Мономаха. Онѣ дѣвами приняли иноческій чинъ и такимъ образомъ засвидѣ-

тельствовали, что и передъ тѣмъ ихъ жизнь была отдана идеаламъ постничества и удаленія отъ міра.

И такъ теремъ былъ произведеніемъ „древняго благочестія", прямымъ и непосредственнымъ выводомъ всего нравственнаго поученія нашей древности. Само собою разумѣется, что вначалѣ, въ первые вѣка, онъ не могъ быть распространенъ въ такой силѣ, какъ это было въ XVI и XVII ст., т. е. что въ первые вѣка женщинѣ вообще было свободнѣе, чѣмъ въ вѣка послѣдующіе. Но какъ велика была эта свобода, мы не знаемъ. Можемъ догадываться, что она была не значительна, и въ обществѣ женщина всетаки не имѣла своего мѣста. Въ лицѣ жены или въ лицѣ матерой вдовы она имѣла мѣсто на пиру и на свадьбѣ; на свадьбѣ имѣла свое мѣсто и дѣвица. Но вотъ и всѣ ея свободные шаги. Другихъ свободныхъ и въ собственномъ смыслѣ общественныхъ ея движеній, общественныхъ ея отношеній, мы не примѣчаемъ, и лѣтописи, какъ и другіе памятники, не сказываютъ намъ ничего такого, почему возможно было бы заключать, что женская личность пользовалась между людьми значеніемъ самостоятельнаго и независимаго члена общественной дѣятельности. Ни одного событія, ни одного женскаго подвига, въ которомъ выразился бы такой именно смыслъ женскаго лица. Исключительными и единственными женскими подвигами являются подвиги любви къ иночеству, подвиги усердной и самой ревностной набожности во всѣхъ ея видахъ. „Ни на чтоже иное упражняшеся, но токмо о церковныхъ потребахъ и о миловании укореныхъ, маломощныхъ и всѣхъ бѣдующихъ", говоритъ лѣтописецъ о княгинѣ Аннѣ, женѣ Рюрика Кіевскаго[1]. Одними только этими подвигами и украшается женская личность въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. А это показываетъ, что исключительной формою женской и особенно дѣвичьей жизни во всѣ эти вѣка былъ непремѣнно теремъ, созданный иноческимъ же идеаломъ.

Сидитъ она за тридевятью замками,
Да сидитъ она за тридевятью ключами,

Послѣ, въ 1206 г., когда мужъ княгини Анны и она сама были насильно пострижены Романомъ Галицкимъ, и когда, по смерти Романа, Рюрикъ посметалъ съ себя чернеческіе порты—одежды и хотѣлъ было разстричь и жену,—она, услыша объ этомъ, воспротивилась и постриглась въ схиму. П. С. Р. Л. I, 179; II, 153.

Чтобы и вѣтеръ не завѣлъ, да и солнце не запекло,
Да и добры молодцы, чтобъ не завидѣли....

Сидитъ Аөросинья въ высокомъ терему
За тридесять замками булатными;
А и буйные вѣтры не вихнутъ на ее,
А красное солнце не печетъ лице...

Дочь прекрасная Опракса королевична,
Сидитъ она во теремѣ въ златомъ верху;
На ню красное солнышко не оппекетъ,
Буйные вѣтрушки не оввѣютъ,
Многіе люди не обгалятся... [1]

Еще по уставу Ярослава Великаго, взятому съ византійскаго номоканона, женская личность, наравнѣ со всѣми *церковными людьми*, т. е. съ людьми, по особому смыслу своей житейской доли, выдѣленными отъ міра-общества, [2], отдается въ покровительство церковнаго суда, который, такимъ образомъ, является исключительнымъ, привилигированнымъ ея защитникомъ, охранителемъ и оберегателемъ ея чести, ея личнаго достоинства. Церковный судъ, какъ извѣстно, отдѣлилъ въ свою область всѣ дѣла домашней, семейной жизни, взялъ на свое попеченіе и въ свой непосредственный надзоръ *домъ*, какъ особую нравственную среду со всѣми ея движеніями. Вотъ почему и женщина, какъ человѣкъ по преимуществу домовный, отдѣлилась отъ суда общаго, мірскаго. Не княжій, а святительскій судъ преслѣдовалъ ея оскорбителя; стало быть, не общество, а церковь подавала ей руку защиты. Какъ было прежде, мы не знаемъ; но съ того времени, какъ началъ дѣйствовать такой номоканонъ, женская личность, по самому смыслу закона, уже

---

[1] Былины: Кирѣевскій III, 61, 71; Рыбниковъ I, 187.—*Галиться*—глазѣть смотрѣть; волочиться; также смѣяться, издѣваться. Област. Словарь.

[2] Каковы были: вообще духовный и иноческій *чинъ* и всѣ, которые работали церкви; затѣмъ *общественныя сироты*, которыя жили, существовали, призрѣвались, кормились и питались церковью, т. е. вообще люди, не имѣвшіе въ міру-обществѣ самостоятельнаго значенія, не находившіе тамъ мѣста, или уходившіе отъ міра: нищіе, слѣпцы, хромцы, странники, вдовицы бездомныя и всякіе *изгои*, или сироты въ общественномъ смыслѣ.

отстранялась отъ міра-общества, являлась членомъ не свѣтскаго. общественнаго, а домашняго только міра, который въ добавокъ усиленно и неутомимо строился по монастырскому идеалу. Таково положеніе, указанное женщинѣ, безъ сомнѣнія еще въ первый вѣкъ, самою церковью. Идея этого положенія и была тою нравственною и въ полномъ смыслѣ органическою силою, которая, какъ изъ зародыша, развила изъ себя всѣ послѣдствія, т. е. всѣ идеальныя и матеріальныя формы женскаго быта, со всею нравственною и даже умственною его выработкою.

Женщина постепенно удалилась отъ общества и являлась въ немъ уже только въ силу нѣкоторыхъ жизненныхъ обстоятельствъ, требовавшихъ неминуемо ея присутствія или же дававшихъ ей самостоятельное вотчинное значеніе. Такъ, мы упоминали уже, что только *матерая* вдова пользовалась правомъ стоять въ извѣстныхъ случаяхъ наравнѣ съ мущиною и занимать соотвѣтственное своему значенію мѣсто въ общежитіи. По крайней мѣрѣ, общество не смущалось присутствіемъ женщины, пріобрѣтавшей мужескія черты вслѣдствіе своего, хотя и вдовьяго, но тѣмъ неменѣе отеческаго, или вѣрнѣе сказать вотчинническаго значенія. Такъ, мы встрѣчаемъ новгородку, боярыню Мареу Борецкую, пирующую въ обществѣ мужчинъ, новгородскихъ бояръ [1].

---

[1] Описатель житія преп. Зосимы Соловецкаго разсказываетъ, что однажды преподобный былъ позванъ на пиръ къ боярынѣ Мареѣ Борецкой, которая пожелала благословиться у него, потому что прежде ссорилась съ нимъ за бѣломорскія свои земли. На пиру его встрѣтили съ радостью. Боярыня съ дочерьми благословилась у него; „и посади его посреди пиршества". Преподобный по своему обычаю кушалъ мало и сидѣлъ молча. Взглянувъ на сидѣвшихъ бояръ, онъ изумился своему видѣнію: шесть мужей сидѣли предъ нимъ безъ головъ. Взглянулъ въ въ другой и въ третій разъ,—предъ нимъ тоже видѣніе. Преподобный покачалъ головою, вздохнулъ, прослезился, оставилъ пищу и поникъ долу. Сколько ни просили его продолжать трапезу, онъ оставался недвижимъ. По окончаніи стола и „по воздвизаніи святаго пречистаго хлѣба (Богородицы)", поклонившись и получивъ многіе дары въ свой монастырь, преподобный удалился. Боярыня послѣ спрашивала его ученика Даніила, отчего преподобный не сталъ учавствовать въ пиршествѣ. Ученикъ разсказалъ ей о страшномъ видѣніи. Оно потомъ подтвердилось и событіемъ. В. К. Иванъ Вас., взявши Новгородъ, казнилъ Димитрія Исакова (Борецкаго), Губу Селезнева, Купріяна Арзубьева и иныхъ трехъ, именно тѣхъ самыхъ бояръ, о которыхъ было видѣніе преподобному Зосимѣ.

Въ Новгородѣ, но не исключительно въ немъ одномъ, а повсюду въ сѣверной Руси, *матерыя вдовы* и въ боярскомъ, и въ посадскомъ быту, стоятъ въ ряду вообще домовладыкъ, а стало быть въ ряду мужчинъ. Вотъ почему в. к. Иванъ Московскій, покорившіи Новгородъ, при помощи Новгородцевъ же, своихъ сторонниковъ, очень заботится о томъ, чтобы его сторонникамъ, боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и *боярынямъ*, которые служатъ Москвѣ, за то не мстили ни какою хитростію. Затѣмъ онъ требуетъ крестнаго цѣлованья, политической присяги, вмѣстѣ со всѣми горожанами и отъ *женъ боярскихъ вдовъ* и даже отъ людей боярскихъ [1]. Основаніемъ такому значенію Новгородскихъ *боярынь-вдовъ* послужило, конечно, вотчинное имущество, которымъ онѣ владѣли и распоряжались послѣ мужей и на которомъ оставались полными хозяевами вѣроятно до своей смерти. Мы видимъ также, что *матерыя* вдовы — великія княгини, въ Москвѣ Евдокія, Софья; въ Твери Евдокія, Настасья, въ Рязани Анна, въ Суздалѣ Елена, и т. д., при малолѣтныхъ или молодыхъ сыновьяхъ получаютъ большое самостоятельное значеніе; онѣ сидятъ на *вдовьемъ столѣ*, т. е. на отчинномъ владѣньи своихъ мужей, слѣд. по необходимости являются дѣятелями общества, принимаютъ участіе въ мужскомъ общежитіи, сидятъ въ думѣ — совѣтѣ съ боярами, принимаютъ пословъ, имѣютъ даже *своихъ* особыхъ *бояръ* [2], и вообще своею личностью заступаютъ во многихъ случаяхъ мѣсто княжеской мужчинной личности. Это особенно обнаруживается въ XIV и XV ст., когда вотчинное начало въ княжескомъ быту совсѣмъ окрѣпло и всюду распространилось.

Нельзя, конечно, отвергать предположенія, что самостоятельность матерой вдовы, своими общественными отношеніями, могла бы современемъ выработать для женской личности покрайней мѣрѣ извѣстную долю свободныхъ дѣйствій и вообще открыть двери терема. Но мы знаемъ, что княжеская вотчинность повела къ развитію самовластія, а потомъ самодержавія и единодержавія. Въ борьбѣ за самовластіе, самъ мужчина принужденъ былъ держать себя съ осторожкою. Что же оставалось для женщины?

---

[1] П. С. Р. Л. VI, 218, 219.

[2] Напр. мать тверскихъ князей Евдокія. (Лѣт. Никон. VI, 297.); мать московскихъ князей Марѳа, вдова Василья Темнаго.

Ея затворничество становится уже рѣшительною необходимостью, какъ наилучшая мѣра безопасности отъ всякаго лиха. Она мало по малу лишается даже и той малой доли свободныхъ дѣйствій, какою обладала прежде.

Въ XV вѣкѣ в. княгиня еще принимаетъ къ себѣ иноземныхъ пословъ. Въ 1476 г. вел. кн. Софья Палеологъ принимаетъ у себя венеціанскаго посланника Контарини и любезно съ нимъ разговариваетъ (см. выше стр. 3); въ 1490 г. въ своей средней повалушѣ она принимаетъ цесарскаго посла Юрья Делатора. Эти случаи можно-было бы объяснить тѣмъ, что Софья сама была иноземка и потому не измѣняла своимъ обычаямъ. Но мы знаемъ, что такой обычай существовалъ и у нашихъ княгинь.

Въ 1483 г. в. к. Иванъ Васильевичъ женилъ своего сына Ивана на Еленѣ Волошанкѣ и по этому случаю послалъ къ Тверскому в. к. Михаилу Борисовичу посла Петра Заболотскаго съ *радостью*, т. е. съ свадебными дарами: Михаилу мѣхъ вина, его матери, матерой вдовѣ, Настасьѣ Александровнѣ мѣхъ вина; его женѣ, Софьѣ мѣхъ вина и по два убрусца жемчугомъ сажены. Хотя въ лѣтописи и не говорится, что посолъ подносилъ дары в. княгинямъ лично; но это разумѣлось само собою. Вслѣдъ затѣмъ, тотъ же лѣтописецъ разсказываетъ, что когда у новобрачныхъ супруговъ родился сынъ Дмитрій, в. князь опять послалъ въ Тверь *съ поклономъ* Владиміра Елизарьева; но тверской князь не принялъ поклона и выслалъ его вонъ изъ избы, и „*къ матери* ему идти не велѣлъ, къ в. княгинѣ Настасьѣ“, слѣд. посолъ долженъ былъ къ ней идти, какъ велось въ обычаѣ. Въ 1502 г. в. князь посылалъ къ Аграфенѣ княгинѣ рязанской поклонъ и слова, которые посолъ по необходимости долженъ былъ передавать лично [1].

Такія посольства къ в. княгинямъ, особенно къ матерымъ вдовамъ, были обыкновеннымъ и даже неизбѣжнымъ дѣломъ въ княжескихъ отношеніяхъ до XVI в. Вотчинная независимость ставила въ независимое, самостоятельное положеніе и женскую личность. Ибо одна только вотчина, вообще собственность, и всякому лицу давала смыслъ самостоятельнаго члена въ общественномъ союзѣ. Но какъ скоро это положеніе, все таки случайное для женщины, сдѣлалось уже невозможнымъ при утвер-

---

[1] Тверская Лѣтопись, стр. 499, Каралз. V, пр. 563.

жденія единодержавія и соединенія всѣхъ отдѣльныхъ княжескихъ вотчинъ въ одно государство, то въ княжескомъ быту женщина осталась снова въ своемъ терему.

Развитіе ея общественныхъ правъ прекратилось, а домашняя жизнь стала еще тѣснѣе по причинамъ, которыя указаны нами выше. Теремъ сдѣлался не только монастыремъ, но и крѣпостью, которая защищала уже не отъ однихъ грѣховъ, но и отъ всякихъ лиходѣевъ и враговъ. Въ началѣ XVI вѣка затворничество женщинъ было дѣломъ окончательно уже рѣшеннымъ и не подлежащимъ никакому сомнѣнію и колебанію. Такъ напр. мы видимъ, что извѣстный Домострой, хотя и не даетъ прямыхъ наставленій держать женъ и дочерей взаперти, но его молчаніе показываетъ, что этотъ обычай былъ такъ сплелъ въ господарскомъ кругу, что не требовалъ уже особыхъ наставленій. Домострой и не предполагаетъ, чтобы жены, не говоря уже о дочеряхъ, могли ходить въ мужскія бесѣды. Онъ застаетъ жизнь терема ужъ въ полномъ цвѣту. Онъ даетъ только совѣты женѣ, какъ вести себя въ гостяхъ, у другихъ женъ, какъ вести себя съ гостьями дома, причемъ строго наказываетъ, „коли *гость* случатся, то питіе и ѣству и всякій обиходъ, приноситъ (въ комнату) одинъ человѣкъ *сверстной*, кому приказано; а *мужеск полъ* туто, и рано и поздно, отнюдь *никакоже, ни какими дѣлы, не былъ бы*, кромѣ того, кому приказано, *сверстному человѣку*, что принести или о чемъ спроситься, или о чемъ ему приказать, и всего на немъ пытать: и безчинія и невѣжества а иному никому туто дѣла нѣтъ.“

„Состояніе женщинъ, говоритъ Герберштейнъ (еще въ началѣ XVI вѣка), самое плачевное: женщина считается честною тогда только, когда живетъ дома взаперти и никуда не выходитъ; напротивъ, если она позволяетъ видѣть себя чужимъ и посторроннимъ людямъ, то ея поведеніе становится зазорнымъ.. Весьма рѣдко позволяется имъ ходить въ храмъ, а еще рѣже въ дружескія бесѣды, развѣ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, когда онѣ не могутъ навлекать на себя подозрѣнія“.

Такою свободою, какъ мы видѣли, пользовались однѣ только *матерыя вдовы*. Въ отношеніи дружескихъ бесѣдъ, Домострой между прочимъ замѣчаетъ: а въ гости ходити, и къ себѣ звати ссылатца съ кѣмъ *велитъ мужъ*... По свидѣтельству Бухау, во половинѣ XVI в., знатные люди не показывали своихъ женъ и дочерей не только постороннимъ людямъ, но даже братьямъ

другимъ близкимъ родственникамъ и въ церковь позволяли имъ выходить только во время говѣнья, чтобы пріобщиться св. таинъ или въ другое время въ самые большіе праздники.

Только самыя дружелюбныя отношенія хозяина дома къ своимъ гостямъ растворяли иногда женскій теремъ и вызывали оттуда на показъ мужскому обществу его сокровище—хозяйку дома. Существовалъ обычай, по которому личность женщины и именно жены хозяина, а также жены его сына или замужней дочери, чествовалась съ какимъ то особымъ, точно языческимъ поклоненіемъ.

Этотъ обычай, по свидѣтельству Котошихина, заключался въ томъ, что, когда на праздникѣ или въ другое время собирались гости и начинался обѣдъ или честной пиръ, хозяинъ дома приказывалъ женѣ выйдти поздороваться съ гостями. Она приходила въ столовую комнату и становилась въ большомъ мѣстѣ, т. е. въ переднемъ углу; а гости стояли у дверей. Хозяйка кланялась гостямъ *малымъ обычаемъ* т. е. до пояса, а гости ей кланялись *большимъ обычаемъ*, т. е. въ землю. Затѣмъ господинъ дома кланялся гостямъ большимъ же обычаемъ, въ землю, съ просьбою, чтобъ гости изволили его жену цѣловать. Гости просили хозяина, чтобъ напередъ онъ цѣловалъ свою жену. Тотъ уступалъ просьбѣ и цѣловалъ первый свою хозяйку; за нимъ всѣ гости, одинъ за однимъ, кланялись хозяйкѣ въ землю, подходили и цѣловали ее, а отошедъ, опять кланялись ей въ землю. Хозяйка отвѣчала каждому поясным поклономъ, т. е. кланялась малымъ обычаемъ. Послѣ того, хозяйка подносила гостямъ по чаркѣ вина двойнаго или тройнаго съ зельи, а хозяинъ кланялся каждому (сколько тѣхъ гостей ни будетъ, всякому по поклону), до земли, прося вино выкушать. Но гости просили, чтобъ пила хозяева. Тогда хозяинъ приказывалъ пить напередъ женѣ, потомъ пилъ самъ и затѣмъ обносилъ съ хозяйкой гостей, изъ которыхъ каждый кланялся хозяйкѣ до земли, пилъ вино и отдавши чарку, снова кланялся до земли. Послѣ угощенія, поклонившись гостямъ, хозяйка уходила на свою половину, въ свою женскую бесѣду, къ своимъ гостямъ, къ женамъ гостей. — Въ самый обѣдъ, когда подавали круглые пироги, къ гостямъ выходили уже жены сыновей хозяина или замужнія его дочери или жены родственниковъ. И въ этомъ случаѣ обрядъ угощенія виномъ происходилъ точно также. По просьбѣ и при поклонахъ мужей, гости выходили изъ за стола къ дверямъ, кланялись женамъ, цѣло-

вали ихъ, пили вино, опять поклонялись и садились по мѣстамъ; а жены удалялись на женскую половину.

Дочери-дѣвицы никогда на подобныя церемоніи не выходили и никогда мужчинамъ не показывались. Иностранныя свидѣтельства присовокупляютъ къ этому, что жены являлись угощать виномъ гостей только въ такомъ случаѣ, когда хозяинъ желалъ гостямъ оказать особенный почетъ и когда дорогіе гости настоятельно просили о томъ хозяина; что цѣловались не въ уста, а въ обѣ щеки; что жены къ этому выходу богато наряжались и часто перемѣняли верхнее платье во время самой церемоніи; что онѣ приходили уже по окончаніи стола и при томъ въ сопровожденіи двухъ или трехъ сѣнныхъ дѣвицъ, т. е. вѣроятно также замужнихъ женщинъ или вдовъ изъ служащихъ въ домѣ боярскихъ боярынь; что, подавая гостю водку или вино, онѣ напередъ сами всегда пригубливали чарку.

Этотъ обрядъ, подтверждая самымъ дѣломъ всѣ разсказы о затворничествѣ русскихъ женщинъ, о раздѣльности древнерусскаго общества на особыя половины, мужскую и женскую; вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что личность замужней женщины, хозяйки дома, пріобрѣтала для дружескаго домашняго общества высокій смыслъ домо-держицы и олицетворяла своимъ появленіемъ и угощеніемъ самую высокую степень гостепріимства. Въ этомъ обрядѣ выразилась также чисто русская форма уваженія къ женской личности вообще, ибо земные поклоны, какъ мы уже замѣтили, были первозданною формою наиболѣе высокаго чествованія личности.

Итакъ затворничество женской личности, ея удаленіе отъ мужскаго общества явилось жизненнымъ выводомъ тѣхъ нравственныхъ началъ жизни, какія были положены въ нашъ бытъ восточными, византійскими, но не татарскими идеями. Не у татаръ мы заимствовали нашъ теремъ, а онъ сложился мало по малу самъ собою, ходомъ самой жизни, какъ реальная форма тѣхъ представленій и ученій о женской личности, съ которыми мы познакомились еще въ самомъ началѣ нашей исторіи и которыя въ теченіи вѣковъ управляли воспитаніемъ, образованіемъ, всѣмъ развитіемъ русской женщины.

Съ одной стороны, представленіе о нескончаемомъ ея дѣтствѣ, хотя и выросшее изъ своеземныхъ родовыхъ опредѣленій, но вкорененное главнымъ образомъ ученіемъ пришлой восточной культуры; съ другой стороны, вкорененное тою же культурою,

представленіе о низменномъ достоинствѣ женскаго существа вообще, представленіе древнезміинаго соблазна, который является какъ-бы прирожденнымъ качествомъ въ женской личности,— все это вмѣстѣ, невидимыми путями, самымъ духомъ этихъ представленій, помогло создать для женской личности положеніе, такъ выразительно описанное Котошихинымъ.

Когда старая наша жизнь должна была свести свои счеты, обнаружить, что именно ею сдѣлано въ теченіи вѣковъ, къ какимъ итогамъ пришли всѣ начала, положенныя въ ея бытовую почву, въ это время, т. е. въ концѣ XVII ст. и женская личность должна была выразить себя во всей полнотѣ, высказать все, что она могла сказать. Въ это время она дѣйствительно и высказываетъ все, чѣмъ было исполнено ея развитіе. Но разновидныя типическія черты, въ какихъ обозначилась женская личность допетровской Руси, сплетаются въ одинъ идеальный образъ, который господствуетъ надъ всѣми остальными и служитъ, если не всегда основою, то всегда неизбѣжнымъ покрываломъ каждаго женскаго характера. Это образъ *постницы*, образъ иноческаго благочестія въ міру, иноческой чистоты и строгости нрава, иноческаго освященія всѣхъ помышленій и всѣхъ поступковъ, всякаго движенія душевнаго и тѣлеснаго. Въ этомъ только образѣ познавалась нравственная красота женской личности.

Но, само собою разумѣется, какъ всегда бываетъ въ общественной культурѣ, идеалъ становился очень часто только драпировкою личности и вовсе не обозначилъ того, что онъ долженъ былъ обозначать въ дѣйствительности. Въ сущности, это была лишь внѣшняя форма достойной жизни, форма тогдашней образованности, типъ изящныхъ нравовъ, по понятіямъ и представленіямъ вѣка; это былъ нравственный костюмъ, безъ котораго не возможно было показываться въ обществѣ, предъ людьми. По этому очень часто въ такомъ костюмѣ являлись личности, вовсе и не помышлявшія о нравственныхъ обязательствахъ, какія на нихъ налагалъ этотъ костюмъ, и жившія въ немъ, какъ себѣ любо. Но за то являлись не рѣдко и такія личности, которыя съ неумолимою послѣдовательностію доводили задачу этого идеала до его желаннаго конца. Къ такимъ именно личностямъ принадлежитъ, напр., извѣстная постница боярыня Морозова, урожденная Соковнина, біографія которой послужитъ для насъ самымъ нагляднымъ и полнымъ изображеніемъ терем-

ной жизни вообще, а въ особенности вдовьей жизни въ боярскомъ быту; изображеніемъ тѣхъ стремленій, въ которыхъ женская личность допетровской Руси полагала высшее достоинство и высшую красоту нравственной жизни.

Боярыня Өедосья Прокопьевна Морозова была супругою Глѣба Ивановича Морозова, одного изъ первыхъ бояръ при царѣ Алексѣѣ Мих. Онъ былъ родной братъ знаменитаго царскаго *дядьки*, царскаго пѣстуна и кормильца Бориса Ивановича, котораго молодой государь почиталъ вмѣсто отца роднаго, и который одно время, въ первые годы Алексѣева царствованія, управлялъ государствомъ съ полною властью. Въ молодыхъ лѣтахъ оба брата были сверстниками царя Михаила, государева отца, были его спальниками, слѣд. домашними, комнатными, самыми приближенными людьми. Въ этомъ чинѣ они значатся уже съ 1614 г., т. е. почти съ перваго года его царствованія [1].

Борисъ былъ пожалованъ въ бояре въ 1634 г. (генв. 6), вмѣстѣ съ назначеніемъ въ дядьки къ царевичу Алексѣю. Глѣбъ получилъ боярство въ 1637 г. дек. 25 тоже съ назначеніемъ въ дядьки къ другому царевичу, Ивану Михайловичу. Однако царевичъ вскорѣ померъ, 9 генв. 1639 г. и Морозовъ при комнатѣ государя, въ своемъ боярскомъ приближеніи, остался безъ особаго дѣла. Надо было по необходимости взять какое либо дѣло не комнатное уже, а общее. Въ 1641 г. послышался приходъ Крымскаго царя; Глѣбъ Морозовъ былъ посланъ первымъ воеводою въ Переславль Рязанскій; но близкой войны не предвидѣлось и воевода потомъ мирно возвратился въ Москву. Въ 1642 г. онъ былъ назначенъ воеводою въ Новгородъ, гдѣ и оставался до вступленія на царство царя Алексѣя. (въ 1645 г.) который, вѣроятно, по просьбѣ Глѣбова брата Бориса, царскаго воспитателя, поспѣшилъ возвратить его въ Москву, ибо далекое воеводство все таки удаляло бояръ отъ приближенія къ государю. Впрочемъ въ 1649—1651 г. онъ снова воеводствуетъ въ Казани, гдѣ для Бориса былъ очень нуженъ свой человѣкъ, потому что на Низу у него было много вотчинъ, самыхъ богатыхъ, продукты которыхъ, напр. вино и хлѣбъ, Бо-

---

[1] А. О. П. №№ 717, 915, 948.

рисъ ставилъ подрядомъ въ казну, именно въ Казани. Последняя извѣстная намъ служба Глѣба Морозова состояла въ томъ, что онъ сопровождалъ государя въ двухъ польскихъ походахъ 1654 и 1655 г., находясь впрочемъ не отлучно при его особѣ.

Вообще возвышеніе старшаго брата поднимало, конечно, на приличное мѣсто и младшаго, человѣка по видимому ничѣмъ особенно не замѣчательнаго. На Өедосьѣ Прокопьевнѣ Глѣбъ женился уже вторымъ бракомъ. Первая супруга его была Авдотья Алексѣевна (изъ чьего рода неизвѣстно), на которой онъ женился еще въ 1619 г. генв. 18 [1]. Съ нею онъ жилъ болѣе 30 лѣтъ.

---

[1] Тогда, по старому обычаю, на другой день свадьбы, 19 генваря, новобрачные пріѣзжали во дворецъ къ царю Михаилу челомъ ударить и получили отъ государя и его матери, иноки Мареы Ивановны „благословеніе" и подарки.

Царь „пожаловалъ стольника Глѣба Ивановича Морозова, какъ пріѣзжалъ на завтрея своей свадбы государю челомъ ударить, благословилъ его: образъ Живоначальныя Троицы, окладъ серебренъ золоченъ басмяной, вѣнцы сканные; да кубокъ серебренъ золоченъ съ кровлею на высокомъ стоянцѣ, по кубку и по стоянцу ложечки короткія, подъ пузомъ у кубка на древѣ стоитъ мужикъ литой въ правой рукѣ топоръ поднялъ въ верхъ; на кровлѣ у кубка подъ пузомъ и по стоянцу травки спускныя бѣлы; и а кровлѣ травка съ нацвѣты. Вѣсу гривенка 40 золотникъ. (Взятъ съ поставца у погребново ключника у Өедора Красново). -- Да 10 аршинъ бархату червчатаго, цѣна по рублю по 20 алт. аршинъ. 10 аршинъ отласу жолтово, цѣна по рублю по 10 денегъ аршинъ; 10 аршинъ камки куѳтерю лазоревого, цѣна по рублю аршинъ. Сорокъ соболей, цѣна 25 рублевъ.

Отъ государыни и великой старицы иноки Мареы Ивановны стольнику Глѣбу Ивановичу Морозову благословеніе: образъ Бориса и Глѣба, обложенъ серебромъ, вѣнцы сканные; 10 аршинъ отласу червчетово по рублю аршинъ; да сорокъ соболей цѣна 20 рублевъ.

Отъ государя царя и в. к. Михаила Өедоровича в. р. стольника Глѣба Ивановича Морозова женѣ Овдотьѣ Алексѣевнѣ благословеніе: образъ Спасовъ обложенъ серебромъ; 10 аршинъ камки куѳтерю червчатого, цѣна по рублю по 3 алт. по 2 денги аршинъ; 10 арш. камки адамашки лазоревой, цѣна по 25 алтынъ аршинъ. Сорокъ соболей, цѣна 20 рублевъ.

Отъ государыни Великія старицы иноки Мареы Ивановны Глѣбовой женѣ Морозова Овдотьѣ Олексѣевнѣ благословеніе: образъ Пречистыя Богородицы обложенъ серебромъ; 10 арш. камки адамашки жолтой по 26 алт. по 4 д. аршинъ; да сорокъ куницъ цѣна 12 рублевъ. (Арх. Ор. Пал. № 909).

Въ генварѣ 1648 г., на свадьбѣ царя Алексѣя съ Милославскою, Авдотья Алексѣевна была посаженою матерью у государя, а самъ Морозовъ въ то время, вмѣстѣ съ царскимъ тестемъ Ильею Даниш. Милославскимъ, оберегалъ сѣнникъ или спальню новобрачныхъ. Такіе свадебные *чины* ясно указываютъ, какимъ довѣріемъ и почетомъ пользовалась чета Морозовыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они же свидѣтельствуютъ, что Морозовъ, какъ и его жена, были тогда уже люди не совсѣмъ молодые. Неизвѣстно скоро ли послѣ того Морозовъ овдовѣлъ. Въ 1654 г. февр. 12, женою его была уже Ѳедосья Прокопьевна. Въ этотъ день она находилась въ числѣ *пріѣзжихъ* боярынь, приглашенныхъ царицею къ родинному столу царевича Алексѣя Алексѣевича и занимала въ порядкѣ званныхъ пятое мѣсто, слѣд. одно изъ передовыхъ; разумѣется соотвѣтственно мѣсту своего мужа. Такимъ образомъ, замужество Морозовой относится ко времени между 1648 и 1654 гг.

Но боярыня Ѳедосья Прокопьевна не по мужѣ только была близка къ царскому Двору. По всему вѣроятію она и замужъ выдана изъ Дворца, отъ царицы, или покрайней мѣрѣ при особенномъ ея покровительствѣ. Она была дочь окольничаго Прокопья Ѳедоровича Соковнина, человѣка очень близкаго и безсомнѣнія родственника царицы Марьи Ильичны. Московскій дворянинъ П. Ѳ. Соковнинъ является при дворцѣ въ свадьбу царя Алексѣя съ Марьею Ильичною [1]. Въ это время онъ вводится въ составъ свадебныхъ чиновъ и занимаетъ едва видное, предпослѣднее мѣсто въ числѣ *сверстныхъ*, т. е. близкихъ или родственныхъ дворянъ, назначенныхъ идти для береженья за санями царской невѣсты. Тогда же и сынъ его Ѳедоръ, стольникъ, находится также предпослѣднимъ въ числѣ стольниковъ-поѣзжанъ. Другой сынъ, Алексѣй, вѣроятно еще малолѣтный, опредѣляется вскорѣ послѣ свадьбы въ стольники къ самой царицѣ и занимаетъ послѣ Милославскаго, Голохвастовыхъ, Ѳед. Мих. Ртищева и Еропкина, тоже предпослѣднее мѣсто [2].

---

[1]) Онъ въ 1625 г. былъ воеводою на Мезени; въ 1631 г. посыланъ въ Крымъ посланникомъ; въ 1635 г. живетъ снова воеводою въ Енисейскѣ и въ 1648 г., въ царскую свадьбу, является провожатымъ у саней новобрачной царицы.

[2] Дворц. Разр. т. III, 81, 83.—Арх. Ор. Пал. № 991, расходная записка 1648 г. марта 26.—Что касается Алексѣя Прокофьевича Соковнина, то из-

Чрезъ мѣсяцъ послѣ царской свадьбы мы находимъ отца Прок. Соковнина уже во дворецкихъ у царицы [1]. Это значило, что онъ сидѣлъ за поставцемъ царицына стола, т. е. отпускалъ для ея особы ѣствы,—должность весьма важная и вліятельная въ домашнемъ обиходѣ царей. Черезъ три съ половиною мѣсяца 1650 г. марта 17, въ именины царя, онъ жалуется въ окольничіе. Въ чинѣ окольничаго онъ призывается даже къ посольскимъ дѣламъ и въ 1652 г. находится третьимъ въ отвѣтѣ у Литовскихъ пословъ съ титуломъ намѣстника Калужскаго. За тѣмъ во время государева похода на Польскаго короля оставляется въ Москвѣ оберегать царицу и ея Дворъ.

Сынъ его Ѳедоръ идетъ въ своихъ повышеніяхъ за нимъ слѣдомъ. Точно также по смерти отца онъ управляетъ Мастерскою Палатою царицы, садится за царицынъ поставецъ и въ 1670 г. получаетъ думное дворянство; но въ томъ же году онъ теряетъ это званіе, вѣроятно по случаю царской опалы на сестру.

Кромѣ двухъ братьевъ, Ѳедосья Прокоп. имѣла еще сестру, младшую, Евдокію, которая была за княземъ Петромъ Семеновичемъ Урусовымъ, тоже весьма приближеннымъ къ царю человѣкомъ. Онъ былъ крайчимъ (съ 1659 г.) т. е. подавалъ государю за столомъ питья и ѣствы [2].

Изъ всего этого видно, что семейство Соковниныхъ принадлежало къ обществу домашнихъ людей царскаго дворца. Оно съумѣло воспользоваться своимъ положеніемъ, распространивъ свои родственныя связи и съ знатнымъ боярствомъ, каковы были, напр., Морозовы.

Ѳедосья Прокоп. вышла за мужъ 17 лѣтъ. Мы видѣли, что Глѣбъ Морозовъ былъ уже человѣкомъ пожилымъ, такъ что при вступленіи во второй бракъ на Соковниной онъ имѣлъ покрайней мѣрѣ лѣтъ 50. Неравенство лѣтъ не могло конечно остаться безъ вліянія на жизнь молодой боярыни. Мы не знаемъ обстоятельствъ ея замужней жизни, но имѣя въ виду об-

---

вѣстно, что, бывши уже окольничимъ, въ 1697 г., онъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ поднималъ заговоръ на убійство Петра и за то былъ казненъ на Красной площади.

[1] Арх. Ор. Пал. № 990.

[2] *Крайчій*, безсомнѣнія отъ слова: *кроить*, рѣзать. Этому чину соотвѣтствуетъ теперешнее нѣмецкое названіе должности, оберъфоршнейдеръ.

щій складъ тогдашняго домашняго быта бояръ, можемъ предположить, что домъ такого степеннаго, богобоязненнаго и тихаго боярина, какимъ дѣйствительно былъ Глѣбъ Ивановичъ, скорѣе чѣмъ другіе, долженъ былъ служить наиболѣе полнымъ выраженіемъ идеаловъ Домостроя. Недаромъ Глѣбъ Ивановичъ былъ спальникомъ царя Михаила, недаромъ онъ назначенъ былъ оберегать и спальню новобрачнаго царя Алексѣя. Вмѣстѣ съ тѣмъ близость обоихъ супруговъ ко дворцу также способствовала, и очень много, къ устройству этого дома въ порядкѣ и въ духѣ чтимой старины; ибо въ дворцѣ упомянутые идеалы, особенно на женской половинѣ, являлись уже неизмѣнными установленіями благообразной и такъ сказать образцовой жизни. Всѣ поученія: како вѣровати и како жити богоугодно, во всѣхъ своихъ мелкихъ подробностяхъ соблюдались здѣсь съ неизмѣнною строгостью.

Но важнѣе всего было то, что духовникомъ Ѳедосьи Прокопьевны, какъ и ея сестры Евдокѣи, былъ знаменитый протопопъ Аввакумъ. Въ свое время онъ очень близокъ былъ къ царскому духовнику Стефану Вонифатьевичу. „Тогда (въ 1650-хъ годахъ) и я при духовникѣ въ тѣхъ же полатѣхъ шатался, яко въ безднѣ мнозѣ“, свидѣтельствуетъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій [1]. Не мудрено, что многіе изъ приближенныхъ къ этимъ палатамъ, и въ томъ числѣ Соковнины, имѣли его духовнымъ отцомъ. Ясно также, какому духовному настроенію подчинялись въ то время умы дворцоваго общества.

Духовная дочь Аввакума, Ѳедосья Прокопьевна, видимо была душа крѣпкая и вѣрующая и рано обнаружила свою привязанность къ добродѣтельной постнической жизни по тому идеалу, какой тогда господствовалъ въ умахъ, искавшихъ спасенья. Для нея не были чужды вопросы такой жизни и быть можетъ за то самое ее очень любилъ знаменитый братъ ея мужа, Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Сказаніе о ея жизни [2] говоритъ, что Борисъ многіе часы проводилъ съ ней, бесѣдуя духовно, что, когда она приходила къ нему, самъ встрѣчалъ ее любезно

---

[1] Слово плачевно и отвѣтъ на крестоборную ересь.

[2] Мы пользовались спискомъ этого сказанія еще изъ библіотеки покойнаго И. И. Царскаго, принадлежащей теперь гр. Уварову (по каталогу г. Строева № 474, прежній № 392) Г. Тихонравовъ ознакомилъ уже читателей съ этимъ сказаніемъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1865 г. № 9, по списку, ему принадлежащему.

и говаривалъ: „пріиди другъ мой духовный, пойди радость моя душевная“, а провожая послѣ бесѣды прибавлялъ: „насладился я паче меда и сота словесъ твоихъ душеполезныхъ“. Стало быть, боярыня еще въ молодую свою пору была уже достаточно знакома съ постническимъ уставомъ жизни, такъ что могла вести разумныя бесѣды съ однимъ изъ разумнѣйшихъ людей царскаго синклита. Вообще все показываетъ, что она была настолько развита, хотя и односторонне, что вопросы жизни для нея не были вопросами только хозяйства или домашней порядни, а были вопросами духовныхъ стремленій найдти самую правду жизни, что она вовсе не была способна сдѣлаться „подъ фарисейскимъ только видомъ постницею“, какихъ было довольно въ то время.

Необходимо замѣтить, что въ это самое время въ русскомъ обществѣ, въ его мыслящей или сколько нибудь знающей, начитанной средѣ, совершался великій, и нравственный, и соціальный поворотъ отъ стараго Домостроя къ новинѣ Петровской, отъ востока къ западу. Имя этому повороту было: *Никонъ;* потому что Никонъ патріархъ смѣлою рукою формально коснулся наиболѣе завѣтнаго начала жизни, именно ея невѣжественнаго застоя. И прежде его думали и говорили тоже, какъ онъ потомъ сталъ дѣлать; не онъ первый и не онъ одинъ желалъ сдвинуться съ мѣста. Первымъ былъ въ этомъ случаѣ самъ государь. Но на Никона все должно было обрушиться по той причинѣ, что его почипъ касался области, въ которой застой невѣжества былъ очевиднѣе и осязательнѣе, и при томъ всегда освящался авторитетомъ святыни, а потому давалъ широкія средства отстаивать его противъ малѣйшаго движенія умной новины, давалъ, кому это было нужно, широкія средства авторитетомъ Вѣры спутать и замѣшать понятія общества. И вотъ имя Никона явилось знаменіемъ времени, стало ежеминутно повторяться въ домашнихъ бесѣдахъ, во всякихъ сборищахъ, въ тишинѣ домашней клѣти и на шумныхъ стогнахъ града. Въ народѣ поднялось великое и многое *размышленіе* и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстахъ и расколы. Судили и рядили о томъ, гдѣ правда? Говорили: „вотъ поютъ, вмѣсто: благословенъ грядый, обрѣтохомъ вѣру истинную. И то ихъ нововводное пѣніе на великое поношеніе и укоризну россійскому государствію и православной нашей вѣрѣ. Будто они никоніанцы обрѣли намъ истинную вѣру, а до сей поры мы и отцы наши и тѣ святые русскіе чудотворцы, отъ Владимірова крещенія

лѣтъ 700 будучи, будто истинныя вѣры до нихъ не знали на землѣ?... Да они же имя Сыну Божію перемѣнили, печатаютъ по новому съ приложеніемъ излишней буквы Іисусъ; и тѣмъ учинили великій расколъ и смуту, и отъ иныхъ государствъ вѣчный поносъ и укоризну. Будто мы и отцы наши отъ Владимірова крещенія, толико лѣтъ будучи, имени Сыну Божію не знали.... Вѣдь, если и въ царскомъ имени кто сдѣлаетъ перемѣну (описку), такъ того казнитъ,—какъ же дерзнуть нарушити имя Сына Божія" [1].

„Къ сему же и звоны церковные перемѣнили, звонятъ къ церковному пѣнію дрянью, аки на пожаръ гонятъ или всполохъ бьютъ; и тѣмъ веліе поруганіе и православнымъ соблазнъ и возмущеніе; и въ уставахъ того, чтобъ дряннымъ обычаемъ по пожарному звонити, нигдѣ не указано".

„Иноки ходятъ въ церковь Божію и по торгамъ безъ мантій безобразно и безчинно, какъ иноземцы или кабацкіе пропойцы и тѣмъ своимъ безчиніемъ иночеству конечное творятъ поруганіе, какого и въ мирскихъ отнюдь не бываетъ; потому что если и мирянинъ кто, отъ благоговѣйныхъ и честныхъ, так будетъ творить, что безъ верхняго одѣянія, въ ферезяхъ и в полукафтаньѣ, въ церковь Божію или посреди торжища дерзнет войдти,—не всѣ ли зрящіи посмѣются ему и пьяницу сущ или ума изступивша почтутъ быти. Если срамъ есть и безчестіе мирскимъ такъ творить, кольми паче инокомъ.... а они прочее одѣяніе иноческое все перемѣнили и возлюбили иных земель платья и обычаи ихъ и нравы. Вмѣсто рясокъ, носят иноземные широкіе кафтаны, а вмѣсто скуфей иноческихъ, носятъ черные колпаки.... Такоже и вмѣсто клобуковъ возлагаютъ на главы свои странно некакое ихъ инообразное подобіе соблазна ради и душевныя пагубы: нельзя очи имѣть инмал непокровенными, паче же юнымъ и безбрачнымъ, до конца соблазнительно и стыдно. А прежде въ русской землѣ этого не бывало и странныхъ этихъ иноземскихъ обычаевъ вводить не смѣли...."

---

[1] Извѣстно, что знаменитый Григорій Котошихинъ въ 1660 г. былъ битъ батогами за то, что, въ донесеніи нашихъ пословъ государю о переговорахъ со Шведами, вмѣсто словъ: „великаго государя„ написалъ только *великаго*, а *государя* по ошибкѣ пропустилъ. Исторія Россіи Соловьева, XI, пр. 22.

„Попущеніемъ Божіимъ умножися въ нашей Русской землѣ иконнаго письма неподобнаго.... Пишутъ Спасовъ образъ Еммануила—лице одутловато, уста червонныя, власы кудрявые, руки и мышцы толстыя, персты надутые, такожe и у ногъ бедры толстыя и весь — яко нѣмчинъ, брюхатъ и толстъ учиненъ; лишь сабли-то при бедрѣ не писано.... А все то Никонъ врагъ умыслилъ: *будто живыя писать.* А устроенетъ все по фряжскому, сиричь по нѣмецкому.... Охъ! Охъ! бѣдная Русь! Чего то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступокъ и обычаевъ? А Миколѣ чудотворцу имя нѣмецкое — Николай! Въ нѣмцахъ нѣмчинъ былъ Николай, а во святыхъ нѣтъ нигдѣ Николая....“

Далѣе: перстосложеніе, аллилуія и очень многое, тому подобное —все это и подверглось великому народному размышленію и разсужденію, особенно между духовными отцами и ихъ дѣтьми. Не смотря однакожъ на разнообразіе предметовъ размышленія все дѣло сводилось къ одному концу: стоять ли за старое или идти за новымъ? Въ обществѣ произошло раздѣленіе, главною причиною котораго было крайнее невѣжество этого самаго общества, воспитаннаго въ самой тѣсной опекѣ, въ средѣ безчисленныхъ запрещеній, отреченій и анаѳемъ; у котораго отнята была наука, закрѣпощена мысль, которое, по этому, не имѣло способовъ само повѣрять дѣйствія своихъ руководителей и учителей и по необходимости шло за ними, какъ бы на привязи. Очень понятно, что въ такомъ обществѣ всякое наглое, самоувѣренное слово, а тѣмъ болѣе всякій фанатизмъ, даже фанатизмъ юродиваго долженъ былъ почитаться за возглашеніе самой истины.

Фанатизмъ всегда и является неизбѣжнымъ плодомъ умственной тѣсноты и умственной ограниченности. И въ самомъ дѣлѣ, очень трудно было въ это время русскому человѣку узнать, на какой сторонѣ правда.

Въ самомъ дворцѣ умы колебались и многіе втайнѣ стояли, разумѣется, за старое, за уставы Домостроя и помогали всѣми дворцовыми путями и средствами своимъ единомышленникамъ. Тамъ старое могло пріобрѣсти еще большую силу отъ того, что многіе, особенно близкіе къ царицѣ, находили въ старыхъ порядкахъ точку опоры для борьбы съ новыми людьми, которые нерѣдко переступали старымъ дорогу.

Само собою разумѣется, что старый уставъ жизни, ея буква, обрядъ, нигдѣ не долженъ былъ имѣть такой силы, какъ имен-

но на женской половинѣ дворца, которая долго и послѣ реформы сохраняла привязанность къ старымъ порядкамъ быта.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда обычнымъ путемъ шли лѣта замужества молодой и знатной боярыни. Богъ далъ супругамъ сына Ивана по ихъ молитвѣ и явленію чудотворца Сергія, какъ говоритъ сказаніе о жизни Морозовой, что достаточно свидѣтельствуетъ о благочестивой ея набожности. Но въ 1662 г. Глѣбъ Ивановичъ умираетъ и она остается вдовою. Случай рѣшительный въ жизни Морозовой[1]. Съ этихъ поръ ея постническое набожное настроеніе мыслей получаетъ широкій просторъ для своихъ дѣйствій, для стремленій къ завѣтнымъ идеаламъ. Должно полагать, что въ это время ей было не болѣе 30 лѣтъ, ибо всего замужества едвали было лѣтъ 12: тогда и сынъ остался послѣ отца лѣтъ десяти.

Первые годы вдовства шли однакожъ обыкновеннымъ порядкомъ. Она жила, какъ слѣдуетъ большой и богатой боярынѣ, выѣзжала во дворецъ и къ роднымъ и знакомымъ съ подобающею боярскою обстановкою и держала свой домъ въ подобающемъ устройствѣ.

Объ этомъ времени ея вдовства пусть разскажетъ намъ самъ Аввакумъ, ея духовный отецъ и учитель. „Знаю, другъ мой милый, Ѳеодосья Прокопьевна, пишетъ онъ къ ней въ одномъ изъ своихъ писемъ, жена ты была боярская, Глѣба Ивановича Морозова, вдова честная, въ Верху чина царева близь царицы: въ дому твоемъ тебѣ служило человѣкъ съ триста, крестьянъ у тебя было 8000, имѣнія въ твоемъ дому было на 200 или на 250 тысячь; друзей и сродниковъ въ Москвѣ множество много; ѣздила ты къ нимъ въ каретѣ дорогой, украшенной мусією и серебромъ, на аргамакахъ многихъ, по 6 и 12 запрягали, съ гремячими цѣпями; за тобою слугъ, рабовъ и рабынь, шло человѣкъ по 100 и по 200, а иногда и 300, оберегая честь твою и здоровье. Предъ ними красота твоего лица сіяла, какъ древле во Израили вдовы Іюдиѳы, побѣдившей Навходносорова князя Олоферна. И знаменита была ты въ Москвѣ, какъ древняя Девора въ Израили, или Есѳирь жена Артаксеркса“.

Но вдова по понятіямъ и убѣжденіямъ вѣка уже носила въ своемъ положеніи смыслъ монахини. Честное вдовство само собою уже приравнивалось къ обѣту иноческому. Поэтому вся жизнь

---

[1] Въ тотъ же годъ померъ и ея отецъ Прокопій Ѳед. Соковнинъ.

вдовы со всею ея обстановкою естественнымъ и незамѣтнымъ путемъ преобразовывалась въ жизнь монастырскую. Также точно, естественнымъ и незамѣтнымъ путемъ, устроивалась и жизнь честнаго дѣвства, напр. жизнь царевенъ. Не первая и не последняя была Ѳедосья Прокопьевна, устроившая свой домъ по монастырски. Таковъ былъ господствующій идеалъ для женской личности, свободной отъ супружества.

Боярыня строго исполняла правило церковное и келейное, не оставляла его и тогда, когда бывала въ Верху, у царицы или сестеръ государя, ибо и тамъ всѣ правила, т. е. извѣстныя церковныя службы, молитвы и моленія, тоже исполнялись строго. Утромъ послѣ *правила* и книжнаго чтенія, обыкновенно святаго житія на тотъ день или поучительнаго слова, боярыня занималась домашними дѣлами, рассуждая домочадцевъ и деревенскія крестьянскія нужды, заботясь объ исправленіи крестьянскомъ, иныхъ жезломъ наказуя, а иныхъ любовію и милостію привлекая на дѣло Господне. Это продолжалось до 9-го часу дня и больше, т. е. до полудня и больше, по нашему счету. Остальное время посвящалось добрымъ, богоугоднымъ дѣламъ, въ числѣ которыхъ, первое и самое важное мѣсто принадлежало дѣламъ милосердія. Въ тотъ вѣкъ добродѣтельному и благочестивому сердцу были, какъ воздухъ, необходимы нищіе, странные, убогіе, калѣки, юродивые, старцы и старицы. Добродѣтельное и благочестивое сердце не имѣло въ то время другаго, болѣе чтимаго, выхода на путь добрыхъ дѣлъ. Вотъ почему, въ то время каждый зажиточный, а тѣмъ болѣе богатый домъ собиралъ у себя эту братію не только въ извѣстные, опредѣленные церковными обычаями, дни, но и давалъ ей въ своемъ домѣ мѣстожительство.

Составитель Домостроя поучаетъ: „церковниковъ и нищихъ, и маломожныхъ и бѣдныхъ и скорбныхъ и *странныхъ* пришельцовъ, призывай въ домъ свой и по силѣ накорми и напой и согрѣй; и милостыню давай, и въ дому и въ торгу и на пути; тою бо очищаются грѣси, тѣ бо ходатаи Богу о грѣсѣхъ нашихъ... Чадо! люби нищеский чинъ, и *странные пришельцы всегда бы въ дому твоемъ питалися*, и въ монастыри съ милостынею и съ кормлею приходи; и въ темницахъ, и убогихъ и больныхъ посѣщай и милостыню по силѣ давай.“

Ѳедосья Прокопьевна въ дому своемъ держала пятерицу инокинь *изгнанныхъ*, и радовалась—зря въ нощи на правилѣ себя

съ ними стоящую и на трапезѣ ихъ съ собою ядущихъ...." А иныхъ въ дому своемъ гнойныхъ держала — Ѳеодота Стефановича и прочихъ: имъ своими руками служила, язвы гнойныя измывала и въ уста ихъ пищу подавала.... Домъ ея былъ отворенъ юродивымъ и нищимъ и сиротамъ, которые „невозбранно въ ея ложницахъ обитали и съ нею ѣли съ одного блюда" [1].

Въ числѣ юродивыхъ, которые невозбранно приходили въ домъ къ Морозовой, были два ревнителя древняго благочестія Ѳеодоръ и Кипріанъ. Ѳедоръ ходилъ въ одной рубашкѣ, мерзъ на морозѣ босой, въ день юродствовалъ, а ночь всю стоялъ на молитвѣ со слезами. Аввакумъ разсказываетъ о немъ: „многихъ добрыхъ людей знаю, а не видалъ такого подвижника; зѣло у него во Христа вѣра горяча была.... не на басняхъ проходилъ подвигъ.... Пожилъ у меня съ полгода на Москвѣ, а мнѣ еще не моглося: въ задней комнатѣ двое насъ съ нимъ. И много часъ другой полежитъ, да и встанетъ, тысячу поклоновъ отбросаетъ, да сядетъ на полу, а иное — стоя, часа съ три плачетъ. А таки лежу, иное сплю, а иное не можется. Когда уже наплачется гораздо, тогда ко мнѣ приступитъ: „долго ли тебѣ протопопъ лежать того? образумься, вѣдь ты попъ: какъ сорома нѣтъ?.. И мнѣ не можется: такъ меня подымаетъ, говоря; „встань, миленькой батюшко!" Ну таки вытащитъ какъ нибудь меня... сидя мнѣ молитвы велитъ говорить, а онъ за меня поклоны кладетъ; то-то другъ мой сердечной былъ!" За староверство онъ отданъ

[1] По свидѣтельству Курбскаго, знаменитый Адашевъ десять имѣлъ прокаженныхъ въ дому своемъ, тайно питающе и обмывающе ихъ руками своими. (Кар. IX, пр. 20). Онъ же упоминаетъ о знатной вдовѣ Маріи, которая: „во свитомъ вдовствѣ превозсіяюща, яко на преподобномъ тѣлѣ ея носити сй вериги тяжкіе" (IX, пр. 31). Подобные подвиги и обѣты исполнила и боярыня Морозова. Татищевъ свидѣтельствуетъ, что „дворъ царицы Прасковы Ѳедоровны отъ набожности былъ *госпиталь на уродовъ*, юродовъ, *ханжей и шалуновъ:* между многими такими былъ знатенъ Тимоѳей Архиповичь, сумазбродный подъячій, котораго за святаго и пророка суевѣрцы почитали. Онъ меня не любилъ, прибавляетъ Татищевъ, за то, что я не былъ суевѣренъ и руки его не цѣловалъ". (Исторія Росс. I, 46). Стало быть, цѣлованіе руки принадлежало къ обыкновеннымъ знакамъ чествованія такихъ юродивыхъ. Изъ надгробной надписи Тимоѳея Архипова (въ Чудовомъ монастырѣ въ стѣнѣ церкви Михаила Архангела) узнаемъ, что онъ, „оставя иконописное художество, юродствовалъ міру, а не себѣ, а жилъ при дворѣ царицы Параскевы Ѳед. двадцать осмь лѣтъ" и скончался 29 мая 17.. г., а погребенъ 30 (Тромонинъ: Достопамятности Москвы, 73.).

былъ подъ начало рязанскому архіепископу Иларіону, терпѣлъ тамъ муки и наконецъ бѣжалъ въ Москву. Объ этомъ побѣгѣ, облекая его, разумѣется, въ форму чуда, онъ разсказывалъ Аввакуму: былъ я на Рязани подъ началомъ у архіепископа на дворѣ и зѣло онъ, Иларіонъ мучилъ меня: рѣдкой день, коль плетьми не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держалъ, принуждая къ новому антихристову таинству. И я уже изнемогъ. Въ нощи моляся, плачу, говорю: Господи! аще не избавишь мя, осквернятъ меня и погибну; что тогда мнѣ сотворишь!... И вдругъ, батюшко, желѣза всѣ грянули съ меня и дверь, и отперлась, и отворилась сама. Я, Богу поклонясь, да и пошелъ. Къ воротамъ пришелъ, а ворота отворены. Я по большой дорогѣ къ Москвѣ напрямикъ.... Къ тебѣ спроситься прибрѣлъ: „тудали мнѣ опять мучиться пойти или, платье вздѣвъ, жить на Москвѣ“. Протопопъ велѣлъ ему вздѣть платье и ухоронилъ его на время у себя. Послѣ его сослали на Мезень и тамъ будто бы повѣсили.

Объ отношеніяхъ этого юродиваго къ Морозовой узнаемъ нѣчто изъ письма къ ней Аввакума: „поминаешь ли Өеодора? пишетъ онъ къ ней. Не сердишься ли на него? Поминай Бога для, не сердитуй! онъ не больно предъ вами виноватъ былъ. Обо всемъ мнѣ предъ смертію покойникъ писалъ: „Стала де ты скупа быть, не стала милостыни творить, и имъ на дорогу ничего не дала“. И съ Москвы отъ твоей изгони съѣхалъ, и кое что сказывалъ. Да уже Богъ васъ проститъ: нечево старова поминать. Меня не слушала, какъ говорилъ, а послѣ поминешь мнѣ. Да что на тебя дивить? *У бабы волосы долги да умъ коротокъ!* Прости же меня, а тебя Богъ проститъ во всемъ“.

Другой юродивый, Кипріанъ извѣстенъ былъ даже самому государю, слѣд. могъ бывать даже и въ царскомъ дворцѣ и тѣмъ болѣе, что во дворцѣ, въ числѣ „верховыхъ богомольцевъ“, находились также и юродивые. Кипріанъ не разъ и государя молилъ о возстановленіи древняго благочестія; ходилъ по улицамъ и по торжищу, свободнымъ языкомъ обличая новины Никоновы. Подконецъ онъ былъ сосланъ въ Пустозерской острогъ и тамъ казненъ за свое упорство.

Идея юродства не была, конечно, самобытнымъ созданіемъ Русской жизни. Она явилась, какъ неизбѣжное послѣдствіе тѣхъ культурныхъ началъ, какія были принесены къ намъ изъ Византіи и которыя создали и постоянно создавали, произраждали множество соотвѣтствующихъ этому явленій жизни. Византіецъ

Кедринъ, объясняя себѣ юродство, говоритъ между прочимъ: „тако повелѣлъ Богъ и Исаіи ходить нагу и необувенну: и Іеремін обложити чресленникъ о чреслѣхъ, и иногда возложить на выю клади и узы, и симъ образомъ проповѣдывать; и Осіи повелѣлъ пояти жену блуженія и паки возлюбити жену любящую зло и любодѣйцу: и Іезекіилю возлежать на десномъ боку четыредесять и на лѣвомъ сто пятдесятъ дней, и паки прокопать стѣну и убѣжать и плѣненіе себѣ приписать и иногда мечь изострить и имъ главу обрить и власы раздѣлить на четыре части. Но да не вся глаголю, смотритель и правитель словесъ повелѣлъ каждому изъ сихъ быть того ради. да не повинующіися слову, возбудятся зрѣлищемъ страннымъ и чуднымъ. Новость бо зрѣлища бываетъ довлѣтельнымъ ученія залогомъ„[1] Юродивый, такимъ образомъ, въ идеѣ своей, всегда носилъ смыслъ пророка, обличителя грѣховной жизни, обличителя всякой ея неправды. Самою выразительною силою его обличеній был его подвигъ, всегда исполненный или крайняго цинизма жизни или безграничнаго отверженія ея мірскихъ требованій вообще подвигъ уродства жизни, что, какъ необычайное и чудесное, одно только и могло возбуждать застоявшіеся, неподвижные умы вѣка.

Собирая около себя такое убогое общество, поучаясь его подвигами и словесами, Морозова и свой досугъ употребляла на рукодѣльные труды также въ пользу нищихъ и убогихъ. Иногда руки ея „преслицѣ касались“, садилась она за прялку, готовила нити и тѣми нитями шила рубахи, и внечеру, съ одною изъ старицъ, домочадицею Анною Амосовною, одѣвшись сама въ рубище, ходила по улицамъ и по стогнамъ града, по темницамъ и по богадѣльнямъ, и одѣляла рубахами нищихъ: раздавала имъ деньги, овому рубль, а иному 10, а инде 50 рублевъ и мѣшокъ сотной.

Монахъ Симонова монастыря, Трифилій, крѣпкій старовѣръ, происходившій также отъ благороднаго корени, указалъ ей благоговѣйную инокиню Меланію. Она призвала ее и, слышавъ ея словеса, очень возлюбила; избрала ее себѣ матерью, съ иноческимъ смиреніемъ отдалась ей подъ начало, сдѣлалась ея послушницею, и до самой смерти ни въ чемъ не ослушалась ея повелѣній. Съ тою Меланіею они также по темницамъ тайно

[1] Кедрина: Дѣянія церк. и гражд. Часть I, 97.

ходили пѣшими ногами, носили милостыню; обтекали чудотворныя мѣста, соборы, монастыри и церкви, нося жертвы, какъ достойно.

Все это было въ то время дѣломъ обыкновеннымъ, дѣломъ необходимымъ для благочестиваго и богобоязненнаго житія, все это вполнѣ согласовалось съ общими обычаями, съ общими потребностями нравственной, добродѣтельной жизни и особенно съ идеалами и стремленіями честнаго вдовства. Такъ именно добрая вдова жила въ теченія всего стараго вѣка нашей исторіи. Но мы замѣтили, что время, въ какое жила Морозова, было особенное время: умы были въ размышленіи, наставалъ конецъ старому вѣку, наставало свѣту переставленіе; почва колебалась, нужно было искать спасенія, искать, гдѣ правда жизни. Оставаясь въ средѣ Домостроя, дыша его духомъ, Ѳеюсья Пр. конечно не могла очень сочувствовать разнымъ новинамъ или въ сущности разнымъ обличеніямъ и исправленіямъ застарѣвшихъ и укоренившихся ошибокъ. Авторитетъ преданія былъ такъ великъ въ ея глазахъ, былъ такъ великъ въ глазахъ всѣхъ, кто хотѣлъ строгаго и точнаго исполненія преданныхъ уставовъ, что и одно прикосновеніе къ его буквѣ, даже къ одной четрѣ этой буквы, казалось своевольнымъ высокоуміемъ, опаснымъ вольнодумствомъ, противъ котораго, какъ противъ антихристовой напасти, слѣдовало бороться всѣми силами. Такъ были и воспитаны и настроены тогдашніе убѣжденные, размышляющіе и разсуждающіе умы. Но Морозова въ добавокъ имѣла руководителемъ извѣстнаго юродиваго — фанатика Аввакума и постоянную поддержку въ обществѣ своихъ старицъ, нищихъ и юродивыхъ, особенно матери Меланіи или Маланьи, безсомнѣнія такого же Аввакума, только въ женскомъ образѣ, слѣд. съ чертами болѣе мягкими; да видимо она не отвергалась въ своихъ мысляхъ и на женской половинѣ дворца.

Такимъ образомъ, ей очень трудно было увидать истинный путь къ правдѣ. Она по необходимости явилась защитницей старой лжи и, какъ натура крѣпкая и прямая, провела свою защиту до конца, безъ колебаній. Для женской личности потребовалось мужественное дѣло. Ни на какое другое дѣло эта личность не была приготовлена. Она была воспитана аскетическимъ идеаломъ; она и не задумалась отдаться ему вся. Здѣсь во всей полнотѣ обозначился только положительный выводъ ученій Домостроя, выразилась неумолимая ихъ послѣдовательность.

Ревнуя за истину, которую въ понятномъ ослѣпленіи видѣть вовсе не могла, Морозова очень горячо принимала тогдашніе вопросы дня,—эти размышленія общества о перестановкѣ на новые старыхъ обычаевъ и привычныхъ порядковъ; и вездѣ, и у себя дома при гостяхъ, и на бесѣдахъ, гдѣ сама бывала, крѣпко отстаивала старину. „На бесѣдахъ Никоніанъ мужеска полу и женска безпрестанно обличая.... вездѣ имъ являшеся, яко левъ лисицамъ", говоритъ Аввакумъ. Прежде всего конечно обсужденіе этихъ вопросовъ открывалось между родственниками. Өедосья Прокопьевна легко убѣдила въ своихъ мысляхъ родную сестру Евдокѣю, княгиню Урусову, жену царскаго кравчаго кн. Петра Семеновича, которая тоже сдѣлалась духовною дочерью Аввакума. Обѣ сестры жили какъ бы „во двою тѣлесѣхъ едина душа", и Евдокѣя точно также отдалась въ повиновеніе и послушаніе матери Меланьи, умоля ее чтобы попеклась о спасеніи ея души. Надо припомнить еще, что Соковнины были въ родствѣ съ Ртищевыми; тѣ и другіе происходили изъ Лихвинскихъ городовыхъ дворянъ, а въ это время стали близкими собесѣдниками дворца. Мих. Алекс. Ртищевъ, отецъ знаменитаго Өед. Мих. Ртищева, былъ постельничимъ у царя Алексѣя. Мих. и приходился молодой вдовѣ дядею. Его дочь, Анна Мих., по мужѣ Вельяминова, была у царицы Маріи Ильичны кравчею, правою рукою во всѣхъ домашнихъ хозяйскихъ дѣлахъ. Ртищевы стояли за Никона, покровительствовали кіевскимъ ученымъ, т. е. вообще наукѣ. Они ближе были къ царю, который былъ исполненъ стремленій исправить и украсить жизнь по новымъ образцамъ. Соковнины стояли за Аввакума, за старое благочестіе, потому что были ближе къ царицѣ, въ быту которой знали только одни старые уставы и потому крѣпко за нихъ держались. Кравчая Вильяминова, хотя тоже была близка къ царицѣ, но слѣдовала мыслямъ отца.

Михайло Алекс. Ртищевъ вмѣстѣ съ дочерью, двоюродною сестрою Морозовой, желая ее поколебать и на свой разумъ привести, много разъ начинали выхвалять Никона и его реформы Отверзала уста Прокопьевна и говаривала: „поистинѣ, дядюшка, вы прельщены врагомъ, а потому и похваляете *римскіі* ереси и ихъ начальника". Тогда продолжалъ сѣдовласый старецъ: "о чадо Өеодосія! что ты это дѣлаешь, за чѣмъ отлучилась отъ насъ. Посмотри, вотъ наши дѣти: объ нихъ нам надо заботиться и, смотря на нихъ, радоваться и ликовать, жит

общею любовью. Оставь распрю, не прекословь ты великому государю и всѣмъ властямъ духовнымъ. Знаю, прельстилъ и погубилъ тебя злѣйшій врагъ, протопопъ (Аввакумъ). Не могу безъ ненависти и вспомнить о немъ. Сама ты его знаешь!“ Съ улыбкою сожалѣнія и тихимъ голосомъ отвѣчала Морозова: Нѣтъ, дядюшка не такъ; не правду вы говорите, горькимъ сладкое называете; отецъ Аввакумъ истинный ученикъ Христовъ, *потому что страждетъ онъ* за законъ Владыки своего; а потому, кто хочетъ Богу угодить, долженъ послушать его ученія“. Слова, имѣющія глубокій историческій смыслъ. Вотъ стало-быть, гдѣ должно искать главной причины ослѣпленія Морозовой, главнѣйшей причины ослѣпленія и помраченія многихъ, начиная отъ царскаго дворца и до убогихъ крестьянскихъ клѣтей. И какъ это совпадаетъ со всѣми идеалами, какими былъ исполненъ умъ того вѣка, какими было напитано воображеніе людей, сколько нибудь коснувшихся тогдашняго книжнаго ученія. Потому что онъ страдаетъ, потому что его гонятъ—вотъ мысль, которая и во всякую другую эпоху всегда возбуждаетъ доброе сердце къ сочувствію, а въ нашей старинѣ эта мысль по многимъ историческимъ, культурнымъ, умственнымъ и нравственнымъ, причинамъ всегда и неизмѣнно привлекала къ себѣ общее сочувствіе, которое, не входило въ тонкое разбирательство, за какое дѣло кто страдаетъ; но, видя страданіе, шло за нимъ; относилось съ милосердіемъ ко всякому страждущему. Оттого гонимые, особенно если еще замѣшивалась тутъ какая либо государственная или церковная тайна, всегда пріобрѣтали у насъ необъяснимый успѣхъ. Идеалы же Морозовой, доведенные ея фанатизмомъ до своихъ послѣднихъ выводовъ, должны были даже требовать именно этого послѣдняго акта ея аскетической жизни. Все было готово въ идеѣ: оставалось только воплотить эту идею, это *слово* жизни, въ самое *дѣло*.

Однажды Анна Михайловна Ртищева стала ей говорить: „Охъ сестрица, голубушка, съѣли тебя старицы бѣлевки [1], проглотили твою душу! Какъ птенца, отлучили тебя отъ насъ. Не только насъ ты презираешь, но и о сынѣ своемъ не радишь; одно у тебя чадо, а ты и на того не глядишь. Да еще какое чадо-то! Кто не подивится красотѣ его.... Подобало бы тебѣ и

[1] Старицы изъ города Бѣлева, а можетъ быть старицы-бѣлицы, ходившія въ бѣлецкомъ, мірскомъ платьѣ.

на соннаго-то на него любоваться; да поставить бы надъ красотою его свѣчи отъ чистѣйшаго воска, и не вѣмъ каковую лампаду возжечь, да и зрѣть доброты лица его и веселиться, что такое чадо драгое даровалъ тебѣ Богъ. Вѣдь сколько разъ и самъ государь, и съ царицею удивлялись красотѣ его, а ты его ни во что полагаешь и великому государю не повинуешься. Ужъ когда нибудь за твое прекословіе придетъ на тебя и на домъ твой огнепальная ярость царева, и повелитъ домъ твой разграбити. Тогда и сама многія скорби подымешь и сына своего сдѣлаешь нищимъ. А все будетъ твоимъ немилосердіемъ".

Морозова отвѣтила: „неправду ты говоришь. Не прельщена я, какъ ты говоришь, отъ бѣлевскихъ старицъ. Но по благодати Спасителя моего чту Бога Отца цѣлымъ умомъ; и Ивана я люблю и молю о немъ Бога безпрестанно и радѣю о полѣзныхъ ему, душевныхъ и тѣлесныхъ. Если же вы думаете, чтобы мнѣ изъ любви къ Ивану душу свою повредить, или своего жалѣючи, отступить благочестія и этой руки знаменной (перстосложенія), — то сохрани меня Сынъ Божій отъ этого неподобнаго милованія. Не хочу, не хочу, любя своего сына, себя губить, хотя онъ и одинъ у меня: но Христа люблю болѣе сына. Знайте, если вы умышляете сыномъ меня отвлекать отъ Христова пути, то ни какъ этого не сдѣлаете. Вотъ что прямо вамъ скажу! Если хотите, выведете моего сына Ивана на Пожаръ (площадь въ Китай городѣ, гдѣ казнили) и отдайте его на разтерзаніе псамъ, устрашая меня, чтобы отступила отъ вѣры.... но не помыслю отступить благочестія, хотя бы и видѣла красоту, псами растерзанную. Я знаю одно: если до конца во Христовой вѣрѣ пребуду и сподоблюсь вкусить за это смерти, то никто не можетъ отнять у меня моего сына".

Слышавши это, Ртищева ужаснулась, какъ грома, этихъ страшныхъ словъ и много дивилась такому *крѣпкому мужеству* и *непреложному разуму*, замѣчаетъ повѣствователь житія Морозовой.

Безъ всякаго сомнѣнія еще больше укрѣпилось ея мужество и совсѣмъ помрачился разумъ, когда (въ 1662 г.) въ Москвѣ снова явился изъ ссылки Аввакумъ. По его разсказу, онъ былъ принятъ радушно. „Видятъ они, что я не соединяюсь съ ними, вотъ и приказалъ государь уговаривать меня Родіону Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: царь, то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до меня. Чаялъ либо по маленьку

исправится. А се посулили мнѣ Семеонова дни сѣсть на Печатномъ дворѣ, книги править; и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества. Пожаловалъ (царь), ко мнѣ прислалъ 10 рублевъ денегъ, царица 10 рублевъ денегъ; Лука, духовникъ (царскій) 10 рублевъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же, а *дружище* наше Ѳеодоръ Ртищевъ (двоюродный братъ Морозовой), тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть; а про иныхъ нечего и сказывать! Всякъ тащитъ да несетъ всячиною. У свѣта моей Ѳедосьи Прокофьевны Морозовы *не выходя, жилъ во дворѣ*, понеже дочь мнѣ духовная; и сестра ея княгиня Евдокія Прокофьевна дочь же моя. Свѣты мои мученицы Христовы! А у Анны Петровны Милославскія [1], покойницы, всегда же въ дому былъ, и къ Ѳеодору Ртищеву браниться съ отступниками (кіевскими учеными) ходилъ, да такъ-то съ полгода жилъ".

Если въ самомъ дѣлѣ таковы были отношенія многихъ знатныхъ москвичей къ Аввакуму, хотя, видимо, онъ многое и прибавляетъ, то какимъ же образомъ Морозова могла отстать отъ своего духовнаго отца. Равнодушной она не была къ вопросамъ Вѣры, а прямое и непосредственное вліяніе на нее имѣлъ лишь одинъ Аввакумъ съ своими единомышленниками.

Естественно, что она все больше и больше укрѣплялась въ истинѣ своихъ размышленій и мнѣній и горячо ихъ защищая по бесѣдамъ, безсомнѣнія наученіемъ и словами самого Аввакума или матери Меланьи, обратила наконецъ на свои подвиги вниманіе царя. Была къ ней присылка по повелѣнію цареву, приходили испытывать ее Іоакимъ, чудовской архимандритъ и Петръ, соборный ключарь. Узнавъ ея крѣпкое мужество и непреложный разумъ, и готовность даже умереть за правду, государь повелѣлъ отписать у ней на свое имя половину вотчинъ. Но опала продолжалась, вѣроятно, не долго. Во дворцѣ у ней была сильная рука. 1 Октября 1666 года государь возвратилъ ей отписанныя вотчины „для прошенія государыни царицы Марьи Ильичны и для всемирныя радости рожденія царевича Ивана Алексѣевича" [2]. Получивъ, послѣ такого искушенія, ма-

---

[1] Вѣроятно это Анна Ильична Милославская родная сестра царицы Марьи Ильичны и вдова боярина Бориса Ив. Морозова. Она умерла 26 Сентября 1667 г.

[2] Тайнаго приказа записка о всякихъ дѣлахъ 175 г.

лую ослабу, Морозова еще дѣятельнѣе предалась своимъ подвигамъ; „раздавала многую милостыню, многое имѣніе расточила неимущимъ, многихъ съ правежу (за долги и другія взысканія) выкупала, монастырямъ довольная подавая, пустынниковъ многихъ потребными удовлетворяя, прокаженныхъ въ дому своемъ упокоевая.... Чѣмъ больше тѣснили эту душу, тѣмъ глубже она уходила въ свои завѣтныя стремленія.

Ѳедосья Прокопьевна начала мыслію „на большее простиратися", т.е. болѣе и болѣе приближаться къ цѣли своего идеала, желая ангельскаго образа.... Вскорѣ она надѣла власяницу.... „подъ одѣяніемъ ношаше на срачицѣ, устроена отъ скота власовъ бѣлыхъ, кратко рукава" — и очень печалилась о томъ, когда этотъ ея подвигъ случайно былъ замѣченъ ея снохою, женою Бориса Морозова, Анною Ильичною Милославскою, родною сестрою царицы. Аввакумъ разсудилъ тогда ея печаль, что „не хотѣніемъ сотворилось, Богъ проститъ".

Во дворцѣ, конечно, все знали что дѣлается у Морозовой; хорошо знали образъ ея мыслей и всѣ рѣчи ея и подвиги; но въ первое время, когда еще тянулось дѣло Никона, она могла оставаться въ покоѣ, ибо, какъ видно, и для самого царя несовсѣмъ еще было ясно, въ чемъ именно заключался настоящій смыслъ всей этой смуты умовъ: Морозова, наконецъ, приступила къ матери Меланьи, лобызая ея руки и покланяясь на землю, и умоляя, чтобы облекла ее въ иноческій чинъ. Разумная мать отказывала по многимъ причинамъ: невозможно этого въ дому утаить и если узнаютъ у царя, многимъ людямъ многія будутъ скорби по случаю розысковъ и допросовъ, кто постригъ; если и въ дому можно утаится, то приспѣетъ время сына бракомъ сочетать, тогда необходимо будетъ много заботиться, хлопотать, урижать свадебные чины, а инокамъ это дѣлать не въ лѣпоту; наконецъ должно будетъ уже стать до конца *мужески* и, откинувъ и малое это лицемѣріе и приличіе, совсѣмъ уже не ходить въ церковь. Морозова не оставляла своего намѣренія — „зѣло желаше несытною любовію иноческаго образа и житія". Когда Аввакумовцы увидѣли, какъ твердо и непамѣнно стоитъ въ своемъ желаніи ихъ вѣрная послушница, то рѣшились исполнить ея просьбу. Она была пострижена старовѣромъ, бывшимъ Тихвинскимъ игуменомъ Досиѳеемъ, наречена Ѳеодорою и отдана въ послушаніе той же матери Меланіи. Стало быть совершился только торжествен-

ный обрядъ того, что уже существовало на самомъ дѣлѣ.... Формальное постриженіе только дальше подвинуло это дѣло. Прокопьевна, зря на себѣ иноческій чинъ, начала вдаватися большимъ подвигамъ, посту и молитвѣ и молчанію; а отъ домовныхъ дѣлъ ото всѣхъ начала уклоняться, сказывая себя больною, и всѣ судныя дѣла въ домѣ приказала вѣдать своимъ вѣрнымъ людямъ. По всему вѣроятію это событіе случилось въ то время, какъ умерла царица Марья Ильична (1669 г. мартъ), а съ ея смертію потеряла свой вѣсъ и значеніе и партія Милославскихъ съ ихъ родичами, вообще сочувствовавшая староверству. 1 Сентября 1668 г. Морозова еще являлась во дворецъ на праздничный званый обѣдъ. Царица очень любила Морозову и очень была къ ней милостива да вѣроятно не совсѣмъ чуждалась и ея мыслей,—тѣмъ чувствительнѣе была эта потеря для Морозовой. Весьма понятно, что послѣ того дворецъ ей опостылѣлъ, ибо не осталось уже тамъ корней для поддержки стараго „благочестія", а напротивъ съ каждымъ днемъ входило туда новое „благочестіе". Въ Генварѣ 1671 года царь вступилъ во второй бракъ съ Натальею Кирилловною Нарышкиныхъ.

Морозовой, по старшинству ея дворскаго положенія, слѣдовало въ свадебномъ чину стоять во главѣ другихъ боярынь и титлу царскую говорить. Она отказалась отъ этой чести, отговариваясь, что „ногами зѣло прискорбна, не могу ни ходити, ни стояти". Царь понялъ причину ея отказа и прогнѣвался, отозвавшись: „Знаю, она загордилася!" Морозова тоже очень хорошо знала, что царь это дѣло просто не покинетъ. Но она шла все дальше и дальше къ своимъ задушевнымъ идеаламъ и такъ далеко отошла отъ прежняго своего міра, что онъ сталъ ей казаться нечистымъ. Она не хотѣла идти во дворецъ за тѣмъ, что въ царскомъ титлѣ приходилось ей наименовать государя благовѣрнымъ и руку его цѣловать, да нельзя было избыть и благословеній архіерейскихъ.... Она рѣшилась лучше страдать, чѣмъ съ ними сообщаться. Царь до времени оставилъ ее въ покоѣ и только осенью въ томъ же году послалъ къ ней поговорить боярина Троскурова, котораго одинъ иноземецъ характеризуетъ такъ: „при дворѣ онъ играетъ пустую ролю и назначенъ болѣе для увеселенія царя, чѣмъ для совѣщаній въ государственныхъ дѣлахъ". Вѣроятно, это былъ человѣкъ недалекій, но набожный. Въ бояре онъ пожалованъ въ 1673 г. Такимъ образомъ значеніе посла соотвѣтствовало самому пред-

мету посольства. Спустя мѣсяцъ къ ней явился другой посолъ, болѣе ей близкій, кн. Петръ Урусовъ, царскій крайчій и мужъ ея сестры Евдокіи. Этотъ принесъ ей выговоръ, чтобъ покорилась и приняла всѣ новоизданные ихъ законы; если же не послушаетъ, то быти бѣдамъ великимъ. „Я незнаю, какое я сдѣлала зло царю, отвѣчала Морозова; удивляюсь, почто царскій гнѣвъ на мое убожество. Если хочетъ отставить меня отъ правой вѣры,—въ томъ бы государь на меня не покручинился, да будетъ ему извѣстно: до сей поры Сынъ Божій покрывалъ меня своею десницею; у меня и въ мысли не было, чтобъ, оставя человѣческую вѣру, принять Никоновы уставы. Въ вѣрѣ христіанской, въ которой родилась и крестилась, въ томъ хочу и умереть. Подобало бы царю оставить меня въ покоѣ, потому что отъ православной вѣры мнѣ отречься не возможно". Когда донесли объ этомъ государю, онъ „множаѣ гнѣвомъ роспаляшеся, мысля сокрушить ее".—„Тяжело ей бороться со мною, сказалъ онъ предстоящимъ,—одинъ кто-изъ насъ непремѣнно одолѣетъ". „И бысть въ Верху не едино *сидѣніе* объ ней, думающе, какъ ее сокрушатъ".

Особенно будто бы споспѣшествовали этой думѣ архіереи и старцы жидовскіе и еромонахи римскіе, т. е. всѣ тѣ достойные ученые, призванные изъ Кіева и Полоцка, которые въ то время и были предметомъ ненависти для людей стараго благочестія. Эти ученые ненавидѣли будто бы Морозову особенно за то, что ревнительница вездѣ, и въ дому своемъ, при гостяхъ, и сама гдѣ бывала, на бесѣдахъ, опровергала и обличала ихъ прелесть, а имъ въ уши вся сіи приходиша.

Гроза царскаго гнѣва приближалась. Пятерица инокинь изгнанныхъ, съ какою-то Еленою во главѣ, составлявшихъ домашнюю обитель Морозовой, стала просить ее, чтобъ отпустила ихъ, чтобъ ихъ тутъ не захватили. Трудно было разстаться съ ними, трудно было разорить этотъ маленькій монастырь—мірокъ,—гдѣ все сложилось и шло такъ правильно, одно за другимъ, наполняя дни, недѣли и цѣлые годы мыслью, что неустанно и богоугодно исполняется уставъ жизни. Морозова остановила своихъ друзей и держала ихъ недѣль пять послѣ перваго царева выговора. „Нѣтъ голубицы мои, не бойтесь! теперь еще не будетъ ко мнѣ присылки", утѣшала она ихъ, скорбящихъ о своемъ положеніи.

Морозова говорила такъ, потому что знала о ходѣ своего дѣла во дворцѣ. Ея сестра княгиня Евдокія Урусова не оста-

вяла ее въ это тяжелое время и только на малый часъ отлучалась въ свой домъ, затѣмъ, безсомнѣнія, чтобы провѣдать у мужа, что тамъ говорятъ объ нихъ въ Верху. Черезъ мужа она и получала надобныя свѣдѣнія. Когда было узнано, что время приближается, Өедосья Прокопьевна разсталась съ своими старицами: „Матушки мои, время мое пришло!“ — сказала она имъ.—Идите всѣ вы, можетъ быть Господь васъ гдѣ сохранитъ, а мнѣ благословите на Божіе дѣло и помолитесь обо мнѣ, чтобъ укрѣпилъ меня Господь *страдати* безсомнѣнія о имени Господни“. Тотъ же князь Урусовъ, который приходилъ къ Морозовой съ царскимъ выговоромъ, предупредилъ жену, что на бѣдную ея сестру скорби великія идутъ, государь неукротимымъ гнѣвомъ содержимъ и рѣшаетъ на томъ, чтобъ скоро ее изъ дому изгнать. Не высказывая, вѣроятно изъ боязни, своего мнѣнія о царской волѣ, онъ однакожъ прибавилъ: „Послушай, что я скажу тебѣ и внимай моимъ словамъ. Христосъ въ Евангеліи глаголетъ: предадутъ бо васъ на сонмы и на соборищахъ ихъ бьютъ васъ: предъ владыки же и цари ведены будете, меня ради, во свидѣтельство имъ. Глаголю же вамъ, другомъ своимъ, не убойтеся отъ убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ больше что сотворити. Слышишь, княгиня, Самъ Христосъ глаголетъ! А ты внимай и памятуй!“ Княгиня радовалась такимъ словамъ мужа [1] и на утро, когда онъ поѣхалъ во дворецъ, от-

---

[1] Съ какою цѣлью говорилъ такъ князь Урусовъ, т. е. возбуждалъ фанатизмъ жены, неизвѣстно. Но все можно думать. Можно думать, что онъ самъ тайно придерживался древняго благочестія, и не обнаруживалъ своихъ мыслей съ цѣлью сохранить за собою весьма вліятельное при дворѣ мѣсто крайчаго, которое онъ и сохранилъ до самой смерти царя Алексѣя а при Өедорѣ былъ пожалованъ даже въ бояре. Но, въ такомъ случаѣ, за что же онъ подводилъ свою бѣдную жену подъ явную опалу. Собѣсѣдникъ царской Думы, онъ всегда могъ спасти жену, выгородить даже въ опасныхъ обстоятельствахъ, не говоря уже о томъ, что она и не вышла бы изъ его воли, изъ его благоразумныхъ совѣтовъ. Они имѣли уже дѣтей. Мы увидимъ, что онъ нисколько и не заботился выручить жену изъ бѣды. Все это заставляетъ полагать, что или слова Урусова сочинены описателемъ житія, или Урусовъ дѣйствовалъ такъ съ тайнымъ намѣреніемъ избавиться приличнымъ образомъ отъ нелюбимой жены, что въ боярскомъ быту иногда бывало. Аввакумъ въ своей автобіографіи говоритъ между прочимъ: а боярыню ту Өедосью Морозову и совсѣмъ разорили, и сына у нея уморили и ее мучатъ, и сестру ея Евдокію, бивше батогами, и отъ дѣтей отлучили и съ мужемъ

просилась у него опять къ сестрѣ. „Иди, да не оставайся тамъ долго, отвѣтилъ мужъ, я думаю, что сегодня же присылка къ ней будетъ". Княгиня однакожъ осталась у сестры до ночи. Онѣ вмѣстѣ ожидали „гостей".

Во второй часъ ночи (т. е. по закатѣ солнца) отворилисі большія ворота на дворѣ Морозовой. Ужаснулась Ѳедосья Прокопьевна, понявши, что идутъ ея мучители. Отъ страху ослабѣли ея ноги и она приклонилась на лавку. Княгиня подкрѣпила ее: „матушка, сестрица, дерзай! Съ нами Христосъ! не бойся, встань, положимъ начало". Совершили онѣ семь поклоновъ приходныхъ, одна у другой благословялись свидѣтельствовать „истину". Морозова въ постельной своей комнатѣ легла на свой пуховикъ, близь иконы Богородицы Ѳедоровской. Княгиня ушла въ чуланъ, родъ алькова, устроенный въ той же спальнѣ для наставницы Меланіи, и тамъ легла на постель. Сестры видимо хотѣли показать, что онѣ собрались уже опочивать. Въ постельную съ великою будто бы гордостію, дерзко вошелъ чудовскій архимандритъ Іоакимъ въ сопровожденіи думнаго дьяка Ларіона Иванова и, увидѣвъ возлежащую Морозову, объявилъ ей, что посланъ отъ царя вопросить ее; чтобъ встала и стоя или и сидя, если не можетъ, дала бы отвѣтъ противу царскихъ повелѣнныхъ словъ. Морозова не встала. „Како крестишися и какъ молитву творишь? спросилъ ее архимандритъ. Морозова, сложа по своему персты, перекрестилась и произнесла молитву! „Тако я крещусь, такъ же и молюсь". Второе „старица Меланія, а ты ей въ дому своемъ имя нарекла: Александра, гдѣ она теперь, сказывай скорѣе?" Морозова отвѣчала „по милости Божіей и молитвами родителей нашихъ, по силѣ нашей, въ убогомъ нашемъ дому ворота были отворены для странныхъ рабовъ Христовыхъ. Когда было время, были и Сидоры и Карпы и Меланіи и Александры. Теперь же никого нѣтъ изъ нихъ". Думный дьякъ ступилъ въ чуланъ, но въ чуланѣ не было свѣта: разглядѣвъ тамъ человѣка, лежащаго на постели, онъ вопросилъ: „Кто ты?" „Я князь Петра жена, Урусова", отвѣчала сестра Морозовой. Дьякъ, вовсе не ожидая найти здѣсь такую знатную особу, испугался своей дерзости и тотчасъ выскочилъ изъ чулана. Удивленный архимандритъ воскликнулъ

развели; и его князя Петра Урусова на другой женили, да что вѣдь дѣлать? пускай ихъ миленькихъ мучатъ, небеснаго жениха достигнутъ...."

княгиня Евдокія Прокопьевна, князь Петра Урусова! Спроси ее, како крестится"? Дьякъ отказывался, объясняя, что они посланы только къ боярынѣ Ѳедосьѣ Прокопьевнѣ. "Слушай меня, возразилъ архимандритъ, я тебѣ повелѣваю, вопроси ее". Дьякъ повиновался и далъ вопросъ. Лежа на постелѣ, облокотившись на лѣвую руку, княгиня сложила персты: великій палецъ со двемя малыми, указательный же съ велико-среднимъ, протянувши ихъ и показывая дьяку произнесла молитву: „Такъ я вѣрую", сказала.—Неожиданная встрѣча княгини Урусовой и ея заявленіе своего старовѣрства заставили архимандрита тотчасъ же донести объ этомъ царю. Оставивъ у сестеръ дьяка, онъ поспѣшилъ во дворецъ. Царь сидѣлъ посреди бояръ въ Грановитой Палатѣ. Приблизился къ государю архимандритъ и пошепталъ ему на ухо, что не токмо боярыня стоитъ мужески, но и сестра ея княгиня Евдокія, обрѣтенная у нея въ дому, также ревнуетъ своей сестрѣ, и твоему повелѣнію сопротивляются крѣпко. Государь замѣтилъ, что княгиня „смиренъ обычай имѣетъ и не гнушается нашей службы, а вотъ люта эта сумазбродка!" Архимандритъ отвѣтилъ, что и княгиня не только уподобляется во всемъ сестрѣ своей старѣйшей, но и злѣе ея ругается надъ нами. „Если такъ, то возьми и ту", сказалъ государь. Князь Петръ тутъ же стоялъ и слышавъ царскія слова, будто бы опечалился, но помочь дѣлу не могъ. Архимандритъ возвратился въ домъ Морозовой, и приступилъ къ испытанію ея рабынь.

Сопровождавшій архимандрита черный дьяконъ Іоасафъ указалъ особенно на двухъ, Ксенію Иванову и Анну Соболеву. Когда обѣ *укрѣпились* (въ перстосложеніи), ихъ поставили на (правую) сторону особо; прочія всѣ убоялись и не пошли на сторону укрѣпившихся, остались ошуюю. Тогда архимандритъ обратился къ боярынѣ съ слѣдующею рѣчью: Понеже неумѣла ты жить въ покореніи, но въ прекословіи своемъ утвердилась, а потому царское повелѣніе постигаетъ тебя, и изъ дому твоего ты изгоняешься. Полно тебѣ жить на высотѣ, сниди долу, востань и иди отсюда". Морозова не трогалась, видимо она выдерживала роль, что больна ногами, ни стоять, ни ходить не можетъ. Ее посадили въ кресла и понесли изъ комнатъ. Сынъ Иванъ Глѣбовичь провожалъ свою мать до средняго крыльца и поклонился ей въ слѣдъ. Она невидала его. Наложили на обѣихъ сестеръ желѣза конскія и посадили ихъ въ людскія хоромы, въ подклѣтѣ, приказавъ людямъ беречь ихъ подъ стражею.

Черезъ два дня снова явился къ нимъ думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ, снялъ съ ногъ желѣза и велѣлъ идти, куда поведутъ. Морозова не захотѣла идти (пѣшкомъ); дьякъ велѣлъ нести ее. Слуги принесли сукнѣ (носилы), посадили и понесли въ Чудовъ монастырь. Княгиня Евдокія была ведена за нею пѣшкомъ. Войдя въ одну изъ палатъ вселенскихъ (соборныхъ) и по обычаю образу Божію поклонившись, Морозова, сидѣвшимъ тамъ властямъ „сотворила мало и худо поклоненіе". Въ палатѣ предсѣдалъ Павелъ, митрополитъ Крутицкій, знакомый уже намъ Іоакимъ архим. Чудовскій, думный дьякъ и иные. Она не захотѣла говорить предъ ними, стоя; сѣла на мѣсто и не вставала, не смотря на ихъ неоднократное требованіе. Митрополитъ началъ ее увѣщевать тихо и кротко, вспоминая честь ея и породу. »Все это натворили тебѣ, сказалъ онъ, *старцы* и *старицы*, тебя прельстившіе, съ которыми ты водилась и слушала ихъ ученія, и довели тебя до этого поношенія, что приведена твоя честность на судище". И красоту сына ея вспоминалъ, чтобъ пожалѣла его и своимъ прекословіемъ не причиняла бы раззореніе его дому. Противъ всѣхъ словъ она давала отвѣты: что истинному пути и благочестію навыкла не отъ старцевъ и старицъ, а отъ истинныхъ рабовъ Божіихъ. „О сынѣ же перестаньте мнѣ много говорить. Обѣщалась Христу, моему Свѣту, и нехочу обѣщанія измѣнить до послѣдняго вздоха; ибо Христу живу, а не сыну". Видя непреклонное ея *мужество*, и безполезность кроткихъ увѣщаній, власти рѣшились ее постращать. „Коротко тебя спрашиваемъ, сказали они ей: по тѣмъ служебникамъ, по которымъ государь царь причащается и благовѣрная царица и царевичи и царевны, ты причащаешилися?. „Нѣтъ не причащусь, потому что знаю, что царь по развращеннымъ Никонова изданія служебникамъ причащается". — „Какъ же ты объ насъ обо всѣхъ думаешь, стало быть мы всѣ еретики?" —„Ясно, что вы всѣ подобны Никову, врагу Божію, который своими ересьми, какъ блевотиною наблевалъ, а вы теперь то скверненіе его подлизываете".

Въ отвѣтъ ей сказали, что послѣ того она не Прокопьева дочь, а бѣсона дочь. Морозова защищалась, говоря, что проклинаетъ бѣса, что по благодати Господа, она, если и не достойна, всетаки, дочь Христа. Преніе продолжалось отъ 2 часа ночи и до десятаго, (считая отъ солнечнаго заката). Княгиня Урусова точно также „во всемъ мужество показала". Ихъ тѣмъ

же порядкомъ возвратили домой подъ стражу въ тотъ же людской подклѣтъ. Морозову опять несли на носилахъ. „Если насъ разлучатъ и заточатъ, сказала она княгинѣ, предугадывая ходъ дѣла, молю тебя поминай меня убогую въ своихъ молитвахъ“.

Утромъ на другой день пришелъ думный дьякъ, принесъ цѣпи со стулами, и снявши съ ногъ желѣза, сталъ возлагать на шею имъ эти цѣпи. Морозова перекрестилась, поцѣловала *огорліе* цѣпи и сказала: „Слава тебѣ Господи, яко сподобилъ мя еси Павловы узы возложити на себя“. Дьякъ повелѣлъ посадить ее на дровни и везти конюху. Ее повезли черезъ Кремль.

Когда ее везли Кремлемъ, мимо Чудова монастыря, подъ царскіе переходы, она, полагая, что на переходахъ смотритъ царь на ея поѣздъ, часто крестилась двуперстнымъ знаменіемъ, высоко поднимая руку и звеня цѣпью, показывая царю, что не только не стыдится своего поруганія, но и услаждается любовію Христовою и радуется своимъ узамъ.

Ее посадили на подворье Печерскаго монастыря (на Арбатѣ) подъ крѣпкій караулъ стрѣльцовъ.

Княгиню Евдокѣю, подобнымъ же образомъ обложивъ желѣзными „юзами“, отвели въ Алексѣевскій монастырь и отдали подъ крѣпкое начало съ повелѣніемъ водить ее въ церковь. Но она, противясь этому повелѣнію, такое *мужество* показала, что дивился весь царствующій градъ ея храбрости и тому, какъ доблестно сопротивлялась она волѣ мучительской. Доблестные подвиги ея заключались въ томъ, что она всѣми силами сопротивлялась, когда нужно было идти въ церковь. Приказано было волочить ее на рогожныхъ носилкахъ. Она и тутъ притворялась разслабленною, не могущею ни рукою, ни ногою двинуть и сама на носилки не ложилась. Старицы Алексѣевскаго монастыря, выводимыя изъ терпѣнія ея притворствомъ, даже дерзостно заушали ее, говоря; „горе намъ! что намъ дѣлать съ тобою; сами мы видимъ, что ты здорова и весело бесѣдуешь съ своими, а какъ мы придемъ звать тебя на молитву, ты внезапно, какъ мертвая, станешь; и должны мы трудиться, переворачивать тебя, какъ мертвое тѣло“.—„О старицы бѣдныя, давала имъ отвѣтъ княгиня, зачѣмъ напрасно трудитесь; развѣ я васъ заставляю; вы сами безумствуете, всуе шатаетесь. Я и сама плачу о васъ, погибающихъ. Какъ я пойду въ вашъ соборъ, когда тамъ у васъ поютъ не хваля Бога, но хуля, и законы его попирая....“

Скрывшіяся старицы Морозовой, конечно, очень горевали обо всемъ, что случилось и плакали объ ней, какъ младенцы, разлученные съ матерью. Но скоро, съ небольшимъ черезъ недѣлю, онѣ нашли случай повидаться съ нею на заднемъ крыльцѣ подворья, въ утаенномъ мѣстѣ, „еже ходити ту человѣкомъ на облегченіе чреву".

Сюда то пришла одна изъ старицъ, Елена. „Возлюбленная, сказала ей Морозова; ничто меня не опечалило такъ въ эти дни, какъ разлука съ вами. Ни отгнаніе изъ дому, ни царскій гнѣвъ, ни властелинское истязаніе, ни юзы, ни стража,—все это мнѣ любезно о Христѣ. Но очень мнѣ прискорбно, что уже больше недѣли, не знаю. не вѣдаю, гдѣ вы. Ради Бога не покиньте меня, не уѣзжайте изъ Москвы, останьтесь здѣсь. Небойтесь! Уповаю на Христа, покроетъ васъ. О родныхъ такъ не болѣзную, какъ о васъ. Все я могу перетерпѣть, только одной разлуки съ вами не могу перенести".

Морозова чувствовала, что ей для укрѣпленія необходима была почва: а крѣпкою почвою для ея подвига были тѣже старицы, къ которымъ она такъ привыкла, и которыя, оставаясь въ Москвѣ, могли во многомъ ей помочь. Нашли же они средство побесѣдовать съ ней.

Одна изъ нихъ Марья, дворянскаго роду Даниловыхъ [1], ещ во время первыхъ дѣйствій царскаго гнѣва, умыслила было бѣжать, но была поймана въ *Подонской странѣ* (на Дону). привезена обратно въ Москву, подверглась тому же испытанію и так крѣпко поревновала, похваляя предъ всѣми древнее благочесті и отвергаясь принять новины. Ее посадили, окопавши, пред Стрѣлецкимъ Приказомъ [2].

Быть можетъ этотъ самый случай заставлялъ Морозову со вѣтовать своимъ духовнымъ сестрамъ оставаться лучше в Москвѣ, гдѣ гораздо легче было имъ скрываться отъ властей

Между тѣмъ къ заключенной часто ѣздилъ для увѣщанія Пла ріонъ митрополитъ Рязанскій. Но безполезны были всякія у

---

[1] Марья Герасимовна жена Акинфея Ивановича Данилова, стрѣлецк го полковника.

[2] Марія же тамо сѣдящи и *буду* пріимаше болѣе обою сестеръ; бе студнія воини пакости творяху ей невѣжествомъ; прихождаху же к ней и попы никоніанскіе, которые много ее спущали, укоряли раскол ницею, принуждали креститься 3 персты, даже будто бы ломали е персты, складывающе щепоть..

щанія. Видя себя „желѣзы тяжкими обложену и неудобствомъ стула томиму", она радовалась и объ одномъ только скорбѣла, о чемъ и писала къ наставницѣ своей матери Меланіи. "Увы мнѣ, мати моя! говорила она въ письмѣ. Не исполняю я дѣла иноческаго! Какъ я могу теперь поклоны земные класть! Охъ люто мнѣ грѣшницѣ! День смертный приближается, а я, унылая, въ лѣности пребываю! И ты, радость моя, вмѣсто поклоновъ земныхъ благослови мнѣ Павловы узы Христа ради поносити; да еще, если изволишь, благослови мнѣ масла коровья и молока и сыра и яицъ воздержаться, да не праздно мое иночество будетъ и день смертный да не похититъ меня неготову. Одно только постное масло повели мнѣ ѣсти". Мать Меланія въ отвѣтъ подавала ей благословеніе на *страданіе*, и говорила: „стани доблестно, Господь да благословитъ тебя юзы, Его ради, носити; и пойди, какъ свѣча, отъ насъ къ Богу на жертву. О брашнахъ же,—все кушай, что прилучится". Понятно, почему не могли дѣйствовать на страдалицу никакія увѣщанія. Она была отдѣлена отъ своихъ, была въ заточеніи, но на самомъ дѣлѣ она не разлучалась съ своею средою, она могла даже переписываться съ Меланіею. Ниже увидимъ, что не однѣ старицы поддерживали и разжигали своею помощію ея фанатизмъ. Хорошо понимали это и власти и всетаки вовремя не могли найдти прямую виновницу ея несчастія, эту Меланію. Такъ еще была сильна въ обществѣ приверженность къ древнему благочестію, которая одна только и могла такъ заботливо оберегать наиболѣе замѣтныхъ его представителей и проповѣдниковъ.

Само собою разумѣется, что много помогали Морозовой и ея братья. Къ нимъ-то и обратился царь, желая хорошо разузнать всѣ подробности дѣла и отыскать мать Меланію. Ѳедоръ Прокопьевичъ, лишившись со смертію царицы Маріи Ильичны важной должности ея дворецкаго, оставался еще думнымъ дворяниномъ и былъ въ поѣзжанахъ на свадьбѣ царя съ Нарышкиною, въ 1671 г.—„Ты всѣ тайны своей сестры знаешь, скажи мнѣ, гдѣ Меланія?" вопросилъ его государь. Но пособникъ своей сестрѣ недалъ надобнаго отвѣта. Оба брата были удалены изъ Москвы, Ѳедоръ въ степь, въ Чугуевъ; Алексѣй на Рыбное, якобы на воеводство, а въ самомъ дѣлѣ, въ заточеніе, повѣствуетъ сказатель Ѳедосьина житія. Ѳедоръ на своей волости столько обагатился, что и своихъ рублей тысячу прожилъ.

Сына Морозовой, отрока Глѣба Ивановича, государь берегъ, ибо въ это время онъ оставался единственнымъ представителемъ знатнаго и очень любимаго царемъ рода Морозовыхъ. Но отрокъ, разлученный съ матерью, отъ многой печали, заболѣлъ. Царь прислалъ къ нему лѣкарей; а они такъ его улѣчиша, сказываетъ составитель житія, что въ малыхъ днях҄ъ и гробу предаша. Сказать о смерти сына былъ посланъ къ несчастной матери священникъ, „попъ никоніанскій", который, желая подѣйствовать на заключенную страхомъ, отнесъ это событіе къ Божію наказанію за ее отвращеніе отъ истиннаго пути, и сказалъ ей текстъ 108 псалма: „еже положится дому ея пусту и живущаго не имѣти". Премудрая разумница не внимала *ихъ* буести. Услыхавъ о смерти сына, пала на землю предъ образомъ, „плача и рыдая, умиленнымъ гласомъ вѣщала: „увы мнѣ, чадо мое! погубили тебя отступники!" И долго голосила надгробныя пѣсни, такъ что слышавшіе сами рыдали отъ жалости". Помнишь ли, какъ бывало! писалъ къ ней впослѣдствіи Аввакумъ,—уже некого чотками стегать и не на кого поглядѣть, какъ на лошадкѣ поѣдетъ, и по головкѣ не кого погладить! Миленькой мой государь! Въ послѣднее увидѣлся съ нимъ, егда причастилъ его!"

Со смертію молодаго Морозова дѣйствительно домъ ихъ запустѣлъ до конца. Имѣніе, вотчины, стада коней, были розданы боярамъ; а вещи золотыя, серебряныя, жемчужныя и отъ дорогихъ камней были распроданы. Такъ говоритъ сказатель житія. Онъ же повѣствуетъ, что при этомъ въ одной палатѣ множество золота нашли, „заздано въ стѣнѣ",—кладъ, спрятанный вѣроятно еще предками Морозовыхъ, что было въ обычаѣ въ старое, тревожное и опасное время. Крестьянинъ зарывалъ свои сокровища въ землю, бояринъ замуровывалъ ихъ въ каменныхъ стѣнахъ своего дома.

Однакожъ не все изъ имѣнія подверглось опальному расточенію. Одинъ вѣрный рабъ Морозовой, Иванъ, по ея повелѣнію, припряталъ нѣкія дорогія вещи у вѣрнаго человѣка, но былъ преданъ своею женою, былъ пытанъ и мученъ, огнемъ жженъ шесть разъ; но все перетерпѣлъ и наконецъ былъ сожженъ въ Боровскѣ съ другими ревнителями древняго благочестія.

Послѣ того царь какъ бы сжалился надъ заключенною и повелѣлъ отдать ей двухъ рабынь, чтобы послужили ей въ заключеніи, Анну Аммосову, а другую Стефаниду, прозываемую Гнѣва, которыя съ великою радостію пошли служить боярынѣ,

ютому что были ея единомышленницы. Княгиня сестра Морозовой, не получила подобнаго облегченія въ своей участи; ю за то Богъ послалъ ей честнѣйшую отъ рабынь, боярскую рь Акулину, которая сама наложила на себя этотъ подвигъ, южелавъ служить ей, приходя и отходя, а впослѣдствіи постриглась и наречена Анисія. Она тоже находилась подъ началомъ атери Меланіи и твердо укрѣплялась въ своихъ мысляхъ писаніями Аввакума, который умѣлъ цѣнить въ ней боярское происхожденіе, какъ важную авторитетную общественную опору, ля большаго утвержденія и распространенія своихъ ученій.

Несчастныя ревнительницы древняго благочестія изъ такой знатной и высокой среды, конечно, обращали на себя общее вниманіе. Особенно важно и дорого было ихъ ревнованіе ля ихъ единомышленниковъ, которые находили въ ихъ подвигѣ льную точку опоры, сильный и яркій примѣръ при распространеніи своихъ заблужденій въ народѣ, и потому естественю должны были всѣми средствами помогать ихъ подвигу, бодрствовать надъ ними со всѣхъ сторонъ. Видимо, что посредствомъ старицъ и служанокъ, несчастныя жертвы, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ этимъ темнымъ міромъ и получали оттуда непрестанныя „укрѣпленія", стоять и страдать за правду, *за старое преданіе отеческое*, до конца. Этими-то путями Морозова успѣла въ своемъ заточеніи причаститься отъ странствующаго попа—инока Іова Льговскаго.

Этотъ Іовъ происхожденіемъ былъ изъ Литвы, отъ родителей шляхетскихъ рожденъ. Въ 1611 г., когда Филаретъ Никитичь, отецъ царя Михаила, тогда митрополитъ ростовскій, находился въ польскомъ плѣну, Іовъ, еще юноша, былъ имъ пріобрѣтенъ, жилъ потомъ при его кельѣ, облеченъ въ иноческій образъ и посвященъ во іерея, во время уже патріаршества Филарета. Потомъ онъ былъ отпущенъ на собственное жительство: гдѣ похочетъ, да соберетъ себѣ духовная чада и научитъ иноческой философіи. Съ тѣхъ поръ Іовъ сдѣлался скитальцемъ, основывая по временамъ монастыри, и въ томъ числѣ Льговъ (1669 г.).... Преходя, крыяся по мѣстамъ, во время гоненій на старовѣрство, онъ подконецъ удалился къ Дону и при рѣкѣ Чирѣ основалъ новый монастырь, поставленіе котораго запечатлѣлъ своею смертію, проживъ больше ста лѣтъ [1].

[1] Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій въ пользу раскола. 1, 269.

Этотъ-то скиталецъ, находясь тогда въ Москвѣ, и былъ проведенъ къ Морозовой.

Очень милостивъ былъ къ ней, караулившій ее стрѣлецкій голова. Она умоляла его пустить къ ней старца, сказавши, такъ: „былъ въ дому моемъ, въ одномъ изъ нашихъ селъ, нѣкій священникъ; была милость наша къ нему. Теперь, я слышала, онъ здѣсь; жаль мнѣ его, старика, позволь повидаться съ нимъ, если будетъ твоя милость къ нашему убожеству". И вотъ пришелъ старецъ, бѣлецкимъ образомъ, т. е переодѣвшись, подать ей безцѣнный бисеръ. Іовъ такъ былъ умиленъ ея страданіемъ, что послѣ не могъ безъ слезъ вспоминать объ этомъ.

Тѣми же путями Морозовой представлялся случай повидаться и съ сестрою. Однажды, когда, разумѣется, предварительно все было улажено, Урусова сказала своей начальницѣ, у которой жила въ кельѣ: „Госпожа! ты знаешь, какъ болитъ сердце матери о дѣтяхъ; знаешь и то, что я оставила ихъ Христа ради. Пусти меня въ домъ мой; поцѣлую я ихъ и утѣшу и сама утѣшусь, и еще до вечера возвращусь сюда: никто не будетъ знать объ этомъ, только ты да я.... Теперь полдень, а игуменья в гостяхъ и старицы разошлись, и людей на монастырѣ мало; и я фатою покрывшись, пройду, и никто не узнаетъ меня". Сверх чаянія начальница отпустила ее. Велѣла ей только оставит образъ Богородицы, какъ бы въ залогъ того, что она воротится. „Знаю, какъ ты любишь образъ Владычицы нашея, остав мнѣ его здѣсь и иди съ міромъ: Она Помощница возвратит тебя сюда". Княгиня вышла. На дорогѣ — навади бѣсъ нѣких злыхъ человѣкъ -- ее сочли за бѣглую и хотѣли было взят Она смѣло защитилась. Потомъ встрѣтилась, (безсомнѣнія, п уговору), съ Еленою, которая вѣроятно все это и устроил и вмѣстѣ пошли на Печерское подворье. Дворница дала знат Морозовой объ ихъ приходѣ; та выслала рабу свою Анну, вм сто которой, въ обмѣнъ, возвратилась къ ней уже сестра-Ур сова: на крыльцѣ мимо ногъ караульщика прошла. котор подумалъ, что таже Анна идетъ. „И бѣсѣдоваша любезно м ченица со исповѣдницею". Но позавидовалъ дьяволъ; у карау ныхъ стрѣльцовъ сдѣлалась тревога. Они догадывались, ч дѣло не ладно. Голова, упрошенный Морозовою, успокоилъ их и велѣлъ только гостьѣ ночевать: „я ночью выпущу ее т хонько", объяснилъ заступникъ. Такимъ образомъ тревога с служила еще къ большей радости сестеръ. Всю ночь онѣ ли

вали, бесѣдуючи. Къ свѣту Урусова ушла, а Елена опять проводила ее до монастыря.

Но гораздо важнѣе было то, что страдалицъ не оставлялъ своими поученіями и ободреніями ихъ духовный отецъ — Аввакумъ. Время отъ времени, изъ своего далекаго заточенія, онъ присылалъ имъ посланія и всегда возвышалъ ихъ подвигъ въ превыспреннихъ изреченіяхъ, Такъ, провѣдавъ, о разсказанныхъ уже нами событіяхъ, онъ шлетъ къ нимъ письмо, въ которомъ спрашиваетъ Ѳеодосію, жива ли она: „Еще ли ты дышешь, или сожгли, или удавили тебя?" и за тѣмъ восторгается ихъ подвигомъ, называетъ ихъ супругами нерасторженными, ластовицами сладкоглаголивыми, маслинами, свѣтильниками предъ Богомъ на земли стояще! подобными Еноху и Иліи: *женскую немощь отложивше и мужескую мудрость воспріявше*, діавола побѣдиша, мучителей посрамиша; именуетъ ихъ свѣтилами великими, солнцемъ и луною Русской земли, двумя зарями, освѣщающими весь міръ на поднебеснѣй, красотою церкви, похвалою мучениковъ, радостью праведныхъ, веселіемъ святителей, вертоградомъ эдемскимъ и тому подобными вычурными и выспренними именами. „Невѣдаю какъ назвать", восклицаетъ онъ въ заключеніе. „Умъ мой не обыметъ подвига вашего и страданія. Подумаю, да лише руками возмахну. Какъ такъ, государыни, изволили съ такія высокія степени сступить и въ безчестіе вринутися? Воистину подобно сыну Божію: отъ небесъ сступилъ, въ нищету нашу облечеся и волею пострадалъ". Затѣмъ онъ уничижаетъ себя, дабы еще сильнѣе выставить высоту подвига боярынь; вспоминаетъ о великой чести Морозовыхъ, печалится о смерти ея сына Ивана, утѣшаетъ ее, что такъ Богу надобно, а потомъ, напоминая о Ѳедорѣ юродивомъ, дѣлаетъ ей приведенное нами выше замѣчаніе о бабьемъ умѣ. „Мучьтеся за Христа хорошенько, не оглядывайся назадъ; спаси Богъ.... не стужите о бездѣлицахъ вѣка сего. И тово полно: добоярила, надобе попасть въ небесное боярство...."

Въ этомъ же самомъ письмѣ дѣлаетъ особую приписку Ѳеодосьѣ Прокопьевнѣ другой ревнитель стараго благочестія, пустынникъ обители Соловецкой, Епифаній, который по всему вѣроятію, также былъ ея наставникомъ во время пребыванія своего въ Москвѣ.

„О свѣты мои, новыя исповѣдницы Христовы! восклицаетъ онъ къ нимъ — потерпимъ мало, да великая воспріимемъ.... Свѣтъ

моя государыня! люблю я правило нощное и старое пѣніе. А буде обленишься на нощное правило, тотъ день окоянной плоти и ѣсть не давай: не игрушка душа, что плотскимъ покоемъ ее подавлять. Да перестаавай ты и медокъ попивать: намъ иногда случается и воды въ честь, да живемъ же. Али ты насъ тѣмъ лучше, что боярыня? Да единако намъ Богъ распростре небо, еще же луна и солнце всѣмъ сіяютъ, такожде и вся прозябающая по повелѣнію владычню служатъ, тебѣ не больши и мнѣ не меньши; а честь прелетаетъ. Единъ честенъ тотъ, кто ночью возстаетъ на молитву, да медокъ перестанетъ, въ квасъ примѣшивая, пить.... Мнѣ мнится, облѣнилася ты на ночную молитву, того ради тебѣ такъ говорю съ веселіемъ (т. е. шутя о медкѣ).... Дніе наши не радости, но плача суть.... и ты, государыня, плачи суетнаго житія своего и грѣховъ своихъ. понеже призвалъ тя Богъ въ домовое строеніе и разсуженіе; но и возвеселися, егда въ нощи, возставъ, совершиши 300 поклоновъ и 700 молитвъ, веселіемъ и радости духовныя и меня грѣшнаго помяни тутъ.... Еще же глаголю: аще и вси добродѣтели сотворишь, рцы душѣ своей: „ни что же благо сотворихъ, ниже начахъ добро творити". Нощію возставай: не людемъ приказуй будить, но сама воспряни отъ сна безъ лѣности и припади и поклонися Сотворшему тя. А въ вечеру мѣру помни спдѣть; поклоны, егда метаніе на колѣну творипи, тогда главу въ прямь держи, егда же великій (поклонъ) прилучится, тогда главою до земли; а нощію триста метаній на колѣну твори. Егда совершиши сто молитвъ стоя, тогда: „слава и нынѣ, аллилуія" и тутъ три поклоны великіе бываютъ...." Дальше слѣдуютъ наставленія также о поклонахъ[1].

Такими-то поученіями и Аввакумовскими льстивыми восхваленіями постоянно ободрялись и укрѣплялись эти бѣдныя женщины. Съ авторитетомъ духовнаго отца и его сподвижниковъ конечно ни что не могло соперничать въ ихъ убѣжденіи.

Общество тогдашней Москвы также не могло оставить этой любопытной исторіи безъ вниманія. Многіе соболѣзновали несчастной судьбѣ сестеръ. Тотъ же Михаилъ Алексѣевичъ Ртищевъ [2], уговаривавшій прежде Морозову, пріѣхалъ однажды к

[1] Письма напечатаны въ приложеніяхъ къ статьѣ: *Боярыня Морозова* г. Тихонравова; Русскій Вѣстникъ 1865 г. № 9.

[2] Въ статьѣ г. Тихонравова сказано, что это былъ сынъ царя, Михаилъ Алексѣевичъ (стр. 30, 35); но у царя Алексѣя не было сын

княгинѣ Урусовой и, стоя у ея окна, съ умиленіемъ сказалъ: „удивляетъ меня ваше страданіе; лишь одно смущаетъ меня: не вѣдаю, что за истину ли терпите". Этими словами вполнѣ обрисовывается колебаніе тогдашнихъ умовъ, которымъ на самомъ дѣлѣ трудно было выяснить себѣ настоящій смыслъ дѣла. Особенно же городъ былъ взволнованъ именно дѣяніями княгини Урусовой, о которыхъ говорено выше. На нашъ теперешній взглядъ, всѣ эти сцены, конечно, по меньшей мѣрѣ достойны сожалѣнія. Но въ вѣкъ всеобщаго суевѣрія и всяческаго суесвятства дѣло это казалось весьма серьезнымъ. Это была одна изъ формъ юродства, предъ которымъ тогдашніе умы останавливались съ уваженіемъ, и даже съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, не взирая на вопіющія несообразности подобныхъ подвиговъ вообще съ нравственнымъ достоинствомъ человѣка. У того вѣка было всемогущее слово: Христа ради, которое хотя и понятое самымъ матеріальнымъ смысломъ, всегда освящало и покрывало эти младенчествующія представленія о святости нравственныхъ подвиговъ человѣка. Терпѣть. страдать, быть гонимму, уничижать себя Христа ради, въ какихъ бы формахъ такія дѣянія ни обнаруживались, но если они почему либо освящались великою святынею этого слова,—они всегда привлекали къ себѣ и умъ, и сердце народа, воспитаннаго въ духовной своей сферѣ аскетическими идеалами, вообще идеалами мученичества.

Множество вельможныхъ женъ и простыхъ людей стекалось въ Алексѣевскій монастырь смотрѣть, „како влачаху княгиню на носилѣ". Особенно вельможныя удивлялись ей и соболѣзновали о ней, какъ о своей сродницѣ. Видя все это, склоняясь жалостію о страданіи такой вельможной женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ смущаясь, что „сіе влаченіе" служитъ еще болѣе къ прославленію ея терпѣнія, умная игуменья монастыря обратилась къ патріарху Питириму и разсказала, что у нихъ въ монастырѣ дѣлается и какова княгиня и за какую вину сидитъ. Съ именемъ княгини неразлучно припомнилось и имя Морозовой. „Я воспомяну объ этомъ царю". отвѣтилъ патріархъ. „Великій государь! говорилъ онъ потомъ царю, совѣтую тебѣ, боярыню эту Морозову, вдовицу—кабы ты изволилъ опять домъ ея отдать и на потребу ей дворовъ бы сотницу крестьянъ далъ, а кня-

---

Михаила. Біографъ Морозовой именуетъ здѣсь Ртищева, не обозначая фамиліи.

гиню тоже бы князю отдалъ; такъ бы дѣло-то приличнѣе было; потому что *женское ихъ дѣло: много онѣ смыслятъ*". — „Я бы давно это сдѣлалъ, отвѣтилъ государь; но не знаешь ты лютости этой жены. Нельзя тебѣ и разсказать, сколько она мнѣ наругалась и теперь ругается. Кто мнѣ столько зла и великаго неудобства, показалъ? Если не вѣришь моимъ словамъ, самъ испытай; призови и вопроси, тогда узнаешь ея крѣпость. Какъ начнешь ее испытывать, тогда вкусишь ея *прясности*. А потомъ я исполню все, что повелитъ твое владычество: неослушаюсь твоего слова".

Видимо патріархъ, а вмѣстѣ и царь желали покончить это дѣло, смущавшее всю Москву. Опять во 2 часъ ночи взяли Морозову и съ юзами и, посадивши на дровни, повезли въ Чудовъ монастырь подъ охраной стрѣлецкаго сотника. Въ соборной палатѣ былъ патріархъ, митрополитъ Павелъ и иные власти и „отъ градскихъ начальникъ не мало". Предстала Морозова, нося на выи оковы желѣзны. „Дивлюсь я, какъ ты возлюбила эту цѣпь и не хочешь съ нею разлучаться", сказалъ ей патріархъ. Обрадованнымъ лицемъ и веселящимся сердцемъ отвѣтила она: „воистину возлюбила, и не только просто люблю, но еще и не довольно насладилась вожделеннаго зрѣнія сихъ оковъ. Какъ могу не возлюбить ихъ! Такая я грѣшница и для Божіей благодати сподобилась видѣть на себѣ, а вмѣстѣ и носить Павловы узы, да еще за любовь Единороднаго Сына Божія". Патріархъ сталъ увѣщевать ее, говоря, что бы оставила свое безуміе и нелѣпое начинаніе, пожалѣла бы себя, невозмущала бы своимъ противленіемъ царскую душу, и присоединилась бы къ церкви, исповѣдавшись и причастясь св. таинъ. — „Некому исповѣдаться и не отъ кого причаститься", отвѣчала Морозова. Поповъ много на Москвѣ, сказалъ патріархъ. — „Много поповъ, но истиннаго нѣтъ", возразила Морозова. — Я самъ, на старости, потружусь о тебѣ, самъ тебя исповѣдаю и причащу, продолжалъ патріархъ. Морозова отреклась и отъ этой высокой чести, сказавши: „ты мнѣ говоришь: самъ, но я не понимаю, что ты говоришь. Чѣмъ ты отъ иныхъ отличенъ, если творишь тоже, что и они? Когда ты былъ Крутицкимъ митрополитомъ, жилъ за одно съ отцами преданія нашей русской земли, и носилъ клобучекъ старый, тогда ты былъ намъ отчасти любезенъ; а теперь ты восхотѣлъ волю земнаго царя творить, и небеснаго царя и создателя своего презрѣлъ и возложилъ на

себя рогатый клобукъ римскаго папы: и потому мы отвращаемся отъ тебя. И не утѣшай меня тѣмъ словомъ: я самъ! я не требую твоей службы".

Во время этой бесѣды Морозова не хотѣла стоять предъ властями; ее поддерживали сотникъ стрѣлецкій и стрѣльцы; она висла у нихъ на рукахъ и въ такомъ положеніи говорила съ патріархомъ.

Все обнаруживало болѣзненное разстройство ея ума, — такъ по крайней мѣрѣ это понялъ патріархъ и рѣшился въ исцѣленіе помазать ее священнымъ масломъ, „да пріидетъ въ разумъ, се бо, якоже видимъ, умъ погубила". Патріархъ облачился и готовился совершить помазаніе. Но Морозова, увидавши его намѣреніе, встала на ноги и приготовилась яко „борецъ". Митрополитъ хотѣлъ приподнять треуха на ея головѣ, дабы удобнѣе было помазать; но она отринула его руку и воскликнула: „отойди, зачѣмъ дерзаешь неискусно, хочешь коснуться нашему лицу? нашъ чинъ можно тебѣ разумѣть". Отринувши помазаніе, она вопила къ патріарху: „не губи меня грѣшницу отступнымъ своимъ масломъ!" и позвяцавъ цѣпями, продолжала: „для чего эти оковы? я грѣшница, цѣлый годъ ихъ ношу, именно потому, что не повинуюсь, не хочу присоединиться ни къ чему къ вашему. А ты весь мой недостойный трудъ однимъ часомъ хочешь погубить. Отступи, удались; не требую вашей святыни никогда".

Біографъ разсказываетъ, и конечно баснословитъ, что послѣ того ее назвали исчадіемъ ехиднинымъ, вражьею дочерью, страдницею, что не для чего ей больше жить, на утро страдницу въ срубъ.... Что потомъ будто бы повергли ее на землю, такъ что казалось голова ея раскочится; что поволокли ее по палатѣ,— чаять, что желѣзнымъ ошейникомъ шею ей на двое перервутъ и главу ей съ плечь сорвутъ; что по лестницѣ всѣ ступеньки она главою своею сочла". На тѣхъ же дровняхъ ее привезли обратно на подворье въ 9 часу ночи.

Въ ту же ночь и тѣмъ же порядкомъ происходило увѣщаніе княгини Урусовой и Марьи Даниловой, при чемъ, по разсказу біографа, *трихраборница* княгиня, отрицаясь помазанія масломъ, еще дивнѣйши сотвори. Увидя патріарха, идущаго къ ней съ масляною спицею, она мгновенно сняла съ своей головы покрывало, опростоволосилась и воскликнула: „о безстудніи и безуміи! что вы дѣлаете? не видите развѣ, какова я есть?"

т. е. въ какомъ срамномъ видѣ; и тѣмъ устыдила властей и миновала помазанія.

На другой день, во 2 часъ ночи, онѣ всѣ три, вѣроятно порознь, были перевезены на Ямской дворъ. На томъ дворѣ было собрано множество людей. Посадили ихъ въ избѣ темной и тѣсной, такъ что сначала, сидя по угламъ, въ темнотѣ, между множествомъ народа, онѣ и не знали, что находятся вмѣстѣ, въ одной избѣ. Онѣ догадывались, что привезли ихъ на пытку; но думали также, что можетъ быть хотятъ послать ихъ куда нибудь въ заточенье. Подконецъ Морозова поняла, что ихъ ожидаетъ непремѣнно пытка и провѣдавъ, что и родная ея двоица находится тутъ же, а между тѣмъ невозможно бесѣдовать съ ними и укрѣпить ихъ на терпѣніе,—подала имъ знакъ, позвяцавши оковами и сказавши мысленно: „любезныя мои страдальницы! вотъ и я тутъ съ вами. Терпите, свѣты мои, мужески и обо мнѣ молитесь". Княгинѣ она смогла даже и руку протянуть сквозь утѣсненіе людское, и сжала ея руку весьма крѣпко, говоря: „терпи, мать моя, терпи".

Ихъ начали пытать. У пытки присутствовали Кн. Иванъ Воротынскій, Кн. Яковъ Одоевскій, Василій Волынскій. Въ первыхъ была приведена къ огню Марья Данилова: обнажили ее до пояса, руки назадъ завязали и подняли на стряску и, снемъ съ дыбы, бросили на землѣ. Потомъ повели княгиню. Увидавши, что треухъ ея покрытъ цвѣтною тканью, крикнули ей: „зачѣмъ такъ дѣлаешь; ты въ опалѣ царской, а носишь цвѣтное?" „Я предъ царемъ не согрѣшила", отвѣчала княгиня. Покровъ съ треуха содрали и бросили ей одинъ исподъ (подкладку). Точно также и ее обнажили до пояса, подняли на стряску съ завязанными назадъ руками, и, снявши съ древа, верглша на землю тутъ же, подлѣ Даниловой. Напослѣдокъ привели къ огню и Морозову. Началъ говорить ей кн. Ворытынскій многая словеса: „Что это ты дѣлаешь, отъ славы въ безславіе пришла? подумай, кто ты и отъ какого рода! Все это приключилось тебѣ отъ того, что принимала въ домъ Кипріана и Ѳедора юродивыхъ и прочихъ таковыхъ; ихъ ученія держалась, потому и царя прогнѣвала".

Отвѣчала Морозова: „не велико наше благородіе тѣлесное и слава человѣческая суетна на землѣ; и все, о чемъ ты говорилъ,—все это тлѣнно и мимоходяще. Послушай, что я скажу тебѣ: помысли о Христѣ, кто Онъ и чей Сынъ и что сотво

ри; если не знаешь, я разскажу тебѣ: Онъ Господь нашъ, Сынъ Божій, оставившій небеса для нашего спасенія, и жившій во плоти на землѣ всегда въ убожествѣ; послѣ распятъ былъ отъ жидовъ; такъ и мы всѣ отъ васъ мучимы. Тому ты не удивляешься! то наше мученье есть уже ничто".

Тогда власти повелѣли ее связать: „рукавами срачицы ея увиша поконецъ сосецъ и руки на опако завязавъ", повѣсили на стряску. Она не умолкла и укоряла „лукавое ихъ отступленіе". За то держали ее на стряскѣ долго и висла съ полчаса и ремнемъ руки до жилъ протерли. Послѣ сняли ее и положили рядомъ съ сестрами. На снѣгу нагими спинами съ выломанными назадъ руками лежали они часа три. И иныя казни имъ творили: „плаху мерзлую на перси клали и устрашая къ огню приносили, хотя жечь". Даниловy, кромѣ того, положили при ногахъ Морозовой и Урусовой, били въ пять плетей немилостиво, въ двѣ перемѣны, первое по хребту, второе—по чреву. Думный дьякъ примолвилъ при этомъ боярынямъ: если и вы не покаетесь, и вамъ тоже будетъ. Морозова, видя безчеловѣчіе и многія раны на Маріи, и кровь текущую, прослезилась и сказала дьяку: это ли христіанство, чтобы такъ человѣка мучить! [1] Наконецъ въ десятомъ часу ночи развели ихъ по своимъ мѣстамъ.

На утро „сотвори царь сидѣніе думати о нихъ", а на Болотѣ срубъ поставили, потому что въ Думѣ предлагали Морозову предати сожженію, да бояре не потянули; а Долгорукій малыми словами, да многое у нихъ пресѣкъ. Между тѣмъ боярыня готовилась уже къ смерти, три дня не ѣла хлѣба и воды не пила. А мати Меланія на Болотѣ у сруба была и пришедъ въ тотъ же день къ боярынѣ, цѣловала язвы рукъ ея и говорила: „уже и домъ тебѣ готовъ, вельми добре и чинно устроенъ и соломою цѣлыми снопами уставленъ; уже отходишь ты къ желаемому Христу, а насъ сиротами оставляешь"! Морозова благословилась у ней. Мать съ рыданіями ушла отъ нея и направилась къ Урусовой. Тамъ, у окна, стоя, смотря на княгиню и обливаясь слезами, она причитала: „гостьи вы у насъ любез-

[1] Сказатель житія, между прочимъ, присовокупляетъ: Марія же по престатіи біенія, полотенцо, водя по спинѣ своей, все смочила кровію и посла Іоаннову своему (мужу). Въ третій же день со спины струпіе веліе спадоша, яко чешуя и просиша у нея мученицы и не хотѣ дати за смиреніе; послѣдиже, принуждена, даде имъ и прочимъ.,,

ныя! нынче или завтра вы пойдете ко Владыцѣ; но обаче идите симъ путемъ, не сомнѣваясь. Когда предстанете престолу Вседержителя, не забудьте и о насъ въ скорбяхъ нашихъ". Но мы видѣли, что сожженіе, если оно и въ дѣйствительности предполагалось, не должно было совершиться, потому что бояре не потянули.

Черезъ три дня послѣ пытки царь присылалъ будто бы къ Морозовой стрѣлецкаго голову съ такими словами: „Мати праведная Ѳедосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина мученица! прошу тебя я самъ, послушай совѣта моего: хочу я тебя въ прежнюю твою честь возвести; дай мнѣ такое приличіе, ради людей; чтобъ видѣли, что не даромъ тебя взялъ, — не крестися тремя персты, но только, руку показавъ, поднеси на три тѣ перста. Мати праведная Ѳедосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина мученица! Послушай, я пришлю за тобою каптану свою царскую (возокъ) и съ аргамаками своими, и придутъ многіе бояре и понесутъ тебя на головахъ своихъ. Послушай мати праведная! Я самъ царь кланяюся главою моею, сдѣлай это".

Конечно такое посольство есть чистая выдумка, но оно-то и показываетъ, что со стороны государя и властей употреблены были на самомъ дѣлѣ всѣ мягкія и кроткія мѣры, чтобы убѣдить Морозову и вывести ее изъ заблужденія. Однакожъ ничто не дѣйствовало и она постоянно отвергала всѣ предложенія покинуть свое безуміе. На счетъ каптаны и аргамаковъ она отвѣтила: „Поистинѣ эта честь мнѣ не велика. Было все это и мимо прошло, ѣзживала въ каптанахъ и въ каретахъ, на аргамакахъ и бахматахъ.... Вотъ, что для меня велико и поистинѣ дивно: — если сподоблюсь огнемъ сожженія, въ приготовленномъ вами срубѣ на Болотѣ. Это мнѣ преславно, ибо этой чести никогда еще не испытала...."

Ее перевезли въ Новодѣвичь монастырь, подальше отъ города, чтобы отлучить ее отъ своихъ, и велѣли держать подъ крѣпкимъ началомъ и влачить къ церковнымъ службамъ. Въ этомъ случаѣ, подобно Урусовой, и боярыня веліе мужество показала и привлекала многихъ къ зрѣлищу своего терпѣнія.

Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ повторились тѣже сцены, что и въ Алексѣевскомъ. И сюда пріѣзжало любопытствовать, подъ видомъ мольбы, такое множество вельможныхъ женъ, что монастырь бывалъ заставленъ рыдванами и каретами. А кто былъ надобенъ и любезенъ Морозовой, изъ своихъ, и здѣсь нашелъ

къ ней прямую свободную дорогу: прихождаху къ ней и утѣшаху страдальческое ея сердце.

Вскорѣ однакожъ, чтобы и здѣсь прекратить вельможные пріѣзды, царь повелѣлъ перевести ее снова въ Москву, въ слободу Хамовники, къ старостѣ на дворъ; а тотъ ей обрадовался радостію великою, потому что, вѣроятно, былъ такой же ревнитель древняго благочестія. И наставница Меланія, и служительница Елена сюда ходили еще свободнѣе и ликовали сообща, со многими слезами.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что единомышленники Морозовой не переставали дѣйствовать за нее и во дворцѣ. Для нихъ очень важно было, если она, такая сановитая и извѣстная особа, запечатлѣетъ мученическою публичной смертію, каково напр. сожженіе въ срубѣ, свою преданность „старому православію" древнему благочестію; не менѣе важно было и то, если она останется, хотя бы и опальною, но все таки знатною боярынею, которая такъ твердо стоитъ за это благочестіе. Тогда въ ея лицѣ и ея связями они всегда находили бы себѣ необходимую поддержку. Возвратить Морозовой ея старое положеніе, при дворцѣ и въ обществѣ, съ сохраненіемъ всего смысла ея новой роли, было, какъ можно полагать, не малою заботою всѣхъ ревнителей упомянутаго благочестія. Ихъ ходотайства проникли наконецъ въ теремъ царевенъ. Старшая сестра царя Алексѣя, царевна Ирина Михаиловна, начала по праву старшей сестры *дятьчить* царю о Морозовой. „Зачѣмъ, братецъ, не въ лѣпоту творишь, говорила она, и вдову эту бѣдную помыкаешь съ мѣста на мѣсто. Не хорошо, братецъ. Достойно было попомнить службу Борисову и брата его Глѣба (бояръ Морозовыхъ)". Онъ же, зарыча гнѣвомъ великимъ, отвѣтилъ: „добро, сестрица, добро. Коли ты дятьчишь объ ней, тотчасъ, тотчасъ, готово у меня ей мѣсто". Хорошо понимая, вѣроятно, въ чемъ дѣло, онъ повелѣлъ перевести страдалицу въ Боровскъ въ жестокое заточенье. Ее посадили тамъ въ острогъ, въ земляную тюрьму. Но и здѣсь она встрѣтила одну изъ своихъ, инокиню Іустину, за тоже страдавшую. Вскорѣ потомъ въ эту же тюрьму перевели и княгиню Урусову и Марью Данилову — и бысть имъ всѣмъ совершенная радость, которая могла поддерживаться еще и тѣмъ, что и въ этомъ жестокомъ заключеніи, они все таки постоянно сообщались съ своими. Мужъ Даниловой, Акинфъ помогалъ имъ тѣмъ, что стрѣлецкихъ сотниковъ, которые отправлялись изъ

Москвы ихъ караулить, онъ зазывалъ прежде въ свой домъ и ухлѣбливалъ (и угощеніемъ и дарами), чтобы не свирѣпы были; кромѣ того онъ посылывалъ въ Боровскъ своего племянника Родіона, который въ темницѣ бывалъ множицею. И другіе многіе тамъ бывали, какъ напр. Елена. И наставница Меланія не однажды посѣтила заключенныхъ. Сюда явилось къ нимъ и новое посланіе Аввакума, написанное даже по образцу посланій апостольскихъ. Изобразивъ преждебывшее красное, но тлѣнное житіе боярыни, онъ останавливается съ новыми восхваленіями на настоящемъ ея подвигѣ, превозноситъ ихъ терпѣніе на пыткѣ: „Что воздамъ вамъ, земніи ангели, небесніи человѣцы?" снова называетъ ихъ выспренными именами, святыми, блаженными мученицами, исповѣдницами, столпами непоколебимыми, каменіями драгими: акинфомъ, измарагдомъ, аспидомъ; трисіятельнымъ солнцемъ, немерцающими звѣздами и т. п., и заключаетъ: „ну, госпожи моя свѣты! Запечатлѣемъ мы кровію своею нашу православную христіанскую вѣру со Христомъ Богомъ нашимъ, Ему же слава во вѣки. Аминь".

Вскорѣ лукавый позавидовалъ; начальники узнали обо всемъ и прислали указъ розыскать: кто къ нимъ ходитъ и какъ доходятъ. Памфила нѣкоего, боровитина, пытали, спрашивали гдѣ Родіонъ, а Памфилъ ничего не открылъ. Однажды лежа, а крови его текуще, онъ говорилъ своей женѣ: „Агриппина! Теперь хорошо стало, свободно, отнеси свѣтамъ тѣмъ поскорѣе лука печенаго рѣшето". Вотъ какія были его вины. Памфила и съ женою послѣ сослали въ Смоленскъ.

Между тѣмъ Родіонъ съ стрѣлецкими сотниками не переставалъ помогать узницамъ, доставляя случаи видѣться съ своими. Часто онѣ тосковали по наставницѣ. Морозова, чувствуя скорый конецъ своему подвигу, писала къ ней: „умилосердися, посѣти въ останошное (время)!" Просила ее взять съ собою и большаго брата, который составилъ и сказаніе о ея жизни.

Это было 11 генв. Они пришли въ 3 часъ ночи. Съ несказанною радостію встрѣтила ихъ Морозова, называла по этому случаю тюрьму свою „пресвѣтлою темницею", а наставницу именовала равноапостольною и апостоломъ. Говорила: „зачѣмъ свѣтъ мой, насъ птенцовъ своихъ надолго не посѣщаешь; невозможно намъ безъ твоего наказанія жизнь свою добре правити!" и лобызала ея руку. Бесѣдовали онѣ съ нею всю ту ночь. На разсвѣтѣ братъ большой и Родіонъ ушли, а Меланія с-

Еленою остались на весь день. На другой вечеръ мужчинъ опять долженъ былъ провести къ нимъ сотникъ; но сотникъ не пришелъ; это ихъ обезпокоило, однако въ полночь они нашли возможнымъ явиться въ тюрьму, гдѣ на прощаньи учительница сказывала поученіе. На этотъ разъ она дѣлала за что-то имъ упреки, просила исправиться; какія-то узы брани бѣсовской ихъ связали. Быть можетъ онѣ слабѣли уже въ своей настойчивости и помышляли о возвращеніи къ своему прежнему положенію. „Если не освободитесь отъ этихъ узъ, окончила наставница, то не помогутъ вамъ и ваши желѣзныя узы". Когда говорила имъ наставница, Морозова держала ея лѣвую руку, а Урусова правую, и, плача, онѣ непрестанно лобызали эти руки. Видя все это, самъ сказатель житія дивился ихъ разуму, особенно любви и терпѣнію боярыни Морозовой, какъ она смирялась, слушая поученіе; а *не повинна ни в чемъ же*, прибавляетъ онъ въ заключеніе.

Такъ прошла зима. Но въ Москвѣ узнали это послабленіе стрѣлецкаго караула: воскури дьяволъ бурю велію. На Ѳоминой недѣлѣ былъ внезапно присланъ подьячій Павелъ. Съ великою свирѣпостію придя въ темницу, онъ обобралъ все у заключенныхъ, всякія потребы: и брашно-снѣдно, самое скудное, лишнія одежды, малыя книжицы, самыя иконы, писаны на малыхъ дскахъ, — все отнялъ. Былъ большой розыскъ между стрѣльцами о томъ, кто носилъ въ тюрьму потребное, кто допускалъ приходящихъ. Иные повинились, что и сами носили и приходящихъ пускали. И были сотникамъ бѣды великія. О Петровѣ дни былъ присланъ разыскивать дьякъ Кузмищевъ, который Іустину сжегъ въ срубѣ; а для боярынь устроилъ новую темницу, выкопавши ее въ землѣ еще глубже первой; Марью же Данилову перевелъ въ тюрьму, гдѣ злодѣи сидятъ.

Съ этого времени прерваны были ихъ сношенія съ единомышленниками и заключеніе ихъ въ дѣйствительности стало лютымъ и жестокимъ.

Онп сидѣли въ глубокой темницѣ, во тьмѣ несвѣтимой; страдали отъ задухи земныя; отъ спершагося земнаго пару дѣлалась имъ тошнота; сорочекъ ни перемѣнять, ни мыть было нельзя; въ верхней худой одеждѣ, которую нельзя было скидать отъ холода, развелось множество насѣкомыхъ, недававшихъ имъ ни днемъ покою, ни ночью сна. Не оставлено было имъ даже и четокъ или лествицъ, взамѣнъ которыхъ онѣ навязали 50 уз-

ловъ изъ тряпицъ и по тѣмъ узламъ, обѣ на перемѣнахъ, совершали свои изустныя молитвы. Давали имъ только пищу, "премудрости учительницу, сирѣчь зѣло малу и скудну": когда сухариков пять-шесть дадутъ, тогда воды не даютъ, пить; а когда пить дадутъ, тогда ѣсть не спрашивай.... Иногда яблоко одно или два подадутъ, иногда огурчиковъ малую часть;—но это дѣлали уже изъ жалости стрѣльцы, да и то тихонько другъ отъ друга.

Среди такихъ лишеній княгиня черезъ два съ половиною мѣсяца скончалась. Отъ великаго голода она совсѣмъ ослабѣла; не могла ни цѣпи носить, ни стула цѣпнаго двинуть; стоя, не въ силахъ была молиться и молилась, лежа или сидя. Предъ смертью она просила сестру отпустить ее по закону христіанскому. „Отпой мнѣ отходную: что ты знаешь, ты говори, а что я припомню, то я сама проговорю". И обѣ онп служили отходную одна надъ другой; мученица надъ мученицею, въ темной темницѣ, отпѣвала канонъ; узница надъ узницею изроняла слезы, одна въ цѣпи, возлежа и стоняше, другая въ цѣпи предстоя и рыдаше.

Въ Москвѣ думали, что со смертію сестры, Морозова, быть можетъ, оставитъ свое безуміе и возвратиться на путь истины. Съ этою мыслью послали къ ней инока—старца, увѣщевать ее. „Доблестный же адамантъ", услышавъ намѣреніе инока, покачала головою и глубоко вздохнувъ, сказала ему: „о глубокое неразуміе, о великое помраченіе! какъ вы не поймете этого: когда я и въ дому своемъ была, живши во всякомъ покоѣ, и тогда не хотѣла пристать къ вашей лжи и нечестію, держалась крѣпко православія; не пожалѣла не только имѣнія, но не устрашилась пойдти и на страданіе о имени Господнѣ. Потомъ и въ началѣ моего подвига, когда меня заковали и многое уничиженіе мнѣ показывали, я не отступала. Нынѣ ли, когда я вкусила столько сладкихъ подвиговъ, хотите меня отлучить отъ добраго и прекраснаго моего Владыки. Уже 4 года ношу эти желѣза, и радуюсь, и не перестаю лобызать эту цѣпь, поминая Павловы узы. Вслѣдъ за моей возлюбленной сестрой, я и сама готовлюсь скоро отойдти туда. Отложите всю надежду отлучить меня отъ Христа. И не говорите мнѣ объ этомъ. Я готова умереть о имени Господни".

Старецъ будто бы умилился и прослезился, назвалъ ихъ дѣло блаженнымъ и просилъ, чтобы она „потщилась началу конецъ повершить". На мѣсто умершей сестры къ ней перевели

арью Даниловну. Послѣ того стала изнемогать и Ѳедосья Про-
опьевна. Предъ концомъ призвала она одного изъ стрѣльцовъ
вачала ему говорить: есть ли у тебя отецъ и мать? живы они
ли умерли? если живы, помолимся объ нихъ; если умерли, по-
янемъ ихъ. Умилосердись, рабъ Христовъ! Очень изнемогла я
тъ голода и хочу ѣсть. Помилуй меня, дай мнѣ калачика.—
оюсь госпожа, отвѣтилъ воинъ.—Ну, хлѣбца.—Не смѣю.—Ну
ало сухариковъ.—Не смѣю.—Ну принеси мнѣ яблоко или огур-
иковъ.—Не смѣю, былъ отвѣтъ.
И сказала она: добро, чадо! Благословенъ Богъ нашъ, изво-
ивый тако! Если невозможно тебѣ это, то, прошу тебя, сот-
ори послѣднюю любовь: убогое это тѣло мое покройте рогож-
ю и положите меня подлѣ сестры, неразлучно.
Напослѣдокъ, чувствуя уже приближеніе своей смерти, она
просила воина вымыть ей грязную сорочку, сказавши: „вотъ
очетъ Господь взять меня отъ этой жизни! Не подобаетъ мнѣ,
тобы это тѣло въ нечистой одеждѣ легло въ нѣдрахъ своей
атери земли". Скрывъ подъ полою, воинъ снесъ сорочку на
ѣку и тамъ, моя водою это малое платне, лице же свое сле-
ами омывалъ, помышляя о прежнемъ величествѣ боярыни и
теперешней ея нуждѣ, какъ Христа ради терпитъ, а къ не-
естію приступить не хочетъ и для того умираетъ. А всѣмъ
ыло извѣстно, что еслибы хотя мало съ ними сообщилась, то
ольше прежняго была бы прославлена!
Съ перваго на второе число ноября Морозова тихо сконча-
ась въ своей темницѣ. Въ ту самую ночь мать Меланія, нахо-
ившаяся гдѣ то въ пустынѣ, видѣла Ѳедосью Прокопьевну во
нѣ, облеченную въ схиму и въ кукуль, зѣло чуденъ, и сама
на была свѣтла и радостна и въ веселости красовалась въ ку-
улѣ, озирая, всюду и руками водя по одеждамъ, удивляясь
расотѣ своихъ ризъ. Непрестанно она лобызала образъ Спа-
овъ, стоявшій близъ ея и цѣловала кресты на схимѣ...
Покойницу по ея завѣщанію схоронили подлѣ сестры, обвивъ
ѣло въ рогожу. Чрезъ мѣсяцъ скончалась и Марья Данило-
а. До сихъ еще поръ памятно народу ихъ дѣло.
„П. М. Строевъ, посѣтившій Боровскъ въ 1820 году, видѣлъ
а городищѣ у острога камень, къ которому Боровскіе жители
мѣютъ особенное почтеніе, даже кланяются ему до земли [1],

[1] А мы слыхали, что служивали надъ нимъ иногда и панихиды.

разсказывая, что подъ нимъ погребены двѣ княжны, сожженныя татарами. Строевъ прочелъ надъ нимъ слѣдующую надпись, почти изгладившуюся: Лѣта 7.... погребены на семъ мѣстѣ сентября въ 11 день боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокія Прокопьевна, да ноября во 2 день боярина..... жена...... Морозова боярыня Өедосья Прокопьевна, а въ инокахъ инока-схимница Өеодора; а дщери окольничаго Прокофья Өедоровича Соковнина. А сію цку положили на сестрахъ своихъ родныхъ бояринъ Өедоръ Прокофьевичь, да окольничей Алексѣй Прокофьевичь Соковнины [1].

Таковъ былъ подвигъ боярыни, таковъ былъ желанный путь жизни не для одной Морозовой и не для одного этого вѣка. Мы видѣли подлѣ самой Морозовой цѣлую группу женщинъ, идущихъ по тому же пути. Правда, что вслѣдствіе разныхъ смутныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ смутными же задачами самаго вѣка, всѣ онѣ сбились съ прямой дороги, пошли криво, совершенно заблудились, но за то ихъ личные идеалы, которымъ они несли себя на жертву, были удовлетворены вполнѣ, ихъ мужество доведено было до конца. Въ этомъ онѣ нисколько не отстали отъ своихъ прабабокъ перваго, еще языческаго вѣка, богатырскіе идеалы которыхъ устремляли женскую личность въ битву съ врагами, гдѣ точно также она мужественно погибала, вызывая удивленіе самыхъ враговъ. Такимъ образомъ, въ теченіи вѣковъ, мужество, богатырское самоотверженіе не угасало въ русской женщинѣ; только византійская культура понятій направила эту нравственную силу на иной путь. Вообще должно замѣтить, что подвигъ и судьба боярыни Морозовой не были созданіемъ этой самой личности, они были, какъ самый расколъ, созданіемъ всего хода внутренней сокровенной исторіи народа плодомъ умственной и нравственной его культуры, выраженіемъ крайняго стѣсненія и помраченія ума авторитетомъ пустой святости. Это былъ весьма послѣдовательный и положительный, въ высшей степени образный, исходъ тѣхъ началъ жизни, которыя вѣками утверждались и укрѣплялись ученіями Домостроевъ.

---

[1] Устрялова: Исторія Царств. Петра В. I. 283. Өед. Пр. Соковнинъ пожалованъ въ бояре, а братъ его въ окольничіе, въ 1682, г. слѣд. камень положенъ не раньше этого года.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличается подвигъ Софьи—царевны. Но не должно думать, что ея подвигъ пролагалъ какой либо новый путь жизни, открывалъ новую силу развитія. Напротивъ, онъ воплощалъ въ себѣ тѣже византійскія начала жизни, служилъ тѣмъ же византійскимъ идеаламъ, только въ другой сферѣ.

Время Софьи на самомъ дѣлѣ было византійскимъ временемъ въ нашей исторіи. Къ концу XVII ст. Московскій Дворъ на самомъ дѣлѣ представилъ зрѣлище Двора Византійскаго, а Москва уподобилась Константинополю, въ вѣка его общественныхъ и политическихъ смутъ. Тогда и въ Москвѣ въ богатыхъ хоромахъ и въ бѣдныхъ избахъ, на улицахъ и площадяхъ, по всѣмъ стогнамъ града, раздавались горячіе толки и споры, сужденія и разсужденія о томъ, какъ вѣровать, какъ спасти себя; толковали и спорили о правой вѣрѣ, о старомъ благочестіи и о новомъ нечестіи; о томъ, какъ складывать персты, сколько разъ говорить аллилуія, сколько просфоръ употреблять въ служеніи, сколько концовъ должно имѣть изображеніе креста, какъ писать имя Іисусъ, каковы должны быть архіерейскіе клобуки и жезлы, какъ должно звонить на колокольняхъ и т. д. Доходили и до превыспреннихъ вопросовъ: начали даже св. Троицу четверить, отдѣляя особый престолъ, четвертый, для Спасителя. И точно также, какъ въ Византіи, повсюду слышались ярыя анаѳемы другъ другу. „Что се Господи будетъ! восклицали иные въ недоумѣніи. Тамъ на Москвѣ клятвы всѣ власти налагаютъ на меня за старую вѣру.... И здѣсь у насъ между собою стали клятвы, и свои други меня проклинаютъ, за несогласіе съ ними въ вѣрѣ же....“ [1]

Современникъ этой эпохи Симеонъ Полоцкій говоритъ между прочимъ: „не тако ли у насъ нынѣ дѣется: нынѣ разглагольствуютъ о богословіи мужіе, разглагольствуютъ и отроки, бесѣдуютъ въ лѣсахъ дивіи человѣцы, препираются на торжищахъ скотопродатели, да не скажу въ корчемницахъ пьяные. Напослѣдокъ и буія женишща (женщины) словопрѣніе дѣютъ безумное, мужемъ своимъ и церкви пререкающе....“ [2]

Въ царскомъ дворцѣ копошились подземныя, тайныя козни, интриги, поднимались мгновенно и мгновенно падали и погибали люди; неистовствовали стрѣльцы въ самыхъ внутреннихъ

---

[1] Дьяконъ Ѳедоръ въ письмѣ противъ Аввакума.
[2] Вечеря душевная, Приб. л. 5—7.

комнатахъ Дворца, совершая убійства у самаго его крыльца; неистовствовали ревнители стараго благочестія въ самой Грановитой Палатѣ, ведя съ патріархомъ торжественный публичный споръ о вѣрѣ, въ присутствіи царицы и царевенъ.... Словомъ сказать, въ это время византійская идея торжествовала въ Москвѣ со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ видахъ.

Къ довершенію изумительнаго подобія съ Византіей и въ Москвѣ въ образѣ царя является постница-дѣвица. и тутъ же съ нею является цѣлый рядъ дѣлъ и событій, съ полнѣйшимъ отпечаткомъ своихъ византійскихъ первообразовъ.

Византійская культура понятій и здѣсь выростила свой плодъ, царевну Софью, которая по идеалу византійскихъ женщинъ смѣлою рукою взялась дѣлать царское дѣло.

У царя Алексѣя Михайловича осталось большое семейство: три сестры, потомъ два сына и шесть дочерей отъ первой супруги, сынъ и двѣ дочери отъ второй, которая осталась вдовою. Въ сущности, вся эта семья распадалась на два рода, по происхожденію царицъ. Старшее племя принадлежало роду Милославскихъ, младшее—роду Нарышкиныхъ. Старшее племя было сильнѣе и по своему составу, и по возрасту лицъ. и по числу, и по характеру приближенныхъ людей, обыкновенно все царскихъ родственниковъ, а также родственниковъ этимъ родственникамъ и т. д. Младшее племя было слабѣе, потому что по молодости положенія не успѣло еще пустить во дворцѣ и государствѣ такихъ широкихъ и глубокихъ корней, связей, на какихъ давно уже держался родъ Милославскихъ. На сторонѣ Милославскихъ кромѣ того, было право старшинства; наслѣдниками престола являлись двое сыновей Милославской, старшихъ по возрасту Өедоръ и Иванъ. Но и тотъ и другой были слабы здоровьемъ а Иванъ былъ слабъ и умомъ. Такимъ образомъ право родового старшинства должно было уступить праву государственныхъ интересовъ и наслѣдіе престола по необходимости клонилось на сторону Нарышкиныхъ, на сторону здороваго и умнаго ребенка, царевича Петра, у котораго къ тому же была жива и мать—царица Наталья, по смыслу своего положенія всетаки старшая во всей царской оставшейся семьѣ, старшая своимъ царственнымъ вдовствомъ, не только въ своемъ, но и въ другомъ, чужомъ родѣ.

Къ несчастью это именно обстоятельство и послужило сѣменемъ нескончаемой вражды и ненависти между двумя родами

Для Милославскихъ царица Наталья Кириловна была уже тѣмъ ненавистна, что она была имъ мачиха, а мачиха въ родовомъ быту по естественной причинѣ всегда становилась какъ бы поперегъ дороги для дѣтей и родичей первой жены, всегда вносила остуду въ любовь отца къ старой семьѣ, по той причинѣ, что являлась представителемъ и естественнымъ покровителемъ своей новой семьи. Здѣсь къ источнику одной нераздѣльной семейной любви сходились два другъ другу чуждыхъ рода, которые вѣчно и боролись за свое право стоять ближе къ этому источнику. Около царскаго престола такимъ образомъ собралось въ это время достаточно обоюдной вражды и ненависти. Всталъ родъ на родъ и начались усобицы. По законному порядку царское наслѣдство получилъ старшій изъ сыновей Өедоръ Милославскихъ. Подземныя, иначе невидимыя силы дворскихъ интригъ тотчасъ и обнаружили свое дѣйствіе. Нарышкины подверглись гоненію, отъ нихъ отнятъ былъ самый сильный человѣкъ изъ родственниковъ, бояринъ Матвѣевъ. Царицу и съ малолѣтнымъ царевичемъ намѣревались даже совсѣмъ выселить изъ Кремля, т. е. изъ государева дворца.

Само собою разумѣется, что Өедоръ упразднилъ бы значеніе и вліяніе и того и другаго рода, если бы царствовалъ долго, ибо въ такомъ случаѣ родъ его царицы, новый родъ, постепенно вытѣснилъ бы прежнихъ старыхъ дворскихъ родичей. Но онъ, какъ мы сказали, былъ слабъ здоровьемъ и умеръ преждевременно, оставивъ 15-лѣтнюю вдову, царицу Марөу Апраксиныхъ.

Наслѣдство по порядку старшинства должно было перейдти къ царевичу Ивану Милославскихъ, слабому и здоровьемъ, и умомъ. Тогда уже не родъ Нарышкиныхъ, въ это время безсильный, а здравый разумъ боярства и дворянства опредѣлилъ быть на царствѣ царевичу Петру, а не Ивану, тѣмъ болѣе, что и самъ болѣзненный Иванъ съ охотою отказался царствовать.

Все это было обдумано, конечно, не въ тотъ одинъ часъ, когда скончался царь Өедоръ. Объ этомъ думали и гадали еще при его жизни, видя безнадежное его положеніе. Но такъ думала одна сторона, держа въ умѣ вмѣстѣ съ личными и общія выгоды царства; другая сторона, родъ Милославскихъ думалъ иначе и также, предугадывая событія, готовился заранѣе защищать свои выгоды и права.

Старшее племя гораздо сильнѣе чувствовало оскорбленіе, когда перевѣсъ падалъ на сторону младшаго племени. На то

оно и было старшимъ, чтобы владычествовать во дворѣ отца; а между тѣмъ владычество силою обстоятельствъ готово было ускользнуть изъ его рукъ. Требовалось употребить послѣднія усилія, чтобы спасти царствующее положеніе своего рода.

Но какая же рука могла взяться за это дѣло. Мужской руки не было, царевичь Иванъ былъ неспособенъ; а женской и главное дѣвичьей рукѣ, ибо на лицо оставались только дѣвичьи руки, было совсѣмъ не прилично, да и не только не прилично, но и ни съ чѣмъ не сообразно браться за такое мужественное, великое государственное дѣло. Это было бы нарушеніемъ всѣхъ старыхъ, отъ вѣка строго чтимыхъ домостроевъ и уставовъ жизни, это было бы несказаннымъ стыдомъ и посрамленіемъ и жизни, и самаго этого дѣла. Словомъ сказать, такой подвигъ противорѣчилъ всему умоначертанію древняго русскаго быта. И однакоже именно такой подвигъ совершился. Дѣвичья рука безъ дѣвичьей застѣнчивости и безъ малѣйшаго дѣвичьяго стыда взялась за дѣло и крѣпко его держала нѣсколько лѣтъ.

При неспособномъ и постоянно больномъ братѣ, умныя сестры, по необходимости, должны были заступать его мѣсто, поддерживать его значеніе и вліяніе на дѣла. Если братъ по природной неспособности, вовсе не могъ держать себя царемъ, то вѣдь онъ былъ не одинъ: за нимъ стоялъ цѣлый легіонъ царедворцевъ, ласковцевъ, милостивцевъ его рода, которые теряли и пріобрѣтали съ нимъ вмѣстѣ, неразлучно и неразрывно. Для этихъ ласковцевъ нужна была опора. Они должны были непремѣнно найдти, создать для себя эту опору изъ тѣхъ, конечно, матеріаловъ, какіе оказывались налицо. А налицо были родныя, единоутробныя сестры неспособнаго царя, цвѣтущія возрастомъ и здоровьемъ. Около нихъ и должно было сосредоточиться все то, что нуждалось въ опорѣ; въ ихъ-то теремѣ и должна была утвердиться эта опора. Въ самомъ дѣлѣ, къ кому было обращаться за покровительствомъ, за помощью: за кого можно было спрятаться въ опасномъ случаѣ; чьимъ именемъ можно было защищать себя или прокладывать себѣ выгодную дорогу; кто дѣйствительно способенъ былъ защитить гнѣздо Милославскихъ отъ всякихъ дворскихъ невзгодъ. Такимъ образомъ теремъ сестеръ-царевенъ самъ собою постепенно сталъ пріобрѣтать значеніе силы, сталъ пріобрѣтать политическое значеніе въ государствѣ, чего никогда не бывало и никогда не могло быть въ обыкновенное время, о чемъ невозможно было

и подумать, о чемъ никогда не могли думать и сами царевны. Но такова сила историческихъ обстоятельствъ. Они дѣлаютъ иной разъ чудеса. Государственная смута выдвигаетъ впередъ, на первое мѣсто именно то, что такъ заботливо и попечительно, съ такими авторитетными поученіями цѣлые вѣка пряталось назади, подальше отъ людскихъ глазъ. Государственная смута выдвигаетъ впередъ, на первое мѣсто, запрятанный въ глубинѣ двора дѣвичій теремъ, даетъ ему небывалый политическій смыслъ, успѣваетъ водворить этотъ смыслъ въ дѣвичьемъ умѣ, въ томъ именно умѣ, который никогда и ни въ какомъ случаѣ и не признавался за умъ, которому внимать было стыдомъ и посрамленіемъ для всякаго мужчины, т. е. для ума настоящего. „Да что на тебя дивить? У бабы волосы долги, да умъ коротокъ!“ писалъ Аввакумъ къ своей возлюбленной ученицѣ боярынѣ Морозовой. И вдругъ этотъ короткій умъ становится умомъ цѣлаго событія, нѣсколькихъ событій, умомъ всего государства. Какъ же не подивиться этому! Государственная смута создаетъ дѣвичьему терему положеніе, о какомъ никогда не могли мечтать всѣ Аввакумы нашей старины. И теремъ самъ чувствуетъ, что такое положеніе ему по плечу, что достаетъ у него силы удержать за собою это положеніе. Словомъ сказать, дѣвичій теремъ какъ бы въ отмщеніе за свое удаленіе отъ живой жизни перемудряетъ мудрость цѣлыхъ вѣковъ, выступаетъ на сцену исторіи и мутитъ царствомъ; производитъ въ государевомъ дворѣ революцію, становится заводчикомъ неслыханнаго кровопролитія и въ 1682 г. во время стрѣлецкой казни бояръ, и въ 1698 г. во время царской и боярской казни стрѣльцовъ.

Въ теремѣ дочерей царя Алексѣя было шесть дѣвицъ, уже возрастныхъ, стало быть способныхъ придавать своему терему разумное и почтительное значеніе. Въ годъ смерти ихъ брата, царя Ѳедора, когда теремъ явно выступилъ впередъ, старшей царевнѣ Евдокѣи было уже 32 года, младшей Ѳеодосіи 19 лѣтъ. Средній возрастъ принадлежалъ, по порядку старшинства, третьей царевнѣ Софьѣ; ей было около 25 лѣтъ. Второй по старшинству—Марѳѣ было 29 лѣтъ, четвертой—Екатеринѣ 23 года, пятой—Марьѣ 22 года. Все такія лѣта, которыя полны юношеской жизни, юношеской жажды. Естественно было встрѣтить въ эти лѣта и юношескую отвагу, готовность вырваться изъ клѣтки на свободу, если не полную готовность, то неудержимую мечту о томъ, что жизнь на волѣ была бы лучше

монастырской жизни въ теремѣ. Вѣдь жили же люди свободно, такіе же православные, такія же дѣвы, на пр. въ древнемъ Цареградѣ; такія же дѣвы управляли тамъ государствомъ. Сестры-царевны это знали. Онѣ не могли этого не знать, потому что весь кругъ ихъ познаній, ихъ начитанности заключался именно только въ знакомствѣ съ византійскою исторіею и литературою. Уставъ каждодневной жизни требовалъ чтенія, какъ душеполезнаго подвига. Кромѣ поученій на каждый день, онѣ читали *житія*; и конечно житія св. женъ были для нихъ несравненно и назидательнѣе, и любопытнѣе другихъ житій. Здѣсь онѣ знакомились не только съ иноческими идеалами, но и вообще съ условіями, мотивами, формами, порядками и событіями византійской жизни. Въ это время онѣ должны были особенно хорошо знать византійскую исторію, ибо въ мірѣ двигался расколъ, шли непрестанные толки и споры о вѣрѣ, которые очень часто утверждали свои положенія на этой исторіи. На каждомъ шагу приходилось если не читать, то слышать о томъ или другомъ событіи этой исторіи, о той или другой исторической личности. Припомнимъ, что въ 1682 г. царевны сами ходили разсуждать съ раскольниками о дѣлахъ вѣры въ Грановитую Палату. Знакомые терему люди, въ числѣ которыхъ находился, напр. такой знатокъ тогдашней книжности, какъ Сильвестръ Медвѣдевъ, не говоря уже о его учителѣ, Симеонѣ Полоцкомъ, который, какъ увидимъ ниже, едва ли не былъ главнымъ просвѣтителемъ терема,—всегда съ рабολѣпіемъ готовы были и указать и разсказать все то, что было нужно, или что возбуждало особое любопытство. Съ большою вѣроятностью возможно полагать, что теремъ часто разсуждалъ о томъ, какъ живали и что дѣлывали когда-то въ Цареградѣ тамошніе цари и царицы. Подражаніе Цареграду обнаруживалось во многомъ. Отецъ царевенъ Алексѣй Михайловичь, даже въ украшеніяхъ своего дворца прямо бралъ за образецъ дворецъ Цареградскій: и у него также, какъ у тамошнихъ царей, по сторонамъ трона, лежали рыкающіе львы [1]. Все это было, конечно, вычитано въ *царственныхъ* историческихъ книгахъ. Немудрено что подражая формамъ быта, подражали и византійскимъ поступкамъ, тѣмъ болѣе, что вся культура знанія или образованности шла оттудаже, вся выработка мысли и даже воображенія была построена по

[1] Дом. бытъ царей т. I, глава II.

византійскимъ началамъ. Къ этому приводила вся наша старая книжность, чтеніе и ученіе.

Византійская литература и исторія воспитывала умы, оправдывая или обличая поступки и подвиги своими примѣрами, направляя самую жизнь къ своимъ идеаламъ. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ справлялись съ нею, какъ съ мудрою совѣтницею. Такимъ образомъ умы терема были по необходимости исполнены понятій и идеаловъ византійскихъ. При жизни отца, въ теремѣ, конечно, господствовали одни только постническіе идеалы. Тѣже идеалы остались бы господствующими и при жизни брата, т. е. до конца, еслибъ этотъ братъ, царь Ѳедоръ, обладалъ прочнымъ здоровьемъ; былъ бы проченъ на царствѣ. Но именно болѣзненное и безнадежное состояніе его здоровья и было причиною, что идеалы терема устремились къ другимъ цѣлямъ. Болѣзнь царя подавала не малый поводъ и не однимъ царевнамъ размышлять о томъ, что будетъ съ царствомъ или вѣрнѣе, что будетъ съ людьми приближенными, къ царскому родству Милославскихъ. Болѣзнью Ѳедора почва Милославскихъ колебалась. Единымъ прибѣжищемъ оставался цвѣтущій здоровьемъ и возрастомъ теремъ. Можно съ большою основательностью думать, что въ виду такихъ обстоятельствъ еще при жизни Ѳедора по терему стала ходить византійская мысль о возможности при слабомъ и неспособномъ братѣ править государствомъ способной сестрѣ. Мысль очень смѣлая для русской жизни, но она твердо опиралась на авторитетъ той же исторіи, которая укрѣпила въ этой русской жизни и самый идеалъ терема. При томъ знакомая исторія указывала превосходный образъ для подражанія, какъ нельзя лучше подходившій ко всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, сохранявшій въ своихъ чертахъ все то, чего требовали и умъ, и нравъ, и все благочестіе вѣка. Таковъ именно былъ образъ византійской царевны Пульхеріи.

Пульхерія была дочь императора Аркадія и Евдокіи, гонительницы Іоанна Златоуста. По смерти отца она осталась съ малолѣтнимъ братомъ Ѳеодосіемъ и тремя сестрами. Въ первое время государствомъ управлялъ пѣстунъ царя-отрока, персіянинъ Антіохъ, который однакожъ по неизвѣстнымъ причинамъ вскорѣ былъ удаленъ и правительницею явилась Пульхерія, девятнадцатилѣтняя дѣвица, принявшая вмѣстѣ съ тѣмъ и титулъ Августы. Она управляла имперіею изящно, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописцы, и воспитывала брата въ благочестіи

и во всякихъ добродѣтеляхъ. Великая набожность и благочестіе были наилучшими украшеніями ея царственнаго сана.

Подражая идеаламъ иночества, она дала обѣтъ сохранить до конца дней свою дѣвственность, чему послѣдовали и ея сестры.

Царскій дворецъ такимъ образомъ сталъ уподобляться монастырю. Царевна строила церкви, богадѣльни, больницы, монастыри, опредѣляя имъ изъ царской казны пристойное и довольное содержаніе. Братъ Θеодосій, достигшій уже возраста, былъ мало способенъ къ царскимъ дѣламъ и постоянно нуждался въ опекѣ, а потому правленіе государствомъ оставалось въ рукахъ Пульхеріи почти во все время его долгаго царствованія. Она его женила на одной аѳинянкѣ Евдокіѣ. Наилучшая характеристика его царскихъ дѣлъ заключается въ слѣдующемъ анекдотѣ. Онъ имѣлъ обычай подписывать свои указы, не читавши, отъ чего, конечно, людямъ много бѣдъ бывало. Сестра много разъ вразумляла его, но напрасно. Чтобы нагляднѣе показать ему, къ чему ведетъ эта царская лѣнь и небрежность, она однажды подала ему для подписи указъ, въ которомъ царь отдавалъ сестрѣ въ рабство свою жену — царицу. Указъ, по обыкновенію, былъ подписанъ. Пульхерія взяла къ себѣ Евдокію, какъ рабу, „сребромъ купленную". Царь оскорбился и зѣло вознегодовалъ на такое насиліе сестры. Но ему былъ поданъ имъ подписанный указъ. Съ тѣхъ поръ Θеодосій оставилъ свое безуміе, говоритъ лѣтописецъ.

Вослѣдствіи интриги евнуховъ, а вмѣстѣ съ ними и самой царицы Евдокіи, успѣли поссорить брата съ правительницею и она была изгнана изъ царскихъ чертоговъ; но это продолжалось недолго. Она снова возвратилась во дворецъ и управляла царствомъ до самой кончины брата. Послѣ Θеодосія царство уже по праву долгаго правительства принадлежало ей. Но въ то время и въ Византіи еще не было обычая, чтобы женщина, а тѣмъ болѣе дѣвица, прямо заступала мѣсто и лице императора. Опасаясь нарушеніемъ этого обычая возбудить толки и неудовольствіе въ народѣ и желая однакожъ сохранить за собою царственное положеніе, Пульхерія избрала въ императоры, т. е. избрала себѣ въ мужья одного изъ бояръ, начальника императорской гвардіи, Маркіана, человѣка простаго, но весьма достойнаго, и благочестиваго. Она предложила ему императорскій санъ и свою руку подъ клятвою „соблюсти дѣвственную чистоту неосквернену". Въ то время ей было уже 54 го-

да. Такимъ образомъ до конца дней она осталась дѣвою непорочною.

Обстоятельства этой византійской исторіи во многомъ сходствовали, какъ упомянуто, съ обстоятельствами, въ которыхъ находилась въ описываемое время исторія Московская, и идеалъ царевны Пульхеріи долженъ былъ особенно привлекать умы московскихъ царевенъ, точно также посвящавшихъ дни свои благочестивымъ подвигамъ и иноческому безбрачію. Было очень много родственнаго въ положеніяхъ лицъ, отдаленныхъ другъ отъ друга слишкомъ на двѣнадцать вѣковъ. Здѣсь, на самомъ дѣлѣ, въ живыхъ подвигахъ и поступкахъ, высказывалась та великая истина, что сѣмена извѣстной умственной и нравственной культуры, въ какое бы время они не были положены въ почву народнаго развитія, рано ли, поздно ли, всегда должны выростить свои плоды. Древнерусскій и собственно московскій теремъ былъ именно такимъ плодомъ. Его сѣмена конечно жили еще въ то время, когда и русскаго имени не слышалось на землѣ. Перенесенныя вѣтромъ цивилизаціи въ эту простую, непосредственную почву, которая именовалась Русскою землею, они медленно, но неизмѣнно росли, развивались и воспроизвели жизненныя формы, во всемъ подобныя своимъ первообразамъ.

Примѣръ благочестивой Пульхеріи былъ силенъ именно по особенной нравственной чистотѣ, по особенному благочестію, какъ представлялся ея образъ лѣтописцами. Этимъ самымъ наиболѣе и оправдывалось подражаніе ему.

Когда стало всѣмъ извѣстно, что молодой царь долго непроживетъ, мысль воплотить на дѣлѣ исторію Пульхеріи должна была получить рѣшительное направленіе. Теремъ долженъ былъ показать всѣмъ, что онъ не только существуетъ, но и имѣетъ право присутствовать въ великую минуту государственнаго событія, что онъ не только членъ фамиліи, но и ревнитель государственнаго дѣла. Первый шагъ однакожъ былъ очень труденъ. Требовалась сильная и смѣлая дѣвичья рука, которая могла бы отпереть эти замкнутыя вѣками теремные замки, отворить эти заржавѣвшія теремныя двери. Теремъ былъ силенъ своею ненавистью къ мачихѣ и ко всему ея роду; онъ воспитался въ дворской подземной борьбѣ, стало быть его герои, за исключеніемъ развѣ одной только старшей сестры Евдокѣи, обладали достаточною энергіею и вовсе не походили на смиренныхъ и кроткихъ монастырокъ, что они и доказали впослѣд-

ствія. Но смѣлыя для потаенныхъ подвиговъ, онѣ робѣли всенародныхъ очей, имъ страшно было выйдти на площадь, страшно было откинуть свою постническую фату и смѣлыми глазами взглянуть прямо въ лицо міру, мірскимъ дѣламъ. Между тѣмъ въ этомъ заключался весь смыслъ перваго подвига.

Страшно было потому, что убѣжденіе стараго вѣка почитало такой подвигъ великимъ позоромъ, великимъ соблазномъ и поношеніемъ, не только для царскаго дома, но и для всей Палаты, и для всего народа. Требовалось большаго и очень хитраго ума, чтобы не уронить самое дѣло и провести его до конца, нисколько не оскорбляя общественной совѣсти. Теремъ выставилъ именно такой умъ. Герой явился въ лицѣ средней царевны Софьи.

Теремъ началъ обнаруживать свои стремленія самымъ незамѣтнымъ образомъ. Онъ выразилъ непомѣрное горе о болѣзни брата—царя и безпрестанно посылалъ спрашивать о состояніи его здоровья, присовокупляя къ этому свои скорби о томъ, что не можетъ видѣть больнаго, помогать ему, служить у его постели; что въ такое время разлука съ любимымъ братомъ очень огорчаетъ и печалитъ сестеръ и особенно Софью, сильнѣе другихъ заявлявшую о своей привязанности къ брату. Въ такое именно время и не было ни малѣйшихъ основаній отказывать желанію сестры. Это было бы безчеловѣчно. Такимъ образомъ двери терема растворяются и Софья является у постели больнаго, ходитъ за нимъ, не отлучается отъ него ни на шагъ, сама подаетъ ему всѣ лѣкарства. Такой шагъ изъ терема, по крайней мѣрѣ съ виду не только никого не могъ смущать, но и возвышалъ добродѣтели царевны. Необыкновеннаго и необычнаго въ этомъ случаѣ было только то, что царевна по необходимости являлась предъ ближними боярами и всѣми ближними людьми, которые окружали больнаго.

Предсмертная болѣзнь Өедора продолжалась недолго. 16 апрѣля 1682 г., въ день свѣтлаго Воскресенія, онъ еще совершалъ торжественный выходъ къ заутрени въ Успенскій Соборъ, а 27 числа къ вечеру его уже не стало. Погребеніе по обычаю того времени совершилось на другой же день. По такому же обычаю, принятому въ царскомъ дворцѣ, царскій гробъ всегда провожали только вдовствующая царица и государь наслѣдникъ. Остальные члены царскаго семейства прощались съ покойникомъ во дворцѣ и въ соборъ на погребеніе никогда публично

не выходили. На похоронахъ царя Алексѣя присутствовали только его сынъ Ѳедоръ, наслѣдникъ царства, (котораго при этомъ, вѣроятно за болѣзнью, несли въ креслахъ комнатные стольники) и вдова умершаго царя, царица Наталья Кириловна, которую несли въ саняхъ дворяне [1].

Точно также на погребеніи царицы, бывалъ одинъ государь и изъ сыновей „объявленный" наслѣдникъ престола. Такъ въ 1669 г. марта 3, за гробомъ царицы Марьи Ильичны шелъ только царь и царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, за годъ передъ тѣмъ всенародно объявленный наслѣдникомъ престола. Другіе царевичи Ѳедоръ и Иванъ и всѣ царевны, сестры и дочери царя, не слѣдовали за гробомъ матери и оставались въ это время въ своихъ хоромахъ.

Покрайней мѣрѣ такъ объ этомъ свидѣтельствуютъ современныя оффиціальныя разрядныя записки, вопреки словамъ Котошихина, который вообще говоритъ, что на провожаніи бывали всѣ члены царскаго семейства. Но такъ какъ это провожаніе было церемоніальнымъ всенароднымъ выходомъ, а на подобныхъ выходахъ по свидѣтельству тѣхъ же оффиціальныхъ записокъ дѣти и всѣ семейные государя никогда не являлись, и только крайній случай царской смерти давалъ мѣсто въ такой церемоніи одной вдовствующей царицѣ, о чемъ тѣ записки всегда и упоминаютъ, то слова Котошихина можно объяснить лишь тѣмъ, что онъ не разумѣлъ здѣсь выхода публичнаго, что царевны въ это время шли, какъ бы сказать, инкогнито. скрытно безъ оффиціальнаго о томъ объявленія и безъ обычной *чиновной* обстановки, какъ Котошихинъ и замѣчаетъ, что „шли всѣ вмѣстѣ, *безъ чину*—царица, царевны, боярыни, много множество народа, мужеска пола и женска, рыдающе и плачуще;" а дальше прямо говоритъ что на погребеніи царевичей и царевенъ, братьевъ и сестеръ,—царевны не бываютъ.

---

[1] Однако Рейтенфельсъ говоритъ, что за царицею, у которой лицо было закрыто и голова склонена на грудь какой-то благородной дамы,—„сзади шли въ трауръ пять царскихъ дочерей, отъ перваго брака." Въ разрядной запискѣ сказано: „А потомъ в. г. ц. и в. к. Наталію Кириловну несли въ саняхъ дворяне; а сани были обиты сукномъ чернымъ и на государынѣ царицѣ *покровъ* былъ суконной черной же. А за нею в. г. царицею шли: боярони и кравчеи и казначеи верховые и иныхъ чиновъ женскаго полу въ черномъ же платьѣ." О царевнахъ не упомянуто. Д. Р. III, 1643.

Вѣрно одно, что въ такихъ церемоніяхъ *чиновно*, оффиціально присутствовали только царь и царевичъ наслѣдникъ. Старый *чинъ* двора, чинъ всей публичной его жизни никого изъ домашняго міра не допускалъ присутствовать на этихъ выходахъ публично, открыто всему народу.

На погребеніи царя Өедора долженъ былъ присутствовать избранный въ самый часъ его кончины десятилѣтній царь, Петръ Алексѣевичъ. По необходимой причинѣ, по случаю его малолѣтства, его сопровождала вдовствующая царица-мать, Наталья Кириловна. Пятнадцатилѣтнюю вдову умершаго царя, царицу Марөу Матвѣевну Апраксиныхъ, несли въ саняхъ стольники, до Краснаго крыльца, а потомъ дворяне. Но рядомъ съ избраннымъ царемъ, также церемоніально, по царски. вышелъ на провожаніе и теремъ въ лицѣ царевны Софьи. Подвигъ былъ очень смѣлый и дерзкій. даже наглый, ниспровергавшій старые обычаи и позорившій благочестивый *чинъ* жизни царскаго дворца. Но для терема онъ былъ неизбѣжнымъ, настоятельно необходимымъ послѣдствіемъ всего того, что постоянно и давно тамъ готовилось. Царица Наталья Кириловна конечно несмогла вынести такой новины, прямо, въ виду всего боярства и всего народа, издѣвавшейся надъ достоинствомъ ея особы, какъ и надъ достоинствомъ малолѣтнаго царя. Лицо дочери-царевны, въ этомъ случаѣ, заслоняло своимъ царскимъ выходомъ лицо матери-вдовы. Кромѣ того, этотъ подвигъ Софьи обнаруживалъ въ полной мѣрѣ, какъ твердо и неуклонно она рѣшалась вести борьбу съ мачихою, идти къ своей властолюбивой цѣли. Когда гробъ поставили на уготованномъ мѣстѣ среди храма, говоритъ современная записка, царь съ матерью, поцѣловавъ мощи, изволилъ идти къ себѣ и у обѣдни и на отпѣваньи не былъ. До конца службы и церемоніи оставались только царица Марөа и царевна Софья. Теремъ пришелъ въ смятеніе отъ такого поступка царицы Натальи и въ лицѣ старшаго поколѣнія, отъ тетокъ Анны и Татьяны, выслалъ ей поученіе, что брату, такъ дѣлать негодится и неприлично. Нарушая самъ дѣдовскіе обычаи и старое приличіе, теремъ зорко сторожилъ за ихъ исполненіемъ на противной сторонѣ. Разсказываютъ, и это очень вѣрно, что Софья, провожая брата изъявляла свое горе страшнымъ воплемъ и, идя съ похоронъ, также вопила и причитала предъ народомъ, что „извели покойнаго брата злые люди, остались мы теперь круглыми сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки,

ни матушки, и ни какого заступника; брата нашего Ивана на царство не выбрали. Умилосердитесь надъ нами сиротами! если въ чемъ провинились мы предъ вами, отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ..." [1]. Все это было въ порядкѣ тогдашнихъ обычаевъ и вопить на похоронахъ съ причитаньями было прямымъ долгомъ всѣхъ горевавшихъ о покойникѣ. Это было надгробное слово покойнику, гдѣ обыкновенно выставлялись ярко всѣ его добродѣтели и все горе оставшихся по немъ родныхъ. Послѣ похоронъ двери терема затворились и онъ замолкъ. Но онъ умѣлъ инымъ образомъ разговаривать съ народомъ и особенно со стрѣльцами, сила которыхъ была такъ ему надобна. По городу пошли слухи, одни возмутительнѣе другихъ. Между прочимъ тайкомъ разсказывали, что будтобы братъ царицы Натальи, Иванъ Кириловичь Нарышкинъ, только что возвращенный во дворецъ изъ опалы. надѣвалъ на себя царскую порфиру, діадиму и корону, садился на тронъ. говорилъ, что ни къ кому царскій вѣнецъ такъ не пристанетъ, какъ къ нему, что въ этомъ положеніи застала его царица Мароа и царевна Софья; начали его упрекать за неслыханную дерзость, при царевичѣ Иванѣ; что онъ, соскочивъ съ трона, кинулся на царевича, схватилъ его за горло и чуть не задушилъ [2].

Подобными сплетнями теремъ очень долго мутилъ царство и вызвалъ наконецъ страшную, безчеловѣчную грозу Петра, порѣшившаго съ ними въ 1698 году. Мысль терема быстро росла. распространялась. наполняла умы стрѣлецкихъ сходокъ, охватила почти все слободское населеніе Москвы. Съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли слово стало дѣломъ. 15 мая стрѣльцы во всемъ своемъ ополченіи съ копьями, бердышами, ружьями, пушками, стали у царскаго дворца предъ Краснымъ крыльцомъ и потребовали на расправу ненавистныхъ имъ, а главное ненавистныхъ и опасныхъ терему, бояръ и другихъ, сановниковъ, особенно родство Нарышкиныхъ. Вышелъ на крыльцо малолѣтный царь Петръ съ матерью царицею, вышелъ царевичъ Иванъ, изъ за котораго и дѣло начиналось, будто онъ задушенъ Нарышкиными; вышелъ святѣйшій патріархъ. Но не здѣсь находилась точка

---

[1] Исторія Россіи г. Соловьева, т. XIV, Дополненіе стр. XXVII и т. XIII, 339.

[2] Исторія царств. Петра, г. Устрялова, I, 31.

тяготѣнія стрѣльцовъ; не эти лица могли понятно говорить съ ними; не къ нимъ стрѣльцы и пришли хвалиться своею службою. Тамъ, внутри царскихъ хоромъ, находилась другая, невидимая власть, призвавшая ихъ на собственную защиту и дѣйствовавшая на нихъ, какъ бы электрическимъ токомъ. Передъ тою властью они пришли заявить свою службу и заявили ее чудовищнымъ кроворазлитіемъ. Имя той власти было—*царевна*. Какъ еще недавно велико было слово *царь*, такъ теперь въ той же мѣрѣ стало великимъ слово *царевна*. Оно теперь повелѣвало царствомъ, спасало и губило людей. Однимъ этимъ именемъ былъ спасенъ, напр., какъ чужой совсѣмъ человѣкъ, Датскій резидентъ въ то самое время, въ которое гибли на копьяхъ сторонники Нарышкиныхъ. "Не трогайте. Это посланникъ. Онъ говорилъ съ *царевною*",—кричали безпрестанно провожавшіе его стрѣльцы своимъ товарищамъ и тѣмъ вывели его изъ бѣды.

Понятно, что въ двѣ или три недѣли поднять такимъ образомъ стрѣльцовъ было невозможно и нѣтъ сомнѣнія, что теремъ при помощи хорошихъ пособниковъ, какимъ напр., былъ Ив. Мих. Милославскій, сочинилъ эту плачевную трагедію въ теченіи всего царствованія старшаго брата. Воплотивъ мысль терема въ дѣло, стрѣльцы на другой день пришли тоже съ оружіемъ уже не къ Красному крыльцу, а къ Постельному, находившемуся на внутреннемъ царскомъ дворѣ, т. е. пришли поближе къ терему явить ему свою службу. „И выходили къ нимъ говорить государыни царевны, чтобъ они, помня крестное цѣлованье, такъ къ нимъ въ домъ ихъ государевъ не приходили съ невѣжествомъ". Хорошо было невѣжество! Иванъ Нарышкинъ, котораго требовали теперь стрѣльцы, не былъ сыскапъ въ это время и царевны упросили оставить дѣло до утра. На третій день, 17 мая, стрѣльцы, по уговору, явились снова на Постельное крыльцо бесѣдовать съ теремомъ: и къ нимъ выходили говорить государыни царевны. Выдуманный царь Нарышкинъ былъ выданъ, пытанъ, изрубленъ на части и черепъ его взоткнутъ на копье.

На четвертый день, 18 мая, стрѣльцы явились безъ ружья, потому что оружіемъ все уже было сдѣлано, и били челомъ великому государю, т. е. десятилѣтнему Петру, для формальности и (на самомъ дѣлѣ) государынямъ царевнамъ, чтобъ Кирилу Нарышкина, царскаго дѣда, постричь. — 19 мая стрѣльцы вы

просили заслуженныя деньги 240 т. и награду по 10 руб. на человѣка, да пожитки побитыхъ бояръ. — 20-го били челомъ, чтобъ сослать въ ссылки Лихачевыхъ, Языковыхъ и др., а главное, родъ всѣхъ Нарышкиныхъ.

Такъ постепенно, шагъ за шагомъ, теремъ очищалъ себѣ мѣсто и пролагалъ дорогу къ царственной власти, истребляя или удаляя враждебныхъ и потому опасныхъ для него людей. Стрѣльцы служили дѣйствительно очень усердно и стоили награды.

23 мая они пришли на Красное крыльцо и черезъ боярина князя Хованскаго объявили царевнамъ, чтобъ въ Московскомъ государствѣ были два царя, царевичъ Иванъ, какъ братъ старшій, да будетъ первый; царь Петръ, братъ меньшій, да будетъ меньшій, второй. А кто не захочетъ такъ учинить, то будетъ опять мятежъ не малый". Царевны указали собрать Думу и сойдтись въ Грановитой палатѣ помыслить объ этомъ великомъ дѣлѣ. Собралась немедленно Дума, говорили много, призвали патріарха съ чиновнымъ духовенствомъ и выборныхъ отъ дворянъ и слободъ, и опять „о томъ бысть многое глаголаніе". Одни говорили, что двумъ царямъ въ одномъ государствѣ быть трудно: другіе, ораторы отъ терема, доказывали, что дѣло будетъ полезное во многихъ отношеніяхъ, приводили примѣры изъ исторіи, что по два царя бывали, во Египтѣ Фараонъ и Іосифъ, въ Греческомъ царствѣ Василій и Константинъ, также два брата Онорій и Аркадій, дѣти Ѳеодосія Великаго. Византійскія мысли подпирались конечно и византійскими примѣрами, хотя и не совсѣмъ складными. Въ виду стрѣлецкой угрозы: *кто не захочетъ* — конечно ни кто и не противорѣчилъ ораторамъ терема. Всѣ согласились и возвѣстили избраніе звономъ въ большой колоколъ и благодарственнымъ молебномъ, во время котораго оба царя стояли въ соборѣ на царскомъ мѣстѣ и слушали многолѣтіе.

24 мая царевна Софья выборныхъ стрѣльцовъ призвала и службу ихъ похвалила, а впередъ де за ихъ службу милость будетъ. Однакожь, новонареченный царь Иванъ вовсе не думалъ царствовать первымъ, главнымъ. Вѣроятно онъ высказывалъ это, вѣроятно съ нимъ соглашались и другіе члены царской семьи, особенно старшее племя терема, старшія царевны — тетки. Требовалось укрѣпить его мысли, убѣдить его въ необходимости царствовать совмѣстно съ братомъ, что луч-

ше всего было совершить посредствомъ тѣхъ же стрѣльцовъ съ указаніемъ на волю самого Провидѣнія.

25 мая стрѣльцы опять пришли во дворецъ и возвѣстили Хованскому наединѣ, что постельница царевны Марѳы Алексѣевны говорила, будтобы царь Иванъ Алек. болѣзнуетъ о своемъ государствѣ, что его выбрали; да и царевны о томъ сѣтуютъ, и потому они стрѣльцы хотятъ видѣть ихъ государскія очи. Выбравъ по человѣку изъ полку, ихъ допустили въ царскія хоромы, гдѣ, въ присутствіи царевенъ, царь Иванъ пожаловалъ ихъ къ рукѣ. Царевны службу ихъ похваляли и спрашивали, зачѣмъ пришли? Стрѣльцы объявили о словахъ постельницы, вопрошая, по чьему наученію она то говорила? Царевны отвѣтили, что онѣ ее ни съ какими словами не посылали никуда. Стрѣльцы царевнамъ извѣстили, чтобы въ ихъ государскихъ палатахъ никакого смятенія не было, и чтобы государь царь Иванъ на отеческомъ престолѣ государствовалъ первенствомъ, а братъ его, чтобъ былъ вторымъ царемъ. Царевны тѣ слова слышали радостно и изволили говорить: „дай Боже смиреніе, а тому де быти можно“,—и стрѣльцовъ за тѣ рѣчи милостиво похвалили. Царь Иванъ тутъ же сказалъ: „желаніемъ, чтобъ быть первымъ царемъ, онъ не желаетъ; но въ томъ буди воля Божія; что Богъ восхощетъ, то и сотворитъ“. Царевны на эти слова прибавили: „въ томъ де воля Божія есть и впредь будетъ: а они де выборные не собою то говорятъ, но Богомъ они въ томъ наставляемы„.

Какъ скоро утвердилось первенство старшаго брата, то вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилось и первенство царевенъ, единоутробныхъ сестеръ его, надъ ихъ мачихою Натальею Кириловною.

26 мая первенство Ивана утвердилось оффиціальнымъ путемъ, соборне. Послѣ того очень естественно было, за малолѣтствомъ братьевъ, правленіе вручить царевнѣ Софьѣ, какъ наиболѣе способной представительницѣ первенства старшаго царя. Такъ рѣшено было общимъ голосомъ Двора и по челобитью всего народнаго множества.

Царевна по русскому обычаю и приличію много отказывалась, а потомъ согласилась, и „ради государственнаго правленія“, указала боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ видѣть всегда свои государскія пресвѣтлыя очи и о всякихъ государственныхъ дѣлахъ докладывать себѣ и за тѣми дѣлами изволила она государыня сидѣть съ боярами въ палатѣ. И (29 мая)

ція совершеннаго въ правленіи утвержденія, и во всякихъ дѣлахъ постоянной крѣпости, въ указахъ съ именами братьевъ царей повелѣла писать и свое имя [1]. Когда все устроилось и утвердилось, Дворъ принесъ поздравленіе царевнѣ, конечно, вмѣстѣ и царю Ивану.

Теремъ восторжествовалъ. Царемъ стала дѣвица. Дѣвица вмѣсто монастыря, попала на тронъ, вмѣсто схимы, облеклась въ порфиру. Царь-дѣвица становится государственнымъ, оффиціальнымъ лицомъ; какъ царь является на публичныхъ церемоніальныхъ выходахъ. А такъ какъ публичные церемоніальные выходы царя совершались большею частію по случаю церковныхъ празднествъ и разныхъ годовыхъ церковныхъ торжествъ, то дѣвица и на этихъ празднествахъ и въ самомъ храмѣ, во время торжественной службы, или крестнаго хода, становится изъ мірскихъ первымъ человѣкомъ. Ей воздаютъ подобающія почести. Такіе небывалые подвиги въ публичной жизни московскаго Двора начались было почти съ первыхъ же дней по воцареніи въ государствѣ терема. 11 іюня 1682 г. царямъ слѣдовало торжественно проводить образъ Знаменія Богородицы, посылаемый въ полки въ Казань. Цари вышли и рядомъ съ ними вышла и царевна Софья. Безъ всякаго сомнѣнія малолѣтныхъ царей понудили выйдти именно для того, чтобы возможно было выйдти и царевнѣ, показать себя царскимъ чиномъ всенародному множеству. 16 іюня, вѣроятно по случаю наступавшей коронаціи, оба царя, *царевны*, царица Наталья Кириловна ходили всѣ пѣшкомъ на богомолье въ Новодѣвичій монастырь, что также было не совсѣмъ обыкновенно. Никогда небывало, чтобы царевны, т. е. теремъ, — шествовалъ *торжественно* пѣшкомъ по московскимъ улицамъ. А въ этомъ случаѣ теремъ-то и былъ главнымъ лицомъ выхода; ибо цари какъ малолѣтные служили здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, только какъ бы царственною хоругвію въ торжественномъ выходѣ. Царица же сопровождала сына, отъ котораго въ подобныхъ обстоятельствахъ она никогда не отлучалась.

Но еще необычайнѣе поступилъ теремъ, когда онъ вышелъ въ Грановитую Палату спорить съ раскольниками о Вѣрѣ. Это было вскорѣ послѣ упомянутаго пѣшаго богомолья, именно 5 іюля. Событіе въ полной мѣрѣ византійское, какъ мы упомянули.

---

[1] Собраніе Записокъ Туманскаго, V, 203.

Въ Грановитой Палатѣ теремъ сѣлъ председателемъ собора, онъ сѣлъ на тронъ. Для двухъ царей тогда было устроено два царскихъ мѣста. На этихъ двухъ царскихъ мѣстахъ возсѣли, на первомъ, старшее племя терема, царевна—тетка Татьяна Михаиловна; на второмъ, младшее — царевна Софья Алексѣевна. Между ними промежъ царскихъ мѣстъ сидѣла самая старшая царевна Анна Михаиловна, какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ, староверъ Савва Романовъ. Подъ ними на креслахъ съ правой стороны отъ царевны Татьяны сѣли царица Наталья Кириловна, а потомъ царевна Марья Алексѣевна; дальше стояли бояре. Съ лѣвой стороны отъ царевны Софьи, въ переднемъ углу палаты, сидѣлъ на креслахъ же святѣйшій патріархъ и власти. Царевна Софья стало быть заняла самое видное мѣсто въ палатѣ; оттого Савва, указывая это сидѣнье, начинаетъ порядокъ мѣстъ съ нея[1]. Казалось бы на первомъ мѣстѣ подобало сидѣть матерой вдовѣ покойнаго царя Алексѣя, старшаго брата царевны Татьяны и отца царевны Софьи, при томъ эта вдова, носившая предъ царевнами старшинство мужа, была вмѣстѣ съ тѣмъ и мать царствующаго царя. Но въ государствѣ царствовалъ тогда теремъ, царствовали не цари, а царевны, оттого этотъ именно смыслъ тогдашней исторіи и обнаруживался повсюду, во всякомъ событіи. О царицѣ Натальѣ Кириловнѣ староверъ Савва говоритъ, что она будто бы три раза присылала къ нимъ, съ приказомъ, чтобъ ни въ соборную церковь, ни въ Грановитую на соборъ они не ходили, чтобы былъ соборъ или на Лобномъ мѣстѣ, или въ Кремлѣ на площади, промежъ соборовъ. Они дѣйствительно и не хотѣли идти въ Грановитую палату но патріархъ объяснялъ имъ, что „здѣсь де, въ Грановитой будетъ царица и царевны. а тамъ (на площади) имъ быть за*зорно* предъ всѣмъ народомъ„, на что староверы отвѣчали: „царевнамъ государынямъ до того дѣла нѣтъ, достоитъ тутъ царимъ быть, а не царевнамъ". Но съ тѣмъ же предложеніемъ вышелъ къ нимъ и князь Хованскій, увѣряя, что ничего особаго для нихъ староверовъ не случится, что царевны государыни хотятъ тутъ же быти, а здѣсь (на площади) имъ быть за*зорно*.

Можно однакожъ догадываться, что необычайные поступки терема производили не совсѣмъ хорошое впечатлѣніе въ нар

[1] Исторія царств. Петра, г Устрялова I, 288.

дѣ. На томъ же самомъ соборѣ, когда оскорбленная царевна Софья, сказавши въ угрозу: „пойдемъ изъ царства всѣ вонъ“, встала съ царскаго престола и съ иконою въ рукахъ отошла съ сажень прочь, а Палата выразила готовность умереть, головы свои положить за царствующій домъ, то иные стрѣльцы тутъ же возгласили: „пора государыня давно вамъ въ монастырь! Полно царствомъ-те мутить! Намъ бы здорово были цари государи, а безъ васъ пусто не будетъ“. И бысть ей зазорно велми и съ великимъ стыдѣніемъ сѣде на царское мѣсто, говоритъ Савва. Послѣ такихъ отзывовъ зазорное поведеніе терема, конечно, должно было вскорѣ присмирѣть. На это указываетъ по крайней мѣрѣ то обстоятельство, что по „умиреніи міра“, по окончаніи стрѣлецкихъ смутъ, почти цѣлые три года теремъ уже не выходилъ на улицу, нигдѣ не являлся предъ глазами всенароднаго множества. Его руководитель, царевна Софья снова начала свои публичные выходы, кажется не раньше 1685 г. Въ этомъ году генваря 15—21 она ѣздила съ царемъ Иваномъ къ освященію главной церкви въ Воскресенскомъ монастырѣ, (Новый Іерусалимъ) на Истрѣ, а 5 іюля явилась съ царями въ Успенскій соборъ къ молебну, праздновать годовщину побѣды надъ раскольниками. Затѣмъ ея выходы годъ отъ году учащаются и въ послѣдній 1689 годъ становятся обыкновенными [1].

Съ 1685 г. она постепенно, все больше и больше входитъ въ обрядную роль царя, т. е. принимаетъ публичные знаки подобающихъ царю почестей, даже явно требуетъ такихъ почестей; старается при всякомъ торжественномъ случаѣ занять первенствующее царское мѣсто; всегда выходитъ на церковныя праздничныя службы или вмѣстѣ съ братомъ, царемъ Иваномъ, или же съ обоими царями, если выходитъ и другой братъ, Петръ; — иногда шествуетъ въ одной каретѣ съ царемъ Иваномъ. Но нерѣдко она и одна, какъ царь, совершаетъ церемоніальный открытый выходъ въ соборъ къ церковной службѣ, соблюдая въ точности всѣ обрядныя дѣйствія: принимаетъ отъ патріарха благословеніе, знаменуется (молится) у мѣстныхъ иконъ и становится, хотя и на царицыномъ мѣстѣ, но съ открытыми запонами или занавѣсами, что и придаетъ этому жен-

---

[1] Въ этомъ году, царевна посылала уже ко Вселенскимъ Патріархамъ просить, чтобы могла она носить царскую корону, т. е. короноваться, возложить на себя царскій санъ. Туманскаго, Записки VI, 255.

скому мѣсту значеніе уже мѣста царскаго. Даже и въ то время, когда въ соборъ идутъ царь Иванъ съ царицею и царевны, она, чтобы выдѣлиться отъ семьи, идетъ особо и входитъ въ церковь особыми и при томъ главными дверьми, западными, тогда какъ тѣ входятъ обыкновенно южными, а царевны даже сѣверными [1]. На службѣ, напр. у панихиды, когда не требовалось стоять на царскихъ мѣстахъ, Софья всетаки становилась подлѣ царей, именно съ лѣвой стороны, въ то время, какъ царица становилась обыкновенно вдали, за царицынымъ мѣстомъ. На панихидахъ патріархъ творитъ и ей поклонъ, наравнѣ съ царемъ. На праздничныхъ служеніяхъ патріархъ и архіереи кадятъ ее. Однажды она даже и гнѣвалась за то, что ее обошли съ кадиломъ. Вотъ что записано между прочимъ въ уставѣ Успенскаго собора: Въ 1685 г. въ предпразднество Успенію Богородицы на всенощномъ: „царь былъ Іоаннъ Алексѣевичь и царевна; выходъ былъ со звономъ.... Въ началѣ протопопъ кадилъ царя, а послѣ патріарха, потомъ царевну по 3; и послѣ державу (царскую), потомъ посохъ (скиптръ) и начинаетъ. И по началѣ кадитъ архіереевъ и всю церковь; и паки кадитъ образы и государя и патріарха: *царевны не кадилъ, за то былъ гнѣвъ*. На „Господи воззвахъ“ — протодіакону указалъ кадить въ началѣ государя и себя, потомъ царевну и державу и посохъ, і. архіереевъ и, окадя всю церковь, паки образы царя и царевну и потомъ патріарха....“ Очень естественно, что соборный уставъ, могъ ошибаться въ своихъ порядкахъ по новости и небывалости дѣла.

Во „многолѣтномъ поздравленіи“, въ *титлѣ* (титулѣ), архидіаконъ *кличетъ* царей и Софію въ одной статьѣ, вмѣстѣ, а потомъ царицъ и царевенъ, особо. Въ пятницу на первой недѣлѣ великаго поста въ соборѣ патріархъ по обычаю освящалъ коливо или *кутью*, которая въ это время освящалась уже на четырехъ блюдахъ, три государскихъ да четвертое патріаршее; изъ государскихъ два блюда назначались для двухъ царей и третье, особое для Софьи.

Царевна являлась торжественно, по царски, и въ крестныхъ ходахъ, особенно въ монастыри Новодѣвичій и въ Донской; присутствовала по царски на освященіи новыхъ церквей; совершала торжественные отпуски войска въ походы, и встрѣчи

[1] Вивліоѳики, ч. X; 287; ч. XI, 164, 200, 256, 370, 424.

изъ походовъ, сопровождая при этомъ полковыя иконы. Въ дни царскихъ именинъ она вмѣстѣ съ царемъ Иваномъ жаловала боярство и служилое дворянство, дьяковъ и гостей водкою, въ передней палатѣ [1].

Само собою разумѣется, что во Дворцѣ теремъ царевенъ пользовался еще большею свободою. Здѣсь въ это время онъ былъ полновластнымъ хозяиномъ всего дома, свободно отворялъ всѣ двери, даже свободно отпиралъ сундуки съ царскою казною и бралъ казны, сколько было надобно. Извѣстно, что напр., въ 1685—1686 гг. изъ новгородскаго приказа царевны Софья, Екатерина, Θеодосія брали деньги не одинъ разъ; для Софьи, отпущено однажды 2000 руб. [2] Въ прежнее время царевны получали деньги на свои необходимыя надобности или изъ рукъ царицы или изъ рукъ государя; были, так сказать, въ дѣтской зависимости отъ отца и матери, или же отъ царя—брата и вообще отъ хозяина дома. Большія деньги, въ родѣ тысячи, онѣ получали, и то только старшія царевны, въ какихъ либо чрезвычайныхъ случаяхъ, въ видѣ дара. Такъ, напр., по случаю смерти царицы Марьи Ильичны Милославскихъ, царь Алексѣй „велѣлъ поднести по приказу покойной царицы“ царевнамъ, своимъ сестрамъ, а ея золовкамъ, Иринѣ, Аннѣ, Татьянѣ, по тысячѣ рублей [3]. Но при Софьѣ теремъ уже не затруднялся брать казну собственными руками. Была своя воля. Онъ не затруднялся выбирать себѣ надобныя вещи и изъ царскихъ кладовыхъ. Въ расходныхъ запискахъ Оружейнаго приказа читаемъ слѣдующее: 1684 г. іюля 2, великая государыня благовѣрная царевна Екатерина Алексѣевна изволила быть въ Оружейной Большой казнѣ; а за нею государынею были *стольники*: Александръ Ивановъ Милославской, Михайло Васильевъ Собакинъ, Антипа Ларіоновъ Пятово; дѣвицы: Марья Ивановна Шеина, карлица Прасковья Иванова. И указала имъ къ себѣ государынѣ въ хоромы взнесть оружейной брони: карабинецъ нарядной, саблю-полоса булатная, саблю такуюж; 2 лука турецкихъ, ножъ булатный, 2 ножа стальные“ [4]. Подобное оружіе вносилось въ комнаты къ царевнамъ не одинъ разъ. Нельзя не

[1] Древн. Вивл. X, 424; XI, 24. Дворц. Разряды IV, 397.
[2] Исторія Россіи, г. Соловьева XIV, пр. 190.
[3] Расх. Кн. Тайнаго приказа 7178 г. марта 10.
[4] Расходъ оружейной брони съ 13 іюня 1682 г., отпускаемой въ хо-

думать, что они брали оружейную царскую казну для подарковъ и въ награду своимъ приверженцамъ. Изъ приведенной записки мы видимъ также, какимъ образомъ царевны совершали свои дворцовые комнатные выходы; за ними слѣдовали стольники (пажи) и дѣвицы, а также и неизмѣнная спутница карлица.

Въ 1685 г. царевны выстроили себѣ трехъ-этажныя каменныя палаты и великолѣпно ихъ украсили живописью, о чемъ мы говорили въ первомъ томѣ этого сочиненія [1]. Въ нижнемъ этажѣ этихъ палатъ устроена тогда особая палата, „гдѣ сидѣть съ бояры, слушать всякихъ дѣлъ", т. е. устроена и въ дѣвичьемъ терему думная боярская комната. Въ этихъ палатахъ, въ числѣ разныхъ живописныхъ изображеній, находились также и *персоны* благовѣрныхъ царевенъ, которыя сначала изобразили было себя въ *порфирахъ*, но потомъ, вѣроятно одумались, вслѣдствіе какихъ либо дворскихъ толковъ, и велѣли написать вмѣсто порфиръ *шубки* съ кружевы обнизными и съ каменьи [2].

Очень понятно, что. когда теремъ сталъ владыкой царскаго дома. около него должна была собраться толпа искателей его милости и устроителей своего благополучія. Царевенъ, какъ подобало, окружила лесть тогдашней учености и книжности въ лицѣ придворнаго *учителя* Симеона Полоцкаго и достойнаго его ученика Сильвестра Медвѣдева съ ихъ друзьями. Царевнамъ, какъ и въ прежнее время ихъ отцу, а потомъ брату, эти придворные стихотворцы писали *на виршахъ* поздравленія и привѣтствія, нѣчто въ родѣ одъ, въ которыхъ непомѣрно восхваляли ихъ высокія достоинства, дарованія и добродѣтели. Такія вирши писались каллиграфически на особыхъ разцвѣченныхъ красками листахъ и царевны помѣщали ихъ въ своихъ комнатахъ на стѣнахъ, въ рамкахъ, вмѣстѣ съ фряжскими листами (эстампами). Мы видѣли уже (томъ I, гл. I), что подобныя „поздравленія" царевны Софьи и царевны Θеодосіи, висѣли въ комнатѣ у Софьи.

ромы къ царямъ и царевнамъ, и выдаваемой по указу разнымъ лицамъ, при сидѣньи боярина и Оружейничаго Петра Вас. Шереметева. Столбцы Арх. Ор. Пал.

[1] Для царицы Натальи Кириловны съ сыномъ Петромъ тогда были выстроены хоромы деревянныя — Дом. бытъ царей т. I. гл. I.

[2] Арх. Ор. Пал. № 263.

Должно замѣтить, что теремъ, еще при жизни брата царя Ѳеодора, вошелъ уже въ непосредственныя сношенія съ учеными и книжными людьми и именно съ Симеономъ Полоцкимъ, который и безъ того былъ очень близокъ царскому семейству. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ „врученіи" или посвященіи царевнѣ Софьѣ сочиненной имъ книги, катихизиса, подъ заглавіемъ „Вѣнецъ Вѣры", которая однако послѣ заподозрѣна была въ неправославіи.

О благороднѣйшая царевна Софія,
Ищеши премудрости выну небесныя.
По имени твоему (Софья—мудрость) жизнь твою ведеши:
Мудрая глаголеши, мудрая дѣеши....
Ты церковныя книги обыкла читати
И въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати....

Затѣмъ Полоцкій объясняетъ, что царевна, узнавши о томъ, что сочиняется эта новая книга, „возжелала сама ее созерцати и еще въ черни бывшу (черновую) прилежно читати"; потомъ, убѣдившись что книга и въ духовности полезна, велѣла устроить ее чисто, т. е. переписать на бѣло, устроить ее въ книжный видъ, въ которомъ авторъ и подноситъ ее царевнѣ. Само собою разумѣется, что тутъ же авторъ вручаетъ и себя милостямъ царевны и по этому случаю восхваляетъ милосердіе, говоритъ, что оно елей и что елей мудрымъ дѣвамъ необходимъ бываетъ.

Мудрѣйшая ты въ дѣвахъ! убо подобаетъ
Да свѣтильникъ сердца ти свѣтлѣе сіяетъ:
Обилуя елеемъ милости къ убогимъ,
Сію спряжа доброту къ инымъ твоимъ многимъ.
Но и сопрягла еси, ибо сребро, злато, —
Все обратила еси милостивнѣ нá то,
Да нищимъ расточиши, инокамъ даеши,
Молитвъ о отцѣ твоемъ теплыхъ требуеши.
И азъ грѣшный многажды сподобихся взяти,
Юже ты милостыню велѣ щедро дати.... [1]

Это поднесеніе книги происходило еще при жизни царя Ѳеодора, не позже 1678 года, ибо стихотвореніе внесено Полоцкимъ въ особый сборникъ, риѳмологіонъ—стихословъ, составленный

---

1 Лѣтописи Русской Литературы и Древности, г. Тихонравова VI, 86.

въ этомъ году. Тогда Софьѣ было около 20 лѣтъ; такъ рано она уже является начитанною и знакомою съ книжными людьми.

Ученикъ Полоцкаго Медвѣдевъ также не одинъ разъ восхвалялъ царевну подобными же виршами, которыя иногда бралъ цѣликомъ у своего учителя. Между прочимъ, въ 1685 г. онъ написалъ *врученіе* премудрой царевнѣ привилегіи на академію, длинное посланіе о высокомъ значеніи науки, о необходимости водворить ее на Руси; о томъ что сама мудрость — Софья царевна только и была способна совершить это великое дѣло.

Мудрости бо ти имя подадеся,
Грекомъ Софія мудрость наречеся:
Тебѣ бо слично науки начати,
Яко премудрой оны совершати....

Далѣе авторъ говоритъ, что, какъ Ольга свѣтъ вѣры явила, такъ и царевна хочетъ явить Россіи свѣтъ науки; что она первая здѣсь мудра явилась; что предивно Господь ее избралъ править царствомъ, которое отъ всѣхъ бѣдствій она хранитъ, какъ зеницу ока; что многіе прежде жили въ Россіи князи и цари, но ни одному Богъ не далъ дара „мудрость Россамъ показати“; и т. д.

Наконецъ ее возвеличили сокровищемъ седми даровъ Духа Святаго. Эти дары были описаны съ величайшею лестью въ особой книжкѣ: „Дары Духа Святаго“, съ приложеніемъ гравированнаго изображенія царей и царевны, и на другомъ листѣ кн. Голицына и иныхъ персонъ. Затѣмъ явился особый гравированный портретъ царевны съ аллегорическими изображеніями такихъ же даровъ, сирѣчь добродѣтелей. Въ книжкѣ описаны слѣдующіе дары: мудрость, разумъ, совѣтъ, крѣпость, благочестіе, видѣніе въ законѣ Господнемъ и страхъ Господень. На портретѣ изображены, вверху разумъ, по сторонамъ: благочестіе и цѣломудріе, щедрота и правда, великодушіе и *надежда божественная* (т. е. вѣроятно надежда устроить себя на царствѣ окончательно). Въ описаніи дара мудрости книжка говоритъ между прочимъ, что когда въ 1682 г. былъ мятежъ (стрѣлецкій), то ни кто не могъ его усмирить, а царевна могла бы еще въ началѣ его остановить, но не хотѣла противиться изволенію Божьему, прозрѣвая „якою кончиною оная мятежъ имѣла утолитися; въ молитвахъ неусыпающихъ въ то время трудилася, просила у Бога милости въ его отмщеніи за грѣхи мирскія....“ Въ предисловіи говорится, что „иный весь вѣкъ свой

трудится, дабы малую якую часть мудрости постигнулъ; но тебѣ — съ именемъ дана есть мудрость Духомъ Святымъ, ибо имя твое ничто иное не знаменуетъ, точію мудрость"; что еще въ царствованіе своего отца Алексѣя царевна прославилась во всемъ государствѣ, иные говорили о ней, что будетъ мудра паче всѣхъ мудрыхъ, иные — что своею мудростію на весь свѣтъ расширитъ Россійское государство, иные говорили, что она возвыситъ славу христіанскую, покоритъ гордость поганскую". И правду всѣ говорили, прибавляетъ сочинитель, обращаясь къ царевнѣ: ты не только ихъ мысли исполнила, но и еще больше прославилась; и еслибъ кто древняго вѣка началъ чуда славить, первое бы явилось ему чудо, твоя мудрость и т. д.

Книжка издана въ Черниговѣ въ 1688 г.: особый портретъ печатанъ въ Москвѣ. Все это были затѣи втораго друга царевны, Шакловитаго, конечно, при ея одобреніи. Медвѣдевъ въ надписи къ портрету равняетъ ее Семирамидѣ, Елисаветѣ Британской, Пульхеріи.

Должно думать, что и другія сестры царевны принимали живое участіе въ сношеніяхъ и бесѣдахъ съ тогдашними учеными піитами.

Мы уже замѣтили, что церковная начитанность была насущною потребностью того времени и особенно для терема, ставшаго во главѣ тогдашнихъ общественныхъ движеній, получившаго въ свои руки царскую власть и тѣмъ самымъ сосредоточившаго около себя все то, что по своему образованію стояло тогда впереди. Общество книжныхъ людей, сблизившееся съ теремомъ, должно было по необходимости внести въ него свое вліяніе, поднять уровень его начитанности и образованности. Нельзя при томъ отрицать, что въ настоящемъ случаѣ, черезъ тѣхъ же ученыхъ, невидимымъ ни для кого путемъ дѣйствовало отчасти католическое іезуитское направленіе, которое въ этомъ теремѣ вѣроятно и надѣялось свить себѣ прочное и покойное гнѣздо. Для него особенно и было необходимо, чтобы теремъ въ дѣйствительности шелъ впереди общества по своему образованію, получавшему подъ вліяніемъ католичества особый складъ, какимъ на самомъ дѣлѣ и отличалось образованіе царевенъ, одобрявшихъ такія книги, каковъ напр. былъ катихизисъ Полоцкаго: „Вѣнецъ Вѣры", заподозрѣнный какъ мы упомянули въ неправославіи. Католическое направленіе мнѣній принималось царевнами, конечно, вполнѣ безсознательно, но охотно по

той причинѣ, что давало, бóльшій и всетаки благочестивый просторъ для ихъ дѣйствій; по крайней мѣрѣ оно освобождало ихъ отъ излишне суровыхъ и строгихъ запрещеній стараго Домостроя.

Однакожъ домашняя свобода терема не простиралась дальше тѣхъ шаговъ, которые указывалъ тотъ же Домострой, и которые вполнѣ одобряли особенно католическія идеи. Друзьями терема являются попы (у царевны Екатерины костромской попъ Григорій Елисеевъ), дьяконы (у царевны Маѳы дьяконъ Иванъ Гавриловичь), пѣвчіе, также разные старцы и старицы, богомолицы, нищіе и т. п. Это было самое приличное и обыкновенное общество всякаго терема въ допетровскомъ быту. Въ царскомъ теремѣ оно пріобрѣло даже и политическое значеніе, ибо посредствомъ этого общества теремъ владѣлъ народными умами, направлялъ эти умы къ своимъ цѣлямъ. очень долго мутилъ всѣмъ царствомъ. Теремъ въ извѣстные дни, на память родителей, давалъ по обычаю особые пиры этому обществу, извѣстные въ оффиціальныхъ запискахъ того времени подъ именемъ *кормки нищихъ*. Посредствомъ этой кормки и разныхъ другихъ обрядныхъ дѣйствій комнатной жизни заводились надобныя терему связи съ *міромъ*, съ свѣтомъ, съ свѣтскими, мірскими людьми. Здѣсь-то и гнѣздились всѣ интриги, государственныя и домашнія, въ которыхъ теремъ показалъ себя великимъ искусникомъ. Черезъ нищихъ и старицъ онъ велъ переписку съ стрѣльцами, распускалъ по городу сплетни мутилъ государствомъ, что вполнѣ было доказано стрѣлецкимъ розыскомъ 1698 г. Вообще теремъ умѣлъ дѣло дѣлать и концы хоронить. Какъ воспитана была въ этомъ отношеніи его мысль, лучше всего видно изъ его наставленій своимъ агентамъ, которыя давалъ онъ во время стрѣлецкихъ розысковъ 1698 г.

Царевна Екатерина Алексѣевна, по случаю этихъ розысковъ, очень хлопотала о томъ, чтобы близкіе къ ней ея дворовые люди, которые были замѣшаны или могли быть замѣшаны въ этомъ дѣлѣ, не выболтали чего о ея сношеніяхъ съ упомянутымъ костромскимъ попомъ или съ *нимъ*, какъ она часто обозначаетъ эту личность, о ея перепискѣ съ *нимъ* и вообще обо всемъ томъ, что открыть она очень страшилась. Съ этою цѣлью она написала бывшей своей постельницѣ Марьѣ Протопоповой самыя подробныя наставленія, какъ и что говорить взятымъ къ розыску людямъ. Эти наставленія очень любопытны: онѣ обна-

руживаютъ значительную опытность царевенъ въ веденіи своихъ потаенныхъ дѣлъ и вводятъ насъ въ кругъ мелочныхъ домашнихъ интересовъ терема. Слѣдствіемъ однакожъ было доказано, что „царевна не разъ посылала за попомъ на Кострому своихъ постельницъ, тайно принимала его въ своихъ хоромахъ, дарила ему деньги, дворцовую серебряную посуду, находила случай переписываться съ нимъ, когда у комнатъ ея стоялъ караулъ, и утѣшалась въ своемъ заточеніи его предсказаніями. „Ничего не бойся, сказывалъ онъ ей чрезъ посланнаго, ничего тебѣ не сдѣлаютъ; я знаю по планетамъ, что будетъ: худо или добро“ [1]. Но участія царевны въ заговорѣ не открыто.

Въ своихъ наставленіяхъ она писала слѣдующее: „пожалуй, для Бога, матка моя, съѣзди ты сего дня или утре съ матерью своею къ Сорокину въ домъ, только мочно будетъ съ нею видѣться, да и молвь ты тихонько съ Вахромеевною [2], чтобъ мать твоя не вѣдала; такъ ей молвь: для де Бога не торопись, молись Богу. Будетъ де тебя спросятъ: почему де ты *попа* знаешь?— Такъ бы молвила: какова попа? Буде скажутъ какова, такъ бы молвила: кто сказываетъ, что я его знаю?—Буде старица (попавшаяся на слѣдствіе) станетъ про меня что говорить, что будто ко мнѣ хаживала: одно бъ крѣпко въ томъ стояла, что „не знаю, ни вѣдаю и не хаживала къ ней“.— А буде уже не возможно того не сказать ей, что *его* не знаетъ, такъ бы только сказала (за нужду, буде старица въ чемъ уличитъ), что она гдѣ ее съ нимъ видала, такъ бы къ тому слову сказала: только изъ знакомства, что онъ прихаживалъ къ Марѳѣ Ивановнѣ [3] и бивалъ челомъ о скуфьѣ, такъ иное сама не выдетъ на лѣстницу, да меня высылала сказать ему, что скажетъ добро, пошлю къ патріарху побить челомъ. А больше того не знаю ни чего, хотя уже умереть. Много бы словъ тѣхъ не плодила.—Буде и про то станутъ спрашивать, что почто ты прежде сего ѣздила на Кострому?—Такъ бы сказала: ѣздила я въ монастырь въ Нерехту съ милостынею; въ тотъ годъ недородъ былъ хлѣбу: такъ де старица, былаль у царевны и гдѣ бывала постельница, такъ де она била челомъ, что съ голоду

---

[1] Исторія Царств. Петра В., г. Устрялова III, 238.

[2] Домна Вахромеева содержалась подъ карауломъ у Сорокина въ томъ, что она отъ царевны къ *распопѣ* съ Верху письма нашивала и по того распопу на Кострому ѣзживала.

[3] Верховая боярыня Марѳа Ивановна Бѣлкина (?).

они пропадають; такъ де царевна Софія послала денегъ хлѣбъ..... Чтобъ не торопилась; буде спросятъ, такъ бы и сказывала; а буде не спросятъ, такъ бы не говорила..., А нынѣшнее буде спросятъ: почто ты ѣздила на Кострому? та бы сказала, что къ свекру и свекрови ѣздила видѣться. И то буде спросятъ: вѣдаетъ ли царевна, что ты поѣхала? та бы сказала, что не вѣдала... Буде спросятъ о томъ, прихаж валалъ къ намъ коли? одно бы говорила, что не хаживала и про письма ни про какія поминать ей не вели, ни про не Хоть и спрашивать станутъ про письма, что не нашивала какихъ писемъ? одно: что не нашивала, хоть умереть готова. Буде и про то спросятъ: не терпвалалъ ты какихъ писемъ Никакъ, хоть умерсть готова, что ничего не знаю, ни вѣда Лучше, однова стерпѣть, помилуй Богъ! Авось о этомъ и спросятъ у нее. Ты ей растолкуй хорошенько, только мош поговори ты съ нею: буде про сіе не станутъ спрашива такъ бы и не заводила про сіе говорить сама".

„И мужъ бы ея Вахромеевной не сказывалъ того, что о къ намъ хаживала, и что мы вѣдаемъ, что они поѣхали Костромѣ; чтобъ въ одно слово говорили, что жена, тобъ мужъ сказалъ. А какъ въ словахъ разобьются, такъ худо б детъ. И про тобъ не сказывалъ, что мужъ-отъ Вахромеевни въ ту пору, какъ мы сидѣли заперты къ Верху летась, та онъ отъ *попа* прихаживалъ съ словами къ Вахромеевной, и пис мо одинова приносъ къ ней; чтобъ этого не сказалъ. Вѣдь нѣ этому свидѣтеля: только они два. Только мочно, мужу Вахр меевнину это молвь ты, чтобъ про сіе не поминалъ, ни п деньги, что съ ними къ попу послали денегъ 10 рублевъ; (будт онъ давно просилъ, будто у него то занмовалъ. Ужъ ты выч тай хорошенько письма. Да только мошно, этакъ про все Ва ромеевной молвь ты, какъ писано: буде о чемъ спросятъ, та бы этакой отвѣтъ давала; а буде не спросятъ о чемъ, такъ б и не поминала. А хотя и про иное про што и спросятъ. та бы, нѣтъ доводчика, такъ можно въ томъ словѣ умереть".

„Пуще всего, писемъ чтобъ не поминала.... Для Бога, т этихъ словъ никому не сказывай, о чемъ писано, что съ ни говорить; не вѣрь ни въ чемъ никому, ни родному. И Дарьѣ б кто молвилъ, чтобъ не торопилась, чтобъ писемъ не пом нала, что ко мнѣ писывали. Также бы, любо спросятъ про т не видалали попа въ Верху? такъ бы сказала, что одно, ч

хочу умереть, ни знаю, ни вѣдаю.... Буде и про то спросятъ; и хаживалъ ли кто къ намъ сюды бабъ и мужиковъ? крѣпкобъ говорили, что никакъ.... ни кто не хаживалъ.... Пожалуй, для Бога, прикажи всѣмъ имъ, которые сидятъ, какъ здѣсь писано, чтобъ ни себя, ни меня, ни людей не погубили. Молились бы Богу, да Пресвятой Богородицѣ, да Николаю чудотворцу; обѣщались бы, что сдѣлать. Авось ли Господь Богъ всѣхъ насъ избавитъ отъ бѣды сея!—Пошли ты по Толочанова, да распроси ты хорошенько про старицу и про то, что она доводитъ въ чемъ на *попа*, и на царицу, и на меня. Довѣдайся о всемъ, да отпиши. А какъ Василей на перемѣну пріѣдетъ въ четвергъ, такъ съ нимъ въ ту пору писемъ не посылай, осматриваютъ ихъ. Помилуй Богъ, какъ найдутъ!... Призови ты къ себѣ завтре Агафью Измайловскую.... Ты ей молвь: что де ты хоронишься? отъ чего? До тебя де и дѣла нѣтъ. А коли бы де и дѣло было, гдѣ де ухорониться отъ воли Божіей.... Ты молвь ей: помилуй де Богъ отъ того! А какъ бы де взяли, такъ бы де вы, чаю, все выболтали: какъ хаживали, и какъ что и какъ царевенъ видали. Не умори де для Бога! хоть бы и взяли и вамъ бы де должно за нихъ, государынь, и умереть. Не поминай де ты и про то, что письмы отъ Татьяны и отъ Марьи нашивали. Вѣдь де нѣтъ свидѣтеля на то.... Ономедни съ нею посылала денегъ два рубли на подворье, зашито въ мѣшкѣ, *къ нему*. И про этобъ не сказывала: нѣту на это свидѣтелей; отнюдь бы не сказывала, что къ намъ хаживала... Опять повидайся ты съ Яшкою.... Я велѣла къ тебѣ имъ заѣхать. Разговорись съ нимъ, какъ его имали, въ чемъ? Да и про то молвь: помилуй де Богъ! Какъ бы стали распрашивать, такъ бы де вы много наболтали. Вамъ бы де и умереть надобно за нихъ; вѣдь де нѣтъ свидѣтелей прямыхъ. Будетъ де и спрашивали про то: что какіе горшки важивали? такъ де (бы) сказали, что въ Верху варили *ходатая*; а про иное бъ и не поминали. Хотябъ де и спросили: что не важивалиль де писемъ? такъ бы де сказали: хоть умереть въ томъ, что не знаемъ ничего, ни вѣдаемъ. А буде не спросятъ, такъ нечего и говорить ни про что, о чемъ не спрашиваютъ. Поговори имъ гораздо отъ меня про сіе: хоть бы умереть, а словъ бы не было: нѣтъ свидѣтеля. А для того про это пишу: ради всякаго времени. Иногды и не въ томъ попадутся, въ дѣлѣ, а про иное наболтаютъ. И Дарьѣ про то молвь, чтобъ не сказывали тѣхъ вракъ,

что про старца Агафья ей сказывала и куды де она Васку
сылала. О чемъ не спрашиваютъ, не вели того врать; о че
и спрашиваютъ, такъ въ чемъ нѣтъ свидѣтелей, такъ нечег
говорить. Чтобъ моего имени не поминали. И такъ намъ гор
и безъ этого!“ [1]

Да, въ это время, въ это послѣднее время теремной жи
вообще, терему дѣйствительно было горько. Искореняя стар
друзей терема, стрѣльцовъ, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ разруш
мало по малу и самое зданіе терема.

Извѣстно, что послѣ стрѣлецкаго розыска царевна Софья и Ма
были пострижены въ монахини, одна въ московскомъ Новодѣвич
емъ монастырѣ, гдѣ и прежде содержалась, другая въ Усп
скомъ дѣвичьемъ, въ Александровской Слободѣ. Предъ кель
Софьи по повелѣнію царя было повѣшено 195 человѣкъ стр
цовъ. У самыхъ оконъ висѣли трое съ челобитными въ рука
Князю Ромодановскому царь далъ собственноручное наста
ніе: кого пропущать къ Софьѣ: „Сестрамъ, кромѣ Свѣтлой
дѣли и праздника Богородицына, который въ іюлѣ жив
(храмовой праздникъ монастыря), не ѣздить въ монастырь
иные дни, кромѣ болѣзни (Софьиной). Со здоровьемъ (спра
вать о здоровьѣ) посылать Степана Нарбекова или сына его,
Матюшкиныхъ; а иныхъ, и бабъ и дѣвокъ не посылать;
пріѣздѣ брать письмо у князя Ѳедора Юрьевича (Ромода
скаго). А въ праздники, бывъ, не оставаться; а если останет
до другаго праздника не выѣзжать и не пускать. А *пѣвчих
монастырь не пускать*: поютъ и старицы хорошо, лишь
вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ: *спаси отъ б*
а въ паперти деньги на убійство даютъ“.

Въ февралѣ 1700 года, приводя въ новый порядокъ расх
дворца Петръ коснулся и кормки нищихъ. По расчетамъ
залось, что царица Марѳа на поминовеніи покойнаго мужа,
Ѳедора, кормила въ 5 дней 300 нищихъ; столько же кормила
рица Прасковья по мужѣ, царѣ Иванѣ; царевна Татьяна
хайловна кормила въ 9 дней 200 человѣкъ, царевна Евдо
Алексѣевна съ сестрами въ 7 дней 350 ч.; даже царевна
талья Алексѣевна кормила въ 4 дня 200 человѣкъ. Всего
милось въ извѣстные дни поминовенія у 5 комнатъ 1371
питья и запасовъ выходило въ годъ на 143 р. 26 ал. 3 деньги.

---

[1] Исторія Царств. Петра В., III, 408.

длинной вѣдомости объ этой статьѣ дворцоваго расхода етръ собственноручно написалъ: „сп деньги раздать нищимъ по ицамъ, а въ Верхъ ихъ (нищихъ) небрать, для того, что *вы-ерки то комятъ*“ [1].

Что именно сказано въ этой тайнописи, за неимѣніемъ ключа, ы объяснить не можемъ. Но этимъ указомъ окончательно и всегда нищіе отдалялись отъ дворцовыхъ комнатъ; старому мострою такимъ образомъ наносился самый чувствительный аръ, ибо старый домострой всю добродѣтель свою полагалъ енно въ такихъ формахъ благочестія.

Теремъ царствовалъ, конечно, по той только причинѣ, что лицо не было царя: одинъ былъ неспособный, другой малъ зрастомъ. Какъ только выросъ и укрѣпился малолѣтный царь, гда и окончилась воля царь-дѣвицы. Первая рѣшительная трѣча двухъ соперниковъ, какъ и слѣдовало ожидать, про-ошла на церковномъ торжествѣ, ибо на этихъ торжествахъ рскій санъ и государева особа обозначались для всенарод-ихъ очей несравненно виднѣе; а слѣд. и несравненно виднѣе наруживалось зазорное совмѣстничество двухъ царственныхъ объ. Софья очень хорошо понимала значеніе этихъ царскихъ ходовъ и не пропускала случая показаться народу въ цар-венномъ величіи. Выходы ея становились годъ отъ году ще. Обыкновенно она выходила вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ по всему вѣроятію даже и вынуждала его, постоянно боль-го, сопутствовать ей въ этихъ торжественныхъ шествіяхъ. иное время, особенно въ послѣдній годъ, она и одна являлась этихъ выходахъ. Царь Петръ появлялся на церковныя тор-ества изрѣдка, въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Онъ не тѣмъ лъ занятъ, да вѣроятно по возможности избѣгалъ и зазорнаго я себя совмѣстничества съ ненавистницею сестрою.... Но рытая, подземная борьба обнаруживалась даже и въ этихъ гомольныхъ дѣйствахъ двухъ соперниковъ: царевна время ъ времени приказывала пѣть въ соборѣ канонъ: „многими держимъ напастьми“, словами котораго желала выразить свое

---

[1] У Туманскаго, Росс. Магазинъ, I, 421, напечатано: *витебки тамъ омятъ*. Мы пользовались спискомъ этой разметной книги, относящим-ъ половинѣ XVIII ст.

положеніе и отношеніе къ петровской партіи. Петръ въ последніе года, 1688 и 1689, одинъ являлся въ соборъ къ „умовенію ногъ", тоже, по всему вѣроятію, давая чувствовать своимъ присутствіемъ при этомъ церковномъ дѣйствѣ, какъ он понимаетъ свои къ ней отношенія.

Въ 1689 г. іюля 5, царевна праздновала годовщину о побѣд на раскольщиковъ. Наканунѣ она одна слушала всенощну на Троицкомъ подворьѣ, въ церкви Чуд. Сергія, а въ самы день съ царемъ Иваномъ выходила къ обѣднѣ въ Успенскі соборъ и слушала благодарный молебенъ объ этой побѣдѣ с прибавленіемъ упомянутаго канона „за прошеніе царевны" 7 іюля вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ она праздновала въ собор память Филиппа митрополита.

8 іюля, въ понедѣльникъ, слѣдовало праздновать явленію Казанской иконы Пресв. Богородицы съ крестнымъ ходомъ в Казанскій соборъ въ память избавленія Москвы отъ Ляхов въ 1612 г. Въ этотъ праздникъ цари поднимали въ крестны ходъ иконы и изъ своихъ Верховыхъ, дворцовыхъ церквей отъ Спаса за Золотою рѣшеткою, за которыми шествова торжественно сначала въ Благовѣщенскій, а потомъ въ Успенскій соборъ, а отсюда сопровождали крестный ходъ до Казанской церкви и слушали тамъ обѣдню. Царь Петръ пріѣха къ празднику изъ села Коломенскаго. Надо замѣтить, что в этомъ ходу царевна еще ни разу не участвовала въ прежне время. Когда оба царя пошли съ Верху, изъ дворца, за обр зами, то и царевна въ тоже время церемоніально пошла из терема *съ откровенною* главою (въ чемъ и заключался для не зазоръ), неся образъ „*о Тебѣ радуется*", который, вѣроят по особому обѣщанію, былъ поновленъ къ этому дню и укр шенъ новымъ окладомъ [1]. Нельзя было не выразить царев своего обрадованія, потому что въ это время съ торжество побѣдителя приближался къ Москвѣ изъ Крымскаго похода к В. В. Голицынъ.

Съ именемъ Голицына для царевны соединялось на это разъ много радостей. Онъ разгромилъ Перекопскаго царя; п крайней мѣрѣ такъ онъ самъ писалъ о себѣ и прославлялъ возвеличивалъ свой выдуманный подвигъ даже на всю Европ Конечно, его успѣхъ возвеличивалъ личность правительницы, в

[1] Древн. Вивл. X, 362.

ко ставилъ ея управленіе государствомъ; придавалъ ея лицу жественныя самостоятельныя черты дѣятельнаго и счастливаго сударя. Надо было употребить всѣ средства, чтобы поднять ь общественномъ мнѣніи этотъ крымскій подвигъ на самыя сокія ходули. Кн. Голицынъ и обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ ликое умѣнье. Затѣмъ его присутствіе въ Москвѣ очень было обходимо по обстоятельствамъ царевниной борьбы съ братомъ етромъ. Этимъ крымскимъ подвигомъ она и хотѣла усмирить выгодную о себѣ молву со стороны братниной партіи; въ емъ она пріобрѣтала самое побѣдоносное и вполнѣ достойное ружіе противъ своихъ враговъ.

Но кромѣ политическихъ причинъ ея радости, существовала собая и главнѣйшая, сердечная, причина, которая должна была йствовать еще живѣе. Голицынъ былъ другомъ царевны и ея аперсникомъ. Разлука съ нимъ уже давно ее томила. Она объ томъ не разъ писала къ нему въ письмахъ, скрываемыхъ отъ юдей посредствомъ потаенной цифирной азбуки. Два такихъ исьма, сохранившіяся счастливымъ случаемъ и открытыя . Устряловымъ, относятся именно къ тому времени, о кото-юмъ мы говоримъ. Царевна поздравляетъ въ нихъ своего друга ъ побѣдою, которую разумѣется приписываетъ милосердію ожію, и присовокупляетъ: „чево отъ вѣка не слыхано, ни отцы аши повѣдаша намъ такова милосердія Божія; не хуже Израиль-ихъ людей, продолжаетъ она, извелъ васъ Богъ изъ земли гипетской, тогда чрезъ Моисея, нонѣ чрезъ тебя, душа моя.... вѣтъ мой, братецъ, Васенька, здравствуй, батюшка мой, на-ногія лѣта и паки здравствуй Божіею (милостію) и Пресвятыя огородицы и твоимъ разумомъ и счастіемъ, побѣдивъ агаряны, одай тебѣ Господи и впредь враги побѣждати. А мнѣ, свѣтъ ой, вѣры не имѣется, что ты къ намъ возвратишься; тогда ѣры пойму, какъ увижу во объятіяхъ своихъ тебя, свѣта мо-го.... Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія ѣта!... Батюшка мой, радость моя, свѣтъ очей моихъ, мнѣ ѣры не имѣтца, сердце мое, что тебя, свѣтъ мой, видѣть. елнкъ бы мнѣ день той былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ удешь. Еслибы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя оставила предъ собою". И самъ Голицынъ видимо очень же-алъ своего возвращенія въ Москву и потому просилъ друга — аревну, чтобъ она помолилась. На первый разъ царевна, ка-ется, не совсѣмъ такъ поняла его просьбу. „А что, свѣтъ мой,

пишешь, чтобы я помолилась", отвѣчаетъ царевна и присовокупляетъ въ сомнѣніи: „будто я, вѣрно, грѣшная предъ Богомъ и недостойна; однакоже дерзаю, надѣясь на его благоутробіе, если и грѣшная. Ей всегда того прошу, чтобы свѣта моего въ радости видѣть". Въ другой разъ она писала: „что ты, батюшка мой пишешь о посылкѣ въ монастыри, все то исполнила, по всѣмъ монастырямъ бродила сама пѣша.... что пишешь, батюшка мой, чтобъ я помолилася: Богъ, свѣтъ мой, вѣдаетъ, какъ желаю тебя, душа моя, видѣть; и надѣюся на милосердіе Божіе, велитъ мнѣ тебя видѣть, надежда моя.... А я, батюшка мой, здорова, твоими молитвами, и всѣ мы здоровы. Аще дастъ Богъ увижу тебя, свѣтъ мой, о всемъ своемъ житьѣ скажу; а вы, свѣтъ мой, не стойте, подите помалу, и такъ вы утрудилися. Чѣмъ вамъ платить за такую нужную службу, наипаче всѣхъ твои, свѣта моего, труды. Еслибъ ты такъ не трудился, никтобъ такъ не сдѣлалъ".

Теперь весьма понятно съ какимъ особеннымъ желаніемъ царевна хотѣла присутствовать въ торжественномъ крестномъ ходѣ къ Казанской. Она праздновала побѣду надъ врагами и разными напастями во всѣхъ смыслахъ.

Дворцовый выходъ совершился въ полномъ составѣ. Въ Успенскомъ соборѣ цари и царевна приложились къ иконамъ и св. мощамъ при пѣніи многолѣтія, послѣ чего должно было идти за св. иконами и крестами въ церковь къ Казанской. Царевна пошла „купно съ великими государи *откровенною* главою." Тогда, говорятъ, царь Петръ сказалъ сестрѣ, чтобъ она въ ходъ не ходила, что то дѣло *не обычное* и *не приличное* идти ей *особнымъ* лицомъ вмѣстѣ съ царями [1]. Какъ она ему отвѣтила, мы не знаемъ. Но дѣло кончилось тѣмъ, что въ ходъ не пошелъ только самъ Петръ.

Царевна съ братомъ Иваномъ торжественно вышла за крестами изъ собора и сопровождала ихъ до мѣста; а Петръ проводилъ кресты только до Архангельскаго собора, вошелъ въ эту царскую усыпальницу, помолился у св. иконъ и у мощей благовѣрнаго царевича Димитрія и „изволилъ съ Москвы иттить въ тоже вышеупомянутое село Коломенское". Къ сожалѣнію въ дворцовой разрядной запискѣ объ этомъ событіи, въ оригинальномъ столбцѣ, послѣ этихъ самыхъ словъ слѣдуетъ утрата

---

[1] Подробная Лѣтопись, Спб. 1799. IV, 135.

нѣсколькихъ листковъ [1], такъ что мы незнаемъ, въ чемъ заключались дальнѣйшія подробности ея повѣствованія, именно относительно царевны Софьи.

Но царевна продолжала свои выходы еще съ большею настойчивостью. 14 іюля она одна ходила ко всенощной въ церковь св. Владиміра, что въ Садѣхъ; 15 іюля въ самый праздникъ св. Владиміра она одна изволила быть въ той же церкви на освященіи и у обѣдни. 18 іюля вечеромъ ходила въ село Покровское и вскорѣ возвратилась оттуда, вѣроятно по той причинѣ, что въ это время къ Москвѣ подошелъ съ полками кн. Голицынъ. На другой день 19 іюля происходила торжественная встрѣча побѣдоносному войску, при чемъ царевна уже безъ малѣйшаго зазора справила эту встрѣчу во всемъ подобно самому царю. Воеводамъ велѣно было впередъ себя отпустить къ Москвѣ св. крестъ и полковыя св. иконы, которыя были съ войсками въ походѣ. Въ восьмомъ часу утра царевна изволила идти въ церковь Тихона (у Арбатскихъ воротъ); отслужила тамъ молебенъ и продолжала шествіе къ Серпуховскимъ воротамъ, у которыхъ за городомъ и встрѣтила св. иконы. Помолившись и приложившись къ иконамъ, она „жаловала къ рукѣ" бояръ и воеводъ, кн. Голицына съ товарищи, и изволила спросить ихъ о здоровьѣ. Отъ Серпуховскихъ воротъ за иконами она шла въ Кремль, въ сопровожденіи тѣхъ же походныхъ бояръ и воеводъ, а также и бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ, гостей и приказныхъ людей, которые сопутствовали ей на выходѣ. Впереди иконъ шли ратные люди: ротмистры, полковники, стольники, стряпчіе, порутчики, хорунжіе, дворяне, жильцы и иныхъ чиновъ, по 5 и по 6 человѣкъ въ рядъ, въ саадакахъ и въ сабляхъ и съ инымъ оружіемъ. У дворца шествіе встрѣтилъ царь Иванъ; послѣ чего царевна прошла дальше, черезъ свой государской дворъ, въ соборную церковь, гдѣ патріархъ совершилъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго царевна проводила пол-

---

[1] Дворц. разряды IV, 458. Замѣчательно, что въ подобныхъ актахъ, касающихся этой смутной эпохи, мы постоянно, и въ самыхъ важныхъ мѣстахъ, встрѣчаемъ такія же утраты. Такъ, напр. значительная часть предсмертнаго показанія Шакловитаго (Устряловъ, II, 77), тоже утратилась. Какъ будто по всѣмъ этимъ документамъ ходила какая-то одна рука, истреблявшая все, что должно было выяснять и обнаруживать въ настоящемъ видѣ отношенія Софьи къ Петру и къ своимъ друзьямъ.

ковую святыню къ себѣ во дворецъ и тамъ ее оставила въ одной изъ верховыхъ церквей. Затѣмъ въ Передней палатѣ вмѣстѣ съ братомъ она торжественно жаловала въ рукѣ всѣхъ походныхъ воеводъ и дьяковъ, и всѣхъ начальныхъ ратныхъ людей, при чемъ боярамъ сказана была похвальная рѣчь.

23 іюля въ 6 часу утра царевна ходила къ обѣднѣ въ Новодѣвичій монастырь и служила тамъ торжественный молебенъ „Смоленской Божіей Матери о ихъ государскомъ многолѣтномъ здравіи и о всякомъ благополученіи и воздавали хвалу о побѣдѣ враговъ, проклятыхъ агарянъ". У молебна были кн. Голицынъ и всѣ воеводы и ратные начальные люди. Послѣ молебнаго пѣнія, царевна угощала воеводъ фряжскими винами, а ратныхъ людей водкою.

25 іюля, по случаю именинъ царевны Анны, она опять угощала въ Передней водкою все боярство и дворянство и полковыхъ людей.

Между тѣмъ развязка потаенной борьбы съ братомъ близилась къ концу. Софья вела уже рѣшительные переговоры съ стрѣльцами. 27 іюля, на праздникъ иконы Смоленской Богородицы Одигитріи (путеводительницы, крѣпкой помощницы) она ходила, по обычаю въ Новодѣвичій монастырь ко всенощной, окруженная пятисотными и пятидесятниками отъ всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ; по окончаніи службы, въ 4 часу ночи, подозвавъ стрѣльцовъ, царевна жаловалась имъ на царицу Наталію Кирилловну: „И такъ бѣда была, говорила Софья, да Богъ сохранилъ; а нынѣ опять бѣду зачинаетъ. Годны ли мы вамъ? Буде годны, вы за насъ стойте; а буде не годны, мы оставимъ государство". Стрѣльцы отвѣчали: „воля ваша! Мы повелѣніе твое исполнять готовы; что велишь дѣлать, то и станемъ". — „Ждите повѣстки", сказала царевна. 4 августа ночью она переговаривалась съ стрѣльцами въ верхнихъ хоромахъ, у самаго терема, и говорила имъ: „Долголь вамъ терпѣть? Ужъ житья нашего не стало отъ Бориса Голицына (кравчаго у Петра) да отъ Льва Нарышкина. Царя Петра они съ ума споили; брата Ивана ставятъ ни во что; комнату его дровами закидали; меня называютъ дѣвкою, какъ будто я не дочь царя Алексѣя Михаиловича; князю Василью Васильевичу (Голицыну) хотятъ голову отрубить, а онъ добра много сдѣлалъ: польскій міръ учинилъ.... Радѣла я о всячинѣ, и они все изъ рукъ тащатъ. Можноль на васъ надѣяться? Надобныль мы вамъ? А буде не надобны, мы

пойдемъ себѣ съ братомъ, гдѣ кельи искать". Такой же разговоръ съ стрѣльцами по ночамъ у своего терема она вела во все это тревожное время [1]. Между тѣмъ Петръ еще 25 іюля передвинулся изъ Коломенскаго въ Преображенское; 4 августа отпраздновалъ въ Измайловѣ именины своей жены, царицы Евдокіи Лопухиныхъ, а въ полночь на 8 августа принужденъ былъ, спасаясь отъ убійства, внезапно ускакать въ Троицкій монастырь: „изволилъ идти для моленія въ Троицкій монастырь", какъ отмѣчаетъ дворцовая разрядная записка.

Въ то самое время, какъ Петръ безъ оглядки торопился добраться скорѣе до монастыря, чтобы найдти себѣ за его стѣнами безопасное мѣсто, благочестивая царевна, окруженная стрѣльцами, слушала акафистъ [2] въ церкви Казанской Богоматери, а вѣрнѣе упомянутый выше канонъ: „многими содержимъ напастьми". На самомъ же дѣлѣ подъ этимъ благочестивымъ обликомъ она вела рѣшительный заговоръ противъ брата и его семьи. Во дворцѣ и между стрѣльцами въ это время распространялся уже слухъ, что въ эту ночь придутъ изъ Преображенскаго потѣшные конюхи и побьютъ царя Ивана и всѣхъ его сестеръ, слѣд. распространялся слухъ о нашествіи Петра на теремъ. 9 августа царевна съ братомъ Иваномъ служила панихиду въ Архангельскомъ соборѣ по своихъ государскихъ родителяхъ, а потомъ одна ходила и въ Вознесенскій монастырь и тамъ также служила панихиду у гробовъ царицъ. Приближались обстоятельства очень трудныя и опасныя: они-то и заставляли царевну обращаться къ памяти родителей, въ это необыкновенное для подобныхъ моленій время. 11 августа вечеромъ она торжественно въ сопровожденіи боярства и дворянства, проводила изъ дворца въ Донской монастырь чудотворную икону Донской Богоматери, которая сопутствовала полки въ крымскомъ походѣ и оставалась еще пока во дворцѣ. Тамъ она слушала всенощную; а на другой день, 12 августа, ходила туда къ ранней обѣднѣ. 14 и 15 августа, по случаю празднованія Успенію совершены были обычные праздничные торжественные выходы въ Успенскій соборъ ко всенощной и къ обѣдни, въ сопутствіи бояръ, думныхъ и ближнихъ людей. 17 августа царевна ходила молиться въ Новодѣвичій монастырь. 18 и 19

[1] Исторія Царств. Петра, г. Устрялова, II, 51.
[2] Исторія Царств. Петра В., II, 59.

числа совершила съ братомъ празднованіе Донской Богородицѣ съ обычнымъ крестнымъ ходомъ въ Донской монастырь.

26 августа вечеромъ она опять ходила молиться въ Новодѣвичій монастырь, оставалась тамъ всю ночь и воротилась въ Москву за часъ до свѣта. Всѣ эти благочестивыя ночныя бдѣнія совершались однакожъ съ тою цѣлью, чтобы свободнѣе вести переговоры съ стрѣльцами, ибо стрѣльцы всегда непремѣнно сопровождали царскую особу, особенно въ ночныхъ выходахъ.

Наконецъ, 29 августа, царевна сама уже рѣшилась отправиться въ Троицкій монастырь къ разгнѣванному брату Петру. За 2 часа до вечера она отслушала въ Успенскомъ соборѣ напутственный молебенъ; оттуда ходила молиться у родительскихъ гробовъ въ Архангельскій соборъ и въ Вознесенскій монастырь, молилась въ Чудовѣ монастырѣ, на Троицкомъ подворьѣ и въ приходской церкви Вознесенія на Никитской. „И изъ той церкви изволила она великая государыня взять чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія и быть въ соборной церкви Казанскія Богородицы, что въ Китаѣ (городѣ), а отъ той церкви, съ тою святою иконою, иттить въ Троецкой Сергіевъ монастырь“. Ее сопровождали бояре, окольничіе, думные дворяне, стольники и стряпчіе. Извѣстно, что Петръ воротилъ ее изъ этого похода, грозя, что если пойдетъ, то „поступлено будетъ съ нею нечестно“. Она воротилась въ Москву 31 августа въ 7 часу ночи, по нашему счету во второмъ пополуночи, на 1 сентября, съ рѣшимостью поднять на Петра все государство. Но черезъ недѣлю, 7 сентября, была сама отрѣшена отъ владѣнья царствомъ [1].

Открывъ на-лицо всѣ ея замыслы, Петръ написалъ письмо къ старшему брату Ивану: „сестра наша царевна Софья Алексѣевна государствомъ нашимъ начала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное и народу тягость и *наше терпѣніе*, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши Ѳедька Шакловитый съ товарищи.... умышляли о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ.... А теперь, государь братецъ, настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему *зазорному лицу*, сестрѣ нашей, съ нашими двумя му-

---

[1] Дворц. разр. IV, 482 и др.

женскими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на тобъ и твоябъ, государя, моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. *Срамно*, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, *тому зазорному лицу* государствомъ владѣть мимо насъ!"

Этими словами Петра о зазорномъ лицѣ древній русскій вѣкъ высказывалъ свой приговоръ женской личности вообще и подвигу царевны въ особенности. Помимо всѣхъ преступныхъ замысловъ, этотъ подвигъ былъ самъ по себѣ зазоренъ и несовмѣстимъ ни съ какимъ положительнымъ идеаломъ вѣка. Срамно было мужскимъ особамъ, въ общественномъ дѣлѣ, стоять рядомъ съ личностью дѣвицы, а еще болѣе: находиться въ ея обладаніи, въ ея волѣ. Не преступнымъ только являлось ея лицо, но и зазорнымъ, на что особенно и указываетъ оскорбленный Петръ. „Пора государыня, давно вамъ въ монастырь!" мыслилъ древній вѣкъ, въ лицѣ ея же пособниковъ стрѣльцовъ, опредѣляя тѣмъ истинное назначеніе для дѣвичьей личности, если она лишалась почему либо возможности пристроить свою судьбу къ личности мужской, какъ было именно въ царскомъ быту.

Дѣвица-царевна, какъ и всякая честная вдова, слѣд. вообще женская личность, сама по себѣ,—по смыслу своего положенія въ обществѣ. была монастырка, постница, пустынница. Въ этомъ заключалось ея истинное призваніе, т. е. въ этомъ состояла идея ея общественнаго положенія. Вотъ почему и домъ вдовы и теремъ дѣвицы мало по малу всегда неизмѣнно превращался въ монастырь. Другой образъ жизни также неизмѣнно ставилъ ея личность въ положеніе зазорное для общественныхъ глазъ. Другой образъ жизни, хотя бы самый скромный, но только самостоятельный, былъ уже отрицаніемъ постническаго идеала и являлся непростительнымъ нигилизмомъ. Въ существенномъ смыслѣ зазорнымъ нигилизмомъ являлось не худое поведеніе, а всякій признакъ назависимаго, самостоятельнаго отношенія къ обществу, что осуждалось еще больше, и сильнѣе, чѣмъ худое поведеніе. Худое поведеніе судилъ Богъ, всегда милосердо отпущающій грѣхи. Самостоятельное поведеніе судило общество, никогда не прощающее явнаго отступничества отъ его

идеаловъ. Поэтому житейскіе грѣхи можно было всегда прикрыть постническою мантіею, лишь бы не видало ихъ общество. Но грѣхъ личной независимости и самостоятельности прикрыть было невозможно; ни какой мантіи для этого не существовало. Въ этомъ случаѣ была неизбѣжна и совершенно необходима прямая, открытая и притомъ богатырская, т. е. петровская борьба съ тѣмъ же обществомъ: борьба, недопускавшая ни какихъ сдѣлокъ, ни какихъ колебаній, уступокъ, ни какихъ мирныхъ переговоровъ. Быть можетъ у Софьи-царевны достало бы и ума и смѣлости выйдти и на этотъ путь; но у ней недоставало главнаго: живой вѣры, что этотъ путь столько же святъ: живой вѣры въ ту истину, что общество спасается не постническимъ идеаломъ, а идеаломъ полной, всесторонней свободы. Она же не искала настоящей свободы, а искала лишь приличной формы, приличной по мнѣнію вѣка одежды для своего дѣвическаго своеволія; потому она вовсе не была способна съ рѣшимостью отступить отъ завѣтнаго постническаго идеала и стремилась устроить не общественную, но лишь свою личную свободу по его же византійскимъ образцамъ. Она способна была явить русскому міру только фарисейскій видъ того же постничества. А это были старые мѣхи, которые уже не годились для новаго вина, т. е. для новыхъ началъ развитія, какихъ неуклонно требовало русское общество, вся русская жизнь, во всемъ своемъ составѣ и который способенъ былъ насадить и водворить только Петръ, стремившійся на прямой путь свободы гражданской и человѣческой.

Весьма понятно, чѣмъ должны были казаться Петру всѣ эти богомольные постническіе подвиги царевны и ея сестеръ, весь этотъ старый домострой жизни, прикрывавшій своими досточтимыми формами самыя растлѣнныя нравственныя начала.... Очень понятно, почему постническій идеалъ сталъ для него съ этого времени особенно ненавистенъ, почему онъ относился къ нему съ самымъ полнѣйшимъ отрицаніемъ и почему въ послѣдующее время употреблялъ всякія средства, чтобы окончательно его уронить и осмѣять въ общественномъ мнѣніи, устроивая съ этою цѣлью потѣшныя дѣйства извѣстнаго князь-папы или Пресбургскаго патріарха и жестоко стѣсняя и преслѣдуя ревностныхъ поборниковъ сказаннаго идеала, всякихъ его выразителей и изобразителей, начиная отъ старцевъ—пустосвятовъ, юродивыхъ, нищихъ и т. д., и оканчивая крутыми старовѣрами,

которые въ истинномъ смыслѣ были произведеніемъ Домостроя и потому такъ крѣпко и стояли за старое благочестіе.

Не добрую славу оставилъ по себѣ теремъ Софьи и въ народѣ. Правду или неправду староверы въ тихомолку говаривали: „царевна Софья, была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна, сестра ея.... и бояре ходили къ нимъ и робятъ тѣ царевны носили и душили, и иныхъ на дому кормили....“ (Исторія Россіи, г. Соловьева, XVII, 227).

ГЛАВА III.

ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ ВЪ ПОЛОЖЕНІИ ЦАРИЦЫ.

Особенныя условія этого положенія. Причины, которыми вызваны такія условія. Государевы браки. Исторія государевыхъ невѣстъ. Призваніе царицыной личности.

Мы видѣли, что русскій допетровскій вѣкъ не признавалъ женскую личность самостоятельнымъ членомъ общества. Въ обществѣ у ней не было своего самостоятельнаго мѣста. Самостоятельное мѣсто она имѣла только въ семьѣ. Но и здѣсь смыслъ ея самостоятельности колебался между отцомъ семьи, ея мужемъ, и ея же дѣтьми, такъ что предъ лицомъ отца семьи, своего мужа, она была столько же зависимою, малолѣтною въ своихъ правахъ, какъ и всѣ его дѣти. Затѣмъ, внѣ семьи, женская личность совсѣмъ уже теряла свои самостоятельныя права и приравнивалась къ общественнымъ сиротамъ, т. е. къ людямъ, которые никакими самостоятельными правами въ обществѣ не пользовались. Руку помощи ей подавала уже церковь, принимавшая подъ свою защиту всѣхъ сирыхъ и убогихъ. Церковь же, по необходимости, указывала женской личности лишь одинъ путь нравственно-самостоятельной жизни — монастырь. Это былъ въ дѣйствительности единственный путь не только для спасенія, но и для самостоятельнаго, сколько нибудь независимаго положенія въ общественной жизни. Оттого иноческій идеалъ становился для женской личности исключительнымъ и самымъ высшимъ идеаломъ существованія, ибо въ немъ одномъ только она и находитъ удовлетвореніе своимъ нравственнымъ самостоятельнымъ стремленіямъ. Между семьею и монастыремъ нѣтъ ей въ обществѣ мѣста; помимо семьи и помимо монастыря нѣтъ ей въ обществѣ дѣла, нѣтъ подвига, которые могли

и придавать ея жизни, хотя бы въ такой же мѣрѣ, самостоятельный, независимый смыслъ [1]. Какъ скоро она останавливалась между этими двумя сферами предназначенной ей дѣятельности, стремясь найдти для себя какую либо иную точку опоры въ общественной жизни,—она тотчасъ пріобрѣтала смыслъ лица зазорнаго. Общество въ такихъ случаяхъ всегда приходило въ великое смущеніе: всякое общественно-самостоятельное положеніе женской личности оно почитало невыразимымъ срамомъ не столько даже для личности женщины, сколько именно для самого себя. Однажды (въ 1418 г.) случилось въ Новгородѣ,—о которомъ составлено понятіе, что тамъ женщина пользовалась большею свободою, чѣмъ гдѣ либо въ старой Руси;—народъ поднялся на боярина Данила Ивановича Божина и казнилъ его раками близъ смерти, т. е. сталъ бить его чуть не до смерти. „Было же и это дивно, прибавляетъ тамошній лѣтописецъ,—или на укореніе богатымъ, обидящимъ убогія, или казнь діавола:—жена нѣкая, отвергши женскую немощь, вземши мужскую крѣпость, вскочивъ посреди сонмища, дастъ ему (боярину) раны, укоряющи его, какъ неистова глаголющи: яко обидима есми имъ" [2]. Событіе, въ самомъ дѣлѣ, до чрезвычайности дивное по старымъ русскимъ понятіямъ, которое въ дѣйствительности имѣло смыслъ дьявольской казни, потому что исполнителемъ этой казни являлась женская личность, принимавшая на себя подвигъ совсѣмъ ей несвойственный, не потому однакожъ несвойственный, что въ немъ унижалось достоинство женственныхъ нравовъ, а потому собственно, что здѣсь женщина являлась мужчиною, становилась поносителемъ мужской личности. Когда боярина били мужчины,—это было обычное дѣло; ничего тутъ не было чрезвычайнаго, дивнаго; но какъ скоро на него же поднялась рука женщины,—это становилось уже чудомъ и объяснить такой случай возможно было только казнью дьявола, чрезвычайнымъ укореніемъ и поношеніемъ именно тѣхъ людей, которые слишкомъ высоко себя ставили предъ людьми простыми, бѣдными. Женщина была обижена бояриномъ и, конечно, имѣла такое же право истить ему свою обиду, какъ и всѣ мужчины, и при томъ

---

[1] Котошихинъ: А которыя дѣвицы бываютъ увѣчны и стары, и замужъ ихъ взяти за себя никто не хочетъ: и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастырѣхъ, безъ замужества.

[2] П. С. Р. Л. III, 136.

въ такой же новгородской формѣ, потому что эта форма, побои, была, какъ бы сказать, самою натуральною формою народной расправы съ виновникомъ. Мы приводимъ этотъ мелкій случай, какъ черту общаго склада понятій о женской личности, по которому всякій ея общественно-свободный шагъ почитался дѣломъ въ высшей степени зазорнымъ. Какое поношеніе для мужчины могло равняться съ побоями отъ женщины. Это была на самомъ дѣлѣ казнь дьявола, выставленная лѣтописцемъ, какъ событіе поразительное.

Таковъ былъ общій смыслъ положенія женской личности въ нашемъ старомъ допетровскомъ обществѣ. Приступая къ разъясненію ея частнаго положенія и притомъ положенія высокопоставленнаго, именно положенія женской личности съ значеніемъ царицы, мы находимъ, что въ силу особенныхъ, исключительныхъ условій жизни, это положеніе становилось для нея еще стѣснительнѣе. Если въ общемъ быту народа личность женщины является жертвою семейнаго начала, то женщина—царица является жертвою уже не одного семейнаго начала, но сверхъ того и жертвою государственныхъ идей, которыя, хотя и возносятъ ея лицо на высоту недосягаемую, но въ тоже время ограничиваютъ смыслъ ея доли исключительно значеніемъ родительницы, значеніемъ почвы, въ которой не долженъ изсякнуть корень государскаго рода. Государственныя идеи вслѣдствіе такого значенія царицыной личности, ограждаютъ ее такими заботами о сохраненіи почвы рода, что въ нихъ эта личность совсѣмъ уже исчезаетъ для общества, какъ равно и для собственной своей самостоятельности. Чтобы указать причины, которыя способствовали поставить въ такое положеніе весь бытъ царицы, необходимо припомнить исторію московскаго самодержавія, внутреннюю, домашнюю исторію московскаго государя и его двора.

Мы уже говорили, что въ древнерусскомъ обществѣ понятіе о самостоятельности лица, о человѣческой свободѣ и независимости, было нераздѣльно съ понятіемъ о самовластіи; что идеалъ достойной личности былъ въ тоже время идеаломъ личности самовластной; что самостоятельность личности иначе не представлялась тогдашнему уму, какъ въ формѣ поступковъ и подвиговъ самовластныхъ. Естественно также, что въ понятіи о самовластіи лежало нераздѣльно и понятіе о единовластіи, ибо самовластіе, по существу своей идеи, не могло терпѣть подлѣ себя соперника, или совмѣстника своей жизни; оно совсѣмъ исклю-

мо, совсѣмъ отвергало всякую сколько-нибудь равную себѣ лу. Въ этомъ именно смыслѣ именуется самовластцемъ земли Ярославъ Великій, когда онъ остался подъ конецъ ея единовластителемъ; въ томъ же смыслѣ говорится и объ Андреѣ оголюбскомъ, что онъ хотѣлъ быть самовластцемъ, т. е. полымъ, ни отъ кого и ни отъ чего независимымъ господиномъ воего княжества.

Весьма естественно, что когда князья по идеалу Ярослава и ндрея сдѣлались самостоятельными въ своихъ княжескихъ вотинахъ, они иначе и не могли понять свою самостоятельность, акъ только въ формѣ самовластія, которое вдобавокъ еще сильѣе укрѣплялось сознаніемъ, что лицо князя есть лицо господина земли вообще, что князь не напрасно носитъ мечь, а на азнь злымъ и въ защиту добрымъ. Извѣстно, что на этотъ уть княжескаго самовластія наша исторія явно стала выходить ще со второй половины XII вѣка. Извѣстно также, что шаги я въ этомъ направленіи были ускорены татарскимъ разгромъ. Съ этого времени совсѣмъ угасаетъ идея родовой власти, . е. идея о живомъ единствѣ, о живой связи княжескаго рода, стало быть о взаимной круговой зависимости князей другъ тъ друга. Незамѣтно, они все болѣе и болѣе становятся чужими ругъ другу; съ тѣмъ вмѣстѣ гаснетъ и сознаніе о живомъ единтвѣ Русской земли. Русская земля „разносится розно", дробится а части и каждая часть начинаетъ жить особо, опрично, отдѣяя себя отъ общихъ интересовъ и заботливо преслѣдуя одни олько свои особные, опричные интересы. Главною руководящею илою жизни въ княжескомъ быту становится господарство, т. е. тдѣльная, вотчинная собственность. Она служитъ основою независимости, а стало быть и основою самовластія. Русская емля дѣлится между множествомъ самовластцевъ. Въ этомъ аключается форма политическаго ея быта и существо ея истоической жизни и дѣятельности.

Существомъ этой жизни была конечно борьба. кровавая борьба емскаго разрозненнаго самовластья, борьба опричныхъ княжествъ, опричныхъ господарствъ, за свою самостоятельность, т. е. на самомъ дѣлѣ за самостоятельность своего самовластья, ібо иного понятія о самостоятельности, какъ мы сказали, въ го время не было. Для самостоятельности съ этимъ смысломъ не было никакихъ границъ, не лежало въ ней ничего человѣчнаго, ничего нравственнаго, ничего даже политическаго, общаго.

Это было простое буйство однихъ лишь своекорыстныхъ княжескихъ цѣлей. Поэтому и для достиженія такихъ цѣлей употреблялись всяческія средства безъ малѣйшаго разбора и безъ малѣйшей нравственной ихъ оцѣнки.

Русская земля была отдана на растерзаніе княжескому произволу, который, какъ звѣрь, ждалъ всюду добычи, подстерегалъ ее, хваталъ ее при первой возможности, надѣясь лишь на одну силу, хитрость и всякое коварство, свойственное его хищной природѣ. „Рекоста бо братъ брату: *се* мое, а *то* мое же; и начаша про малое, се великое молвити, а сами на себя крамолу ковати.... Тогда сѣяшись и выросташи усобицы, погибала жизнь; въ княжихъ крамолахъ вѣки человѣкамъ сокращались. Тогда по русской землѣ рѣдко пахари покрикивали, но часто граяли враны, дѣляче себѣ трупы....“ Само собою разумѣется, что изъ такого положенія дѣлъ ничего другаго не могло выйдти, какъ именно то, что въ дѣйствительности и вышло. Кто нибудь одинъ, сильнѣйшій и хитрѣйшій, долженъ былъ одолѣть всѣхъ. На такомъ пути поставлена была вся жизнь Земли. Другаго выхода, другаго разрѣшенія задачи не видилось ни гдѣ и ни въ чемъ. Къ тому же Земля слишкомъ сильно чувствовала свое племенное и нравственное единство и вовсе не думала создавать изъ себя федерацію княжескихъ, а въ сущности помѣщичьихъ вотчинъ. Рознь жизни была не по ея уму. Въ этомъ умѣ жило святое слово *Русь*, которое всегда и взывало къ единству. Этотъ умъ Земли долженъ былъ наконецъ подняться и возсоздать въ новой формѣ то, что было начато давно уже, еще въ первые вѣка ея исторіи.

Собирателемъ разнесенной розно Земли или иначе сильнѣйшимъ и хитрѣйшимъ изъ самовластцевъ явился князь Московскій. Являлись и другіе: путь былъ открытъ не для него одного. Но Московскій осилилъ всѣхъ и осилилъ особенно по той причинѣ, что личное вотчинное свое дѣло, тотчасъ же освѣтилъ свѣтлымъ лучомъ общей земской политической цѣли. Онъ высоко поднялъ знамя единства *всея Руси* и крѣпко держалъ его до конца своего подвига. Принимая на свои руки это дорогое наслѣдство первыхъ вѣковъ русской исторіи, Московскій князь конечно долженъ былъ отвѣтить за все, долженъ былъ расплатиться за всѣ кровавые долги, нажитые въ теченіи столѣтій темными кровавыми дѣлами княжескаго рода. Онъ одинъ долженъ былъ принять на себя всѣ грѣхи своего рода. Онъ долженъ

былъ явиться типомъ того жизненнаго начала, той жизненной идеи, которая до того времени управляла всѣми дѣйствіями и дѣяніями князей, т. е. полнымъ, законченнымъ типомъ княжеской самостоятельности, а иначе: полнымъ, законченнымъ типомъ княжескаго самовластія. Другаго плода не могла принести почва княжескаго господства надъ землею. Рано ли, поздно ли не тотъ, такъ другой, но одинъ кто нибудь неизмѣнно явился бы именно такимъ плодомъ княжескихъ смутъ, которъ и крамолъ, терзавшихъ землю цѣлые вѣка. Напрасно думаютъ, что въ Москвѣ не продолжалась таже самая исторія, которая въ X, въ XI, въ XII вѣкахъ крутилась по временамъ около Кіева. Московская исторія относится къ той кіевской исторіи, какъ плодъ къ корню. Исторію кіевскую, какъ и московскую выработывало одно и тоже славное и безславное древо княжескаго рода. Въ Москву стянулись только всѣ соки этого древа. Какіе они были такими и еще въ большей силѣ они явились и въ своемъ плодѣ.

Московское собираніе земли, выразившее въ себѣ задачу всей прошлой исторіи, основную ея идею, было проведено, соотвѣтственно характеру времени, путемъ захвата, насилія, коварства, предательства; путемъ всѣхъ пороковъ, какіе обыкновенно порождаетъ борьба необузданнаго своеволія и самовластія. Борьба эта, какъ мы замѣтили, началась очень давно, гораздо раньше московскаго господарства. Въ эту эпоху, когда зачиналась каменна Москва, зачинался въ ней *Грозный Царь*, она подвигалась къ послѣднимъ днямъ и потому велась съ большимъ ожесточеніемъ. Она воспитала въ особой нравственной сферѣ не одно поколѣніе. Очень естественно, что съ собраніемъ земли она собрала въ Москвѣ, вмѣстѣ съ людьми, и всѣ тѣ нравственныя стихіи, которыми жили эти люди. А эти люди искони жили крамолою, ради оканныхъ вотчинъ: — *се* мое, а *то* мое же; искони ковали крамолу, были, хотя и мелкими, но такими же необузданными самовластцами, наиполнѣйшимъ типомъ, которыхъ явился московскій собиратель земли. Въ московскомъ дворцѣ, такимъ образомъ, собралось столько элементовъ нравственнаго растлѣнія, что этотъ дворецъ надолго сдѣлался поприщемъ для самыхъ темныхъ и нерѣдко безчеловѣчныхъ дѣлъ и событій. То, что ходило прежде по всей землѣ, собралось теперь въ одно мѣсто. Мелкіе и крупные самовластцы земли собрались въ одинъ дворъ московскаго господаря. Междоусобіе, ходившее по

всей земле сосредоточилось теперь въ одномъ городѣ и по не-
обходимости приняло другой видъ, взялось за другое оружіе.

Собираніе земли, къ концу XV вѣка, привлекло въ Москву
много князей и княжескихъ бояръ—дружинниковъ, которые изъ
независимыхъ, самовластныхъ вотчинниковъ сдѣлались, волею
или неволею, слугами московскаго вотчинника, его холопами.
Всѣ они однакожъ понимали московскаго князя, какъ насиль-
ника, какъ одного изъ такихъ же вотчинниковъ, который, какъ
сильнѣйшій, ради своего несытства, угнетеніемъ и притѣсне-
ніемъ, отнималъ и вотчины, а съ ними и свободу у другихъ
слабѣйшихъ, въ томъ только и виновныхъ, что не въ силахъ
они были съ нимъ бороться и некуда имъ было уйдти отъ его
могущественной и жестокой руки. Всѣ они московское *государ-
ственное* дѣло понимали личнымъ дѣломъ московскаго князя, и
почитали этого князя личнымъ себѣ врагомъ, простымъ граби-
телемъ. Не могъ, конечно, и московскій князь, особенно въ на-
чалѣ, сознавать, въ полной мѣрѣ и во всей чистотѣ, государ-
ственную, обще-земскую высоту своего призванія; и онъ точно
также понималъ свою задачу не столько государственнымъ смыс-
ломъ, сколько смысломъ вотчинника, смысломъ личнаго вла-
дѣнья землею. Но по ходу исторіи въ его вотчинническомъ
дѣлѣ воплощалось дѣло всей земли. Это самое, даже противъ
его сознанія, увлекало всю его дѣятельность на свой путь, на
которомъ смыслъ вотчинника съ жизненною постепенностью
долженъ былъ претвориться въ смыслъ государя, уже не вот-
чинника, а главнаго и перваго слуги для всей земли. Но пока
совершился такой выходъ исторіи, княжеская старина должна
была по праву самой жизни прожить и отжить свой вѣкъ, такъ
сказать, въ своемъ собственномъ тѣлѣ. Какъ извѣстно, въ этомъ
тѣлѣ всѣ члены были равны своею круговою связностью. По
крайней мѣрѣ въ немъ была еще жива крѣпкая память о такомъ
равенствѣ. Московскій князь сталъ проводить новину, началъ
всѣми силами выбиваться изъ этого равенства, а потому его
борьба съ своими сверстниками по происхожденію и по старому
дружинному праву по необходимости являлась только личною,
въ полномъ смыслѣ такою же междоусобною борьбою, какая
прежде терзала всю землю, а теперь должна была терзать го-
сударевъ дворъ. Московскій князь выбивался изъ равенства
отношеній, а остальные князья и дружинники, собранные въ
его дворѣ, добивались этого равенства, т. е. добивались сохра-

ить уже одряхлѣвшую старину въ полной силѣ. Само собою разумѣется, что борцы не разбирали средствъ, не останавливались ни предъ какими средствами, чтобы сломить противника. Они жили въ такой вѣкъ, когда объ этомъ много и не думали. Всѣ они воспитаны были въ тѣхъ понятіяхъ, а главное въ самыхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя свидѣтельствовали, что существуетъ одно право для людскихъ отношеній, это—самовластное право сильнаго, и что это право принадлежитъ всякому, кто съумѣетъ имъ воспользоваться. И они употребляли всяческія средства, чтобы дѣйствительно имъ пользоваться. Въ Москвѣ такимъ образомъ вгнѣздилось столько олигархическихъ началъ, столько олигархическихъ стремленій, что борьба съ ними должна была продолжиться на цѣлое столѣтіе. Она же должна была вырастить свой страшный плодъ, этого неслыханнаго по кровопролитію бойца въ лицѣ Ивана Грознаго, который самъ же въ немногихъ словахъ, но вполнѣ вѣрно и точно опредѣлилъ истинный смыслъ своей личности и своей исторіи. Онъ писалъ Курбскому: „Похищеньемъ, или ратью, или кровью сѣлъ я на государство? Я народился на царствѣ Божьимъ изволеньемъ; я взросъ на государствѣ.... за себя я сталъ! Вы почали противъ меня больше стояти, да измѣняти; и я потому жесточайше почалъ противъ васъ стояти; я хотѣлъ васъ покорить въ свою волю....“ [1]. Курбскіе и братія, конечно, не могли понять этихъ рѣчей. Они готовили для русской жизни польскую форму государственной власти[2]. А русскій земскій смыслъ никакъ не могъ понять польской формы, т. е. боярскаго владычества надъ землею и стало быть владычества боярской челяди (шляхты). „Здѣсь же Польша, есть и больше“, говаривалъ русскій земскій смыслъ, давая тѣмъ знать, что у него есть точка опоры, есть третье лицо, способное, рано ли, поздно ли, защитить его, стать на его сторону, т. е. въ сущности стать на сторону законнаго суда и справедливости. Вотъ изъ-за чего и шла долгая, большею частію подземная борьба въ московскомъ дворцѣ, которая была московскимъ только продолженіемъ старой исторіи кіевской, суздальской, рязанской, тверской и т. д.

Бой на открытомъ полѣ былъ проигранъ. Бороться силою сильнаго, равною силою, было уже невозможно, не мыслимо. Въ

---

[1] Исторія отношеній между русскими князьями, г. Соловьева, 684.
[2] Мысли и замѣтки о русской исторіи, г. Кавелина. Вѣстникъ Европы 1866 г. т. II, 375.

Москвѣ по необходимости представилось другое поле, на которомъ возможно было искать побѣды силою слабаго. На этомъ полѣ нерѣдко совершались удивительныя дѣла. Сила слабаго нерѣдко становилась не въ примѣръ страшнѣе открытой силы. Какаяжъ была эта сила? Это была сила вообще угнетенныхъ, порабощенныхъ людей, потерявшихъ возможность вести открытую борьбу; сила тайныхъ заговоровъ и козней, сила предательства, доноса, клеветы, сила всякаго коварства, всякаго потаеннаго *лиха*, и особенно сила лихаго зелья, т. е. порчи и отравы, которая, по суевѣрнымъ представленіямъ вѣка, являлась обыкновенно въ образѣ волшебства и чародѣйства. Эта послѣдняя сила сдѣлалась страшилищемъ, предъ которымъ трепетало все общество Москвы до послѣдняго человѣка, сколько нибудь значимаго для подъискателей чужой погибели. Отъ этой силы было мудрено укрыться даже въ собственныхъ хоромахъ, даже въ самыхъ сокровенныхъ клѣтяхъ этихъ хоромъ. Она была ежеминутно направляема противъ всякаго, забиравшаго въ свои руки какую либо власть, а тѣмъ больше власть государскую, дворовую. И само собою разумѣется, съ особенною энергіею, въ началѣ, она была направляема противъ главнаго и непосредственнаго представителя самовластной идеи, противъ главнаго выразителя самовластныхъ началъ жизни и главнаго виновника самовластныхъ дѣлъ, уничтожавшаго всякую возможность прямаго, открытаго боя, всякое малѣйшее съ нимъ совмѣстничество. Тайная, скрытая, подземная вражда и ненависть къ побѣдившему самовластью, которое, къ тому же, непереставало оскорблять, унижать и всячески изводить противную себѣ среду, - эта-то вражда и поднимала всевозможные ковы на государя. Она зорко слѣдила за каждымъ шагомъ самовластителя, за каждымъ мелочнымъ происшествіемъ его домашней жизни, за каждымъ событіемъ въ его семействѣ. Собирался ли государь жениться, она портила его невѣсту и отнимала у него любимую женщину; она портила его супругу, его дѣтей. Разводился ли государь съ женою, по случаю неплодія и женился на другой, она распространяла слухъ, что оставленная неплодная царица разрѣшалась отъ бремени наслѣдникомъ. Умиралъ ли у государя сынъ, она распространяла слухъ, что онъ живъ и удаленъ отъ царства лишь кознями близкихъ къ государю людей. Въ ѣству и питье, въ платье и во всякую обиходную вещь она клала или всегда была готова положить лихое зелье и коренье,

и на смерть, и на потворство, или прилюбленье, что равно было опасно. Конечно, по большой части, такія обстоятельства являлись одними только сплетнями, которыми обыкновенно боролись между собою мелкіе самовластцы изъ боярства, низвергая ими другъ друга съ высоты государскихъ милостей; но бывали и настоящія дѣла. Нельзя было вѣрить ни кому. Необходимо было беречься отъ людей всякими мѣрами. Извѣстно, что при в. к. Иванѣ Васильевичѣ, во время его домашней смуты съ сыномъ Василіемъ о наслѣдіи престола, даже его супруга, гречанка Софья, прибѣгала къ ворожбѣ; и къ ней приходили „бабы съ зеліемъ", отчего и съ нею съ своею женою, государь долженъ былъ жить въ береженіи [1].

Что дѣйствительно жизнь и здоровье московскаго государя часто находились въ опасности отъ козней потаенныхъ враговъ, на это указываетъ весь складъ дворовыхъ его порядковъ, получившихъ свое начало большею частію именно въ то время, какъ сдѣлался онъ самодержцемъ всея Руси. Эти-то дворовые порядки лучше всего и объясняютъ намъ, что московскій государь, не смотря на свою великую власть и грозное свое могущество, грозное могущество даже одного своего слова, не смотря на эту непомѣрную силу сильнаго, чувствовалъ, что онъ не имѣетъ силы, чувствовалъ, что онъ находится въ постоянной, самой крѣпкой, тѣсной и тяжелой осадѣ отъ силы слабаго. Окончивъ съ полнымъ торжествомъ войны большими походами, войны открытыя, явныя для всей земли, онъ принужденъ теперь внутри своего двора вести иныя войны, безъ всякихъ шумныхъ и громкихъ походовъ, войны тихія, медленныя, никому неслышныя и незримыя, но еще болѣе ожесточенныя.

Чтобы понять всю силу этого нравственнаго растлѣнія, которое охватило все собравшееся въ Москвѣ общество самовластцевъ и олигарховъ, необходимо войдти въ нравственный складъ тогдашнихъ убѣжденій; надо понять законъ, который вообще въ древнее время руководилъ всякою борьбою враговъ. По тогдашнимъ понятіямъ, защищать себя отъ врага, значило самому первому нападать на него; такъ, какъ и побѣждать врага, значило совсѣмъ истреблять его. Къ тому же жизнь человѣческая цѣнилась въ то время очень дешево, несравненно дешевле всякихъ, даже эгоистическихъ цѣлей и стремленій; не-

[1] П. С. Р. Л. VI, 279.

сравненно дешевле всякой, даже эгоистической необходимости. Как скоро цѣли и необходимости возвышались сколько нибудь до общихъ интересовъ, то понятіе о врагѣ низводилось до понятія о простой ненадобной и вредной вещи, которую истреблять почиталось дѣломъ естественнымъ и обычнымъ. Мы знаемъ, что такія понятія существовали въ нашемъ обществѣ и особенно въ средѣ государственныхъ и олигархическихъ стремленій, очень долго. Когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сынъ Ордына-Нащокина бѣжалъ тайно за границу, то самый гуманный изъ древнихъ нашихъ царей, посылалъ къ несчастному отцу подъячаго съ такимъ наказомъ: „Аѳонасью говорить, чтобъ онъ объ отъѣздѣ сына своего не печалился и въ той печали его утѣшать всячески и великаго государя милостію обнадеживать.... о сынѣ своемъ промышлялъ бы всячески, чтобъ его, поймавъ, привести къ нему; за это сулить и давать 5, 6 и 10 тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промышлять нельзя, и если Аѳонасью надобно, то сына его *извести* бы *тамъ*, потому что онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями. О небытіи его на свѣтѣ говорить не прежде, какъ выслушавши отцовскія рѣчи, и говорить, примѣрившись къ нимъ. Сказать Аѳонасью; вспомни, что больше этой бѣды впередъ уже не будетъ; больше этой бѣды на свѣтѣ небываетъ“ [1]. Весьма понятно, что въ эпоху утвержденія самовластныхъ идей, въ эпоху безпощадной кровавой борьбы этихъ идей, подобныя убѣжденія принимались живѣе и воплощались въ дѣло безъ всякихъ оговорокъ и гуманныхъ соображеній. И такъ какъ открытой борьбы вести было нельзя, то враги и съ той и съ другой стороны очень часто вели ее скрытными подземными путями.

Самая страшная и наиболѣе опасная сила невидимыхъ враговъ, отъ которой государю дѣйствительно пришлось сѣсть въ осаду, затвориться въ своихъ хоромахъ, какъ въ крѣпости, была, какъ мы упомянули, порча лихимъ зельемъ, отрава, а съ нею нераздѣльно всякое волшебство и чародѣйство.

Въ тотъ суевѣрный вѣкъ въ самомъ дѣлѣ трудно было отличить отраву отъ невиннаго вѣдовства и колдовства, зелье-коренье вредное, отъ безвреднаго, ибо и то и другое являлось подъ однимъ покровомъ таинственныхъ суевѣрныхъ дѣйствій,

[1] Г. Соловьева: Исторія Россіи, XI, 96.

въ обстановкѣ разныхъ волшебныхъ наговоровъ и заговоровъ направленныхъ на человѣка съ различными цѣлями, даже съ цѣлью привлечь къ себѣ его любовь и милость; трудно было разобрать, гдѣ являлось пустое только суевѣріе и гдѣ оно несло въ дѣйствительности страшныя средства отравы. Между тѣмъ явныя всѣмъ дѣла, явная гибель нѣкоторыхъ лицъ, именно отъ лихаго зелья и порчи, указывали на одну только эту страшную силу чародѣйства. Вотъ почему пустая волшба и настоящая отрава становились одинаково опасными, возбуждали одинаковый страхъ вездѣ, гдѣ обнаруживались и малѣйшіе признаки лишь одного пустаго суевѣрія. [1]

Чтобы оградить и защитить себя отъ этого *лиха*, государю было необходимо жить каждый часъ съ великими предосторожностями, необходимо было изъ своего дворца устроить въ дѣйствительности самую недоступную и неприступную крѣпость. Съ этою цѣлью и появились тѣ дворцовые порядки, обычаи и обряды, которые способствовали такому отдаленію государевой особы отъ его подданныхъ. Въ рукахъ суевѣровъ-друзей и суевѣровъ-враговъ питье, ѣда, платье, всякая послѣдняя мелочь домашняго обихода становились орудіемъ ихъ потаенныхъ козней. Необходимо, было уберечь себя отъ этихъ козней и не только отдать весь домашній обиходъ въ руки самыхъ испытанныхъ, вѣрныхъ и преданныхъ людей, но необходимо также было ежечасно испытывать эту вѣрность и преданность. Необходимо было, чтобы напр. питье, какъ и ѣства, прежде чѣмъ дойдутъ въ руки государя, постоянно испытывались всѣми подающими въ глазахъ принимающаго. Ключникъ долженъ былъ испытывать, ставя ѣству на столъ предъ дворецкимъ; дворецкій долженъ былъ испытывать, отдавая ее стольнику,

---

[1] Одинъ изъ первыхъ случаевъ *лихаго* дѣла представился еще въ первые годы государствованія В. К. Ивана Вас. Въ 1467 г. апр. 25 скончалась его супруга Марія-тверянка. *Отъ смертнаго зелія*, утверждаетъ лѣтописецъ и говоритъ, что это узнали изъ того, что когда покровъ на ней положили и его много свисло, а потомъ тѣло разошлося и тотъ покровъ много не досталъ на тѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что въ связи съ этимъ событіемъ стоитъ обстоятельство, вслѣдъ за тѣмъ же отмѣченное лѣтописцемъ: Тогда же восполѣлся князь великій на Наталью, жену своего дьяка Алексѣя Полуектова, которая послала *поясъ къ бабѣ* съ женою казеннаго подьячаго,—чей поясъ, неизвѣстно. В. Князь восполѣлся и на ея мужа, такъ что шесть лѣтъ не допускалъ его на очи и едва его простилъ. П. С. Р. Л., VI, 186.

несть передъ государя; кравчій, принимая блюдо отъ стольника, долженъ былъ покушать въ глазахъ государя прежде, чѣмъ ставить къ нему на столъ. „А чашникъ, какъ поднесетъ пить государю, самъ отольетъ въ ковшъ и выпьетъ, потомъ поднесетъ къ государю". Тоже самое происходило и со всѣми лѣкарствами, въ случаѣ государевой болѣзни. Опальный бояринъ Матвѣевъ писалъ къ царю Ѳедору Алексѣевичу, выставляя свои дворцовыя заслуги: „какого лѣкарства послѣ вашихъ государскихъ пріемовъ оставалось, и тѣ лѣкарства при васъ великомъ государѣ выпивалъ я, холопъ твой.... принявъ у тебя, великаго государя, рюмку, и что въ ней останется, на ладонь вылью и выпью.... Вашъ государскій чинъ обдержитъ, когда вы составы докторскіе изволите принимать, и при васъ, вел. государяхъ, только чины исправляютъ, накушиваютъ малѣйшую долю; а что я, холопъ твой, выпивалъ, и то угождая тебѣ, в. государю, и чаялъ, иначе, что усугублю милость твою государскую къ себѣ" [1].

Такая же самая мелочная и усердная предосторожность являлась всюду, во всякомъ мелкомъ и пустомъ дѣлѣ, примѣры чему мы увидимъ ниже и отчасти уже видѣли въ 1 томѣ этого сочиненія, глава II, при описаніи постельной комнаты.

Словомъ сказать береженье государскаго здоровья, какъ и здоровья всѣхъ членовъ его семьи, отъ напастей волшбы и порчи, было ведено во всемъ дворцѣ до того осмотрительно и наблюдалось съ такимъ необычайнымъ вниманіемъ ко всякой сомнительной, а слѣд. и подозрительной мелочи, что въ этомъ отношеніи государевы хоромы становились совершенно неприступными. Это была крѣпость, защищенная самымъ надежнымъ и самымъ тяжелымъ нравственнымъ оружіемъ — подозрительностью, которая, какъ мы сказали, мало довѣряла даже самымъ вѣрнымъ и испытаннымъ людямъ. Само собою разумѣется, что для укрѣпленія этой крѣпости отъ напастей всякаго нравственнаго зла прежде всего требовалось укрѣпить всѣхъ защищавшихъ ее людей нравственною отвѣтственностью. Сколько бы ни были они вѣрны, надобно было эту вѣрность запечатлѣть святою присягою, крестнымъ цѣлованьемъ. Является надобность въ крестоцѣловальныхъ записяхъ, которыя сначала принимались на каждый частный, отдѣльный случай, а впослѣдствіи вошли

---

[1] Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, М. 1785, стр. 8 и 9.

въ одну общую государственную запись клятвы вообще на службу государю.

Если въ первое время борьбы самовластныхъ стремленій потребовались клятвенныя крестоцѣловальныя записи въ томъ, чтобы не отъѣхать, не убѣжать отъ государя, не измѣнить ему, то еще необходимѣе было требовать такихъ же клятвенныхъ записей отъ лицъ, служившихъ *во дворѣ* государя, служившихъ прямо и непосредственно его лицу. Вотъ почему, мы думаемъ, что такія записи должны были появиться въ то самое время, какъ только московскій государь сталъ постепенно усаживаться въ своемъ дворцѣ, какъ въ крѣпости, отъ злыхъ потаенныхъ козней. Къ тому же и требованія подобныхъ записей не могли ограничиться общими словами, какъ было въ общихъ записяхъ, гдѣ въ общихъ выраженіяхъ „*лиха* никакого ни какъ не хотѣти, не мыслити, ни думати, ни дѣлати никакими дѣлы, ни которою хитростію" — скрылись всѣ частныя подробности, всѣ роды и виды лихихъ дѣлъ. Здѣсь, напротивъ, эти роды и виды лихихъ дѣлъ необходимо было поименовать ясно и отчетливо, прямо указать на нихъ, прямо обозначить то, въ чемъ именно обнаруживалось лихое дѣло. Мы должны также имѣть въ виду, что въ запись клятвы вносились указанія на совершившіеся уже факты лихихъ дѣлъ, которые и приводились въ ней, какъ примѣры того, что въ дѣйствительности бывало. В. К. Василій, отецъ Грознаго, даже въ общую запись внесъ клятву: „*о зельѣ о лихомъ*, кто станетъ говорити, чтобы дать государю или его в. княгинѣ, или ихъ дѣтямъ, какое *зелье лихое....*" [1]. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное основаніе заключать, что въ частныхъ, такъ сказать, видовыхъ клятвенныхъ записяхъ, какими были всѣ записи дворовыхъ людей, содержалось еще больше подробностей.

Къ сожалѣнію любопытный текстъ этихъ записей не дошелъ до насъ. Впервые мы встрѣчаемъ подробныя обозначенія лихихъ дѣлъ только въ извѣстной *подкрестной* записи Годунова. Въ ней лихія дѣла обозначены слѣдующимъ образомъ: „также мнѣ надъ государемъ своимъ, ц. и в. к. Борисомъ Ѳедоровичемъ в. р., и надъ царицею и в. к. Марьею, и надъ ихъ дѣтми, надъ царевичемъ Ѳедоромъ и надъ царевною Оксиньею, въ *яствѣ* и въ *питьѣ*, ни въ платьѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ

---

[1] С. Г. Г. № 162.

лиха никакого не учинити и не *испортити*, и *зелья* лихого и *коренья* не давати, и не велѣти мнѣ никому зелья лихого и коренья давати; а кто мнѣ учнетъ.... давати, или мнѣ учнетъ кто говорити, чтобъ мнѣ надъ государемъ.... и надъ царицею, и надъ ихъ дѣтьми, какое лихо кто похочетъ учинити или кто похочетъ *портити*, и мнѣ того человѣка никако не слушати и зелья лихаго и коренья у того человѣка не имати; да и людей своихъ съ *вѣдовствомъ*, да и со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылати, и *вѣдуновъ* и *вѣдуней* не добывати.... на государьское.... на всякое лихо; также государя.... и его царицу.... и ихъ дѣтей, на *слѣду* всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по *вѣтру* никакого лиха не насылати и слѣду не выимати, ни которыми дѣлы, ни которою хитростію; а какъ государь.... и его царица..... и ихъ дѣти куды поѣдутъ или куды пойдутъ, и мнѣ слѣду волшествомъ не выимати и всякимъ злымъ умышленьемъ и волшествомъ не умышляти и не дѣлати ни которыми дѣлы.... а кто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслити или дѣлати, и язъ то свѣдаю, и мнѣ про того человѣка сказати государю.... а у кого увѣдаю или со стороны услышу.... кто про такое злое *дѣло* учнетъ думати и умышляти.... или кто похочетъ государя.... царицу.... и ихъ дѣтей, кореньемъ и лихимъ зельемъ и волшествомъ испортити, и мнѣ того поймати и привести къ государю..... а не возмогу того поймати, и мнѣ про того сказати государю.... или его бояромъ, или ближнимъ людемъ, которому то *слово* донести до государя...."

Г. Соловьевъ перечисленіе въ этой записи особенныхъ видовъ зла, приписываетъ мелкодушію и подозрительности Годунова, присовокупляя, что: „еслибъ Годуновъ по своему нравственному характеру былъ въ уровень тому положенію, котораго добивался, то онъ не обнаружилъ бы такой мелочной подозрительности, какую видимъ въ присяжной записи и въ этомъ стремленіи связать своихъ недоброжелателей нравственными принудительными мѣрами...." И далѣе: Годуновъ.... явился на престолѣ бояриномъ и бояриномъ временъ Грознаго, неувѣреннымъ въ самомъ себѣ, подозрительнымъ, пугливымъ, неспособнымъ къ дѣйствіямъ прямымъ, открытымъ, привыкшимъ къ мелкой игрѣ въ крамолы и доносы, неумѣвшимъ владѣть собою...." [1].

[1] Исторія Россіи, VIII, 12, 17, 19.

Такимъ образомъ Годуновская запись въ своихъ подробностяхъ доставляетъ историку одну изъ тѣхъ красокъ, которыми онъ изображаетъ этотъ характеръ, обвиняя его въ мелочной подозрительности. Намъ кажется, что обвиненіе Годунова со стороны его записи въ мелкодушіи, въ мелочной подозрительности, не имѣетъ надлежащаго основанія. Въ этомъ съ такою же справедливостью мы должны обвинить поголовно всѣхъ царствовавшихъ самодержцевъ до Петра, который первый сталъ выше всякаго мелкодушія и всякой мелочной подозрительности, господствовавшей въ московскомъ дворцѣ, приводившей въ ужасъ всѣ сердца и всѣ умы въ теченіи двухъ столѣтій, въ теченіи именно того времени, въ которое самовластная идея жила еще, такъ сказать, въ личномъ образѣ государя, не переходя еще во всенародный образъ государства, какъ выразилъ эту идею Петръ. Какъ скоро личное перешло въ общее, то сдѣлались совершенно ненужными, излишними и всѣ дѣйствительно мелочныя заботы о сохраненіи лица. Но до этого времени самовластная идея, въ самовластной же олигархической средѣ, иначе и не могла существовать, какъ охраняя себя самою зоркою и мелочною подозрительностію. Ея друзья были еще очень слабы и потому очень измѣнчивы, а враги были очень сильны, сильны были всеобщимъ нравственнымъ растлѣніемъ, криводушіемъ, коварствомъ, измѣною, предательствомъ и т. д. Годуновъ въ этомъ отношеніи поступалъ такъ, какъ поступали его предшественники и его преемники. Онъ ничего не сдѣлалъ особеннаго, въ чемъ можно было бы обвинить одну только его личность. Вся особенность его записи заключается въ поименованіи только нѣсколькихъ видовъ того *лиха*, отъ котораго такъ берегли себя самодержцы. Но эта особенность объясняется тѣмъ, что въ текстъ общей, такъ сказать, государственной записи онъ внесъ, по всему вѣроятію, тексты записей частныхъ, по которымъ клялись *дворовые* люди, служившіе у государева лица. Здѣсь вся его вина и все его мелкодушіе и особая подозрительность. Мы вообще полагаемъ, что текстъ годуновской записи не есть его сочиненіе, а есть сводъ записей прежде существовавшихъ, составленныхъ покрайней мѣрѣ еще при Грозномъ, хотя ихъ начало можно отнести и къ болѣе раннему времени. Необходимо однакожъ припомнить, что самъ Годуновъ находился въ особенномъ, исключительномъ положеніи, которое безъ всякаго сомнѣнія привело его къ этой особенности и въ составленіи общей подкрестной записи. Онъ имѣлъ

неисчислимо больше враговъ, чѣмъ каждый изъ его предшественниковъ и преемниковъ. Онъ имѣлъ сильныхъ соперниковъ въ боярствѣ, въ родственникахъ царя Өедора, слѣд. враговъ личныхъ. Было необходимо обуздать вражду „нравственными принудительными мѣрами" т. е. крестнымъ цѣлованьемъ. Изъ записи Годунова мы видимъ, что зло порчи и отравы было сильно въ то время, а потому были необходимы и сильныя нравственныя мѣры противъ этого всенароднаго зла; единственною же нравственною мѣрою въ этомъ случаѣ была только присяга. Еслибъ запись Годунова служила въ самомъ дѣлѣ выраженіемъ одной только личной мелочной подозрительности и личнаго мелкодушія,—она не сохранила бы и слѣда въ домашнихъ порядкахъ царскаго двора. Мы, однакожъ, видимъ, что высказанныя въ ней требованія и даже самые виды лихихъ дѣлъ сохраняютъ свой жизненный смыслъ и у преемниковъ Годунова, изъ которыхъ даже и самого царя Алексѣя Мих. можно обвинить въ тѣхъ же годуновскихъ винахъ, т. е. въ мелочной подозрительности и стало быть въ мелкодушіи.

Но прежде, чѣмъ объяснять душевныя побужденія тѣхъ или другихъ историческихъ личностей, мы должны раскрыть нравственную сферу, въ которой они жили и дѣйствовали и которая, какъ сила необходимости, ставила каждую личность въ полную зависимость отъ своихъ положеній и опредѣленій. Мы упоминали, что волшебство, чародѣяніе не было, да и не могло быть отдѣлено въ своемъ значеніи отъ дѣйствительнаго лиходѣйства. Предки наши, люди вообще умные и практическіе, очень хорошо понимали, что значительная доля вѣдовскихъ дѣйствій безвредна. Они это знали по опыту; но они знали также по опыту, что волшбою портили людей, дѣлали положительный вредъ ихъ здоровью; въ это они глубоко и искренно вѣровали не по одному только суевѣрію, а по опыту цѣлыхъ вѣковъ. Различить вредное лихое, отъ безвреднаго, вздорнаго, они не имѣли ни какой возможности и по необходимости принуждены были съ самою мелочною подозрительностію, преслѣдовать всякій малѣйшій признакъ лихаго дѣйствія. Вообще вѣдовство, волшба въ то время вовсе не были мечтою, какъ обыкновенно мы теперь ихъ понимаемъ. Въ ихъ образѣ, во всѣхъ наиболѣе важныхъ случаяхъ, являлась всегда дѣйствительная гибель, т. е. порча или самая отрава. Это были язвы, заражавшія весь народный организмъ. и дѣйствовавшія съ особою силою тамъ,

гдѣ больше скоплялось нравственнаго зла. Суевѣрная, миөическая сторона волхвованія и чародѣйства была только оболочкою, подъ которою скрывалось большею частію настоящее *лихо*. Отъ этого волхвованіе и возбуждало такой паническій страхъ вездѣ, гдѣ только оно вскрывалось. И мелкая, и великая душа, равно приходили въ ужасъ, равно трепетали отъ его потаенныхъ дѣйствій и становились до крайности подозрительными, ибо дѣло касалось здоровья, самой жизни, и вовсе не представлялось мечтою, когда люди зазнамо изводились, умирали отъ зелья и коренья.

Вотъ почему лихое зелье и коренье и всякія лихія дѣла волшбы получаютъ мѣсто даже въ клятвенныхъ цѣловальныхъ записяхъ на вѣрность государю, а волхвы и бабы-ворожеи почитаются общественнымъ зломъ, наравнѣ съ скоморохами, татями и разбойниками.

Текстъ Годуновской подкрестной цѣловальной записи въ сокращеніи, относительно видовъ порчи, переходитъ въ записи Лжедимитрія и Шуйскаго; въ сокращеніи и по той еще причинѣ, что для этихъ царей не подробности требовались, а скорое составленіе записи, да и враги у нихъ были совсѣмъ иные, явные и открытые. Въ томъ же сокращеніи этотъ текстъ существуетъ въ записяхъ царей Михаила, Алексѣя и Өедора. При Алексѣѣ въ общей записи говорится только, чтобъ *ихъ государское здоровье во всемъ оберегати и никакого лиха имъ не мыслити*. Но за то въ частныхъ записяхъ сохраненъ этотъ сокращенный текстъ съ нѣкоторыми прибавками. Если въ этомъ сокращенномъ текстѣ мы не находимъ указанныхъ Годуновымъ нѣсколькихъ видовъ порчи, то это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, т. е. не измѣняетъ значенія мелочной подозрительности, въ которой былъ вообще грѣшенъ весь московскій Дворъ, а не одинъ какой либо человѣкъ въ особенности, ибо въ цѣловальныхъ записяхъ для дворовыхъ людей, даже при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, находятся подробности, которыхъ не касалась и запись Годунова, разумѣется, потому только, что имѣла болѣе общій государственный характеръ. Мы не говоримъ уже о томъ, что сила годуновской записи во всей своей жизненности являлась при каждомъ малѣйшемъ случаѣ вѣдовства и колдовства, которое открывалось во дворцѣ. На это указываютъ подлинныя сыскныя дѣла о ворожеяхъ и колдуньяхъ, и о всякихъ подозрительныхъ дѣйствіяхъ дворовыхъ людей въ те-

ченія всего XVII ст., когда государева особа была уже совершенно безопасна отъ толпы *личныхъ* завистниковъ и соперниковъ, отъ которыхъ принужденъ былъ уберегать себя Годуновъ. Съ большею основательностью и справедливостью мы могли бы упрекнуть въ излишней мелочной подозрительности именно государей, царствовавшихъ по праву всенароднаго, чисто земскаго и самаго искренняго избранія.

Извѣстны крестоцѣловальныя записи царей Михаила (1626 г.) и Алексѣя (1653 г.), въ которыхъ, въ общемъ изложеніи присяги сказано только: „государское здоровье во всемъ оберегати, и никакого лиха не мыслити"; но зато въ особыхъ *присягахъ*, по которымъ отдѣльно присягалъ каждый чинъ, указаны и особыя подробности, какими обозначалась должность этого чина.

Кравчій присягалъ: „ничемъ государя въ ѣствѣ и въ питьѣ не испортити, и зелья и коренья лихова ни въ чемъ государю не дати, и съ стороны никому дати не велѣти, и лиха никакого надъ государемъ никоторыми дѣлы и никоторою хитростью не дѣлать; а будетъ я услышу отъ кого или свѣдаю какое дурно или какое злое умышленье или *порчу* на государя и мнѣ про то сказати государю.... *Стольникъ*: его государя ни чѣмъ въ ѣствѣ и въ питьѣ не испортити и зелья и коренья лихово ни въ чемъ не дати...." *Казначей:* „надъ государемъ, царицею и ихъ дѣтьми никакова лиха не учинити, и зелья и коренья лихова въ платьѣ и въ иныхъ ни въ какихъ въ ихъ государскихъ чинѣхъ не положити.... "*Постельничій*: „въ ихъ государскомъ платьѣ, и въ постеляхъ, и въ изголовьяхъ, и въ подушкахъ, и въ одѣялахъ, и въ иныхъ во всякихъ государскихъ чинѣхъ никакова дурна не учинити, и зелья и коренья лихова ни въ чемъ не положити...." *Ясельничій, стремянный конюхъ, конюшенный дьякъ*: „зелья и коренья лихова въ ихъ государскія сѣдла, въ узды, въ войлоки, въ рукавки, въ плети, въ морхи, въ наузы, въ кутазы, въ возки, въ сани, ни подъ мѣсто, ни въ полсть въ санную, въ коверъ, въ попонку и во всякой ихъ государской въ конюшенной и въ конской нарядъ, и въ гриву, и въ хвостъ у аргамака, и у коня, и у мерина, и у иноходца, коренья не вязать, и не положити—самому не положити и никому конюшеннаго чину и съ стороны никомужъ положити не велѣти, и никотораго зла и волшебства надъ государемъ.... не учинити.... и всякого конского наряду отъ всякихъ чиновъ людей конюшеннаго приказу

и отъ стороннихъ людей во всемъ беречи накрѣпко и къ конюшенной казнѣ и къ нарядомъ стороннихъ людей не припущати....“ *Стряпчіе*: „въ платьѣ и въ полотенцѣ и во всякой стряпнѣ коренья лихова не положити.... “*Жильцы*: „ни въ чемъ государя не испортити и зелья и коренья лихова въ его хоромахъ, и въ палатахъ и индѣ ни гдѣ не положити....“ *Дьяки казенные* (казеннаго двора): „въ государское платье, въ бархатахъ, камкахъ, въ золотѣ, серебрѣ, въ шелку и во всякой рухляди, ни въ чемъ—зелья и коренья лихова не положити.... и государя, царицу и ихъ дѣтей ни чѣмъ не испортити....“ *Шатерничіе*: „подъ государскія мѣста (троны и кресла) и въ зголовья, и въ полавочники. и въ шатрахъ, и во всякихъ государскихъ чинѣхъ зелья и коренья лихова ни въ чемъ не положити....“ [1].

Дворовые люди царицына чина, истопничій, дѣти боярскіе и пр., при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, давали слѣдующую присягу: [2] „лиха ни котораго не хотѣти и не мыслити, и въ ѣствѣ, въ питьѣ, въ овощахъ, въ пряныхъ зельяхъ и въ платьѣ, въ полотенцахъ, въ постеляхъ, въ сорочкахъ, въ портахъ, лиха никакова не наговаривати и не испортити отнюдь ни въ чемъ. никоторыми дѣлы....“

Верховыя боярыни: „лиха не учинити и не испортити, зелья лихова и коренья въ ѣствѣ и въ питьѣ не подати и ни въ какіе обиходы не класти и лихихъ волшебныхъ словъ не наговаривати.... надъ платьемъ и надъ сорочками, надъ портами, надъ полотенцами, надъ постелями и надо всякимъ государскимъ обиходомъ лиха никотораго не чинити“.

Въ такихъ же почти выраженіяхъ давали присягу кормилицы царскихъ дѣтей, а вѣроятно и всѣ другія придворныя женщины. при чемъ всегда вставлялись и особыя рѣчи, сотвѣтствующія той или другой должности.

Эти записи и приписи отличаются отъ Годуновской только нѣкоторымъ обобщеніемъ лихихъ волшебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ могутъ указывать, что Годуновская запись составлена такъ сказать, по горячимъ, еще живымъ слѣдамъ разновидныхъ пріемовъ волшебства и порчи, а потому она и поименовываетъ самые эти виды лихихъ дѣлъ. Какъ бы ни было, но всѣ эти клятвы служатъ для насъ только слабымъ отраженіемъ того несказаннаго зла, которое гнѣздилось въ московскомъ дворцѣ. Ихъ

[1] Вивліоѳика VIII, 60.—Миллера: Изв. о Дворянахъ, стр. 238, Спб. 1790.
[2] См. въ концѣ книги Матеріалы, № 1.

короткія слова не въ состояніи ввести насъ въ этотъ міръ ежеминутнаго страха и трепета, въ этотъ міръ до крайности чуткихъ и до крайности мелкихъ подозрѣній, которыя лежали тяжелымъ гнетомъ надъ всѣмъ населеніемъ дворца, вынуждали его обитателей зорко подсматривать другъ за другомъ; развивали ябедничество, наушничество, доносъ; растлѣвали общество всѣми пороками мелкаго коварства и предательства. Пустое дѣло, пустое слово тотчасъ являлось государственнымъ преступленіемъ, возбуждало страшные розыски, немилосердыя пытки и всегда оканчивалось, если не полною гибелью, то полнымъ разореніемъ виновныхъ, ссылкою и подобными житейскими несчастіями. Государева особа охранялась не народною любовью, а ужасомъ доноса, розыска, пытки, ужасомъ знаменитаго *слова* и *дѣла*, котораго настоящій смыслъ народился именно въ дворцовыхъ покояхъ и оттуда уже распространился на всю землю. Все это были неизбѣжныя послѣдствія той ожесточенной борьбы самовластныхъ и олигархическихъ стремленій, которая вращалась въ московскомъ дворцѣ со времени соединенія всей земли въ одно самодержавіе.

Когда вопросъ о неограниченномъ самовластіи или, что одно и тоже, о неограниченной самостоятельности московскаго государя былъ рѣшенъ окончательно; когда его личность совсѣмъ и уже навсегда выдѣлилась изъ среды родовыхъ и дружинныхъ опредѣлений и облеклась небывалою до того времени самовластною и самодержавною волею, равно для всѣхъ *грозною*, не выключая и его родныхъ братьевъ, дядей и другихъ ближнихъ родственниковъ и свойственниковъ; когда, такимъ образомъ, даже и самыя права родства были упразднены во имя правъ личности, т. е. на первое время, во имя только самовластной или самостоятельной идеи государства, представителемъ которой явилась одна только личность государя въ государяхъ, большаго, великаго государя, сознававшаго теперь всю русскую землю не совокупностью различныхъ господарствъ, а единымъ, своимъ собственнымъ господарствомъ, своею неотъемлемою вотчиною; — когда все это совершилось, то всѣ, независимые прежде самовластцы, князья-родичи и думцы-дружинники, по необходимости должны были выразумѣть, что положеніе ихъ въ государевой вотчинѣ есть положеніе домочадцевъ, слугъ, а по

просту—положеніе холоповъ. Они передъ государемъ и называютъ себя уже холопами. Даже пожилой дядя государевъ, Андрей Ивановичъ Старицкій, передъ малолѣтнымъ своимъ племянникомъ, государемъ Иваномъ (Грознымъ) именуетъ себя холопомъ. Такъ переставились старые обычаи. Въ этомъ-то словѣ *холопъ* заключился теперь весь смыслъ отношеній боярскихъ къ особѣ государя и другъ къ другу. Старое начало болѣе или менѣе независимыхъ дружинныхъ или родовыхъ отношеній стало постепенно перерабатываться въ новое начало отношеній холопскихъ, во всей полнотѣ извѣстнаго нравственнаго склада и характера такихъ отношеній. Самовластныя, олигархическія стремленія боярства нашли себѣ, по необходимости, другой путь. Отъѣзжать, поднимать междоусобную войну съ государемъ, мутить землею, разносить землю розно, теперь было уже невозможно. Теперь по необходимости, они должны были сосредоточиться около одной цѣли, около той цѣли, чтобы войдти въ особую близость къ государю, въ особую его милость и его же милостью забрать его власть въ свои руки. Особая милость господина всегда давала холопу и особое самостоятельное, т. е. самовластное значеніе. Въ стремленіяхъ къ такой цѣли необыкновенно важнымъ дѣломъ для холоповъ-олигарховъ становилась государева женитьба, посредствомъ которой можно было вступить съ государемъ въ родство и въ свойство, слѣд. пріобрѣсть его милость самымъ легкимъ способомъ, безъ всякихъ особенныхъ заслугъ или талантовъ. Милость же государя въ такихъ обстоятельствахъ ставила человѣка на первое мѣсто и въ управленіи государствомъ.

Необходимо помнить, что наше государство произошло не изъ сліянія какихъ либо самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга земскихъ силъ, а произошло прямо и непосредственно изъ „вотчины“: почему и самое управленіе государствомъ было построено на личномъ, чисто вотчинническомъ, прямо помѣщичьемъ началѣ. Оно не было дѣломъ общимъ, отъ всей земли, оно было дѣломъ собственника, было дѣломъ *дворовымъ*, дѣломъ его дворовыхъ людей; изъ которыхъ всегда и составлялось такъ называемое правительство. Государствомъ управляли не государственныя, т. е. народныя земскія силы, а управляли имъ силы государева двора, которыя, скрытно, всегда первенствовали и въ боярской думѣ. Разумѣется, при вотчинномъ значеніи управленія другаго положенія вещей и быть не могло. И

государствомъ, какъ и самимъ государемъ, въ такомъ случаѣ, всегда управлялъ какой либо одинъ родъ, одна партія особенно близкихъ къ государю, его домашнихъ людей. А такими людьми по весьма понятнымъ причинамъ очень часто являлись его родственники по женѣ—царицѣ. Вотъ почему государева женитьба пріобрѣтала для всего Двора, для всего правящаго общества Москвы великій, самый жизненный смыслъ.

Государева невѣста, восходя на степень великой государыни царицы, тотъ-часъ же вводила за собою въ близость къ государю своихъ родичей и родственниковъ, которые очень скоро, становились, если не въ боярской думѣ, то на самомъ дѣлѣ, людьми сильными, вліятельными, становились временщиками; ибо въ иной формѣ, по духу вотчиннаго управленія, не могла и выразиться приближенная къ государю власть. Новые временщики, само собою разумѣется, должны были вытѣснить изъ дворца, удалить отъ государскихъ милостей старыхъ друзей государя, прежнихъ временщиковъ. Такимъ образомъ, было о чемъ подумать людямъ, стоявшимъ подлѣ государевой особы. Конечно, такія думы съ большею силою поднимались въ то время, когда былъ введенъ обычай выбирать государю невѣсту изъ всѣхъ дѣвицъ служилаго, въ собственномъ смыслѣ господарскаго сословія, которое впослѣдствіи должно было оставить за собою одно только, соотвѣтственное этому самому смыслу, имя дворянъ.

Въ эпоху дружинныхъ отношеній в. князья женились на княжнахъ своего же рода, на дочеряхъ удѣльныхъ князей, иногда на иноземкахъ, также княжескаго рода; а также и на дочеряхъ знатныхъ дружинниковъ-бояръ, и даже на дочеряхъ новгородскихъ посадниковъ. Тогда браки руководились именно дружинными отношеніями родовъ, отношеніями равенства.

Но когда московскій в. князь сталъ самовластительнымъ, самодержавнымъ государемъ всея Руси и всѣ удѣльные князья, вмѣстѣ съ дружинниками боярами сдѣлались его холопами, то представилось великое затрудненіе относительно его женитьбы и даже браковъ его сыновей и дочерей. Старое юридическое понятіе, что „по рабѣ холопъ" недозволяло уже брака съ подданными, съ своими слугами, холопами. Сверхъ того это противорѣчило всѣмъ помысламъ московскаго государя, стремившагося выдѣлить свою особу именно изъ среды, которая все еще полна была притязаніями своей равноправности съ нимъ, т. е. изъ княжеской и боярской среды.

Въ первое время господарскія стремленія в. князя были удовлетворены вполнѣ: онъ женился вторымъ бракомъ уже на греческой царевнѣ (Софьѣ). Этотъ бракъ придалъ особенно высокій, прямо царственный смыслъ особѣ государя и своимъ примѣромъ требовалъ и на будущее время соотвѣтственныхъ ему по значенію брачныхъ связей, покрайней мѣрѣ для государевыхъ сыновей, наслѣдниковъ престола. Иванъ Васильевичъ успѣлъ женить (въ 1482 г.) своего старшаго сына на дочери Молдавскаго воеводы и господаря, православнаго по вѣрѣ, а дочь Елену въ 1495 г. выдалъ за Литовскаго короля и в. князя Александра. Затѣмъ московскій государь много хлопоталъ о томъ, чтобы поженить и другихъ своихъ сыновей на иноземкахъ изъ владѣтельныхъ родовъ. Съ этой цѣлью онъ велъ переговоры съ дочерью Еленою, которая, живя въ Литвѣ, имѣла способы узнать, гдѣ за границею есть невѣсты для ея братьевъ. „Сынъ мой Василій, а твой братъ, говорилъ онъ дочери, и мои дѣти, Юрій и Дмитрій, а твоя братья, далъ Богъ, того доросли, что ихъ пригоже женити, гдѣ будетъ пригоже; и ты бы, дочка, отвѣдала: у которыхъ государей греческаго закона, или римскаго закону, будутъ дочери, гдѣ бы пригоже мнѣ сына своего Василія женити; или у которыхъ и не у великихъ государей будутъ дочери или у государскихъ дѣтей, которыя будутъ на государствѣ.... гдѣ взвѣдаешь и ты намъ пришли сказать съ нашими бояры". В. князь указывалъ, нѣтъ ли невѣстъ въ Венгріи у деспотовъ Сербскихъ, ибо то были православные; искалъ невѣстъ въ Германіи у Маркрабья Бранборскаго, присватывался за Датскую королевичну; но всѣ старанія и хлопоты были напрасны. Было много причинъ, по которымъ такіе браки становились дѣломъ до чрезвычайности затруднительнымъ и уладить его было почти совсѣмъ невозможно. Великою помѣхою служило вопервыхъ различіе вѣры, а главное то, что Европа еще очень мало была знакома съ Московскимъ Государствомъ, которое представлялось ей дикою пустынею, населенною чуть не кочевыми варварами, въ родѣ гунновъ или татаръ.

Оставалось покориться необходимости и выбирать себѣ невѣсту изъ подданныхъ. Но какъ же слѣдовало поступить въ этомъ важномъ дѣлѣ, чтобы устранить силу семейныхъ преданій, старыхъ отношеній, указывавшихъ всетаки на невѣстъ изъ знатныхъ княжескихъ и боярскихъ родовъ, которые, хотя и сравнялись именемъ холоповъ со всѣми подданными, но все еще сохраняли свое

высшее значеніе въ государствѣ и родниться съ ними по этой причинѣ было гораздо соотвѣтственнѣе, прямѣе, согласнѣе съ обычаемъ и со всѣмъ складомъ тогдашнихъ понятій о родовой чести, недопускавшей вообще большаго неравенства въ бракахъ.

Не желая посредствомъ брака съ какимъ либо изъ знатныхъ родовъ возвышать его значеніе, искусственно создавать въ немъ совмѣстника себѣ, совмѣстника своему самодержавному роду, государь принужденъ былъ вывесть этотъ вопросъ изъ сферы прежнихъ дружинныхъ княжескихъ, т. е. частныхъ отношеній, въ сферу отношеній общихъ, чисто государственныхъ; онъ принужденъ былъ опереться на массу и установить выборъ невѣсты общій, такъ сказать всенародный, безъ всякаго лицепріятія въ пользу какихъ либо преданій или личныхъ отношеній и связей, а руководясь только непосредственными прямыми достоинствами невѣсты, какъ женщины доброй, „ростомъ, красотою и разумомъ исполненной", къ какому бы малому роду она ни принадлежала.

В. князь Иванъ Васильевичъ выбралъ невѣсту для своего наслѣдника, сына Василья, изъ тысячи пятисотъ дѣвицъ, вызванныхъ на смотрины отъ помѣщиковъ или служилыхъ людей всей земли.

Этимъ дѣйствіемъ была порвана одна изъ послѣднихъ нитей, еще связывавшихъ государя съ княжескою и боярскою средою. Оно выводило его отношенія къ этой средѣ на полную свободу. Домашнее, личное государево дѣло становилось въ этомъ случаѣ дѣломъ общимъ, всенароднымъ, общественнымъ, въ полномъ смыслѣ государственнымъ, что, конечно, въ понятіяхъ народа еще болѣе возвышало личность государя, обобщало ее, ставило эту личность выше всѣхъ въ русской землѣ. Государь женился и выбиралъ себѣ невѣсту не изъ привилегированной среды княжескихъ родовъ, какъ бывало въ то время, когда онъ находился въ равенствѣ съ этою средою, самъ принадлежалъ къ этой же средѣ, т. е. къ тому же княжескому роду, былъ однимъ изъ многихъ,—теперь, представляя собою уже особый царскій самодержавный родъ и не находя невѣсты въ совмѣстномъ себѣ такомъ же царскомъ или княжескомъ владѣтельномъ родѣ, онъ бралъ ее всенародно изъ семьи всего служебнаго сословія. Теперь уже только этотъ общій земскій родъ могъ соотвѣтствовать роду великаго государя, соотвѣтствовать новому царственному значенію московскаго государя, какъ государя всея Руси.

Но если такой смыслъ могла имѣть женитьба самого госуда-, или его наслѣдника и вообще государевыхъ сыновей, то отношеніи замужества дочерей дѣло получало совершенно ратный смыслъ. Государь, вступая въ бракъ съ невѣстою, бранною всенародно, изъ всей служилой среды, не могъ тѣмъ низить своего царственнаго достоинства, напротивъ онъ возышалъ свою личность придавая ей общенародное значеніе, о кто же, кромѣ государя, имѣлъ право всенародно избирать бѣ невѣсту. Но, выдавая дочь за кого либо изъ подданныхъ, отя бы и самыхъ вельможныхъ и знатныхъ, онъ возвышалъ ѣмъ личность этого подданнаго до несоотвѣтственнаго ей гоударскаго достоинства, и вмѣстѣ съ тѣмъ унижалъ собственый царственный родъ до значенія своего слуги. Все это сильо противорѣчило здравому государственному смыслу, котоымъ всегда отличались московскіе в. князья и вотъ почему ля государевыхъ дочерей брачное состояніе потомъ совсѣмъ акрылось: они были принесены въ жертву государственной еобходимости. Въ XVII ст. Котошихинъ слѣдующимъ обраомъ объяснялъ этотъ печальный исходъ государственной преосторожности:

Сестры царскія или и дочери, царевны, имѣя свои особые окои розные, живутъ, какъ пустынницы, „мало зряху людей их люди; но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху и ица свои слезами омываху, понеже удовольство имѣяй царственное, не имѣяй бо себѣ удовольства такого, какъ отъ Всеогущаго Бога вдано человѣкомъ совокуплятися и плодъ твоити. А государства своего за князей и за бояръ замужъ выавати ихъ не повелось, потому что князи и бояре ихъ есть олопи и въ челобитьѣ своемъ пишутся холопьми. И то постаэлено въ вѣчный позоръ, ежели за раба выдать госпожу. А ныхъ государствъ за королевичей и за князей давати не поелось, для того, что не одной вѣры и вѣры своей оставить е хотятъ, то ставятъ своей вѣрѣ въ поруганіе. Да и для ого, что иныхъ государствъ языка и политики незнаютъ, и тъ тогобъ имъ было въ стыдъ".

Мы упомянули, что в. к. Василью Ивановичу невѣста была збрана изъ 1500 дѣвицъ. Такъ свидѣтельствуетъ современикъ Василія, Герберштейнъ. „Съ общаго совѣта, говоритъ онъ, были собраны въ одно мѣсто дочери *бояръ*, числомъ 1500, для ого, чтобы князь выбралъ изъ нихъ супругу по желанію". Онъ

объясняетъ также, что такой, общенародный, выборъ невѣст
сдѣланъ былъ по совѣту великокняжескаго казначея, грека Юр
Малаго (Траханіота), который былъ самымъ приближенны
лицомъ у в. князя и надѣялся будто бы, что Василій возме
себѣ въ супруги его дочь. Но хитрые замыслы неудались
в. князь избралъ въ невѣсты Соломониду Сабурову, дочь незнач
тельнаго дворянина Юрья Конст. Сабурова. Все это могло бы
такъ, какъ разсказываетъ Герберштейнъ о происках придво
наго грека. Но не должно думать, что установленіе всенаро
наго избранія государевой невѣсты произошло именно изъ это
частнаго, случайнаго обстоятельства, какимъ представляет
замыселъ государева казначея. Оно, какъ мы говорили, яв
лось дѣломъ государственной необходимости и должно было,
общемъ совѣтѣ, утвердиться какими либо, тоже государстве
ными примѣрами. Только подобные примѣры и могли дѣйстı
вать наиболѣе убѣдительно на государеву Думу, какъ и на с
мого государя. За примѣрами ходить далеко не было нуж
Библейская Исторія восточныхъ царствъ, достаточно всѣ
знакомая, а потомъ и Византійская исторія, представляли т
кихъ примѣровъ не мало. Грекъ Юрій, безсомнѣнія очень х
рошо помнившій византійскую старину, выставилъ, по все
вѣроятію, готовый и вполнѣ достойный образецъ для под
жанія Московскому государю, именно древній обычай византı
ской имперіи, гдѣ для молодыхъ императоровъ точно так
невѣсты избирались со всей земли. Точно такъ, напр., им
ратрица Ирина выбрала невѣсту для своего сына Констант
на, съ которымъ она царствовала вмѣстѣ. Подробный разска
объ этомъ событіи находимъ въ старинномъ житіи св. Фи
рета Милостиваго [1], которое вообще очень любопытно и
археологическомъ отношеніи по изображенію византійскаго б
та въ концѣ VIII столѣтія. Многія черты этого быта нося
въ себѣ вполнѣ родственное сходство съ нашимъ бытомъ X
и XVII ст., и тѣмъ показываютъ, что онѣ нѣкогда служи
образцами для шей культуры. Вотъ что повѣствуетъ это
тіе объ избраніи царской невѣсты:

Посланы были смотрѣть для царя невѣсту нарочитые му
по всей земли греческой, отъ востока до запада, отъ юга до с
вера. Пытаніе всюду творяху, они пришли между прочимъ

[1] По списку XVI вѣка изъ нашего собранія рукописей.

рану Понтійскую, въ среду земли Вофлагонскія, въ весь, или село, называемое Амнія. Здѣсь царевы послы остановились отдыхъ въ домѣ св. Филарета, у котораго, кромѣ дѣтей, ли еще и три внучки дѣвицы. Послѣ пира, чудомъ устроенго, ибо въ это время св. старецъ, проживъ уже все свое векое богатство на милостыню, находился въ бѣдности, послы росили: есть ли у него подружіе—супруга хозяйка. Получивъ вердительный отвѣтъ, они сказали старцу: да войдетъ тень сюда твое подружіе, яко да лобзаетъ насъ. Она жъ, призанная, вошла. Увидавши ее, красну и добротою сіяющу, хо уже въ старости была, послы вопросили: есть ли у нихъ чери или внучки невѣсты? Старики отвѣчали, что есть, у хъ три дочери замужемъ, а три внучки уже невѣсты. Послы ъявили, что желаютъ видѣть отроковицъ, ибо изыскиваютъ рю невѣсту: „тако заповѣдано бысть, да не утаится отъ съ въ греческой землѣ не едина дѣвица, ея же мы не увимъ". Старецъ, упокоивая гостей, попросилъ отложить смоины до утра. Когда, утромъ, послы стали требовать: да введутъ юныя госпожи на среду, да видимъ ихъ,—старецъ вѣтилъ имъ, что по обычаю, у нихъ мало выходятъ къ гоимъ даже и жены, а дѣвицы николиже исходятъ отъ худыхъ рамииъ своихъ; если хочете, ихъ видѣть, прибавилъ онъ, не бидьтесь, пойдите во *внутреннюю храмину*. сами посмотрите ъ. Послы согласились и пошли смотрѣть дѣвицъ въ ихъ теаъ. Тамъ три невѣсты въ сопровожденіи своей матери встрѣли ихъ съ подобающею почестью. Послы обрадовались, увидоброту дѣвицъ и прензлишнюю красоту ихъ лицъ.

Они съ собою имѣли цареву *мѣру*, по которой вездѣ испывали назначенный возрастъ невѣсты; взяли эту мѣру и вымѣрили дѣвицъ и нашли ровну на первой внучкѣ блаженнаго арца; была она возрастомъ выше двоихъ своихъ сестеръ; имя ей ыло Марья. Тотчасъ ее и нарекли себѣ царицею и госпожею. сполнившись многаго веселья, послы взяли съ собой всѣхъ рехъ отроковицъ съ отцомъ и съ матерью, съ блаженнымъ ѣдомъ и бабою, и совсѣмъ родомъ и племенемъ ихъ, числомъ сѣхъ 30 человѣкъ. Между тѣмъ въ иныхъ мѣстахъ они израли и другихъ юныхъ дѣвицъ, числомъ десять и между ини дочь нѣкоего Геронтія; и та тоже была добра видѣніемъ.... сѣхъ повели къ царю въ палату. Марія въ это время обраилась къ своимъ подругамъ съ слѣдующими словами: „госпо-

жи мои и сестры! Послушайте моего худаго разума совѣта: из всѣхъ насъ царь выберетъ одну. Согласимся такъ: кого из насъ изберетъ царь въ царицы, да не покинетъ она на свое царской высотѣ и прочихъ своихъ сверстницъ по выбору. да будетъ намъ всѣмъ общая радость". Между тѣмъ Геронтіе дочь возносилась своими достоинствами: умомъ, красотою, б гатствомъ, благородіемъ и увѣряла, что непремѣнно будет обручена царю. Она и была первою введена на испытаніе цареву наперснику Ставрокію. Но гордая не была избран Подавъ ей даяпія (дары), ее отпустили во своясп Исполни Соломоне слово: „Господь гордымъ противляется, смиреннымъ даетъ благодать„.

Потомъ ввели на смотрины Марію съ дѣдомъ и съ бабо съ отцомъ и съ матерью, съ сестрами и со всѣмъ родомъ племенемъ. Царь Константинъ и царица Ирина и наперсни Ставрокій удивились образу ихъ и украшенію и устроенію, въ той часъ чистолѣпную Марію обручилъ себѣ царь, и ве чудною свадьбою взялъ за себя.... Вторую сестру царь отда за одного изъ своихъ вельможъ, патрикія саномъ; третью послалъ, умиренія ради, къ Лоуговарду (Лонгобарду) Аргус именемъ, со многими дарами, и та убо царицею бысть за ни Прочихъ дѣвицъ, одаривъ, роздалъ за мужъ за великихъ ве можъ по моленію царицы Марьи, какъ сказала: которой дас Богъ, да помянетъ (не оставитъ) прочихъ. Затѣмъ весь родъ пле Маріи отъ стараго и до младенца, царь одарилъ всякимъ имѣ емъ и стяжаньемъ, богатымъ одѣяніемъ, златомъ, каменіе честнымъ, драгимъ бисеромъ, домами великими и славными....

Такъ иногда совершались выборы невѣстъ у царей виз тійскихъ, такъ по необходимости они стали совершаться московскихъ государей, слѣдовавшихъ во многомъ своимъ п вообразамъ по устройству государственныхъ и царскихъ дома нихъ порядковъ.

О томъ же первомъ бракѣ в. к. Василія, совершенномъ всенародному избранію невѣсты, свидѣльствуютъ кромѣ Г

---

[1] Кедринъ свидѣтельствуетъ, что этотъ бракъ царя Константина б совершенъ противъ его воли, по желанію матери его, царицы Ири Впослѣдствіи Константинъ, по наважденію же матери, удалилъ свою с ругу въ монастырь и женился на Θеодотѣ, служительницѣ Ирины. К ринъ называетъ также первую его супругу Мариною, а не Маріею.

штейна, и другіе иностранцы, тоже современники Василія.
велъ Іовій обозначаетъ это избраніе уже какъ бы общимъ
ановленіемъ, давнимъ обычаемъ. „Московскіе государи, го-
итъ онъ, желая вступить въ бракъ, повелѣваютъ избрать
всего царства дѣвицъ, отличающихся красотою и добродѣ-
ію и представить ихъ ко двору. Здѣсь поручаютъ ихъ освп-
ельствовать надежнымъ сановникамъ и вѣрнымъ боярынямъ,
ъ что самыя сокровенныя части тѣла не остаются безъ под-
наго разсмотрѣнія. Наконецъ, послѣ долгаго и мучительнаго
данія родителей, та, которая понравится царю, объявляет-
достойною брачнаго съ нимъ соединенія. Прочія же сопер-
цы ея по красотѣ, стыдливости и скромности, нерѣдко въ
ъ же самый день, по милости царя, обручаются съ боярами
оенными сановниками. Такимъ образомъ московскіе государи,
езирая знаменитые царскіе роды, подобно оттоманскимъ сул-
амъ, возводятъ на брачное ложе дѣвицъ большею частію
каго и незнатнаго происхожденія, но отличающихся тѣлесною
сотою".

Францискъ-да-Колло разсказываетъ слѣдующее: „в. к. Василій,
умавъ жениться (это было еще при его отцѣ), обнародовалъ
всемъ государствѣ, чтобы для него выбрали самыхъ пре-
снѣйшихъ дѣвицъ, знатныхъ и незнатныхъ, безъ всякаго
личія. Привезли ихъ въ Москву болѣе пятисотъ: изъ нихъ
брали 300, изъ трехъ сотъ 200, послѣ 100, наконецъ только
ять, осмотрѣнныхъ повивальными бабками; изъ сихъ десяти
силій избралъ себѣ невѣсту и женился на ней (на Соломо-
): однакожъ не имѣлъ удовольствія быть отцемъ, и потому
весьма уважалъ супругу, такъ что я, находясь въ Москвѣ,
женъ былъ ходатайствовать о свободѣ брата ея, сидѣвшаго
темницѣ за легкую вину" [1]. Противорѣчіе сказаній Герберш-
ейна и Франциска-да-Колло о 1500 и 500 дѣвицахъ весьма
гласимо съ истиною, ибо цифра 1500 могла обозначать все
сло дѣвицъ невѣстъ, которыя были написаны въ выборъ,
отвѣтственно тѣмъ качествамъ, какія требовались для госу-
ревой невѣсты.

Съ порядкомъ предварительнаго выбора, по разнымъ мѣстно-
нъ, насъ знакомятъ отчасти самыя грамоты, которыя въ
о время разсылались ко всѣмъ помѣщикамъ или служилымъ

[1] Карамз. VII, пр. 402.

людямъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ областные и други
города посылали довѣренныхъ людей изъ окольничихъ или из
дворянъ съ дьяками, которые заодно съ мѣстною властью, с
намѣстникомъ или воеводою, и должны были пересмотрѣть всѣх
дѣвицъ назначеннаго округа. Между тѣмъ по всему округу, в
всѣ помѣстья пересылалась государева грамота съ наказом
везти дочерей въ городъ для смотра. Помѣщики собирались с
невѣстами и за тѣмъ избранныхъ везли уже въ Москву. Дл
многихъ, вѣроятно по бѣдности, этотъ мѣстный съѣздъ был
дѣломъ не совсѣмъ легкимъ и потому иные не слишкомъ торо
пились исполнять царскій наказъ. По случаю первой женитьб
царя Ивана Васильевича зимою 1546—1547 года, были разослан
слѣдующія грамоты, текстъ которыхъ для удобства въ чтені
мы нѣсколько поновляемъ.

„Отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Руси въ наш
отчину въ Великій Новгородъ, въ Бѣжицкую Пятину, отъ Но
города верстъ за сто и за полтораста и за двѣсти, княземъ
дѣтямъ боярскимъ. Послалъ я въ свою отчину въ Великій Но
городъ окольничаго своего Ивана Дмитріевича Шеина, а в
лѣлъ боярамъ своимъ и намѣстникамъ князю Ю. М. Булгако
да Василью Дмитріевичу да окольничему своему Ивану смотр
ти у васъ дочерей дѣвокъ,—намъ невѣсты. И какъ къ ва
эта наша грамота придетъ, и у которыхъ у васъ будутъ дочер
дѣвки, и выбъ съ ними часа того ѣхали въ Великій Новгород
а дочерей бы у себя дѣвокъ одноличчно не таили, повезли б
часа того не мѣшкая. А который изъ васъ дочь дѣвку у се
утаитъ и къ боярамъ нашимъ.... не повезетъ, и тому от
меня быть въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посылайт
межъ себя сами, не издержавъ ни часа“. Другая: „въ Вязму
въ Дорогобужъ княземъ и дѣтемъ боярскимъ дворовымъ и г
родовымъ. Писалъ къ намъ князь Ив. Сем. Мезецкой да дво
цовой дьякъ Гаврило Щекокъ, что къ вамъ послали наши гр
моты, да и свои грамоты къ вамъ посылали, чтобъ по нашем
слову вы къ нимъ ѣхали съ дочерьми своими, а велѣлъ я им
смотрити у васъ дочерей, себѣ невѣсты. И вы де и къ ни
не ѣдете и дочерей своихъ не везете, а нашихъ грамотъ н
слушаете. И вы то чините не гораздо, что нашихъ грамотъ н
слушаете. И выбъ одноличчно часа того поѣхали съ дочерь
своими ко князю Ив. Сем. Мезецкому да къ дьяку. А которо
изъ васъ къ нимъ съ дочерьми своими часа того не поѣдет

тому отъ меня быти въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часу [1].

Черезъ мѣсяцъ послѣ написанія этой послѣдней грамоты отъ генваря 1547 г., царь уже повѣнчался съ Анастасіею Романовой, избранной, стало-быть, также изъ множества дѣвицъ.

Должно полагать, что лицамъ, которыя пересматривали невѣстъ на мѣстѣ, давался какой либо наказъ, словесный, а всего вѣрнѣе писаный, съ подробнымъ обозначеніемъ тѣхъ добрыхъ качествъ, какія требовались для невѣсты государевой вообще и по желанію жениха въ особенности. Безсомнѣнія немаловажное мѣсто занимала здѣсь и *мѣра* возраста или роста, съ которою ѣздили осматривать невѣстъ въ Византіи. За тѣмъ, послѣ смотра всѣ избранныя первыя красавицы области вносились въ особую роспись съ назначеніемъ пріѣхать въ извѣстный срокъ въ Москву, гдѣ имъ готовился новый смотръ, еще болѣе разборчивый, уже во дворцѣ, при помощи самыхъ близкихъ людей государя. Наконецъ, избранныя изъ избранныхъ являлись на смотрины къ самому жениху, который и указывалъ себѣ невѣсту, также послѣ многаго „испытанія". Впрочемъ, надо думать, что женихъ участвовалъ въ разборѣ всѣхъ невѣстъ, которыя были привозимы въ Москву, ибо сюда, какъ мы замѣтили, съѣзжались уже избранныя, первыя красавицы областей. О царѣ Иванѣ Васильевичѣ повѣствуютъ, что для избранія третьей супруги, къ нему „изъ всѣхъ городовъ свезли невѣстъ въ Александрову Слободу, и знатныхъ и не знатныхъ, числомъ болѣе двухъ тысячь. Каждую представляли ему особенно. (Испытанію о дѣвицахъ многу бывшу надолзѣ, говоритъ самъ государь). Сперва онъ выбралъ 24, а послѣ 12, которыхъ надлежало осмотрѣть доктору и бабкамъ; долго сравнивалъ ихъ въ красотѣ, въ пріятностяхъ, въ умѣ; наконецъ предпочелъ всѣмъ Марѳу Васильевну Собакину, дочь купца новогородскаго, въ то же время избравъ невѣсту и для старшаго царевича, Евдокію Богдановну Сабурову". Касательно избранія невѣстъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, его современникъ, иностранецъ Гейденштейнъ разсказываетъ, „что изо всей Россіи избираемыя царскія невѣсты живутъ обыкновенно въ одномъ большомъ домѣ; что въ каждой комнатѣ стоитъ 12 кроватей и одровъ; что царь, провождаемый только однимъ старцемъ, вхо-

[1] С. Г. Г. II, № 34 и 35.

дя въ комнату, садится на тронъ; что невѣсты одна за другою становятся передъ нимъ на колѣни, и бросивъ къ его ногамъ платокъ златотканный съ жемчугомъ (ширинку), удаляются...."[1]

По другому извѣстію нѣмчинъ Гейденсталусъ самъ слышалъ изъ устъ отъ одной боярской дочери, которая была и сама въ числѣ дѣвицъ на смотрѣ царскомъ, во время избранія Собакиной, что это избраніе происходило такимъ образомъ: царь повелѣлъ всѣмъ своимъ князьямъ и боярамъ дочерей своихъ, которыя къ замужеству достойны, привезти всѣхъ въ Москву. На пребываніе имъ былъ устроенъ домъ преизрядный, украшенный, со многими покоями; во всякой палатѣ было 12 постелей, для каждой дѣвицы особо. Всѣ дѣвицы въ томъ домѣ и пребывали, ожидая царскаго смотра. Въ назначенное время царь приходилъ въ тотъ домъ въ особливую ему изготовленную палату съ однимъ зѣло престарѣлымъ бояриномъ и садился на украшенномъ стулѣ. Тѣ боярскія и княжескія дочери, убравшись въ лучшіе свои дѣвическіе уборы и дорогія платья, приходили предъ царя по порядку, одна послѣ другой и покланялись до ногъ его. Царь всякой дѣвицѣ жаловалъ платокъ, разшитый златомъ и сребромъ, унизанный жемчугомъ, бросая дѣвицѣ на груди ей,—и которая ему понравилась, ту и взялъ себѣ въ жены, а всѣхъ остальныхъ отпустилъ и пожаловалъ вотчинами и деньгами.' Объ этой церемоніи, невѣдая ее подлинно, прибавляетъ авторъ, древніе исторіи писатели многія плетаху лжи на великихъ царей россійскихъ, якобы они тѣ заповѣданные товары сами высматривали, и другія прочія басни лживыя слагаху по ненависти къ россійскому народу. [2]

Коллинсъ, современникъ царя Алексѣя, говоритъ, что когда дѣло рѣшалось, то самъ царь подавалъ избранной платокъ и кольцо; эти-то брачные знаки, въ дѣйствительности, быть можетъ и означали актъ избранія.

Свадебные разряды свидѣтельствуютъ, что подобные же общіе выборы невѣстъ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, происходили и при женитьбѣ его братьевъ.

Въ 1547 г. сент, 18, приговорилъ государь брата своего кн. Юрья Васильевича женити; и ходилъ государь съ нимъ къ Ма-

---

[1] Карамз. IX, 110, и пр. 554.

[2] „Московская или Россійская Исторія", рукопись нашего собранія, переводъ 1741 г.

карію митрополиту, чтобы кн. Юрья женится благословилъ; и велѣлъ боярамъ и княземъ дочери, дѣвки привезти на свой царской дворъ; и какъ дѣвки свезли и царь и князь Юрья дѣвокъ смотрѣли; и полюбилъ кн. Юрья княжну Дмитріеву дочь Өедоровича Палицкаго, княжну Ульяну. Въ 1549 г. сент. 1, приговорилъ государь женить брата своего князь Володимера Андреевича, удѣльнаго; и приговорилъ *прописать* у бояръ и князей дочерей дѣвокъ и по времени ихъ пересмотрѣть; и тогда свадьбу государь отложилъ для своего походу къ Казани; а приговорилъ смотрѣть послѣ Казанскаго дѣла. И мая 24 смотрѣлъ царь и князь Володимеръ дѣвокъ, и полюбилъ дѣвку Авдотью Александрову дочь Михайловича Нагова [1].

Послѣ избранія, царскую невѣсту торжественно вводили въ царскіе особые хоромы, гдѣ ей жить, и оставляли до времени свадьбы на попеченіи дворовыхъ боярынь и постельницъ, женъ вѣрныхъ и богобоязливыхъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто тотчасъ же занимали ближайшія родныя избранной невѣсты, обыкновенно ея родная мать или тетка и другія родственницы. Введеніе невѣсты въ царскіе терема сопровождалось обрядомъ ея царственнаго освященія. Здѣсь, съ молитвою нареченія, на нее возлагали царскій дѣвичій вѣнецъ, нарекали ее *царевною*, нарекали ей и новое царское имя. Вслѣдъ за тѣмъ дворовые люди „царицына чина“ цѣловали крестъ новой государынѣ. По исполненіи обряда нареченія новой царицы, разсылались по церковному вѣдомству въ Москвѣ и во всѣ епископства грамоты съ наказомъ, что бы о здравіи новонареченной царицы Бога молили, т. е. поминали ея имя на ектеніяхъ вмѣстѣ съ именемъ государя.

Съ этой минуты личность государевой невѣсты пріобрѣтала полное царственное значеніе и совсѣмъ выдѣлялась изъ среды подданныхъ и изъ среды своего родства, такъ что даже и отецъ ея не смѣлъ уже называть ее своею дочерью, а родственники не смѣли именовать ее себѣ родною. Но, само собою разумѣется, что такія отношенія царицына родства существовали какъ бы только въ идеѣ, въ отвлеченіи, въ идеальныхъ представленіяхъ о недосягаемой высотѣ царскаго сана, о недосягаемомъ его освященіи, къ которому такъ близко становилась избранная дѣвица. На самомъ же дѣлѣ родство царицы, хотя

[1] Вивл. XIII, 36, 46.

и теряло право, для государственнаго приличія, именовать е своею родною, хотя и не осмѣливалось иначе называть ее какъ великою государынею царицею,—но все таки, по своем вліянію, оставалось ея родствомъ и всегда быстро восходило н степень самыхъ близкихъ людей къ государю. быстро возвы шалось до значенія всемогущихъ временщиковъ. По большо части ея-то родство и управляло государствомъ во всѣхъ внут реннихъ, такъ сказать, домашнихъ государственныхъ дѣлахъ „А жалуетъ царь по царицѣ своей, говоритъ Котошихинъ отца ея, а своего тестя, и *родъ* ихъ съ низкіе степени воз ведетъ на высокую, и кто чѣмъ не достанетъ, сподобляетъ свое царскою казною, а иныхъ разсылаетъ для покормленія по вое водствамъ въ городы, и на Москвѣ въ приказы, и даетъ по мѣстья и вотчины; и они тѣми помѣстьями и вотчинами и вое водствами и приказнымъ сидѣньемъ, побогатѣютъ".

Таково было беззастѣнчивое вотчинное управленіе государст вомъ, по которому въ силу общихъ и неколебимыхъ, освящен ныхъ вѣками убѣжденій, родство и въ царскомъ, какъ и в частномъ правительственномъ быту всегда пріобрѣтало перво право пользоваться властью своего родича, а стало быт. всѣми выгодами его высокаго общественнаго положенія. Э было на самомъ дѣлѣ непререкаемое право всѣхъ родичей, по по идеямъ родоваго быта они всегда и пріобрѣтали и теряли возвышались и падали, за одно съ своимъ родомъ. Отдѣльна отъ рода личность не была мыслима въ то время; она слива лась съ родомъ въ органическое цѣлое, а потому не могла даже и понять какой либо раздѣльности интересовъ и выгодъ в кругу родовой связи. Возвышавшійся гдѣ бы ни было родич всегда оставался въ кровномъ убѣжденіи, что за собою должно возвышать прежде всего свое родство, что это—дѣло естествен ное; а родство всегда тоже почитало своимъ естественнымъ родовымъ правомъ не только ожидать, а и требовать себѣ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтаемыхъ въ обществѣ его родичемъ. Такой именно порядокъ идей господствовалъ въ средѣ всѣхъ житейскихъ общественныхъ связей и всякихъ властныхъ, господарскихъ отношеній.

Государевы невѣсты очень нерѣдко избирались изъ бѣдныхъ и простыхъ дворянскихъ родовъ, а потому и возвышеніе ихъ родства выпадало на долю самымъ незначительнымъ людямъ. Коллинсъ разсказываетъ, что отецъ царицы Марьи Ильичны

Милославскихъ, Илья Даниловичъ, происходилъ изъ незнатнаго бѣднаго дворянскаго рода и прежде служилъ кравчимъ у посольскаго дьяка Ивана Грамотина. Дочь его, будущая царица, хаживала въ лѣсъ по грибы и продавала ихъ на рынкѣ. О царицѣ Евдокіи Лукъяновнѣ Стрѣшневыхъ, супругѣ Михаила, ея же постельницы говаривали: „не дорога де она государыня; знали онѣ ее, коли она хаживала въ жолтикахъ (простыхъ чеботахъ); нынѣ де ее государыню Богъ возвеличилъ!" О царицѣ Натальѣ Кириловнѣ Шакловитый, предлагавшій ее *принять*, т. е. погубить, говорилъ царевнѣ Софьѣ: „извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ и какова въ Смоленскѣ была: въ лаптяхъ ходила!"

Весьма понятно послѣ того, съ какою завистью и ненавистью встрѣчали во дворцѣ родство новой царицы, съ какимъ опасеніемъ смотрѣли на новыхъ людей, ея родичей, всѣ лица, находившіяся въ близости и въ милости у государя, сидѣвшія, прочно въ своихъ пригрѣтыхъ гнѣздахъ по разнымъ частямъ дворцоваго и вообще приказнаго управленія. Выборъ государевой невѣсты подымалъ въ дворовой средѣ столько страстей, столько тайныхъ козней и всяческихъ интригъ, что это государево дѣло рѣдко проходило безъ какихъ либо болѣе или менѣе важныхъ и тревожныхъ событій въ его домашней жизни.

Избранная невѣста, вступая во дворецъ царевною, среди радостей и полнаго счастія, неизобразимаго для простой дѣвицы и особенно для ея родныхъ, вовсе не предчувствовала, что именно съ этой минуты участь ея держится на одномъ волоскѣ, что именно съ этой минуты ея личность становится игралищемъ самыхъ коварныхъ, низкихъ и своекорыстныхъ замысловъ. Тѣже самые люди, которые съ дворскимъ раболѣпіемъ служили ей, съ дворскимъ раболѣпіемъ заискивали ея особаго расположенія, земно кланялись ей, какъ новонареченной царицѣ; тѣже самые люди, которые такъ были близки ея царственному жениху, такъ были любимы имъ и, казалось, такъ добродушно и искренно радѣли о его счастіи и стало быть о счастіи избранной имъ супруги,—эти то самые люди и являлись, въ тайныхъ своихъ замыслахъ, первыми и можно сказать единственными ея врагами.

Недоступный, замкнутый царскій теремъ съ его просторною и прохладною жизнію, въ смыслѣ всякаго изобилія и великолѣпія, всяческаго раболѣпства и ласкательства, являлся на

дѣлѣ самымъ открытымъ мѣстомъ для дѣйствій потаенныхъ враговъ, и самымъ тѣснымъ и опаснымъ мѣстомъ для жизни. Простое легкое нездоровье было достаточно для того, чтобы враги воспользовались этимъ обстоятельствомъ и облекли его въ дѣло величайшей важности и величайшей опасности даже для здоровья самого государя, всегда обвиняя при этомъ и родство невѣсты, будто оно нарочно скрываетъ какую либо неизлѣчимую болѣзнь въ ней, разумѣется для того, чтобы не лишиться ожидаемаго высокаго благополучія вступить въ близость къ государю. Враги употребляли большія старанія чѣмъ либо въ дѣйствительности испортить здоровье царевны-невѣсты и такимъ образомъ лишить ее царской любви, выселить изъ дворца и тогда новый выборъ государевой супруги направить согласно своимъ потаеннымъ цѣлямъ.

Съ подробностями такихъ печальныхъ событій въ государевой жизни лучше всего познакомитъ насъ исторія царскихъ невѣстъ.

Скорбь разлуки съ избранною невѣстою, именно вслѣдствіе дворскихъ интригъ, долженъ былъ испытать изъ царей первый Иванъ Васильевичъ Грозный. Со многимъ и долгимъ испытаніемъ (1572 г.) онъ избралъ въ супруги дѣвицу Марѳу Васильевну Собакину. Она была испорчена еще въ невѣстахъ и скончалась съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, совершенной царемъ вопреки обычному предубѣжденію и страху за собственное здоровье. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ самъ царь, когда просилъ соборнаго разрѣшенія вступить потомъ въ четвертый бракъ на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовскихъ: „ненавидяй добра врагъ, воздвиже *ближнихъ* многихъ людей враждовати на царицу Марѳу, еще въ дѣвицахъ сущу, точію имя царское возложено на нее, и тако ей *отраву злую учиниша*. Благовѣрный же царь и в. к., положа на Божіе всещедрое существо упованіе, либо изцѣлѣетъ, поя за себя дѣвицу Марѳу и только была за нимъ двѣ недѣли и преставися. И понеже дѣвства не разрѣшилъ третьяго брака, царь и в. к. о таковыхъ много оскорбися и хотѣ облещися во иноческое“ [1]. Подозрѣніе въ порчѣ пало на родство прежнихъ царицъ, Анастасіи Романовыхъ и Марьи Черкасскихъ. Былъ розыскъ и были казни по Карамзину *пятая* эпоха душегубства, въ которую погибъ въ числѣ другихъ, кн. Мих Темгрюковичъ Черкасскій, братъ

[1] Вивл. XIII 105.

рпцы Марьи. Къ сожалѣнію дѣло объ этомъ розыскѣ со
ожествомъ разныхъ другихъ дѣлъ, весьма важныхъ для исріи Ивана Грознаго, до насъ не дошло, и потому мы не имѣь никакихъ основаній дѣлать рѣшительныя заключенія ни о
й, ни о другой сторонѣ.

Болѣе подробностей о подобныхъ событіяхъ царской жизни
хранилъ намъ XVII вѣкъ. Такъ слѣдственное дѣло о болѣз
первой невѣсты царя Михаила Ѳеодоровича. Марьи Хлопохъ, довольно близко знакомитъ насъ съ характеромъ дворскихъ
ношеній въ этихъ обстоятельствахъ и вообще съ подробнояии домашней жизни избранныхъ государевыхъ невѣстъ. По
тупленіи на царство, шестнадцатилѣтній Михаилъ Ѳеодоровичъ,
юша кроткій и тихій. благоувѣтливый и покорный, какъ отвается о немъ лѣтописецъ, до возвращенія изъ плѣна своего
ца. Филарета Никитича. находился въ полной опекѣ матери,
икой старицы инокини Марѳы Ивановны. Въ первое время
изкими къ нему людьми явились конечно его родственники,
къ всегда и бывало. Да и, кому же, кромѣ родства, вѣрнѣе и
зопаснѣе было поручить береженье молодаго государя, особнно вскорѣ послѣ общихъ, всенародныхъ смутъ, въ виду
вшихъ постоянныхъ измѣнъ, и даже убійствъ, отъ которыхъ
могли спастись государи-предшественники. Безсомнѣнія по
вѣту родственниковъ и по назначенію Марѳы Ивановны блийшія и самыя важныя дворовыя должности при Михаилѣ
даны были въ 1613 г. двумъ его двоюроднымъ братьямъ Бору и Михаилу Салтыковымъ, которые жили съ нимъ еще
едъ избраніемъ на царство въ Ипатскомъ монастырѣ. Перй назначенъ дворецкимъ, второй—крайчимъ. Близость къ
лодому, неопытному и покорному государю очень скоро
звысила ихъ до значенія самовластныхъ и самоуправныхъ
еменщиковъ. Хозяйничая своевольно и безотвѣтственно во
орцѣ, они давали чувствовать свою власть и въ общихъ дѣхъ государства, такъ что многіе съ нетерпѣніемъ ожидали
іѣзда изъ плѣна царскаго отца Филарета Никитича. который
дииъ только своею отцовскою властью могъ остановить это
ярское своеволіе, всегда поднимавшееся во время малолѣтва или неспособности государей.

Вотъ что разсказываетъ правдивый современникъ объ этихъ
ервыхъ годахъ Михаилова царствованія. „Бѣ же царь младъ...
не бѣ ему еще толика разума, еже управляти землею, но

боголюбивая его мати, инока великая старица Марөа, прави подъ нимъ и поддержая царство *со своимъ родомъ*.... Но и сему царю... не безъ мятежа сотвори державу врагъ діаволъ древній, *возвыся паки владущихъ на мздоиманіе*", которые царя ни во что же вмѣняша и не боящеся его, понеже дѣтескъ сый... всю землю Русскую раздѣливше по своей воли, яко и его царская села себѣ поимаша....„ Почти тоже самое разсказываютъ и иностранцы современники [1].

Послѣ вѣнчанія царскимъ вѣнцомъ, 11 іюля 1613 г., слѣдовало подумать и о вѣнчаніи брачнымъ вѣнцомъ, какъ водилось изстари. Неизвѣстно однакожъ, тогда ли начались объ этомъ государевы заботы. Только въ 1616 г., когда царю былъ уже 20-й годъ, мать благословила его на это доброе дѣло. которое было желательно и для всей земли, испытавшей столько бѣдъ и потому вполнѣ желавшей, чтобы новый царскій родъ неколебимо утвердился на престолѣ.

Для *обиранья* невѣсты къ его государской радости, по установившемуся обычаю, были, вѣроятно, собраны во дворецъ всѣ тогдашнія красавицы, дочери дворянъ и вообще служилаго помѣщичьяго сословія. Царь выбралъ въ невѣсты Марью Ивановну Хлоповыхъ, дочь московскаго дворянина. Какъ только дѣло было рѣшено, государь велѣлъ позвать къ себѣ ея родныхъ: отца, мать и всѣхъ, кто былъ на лицо, все родство. Это-то родство и было всегда ненавистно старымъ временщикамъ. Здѣсь являлись соперники, незнатные, небогатые, но сильные впослѣдствіи, вліятельные по свойству съ царицей, съ которыми впослѣдствіи трудно было ладить, отъ которыхъ нельзя было ждать добра, ибо и они тоже всегда почитали себя прямыми и самыми ближайшими кандидатами въ такіе же временщики. По этимъ причинамъ, старые любимцы государя должны были употреблять всѣ усилія, чтобы направить выборъ царской невѣсты соотвѣтственно своимъ личнымъ цѣлямъ. Для нихъ, напр.. очень важно было, чтобы близкіе родные и все родство будущей царицы не были слишкомъ значительны по своимъ личнымъ достоинствамъ или заслугамъ.

Родныхъ Хлоповой позвали въ Верхъ, къ Рожеству на Сѣни, т. е. на царицыну половину дворца. Здѣсь вышли къ нимъ

---

[1] Записки о Россіи XVII в. по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ. Вѣстникъ Европы, 1868, кн. 1.

Борисъ да Михайло Салтыковы, первые люди во дворцѣ, и велѣли имъ тутъ подождати до государева указу. Затѣмъ позвали ихъ къ государю въ хоромы, въ Переднюю. Тамъ сказалъ имъ государь самъ, что онъ „произволилъ взять себѣ для сочетанья законнаго брака Иванову дочь Марью, а ихъ родственницу, и чтобъ ему служили и были при немъ близко“. — Родные будущей царицы ударили челомъ государю, благодаря за неизреченное жалованье. Съ этой минуты они были при государѣ *близко*; они становились своими людьми государю, могли свободно ходить во дворецъ къ нареченной невѣстѣ.

Государеву невѣсту помѣстили у государя въ верхнихъ хоромахъ, въ теремахъ; нарекли ее *царицею*, а имя ей дали *Настасья*, очень вѣроятно — въ память царской бабки Анастасьи Романовны, первой супруги Грознаго. „И молитва нареченію ей была и чины у ней уставили по государскому чину, т. е. честь и береженье къ ней держали, какъ къ самой царицѣ; и дворовые люди крестъ ей цѣловали, и на Москвѣ, и во всѣхъ епископьяхъ Бога за нее молили, т. е. поминали на ектеньяхъ“.

Въ Верху, въ хоромахъ, при нареченной царицѣ жила Марья Милюкова, одна изъ придворныхъ сѣнныхъ боярынь; также мать царицы и ея бабка, Ѳедора Желябужская. Родственники сначала приходили челомъ ударити временемъ, потомъ ходили къ ней по вся дни и ѣздили съ государемъ на богомолье къ Троицѣ, когда онъ отправился туда вмѣстѣ съ матерью и невѣстою молить Бога о благополучномъ сочетаніи бракомъ. Это было 16 мая 1616 г. Все происходило по заведенному искони обычному порядку; все шло благополучно, безъ всякой помѣхи; невѣста чувствовала себя во всемъ здоровою, кушала царскія сладкія яства, безсомнѣнія веселилась новою жизнію и ожидаемымъ счастьемъ, которое должно было возвысить и весь ея родъ. Такъ прошло около мѣсяца. 9 іюня „государыня царевна и великая княгиня Настасья Ивановна всеа Русіи государынѣ и великой старицѣ инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ на новоселье челомъ ударила: два сорока соболей, одинъ 30 р., другой 25 р.“ Вѣроятно свекровь въ это время построила себѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ новые хоромы.

Изъ родныхъ царевны замѣтно выдвинулся ея дядя Гаврила Васильевичъ Хлоповъ, повидимому человѣкъ очень неглупый, бывалый, стойкій и прямой. Очень понятно, что онъ-то особенно и не могъ понравиться Салтыковымъ. Од-

нажды ходилъ государь въ Оружейную Палату и смотрѣлъ оружейную казну. Оружейною Палатою, гдѣ выдѣлывалось всякое царское оружіе, завѣдывалъ тогда Михайло Салтыковъ, исполнявшій, кромѣ должности кравчаго, и должность оружничаго, которая также всегда поручалась близкому и довѣренному человѣку. Поднесли къ государю турецкую саблю и почали хвалить. Салтыковъ, какъ полный хозяинъ царскаго оружейнаго заведенія, а слѣд. и знатокъ дѣла, выхваляя своихъ мастеровъ, сталъ говорить, что и на Москвѣ, т. е. въ Оружейной Палатѣ, государевы мастеры такую саблю сдѣлаютъ. Государь передалъ смотрѣть саблю въ руки Гаврилѣ Хлопову, спрашивая его: какъ онъ думаетъ, сдѣлаютъ ли такую саблю въ Оружейной Палатѣ? Осмотрѣвъ саблю, Хлоповъ отвѣтилъ: „пожалуй сдѣлаютъ, только, думаю, не такову, какъ эта". Могъ ли Салтыковъ, оружничій, перенести хладнокровно такое противорѣчіе своему отзыву, а можетъ быть и хвастовству. Разсерженный, онъ вырвалъ у Хлопова саблю, примолвивъ, что говоритъ онъ, незнаючи [1]. Зналъ ли Хлоповъ дѣйствительно толкъ въ этомъ дѣлѣ или выразилъ только простое сомнѣніе умнаго и бывалаго человѣка, но не уступилъ оружничему, побранился съ нимъ и „поговорилъ съ Салтыковыми гораздо въ разговоръ". Все это дѣлалось при самомъ царѣ и все это напоминаетъ поведеніе олигарховъ во время молодости дѣдушки Михаила, царя Ивана Васильевича Грознаго. Съ тѣхъ поръ Салтыковы невзлюбили Хлоповыхъ, а это почти рѣшало участь царской невѣсты. Бороться съ такими сильными и вліятельными людьми было невозможно людямъ, еще только приближавшимся къ довѣрію государя. Недѣли двѣ спустя послѣ того, какъ дядя невѣсты

[1] Когда это было, неизвѣстно. Въ расходныхъ дворцовыхъ запискахъ значится, что 10 мая въ Оружейный Приказъ изъ домовой государевой казны была отпущена „сабля булатная теврiская (теврисскій выковъ) ножны хозъ черный, оковы булатныя, цѣна 5 р." Быть можетъ это та самая сабля, которую похвалялъ государь. Въ Оружейной Палатѣ сохраняется булатная сабля прорѣзная съ богатой золотой насѣчкой и съ русскою подписью латинскими, т. е. польскими буквами „сей тесакъ сдѣланъ повелѣніемъ государя царя и в. к. Михаила Θеодоровича всея Русіи въ пятое лѣто (1617 г.) государства его мѣсяца... по приказу крайчево и оружничево Михаила Михайловича Салтыкова дѣлалъ мастеръ Nial Prowlh." Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта сабля сдѣлана по приказанію Салтыкова въ подтвержденье своихъ словъ, что и въ Москвѣ съумѣютъ сдѣлать саблю не хуже турецкой.

оговорилъ гораздо въ разговоръ съ оружничимъ, Мих. Салты-
овымъ, нареченная царица начала понемогати, появилася бо-
лѣзнь, „рвало и ломало нутръ и опухль была.... а была ей
іевота не вдругъ, сперва было дни съ три и съ четыре, да
ерестало, а послѣ того спустя съ недѣлю опять почала бле-
ать". Родные думали, что это случилось отъ сладкихъ ядей,
отому что „ѣдала сласти, и они ей говорили, чтобъ сластей ку-
іала не много, и оттого та болѣзнь блевота почала быть въ
ей меньше". Само собою разумѣется, что какъ только Хлопова
аболѣла, отецъ и бабка ея тотчасъ доложили о томъ государю
государынѣ старицѣ Мареѣ Ивановнѣ. Государь сейчасъ же
елѣлъ дохтурамъ болѣзни ея смотрити. Но леченье по необхо-
имости должно было идти чрезъ посредство крайчаго Михаила
алтыкова, которому, какъ крайчему и лицу самому довѣрен-
ому, государь, естественно довѣрялъ и лѣченье своей невѣсты.
Въ первое время Салтыковъ призвалъ доктора Валентина Биль-
а. Докторъ, болѣзнь нареченной царицы, своимъ дохторствомъ
мотрѣлъ: по его отзыву она въ то время была больна тѣмъ:
желудокъ у нея въ тѣпоры былъ безсиленъ и не варилъ и
елезенка опухла. Та болѣзнь, замѣтилъ онъ, бываетъ отъ же-
удка, какъ желудокъ бываетъ вѣтренъ; а какъ желудокъ бу-
етъ здоровъ и то все минуется, да отъ той болѣзни и въ поч-
ахъ бываетъ болѣзнь и блевота; онъ такія болѣзни лѣчивалъ
многимъ пособлялъ, а *плоду и чадородію* отъ того порухи
е бываетъ...." Бильсъ прописалъ лѣкарство, которое по поряд-
у тогдаже было записано въ книгахъ, въ аптекарской палатѣ,
передано въ руки отцу невѣсты, Ивану Хлопову. Въ другой
азъ лѣкарство было прописано, спустя недѣлю. Лѣкарство по
огдашнимъ понятіямъ вообще было дѣломъ весьма подозри-
ельнымъ и опаснымъ, а при настоящихъ обстоятельствахъ
но могло казаться на самомъ дѣлѣ отравою. Отецъ невѣсты
орво наблюдалъ за Салтыковыми. Подозрительность его не
ставляла безъ вниманія и малѣйшаго случая, сколько нибудь
омнительнаго въ поведеніи бояръ. „Межъ себя они *шептали*...,
пришедъ Михайло Салтыковъ, велѣлъ ему взяти изъ аптеки
клянницу съ водкою и отнести къ дочери его Марьѣ, а сказали,
то она отъ того будетъ больше кушать". Онъ взялъ у Бильса
клянницу и отдалъ въ хоромы Марьѣ Милюковой, невѣстиной
оярынѣ. Но въ хоромахъ, вѣроятно по общему совѣту, дер-
али себя крѣпко отъ подобныхъ водокъ и не употребляли ихъ.

Вмѣсто сомнительной водки, там больной давали *пити воду святую съ мощей*, а пмали крестъ (съ мощами) у Волынскихъ, который вѣроятно славился изцѣленіями. Давали также камень *безуй*. И оттого ей далъ Богъ пзцѣленье, пзцѣлѣла п полегчело вскорѣ; и послѣ того болѣзнь не поминывалася.

Это было врачеванье настоящее, которое предписывалось старымъ благочестіемъ п оправдывалось общимъ убѣжденіемъ народа въ его непререкаемой помощи. Докторское врачеванье по тому же убѣжденію все еще имѣло видъ врачеванья бѣсовскаго, имѣло видъ волхвованія, зелейничества, которое было грѣхомъ. Домострой писалъ: „аще Богъ пошлетъ на кого болѣзнь или какую скорбь, ино врачеватися Божіею милостію, да слезами, да молитвою да постомъ, да милостынею къ нищимъ, да истиннымъ покаяніемъ. Да благодареніе и прощеніе п милосердіе и нелицемѣрная любовь ко всякому, аще кого чѣмъ пріобидѣлъ, отдати сугубо и на предь не обидѣти. Да отцовъ духовныхъ и всякъ чинъ священническій и иноческій подвизати на моленіе Богу; и молебны пѣти п *вода святити съ честныхъ крестовъ и со святыхъ мощей и съ чудотворныхъ образовъ. и масломъ священіатися*; да по чудотворнымъ по святымъ мѣстомъ обѣщеватися п, приходяще молитися, со всякою чистою совѣстію; тѣмъ цѣльба всякимъ различнымъ недугомъ отъ Бога получити....“ Домострой толковалъ, что всякіе тяжкіе различные недуги суть наказаніе гнѣва Божія; поэтому кто „оставя Бога, и милости и прощенія грѣховъ отъ него не требуя, призываетъ къ себѣ чародѣевъ, кудесниковъ, волхвовъ и всякихъ мечетниковъ и зелейниковъ, и съ кореньемъ, отъ которыхъ ожидаетъ душетлѣнной и временной помощи, тотъ уготовляетъ себя діаволу, во дно адово, во вѣки мучитися“.

Конечно, если всякая болѣзнь носила въ себѣ смыслъ Божьяго гнѣва, Божьяго наказанія за премногіе грѣхи, то и ея врачеваніе должно было призывать одну лишь Божію помощь, должно было обращаться къ одной лишь святынѣ и къ дѣламъ покаянія. Человѣческая помощь здѣсь ничего не значила, а тѣмъ менѣе—помощь докторская, которую и вообще весьма трудно было отдѣлить отъ обыкновеннаго знахарства, отреченнаго и проклятаго всѣми соборами. Вотъ почему во всѣхъ важныхъ случаяхъ, не только въ домашнемъ ежедневномъ быту, но и въ быту всенародномъ, всегда съ молитвою прибѣгали къ чудотворной силѣ святой воды, освященной съ животворящаго

креста съ мощами. Такъ, въ 1647 г. февр. 26, царю Алексѣю Михайловичу били челомъ жители города Карпова: „по твоему государеву указу твой новый городъ Карповъ поставленъ, а мы, холопи твои, въ Карповъ изъ разныхъ городовъ сведены на вѣчное житье съ женишками и съ дѣтишками и дворишки себѣ построили; и за грѣхъ нашъ, въ Карповѣ напала на насъ болѣзнь и скорби полевыя (степныя), и вода въ Карповѣ нездоровая: многіе отъ тѣхъ болѣзней и скорбей помираютъ, а цѣлебнаго животворящаго креста Господня съ мощами святыхъ въ Карповѣ нѣтъ; водѣ священіе бываетъ крестомъ Христовымъ безъ мощей. Вели, государь, прислать въ Карповъ для нашихъ скорбей и болѣзней животворящій крестъ Господень съ мощами святыми на освѣщеніе водѣ и на утвержденіе и на изцѣленіе намъ, чтобъ намъ отъ тѣхъ полевыхъ болѣзней и скорбей напрасною смертью не помереть". Государь велѣлъ имъ принести животворящій крестъ изъ Хотмышска, куда эта святыня, вѣроятно по такому же челобитью была отправлена въ 1646 г. съ наказомъ: „тотъ животворящій крестъ для освященія воды и изцѣленія всякихъ болѣзней и скорбей воеводамъ изъ Хотмышска отпускати въ городы безъ задержанія". По такимъ же причинамъ, въ 1649 г., государь послалъ изъ Москвы животворящій крестъ съ мощами въ Курскъ, гдѣ многіе люди нападными болѣзнями и страхованіями болѣзновали и помирали. Государь наказывалъ встрѣтить святыню съ крестнымъ ходомъ, служить молебенъ, святить воду; „и тою святою водою городъ и по городу нарядъ (пушечный) и всякія крѣпости, и всякихъ чиновъ людей, и лошадей, и всякую животину кропить не по одинъ день; и въ другіе украйные города отпускать на просвѣщеніе и исцѣленіе больнымъ, съ великою съ подобающею честію" [1]. Мы увидимъ, что въ царскому быту животворящимъ крестомъ всегда благословлялись новобрачные, а равно и новорожденные младенцы съ тою, безсомнѣнія, вѣрою, чтобы эта святыня служила имъ на изцѣленіе и сохраненіе отъ всякихъ недуговъ.

Весьма понятно, что въ настоящемъ случаѣ для государевой невѣсты святая вода съ животворящаго креста была наиболѣе желаннымъ врачеваніемъ. Докторское искусство являлось здѣсь, по мѣстнымъ, дворцовымъ обстоятельствамъ въ самомъ подозрительномъ видѣ. Чтобы предохранить больную отъ отравы

[1] Описаніе госуд. Архива, П. Иванова, 300. Полн. Собр. Зак. т. I, № 2.

ей давали еще камень *безуй*, который, по тогдашним понятіям, служил самым вѣрным средством не только от всякой отравы, но и от всяких болѣзней. Извѣстно, что патріарх Никон, в своей ссылкѣ, жаловался, что его было отравили: „крутицкій митрополит да чудовской архимандрит прислали дьякона Өеодосія со многим чаровством меня отравить и он было отравил, едва Господь помиловал, безуем камнем и индроговым песком отпился“ [1]. Весьма вѣроятно также, что

[1] Безуй или *безоар*, камень, находимый во внутренности нѣкоторых животных, а также камень ископаемый. В средніе вѣка ему приписывали, как мы замѣтили, цѣлебную силу от всевозможных ядов и болѣзней.. Такое понятіе о нем сложилось, конечно, на востокѣ, почему восточные безуи и цѣнились всегда выше других, по цѣнам неимовѣрным, ибо вообще эти камни очень рѣдки. В старинных наших лѣчебниках, разумѣется переводных, о камнѣ Безуѣ сказывается слѣдующее: „безаар камень привозят из Индіи, а кой привозят из восточной Индіи и тот есть сильнѣе, а цвѣтом сѣр, а иной черн, и мелок; а сказывают, что находят его при берегѣ морском, а родится сказывают в сердцѣ у оленя, а иные сказывают у змѣи в желчи“. Далѣе лѣчебник говорит, что всѣ мудрецы описують, что безаар начальное мѣсто имѣет между всѣми лѣкарствами, которыя помогают от окормов и от упойства, спрѣчь от порчи лихих людей.... нѣт его сильнѣе. Серапіон мудрец пишет, что принимать его надо тертый, вѣсом против 12 зерен ячменных, подогрѣв с ренским или с бѣлым французским вином, „а как его кто выпьет и лег бы на постелю окутався платьем, чтобы вспотѣть.—В моровое повѣтріе тот камень тоже внутрь принимать и при себѣ его носить“. — „Аще кто тот камень вставит в перстень и почует в себѣ порчу и вложа во уста, сосал бы его, тогда от порчи избавляет“.

Около времени избранія Хлоповой в невѣсты государю, 1616 г. марта 21 взяты были в государеву казну, на казенный двор, у ярославца Назарья Чистово „три камени безую, в одном вѣсу 9 золотников 2 денги, в другом—8 зол. с полузолотником, в третьем—6 зол., с четью, и всего в трех каменех вѣсу 24 золотника без денги, а денег за них довелось было дати 215 рублев (выданы из Денежнаго приказу). Арх. Ор. Пал. № 1063.—В 1625 г. кизылбашскій Аббас Шах прислал государю в поминках камень безуй оправлен в золотѣ с яхонтики и изумрудцы, вѣсу совсѣм 7¼ золотн. цѣна 14 р. 17 алт. 4 д. В 1626 г. куплен у казанца Ив. Истомина камень безуй большой вѣсу 17½ золотн. за 15 р.- В 1676 г. марта 7 велѣно было сдѣлать государю в серебряной палатѣ чашку с кровлею глядкую на поддонцѣ, с подписью государева имени, а в чашкѣ и в кровлѣ вставить по *безую восточному*, и позолотить сплошь. Вѣсу в ней вышло 1 ф. 59 зол. Апрѣля 4 она подана в хоромы. Чашка сдѣлана по стоянно болѣвшему царю Өедору Алексѣевичу.

для охраненія отъ возможной отравы и порчи было отпущено изъ аптеки въ октябрѣ 1673 г., въ походъ въ село Преображенское для царицы Наталіи Кирилловны пять снарядовъ (пріемовъ) „Безуе съ инороговою костью", которые тогда взялъ Θедоръ Поліехт. Нарышкинъ, дядя царицы [1].

Между тѣмъ Салтыковъ, оставивъ доктора Бильса, можетъ быть по той причинѣ, что не надѣялся найдти въ немъ пособника своимъ замысламъ, обратился къ лѣкарю Балсырю, т. е. степенью ниже въ медицинскихъ познаніяхъ, который отвѣтилъ ему, что онъ мимо дохтура лѣчить неумѣетъ, тое болѣзнь знаютъ дохтуры. Однакожъ онъ осмотрѣлъ больную и свидѣтельствовалъ, что „было у ней въ тѣ поры въ очахъ желтовато, а словетъ желтая болѣзнь, и что лѣчить ее можно и порухи отъ тое болѣзни чадородію не бываетъ, да и жолтина въ очахъ (у ней) была невеликая. И прежъ того онъ такія болѣзни лѣчивалъ и пособлялъ". Да не того хотѣлъ кравчій Салтыковъ, онъ хотѣлъ чтобы невѣста была больна неизлѣчимо, чтобъ она была къ государской радости непрочна. Однимъ словомъ, онъ искалъ причины удалить ее изъ дворца со всѣми родными. Съ этой мыслью онъ спросилъ Балсыря, „будетъ ли она имъ государыня?" Тотъ отвѣчалъ — почему ему то вѣдать, то не его дѣло. Лѣкаря Балсыря, послѣ того, какъ и доктора Бильса, къ больной не зывали и лѣкарства у нихъ не спрашивали. Мы видѣли, какимъ лѣкарствомъ пользовали больную, и отъ какихъ лѣкарствъ она изцѣлѣла. Но въ то время, какъ въ верхнихъ хоромахъ больную изцѣляли св. водою съ чудотворн. креста, Салтыковъ разсказывалъ государю, что „дохтуры болѣзни ея смотрили и говорили, что въ ней болѣзнь великая, излѣчить ее неможно и живота (жизни) ей долгаго не чаять; что такою болѣзнью была больна на Угличѣ женка и жила всего съ годъ и умерла; и дохтуръ сказываетъ, что Марьи излѣчить нельзя".

Трудно было молодому царю узнать правду въ этомъ дѣлѣ. Трудно было не повѣрить двоюроднымъ своимъ братьямъ, которые были такими близкими и преданными ему людьми. Тѣмъ еще болѣе трудно было узнать истину, что Салтыковы успѣли возстановить противъ Хлоповыхъ, а стало быть и противъ государевой невѣсты, его мать, великую старицу Марθу Ивано-

[1] Исторія медицины въ Россіи, 2, стр. 205.

вну, на которую они дѣйствовали вѣроятно наговорами и сплетнями чрезъ свою мать, старицу Евникію, жившую тоже въ Вознесенскомъ монастырѣ. Видно, что монастырь съ своими инокинями служилъ имъ самою твердою и прочною опорою въ ихъ самовластныхъ дѣйствіяхъ. „Врагъ же діаволъ научи нѣкоторымъ сродичамъ, царевѣ матери племянникомъ, *остудити* царевѣ матери царицу, нѣкоторымъ чародѣйствомъ ненависть возложиша и разлучиша ю отъ царя и послаша въ затокъ“ [1].

Дѣйствуя и въ монастырѣ и предъ лицомъ государя съ самою коварною скрытностью, они безъ сомнѣнія первые же предложили рѣшить это дѣло соборне, т. е. въ Думѣ, по разсужденію всѣхъ бояръ, ибо вопросъ былъ дѣйствительно очень важенъ, покрайней мѣрѣ лично для царя. Послѣ освященія царскимъ именемъ, послѣ крестнаго цѣлованья, послѣ всенародныхъ молевій о здравіи, было не совсѣмъ легко нареченную невѣсту—царевну *сослать съ Верху*, т. е. изъ дворца. Необходимо было подумать и разсудить дѣло съ осторожностью. Назначенъ былъ соборъ, думное сидѣнье, на которомъ дядя невѣсты Гаврило Хлоповъ билъ челомъ и заявилъ „чтобъ еще не поспѣшили сводить (ее) съ Верху, потому что въ ней болѣзнь объявилась невеликая, отъ сладкихъ ядей, да и та ужъ минуется“. Но его рѣчи были напрасны, ибо причина заключалась не въ болѣзни, а въ *остудѣніи* къ невѣстѣ и ея родству великой старицы Мароы. Соборъ рѣшилъ, что невѣста къ государевой радости непрочна. Нареченную царевну *сослали съ Верху*. Спустя два дня послѣ того, ея болѣзнь было вспомянулась, но скоро прошла и за тѣмъ она оставалась совсѣмъ здоровою, живя на подворьѣ у своей бабки, Өедоры Желябужской. Черезъ 10 дней послѣ ссылки съ Верху, ее отправили изъ Москвы въ ссылку въ Тобольскъ съ бабкою и теткою и съ двумя дядьями, все Желябужскими, такъ что невѣста разлучена была даже съ своими ближайшими родными, отцомъ и матерью. Отцу тогда же дано было воеводство на Вологдѣ, гдѣ онъ находился до 1619 года, когда ему велѣно было ѣхать въ деревню [2]. Молодой государь поверженъ былъ этимъ событіемъ въ печаль и скорбь великую.

---

[1] П. С. Р. Л. V, 65.
[2] Дворц. Разр I, 238, 418.

„Сице же учиниша благочестивому царю, нанесоша ему печаль и скорбь велiю; онъ же беззлобивый благодарнѣ терпяше сiя и не восхотѣ иныя поняти, дондеже Литовскiй король отпустн отца его, митрополита Филарета на Русь“.

Шесть недѣль, проведенныя женихомъ въ смотринахъ на свою обрученную невѣсту, въ бесѣдахъ съ нею, вообще въ близости къ ней, не могли пройдти безслѣдно для очень еще молодаго и благоувѣтливаго царя. Изъ многихъ обстоятельствъ этого событiя замѣтно, что государь очень полюбилъ свою невѣсту. Оффицiальные акты, которые остаются почти единственными источниками нашихъ свѣдѣнiй о дѣлѣ, не должны были, конечно, раскрывать юношескихъ чувствъ государя, но они, особенно ударяя на то, что Хлопова жила въ Верху не малое время, что нарекли ее царицею и молитва нареченiю ей была, и чины у ней были по государскому чину, и крестъ ей цѣловали и Бога за нее молили всѣмъ государствомъ, объясняютъ тѣмъ самымъ, что дѣло и въ оффицiальной средѣ доведено было до тѣхъ границъ, отъ которыхъ не легко возвращаться. Но что же оставалось дѣлать предъ суровою истиною, открытою кравчимъ Салтыковымъ, засвидѣтельствованную семейнымъ соборомъ, что нареченная царица къ государевой радости непрочна по своей неизлѣчимой болѣзни? Царь покорился. „Онъ же беззлобивый благодарнѣ терпяше сiя и *не восхотѣ иныя поняти*, дондеже Литовскiй король отпусти отца его митрополита Филарета на Русь“. Въ этомъ только и могъ выразится смиренный протестъ покорнаго своей матери сына, который едвали хорошо вѣрилъ и своимъ роднымъ и всему семейному собору, что невѣста въ дѣйствительности была ему непрочна. Невѣсту *сослали съ Верху*, какъ можно полагать, судя по нѣкоторымъ отмѣткамъ дворцовыхъ расходовъ, или въ концѣ iюня, или въ началѣ iюля. Во второй половинѣ iюня, видимо, все еще готовились къ свадьбѣ. 17—26 iюня готовили выѣздныя брачныя сани для невѣсты, обивали ихъ алтабасомъ по серебреной землѣ шолкъ зеленъ, червчатъ, багровъ съ золотомъ и кизылбаскимъ червчатымъ бархатомъ, на хлопчатой бумагѣ; шили въ нихъ подушки изъ бархату по серебряной землѣ шолкъ алъ, устроивали и обивали скамейку, дѣлали подъ ноги *миндерь* или тюфякъ изъ червчатаго сафьяна и т. д. Въ мастерской палатѣ еще 26 iюня шили государю брачную обычную одежду, русскую шубу на соболяхъ и терликъ, при чемъ было употреблено два

мѣха соболей, цѣною въ 250 р.—Въ это же самое время готовился къ своей собственной свадьбѣ и Михайло Салтыковъ. Разлучивъ царя съ любимою невѣстою, онъ самъ спокойно обвѣнчался 14 іюля на своей избранной невѣстѣ и на третій день свадьбы, іюля 16, пріѣзжалъ къ государю, какъ новобрачный, челомъ ударить. Государь благословилъ его образомъ и одарилъ кубкомъ, бархатомъ, атласомъ, соболями. 17 іюля государь точно также благословилъ образомъ и одарилъ и молодую Салтыкову, Парасковью Ивановну. Мать государева, инока Марѳа Ивановна тоже благословила молодыхъ образами и одарила камкою и соболями. Борисъ Салтыковъ женился еще въ 1615 г. 5 ноября [1].

Прошло около трехъ лѣтъ, самыхъ тяжелыхъ даже и для политическаго положенія государя. Въ 1618 г. къ Москвѣ подступалъ польскій королевичъ Владиславъ, отыскивая царства, такъ какъ ему еще прежде Михаила Москва дала присягу. „Бысть тогда на всѣхъ страхъ и трепетъ и ужасъ, нашествія ради поганыхъ, и шатость бѣ велія въ людехъ, другъ друга боящеся и чаяху измѣны.... и царю съ матерью велія скорбь бѣ и туга....“ Судьба избраннаго всенародно царя подвергалась большой опасности именно отъ предполагаемой шатости и измѣны въ людяхъ. Но эта шатость отжила уже свой вѣкъ. Москвичи стали крѣпко за своего молодаго царя и отбили королевича отъ стѣнъ столицы. Заключенъ былъ хотя и худой, но необходимый міръ, который возвращалъ намъ оставшихся въ Литвѣ плѣнниковъ, а въ числѣ ихъ государева отца Филарета Никитича. 14 іюня 1619 г. прибылъ наконецъ въ Москву Филаретъ Никитичъ. Черезъ 10 дней, 24 іюня, онъ торжественно былъ поставленъ въ патріархи. Съ этого времени управленіе земскими, государственными и домашними государевыми дѣлами переходитъ въ руки отца. Скоро становится замѣтнымъ, что вліяніе матери или, вѣрнѣе сказать, вліяніе старицъ Вознесенскаго монастыря, гдѣ жила Марѳа Ивановна, ослабѣваетъ. Какъ только была почувствована мужская, строгая и болѣе справедливая рука въ управленіи, какъ только возстановлены были сила и значеніе царской власти, дѣла приняли другой ходъ. Временщики Салтыковы со всѣмъ сво-

---

[1] См. въ Матеріалахъ записки о *верхнемъ относѣ* 7124 г. О новобрачныхъ пріѣздахъ къ государю Салтыковыхъ см. Матеріалы № 2.

ихъ родствомъ постепенно теряютъ свое самовластное значеніе. Все, что было ими тѣснимо, становится на ноги. Въ самомъ государѣ просыпается старое чувство къ его сосланной невѣстѣ.

Черезъ два мѣсяца послѣ поставленія отца въ патріархи, отпраздновавши съ нимъ Успеньевъ день, праздникъ церковный и собственно патріаршій, молодой государь въ первое же воскресенье, августа 22, отправился вмѣстѣ съ матерью на Унжу, молиться, къ Макарію Желтоводскому чудотворцу. Походъ на богомолье въ этотъ далекій край былъ предпринятъ, вѣроятно, по обѣщанью въ благодарность за избавленіе отъ плѣна Филарета Никитича, а вмѣстѣ и за избавленіе Москвы отъ нашествія королевича Владислава, ибо св. Макарій прославлялся чудесами избавленія отъ плѣна городовъ и людей. По дорогѣ на Унжу государь былъ „у чудотворцевъ Переславскихъ и у Ростовскихъ и у Ярославскихъ и у пречистой Богородицы Ѳедоровской на Костромѣ“, въ день праздника которой послѣдовало его избраніе на царство. При такомъ настроеніи богомольныхъ мыслей, невозможно было не вспомнить и о другомъ плѣнѣ, тяжесть котораго быть можетъ не менѣе была чувствуема молодымъ государемъ. Въ томъ же августѣ, быть можетъ въ тѣже самые дни, когда отправлялся государь на богомолье, посланъ былъ въ Сибирь гонецъ съ грамотами къ воеводамъ, въ Тобольскъ и на Верхотурье, въ которыхъ наказывалось, чтобы „Ивана Желябовскаго съ матерью (бабкою невѣсты) и съ женою и съ братомъ и съ *племянницею*, подъ именемъ которой глухо разумѣлась невѣста, изъ Тобольскаго города перевести на Верхотурье, а въ Верхотурьи дать имъ для житья дворъ и кормовые деньги, бабкѣ по 2 алт. на день, а всѣмъ другимъ, въ томъ числѣ и племянницѣ, по 10 денегъ, и безъ указу никуда ихъ съ Верхотурья не отпускать [1]. Содержаніе грамоты показываетъ, что она писана еще подъ вліяніемъ Салтыковыхъ и Марѳы Ивановны: главное лицо—невѣста, не называется даже по имени, освобождается изъ Тобольска лишь Иванъ Желябовской съ родными. Къ тому же времени должно отнести и отпускъ изъ Вологды съ воеводства въ деревню отца невѣсты, Ивана Хлопова.

Государь возвратился съ богомолья 2 ноября; вѣроятно не раньше этого времени переѣхала изъ Тобольска въ Верхотурье

---

[1] Акты Истор. III, № 80.

и его заточенная невѣста, ибо грамота объ этомъ получена была въ Верхотурьи только 29 сентября, а въ Тобольскѣ стало быть еще позже. Мы не знаемъ, что слѣдовало за этимъ передвиженіемъ ссыльныхъ, какія сношенія они имѣли съ Москвою. Приведемъ только нѣсколько свидѣтельствъ, характеризующихъ образъ жизни царя въ теченіи слѣдовавшаго за тѣмъ 1620 г. Въ генварѣ государь ходилъ *тѣшиться на лоси* въ Черкизово, по какому случаю отложенъ былъ до другаго дня даже пріемъ шведскаго посланника. 5 мая государь ходилъ по обѣщанію молиться въ Николѣ на Угрѣшу *пѣшкомъ*, съ матерью и въ сопровожденіи всего двора. Это былъ новый подвигъ благодарной молитвы за избавленіе изъ плѣна отца. Вскорѣ такой же походъ пѣшкомъ и съ тою же мыслью былъ совершенъ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь и также вмѣстѣ съ матерью и со всѣмъ боярствомъ, съ дворовыми и приказными людьми. 12 іюля въ свои именины царь давалъ праздничный столъ въ Золотой Палатѣ, а послѣ стола посылалъ по бояръ и по окольничихъ по всѣхъ и по думныхъ дворянъ и задалъ имъ пиръ, пировали у государя въ Передней избѣ. Въ сентябрѣ опять обычный походъ къ Троицѣ также съ матерью, по обѣщанію [1].

Замѣчательно, что въ близости у государя съ этого времени является, вмѣсто Бориса Салтыкова, бояринъ князь Ив. Борисовичь Черкасскій, который ѣдетъ отъ государя къ его отцу „о здоровьѣ спросити", что прежде поручалось обыкновенно Салтыкову. Эта перемѣна въ отношеніяхъ къ Салтыкову подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что кн. Черкасскій вскорѣ смѣняетъ его въ исполненіи одного домашняго дѣла, которое всегда поручалось самымъ близкимъ и испытаннымъ людямъ, кому вполнѣ можно было вѣрить. Борисъ Салтыковъ обыкновенно *снималъ* или, какъ тогда еще выражались, *лечилъ* государю *волоски*, т. е. по просту стригъ ему волосы, большею частію передъ праздниками Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенія. Это продолжалось до 1620 г.; съ 1621 г. этимъ дѣломъ занимается уже бояринъ кн. Ив. Бор. Черкасскій, котораго потомъ въ 1640 г. смѣняетъ Борисъ Александр. Репнинъ [2].

---

[1] Дв. Разр. I, 435, 452, 451.

[2] Арх. Ор. Пал. №№ 726, 916, 968. Царю Алексѣю Михайловичу волоски лечилъ, спущалъ волосы, въ первое время стрѣлецъ, пятидесятникъ Головленкова приказу, Семенъ Ерофеевъ, а впослѣдствіи сокольникъ Михаилъ Ерофеевъ, быть можетъ сынъ перваго, который по-

Въ томъ же 1620 году на святкахъ опять поднимается дѣло о заточенной невѣстѣ. 30 декабря пишутъ на Верхотурье къ воеводамъ грамоту, въ которой наказываютъ: „пожаловали есмя, *для отца нашего* в. г. свят. патріарха Филарета Никитича Моск. и всеа Русіи *Настасью Хлопову*, велѣли ее съ бабкою и съ дядьями, съ Иваномъ да съ Олександромъ Желябужскими, отпустить изъ Сибири съ Верхотурья въ Нижней Новгородъ". Велѣно отпустить на подводахъ, корму дать по прежнему указу, что давано въ Верхотурьи, смѣтя во сколько недѣль можно доѣхать до Нижняго; „да и пристава бы съ ними для береженья послать, сына боярскаго добраго, чтобъ проводилъ онъ ихъ до мѣста, а дорогою ѣдучи держалъ бы къ нимъ береженье, а какъ въ Нижній пріѣдетъ, отдалъ бы ихъ боярину воеводѣ.... и быть имъ въ Нижнемъ до государева указу.... а котораго числа Настасью Хлопову съ бабкою и съ дядьями съ Верхотурья отпустятъ и кого пристава съ ними пошлютъ, о томъ бы отписали къ Москвѣ...." Эту грамоту привезъ на Верхотурье 4 февр. 1621 г. человѣкъ Ивана Хлопова (отца невѣсты) Микитка Васильевъ [1].

Грамота при обыкновенномъ своемъ дѣловомъ тонѣ, указываетъ однакожъ на значительную перемѣну домашнихъ государевыхъ отношеній. Въ ней наказывается отпустить изъ Сибири уже не Ивана Желябужскаго съ родными и *племянницею*, какъ въ первой грамотѣ, а именуется непосредственно первый предметъ государевой заботливости, первое лицо всей этой драмы, для котораго собственно и терпѣли ссылку и опалу всѣ остальные. И мало того, что личность невѣсты поставлена во главѣ, ей возвращено и принадлежавшее ей царское имя: *Настасья*. Это-то имя лучше всего и свидѣтельствуетъ, что государь вопреки желаніямъ матери, не покидалъ мысли о бракѣ съ своею нареченною царицею.

Повидимому смиренный и покорный сынъ, хотя и не смѣлъ выйдти изъ воли матери, но, поддерживаемый отцомъ, велъ тихую, смиренную и однакожъ настойчивую борьбу съ тѣми под-

---

лучалъ за это лехченье государевыхъ власовъ по 15, а иной разъ и по 20 р.—При царѣ Михаилѣ бояре за тоже самое получали по портищу (10 ар.) камки, отласу или другой подобной матеріи. Царю Ѳедору Алексѣевичу легчилъ волоски тотъ же Михаило Ерофеевъ, пожалованный уже въ дьяки. Арх. Ор. Пал. № 988, 819, 400, 245.

[1] Акты Истор. III, № 91.

земными интригами, которыя успѣли остудить сердце матери къ его возлюбленной невѣстѣ, успѣли возбудить даже ненависть будущей свекрови и къ невѣсткѣ, и ко всему ея родству. Онъ тянулъ дѣло, ожидая перемѣны въ мысляхъ матери. Между тѣмъ время шло и настояла даже государственная надобность въ его женитьбѣ. Пронеслась мысль, которую приписывають государеву отцу, о женитьбѣ на литовской королевнчнѣ, въ видахъ государственной выгоды отъ этого брака, что будетъ прочный миръ съ Литвою, что возвратятся уступленные туда города и земли. Но Михаилъ отказался отъ этого брака, да вѣроятно, и самъ отецъ хорошо понималъ, что тогдашнія натянутыя отношенія къ Польшѣ не могли произвести ничего хорошаго и прочнаго. Однакожъ мысль о женитьбѣ на иноземной княжнѣ или королевичнѣ утвердилась на нѣкоторое время въ царскомъ семействѣ. Въ 1621 г., въ сентябрѣ, безъ малаго черезъ годъ по освобожденіи Хлоповой изъ Сибири, былъ посланъ посолъ въ Датскіе нѣмцы, къ королю Христіану, сватать его племянницу Доротею Августу, дочь Голштейнъ-Готторпскаго герцога Іоанна Адольфа [1]. Но король не принялъ лично пословъ, сказался больнымъ, а посолъ не захотѣлъ пословать и объясниться съ одними ближними королевскими людьми. Сватовство, такимъ образомъ, даже и не было начато. Лѣтопись разсказываетъ, что король отказалъ будтобы по слѣдующей причинѣ: прежде, братъ мой ѣздилъ къ вамъ въ Русь, при царѣ Борисѣ, который хотѣлъ отдать за него свою дочь Ксенію, и пріѣхавъ въ Москву, часу не жилъ тамъ, *отравою* уморили его; также и теперь дочь мою уморите.

Прошелъ еще годъ. Въ генварѣ 1623 года послали къ шведскому королю Густаву Адольфу, сватать княжну Екатерину, сестру курфюрста бранденбургскаго Георга, шурина королю. Здѣсь сватовство окончилось такою же неудачею, по той причинѣ, что княжна не захотѣла креститься въ православную вѣру, не захотѣла промѣнять свою вѣру на санъ царицы.

Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ высватать царю кого либо изъ иноземныхъ княженъ оставалось, сохраняя давній обычай, найдти невѣсту изъ прирожденныхъ русскихъ, изъ подданныхъ. Когда отецъ и мать стали говорить объ этомъ сыну, онъ отказался отъ этого предложенія; онъ сказалъ: „сочетался

---

[1] Дворц. Разр. I, 488. Берха, царствованіе Михаила, 133.

я бракомъ по закону Божію и по преданію св. апостолъ и св. отецъ; обручена мнѣ царица; кромѣ ея не хочу взять иную.“ Нельзя было слишкомъ противорѣчить такому желанію государя, ибо это желаніе покрывалось законнымъ освященіемъ его нареченной невѣсты, а противъ святости исполненнаго закона трудно было стоять даже и родительской, ничѣмъ неодолимой волѣ. Вотъ почему быть можетъ и отецъ, какъ патріархъ, становится на сторону сына, или собственно на сторону освященной уже законности его желанія. Отцу объясняли однакожъ, что нареченная царица испорчена, неплодна и больна; между тѣмъ „въ слуху носилось“, отъ многихъ людей, что она во всемъ здорова и не была больна съ тѣхъ поръ, какъ выѣхала изъ дворца. Сдѣлалось необходимымъ изслѣдовать дѣло, раскрыть истину. 15 сентября 1623 г., слишкомъ черезъ семь лѣтъ со времени царскаго обрученія съ невѣстой, патріархъ, поговоря съ сыномъ, рѣшился разъяснить это дѣло окончательно. Позваны были въ государеву *комнату* (кабинетъ) ближніе бояре: Ив. Никит. Романовъ, кн. Ив. Борис. Черкасской, Ѳед. Ив. Шереметевъ. Въ ихъ присутствіи государь самъ лично допросилъ дохтура Валентина Бильса, видалъ ли онъ Хлопову, смотривалъ ли ея болѣзнь, какая была болѣзнь, можноль было вылѣчить, а толькобъ болѣзнь излѣчилась, то отъ той болѣзни не произошло ли бы какой помѣшки *чадородію*? Затѣмъ допросилъ лѣкаря Балсыря. Они оба утвердили, что болѣзнь была невеликая, излѣчить было можно, что плоду и чадородію отъ того порухи небываетъ. Послѣ того государь спрашивалъ окольничаго Мих. Салтыкова, почему онъ тогда сказывалъ, что по дохтурскому осмотру болѣзнь въ Марьѣ была великая и долгой жизни отъ ней ожидать было нельзя? Салтыковъ недалъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ, а разсказалъ только, какъ шло лѣченье и что самъ онъ Михайло къ Марьѣ съ лѣкарствомъ не ходилъ. Когда открылись разнорѣчія, Салтыковъ былъ поставленъ съ докторомъ и лѣкаремъ „съ очей на очи“. Лѣкарь уличалъ Салтыкова, что онъ между прочимъ спрашивалъ его, лѣкаря: „*будетъ ли имъ Марья Хлопова государыня или нѣтъ*? Салтыковъ отпирался, объясняя, что спрашивалъ у нихъ по государеву и по государынину великія старицы иноки Марѳы Ивановны приказу, нѣтъ ли въ Марьѣ какія порчи?

Сентября 19 патріархъ и государь вмѣстѣ распрашивали отца Марьи, Ивана Хлопова, а на другой день ея дядю Гаврилу

Хлопова, который съ бо́льшею, чѣмъ отецъ, откровенностью и подробностью объяснилъ, что́ и какъ было, присовокупивъ въ заключеніе, что если онъ сказываетъ ложно, и онъ въ томъ у государя милости не проситъ. — Изъ его разсказа мы и привели изложенныя выше подробности этого дѣла. Въ тотъ же день, 20 сент., патріархъ распросилъ духовника царевны, Никитскаго монастыря священника Сергѣя Петрова, который объяснилъ, что знаетъ Хлопову, что она бывала у него въ исповѣданьи не однова, за шесть лѣтъ до ея взятья на государевъ дворъ, что болѣзни въ ней никакой не видалъ, а какъ была больна въ Верху и онъ у ней былъ и ее исповѣдывалъ: а какъ сослана съ Верху и жила на дворѣ у бабки и онъ передъ ея отъѣздомъ (изъ Москвы) у ней былъ же и ее исповѣдывалъ и она была здорова, а послѣ того про болѣзнь ея не слыхалъ, да и нынѣ слышалъ, что будто она въ Нижнемъ здорова.

21 сентября государи велѣли ѣхать въ Нижній для распросу и сыску Марьина здоровья и болѣзни боярину Ѳед. Ив. Шереметеву, чудовскому архимандриту Іосифу, ясельничему Богдану Матв. Глѣбову и дьяку Ивану Михайлову. Вмѣстѣ съ ними по указу государей отправился и отецъ царевны Иванъ Хлоповъ. А для разсмотрѣнья Марьины болѣзни посланы съ ними дохтуры, Артемій Дій, Валентинъ Бильсъ и лѣкарь Балсырь. Государи велѣли боярину съ товарищи распросить саму Марью Хлопову, что—вотъ она была взята въ Верхъ, что сказывалъ государю кравчій Михайло Салтыковъ, что она Марья была больна великою болѣзнью, и излѣчить было ее не мочно и живота ей долгаго не чаять, и для того она отъ государя съ Верху сведена, — и онабъ сказала вправду, какою болѣзнью она была больна, когда та болѣзнь у ней объявилась, прежде или тутъ, будучи на государевѣ дворѣ; и нѣтъ ли въ ней нынѣ какой болѣзни, — и говорить ей велѣли накрѣпко, чтобъ она болѣзни своей не таила ни копми мѣрами.... а будетъ Марья Хлопова болѣзнь въ себѣ какую нибуди утаитъ, а послѣ про то сыщется, а она, хоти и будетъ за государемъ, а болѣзнь ея объявится, и ей то мочно самой знать, что государь любити ее не учнетъ, и отъ в. г. свят. патріарха Филарета Никитича быти ей за то въ великомъ духовномъ запрещеніи; и онабъ болѣзни своей не таила и тѣмъ на весь родъ свой не навела государскія опалы и казни“.

О томъ же главномъ дѣлѣ, именно о болѣзни, есть ли въ Марьѣ какая болѣзнь, велѣно распросить и ея родныхъ, бабку, отца и дядей, съ великимъ подкрѣпленіемъ: бабкѣ, что она, если утаитъ, то наведетъ на себя и на весь родъ свой государскую опалу; отцу и дядьямъ, что если правды не скажутъ, — быти имъ за то отъ государя кажненымъ смертью. Вообще боярину съ товарищи велѣно смотрити и примѣчать во всякихъ мѣрахъ, а дохтурамъ смотрити ихъ дохтурскими науками, дѣйствительно ли Марья во всемъ здорова? Если же по распросу, по сыску и по дохтурскому осмотру, Марья во всемъ здорова, то велѣно съ отпискою о томъ пріѣхать къ Москвѣ чудовскому архимандриту, а боярину съ товарищи побыти въ Нижнемъ до государева указу и къ Марьѣ велѣно держати честь и береженье во всемъ, и деньги и запасы всякіе на ея обиходъ давати, чтобъ ей скудости и недостатка ни въ чемъ небыло. А будетъ Марья Хлопова больна какою болѣзнью, а скажутъ дохтуры, что ее излѣчить мочно, и о томъ велѣно отписать къ государю, а самимъ побыти въ Нижнемъ до указу. А будетъ Марья больна, а излѣчить ее не мочно, и боярину съ товарищи велѣно ѣхати къ Москвѣ. А будетъ Марья сама про себя и ея родные скажутъ, что она здорова, а дохтуры скажутъ, что она больна и не прочна и за лѣкарство иматися не учнутъ, и боярину съ товарищи ѣхать къ Москвѣ, а у Марьи остатися отцу ея и дядьямъ.— А кормъ ей передъ прежнимъ велѣно давать вдвое. Сверхъ того велѣно прислать въ Москву Марьина отца духовнаго, который былъ духовникомъ у ней въ Нижнемъ.

Духовникъ пріѣхалъ въ Москву 11 октября и разсказалъ патріарху, что духовную свою дочь Марью Хлопову исповѣдывалъ и причащалъ многажда, что болѣзни въ ней не видалъ ни которыя; да и кромѣ исповѣданья бывалъ онъ у Марьи многажда, и ходилъ къ ней по вся недѣли (по воскресеньямъ), а болѣзни въ ней не видалъ, и про то не слыхалъ, и думаетъ, что она здорова во всемъ.

Октября 16 бояринъ съ товарищи прислали государямъ списокъ тому всему, какъ у нихъ дѣло дѣлалось, т. е. какъ было и къ чему привело ихъ изслѣдованіе; а послѣ того пріѣхалъ къ государямъ чудовской архимандритъ съ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что *Марья Хлопова во всемъ здорова*. Въ распросѣ сама Хлопова говорила: „какъ она была у отца и у матери и у бабки, и у ней болѣзни ни какія не бывало; да и на госу-

царевѣ дворѣ будучи, была здорова шесть недѣль; а послѣ того появилася болѣзнь, рвало, и ломало нутръ, и опухль была, а чаетъ того, что *то ей учинилося отъ супостатъ ея*; и была та болѣзнь у ней дважды по двѣ недѣли, а послѣ того давали ей пити воду святую съ мощей, и оттого исцѣлѣла и полегчело вскорѣ; и послѣ того спустя два дня, какъ сведена съ государева двора, та болѣзнь у ней поминывалась, и отъ тѣхъ мѣстъ не поминывалась и по ся мѣста, и нынѣ во всемъ здорова". Отецъ Марьи объяснилъ, „что дочь заболѣла на государевѣ дворѣ, а какими обычаи болѣзнь учинилась, того онъ невѣдаетъ; а *все то отъ Михайла да отъ Бориса Салтыковыхъ, межъ себя они шептали....*" Дохтуры, смотрѣвшіе Марьина здоровья и болѣзни своими дохтурскими науками, заявили, что во всемъ здорова и чадородію помѣшки въ ней не чаятъ. Лѣкарь заявилъ, что передъ прежнимъ она здорова, очи чисты и болѣзни въ ней не чаетъ".

Такимъ образомъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно и къ радости государя. Исполняя царское повелѣніе, бояринъ Ѳед. Ив. Шереметевъ послалъ Марьѣ Хлоповой денегъ 300 рублевъ и запасы хлѣбные и медвяные, чтобъ ей ни въ чемъ скудости не было, а самъ остался въ Нижнемъ ждать государева указа.

Въ Москвѣ во дворцѣ, это изслѣдованіе произвело сильное впечатлѣніе. Обманъ Салтыковыхъ былъ раскрытъ во всей очевидности. Оскорбленный государь не помѣшкалъ своею опалою. Не прошло недѣли со дня полученія боярскаго донесенія и пріѣзда чудовскаго архимандрита, какъ назначенъ былъ, 24 октября 1623 г., въ Посольской палатѣ соборъ царской Думы, на которомъ, послѣ обсужденія дѣла, думный дьякъ Иванъ Грамотинъ прочелъ Салтыковымъ слѣдующій государевъ указъ: „Борисъ да Михайло Салтыковы — Государь ц. и в. к. Михайло Ѳеодоровичь в. р. и отецъ его государевъ в. г. свят. патріархъ Филаретъ Никитичь моск. и в. р. велѣли вамъ сказати неправды и измѣну вашу: вѣдомо всѣмъ людямъ московскаго государства, какая къ вамъ была государская милость и жалованье и учинены есте по государской милости въ чести и въ приближеньи не по вашему достоинству, паче всѣхъ братьи своей, и помѣстьи и вотчинами пожалованы многими, чего ни за кѣмъ нѣтъ; и въ прошломъ во 124 году взята была ко государю на дворъ, для сочетанія государскаго законнаго брака, Марья Иванова дочь Хлопова и жила въ Верху не малое время

и нарекли ее царицею и молитва наречению ей была и чины у ней были по государскому чину и дворовые люди крестъ ей цѣловали, и на Москвѣ и во всѣхъ епископьяхъ Бога за нее молили, а отецъ ея и родство, Хлоповы и Желябужскіе, были при государѣ близко. И вы, побраняся съ Гавриломъ Хлоповымъ съ товарищи, для своей недружбы, любити ихъ всѣхъ не почали для того, чтобъ вамъ быти однимъ при государѣ; и вашею смутою почала быти Марья Хлопова больна; и ты, Михайло, сказалъ государю, что сказывалъ тебѣ лѣкарь Балсырь, что будто Марья больна великою болѣзнію и излѣчити ее не мочно.... и ты то солгалъ для своей недружбы, того тебѣ лѣкарь неговаривалъ, и лѣчити Марью Хлопову дохтуры хотѣли.... И ты, Михайло, государю сказывалъ не то, что тебѣ дохтуры говорили, и лѣчити Марью не велѣлъ, и съ Верху она сослана не по правдѣ, по вашему Борисову и Михайлову наносу, безъ праведнаго сыску, и письма тому, какъ то дѣлалось, нѣтъ ничего; и государской радости и женитвѣ учинили помѣшку. И то все дѣлали измѣною, забывъ государево крестное цѣлованье и государскую великую милость. А государская милость была къ вамъ и къ матери вашей не по вашей мѣрѣ, и пожалованы были честью и приближеньемъ, паче всѣхъ, братьи своей, и вы то все поставили ни во что, и ходили не за государевымъ здоровьемъ; только и дѣлали, что лише себя богатили, и домы свои и племя свое полнили и земли крали и во всякихъ дѣлѣхъ дѣлали неправду и промышляли тѣмъ, чтобъ вамъ при государской милости, кромѣ себя, никого не видѣти, а доброхотства и службы ко государю не показали. А какъ нынѣ сыскивали и распрашивали и смотрили Марьина здоровья и болѣзни, и по сыску и по дохтурскому разсмотру, Марья Иванова дочь Хлопова здорова во всемъ и болѣзни въ ней нѣтъ, ни которыя, и напередъ сего въ ней болѣзни большой небывало, и за то ваше воровство годни были есте казни. И государь.... и отецъ его государевъ.... патріархъ Филаретъ Никитичь большаго наказанья учинити надъ вами не велѣли, а велѣли васъ послать по деревнямъ съ приставы и съ женами вашими, а мать вашу велѣли послать въ Суздаль въ Покровскій монастырь, и при государѣ вамъ быти и государевыхъ очей видѣть не пригоже, а помѣстья ваши и вотчины велѣлъ государь отписать и взять на себя государя".

На другой день, 25 октября опальные были высланы изъ Москвы въ свои дальныя вотчины, Борисъ на Вологду въ братнину

вотчину; Михайло въ его Галицкую вотчину. „А людей съ ним указалъ государь отпустити по 4 человѣка мужиковъ, да женокъ и дѣвокъ по 3 человѣка, а съ матерью ихъ съ старицею Евникіею келейницу черницу да 2 человѣка да малой да женка да двѣ дѣвки....“ [1]. Однакожъ чиновъ съ нихъ не сняли и только удалили отъ очей государя. Борисъ былъ бояриномъ, а Михайло въ этомъ же году еще 7 генв. пожалованъ изъ кравчихъ въ окольничіе.

Такъ окончилось *время* Салтыковыхъ, одно изъ событій которыми такъ полна Московская дворская исторія и которое можетъ служить самою вѣрною и лучшею характеристикою тогдашнихъ внутреннихъ правительственныхъ отношеній. Послѣ, конечно, опальные были возвращены. Это случилось, въ году смерти Филарета Никитича, который вывелъ наружу ихъ лукавыя козни, и въ одно время съ возвышеніемъ въ бояре и въ дядьки къ царевичу Алексѣю Бориса Морозова, который, напротивъ, по всему вѣроятію держалъ руку Салтыковыхъ. По прежнему они стали очень близкими людьми къ государю и весьма часто бывали у его стола. Въ 1641 г. Михайло Салтыковъ получилъ даже и боярство [2]. Лѣтописецъ разсказываетъ, что Салтыковы повинились: „яко сего ради тако сотворихомъ, понеже намъ удаленнымъ быти царева лица и сана своего лишитися“. Вотъ та основная, дѣйствующая мысль, которою исключительно жило все дворское общество въ царскій періодъ нашей исторіи. Мысль эта господствовала во всѣхъ дворскихъ умахъ, потомъ болѣе, что всегда находила поддержку, подкрѣпленіе и такъ сказать оживленіе своимъ стремленіямъ въ самомъ царѣ, въ его царской волѣ, во всемъ порядкѣ и во всемъ устройствѣ царскаго управленія землею, управленія собственно вотчиннаго господарскаго или помѣщичьяго, которому могъ нанести рѣшительный ударъ только Великій Петръ, мужественно стряхнувшій съ себя эту старую форму государственнаго быта и воздвигнувшій государственное зданіе на другихъ, болѣе справедливыхъ и широкихъ основаніяхъ. Въ старину временщикъ представлялъ существенный типъ управленія не только въ царскомъ дворцѣ и стало быть во главѣ управленія всѣмъ государствомъ, но и во дворѣ областнаго воеводы, т. е. въ упра-

---

[1] С. Г. Г. III, № 63, 64.

[2] Дв. Разр. II, 354, 650.

енія областью, и всюду, гдѣ ни появлялась управляющая асть, ибо въ самомъ существѣ этой власти въ ту эпоху леыа единная идея, господарская идея: самовластіе, самоволіе, торое всегда и дѣлало *время* всякому ловкому служителю ой идеи.

Такимъ образомъ опала, наконецъ, поразила государевыхъ иаговъ, которые принесли ему столько горя, заставивши его лыя восемь лѣтъ ожидать брачной жизни съ своею возлюбнною нареченною царевною. Теперь наставала пора государой радости и веселья.... Дѣло о женитьбѣ на Хлоповой было вно рѣшено между отцомъ и сыномъ, иначе они не подняли и слѣдствія о здоровьи царевны и именно о ея здоровьѣ въ стоящую минуту, когда настояла даже государственная необдимость въ государевомъ бракѣ. Розыскъ объ этомъ здоровьѣ оизведенъ былъ не для того, чтобы сломить Салтыковыхъ, именно для того, чтобы достовѣрно узнать, прочна ли царена въ государской радости.

Но если сломлены были враги этой радости, если они въ тъ же часъ были удалены отъ государевыхъ очей, то послѣдствія ихъ происковъ и интригъ оставались еще въ полной лѣ. Въ Вознесенскомъ монастырѣ они успѣли водворить таю ненависть къ будущей царицѣ, что мать государева, велиая старица Марѳа Ивановна, клятвами себя закляла, что не ить ей въ царствѣ предъ сыномъ, если Хлопова будетъ у аря царицею. Что тутъ было дѣлать, какъ поступить? Вырръ былъ однакожъ ясный. Промѣнять родную мать и приоиъ великую старицу на невѣсту было невозможно. Это проиворѣчило бы всѣмъ нравственнымъ положеніямъ тогдашняго ыта; благословеніе родителей утверждало домы чадъ, а родиельская клятва искореняла ихъ. Родительская клятва въ народыхъ представленіяхъ была облечена въ такой страшный миическій образъ, предъ которымъ ни въ какомъ случаѣ не было озможности стоять твердыми ногами.

Царь смирился, презрѣлъ себя Бога ради, не захотѣлъ разучиться съ матерью, склонился предъ ея любовью, не захотѣлъ скорбить и раздражить человѣческое существо матери и самъ, се терпя, отказался отъ нареченной невѣсты. Это было сдѣано, по свидѣтельству лѣтописца, даже вопреки желанію и миопиъ укоризнамъ со стороны отца, благословлявшаго этотъ ракъ и хотѣвшаго вѣнчать государя на Хлоповой. Но очень

понятно, что и отецъ не могъ сильно настаивать; безсомнѣні онъ ограничилъ свое желаніе сдѣлать счастливымъ сына лиш одними совѣтами. Въ томъ только есть очевидная правда, чт онъ стоялъ за сына.

Спустя недѣлю послѣ ссылки Салтыковыхъ, 1-го ноября, в Нижній послана къ Шереметеву съ товарищи грамота, въ кото рой государь вызывалъ боярина тотчасъ въ Москву,—„а Иван Хлопову сказалибъ, что мы дочь его Марью взять за себя неп волили". Ивану приказано ѣхать въ свою вотчину на Коломну а Марьѣ Хлоповой съ бабкою и дядьями жить по прежнему в Нижнемъ, а кормъ давать ей передъ прежнимъ вдвое.

Развѣнчанная царевна жила въ Нижнемъ до своей кончины Ей по государеву указу отданъ былъ на житье дворъ Козм Минина, взятый въ казну, какъ выморочный, послѣ его смерти

Царевна Настасья Ивановна скончалась въ мартѣ 1633 год черезъ десять почти лѣтъ послѣ рѣшительнаго отказа ей і супружествѣ съ царемъ, въ то время, когда государь был уже женатъ на второй супругѣ Евдокіи Стрѣшневой.

Дворъ Кузмы Минина, послѣ ея смерти снова сталъ вым рочнымъ и былъ отданъ государемъ боярину кн. Ив. Бор. Че касскому съ братомъ, которые выпросили его на пріѣздъ из вотчинъ людямъ ихъ и крестьянамъ.[1]

Великая старица Мареа Ивановна, не соглашаясь на ж нитьбу сына съ Хлоповой, безсомнѣнія въ тайнѣ готовила е невѣсту по своему выбору. Однакожъ прошелъ ещё почти ц лый годъ, когда государь склонился на увѣщанія матери и ея назначенію избралъ себѣ въ невѣсты княжну Марью Вл диміровну Долгорукихъ, дочь боярина кн. Владиміра Тимоѳѣ вича Долгорукаго, одного изъ старыхъ родовитыхъ бояр Лѣтописецъ упоминаетъ, что государь не желалъ этого бра и согласился на него, только изъ послушанія матери „аще не хотя, но матере не преслушавъ, поятъ вторую цар Марью".

И смотрите же, что Богъ дѣлаетъ „сотворшимъ по насилі присовокупляетъ лѣтописатель. Въ первый день *веселія*, го ритъ онъ, т. е. въ день свадьбы, 19 сентября 1624 г., бь великая радость, а на второй день царица „*обрѣтеся испорче* Грѣхъ ради нашихъ, отъ начала *врагъ нашъ діаволъ*, не х

---

[1] Акты арх. эксп. III, № 218.

обра роду христіанскому, научи, врагъ, человѣка своимъ дьяволь-
кимъ наущеніемъ и ухищреніемъ, испортиша царицу Марью
ладиміровну; и бысть государыня больна и бысть скорбь (бо-
ѣзнь) ея велія зѣло, и тогожъ года въ самое Крещеніе, 6 ян-
аря 1625 года, предаде свою праведную душу.... и погребена
о многимъ плачемъ въ Вознесенскомъ монастырѣ съ прочими
арицами".

Кто былъ виновникомъ этого новаго несчастія для государя,
то былъ строителемъ этой новой жертвы дворскихъ боярскихъ
нтригъ и козней, намъ неизвѣстно [1]. „А все то зло сотвори-
ось отъ злыхъ чаровниковъ и звѣрообразныхъ человѣкъ, вос-
ицаетъ современникъ этого событія, которые не хотятъ ви-
ѣть христіанскаго покою и тишины, гнушаются своего госу-
аря, гордятся, въ послушаніи и въ покореніи ему быть не
отятъ и отнюдь его не боятся, потому что очень милостивъ онъ,
обитъ и милуетъ *ихъ*, все даетъ имъ, что ни просятъ, а *они*
олько своевольничаютъ". Кто же эти они? Это все бояре, по
казанію современника, который описывая первые годы Ми-
аилова царствованія имѣлъ полное право воскликнуть: „Та-
ово-то попеченіе боярско о землѣ Русской!"

Дѣйствительно, чѣмъ ближе мы будемъ знакомиться въ исто
и съ этимъ попеченіемъ, тѣмъ яснѣе и понятнѣе будетъ ра-
рываться намъ и личность Грознаго, а также и эта необычай-
ая народная вѣра въ царя, какъ въ истиннаго и единствен-
аго, хотя и слишкомъ далекаго своего защитника, слишкомъ
лекаго по той причинѣ, что между нимъ и народомъ всегда
ысилась та же недоступная боярская гора, обросшая непро-
одимымъ лѣсомъ боярскихъ же клевретовъ въ образѣ всякой
риказной и прикащичьей строки.

---

[1] Въ свадебной разрядной запискѣ мы встрѣчаемъ слѣдующее: у по-
ели новобрачныхъ въ чинѣ постельничихъ къ подклѣту были наз-
чены бояринъ Ѳеод. Ив. Шереметьевъ съ женою Марѳою Петровною
отецъ новобрачной Влад. Тим. Долгорукій съ женою, а ея матерью,
арѳою Васильевною. Постельничіе бояре стлали также по пути къ
дклѣту атласы. Долгорукой при этомъ билъ челомъ государю на
ярина Ѳеод. Ив. Шереметьева *недружбою*, а съ нимъ былъ, какъ
вѣчастъ записка, указывая тѣмъ, что челобитье было не по поводу
стъ, а только по недружбѣ. Такимъ образомъ недружба гнѣздилась уже
лѣ самой брачной постели и безсомнѣнія была не маловажна, если
звала даже и заявленіе со стороны Долгорукаго. Дв. Разр. I, 634,1221.

Мы тогда хорошо поймемъ и отзывъ свободнаго голландца о первыхъ годахъ царствованія Михаила, который въ 1614 г. писалъ своей республикѣ: „царь этотъ будетъ имѣть счастливое и блистательное царствованіе, если только Всемогущій откроетъ ему глаза и поможетъ ему выполоть дурную траву во дворѣ и неправду своихъ приближенныхъ.... всѣ приближенные царя—несвѣдущіе юноши; ловкіе же и дѣловые приказные—алчные волки; всѣ безъ различія грабятъ и раззоряютъ народъ. Никто не доводитъ правды до царя.... Но я надѣюсь, что Богъ откроетъ глаза юному царю, какъ то было съ прежнимъ царемъ (Грознымъ), ибо такой царь нуженъ Россіи, или она пропадетъ; народъ этотъ благоденствуетъ только подъ дланью своего владыки и только въ рабствѣ онъ богатъ и счастливъ. Вотъ почему все пойдетъ хорошо тогда лишь, когда царь по локти будетъ сидѣть въ крови“. Приговоръ жестокъ, какъ справедливо замѣчаетъ издатель этой голландской переписки [1], не менѣе справедливо объясняющій, что здѣсь должно разумѣть не народъ собственно, а только народъ приказный, а мы скажемъ, только народъ властителей, къ которому, конечно, принадлежали прежде всего бояре, а за ними уже и приказные, какъ ихъ же орудія въ управленіи и попеченіи о землѣ. Если къ такому жестокому убѣжденію приходилъ свободный и практическій голландецъ, пользовавшійся неизмѣримо лучшимъ политическимъ устройствомъ, то весьма понятно, что тогоже убѣжденія крѣпко держался въ своей жизни и исторіи и нашъ русскій народъ, народъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. вся закрѣпощенная безвластная среда. Мы даже думаемъ, что въ сужденіи голландца выразилась не собственная его мысль, а мысль тогдашнихъ умныхъ и опытныхъ русскихъ людей, именно изъ народа, съ которыми торговый голландецъ по необходимости былъ въ тѣсномъ знакомствѣ; выразилось, однимъ словомъ тогдашнее общественное мнѣніе о дворскихъ событіяхъ.

Слишкомъ черезъ два года, 29 генваря 1626 г., царь избралъ себѣ вторую супругу Евдокію Лукъяновну Стрешневу, дочь незнатнаго дворянина, съ которою и обвѣнчался 5 февраля. Только за три дня передъ тѣмъ ее ввели въ царскія хоромы и нарекли царевною. Эта женитьба совершилась благополучно; безъ сомнѣнія были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы

---

[1] Вѣстникъ Европы, январь 1868 г. 236, 238.

устранить всякія напасти отъ звѣрообразныхъ человѣкъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что отъ этихъ звѣрообразныхъ человѣкъ не было возможности избавиться, они являлись тамъ, гдѣ по видимому труднѣе всего было ихъ встрѣтить.

Царь Алексѣй Михайловичь вступилъ на престолъ также очень молодымъ человѣкомъ, по семнадцатому году. Естественно, что управленіе должно было сосредоточиться въ рукахъ его *дядьки*, ближняго боярина Бориса Ивановича Морозова, бывшаго въ молодыхъ лѣтахъ, какъ мы уже говорили, спальникомъ у государева отца, слѣд. близкимъ и любимымъ человѣкомъ. Царь Алексѣй питалъ къ нему сыновнія чувства, ибо Морозовъ на самомъ дѣлѣ замѣнялъ ему отца. Эти отношенія должны были произвести обыкновенное въ дворской жизни явленіе, которое повторялось всегда, при каждомъ государѣ, какъ только, по какой бы то ни было причинѣ, ослабѣвала его власть, его непосредственное личное участіе въ дѣлахъ управленія. Борисъ явился такимъ же временщикомъ, какими были Салтыковы при Михаилѣ, Годуновъ при Ѳеодорѣ и т. д. Однакожъ, бывши дядькою, руководя по отечески шестнадцатилѣтнимъ царемъ, онъ могъ спокойно самовластвовать лишь до тѣхъ поръ, пока не было людей, которые стали бы къ царю въ такую же близость. При его всемогуществѣ, конечно, и не могли явиться во дворцѣ такіе люди, ибо всѣ углы дворца заселялись въ это время самыми зоркими глазами и самыми чуткими ушами приверженцевъ временщика, его созданій, его пособниковъ и милостивцевъ. Но существовало одно обстоятельство, которое всегда способно было прорвать эту незримую, но тѣмъ не менѣе очень связную и потому очень твердую сѣть вліянія на государеву особу. Это обстоятельство, какъ мы указывали, заключалось въ женитьбѣ государя, вводившей въ государеву близость, вмѣстѣ съ его супругою, много лицъ, которыя тотчасъ же являлись сильными соперниками всякому постороннему самовластію. Это было обстоятельство самое опасное для каждаго временщика и потому съ его стороны въ этомъ случаѣ употреблялись всевозможныя мѣры, что бы разстроить свадьбу, если она дѣйствительно была опасна въ этомъ смыслѣ, и направить выборъ невѣсты согласно своимъ личнымъ интересамъ, т. е. сохраненію своего положенія при государѣ.

Такимъ образомъ для Морозова настала весьма опасная минута, когда государь задумалъ жениться. По обычаю собраны

были дѣвицы невѣсты. Изъ 200 дѣвицъ, съѣхавшихся въ Москву, въ выборъ самому государю были представлены только шесть. Государь страстно полюбилъ одну изъ нихъ, Евфимію Ѳедоровну Всеволожскихъ, дочь Касимовскаго помѣщика Рафа Ѳедора Всеволожскаго, которой по обычаю и вручилъ ширинку и кольцо, какъ знаки обрученія съ нею. Но Морозовъ имѣлъ въ виду другую невѣсту для государя, которая по всему вѣроятію была также въ числѣ избранныхъ. Это была одна изъ двухъ сестеръ Милославскихъ. Одну изъ нихъ онъ прочилъ за государя, на другой думалъ самъ жениться, быть можетъ съ цѣлью укрѣпить свои отношенія къ государю этою новою связью родства, которая вмѣстѣ съ тѣмъ закрѣпляла и его прежнюю близость къ особѣ государя, ибо онъ становясь родственниковъ и Милославскихъ, имъ же самимъ возводимыхъ на высокую степень близкихъ къ государю людей, и самому государю,—по естественнымъ причинамъ удерживалъ за собою свое прежнее господствующее положеніе въ отношеніи всего родства Милославскихъ, всетаки опасныхъ для него кандидатовъ во временщики. Совсѣмъ устранить силу вліянія на государя этихъ новыхъ людей онъ не имѣлъ никакой возможности: слишкомъ велика была ихъ близость къ государю. Поэтому, чтобы сохранить старое свое положеніе временщика — дядьки отъ наплыва новыхъ временщиковъ, онъ избираетъ самое вѣрное средство, вступаетъ съ ними въ родство, становится для нихъ своимъ человѣкомъ, а главное дѣлается создателемъ ихъ необыкновеннаго благополучія и возвышенія, что, конечно, еще болѣе, увеличиваетъ его значеніе и въ ихъ глазахъ.

Морозовъ дѣйствовалъ очень тонко и искусно. На его сторонѣ, былъ даже и духовникъ молодаго царя, лице очень вліятельное въ извѣстныхъ случаяхъ.

По обычному порядку Всеволожскую ввели въ царскіе хоромы. Слѣдовало облечь ее въ царскую одежду, возложить на нее вѣнецъ и наречь царевною. Все это было совершено но при этомъ было что-то такое устроено съ ея головнымъ уборомъ или съ уборомъ ея волосъ, что, когда она явилась предъ своимъ женихомъ-государемъ въ царскомъ нарядѣ, ей сдѣлалось дурно, она упала въ обморокъ. Того только и желали звѣрообразные человѣки. Они объяснили, что у ней падучая болѣзнь, что слѣд. къ государевой радости она непрочна. Современники этой новой несчастной жертвы дворскихъ ин-

нгъ расказываютъ разно объ обстоятельствахъ дѣла. Въ сьмѣ одного шведскаго агента, отъ 1 марта 1647 г., жившаго гда въ Москвѣ, объяснено, что „14 февраля[1] его царскому личеству представлены были во дворцѣ въ большой залѣ 6 виц, выбранныхъ изъ 200 другихъ, назначенными для того льможами, и царь избралъ себѣ въ супруги дочь незнатнаго ярина Θедора Всеволожскаго. Когда дѣвица услышала объ омъ, то отъ великаго страха и радости упала въ обморокъ. ликій князь и вельможи заключили изъ того, что она подржена падучей болѣзни; ее отослали на 3 версты отъ Мосвы къ одному боярину, чтобы узнать, что съ нею будетъ; жду тѣмъ родители ея, которые поклялись, что она прежде ыла совершенно здорова, взяты подъ стражу. Если эта дѣви опять получитъ ту же болѣзнь, то родители и друзья ихъ лжны отвѣчать за то, и будутъ сосланы въ ссылку. Нѣкорые думаютъ, что великій князь послѣ пасхи женится на ругой“ [2].

Въ этихъ послѣднихъ словахъ есть намекъ на то, что участь севоложскихъ предугадывалась заранѣе, что многіе знали о айныхъ козняхъ существовавшихъ во дворцѣ. Эти-то козни аскрываетъ другой современникъ событія, Самуилъ Коллинсъ. нъ упоминаетъ объ этомъ происшествіи въ двухъ мѣстахъ воего сочиненія и видимо описываетъ его по слухамъ и по азсказамъ знакомыхъ ему людей. Онъ говоритъ въ одномъ ѣстѣ, что „духовникъ царскій[3] хотѣлъ, чтобы царь женился а другой дѣвицѣ, у которой была еще меньшая сестра“, что огда на Всеволожскую возложили царскій вѣнецъ, то заговоръ ылъ исполненъ: „женщины такъ крѣпко завязали *волосы* на я головѣ, что она упала въ обморокъ, а ея враги разгласили, то у ней падучая болѣзнь“. Въ другомъ мѣстѣ Коллинсъ говоритъ, что когда Всеволожская, получивши отъ государя платокъ и кольцо, „явилась предъ нимъ въ царской одеждѣ, Борисъ Морозовъ) приказалъ такъ крѣпко завязать ей вѣнецъ на ея головѣ, что она упала въ обморокъ. Тотчасъ объявили, что у ней падучая болѣзнь.... Ея стараго отца обвинили въ измѣнѣ,

[1] Число обозначено безъ сомнѣнія по новому стилю; по старому выходитъ 4 февраля, что, какъ увидимъ, будетъ вѣроятнѣе.

[2] Сѣв. Архивъ 1822 г. № 2, стр. 152.

[3] Извѣстный Стефанъ Вонифатьевичъ, благовѣщенскій протопопъ. Арх. Ор. Пал. № 991.

разсказываетъ далѣе Коллинсъ, за то, что онъ представилъ свою дочь на избраніе больную; послѣ мучительной пытки онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ; а семья осталась въ немилости".

Все это могло быть, а ссылка дѣйствительно состоялась, какъ увидимъ ниже. Невѣрно только другое свидѣтельство Коллинса, что отецъ съ горя умеръ на дорогѣ. Онъ умеръ на воеводствѣ въ Сибирскомъ городѣ Тюмени.

Русскій современникъ событія, Котошихинъ, складываетъ всю вину вообще на боярство, на ближнихъ людей, которые прочили за государя своихъ дочерей, и разсказываетъ, что царь „свѣдавъ у нѣкотораго своего ближняго человѣка дочь, дѣвицу добру, ростомъ и красотою и разумомъ исполнену, велѣлъ взяти къ себѣ на дворъ, и отдати въ береженіе къ сестрамъ своимъ царевнамъ; и честь надъ нею велѣлъ держати, яко и надъ сестрами своими царевнами, доколѣ будетъ веселіе и радость". За тѣмъ слѣдуетъ обычное въ такихъ печальныхъ случаяхъ слово: „И искони въ Россійской землѣ лукавый дьяволъ всѣялъ плевелы свои, если человѣкъ, хотя мало прійдетъ въ славу и честь и въ богатство, не могутъ не возненавидѣти. У нѣкоторыхъ бояръ и ближнихъ людей дочери были, а царю объ нихъ къ женидьбѣ ни объ одной мысль не пришла: и тѣхъ дѣвицъ матери и сестры, которыя жили у царевенъ (при дворѣ), завидуя о томъ, умыслили учинить надъ тою обранною царевною, чтобъ извести, для того, надѣялись, что по ней возметъ царь дочь за себя котораго иного великаго боярина или ближняго человѣка; и скоро то и сотворили, *упоиша ее отравами*".

Изо всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ свидѣтельствъ ясно одно, что злополучная невѣста, нареченная уже царевною, была подобно Хлоповой сослана изъ дворца. Царь былъ очень опечаленъ этимъ событіемъ; отъ горя многіе дни онъ *лишенъ былъ яди*, ничего не ѣлъ, и „послѣ того не мыслилъ ни о какихъ высокородныхъ дѣвицахъ, понеже позналъ о томъ, что то учинилося по ненависти и зависти". Такъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, долженъ былъ объяснить ему это событіе возлюбленный его дядька Борисъ Морозовъ.

Царевна сослана была изъ дворца въ началѣ февраля. 12 февраля государь пожаловалъ ей весь изготовленный къ свадьбѣ постельный уборъ: пуховикъ въ камчатной червчатой наволокѣ, зголовье или подушку, коверъ подъ постелю, сафьянную колод-

іли постельную скамейку, и богатое одѣяло, сшитое еще дек. 1646 г. изъ кизылбашской золотной камки на соболяхъ горностайною опушкою. Въ отмѣткѣ, по случаю отдачи ихъ предметовъ, сказано: „по государеву указу отдано *ссыль*й больной дѣвицѣ Еуфимьѣ Рафовой дочери Всеволоцкаго“ [1]. Февраля 15 „ходилъ государь на медвѣдя“ безсомнѣнія поождаемый Морозовымъ развлечь свое горе. Охота, которой лексѣй Михайловичь въ первое время отдавался со страстью, іла въ рукахъ Морозова однимъ изъ вѣрныхъ средствъ отекать молодаго царя вообще отъ всякихъ дѣльныхъ занятій. ь эту, какъ и въ предыдущую зиму государь довольно часто жпвалъ на медвѣдей, волковъ, лисицъ; а въ эти дни, 21 феаля опять гдѣ-то *осочили* медвѣдя, т. е. дѣлали *осѣкъ* или лаву, а 22-го числа, въ понедѣльникъ на масляницѣ, государь шился дикими медвѣдями въ городѣ, на своей псарнѣ [2].

Въ записках, относящихся къ Сибирской Исторіи [3], отмѣно между прочимъ, что „въ 1647 г. присланъ *за опалу* въ ібирь на Тюмень, Руфъ Родіоновъ сынъ Всеволодской съ сыномъ его Андреемъ и съ дочерью Евфиміей Ѳедоровною, и съ ною Настасьею“.

Между тѣмъ производилось вѣроятно разслѣдованіе этого дѣла, которому открытъ и настоящій явный виновникъ *порчи* рестьянинъ боярина Никиты Ивановича Романова Мишка Иваовъ. 10 апрѣля 1647 г., „за *чародѣйство* и за *косной розводъ* и за *оговоръ*, что объявился въ Рафовѣ дѣлѣ Всеволожскаго“, крестьянина послали въ Кириловъ монастырь подъ крѣпкое начало, велѣли дать его тамъ старцу добру и крѣпкожительну.... велѣли его ержать подъ крѣпкимъ началомъ съ великимъ береженьемъ.... одъ началъ, подъ строгій монастырскій присмотръ, такого ода преступниковъ посылали обыкновенно съ тою цѣлью, чтобъ ни не могли чего нибудь распространить смутнаго въ народѣ. ука Морозова и здѣсь должна быть замѣтна. Дѣло было нечистое и преступникъ, вмѣсто простой ссылки въ отдаленный ородъ, какъ обыкновенно наказывались колдуны, посылается великое береженье въ пріятельскій Морозову монастырь, гдѣ самъ временщикъ потомъ оберегался отъ народной ярости, ослѣ московской смуты 1649 года.

---

[1] Арх. Ор. Пал. № 134.

[2] Дворц. Разр. III, 56. — Арх. Ор. Пал. № 1067.

[3] Вивл. III. 174, 178, 182.

Мѣсяца черезъ два послѣ этого ссылается на Вологду одинъ изъ близкихъ людей къ государю, его дядя по матери, кравчій Семенъ Лук. Стрѣшневъ, по извѣту въ волшебствѣ. Мы незнаемъ, относится ли этотъ случай также къ дѣлу Всеволожскаго, хотя по времени онъ совпадаетъ съ нимъ, но можемъ догадываться, что и здѣсь видится рука всемогущаго временщика Морозова, который по свидѣтельству Олеарія очищалъ себѣ мѣсто, удаляя ближайшихъ къ государю людей, особенно его родственниковъ, дабы не могли они пользоваться противодѣйствующимъ для него вліяніемъ на государя. Арт. Серг. Матвѣевъ прямо говоритъ, что извѣтъ на Стрѣшнева о волшбѣ „былъ составной и наученой, устроенный завистію и ненавистію на отлученіе его отъ государя“.[1] Быть можетъ Стрѣшневъ былъ только очистительною жертвою всего этого несчастнаго и горестнаго для государя событія: надо же было отыскать непосредственнаго виновника и тѣмъ отвлечь отъ себя даже и малѣйшее подозрѣніе, и при томъ надо было отыскать такого виновника, который, что бѣльмо на глазу, служилъ большою помѣхою въ самовластныхъ дѣйствіяхъ Морозова, какимъ въ дѣйствительности могъ быть кравчій Стрѣшневъ, представитель еще сильнаго государева родства, родства государевой матери.

Черезъ два года участь несчастнаго Всеволожскаго и его семьи была облегчена. Въ 1649 г. съ Тюмени изъ опалы, онъ пожалованъ на воеводство въ Верхотурье, отсюда въ 1650 г. ему опять велѣно быть въ Тюмени до государева указу. По пріѣздѣ въ Тюмень онъ померъ въ 1652 г.; а послѣ того пришелъ государевъ указъ, чтобы быть ему въ Тюмени воеводою. По другому извѣстію въ 1652 г. онъ жилъ еще въ Верхотурьѣ, откуда ему назначено было воеводство въ Яранскъ, стало быть почти на полдороги ближе къ Москвѣ; но повидимому испугались этой близости ссыльныхъ къ Москвѣ; въ маѣ послана грамота: воротить его въ Тобольскъ, тотчасъ, если онъ не выѣзжалъ еще съ Верхотурья, а въ противномъ случаѣ велѣно было его догнать и воротить въ Тобольскъ, еслибъ даже онъ пріѣхалъ съ Верхотурья въ самый Яранскъ. Видно, что и въ Сибири онъ былъ игралищемъ борьбы между добрыми стремленіями государя и враждебнымъ вліяніемъ Морозова.[2] Сибирск-

[1] Исторія о невинномъ заточеніи бояр. А. С. Матвѣева, стр. 162. Двор. Разр. III, стр. 63, 64.

[2] Вивліоѳ. III, стр. 174, 178, 182. Акты Истор. IV, № 59.

аписки упоминаютъ, что Всеволожскій умеръ на Тюмени и съ черью; между тѣмъ сохранилась грамота отъ 17 іюля 1653 г. Касимовскому воеводѣ Ивану Литвинову, въ которой ра-рывается, что Рафову жену Всеволоцкаго и дѣтей ея, сына дрея и дочь (невѣсту царя) и съ людьми велѣно было отпу-ить съ Тюмени въ Касимовъ и быти ей и съ дѣтьми и съ дьми въ Касимовскомъ уѣздѣ въ дальней ихъ деревнѣ; а изъ ревни ихъ къ Москвѣ и никуда отпущати не велѣно, безъ сударева указа [1]. Коллинсъ. писавшій свои записки около 60 года, говоритъ, что царская развѣнчанная невѣста еще ла жива въ это время, что со времени высылки ея изъ двор-ни кто за ней не зналъ ни какихъ припадковъ, что у ней ло много женихов изъ высшаго сословія, но она всѣмъ казывала, и берегла платокъ и кольцо — памятники ея обру-нія съ царемъ, что царь давалъ ей ежегодное содержаніе, обы загладить оскорбленіе ея отца и семейства. Она, гово-тъ, и теперь еще сохранила необыкновенную красоту, замѣ-етъ Коллинсъ [2]. — Но дѣло было сдѣлано и воротить счастья ло невозможно.

Опечаленный государь отложилъ свою женитьбу на цѣлый дъ, который со стороны Морозова былъ употребленъ на то, обы внушить государю и укрѣпить въ немъ мысль о бракѣ одною изъ Милославскихъ. „Этотъ хитрый вельможа, гово-тъ Олеарій, зналъ очень хорошо, что великому князю пора е жениться и потому задумалъ предложить ему въ жены дочь ного боярина, на сестрѣ которой онъ самъ намѣревался же-ться. Тогда между камеръ-юнкерами великаго князя былъ кто по имени Илья Даниловичъ Милославскій (московскій орянинъ), имѣвшій двухъ прекрасныхъ дочерей, но ни одного на. Милославскій часто посѣщалъ Морозова (игравшаго тогда и дворѣ главную роль, factotum, какъ обыкновенно о немъ ворили) и охотно во всемъ помогалъ ему, вслѣдствіе чего льзовался у него большою милостію; онъ имѣлъ всегда сво-дный къ нему доступъ уже и потому, что исполнялъ во всемъ о волю, не говоря о томъ, что у него были прекрасныя до-ри. Однажды воспользовавшись удобнымъ случаемъ, Морозовъ чалъ выхвалять государю красоту дочерей Милославскаго и

[1] С. Г. Гр. и Д. III, № 155.
[2] Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1846, № 1.

возбудилъ въ немъ охоту видѣть ихъ. Обѣ сестры какъ бы дл
посѣщенія, приглашены были къ сестрамъ великаго князя (ц
ревнамъ). Тутъ видѣлъ ихъ государь и влюбился въ старшу
изъ нихъ. Котошихинъ разсказываетъ, что „случилось цар
быть въ Успенскомъ соборѣ на молитвѣ и узрѣ нѣкотора
московскаго дворянина Ильи Милославскаго двѣ дочери въ церкв
стоятъ на молитвѣ. Царь послалъ за дворовыми боярынями
велѣлъ имъ изъ тѣхъ дѣвицъ едину, мнѣйшую взяти къ себѣ в
Верхъ; а какъ пѣніе совершилось и въ то время царь пришел
въ свои хоромы, тоѣ дѣвицы смотрилъ и возлюбилъ и нарев
царевною и въ соблюденіе отдалъ сестрамъ своимъ....“ Свадьб
на этотъ разъ была съиграна безъ помѣхи, потому что пр
няты были всѣ мѣры, чтобы избѣжать колдовства и порчи, к
торыя приносили столько безпокойства государю и столь
страха и смуты во дворецъ. Олеарій и Коллинсъ говорят
что вѣнчаніе и праздиество совершились чуть не въ тайн
безъ всякой пышности и великолѣпія, именно изъ боязни, чтоб
не околдовали жениха съ невѣстою. Напротивъ, праздност
по обычаю было пышно и торжественно; сдѣланы только нѣк
торыя отмѣны противъ прежняго, которыя быть можетъ и да
поводъ говорить, что свадьба совершилась скромно. „На преж
нихъ государскихъ радостяхъ бывало, въ то время, какъ г
сударь пойдетъ въ мыленку, во весь день до вечера и въ ноч
на дворцѣ играли въ сурны и въ трубы и били по накром
а нынѣ, государь на своей радости, накромъ и трубамъ быт
не изволилъ. А велѣлъ государь во свои государскіе стол
вмѣсто трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣ
своимъ государевымъ пѣвчимъ дьякамъ, всѣмъ станицамъ, п
ремѣняясь, строчные и демественные большіе стихи, изъ праз
никовъ и изъ тріодей драгія вещи, со всякимъ благочиніем
И по его государеву мудрому и благочестному разсмотрен
бысть тишина и радость и благочиніе веліе, яко и всѣмъ
сущимъ дивитися....“

Въ отцово мѣсто у государя былъ бояринъ Борисъ Иван
вичъ Морозовъ, съ такимъ успѣхомъ устроившій этотъ царе
бракъ. Черезъ десять дней онъ сталъ сверхъ того свояко
государю, женившись уже вторымъ бракомъ на другой сест
Милославской, Аннѣ Ильичнѣ. 27 генваря онъ являлся къ г
сударю челомъ ударить на *завтрея* своей свадьбы, причем
по старому обычаю былъ благословенъ отъ государя образо

пожалованъ дарами. Первый его бракъ совершенъ еще 5 іюля 617 года [1].

Второй бракъ Алексѣя Михайловича, на Натальѣ Кириловнѣ арышкиной, также не обошелся безъ смуты, хотя и не имѣвей никакихъ особенныхъ послѣдствій. Съ небольшимъ черезъ осемь мѣсяцовъ послѣ смерти Марьи Ильичны Милославской, сенью 1669 года, государь снова приступилъ къ выбору себѣ евѣсты. Для этого собраны были въ Москву тогдашнія кравицы — дѣвицы, дочери, сестры и племянницы боярскаго и ворянскаго сословія. Смотръ продолжался съ ноября 1669 г. о май 1670 г. Невѣсты жили, вѣроятно, гдѣ либо въ кремевскихъ дворцовыхъ хоромахъ; но нѣкоторыя оставались на итьѣ и у частныхъ лицъ, должно быть у своихъ родственниовъ. Въ извѣстные дни ихъ привозили къ государю во дворецъ ъ выборъ, и послѣ смотра отправляли по своимъ мѣстамъ; ныхъ, какъ видится, отправляли прямо по домамъ. другихъ, аиболѣе нравившихся государю, оставляли для вторичнаго иотра. Сохранился списокъ дѣвицъ, избранныхъ тогдашнихъ расавицъ, которыя призывались на эти смотрины [2].

178 (1669) г., ноября въ 28 день, по государеву цареву и великаго нязя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи амодержца указу, дѣвицы, которыя были въ пріѣздѣ въ выборѣ и въ оторомъ мѣсяцѣ и числѣ, и имъ роспись:

Тогожъ числа Ивлева дочь Голохвастова Оксинья. Смирнова дочь ескаго Марѳа. Васильева дочь Векентьева Каптелина, живетъ у го-

---

[1] См. записки объ этихъ новобрачныхъ пріѣздахъ къ государю въ атеріалахъ № 2.—Коллинсъ разсказываетъ, что Морозовъ, женившись а Аннѣ Милославской „думалъ, что такимъ образомъ прочно основалъ вое счастіе. Однакожъ Анна была имъ не совсѣмъ довольна, потому то онъ былъ старый вдовецъ (какъ и его братъ, Глѣбъ, женившись а Соковниной), а она здоровая молодая смугланка; и вмѣсто дѣтей, ихъ родилась ревность, которая произвела кожаную плеть въ паецъ толщины. Это въ Россіи случается часто между вельможными суругами, когда ихъ любовь безразсудна, или водка слишкомъ шумитъ ъ головѣ. Одинъ англичанинъ, Вильямъ Барнсли, сосланъ въ Сибирь о внушенію Бориса, который подозрѣвалъ его въ слишкомъ коротомъ знакомствѣ съ своимъ домомъ". Чтенія Общ. Ист. и Древн. 346 г. № 1.

[2] Напечатанъ г. Пекарскимъ въ V томѣ Извѣстій Археологическаго об. Общества.

ловы московскихъ стрѣльцовъ у Ивана Жидовинова. Анна Кобылина, живетъ у головы московскихъ стрѣльцовъ, у Ивана Мещеринова. Мареа Апрѣлева, живетъ у головы московскихъ стрѣльцовъ, у Юрья Лутохина. Львова дочь Ляпунова Овдотья.

Ноября въ 30 день. Князь Григорьева дочь Долгорукого княжна Анна, Иванова дочь Полева Агрфена. Печатника Алмаза Ивановича внуки Анна да Настасья. Григорьева дочь Вердеревскаго Анна. Тимоѳѣева дочь Дубровского Анна.

Декабря въ 4 день. Княжъ Михайловы дочери Гагарина, княжна Анна, княжна Мареа. Аверкіева дочь Болтина Аграѳена. Тихонова дочь Зыкова Овдотья.

Декабря въ 12 день. Князь Юрьева дочь Сонцова княжна Марья Павлова дочь Леонтьева Парасковья. Викулина дочь Изволскаго Татьяна. Михайлова дочь Карамышева Василиса. Матвѣева дочь Мусина-Пушкина Парасковья.

Декабря въ 17 день. Андрѣева дочь Дашкова. Соломонида Редрикова. Захарьева дочь Красникова.

Декабря въ 20 день. Алексѣева дочь Еропкина Настасья. Елизарьевы дочери Уварова Домна да Овдотья. Истопничева Иванова дочь Протопопова Ѳедора. Романовы дочери Бунина Ольга да Овдотья.

Декабря въ 29 день. Тимоѳѣева дочь Клокочева Овдотья.

1670 г. Января въ 3 день. Лаврентьева дочь Капустина Анисья. Андрѣева дочь Коренева Анна, живетъ у вотчима своего у Якима Жолобова.

Февраля въ 1 день. Думнаго дворянина Замятни Ѳедоровича Леонтьева дочь Овдотья. Ивана Ѳедорова сына Нащокина дочь Марья. *Кирилова дочь Парышкина Наталья.* Андрѣева дочь Незнанова Дарья.

Февраля въ 11 день. Ѳедорова дочь Еропкина Анна. Иванова дочь Мотовилова Мареа.

Февраля въ 27 день. Васильева дочь Колычова Мареа. Ильина дочь Поливанова Марья. Иванова дочь Ростопчина Ѳеимья. Ильина дочь Морева Ирина. Васильевы дочери Толстого Настасья да Агаѳья.

Марта въ 11 день. Ѳролова дочь Синявина Ѳедосья. Ѳедорова дочь Смердова Варвара.

Марта въ 12 день. Борисовы дочери Толстого Матрена да Марья. Елезарьева дочь Чевкина Анна.

Марта въ 17 день. Богданова дочь Жедринскова Анна. Васильева дочь Загрясково Мареа.

Апрѣля въ 5 день. Изъ Великаго Новагорода: Никитина дочь Овцына Анна, живетъ у головы московскихъ стрѣльцовъ, у Юрья Лутохина. Петрова дочь Одинцова Пелагѣя, живетъ у Григорья Аладьина. Тимоѳѣева дочь Сатина Ѳедосья, живетъ у Григорья Баяшева. Изъ Суздаля: Петрова дочь Полтева Дарья. Съ Костромы: Богданова дочь Поздѣева Ѳеимья, живетъ у дяди своего Матвѣя Поздѣева. Васильева дочь Апраксина Марья. Съ Резани: Борисова дочь Колемина Овдотья. Назарьева дочь Колемина Оксинья.

Апрѣля въ 1 день. Елисѣева дочь Житова Овдотья. Изъ Володимера: Нестерова дочь Языкова Хомякова Марья, живетъ у путнаго ключника

у Михайла Лихачева. Изъ Новагорода: Петра дочь Скобелцына Оеимья. Съ Костромы: Пантелеева дочь Симонова Марья, живетъ у Володимера Асланова.

Апрѣля въ 13 день. Артемьева дочь Рчинова Дарья. Княжъ Степановы дочери Хотѣтовскаго княжна Настасья, княжна Ульяна, княжна Анисья.

Апрѣля въ 17 день. Изъ Вознесенскаго дѣвича монастыря Иванова дочь *Бѣляева Овдотья.* Привезъ дядя ея родной Иванъ Шехиревъ, да бабка ея Ивановская посестрія Егакова старица Ираида. Артемьева дочь Линева Овдотья.

Послѣ этихъ смотринъ начались вторичные смотры. Видимо, что государь еще не рѣшался, кого избрать себѣ въ царицы. Такой вторичный смотръ происходилъ 18 числа апрѣля, послѣ чего, въ ночи, дѣвицы, взятыя тогда въ Верхъ въ другой разъ, были отпущены по домамъ. А послѣ ихъ, тогда ли ночью же, или на другой день, неизвѣстно, была взята въ Верхъ для вторичнаго смотра племянница нѣкоего Ивана Шихирева, дочь Ивана Бѣляева. Въ то время, какъ она находилась у государя, вѣроятно вмѣстѣ съ другими дѣвицами, въ числѣ которыхъ была и Наталья Кирилловна, 22 апрѣля во дворцѣ объявились два подметныя письма, за сургучемъ; одно было найдено постельнымъ истопникомъ передъ Грановитою Палатою въ сѣняхъ, другое тѣмъ же истопникомъ усмотрѣно прилѣпленнымъ у сѣнныхъ дверей Шатерной Палаты, что ходятъ на постельное крыльцо. Въ тотъ же день, 22 апрѣля, письма были представлены шатерничими боярину и дворецкому Б. М. Хитрово, а онъ тотчасъ же поднесъ ихъ государю.

Что было въ этихъ письмахъ, неизвѣстно, но „такова *воровства*, и при прежнихъ государяхъ не бывало, чтобы такіе воровскіе письма подметывать въ ихъ государскихъ хоромахъ, а писаны непристойные....“ (конца недостаетъ). Подозрѣніе однакожъ пало на Ивана Шихирева, вѣроятно по той причинѣ, что въ письмахъ что нибудь высказывалось, если не въ пользу его племянницы, то быть можетъ во вредъ ея соперницы или, правильнѣе, совмѣстницы, Нарышкиной. Бѣдный Шихиревъ могъ попасть въ бѣду уже по одному только сплетенію этихъ обстоятельствъ. Видимо, что интрига была ведена съ другой стороны, главнымъ образомъ противъ Матвѣева, родственника Нарышкиной, который, государевымъ бракомъ на ней, долженъ былъ пріобрѣсти еще большое вліяніе во дворцѣ. Несчастный Шихиревъ являлся только отводомъ царской грозы отъ настоящихъ виновниковъ дѣла.

Его взяли, обыскали, и къ тому еще нашли у него на дворѣ какія-то травы. Государь поручилъ распросить его боярамъ. Онъ объяснилъ, что „воровскихъ подметныхъ писемъ не писывалъ и писать никому ни веливалъ и въ сѣняхъ передъ Грановитою и передъ Шатерною не подметывалъ“. Но тутъ же открылось, что онъ очень хлопоталъ о своей племянницѣ дабы устроить ее невѣстою государю и даже хвасталъ о томъ, что будто бы она взята въ Верхъ, а она еще не была взята. На распросѣ 23 апрѣля Шихиревъ разсказывалъ; „на святой недѣлѣ въ субботу или на ѳоминой въ понедѣльникъ, того онъ не упомнитъ, приходилъ къ нему въ гости отставленый за старостію рейтаръ Вологжанинъ Александръ Александровъ и сидѣлъ у него съ четверть часа; и позвалъ его, Ивана, къ себѣ въ гости; и онъ поѣхалъ къ нему на лошади, а Александръ пошелъ напередъ пѣшъ. И у него онъ, Иванъ, ѣлъ и говорилъ съ нимъ въ разговорѣ, что великій государь пожаловалъ племянницу его, указалъ взять въ Верхъ, а въ то де время она въ Верхъ не была взята. А какъ ее въ Верхъ взяли и онъ Иванъ, послѣ того видѣлся съ нимъ Александромъ въ Чудовомъ монастырѣ и ему про то сказывалъ“. Спросили и рейтара, который объяснилъ: „на свѣтлой недѣлѣ звалъ его Иванъ къ себѣ послѣ обѣда вина пить; и онъ ходилъ, а вина и иного никакого питья у него не пилъ, потому что хмѣльново не пьетъ. А посидѣлъ съ четверть часа. Да въ тоже время приходилъ къ Ивану въ избу выходецъ изъ полону Смольнянинъ Елизарій Воронцовъ съ племянникомъ и сидѣли тутъ же. И Иванъ Шихиревъ сказывалъ имъ, что указалъ в. государь взять въ Верхъ для смотру племянницу его, дочь Ивана Бѣляева, и онъ де о томъ молитъ Бога. И онъ Александръ позвалъ ихъ къ себѣ въ гости; и у него ѣли и пили; а рѣчей никакихъ про племянницу свою и ни про что не говаривалъ; а послѣ увидѣлся онъ съ нимъ въ Чудовѣ м. на паперти, и Иванъ ему говорилъ, что племянница его въ Верхъ взята и чтобъ де онъ помолился Господу Богу, чтобъ надъ нею учинилось доброе дѣло.

Между тѣмъ бояринъ Хитрово извѣщалъ государю, что „приходилъ къ нему на дворъ дохтуръ Стефанъ (фонъ Гаденъ?) и сказывалъ: тому де дни съ три съѣхался съ нимъ на Тверской улицѣ у мучнаго ряду Иванъ Шихиревъ и говорилъ ему, что взята де въ Верхъ племянница его для выбору и возили де ее на дворъ къ боярину Б. М. Хитрово и бояринъ де смотрѣлъ

у ней рукъ и сказалъ, что руки худы. А смотришь де ты ихъ, дохтуръ Стефанъ; а племянница де его человѣкъ беззаступной, и какъ де станешь смотрить рукъ и ты де вспомоги. И онъ Стефанъ ему отказывалъ, что его къ такому дѣлу не призываютъ, да и племянницы его онъ не знаетъ". Шихиревъ объяснилъ: „какъ станешь смотрить рукъ и она де перстомъ за руку придавитъ, потому ее и узнаешь. И сего де числа у благовѣщенскаго протопопа Андрея Савиновича о томъ говорилъ же, что *племянница его въ Верхъ взята, а Нарышкина свезена....*"

Противъ этого Шихиревъ разсказалъ: „билъ онъ челомъ архимандриту чудовскому, чтобъ архимандритъ его племянницу объявилъ, т. е. представилъ къ выбору. И возили ее на дворъ къ боярину Богдану Матвѣевичу. И сказалъ архимандритъ, что бояринъ ее смотрѣлъ и говорилъ ему, что у ней руки худы. А смотрилъ де дохтуръ Данило, жидъ. И съѣхався (онъ Шихиревъ), ему Данилу говорилъ, что человѣкъ (она) беззаступной и если станетъ смотрѣть и она перстомъ за руку придавитъ. И севодня ему Данилу (онъ Шихиревъ) говорилъ, что племянница взята въ Верхъ, а Нарышкина свезена; а говорилъ ему тѣ слова съ проста, что онъ, Данило, знакомъ".

Весьма понятны, усердныя хлопоты Шихирева, чтобъ царицею была его племянница. Ясно также, что выборъ останавливался между его племянницею и Нарышкиною, которая для многихъ царедворцевъ была особенно неудобна по своему родству съ Матвѣевымъ. Чтобы разстроить этотъ бракъ, ненавистники Матвѣева, какъ онъ самъ потомъ свидѣтельствовалъ, составили эти подметныя письма, въ которыхъ быть можетъ высказывали что либо невыгодное и для избираемой невѣсты. Но злодѣи были невидимы, а налицо представлялось только обстоятельство Шихирева, для котораго выборъ Нарышкиной, разумѣется, также былъ вовсе не желаемъ. Когожъ другаго возможно было явно заподозрить въ составленіи подметныхъ писемъ? Несчастнаго привели даже и къ пыткѣ.

Въ застѣнкѣ онъ распрашиванъ накрѣпко и подниманъ и къ огню приношенъ, а въ распросѣ у пытки и у огня говорилъ прежнія рѣчи.... подметныхъ писемъ не писывалъ и никому писать не веливалъ и не подметывалъ. Пытка, кажется, была повторена. А было ему 13 ударовъ и огнемъ жженъ, а съ пытки и съ огня говорилъ прежніе рѣчи..., а которые *травы* выняты у него на дворѣ, толченая и не толченая, и тѣ де травы

дали ему на Вологдѣ, нынѣ въ великой постъ, а сказывали ему, что тѣ травы (оказался звѣробой) *уразныя*, а велѣли ему тѣ травы пить въ винѣ и въ пивѣ отъ убою, потому что онъ раненъ....

24 Апрѣля стали разыскивать почеркъ руки этихъ писемъ. Государь велѣлъ оказать дьякамъ и подьячимъ всѣхъ тогдашнихъ приказовъ изъ одного письма двѣ строки, а изъ другаго письма подпись; и взять у нихъ сказки на письмѣ о томъ, кто письма писалъ, т. е. чей почеркъ можно въ нихъ узнать. Выбранныя двѣ строки заключали въ себѣ слѣдующее; 1) „достойно, поднести царю или ближнему человѣку; не смотря; 2) радъ бы я самъ объявилъ и у нево письма вынелъ и къ инымъ великимъ дѣламъ". Подпись была: „Артемошка", вѣроятно намекавшая на Артемона Сергѣевича Матвѣева, родственника Нарышкиной. Такимъ способомъ собраны были почерки всѣхъ приказныхъ, служившихъ тогда въ Москвѣ. Сходство почерка падало на иныхъ подьячихъ, напр. на Бориска Мыконкина, о которомъ товарищъ говорилъ: „и я его письмо видалъ, какъ онъ писывалъ на-бѣло, не борзясь, съ береженьемъ, и на-скоро, мелко и разметисто". Но полнаго сходства не оказывалось ни у кого. О нѣкоторыхъ почеркахъ замѣчали: „изъ всего письма иныя *слоги*, *оны*, почеркомъ понаходитъ, а все, чтобы впрямь было одно письмо, не сходится".

Наконецъ, 26 апрѣля, воровскія письма были оказаны на Постельномъ крыльцѣ всему служилому сословію, при чемъ публично сказанъ былъ слѣдующій государевъ указъ: „и вамъ бы, памятуя Господа Бога и святую соборную и апостольскую церковь и его государево крестное цѣлованье, осмотря тѣхъ воровскихъ писемъ признакъ всякими мѣрами, кто гдѣ такіе воровскіе письма видалъ или кто подметывалъ, сыскивали бы про то всякими мѣрами. И кто изъ васъ про такое воровское письмо провѣдаетъ и ему в. государю извѣститъ и того вора обличитъ или гдѣ, свѣдавъ его, поймавъ, приведетъ, и в. государь пожалуетъ его своимъ государевымъ жалованьемъ. А буде про того вора не провѣдаете и государю не извѣстите, и отъ него в. государя за то вамъ быть въ великой опалѣ и въ конечномъ въ самомъ раззореньѣ безо всякаго милосердія и пощады". Очень трудно было открыть и обозначить этого вора, потому что, безъ всякаго сомнѣнія, онъ скрывался въ самыхъ царскихъ палатахъ, въ какой либо изъ личностей, за-

сѣдавшихъ въ самой царской Думѣ. Мелкое дворянство отозвалось на всѣ эти безпокойные и тягостные для неповинныхъ людей розыски слѣдующимъ образомъ. Нѣкто Петръ Кокоревъ говорилъ: „лучшебъ они дѣвицъ своихъ въ воду пересажали, нежели ихъ въ Верхъ къ смотру привозили!“ Государь, по этому случаю, велѣлъ, въ прибавку къ своему указу, объявить на Постельномъ крыльцѣ: „а непристойныхъ словъ такихъ, какъ Петръ Кокоревъ говорилъ, не говорить, что дѣвицъ своихъ дѣвокъ къ смотру привозили напрасно, лучшебъ ихъ въ воду пересажали, а не въ Верхъ привозили“.

Какъ и чѣмъ окончилось это дѣло, намъ неизвѣстно [1]; по всему вѣроятію объ этомъ же дѣлѣ говоритъ и Арт. Серг. Матвѣевъ въ своей третьей челобитной къ царю Ѳедору Алексѣевичу, въ которой между прочимъ пишетъ: „а и я, холопъ твой, отъ ненавидящихъ и завидящихъ при отцѣ твоемъ государѣ не много не пострадалъ: такожде воры, составя письмо воровское подметное, кинули въ грановитыхъ сѣняхъ и въ проходныхъ, и хотѣли учинить Божіей волѣ и отца твоего государева намѣренію къ супружеству второму браку препону, а написали въ письмѣ *коренья*.... въ то время завидящіи мнѣ всячески умышляли чѣмъ бы отлучить отъ вашея государскія милости....“

Эта препона ко второму браку царя Алексѣя, на Нарышкиной, ограничилась однакожъ тѣмъ только, что свадьба должна была совершиться мѣсяцевъ девять спустя послѣ избранія невѣсты, именно 22 генваря 1671 года. Очень вѣроятно, что все это время Нарышкина жила не во дворцѣ, какъ слѣдовало по обычаю, а жила, какъ рядовая и уже смотреная невѣста, въ домѣ Матвѣева, гдѣ квартировала, на его попеченіи и охраненіи. О выборѣ Нарышкиной Рейтенфельсъ разсказываетъ слѣдующее: „царь приказалъ всѣхъ благородныхъ дѣвицъ, отличавшихся красотою, собрать въ домъ перваго министра Артамона Сергѣевича (его обыкновенно зовутъ Артамонъ) и помѣстившись

---

[1] Неполные отрывки этого дѣла, которыми мы пользовались, хранятся въ госуд. Архивѣ Мин. Ин. Д., въ числѣ столбцевъ Тайнаго Приказа. Въ описи дѣлъ Тайнаго Приказа 1713 г. значится „столпъ, а въ немъ дѣло сыскное про воровскіе подметные письма и распросные рѣчи Ивана Шихирева и иныхъ и сказки за руками московскихъ разныхъ чиновъ людей 178 г.“ См. Записки отд. Рус. и Слав. Археол. Т. II, стр. 21.

въ комнатѣ, гдѣ его никто не могъ видѣть, самъ узналъ, чѣмъ каждая изъ нихъ одолжена прикрасамъ, и чѣмъ собственно дарамъ природы. Въ Московіи изстари велось, что Князь, осмотрѣвши подобнымъ образомъ дѣвицъ, избираетъ изъ нихъ трехъ; довѣренныя женщины узнаютъ всѣ тѣлесныя и душевныя ихъ достоинства, и выборъ падаетъ на лучшую: но Алексѣй съ перваго разу избралъ Наталью Кирилловну. Прочія дѣвицы обыкновенно одаряются щедро и пользуются великою честію, что имѣли женихомъ царя, а вельможи на перерывъ предлагають имъ свою руку. Наталья жила у Артамона (Матвѣева) и совершенно не знала, какое ожидаетъ ее счастіе. Спустя нѣсколько недѣль послѣ осмотра невѣстъ, царь очень рано утромъ прислалъ къ Артамону въ придворныхъ каретахъ нѣсколько бояръ въ сопровожденіи небольшаго отряда солдатъ и трубачей. Наталья ни о чемъ не знала и спала спокойно. Дружки объявили Артамону милостивое приказаніе царя немедленно явиться съ невѣстою во дворецъ. Артамонъ разбудилъ Наталью и объяснилъ ей волю царя. Тогда принесли привезенные уборы, одѣли ее великолѣпно, и повезли во дворецъ съ немногими женщинами. На одеждѣ столько было драгоцѣнныхъ камней, что послѣ Наталья жаловалась на ея тяжесть. Привезли во дворецъ царскую невѣсту, повели ее *прямо въ церковь* и бракъ совершенъ придворнымъ священникомъ въ присутствіи немногихъ приближеннѣйшихъ къ царю. Почтеннѣйшіе сановники были угощаемы нѣсколько дней роскошнымъ пиромъ во дворцѣ, который былъ въ это время извнѣ запертъ.„ Такіе, вѣроятно слухи объ этой свадьбѣ носились въ городѣ, по которымъ Рейтенфельсъ и записалъ свой разсказъ. Видно, что къ свадьбѣ готовились въ тайнѣ и она въ дѣйствительности могла быть назначена для всего Двора внезапно, въ избѣжаніе всякихъ дворскихъ интригъ и препонъ.

Должно полагать, что описанная выше препона была уже послѣдняя въ избраніи царскихъ невѣстъ, ибо съ этого времени мы не встрѣчаемъ свѣдѣній о какихъ либо помѣшкахъ царскому браку.

О первомъ бракѣ царя Ѳеодора Алексѣевича современники свидѣтельствуютъ, что для избранія невѣсты онъ, по обыкновенію, приказалъ собрать всѣхъ прелестнѣйшихъ дѣвицъ своего царства, что ему предлагали многихъ княженъ знатнаго происхожденія, но онъ выбралъ незнатную дѣвицу Агаѳію Семе-

новну Грушецкую, что бракосочетаніе происходило безъ всякаго великолѣпія и царскій дворъ оставался точно также нѣсколько дней недоступнымъ [1]. Въ расходныхъ дворцовыхъ записках этого времени находимъ имена избранныхъ невѣстъ, которымъ послѣ государь выдалъ подарки:

14 августа 1680 г. великаго государя жалованья дано дѣвицамъ, которыя были въ выборѣ въ прошломъ въ 188 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ.

По зарбаву серебреному, да по отласу, да по камкѣ, мѣрою по 10 аршинъ: Боярина князь Ѳед. Ѳед. Куракина двумъ дочерямъ, княжнѣ Аннѣ Ѳед., да княжнѣ Марѳѣ Ѳедор. Боярина Ивана Богдановича Хитрово дочери Василисѣ Ивановнѣ. Окольничаго кн. Данила Степановича Великаго-Гагина. Отвозилъ Думный дворянинъ Никита Ивановичъ Акинфовъ.

По объяри мѣрою по 5 арш., по камкѣ мѣрою по 10 арш: Стольниковъ князь Никиты княжъ Иванова сына Ростовскаго. (Взялъ Василій Ѳокинъ Грушецкой). Князь Семена княжъ Юрьева сына Звенигородскаго дочери. Ѳедора Иванова сына Головленкова дочери. Петра Андреева сына Измайлова дочери. Ивана Поликарпова сына Полтева дочери. Михаила Тимофеева сына Измайлова (дочери). Онофрея Динисьева дочери. Отвозилъ къ нимъ дьякъ Корнила Петровъ.

Объяри по 5 аршинъ, камки по 10 аршинъ; князь Алексѣя княжъ Юрьева сына Звенигородскаго дочери его княжнѣ (пробѣлъ). Никулы Ѳедорова сына Наволыкаго дочери ево. Ивана (проб.) Клишина дочери ево. Петра Иванова сына Вердеревскаго дочери ево. Князь Семена княжъ Иванова сына Львова дочери ево княжнѣ. Князь Володимира княжъ (проб.) сына Волконскаго дочери ево княжнѣ. Алексѣя (проб.) Карѣевскаго дочери ево. Отвозилъ дьякъ Ѳедоръ Казанцевъ.

И всего имъ государева жалованья дано четыре зарбава цѣна имъ 101 рубль; отласовъ сорокъ аршинъ; объярей 70 арш.; камокъ 180 аршинъ [2].

Второй бракъ царя Ѳедора съ Марѳой Матвѣевной Апраксиныхъ совершился точно также тихо, безъ особаго торжества; свадебнаго *чину* никакого не было. 1682 г. Февр. 12 патріархъ вышелъ изъ царской комнаты (кабинета) въ переднюю и объявилъ боярству и всей Палатѣ, что нарекли „царевну и великую княжну Марѳу Матвѣевну", благословлялъ и нарекалъ самъ святѣйшій патріархъ. 15 Февраля была радость, государь вѣнчался въ Верховой церкви Живоноснаго Воскресенія, вѣнчалъ царскій духовникъ. Кремль въ это время былъ запертъ.

Такимъ образомъ старые порядки царскаго да и всенароднаго быта къ концу XVII ст. стали падать, такъ сказать, отъ соб-

[1] Берха, Царств. Ѳедора Алекс., 84.
[2] Арх. Ор. Пал. № 536.

ственной тяжести. Въ ихъ путахъ оставаться было уже тяжело и невыносимо. Боярство и дворянство скидаетъ съ себя старую обузу мѣстничества; царскій Дворъ удаляется отъ такой же старой обузы *чиновъ*... Ясно; что чувствуется потребность свободныхъ движеній, потребность всесторонней реформы.

Изъ исторіи царскихъ невѣстъ уже достаточно обнаруживается, что страхъ порчи долженъ былъ преслѣдовать личность царицы каждую минуту и на всякомъ мѣстѣ. Онъ отравлялъ ея счастливые дни излишними и въ большинствѣ случаевъ пустыми, но тѣмъ не менѣе очень тягостными подозрѣніями. Въ ея домашнемъ быту порча являлась всемогущимъ страшилищемъ; изъ власти котораго невозможно было освободиться, не смотря ни на какія предосторожности и строгости, которыми съ такою заботливостію старались оградить себя отъ этого лиха. Но кромѣ порчи для царицы существовало еще страшилище, отравлявшее ея жизнь, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. быть можетъ еще въ большей степени. Имя этому новому страшилищу было „неплодіе".

Существо женской личности, возводимой изъ ничтожества на высокую степень царскаго сана, заключалось, по понятіямъ времени, въ одномъ неизмѣнномъ ея призваніи, въ *чадородіи*. Царица должна была выполнить это существенное свое призваніе, для цѣлей котораго она и выбиралась съ великою осмотрительностію изъ цѣлой толпы красавицъ. Она должна была дать наслѣдника царю и царству. Въ этомъ заключался главный, основной смыслъ ея царственнаго положенія. Никакого другаго смысла въ ея личности не признавали и не сознавали государственныя стремленія, государственныя положенія жизни, для которыхъ поэтому личность царицы являлась полною жертвою. Но должно замѣтить, что не одни государственныя стремленія опредѣляли такимъ образомъ идею женской личности. На томъ стояли и стремленія родовыя. Здѣсь государственныя цѣли вполнѣ совпадали съ цѣлями родовыми, по той причинѣ, что государство, созданное родовою идеею, держалось тою же формою жизни, какою держался и родъ. Въ русскомъ древнемъ обществѣ, какъ мы уже говорили, женская личность возвышалась, когда своимъ плодомъ чрева доставляла, такъ сказать, растительное движеніе роду, когда дѣлалась основою его дальнѣйшаго разви-

тія именно въ лицѣ наслѣдника роду, придавая тѣмъ самымъ, въ образѣ *матерой* вдовы, даже общественный смыслъ и общественное значеніе своей слабой личности. На оборотъ, она принижалась до сироты, до лица безправнаго, она теряла настоящій смыслъ своего существованія, если не надѣлялъ ее Богъ плодомъ чрева, въ которомъ воплощался бы корень рода. Безчадіе вообще было несчастіемъ и даже въ общественномъ мнѣніи почиталось не малымъ зазоромъ и грѣхомъ для женской личности; но и чады женскаго пола не приносили родителямъ и особенно отцу полнаго счастія. Чады женскаго пола всетаки упраздняли существованіе рода; не ими продолжался родъ; выходя замужъ, онѣ терялись въ чужихъ родахъ; съ ними погибало даже имя рода. Только мужской полъ былъ коренемъ рода, поддержкою, опорою родителей, представителемъ ихъ общественнаго значенія, ихъ имущественнаго и нравственнаго достоянія. Вотъ почему, въ старое время, мужья очень нелюбовно смотрѣли на своихъ женъ, когда не было у нихъ чадородія мужеска пола. Тогда несчастныя жены обращались къ единому утѣшенію, къ усердной молитвѣ. Съ великимъ плачемъ и рыданіемъ до изступленія ума, какъ говорятъ различныя сказанія о такихъ обстоятельствахъ, онѣ молились дома и въ церквахъ. да подастъ имъ Господь „прижити чадо мужеска полу". Очень часто и мужья раздѣляютъ съ ними эту сердечную скорбь, непрестанно молясь вмѣстѣ съ ними, предпринимая обѣтныя путешествія по монастырямъ къ св. угодникамъ и чудотворцамъ. Являются многіе примѣры чудесныхъ дѣйствій усердной и умиленной молитвы.... Мать Александра Каргопольскаго Фотинія, оскорбляемая дряхлымъ мужемъ за безчадіе, который говаривалъ ей, что стало быть есть въ ней „зазоръ нѣкій, рекше грѣхъ", [1]) усердно и много разъ молится о рожденіи сына въ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ, сподобляется святого видѣнія, по которому и исполняется ея благочестивое моленіе. Такимъ же образомъ исполняется моленіе о дарованіи сына и матери преп. Александра Свирскаго Василиссѣ, молившейся о томъ въ Введенскомъ Островскомъ монастырѣ. Молитвою Александра Свир-

[1]) Еще Владиміръ Васильковичь Волынскій, приближаясь къ смерти († 1288), такъ отозвался о своемъ безчадіи: *Богъ не далъ мнѣ своихъ родить, за мои грѣхи...* (Онъ усыновилъ въ дочери себѣ Изяславу, которую взялъ отъ матери въ пеленкахъ и вскормилъ, и миловалъ ее, какъ дочь свою родимую, какъ отъ своей княгини роженую.) Ипат. 214.

скаго даруетъ Богъ чадо мужеска пола нѣкоему боярину Тимофѣю Апрѣлеву, который приходилъ къ нему съ великимъ моленіемъ и разсказывая свою скорбь, помянулъ, „что ради безчадія жена моя поносима была и оскорбляема мною, многажды же и біема отъ меня бываше“. Въ другой разъ „человѣкъ нѣкій отъ града Корельскаго именемъ Іаковъ“,—притекаетъ со слезами ко гробу св. Александра, прося, да подастъ Богъ его молитвами плодъ чрева мужеска полу и отъ единаго прикосновенія къ ракѣ преподобнаго познаетъ въ себѣ силу упованія и надежды, что его молитва будетъ услышана. Черезъ годъ у него рождается отроча мужеска полу.

Эти сказанія могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ, въ какой степени было всегда сильно желаніе родителей имѣть наслѣдника мужскаго пола.

Благочестивые люди прибѣгали къ молитвѣ, уповали на милость Божію. Но много разъ случалось, что мужъ безплодную жену уговаривалъ обыкновенно идти въ монастырь, и даже насильно постригалъ ее въ монахини, а самъ женился на другой. Само собою разумѣется, что все это дѣлалось въ высшихъ, въ знатныхъ или же въ богатыхъ слояхъ общества, гдѣ поддержка и продолженіе рода были во многихъ отношеніяхъ задачею жизни.

Если такъ было въ частномъ быту, то на царскомъ престолѣ этотъ вопросъ становился въ дѣйствительности однимъ изъ важнѣйшихъ, особенно въ московскую эпоху нашей исторіи, когда изъ многихъ княжествъ возникло единое царство съ единымъ самодержавнымъ государемъ во главѣ всей земли, съ единымъ идеаломъ освященной самодержавной власти; когда сверхъ того эта власть признается наслѣдственною въ одномъ лишь царственномъ колѣнѣ. Понятно, какое значеніе получали въ царской семьѣ заботы о наслѣдникѣ мужскаго пола; понятно, почему и личность царицы приносилась всецѣло въ жертву этой государственной идеѣ. Наслѣдникъ мужеска пола является здѣсь не только корнемъ рода, но и корнемъ государства. Домашняя исторія московскихъ государей представляетъ много подробностей о тѣхъ скорбяхъ и заботахъ о мужскомъ наслѣдствѣ, въ какихъ нерѣдко проходили цѣлые годы ихъ брачной жизни.

Вторая супруга в. к. Ивана Васильевича, Софья Ѳоминишна Палеологъ, вступила съ нимъ въ бракъ въ ноябрѣ 1473 года. Само собою разумѣется, она очень желала укрѣпить на Московскомъ престолѣ свое племя. Хотя у в. князя и былъ уже наслѣдникъ государству, сынъ первой его жены, Марьи Твер-

ской, Иванъ, называемый въ отличіе отъ отца Молодымъ, но для Софьи очень важно было имѣть и своего наслѣдника, если не государству, такъ собственному хозяйству, наслѣдника собственной независимости и самостоятельности, чего черезъ дочерей достигнуть было невозможно.

Между тѣмъ въ первые годы Богъ давалъ этому браку однѣхъ только дочерей, которыхъ въ 1476 г. было уже три: Елена, Θеодосія и опять Елена; затѣмъ цѣлый годъ прошелъ бездѣтно.

Великій князь съ супругою стали много скорбѣть объ этомъ, молились Богу, „дабы даровалъ имъ сынове родити въ наслѣдіе царствію своему". Великая княгиня по благому совѣту мужа не помедлила совершить обѣтное путешествіе къ Чудотворцу Сергію, въ Троицкій монастырь, пѣшкомъ, усердно моля „о чадородіи сыновъ". Подъ монастырскимъ селомъ Клементьевымъ, когда великая княгиня, продолжала оттуда путь къ самой обители, и шла въ удоліе, т. е. въ долину, лежащую подъ самымъ монастыремъ, она внезапно узрѣла святолѣпнаго инока, шедшаго ей на встрѣчу и „имуща въ руцѣ отроча младо, мужескъ полъ. котораго внезапно и вверже въ нѣдра великой княгини, и затѣмъ невидимъ бысть". Княгиня возтрепетала отъ такого чуднаго видѣнія, стала изнемогать и къ землѣ преклоняться. Сопровождавшія ее боярыни бросились къ ней на помощь въ ужасѣ, не понимая, что могло съ ней случиться. Она сѣла, ощупывала руками въ своей пазухѣ „вверженнаго отрочати" и не нашла его. „Уразумѣ быти посѣщенію великаго Чудотворца Сергія",—встала и съ великою надеждою продолжала свой путь въ монастырь. Тамъ она провела всѣ дни въ умиленной и многой молитвѣ. братію любочестными брашны учредила, и съ радостію возвратилась въ Москву. „И отъ того чудеснаго времени зачатся во чревѣ ея богодарованный наслѣдникъ русскому царствію". 25 марта 1479 г. родился ей благонадежный сынъ, великій князь Василій—Гавріилъ, который и крещенъ былъ въ Троицкомъ же монастырѣ у чудотворныхъ мощей Преподобнаго Сергія. Эту повѣсть объявилъ впослѣдствіи митрополитъ Іоасафъ, который слышалъ ее изъ устъ самого чудомъ рожденнаго великаго князя Василія. Послѣ того Софья имѣла еще нѣсколькихъ сыновей [1].

---

[1] Книга Степенная II. стр. 136.

Первый бракъ того же самаго Василія на Соломонидѣ Юрьевнѣ Сабуровой, избранной какъ выше сказано изъ множества дѣвицъ, былъ очень несчастливъ именно по бездѣтству великой княгини. Онъ совершился въ началѣ сентября 1505 г., когда в. князю было уже 26 лѣтъ. По тогдашнимъ обычаямъ это былъ самый поздній бракъ. И вотъ прошли двадцать лѣтъ, Богъ не благословлялъ дѣтьми этого супружества. Ни молитвы, ни обѣты, ни богомольныя путешествія по монастырямъ не были благословлены рожденіемъ чада. Не помогло и волхвованіе, къ которому не разъ тайно обращалась великая княгиня, чувствуя свое безвыходное горе, спасая себя, свое положеніе, восстановляя любовь мужа, которая годъ отъ году все больше охладѣвала. Была великая причина этой не любви мужа къ своей неплодной супругѣ — небыло прямаго наслѣдника царству, которое по смерти Василья должно было перейдти въ руки его братьевъ, неумѣвшихъ, по его словамъ и своихъ удѣловъ управить. Было, слѣд. о чемъ подумать и поскорбѣть. Естественнымъ путемъ должна была придти мысль о разводѣ съ неплодною женою и о бракѣ съ другою, болѣе счастливою супругою. Однажды, въ великой кручинѣ о своей неплодной супругѣ, ѣхалъ в. князь, на богомолье ли или для потѣхи [1], на охоту, и увидѣвши на деревѣ птичье гнѣздо, горько заплакалъ, „Сотвори плачи и рыданіе велико: о горе мнѣ бездѣтному! Кому я себя уподоблю! къ кому могу приравнять себя! Вотъ птицы небесныя — и онѣ плодовиты! и звѣри земные — и тѣ плодовиты! и вода плодовита: она играетъ волнами, въ ней плещутся и веселятся рыбы! Господи! и къ этой землѣ я не могу приравнять себя, — она приноситъ плоды на всякое время!“

Этотъ плачь близокъ уже былъ къ рѣшенію дѣла. Возвратившись осенью изъ путешествія, государь началъ думать съ своими боярами о великой княгинѣ, что неплодна, и съ плачемъ говорилъ имъ: „кому по мнѣ царствовать въ Русской землѣ? братьямъ ли оставлю, но братья и своихъ удѣловъ не умѣютъ устраивать?“ Бояре отвѣчали: „князь великій, государь, неплодную смоковницу посѣкаютъ и измещутъ изъ винограда!... Но не всѣ бояре такъ думали. На эту мысль и самого князя наводи

[1] Въ лѣтописи сказано: поѣха въ *объѣздъ*, а объѣздомъ назывались по преимуществу богомольные походы въ Троицкій и другіе отдаленные монастыри.

ли и укрѣпляли ее въ немъ лишь одни его вѣрные слуги, его приверженцы, его созданья, для которыхъ вопросъ о прямомъ наслѣдникѣ Василія соединялся съ вопросомъ собственнаго счастія. Напротивъ того, для другихъ бездѣтство Василія, по многимъ отношеніямъ, становилось торжествомъ и они въ тайнѣ радовались, что этотъ самовластительный государскій родъ можетъ наконецъ самъ собою угаснуть. Эти-то другіе съумѣли придать разводу Василія съ неплодною женою великое церковное значеніе, возвели его въ неразрѣшимый грѣхъ, вовсе не упоминая о томъ, что бывали давно уже примѣры княжескихъ разводовъ, и именно въ московскомъ же колѣнѣ. Еще сынъ Ивана Калиты, Симеонъ Гордый, развелся съ первою своею женою за то только, что показалась она ему испорченною. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ событіи родословная книга: „князь великій Семіонъ Ивановичь Гордый женился у князя Ѳедора Святославича Смоленскаго: была у него одна дочь Еупраксія. И великую княгиню Еупраксію на свадбѣ испортили: ляжетъ съ великимъ княземъ на постелю, и она ему покажется мертвецъ. И князь великій великую княгиню отослалъ къ отцу еѣ, а велѣлъ еѣ дати замужъ. И князь Ѳеодоръ Святославичь далъ дочь свою замужъ за князя Ѳедора за Краснаго за Большаго Ѳоминскаго. А у князя Ѳедора съ тою княгинею было 4 сына“. Такого примѣра было бы достаточно для оправданія теперешнихъ намѣреній государя. Но про старину не хотѣли въ это время поминать. Не смотря на противодѣйствіе, великій князь настоялъ на своихъ, развелся съ женою и принудилъ ее постричься въ монахини, въ ноябрѣ 1525 г. Въ сказаніяхъ объ этомъ событіи отразился также различный взглядъ на дѣло. Одни, съ цѣлію оправдать государя, разсказываютъ, что Соломонія, видя свое неплодство долго умоляла государя облечь ее въ иноческій образъ, что Василій противился ея просьбѣ, указывая, что не можетъ разорить бракъ, что в. княгиня обратилась тогда съ моленіемъ къ митрополиту Даніилу, который со всѣмъ духовнымъ чиномъ и убѣдилъ государя исполнить ея непреклонное желаніе. „Постриже в. княгиню, *по совѣту ея*, тягости ради и болѣзни и бездѣтства“. Но другой разсказъ несравненно ближе къ истинѣ. „Она, по разсказу Герберштейна, плакала и кричала, когда митрополитъ въ монастырѣ совершалъ ея постриженіе; никакъ не хотѣла надѣвать кукуль; вырвала его изъ рукъ митрополита, бросила на землю и топтала ногами. Иванъ Шигона,

одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей государя, въ негодованіи на такую дерзость, сталъ ее жестоко бранить и ударилъ даже плетью, сказавши: Какъ ты смѣешь сопротивляться волѣ государя и медлить исполненіемъ его приказанія?—А тебѣ кто далъ право бить меня? — воскликнула Соломонія. — Я исполняю государево повелѣніе, отвѣтилъ Шигона. — Тогда въ несказанной скорби несчастная объявила предъ всѣми, что ее постригаютъ насильно, что нѣтъ ея желанія идти въ монастырь, и молила Бога отомстить за ея обиду.

Ее постригли съ именемъ Софьи, въ Москвѣ, въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; постригалъ не митрополитъ, а игуменъ Никольскаго Стараго монастыря Давидъ. Послѣ ее отправили въ Суздальскій Покровскій монастырь, гдѣ она и оставалась до кончины. В. князь надѣлилъ ее, послѣ своей женитьбы, особою вотчиною, селомъ Вышеславскимъ съ деревнями и со всѣми угодьями [1].

Причиною развода, какъ указано лѣтописцемъ, не было исключительно одно только неплодіе. Его облекли въ немощь, въ болѣзнь, о которой былъ даже розыскъ, слѣдственное дѣло. Въ числѣ разныхъ бумагъ царскаго архива, при Иванѣ Грозномъ, сохранялись „*списки:* сказка Юрья Малово и Степаниды Резанки и Ивана Юрьева сына Сабурова и Машки Корѣленки (вѣроятно колдуньи) и иныхъ, про немочь великія княгини Соломониды“ [2]. Изъ этого дѣла до насъ дошелъ отрывокъ, именно сказка Ивана Сабурова, брата Соломоніи, весьма живо характеризующая и личность и безвыходное положеніе несчастной царицы. Сабуровъ 23 ноября 1525 г. разсказалъ слѣдующее: говорила мнѣ великая княгиня: есть жонка, Стефанидою зовутъ, Рязанка; а нынѣ на Москвѣ; и ты ее добудь, да ко мнѣ пришли. Я отыскалъ Стефаниду, зазвалъ сначала къ себѣ на дворъ и потомъ послалъ ее къ великой княгинѣ съ своею жонкою Настею; и та Стефанида была у великой княгини; и Настя сказывала мнѣ, что Стефанида *воду наговаривала* и *смачивала ей* великую княгиню; да и смотрѣла ее на брюхѣ и сказывала, что у великой княгинѣ дѣтямъ не быть. А послѣ того пришелъ къ великой княгинѣ и она мнѣ сказывала: присылалъ ты къ мнѣ Стефаниду и она у меня смотрѣла, сказала, что у меня

---

[1] Каранз. VII, стр. 280.
[2] Акты Арх. Эксп. I, 339.

дѣтямъ не быть; наговаривала мнѣ воду и смачиваться велѣла для того, чтобъ князь великій меня любилъ; наговаривала воду въ рукомойникѣ и велѣла мнѣ смачиваться тою водою; а когда понесутъ къ великому князю сорочку и порты и чехолъ и она мнѣ велѣла изъ рукомойника тою водою, смочивъ руку, да охватывать сорочку, порты и чехолъ и всякое другое бѣлье. — Мы хаживали къ великой княгинѣ, прибавилъ Сабуровъ, за всякимъ государевымъ бѣльемъ, и в. княгиня, развернувъ сорочку или другое бѣлье в. князя, да изъ того рукомойника и смачивала то платье.“ — Сабуровъ еще разсказалъ случай: „говорила мнѣ великая княгиня: сказали мнѣ про одну черницу, что она дѣти знаетъ, (а сама безъ носа); и ты мнѣ добудь ту черницу. Розыскалъ я и эту черницу; пришла она ко мнѣ во дворъ и наговаривала, не помню, масло, не помню, медъ прѣсной, да и посылала къ великой княгинѣ съ Настею и велѣла й тѣмъ тереться для тогожъ, чтобъ ее князь великій любилъ а и для дѣтей. Послѣ того я и самъ былъ у в. княгини; она мнѣ сказывала: приносила мнѣ отъ черницы Настя, и я тѣмъ терлась. — Да что мнѣ и говорить, примолвилъ Сабуровъ, мнѣ того не изпамятовать, сколько ко мнѣ о тѣхъ дѣлахъ жонокъ мужиковъ прихаживало“ [1].

Это была другая, тайная сторона дѣйствій, желаній и исканій царицъ, дабы излѣчить немощь своего неплодія. По суевѣрію вѣка заботы помочь себѣ знахарствомъ, волшбою шли рядомъ съ усердными молитвами, обѣтными богомольями, вкладами по монастырямъ и церквамъ, переплетались, такъ сказать, съ благочестивыми подвигами, вызываемыми одною и тою же цѣлью получить силу чадородія и тѣмъ привлечь любовь государя.

Должно замѣтить, что въ тотъ вѣкъ знахарство и волшба или вѣдовство, какъ область реальныхъ практическихъ хотя бы младенческихъ знаній о разныхъ силахъ естества и тайнахъ природы, не смотря на то, что были отречены и прокляты, всегда и повсемѣстно были принимаемы, какъ обычное врачевство матеріальное, вещественное, которое невозможно было виновать людямъ, искавшимъ вещественной же помощи въ своихъ недугахъ, тѣлесныхъ и сердечныхъ. Вѣдуны и вѣдьмы прежде всего были лѣкаря и лѣкарки, — врачи. Они сами такъ понимали свою спеціальность, такъ понималъ ее и народъ. Но

---

[1] Акты Истор. I, 192.

это было врачевство мірское, знаніе отреченное, противное врачевству духовному по той причинѣ, что оно утверждало свои дѣйствія тайнами сего міра, уклонялось отъ дѣйствій, благословенныхъ и указанныхъ церковью, ставило самочинно въ противность тайнамъ благословеннымъ свои грѣховныя, бѣсовскія тайны. Вмѣсто словъ молитвы оно ставило слова заговора или наговора и усердно вѣровало съ силу этихъ словъ, вмѣсто благословенныхъ и освященныхъ дѣйствій, (см. выше стр. 235, 236), оно ставило дѣйствія нечестивыя и усердно ожидало отъ нихъ помощи. Но какъ бы ни было, подъ этою миѳической оболочкою, оно хранило дѣйствительныя познанія естества, которыя дѣйствительно въ иныхъ случаяхъ врачевали, исцѣляли недуги и тѣмъ всегда оживляли и поддерживали народное вѣрованіе въ особенныя силы вѣдовства. Оттого въ народныхъ понятіяхъ естественное врачевство не было отдѣляемо отъ волшебства и врачи не только по профессіи, но даже иименемъ не различались отъ волхвовъ. Такъ одно поучительное слово касательно волшбы запрещаетъ „къ *врачамъ* ходити", т. е. къ волхвамъ, которыхъ русскій писецъ XVI в. отождествилъ съ врачами и на оборотъ [1]. Самое слово: *вѣдовство*, знахарство, должно показывать, что въ основѣ волхвованія лежала идея реальныхъ знаній о природѣ, прикрытыхъ лишь миѳической оболочкою, суевѣріемъ, которыми прикрывалось въ тѣ вѣка всякое знаніе и вообще наука. Вотъ почему, не смотря на гоненія со стороны врачевства освященнаго, не смотря на сожженія волхвовъ и вѣщихъ женокъ, мірское отреченное волшебство оставалось все таки великою силою въ жизни народа и къ нему въ трудныхъ и безвыходныхъ обстоятельствахъ по необходимости прибѣгалъ всякій, искавшій себѣ помощи, неисключая даже и гонителей.

Послѣ развода съ Соломоніею Василій избралъ себѣ въ невѣсты княжну Елену Глинскихъ, дочь умершаго нововыѣзжаго князя Василія Львовича Темнаго-Глинскаго, изъ рода знатнаго но иноземнаго, литовскаго, который измѣнивъ литовскому королю, вскорѣ измѣнилъ было и Москвѣ въ лицѣ своего головы, роднаго дяди избранной невѣсты, князя Михаила Львовича. Неизвѣстно, какъ происходило избраніе государевой невѣсты; но вѣроятно обычнымъ же порядкомъ, т. е. повсемѣстнымъ

---

[1] Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи 1864 г., стр. 84.

собраніемъ всѣхъ тогдашнихъ красавицъ, изъ которыхъ больше всѣхъ полюбилась княжна Елена, жившая у матери, вдовы Анны. Надо замѣтить, что несчастный дядя невѣсты, Михаилъ Глинскій, былъ воспитанъ въ Германіи, долго тамъ жилъ, находясь въ службѣ у герцога Саксонскаго Албрехта и у императора Максимиліана въ Италіи, прославился военными заслугами и былъ преданъ нѣмецкимъ обычаямъ, которыхъ безсомнѣнія держались и его братья, Иванъ и Василій, отецъ невѣсты. Такимъ образомъ и Елена была воспитана въ средѣ болѣе или менѣе иноземной, въ обычаяхъ, которые быть можетъ многимъ и къ лучшему отличали невѣсту отъ ея сверстницъ и соперницъ, что и должно было остановить на ней выборъ государя [1].

О *свадебницахъ*, такъ назывался въ народѣ рождественскій мясоѣдъ, 28 генваря 1526 г., Василій обвѣнчался съ новою супругою—„оженися, яко лѣпо бѣ царемъ женитися", т. е. съ подобающимъ царскому сану торжествомъ и веселіемъ. Во время свадьбы извѣстный впослѣдствіи наперсникъ Елены, молодой князь Иванъ Өедоровичь Овчина-Телепневъ-Оболенскій находился вмѣстѣ съ своимъ отцомъ кн. Өедоромъ Васильевичемъ въ числѣ самыхъ довѣренныхъ и приближенныхъ къ государю свадебныхъ чиновъ. Отецъ его по свадебному разряду занялъ тогда очень важную должность конюшаго: ему „велѣно быти у государева коня и ѣздити весь столъ и вся ночь кругъ подклѣта (спальни новобрачныхъ) съ саблею голою или съ мечемъ". Сынъ находился въ числѣ дѣтей боярскихъ четвертымъ у брачной постели, вмѣстѣ съ дворовыми боярынями, вдовами ближнихъ бояръ Челядниныхъ, Еленою и Аграфеною. Послѣдняя была ему сестра, и потомъ была избрана въ мамы къ новорожденному малюткѣ Грозному. Сверхъ того ему тогда же было назначено: „колпакъ держати у великаго князя и спати у постели и въ мыльнѣ мытися съ великимъ княземъ", что обыкновенно поручалось самымъ приближеннымъ, такъ сказать домашнимъ, компатнымъ людямъ. Такимъ образомъ сердечная связь Елены съ Овчиною, какъ его обыкновенно называли, объясняется давнишнимъ приближеніемъ его семейства къ государевой комнатѣ, и особенно черезъ Аграфену Челяднину, его сестру, которая была замужемъ за Васильемъ Андреевичемъ

---

[1] Карамз. И. Г Р. т. VII, 11, 84.

Челядниными, государевымъ дворецкимъ (✝ 1518 г.) братомъ государева конюшаго, Ивана Челяднина и сыномъ тоже государева конюшаго, Андрея Челяднина, который былъ въ этомъ чину еще при отцѣ в. князя Василія. Знатный чинъ конюшаго давался только самымъ близкимъ, любимымъ и заслуженнымъ людямъ. Незадолго передъ кончиною великаго князя и Овчина получилъ званіе конюшаго.

Враги великаго князя, не одобрявшіе его второй бракъ, тотчасъ же распустили молву, что бывшая супруга, теперь монахиня, Соломонія, беременна и скоро разрѣшится. Герберштейнъ разсказываетъ, что „этотъ слухъ подтверждали двѣ боярыни, жены близкихъ къ государю людей, именно вдова казначея Юрья Молово Траханіота (Варвара) и жена постельничаго Якова Мансурова [1]. Онѣ говорили, что слышали отъ самой Соломоніи о ея беременности и близкихъ родахъ. Великій князь очень смутился этою молвою, удалилъ изъ дворца обѣихъ боярынь. а вдову Траханіота приказалъ даже высѣчь за то, что она раньше не донесла ему объ этомъ. Онъ послалъ въ монастырь къ Соломоніи разузнать дѣло на мѣстѣ своихъ дьяковъ Третьяка Ракова и Меньшого Путятина. Чѣмъ окончилось изслѣдованіе, намъ неизвѣстно. „Московская Исторія“ разсказываетъ, что когда при Дворѣ слухъ промчеся, якобы бывшая царица Соломея въ монастырѣ непраздна и вскорѣ имѣетъ родити,—царь Василій послалъ вскорѣ бояръ и двухъ знатныхъ дамъ, чтобъ прямо освидѣтельствовали Соломею. Соломея же, егда услышала въ Суздаль пріѣздъ ихъ, зѣло убояся и вышла въ церковь въ самый алтарь и взявся за престолъ рукою, стояла, ожидая къ себѣ посланныхъ; и егда къ ней придоша бояре и дамы, просили ее, чтобъ она изъ алтаря къ нимъ вышла. И она къ нимъ выдти не хотѣла. И егда вопрошена, что имѣетъ ли она быть непраздна, она имъ на то отвѣчала, что я со всякою моею надлежащею должностію и честію была царица и предъ несчастіемъ своимъ за нѣсколько времени стала быть непраздна отъ супруга моего царя Василья Ив. и

[1] Юрій Траханіотъ умеръ въ 1513 г., а Мансуровъ пожалованъ въ постельничіе въ 1514 г., умеръ въ 1520 г. Такъ отмѣчено въ спискѣ бояръ (Вивл. XX, 17, 20). Между тѣмъ имя Якова Мансурова является въ свадебномъ разрядѣ при бракосочетаніи в. князя съ Еленою въ 1526 г., гдѣ ему назначено за саньми в. княгини идти и ходити въ хоромѣхъ и у платья в. княгини. Вивл. XIII, 16.

уже родила сына Георгія, который нынѣ отъ меня отданъ хранитца въ тайномъ мѣстѣ до возрасту его; а гдѣ онъ нынѣ, о томъ я вамъ никакъ сказать не могу, хотя въ томъ себѣ и смерть приму. Бояре же уразумѣли ея неправду и дамы, осмотря ее, что она никогда небывала непраздна, возвратились въ Москву и о всемъ повѣдали царю Василью, яко то все неправда и обманъ, и за то она еще далѣе сослана въ ссылку." Герберштейнъ, продолжая свой разсказъ, говоритъ что въ его бытность въ Москвѣ выдавали за истину, что Соломонія родила сына, именемъ Юрья, и никому его не показывала. Когда къ ней явились посланные узнать истину, она, будтобы, сказала имъ: вы недостойны того, чтобы глаза ваши видѣли ребенка; а вотъ когда онъ облечется въ свое величіе (станетъ царемъ), то отомститъ за оскорбленіе матери". Но нѣкоторые рѣшительно не вѣрили, что Соломонія дѣйствительно родила. И такимъ образомъ этотъ слухъ остался сомнительнымъ, замѣчаетъ Герберштейнъ. Во всякомъ случаѣ сказка очень любопытна. Она характеризуетъ стремленіе боярской и вообще дворской среды и на самомъ дѣлѣ есть крамольная попытка внести смуту и въ государеву семью и въ государство, первая попытка поставить самозванца, которая, какъ порожденіе деспотизма и самовластія олигарховъ-правителей, впослѣдствіи развилась органически въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, — и возрождалась мгновенно при всякомъ смутномъ государственномъ обстоятельствѣ.

Вступивъ во вторичный бракъ единственно только съ политическою цѣлью дать государству наслѣдника, великій князь освятилъ этотъ бракъ въ самомъ началѣ молитвою о чадородіи. Чрезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, 4 марта, назначая въ Новгородъ архіепископомъ своего любимца, архимандрита Можайскаго монастыря Макарія, Василій, поручилъ ему, какъ пріѣдетъ на паству, „въ октеньяхъ молити Бога и Пречистую Богоматерь и чудотворцевъ, о себѣ и о своей княгинѣ Еленѣ, чтобы Господь Богъ далъ имъ плодъ чрева ихъ", о чемъ дѣйствительно и молились по всей эпархіи въ церквахъ и монастыряхъ [1].

Въ концѣ года великій князь совершилъ богомольный походъ въ Тихвинъ, къ Тихвинской Богоматери, куда пріѣхалъ вмѣстѣ съ владыкою Макаріемъ, 24 декабря, въ навечеріе праздника

---

[1] П. С. Р. Л. IV, 296. Акты Истор. I, 532.

Рождества Христова, пробылъ тамъ три дня и три ночи, молился „о здравіи и о спасеніи и чтобы ему Господь Богъ даровалъ плодъ чрева.... великую вѣру и умильное моленіе показалъ ко Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородицѣ и къ Ихъ Угодникамъ; показалъ многую милость къ печальнымъ людямъ, которые въ его государевой опалѣ были, многіе монастыри милостынями удоволилъ"....[1]

Но прошло и еще почти два года, а Господь не благословлялъ дѣтьми и этого брака. Осенью 1528 г. Великій князь проживъ до Филипповскихъ заговѣнъ въ Новой Александровой слободѣ, предпринялъ оттуда новый богомольный походъ по монастырямъ, къ чудотворцамъ, вмѣстѣ съ великою княгинею; былъ въ монастыряхъ: Переяславскихъ, Ростовскихъ, Ярославскихъ, на Бѣломъ озерѣ, въ Кирилловѣ монастырѣ, на Кубенскомъ озерѣ, въ Спасо-Каменномъ монастырѣ, вездѣ милостыню великую давалъ и потѣшеніе по монастырямъ и въ городъ попамъ; а велѣлъ молитися о чадородіи, чтобъ далъ Богъ *отродь* у него былъ. Въ Переяславлѣ основывалъ тогда свой монастырь препод. Даніилъ, ученикъ Пафнутія Боровскаго. Посѣтивъ св. старца „паче мимошедшихъ лѣтъ простиралъ къ нему свою любовь: близь себѣ сѣдѣти повелѣваше; для него освобождалъ повинныхъ отъ смерти; завѣщалъ поставить въ монастырѣ каменную церковь во имя св. Троицы, для чего и запасъ къ церковному зданію послалъ.... И бывши у преподобнаго въ монастырѣ—братскаго хлѣба изволилъ вкусити, такожде и отъ кваса монастырскаго пія, бѣ бо квасъ вельми препростъ.... но радостнаго умиленія исполнялся самодержецъ, и какъ нѣкоею надеждою огражденъ, возвращался въ свой царскій домъ. Иногда же посылалъ въ монастырь къ преподобному Даніилу и повелѣвалъ къ себѣ принести хлѣба и квасу братскаго, также и къ царицѣ своей, и вкушалъ съ вѣрою. И сладостно и полезно вмѣняшеся имъ...." Вел. князь, по словамъ любимца его Макарія, „не умалялъ подвига въ молитвѣ, не сомнѣвался отъ долгаго времени своего безчадства, не унывалъ съ прилежаніемъ просить, не переставалъ расточать богатство нищимъ, путешествуя по монастырямъ, воздвигая церкви, украшая св. иконы, монаховъ любезно упокоивая, всѣхъ на молитву подвизая, совершая богомольные походы по далечайшимъ пустынямъ, даже

[1] П. С. Р. Л. VI. 283.

пѣшкомъ, вмѣстѣ съ великою княгинею и съ боярами; всегда на Бога упованіе возлагая, вѣрою утверждаясь, надеждою веселясь... желаше бо по премногу отъ плода чрева его посадити на своемъ престолѣ въ наслѣдіе роду своему.... [1]

Такимъ образомъ четыре съ половиною года протекли въ непрестанныхъ моленіяхъ, въ непрестанныхъ подвигахъ благочестія и милосердія. Въ послѣднее время съ особенною вѣрою супруги прибѣгали въ своихъ молитвахъ къ препод: Пафнутію Боровскому. Молитва была услышана. Господь внялъ стенаніямъ и слезамъ супруговъ и „разверзе союзъ неплодства ихъ". 25 августа 1530 г. была великая неизреченная радость вел. князю и вел. княгинѣ и всему московскому государству: въ этотъ день Богъ даровалъ государю сына Ивана, *молитвенный плодъ*, столько времени и съ такою горячностью ожидаемый не только родителями, но и всѣми друзьями государя и государства. Въ 1584 г. рязанскій епископъ Леонидъ свидѣтельствовалъ предъ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, какъ о дѣлѣ всѣмъ извѣстномъ, что „по прошенію и по моленію преподобнаго Пафнутія чудотворца далъ Богъ наслѣдника царству и многожеланнаго сына отцу. (А. И. I. № 216). Это утверждается еще и тѣмъ, что воспріемниками отъ купѣли новорожденнаго царевича были избраны ученики препод. Пафнутія, Даніилъ Переяславскій и Кассіянъ, по добродѣтели прозванный Босымъ, собесѣдникъ преп. Іосифу Волоколамскому. Крещеніе происходило въ Троицесергіевомъ монастырѣ, у мощей преп. Сергія, общаго учителя и наставника, гдѣ Даніилъ своими руками носилъ младенца во время литургіи и къ причастію св. Таинъ. Благочестивое и богомольное настроеніе мыслей указало, что рожденіе царственнаго младенца не было просто, какъ инымъ случается. Оно примѣтило, что „когда отроча во чревѣ матерни растяше, то печаль отъ сердца человѣкамъ отступаше; когда отроча во чревѣ матерни двигалось, то стремленіе иноплеменной рати на царство низлагалось. „(Здѣсь разумѣется, вѣроятно, удачный походъ на Казань, весною тогоже года.) Разсказывали также, что в. княгиня во время своей беременности, яко бысть близъ рожденія, вопросила одного юродиваго Дементія, кого она родитъ. Онъ, юродствуя, отвѣчалъ: родится Титъ — широкій умъ. Она еще больше стала молиться, чтобъ исполнилась ея надежда. За де-

[1] Степ. кн. II. 205.

вять дней до рожденія, въ Успеньевъ день, служили іерей обѣдню, вовсе не вѣдая, что в. княгиня уже непраздна. Когда на ектеніи среди обычныхъ моленій о царѣ и о его царицѣ, слѣдовало произнести, *еже подати имъ плодъ чрева*, — одинъ клирикъ внезапно, яко сномъ объятъ, возгласилъ: *и о благородномъ чадѣ ихъ*" и въ изумленіи оглядывалъ другихъ служащихъ, желая знать о имени царскаго отрока; затѣмъ, опомнившись, произнесъ уже обычныя слова [1]. Богодарованному отроку наречено имя: Иванъ, „еже есть усѣкновеніе Честныя Главы", сказано въ лѣтописи, обозначавшей день памяти Крестителя.

Ни одному царскому рожденію не придавали такого великаго значенія и особеннаго смысла, какъ этому рожденію будущаго грознаго царя. Лѣтописцы записали, что будто бы въ часъ его рожденія по всей русской землѣ внезапно былъ страшный громъ, блистала молнія, какъ бы основаніе земли поколебалось;—послѣ узнали, что въ тотъ часъ родился государь Иванъ Васильевичъ.

Черезъ два года съ небольшимъ, 30 октября 1532 года, родился у Елены другой сынъ Юрій, воспріемникомъ котораго тоже былъ Даніилъ Переяславскій. За тѣмъ, 3 декабря 1533 г., великій князь скончался, оставивъ по себѣ двухъ малолѣтныхъ наслѣдниковъ.

Царь Иванъ Васильевичъ женился первымъ бракомъ на Анастасіи Романовой, на семнадцатомъ году, 3 февраля 1547 г. Богъ не благословилъ ихъ дѣтьми въ первыя два года супружества. По благочестивому примѣру отцовъ, молодые супруги стали усердно молиться о своемъ неплодіи.

21 іюня 1548 г. (когда прошло уже 16 мѣсяцевъ, а наслѣдника у царицы небыло), въ послѣднюю недѣлю Петрова поста, государь со многимъ желаніемъ и съ великою вѣрою совершаетъ обѣтное богомолье къ Троицѣ пѣшкомъ съ царицею и съ братомъ. Съ тоюже по всему вѣроятію мыслью о чадородіи и царица особо предпринимаетъ, 14 сент., новое богомолье къ Троицѣ, также пѣшкомъ, по обѣщанію. Черезъ недѣлю, за нею выѣхалъ въ монастырь и самъ государь. Спустя годъ послѣ этого обѣтнаго богомолья, 10 авг. 1549 г., у супруговъ родилась дочь Анна. Государь такъ былъ обрадованъ рожденіемъ дитяти, что тогдаже въ

[1] Степенная книга, II, 209, 237

Новодѣвичьемъ монастырѣ заложилъ обѣтный храмъ во имя Іоакима и Анны; слушалъ тамъ всенощную и заутреню и на утро другаго дня, 18 августа, освятивъ этотъ обыденный храмъ, крестилъ въ немъ новорожденную дочь. Черезъ годъ, однакожъ, младенецъ скончался. Другая дочь, Марья, родившаяся 17 марта 1551 г., также скончалась младенцемъ. На слѣдующій годъ (1552) 11 октяб. родился сынъ Димитрій въ то самое время, какъ царь окончилъ такъ счастливо завоеваніе Казанскаго Царства. Радость его о рожденіи наслѣдника была неизреченна. Связывая значенье *казанскаго взятья* съ побѣдою надъ Мамаемъ, онъ далъ сыну имя въ память прародителя Димитрія Ивановича Донскаго, перваго побѣдителя Татаръ. По пріѣздѣ изъ похода въ Москву государь вмѣстѣ съ царицею возилъ новорожденнаго въ Троицкій монастырь къ крещенью. Потомъ, весной слѣдующаго года царь повезъ съ собой младенца даже въ Кирилловъ монастырь, на Бѣлоозеро, когда отправился туда молиться вмѣстѣ съ царицею, по случаю своего выздоровленія отъ болѣзни. Но къ великой горести родителей, младенецъ скончался на возвратномъ ихъ пути въ Москву, въ іюнѣ 1553 г. Царь и царица зѣльною печалію объяты быша и сугубо скорбяше, понеже неимуще ни единаго чада. Снова предпринимаютъ они богомольный походъ по чудотворцамъ, молятся въ Ростовѣ у великаго святителя Леонтія, прося у Бога чадородія въ наслѣдіе своему царству; молятся въ Переяславлѣ у гроба преподобнаго Никиты и у честныхъ его веригъ; молятъ со слезами св. Никиту, какъ благонадежнаго ходатая къ Богу. Молитвами угодника Богъ отнялъ скорбь отъ ихъ сердца. Тогожъ дни пріидоша въ градъ Переяславль и въ царскомъ дому своемъ обрадованно почиша. И ту царица зачаша во чревѣ своемъ. И оттуду пріидоша въ царствующій градъ Москву, веселящеся, благодаряще Бога. Егда же присиѣ время, родися имъ благодарованный сынъ (1554 г. марта 28) и нареченъ бысть отчимъ именемъ: царевичъ Иванъ. Потомъ родися царю царевна Евдокія, 1556 февр. 26, и царевичъ Ѳеодоръ, 1557 мая 11. Царевна на третьемъ году скончалась (въ іюнѣ 1558 г.); сыновья же, какъ извѣстно, достигли совершеннаго возраста. Но видимо ихъ здоровье сохранено надолго молитвами и заступленіемъ тогоже угодника Божія преподобнаго Никиты. Однажды, когда царевичъ Иванъ былъ уже по второму году, царица по обыкновенію отдыхала, а царевичъ у кормилицы сидѣлъ на колѣ-

няхъ. Внезапно кормилица слышитъ позади себя, на лавкѣ, воду клокочущую въ оловянномъ сосудѣ. Кормилица въ испугѣ вскочила съ царевичемъ, подумавши, что сосудъ *проутлился* т. е. протекъ; а въ сосудѣ сохранялась вода, взятая изъ кладезя святаго Никиты. Тутъ была приставница мама царевича Фотинья. Она тотчасъ приняла къ себѣ царевича на руки, взяла потомъ сосудъ, и „паки возгремѣ вода въ сосудѣ" въ рукѣ Фотиньи, такъ что даже сама собою открылась крышка и кипящая вода потекла изъ сосуда, исходя *двумя источниками* (быть можетъ намекъ на двухъ сыновей царя). Благоразумная Фотинья, разумѣя, что это благодать Божія, принимала рукою кипящую воду и возливала ее на главу и на лице и на все тѣло царевича, приговаривая: „буди сіе Божіе милосердіе на многолѣтное здравіе и радость благороднымъ твоимъ родителямъ и тебѣ государю и всему нашему царству". Проснулась и сама царица. Разсказали ей все, какъ было. Взяла она сосудъ съ свои руки и „паки воскипѣ вода и возливашеся на руцѣ ея". Царица благодатную ту воду возлила на свое лице и на перси. Умывались тою водою и всѣ живущіе тамъ (во дворцѣ): видѣша благодать Божію, дивляхуся, славяще Бога и великаго въ чудесѣхъ Никиту. Возвѣщено же бысть чудо сіе и великому государю [1]. Подтвержденіемъ этому сказанію можетъ служить то обстоятельство, что спустя 2 года по рожденіи царевича Ивана, 1 сент. 1556 г. царь съ царицею и съ сыномъ, предпринявъ обычный походъ къ Троицѣ, проѣхалъ оттуда въ Переяславль къ Никитѣ чудотворцу и повелѣлъ игумену общину содѣлати и велій монастырь соградиша.... Извѣстно, что въ XVII ст., въ числѣ домовыхъ, сѣнныхъ храмовъ и престоловъ на царицыной половинѣ дворца, существовалъ и придѣлъ Никиты Переяславскаго. устроенный по всему вѣроятію еще при Грозномъ, въ особенное уваженіе къ покровительству св. угодника Никиты. Онъ находился въ храмѣ св. Лазаря, въ нижнемъ этажѣ сѣнной царицыной церкви Рождества Богородицы.

Въ одно время, какъ царь Иванъ Вас. вступалъ въ седьмой и послѣдній свой бракъ, онъ женилъ и младшаго своего сына Ѳедора на сестрѣ Бориса Годунова, Иринѣ Ѳедоровнѣ, весною

[1] Исторія о казанскомъ царствѣ, Спб. 1791, 262.

1580 года. Өедору въ это время было уже 23 года. Разсказываютъ, что отецъ рѣшился женить его по той причинѣ, что у старшаго его брата Ивана не было дѣтей, что слѣд. царскій родъ могъ остаться безъ наслѣдника. Простой умомъ и болѣзненный тѣломъ Өедоръ однакожъ не былъ тѣмъ счастливъ, чтобы укрѣпить на престолѣ царскій корень. Ирина же Өедоровна, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, подобно Соломоніи, испытала несчастіе бездѣтства, которое не повлекло за собою развода единственно только потому, что въ наслѣдники царства шелъ уже твердою стопою ея братъ Борисъ. Въ первые года этого брака и самъ Годуновъ вѣроятно очень заботился о чадородіи сестры, ибо тѣмъ только онъ и могъ твердо держаться у царскаго престола. Въ 1585 году онъ поручаетъ англичанину Горсею развѣдать у ученыхъ англійскихъ докторовъ о средствахъ „къ зачатію и нарожденію дѣтей", и привести въ Москву „докторицу искусную во врачеваніи женскихъ болѣзней и безчадія". Горсей выспрашивалъ мнѣній и наставленій ученыхъ врачей оксфордскихъ, кембриджскихъ и лондонскихъ, и наконецъ просилъ королеву (Елизавету) отправить съ нимъ въ Россію опытную повивальную бабку. Повивальная бабка была привезена въ 1586 г. [1]. Но она не только не была допущена къ царицѣ, но даже и не привезена въ Москву. Ея задержали въ Вологдѣ; тамъ она, какъ сосланная, жила цѣлый годъ и потомъ уже отпущена въ Англію. Возвратившись на родину, бабка подала въ московское торговое англійское общество просьбу на Горсея, въ которой требовала съ общества проторей 100 фунтовъ стерлинговъ, объяснивъ притомъ, что Горсей обманулъ королеву, сказавъ будтобы царица Ирина при выѣздѣ его изъ Россіи была въ пятомъ мѣсяцѣ своей беременности, между тѣмъ какъ ее въ теченіе цѣлаго года и не потребовали къ царицѣ. Она подозрѣвала, что не была допущена къ царицѣ происками Горсея.

Обманывалъ ли въ самомъ дѣлѣ Горсей королеву по порученію именно Годунова, котораго очень безпокоило теперь уже то обстоятельство, что царица Ирина „со времени своего су-

[1] Въ тоже время вмѣстѣ съ Горсеемъ выѣхалъ вторично въ Москву и англійскій докторъ Робертъ Якобъ, котораго рекомендовала царицѣ Иринѣ сама королева, какъ весьма искуснаго врача и особенно знающаго женскія всякія болѣзни и *родильныя болѣзни всякія лучше иныхъ бабъ.* Истор. медиц. I, 298, 405.

пружества часто бывала беременна",—дѣло темное, какъ и многое множество дѣлъ тогдашняго вѣка. Извѣстно, что Горсей былъ самымъ преданнымъ услужникомъ Годунова, который за то и оказывалъ ему необычайныя ласки и милости [1].

Оставленная имъ по этому дѣлу въ описаніи своего путешествія замѣтка весьма подозрительна. Онъ говоритъ: „Я потратилъ много времени, спрашивая у ученыхъ врачей оксфордскихъ, кембриджскихъ и лондонскихъ ихъ мнѣній и наставленій для императрицы Ирины въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ ѳор консертион анд прокреатионъ оѳ чилдрѣнь" (при зачатіи и рожденіи дѣтей, т. е. во время беременности и при родахъ). Горсей употребилъ въ этихъ словахъ русскія буквы, чтобы скрыть это содержаніе записокъ отъ любопытныхъ. „Она вышла замужъ семь лѣтъ назадъ и часто *консеявед* (бывала беременна). Спрашивалъ вмѣстѣ и о нѣкоторыхъ другихъ брачныхъ обстоятельствахъ, на что былъ уполномоченъ секретно." Королева Елизавета, посылая Иринѣ бабку и еще доктора Якоба, писала ей письмо, въ которомъ и упоминала именно о посылкѣ бабки. Въ переводѣ на русскій, мѣсто о повивальной бабкѣ было пропущено, такъ что ни царь и ни царица не могли и знать, что бабка прислана. По свидѣтельству одного современника Ирина въ дѣйствительности ничего не знала о пріѣздѣ бабки. Такимъ образомъ изъ обстоятельствъ дѣла видно, что Годуновъ, хлопоча для присылки о бабкѣ, чтобы помочь безчадію, хлопоталъ совсѣмъ о другомъ, именно, чтобы чадъ небыло. Трудно вѣрить, но могло и это быть [2].

Горсея послѣ обвинили, и даже хотѣли повѣсить, за то между прочимъ, что привезя въ Россію повивальную бабку для царицы, онъ тѣмъ оскорбилъ честь царицы. Но повидимому все оскорбленіе состояло лишь въ томъ, что этому дѣлу королева по недоразумѣнію дала излишнюю гласность.

Заботы Годунова о чадородіи царицы—сестры, въ первое время ея брака, являлись, какъ мы замѣтили, насущною необходимостью для сохраненія и укрѣпленія его положенія при царскомъ лицѣ. Онѣ тѣмъ болѣе были необходимы, что по нѣкоторымъ, весьма вѣроятнымъ сказаніямъ, царь Иванъ Васильевичъ оставилъ завѣщаніе, что если Ирина, черезъ два года (послѣ его смерти)

[1] Отеч. Зап. 1859, сент. Сказанія Англичанина Горсея о Россіи.
[2] Гамеля: Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стр. 114 и слѣд.

не будетъ матерью, то Θедору развестись съ нею и жениться на другой. Сверхъ того не желалъ и народъ бездѣтнаго царскаго супружества. Дѣйствительно, года черезъ два или три по вступленіи на царство Θедора, составился заговоръ противъ самовластнаго временщика. Митрополитъ Діонисій, бояре Шуйскіе и ихъ сторонники, а также гости и всѣ люди купеческіе сошлись на совѣтъ и рукописаніемъ утвердили бить челомъ государю, чтобъ онъ „чадородія ради второй бракъ принялъ, а первую свою царицу Ирину Θед. отпустилъ бы въ иноческій чинъ" [1]. Общимъ совѣтомъ была избрана бездѣтному государю и невѣста, сестра боярина князя Θед. Ив. Мстиславскаго, княжна Ирина Ивановна. Годуновъ скоро успѣлъ разсѣять вмѣстѣ съ людьми и самую память объ этомъ предпріятіи. Невѣсту тайно увезли изъ дому и постригли въ монахини [2]. Между тѣмъ царица продолжала молиться о чадородіи. Въ 1589 г. послѣ торжества поставленія перваго въ Москвѣ патріарха Іова, Константинопольскій патріархъ Іеремія, вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ, былъ приглашенъ и въ палату къ царицѣ, благословить ее. Когда совершилась эта церемонія, то на средину палаты вышелъ почтенныхъ лѣтъ бояринъ и возгласилъ патріарху, чтобы онъ помолился о здравіи и благополучіи царя и царицы и просилъ бы Господа Бога о дарованіи имъ наслѣдника. Съ тою же просьбою обратился старецъ и ко всѣмъ спутникамъ патріарха, которые всѣ громкимъ голосомъ стали молить Бога о исполненіи желанія царицы. Вслѣдъ за тѣмъ и сама царица „съ большимъ чувствомъ и со слезами просила духовенство молиться усерднѣе Господу о дарованіи ей наслѣдника. Всѣ плакали, ибо очень были тронуты этою мольбою царицы и возсылали еще разъ самыя усердныя моленія, заключивъ ихъ словами: Пошли ей, Всемогущій Господи, то, что для нея самое важное, а именно наслѣдника ея царству" [3]. Наконецъ въ Іюнѣ 1592 г. царица разрѣшилась дочерью Θеодосіею, которая вскорѣ и скончалась. Въ 1598 г. царь Θедоръ померъ безъ наслѣдника. Съ нимъ прекратился и родъ царя Ивана Васильевича, москов-

---

[1] Кар. X. 46, пр. 147.

[2] Старица княжна Ирина Ивановна Мстиславская при царѣ Михаилѣ жила вмѣстѣ съ его матерью Марѳою Ивановною въ Вознесенскомъ монастырѣ и пользовалась большимъ уваженіемъ при дворѣ, являясь на торжественные пиры къ столамъ царицы Евдокѣи Лукьяновны.

[3] Чтенія Общ. И. и Д. 1863, 2, стр. 252.

скій царскій родъ, обезсилѣвшій и совсѣмъ угасшій въ борьбѣ съ боярскими родами, которымъ съ этой минуты открылся желанный путь къ царскому престолу.

Въ XVII ст., въ родѣ Романовыхъ, царицы, къ ихъ счастію, не испытали особенныхъ печалей неплодія. Но заботы о чадахъ мужеска пола не покидали и ихъ. Коллинсъ разсказываетъ слухъ, что еслибы супруга Алексѣя, царица Марья Ильична Милославскихъ, не разрѣшилась, послѣ 4 дочерей, вторымъ царевичемъ Өеодоромъ, то и она была бы пострижена въ монастырѣ. Такъ, вѣроятно, соображало общественное мнѣніе въ то время, хорошо помнившее прежнія событія въ царской семьѣ.

Вторая супруга царя Михаила, Евдокѣя Лукьяновна Стрѣшневыхъ, послѣ не совсѣмъ благополучныхъ родовъ царевичемъ Василіемъ, который вскорѣ померъ, въ теченіи шести лѣтъ (1639—1645 г.), до самой смерти царя, оставалась безчадною. Царица, по свидѣтельству современниковъ, съ того времени „была передъ прежнимъ скорбна и межъ супругами въ ихъ государскомъ здоровьѣ и въ любви стало не попрежнему"... Супруги молились и великую вѣру показали къ препод. Александру Чудотворцу Свирскому, коего св. мощи были обрѣтены въ теченіе тѣхъ же лѣтъ, въ 1641 году. Царь въ 1643 г. устроилъ для мощей Чудотворца богатую серебряную раку, а царица „устроила швеннымъ художествомъ своима рукама, со благородными своими чады (дочерьми), цвѣтныхъ синетъ на плащаницѣ образъ св. Живоначальныя Троицы и преподобнаго отца Александра, и украсила златомъ и сребромъ и бисеромъ (жемчугомъ) со драгимъ каменіемъ, и повелѣла положити на многочудесныя мощи преподобнаго"...

ГЛАВА IV.

ОБРЯДЪ ЦАРИЦЫНОЙ ЖИЗНИ, КОМНАТНОЙ И ВЫХОДНОЙ.

Замкнутость царицына быта. Повседневное молитвенное правило. Молитва и милостыня, как общая стихія царицыной жизни. Богомольные выходы и выѣзды, повседневные и годовые. Пріемы праздничные. Пріѣзжія боярыни. Столы праздничные. Столы семейные. Особые торжественные пріемы иноземныхъ царицъ и высшихъ духовныхъ властей. Пріемы повседневные. Очеркъ комнатной повседневной царицыной жизни. Выѣзды для гулянья.

„Ни одна государыня въ Европѣ, говоритъ Рейтенфельсъ, современникъ царя Алексѣя, не пользуется такимъ уваженіемъ подданныхъ, какъ русская. Русскіе не смѣютъ не только говорить свободно о своей царицѣ, но даже и смотрѣть ей прямо въ лице. Когда она ѣдетъ по городу или за городъ, то экипажъ всегда бываетъ закрытъ, чтобы никто не видалъ ее. Оттого она ѣздитъ обыкновенно очень рано поутру или ввечеру. Царица ходитъ въ церковь домовую, а въ другія очень рѣдко; общественныхъ собраній совсѣмъ не посѣщаетъ. Русскіе такъ привыкли къ скромному образу жизни своихъ государынь, что когда нынѣшняя царица (Наталья Кириловна Нарышкиныхъ), проѣзжая первый разъ посреди народа, нѣсколько открыла окно кареты, они не могли надивиться такому смѣлому поступку. Впрочемъ, когда ей объяснили это дѣло, она съ примѣрнымъ благоразуміемъ охотно уступила мнѣнію народа, освященному древностію."

„Русскія царицы проводятъ жизнь въ своихъ покояхъ, въ кругу благородныхъ дѣвицъ и дамъ, такъ уединенно, что ни одинъ мущина, кромѣ слугъ, не можетъ ни видѣть ихъ, ни говорить съ ними; даже и почетнѣйшія дамы (боярыни) не всегда имѣютъ къ нимъ доступъ. Съ царемъ садятся за столъ рѣдко. (Царь обѣдаетъ обыкновенно одинъ, а ужинаетъ по большой ча-

сти вмѣстѣ съ царицею.) Всѣ занятія и развлеченія ихъ состоятъ въ вышиваніи и уборахъ. Нынѣшняя царица Наталья, хотя отечественные обычаи сохраняетъ не нарушимо, однакожъ, будучи одарена сильнымъ умомъ и характеромъ возвышеннымъ, не стѣсняетъ себя мелочами и ведетъ жизнь нѣсколько свободнѣе и веселѣе. Мы два раза видѣли ее въ Москвѣ, когда она была еще дѣвицею. Это женщина въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, росту величаваго, съ черными глазами на выкатѣ, лице имѣетъ пріятное, ротъ круглый, чело высокое, во всѣхъ членахъ тѣла изящную соразмѣрность, голосъ звонкій и пріятный и манеры самыя граціозныя".

Мейербергъ, бывшій въ Москвѣ лѣтъ десять прежде, при царицѣ Марьѣ Ильичнѣ Милославскихъ, разсказываетъ, что „за столомъ государя никогда не являлись ни его супруга, ни сынъ, (Алексѣй Алексѣевичъ), которому тогда было уже десять лѣтъ, ни сестры, ни дочери его. Уваженіе къ симъ особамъ столь велико, что онѣ никому не показываются. Изъ тысячи придворныхъ едвали найдется одинъ, который можетъ похвалится, что онъ видѣлъ царицу или кого либо изъ сестеръ и дочерей государя. Даже и врачь никогда не могъ ихъ видѣть. Когда, однажды, по случаю болѣзни царицы, необходимо было призвать врача, то прежде чѣмъ ввели его въ комнату къ больной, завѣсили плотно всѣ окна, чтобъ ничего не было видно, а когда нужно было пощупать у ней пульсъ, то руку ея окутали тонкимъ покровомъ, дабы медикъ не могъ коснуться тѣла. Царица и царевны выѣзжаютъ въ каретахъ или въ саняхъ (смотря по временамъ года), всегда плотно и совсѣхъ сторонъ закрытыхъ; въ церковь онѣ выходятъ по особой галлереѣ, со всѣхъ сторонъ совершенно закрытой. Русскіе такъ благоговѣютъ предъ своею царицею, прибавляетъ Лизекъ, что не смѣютъ на нее смотрѣть, и когда ея царское величество садится въ карету или выходитъ изъ нея, то они падаютъ ницъ на землю.

Особое благоговѣніе и уваженіе народа къ царицѣ, которымъ иностранцы объясняли эту чрезмѣрную недоступность къ ихъ особѣ, объясняется очень просто тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій, кто позволилъ бы себѣ какой либо поступокъ, хотя мало и вовсе неумышленно нарушавшій требованія такой недоступности, тотчасъ подвергался всѣмъ строгостямъ дворской подозрительности, а слѣд. и всѣмъ возможностямъ попасть въ самую страшную бѣду. Ни для кого не проходила даромъ даже

нечаянная встрѣча съ царицею: тотчасъ начинались розыски и допросы, не было ли какого злаго умысла. Такъ однажды, 26 апрѣля 1674 г. во внутреннихъ переходахъ дворца случилась какая то встрѣча стольниковъ съ экипажемъ царицы, ѣхавшей на богомолье въ Вознесенскій монастырь. Началось дѣло, розыскъ и допросы. Къ сожалѣнію до насъ дошли только отрывки этого дѣла, именно нѣсколько допросовъ, изъ которыхъ однакожъ не видно, въ чемъ собственно были виновны стольники.

„182 года апрѣля въ 26 день стольникъ Иванъ Васильевъ сынъ Дашковъ допрашиванъ, а въ допросѣ сказалъ: какъ великая государыня царица шла съ дворца въ Вознесенскій монастырь и въ тѣ поры Василій Өедоровъ сынъ Полтевъ шелъ передъ колымагою государыни царицы низомъ, а какъ онъ шолъ, въ вороталь или черезъ Красное крыльцо, того онъ не видалъ. Иванъ Ивановъ сынъ Бутурлинъ сказалъ: какъ великая государыня царица шла съ дворца въ Вознесенскій монастырь, и какъ она великая государыня будетъ, идучи съ дворца, въ воротѣхъ, и въ тѣ поры онъ Иванъ его Василья (Полтева) великія государыни царицы за колымагою видѣлъ, а въ вороталь онъ Василей за колымагою шолъ или черезъ Красное крыльцо, того онъ не видалъ. Стольникъ Михайло Ивановъ сынъ Прончищевъ сказалъ: шолъ онъ за великою государынею царицею Наталіею Кириловною отъ новные лѣстницы дворцомъ и для де поспѣшенія обѣжалъ онъ на Постельное крыльцо лѣстницею, гдѣ стрѣльцы стоятъ, для того, что его обмарали и обрызгали грязью. И обѣжавъ, встрѣтилъ великую государыню царицу подъ переходами, что подъ садомъ. И въ той моей винѣ воля его великаго государя, виноватъ предъ Богомъ и передъ великимъ государемъ; а передо мною и за мною бѣжали многіе стольники: князь Өедоръ Вяземскій, Михайло Бунаковъ, Михайло Собакинъ, а инымъ стольникамъ имянъ не упомнитъ, потому бѣжали скоро“.

Вѣроятно за свою вину стольники изъ *чину* были отставлены, но вскорѣ, чрезъ три дня послѣ допросовъ, прощены: „апрѣля въ 29 день государь пожаловалъ, велѣлъ имъ быть по прежнему. Указъ великаго государя сказалъ Иванъ Кириловичъ Нарышкинъ Авраму Лопухину“.

Котошихинъ сказываетъ, что если царицѣ случится куда ѣхать, то кареты или каптаны (зимніе возки) бываютъ закрыты камкою персидскою, какъ ѣдутъ Москвою, или селами и

деревнями. Во время пѣшихъ выходовъ около нихъ во всѣ сто-
роны носили суконныя полы, чтобъ люди ихъ зрѣть не могли.
Въ церкви онѣ стояли въ особыхъ *мѣстахъ*, завѣшанныя лег-
кою таѳтою; да и въ церкви, въ это время, кромѣ церковни-
ковъ да бояръ и ближнихъ людей иные люди не бывали. Тольк
одни церковники, въ необходимыхъ случаяхъ, видали госуда-
рыню. Самые необходимые. по уставамъ церкви, выходы
выѣзды, напр. въ кремлевскіе церкви и монастыри совершалис
большею частію или раннимъ утромъ или по ночамъ, что на-
блюдалось также и при въѣздахъ въ монастыри во время от-
даленныхъ богомольныхъ походовъ.

Въ 1572 г. мая 31 царь Иванъ Васильевичъ, пріѣхавъ с
царевичами и царицею Анною (Колтовскихъ) въ Новгородъ
остановился на ночлегъ въ монастырѣ у Спаса на Хутынѣ
Онъ въѣхалъ въ монастырь часа за три предъ заходомъ солнца
и послѣ обычныхъ церковныхъ встрѣчъ обѣдалъ тамъ въ игу-
менской кельѣ, въ *вышкѣ*, со всѣмъ своимъ дворомъ, съ Нов-
город. владыкою и со всею монастырскою братьею. Царица прі-
ѣхала въ монастырь въ первомъ часу ночи (послѣ солнечна
заката). Для ея двора было занято 8 особыхъ келій, „стоят
княгинямъ и боярынямъ"; кельи были на этотъ случай заго-
рожены съ монастыря досками. При отъѣздѣ изъ Новгород
царица Анна ходила молиться въ соборъ Софіи Премудрост
Божіи, и прикладывалась къ мощамъ Ивана да Никиты Нов-
гор. чудотворцевъ. Выходъ этотъ совершенъ былъ однако
ночью, въ субботу 16 августа [1].

Это свидѣтельство объ одной изъ первыхъ царицъ мы мо-
жемъ пополнить подобнымъ же свидѣтельствомъ о богомольных
выѣздахъ послѣдней царицы, Евдокіи Лопухиныхъ, которая, на-
ходясь въ заточеніи, въ Покровскомъ Суздальскомъ монастыр
иногда выѣзжала оттуда, тайно, на богомолье въ монасты
Козьмы Яхронскаго чудотворца (Влад. губ.) Вотъ что разска-
зывалъ на допросѣ объ этихъ пріѣздахъ игуменъ Яхронска
монастыря, Симонъ: „Напередъ пріѣзжали слуги Покровскаго мо-
настыря и очищали кельи, гдѣ царицѣ стоять; отбирали у по-
номарей церковные ключи и сказывали монахамъ, чтобъ из
келій на время царицына пріѣзда не выходили. Царица въѣзжал
въ монастырь въ каретѣ за стеклами, послѣ полуденъ; ѣхала прям

[1] П. С. Р. Л. III, 174.

къ соборной церкви и входила въ церковь *ограждена красными сукками скрытно.* Игуменъ и монахи никогда ее не видали. Она слушала вечерню, а послѣ подъѣзжала къ кельямъ, въ которыхъ ставала, въ каретѣ жъ закрыта, и въ кельи вступала ограждена сукнами.—Въ ночное время входила въ церковь и отправляла всенощное пѣніе (заутреню) и литургію, а бывало и молебное пѣніе, того ни игуменъ, ни монахи не знали, потому что въ церкви въ то время не были, никого близко къ церкви не подпускали. Службы отправляли пріѣзжіе съ царицею попы, а на крылосѣ пѣли пріѣзжія жъ съ нею монахини. Послѣ обѣдни игумена и братью въ трапезной церкви царица кормила своимъ привознымъ столомъ, пища была: рыба, питье — медъ. Потчивали служители царицы. Послѣ стола, когда монахи шли изъ трапезы домой, по кельямъ, тѣ служители указывали имъ, чтобъ они кланялись за столъ царицѣ къ ея кельямъ и они кланялись по трижды въ землю и поклонись, расходились по кельямъ. Въ той же трапезѣ дѣлили и деньгами, игумену давали по гривнѣ, братьямъ по 6 денегъ. Игуменъ на пріѣздѣ царицы въ навечеріи подходилъ къ ней съ хлѣбомъ и стоялъ у крыльца; и по докладу дневальныхъ, тутъ всегда стоявшихъ, пускали его въ сѣни, а въ сѣняхъ по приказу царицы принимали у него хлѣбъ монахини. А въ другой пріѣздъ пущенъ былъ предъ нее царицу, и она его спрашивала: какою казною построенъ въ томъ монастырѣ иконостасъ? и онъ донесъ, что строенъ мірскимъ подаяніемъ и келейными своими деньгами. Царица его поблагодарила и отпустила немедленно, а у руки ея онъ игуменъ не былъ. При выѣздѣ царицы изъ монастыря игуменъ съ монахами выходили за ея каретою, за монастырь и въ слѣдъ ея кланялись ей царицѣ по трижды въ землю и покланясь возвращались въ монастырь“ [1].

Хотя это свидѣтельство относится уже къ началу XVIII вѣка (оно взято изъ дѣла 1721 г.), тѣмъ не менѣе оно служитъ точною характеристикою всѣхъ тѣхъ подробностей и обстоятельствъ, при которыхъ обыкновенно въ теченіи XVI и XVII ст. совершались монастырскія богомолья царицъ. Царица Евдокія, оставалась до конца дней представительницею, а сначала и поборницею старинныхъ привычекъ, старинныхъ обрядовъ и порядковъ быта. Очень естественно, что она сохраняла эти порядки

[1] Временникъ М. Общ. Ист. и Др. книга 24.

даже и въ то время, когда они были въ царскомъ быту отвергнуты и совсѣмъ забыты.

Но, само собою разумѣется, что скрываясь отъ глазъ народа, отъ всякихъ общественныхъ, публичныхъ собраній, вообще отъ людскихъ глазъ, царица, какъ и всѣ другія знатныя женщины, не лишала себя любопытства и удовольствія смотрѣть на публичныя дѣйства и собранія, каковы были торжественныя церковныя дѣйства и крестные ходы, торжественныя встрѣчи иноземныхъ пословъ, торжественные обѣды за царскимъ столомъ и т. п. На церковныя торжественныя дѣйства, совершаемыя обыкновенно въ Кремлѣ, она смотрѣла, потаенно, изъ оконъ Грановитой палаты вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ. Туда патріархъ обращалъ къ ней крестное осѣненіе и благословеніе. Такъ, 28 марта 1675 г., совершивъ обрядъ шествія на ослятѣ и возвратившись къ собору, патріархъ, сѣдши съ осляти, благословилъ крестомъ государя и потомъ осѣнилъ крестомъ въ Грановитой палатѣ царицу, царевичей и царевенъ и напослѣдокъ, кромѣ того, осѣнилъ руками [1]. Есть также свидѣтельство, что царица смотрѣла изъ окна своего терема и торжество государева вѣнчанія на царство. Когда короновался царь Өедоръ Ивановичъ, его супруга Ирина (Годуновыхъ), по свидѣтельству Горсея, сидѣла въ своемъ теремѣ у окна на престолѣ въ великолѣпной одеждѣ, съ вѣнцомъ на главѣ; кругомъ ее стояли боярыни; народъ, увидавъ ее, здравствовалъ ей [2]. Этотъ теремъ въ то время, по всему вѣроятію, стоялъ надъ сводами царицыной Золотой палаты, гдѣ теперь соборъ Спаса, и такимъ образомъ наличною стороною выходилъ на площадь къ большимъ соборамъ, такъ что изъ оконъ всегда можно было видѣть совершаемыя тамъ церемоніи. Тотъ же Горсей разсказываетъ еще, что когда были привезены имъ изъ Англіи разные подарки царю и въ томъ числѣ заморскія животныя, которыхъ привели и поставили для смотра предъ дворцомъ, именно: особой породы бѣлый съ черными пятнами быкъ, лягавыя и борзыя собаки и два льва въ клѣткахъ, — то изъ оконъ дворца на эти диковины смотрѣла вмѣстѣ съ царемъ и царица Ирина.

Пріемы пословъ и другихъ лицъ, а равно и торжественныя столованья въ Грановитой палатѣ царица смотрѣвала изъ ос-

[1] Временникъ кн. 24. стр. 77.
[2] Сказанія Горсея, От. Зап. 1859 сентябрь, 124.

ой палатки, нарочно для того и устроенной надъ входными верьми этой палаты (т. I, глава III). Посольскіе въѣзды она атривала изъ палатъ надъ Воскресенскими воротами, въ которые обыкновенно направлялись такія шествія во второй половинѣ XVII ст. Для этого палаты всегда убирались сукномъ. арица проходила сюда по кремлевской и китайгородской (уже оманной) стѣнѣ. Да и вообще должно полагать, что всѣ подобныя публичныя дѣйства такъ устроивались и такъ располались, что царица изъ какого либо удобнаго мѣста всегда огла потаенно ихъ видѣть.

Лизекъ разсказываетъ, что именно съ такою цѣлью государь азначилъ пріемъ ихъ посольства въ 1675 г. въ Коломенскомъ ворцѣ. „Царицѣ очень хотѣлось видѣть эту церемонію, говоитъ Лизекъ, но какъ ея любопытство не могло быть удовлеворено, еслибъ мы представлялись царю въ Палатѣ, для аудіицій назначенной, потому что тамъ не было мѣста, съ котоаго она моглабы смотрѣть, не бывъ сама видимою, то царь оложилъ дать аудіенцію въ Коломенскомъ замкѣ, отстоящемъ тъ Москвы на одну нѣмецкую милю, увѣривъ напередъ (а это ыло необходимо по посольскому этикету), что отъ этого не роизойдетъ для пословъ никакого неприличія". Посольство, о назначенію. отправилось церемоніальнымъ шествіемъ. „Царица завидѣла насъ издали, продолжаетъ Лизекъ, и чтобы доавить ей удовольствіе смотрѣть на насъ какъ можно долѣе, рисланъ ѣздовой, за которымъ мы своротили съ дороги и поѣхали дальнимъ путемъ по открытому полю". Посольство остаовилось на отдыхъ передъ дворцомъ, потомъ торжественно ступило въ царскіе хоромы. Изъ оконъ пріемной комнаты мотрѣлъ и самъ государь съ старшимъ сыномъ. Посольство ыло справлено съ обычными церемоніями. „Царица, находясь ъ смежной комнатѣ, заключаетъ Лизекъ, видѣла всю аудіенцію ъ постели (быть можетъ съ особо устроеннаго рундука или омоста), чрезъ отверстіе притворенной двери, не бывъ сама идимою; но ее открылъ маленькій князь, младшій сынъ (цаевичъ Петръ), отворивъ дверь, прежде нежели мы вышли изъ удіенцъ-залы".

Когда, года за три передъ этимъ временемъ, открыты были ъ первый разъ въ Москвѣ „комедійныя дѣйства" или театальныя представленія, то царица точно также смотрѣла ихъ отаенно, сквозь рѣшотки своей ложи. „Во время представле-

мія, говоритъ Рейтенфельсъ, царь сидѣлъ передъ сценою н
скамейкѣ; а для царицы съ дѣтьми было устроено мѣсто, род
ложи, изъ которой они смотрѣли изъ за рѣшотки или, правиль
нѣе сказать, сквозь щели досокъ".

Такимъ образомъ для царицы, равно какъ и для всего цар
скаго семейства, всякое зрѣлище бывало доступно. Ни она
ни ея семья со всѣмъ дворовымъ женскимъ чиномъ не лиша
лись удовольствія поглядѣть на то, что творится между муж
скимъ чиномъ, какъ этотъ чинъ справляетъ свои торжества
увеселенія публично, на глазахъ всего народа. Словомъ ска
зать, публичная жизнь не была закрыта отъ ихъ очей. Забот
ливо скрывались только онѣ сами отъ очей публики и отъ вся
каго общественнаго „дѣйства". — Но время и обстоятельства
вообще движеніе той же общественной жизни брали свое, и в
силу этого движенія царь Алексѣй видимо, хотя быть может
несознательно, стремился раскрыть вѣковые „запаны и завѣсы"
скрывавшіе его царицу; видимо желалъ передѣлать вѣковы
рѣшотки, сквозь которыя смотрѣла его царица на человѣческі
міръ; онъ, какъ и во всемъ, передовой человѣкъ своего великаг
сына, передовой человѣкъ великой реформы, мало по мал
стремился вмѣсто рѣшотокъ устроить открытое окно.

Такъ, царица Марья Ильична Милославскихъ, первая ег
супруга, уже присутствуетъ на торжественныхъ дѣйствахъ п
случаю отпуска войскъ на польскаго короля въ 1654 г. Когд
апрѣля 23, совершалось отпускное молебствіе на рать идущим
она слушала литургію въ Успенскомъ соборѣ среди всего сп
клита и всѣхъ чиновъ: „а стояла на своемъ мѣстѣ, а по лѣву
сторону царицына мѣста стояли боярскія и прочія честны
жены".... Послѣ литургіи, когда происходила церемонія отпуск
воеводъ, — она стояла также на своемъ мѣстѣ за *запаною*..
Во время литургіи быть можетъ запана была открыта.... П
окончаніи службы патріархъ подходилъ къ ней и благословил
просвирою. Затѣмъ во время пребыванія въ Москвѣ вселен
скихъ патріарховъ, Паисія и Макарія, царица не одинъ раз
выходила вмѣстѣ съ государемъ и дѣтьми, въ соборы и други
церкви слушать ихъ торжественное служеніе. Но запана еп
не открывалась. Царица даже въ своей домовой церкви Рожд
ства Богородицы слушивала литургію патріаршей службы хо
и вмѣстѣ съ государемъ, но все еще въ притворѣ [1], уедине

[1] Доп. къ Актамъ Ист. V, 135.

о даже отъ избраннаго святительскаго и домашняго общества. Такую строгость въ исполненіи стародавнихъ обычаевъ мы должны приписать въ этомъ случаѣ самой царицѣ, ея благочестивой и богомольной застѣнчивости, поддерживаемой, безъ сомнѣнія, ея родствомъ, въ средѣ котораго было не мало приверженцевъ и поклонниковъ стараго Домостроя. Самъ государь, какъ мы упомянули. былъ очень склоненъ открыть запону, устроенную этимъ Домостроемъ, — и вотъ почему его вторая царица, Наталья Кириловна Нарышкиныхъ, является совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Воспитанная подъ вліяніемъ Артамона Матвѣева, въ средѣ родства, чуждаго застарѣлыхъ предразсудковъ, она не обнаруживаетъ въ своей жизни старовѣрческой привязанности къ уставамъ Домостроя и ведетъ себя съ большею свободою, конечно не безъ согласія и не безъ сочувствія своего супруга. На первомъ же какомъ-то торжественномъ выѣздѣ посреди народа она „нѣсколько открываетъ окно кареты", какъ повѣствуетъ Рейтенфельсъ (1671—1672). Смѣлый поступокъ произвелъ смущеніе въ людяхъ: не могли надивиться такому подвигу. Когда ей объяснили въ чемъ дѣло, т. е. чего требовалъ старый Домострой, она съ примѣрнымъ благоразуміемъ уступила, но не надолго. Вскорѣ она выѣзжаетъ уже въ каретѣ „открытой" по причинѣ присутствія пословъ, въ знакъ особенной милости, какъ отмѣчаетъ Лизекъ, описывая торжественный же выѣздъ къ Троицѣ въ 1675 г. Въ тоже время она не одинъ разъ выѣзжаетъ въ подмосковные дворцы въ одной каретѣ съ царемъ, стало быть уже непремѣнно въ открытой каретѣ и стало быть руководителемъ такихъ подвиговъ является самъ же государь. Затѣмъ, справляя свои именины, она принимаетъ лично все боярство, чего не бывало, и раздаетъ имъ изъ собственныхъ рукъ именинные пироги, чего также допрежде не водилось.

Шагъ за шагомъ, еще нѣсколько лѣтъ и народъ мало по малу привыкъ бы къ открытой жизни своихъ царицъ. Но въ началѣ слѣдующаго 1676 года царь Алексѣй скончался. Направляемый имъ ко многимъ новинамъ порядокъ царской жизни долженъ былъ на нѣкоторое время замѣшаться. Сынъ царя, Ѳеодоръ по любви къ новинамъ вполнѣ достойный своего отца, царствуетъ не долго; при немъ новины царской жизни не успѣваютъ, такъ сказать, войдти въ колею: а потомъ настаютъ дворскія и семейныя смуты, среди которыхъ невозможно было

и думать о чемъ либо правильномъ и прочномъ. Царица Наталья, оставшаяся безъ всякой поддержки, сиротою-вдовою, удаляется со сцены въ свои вдовьи хоромы. Съ нею удаляются а вскорѣ и вовсе погибаютъ, люди новаго порядка, Артамонъ Матвѣевъ и родство царицы, совсѣмъ отличное по своему характеру отъ родства Милославскихъ, которые крѣпко держались за корни всего стараго. Конечно, царевна Софья раскрываетъ женскую и даже дѣвичью фату, но къ сожалѣнію она играетъ не свою роль; она играетъ роль царя и подъ видомъ только царя, рѣшается вести свои публичные выходы открыто. Ея подвигъ все таки становится и въ общественномъ мнѣніи зазорнымъ, по той особенно причинѣ, что въ немъ господствуютъ не европейскія, а византійскія, неискреннія, лицемѣрныя идеи, съ которыми можно было идти назадъ, но идти дальше было уже не возможно. Между тѣмъ и исторія, и жизнь настоятельно требовали отвѣта на вопросъ, созрѣвшій съ органическою послѣдовательностію: быть или не быть византійскимъ началамъ, и прямо склонялись къ тому, что быть началамъ европейскимъ. Народные передовые инстинкты прозрѣвали истинный и прямой путь и къ нравственной и къ гражданской свободѣ и разомъ круто поворотили на новую дорогу съ этого застарѣлаго и засореннаго византійскаго пути, которому остались вѣрными одни только задніе люди, всякіе староверы во всякихъ смыслахъ.

Мы уже сказали выше, что нравственнымъ идеаломъ домашняго устройства въ допетровскомъ быту было устройство, во многомъ подражавшее монастырю, что лучшій древнерусскій домъ въ этомъ отношеніи, былъ домъ, наиболѣе приближавшійся къ такому идеалу. Замкнутость царицына быта, и особенно быта царевенъ, конечно еще больше способствовали водворенію въ ихъ хоромахъ монастырской жизни. *Молитва* и *милостыня*—вотъ исключительная, единственная и достойная стихія этой жизни, руководившая не только помышленіями, но и всѣми поступками и подвигами ея дѣятелей. Келейное, т. е. домовное и церковное *правило* и подвиги милосердія,—вотъ въ чемъ заключалось главное. коренное и неизмѣнное *дѣло* этой жизни. Само собою разумѣется, что молитва и милостыня,—какъ основныя начала богоугодной и спасительной жизни, являясь дѣломъ

по необходимости должны были облекаться въ одежду своего вѣка, т. е. принимать формы той культуры или выработки понятій и представленій, какая господствовала въ допетровскомъ быту. Неясны будутъ черты описываемаго быта, если мы остановимся на однихъ лишь словахъ и не постараемся опредѣлить ихъ смыслъ чертами самого дѣла. Начала жизни пребываютъ одни и тѣже, оттого и называются онѣ началами; но дѣла, совершаемыя во имя началъ, бываютъ различны, потому что всегда вполнѣ зависятъ отъ различныхъ бытовыхъ условій вѣка. Такъ точно и дѣла молитвы, какъ и дѣла милосердія въ каждый вѣкъ имѣютъ свой особый обликъ. Благочестіе каждаго вѣка имѣетъ свои особыя черты, тому вѣку только свойственныя, которыми оно и различается, больше или меньше, отъ благой чести другихъ вѣковъ.

Чтобы обозначить вѣрною и точною чертою благочестивое *правило* жизни XVI и XVII вѣка, которому и царицы въ своемъ быту слѣдовали неизмѣнно, приведемъ поученіе составителя Домостроя XVI вѣка. Въ этомъ поученіи заключается не одинъ только идеалъ нравственной чистоты и нравственной высоты, къ какому долженъ былъ на всякій день стремиться каждый истинно вѣрующій человѣкъ; въ немъ вмѣстѣ съ тѣмъ типически обозначается и вся дѣйствительность такой жизни, рисуются типическія черты повседневнаго домашняго быта въ его наилучшемъ нравственномъ устройствѣ, тѣ черты, съ которыми мы постоянно встрѣчаемся въ этомъ описаніи домашняго быта царицъ и которыя раскрываются здѣсь самыми дѣлами и подвигами и при томъ по достовѣрнымъ указаніямъ дѣловыхъ же дьячьихъ записокъ.

„И ты чадо — твори *добрыя дѣла:* имѣй, чадо, великую вѣру къ Богу: все упованіе возлагай на Господа: ни ктоже, надѣяся на Христа, не погибнетъ. Прибѣгай всегды съ вѣрою ко святымъ Божіимъ церквамъ; *заутрени* не просыпай; *обѣдни* не прогуливай; *вечерни* не погрѣши и не пропивай; *павечерница* и *полунощница и часы* въ дому своемъ всегды, по вся дни, пѣти: то всякому христіанину *Божій домъ.* Аще возможно, по времени, прибавити *правила:* на твоемъ произволеніи — большую милость отъ Бога обрящеши. А въ церкви Божіи и дому, на *правилѣ* и на всякомъ моленіи. стояти со страхомъ, Богови молятися и со вниманіемъ слушати, отнюдь въ тѣ поры ни очемъ не бесѣдовати, ни обзиратися, развѣ ли кія нужда. А говорити

правило келейное и *церковное* единогласно, чисто, а не вдвое.... Священническій чинъ и иноческій почитай: тѣ бо суть Божіи слуги, тѣми очищаемся отъ грѣховъ, тѣ имѣютъ дерзновеніе молитися Господу о грѣсѣхъ нашихъ, и Бога милостива сотворятъ. Повинуйся чадо отцу духовному и всякому священническому чину, во всякомъ духовномъ наказаніи. Въ домъ свой ихъ призывай молитися о здравіи (всѣхъ).... и воду бы святили съ животворящаго креста и со святыхъ мощей и съ чюдотворныхъ образовъ; аще болѣзни ради, за здравіе, и масломъ священіють. И въ церквахъ Божіихъ такоже твори; приходи съ милостынею и съ приношеніемъ, за здравіе, и по *родителехъ* преставльшихся *память твори*, со всякою чистотою: и самъ воспомяновенъ будеши отъ Бога. — *Церковниковъ* и *нищихъ*, и маломожныхъ, и бѣдныхъ, и скорбныхъ и *странныхъ* пришельцовъ *призывай* въ домъ свой, и по силѣ накорми и напой и согрѣй; и милостыню давай, отъ своихъ праведныхъ трудовъ, и въ дому, и въ торгу, и на пути: тою бо очищаются грѣси, тѣ бо ходатаи Богу о грѣсѣхъ нашихъ.... Чадо люби мнишескій чинъ, и страннiи пришелцы всегда бы въ дому твоемъ питалися; и въ монастыри съ милостынею и съ кормлею приходи; и въ темницахъ и убогихъ и больныхъ посѣти и милостыню по силѣ давай".

Все здѣсь сказанное есть какъ бы перечень или оглавленіе тѣхъ самыхъ дѣлъ и дѣйствій, а слѣд. и помышленій, какими была исполнена домашняя жизнь царицы со всѣмъ ея повседневнымъ обрядомъ. Все это до точности было выполняемо каждый день и круглый годъ, смотря по тому, чего и когда требовалъ уставъ житія и уставъ церковный. Каждый день неизмѣнно совершалось домовное *правило*, молитвы и поклоны, чтеніе и пѣніе у *крестовъ* въ крестовой или моленной комнатѣ, куда въ свое время приходили для службы читать, канархать и пѣть крестовый священникъ и крестовые дьяки, 4 или 5 человѣкъ. Царица слушала правило обыкновенно въ особо устроенномъ мѣстѣ, сокрытая тафтянымъ или камчатнымъ запаномъ или завѣсомъ, который протягивался вдоль или поперекъ комнаты и отдѣлялъ крестовый причтъ отъ ея помѣщенія. Крестовая молитва или келейное правило заключалось, какъ упомянуто, въ чтеніи и пѣніи опредѣленныхъ уставомъ на каждый день молитвъ, псалмовъ, каноновъ, пѣсней, съ опредѣленнымъ же числомъ поклоновъ при каждомъ моленіи. Каждый день, такимъ образомъ, утромъ и вечеромъ, совершалось чтеніе и пѣніе часо-

слова и псалтыря съ присовокупленіемъ опредѣленныхъ или особо назначаемыхъ каноновъ и акафистовъ и особыхъ молитвъ.

Въ праздничные и въ иные чтимые дни, когда не было выходу въ церковь, царица у крестовъ же всегда служила молебенъ и окроплялась св. водою, привозимою изъ монастырей и церквей, отъ праздниковъ.

На каждый день читалось также особое поучительное *слово* изъ сборника именуемаго „Златоустомъ“ [1]. Особенно богомольно и благочестиво проводились дни постовъ и кануны праздниковъ. Тогда и правило прибавлялось, т. е. прибавлялись особыя моленія и молитвы, поклоны, каноны и акафисты. Въ эти дни читались и житія святыхъ, коихъ праздничная память тогда творилась. Впрочемъ чтеніе житій и всегда составляло достойное богомысленное упражненіе на всякій день. Оттого знаніе священной и церковной исторіи въ тогдашнемъ грамотномъ обществѣ было распространено несравненно больше, чѣмъ всякое другое знаніе. Въ совокупности съ знаніемъ церковнаго догмата или устава, это была исключительная, единственная наука того времени, или то самое, что мы разумѣемъ теперь подъ словомъ образованность. Въ ней сосредоточивались, ею управлялись и направлялись не только нравственные, какъ подобало, но и всѣ умственные интересы вѣка, а тѣмъ болѣе въ быту женщинъ, замкнутыхъ въ своихъ теремахъ, лишенныхъ участія даже мыслію и словомъ въ дѣлахъ общественныхъ. Въ ихъ-то средѣ и преобладалъ по преимуществу интересъ монастырскій во всѣхъ его подробностяхъ. Здѣсь не государственной важности дѣло или событіе призывало умы ко вниманію и размышленію; здѣсь по своимъ впечатлѣніямъ и дѣйствіямъ выше всякаго мірскаго дѣла и событія возносилось дѣло вѣры, событіе вѣры, проявляемое ли въ новыхъ явленіяхъ чудотворныхъ иконъ, или въ новыхъ чудотвореніяхъ, подаваемыхъ св. угодниками, къ которымъ прибѣгали въ чаяніи спасительныхъ изцѣленій грѣшной души и тѣла. Здѣсь интересъ мысли сосредоточивался болѣе всего на богоугодномъ подвижничествѣ праведника или далека-

---

[1] Въ Архивѣ Оружейной Палаты хранится такая книга „*глаголемая златоустъ*“, вторая половина этого сборника, начинающаяся со 131 главы, или „съ четверга послѣ Всѣхъ Святыхъ, первыя недѣли“, съ отмѣткою внизу первыхъ трехъ листовъ: *государыни царицы хоромная*. См. наши замѣтки объ этой книгѣ въ Архивѣ Историко-юридическихъ свѣдѣній, г. Калачева, кн. 2, отд. VI. 45.

го пустынника, сокровеннаго затворника, о прославленныхъ, святыхъ дѣлахъ котораго неистощались разсказы и поученія, достигавшіе сюда изъ самыхъ отдаленныхъ, глухихъ и незнаемыхъ пустыней и монастырей. Здѣсь любопытствующій умъ устремлялся лишь къ святымъ чудотворнымъ мѣстамъ и къ св. угодникамъ, дабы еще болѣе укрѣпить свою вѣру въ ихъ несомнѣнную помощь въ скорбяхъ и печаляхъ жизни.

Такъ однажды царица Евдокія Лукьяновна пожелала видѣть старицу Софью, которой явилась нѣкогда чудотворная икона Богородицы Казанской въ Казани. Монастырская власть почему-то не отпускала въ Москву старицу. Царица по этому случаю послала въ Казань слѣдующія грамоты: „Отъ царицы и в. к. Евдокѣи Лукьяновны въ нашу отчину, въ Казань, въ монастырь Пречистыя Богородицы новоявленнаго образа Казанскія игуменьѣ Анфисѣ. Вѣдомо намъ учинилось, что хотѣла ѣхать къ намъ къ Москвѣ для нашего дѣла старица Софья, которой явился образъ Пречистыя богородицы Казанскія и ты..... возбраннешь и изъ монастыря къ намъ къ Москвѣ.... не пустишь. И ты то дѣлаешь негораздо. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а старица Софья, которой явился образъ Пречистыя Богородицы Казанскія у тебя для нашего дѣла къ намъ къ Москвѣ попросится и тыбъ ее отпустила къ намъ къ Москвѣ (безъ) задержанья. А къ старицѣ (Софьѣ) отъ насъ писано жъ." Старицѣ Софьѣ царица писала послѣ той же обычной формы грамотъ: отъ царицы и в. к. и т. д., слѣдующее: „Вѣдомо намъ учинилось, что хотѣла ты для нашего дѣла ѣхать къ намъ къ Москвѣ, и тебя не пустила того монастыря игуменья Анфиса. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а для будетъ какова нашего дѣла побывати тебѣ на Москвѣ надобе, и тыбъ ѣхала къ намъ къ Москвѣ тотчасъ не мѣшкая. А объ отпускѣ твоемъ въ монастырь Пречистые Богородицы Казанскіе къ игуменьѣ Анфисѣ отъ насъ писано, а велѣно тебя отпустить безо всякаго задержанья. Писанъ на Москвѣ...."

Въ 1634 году 26 февраля царица посылаетъ въ Новгородъ къ бывшему своему духовнику протопопу Максиму, грамоту съ слѣдующимъ наказомъ: „какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбъ, досмотря подлинно, отписалъ къ намъ, сколько въ Новгородѣ и въ новогородскихъ мѣстахъ чудотворныхъ мѣстъ, и въ коемъ мѣстѣ и который чудотворецъ какими чудесы отъ Бога просвѣщенъ; тобъ тебѣ все имянно велѣти напи-

сати, а написавъ, отписати, и тому всему письмо прислати къ намъ къ Москвѣ, вскорѣ".

Протопопъ описываетъ ей кратко чудотворныя мѣста новгородской области, „въ которыхъ прославилъ Богъ угодниковъ своихъ многоразличными чудесы и въ коемъ мѣстѣ которой чудотворецъ лежитъ", и присовокупляетъ: „а которой, государыня, чудотворецъ какими чудесы отъ Бога просвѣщенъ и тѣ чудеса ихъ подлинно объявлены въ писаніи житія ихъ; и будетъ, государыня повелишь списати тѣхъ чудотворцовъ житія съ чудесами ихъ подлинно и язъ, государыня, тотчасъ велю списати съ житьями и чудеса тѣхъ новгородскихъ чудотворцовъ, которымъ житья и чудесъ у васъ, государей несыщутца". Между прочими св. мѣстами протопопъ тогда указалъ, что отъ Новгорода 300 верстъ водянымъ путемъ, по Волхову и Ладожскому озеру, вверхъ по рѣкѣ Свири, существуетъ обитель живоначальныя Троицы, Александрова пустыня. А чудотворца Александра Свирскаго мощи лежатъ внѣ монастыря, въ деревянномъ храмѣ, въ рощѣ, идѣже и прочая братіи погребаютца. Просвѣщенъ отъ Бога въ чудесѣхъ при животѣ и по смерти и донынѣ подаетъ многія изцѣленія съ вѣрою приходящимъ". Спустя съ небольшимъ семь лѣтъ, послѣ этой переписки, св. мощи Преп. Александра были обрѣтены нетлѣнными и мы видѣли, что царица и со всею семьею показала особую вѣру и усердіе къ новоявленному угоднику Божію. Чудесное рожденіе преподобнаго и благословенный даръ сподоблять чадородіе мужескимъ поломъ устремляли къ св. угоднику молитвы царицы съ великою и несомнѣнною надеждою. Царица въ это время испытывала точно такоеже положеніе, какъ и блаженная матерь Александра, Василисса.

Житіе разсказываетъ о родителяхъ его слѣдующее: „родишася има сыны и дщери, ихъ же и божественнымъ крещеніемъ просвѣтивше и благимъ нравамъ научивше, о Господѣ веселистася. И многу же времени мимошедшу и не бысть има чадородія. И сего ради блаженная Василиса поносима бѣ и оскорбляема бываше мужемъ своимъ. Въ скорби же и жалости велицѣ обѣма сущема о сихъ; и въ вожделеніи инозѣ бяше душа ихъ о прижитіи чада. Вѣрная же и благонравная супруга отвергши отъ себѣ печаль свою и вшедши въ ложницу свою и обнощь ставша на молитвѣ, руцѣ свои воздѣвши, ко Всемогущему Богу со слезами глаголюще: „Владыко Господи Боже Вседержителю! по-

слушавый древле рабу своею Авраама и Сарры и прочихъ праведникъ; тѣмъ же и чадородія подати изволилъ еси твоимъ человѣколюбіемъ, вѣрно просящимъ и молящимтися. Даждь намъ по твоей благости прижитіе чада мужеска полу, иже будетъ утѣшеніе души нашей и наслѣдникъ нашего достоянія и сожительства и жезлъ старости нашей, на него же руцѣ возложше, почіеве!" Послѣ блаженная долго молилась въ ближней церкви того мѣста, въ Введенскомъ монастырѣ и удостоилась нѣкоего Божіяго явленія, возвѣстившаго о рожденіи преподобнаго сына. Царица Евдокія Лукьяновна, какъ мы упомянули, хотя и имѣла уже дѣтей, но по смерти царевича Василія оставалась безчадною и во время явленія св. мощей преп. чудотворца Свирскаго усердно молилась о дарованіи чада.

Такимъ образомъ дѣла и событія въ жизни царицъ, т. е. въ домашней государевой жизни всегда неразрывно связывались съ важнѣйшими событіями въ исторіи монастырской. Оттого монастырь, въ общемъ его смыслѣ, является какъ бы членомъ семейнаго царскаго союза, принимаетъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ радостяхъ, а равно во всѣхъ скорбяхъ и печаляхъ государева дома. Безъ монастырскаго благословенія въ государевомъ домѣ не начинается ни какого дѣла, ни какого предпріятія; безъ его назиданія и нравственнаго охраненія не совершается ни одного шага въ жизни этого дома. Словомъ сказать, государевъ домъ живетъ съ монастыремъ одною жизнію, думаетъ одною мыслію, говоритъ однимъ языкомъ, т. е. руководится одними и тѣми же понятіями, представленіями и стремленіями. Въ государевомъ домѣ конецъ жизни нерѣдко освящается иноческимъ постриженіемъ.... Иванъ Грозный свой частный бытъ въ Александровой Слободѣ устроиваетъ положительно по монастырски и также оканчиваетъ иноческимъ постриженіемъ.... Все это свидѣтельствуетъ, что монастырь являлся тогда сильнымъ дѣятелемъ и сильнымъ руководителемъ жизни, и не только въ частномъ быту, который совсѣмъ былъ подчиненъ его идеаламъ, но и въ быту государственномъ, ибо и само государство въ своемъ внутреннемъ развитіи большею частію слѣдовало указаніямъ того же монастырскаго идеала, внося въ общую, государственную жизнь аскетическія начала, благословляемыя лишь для жизни личной, каково было напр. отрицані самыхъ основъ науки и искусства въ ограниченіяхъ и всяческихъ стѣсненіяхъ ума и поэтическаго народнаго творчества. Но са

собою разумѣется, что частная, личная жизнь, по многимъ историческимъ причинамъ, находила въ монастырскомъ идеалѣ единый путь жизни доброй, правильной, единый путь спасенія; оттого монастырское *правило* стало *правиломъ* вообще всякой доброй домашней жизни; богомольный монастырской подвигъ сталъ исключительно добрымъ и богоугоднымъ подвигомъ частнаго быта.

Совершивъ богомольное утреннее *правило* у „крестовъ", въ своей комнатѣ, государыня выходила къ обѣднѣ въ одну изъ домовыхъ „верховыхъ" „сѣнныхъ" церквей, обыкновенно, въ XVI в. къ Рождеству Богородицы, или въ XVII в., въ церковь Екатерины Вмч., къ лику которой царицы особенно усердствовали въ уповаліи освобожденія отъ труднаго разрѣшенія отъ бремени. Надо, однакожъ, замѣтить, что и эти, такъ сказать, домашніе выходы въ церковь не были слишкомъ часты, какъ можно было бы предполагать, судя по общей набожности въ царскомъ дворцѣ. Женское дѣло встрѣчало множество причинъ, которыя не всегда позволяли слушать церковную службу. Самый Домострой освобождаетъ женщину, какъ и домочадцевъ, отъ повседневныхъ выходовъ къ церковному пѣнію, заповѣдуя исполнять это только мужчинамъ хозяевамъ. „А женамъ ходити къ церкви Божіи, какъ вмѣстимо, на произволеніе, по совѣту съ мужемъ.... А женамъ и домочадцамъ, (ходить къ вечерни, къ заутрени и къ обѣдни) какъ вмѣстимо, по разсужденію: въ недѣлю (воскресенье) и въ праздники, и во святыя дни".

Такимъ образомъ царица дѣлала свои выходы въ церковь къ Божественой службѣ только по вмѣстимымъ днямъ, когда позволяло ей здоровье и разныя другія обстоятельства ея домашней жизни. По такимъ же вмѣстимымъ днямъ она совершала и праздничные выходы, которые поэтому не всегда дѣлались въ тотъ самый день, въ какой случалось празднованіе, но иногда раньше, наканунѣ, иногда позже, даже нѣсколькими днями. Вообще въ ея выходахъ не существовало той правильности, съ какою въ теченіи всего года совершалъ свои моленія государь, всегда очень строго наблюдавшій уставный кругъ церковныхъ служеній и празднествъ.

Молебные выходы государя, представителя государства, являли собою по преимуществу образъ всенародной молитвы, носи-

ли въ себѣ смыслъ общественный, выражали молитву о цѣляхъ и дѣлахъ всего народа, всего царства. Царская молитва спасала царство. Благоденствіе царства, или бѣдствіе царства — вотъ молитвенныя мысли, которыми всегда руководились государевы молебные выходы. Благочестіе царя служило всегда выразителемъ благочестія всенароднаго; оттого съ такою непреложностью цари соблюдали весь кругъ церковныхъ всенародныхъ моленій; оттого эти моленія и совершались царемъ торжественно съ царственною обстановкою, въ какой подобало являться молящемуся царству. Словомъ сказать, молитва царя была олицетвореніемъ молитвы самого царства, руководилась богомольною и благочестивою мыслію всенароднаго множества, отвѣчала благочестивымъ и набожнымъ цѣлямъ всего народа. Напротивъ того, молитвенная мысль царицы сосредоточивалась главнымъ образомъ въ цѣляхъ и дѣлахъ собственной царской семьи, была выразителемъ внутренней, сокровенной жизни царскаго дома, отвѣчала благочестивымъ и набожнымъ цѣлямъ семейнаго государева быта. По этому богомольными выходами царицы, какъ и особеннымъ усердіемъ ея въ домашней, крестовой молитвѣ и всѣми подвигами набожности, выходившими изъ обычнаго круга, управляли по преимуществу событія или различныя чрезвычайныя обстоятельства ея домашней семейной жизни, каковы были, напр., родины, собственныя болѣзни и немощи, болѣзни государя — мужа или кого либо изъ дѣтей, и т. п. Мы уже видѣли, какія усердныя молитвы возсылались царскою семьею о разрѣшеніи неплодія и о дарованіи наслѣдства въ чадахъ мужескаго пола. Точно также и носимый плодъ всегда освящался особыми молебными подвигами. Приближалось время родинъ, царица служила дома, въ сѣнныхъ церквахъ, заздравные обѣтные молебны, посылала служить молебны своего дворецкаго въ храмы, почему либо особо чтимые въ такихъ обстоятельствахъ; ходила сама молиться въ эти храмы, раздавала нищимъ и бѣднымъ щедрую заздравную милостыню; совершала иной разъ, сверхъ обычнаго осенняго или весенняго похода къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, еще особый обѣтный походъ къ угоднику, чудотворцу Сергію, великому отцу и заступнику и крѣпкому молитвеннику и скорому помощнику и кормителю всѣхъ царей россійскихъ.

Болѣзнь дѣтей, особенно новорожденныхъ и особенно царевичей — это великое горе царской семьи, по естественной причинѣ

всегда направляла молитвенную мысль царицы къ самымъ усерднымъ подвигамъ набожности. Заздравные молебны, заздравная милостыня были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ въ этихъ случаяхъ. Но въ трудныхъ обстоятельствахъ царицы нерѣдко обращались съ молитвами къ чудотворцамъ и угодникамъ, прославленнымъ святою помощію и даромъ изцѣленій въ извѣстныхъ младенческихъ скорбяхъ и болѣзняхъ. Такъ, онѣ прибѣгали и въ трудныхъ и опасныхъ случаяхъ рожденія, и въ опасныхъ безнадежныхъ случаяхъ дѣтской болѣзни къ заступничеству св. Онуфрія Великаго, прославленнаго спасеніемъ отъ скоропостижной смерти. Молебная мысль царской семьи устроила даже особый придѣльный престолъ св. Онуфрію въ домовой царицыной церкви Вмч. Екатерины, которая, какъ мы упоминали, также была устроена для особыхъ молитвъ св. Великомученицѣ, посылавшей облегченіе въ трудныхъ родахъ. Въ другой домовой церкви, на Сѣняхъ у царицы, въ соборѣ Рождества Богородицы, находился придѣльный престолъ во имя св. Никиты Столпника Переяславскаго, молитвою котораго былъ рожденъ у царя Ивана Васильевича царевичъ Иванъ и святынею его чудотворцевой воды сохраненъ въ младенческомъ здравіи. Помня такія чудотворенія святаго, царицы очень часто прибѣгали къ его молитвенной помощи. Нерѣдко царицы прибѣгали съ молитвою и къ св. Никитѣ Мученику, подававшему изцѣленія отъ младенческой болѣзни „родимца“ (дѣтскихъ припадковъ). Особенно онѣ усердствовали его храму, что за Яузою (на Вшивой горкѣ), куда и посылали обыкновенно служить молебны.

Не мало моленій царица совершала и въ храмѣ Зачатія св. Анны, „егда зачатъ святую Богородицу“, который находился въ углу Китай города, у городовой стѣны и стоялъ рядомъ съ церковью св. Николая чуд., къ молитвамъ котораго именно въ этомъ храмѣ царицы прибѣгали очень часто. Этотъ Никольскій храмъ и построенъ былъ по царскому обѣщанію, вѣроятно по случаю рожденія въ 1627 г. царевны Ирины, въ честь тезоименитаго ангела которой здѣсь же былъ устроенъ придѣлъ во имя св. Ирины.

Въ болѣзняхъ и скорбяхъ домашнихъ царицы нерѣдко подымали въ свои комнаты чудотворныя иконы изъ соборовъ, монастырей и церквей, служили молебны съ водоосвященіемъ въ уповании изцѣленія и освобожденія отъ напастей. Съ особенною вѣрою была всегда чтима вообще св. вода съ чудотвор-

ныхъ крестовъ и со св. мощей, также изъ св. источниковъ, прославленныхъ чудотвореніями. Царицы посылали въ отдаленные монастыря за этою благодатною святынею, а по обычаю и духовенство всегда привозило къ нимъ праздничную священную воду, которая сохранялась въ особыхъ вощанкахъ, восковыхъ сосудцахъ, и употреблялась на исцѣленіе душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ. Въ сказаніи о Христофоровой Корежемской пустыни (27 верстъ отъ Сольвычегодска) сохранено слѣдущее свидѣтельство о первой царицѣ Анастасіи Романовыхъ, которое можетъ служить общею чертою богомольной жизни царицъ.

Однажды, послѣ Казанскаго взятья и богомольнаго путешествія съ царемъ въ Кирилловъ монастырь, царица Анастасія „впаде въ скорбь великую [1] ово чадородія ради своего, ово болѣзни ради своихъ благородныхъ чадъ, а ино лишенія ради по преставленіи къ Богу отшедшихъ прежнихъ своихъ чадъ, якоже бо изперва реченно Господемъ къ прабабѣ нашей Евѣ: ты бо въ болѣзни своей родиши чада своя и оттолѣ всяка жена, раждающи чада своя, бываше въ велицей скорби и болѣзни“.... Царица и съ благовѣрнымъ своимъ царемъ усердно и безпрестанно молилась — „имуще вѣру несумнѣнну и любовь нелицемѣрну, и по многимъ обителямъ и по пустынямъ къ Божіимъ церквамъ велію милостыню творяше непрестанно. И елико они къ Богу молящеся, толико и Богъ своею милостію на нихъ призираетъ и чудесы своими благовѣрнаго царя и съ благовѣрною царицею удивляетъ и прославляетъ, ово отъ иконъ чудотворныхъ своего божественнаго подобія, ово же отъ Пречистыя своея Богоматери образа, а ино отъ мощей и отъ гробовъ своихъ угодниковъ и чудотворцовъ, и иное отъ священныхъ *водъ* своихъ благодатныхъ тѣлесемъ здравіе и душамъ спасеніе подавающе милостію и щедротами и человѣколюбіемъ своимъ, божественнымъ источникомъ источающе неоскудно“.... Въ это время въ далекой Сольвычегодской странѣ основывалась преподобнымъ Христофоромъ пустынь во имя чудотворной иконы Божіей Матери Одигитріи.... и Богъ восхотѣ то пустынное мѣсто прославити: яви два источника, источающіи неоскудно на здравіе тѣлесемъ, наипаче на спасеніе душамъ человѣческимъ благодатную воду....

---

[1] По свидѣтельству Карамзина царица занемогла въ первый разъ осенью 1559 года. Христофорова пустынь основана около 1555 г.

„Благовѣрной же царицѣ Анастасіи въ царскомъ своемъ дому во едину отъ нощей почивающу въ тонцѣ снѣ отъ скорби великія; и видѣ во снѣ жену преславну сущу и преукрашенну въ велицей славѣ, глаголюще ей тако: „царице Анастасіе! аще мя призываеши на помощь къ Богу Господу Іисусу Христу сыну моему и хощеши отъ сея скорби спасеніе получити и здрава быти, повели вскорѣ послати въ пустыню Пречистыя Богородицы, идѣже стоитъ чудотворный образъ честнаго и славнаго ея Одигитрія, словетъ же, начала ради, та пустыня Христофорова. Мѣсто бо то еще пусто и не бѣ славно и людемъ мало свѣдущимъ. Но токмо ты не ослушайся, повели итти тамо, да привесутъ оттуду Богомъ дарованныя благодатныя моея воды, еже преславно отъ камени истекаетъ. Да аще получиши сію воду у себѣ, веліе спасеніе пріимеши и здрава будеши“. Царица же отъ сна возбудився и повѣда благовѣрному царю Іоанну Васильевичу таково страшно видѣніе и чудныхъ глаголъ изреченіе о таковой благодати. Царь, слыша отъ царицы таково страшно и преславно повѣданіе, умильно слезы отъ очію своею испущаше и ни мало сумнящеся, но паки всю свою печаль возложи на Бога и на Пречистую Богородицу.... ни како не разсуждая о судьбахъ Божіихъ, но паче уповая на милость Господню и на заступленіе и помощь Пречистыя Богородицы. Вскорѣ избираетъ царскихъ чиновниковъ, служащихъ ему, и въ пустыню ко Пречистой Богородицѣ посылаетъ, да тамо дальняго ради пути молебная пѣнія къ Пречистой Богородицѣ сотворятъ и благодатныя воды освятятъ и въ его царскій домъ да привезутъ“. Но въ то самое время преподобный Христофоръ „или нѣкіимъ Божіимъ откровеніемъ, или своимъ умышленіемъ“ уже готовился идти къ царствующему граду Москвѣ, къ царю и къ царицѣ, съ животворящимъ крестомъ Господнимъ и со святою водою благодатною, ея жъ воды благовѣрная царица желаетъ....“ Онъ уже приближался къ Москвѣ, когда посланные только сбирались ѣхать въ пустыню. Царица между тѣмъ“ второе преславное видѣніе видѣ во снѣ и слышаще глаголемая сице: „царице Анастасіе! что спасенію своему медлеши, посли скоро во срѣтеніе честнаго и животворящаго креста Господня и той благодатной св. воды, ею же здрава будеши“!

Посланные встрѣтили преподобнаго на пути „и съ радостію его взяша съ собою и ведоша въ домъ царскій и о семъ повѣдаша царю и царицѣ.... И взяша царь старца Христофора съ

честнымъ и животворящимъ крестомъ господнимъ и со святою водою во свои царскія палаты и начаша пѣти молебенъ Спасу Господу нашему Іисусу Христу и Пречистей его Богоматери Владычицѣ нашей Богородицѣ, честнаго и славнаго ея Одигитрія. И молящеся царь и царица о державѣ своего царства, и мірѣ и тишинѣ, и о устроеніи плодовъ земныхъ, и о своемъ душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи. И по отпустѣ молебнаго пѣнія царь знаменался честнымъ крестомъ и святою водою (ея же Христофоръ старецъ отъ Пречистыя Богородицы изъ пустыни принесе), самъ царь окропился и царицу повелѣлъ также крестомъ благословити и святою водою окропити.... и по семъ тоя святыя благодатныя воды царица пила во освященіе души и на здравіе тѣлеси. И въ той часъ отъ одержащая ей скорби и болѣзни царица бысть здрава и никакоже очути въ себѣ никоея же болѣзни. И сбыстьея Господемъ реченное во святѣмъ Евангеліи: всякъ, иже съ вѣрою чесо просяй у мене, пріемлетъ и спасеніе улучитъ"....

Дабы ознакомиться, не съ сокровенною исторіею богомольныхъ подвиговъ въ царицыномъ быту, чтó за неимѣніемъ потребныхъ матеріаловъ для насъ и невозможно, а покрайней мѣрѣ съ внѣшними дѣйствіями ея благочестія, мы представляемъ здѣсь обозрѣніе богомольныхъ выходовъ и другихъ молитвенныхъ подвиговъ царицы Евдокѣи Лукъяновны Стрѣшневыхъ, второй супруги царя Михаила, составленное по оффиціальнымъ расходнымъ запискамъ, которыя до сихъ поръ служатъ для насъ единственными, почти исключительными, но за то вполнѣ достовѣрными руководителями къ раскрытію вообще домашнихъ дѣяній нашихъ предковъ.

Къ сожалѣнію и въ этомъ случаѣ наши свѣдѣнія не всегда и даже очень рѣдко бываютъ полны. Такъ за первые два года богомольные выходы царицы Евдокѣи намъ неизвѣстны. Оставшіяся записки относятся уже къ 1628 году.

Въ 1628 г. февраля 21, въ четверкъ на масляницѣ, царица Евдокія (беременная царевною Пелагеею) идетъ молиться вмѣстѣ съ свекровью, великою старицею инокою Марѳою Ивановною, въ село Рубцово-Покровское; служитъ тамъ во всѣхъ храмахъ заздравные молебны и жалуетъ причту на молебенъ въ соборъ Покрова рубль, въ придѣлы къ Сергію чуд., да къ Дмитрію царевичу, а также въ теплый храмъ Николы чуд., по полтинѣ. Ѣдучи изъ Покровскаго назадъ, подаетъ, на Покровкѣ

въ больницу нищимъ на милостыню тоже полтину. — Въ свой ангелъ, 1 марта, царица слушаетъ въ домовой Евдокѣинской церкви заутреню, обѣдню и молебенъ и жалуетъ на молебенъ евдокѣинскимъ попамъ на весь соборъ 2 р., крестовымъ своимъ дьякамъ—полтину.—9 марта въ Екатерининской церкви пріобщается маленькая царевна Ирина и жалуетъ отъ себя царицыну духовнику, протопопу Максиму, который совершалъ службу рубль; попамъ екатерининскимъ 5 алт., крестовымъ дьякамъ 5 алт.—18 марта царица поднимаетъ къ себѣ въ хоромы изъ приходской церкви чудотворный образъ Антипія Великаго, цѣлителя зубной боли, быть можетъ по случаю труднаго прорѣзыванья зубковъ у маленькой царевны Ирины, слушаетъ молебенъ и жалуетъ антипьевскимъ попамъ 2 р. Между тѣмъ приближается время родинъ. 25 марта царица слушаетъ обѣдню и молебенъ у Рождества Богородицы на сѣняхъ и жалуетъ Рожественскому протопопу съ братьею на молебенъ полтину, крестовымъ—2 гривны.—27 марта она идетъ молиться къ Спасу на Новое, на родовое кладбище Романовыхъ, поминать родителей панихидою и идучи въ монастырь подаетъ милостыню на Покровкѣ въ богадѣльни рубль, на дорогѣ нищимъ въ четырехъ мѣстахъ 18 алт., а потомъ на возвратномъ пути нищимъ же черноризицамъ и черноризцамъ и мірскимъ всякимъ людямъ. 86 челов., по 6 денегъ человѣку, т. е. по 3 коп. Такой выходъ къ памяти родителей царицы совершали всегда предъ наступленіемъ родинъ.—30 марта въ хоромахъ царицы пѣли молебенъ и воду святили, какъ она государыня сѣла на мѣсто. При этомъ на 6 челов. крестовыхъ дьяковъ царица пожаловала полтину. Намъ неизвѣстно, что значитъ это выраженіе: „сѣла на мѣсто“; можно догадываться, что то были какія либо приготовленія къ родинамъ же. Однакожъ недѣли черезъ двѣ, именно 13 апрѣля въ Свѣтлое Воскресенье царица выходитъ къ обѣдни и слушаетъ молебенъ въ Вознесенскомъ монастырѣ у преподобнаго Михаила Малеина, тезоименитаго ангела царю, ея мужу. Черезъ четыре дня, 17 апрѣля царица разрѣшилась отъ бремени царевною Пелагеею.

По прошествіи установленныхъ для матерняго очищенія сорока дней, мая 26, царица слушаетъ обѣдню и молебенъ, *беретъ молитву*, въ домовомъ соборѣ у Рождества Богородицы въ предверіи, какъ требовалъ уставъ и обычай, т. е. въ особой комнатѣ, устроенной отдѣльно отъ церкви съ западной стороны.

Обѣдню въ это время служилъ съ рождественскимъ протопопомъ ея духовникъ, благовѣщенскій протопопъ Максимъ, которому царица пожаловала на молебенъ 2 р., рожественскому рубль, крестовымъ 20 алт. (60 коп). Въ тотъ же день царица ходила въ Вознесенскій монастырь, служила тамъ молебенъ у преп. Михаила Малеина и пожаловала попамъ 2 р.

Черезъ день, 28 мая, царица слушаетъ обѣдню и молебенъ у своего ангела, въ Евдокѣинской церкви, на сѣняхъ, гдѣ въ тоже время и пріобщаетъ св. таинъ новорожденнаго младенца царевну Пелагею. Здѣсь службу совершаетъ духовникъ свекрови Маѳы Ивановны, черный священникъ; онъ же пріобщаетъ и царевну. Царица жалуетъ ему полтину, крестовымъ, на 6 челов., полполтины. Новорожденная царевна, какъ извѣстно, не прожила и года, скончалась на десятомъ мѣсяцѣ. Вѣроятно по случаю болѣзни младенца, царица чаще, чѣмъ въ прежнее время, выходитъ молиться у Рождества Богородицы (гдѣ былъ и престолъ Никиты Переяславскаго) слушаетъ обѣдню, служитъ заздравные молебны, при чемъ церковную службу совершаетъ нерѣдко царицынъ духовникъ или духовникъ ея свекрови.

4 Іюля наканунѣ чуд. Сергіевой памяти царица идетъ молиться въ село Рубцово и служитъ тамъ молебны Покрову. (дано 2 р.) Сергію чуд., Димитрію царевичу, Николѣ чуд. (дано по рублю). На возвратномъ пути подаетъ въ богадѣльню на Покровкѣ нищимъ полтину. 10 іюля посылаетъ на молебенъ къ Николѣ чуд. Явленному, на Арбатѣ, 2 р. [1] при чемъ деньги отвозитъ и слѣд. слушаетъ обѣтный молебенъ родной отецъ царицы, Лукьянъ Степ. Стрѣшневъ. 12 іюля, въ государевы именины, царица раздаетъ заздравную милостыню разныхъ городовъ дѣтямъ боярскимъ и бѣднымъ всякимъ людямъ 4 р. 10 д. Августа 15, въ Успеньевъ день, царица съ двумя маленькими царевнами, Ириною и Пелагеею, слушаетъ обѣдню у Рождества Богородицы.—29 августа слушаетъ обѣдню въ Евдокѣинской

[1] Явленная икона Николая чудотворца на Арбатѣ прославлялась въ это время чудотвореніями. Вся Москва стекалась туда на молебны и икона, подававшая вѣрующимъ многія исцѣленія вскорѣ получила въ народѣ именованіе *новой прощи*, т. е. новой исцѣлительницы, въ отличіе отъ *старой прощи*, тоже явленной иконы св. Николая, въ церкви близь Каменнаго москворѣцкаго моста, именуемой въ XVII ст. у Всесвятскихъ воротъ и „что въ Башмаковѣ“, по фамиліи строителя, „Башмакова. Теперь эта церковь извѣстна болѣе подъ именемъ Похвалы Богородицы или Николы Башмачокъ.

церкви и приобщаетъ новорожденную царевну Пелагею. — 1 сентября слушаетъ обѣдню въ Екатерининской церкви и приобщаетъ старшую царевну Ирину. И тамъ и здѣсь службу совершаетъ духовникъ иноки Мароы Ивановны. — 2 Сентября царица идетъ молиться въ Рубцово и служитъ тамъ молебенъ у четырехъ престоловъ.—Сентября 14 слушаетъ обѣдню въ Евдокѣинской церкви на сѣняхъ и приобщаетъ царевну Пелагею. 1 октября слушаетъ обѣдню у Рождества Богородицы и опять приобщаетъ царевну Пелагею.—5 октября тамъ же слушаетъ обѣдню и приобщаетъ царевну Ирину. — 19 октября снова за обѣднею у Рождества Богородицы приобщаетъ царевну Пелагею.— 22 окт., въ праздникъ Казанской Богородицы, царевна Пелагея опять причащается за обѣднею у Онуфрія Великаго, причемъ жалуетъ духовнику Мароы Ивановны, который ее причащалъ, на молебенъ 10 алт. Столь частое и особенно послѣднее причащеніе у Онуфрія свидѣтельствуетъ, что здоровье новорожденной царевны было ненадежно.

Въ Дмитровскую родительскую субботу, 25 октября, царица исполняя обычай, посылаетъ „по родителяхъ на панахиды" въ монастырь къ Спасу на Новое 1½ руб., и на сѣни къ Рождеству Богородицы 2 гривны; въ Екатерининскую и въ Евдокѣинскую церкви по гривнѣ къ престолу.—3 ноября, на память св. Георгія царица съ царевною Ириною идетъ молиться къ празднику, въ церковь св. Георгія, что у Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ и жалуетъ на молебенъ отъ себя рубль, да отъ царевны—полтину. Въ Николинъ день, 6 декабря, царица подымаетъ въ свою домовую Екатерининскую церковь чудотворную икону Николы Явленскаго изъ за Арбатскихъ воротъ, слушаетъ обѣдню и молебенъ и жалуетъ на молебенъ въ приходъ 3 руб., своему духовнику рубль, екатерининскимъ попамъ полполтины, крестовымъ 6 алт. 4 д., или 20 копѣекъ. — 19 декабря слушаетъ обѣдню въ Екатерининской церкви и приобщаетъ царевну Пелагею. — 6 янв. 1629 г. царевна снова приобщается въ Екатерининской же церкви, гдѣ престолъ Онуфрія Великаго. На другой день 7 января царица посылаетъ своего дворецкаго Өед. Ст. Стрешнева служить молебенъ къ Никитѣ мученику за Яузу, жалуя на молебенъ полтину да на свѣчи гривну; а дома въ тотъ же день, у Рождества Богородицы слушаетъ обѣдню и молебенъ и снова причащаетъ младенца Пелагею. — 25 генваря девятимѣсячная царевна скончалась.

Въ это время сама царица была уже на сносѣхъ царевичемъ Алексѣемъ. 2 февраля она еще могла отпраздновать Срѣтеніе въ Екатерининской церкви; за тѣмъ мы уже не видимъ ее на богомольныхъ выходахъ. 14 февраля идетъ молиться въ село Рубцово къ Покрову маленькая царевна Ирина съ бабушкою, великою старицею инокою Мароою Ивановною, вѣроятно по обѣщанію о благополучныхъ родинахъ матери. На молебенъ было отпущено 2 р. — 12 марта послѣдовало благополучное рожденіе царевича Алексѣя Михайловича. По случаю сорокадневнаго очищенія царица въ Свѣтлый праздникъ, 5 апрѣля, не выходила къ церковной службѣ, а слушала только молебенъ у себя въ хоромахъ и пожаловала рождественскому протопопу съ дьякономъ и крестовымъ, на всѣхъ, рубль. По истеченіи шести недѣль царица ходила молиться въ Рубцово къ Покрову и пожаловала „*проѣзжіе* милостыни" въ богадѣльную избу нищимъ полтину. —23 мая по случаю троицкой родительской субботы ходила поминать родителей къ Спасу на Новое, причемъ на заздравный молебенъ пожаловала архимандриту съ братьею рубль. Мая 29 царица подымала къ себѣ въ хоромы образъ чудотворца Антипія, слушала молебенъ, который пѣли екатерининскіе попы. Быть можетъ въ это время она была не совсѣмъ здорова, ибо послѣ того мы не видимъ ее на богомольѣ почти цѣлый мѣсяцъ. Съ 16 іюня и по 4 іюля она путешествуетъ на богомолье къ Сергію чудотворцу въ Троицкій монастырь вмѣстѣ съ царемъ, по обѣщанію, *пѣшкомъ*, въ благодарность о даровании наслѣдника. —5 іюля пріобщаетъ новорожденнаго царевича въ Екатерининской церкви. —1 августа идетъ съ царевичемъ въ Рубцово, слушаетъ обѣдню и заздравный молебенъ у Покрова, жалуя покровскимъ попамъ 2 р.; раздаетъ поручно заздравную милостыню разныхъ городовъ безпомѣстнымъ дѣтямъ боярскимъ, 54 челов., по гривнѣ. На возвратномъ пути подаетъ полтину въ Покровскую богадѣльню и заходитъ въ Вознесенскій монастырь, гдѣ въ церкви Георгія Страстотерпца слушаетъ молебенъ, жалуя егорьевскимъ попамъ 2 р. —18 октября въ Екатерининской церкви причащаетъ царевича, а 20 или быть можетъ въ тотъ же самый день [1] посылаетъ съ своимъ дворец-

[1] Расходныя денежныя записки царицыной Мастерской Палаты, откуда заимствуемъ всѣ эти свѣдѣнія, нерѣдко обозначаютъ выдачу денегъ и на другой день по совершеніи молебнаго подвига царицы.

кий рубль на заздравный молебенъ къ Ивану Предтечи въ монастырь. 23 числа опять посылаетъ туда же на молебенъ полтину.

Въ 1630 году лѣтомъ опять приближалось время родинъ (царевны Анны). 8 іюня царица празднуетъ въ Екатерининской церкви Кириллу Бѣлозерскому, слушаетъ обѣдню и молебенъ, быть можетъ молится о плодѣ чрева мужеска полу. 17 іюля послѣдовало рожденіе царевны Анны. Какъ видно, родины сопровождались болѣзнью и самой матери и новорожденнаго ребенка. Черезъ двѣ недѣли царица посылаетъ на молебны къ Ивану Предтечи въ монастырь на Кулишкахъ, къ Никитѣ Муч. за Яузу, къ Николѣ Явленскому на Арбатъ, по рублю въ церковь, да въ богадѣльню на Кулишкахъ же милостыни нищимъ 6 алт. 4 д. Къ молебнамъ ѣздилъ дворецкій царицы, ея дядя Ѳед. Ст. Стрѣшневъ.—16 сентября тотъ же дворецкій Стрѣшневъ ѣдетъ опять служить молебенъ къ Никитѣ мученику за Яузу, по случаю его храмоваго праздника 13 сент., и даетъ причту полтину. 20—30 сент. царица совершаетъ обыкновенный осенній Троицкій походъ къ чуд. Сергію. Октября 21 слушаетъ обѣдню и молебенъ въ Екатерининской церкви, гдѣ духовникъ причащаетъ царевича Алексѣя. Въ тотъ же день царица посылаетъ къ Антипію чуд. на молебенъ 2 р.—26 числа въ иконномъ ряду у торговаго человѣка къ царицѣ въ хоромы вымѣниваютъ образъ св. Вмч. Параскови̇и, нареченной Пятницы, за 13 алт. 2 д.

Должно думать, что всю эту осень, а отчасти и зиму царица была нездорова. Въ ноябрѣ она почти совсѣмъ не выходила къ церковной службѣ. Въ Николинъ день, 6 декабря, царица подымала къ себѣ въ хоромы чудотворную икону Николы Явленнаго съ Арбата и слушала молебенъ, причемъ никольскимъ попамъ пожаловала 3 р. Декабря 13 царица снова подымаетъ въ хоромы тотъ же чудотворный образъ и жалуетъ попамъ 2 р. Въ тотъ же день она подымаетъ изъ Вознесенскаго монастыря чудотворный Спасовъ Нерукотворенный образъ и жалуетъ за молебенъ чернымъ попамъ 2 р. Между тѣмъ маленькая царевна Ирина съ бабушкою идетъ молиться въ село Рубцово и раздаетъ милостыню 18 чел. дѣтямъ боярскимъ по полугривнѣ.

Что царица въ эти дни дѣйствительно была нездорова, на это указываетъ выдача 2 рублей *рожешницѣ* (13 дек.), которая пускала ей кровь рожками [1]. На другой день 14 декабря ца-

[1] Кровопусканіе было, кажется, необходимымъ лѣченіемъ у царицы Евдокіи Лук. Въ обыкновенныхъ случаяхъ это исполняла рожешница,

рица подымала въ свои хоромы образа изъ сѣнной своей церкви Рождества Богородицы, иконы Богоматери Владимірской да Тихона чудотворца, и у ней государыни въ хоромахъ пѣли молебны. 16 Декабря она посылаетъ къ Ивану Предтечи въ монастырь на молебенъ полтину и въ богадѣльную избу милостыню. Къ молебну ѣздилъ дворецкій. Въ тотъ же день она слушаетъ молебны въ Екатерининской и въ Евдокѣинской домовыхъ церквахъ. 19 числа дворецкій снова ѣдетъ къ молебну къ Никитѣ Мученику за Яузу. 20 декабря царица посылаетъ въ тюрьму 2 коробьи (сундуки) съ отставными простынями для раздачи заключеннымъ тюремнымъ сидѣльцамъ.

Видимо, что дѣти, царевичъ Алексѣй и новорожденная царевна Анна, недомогали, на что указываетъ молитва къ Никитѣ Мученику—цѣлителю отъ младенческой болѣзни родимца, какъ упомянуто; а сверхъ того на это указываетъ и довольно частое пріобщеніе ихъ. Царевичъ пріобщается въ праздникъ Рождества Христова, 25 декабря, въ церкви Рождества Богородицы. 6 генв. 1631 г. онъ снова пріобщается въ той же церкви, а царевна Анна въ Екатерининской, гдѣ слушаетъ обѣдню и сама царица. 20 генв. въ той же Екатерининской церкви царица снова слушаетъ обѣдню и причащаетъ обоихъ дѣтей. На Свѣтлое Воскресенье, 10 апрѣля, въ Екатерининской же церкви царица вмѣстѣ съ царемъ и со всѣми троими дѣтьми слушаетъ раннюю обѣдню и служитъ молебенъ. 26 числа она опять подымаетъ къ себѣ въ хоромы чудотворную икону Николы Явленнаго съ Арбата и служитъ молебенъ. Въ тотъ же день царевна Анна

пускавшая рожковую руду посредствомъ рожковъ; она же называлась и *рудометницею*. Въ 1634 г. рудометницею царицы была нѣкая Зиновка (Зиновія), получившая въ этомъ году жалованья 10 руб., хлѣба по 2 четей ржи и овса и 10 полоть мяса. Но въ важныхъ случаяхъ царица *лечилась*, *жильную отворяла*, при помощи нѣмецкихъ докторовъ. Въ 1632 г. февр. 22 это исполнили дохтуръ Артемій, лѣкарь Клаусъ. Въ 1637 г. апр. 20 отворяли царицѣ *модьянную* жильную кровь дохтуръ Венделинусъ Сибиластъ, аптекарь Андрей, лѣкарь Клаусъ съ переводчикомъ Захаріемъ Захарьевымъ. Въ 1641 г. іюня 10 тоже исполнялъ тотъ же Венделинусъ, лѣкарь Вилимъ Краморъ съ переводчикомъ Захаріемъ; а въ 1643 г. іюня 26 -- дохтуры Артманъ Граманъ, Ягану с Бѣлово, лѣкарь Вилимъ Краморъ съ переводчикомъ Васильемъ Александровымъ. За свои труды нѣмцы получали довольно значительную награду, докторъ—серебряный кубокъ, бархатъ, камку и сорокъ соболей, всего рублей на 80; лѣкарь—серебряный ковшъ, камку и сорокъ соболей, всего рублей на 40. А. О. П. № 945, 961, 971, 979.

причащается въ Екатерининской церкви. На Вознесенье, 19 мая царевичъ и царевна Анна причащаются въ тойже Екатерининской церкви. Въ Троицынъ день, мая 29, царевичъ причащается въ Рождественской церкви. Іюня 3 царевна Анна пріобщается въ Евдокѣинской церкви. Іюня 4 царица идетъ вмѣстѣ съ царемъ молиться къ Зачатію св. Богородицы да къ Николѣ Чудотворцу, что въ Китаѣ городѣ, у Стѣны. На дорогѣ для ихъ многолѣтнаго здравія они раздаютъ милостыню безпомѣстнымъ дѣтямъ боярскимъ и вдовамъ и всякимъ бѣднымъ людямъ (раздано 2 р. 12 алтынъ). На другой день, іюня 5, царица одна идетъ въ Ивановскій монастырь, что на Кулишкахъ, и на дорогѣ раздаетъ нищимъ 16 ал. 4 д. Іюня 12, на праздникъ Онуфрія Великаго, а потомъ въ Воскресенье 19 іюня обоихъ дѣтей снова причащаютъ. 29 Іюня въ Петровъ день причащается одна царевна Анна; въ тотъ же день царица посылаетъ на молебенъ въ с. Рубцово, въ церковь царевича Димитрія, 2 рубли. Іюля 5, на память Сергія, причащаетъ царевича, а 12 іюля на праздникъ Михаила Малеина, въ именины царя, причащаетъ царевну Анну. Іюля 24 идетъ молиться къ Спасу на Новое, поминаючи родителей (Романовыхъ) и раздаетъ тамъ милостыни слишкомъ 8 р. Наконецъ, наканунѣ самыхъ родинъ, 18 августа, она снова идетъ къ Зачатію и для своего многолѣтнаго здоровья раздаетъ ручной милостыни 3 рубли. 19 числа родилась царевна Мареа. 21 августа, по случаю благополучнаго разрѣшенія отъ бремени, царица служитъ молебны въ трехъ своихъ домовыхъ церквахъ. Послѣ сорокадневнаго очищенія совершаетъ походъ къ Троицѣ, 6—23 октября. Въ ноябрѣ, 7-го причащаетъ царевну Анну въ Екатерининской церкви, а 27 у Рождества Богородицы царевну Мареу.

Декабря 4, *въ ночи*, царица идетъ молиться къ Николѣ Явленному на Арбатъ. Нищіе, конечно, объ этомъ знаютъ и собираются во множествѣ на *монастырѣ* этого приходскаго храма. Дьякъ Сурьянинъ Тороканов раздаетъ имъ царицыну милостыню, всего 2 р. 16 ал. 2 д. Декабря 14 царица снова идетъ молиться къ Зачатію да къ Николѣ Чудотворцу, въ Китай городѣ. подъ горою, въ углу; причемъ жалуетъ Вознесенскаго монастыря отставной старицѣ Ирандѣ нѣмкѣ на милостыню 2 р. [1]

[1] Старица „Ирандица“ въ своей челобитной объясняла царицѣ: „ссылаютъ меня въ Сибирь, что я передъ игуменьею въ словѣ спростовала, а прокормиться мнѣ до Сибири не чѣмъ“.

да нищимъ раздаетъ по ручно 26 алт. 4 д. Декабря 18 молится въ Чудовомъ монастырѣ и также раздаетъ у монастыря милостыню, рубль 15 ал. 2 д.

Новорожденная царевна Мареа также прожила недолго, съ небольшимъ годъ. Въ 1632 г. мая 27 царица пріобщала ребенка въ Евдокѣинской церкви, потомъ пріобщала его тамъ же 13 сентября, на праздникъ Никиты Мученика, исцѣлявшаго дѣтей отъ припадковъ родимца. Но 21 сент. царевна скончалась. Потеря дѣтей конечно была великимъ горемъ для царицы. Не малымъ горемъ было и то, что рождались все царевны. Тѣмъ сильнѣе и внимательнѣе были заботы матери о маленькомъ царевичѣ Алексѣѣ, единомъ наслѣдникѣ царства. Видимо, что онъ обладалъ хорошимъ здоровьемъ, но это самое и заставляло родителей освящать его здоровье молитвою и милостынею, дабы сохранить въ немъ наслѣдника царству. Съ такими молитвенными мыслями царица, обыкновенно на именины царевича, раздавала бѣднымъ и нищимъ щедрую заздравную милостыню. Такъ въ этомъ году, 28 марта записано, что „для многолѣтнаго здравія царевича Алексѣя было раздано у дворца разныхъ городовъ бѣднымъ безпомѣстнымъ дѣтямъ боярскимъ и вдовамъ и черноризицамъ на платье 20 р. 20 алт. 4 д.; да Вас. Ив. Стрешневъ раздалъ бѣднымъ всякимъ людямъ поручно 29 р. 12 ал. 4 д. Мы уже видѣли обычный размѣръ милостыннаго подаянія царицы и можемъ судить, что разданная въ это время сумма, 50 р., довольна значительна.

Изъ обычныхъ выходовъ царицы въ теченіи этого года замѣтимъ, что на праздникъ Свѣтлаго Воскресенья 1-го апрѣля вся царская семья: царь съ царицею, царевичъ и три царевны слушали въ Екатерининской церкви раннюю обѣдню и молебенъ и на молебенъ пожаловали попамъ 3 р.—Осенью, по случаю кончины новорожденной царевны Мареы, сент. 21, царица не могла совершить обыкновенный походъ къ Троицѣ. Она предпринимаетъ это богомольное путешествіе 14—19 февраля 1633 года, уже беременная царевичемъ Иваномъ. Затѣмъ 3 марта въ сыропустное Воскресенье посылаетъ на Кулишки въ богадѣльни нищимъ сту человѣкамъ по алтыну милостыни; на именины царевича Алексѣя для его многолѣтнаго здравія раздаетъ милостыню безмѣстнымъ дѣтямъ боярскимъ и *вдовамъ боярынямъ* 89 челов. по двѣ гривны; да ихъ вдовьимъ дѣтямъ, 71 чел. по 6 д.; черноризицамъ безмѣстнымъ 23 ч. по гривнѣ; торговымъ бѣд-

нымъ людямъ 3 ч. по гривнѣ. Въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенья, 21 апрѣля, опять вся царская семья слушаетъ въ Екатерининской же церкви раннюю обѣдню съ молебномъ и выдаетъ попамъ 3 р. Во вторникъ на святой, 23 апр., царица слушаетъ обѣдню въ Екатерининской церкви и посылаетъ милостыню разслабленному старцу Маркелу, который лежитъ на Ильинскомъ мосту, 16 ал. 4. д. Тутъ же на мосту посланный сынъ боярскій раздаетъ другимъ нищимъ, 10 чел., по 2 деньги. 1 іюня Богъ далъ царевича Ивана. Ребенокъ, какъ видно, родился болѣзненный. Съ небольшимъ черезъ недѣлю, 10 іюня, царица посылаетъ служить молебенъ мч. Увару, въ придѣлъ церкви Іоанна Предтечи, у Аргамачьихъ Конюшенъ. Къ св. мученику прибѣгали съ молитвою объ исцѣленіи дѣтскихъ недуговъ. Іюля 4 она посылаетъ въ Казань къ Новоявленному образу Казанской Богородицы на молебенъ 5 р. Іюля 28 пріобщаетъ новорожденнаго у Рождества Богородицы. Сентября 13, на праздникъ Никиты мученика, еще причащаетъ младенца въ той же церкви. Тамъ же младенецъ причащается и еще ноября 4 и 21, на Введеніевъ день. Въ Николинъ день, 6 декабря, царица идетъ молиться къ Николѣ чуд. и раздаетъ на дорогѣ нищимъ, которые лежатъ по мостамъ, рубль 15 алт. 4 д.

Въ 1634 г. апрѣля 24 въ Свѣтлый праздникъ оба царевича слушаютъ обѣдню въ Екатерининской церкви. Въ тотъ же день раздается милостыня, поручно, 3 р. Мая 17 царица посылаетъ служить молебенъ въ монастырь къ Ивану Предтечи, на Кулишки. 24 числа празднуетъ у Рождества Богородицы въ придѣлѣ Никитѣ Столпнику чуд. Переяславскому. Между тѣмъ приближалось время родинъ и потому богомольные выходы царицы становились замѣтнѣе. Іюля 14 она ходила молиться въ Новодѣвичій монастырь и раздала по дорогѣ нищимъ рубль. 16 іюля вмѣстѣ съ царемъ пошла въ Никольскій объѣздъ, молиться къ Николѣ чуд. на Угрѣшу, оттуда заходила въ Рубцово. 4 августа ходила въ Успенскій соборъ да къ Рождеству и къ Воскресенію Христову подъ колоколы (на Ивановской колокольнѣ). 12-го числа ходила въ Вознесенскій монастырь, въ соборъ къ Покрову Богородицы да къ Василью Блаженному, на Кирилловское подворье къ Николѣ Гостунскому, причемъ роздано милостыни 5 р. съ полтиною. Сентября 15 родилась царевна Софья. Послѣ шести недѣль, въ началѣ ноября, царица ходила молиться въ Рубцово. Такъ какъ осенній походъ къ Троицѣ совершить было не воз-

можно, то царица вмѣстѣ съ царемъ ходила туда молиться уже зимою слѣдующаго года, 18—28 генваря 1635 года. Новорожденная царевна тоже, кажется, была слаба здоровьемъ. Царица причащаетъ ее на масляницѣ, 3 фев., и на первой недѣли великаго поста, 12 фев. Марта 15, посылаетъ служить молебенъ въ монастырь Ивана Предтечи, и въ тотъ же день идетъ молиться въ Алексѣевскій монастырь, справляя канунъ именинъ царевича Алексѣя.—6 и 12 апрѣля снова причащаетъ новорожденную, что совершается и 8 мая. Между тѣмъ, 5 мая, на именины царевны Ирины, царица раздаетъ для ихъ государскаго многолѣтнаго здоровья заздравную милостыню 59 чел. дѣтямъ боярскимъ и женамъ ихъ и дѣтямъ и всякимъ служилымъ людямъ, а также игуменьямъ, рядовымъ черницамъ и всякимъ бѣднымъ людямъ, по ихъ челобитнымъ, 24 р. 28 ал. 2 д.; да на Дворцѣ безъ челобитныхъ такимъ же бѣднымъ поручно 10 р. 5 ал. Мая 20 царица идетъ молиться въ Чудовъ монастырь, а потомъ 29 числа въ село Рубцово, къ Покрову. 2 іюля слушаетъ обѣдню съ молебномъ у Онуфрія Великаго, въ придѣлѣ Екатерининской церкви, причемъ службу совершаетъ наемный попъ, которому на молебенъ дано 5 алт. Замѣчательно, что у Онуфрія Вел. почти всегда служилъ священникъ наемный, между тѣмъ, какъ было достаточно и своихъ придворныхъ. По всему вѣроятію здѣсь дѣйствовала какая либо особая набожная мысль относительно здоровья дѣтей, изъ которыхъ царевичь Иванъ и царевна Софья часто недомогали. Августа 3 царица съ своими царскими чадами идетъ молиться въ Ивановскій монастырь да къ Василью Блаженному, раздавая милостыню 4 р. 11 алт. 4. д.—19 августа царица идетъ на богомолье въ Новодѣвичій монастырь и раздаетъ тамъ и по дорогѣ заздравную милостыню 16 р. 7 алт. 4 д.

Между тѣмъ царица уже беременна (царевною Татьяною). Въ сентябрѣ, 21—26, она совершаетъ вмѣстѣ съ царемъ обычный походъ къ Сергію чудотворцу; въ ноябрѣ 13—22 также вмѣстѣ съ царемъ выѣзжаетъ въ село Рубцово, гдѣ 18 числа въ церкви Покрова слушаетъ обѣдню съ молебномъ и раздаетъ 43 челов. нищимъ по гривнѣ. Декабря 4 идетъ молиться съ своими государскими чады въ Ивановской и въ Знаменскій монастыри. Декабря 15 идетъ молиться къ Спасу на Новое, поминаючи родителей. 20 декабря идетъ молиться къ Николѣ Явленному на Арбатѣ.

5 генваря 1636 г. послѣдовало рожденіе царевны Татьяны. Послѣ шести недѣль царица совершаетъ обычные выходы на

масляницѣ, въ Успенскій соборъ 24 февр., въ монастыри Вознесенскій и къ Спасу на Новое прощаться съ родителями.—16 марта, наканунѣ именинъ царевича Алексѣя молится въ Алексѣевскомъ монастырѣ и раздаетъ заздравной милостыни рубль 22 ал. 4 д. Въ самый праздникъ раздаетъ 2 р. 20 ал., на другой день, 18 марта, — 7 р. 12 ал. 4 д. Мая 5 идетъ молиться къ Николѣ да къ Зачатію, къ Китай-городѣ, въ углу, и раздаетъ заздравной милостыни 2 р. 15 ал. 2. д. Въ Николинъ день, 9 мая снова молится въ томъ же храмѣ и раздаетъ милостыни 2 р. 4 ал. 2 д. Мая 24 празднуетъ Никитѣ Переяславскому. 20 іюня скончалась маленькая царевна Софья. Во всѣ сорочины каждый день царица раздавала по ней милостыню на поминовеніе. Осенью, сентября 21—29, царица вмѣстѣ съ царемъ путешествуетъ по обыкновенію къ Троицѣ. За тѣмъ, будучи уже беременною, въ ноябрѣ 2—19, ѣдетъ вмѣстѣ съ царемъ къ Николѣ на Угрѣшу. На возвратномъ пути молится у родителей въ Новоспасскомъ монастырѣ и въ Рубцовѣ у Покрова. Проѣздомъ подаётъ въ Андроньевскій монастырь проѣзжія милостыни на молебенъ 3 р. Вѣроятно по случаю труднаго плодоношенія, почти наканунѣ родинъ, 5 февр. 1637 г. въ Екатерининской церкви у Онуфрія Великаго, сохранителя отъ скоропостижной смерти, служатъ обѣдню. 9 февраля Богъ дастъ царевну Евдокію, которая на другой день, 10 числа, скончалась. Марта 3 царица посылаетъ въ Калугу въ монастырь св. Лаврентія на церковное строеніе 50 р., да въ соборъ къ Николѣ Гостунскому въ Бѣлевской уѣздъ колоколъ въ 89 р. Послѣ шести недѣль, марта 26, выходитъ молиться въ Успенской соборъ. Наканунѣ именинъ царевны Ирины, мая 4 молится въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; мая 9—въ Чудовѣ монастырѣ, 11 опять въ Новодѣвичьемъ и въ Алексѣевскомъ монастыряхъ. Въ послѣднемъ также находился храмъ Зачатія.—23—30 мая путешествуетъ въ Рубцово, гдѣ 28 числа слушаетъ обѣдню съ молебномъ у царевича Димитрія. Осенью, сент. 21, царица идетъ къ Троицѣ вмѣстѣ съ царемъ, а 30 числа вмѣстѣ же въ село Покровское, вѣроятно праздновать Покрову, 1 октября, гдѣ и остается по 8 число того же мѣсяца. Черезъ мѣсяцъ, ноября 4—13, опять вмѣстѣ съ царемъ, царица снова путешествуетъ къ Троицѣ, что прямо уже показываетъ, что это былъ походъ по обѣщанію. Надо замѣтить, что въ это время ждали на Москву нашествія Крымскаго хана и укрѣпляли городъ. Но и въ семьѣ

было не совсѣмъ благополучно. Болѣлъ младшій царевичъ Иванъ. Царица еще 3 ноября служила молебенъ Іоанну Бѣлоградскому, тезоименитому его ангелу, въ честь котораго устроенъ былъ и особый престолъ у Спаса, противъ царевичевыхъ хоромъ. 17 генваря 1638 г. совершается служба у Онуфрія Великаго наемнымъ священникомъ, что свидѣтельствуетъ, что царевичъ былъ очень нездоровъ. 13 марта царица посылаетъ въ Суздаль къ Вавилѣ затворнику паникадило въ 10 р., а мая 24 тудаже три колокола, цѣною во 109 р. 20 алт. Въ томъ же мартѣ, 20 ч. посылаетъ служить молебны къ Ивану Предтечи въ монастырь (2 р.), къ Пятницѣ на Рву (полтину). Мая 12 посылаетъ во Псковъ къ Богородицѣ въ Печерскій монастырь за святыней, т. е. за святою водою и просфорою. 20 мая посылаетъ снять списокъ съ чудотворной иконы Казанской Богоматери въ Вязниковскую слободку, Владим. уѣзда, Ярополческой волости. Августа 9 и потомъ 11 опять совершается служба у Онуфрія Великаго. 28 числа идетъ молиться въ Рубцово къ Покрову, 29 молится тамъ у Николы, 31 раздаетъ заздравную милостыню. 10 сентября снова совершается служба у Онуфрія Великаго. Есть извѣстіе, что съ этого времени царица стала недомогать и быти печальна. Она была уже беременна. Молебны Онуфрію Великому, указывая на опасную болѣзнь дѣтей, могутъ также указывать и на печальное состояніе мыслей царицы. Быть можетъ по случаю ея болѣзни не состоялся въ свое время и обычный сентябрскій походъ къ Троицѣ. Она пошла туда на богомолье октября 4 вмѣстѣ съ царемъ и безъ сомнѣнія по обѣщанію. Отъ Троицы они ѣздили молиться въ Переяславль Залѣсскій въ Никитскій монастырь, къ чуд. Никитѣ Столпнику, а оттуда заѣзжали въ Александрову слободу. Въ этомъ богомольномъ походѣ прошелъ весь мѣсяцъ. Царица возвратилась въ Москву 30 октября.

О выходахъ царицы въ эту зиму свѣдѣнія наши скудны. Знаемъ только, что ее постигло вскорѣ великое горе: 10 генваря 1639 г. царевичъ Иванъ скончался. Между тѣмъ еще въ половинѣ ноября во дворцѣ между мастерицами открылось *вѣдовское дѣло*, по которому обнаружилось, что надъ царицею колдовали, сыпали на ея слѣдъ вѣдовской рубашечный пепелъ, о чемъ подробности мы помѣщаемъ ниже. Дѣло это въ то время и особенно для беременной царицы, имѣло самое прискорбное значеніе. Мы уже говорили, что колдовство, порча были невыразимымъ

страшилищемъ для царской семьи. Очень естественно, что розыски о вѣдовствѣ мастерицъ не прошли безъ вліянія на состояніе здоровья царицы. 14 марта она родила царевича Василія больнаго, который 25 марта скончался. Потеря двухъ сыновей была дѣйствительно несказаннымъ горемъ и для матери и для отца, лишившагося двухъ наслѣдниковъ своего царствующаго дома. Съ этой поры, по свидѣтельству упомянутаго розыскнаго дѣла о вѣдовствѣ, царица была передъ прежнимъ скорбна и межъ ихъ государей въ ихъ государскомъ здоровьѣ и въ любви стало не попрежнему....

Еще наканунѣ смерти царевича, марта 23, царица посылала служить молебны за многолѣтное здоровье всей своей семьи къ Покрову, что на Рву, 2 р. да въ его придѣлы: къ Василью Блаженному и Ивану Милостивому, а также къ Вмч. Параскевеи Пятницѣ, по рублю. Такіе молебны за государское многолѣтное здоровье время отъ времени возобновлялись въ теченіе всего этого года. Августа 16 царица посылала на молебны въ Знаменской монастырь, что на государевѣ старомъ дворѣ 3 р., въ Ивановскій монастырь 2 р., къ Никитѣ Мученику за Яузу рубль, къ Пятницѣ Марковской полтину. Декабря 23 она посылаетъ снова на молебны въ Знаменскій и Ивановскій монастыри и къ Василью Блаженному по рублю, къ Пятницѣ Марковской полтину. Между тѣмъ, въ сентябрѣ, царица совершаетъ обычный походъ въ Сергіевъ монастырь вмѣстѣ съ супругомъ—царемъ.

Съ этого года и до своей кончины царица оставалась бездчадною и какъ видно постоянно недомогала.

Въ 1640 г. 8 марта она вмѣстѣ съ государемъ ходила молиться къ Троицѣ, по особому обѣщанію, ибо походъ былъ предпринятъ не въ обычное время. Затѣмъ въ остальное время, кромѣ обычныхъ повседневныхъ и праздничныхъ выходовъ, царица нерѣдко служитъ молебны за свое здоровье или посылаетъ деньги служить заздравные же молебны и по временамъ раздаетъ заздравную милостыню. 19 авг. посылаетъ въ Ивановскій монастырь попамъ на молебенъ за государское многолѣтное здоровье полтину; сент. 14, въ Воздвиженскій монастырь за свое многолѣтное здоровье на молебенъ 2 р.; сент. 20—26 въ Коломенскомъ, по случаю новоселья въ новыхъ хоромахъ, раздаетъ милостыни больше 10 р.; сент. 25 спасскому протопопу на Сѣняхъ дастъ на молебенъ за свое здо-

ровье 2 р.—Окт. 5, царевны Анна и Татьяна слушають такж
обѣдню и молебенъ за свое здоровье въ Екатерининской церкв
а царевна Ирина посылаетъ служить молебенъ за многолѣтно
здоровье къ Покрову на Покровку, да подаетъ въ богадѣльн
на Покровку и на Тверскую и въ тюрьмы, всего 2 р.—Окт. 1
царица посылаетъ на молебенъ къ Богородицѣ Одигитріи
Вознесенскій монастырь 2 р. Въ 1641 г. авг. 7 приказываетъ
купить шубу баранью (40 алтынъ) нищему старцу Юшк
Артемьеву, который лежитъ подъ переходами на Никольском
(кремлевскомъ) мосту. 13 ноября тому же *леженкѣ* царевн
Ирина жалуетъ на шапку 6 алт. 4 д.—Дек. 28 царица посы
лаетъ на молебенъ въ Тихвинъ монастырь къ Пречистой Бо
городицѣ. Окт. 6 царица жалуетъ полтину къ Лаврентію чудо
творцу, въ Калугу, и рубль въ Мещовскъ, въ Егорьевскій мо
настырь, на панихиды [1].

Въ 1642 г. февр. 8, жалуетъ за свое здоровье рубль затвор
нику Никону въ Троицесергіевомъ монастырѣ; 12 февр. слу
шаетъ молебны на Сѣняхъ у Спаса и Рождества Богородиц
и къ Спасу даетъ на свѣчи гривну; 22 числа раздаетъ мило
стыни 6 р.; мая 10 слушаетъ обѣдню и молебенъ у Никит
Столпника въ придѣлѣ у Рождества Богородицы на Сѣняхъ
за свое здоровье на молебенъ жалуетъ 3 алт. 2 денги. Въ лѣт
ніе мѣсяцы служитъ въ верховыхъ церквахъ нерѣдко молебн
также за свое здоровье. Авг. 20 посылаетъ на молебенъ за сво
здоровье къ Николѣ Зарайскому. Сент. 18 идетъ молитьс
къ Спасу на Новое и раздаетъ милостыню за свое здоровь
Сент. 26 подаетъ уродивой старицѣ Ивановскаго монастыр
Аннѣ 16 алт. 4 д. Окт. 1 на праздникъ Покрова въ своих
хоромахъ „поитъ и кормитъ“ нищихъ и всякихъ бѣдныхъ люде
и раздаетъ имъ милостыни по рукамъ 3 р.; раздавалъ стол

---

[1] Георгіевъ Мѣщовскій монастырь царица Евдокія Стрѣшневых
устроивала „по родителямъ ея, кои въ томъ монастырѣ погребен
дѣдъ ея родной Степанъ Андреевичъ, да прадѣдъ Андрей Васильевич
и прочіе ея родители Стрѣшневы“. Въ томъ монастырѣ были построен
двѣ церкви каменныя, соборная во имя Рождества Богородицы, да те
лая во имя Страстотерпца Георгія, въ двухъ этажахъ. Въ іюлѣ 1691
игуменъ Серафимъ съ братьею, припоминая царямъ о строительниц
монастыря, ихъ бабушкѣ, просили на этомъ основаніи пожаловать им
изъ царской казны, за ихъ скудостію, лампады, паникадила, покров
воздухи и др. утварь, въ верхнюю теплую церковь св. Георгія. А. О. П

никъ Вас. Голохвастовъ. Тогда же служитъ молебны въ Успенскомъ соборѣ, въ Вознесенскомъ и Чудовомъ монастыряхъ и у Спаса на сѣняхъ. Окт. 14, идетъ молиться къ Николѣ на Угрѣшу.

Въ 1643 г. марта 17 для ангела царевича Алексѣя раздаетъ милостыни 10 р.; мая 5 на ангелъ царевны Ирины раздаетъ милостыни тоже 10 р. и жалуетъ старцамъ Чудова монастыря больнишному, хлѣбенному на чернецкое платье по рублю; іюля 25 для ангела царевны Анны раздаетъ милостыни 10 р.; — сент. 5, изъ Калуги Лаврентьева монастыря *вережнику* старцу Макарію жалуетъ на шубу 1½ р., да ему же на милостыню полтину; сент. 10 идетъ въ Покровское; 11 сент. идетъ молиться въ Ивановской и въ Даниловской монастыри и раздаетъ тамъ милостыню для многолѣтнаго здоровья; — сент. 21 и по 14 окт. идетъ вмѣстѣ съ царемъ молиться къ Троицѣ, также въ Александрову слободу, въ село Клины, въ Юрьевъ Повольскій; ноября 24 на праздникъ Вмч. Екатерины раздаетъ милостыни 7 р.

Въ 1644 г. марта 1, на свой ангелъ, раздаетъ милостыни 13 р. 32 ал. 4 д.; — марта 17, на ангелъ царевича Алексѣя раздаетъ милостыни 5 р. 30 алт. 4 д.; мая 5, на ангелъ царевны Ирины, іюля 25 на ангелъ царевны Анны, по 10 р.; — мая 20 жалуетъ полтину крестовому попу думнаго дьяка Мих. Данилова, для того, что онъ попъ приносилъ въ Верхъ образъ Богородицы для молебства; — іюля 29, идетъ молиться къ Троицѣ и подаетъ къ Николѣ Великорѣцкому на молебенъ 8 алт.; — авг. 29 посылаетъ въ Коломенское къ Усѣкновенію главы Іоанна Предтечи на молебенъ полтину; — сент. 27 въ Старомъ Никольскомъ монастырѣ, что за Иконнымъ рядомъ, служитъ молебенъ за государево здоровье и жалуетъ игумену 3 алт. 2 д. и т. д.

Въ 1645 г. іюля 13 царь Михаилъ скончался. Не долго пережила его и царица Евдокія; она скончалась съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, 18 августа [1].

---

[1] Изъ числа оставшихся послѣ царицы ея чину дворовыхъ боярынь княгиня Марья Хованская сослана съ Москвы, а портомоя (прачка) Пелагѣя Давыдова сослана въ Сибирь, быть можетъ по случаю какихъ либо непорядковъ, произшедшихъ при кончинѣ царицы.

Повседневные богомольные выходы царицы въ верховы
церкви были совершаемы запросто, безъ особой оффиціально
обстановки, съ какою почти всегда выходилъ самъ государ
сопровождаемый обыкновенно пріѣзжавшими для присутстві
въ Думѣ боярами и другими чинами, которые обязаны быва
являться во дворецъ каждый день. Царицу въ такихъ выхо
дахъ сопровождали только ея комнатные люди, ближайшія дво
ровыя боярыни, крайчая, казначея, двѣ-три верховыя боярын
и столько же постельницъ, носившихъ подножіе (родъ ковра
и другія, необходимыя при выходѣ вещи. Праздничные выход
совершались разумѣется торжественнѣе, съ большимъ числом
дворовыхъ людей, а также и въ сопровожденіи пріѣзжихъ бо
ярынь, а быть можетъ и всего комнатнаго чина. Безсомнѣні
при этомъ соблюдался и какой либо церемоніальный порядок
шествія, младшіе чины, дѣвицы боярышни, постельницы, ш
впереди попарно, старшіе позади. По всему вѣроятію и здѣс
чинъ выхода придерживался подобныхъ же порядковъ, какі
были въ обычаѣ на половинѣ государя. Любопытныя изобра
женія такихъ пѣшихъ царицыныхъ выходовъ сохранены в
рисункахъ къ путешествію Мейерберга, съ которыхъ снимк
мы помѣщаемъ въ концѣ книги. (См. рис. I и II).

Первый рисунокъ показываетъ, по словамъ Мейерберга, „ка
кимъ образомъ царица по сокрытой галлереѣ изъ дворца еже
дневно шествуетъ въ женскій монастырь Вознесенія Господня
для слушанія тамъ молитвы (панихиды) въ память умершаго
Предъ нею несутъ въ серебряномъ позолоченомъ сосудѣ смѣсь
называемую *кутья*, состоящую изъ меду, пшеницы, смоквы
сахару, которую ставятъ на могилу для искупленія грѣховъ
Потомъ сіе кушанье предоставляется священникамъ и церковно
служителямъ". Впереди идетъ боярыня съ кутьею, за нею край
чая, потомъ четыре дѣвицы — боярышни съ ослопными воско
выми свѣчами, для освѣщенія пути, за ними — сама царица
съ посохомъ въ рукѣ, въ сопровожденіи двухъ боярышенъ
изъ которыхъ одна несетъ надъ царицею круглый солнечник
(зонтъ). Шествіе заключаетъ дворовая боярыня. Свѣчи был
носимы только зимою, когда выходъ совершался раннимъ ут
ромъ или вечеромъ. Въ иныхъ случаяхъ зажигали и носил
по шести и болѣе свѣчь, вѣроятно въ соотвѣтствіе болѣе зна
чительнаго для молитвы дня. Солнечникъ выносился въ обы
кновенные воскресные и праздничные дни; но употреблялся л

онъ собственно для защиты отъ солнца или выносился только для большаго парада, — неизвѣстно. Должно думать, что онъ служилъ и вообще для украшенія обстановки выхода.

Въ большіе праздники царица выходила въ царскомъ нарядѣ, т. е. въ коронѣ, а царевны въ вѣнцахъ, подъ большимъ солнечникомъ въ родѣ балдахина, который поддерживали по угламъ за сохи или рукояти четыре боярышни. Такое шествіе изображено на II рисункѣ. Оно открывается дѣвицами боярышнями, идущими попарно, младшія впереди. Затѣмъ подъ балдахиномъ, который поддерживаютъ тоже боярышни, самыя младшія возрастомъ, впереди шествуютъ царевны; за ними мама несетъ на рукахъ десятилѣтняго царевича, потомъ идетъ сама царица; ее сопровождаютъ крайчая и двѣ боярыни. Мейербергъ замѣчаетъ, что царскихъ дѣтей, даже довольно возрастныхъ, всегда носили на рукахъ ихъ мамы. Въ настоящемъ случаѣ, мама несетъ, какъ упомянуто, десятилѣтняго царевича Алексѣя Алекс. — Надо полагать, что Мейербергъ снялъ свои рисунки уже съ готоваго современнаго изображенія царицыныхъ выходовъ. На это указываетъ самый характеръ постановки и начертанія фигуръ, напоминающій рисунки иконописцевъ. Видѣть самолично выходъ царицы, а тѣмъ болѣе рисовать его съ натуры онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ.

Не менѣе любопытныя подробности о подобныхъ же пѣшихъ выходахъ вообще знатной женщины въ старое время, мы находимъ и въ народныхъ пѣсняхъ — былинахъ, изъ которыхъ въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны пѣсни о Дюкѣ Степановичѣ, княженецкомъ боярскомъ сынѣ. Въ одной изъ нихъ Дюкъ Степановичъ, объясняя княженецкое обхожденіе, говоритъ князю Владиміру:

Какъ у моей государыни матушки,
Честной вдовы Мамелѳы Тимоѳеевны:
Пойдетъ она отъ церкви отъ соборнія,
Впереди идутъ лопатники (чистятъ дорогу лопатами),
За лопатниками идутъ метельщики (метутъ),
За метельщиками идутъ суконщики,
Растилаютъ сукна одинцовыя.
Мою матушку, честну вдову Мамелѳу Тимоѳеевну
Ведутъ подъ руки тридцать дѣвицъ со дѣвицею;
Вся она обвѣшана бархатомъ,
Чтобы не запекло ее солнце красное,
Не напала роса утренняя....

Или: Подъ руку ведутъ тридцать дѣвицъ
И во другую тридцать дѣвицъ;
Надъ ней несутъ подсолнечникъ,
Чтобы отъ краснаго солнца не запеклось ея лицо бѣлое;
Впереди стелютъ сукна одинцовыя,
Сзади сукна убираютъ,
У ней надѣто платье цвѣтное,
На платьѣ подведена луна поднебесная,
Пекетъ красное солнышко
И свѣтитъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Разсыпаются частыя мелкія звѣздочки [1].

Въ этой послѣдней пѣсни, Дюковой матушкѣ предшествуютъ четыре старо-матерыя старухи, ея служебныя женщины: халуйница, рукомойница, постельница, колашница, изъ которыхъ первую ведутъ подъ руку 5 дѣвицъ, подъ другую 5 дѣвицъ, вторую по 10 дѣвицъ; третью — по 15, четвертую — по 20. Добрыня Никитичъ, желая встрѣтить Дюкову матушку, каждой изъ этихъ прислужницъ здравствовалъ, думая, что это и есть Дюкова матушка и получалъ отвѣтъ, что Дюкова матушка позади идетъ [2]. Все это черты, очень вѣрно и точно рисующія старую русскую дѣйствительность княжескаго или вообще знатнаго быта, а слѣд. еще въ большей мѣрѣ дѣйствительность быта царскаго.

Само собою разумѣется, что выѣзды царицъ по своей обстановкѣ были еще церемоніальнѣе, потому что тогда экипажъ царицы сопровождали, кромѣ женскаго чина и мужчины, какъ увидимъ ниже. Притомъ и составъ женскаго чина значительно увеличивался, особенно если походъ или выѣздъ былъ дальній, замосковный, куда требовалось подымать и бо̀льшее числ[о] служащихъ дворовыхъ людей и всякіе запасные возки. Очеви[д]цы такихъ выѣздовъ описываютъ ихъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1602 г. въ Москву пріѣхалъ принцъ Датскій Іоаннъ — же[ни]ихъ царевны Ксеніи Борисовны Годуновыхъ. Описатель ег[о] путешествія говоритъ, что когда они представлялись въ первый разъ царю Борису, то „въ Кремлѣ никто (изъ нихъ) не видалъ ни царицъ, ни царевенъ, ни даже комнатныхъ женщинъ

[1] Такъ описывается золотная ткань, изъ которой сшито платье. Мы увидимъ, что ткани съ изображеніемъ звѣздъ, мѣсяцевъ, и солнца и[ ] были рѣдкостью въ XVII ст.

[2] Рыбн. II, 143, 175.

тоже не видалъ ихъ и пріѣхавшій женихъ—принцъ. Это могло произойдти отъ того, объясняетъ описатель, что онѣ стояли въ потаенномъ мѣстѣ и смотрѣли скрытно на пріѣздъ и отъѣздъ принца. 6 октября царская семья выѣзжала на богомолье въ монастырь, должно быть въ Новодѣвичій. Шествіе было въ слѣдующемъ порядкѣ. „Сначала ѣхали впереди до 600 всадниковъ, по трое въ рядъ.... Нѣкоторые изъ передовыхъ были одѣты въ золотую парчу въ видѣ брони. Потомъ вели 25 хорошо убранныхъ коней, на коихъ попоны были леопардовыя шкуры и золотыя и серебрянныя парчи. Дальше ѣхала крытая краснымъ сукномъ вызолоченная пустая коляска (царевича Ѳедора), возлѣ которой въ нѣсколько рядовъ слѣдовали всадники, все молодые люди. Затѣмъ ѣхалъ самъ царь въ крытой бархатомъ кояскѣ, запряженной въ шесть бѣлыхъ коней. По сторонамъ шли бояре. Тутъ бѣжала большая толпа людей, челобитчиковъ, державшихъ просьбы и кричавшихъ въ слѣдъ государю. Просьбы принимались и складывались въ красный ящикъ, который несли за царемъ. За этимъ поѣздомъ ѣхалъ царевичъ верхомъ; его сопровождали и коня вели также бояре. Съ полчаса послѣ отъѣзда царя слѣдовалъ выѣздъ царицы. Напередъ вели хорошо одѣтые конюхи 40 прекрасныхъ коней. За ними ѣхала царица, въ пышной коляскѣ запряженной въ 10 прекрасныхъ бѣлыхъ лошадей и такой просторной, что въ ней трое могли сидѣть рядомъ. Потомъ ѣхала церевна въ подобной же коляскѣ въ 8 лошадей, совсѣмъ закрытой, такъ что ничего не было въ ней видно. Всѣ горничныя женщины ѣхали верхомъ, какъ мужчины. На головахъ у нихъ были бѣлоснѣжныя шляпы, подбитыя тѣлеснаго цвѣта тафтой, съ желтыми шелковыми лентами, съ золотыми пуговками и кистьми, ниспадавшими на плеча. Лица ихъ были покрыты бѣлыми покрывалами до самаго рта; онѣ были въ длинныхъ платьяхъ и въ желтыхъ сапогахъ. Каждая ѣхала на бѣлой лошади, одна возлѣ другой (попарно). Всѣхъ ихъ было 24. Около царицына поѣзда шло 300 человѣкъ хорошо одѣтыхъ стрѣльцовъ, съ бѣлыми посохами, батогами, въ рукахъ. За поѣздомъ ѣхали старики, по три въ рядъ, большею частію съ сѣдыми бородами (это дѣти боярскіе царицына чина). Шествіе заключали бояре и за ними толпа народа. Такимъ образомъ въ поѣздѣ царя и царицы было до 500 лошадей. При возвратномъ шествіи впереди царя ѣхало до 900 человѣкъ верхомъ, а потомъ самъ царь и возлѣ него царевичъ, тоже верха-

ми, и притомъ такъ, что лошадь царевича шла на шагъ впе реди царской. Было уже темно, когда пріѣхала царица съ па ревною, а потому возлѣ нихъ несли до 40 свѣчь (восковыхъ ослопныхъ). Ихъ сопровождала большая толпа бояръ и очен много стрѣльцовъ“ [1].

О женскомъ конномъ поѣздѣ, сопровождавшемъ на выѣздах царицу, свидѣтельствуетъ другой очевидецъ такого выѣзда Олеарій. Онъ говоритъ, что когда царь съ семействомъ возвра щался съ богомолья, то за царицею, и царевнами“ ѣхали тогд 36 дѣвицъ и прислужницъ, въ алыхъ юбкахъ и бѣлыхъ шля пахъ, съ коихъ висѣли длинные алые снурки, ниспадавшіе п спинѣ; онѣ имѣли на шеѣ бѣлыя покрывала; всѣ были весьм замѣтно нарумянены, ѣхали верхомъ, сидя на лошадяхъ, как мужчины“. Но мы уже упоминали, что подобные, болѣе пыш ные и церемоніальные выѣзды совершались только во врем далекихъ походовъ, напр. къ Троицѣ и въ другія отдаленны мѣста. Въ городовыхъ московскихъ выѣздахъ экипажъ царицы былъ сопровождаемъ только мужскимъ чиномъ изъ близкихъ е людей, изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ ея чина.

Годовые богомольные выходы и выѣзды царицъ вызывались главнымъ образомъ совершеніемъ памяти усопшихъ родителей т. е. вообще родства. Поэтому важнѣйшее мѣсто въ ряду дней освящаемыхъ молитвою и милостынею, были дни поминовені и особенно *родительскія* субботы, Мясопустная, Троицкая Дмитровская. Тоже значеніе имѣла и *радуница* (вторникъ Ѳо миной недѣли) или вообще христосованье съ родителями в Святой.

Въ эти дни царица хаживала на богомолье въ кремлевскій Вознесенскій монастырь, который былъ усыпальницею царскихъ родителей женскаго колѣна, и въ Новоспасскій монастырь, в которомъ находились гробы родителей Дома Романовыхъ. Эт были главныя мѣста, гдѣ царица, поминаючи родителей, слу жила непремѣнно панихиды, а иногда слушала и обѣдню. Ино разъ, царица обходила въ эти дни и другія святыни Кремл именно Успенскій соборъ—усыпальницу Московскихъ святите лей, Архангельскій соборъ—усыпальницу царскихъ родителе мужскаго колѣна, Чудовъ монастырь, Троицкое и Кирилловско подворья. Точно также и загородные выходы направлялис

---

[1] Чтенія Об. Ист. и Др. 1867, IV.

иной разъ, кромѣ Новоспасскаго, и въ дѣвичьи монастыри, Ивановскій, Зачатейскій, Алексѣевскій и Новодѣвичій.

Монастыри и подворья посѣщались въ это время съ цѣлью раздать монашествующей братіи и особенно сестрамъ заупокойную милостыню, на поминъ души усопшихъ родителей. На масляницѣ царица ходила въ эти храмы и монастыри прощаться, а на Святой христосоваться.

Въ обыкновенныхъ выходахъ, очень рѣдко пѣшкомъ, а большею частію въ экипажѣ, царицу всегда сопровождали дворовыя боярыни, дворовыя дѣвицы-боярышни, и служащія женщины младшаго чина, казначеи, постельницы. Если она выходила съ дѣтьми, то въ такомъ случаѣ первое мѣсто въ числѣ боярынь занимали мамы. Для оберeганья такой выходъ сопровождали царицыны дѣти боярскіе. Когда выходу по чему либо давали бóльшую торжественность, то съ царицею выѣзжали и боярыни *пріѣзжія.* Такъ въ 1626 г. февр. 17, въ пятницу на масляницѣ выѣзжала въ Вознесенскій монастырь новобрачная царица Евдокѣя Лукъяновна Стрѣшневыхъ. Она ѣхала въ саняхъ, противъ нея сидѣли боярыни: вдова кн. Ѳед. Ив. Мстиславскаго княгиня Орина Ивановна [1], и жена б. Ив. Никит. Романова Ульяна Ѳедоровна. За царицею въ саняхъ ѣхали: вдова Ив. Ив. Годунова боярыня Орина Никитична, жена кн. Ив. Борис. Черкасскаго княгиня Авдотья Васильевна, жена Ѳед. Ив. Шереметева боярыня Марья Петровна, жена кн. Юрья Еншеевича Сулешева княгиня Марѳа Михайловна, жена кн. Бор. Мих. Лыкова княгиня Настасья Никитична, вдова Ив. Филип. Стрѣшнева; жена Лук. Степ. Стрѣшнева Анна Константиновна, родная мать царицы; жена Вас. Ив. Стрѣшнева Орина Прокофьевна, вдова кн. Вас. Ром. Пронскаго княгиня Марья и дворовая боярыня Ѳедора Заболоцкая. Противъ боярынь сидѣли по двѣ постельницы; у саней у боярынь шли по два сына боярскихъ царицыныхъ да люди ихъ (боярынь).

Въ 1675 г. февр. 13, въ субботу масляницы на первомъ часу дни, т. е. на разсвѣтѣ, ходила царица Наталья Кирилловна по монастырямъ, въ Вознесенскій, въ Чудовъ, въ соборъ къ Архангелу Михаилу. А за нею государынею были: ея отецъ б.

---

1 Михайловна, какъ значится въ запискѣ о пожалованіи кн. Ѳ. И. Мстиславскаго по случаю его свадебнаго пріѣзда къ царю въ 1616 г. янв. 21. Арх. Ор. П. № 903. Двор. Разр. I, 788—9.

Кир. Полуехт. Нарышкинъ да думные дворяне: ловчій Аѳанасій Ив. Матюшкинъ, Авр. Никит. Лопухинъ; ближніе люди и стольники, родные ея братья, Иванъ и Аѳанасій Нарышкины; Вас. Ѳед. да Ив. Ѳом. Нарышкины. Да за нею же государынею были мамы и пріѣзжія боярыни: мать царицы Анна Левонтьевна; тетка, жена Ѳед. Пол. Нарышкина, Авдотья Петровна; невѣстка, жена Ив. Кир. Нарышкина, Прасковья Алексѣевна, да верховыя боярыни и казначеи. Царица выѣзжала въ это время со всею семьею, съ двумя младшими царевичами Иваномъ и Петромъ, при которыхъ находился дядька кн. П. И. Прозоровской и царевичевы стольники, пажи; съ царевнами *большими* и *меньшими*, при которыхъ находились окольн. Ив. Ѳед. Стрѣшневъ, стольн. Ив. Ив. Матюшкинъ, Бор. Гавр. Юшковъ, да дьяки и стольники. А покамѣстъ ходила царица по монастырямъ, Кремль былъ запертъ и никого не пускали; по всѣмъ воротамъ стоялъ стрѣлецкій караулъ. Кремль отперли уже въ третьемъ часу дня, когда царица возвратилась въ свои хоромы.

Въ томъ же году апр. 11, въ Воскресенье на святой недѣли, въ день Мѵроносицъ, царица ходила христосоваться по монастырямъ, въ Чудовъ, Вознесенскій и въ Архангельскій соборъ; а за нею были бояре: отецъ ея Нарышкинъ и Матвѣевъ Арт. Серг.; думн. двор. Лопухинъ и родные ея братья, Нарышкины; да царицыны стольники и дьяки. Изъ боярынь ее сопровождали родная мать Анна Левонтьевна да невѣстка Прасковья Алексѣевна Нарышкины и всѣ верховыя боярыни. А какъ была царица въ монастыряхъ и жаловала къ рукѣ игуменей съ сестрами, да протопопа Архангельскаго, да ключерей да священниковъ къ рукѣ и ее государыню держали подъ руки, подъ правую мать Анна Левонт., подъ лѣвую невѣстка Прасковья Алекс. Въ Вознесенскомъ монастырѣ на этотъ случай собрались и боярыни пріѣзжія разныхъ чиновъ, которыхъ царица также жаловала къ рукѣ. Потомъ повелѣла спросить вознесенскую игуменью съ сестрами *о спасеніи*, а пріѣзжихъ боярынь *о здоровьѣ*. Этотъ церемонный спросъ передавала мать царицы Анна Левонтьевна.

Въ тотъ же день царица ходила и въ загородные монастыри, въ Новодѣвичій, въ Зачатейскій и въ Страсной съ маленькимъ царевичемъ Петромъ и съ царевнами. Колымага была большая, запряженная въ 12 санниковъ (лошадей) цвѣтныхъ. Въ колымагѣ съ нею сидѣли мамы, родная мать, невѣстка, да боярыня

Матрена Васильевна Блохина и кормилицы. А сидѣла царица съ царевичами Иваномъ и Петромъ да съ меньшими царевнами. Изъ мужчинъ царицу сопровождали Нарышкинъ отецъ, Матвѣевъ и Лопухинъ съ царицынами стольниками и нѣсколькими дворянами московскими, по списку. Впереди царицы шелъ и старшій царевичъ Ѳедоръ Ал. въ своей каретѣ, запряженной въ 6 лошадей; съ царевичемъ сидѣли дядьки, а за каретою ѣхали ближніе люди. Въ особыхъ колымагахъ ѣхали царевны большія и царевны меньшія, сопровождаемыя также ближними людьми и дворянами московскими. Напередъ всего поѣзда шелъ стремянный стрѣлецкій полкъ, подъ предводительствомъ головы. И въ этихъ монастыряхъ царица жаловала игуменей съ сестрами и собравшихся для такого случая разныхъ чиновъ боярынь, къ рукѣ; причемъ подъ руки ее держали тѣже ближнія боярыни. Точно также и здѣсь былъ церемонный спросъ монахинь о спасеньи, а боярынь о здоровьѣ, объявленный матерью царицы, Анною Левонтьевною. По обыкновенію во время такихъ выѣздовъ отъ государя всегда пріѣзжали къ царицѣ, къ царевичамъ и царевнамъ ближніе люди со *здоровьемъ*, т. е. спросить благополучно ли совершаютъ они свое богомолье. Точно также и царица отъ себя посылывала къ государю, когда онъ выѣзжалъ на подобныя богомолья и вообще за городъ, т. е. за кремлевскія стѣны. Иной разъ царица совершала такое богомолье вмѣстѣ съ государемъ. Такъ, въ томъ же 1675 г., въ Троицынъ день, мая 23. ходилъ государь съ царицею въ соборъ Архангельскій, въ монастыри Вознесенскій и Чудовъ и на Троицкое подворье. Ихъ сопровождали тѣже лица, которыя обыкновенно находились на выходахъ царицы, Нарышкинъ отецъ, Матвѣевъ и Нарышкины-братья царицы. Кремль былъ запертъ и никого не пускали до окончанія царскаго богомолья; самый выходъ безъ сомнѣнія былъ совершенъ раннимъ утромъ.

Такіе же выѣзды по монастырямъ совершались и осенью по случаю субботы Димитровской. Въ 1674 г. октября 24 царица Наталья Кирилловна ходила съ царевичами меньшими и съ царевнами въ Успенскій и Архангельскій соборы, въ Вознесенскій и въ Чудовъ монастыри, на Троицкое и на Кирилловское подворья и къ Николѣ Гостунскому. Съ нею были мамы: княгиня Голицына Ульяна Васильевна, Шереметева Ульяна Петровна, княгиня Лобанова-Ростовская Анна Никифоровна, Шереметева Настасья Ѳедоровна, кн. Ромодановская Прасковья

Ивановна, мать царицы, невѣстке, да верховыя боярыни казначеи. Изъ мужчинъ царицу и дѣтей сопровождали тѣ ближніе люди: Нарышкинъ отецъ, Матвѣевъ, Стрѣшневъ, Мтюшкины, Лопухинъ, дядька царевича Ивана, кн. Прозоровскі и двое братьевъ царицы. Кремль на время выхода точно так былъ запертъ [1].

Впрочемъ главнымъ и непамѣннымъ сопутникомъ такихъ б гомольныхъ выходовъ царицы во всякое время была милостын о которой и сообщаютъ намъ свидѣтельства расходныя дене ныя записки. Такъ въ 1632 г. февр. 6 (понедѣльникъ масляни цы) царица Евдокія Лукьяновна ходила молиться къ Спасу Новое да къ Знаменію Богородицы (что у стараго двора Ро новыхъ) да въ Вознесенскій монастырь; и въ Спасскомъ мо стырѣ раздано нищимъ поручно милостыни 2 р. 3 ал. 2 да изъ Сибири Тобольскаго города пріѣзжей старицѣ Каптели полполтины; да по челобитнымъ бѣднымъ дѣтямъ боярскимъ вдовамъ и черноризицамъ рубль. Въ субботу масляницы фев 11 царица ходила въ Новодѣвичій монастырь и на дорогѣ ра дано нищимъ поручно 27 алт. 4 д.; старицѣ Евникіѣ на кел 5 р. Въ 1634 г. февр. 16 на масляное заговѣнье царица Ев кія ходила молиться въ монастырь къ Спасу на Новое и, п чи, пожаловала въ богадѣленную избу, что на Кулишкахъ, н щимъ проѣзжіе милостыни полтину; да на Ильинскомъ крест старцу Маркелу рубль; да дорогою идучи поручно раздано щимъ рубль 15 алт. Въ 1635 г. февр. 2. (понедѣльникъ мас ницы) царица ходила въ монастыри къ Спасу на Новое и Вознесенскій, и на Кирилловское подворье, причемъ нищ раздано рубль 1 алт. 2 д. Февр. 4 въ среду ходила въ Но дѣвичій монастырь и пожаловала въ монастырѣ крылошан старицѣ Елинархѣ Темирязевѣ 2 р., да безмѣстной стари Ираидѣ на платье рубль; да по ея приказу на милостыню разда по дорогѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ 1 р. 19 алт. 4

Когда не было вмѣстимаго дня и совершить выходъ сам царицѣ было невозможно, въ такомъ случаѣ она посылала де ги на установленную панихиду. Такъ была справлена Д тровская суббота въ 1628 г. окт. 25, см. стр. 310. Въ 1631 мая 27 царица Евдокія велѣла послать въ Новоспаскій мо стырь „для вселенной Троицкой субботы по родителехъ на

[1] Дворц. Разр. III, 1088. 1235.

нахиду 2 р., въ Вознесенскій монастырь по царевнѣ Пелагѣѣ на панихиду рубль". Въ 1632 г. мая 13, тоже по случаю Троицкой субботы, послала къ Спасу на Новое по государскихъ родителехъ на панихиду рубль.

Кромѣ того царицы неизмѣнно, если бывали вмѣстимые дни, хаживали *править понахиды* по усопшимъ въ дни ихъ кончины. Такъ царица Евдокія въ 1634 г. генваря 27, ходила къ Спасу на Новое править панихиду по своей свекрови инокѣ Мареѣ Ивановнѣ, причемъ дорогою и въ монастырѣ раздано ею нищимъ 2 р. 18 ал. Большею частію эти выходы дѣлались въ Вознесенскій монастырь, ибо тамъ покоилось усопшее царское женское колѣно.

Церковное поминовеніе усопшихъ сопровождалось всегда покормомъ духовнаго чина, который творилъ память и совершалъ службу. Мы видѣли, т. I, гл. II, что во дворцѣ для такихъ покормовъ существовала даже особая палата, панихидная или сборная. Въ монастыряхъ гдѣ покоились родители, также всегда происходилъ такой покормъ на всю братію или въ дѣвичьихъ на всѣхъ сестеръ; причемъ раздавалась братіи и сестрамъ денежная ручная милостыня. Независимо отъ этихъ собственно церковныхъ покормовъ, въ самомъ дворцѣ происходили покормы на нищихъ, которые собирались въ царскіе хоромы на каждую *память*, т. е. въ каждое число, въ которое справлялось поминовеніе по усопшимъ, именно въ день кончины, въ день именинъ, и въ другіе подобные дни, см. выше стр. 181.

Чтобы дать вообще понятіе о томъ, съ какимъ богомольнымъ усердіемъ и съ какою милостынною щедростью совершались въ царскомъ быту поминки по усопшимъ, какъ вообще *строили* душу покойника и творили память о немъ, укажемъ на поминовеніе, справленное царемъ Алексѣемъ по умершей своей супругѣ царицѣ Марьѣ Ильичнѣ. Она скончалась въ 1669 г. марта въ 3 день, въ среду второй недѣли великаго поста, въ отдачу (на исходѣ) часовъ дневныхъ т. е. въ 6 часовъ вечера. На другой же день 4 марта совершено было и погребеніе. Не будемъ говорить о томъ, какія суммы разданы изъ Приказу Большаго Дворца высшимъ духовнымъ властямъ, которыя были на погребеніи: двумъ патріархамъ, двумъ митрополитамъ, епископу, архимандритамъ, игуменамъ и т. д. Мы укажемъ здѣсь только расходы, такъ сказать кабинетные, изъ Приказа Тай-

ныхъ Дѣлъ, откуда въ тотъ же день раздано нищимъ, котор въ числѣ 103 чел. шли за гробомъ, по рублю.

На *третины*, т. е. на третій день по кончинѣ (6 марта) деревянныхъ царицыныхъ хоромахъ, гдѣ она жила и скон лась, кормлено нищихъ 30 человѣкъ и раздано имъ милосты по рублю. Въ тотъ же день ввечеру на Аптекарскомъ дворѣ кормлено нищихъ 81 чел., въ томъ числѣ кормлены и тѣ, торые шли за гробомъ, при чемъ раздано 10 чел. по полтн 20 ч. по 25 к., а 51 ч. по 2 гривны. 9 марта государь бы въ столовой и изъ своихъ рукъ изволилъ жаловать для по новенія по царицѣ на сорокоусты въ соборы, большіе и дв цовые, и во всѣ кремлевскія и нѣкоторыя другія церкви, вс раздалъ 651 р. 16 алт. Въ тотъ же день на Аптекарскомъ дво кормлены раненые и вышедшіе изъ полону стрѣльцы 72 раздано имъ по рублю.

На *девятины*, въ девятый день, 13 марта, послѣ заутр царь жаловалъ на красномъ крыльцѣ нищихъ милостынею, раздано 16 р. 13 ал. 2 д. Девятины правлены въ Чудовѣ, т. тамъ служили панихиду, причемъ царь раздалъ архимандр съ братьею 446 р. Марта 20 царь ходилъ въ дѣвичьи мо стыри, въ Алексѣевскій, Зачатейскій и Никитскій, и въ бо

---

[1] Аптекарскій Дворъ, Новый, построенъ былъ царемъ Алексѣем находился на Воздвиженкѣ, подлѣ Воздвиженскаго монастыря, гдѣ перь зданіе Казенной Палаты. Это былъ собственно дворцовый за ный дворъ, на которомъ сохранялись всякіе хлѣбные и столовы пасы, и питье и производилось *водочное сидѣнье* и *винная двойка*, п варенье, также дѣлали морсы, *ставили* постилы и виноградъ и ар ныя полосы и т. п. Онъ состоялъ въ вѣдѣніи приказа Тайныхъ Д а съ 1676 г. поступилъ въ приказъ Большаго Дворца. Здѣсь же, царѣ Алексѣѣ, подъ надзоромъ сокольника Зота Полозова происхо всегда поминная, а также праздничная кормка пѣвчихъ и [illegible]хъ новъ, а главное нищихъ, для чего на дворѣ построена была осо палата длиною, по Шуйскому переулку, слишкомъ 10 саж., попере саж., съ 14 большими окнами, съ двумя поставцами, одинъ въ 3 с другой въ 1½ саж., и въ 1 арш. шириною, у нихъ по 2 ступени ш ною по 1 арш. Вокругъ поставцовъ стояло 30 столовъ разной вел ны, отъ 3 до 5 арш., а при нихъ 60 скамей. Въ палатѣ была печь б шая съ кожухомъ и съ каменницею для большаго тепла. Сокольн Зотъ Полозовъ здѣсь раздавалъ всегда и денежную милостыню по начeнію государя. Такъ, напр. въ теченіи 1665 - 1666 года ему вы изъ Тайнаго Приказа на кормлю и на милостыню, въ разныхъ цахъ, 665 р. Нищихъ бывало человѣкъ по 300 и болѣе.

дѣльни и раздавалъ тамъ на поминовеніе милостыню; а во дворцѣ въ тѣхъ же деревянныхъ царицыныхъ хоромахъ кормилъ нищихъ, которымъ роздано 36 р.

24 марта, ко дню Благовѣщенья, государь разослалъ во всѣ монастыри московскіе, городскіе и загородные и важнѣйшіе изъ подмосковныхъ: 360 осетровъ (длиною отъ 2 до 1¾ арш., цѣною по рублю), 50 бѣлугъ (дл. отъ 3 до 2½ ар., цѣною по р.), 30 тешъ соленыхъ бѣлужныхъ. Въ тотъ же день для поминовенія послано въ Троицкій монастырь 504 р., въ Саввинъ 80 р. 17 ал. 2 д. — 25 марта государь изъ своихъ рукъ раздалъ крестовымъ и пѣвчимъ дьякамъ, которые на мѣстѣ (въ хоромахъ) и на гробу царицы псалтырь говорили; а также всѣмъ комнатнымъ крестовымъ у царицы, царевичей и царевенъ за псалтырь, который вѣроятно они говорили по комнатамъ, всего 39 ч., за псалтырь 336 р. [1], да за выносъ и за погребенье, 43 ч., 133 р. 13 ал. 2 д. Въ тотъ же день изъ своихъ государскихъ же рукъ раздалъ верховымъ богомольцамъ неимущимъ, 13 ч., по 5 р.—27 марта въ субботу пятой недѣли поста государь кормилъ въ деревянныхъ хоромахъ царицы нищихъ, раздано 32 р.—28 марта, въ воскресенье, опять тамъ же кормлено 32 чел. нищихъ, при чемъ милостыню имъ раздавалъ царевичъ Алексѣй, по рублю человѣку. Апрѣля 1, въ день именинъ покойной царицы Марьи, государь приказалъ дать 5 р. дьячку отъ царицыной Евдокѣинской церкви на сѣняхъ. Ивану Архипову, за псалтырь, что онъ въ той церкви говорилъ за великаго государя въ великій постъ. Тогда же въ ночи государь ходилъ въ богадѣльни и въ тюрьмы и раздалъ въ Кулижской и Покровской богадѣльняхъ 200 ч. по рублю, на Өоремномъ дворѣ 811 ч. по рублю; на Земскомъ (въ тюрьмахъ же) 875 ч. по рублю, и т. д. Всего раздано въ этотъ выходъ и по дорогѣ нищимъ 2418 р. 31 ал. 2 д. Вмѣстѣ съ тѣмъ для поминовенія царицы государь повелѣлъ колодниковъ и тюремныхъ сидѣльцовъ освободить, а истцовы иски и пошлины за нихъ заплатить, всего на 807 р. 21 ал. 1 д. Апрѣля противъ числа въ ночи государь ходилъ въ дѣвичьи монастыри Георгіевскій, Страстной и Моисеевскій, да къ священнику Никитѣ, и

[1] Въ 1637 году генв. 28 царица Евдокія выдала сорокъ рублей въ Спасъ на Новое псалтырникамъ, которые говорили псалтырь четыре четыредесятницы по инокѣ Марөѣ Ивановнѣ.

къ разслабленному Зиновію, что у него на дворѣ, и раздалъ изъ своихъ рукъ, для поминовенія по царицѣ, игуменьямъ по 2 р., старицамъ 386 ч. по рублю, священнику 50 р., разслабленному и кажненымъ и нищимъ, которые были собраны къ нему священнику на дворъ, и дорогою нищимъ и вдовамъ, безсчетно 109 р., всего раздано въ этомъ выходѣ 600 р. 13 ал. 2 д. Апрѣля 3 въ субботу Лазарева Воскресенья въ деревянныхъ царицыныхъ хоромахъ кормлено 75 ч.; раздано по рублю. Апрѣля 4 на Аптекарскомъ дворѣ раздано нищимъ 100 ч. по гривнѣ, да имъ же куплено калачей и пр. корма на 5 р. Во 2 часу ночи въ хоромахъ царицы кормлено 61 ч. нищихъ, раздано по рублю. Апрѣля 7, къ празднику Свѣтлаго Христова Воскресенья и для поминовенія царицы въ соборы и въ придѣлы церковному причту разосланы говяжьи стяги. Апр. 8 разданы по монастырямъ купленная рыба и масло коровье— для поминовенія, а на Аптекарской дворъ на кормку нищимъ куплено куръ индѣйскихъ, гусей, утокъ на 126 р.

Апрѣля 11 въ Свѣтлый день въ хоромахъ царицы кормлено 73 ч. нищихъ, дано по рублю. Послѣ вечерни государь ходилъ въ Вознесенскій монастырь къ гробу царицы, а оттуда въ каменный застѣнокъ, что у Спасскихъ воротъ, и жаловалъ тамъ безсчетно изъ своихъ рукъ раненыхъ рейтаръ и солдатъ и нищихъ; раздано 200 р. 20 алт. Въ понедѣльникъ 12 окт. въ хоромахъ царицы кормлено 76 ч. нищихъ, дано по полтинѣ. П каждый день, во всю недѣлю, въ тѣхъ же хоромахъ кормлены нищіе въ такомъ же почти количествѣ съ раздачею имъ милостыни по полтинѣ человѣку.

По истеченіи первой четыредесятницы государь, апр. 20, указалъ править другую четыредесятницу, т. е. другіе сорочины и на раздачу милостыни повелѣлъ выдать головѣ стрѣлецкому Авраму Лопухину 1000 р. Въ хоромахъ царицы кормлено 72 ч. нищихъ, и раздано одному рубль, прочимъ по полтинѣ. Въ стрѣлецкихъ слободахъ вдовамъ и сиротамъ раздано 176 р. 12 алт. 4 д. Тогда же государь указалъ раздавать на Аптекарскомъ дворѣ, во время кормки, нищимъ, на другую четыредесятницу, въ которые дни было погребеніе, третины, девятины, полусорочины и сорочины, на день 130 челов., по полуполтинѣ. Въ придѣльныя дворцовыя церкви наняты тогда священники служить литургію и панихиды, пѣть по царицѣ въ годъ по вся дни; а въ другую четыредесятницу съ того числа (20 апр.) по

вся дни ввечеру пѣть панихиды, а какъ четыредесятница отойдетъ и имъ пѣть въ недѣлѣ по три панихиды, противъ вторника, четверка, субботы.

На другой день, 21 апр., во всѣ московскія церкви розданы деньги на сорокоусты. Въ царицыныхъ хоромахъ за обѣдомъ кормлено 52 ч. нищихъ, роздано имъ по полтинѣ; потомъ ввечеру кормлено 80 ч., дано по стольку же. Апр. 27 въ другую четыредесятницу, на девятины, тамъ же кормлено нищихъ за обѣдомъ 60 ч., за ужиномъ 12 чел.; дано по полтинѣ. На Аптекарскомъ дворѣ велѣно кормить въ эту четыредесятницу на девятины, на полусорочины и на сорочины нищихъ по 130 человѣкъ въ день, на что дано 21 р. 10 алт.—Мая 1 государь велѣлъ окупить колодниковъ, которые сидятъ по приказамъ и стоятъ на правежахъ въ долгахъ и искахъ; на выкупъ издержано 416 р. 11 ал. 2 д.—Мая 2 въ воскресенье за два часа до вечера въ хоромахъ царицы кормлено 72 ч. нищихъ. дано по полуполтинѣ. На полусорочины другой четыредесятницы, 8 мая, государь послѣ всенощнаго ходилъ къ панихидѣ въ Вознесенскій монастырь и раздалъ дорогою нищимъ безсчетно 17 р. 13 ал. Въ хоромахъ царицы въ тотъ же день кормлено нищихъ 72 ч.—Мая 10 государь былъ въ селѣ Островѣ и въ саду изъ своихъ рукъ раздалъ нищимъ, 68 ч., по полуполтинѣ. Изъ села Острова онъ ходилъ къ панихидѣ въ Николаевскій монастырь на Угрѣшѣ и пожаловалъ на сорокоустъ 10 р., на панихиду 4 р., да ручной милостыни игумену и братіи и на монастырѣ нищимъ роздано 4 р. 8 ал 2 д.—Мая 16 и 24 въ хоромахъ царицы кормлено нищихъ 72 ч., дано каждому по полуполтинѣ. 28 мая послѣ вечерняго пѣнія кормлено передъ столовою въ сѣняхъ нищихъ тоже 72 ч., причемъ милостынею ихъ жаловалъ изъ своихъ рукъ царевичъ Алексѣй. Іюня 5 государь послалъ для поминовенія въ Кіевъ въ Печерскій монастырь 20 пудъ масла деревяннаго (по 3 р. 5 алт. за пудъ), 10 пудъ ладану бѣлаго самаго добраго (по 12 р. 50 к.), да 50 пудъ воску.

1 Сентября государь опять кормилъ нищихъ 30 чел. для поминовенія по царицѣ въ Передней и раздалъ имъ изъ своихъ рукъ по полтинѣ. 8 числа кормлены нищіе 84 чел. въ Золотой царицыной палатѣ: имъ раздалъ государь изъ своихъ рукъ одному $2\frac{1}{2}$ р., а прочимъ по полтинѣ. Это было въ день Рождества Богородицы, въ годовой праздникъ на Сѣняхъ царицы, по главному престолу Рождественской церкви. По этому случаю и

кормка нищихъ происходила съ большимъ торжествомъ въ Зо
лотой пріемной палатѣ царицъ. 18 сент. въ Троицкомъ бого
мольномъ походѣ царь для поминовенія раздалъ изъ своихъ рук
архимандриту Троицкаго монастыря и братіи 1822 р. Октябр
22, по случаю Дмитровской субботы, для поминовенія царицы
царь снова кормилъ въ Передней и въ Комнатѣ 60 чел. нищих
и роздалъ имъ изъ своихъ рукъ по полтинѣ. Ноября 28 таким
же образомъ кормлены нищіе 72 ч. въ царицыной Золотой па
латѣ, дано изъ своихъ рукъ по полтинѣ. 23 декабря государ
разослалъ въ монастыри къ празднику Рождества Христова дл
поминовенія рыбу, масло, 763 ведра меду кислаго, 181 четверт
крупъ гречневыхъ.

Въ праздникъ Рождества Христова, 25 дек., государь кормил
нищихъ 80 ч. въ Золотой царицыной палатѣ и раздалъ изъ сво
ихъ рукъ по рублю каждому. Такое же количество нищихъ
въ той же палатѣ для поминовенія царицы кормлено въ мясо
пустную родительскую субботу. 5 февр 1670 г. Въ этомъ год
по случаю годовщины. 4 марта, на Ильинскомъ крестцѣ куплен
2000 калачей двуденежныхъ для раздачи нищимъ и колодникам
въ тюрьмы, а богадѣленнымъ раздана денежная милостыня; та
кая же милостыня разослана въ монастыри. 5 марта для помин
царицы кормлены на тюремномъ дворѣ всѣ колодники, а въ е
Золотой палатѣ нищіе 120 ч., которымъ дано изъ своихъ рук
по полтинѣ. Тамъ же кормлены съ раздачею милостыни 121 ч
марта 19. Марта 25 въ день Благовѣщенія государь кормил
въ царицыной Золотой 30 ч. священниковъ, которые служат
по ней государынѣ годовую службу, да нищихъ 60 ч., и раздал
изъ своихъ рукъ, попамъ по 2 р., и по портищу (куску) ма
теріи – дорогъ персидскихъ, а нищимъ по полуполтинѣ. 3 апр
въ Свѣтлое Воскресенье кормлены нищіе 30 ч. въ Золотой ца
рицыной, дано изъ своихъ рукъ по полтинѣ. Такіе же столь
были справлены въ той же палатѣ 7 и 8 числа. 12 числа там
же кормлено 120 чел. Въ тотъ же день куплено 15 пироговъ
большихъ, по 23 ал. 2 д. за пирогъ, которые и развезены въ
богадѣльни и тюрьмы. Мая 21 въ Золотой царицы кормлен
нищихъ 90 чел. съ раздачею изъ своихъ рукъ по полуполтинѣ
Мая 28 тамъ же кормлены 33 ч. священниковъ, которые служат
по царицѣ годовую службу, дано по 2 р. и по портищу сукна
Сверхъ того покормъ нищихъ по тѣмъ же днямъ происходил
и на Аптекарскомъ дворѣ, а иной разъ кормили и колодников

на тюремномъ дворѣ и въ разбойномъ приказѣ, какъ было 5 марта и 6 апрѣля. Не говоримъ о другихъ, не столь значительныхъ милостынныхъ подаяніяхъ.

Вообще годовщина памяти справлялась постоянно и неизмѣнно каждый годъ и церковною службою, и раздачею милостыни и между прочимъ всенародною раздачею нищимъ колачей или хлѣбовъ. Въ 1674 г. государь указалъ раздать по царицѣ Марьѣ 3 марта для (памяти) преставленія, а марта 4 для погребенія по двуденежному хлѣбу на милостыню, по приказамъ колодникамъ, въ тюрьмы тюремнымъ сидѣльцамъ, въ богадѣльни нищимъ, да по улицамъ нищимъ особо 1000 человѣкамъ. Всего въ первый день было роздано 2884 хлѣба, въ томъ числѣ въ 28 приказахъ 471, въ тюрьмахъ 933, въ двѣнадцати богадѣльняхъ 480 и на 16 улицахъ 1000. Хлѣбы развозили на извощичьихъ телѣгахъ [1].

Тоже самое, если и не съ такою щедростью происходило въ подобныхъ случаяхъ и на царицыной половинѣ. Такъ въ 1634, когда скончался патріархъ Филаретъ Никитичь, по немъ въ теченіи сорочинъ каждый день раздавалась нищимъ милостыня отъ царицы. Раздавалъ на дворцѣ по рукамъ царицынъ дворецкій Өед. Степ. Стрешневъ. 10 октября на девятины роздано такимъ образомъ 3 р., въ остальные дни по рублю и въ самые сорочины, т. е. въ послѣдній день 2 р. Въ 1636 г. съ 20 іюня, когда скончалась маленькая царевна Софья Мих., по ней во всѣ сорочины каждый день раздавалась изъ хоромъ царицы милостыня нищимъ, причемъ самая высшая цифра въ день была около 8 р., а меньшая 20 алтынъ.

Все это была поминная милостыня только комнатная, своеручная, и потому болѣе или менѣе тайная. Приказная или оффиціальная раздача на поминъ души духовному чину и нищимъ простиралась всегда до огромной цифры, особенно, если поминки справлялись по самомъ государѣ. По свидѣтельству Котошихина на царское погребенье выходило, на Москвѣ и въ городахъ, близко того, что на годъ собиралось казны или дохода со всего государства. На поминовеніе царицы выходило противъ царскаго въ половину; на поминовеніе царевича противъ царицына малымъ чѣмъ съ убавкою, а на поминки царевны противъ цар-

---

[1] Расх. книги приказа Тайныхъ Дѣлъ 177 и 178 г. въ архивѣ Моск. Дворц. Конторы.

скаго въ четвертую долю. — Кромѣ денежной раздачи всегда также справлялись по установленнымъ днямъ панихидные кормы.

Изъ богомольныхъ, также годовыхъ походовъ по далекимъ замосковнымъ монастырямъ, о которыхъ мы отчасти уже упоминали выше, особенно былъ соблюдаемъ походъ Троицкій къ чудотворцу Сергію, куда царица какъ и государь, ходили творить чудотворцеву память каждый годъ обыкновенно осенью освящая богомольемъ день его преставленія 25 сентября. Выше мы также видѣли, что если по какому либо обстоятельству этотъ осенній походъ совершить было нельзя, царица хаживала туда и въ другое время, чаще весною и даже зимою, почитая неизмѣннымъ благочестивымъ обѣтомъ молиться у чудотворца въ монастырѣ каждогодно. Въ иные года Троицкій походъ она совершала и по два раза, напр, въ 1548 г. въ іюнѣ и сентябрѣ; въ 1637 г. въ сентябрѣ и потомъ въ ноябрѣ.

Само собою разумѣется, что милостыня сопровождала каждый богомольный шагъ царицы и особенно въ этихъ отдаленныхъ походахъ, предпринимаемыхъ обыкновенно по обѣщанію. При богомольномъ настроеніи мыслей и при великомъ множествѣ нищихъ, дѣйствительно, нельзя было въ то время и шагу сдѣлать безъ подаянія, которое въ мелкихъ раздачахъ ограничивалось обыкновенно однимъ алтыномъ на человѣка.

Объ этомъ подробнѣе разсказываютъ намъ расходныя записки такихъ походовъ, которыя мы помѣщаемъ въ отдѣлѣ матеріаловъ. Вообще царицыны богомольные и другіе походы изъ Москвы своими расходными записками раскрываютъ особенную простоту отношеній царицы къ населенію вообще, деревенскую простоту и непосредственность ея быта. Дорогою идучи, она нерѣдко потѣшала своихъ маленькихъ дѣтей, царевичей и царевенъ, покупкою имъ игрушекъ и разныхъ гостинцевъ, какіе бывали на торгу и какими обыкновенно потѣшался простой народъ.

Она покупала имъ въ возокъ: калачики пшеничные сдобные и тертые, яблоки садовые и рѣзань, ягоды, орѣхи, морковь и рѣпу и т. п. гостинцы, кромѣ различныхъ игрушекъ.

По дорогѣ крестьянки, попадьи съ попами, выходили къ ней на встрѣчу изъ деревень и подносили, кто что могъ, у кого что было: хлѣбъ-соль, калачи, пироги, ягоды, клюкву, квасъ,

пиво, брагу, сотовой медъ, пряники разныхъ видовъ, сыръ, блины, рѣпу, и т. п., за что получали небольшую награду алтына по два, по гривнѣ, по полтинѣ, по рублю и больше, смотря по обстоятельствамъ и лицамъ.

Касательно другихъ годовыхъ выходовъ, мы уже знаемъ, что царица не присутствовала публично при торжественныхъ праздничныхъ служеніяхъ церкви, ни при совершеніи церковныхъ торжественныхъ обрядовъ, на которые неизмѣнно всегда выходилъ одинъ только государь и объявленный царству наслѣдникъ—царевичъ. Но и въ своемъ удаленіи отъ публичной жизни царица тоже слѣдовала нѣкоторымъ обычаямъ и обрядамъ, какіе для непремѣннаго исполненія освящены были церковнымъ благословеніемъ. Такъ 1 августа, въ день торжественнаго церковнаго освященія воды, когда государь погружался самъ въ іордань на Москвѣ рѣкѣ подъ Симоновымъ монастыремъ (т. I, гл. IV), и царица совершала такое же погруженіе во іордань, при царѣ Михаилѣ обыкновенно въ селѣ Рубцовѣ, на прудахъ. Въ 1629 г. іюля 31 для этой цѣли изъ царицыной Бѣлой Казны отпущено было въ свѣтлицу на простыни іерданскія въ село Рубцово пять полотенъ тверскихъ. Въ царицыной казнѣ сохранялась: „коробья новгородская, а въ ней простыни, которыя были на іердани, какъ омочалась во іердани государыня царица Евдокія Лукъяновна“.

Изъ описанія царскихъ выходовъ и пріемовъ мы уже видѣли (т. I, глава III и IV), что торжественные пріемы у царицы какъ самого государя, такъ патріарха, и высшаго духовнаго и свѣтскаго чина, ограничивались немногими днями большихъ годовыхъ праздниковъ, каковы были праздникъ Рождества Христова, одинъ изъ прощеныхъ дней масляницы и Свѣтлый день, а также какими либо особыми торжественными случаями: семейными (свадьба, родины, крестины) и церковными (поставленіе святителей).

Такіе пріемы происходили обыкновенно въ царицыной Золотой палатѣ. Намъ неизвѣстно, въ какомъ порядкѣ окружалъ ее въ это время ея дворовый чинъ или штатъ; но можемъ полагать, что порядокъ былъ обычный, какой соблюдался и въ палатахъ государя. Такъ безъ всякаго сомнѣнія младшіе женскіе чины царицы стояли церемонно и сидѣли въ сѣняхъ пе-

редъ палатою, а въ палатѣ пріѣзжія боярыни сидѣли, подобно какъ и бояре у государя, на лавкахъ, по сторонамъ царицына мѣста. У самаго мѣста, подлѣ царицы стояли боярыни изъ самыхъ близкихъ къ царицѣ особъ, какъ напр. родная ея мать, тетка, сестра.... Къ великому сожалѣнію выходныя книги царицъ, въ которыхъ могли быть записаны подобные чиновные пріемы, не сохранились, но судя по нѣкоторымъ указаніямъ существовали [1] да и должны были существовать, какъ обычныя записки отдѣльнаго придворнаго вѣдомства царицыной Мастерской Палаты.

И въ этомъ случаѣ дополнительною чертою можетъ послужить разсказъ пѣсни—былины о пріемѣ богатырей у Дюковой матушки.

„Вошли они въ палату бѣлокаменну,
Они Господу Богу помолилися,
Крестъ они клали по писанному,
Поклонъ-то вели по ученому,
На всѣ на три-на четыре на сторонки покланялися.
Честной вдовѣ (Дюковой матушкѣ) въ особину:
Здраствуешь честна вдова Настасья Васильевна,
Дюкова Степанова матушка!
Говоритъ она таковы слова:
Не есть я Дюковая матушка,
А есть я Дюковая *рукомойница*.
Вошли они въ другой покой,
Опять низенько покланяются".

Здравствуютъ и получаютъ отвѣтъ, что это Дюковая *портомойница*; въ третьемъ покоѣ также имъ отвѣтила Дюковая *стольница*. Проводили, наконецъ, ихъ красныя дѣвушки ко Дюковой матушкѣ; покланяются они и удивляются.... [2]

На Рождествѣ и на Свѣтлой недѣлѣ патріархъ съ духовными властями приходилъ къ царицѣ и къ большимъ царевнамъ „славить Христа". Вмѣстѣ съ тѣмъ на свѣтлой недѣлѣ онъ и духовенство подносили государынѣ и царевнамъ благословенные образы и кресты и обычные великоденскіе дары, въ числѣ ко-

---

[1] Въ 1650 г. февр. 11 переплетчикъ Ст. Андреевъ переплеталъ три книги изъ царицыной мастерской палаты: *выходную*, приходную и расходную 156 и 157 (1648–1649) годовъ, за что и за прикладъ получилъ 13 алт. 2 деньги. —А. О. П. № 806.

[2] Рыбн. I, 294.

торыхъ самое видное мѣсто занимали, какъ извѣстно, *золотые* (иностранные червонцы).

Въ тотъ же самый день царица принимала у себя и государевъ свѣтскій чинъ, приходившій челомъ ударить и здравствовать съ праздникомъ. Такъ было въ Свѣтлый день 7 апрѣля 1667 г., когда вмѣстѣ съ патріархомъ и духовными властями царица въ присутствіи государя принимала бояръ, окольничихъ, думныхъ людей и спальниковъ, т. е. ближнихъ людей. Въ 1668 г. марта 24, во вторникъ [1] на Святой царица въ присутствіи государя и объявленнаго царевича Алексѣя Алексѣевича принимала въ своей Золотой палатѣ Вселенскихъ и московскаго патріарховъ, властей и бояръ.

Въ 1665 году марта 26, въ самый день Пасхи, царица по случаю послѣднихъ дней беременности царевичемъ Симеономъ не могла совершить этого торжественнаго пріема и потому въ ея же Золотой палатѣ справлялъ пріемъ свѣтскаго мужскаго чина одиннадцатилѣтній царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, еще не объявленный народу и на этотъ только случай, какъ бы представляя лицо матери царицы, явившійся въ первый разъ предъ царскимъ синклитомъ, разумѣется въ присутствіи самого государя. Царевичъ въ то время жаловалъ къ рукѣ бояръ, окольничихъ, думныхъ людей и спальниковъ. Это было самое великое жалованье, какое только могъ государь оказать своему боярству въ великій день Свѣтлаго праздника. Въ 1675 г. подобный пріемъ былъ назначенъ, также въ самый день Пасхи, 4 апрѣля, но по какому-то случаю отмѣненъ и происходилъ на другой день только у государя. Въ составленной для этого пріема записке, ему назначался слѣдующій порядокъ: „Апрѣля въ 4 день были у в. государя и у г. царицы святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи да власти съ образы: Павелъ, митроп. Сарскій и Подонскій; Филаретъ, митроп. Нижегородскій и Алаторскій; Масайло, митроп. Бѣлогородскій и Обоянскій; Варсунофій, архіеп. Смоленскій и Дорогобужскій; Іосифъ, архіеп. Коломенскій и Коширскій; Іоакимъ, епископъ Сербословенскій и Оршанскій; да архимандриты: Чудовской, Новоспасскій, Симоновскій, Андроньевскій, Петропавловскій, Богоявленскій; да игумены: Знаменскій, Здвиженскій, Златоустов-

[1] По другому свидѣтельству въ пятницу. См. Выходы царей и Дополн. къ Актамъ Историч. т. V, 124.

скій, Стрѣтенскій, Новинскій; да протопопъ большаго (Успенскаго) собора Кондратъ, да ключари да протодьяконъ. Тогожъ числа были у в. государя и у в. государыни царицы въ ея Золотой палатѣ челомъ ударить: царевичи Сибирскій Алексѣй Алексѣевичъ, Касимовскій Михаило Васильевичъ и бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки, крайчій, постельничій, стряпчій съ ключомъ и ближніе люди. И жаловала государыня царица, при немъ в. государѣ, къ рукѣ святѣйш. Іоакима патріарха да властей, да царевичевъ, да бояръ и проч. А были за г. царицею и стояли въ Золотой палатѣ верховыя боярыни (также родная мать и невѣстка царицы). А г. царицу держала подъ руку, какъ жаловала къ рукѣ, ея мать боярыня Анна Левонтьевна Нарышкина. Да у г. царицы были въ тѣ поры въ пріѣздѣ-жъ 15 боярынь разныхъ чиновъ. Да передъ в. государемъ и передъ г. царицею стояли бояре: отецъ царицы Кир. Пол. Нарышкинъ да Арт. Серг. Матвѣевъ. А шапку и колпакъ и посохъ в. государя держали въ тѣ поры ближніе люди, 2 человѣка, по перемѣнкамъ. А образы указалъ в. государь пріимать у патріарха и у властей, которыми благословляли г. царицу, и у архимандритовъ боярамъ, отцу царицы Нарышкину и Матвѣеву и принявши отдавать уставщику Ѳомѣ Никифорову. Неизвѣстно, приходилъ ли съ поздравленіемъ къ царицѣ свѣтскій мужской чинъ, кромѣ Свѣтлаго дня, и въ другіе праздники. Кажется, это былъ только одинъ день, въ который растворялись двери женскаго терема ради самого церковнаго торжества, именно ради его особеннаго смысла.

Въ прощеные дни масляницы, именно въ сыропустное воскресенье, приходилъ къ царицѣ „прощаться" патріархъ съ властьми, напр. 3 марта 1633 г., 4 февр. 1649 г.

Необходимо замѣтить, что пришествіе патріарха почти всегда сопровождалось и пришествіемъ самого государя, да едвали и случался какой либо торжественный пріемъ у царицы мужскаго чина не въ присутствіи государя. Само собою разумѣется, что въ это же время приходили къ царицѣ прощаться и наиболѣе близкіе къ ней люди изъ мужчинъ, т. е. родной отецъ, братья, и др. Въ 1675 г. февр. 14, въ сыропустное Воскресенье царица Наталья Кирилловна принимала у себя и жаловала къ рукѣ: Нарышкина своего отца, Матвѣева, думн. двор. Лопухина и братьевъ; также свою мать, тетку, невѣстку, и весь свой

дворовый чинъ: мамъ, верховыхъ боярынь, казначей, постельницъ, мастерицъ.

Въ тѣже дни происходили и особенные торжественные пріемы у царицы женскаго чина, именно пріѣзжихъ боярынь, которыя, на Рождествѣ вмѣстѣ съ поздравленіемъ подносили ей и царевнамъ *перепечи* (т. I, гл. IV), на масляницѣ собирались къ ней прощаться, а на святой христосоваться, при чемъ также подносили перепечи [1]. Въ это время прощаться и христосоваться съ пріѣзжими боярынями приходилъ къ царицѣ и самъ государь [2].

Само собою разумѣется, что дворовый домашній чинъ царицы удостоивался государева лицезрѣнія еще прежде назначаемыхъ торжественныхъ пріемовъ, т. е. въ то же время, какъ государь приходилъ къ самой царицѣ. Такъ въ 1675 г. въ самый день Пасхи, апрѣля 4, „пришедчи великій государь отъ обѣдни изъ соборной церкви къ себѣ въ Верхъ въ хоромы государыни царицы, жаловалъ къ рукѣ и яйцы: мамъ, да боярыню Анну Леонтьевну Нарышкину, мать царицы, съ дочерью Авдотьею Кириловною, сестрою царицы, и съ невѣсткою Прасковьею Алексѣевною Нарышкиною, женою Ив. Кир., да верховыхъ боярынь царицы и царевенъ, и крайчихъ и казначей всѣхъ, и постельницъ всѣхъ же“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на святой царица и большія царевны принимали всѣхъ своихъ дворовыхъ людей до самого

---

[1] 173 г. марта 26 на праздникъ Свѣтлова Христова Воскресенія г-нѣ царицѣ и в. к. Марьѣ Ильичнѣ и г-нямъ ц-намъ Большимъ и Меншимъ ударили челомъ боярыни перепечами: Касимовскаго царевича жена 30 перепечь; Сибирскаго царевича большаго 30; меншаго 30; бояр. Бор. Ив. Морозова жена, вдова Анна Ильичпа 36; бояр. И. Д. Милославскаго 36; бояр. кн. Ив. Петр. Пронскаго 30; бояр. кн. Ив. Алекс. Воротынскаго 30; бояр. Ив. Вас. Морозова 30; бояр. Вас. Вас. Бутурлина 30; бояр. Ив. Андр. Милославскаго жена, вдова 30 пер.; бояр. Глѣба Ив. Морозова жена, вдова 30 пер.; бояр. Мих. Мих. Салтыкова 30; бояр. Петра Мих. Салтыкова 30; бояр. Вас. Ив. Стрешнева 30; бояр. кн. Ѳед. Юр. Хворостинина 30; бояр. кн. Ѳед. Никитича Одоевскаго жена, вдова кн. Софья Ивановна 30 пер.; стол. кн. Юр. Ив. Ромодановскаго жена 36 пер.; ст. Никиты Иван. Шереметева жена Авдотья Ѳедоровна 30 перепечь.

[2] На святой: 22 апр. 1648 г., 24 апр. (въ пятницу) 1663 г., и на масляницѣ: 2 февр. въ пятницу 1649 г., 8 февр. въ субботу 1651 г., 27 февр. въ пятницу 1652 г., 18 февр. въ пятницу 1653 г.

младшаго чина. Объ этомъ мы можемъ заключать по поводу такого пріема у царевны Ирины Михайловны, къ которой, какъ къ своей помѣщицѣ, въ 1675 г. на святой недѣлѣ „приходилъ съ образы изъ села Покровскаго протопопъ покровской съ соборомъ; да за образы же приходилъ покровской прикащикъ вмѣстѣ съ протопопомъ, и старосты и лучшіе крестьяне. И государыня царевна пожаловала ихъ, велѣла кормить протопопа съ соборомъ и прикащика со крестьяны доволи (сколько станетъ воли) и поить“.

Справляя храмовые праздники у себя на сѣняхъ, въ своихъ верховыхъ церквахъ, въ которыхъ нерѣдко въ присутствіи государя служилъ литургію и самъ патріархъ, царица, безсомнѣнія, послѣ службы принимала его въ своихъ хоромахъ, въ одно время съ государемъ. Особенно чтимъ ею былъ храмовой праздникъ ея соборной церкви Рождества Богородицы, 8 сентября, праздникъ такъ называемаго въ народѣ *бабьяго лѣта*. Въ этотъ день послѣ молебна царицѣ подносима была патріархомъ св. вода черезъ патріаршаго поддьяка, которому царица по обычаю всегда жаловала за это 16 алт. 4 д.

Должно упомянуть также о пріемахъ духовнаго чина. изъ городовъ, монастырей и пустынь, который пріѣзжалъ съ праздничною св. водою и съ крестомъ по случаю своихъ храмовыхъ праздниковъ.

На первой недѣлѣ великаго поста къ царицѣ приходили стряпчіе изъ нѣкоторыхъ, вѣроятно особо жалуемыхъ, монастырей и подносили ей, равно и всѣмъ царевнамъ по хлѣбу, по кружкѣ квасу и по блюду капусты, каждой особѣ отъ каждаго монастыря (т. I, гл. IV). Пріемъ дѣлался на внутреннемъ царскомъ дворѣ, у постельныхъ хоромъ, на каменной лѣстницѣ, что у Мастерской палаты (въ нижнемъ этажѣ теремнаго зданія). Но не можемъ сказать опредѣлительно, сама ли царица выходила на крыльцо или же подношеніе происходило, что вѣроятнѣе, черезъ ея дворецкаго или дьяка и дворовыхъ боярынь. Отчасти мы и выше видѣли (стр. 279), что монастырскому хлѣбу и квасу, какъ нѣкоей благостынѣ, придавалось особое значеніе и этотъ благословенный монастырскій даръ принимался всегда съ особымъ благочестіемъ.

Былъ также во многихъ монастыряхъ обычай, въ дни празднованія памяти своихъ основателей и чудотворцевъ посылать въ царскій домъ различныя мѣстныя издѣлія. изготовляемыя

руками иноковъ и проносимыя отъ монастыря, какъ благословенная святыня памяти чудотворца. Такъ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, каждогодно на память чудотворца Кирилла, отпуская въ царскій дворецъ обычную святыню (св. воду, просфору), посылалъ и казенные поминки: чашки, ложки, посохи двоерожные. Эта посуда и посохи въ царскомъ обиходѣ извѣстны были подъ именемъ *Кирилловскихъ*. На царицыну половину монастырь подносилъ только посуду своего издѣлія, особенно ложки, которыя и употреблялись царицею и дѣтьми, а иныя сохранялись до надобности въ ихъ казнѣ вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ и другими дорогими вещами.

Говоря о царицыныхъ годовыхъ пріемахъ духовнаго чина, упомянемъ о частныхъ, приватныхъ пріемахъ иныхъ подвижниковъ и пустынниковъ, если по какому либо случаю они появлялись въ Москвѣ и въ царскомъ дворцѣ. Съ порядкомъ такого случайнаго пріема мы можемъ ознакомиться изъ одного разсказа въ житіи прпд. Иринарха, затворника ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Преподобный жилъ въ Смутное время. Осѣненный даромъ пророчества, онъ приходитъ однажды въ Москву къ царю Василію Шуйскому и прежде по обычаю приходитъ въ Успенскій соборъ на молитву. Объ этомъ тотчасъ увѣдомили государя, который очень обрадовался посѣщенію старца и повелѣлъ придти ему въ Благовѣщенскій соборъ, на сѣни дворца. Старецъ пришелъ, помолился, благословилъ царя своимъ крестомъ, цѣловалъ его царскія руки и сказалъ: я грѣшный оставилъ труды и многолѣтное сидѣнье въ затворѣ, для того, чтобы самому возвѣстить тебѣ: „видѣлъ я градъ Москву плѣненную отъ Литвы и все россійское царство разграбленное, а ты стой о Вѣрѣ Христовѣ мужествомъ и храбрствомъ.“. При выходѣ изъ храма, царь Василій взялъ старца подъ руку, а подъ другую велъ преподобнаго ученикъ его. Царь позвалъ его къ царицѣ, прося благословить ее. Старецъ не отрекся, пришелъ къ царицѣ въ Палату съ царемъ и благословилъ ее. Царица по обычаю послала къ нему два полотенца. Старецъ не хотѣлъ ихъ взять. Царь упрашивалъ его взять Бога ради. „Я пришелъ, говорилъ онъ царю, не ради даровъ, а пришелъ возвѣстить тебѣ правду.“ Царь потомъ проводилъ старца изъ Палаты до двора и приказалъ боярину потчивать его и покоить и дать свой царскій возокъ и конюха, чтобы проводить до монастыря.

Старецъ Иринархъ знаменитъ былъ въ то время велики трудами своего подвижничества. Послѣ него осталось его пр ведныхъ трудовъ 132 креста мѣдныхъ, иные были вѣсомъ п полугривенкѣ; семеры труды (вериги) плечные, ужище (цѣп желѣзное 20 сажень, на шеѣ были; пута ножныя желѣзны связни на поясу тяготы пудъ; да на рукахъ было на перстах оковцевъ мѣдныхъ и желѣзныхъ 18; еще палка желѣзная, е невидимыхъ бѣсовъ изгонялъ.

Обыкновенные праздничные пріемы у царицы, разумѣет одного только женскаго чина, происходили въ дни годовы большихъ праздниковъ: на Рождество Христово, на Великъ-ден въ Преображеніе, 6 августа; въ день Рождества Богородиц 8 сентября; также въ одинъ изъ прощеныхъ дней мас ницы и въ дни царскихъ именинъ, празднованіе которыхъ, случаю постовъ или другихъ какихъ обстоятельствъ перено лось иногда на другіе дни, болѣе удобные для совершенія то жества и пиршества. Въ эти дни къ царицѣ во дворецъ со рались *пріѣзжія боярыни* и пріѣзжали всегда по особому и по списку, составляемому предварительно царицынымъ д рецкимъ. Звать боярынь ходили обыкновенно боярскіе д царицына чина, получая всегда отъ нихъ обычное *звитое*, де гами, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ, на родины и крестин подарками, болѣе или менѣе дорогими, смотря по богатству и по особой радости этому зву и угодливости самой боярыни.

Такъ какъ по старому и очень древнему обычаю кажд подобный пріемъ во дворцѣ всегда сопровождался обѣдомъ, и у царицы въ тѣже дни каждый разъ давались боярын обычные столы. Извѣстія о такихъ столахъ у царицы зано лись даже въ государеву разрядную книгу, по той причи что и здѣсь, между боярынями, встрѣчались лица *разрядныя*, торыя имѣли право (и никогда его не покидали) тягаться жду собою разрядами, разумѣется, соотвѣтственно разряд и родовой чести своихъ мужей. Въ оффиціальныя разряд записки вносились однакожъ имена только тѣхъ боярынь, торыя пользовались правомъ считаться между собою по р рядамъ. Объ остальныхъ разряды вовсе не упоминаютъ. (даже и вовсе не упоминали никакихъ именъ, когда боярын бывалъ указъ: „сидѣть безъ мѣстъ", и ограничивались от

кою: „у царицы былъ столъ, а у стола были боярыни пріѣзжія и сидѣли всѣ безъ мѣстъ“. Но это однакожъ вовсе не значило, чтобы собиравшіяся на обѣдъ боярыни садились за столъ безъ старшинства. Для нихъ у царицы повидимому строго наблюдался свой особый, порядокъ сидѣнья, который вполнѣ опредѣлялся значеніемъ всего чина пріѣзжихъ боярынь. Этотъ чинъ заключалъ въ себѣ главнымъ образомъ *родство* государево или царицыно, т. е. ихъ родственницъ по мужьямъ или по урожденію. Только одни родственныя лица и пользовались правомъ пріѣзда къ царицѣ по назначенію въ извѣстные праздничные или торжественные дни. Неродственныя боярыни, хотя бы жены, дочери или вдовы первыхъ чиновъ, не приглашались во дворецъ къ царицынымъ столамъ и могли представляться царицѣ только на ея богомольныхъ выходахъ, напр. въ соборахъ, въ монастыряхъ, когда она выходила туда на святой христосоваться, на масляницѣ прощаться, и т. п., какъ мы это видѣли, въ описаніи выходовъ царицы Натальи Кирилловны.

Такимъ образомъ, если оффиціальный пріѣздъ боярынь къ царицѣ, приглашеніе къ ея столу основывались на родствѣ ихъ съ царскимъ домомъ, то тѣмъ же родствомъ, какъ мы упомянули, опредѣлялись и ихъ мѣста за столомъ. Степень близости по родству къ особѣ государя или къ государынѣ и указывала каждой боярынѣ это мѣсто и при томъ родственницы самого царя садились разумѣется всегда выше родственницъ царицы, даже выше ея родной матери, самаго ближайшаго къ ней лица, занимавшаго во всѣхъ другихъ случаяхъ первое мѣсто. Мать государыни за столомъ дочери-царицы получала обыкновенное рядовое мѣсто въ родственномъ старшинствѣ боярынь, по крайней мѣрѣ такъ это значится въ спискахъ, по которымъ назначался ихъ *зовъ* или *пріѣздъ*.

По этимъ спискамъ, напр. за столомъ царицы Евдокѣи Лукьяновны Стрѣшневыхъ, по родственному старшинству съ царемъ, всегда первенствовала боярыня Ульяна Ѳедоровна Романова, жена боярина Ив. Никит. Романова, государева роднаго дяди, между тѣмъ, какъ мать царицы занимала седьмое мѣсто (1633 г. іюля 12). Точно также боярыни, которыя вели счеты о своихъ мѣстахъ по разрядамъ, въ тоже время сидѣли: Черкасская второю, Шереметева третьею, а Головина девятою.

Въ государскихъ разрядахъ тѣже столы писаны только съ женами боярынь, великихъ по разрядамъ. Въ нихъ въ этотъ

разъ Черкасская была первою, Шереметева второю, а Головина третьею;. объ остальныхъ вовсе не помянуто. Здѣсь, въ разрядахъ первенствовала уже не Романова, а Мстиславская, и когда не было Мстиславской, Шуйская; когда не было Шуйской, Черкасская, за нею Шереметева, Трубецкая, Головина, Салтыковы. Однажды, 1634 іюля 12, въ разрядную записку была внесена послѣднею послѣ Черкасской и Шереметевой и мать царицы, Анна Стрѣшнева. Для Стрѣшневыхъ это могло быть находкою.

На обѣдахъ царицы Марьи Ильичны Милославскихъ въ первое время первенствовала сестра ея Анна Ильична Морозова по той причинѣ, что Морозовъ былъ дядька царя Алексѣя, почитаемый имъ вмѣсто отца роднаго. Мать царицы, супруга Ильи Даниловича Милославскаго, Катерина Ѳедоровна, занимала второе мѣсто, когда бывала только съ Морозовою, а въ числѣ другихъ боярынь, рядовое, смотря по старшинству государева родства.

Приводимъ общіе сводные списки пріѣзжихъ боярынь, которыя въ теченіи XVII ст., у трехъ царицъ, пользовались правомъ пріѣзда во дворецъ къ столамъ, получали именинные пироги и принимали отъ царицы почетныя посольства со *здоровьемъ* по случаю ея родинъ. Порядокъ, въ какомъ по спискамъ боярыни слѣдуютъ одна за другою, приблизительно указываетъ и ихъ мѣстное старшинство, которое въ частныхъ спискахъ довольно часто перемѣнялось. При имени каждой включено и имя ея мужа, такъ какъ очень часто боярыни обозначаются только именами своихъ мужей.

Пріѣзжія боярыни царицы Евдокѣи Лукъяновны. Стрѣшневыхъ.

Княгиня *Мстиславская*, жена Ѳед. Ив., Орина Михайловна, съ 1617 г.
Романова, Ив. Никит., Ульяна Ѳедоровна, съ дочерью Прасковьею.
Годунова. Ив. Ив., Орина Никитична.
Кн. *Черкасская*, Ив. Борис., Авдотья Васильевна, дочь боярина Василь Петр. Морозова, съ 1622 г.
Кн. *Черкасская*, Дм. Мамстрюк., Олена Алексѣевна.
Кн. *Черкасская*, Якова Куденетов., сноха женѣ Ив. Борис. Черкасскаг
Шереметева, Ѳед. Ив., Марья Петровна, съ 1616 г.
Лыкова, Бориса Мих., Настасья Никитична съ двумя дочерями (од Марья Борисовна).

Кн. *Шуйская*, Ив. Ив., Марѳа Васильевна и Овдотья Васильевна.
Шеина, Мих. Борис., Марья Михайловна съ снохою.
Шеина, Ив. Мих., Марья Борисовна, дочь Б. М. Лыкова, съ 1630 г.
Кн. *Трубецкая*, Дм. Тимоѳ., Анна Васильевна, съ 1618 г.
Кн. *Голицына*, Ив. Андр., Софья Андреевна, съ 1617 г.
Кн. *Голицына*, Андр. Вас.
Кн. *Сулешева*, Вас. Еншеевича (Анна Ивановна, потомъ Ѳетинья Ивановна дочь Ив. Ѳед. Басманова).
Кн. *Сулешева*, Юрья Еншеевича, Марья (Марѳа) Михаиловна, съ 1616 г., дочь М. М. Салтыкова.
Кн. *Сицкая*, Алексѣя Юр., Авдотья Дмитріевна.
Салтыкова, Бориса Мих., Марья Ивановна, съ 1615 г.
Салтыкова, Мих. Мих., Прасковья Ивановна.
Кн. *Воротынская*, Алексѣя Ив., Марѳа Ивановна, дочь Ив. Никит. Романова, съ 1635 г.
Княжна *Воротынская* Катерина, дочь Ивана Мих.
Кн. *Сатыева*, Сем. Андр.—Кн. *Сатыева*, Андр. Андр.
Бутурлина, Мих. Матв.
Головина, Сем. Вас., Ульяна Ѳедоровна.
Годунова, Сем. Вас., Анна.—*Годунова*, Никиты Вас. Анна Ивановна,
Морозова, Ив. Вас., Степанида Семеновна.
Морозова, Глѣба Ив., Авдотья Алексѣевна.
Кн. *Одоевская*, Якова Никит., Анна Михаиловна.
Кн. *Пронская*, Вас. Роман., Марья Ивановна.
Михалкова, Конст. Ив., Орина Аврамьевна съ матерью.
Собакина, Никиѳ. Серг.
Стрѣшнева, Лукъяна Степановича, Анна Константиновна, родная мать царицы, съ дочерью Ѳедосьею Лукъяновною, которая вышла потомъ за Матюшкина.
Стрѣшнева, Вас. Ив., Орина Прокопьевна, потомъ Авдотья Андреевна.—*Стрѣшнева*, Сем. Лукъян.—*Стрѣшнева*, Ив. Филип., Ульяна Ильична, съ снохою. *Стрѣшнева*, Степ. Ѳед.—*Стрѣшнева*, Ив. Ѳед. Большаго.—*Стрѣшнева*, Ив. Ѳед. Меньшого.—*Стрѣшнева*, Ильи.—*Стрѣшнева*, Матвѣя.—*Стрѣшнева*, Максима.—*Стрѣшнева*, Левонтья, съ снохою.
Измайлова, Григорья.—Кн. *Шаховская*, Никиты.—*Комынина*, Богдана.
Юшкова, Петра.—*Юшкова*, Пимина.—*Панина*, Никиты.—*Давыдова*, Павла.
Кн. *Львова*, Ив. Петр.
Матюшкина. Ив. Павл.. Ѳедосья Лукъяновна, сестра царицы.
Кн. *Хворостинина*, Ѳедора.
Кн. *Лобанова-Ростовская*, Никиты Ив., Анна Никифоровна, впослѣдствіи мама царевны Софьи Алекс.
Голохвастова, Іева, Матрена.
Плещеева, Бориса, Марья.—*Плещеева*, чашника 1616 г., Ив: Аѳан.—*Плещеева*, Аѳан. Ив:
Чичерина, Прасковья съ дочерью.
Щербачева, Аграфена.

Пріѣзжія боярыни царицы Марьи Ильичны Милославскихъ.

Княгиня *Касимовская*, жена Касимовскаго царевича Василья Еруслановича, Марья Никифоровна.
Кн. *Сибирская*, жена Сибирскаго царевича П. А., Настасья Васильевна.
Кн. *Сибирская*, жена Сибирскаго царевича А. А., Настасья Васильевна.
Морозова, Бориса Ив., Анна Ильична, родная сестра царицы.
Кн. *Черкасская*, Як. Куд., Авдотья Семеновна съ дочерью княжною Анною.
Кн. *Одоевская*, Никиты Ив., Авдотья Ѳедоровна.
Морозова, Глѣба Ив., Ѳедосья Прокопьевна.
Лыкова, Бориса Мих., Настасья Никитична.
Кн. *Трубецкая*, Дмитр. Тим., Анна Васильевна.
Кн. *Трубецкая*, Алексѣя Никит., Катерина Ивановна.
Морозова, Ив. Вас., Степанида Семеновна.
Милославская, Ильи Даниловича, Катерина Ѳедоровна, родная мати царицы; и потомъ вторая его супруга, Аксинья Ивановна.
Кн. *Хворостинина*, Ѳед. Юрьев., Елена Борисовна.
Кн. *Пронская*, Ив. Петр., Настасья Дмитріевна.
Кн. *Одоевская*, Ѳед. Никит., Софья Ивановна.
Салтыкова, Мих. Мих., Парасковья Ивановна.
Пушкина, Григорья Гавр., Ульяна Осиповна.
Бутурлина, Вас. Вас., Настасья Григорьевна.
Кн. *Темкина-Ростовская*, Мих. Мих., Марья Ивановна.
Кн. *Урусова* Сем. Андр., Ѳедосья Борисовна.
Стрешнева, Вас. Ив., Авдотья Андреевна.
Катырева, Ив. Мих., Арина Григорьевна.
Милославская, Ив. Андр., Аграфена Никитична и потомъ Анна Петровна.
Кн. *Долгорукова*, Петра Алексѣев., Аксинья Прокопьевна.
Кн. *Хилкова*, Ѳед. Андр., Аграфена Богдановна.
Салтыкова, Петра Мих., Елена Васильевна.
Ртищева, Ѳед. Мих., Аксинья Матвѣевна.
Еропкина, Вас. Мих., Аграфена Тимоѳеевна, а потомъ Марья Самойловна.
Кн. *Львова*, Вас. Петр., Марья Никитична.
Милославская, Ив. Мих., Александра Кузьмична.—*Милославская*, Ив. Бог.
Кн. *Воротынская*, Ив. Алексѣев., Марья Ѳедоровна.
Кн. *Одоевская*, Якова Никит., Анна Михайловна.
Ртищева, Меншого, Ѳед. Мих., Ульяна Степановна.
Кн. *Ромодановская*, Юрья Ив., Анисья Ивановна.
Морозова, Мих. Ив., Прасковья Алексѣевна, а потомъ Домна Семеновна.
Кн. *Одоевская*, Юрья Мих.
Кн. *Троекурова*, Ив. Борис., Анна Семеновна.
Кн. *Львова*, Мих., Катерина.
Кн. *Куракина*, Ѳед. Ѳед., Аксинья.
Шереметева, Вас., Офимья.—*Шереметева*, Никиты Ив., Авдотья Ѳедоровна.
Кн. *Лобанова-Ростовская*, Никиты Ив., Анна Никифоровна.

Голохвастова, Іева Демид., Матрена.—*Голохвастова*, Вас. Яков., Анна.
Соковнина, Ѳед. Прокоп., Анна Степановна.

Къ столамъ царицъ Евдокѣи Стрѣшневыхъ и Маріи Милославскихъ всегда также, наравнѣ съ боярынями, приглашались и старицы-монахини трехъ московскихъ дѣвичьихъ монастырей, Вознесенскаго, Новодѣвичьяго и Алексѣевскаго. Должно съ большою вѣроятностію полагать, что этѣ старицы были тоже жены, вдовы или дочери бояръ, нерѣдко очень родовитыхъ, а главное родственницы царскому дому. Все это вмѣстѣ, и бывалая знатность, и родство, и иноческій чинъ, столь уважаемый во дворцѣ, служило достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы и присутствіе инокинь за царицыными праздничными столами стало дѣломъ обычнымъ и необходимымъ. Изъ каждаго изъ трехъ монастырей къ столу всегда приглашались игуменья, келарь или казначея и *соборныя* старицы, а сверхъ того и избранныя старицы, вѣроятно свойственницы царскому дому. У царицы Евдокѣи, кромѣ чиновныхъ старицъ монастыря, бывали княжна Ирина Мстиславская, Александра Шереметева, двѣ Морозовыхъ, Анна и Олена; Сундулея Кочергина съ ученицею, старицы: Ромодановская, Корходинова, Благинина, Вѣра Стрѣшнева; 8 старицъ инокини Маѳы Ивановны. Всего за столомъ въ одинъ разъ бывало до 12 старицъ.

Тѣмъ же порядкомъ старицы призывались и къ столамъ царицы Маріи, у которой, кромѣ чиновныхъ, бывали Морозовы, Шереметева, княгиня Сицкая, княгиня Куракина и др.

Пріѣзжія боярыни царицы Натальи Кирилловны Нарышкиныхъ.

Грузинская царица Елена Левонтьевна.
Кн. *Сибирская*, царевича кн. Алексѣя Алексѣевича, Настасья Васильевна.
Кн. *Касимовская*, царевича Вас. Араслановѣв., Марья Никифоровна.
Кн. *Касимовская*, царевича Михаила Вас., Анна Григорьевна.
Кн. *Пронская*, Ив. Петр., Аксинья Васильевна.
Кн. *Одоевская*, Ѳед. Никт., Софья Ивановна.
Бутурлина, Вас. Вас., Настасья Григорьевна.
Кн. *Урусова*, Семена Андр., Ѳедосья Борисовна.
Кн. *Хворостинина*, Ѳед. Юрьев., Елена (Анна?) Борисовна.
Кн. *Одоевская*, Якова Никит., Анна Михаиловна.
Кн. *Воротынская*, Ив. Алексѣев., Настасья Львовна.
Кн. *Куракина*, Ѳед. Ѳед., Авдотья Андреевна.

Нарышкина, Кир. Полуехт., Анна Леонтьевна.
Салтыкова, Петра Мих., Елена Васильевна.
Хитрова, Богд. Матв., Марья Ивановна.
Милославская, Ив. Богд., Дарья Прохоровна.
Милославская, Ив. Мих., Александра Кузминична.
Кн. *Хилкова*, Θед. Андр., Θедора Богдановна.
Нарышкина, Θед. Полуехт., Авдотья Петровна.
Кн. *Волконская*, Θед. Θед., Палагея Ивановна.
Ртищева, Θед. Мих., Аксинья Матвѣевна.
Хитрова, Ив. Богд., Акулина Аθанасьевна.
Матюшкина, Аθан. Ив., Татьяна Ивановна.
Морозова, Мих. Ив., Домна Семеновна.
Кн. *Одоевская*, Юрья Мих., Авдотья Θедоровна.
Кн. *Голицына*, Бориса Алексѣев., Марья Θедоровна.
Кн. *Троекурова*, Ив. Борис., Анна Семеновна.
Кн. *Одоевская*, Вас. Θед., Акулина Θедоровна.
Шереметева, Никит. Ив., Домна Парѳентьевна.
Кн. *Прозоровская*, Петра Ив., Анна Θедоровна.
Кн. *Хилкова*, Θед. Θед., Авдотья Θедоровна.
Кн. *Щербатова*, Андр. Дмитр., Аксинья Борисовна.
Матюшкина, Петра Ив., Анна Ивановна.
Голохвастова, Іева Демид., Матрена Алексѣевна.
Голохвастова, Ивана Демид., Авдотья Алексѣевна.
Нарышкина, Ив. Кир., Прасковья Алексѣевна.
Кн. *Мещерская*, Вас. Лавр., Авдотья Васильевна.
Кн. *Хилкова*, Якова Вас., Анна Ларивоновна.
Шереметева, Петра Вас., Татьяна Аθанасьевна.
Измайлова, Матвѣя Петр., Θедосья Андреевна.
Камынина, Ив. Богд., Θедора Ивановна.
Бутурлина, Θед. Петр., Прасковья Кондратьевна.
Зюзина, Бориса Григор., Орина Борисовна.
Тарбѣева, Григ. Θед., Пелагея Васильевна.

Царицыны столы давались обыкновенно въ ея Золотой п[...] латѣ, иногда въ ея Столовой или въ Передней. Обрядъ сто[...] ванья былъ такой же, какъ и за царскими столами, толь[...] столовыя должности здѣсь занимали большею частію женщин[...] и дѣти. Точно также для самой царицы накрывался особ[...] столъ, а для боярынь одинъ или два по сторонамъ, у ст[...] палаты. У ея стола стояла всегда боярыня кравчая и съ не[...] другая боярыня въ помощь. Онѣ принимали и подавали ѣств[...] Но за торжественными столами должности кравчихъ исполня[...] ближайшія къ царицѣ лица изъ мужчинъ. Такъ за столами п[...] рицы Наталіи Кириловны, кромѣ боярынь, у стола стояли[...] принимали ѣствы и ставили передъ нее великую государы[...]

ея отецъ Кир. Пол. Нарышкинъ и Арт. Серг. Матвѣевъ. За поставцемъ царицы сидѣлъ и распоряжался отпускомъ кушанья ея дворецкій, а съ нимъ путные ключники и стряпчіе со всѣхъ столовыхъ дворцовъ. Къ столу блюда и чаши приносили и ѣсть ставили и пить носили царицыны стольники, малолѣтные дворянскіе дѣти, меньшіе возрастомъ. Они же носили напитки и кушанья и въ другіе столы боярынямъ; средніе возрастомъ стольничали особамъ болѣе почетнымъ, постарше—остальнымъ боярынямъ. — Въ столы смотрѣли, т. е. потчивали боярынь дворовыя боярыни меньшихъ чиновъ [1].

Изъ духовныхъ лицъ за столомъ царицы присутствовалъ вѣроятно или ея духовникъ, или крестовый ея священникъ, такъ какъ и здѣсь совершался тоже обычный чинъ возношенія хлѣба Пресвятыя Богородицы, и отправлялась „чаша Пречистыя" [2].

Въ обыкновенные дни, когда небыло праздничныхъ или другихъ какихъ торжественныхъ столовъ, которые по обычаю призывали государя дѣлить трапезу и пировать въ кругу боярства и всѣхъ другихъ чиновъ, онъ всегда кушалъ вмѣстѣ съ царицею. Нѣтъ никакого основанія полагать, какъ иные даже утверждаютъ, что государь кушалъ большею частію одинъ порознь съ супругою. Ихъ могли разлучать лишь упомянутыя торжества, на которыхъ женщина вообще не присутствовала, и еще уставленные церковью дни поста и молитвы. Въ такіе дни на обѣихъ половинахъ царскаго дворца уставъ церкви соблюдался очень строго. Но и объ этихъ дняхъ мы не можемъ ничего сказать опредѣлительнаго, порознь или вмѣстѣ было кушанье, ибо свидѣтельствъ о повседневной ихъ жизни встрѣчаемъ вообще очень мало, а о повседневныхъ столахъ и вовсе ихъ не имѣемъ. Знаемъ только, что повседневные столы бывали иногда въ комнатахъ государя, иногда въ хоромахъ царицы. И въ томъ и въ другомъ случаѣ они не были открыты для боярскаго и дворскаго общества. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что когда случится царицѣ кушать въ покояхъ его царскихъ съ нимъ вмѣстѣ, а которому боярину, окольничему, думному человѣку случится придти съ какимъ дѣломъ на докладъ, и они сами входить безъ указу не смѣютъ, развѣ велитъ царь, или ожидаютъ, когда онъ откушаетъ. Также какъ царь кушаетъ

[1] Дворц. Разр. III, 892, 894, 1054, 1072.
[2] См. въ Матеріалахъ записки хоромному взносу, 134 г. февр. 12.

у царицы и въ то время бояре и ближвіе люди бывают немногіе, человѣка два и много три, именно самыя близкія лица по родству, напр. отецъ царицы, или дядька государевъ. Столовыя должности въ это время были занимаемы обычными столовыми людьми государя и царицы: у государя стоялъ его кравчій, у царицы ея боярыня кравчая, стольничали обыкновенно царицыны стольники. Присутствовали ли за этими домашними столами и другіе члены царской семьи, неизвѣстно; но по всему вѣроятію эти столы отличались семейнымъ характеромъ и потому покрайней мѣрѣ въ извѣстные дни здѣсь бывали также и дѣти, царевичи и царевны, особенно возрастные и разумѣется по преимуществу царицынъ родъ. Иногда государь праздновалъ дѣтскіе именины общимъ обѣдомъ; такъ въ 1633 г. іюля 25 въ именины трехлѣтней царевны Анны онъ кушалъ въ царицыныхъ хоромахъ. Такіе обѣды, вѣроятно, справлялись въ каждый семейный праздникъ, когда не было столовъ чиновныхъ. Въ 1667 г. по случаю всенароднаго объявленія царевича Алексѣя Алексѣевича и стало быть по случаю самаго великаго торжества для самой царицы, родительницы наслѣдника, государь, на другой день, 2 сент., справилъ семейный столъ въ Верхней комнатѣ или въ терему и кушалъ вмѣстѣ съ царицею, съ объявленнымъ наслѣдникомъ Алексѣемъ и съ малолѣтными царевичами Ѳедоромъ (5 лѣтъ), Семіономъ (2 лѣтъ) и Иваномъ (1 года). — Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь же присутствовали и остальные члены семьи, покрайней мѣрѣ возрастныя царевны, ибо оффиціальныя записки, всегда упоминая только объ оффиціальныхъ же личностяхъ, напр. о малолѣтныхъ царевичахъ, и о самой царицѣ, принявшей въ этомъ случаѣ, как бы оффиціальное положеніе, по обыкновенію также всегда умалчиваютъ о лицахъ приватныхъ, какими бывали вообще женщины, а за этимъ обѣдомъ и царевны.

Должно упомянуть, что и отъ царицына стола, подобно тому какъ отъ стола государева, всегда разсылались обычны *подачи*, всѣмъ близкимъ людямъ, родственникамъ изъ мужчинъ пріѣзжимъ боярынямъ и вообще каждому лицу, которому желали тѣмъ выразить особое вниманіе и расположеніе, и преимущественно, конечно, высшимъ духовнымъ властямъ, патріарху, митрополитамъ. Такъ, когда Никонъ, еще новгородскій митрополитъ, пріѣхалъ въ 1651 г. дек. 21 въ Москву, чтобы потомъ отправиться въ Соловки для перенесенія мощей св. Ф

липпа, то въ тотъ же самый день царица и особо царевны прислали къ нему „съ столомъ съ романеею и съ ѣствою". Затѣмъ такая присылка съ подачею, съ романеею и съ ѣствою, отъ царицы, а также иногда и отъ царевенъ повторялась декабря 27, 29, въ 1652 г. генваря 8, 10, 12, 26, 30, февраля 18, 20, 24, 25, 26, 29 и однажды 25 февр. и отъ обѣда и отъ вечерняго кушанья, т. е. отъ ужина; и даже въ тотъ день февр. 26, когда онъ обѣдалъ у государя въ именины царевны Евдокѣи Ал.- Потомъ, лѣтомъ, когда онъ воротился изъ Соловокъ, перенеся въ Москву св. мощи, на другой же день по его пріѣздѣ, 7 іюля, царица прислала ему питье въ пяти кубкахъ, 9 числа подачи съ романеею и съ ѣствы, что повторилось 11, 14, 16, 18, 20 и 24 чиселъ того же мѣсяца съ присылками и отъ царевенъ [1],

Пріемы, сколько нибудь равныхъ по значенію и положенію лицъ происходили у царицы почти тѣмъ же порядкомъ, какъ и у государя. пріемы иноземныхъ пословъ, вселенскихъ патріарховъ и иноземныхъ особъ царскаго достоинства. Только у царицы *чиновныя* должности исполняли вмѣсто мужчинъ тоже женщины боярыни.

Въ 1536 г. въ Генварѣ у вдовствующей правительницы великой княгини Елены Васильевны (Глинскихъ) была на пріѣздѣ Шиг-алеева царица Фатма Салтанъ. Великая княгиня велѣла ее встрѣтить у саней, Аграфенѣ, женѣ Ивана Волынскаго да съ нею молодымъ боярынямъ. Какъ царица взошла среди лѣстницы и тутъ ее встрѣтили боярыня Аграфена Челяднина, жена Вас. Андр. Челяднина, а съ нею также молодыя боярыни. Какъ вошла царица въ сѣни передъ палату, что у Лазаря Святаго, и великая государыня пожаловала и почтила царицу, встрѣтила ее сама въ сѣняхъ передъ палатою и съ нею *карашевалась* и вошла съ нею въ палату. Войдя въ палату, онѣ усѣлись на мѣста. Царицу посадили съ лѣвой руки отъ великой княгини. Въ то же время вошелъ въ палату и маленькій государь Иванъ Васильевичъ. Царица противъ его встала и съ мѣста своего выступила. Вел. князь молвилъ царицѣ: *табугъ салимъ*! и съ нею карашевался, а потомъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ, у матери съ лѣвой же руки и справа отъ царицы. По обѣ стороны у него стояли бояре, а у вел. княгини матери стояли боярыни: княгиня Настасья, племянница отца государева, жена кн. Ѳед. Мих.

---

[1] Временникъ, кн. 13.

Мстиславскаго: Елена Челяднина, жена Ивана Андреевича, Аграфена Челяднина, жена Василья Андреевича, Аграфена Волынская, и иныя многія боярыни.

И ѣла того дни Фатма Салтанъ царица у вел. государыни въ той же палатѣ. А за столомъ у вел. княгини сидѣла царица съ правой руки въ углѣ; а съ лѣвой руки у вел. княгини сидѣла въ лавкѣ княгиня Настасья Мстиславская, а подъ нею сидѣла княгиня Мареа Бѣльская, подъ нею Аграфена Волынская и иныя боярыни; а другія боярыни въ скамьѣ сидѣли. А въ кравчихъ былъ у вел. государыни Ив. Ив. Челяднинъ, а у царицы былъ кравчій кн. Вас. Репнинъ; а стольники и чашники всѣ у вел. княгини за столомъ были.

А послѣ стола вел. государыня подала чашу царицѣ, да туто ее и дарила, да и отпустила ее на подворье и велѣла боярынямъ проводить ее по тому же, какъ ее встрѣчали.

Слишкомъ черезъ сто лѣтъ подобный же пріемъ случился у царицы Марьи Ильичны (Милославскихъ), также въ генварѣ. 8 числа 1654 г. царица Марья Ильична принимала въ своей Золотой палатѣ [1] Грузинскую царицу Елену Левонтьевну, въ присутствіи государя. А ѣхали съ царицею съ двора въ городъ княгиня Анисья Рас. Хилкова—жена окольничаго Ивана Андреевича, Марья Корнильевна Волынская—жена стольника, да жена Аѳанасья Осипова Прончищева. По указу государыни Грузинскую царицу встрѣчали, первая встрѣча у капитаны: княгиня Авдотья Андреевна Куракина—жена боярина кн. Ѳед. Ѳед.; княгиня Настасья Ивановна Ромодановская—жена окольничаго Григорья Григорьевича. Вторая встрѣча на крыльцѣ: княгиня Марья Борисовна Куракина—жена боярина кн. Григорья Семеновича; княгиня Анисья Ивановна Ромодановская—жена стольника князь Юрья Ивановича. Третья встрѣча въ сѣняхъ: княгиня Катерина Ивановна Трубецкая—жена боярина кн. Алексѣя Никитича, княгиня Настасья Ивановна Ромодановская — жена стольника кн. Ѳедора Григорьевича.

Въ тотъ же день былъ столъ у царицы по Передней [2], была Грузинская царица Елена и боярыни, которыя ее встрѣчали:

---

[1] Въ разрядной книгѣ записано, что пріемъ былъ въ столовой избѣ; но царскіе выходы обозначаютъ Золотую палату (Выходы царей стр. 305).

[2] По другой запискѣ и пріемъ и столъ былъ въ царицыной Золотой палатѣ, но должно быть такъ только предполагалось. Дв. Разр. III, 395

княгиня Трубецкая Катерина Ив., Куракина Марья Борисовна, Хилкова Анисья Вас., сидѣвшія, какъ почетнѣйшія, въ лавкѣ: А въ скамьѣ сидѣли: княгиня Куракина Авдотья Андр., Ромодановская, Анисья Ив.; Ромодановская, Настасья Ив.; Волынская Марья Корнил. и Прончищева, все тѣже встрѣчницы. Послѣ стола по обычаю, ѣздили потчивать Грузинскую царицу на домъ жены бояръ: княгини, Трубецкая Катерина Ив., Куракина Марья. Борисовна.

Такой же пріемъ царицы Грузинской Елены повторялся, вѣроятно, не одинъ разъ и между прочимъ 8 мая 1660 года. Въ это время у царицы приставы были жены стольн. кн. Ѳед. Андр. Хилкова и Ив. Аѳан. Прончищева; — первая встрѣча: жены стольниковъ: кн. Андр. Ив. Хилкова и Якова Сем. Волынскаго;—другая встрѣча: жены, стольника кн. Вас. Ив. Хилкова да окольничаго Вас. Сем. Волынскаго; третья большая встрѣча: жены, боярина кн. Ѳед. Ѳед. Куракина да окольн. Мих. Сем. Волынскаго. За столомъ были тѣже боярыни, а потчивала Грузинскую царицу жена стольн. кн. Петра Сем. Большаго Прозоровскаго.

Потомъ царица Грузинская принималась уже какъ первенствующая и почетнѣйшая изъ пріѣзжихъ боярынь, почему и со звомъ къ ней хаживалъ царицынъ истопничій, начальный человѣкъ передъ боярскими дѣтьми царицына чина, которые обыкновенно ходили со звомъ къ боярынямъ.

Въ описанныхъ пріемахъ, кромѣ немногихъ пріѣзжихъ боярынь, участвуютъ, какъ приставы и встрѣчницы, и другія боярыни, не бывавшія у царицы въ пріѣздѣ, напр. княгини Хилковы и Волынскія. По всему вѣроятію въ подобныхъ оффиціальныхъ случаяхъ выборомъ боярынь руководилъ уже мѣстническій счетъ, и самый столъ царицы принималъ, по этой причинѣ, тоже оффиціальное значеніе, отличное отъ столовъ обычныхъ, въ собственномъ смыслѣ дворовыхъ, къ которымъ собирались боярыни, только пріѣзжія царицына двора; между тѣмъ какъ другія боярыни, приставы и встрѣчницы, являлись здѣсь пріѣзжими боярынями государева двора вообще.

По старому обычаю новопоставляемые святители, патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы, на другой или на третій день своего посвященія, приходили къ государю и къ ца-

рицѣ съ благословеніемъ и съ дарами. Этотъ торжественный пріемъ совершался большею частію въ царицыной Золотой палатѣ. Епископъ Елассонскій Арсеній, присутствовавшій при такомъ пріемѣ съ Константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, въ январѣ 1589 г., когда былъ поставленъ въ Москвѣ первый патріархъ Іовъ, оставилъ подробное описаніе церемоніи, которое для насъ можетъ служить достаточною характеристикою и другихъ подобныхъ пріемовъ. Послѣ своего постановленія вновь избранный патріархъ Іовъ, по обычаю давалъ обѣдъ государю и высокому гостю, вселенскому патріарху и всему пріѣзжему греческому духовенству. Въ тотъ же день назначенъ былъ новопоставленному Іову пріемъ съ дарами у государя и у царицы Ирины Ѳедоровны (Годуновыхъ), супруги царя Ѳедора Ивановича. Предъ самымъ обѣдомъ, говоритъ Арсеній, когда послѣ обычныхъ встрѣчныхъ церемоній, всѣ сидѣли по мѣстамъ, оба патріарха получили приглашеніе явиться во дворецъ къ государю и тотчасъ туда отправились. Когда они вошли въ царскую палату, государь, сидѣвшій тамъ съ боярами, всталъ съ трона, благословился у Константинопольскаго патріарха и потомъ всѣ сѣли по мѣстамъ. Тогда казначей сталъ являть государю патріаршіе дары; благословеніе—образъ Богородицы, чеканный обложенъ золотомъ, съ яхонты, пелена атласная сажена жемчугомъ; даровъ: кубокъ двойной серебряный, бархатъ, камки, сорокъ соболей и 10 золотыхъ угорскихъ. Такіе же дары были принесены и для царицы. Тутъ выступилъ на средину палаты бояринъ, присланный отъ царицы. Обнаживъ голову, онъ съ низкимъ поклономъ и громкимъ голосомъ изложилъ ея просьбу патріархамъ, чтобы они пришли ее благословить. Государь тотчасъ всталъ и отправился съ патріархомъ и со всѣмъ духовенствомъ въ покои своей супруги. Сперва шелъ государь, за нимъ оба патріарха, потомъ духовныя власти по чину и весь царскій синклитъ. Въ хоромахъ царицы всѣ шествующіе, неисключая и государя, должны были подождать во второй комнатѣ, т. е. въ передней палатѣ. Здѣсь находилось множество женщинъ и дѣвицъ, служившихъ царицѣ. Всѣ онѣ отъ головы до ногъ были одѣты въ бѣлое подобное снѣгу платье безо всякаго украшенія или убранства.

Въ этой палатѣ гости видѣли образа св. угодниковъ въ богатыхъ окладахъ, осыпанныхъ драгоцѣнными каменьями. Немного погодя отворилась золотая дверь и отъ имени царицы

ругой бояринъ пригласилъ патріарховъ войдти со всѣмъ собо-
омъ. Тогда вошли только государь, патріархи съ провожав-
лими ихъ епископами, братъ царицы, Борисъ Годуновъ, и бо-
ѣе никого.

„Тихо поднялась царица съ своего престола при видѣ патрі-
рховъ и встрѣтила ихъ посреди палаты, смиренно прося бла-
ословенія. Вселенскій святитель осѣнивъ ее молитвенно боль-
иимъ крестомъ, воззвалъ: „Радуйся благовѣрная и боголюбез-
ая въ царицахъ Ирина, востока и запада и всея Руси, укра-
ленie сѣверныхъ странъ и утвержденie вѣры православной!"
Затѣмъ патріархъ московскій, митрополиты, архіепископы, епи-
копы, каждый по чину, благословляли царицу и говорили ей
іодобныя же привѣтственныя рѣчи.

Она также отвѣтила рѣчью вселенскому патріарху: „Великій
осподинъ, святѣйшій Іеремія цареградскій и вселенскій, старѣй-
оій между патріархами! многое благодареніе приношу святынѣ
воей за подвигъ, какой подъялъ на пути странствія въ нашу
ержаву, дабы и намъ даровать утѣшеніе видѣть священную
лаву твою, уважаемую паче всѣхъ въ христіанствѣ правосла-
номъ, отъ коей и мы воспріяли благодать нынѣ и за сіе воз-
аемъ хвалу Всемогущему Богу и Пресвятой Его Матери и
сѣмъ святымъ, молитвами коихъ сподобились такой неизречен-
ой радости. Воистину ничто не могло быть честнѣе и достo-
вальнѣе пришествія твоего, которое принесло столь великое
крашеніе церкви Россійской, ибо отнынѣ, возвеличеніемъ до-
тоинства ея митрополитовъ въ санъ патріаршій, умножилась
лава всего царства по вселенной. Сего искони усердно желали
рародители наши, христолюбивые государи, великіе князья и
ари, и не сподобились видѣть исполненія своихъ благочести-
ыхъ желаній; и нынѣ, на сей ихъ вожделѣнный конецъ, чрезъ
іногіе подвиги дальнаго странствія, привелъ во дни нашей дер-
авы твою святыню Всемогущій Богъ". Послѣ такой рѣчи,
рекрасной и складной по отзыву Арсенія, царица, отступивъ
іѣсколько, стала подлѣ своего мѣста, между своимъ супругомъ
аремъ Ѳеодоромъ, стоявшимъ справа, и роднымъ братомъ, бо-
риномъ Годуновымъ, стоявшимъ слѣва. Поодаль, стояли бо-
рыни всѣ въ бѣломъ одѣяніи съ скрещенными на груди ру-
ами и потупивъ глаза въ землю. Царица подозвала одну изъ
ихъ, взяла изъ ея рукъ драгоцѣнную золотую чашу, украшен-
ую превосходными агатами, которая была наполнена жемчу-

гомъ (въ ней было 6000 жемчужинъ), и поднося ее патріарху, просила его принять этотъ даръ. Потомъ она сѣла на царское мѣсто, а за нею присѣли и всѣ гости.

Арсеній говоритъ, что на царицу нельзя было смотрѣть безъ удивленія, такъ великолѣпенъ и прекрасенъ былъ вообще ея царскій нарядъ. „На головѣ она имѣла ослѣпительнаго блеска корону, которая составлена была искусно изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ и жемчугами была раздѣлена на 12 равныхъ башенокъ, по числу 12 апостоловъ". Это былъ собственно: „вѣнецъ съ *городы*", т. е. съ зубцами. „Въ коронѣ находилось множество карбункуловъ, алмазовъ, топазовъ и круглыхъ жемчуговъ (гурмыцкихъ); а кругомъ она была унизана большими аметистами и сапфирами. Кромѣ того съ обоихъ сторонъ ниспадали тройныя длинныя цѣпи (рясы), которыя были составлены изъ столь драгоцѣнныхъ каменьевъ и покрыты круглыми. столь большими и блестящими изумрудами, что ихъ достоинство и цѣнность были выше всякой оцѣнки. Чужестранцы почувствовали въ себѣ родъ *тихаго ужаса* при видѣ такой пышности и великолѣпія. Одежда государыни, рукава которой достигали пальцевъ, была сдѣлана съ рѣдкимъ искусствомъ изъ толстой шелковой матеріи съ многими изящными украшеніями. Она (по краямъ) была искусно усажена драгоцѣнными жемчугами и посреди украшеній блистали превосходные драгоцѣнные каменья и яркіе карбункулы. Сверхъ этой одежды на царицѣ была мантія, другая, съ долгими рукавами, весьма тонкой матеріи, хотя съ виду очень простая и безъискусственная, но на самомъ дѣлѣ чрезвычайно дорогая и замѣчательная по множеству сапфировъ, алмазовъ и драгоцѣнныхъ камней всякаго рода, которыми она была покрыта (по краямъ).

Такою же пышностью отличались башмаки, цѣпь (монисто) и діадема (ожерелье) царицы. Арсеній восклицаетъ при этомъ, что еслибы у него было и десять языковъ, то онъ всетаки не могъ бы разсказать о всѣхъ видѣнныхъ имъ богатствахъ у царицы. „И все это, присовокупляетъ онъ, видѣли мы собственными глазами. Малѣйшей части этого великолѣпія достаточно было бы для украшенія десяти государей".

„Не менѣе сильное впечатлѣніе произвело на иноземцовъ и великолѣпное убранство палаты, сводъ которой, казалось, былъ облитъ золотомъ, украшенъ драгоцѣнными изображеніями и сдѣланъ до того искусным образомъ, что въ немъ былъ какой-то

чудный отголосокъ (звонко отзывались въ немъ тихія слова). На немъ видны были многія роскошныя украшенія, деревья, виноградныя кисти, родосскія ягоды и разнаго рода птицы. Посрединѣ (свода) находился левъ, который въ пасти держалъ кольцомъ свитаго змѣя, отъ котораго спускались внизъ многіе художественно сдѣланные и богато украшенные подсвѣчники. Стѣны кругомъ украшены были драгоцѣнною мусіею (иконописью, стѣнописью) съ изображеніемъ дѣяній святыхъ и ликовъ ангельскихъ, мучениковъ, іерарховъ, а надъ великолѣпнымъ престоломъ (мѣстомъ царицы) ярко горѣла каменьями драгими большая икона Пречистой Дѣвы съ Предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ и вокругъ ея лики св. угодниковъ, въ златыхъ вѣнцахъ, по коимъ разсыпаны жемчугъ и яхонты и сапфиры". Полъ былъ устланъ персидскими коврами, тканымы шелкомъ и золотомъ, на которыхъ искусно были изображены охотники и звѣри всякаго рода.

Такъ какъ царица просила патріарха дать благословеніе служившимъ при ней женщинамъ и дѣвицамъ, то всѣ онѣ, одна за другою, благоговѣйно подходили къ патріарху, принимали отъ него благословеніе, цѣловали у него руку и подносили ему каждая въ даръ по прекрасной ширинкѣ (вѣроятно собственнаго вышиванья.) Тогда были явлены царицѣ дары новопоставленнаго патріарха Іова.

Послѣ того, по мановенію государя, выступилъ впередъ на средину палаты величавый почтенныхъ лѣтъ бояринъ (Дмитрій Ивановичъ Годуновъ) и явилъ обоимъ патріархомъ новые дары отъ царицы: каждому по серебряному кубку и бархату черному, по двѣ камки, по двѣ объяри и по два атласа, по сороку соболей и по 100 р. денегъ. Являя дары, онъ сказалъ патріарху: „Великій господинъ, святѣйшій Іеремія цареградскій и вселенскій! Се тебѣ милостивое жалованье царское, да молишь усердно Господа за великую государыню царицу и великую княгиню Ирину и за многолѣтіе великаго государя и о ихъ *чадородіи*". Патріархъ благословилъ царицу и отвѣтствовалъ слѣдующею рѣчью: „Господь Богъ да будетъ съ тобою и всѣ святые! Всемогущій Богъ, раздѣлившій Чермное море и проведшій Израиля по суху, източившій изъ камене воду, напоившій его и проведшій его въ землю обѣтованную; Богъ, иже Архангелу Гавріилу повелѣ Непорочной Дѣвѣ Маріи благовѣстити зачатіе, той Преблагословенной Дѣвѣ, юже достойно есть

называти сосудомъ, въ немъ же хранися манна, (называти) святою горою и несгараемою купиною, въ нейже по рожествѣ своемъ живяше Христосъ, искупившій племя адамле изъ ада,— сей Богъ да пошлетъ на мя гладъ и нищету, дондеже дастъ тебѣ достойный царскаго наслѣдія плодъ“.

Такимъ же образомъ были явлены дары московскому патріарху, греческому митрополиту Іерофею монемвасійскому и архіепископу Арсенію елассонскому, описателю этой церемоніи. Точно также и къ нимъ была обращена просьба молить Бога о здравіи царицы и государя и о дарованіи имъ наслѣдника. Всѣ громкимъ голосомъ молили Бога объ исполненіи этого желанія.

Когда церемонія даровъ совершилась, царица, печальная о своемъ неплодіи, снова обратилась къ патріарху и прочему духовенству съ скорбною рѣчью, усерднѣе молить Бога о дарованіи ей и царству наслѣдника. Вздохнувъ изъ глубины сердца и съ горькими слезами она говорила: „О великій господинъ, святѣйшій Іеремія вселенскій, отецъ отцовъ, и ты, святѣйшій Іовъ патріархъ московскій и всея Руси, и вы всѣ преосвященные митрополиты, архіепископы и епископы и весь освященный соборъ! Бога Всемогущаго блаженные служители, сподобившіеся большой милости и благодати у Господа и Его Пречистой Матери и всѣхъ святыхъ отъ вѣка угодившихъ Богу, и къ нимъ непрестанно возсылающіе молитвы!—Молю васъ и заклинаю, изъ глубины души моей и съ стенаніемъ сокрушеннаго сердца, всѣми силами усердно молите Господа за великаго государя и за меня, меньшую изъ дочерей вашихъ, дабы благопріятно внялъ молитву вашу и даровалъ намъ *чадородіе*, и благословеннаго наслѣдника сего великаго царства, владимірскаго и московскаго и всея Россіи“. Горестная рѣчь царицы растрогала всѣхъ предстоявшихъ; всѣ плакали и единодушно молили объ исполненіи ея желанія. Патріархи же со всѣмъ соборомъ единодушно возгласили: „Богъ надъ всѣми сущій и Его небесная Матерь и великій Предтеча и всѣ святые, да призрятъ слезы твои, благовѣрная царица, и наши о тебѣ стенанія и да исполнятъ желанія твоего сердца. Творецъ всяческихъ, на все призирающей милостивымъ окомъ, исполнившій всѣми благами земными сіе великое царство, да даруетъ ему и наслѣдника свыше всѣхъ сихъ благъ“.

Государь и царица проводили патріарховъ до златой двери и приняли отъ нихъ еще благословеніе [1].

Въ 1642 г. пріемъ новопоставленнаго патріарха Іосифа происходилъ подобнымъ же порядкомъ. 14 апр., на свѣтлой недѣлѣ въ четвергъ, государь назначилъ ему быть у себя въ Золотой палатѣ. Съ утра, въ другомъ часу дня, къ патріарху съѣхались духовныя власти. Онъ вышелъ къ нимъ изъ келій въ крестовую палату „и дожидались отъ государя по себя присылки въ крестовой палатѣ". Когда прислана была отъ государя вѣсть, то совершивъ обычныя молитвы, патріархъ въ сопровожденіи властей отправился во дворецъ. Впереди шелъ соборный ключарь, несъ на блюдѣ животворящій крестъ Господень со святою водою. Во дворцѣ предъ Золотою Палатою государь встрѣтилъ патріарха отъ дверей съ сажень, принялъ отъ него благословеніе и шествовалъ въ палату, на царское мѣсто, а за нимъ патріархъ со властьми. Вошедъ въ палату, патріархъ пѣлъ „Христосъ воскресе" трижды и говорилъ, вмѣсто Достойно есть, Свѣтися и прочее по чину, и благословилъ царя крестомъ животворящимъ и кропилъ его святою водою, а также и царскую шапку. Государь велѣлъ патріарху и властямъ сѣсти по чину. А посидѣвъ мало, пошелъ государь къ царицѣ, а патріархъ со властями пошелъ за нимъ же. А государыня царица и в. к. Евдокѣя Лукьяновна была у себя въ *Годуновой* палатѣ, сидѣла на своемъ царицынѣ мѣстѣ на подушкѣ золотной. Съ государемъ вошли въ палату бояре, князь Алексѣй Мих. Львовъ, Лукьянъ Степановичь Стрѣшневъ (отецъ царицы), окольничій Ѳедоръ Степановичь (ея дядя и дворецкій), да Василій Ивановичь Стрѣшневы.

Войдя въ палату патріархъ по чину пѣлъ Христосъ воскресе, говорилъ, вмѣсто Достойно, Свѣтися и пр., потомъ кропилъ царицу святою водою, поздравлялъ ей государынѣ и поднесъ дары: кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею: два атласа золотныхъ двойныхъ, атласъ гладкой червленъ, камку куфтерь, камку адамашку, два сорока соболей, да сто золотыхъ. Такіе же дары, только въ меньшемъ размѣрѣ, патріархъ поднесъ царевичу Алексѣю, (50 золотыхъ) и тремъ царевнамъ Иринѣ, Аннѣ, Татьянѣ (по 30 золотыхъ). Обыкновенно случалось, что новопоставленный

[1] Чтенія О. И. и Д., 1863, кн. 2, IV, 249—252, Ж. М. Н. Пр. ч. XXV, VI, 22.—Спб. Вѣстникъ 1778. 7. 2. 174—177

святитель по своему недостатку вовсе не могъ поднести так богатые дары; но старый обычай былъ такъ крѣпокъ, что ен никогда не измѣняли и необходимые дары выдавались на этот случай изъ царской казны, куда послѣ церемоніи опять и во вращались. „А взносили всѣ тѣ дары, сказано въ запискѣ настоящемъ пріемѣ патріарха, изъ государевы казны съ Казен наго Двора и отнесены опять на Казенный же Дворъ„.

Если иногда святитель приносилъ и собственные дары, т большею частію по совершеніи обряда они также ему возвр щались, а онъ во всякомъ случаѣ получалъ отъ царскаго с мейства взаимные дары, которыми его по обычаю дарили о вѣтно. Такъ и въ этотъ день новый патріархъ получилъ от царицы, царевича и царевенъ: по кубку серебряному, по а ласу, отъ царицы двойной по серебряной землѣ, отъ царевич просто двойной, отъ царевенъ по гладкому лазоревому; по к мкѣ куфтерь, отъ царицы багровой, а отъ прочихъ по лазор вой, и по сороку соболей. „А назадъ тѣ дары у патріарха взяты. А пожаловавъ, государыня царица и царевичь и цар вны патріарха отпустили къ себѣ" [1].

Такимъ же образомъ царица и царевны принимали у се патріарха, когда поселялись на новоселье въ новыхъ хоромах Патріархъ при этомъ благословлялъ ихъ иконою и подноси хлѣбъ и соль въ серебряной солонкѣ, а также и дары: обычн сорокъ соболей и кусокъ золотой или шелковой ткани. Впроче дары, большею частію, съ благодарнымъ отказомъ, принимае небыли и возвращались снова въ патріаршую домовую каз Впослѣдствіи патріархъ приходилъ благословлять такое но селье только съ иконою и съ хлѣбомъ и солью.

Повседневные, комнатные пріемы у царицы равно какъ у бо шихъ царевенъ ограничивались, разумѣется, только лицами ж скаго пола или родственными, самыми близкими, свойственны людьми изъ мужчинъ.

Котошихинъ разсказываетъ, однакожъ, что бояре, думные близкіе люди и ихъ дѣти, въ дни своего рожденія (собстве имениnъ) пріѣзжали обыкновенно челомъ ударить цариц подносили ей свои *именинные калачи*, потомъ ходили съ имен ными колачами къ царевичамъ и къ царевнамъ. Царица въ с

[1] Вивліоѳика VI, 256.

й передней комнатѣ принимала ихъ лично, спрашивала о здоровьѣ, поздравляла именинника и приказывала принять отъ него именинный калачь, причемъ именинникъ получалъ иной разъ что либо въ подарокъ. Такъ, напр., въ 1644 г. апр. 30, сыну князя Никиты Ив. Одоевскаго, Якову, за то, что онъ поднесъ государынѣ свои именинные пироги, царица пожаловала два куска полотна, одно двойное, другое тройное. Точно такимъ же порядкомъ принимали именинниковъ и старшіе царевичи. Въ 1675 г. авг. 16 приходилъ къ в. государю съ именинными пирогами, и къ г. царицѣ и къ царевичамъ, бояринъ кн. Никита Ив. Одоевскій. Государь пожаловалъ его съ пирогами къ себѣ, и къ царицѣ и къ царевичамъ, и велѣлъ потомъ ото всѣхъ послать ему подачи, ѣствы съ кубками и съ чарками, т. е. съ винами. Могло также быть, что и маленькіе царевичи принимали лично своихъ сверстниковъ по возрасту, маленькихъ именинниковъ, дѣтей бояръ, думныхъ и ближнихъ людей. Но едвали допускались къ нимъ посторонніе старшіе именинники, кромѣ ихъ приставниковъ и приближенныхъ по родству людей. О пріемѣ бояръ у царевенъ Котошихинъ замѣчаетъ: „а у царевенъ у самихъ (именинники) не бываютъ, кромѣ свойственныхъ бояръ". Стало быть здѣсь пріемъ былъ заочный. Можно полагать, что и царица точно также принимала заочно всѣхъ бояръ и другихъ сановниковъ, которые не были ей близки по родству или по службѣ. Вообще указаніе Котошихина должно относиться по преимуществу лишь къ *ближнимъ* людямъ, вышедшимъ, и въ бояре и въ думу, изъ царскихъ комнатъ, изъ домашнихъ государевыхъ людей.

Само собою разумѣется, что подобнаго исключенія не было для лицъ женскаго пола. Боярскія жены и дочери высшаго, т. е. всего думнаго и ближняго чина, пользовались всегда личнымъ пріемомъ царицы и царевенъ. Въ дни своихъ именинъ онѣ представлялись государынѣ и царевнамъ съ своими именинными калачами; ихъ также спрашивали о здоровьѣ, поздравляли и повелѣвали принять подносимый калачь—именинникъ.

Какъ въ эти праздничные, такъ и въ обыкновенные пріѣзды къ царицѣ за какимъ либо дѣломъ по ея вызову или съ собственною просьбою, боярыни пріѣзжали зимою въ каптанахъ (крытыхъ возкахъ), а лѣтомъ въ колымагахъ и рыдванахъ. „А пріѣзжаючи къ царицыну двору, изъ колымагъ и каптанъ, онѣ

выходили у воротъ [1], а на дворъ не въѣзжали и приходя къ царицынымъ или къ царевнинымъ покоямъ, посылали боярынь сказати о своемъ пріѣздѣ царицѣ или царевнамъ". Безсомнѣнія прежде онѣ посылали своихъ боярскихъ боярынь объявить о своемъ пріѣздѣ дворовой боярынѣ, которая уже и докладывала объ этомъ царицѣ. Такимъ же образомъ шелъ докладъ и царевнамъ черезъ ихъ компатныхъ боярынь. Пришедъ къ царицѣ или къ царевнамъ, боярыни кланялись имъ въ землю, челомъ били; затѣмъ государыни ихъ спрашивали о здоровьѣ. Послѣ этой обычной формы пріема, спрашивали и о дѣлѣ, зачѣмъ пріѣхали?

Въ иныхъ случахъ царица принимала даже и крестьянокъ, покрайней мѣрѣ своихъ же дворовыхъ вотчинъ. Такъ, въ 1635 г. мая 29, къ царицѣ Евдокѣѣ Лукъяновнѣ въ селѣ Рубцовѣ (Покровскомъ) приходили челомъ ударить *са пирогом* села Рубцова рыбной слободки крестьянки, семь человѣкъ, причемъ царица пожаловала имъ по полтинѣ.

При обозрѣніи повседневной комнатной жизни царицъ мы должны намѣтить только общія главныя черты съ помощію прямыхъ и положительныхъ свидѣтельствъ, предоставляя самому читателю рисовать себѣ живую и болѣе или менѣе полную картину такой жизни изъ тѣхъ, во множествѣ разсѣянныхъ въ этой же книгѣ мелкихъ черточекъ, какія онъ самъ можетъ прослѣдить, если употребитъ на это необходимое вниманіе. Въ послѣдующихъ главахъ и особенно въ отдѣлѣ матеріаловъ онъ найдетъ многія, хотя еще и сырыя краски для воспроизведенія подобной картины. Съ своей стороны мы ограничиваемъ себя только одною черновою работою и въ настоящемъ случаѣ указываемъ лишь основныя положенія такой жизни.

Послѣ обычнаго утренняго моленія у крестовъ, къ царицѣ приходилъ отъ государя ближній человѣкъ спросить о здоровьѣ, какъ почивала? Такой спросъ происходилъ однакожъ чрезъ комнатныхъ боярынь. Одна изъ нихъ, по преимуществу крайчая, принимала посланнаго и докладывала объ этомъ царицѣ, передавая тѣмъ же путемъ и ея отвѣтъ. Да и всѣ другія сноше-

[1] У Курстныхъ дворцовыхъ воротъ, взади царицыныхъ хоромъ, куда и всходили во дворецъ по свѣтличной лѣстницѣ, находившейся подлѣ этихъ воротъ.

царствующихъ супруговъ всегда происходили посредствомъ такихъ же „обсылокъ“, чрезъ боярынь со стороны царицы и чрезъ ближнихъ людей со стороны государя. Весьма понятно, что эти обсылки ввѣрялись людямъ самымъ приближеннымъ и испытанымъ или долгою службою, или особыми родственными отношеніями.—Обсылки, однакожъ, происходили только въ тѣ дни, когда супруги почивали особо. Тогда послѣ обсылки, государь и самъ приходилъ къ царицѣ здороваться и такъ какъ эти дни бывали нерѣдко богомольные, постные или праздничные, то супруги выходили вмѣстѣ къ заутрени или къ ранней обѣднѣ въ одну изъ сѣнныхъ церквей. Когда же царицѣ не вмѣстимо было идти въ церковь, то царь приходилъ съ нею здороваться, отслушавъ одинъ церковную службу.

Въ повседневной царицыной жизни, какъ это было и вездѣ, утро, т. е. все время до обѣда, посвящалось, конечно разнаго рода занятіямъ. Здѣсь важнѣйшимъ каждодневнымъ предметомъ для размышленій, обсужденій и заботъ были женскія рукодѣлія, заготовленіе разнообразныхъ частей наряда и различной церковной „круты“ или одежды. Вся такая рукодѣльная дѣятельность царицыной жизни сосредоточивалась главнымъ образомъ въ Свѣтлицѣ, обозрѣніе которой мы помѣщаемъ ниже. Это было отдѣльное и обширное рукодѣльное заведеніе, исполнявшее всякія подобныя работы, даже и на половину государя. Немало требовалось времени только для того, чтобы пересмотрѣть взнесённый для шитья и другихъ рукодѣлій различный узорочный товаръ, разныя дорогія и легкія ткани, шелки, золото и серебро, жемчуги, камни и т. п., а вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣть, полюбоваться издѣліями мастерицъ, предметами своего или дѣтскаго убора и наряда; указать, чего желается, что нужно, какъ исправить, передѣлать, или какъ пополнить работу. Если самъ государь проводилъ много времени въ осмотрѣ работъ своей Оружейной Палаты, иконописныхъ, живописныхъ, рѣзныхъ костяныхъ и деревянныхъ, золотыхъ и серебряныхъ, и собственно оружейныхъ, то еще больше времени проводила и царица въ осмотрѣ работъ своей Свѣтлицы. Здѣсь такой осмотръ имѣлъ еще больше значеніе по той причинѣ, что царица была сама рукодѣльницею тѣхъ же самыхъ предметовъ. Она нерѣдко по обѣщанію сама вышивала шелками, золотомъ и серебромъ и низала жемчугомъ и каменьями какую либо утварь въ домовыя свои церкви, въ соборы или въ монастыри къ особо чтимымъ

угодникамъ. Точно также она сама работала и нѣкоторые предметы изъ платья государю, и дѣтямъ, напр. ожерелья или воротники къ сорочкамъ и кафтанамъ, какъ и самыя сорочки, обыкновенно вышиваемыя шелками и золотомъ, также ширинки или платки, полотенца и т. п. Дѣтямъ у царицы въ хоромахъ шились даже куклы, для чего отпускались туда нерѣдко, лоскутки и остатки разныхъ дорогихъ и легкихъ шелковыхъ и золотныхъ тканей. Мы не упоминаемъ о дѣтскомъ бѣльѣ, которое большею частію тоже по всему вѣроятію изготовлялось въ комнатахъ царицы, особенно для маленькихъ дѣтей.

Мы увидимъ ниже, что такъ называемую *бѣлую хамовную* или полотняную *казну* заготовляли по годовому окладу нѣсколько особыхъ слободъ. Все это заготовленіе вмѣстѣ съ мастерами и мастерицами находилось въ завѣдываніи царицына приказа Мастерской Палаты. Обыкновенно царицы сами пересматривали доставляемые полотна, скатерти, убрусы, пряжу и т. п. предметы льнянаго дѣла, сами сортировали ихъ, иное оставляя для собственнаго употребленія, иное назначая для даровъ и даже на продажу, что залежалось или не слишкомъ чисто было сдѣлано. Такъ въ 1631 г. мая 3 царица была въ своей казнѣ въ Мастерской Палатѣ и велѣла передъ собою выбрать на продажу 27 столбцовъ (кусковъ, свернутыхъ столбцомъ) скатертныхъ задѣйчатыхъ, 24 столбца хлопчатыхъ, 34 столбца тверскихъ, 30 полотенъ двойныхъ гладкихъ лежалыхъ и не лежалыхъ, [illegible] полотенъ двойныхъ полосатыхъ, 32 полотна тройныхъ полосатыхъ, 20 полотенъ тверскихъ; а выбравъ, велѣла ихъ оцѣнить, а оцѣня, продать. Всего такимъ образомъ оцѣнено торговыми людьми на 101 р. 8 алт., а продано сверхъ оцѣнки съ прибылью на 51 р. 6 алт. 2 деньги.—Въ 1632 г. сент. 6, царица была въ своей казнѣ и взяла 2 утиральника полосатые, убрусное полотенцо, полотно основное, 5 полотенъ тройныхъ гладкихъ, 15 полотенъ тверскихъ, 30 полокъ убрусныхъ. Въ 1633 г. генв. 21 царица была въ своей казнѣ и пожаловала Ѳед. Ст. Стрѣшневу (своему дядѣ и дворецкому) полотно двойное да полотно тройное гладкія; да отставныхъ столбецъ скатертный, да полотно тройное; да дьяку Сурьянину Тороканову полотно тройное гладкое; да царица выбрала въ своей казнѣ на продажу по оцѣнкѣ на 90 р. 10 алт., а денегъ взято продажею, а не по оцѣнѣ, 126 р. 28 алт. 2 д.—Въ 1640 г. окт. 8 царица смотрѣла своей Брейтовской казны, т. е. привезенной изъ се-

Брейтова, и оставила у себя въ хоромѣхъ 50 полокъ убрусныхъ; и т. д.

Иной разъ такимъ же образомъ царица пересматривала свой гардеробъ, назначая поношенное или залежавшееся въ отставку именно „въ отдачу", т. е. въ даръ кому либо изъ своихъ родственницъ или изъ своихъ комнатныхъ, а также на перешивку дѣтямъ.—Родственницъ своихъ царица одѣвала по большой части, если не съ собственнаго плеча, то всегда изъ своей казны и изъ своей мастерской палаты готовымъ платьемъ, постройка котораго, безсомнѣнія происходила, при ея же непосредственныхъ хлопотахъ и заботахъ. Мелкія свидѣтельства всему этому мы найдемъ въ отдѣлѣ матеріяловъ, въ запискахъ *верховаго взноса.*

Въ извѣстное время царица принимала доклады о разныхъ дѣлахъ по вѣдомству своего Постельнаго Приказа и своего дворцоваго обихода отъ дворецкаго или отъ дьяка, а большою частію чрезъ своихъ дворовыхъ боярынь и преимущественно отъ боярыни крайчей. Главныя дѣла касались хозяйскаго и служебнаго устройства различныхъ частей царицына обихода и всего ея чина. Она утверждала, конечно не безъ совѣта съ государемъ, опредѣленіе и увольненіе всѣхъ служителей своего двора; *приказывала* тѣ или другіе расходы, выдачи, раздачи, покупки, посылки, подачи и т. п. По всему вѣроятію ея же рѣшеніямъ подчинялась и ея *судимая* или *судная* палата, гдѣ судился ея царицынъ чинъ, когда его дѣла касались какихъ либо дворцовыхъ случаевъ и обстоятельствъ, особенно по отношенію къ какимъ либо безпорядкамъ, производимымъ во дворцѣ или, еще важнѣе, къ посягательству нанести безпокойство государеву семейству, какой либо вредъ его здоровью или чѣмъ либо оскорбить его. Подобныхъ дѣлъ случалось немало вслѣдствіе неимовѣрной дворцовой подозрительности и частыхъ извѣтовъ или доносовъ.

Впрочемъ въ дневномъ дѣлѣ у царицы преобладало всегда дѣло милосердія, дѣло помощи бѣднымъ, нуждающимся. Мы видѣли, съ какою щедростью раздаваема была царицею милостыня нищимъ во время богомольныхъ выходовъ и вообще во время богомольныхъ дней. Но и кромѣ нищихъ, множество бѣдныхъ людей, преимущественно женщинъ же, и главнымъ образомъ изъ служилаго только сословія пользовались всегдашнимъ доступомъ къ милосердію царицы, подавая ей черезъ дьяка

особыя челобитныя о своихъ нуждахъ и пріурочивая эту подачу челобитныхъ большею частію къ праздничнымъ и особенно къ именниннымъ царскимъ днямъ. По всему вѣроятію челобитныя читались самой царицѣ. Въ нихъ вдовы и сироты разсказывали свою горькую нужду и бѣдственное положеніе: кто по сиротству шелъ въ монастырь и просилъ на „постригаинье“; кто просто извѣщалъ, что „судомъ Божіимъ, государыня, нѣтъ у меня ни отца, ни матери, вступиться въ бѣдность мою некому“: кто просилъ окупить съ правежу: „стою я бѣдная въ напраснѣ въ 8 рубляхъ на правежѣ (въ долгу), а окупиться мнѣ нечѣмъ“; кто писалъ: „сговорила я дочеришку свою замужъ, а выдать мнѣ на срокъ послѣ Крещенья въ первое воскресенье, а выдать мнѣ нечѣмъ; или; „а дѣтишки мои часовники повыучили, а псалтыри купить не чѣмъ, прикажи на псалтыри дати, чѣмъ тебѣ, государыня, Богъ извѣститъ“: или: „мужа моего убили на вашей службѣ подъ Каширою, у Троицы на Бѣлыхъ Пескахъ, за васъ государей голову положилъ и кровь пролилъ. Пожалуй меня, бѣдную вдову, за мужа моего службу и за кровь, вели меня постричь въ свое богомолье, въ Вознесенскій монастырь; а я стара и увѣчна и скитаюсь межъ дворъ, чтобъ я. бѣдная волочась межъ дворъ, не погибла; а я, государыня, нага и боса“. Очень часто челобитчики изъясняли только, что скитаются межъ дворъ, помираютъ голодною смертію, въ конецъ погибаютъ, а поить и кормить, и одѣть и обуть некому, роду и племени нѣтъ, помощника себѣ никого неимѣютъ, окромѣ Бога и тебя великой государыни“. Иной разъ въ челобитной какой либо вдовы излагалось нѣчто въ родѣ послужнаго списка, разсказывались подвиги и служба мужа. Въ 1642, февр. 16 царицѣ была подана между прочими слѣдующая челобитная: „Государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣе Лукъяновнѣ бьетъ челомъ бѣдная и безпомочная вдова, древняя и скорбная, тверитина Камышникова женишко Рудакова Марьица: служилъ мужъ мой прежнимъ государемъ и вамъ государемъ въ сотникахъ въ стрѣлецкихъ всякіе ваши государевы службы, въ датцкихъ и въ свитцкихъ нѣмцахъ и въ Стекольнѣ былъ три года и вышелъ къ Москвѣ; а послѣ того былъ на Низу въ Астрахани съ головою съ Темиремъ Засѣцкимъ и на Колугѣ городъ ставилъ, и былъ на вашей государевѣ службѣ четыре года; и какъ завоевались на Сиверѣ и въ сиверскомъ Новѣгородкѣ въ осадѣ сидѣлъ съ Михайломъ Шеинымъ; и какъ подъ Москвою

въ таборьѣ стояли воровскіе люди, а мужъ мой въ ту пору на Дѣдиловѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ, и хотѣли съ башни скинуть и онъ ушелъ къ вамъ государемъ къ Москвѣ, а вору креста не цѣловалъ: и какъ подъ Москвою въ Тушинѣ стояли литовскіе люди и мужа моего выбрали въ полкъ къ боярину къ князю Михаилу Васильевичу Шуйскому Скопину, и его взяли въ полонъ; и въ полону былъ три мѣсяца, въ день ровъ копалъ, а на ночь къ колку прикованъ; и изъ полону ушелъ. А какъ ходили съ обозомъ на воровскіе люди, и мужа моего выбрали въ обозъ съ сотнею, и въ обозѣ его изранили, положили двѣнадцать ранъ; и какъ пошелъ подъ Царево Займище бояринъ князь Дмитрій, и мужа моего послали тутъ же съ сотнею, и его взяли въ полонъ, и былъ въ полону два мѣсяца: и изъ полону ушелъ къ Москвѣ изъ Можайска. И какъ литовскіе люди Москву разорили и мужъ мой ушелъ въ Симоновъ монастырь и его убили на дѣлѣ Литовскіе люди; а вору креста не цѣловалъ. И съ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣстъ, послѣ мужа своего 30 лѣтъ скитаюсь межъ дворъ, помираю голодною смертью, нага и боса, помираю голодною смертью, а которые и были у меня сродичи и тѣ всѣ побиты на вашей государевой службѣ подъ Смоленскомъ; надѣяться не на кого. Г. царица и в. к. Евдокѣя Лукъяновна! пожалуй меня бѣдную, дряхлую, скорбную, увѣчную, для своего государскаго многолѣтняго здравія, за службу, за кровь и за осадное сидѣнье и за полонское терпѣнье мужа моего и для моей бѣдности и скорби; вели, государыня, мнѣ дати на одеженко, какъ тебѣ, государыня, Богъ извѣститъ. Государыня, царица смилуйся пожалуй! „Помѣта:“ 150 г. февр. 16, дать полтина“.

Помѣту обыкновенно клалъ дьякъ. Полтина была жалованьемъ среднимъ; большею частью назначалась гривна, а иногда алтыны, одинъ, два и больше. Въ особенно уважительныхъ случаяхъ царица жаловала и рубли. Само собою разумѣется, что не всѣ эти выдачи назначались самою царицею. Должно полагать, что вообще ихъ разрѣшалъ ея дворецкій или дьякъ представляя царицѣ только общій докладъ и обращая ея вниманіе только на какіе либо исключительные и заслуживающіе особаго милосердія случаи.

Былъ еще въ царицыномъ быту особый кругъ заботъ, которому также отдавалось достаточно времени, занятій и соображеній. Для своего двороваго и въ особенности для своего двороваго женскаго чина, какъ и для всѣхъ своихъ многочислен-

ныхъ родичей, царица являлась сердобольною, попечительною матерью, которая должна была устроить жизнь и судьбу каждаго изъ своихъ домочадцовъ. Таковы были требованія давняго обычая, ставшаго закономъ жизни. По этому закону, какъ извѣстно, каждый домовладыка, почиталъ своею прямою обязанностію заботиться о чадахъ дома, какъ о собственныхъ дѣтяхъ, малыхъ воспитать и научить, а главное, возрастныхъ сочетать бракомъ, дѣвицъ повыдать замужъ, молодцовъ поженить. Такъ какъ царскій бытъ въ своихъ основахъ и общихъ началахъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго вотчинническаго или помѣщичьяго быта, то и здѣсь очень естественно встрѣтить обычныя попеченія о своихъ домочадцахъ, какія прилагалъ каждый помѣщикъ о своихъ крѣпостныхъ. Вотъ почему всѣ дѣвицы, всякаго чина, жившія во дворѣ царицы, всегда изъ двора же были выдаваемы замужъ за добрыхъ дворовыхъ же или стороннихъ людей по одобренію самой царицы. Въ расходныхъ запискахъ ея Постельнаго Приказа нерѣдко встрѣчаются свидѣтельства или о постройкѣ свадебнаго наряда для „верховыхъ дѣвокъ", или о выдачѣ имъ на свадьбу денегъ. Есть указаніе, что царица сама дѣлала смотрины невѣстѣ, для кого либо изъ дворовыхъ жениховъ, а стало быть уже непремѣнно сама же смотрѣла и жениховъ для дворовыхъ дѣвицъ, разумѣется при соблюденіи необходимыхъ условій своего замкнутаго быта, т. е. всегда потаенно и скрытно. Въ 1653 году былъ такой случай: отставленый дворцовой сторожъ Иванъ Девуля пришелъ въ Вознесенскій монастырь къ одной изъ старицъ, именно къ келарю, и просилъ, чтобъ она „у себя въ монастырѣ поискала дѣвки, которая бъ была лѣтна, хотя и увѣчна и нага и боса, а жениха, сказалъ, ты сама знаешь, зовутъ Фроломъ, Мининъ, малоуменъ". Затѣмъ онъ просилъ о невѣстѣ и у другихъ монастырскихъ женщинъ. Невѣста вскорѣ была указана, сиротинка, жившая въ кельи у старицы Афросиньи. Желая устроить свадьбу, и не надѣясь, вѣроятно, выманить у старицы невѣсту для своего Фрола, Девуля схитрилъ и обманулъ ее слѣдующимъ образомъ. Онъ пришелъ къ ней будто именемъ царицы, сказалъ царицыно жалованное слово, что по челобитью царицѣ отъ ея царицына крестоваго дьячка, хочетъ этотъ дьячокъ тоѣ дѣвку замужъ взять; прибавивъ, что государыня напередъ тоѣ дѣвки досмотрится, а для того провестибъ ее мимо государыни въ такое то число, въ 5 часу дни, а государыня де будетъ въ т

время гулять въ Царя-борисовской палатѣ; и ту дѣвку провестпбъ по улицѣ мимо той палаты. Старица отказывалась, говорила, что у дѣвки замужъ и мысли нѣтъ и не хочетъ, что она нога и боса и платья ничего нѣтъ. Девуля объяснялъ, что платье все пожалуетъ государыня царица; и полотна, и все дастъ съ Верху для ради своего крестоваго дьяка.

Въ назначенный день Девуля вмѣстѣ съ избранною свахою, явился въ келью къ старицѣ за невѣстою, чтобъ вести ее къ смотрѣнью предъ государыню, мимо Царя-борисовской палаты, и принесъ съ собою для невѣсты доброе платье. Старица, не познавъ ихъ лукавства и обмапу, нарядивъ дѣвку къ осмотрѣнью, отпустила съ ними. А они отвели невѣсту прямо въ церковь и тамъ обвѣнчали ее съ Фроломъ. Само собою разумѣется, что обмануть подобнымъ образомъ возможно было лишь въ такомъ случаѣ, когда всѣмъ было извѣстно, что во дворцѣ у царицы такіе смотрины и такія сватовства—дѣло обычное, бывалое. Небывалому дѣлу никто бы и не повѣрилъ. Здѣсь же именемъ царицы совершался обманъ, даже предъ лицемъ игуменьи, какъ о томъ жаловалась впослѣдствіи самой же царицѣ старица Евфросинья. Подробнѣе этотъ случай разсказанъ въ подлинномъ дѣлѣ, которое мы приводимъ ниже.

Во дворцѣ, при хоромахъ царицы жило много дѣвочекъ—сиротинокъ, которыя попадали туда разумѣется при посредствѣ верховыхъ боярынь или по какимъ либо случаямъ избирались и прямо самою царицею. Изъ такихъ случаевъ особенно часто встрѣчалось крещенье въ православную вѣру иноземокъ. Царица всегда принимала самое усердное участіе въ этихъ событіяхъ, щедро награждала новокрещенныхъ и послѣ всегда имъ покровительствовала: дѣтей же и именно сиротъ почти всегда принимала въ свои хоромы. Но случалось, что дѣвочки поступали къ ней и отъ живыхъ родителей. Такъ въ 1653 г. была взята въ Верхъ, отъ отца и отъ матери, дѣвочка иноземка еврейской породы, крещена и воспитана во дворцѣ, а потомъ выдана съ Верху же замужъ за пѣвчаго дьяка.

Царица часто крестила нѣмокъ, татарокъ, калмычекъ, арапокъ; неизвѣстно только бывала ли она сама воспріемницею этихъ новокрещенныхъ или отдавала кому изъ верховыхъ боярынь; но крещаемымъ изъ дворца всегда изъ царицыной казны выдавалось платье и деньги. Такъ были крещены въ сент. 1652 г. нѣмка Ульяна съ дочерью, *вымышленикова* жена, вѣро-

ятно жена какого либо нѣмца-инженера, ибо именемъ вымышленика назывались у насъ инженеры. Въ томъ же мѣсяцѣ крестилась нѣмка Авдотья Александрова, жена полковника Лесля. Ей куплено: крестъ золотой вѣсомъ 4 золотника за 5 р., цѣпочка серебр. вызолоченная вѣсомъ 14 зол. за 3 р., башмаки бѣлые сафьянные, пчетыги червчатые — за 21 алт. 4 д. Въ октябрѣ крещена нѣмка Авдотья Томасова жена, которой куплено: крестъ золотой 2½ р., цѣпочка серебр. вызолоч. 12 золотн. 2 р. 23 алт. 2 д., — башмаки бѣлые, пчетыги желтые сафьянные за 22 ал., ошивка кружевная 16 ал. 4 д.—Въ ноябрѣ въ Варсонофьевскомъ монастырѣ крещены татарки три вдовы, четвертая мужня жена. Имъ куплены кресты, одинъ серебряный позолоченый 3 зол. за 11 ал., три серебр. бѣлыхъ по 3 зол. за 24 алт. Тогда же крещена дѣвка татарка, которой куплена тѣлогрѣя киндячная на песцовомъ мѣху, рубашка женская и сапоги барановые красные. Въ это же время тремъ новокрещенымъ татарченкамъ куплено три кафтана кушачные червчаты на зайцахъ съ мишурными нашивками за 4 р. 15 алт. Въ февралѣ 1653 г. въ Вознесенскомъ монастырѣ крещена дѣвка самоядка, которой тогда куплены сапоги желтые сафьянные и чулки бѣлые за 23 ал. 2 д.

При царицѣ Евдокѣѣ Лукъяновнѣ одна изъ новокрещеныхъ нѣмокъ, дѣвка Авдотья Капитонова, находилась даже въ собственной комнатѣ царицы, была ею очень любима и исполняла всѣ комнатныя ближайшія ея порученія и приказанія. Замѣчательно, что черезъ 18 дней послѣ кончины царицы она была выслана изъ дворца въ свое помѣстье, вѣроятно, прежде ей пожалованное. 5 сентября 1645 г. государь указалъ сослать с Москвы въ Нижній Новгородъ дѣвку Авдотью Капитонову и сестру ея вдову Авдотью же съ дѣтьми на своихъ государевыхъ подводахъ, а изъ Нижняго указалъ государь ихъ сослать въ Нижегородскій уѣздъ въ ихъ помѣстье деревню Лѣтнюю до сего государева указу. Для береженья съ ними посланъ сынъ боярскій. Въ городѣ велѣно ихъ принять воеводѣ, а принявъ сослать въ деревню и изъ деревни никуды выѣзжать имъ государева указу не велѣть, въ обидахъ отъ всякихъ людей оберегать и въ обиду людей ихъ и крестьянъ никому не давать; а будетъ кто изъ дворянъ или изъ дѣтей боярскихъ той дѣвкѣ Авдотьѣ жениться похочетъ и тоѣ дѣвку велѣть выдать замужъ сестрѣ ея вдовѣ Авдотьѣ, изъ воли, безъ всяко

опасенья, а что у дѣвки государева жалованья помѣстья и вотчины и тѣмъ помѣстьемъ и вотчинами государь пожалуетъ жениха ея". Она была государскою крестницею.

Очень естественно, что еще бо́льшія заботы царица полагала объ устройствѣ судьбы своихъ бѣдныхъ родственницъ, которыя, дѣвицами, жили обыкновенно въ Верху на ея попеченіи. Онѣ составляли особую степень верховыхъ царицыныхъ чиновъ подъ именемъ верховыхъ дѣвицъ боярышенъ. Въ этотъ чинъ царица опредѣляла по большой части сиротъ своего родства, а иногда брала дѣвицъ и у родителей, по бѣдности неимѣвшихъ средства дать имъ воспитаніе, а главнымъ образомъ не имѣвшихъ средствъ выдать ихъ замужъ. Такимъ дѣвицамъ царицынъ Верхъ всегда являлся надежною опорою и заботливымъ покровителемъ. До возраста онѣ стольничали у малолѣтнихъ царевенъ, служили имъ въ ихъ дѣтскихъ играхъ и жили въ ихъ же комнатахъ. На возрастѣ царица выдавала ихъ замужъ за добрыхъ людей, въ которыхъ, конечно, недостатка никогда не было, ибо женитьба на верховой боярышнѣ всегда сопровождалась значительными выгодами для жениха и въ отношеніи приданаго и въ отношеніи службы. „А иныхъ дѣвицъ и вдовъ, небогатыхъ, говоритъ Котошихинъ, царица и царевны отъ себя съ двора выдаютъ замужъ за стольниковъ, за стряпчихъ и за дворянъ, и за дьяковъ и жильцовъ, своимъ государскимъ надѣленіемъ, также и вочтины даютъ многіе или на вотчины деньгами изъ царскіе казны, да ихъ же отпущаютъ по воеводствамъ, и тѣ люди воеводствами побогатѣютъ".

Однакожъ, чтобы такое приданое, какъ и сама невѣста дѣйствительно попадали въ руки доброму человѣку; необходимо было наводить объ избираемыхъ женихахъ надлежащія справки, необходимо было подробно узнавать ихъ житье-бытье, что по всему вѣроятію и дѣлалось чрезъ верховыхъ и пріѣзжихъ боярынь, а равно и чрезъ ближнихъ людей государя, конечно при посредствѣ тѣхъ же боярынь. Нельзя также сомнѣваться, что, принимая особенное участіе въ судьбѣ своихъ верховыхъ боярышенъ, царица и самолично досматривала ихъ жениховъ скрытно и ни для кого невидимо, какъ подобало въ царицыномъ быту.

Въ иныхъ случаяхъ дѣлать подобные справки и досмотры было не трудно, и именно относительно лицъ, которыя по службѣ часто бывали во дворцѣ, какъ напр. стольники, стряпчіе, жильцы. Къ томуже въ хоромахъ царицы и вообще во дворцѣ всегда

очень хорошо было извѣстно житье-бытье каждаго изъ бояръ, и каждаго изъ значительныхъ дворянъ, по той простой причинѣ, что царь съ царицею были по своимъ отношеніямъ ко всей служебной средѣ прямыми вотчинниками домовладыками и почитали все боярское и вообще дворянское общество Москвы за одну семью своихъ домочадцевъ. Въ этой средѣ царь значилъ тоже, что старинный помѣщикъ въ средѣ своихъ дворовыхъ, о чемъ мы уже отчасти говорили въ I томѣ. — Очень естественно, что особенно важныя и видныя домашнія дѣла каждаго члена этой среды всегда были на виду и въ царскомъ дворцѣ, гдѣ съ родительскимъ попеченіемъ и усерднымъ опекунствомъ непрестанно наблюдали за всѣми дѣйствіями своихъ домочадцевъ. Во дворцѣ бывало извѣстно все, что говорили на площади, на пирахъ, даже въ отдаленныхъ походахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своей перепискѣ самъ царь Алексѣй Михайловичъ. И само собою разумѣется, что раскрытіе домашнихъ дѣлъ служилаго и приближеннаго общества всего любопытнѣе было для домашней же среды дворца, т. е. для женской среды, гдѣ собирались жены мужей, матери дѣтей, сестры братьевъ и т. д. Это закрытое въ своихъ теремахъ общество, никому невидимое во дворцѣ, становилось по временамъ даже политическою силою, которая своимъ подземнымъ вліяніемъ давала извѣстное направленіе государевымъ поступкамъ и дѣламъ, возводило людей на высоту царскихъ милостей, а стало быть и управленія, или низвергало ихъ съ этой высоты, поддерживало падающихъ или помогало имъ въ паденіи. Исторія этого общества нѣма, по той причинѣ, что ея героями бывали все люди неименные, жившіе въ покореніи, въ монастырскомъ постничествѣ и молчаніи; но она весьма значительна и любопытна по несомнѣнному присутствію ея скрытыхъ дѣяній во многихъ государственныхъ дѣлахъ. Какъ исторія по преимуществу домашняя, она и раскрыться можетъ только при всестороннемъ разслѣдованіи домашнихъ же дѣлъ государя и народа.

Котошихинъ, отмѣчая подобную черту дворскихъ отношеній, говоритъ между прочимъ, что боярскія и вообще ближнихъ людей жены, вдовы и дочери—дѣвицы пріѣзжали часто во дворецъ къ царицѣ, царевнамъ и къ царевичамъ ходатайствовать о своихъ мужьяхъ и дѣтяхъ, о своихъ братьяхъ и родственникахъ и всегда успѣвали въ этомъ, всегда находили у царской семьи надобную помощь и защиту во всякомъ дѣлѣ. „Царь ти

дѣла дѣлаетъ, о которыхъ бываетъ такое челобитье, хотябъ которой князь или бояринъ или иныхъ большихъ и меньшихъ чиновъ человѣкъ въ какой бѣдѣ ни былъ, о чемъ бы ни билъ челомъ, еслибъ кто и къ смерти былъ приговоренъ и, по прошенію своей семьи можетъ царь все доброе учинити и чинитъ; и такихъ дѣлъ множество бываетъ, что царица, и царевичи, и царевны, многихъ людей отъ напрасныхъ и не отъ напрасныхъ бѣдъ и смертей свобождаютъ, а иныхъ въ честь возвышаютъ и въ богатство приводятъ".

Бывало у царицъ и царевенъ не мало занятій, хлопотъ и заботъ, и по вотчинному своему хозяйству, которое въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ селахъ принадлежало имъ какъ бы въ собственность, составляя ихъ особую комнатную статью хозяйскаго дѣла.

Въ первой половинѣ XVII ст. такою домашнею вотчиною было село Рубцово—Покровское (нынѣ Покровская улица), а во второй половинѣ того же столѣтія—село Измайлово. Рубцово, вѣроятно, было старинною вотчиною Романовыхъ и потому въ первые года царствованія Михаила оно принадлежало его матери инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ, а отъ нея потомъ перешло въ исключительную собственность къ царевнѣ Иринѣ Мих., которая и была его полною хозяйкою—вотчинницею. Впрочемъ сначала, за ея малолѣтствомъ, такою хозяйкою—вотчинницею была мать ея, сама царица Евдокѣя Лукьян. Селомъ управлялъ прикащикъ, въ 1632 Никифоръ Васильевъ, и управлялъ, видно, какъ слѣдовало старинному прикащику, такъ что въ это время старосты и крестьяне били на него челомъ, что дѣлаетъ имъ обиды и налоги многіе и во всемъ ихъ стѣсняетъ. И это было въ Москвѣ, подъ крыломъ и на глазахъ самой царицы. Рѣшено было *сыскать* о немъ въ селѣ попами и дьяконами, т. е. допросить ихъ по священству, справедлива ли была жалоба крестьянъ? Вотчинное хозяйство села состояло изъ обыкновенныхъ хозяйскихъ статей, которыя вѣдали дворовые люди, получавшіе годовое окладное жалованье: мельникъ 6 р., другой мельникъ засыпка 3 р.; два садовника по 5 р.; два рыбника—по 3 р.; три коровника по 2 р.: 2 конюха по $1\frac{1}{2}$ р., съ 1632 г. по 2 р., а потомъ и по 3 р.; гусятникъ—рубль, съ 1632 г. 2 р.; дворникъ или сторожъ вотчиннаго двора—2 р.; а потомъ 3 р. Мѣсячины

имъ шло на мѣсяцъ: мужу съ женою по чети ржи, въ мясные дни по части мяса, въ постные дни по звену рыбы. По праздникамъ бывало указное питье. При Михаилѣ Ѳед. Рубцово—Покровское было любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ царской семьи и потому на устройство тамошняго хозяйства были употреблены тогда не малыя заботы. Въ 1632 г. печатнаго дѣла мастеръ Оцисимъ устроилъ тамъ пруды, а въ 1635 г. разведены сады, которые въ 1641 г. снова строилъ нѣмецъ дохтуръ Венделинусъ Сибилисъ. Хозяйство, время отъ времени, пополнялось также необходимыми статьями, какія требовались для его улучшенія. Такъ, въ сентябрѣ 1634 г. куплены въ табунѣ 4 кобылицы ногайскія за 21 р., царевны Ирины на обиходъ, и посланы на конюшню въ село Рубцово.

Со времени царя Алексѣя Покровское было оставлено въ исключительномъ владѣніи царевны Ирины [1]. Впослѣдствіи въ той же сторонѣ царь устроилъ для себя особое вотчинное хозяйство и дачу въ Измайловѣ, гдѣ всѣ статьи хозяйства, и пруды, и сады, явились несравненно въ лучшемъ и обширнѣйшемъ видѣ и заведены были при помощи разнаго рода нѣмецкихъ мастеровъ. Царица завѣдывала здѣсь всѣми женскими работами, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимало льняное дѣло.

Кромѣ этихъ двухъ вотчинныхъ хозяйствъ были еще весьма значительныя, по преимуществу садовыя, хозяйства въ селахъ Коломенскомъ и Воробьевѣ, которыя тоже служили увеселительными дачами для царской семьи. Само собою разумѣется, что сады доставляли не мало прохлады или удовольствія въ замкнутой жизни царицъ и царевенъ, какъ и всего ихъ женскаго чина. Въ Коломенскомъ и безсомнѣнія и въ другихъ сельскихъ царскихъ дворцахъ хоромы царевенъ, именно ихъ терема выходили окнами прямо въ садъ, въ густоту зеленыхъ деревьевъ, изъ которыхъ, по вкусамъ вѣка, больше другихъ любимы были деревья плодовыя, груши, яблони, вишни.

Былъ въ царскомъ дворцѣ стародавній обычай посылать близкимъ знакомымъ и уважаемымъ людямъ изъ своихъ садовъ и огородовъ на каждый годъ, въ свое время, новое *сптье* или *новь*, т. е. созрѣвшіе вновѣ садовые плоды и овощи, ягоды, дыни, арбузы, огурцы, рѣдьку и т. п., а также и другія, вновь

[1] Въ началѣ XVIII ст. оно точно также находилось въ собственномъ владѣніи цесаревны Елисаветы Петровны.

появлявшіяся потребы, напр. сельди переяславскія, когда было время ихъ привоза. Все это разсылалось изъ дворца приближенному боярству, дворянству и особенно наиболѣе чтимому духовенству, патріарху, митрополитамъ, епископамъ, архимандритамъ, даже строителямъ монастырей, кто жилъ въ Москвѣ. Такъ 20 іюля 1652 г. царевна Татьяна Мих. поспѣшила послать Никону, тогда еще новгородскому митрополиту, новую дыню и новую вишню. На другой день ему прислала вишни и царица Марья Ильична. На третій день 22 іюля царица прислала ему дыню и другія новыя ягоды. Такимъ образомъ и садовое дѣло, въ лѣтнее время, доставляло царицѣ и царевнамъ не мало занятій и развлеченій и заботъ о томъ, чтобы пораньше другихъ собрать свою новь и разослать ее любимымъ и уважаемымъ людямъ.

Послѣобѣденное время, особенно въ праздничные дни, равно какъ и долгіе осенніе и зимніе вечера отдавались разумѣется разнаго рода домашнимъ, комнатнымъ утѣхамъ и увеселеніямъ. Для этой цѣли во дворцѣ существовала даже Потѣшная Палата, нѣчто въ родѣ особаго, собственно потѣшнаго отдѣленія съ цѣлымъ обществомъ разнаго рода потѣшниковъ. Обозрѣнію Потѣшной Палаты или домашнихъ дворцовыхъ увеселеній мы отдѣляемъ особую статью, а здѣсь упомянемъ въ общихъ чертахъ, какого рода забавы были обыкновенны въ комнатахъ царицы. Можно навѣрное полагать, что ея забавы были „народны" и сообразовались съ народнымъ же порядкомъ увеселеній. Такъ напр. ко святой царицамъ всегда устроивалась качель, и именно веревочная, обшиваемая по веревкамъ бархатомъ или атласомъ, съ сѣдалкою, обтянутою по хлопчатой бумагѣ тоже бархатомъ.

Такъ въ апрѣлѣ 1629 года царицѣ Евдокѣѣ Стрѣшневыхъ была устроена въ Переднихъ Сѣняхъ качель, обшитая сукномъ багрецомъ червчатымъ, а поверхъ сукна бархатомъ червчатымъ гладкимъ. Когда не было увеселенія, качель покрывали полотнищемъ сукна, для чего на эту качель было отпущено 3 арш. сукна червчатаго же. Въ 1649 г. дек. 12, царевнѣ Аннѣ Мих. (20 лѣтъ) обшиваны качельныя веревки бархатомъ червчатымъ, пошло 3 ар. 2 вер. Въ 1686 г. въ апрѣлѣ въ хоромы къ царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ было изготовлено три качели да миндеръ, т. е. тюфякъ или матрацъ, тоже вѣроятно для ка-

нихъ либо игръ или для постилки подъ качель. Брюинъ, бывшій въ Москвѣ въ петровское уже время, разсказываетъ, что однажды онъ обѣдалъ въ деревнѣ у боярина Стрѣшнева: „послѣ обѣда, который былъ весьма вкусенъ и пышенъ, насъ ввели въ обширную залу, въ коей къ потолку были придѣланы досчатыя качели на веревкахъ. Это здѣсь любимое упражненіе: хозяйка дома сѣла на одну доску и велѣла двумъ миловиднымъ прислужницамъ себя качать. Она, качаясь, взяла на руки ребенка и пѣла весьма ладно съ своими служанками какую-то національную пѣсню, извиняясь впрочемъ весьма много передъ нами, что нѣтъ музыкантовъ, за которыми бы она не преминула послать въ городъ, еслибы знала о нашемъ посѣщеніи“ [1].

На масляницѣ во дворцѣ устроивались скатныя горы, на которыхъ если и не сама царица, то всегда увеселялись царевны съ верховыми боярышнями.

На Рождествѣ, по всему вѣроятію, увеселялись святочными играми, такъ какъ на Троицкой недѣлѣ хороводами и т. д.

Для такихъ игръ при царицыныхъ, равно и при царевниныхъ хоромахъ существовали обширныя сѣни, въ загородныхъ дворцахъ холодныя, а въ московскомъ теплыя. Это можемъ видѣть на планахъ Коломенскаго дворца. Въ числѣ сѣнныхъ дѣвицъ находились и *игрицы*, вѣроятно исполнявшія эти народныя игры. Въ описи казны времени Годунова и Шуйскаго упомянуты „восемь подволокъ, камчатныхъ и тафтяныхъ разныхъ цвѣтовъ— дѣланы на игрицъ“. Это были приволоки, верхнее женское платье въ родѣ накидокъ или мантилій.

Для повседневной забавы служили дурки, шутихи, также слѣпые игрецы—домрачеи, которые подъ звуки домры воспѣвали старины и былины, народные стихи и пѣсни. Относительно разныхъ игръ имѣемъ нѣсколько указаній, что царицы играли въ *карты*. Такъ въ 1637 г. окт. 12, куплено въ овощномъ ряду полдюжины картъ за 5 алтынъ 2 деньги, которыя взяты къ царицѣ въ хоромы, принялъ стольникъ Василій Голохвастовъ. Въ 1641 г. окт. 11, тоже въ овощномъ ряду куплены двои карты, по алтыну, которыя принялъ къ царицѣ въ хоромы Ив. Ѳед. Стрѣшневъ.

Впрочемъ болѣе полныя подробности о томъ, какія игры, забавы, увеселенія и зрѣлища доставляли удовольствіе царскому

[1] От. Зап. 1830 г. CXXV.

семейству, читатели найдутъ въ слѣдующей главѣ и потомъ въ описаніи игръ дѣтскихъ, которыя вообще могутъ указывать и на обычныя игры возрастныхъ.

Здѣсь необходимо упомянуть и о выѣздахъ царицы для гулянья. Простые небогомольные выѣзды и походы царицъ совершались большею частію лѣтомъ, когда онѣ выѣзжали въ загородные дворцы пользоваться удовольствіями деревенской жизни. Осенью и зимою такіе выѣзды предпринимались очень рѣдко и съ одною цѣлью, когда царица выѣзжала вмѣстѣ съ государемъ на какую либо потѣху. Такъ въ 1674 г. 25 октября царь Алексѣй Мих. со всѣмъ семействомъ выѣхалъ на житье въ свое любимое село Преображенское, гдѣ въ то время была устроена новая потѣха—театръ и даны были *комидійныя дѣйства*: Юдиѳь, Есѳирь и др. Государь по обычаю отправился туда торжественнымъ шествіемъ въ одной каретѣ съ царевичемъ Ѳедоромъ и въ сопровожденіи боярства и всякаго походнаго чина. Послѣ него шла государыня царица съ царевичами и царевнами въ слѣдующемъ порядкѣ: на передъ ѣхалъ въ своей каретѣ царевичь Иванъ Алекс.; съ нимъ въ каретѣ сидѣлъ дядька кн. Прозоровской; за каретою ѣхали его царевичевы стольники и Ив. Кир. Нарышкинъ. Затѣмъ ѣхала царица въ колымагѣ въ 12 возниковъ (лошадей) цвѣтныхъ, съ царицею сидѣли: маленькій царевичь Петръ, меньшія царевны, да мамы, да царицына мать и невѣстка. За колымагою по сторонамъ и позади шли царицыны стольники (пажи), да 40 человѣкъ дворянъ, а впереди ихъ, по сторонамъ колымаги, бояре—отецъ царицы и Матвѣевъ. Потомъ слѣдовала колымага большихъ царевенъ, запряженная также въ 12 возниковъ цвѣтныхъ. Съ царевнами сидѣли дворовыя боярыни, а впереди шелъ пѣшъ ихъ дворецкій П. И. Матюшкинъ, около колымаги шли дворяне 30 человѣкъ. Далѣе—колымага меньшихъ царевенъ, сидѣвшихъ съ верховыми боярынями; впереди ихъ шелъ пѣшъ ихъ дворецкій Б. Г. Юшковъ, а около—30 челов. дворянъ; колымага была запряжена тоже въ 12 возниковъ цвѣтныхъ. За этимъ поѣздомъ ѣхали въ колымагахъ верховыя боярыни, казначеи, карлицы, постельницы; а всѣхъ шло 30 колымагъ; подлѣ колымагъ ѣхали царицыны дѣти боярскіе по два человѣка, по списку.

Весь царицынъ поѣздъ охраняли стрѣльцы: впереди открывалъ шествіе стремянный полкъ подъ начальствомъ стрѣлецкаго

головы, а по сторонамъ около экипажей шли съ ружьемъ стрѣльцы рядоваго полка.

7 декабря ходилъ государь изъ села Преображенскаго съ царицею съ царевичами и царевнами, всѣмъ домомъ, въ село Измайлово тѣшиться и всякаго строенья смотрѣть; и кушанье раннее (обѣдъ) было у государя въ Измайловѣ.

На другой день, декабря 8, ходилъ государь изъ села Преображенскаго также всѣмъ домомъ тѣшиться въ село Алексѣевское; тамъ же и кушанье раннее было. Декабря 9 государь ходилъ съ царевичемъ Ѳедоромъ въ село Островъ, а потомъ 13 числа одинъ въ село Соколово тѣшиться. Между тѣмъ въ тотъ же день царица со всѣмъ домомъ возвратилась изъ Преображенскаго въ Москву. Напередъ царицы шелъ царевичь Ѳедоръ въ избушкѣ (зимнемъ возкѣ), запряженной въ 6 возниковъ темносѣрыхъ; съ нимъ сидѣли дядьки: бояр. кн. Ѳ. Ѳ. Куракинъ, окольн. И. Б. Хитрово; царевича сопровождали бояре, окольничій, думный дворянинъ—ловчій, ближніе люди, его царевичевы стольники, походные стольники, а около всего поѣзда шли пѣши стрѣльцы съ батожьемъ. Потомъ шла царица въ каптанѣ въ 12 возниковъ цвѣтныхъ; съ нею сидѣли ея мати и невѣстка и боярыня М. В. Блохина. Впереди ѣхалъ стремянной полкъ подъ начальствомъ головы; каптану сопровождали бояре Нарышкинъ и Матвѣевъ, кн. Прозоровскій, ясельничей Вышеславцевъ, царицыны стольники, царевича Ивана стольники да дворяне. Большія и меньшія царевны ѣхали также въ двухъ каптанехъ, въ 12 лошадей каждая. Съ большими царевнами сидѣли въ каптанѣ верховыя боярыни да казначеи; с меньшими—мамы да казначеи. Ихъ поѣзды сопровождали: дворецкій А. И. Лопухинъ у царевенъ большихъ, и дворецкій Б Г. Юшковъ у меньшихъ, а съ ними дворяне. По обѣ сторонѣ всего царицына поѣзда шли стрѣльцы съ батожьемъ для бережения. За поѣздомъ ѣхали боярыни верховыя, казначеи, карлицы, постельницы, каптанъ съ пятдесятъ, оберегаемыя боярскими дѣтьми царицына чина.

На слѣдующій годъ весною, 24 мая 1675 г., государь со всѣмъ домомъ выѣхалъ на лѣтнее житье на Воробьевы горы, для чего еще за мѣсяцъ прежде, 19 апрѣля, туда нарочно былъ посланъ стольникъ кн. Троекуровъ, а указано ему пересмотрѣть всякаго строенія въ тамошнемъ дворцѣ, а гдѣ худо, построить все вновь къ государеву пришествію. Выѣздъ царицы съ дѣт

ми происходилъ точно въ такомъ же порядкѣ, какой описанъ выше, при выѣздѣ въ Преображенское. Тѣже колымаги въ 12 лошадей, тѣже почти окружающія лица, тѣже 30 колымагъ съ боярынями и другими придворными чиновницами. 8 іюня въ именины старшаго царевича Θедора она ходила подобнымъ же поѣздомъ съ царевнами и меньшими царевичами къ обѣднѣ въ приходскую церковь къ Троицѣ, вѣроятно въ патріаршее село Троицкое-Голенищево.

19 іюня государь ходилъ съ Воробьевской горы въ село Преображенское со всѣмъ государскимъ домомъ. „А сидѣлъ государь въ одной каретѣ съ царицею, да съ царевичами Θедоромъ и Петромъ. За каретою ѣхали тесть государевъ К. П. Нарышкинъ, дядька кн. Прозоровской и стольники, братья царицы, все Нарышкины. Карета была запряжена въ 6 лошадей карихъ. Впередъ этого государева поѣзда и всего шествія ѣхалъ стрѣлецкій полуголова стремяннаго полка, а за нимъ впередъ же государя везли государеву постельку, т. е. всякую постельную казну подъ охраненіемъ ближняго человѣка Ив. Демид. Голохвастова и наплечныхъ мастеровъ (портныхъ). Въ другой каретѣ ѣхали большія царевны, Ирина Михайл. съ сестрами, а съ нею сидѣли мамы и боярыни и кормилицы. Въ каретѣ было 6 возниковъ гнѣдыхъ. Передъ каретою ѣхали стольники и ближніе люди всѣ, да царевичевы Θеодора стольники да стольники площадные всѣ, а за каретою ѣхали бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки. Въ третьей каретѣ ѣхали царевны меньшія, Евдокія Алексѣевна съ сестрами, а съ ними сидѣли мамы, да боярыни и кормилицы. Въ каретѣ было 6 возниковъ темносѣрыхъ. За каретою ѣхалъ дворецкій А. Н. Лопухинъ. — Въ четвертой каретѣ въ 6 лошадей буланыхъ, шелъ царевичь Иванъ Алекс., а съ нимъ сидѣли царевны да боярыни. За каретою ѣхалъ П. Ив. Матюшкинъ.

На другой день 20 іюня, государь изъ Преображенскаго ѣздилъ къ обѣднѣ въ село Покровское и возвратившись послѣ кушанья, ходилъ изъ Преображенскаго тѣшиться въ село Измайлово съ царицею, царевичами и царевнами. Въ Преображенскомъ остались только царевичъ Иванъ, да двѣ маленькихъ царевны: Наталья и Θеодора. Въ первой каретѣ шелъ государь съ царевичами Θеодоромъ и Петромъ. Въ другой каретѣ царица съ меньшими царевнами, окруженная братьями Нарышкиными. Въ третьей каретѣ—царевна Ирина съ сестрами и царевна Ев-

докія съ сестрами. Далѣе въ трехъ колымагахъ ѣхали мамы да въ трехъ колымагахъ боярыни, казначеи, кормилицы. Ка реты были запряжены каждая въ 6 лошадей, а колымаги па рою; впереди поѣзда ѣхали бояре и всѣ другіе чины, сопро вождавшіе государя, а позади за колымагами царицыны дѣт боярскіе. Съ потѣхи возвратились въ Преображенское въ часу ночи, т. е. часовъ въ 11 вечера.

23 іюня изъ села Преображенскаго царица со всѣмъ домомъ кромѣ государя, ходила къ обѣднѣ въ село Покровское, въ ка ретахъ. А шли три кареты: въ первой на 6 саврасыхъ лоша дяхъ шелъ царевичь Θедоръ съ дядькою. Въ другой карет на 6 темносѣрыхъ лошадяхъ шла царица, сидѣвшая съ свое матерью и невѣсткою и дворовою боярынею. Карету сопро вождалъ царицынъ отецъ, и ея дворецкій, а позади ѣхали в колымагахъ дворовыя боярыни. Въ третьей каретѣ на 6 ло шадяхъ карихъ шли царевны Ирина съ сестрами, да Евдокі съ сестрами, съ ними сидѣли мамы. Затѣмъ ѣхали въ колым гахъ верховыя боярыни и казначеи. Карету сопровожда ближніе люди Матюшкинъ и Юшковъ. Поѣздъ оберега стрѣльцы.

26 іюня ходилъ государь изъ Преображенскаго опять въ се Измайлово съ царицею, царевичемъ Θедоромъ и съ большим царевнами. Въ эту поѣздку государь сидѣлъ въ одной каре съ царицею и съ царевичемъ. Карета была запряжена въ саврасыхъ лошадей. Въ другой каретѣ, въ 6 лошадей гнѣдых шли царевна Ирина да царевна Евдокія, каждая съ сестрами, за ними въ колымагахъ ѣхали мамы, верховыя боярыни и к значеи. Поѣздъ сопровождали ближніе люди и оберегали стрѣл цы стремяннаго полка подъ начальствомъ головы. Тогда и к шанье было у великаго государя въ селѣ Измайловѣ, *въ рощ*

28 іюня, пошелъ государь, послѣ кушанья, изъ Преобр женскаго на Воробьеву гору со всѣмъ домомъ, празднова именины царевича Петра. Впереди всего поѣзда ѣхалъ стр лецкій голова съ стремяннымъ полкомъ; затѣмъ слѣдова бояре и другіе чины, ближніе люди и походные стольники. П томъ ѣхалъ въ своей каретѣ маленькій царевичь Петръ, а с нимъ въ каретѣ сидѣли его бабушка Анна Лев. Нарышкина дочерью Авдотьею Кирилловною, тетка Прасковья Ал. Нары кина да боярыня Матрена Леонтьева. Карету сопровожда его дѣдъ Кир. Пол. Нарышкинъ, Арт. Серг. Матвѣевъ, сто

никъ Ив. Ѳом. Нарышкинъ и стольникъ царевича Ивана, Ив. Головинъ. Въ государевой каретѣ съ государемъ сидѣла царица, царевичъ Ѳеодоръ, царевна Ѳеодосія. Въ другой каретѣ ѣхала царевна Ирина съ сестрами, въ третьей — царевичъ Иванъ съ сестрами, а съ ними сидѣли мамы, боярыня да кормилицы. Государеву карету сопровождалъ дядька царевича Ѳедора, ближкіе люди Матюшкинъ и И. К. Нарышкинъ и царевичевы стольники. Царевнины кареты сопровождали тоже ближніе люди, дворецкіе Лопухинъ и Юшковъ. Около всего поѣзда шли стрѣльцы стремяннаго полка 100 ч. За царевниными каретами ѣхали прежде всего мамы и дворовыя боярыни въ пяти колымагахъ, по-двое въ каждой. За мамиными колымагами ѣхали казначеи государя, царицы, царевичей, царевенъ въ семи колымагахъ, по двѣ въ каждой, по порядку старшинства. Въ 8 колымагѣ ѣхали карлицы царицы и царевенъ; въ 9 — комнатныя бабки царицы, царевичевы и царевенъ: въ 10—мастерицы. Затѣмъ слѣдовало 40 колымагъ, а въ нихъ сидѣли постельницы царицыны, царевичей и царевенъ. Кареты были запряжены, каждая въ 6 лошадей, а колымаги — парою. Колымаги оберегали дѣти боярскіе царицына чина, по два человѣка, да стрѣльцы, также по два человѣка.

Въ поѣздѣ слѣдовала также государева постелька со всякою постельною казною, которую сопровождалъ вмѣсто постельничаго ближній человѣкъ и въ комнатѣ у крюка Петръ Сав. Хитрово, а съ нимъ стряпчій, дьякъ мастерской палаты, комнатные истопники, сторожи, наплечные мастеры (портные); передъ постелькою ѣхалъ сотникъ стремяннаго полка, и съ нимъ 20 человѣкъ стрѣльцовъ.

Въ это время ангелу царевича Петра государь праздновалъ съ особымъ торжествомъ. Наканунѣ онъ послалъ думнаго дворянина къ патріарху Іоакиму звать его въ походъ на Воробьеву гору къ обѣднѣ, къ празднику и къ столу, со властьми, и указалъ для того выслать туда шатерничихъ съ столовыми шатрами и столами тотчасъ, не мѣшкавъ. Въ день праздника 29 іюня послѣ заутрени патріархъ шествовалъ на Воробьеву гору въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣхали патріаршіе дѣти боярскіе, потомъ слѣдовала ризница съ соборнымъ протопопомъ, протодьякономъ, ризничимъ и пѣвчими. Самъ патріархъ ѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи своего боярина, дьяковъ и своихъ стольниковъ.

Къ обѣднѣ государь ходилъ въ Донской монастырь, гдѣ служ бу совершалъ патріархъ съ пріѣхавшимъ туда духовенствомъ Пришедъ отъ обѣдни, государь жаловалъ боярство и дворъ име нинными пирогами, а потомъ давалъ патріарху со всѣмъ духо венствомъ и боярству обѣдъ въ шатрахъ. Въ тоже время на своей половинѣ и царица жаловала именинными пирогами сво дворовый чинъ.

1 іюля съ Воробьевой горы государь выѣзжалъ подъ Дѣви чій монастырь на потѣху, „тѣшился тамъ въ лугахъ и на во дахъ съ соколами и съ кречетами и съ ястребы, и съ госуд рынею царицею и съ царевичами Ѳедоромъ и Петромъ, въ ка ретахъ“ Эту поѣздку сопровождали отецъ царицы Нарышкинъ дядька царевича Ѳедора, Ив. Хитрово, да стольники и бли ніе люди и для оберегань стрѣлецкій голова Полтевъ съ св имъ полкомъ.

14 іюля съ Воробьевой горы, государь переѣхалъ со всѣм домомъ въ село Коломенское. Оттуда 23 іюля онъ ходилъ т шиться въ село Соколово съ царицею и царевичемъ Ѳедором а сидѣли они съ государемъ въ одной каретѣ, запряженной в 6 лошадей гнѣдыхъ. Карету сопровождали и ѣхали впередъ б яринъ И. Б. Милославскій, ок. кн. Долгорукой, думный дьяк ближніе люди и стольники походные; за каретою ѣхали брат царицы Иванъ да Аѳанасій Нарышкины, съ сумою — ближні человѣкъ А. С. Шеинъ да стольникъ царевича кн. М. Я. Чер каскій. Въ Соколовѣ жаловалъ государь погребомъ стольнико походныхъ и сокольниковъ и слугъ боярскихъ и стрѣльцов т. е. угощалъ ихъ виномъ, медами и пивомъ съ своего погре А изъ Соколова идучи въ Коломенское, заходилъ государь съ царицею и царевичемъ къ Николѣ на Угрѣшу и слуша вечерню и молебенъ.

26 іюля государь снова со всѣмъ домомъ переѣхалъ изъ се Коломенскаго на Воробьеву гору; 26 августа онъ праздновa тамъ именины царицы Натальи Кирилловны и царевны Натал Алекс.; слушалъ вмѣстѣ съ именинницами и со всѣмъ домо обѣдню въ полотняной походной церкви въ присутствіи все боярства и всѣхъ чиновъ, которые нарочно были вызва къ этому дню изъ Москвы.

Послѣ обѣдни, въ государевыхъ хоромахъ, царица изъ собстве ныхъ рукъ жаловала своими именинными пирогами всѣхъ б жнихъ комнатныхъ и не комнатныхъ бояръ, окольничихъ, так

иныхъ дворянъ, думныхъ дьяковъ и ближнихъ стольниковъ; какъ государыня жаловала пирогами и въ тѣ поры сидѣлъ иъ государь да съ нимъ же царевичь Өедоръ“. Такая раздача мою царицею именинныхъ пироговъ была не совсѣмъ обычимъ дѣломъ въ государевомъ дворцѣ.

ГЛАВА V.

ДВОРЦОВЫЯ ЗАБАВЫ, УВЕСЕЛЕНІЯ И ЗРѢЛИЩА.

Общій обзоръ. Комнатныя забавы: дураки-шуты, бахари, домрачеи, гусельники. Потѣшная палата: органы, цымбалы. скоморохи, потѣшный нѣмецъ, метальники. Время царя Алексѣя. Верховые нищіе. Карлы. Потѣхи на дворцѣ: медвѣжьи спектакли; особыя зрѣлища: львы, слоны, олени; поединки и др. Комидійныя дѣйства. Первое устройство театра. Первыя комедіи.

Вникая въ основныя стихіи стараго русскаго быта, нельзя не признать той истины, что руководящимъ началомъ нашей образованности въ допетровское время была византійская идея аскетизма. Какъ образъ наилучшей, наиболѣе добродѣтельной жизни, эта идея вездѣ и всегда возвышала свой учительный перстъ, направляя каждый шагъ и каждую мысль человѣка къ своимъ цѣлямъ. Міръ русской мысли, міръ русскаго чувства былъ всесторонне закрѣпощенъ этому строгому оберегателю жизни; лишенъ воли, прирожденной всякому живому существу, лишенъ всѣхъ живыхъ движеній развитія и совершенствованія. Суровый дидаскалъ цѣлые вѣка твердилъ одно: онъ отрицалъ, отвергалъ мірское удовольствіе, т. е. всю совокупность поэтическихъ стремленій человѣческой природы, и со стороны ума, и со стороны чувства. Онъ отринулъ такимъ образомъ цѣлую область человѣчныхъ эстетическихъ созерцаній, обширнѣйшую область поэтическаго и эстетическаго творчества, которымъ обыкновенно живетъ, держится и управляется повседневное общежитіе человѣка, которымъ образуются и устрояваются его нравы и обычаи, именно въ человѣчномъ, а не въ одномъ животномъ только смыслѣ, какъ неизмѣнно всегда выходитъ, когда притѣсняются и порабощаются силы духовныя. Человѣчность общежитія вполнѣ и непосредственно зависитъ

тъ степени свободы, и умственной, и нравственной, какая достается на долю народнаго развитія; развратъ общежитія является всегда послѣдствіемъ угнетенія человѣческой природы, именно послѣдствіемъ угнетенія ея духовныхъ и потому, амыхъ жизненныхъ началъ, каковы всѣ эстетическіе интересы увства и философскіе интересы ума. Философскіе интересы ма питаются наукою, или иначе полною свободою знанія; эстетическіе интересы чувства питаются искусствомъ, или иначе олною свободою творящей силы человѣка, въ чемъ бы она не ыразилась: въ мелочахъ наряда, въ домашней обстановкѣ, въ акой либо забавѣ и увеселеніи, въ пѣснѣ, сказкѣ, побасенкѣ, ли въ созданіяхъ, которыя исключительно и спеціально присвоиваются области искусства. Древнерусское общежитіе изъ воей первобытной непосредственности попало прямо подъ бичеваніе византійской аскетической идеи, отвергавшей на всѣхъ утяхъ и свободу знанія и свободу творчества. Поставленное съ азу въ тѣсные и суровые предѣлы аскетическихъ требованій, ревнерусское общество лишилось возможности продолжать развитіе своего первозданнаго, безсознательнаго быта путемъ собственной самодѣятельности, путемъ собственнаго свободнаго творчества. Взамѣнъ младенческихъ пеленокъ, которыя, при естественомъ ходѣ развитія, свалились бы сами собою, оно было перевязано по рукамъ и по ногамъ узами—веригами иной культуры, овсе несообразной съ его младенческой природой. Оно получило алантъ и вмѣстѣ съ нимъ строгій наказъ зарыть его въ землю, абы сохранить въ цѣлости. Прошли столѣтія въ этомъ усерномъ зарываніи полученнаго таланта, и молодая жизнь постоянно оставалась съ тѣми же своими первозданными языческими ачалами и формами, которыя отъ времени, теряя прирожденый имъ смыслъ наивной непосредственности, еще больше дичали. Лучшія силы человѣческаго развитія были не только запрещены, но даже и прокляты. Міръ свободной науки былъ проклятъ, какъ міръ ереси и невѣрія, такъ что малѣйшая самостоятельность или независимость мышленія стала возбуждать трахъ всеобщаго потрясенія вѣры и нравственности и самого осударства. Міръ свободнаго творчества былъ проклятъ какъ іръ соблазна. Поэзія во всѣхъ своихъ видахъ была изгнана зъ общежитія, какъ грѣховная стихія, способствующая только ищетворять дьявола и „иже съ нимъ". Такоюже грѣховною тихіею являлось свободное художественное творчество во всѣхъ

родахъ искусства. Въ той самой сферѣ, гдѣ искусство, по рѣшительной необходимости должно было водворяться, ему, разъ навсегда, были начертаны извѣстныя цѣли и даже самыя формы, отъ которыхъ нельзя было отходить ни на шагъ, и которыя такимъ образомъ низводили художественное творчество на степень ремесла, какъ напр. низведена была живопись до иконописной прориси или трафаретки. Старина такъ и понимала искусство, какъ ремесло, какъ силу работающую дневнымъ только человѣческимъ полезностямъ и потребностямъ. Въ этомъ ея идеи совершенно совпадали съ идеями нѣкоторыхъ теперешнихъ мыслителей; за одно съ ними, она отрицала въ искусствѣ свободную и вполнѣ независимую силу, которая вынашиваетъ свои созданія не для полезности текущаго дня, а свободно, какъ сама жизнь, какъ сама природа, выражаетъ ими или олицетворяетъ въ нихъ тайны задушевныхъ эстетическихъ думъ и созерцаній, и отдѣльнаго человѣка, и цѣлаго общества. Старина, конечно, не могла и мыслить о томъ, что въ сферѣ искусства, и только въ этой сферѣ, человѣкъ является существомъ вполнѣ свободнымъ, не орудіемъ какой либо дневной полезности и необходимости, а самостоятельною творящею силою міровой жизни, гдѣ пользы или интересы дня теряются, какъ ничтожныя крупинки, въ пользахъ и интересахъ цѣлой эпохи. Мысль о такой самостоятельности и свободѣ человѣка была бы вопіющимъ противорѣчіемъ ея крѣпкимъ идеямъ о нескончаемомъ его рабствѣ и ученичествѣ, на которыхъ держалось все ея существо. Поэтому ей невозможно было даже и понять, что стѣсненіе свободнаго творчества въ человѣкѣ поведетъ прямо къ приниженію его нравственной природы до побужденій и инстинктовъ животнаго, къ чему въ дѣйствительности и пришло подконецъ нравственное состояніе нашего допетровскаго общества. Жизнь этого общества, исполненная одного лишь отрицанія, лишенная философскихъ и поэтическихъ созерцаній и идеализацій, стала въ общемъ наклонѣ уподобляться жизни стада, гдѣ первое и исключительное побужденіе—*кормъ* въ животномъ смыслѣ, для самого стада, и *кормленіе* въ воеводскомъ смыслѣ, для пастуховъ; а затѣмъ тяжелое умственное лежаніе на боку и медленное, нескончаемое пережевыванье двухъ — трехъ понятій или двухъ — трехъ идей, какими былъ ограниченъ общественный кругозоръ жизни. Природа, стѣсненная въ своихъ естественныхъ, нормальныхъ и разумныхъ стремленіяхъ и движеніяхъ

приняла иное направленіе и выростила, ибо не могла не выростить, стремленія и движенія ненормальныя и неразумныя, извращенныя, которыя явились какъ бы возмездіемъ за то, что нарушенъ былъ правильный законъ ея развитія. Нищета стѣсненной и загнанной мысли, нищета умозрѣнія разнуздывала животное чувство и удержать его въ человѣчныхъ предѣлахъ не было возможно ни поученіями, ни наказаніями, ибо и тѣ, и другія лишь отрицали силу природы, а не полагали въ нее добраго сѣмени умственнаго развитія, которое одно только способно держать въ границахъ животнаго человѣка. Печаленъ отзывъ очевидцевъ—иностранцевъ о нашемъ старомъ обществѣ. „Нисколько не заботясь объ изученіи достохвальныхъ наукъ, говоритъ Олеарій, не выказывая рѣшительно никакого желанія ознакомиться съ славными достопамятными дѣлами своихъ предковъ, не стараясь узнать что либо о состояніи иностранныхъ земель, русскіе, весьма естественно, въ собраніяхъ своихъ почти никогда не заводятъ рѣчи объ этихъ предметахъ. Всѣ рѣчи и разговоры ихъ не выходятъ изъ круга обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ. Такъ обыкновенно ведутъ они рѣчь о сладострастіи, о гнусныхъ порокахъ, о прелюбодѣяніяхъ, совершенныхъ частью ими, а частью и другими; тутъ же передаются разнаго рода постыдныя сказки и тотъ, который можетъ наилучшимъ образомъ сквернословить и отпускать разныя пошлыя шутки, выражая ихъ самыми наглыми тѣлодвиженіями, считается у нихъ пріятнѣйшимъ въ обществѣ.... Невозможно вообразить до какой степени предаются они чисто животнымъ побужденіямъ.... Пьянству они преданы сильнѣе всякаго другаго народа въ свѣтѣ. Наполнивши себя виномъ чрезъ мѣру, они, подобно неукротимымъ дикимъ звѣрямъ, готовы бываютъ на все, къ чему побуждаютъ ихъ необузданныя страсти. Порокъ этотъ—пьянство до такой степени распространенъ въ народѣ, что ему предаются всѣ сословія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, богатые и бѣдные, мужчины и женщины, и если иногда увидишь тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи на улицѣ, то это считается дѣломъ самымъ обыкновеннымъ“, и т. д.

Въ этомъ случаѣ, конечно, мы должны винить не людей, а тѣ начала, которыя управляли ихъ жизнію, именно начала всеобщей и весьма крутой умственной и нравственной опеки, господствовавшей надъ обществомъ и постоянно державшей его въ глупомъ ребячествѣ, въ отрицаніи всѣхъ качествъ и дѣй-

ствій человѣка, исполненнаго возраста и мужественныхъ си[л]
жизни. Въ такомъ ходѣ нашего общественнаго развитія выра[]
зилась та непреложная истина, что обществомъ, для его благ[а]
не можетъ управлять законъ свойственный лишь потребностям[ъ]
и благу личности единичной; что напротивъ всякая единична[я]
исключительная воля, ставшая для общества закономъ, всегд[а]
и неизмѣнно приводитъ общественную жизнь къ нравственном[у]
растлѣнію. Аскетическая идея, какъ идея чисто личная, эгоис[]
тическая, а потому вполнѣ способная устроить во благо личны[й]
бытъ, вовсе не была способна устроить во благо бытъ обще[]
ства, бытъ цѣлой народности.

Возможное для произвола единицы, не бываетъ возможным[ъ]
для доброй воли цѣлаго общества; общество въ сущности ест[ь]
общая природа той же частности — единицы, общая человѣче[]
ская природа, которую не въ силахъ ограничить своими ис[]
ключительными стремленіями никакая отдѣльная частица—лич[]
ность, и которая не въ силахъ даже и сама себя ограничит[ь].
Общая природа человѣка, нося въ себѣ не личные только, [а]
міровые законы развитія, рано ли, поздно ли, всегда выбьетс[я]
на свободу, на свой прямой путь, изъ всякихъ личныхъ, т. [е.]
временныхъ и случайныхъ тенетъ и стѣсненій.

Аскетическая идея отрицала сферу мірскаго удовольствія[,]
всякаго удовольствія, которое служило міру, т. е. утѣхамъ мір[]
ской жизни, для большинства и безъ постнической идеи всегд[а]
наиболѣе горькой и трудной. Но удовольствіе, какъ и трудъ[,]
если при извѣстныхъ условіяхъ и при извѣстномъ настройств[ѣ]
понятій обходимы въ личной жизни, то въ общей жизни он[и]
являются насущною потребностью, вполнѣ и безусловно необ[]
ходимою, безъ которой невозможна самая жизнь обществ[а,]
т. е. развитіе и совершенствованіе общей природы человѣк[а].
Отнимать у человѣка мірское удовольствіе — значитъ само[е]
его отнимать у общества и слѣд. лишать его высшаго блаr[а]
въ его жизни и высшей цѣли его существованія, ибо для чело[]
вѣка высшее благо—жить въ обществѣ и высшая цѣль—жит[ь]
для общества.

Намъ скажутъ, что аскетическая идея отвергала лишь удо[]
вольствія развратныя, грубо-животныя. Это такъ; но вмѣстѣ он[а]
отвергала мірское удовольствіе и безразлично въ самой его идеѣ[;]
самую мысль о какомъ либо удовольствіи она почитала уж[е]
грѣхомъ и всегда грозила за то страхомъ будущаго наказані[я]

26

Народная музыка, пѣсня, пляска, сказка, какая либо игра и т. п. въ нашемъ древнемъ быту съ перваго же времени, какъ только раздалось учительное слово, были отвергнуты, какъ дѣйства идолослуженія. Аскетическая проповѣдь возглашалась не исключительно только противъ разврата, какой въ иныхъ случаяхъ сопровождалъ эти дѣйства; напротивъ эти то самыя, въ сущности невинныя, удовольствія она и почитала развратомъ, бѣсовскимъ угодіемъ, лестью дьявола. Она безразлично ставила ихъ на ряду со всякими дѣйствительно развратными дѣйствіями и грѣхами и, поселяя омерзеніе къ грѣшной жизни, рисовала эту жизнь именно чертами мірскихъ утѣхъ.

Домострой, преподавая наставленіе, какъ духовне устроивать трапезу, столъ, обѣдъ или пиръ, пишетъ между прочимъ: „если начнутъ смрадныя и скаредныя рѣчи и блудныя; или срамословіе и смѣхотвореніе и всякое глумленіе; или гусли и всякое гуденіе и плясаніе и плесканіе и скаканіе и всякія игры и пѣсни бѣсовскія, —тогда, якоже дымъ отгонитъ пчелы, такоже отыдутъ и ангелы Божіи отъ той трапезы и смрадныя бесѣды, и возрадуются бѣси.... да такоже безчинствуютъ, кто зернью и шахматы и всякими играми бѣсовскими тѣшатся".... Или дальше: „А кто безстрашенъ и безчиненъ, страху Божію не имѣетъ и воли Божія не творитъ и закону христіанскаго и отческаго преданія не хранитъ и всяко скаредіе творитъ и всякіе богомерзкіе дѣла: блудъ, нечистоту, сквернословіе и срамословіе, пѣсни бѣсовскіе, плясаніе, скаканіе, гуденіе, бубны, трубы, сопѣли, медвѣди и птицы и собаки ловчія; творящая конская уристанія.... (Такоже и кормяще и хранящие медвѣди или нѣкая псы и птицы ловчія, на глумленіе и на ловленіе и на прельщеніе простѣйшихъ человѣковъ....)" Дальше: „или чародѣйствуетъ и волхвуетъ и отраву чинитъ; или ловы творитъ съ собаками и со птицами и съ медвѣдями; и всякое дьявольское угодье творитъ, и скоморохи и ихъ дѣла, плясаніе и сопѣли, пѣсни бѣсовскія любя; и зернью, и шахматы и тавлеи (играя) — прямо, всѣ вкупѣ, будутъ во адѣ, а здѣ(сь) прокляти"....

Повторяя не одинъ разъ свои запрещенія, Домострой представляетъ только слѣпокъ общихъ мѣстъ изъ старѣйшихъ, самыхъ первыхъ поученій, которыя были принесены изъ Византіи и обличали нѣкогда язычество византійскаго же общества, гдѣ музыка, пѣсня, пляска, „бубенное плесканіе, свирѣльные

звуци, гусли, мусикія, комическая и сатирская и козлія лица (маски) и т. п., являлись на самомъ дѣлѣ служителями язычє скихъ боговъ,—„иже бѣсятся, жруще матери бѣсовстѣй Афр дитѣ богинѣ.... еже творяхуть на праздникъ Діонисовъ",— такъ что нельзя было и отдѣлять ихъ вообще отъ идолослуже нія. Но, съ той поры, вмѣстѣ съ идолослуженіемъ упомянуты поученія стали отвергать и вообще мірскія игры и утѣхи, по стоянно обзывая ихъ идольскою службою. „Не подобаетъ хри стіанамъ въ пирахъ и на свадьбахъ бѣсовскихъ игръ играти то не бракъ нарячется, но идолослуженіе, иже есть плясба гудба, пѣсни бѣсовскія (*вар.* пѣсни мірскія) сопѣли, бубны, вся жертва идольска, иже молятся проклятымъ богамъ..." [1] — Каждый праздникъ, сопровождаемый обыкновеннымъ для народ весельемъ, принималъ уже смыслъ еллинскаго пированія, ста новился обычаемъ еллинской прелести. Нѣкоторыми, впрочемъ византійскими правилами были отвержены даже народные пи ры—братчины, именно какъ складчины для общаго веселья Но такое запрещеніе осталось въ Русской землѣ безъ послѣ ствій, ибо совсѣмъ уже разрушало весь старый нашъ бытово строй, вынимало, такъ сказать, самую душу народныхъ обы чаевъ. Всякое мірское удовольствіе, забава и увеселеніе сдѣла лись, такимъ образомъ, грѣхомъ идолослуженія, сѣтями дьявола которыми вѣрующія души отвлекались отъ Бога. Поэтому въ поученіяхъ при всякомъ удобномъ случаѣ напоминалось, скол великъ такой грѣхъ и какъ нужно всегда его беречься.

Въ числѣ мытарствъ или испытаній души въ злыхъ дѣлахъ между другими грѣхами поставлено было въ седьмомъ мытар ствѣ и „плясаніе на пиру" на свадьбахъ, въ павечерницахъ и на игрищахъ, и на улицахъ, рядомъ съ буесловіемъ, срамо словіемъ и безстудными словесами, подъ которыми должно ра зумѣть также всякія поэтическія народныя словеса: а въ 1 мытарствѣ уже прямо указывается особое злое грѣховное дѣло еже *басни баютъ* и въ гусли гудутъ, наравнѣ съ блудодѣ яніемъ и со всякою ересью, именемъ которой обозначены суевѣрныя примѣты и ворожба [2]. Учительное слово нерѣдко живыми образами рисовало сатанинскую погибель отъ мірскаго

---

[1] Лѣтописи Русской Литер. и Древн., изд. Н. Тихонравовымъ т. IV Слова и поученія противъ язычества.

[2] Памятн. Рос. Слов. XII в. 94.

веселенья. Извѣстно довольно распространенное въ старой книжности сказаніе св. Нифонта о пѣсняхъ мірскихъ и о *русальяхъ* (игрищахъ), которое назидательно представило, какъ однажды демонъ, князь бѣсовскій, шелъ мимо Божьяго храма, съ 12 бѣсами, которые стали завидовать церковному пѣнію и укорять своего князя, что оттого, что тамъ славятъ Христа, ихъ сила и слава сокрушилась; какъ демонъ успокоивалъ ихъ, говоря, что въ малъ часъ то пѣніе минуется, и люди начнутъ славить ихъ, бѣсовъ, мірскими пѣснями и плясаніемъ; какъ потомъ послѣ обѣдни „иде человѣкъ съ сопѣлми и по немъ многъ народъ идуща, ови съ гусльми, ови плещуще пояху, ови же пляшуще“; какъ бѣсы во очью этому радовались радостью великою и всѣхъ тѣхъ, „иже кто идяше во слѣдъ сопущихъ, единемъ ужемъ (веревкою) связавше, влачаху; какъ они льстили другихъ на пѣсни и на плясанье и на игранье; какъ нѣкто, мужъ святъ, зря изъ своей палаты, повелѣ предъ собою плясати—играти и веемъ сребреницу вдастъ сопѣльнику; какъ бѣсы послали эту сребреницу отцу своему сатанѣ въ бездну; какъ онъ возрадовался этому пагубному дару особенно потому, что онъ былъ отъ христіанъ, повелѣвая понуждати ихъ на игры и на плясанія и на иное, еже есть имъ въ любовь... Все это было видѣно душевными очами и написано на пользу, дабы бѣжать проклятыхъ игръ бѣсовскихъ, паче же удаляться плясанія, да не со дьяволомъ осужденнымъ быть въ вѣчный огонь. Подобныя образныя представленія конечно дѣйствовали еще съ большею силою на убѣжденія людей, чѣмъ простыя слова запрещенія.

Съ теченіемъ времени поученія съ этою идеею шли дальше, разсматривали подробнѣе всѣ виды мірскихъ утѣхъ и осудили окончательно все, что сколько нибудь выражало удовольствіе, утѣху, забаву, увеселеніе. Еще въ первыхъ поученіяхъ и запрещеніяхъ *шпильманъ* (шпынь, насмѣшникъ) рекше *глумецъ, плясецъ, гудецъ, свирѣльникъ, скомрахъ,* какъ и вся *шпильманская мудрость, смѣхотворная хитрость, скомрашное дѣло*, пріобрѣли самое отверженное значеніе, наравнѣ со всякими потерянными людьми и особенно съ еретиками и со всякою ересью. Всѣ эти имена, какъ и самое слово *еллинскій* стали омерзительными въ понятіяхъ людей благочестивыхъ. Это было *поганство*, т. е. язычество въ простомъ переводѣ слова; но тоже слово стало обозначать. какъ и теперь обозначаетъ, всякую нечистоту и

мерзость. Русское общество, конечно, не имѣло и малѣйшаго понятія о языческихъ грѣхахъ еллинизма. Покорное святынѣ водворяемыхъ правилъ и новыхъ уставовъ жизни, оно всякое слово этихъ правилъ и уставовъ, принимало съ полною чистою и сердечною вѣрою; оно относилось къ нимъ съ робостью малосмысленнаго первоука, изумленнаго, пораженнаго авторитетомъ учителя. Эту необыкновенную робость и приниженіе мысли мы скоро замѣчаемъ въ тѣхъ многочисленныхъ вопрошеніяхъ, какими русскій умъ пыталъ своихъ первыхъ наставниковъ (Вопросы Кирика и т. п.). Въ нѣкоторомъ смыслѣ, для того времени, это было своего рода вольнодумство, вольная дума, искавшая и жаждавшая истины, которой она и требовала отъ своихъ первыхъ наставниковъ. Очевидно, что все сказанное наставниками и было для нея искомою истиною. Наставники же, воспрещая то или другое грѣховное обстоятельство жизни, соединяли съ именемъ этого обстоятельства свои особыя, еллинскія же или византійскія понятія, для которыхъ въ живой русской дѣйствительности, кромѣ внѣшней формы,! не заключалось никакого жизненнаго смысла или этотъ смыслъ былъ вовсе не таковъ, какимъ онъ представлялся въ умѣ наставниковъ. Такъ въ числѣ запрещенныхъ игръ было указано, напр., *конское уристаніе*. Въ еллинскомъ Царьградѣ на еллинскомъ ипподромѣ, о великолѣпіи котораго трудно было и мыслить русскому уму, эти конскія ристанія въ дѣйствительности были языческимъ спектаклемъ, гдѣ зеленые и голубые возницы были посвящены, одни матери землѣ, другіе небу и морю; гдѣ колесницы, запряженныя 6 лошадьми ѣхали во имя высшаго языческаго божества, запряженныя 4 лошадьми, везли изображеніе солнца, а запряженныя двумя, черною и бѣлою — изображеніе мѣсяца и т. д. Потѣха была чисто языческая. Но сколько же языческаго представляла наша древняя скачка на дикихъ степныхъ коняхъ, подобная по всему вѣроятію скачкамъ теперешнихъ степняковъ? Другая запрещенная игра, шахматы, вѣроятно и принесенная къ намъ самими же византійскими христіанами, точно также въ нашемъ быту не могла имѣть никакого языческаго смысла; но тѣмъ не менѣе отвергалась, какъ предметъ идолослуженія. Объ ней писали: „Аще кто отъ клирикъ или колугѣръ играетъ *шахматъ* или лѣки (кости) да изверженъ сана; ащель дьякъ (причетникъ) или простецъ (мірянинъ) да пріимутъ опитемью 2 лѣта о хлѣбѣ и о водѣ, од

ою днемъ, а поклона на день 200; понеже игра та отъ беззаконныхъ халдей: жрецы бо идольскіе тою игрою пророчествоашетъ о побѣдѣ ко царю отъ идолъ, да то есть прельщенье отонимо". Очень не рѣдко именно такими соображеніями, вовсе е приложимыми къ древнему русскому быту, и руководились ервые наши наставники въ правилахъ и уставахъ житія. Конечо, всякій предметъ народной забавы и утѣхи носилъ въ себѣ ъ какое-то время языческія черты или просто служилъ языеству: но такъ было по той причинѣ, что въ какое-то время ся жизнь человѣка была язычествомъ, поэтому, не только кая либо игра, но и всѣ предметы повседневнаго быта, вся домашняя утварь, начиная съ печнаго горшка, тоже приносимы были на службу тому же язычеству. Аскетическая идея въ своихъ отрицаніяхъ и отверженіяхъ вовсе не различала языческихъ идей отъ вещественныхъ предметовъ или отъ простыхъ порядковъ жизни и стремилась все сравнять и привести въ однвъ образъ и въ одну мѣру, въ одно положеніе.

Общество должно было устроиться, какъ монастырь, какъ пустынножительство, водворить повсюду обѣтъ молчанія, обѣтъ непрестанной молитвы, отдаваясь лишь работѣ дня, необходимымъ житейскимъ трудамъ и занятіямъ. Отъ жизни отнимался одинъ изъ существенныхъ элементовъ ея развитія, отнималась цѣлая область ея поэтическихъ стремленій, которыя конечно не приводили же къ одному только разврату, но содержали въ себѣ, какъ и всегда содержатъ, источникъ жизненной силы и для нравственнаго совершенствованія. Было необходимо только отличить этотъ добрый источникъ отъ того зла, какимъ онъ не всегда же и окружался. Но, вѣрная своему началу, аскетическая идея не должна была дѣлать подобныхъ различій. Поэзія въ ея глазахъ была вообще смрадомъ и скаредіемъ грѣховной жизни, поэтому именемъ бѣсовской пѣсни, басни, кощуновъ, глумленія, она безразлично обозначаетъ всякій памятникъ народнаго словеснаго творчества, равно какъ и всякую игру бѣсовскимъ угодіемъ, безчиніемъ, безсраміемъ: все это были дѣла бѣсовскія, обычаи треклятыхъ еллинъ, грѣховныя уже потому, что исходили изъ грѣховнаго источника, изъ области свободнаго чувства, управляемой, какъ доказывали, исключительно дьяволомъ. Въ сущности аскетическая идея, отрицала все то, что въ своей живой совокупности имѣетъ свое великое имя. Она отрицала народность, русскую своеобразную культуру, не съ одной язы-

ческой стороны, но и со всѣхъ сторонъ свободнаго независи-
маго развитія народныхъ дарованій и народныхъ умственных
силъ. Она отрицала живую русскую народность во имя одно
исключительной формы византійскаго, и по преимуществу во-
сточнаго, быта.

Само собою разумѣется, что господство аскетической иде
должно было поддерживаться и всегда поддерживалось монасты-
ремъ, изъ котораго постоянно и оглашалась гроза суровых
обличеній и запрещеній. Мірская власть, пребывавшая сам
въ той же мірской жизни, никогда, сама по себѣ, не доходил
до аскетическихъ умозрѣній и не поднимала гоненій на свою ж
мірскую общественность. Она по необходимости становилас
только покорною исполнительницею правилъ и предписаній
исходившихъ изъ уединенныхъ и отверженныхъ отъ жизн
келлій. Изъ этихъ то богомольныхъ и благочестивыхъ обита
лищъ и разносилось обличительное слово, напоминавшее врем
отъ времени мірскимъ людямъ о жизни праведной. Лишь отсю
и мірская власть получала усердныя воззванія дѣйствоват
противъ мірскихъ увеселеній, какъ подобало ея грозной дер-
жавѣ. Такимъ образомъ запрещенія мірскихъ утѣхъ сначал
возстановлялись путемъ частныхъ, такъ сказать личныхъ про
повѣдей, со стороны только наиболѣе усердныхъ подвижников
монастырскаго житія и впослѣдствіи уже, едвали не со времен
изданія Стоглава, были приняты, какъ общее постановленіе
т. е. вошли въ кругъ правительственныхъ дѣйствій. Еще в
началѣ XVI ст. правительство, т. е. общая власть, стоит
какъ бы въ сторонѣ отъ этого дѣла, и потому, напр., въ 1505 г
игуменъ Елизарова монастыря Памфилей частнымъ путемъ об-
ращается къ градскимъ властямъ Пскова, прося ихъ державу
унять беззаконныя игрища, какія происходили тамъ по случаю
праздника Рождества Іоанна Предтечи, 24 іюня. Онъ пишетъ:
„Сице бо еще есть остановъ неприязни въ градѣ семъ, и зъл
не престала здѣ еще лесть идольская, кумірское празнованіе
радость и веселіе сатанинское, въ немъ же есть ликованіе
величаніе діаволу и красованіе бѣсомъ его въ людѣхъ сихъ
не свѣдущихъ истины.... Егда бо приходитъ велій праздникъ
день Рождества Предтечева, и тогда, во святую ту нощь, мал
не весь градъ взмятется и взбѣсится, бубны и сопѣли, и гуде-
ніемъ струннымъ и всякими неподобными играми сатанински-
ми, плесканіемъ и плясаніемъ, и того ради двигнется, яко в

поруганіе и въ безчестіе Рождеству Предтечеву, и въ посмѣхъ въ поруганіе и въ укоризну дни его; въстучитъ бо градъ ей и возгремятъ въ немъ людіе.... стучатъ бубны и гласъ сопѣлій и гудутъ струны. Женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе, и главамъ ихъ покиваніе, устамъ ихъ непріязненъ личь и вопль, всескверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе, ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; ту же есть мужемъ же и отрокомъ великое прелщеніе и паденіе; но яко на женское и дѣвическое шатаніе блудно и възрѣніе, такоже и женамъ мужатымъ беззаконное оскверненіе, тоже и дѣвамъ растлѣніе.... Тако ли есть христіаномъ православнымъ вѣра и чинъ? И сія ли есть христіанская лѣпота и законъ?... Господье мои, благочестивыи мужи, властели сущіи, грозная держава града сего! воскліцаетъ игуменъ. Уймите, храбрскимъ мужествомъ вашимъ отъ такого начинанія идолскаго служенія богозданный народъ сей". Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя монастырскія частныя воззванія къ державнымъ градскимъ властямъ начались въ одно время съ распространеніемъ монастырской жизни. За долго до общихъ правительственныхъ запрещеній, онѣ уже тяготѣли надъ обществомъ, какъ правительственный же законъ.

Поученія дѣйствовали на общество воспитательно и, само собою разумѣется, что по ихъ идеямъ воспитывался по необходимости и идеалъ достойнаго человѣка, а слѣд. и идеалъ достойнаго общества, изящныхъ его нравовъ и изящныхъ порядковъ жизни. Общество, если и не могло совсѣмъ удалить отъ себя мірскія утѣхи, то все-таки оно получило къ нимъ омерзеніе грѣха и въ силу такого воззрѣнія, музыку, пѣсню, пляску, басню и т. п. оно осуждало на изгнаніе изъ среды хорошихъ, чистыхъ нравовъ, оно, по естественной причинѣ, стало даже съ гордостью выситься передъ ними, стало ихъ презирать, низвело ихъ такимъ образомъ до степени скоморошества или до низменныхъ и по необходимости грязныхъ занятій поденщика и продавца всякихъ увеселеній и утѣхъ, а слѣд. до дѣйствительнаго разврата. Невинная забава и утѣха въ глазахъ достойнаго человѣка являлась или дѣломъ ребячества или дѣломъ скомороха, отъявленнаго негодника и безстыдника, неимѣвшаго и малѣйшаго сознанія о добромъ и честномъ нравѣ. Возвышенные, честные нравы общества мыслили о забавѣ, напр. о танцахъ, слѣдующимъ образомъ: „что за охота ходить по избѣ, искать ничего не потерявъ, притворяться сумасшедшимъ и скакать скоморохомъ? Человѣкъ *честный* (до-

стойный, нравственный) долженъ сидѣть на своемъ мѣстѣ и толь
забавляться кривляньями *шута*, а не самъ быть шутомъ, дл
забавы другаго....“ [1] Такъ мыслили въ XVI и XVII ст., въ эпоху
когда изъ ученій Домостроя образовалась уже крѣпкая практи
ческая философія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ понятіями не о грѣ
хѣ только, не о бѣсовскомъ только угодіи, а уже съ высоком
ріемъ степеннаго, чиннаго и благочестиваго нрава, съ извѣстно
выработкою приличія, которая почитала такую веселость без
бразіемъ и искаженіемъ нравственнаго лица.

Ученія Домостроя отъ первыхъ еще вѣковъ были главною
исключительною причиною того, что совсѣмъ умолкла и народ
ная литература, скоро умолкли вѣщія пѣсни баяновъ, вооду
шевлявшія первыхъ нашихъ удалыхъ и храбрыхъ князей
готовившія родному языку лучшую будущность, чѣмъ та, ка
кую онъ пріобрѣлъ отъ книжнаго высокопарнаго, но сухаго
безжизненнаго слова. Въ XI вѣкѣ мы еще видимъ около кн
зей пѣснотворцевъ, вѣщими перстами на живыхъ струнах
прославляющихъ княжескія доблести, поющихъ славу времена
и старымъ и молодымъ, поющихъ славу народности, исполне
ной свѣжихъ здоровыхъ силъ и юношеской отваги. Но въ оди
отъ дней приходитъ къ князю Святославу Ярославичу пре
Ѳеодосій Печерскій и видитъ: сидитъ князь, а предъ нимъ мн
гіе играютъ, „овы гусельные гласы испущающе, другіе же о
ганные гласы поюще, инымъ замарныя писки гласящемъ,
тако всѣмъ играющемъ и веселящемся, якоже *обычай есть пре
княземъ*“. Блаженный сѣлъ вкрай князя, поникъ долу и ск
залъ: то будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ! Князь умилился сл
вамъ преподобнаго, прослезился и повелѣлъ игрецамъ перестат
Съ тѣхъ поръ, если когда и начиналась такая игра, то засл
шавъ приходъ блаженнаго, князь всегда повелѣвалъ перест
вать своимъ пѣвцамъ. XI вѣкъ жилъ еще полною силою н
роднаго творчества и мало сознавалъ, что вѣщая пѣсня бая
есть бѣсовское угодіе, есть идольская служба. На это указыв
етъ даже и самое посѣщеніе кн. Святослава преп. инокомъ
время веселаго пѣснотворства, которое было остановлено
въ тотъ же часъ, какъ пришелъ св. инокъ, а лишь послѣ е
умилительнаго поученія; было остановлено лишь изъ особенн
любви къ нему и продолжалось по обычаю въ его отсутств

---

[1] Маскѣвичь 62.

живший въ томъ же вѣкѣ, послѣ Ѳеодосія, митрополитъ Іоаннъ, мужъ хитрый книгамъ и ученью, точно также въ своихъ наставленіяхъ, не мнитъ нарушить обычаи мірскаго устава и запрещаетъ только мнихамъ и іерейскому чину присутствовать лишь на такихъ пирахъ, гдѣ начиналось играніе, плясаніе, гуденіе. Онъ совѣтуетъ или отнюдь отмѣтаться тѣхъ пировъ, т. е. не ходить на нихъ, или же, какъ начнется играніе, бѣсовское пѣніе, блудное глумленіе, вставать и уходить, да не осквернятъ себѣ чувства видѣніемъ и слышаніемъ, по отеческому повелѣнію; отходить въ то время, если будетъ соблазнъ великъ и вражда не смирена, ибо можно подумать, что почитаешь эти игры и самъ въ нихъ участвуешь. Но то, что вначалѣ предписывалось только иноческому и іерейскому чину, впослѣдствіи стало обязательнымъ и для всего мірскаго чина, стало грѣхомъ для всѣхъ мірянъ, а потому чрезъ сто лѣтъ, въ концѣ XII вѣка, объ этихъ вѣщихъ пѣсняхъ поминается уже какъ о старыхъ, едва памятныхъ словесахъ. Пѣвецъ Игоря едвали не былъ послѣднимъ баяномъ нашей древности: послѣднимъ творцемъ пѣсни, сложенной старыми словесами, или народною поэтическою рѣчью, которую онъ видимо отличаетъ отъ новыхъ словесъ, отъ словесъ входившей тогда въ господство церковной книжности, осудившей старыя словеса или народную рѣчь, а вмѣстѣ съ ней и поэтическое народное творчество, на вѣчное безвозвратное изгнаніе. Въ послѣдующіе вѣка эти старыя словеса, какъ вообще народная поэтическая рѣчь, обзывались уже словесами грѣховнаго глумленія, бѣсовскими пѣснями. Книжное перо уже страшилось изобразить такое слово на бумагѣ, дабы не совершить тѣмъ угодія дьяволу и не уронить въ грязь высокаго и святаго достоинства книжной рѣчи. Писаное слово, черпнеся святое ученіе, само по себѣ стало разсматриваться какъ святыня и простой умъ въ недоумѣніи вопрошалъ еще въ XII в. „нѣстьли въ томъ грѣха, аже по грамотамъ ходити ногами, аже кто изрѣзавъ помечеть, а слова будуть знати!“ [1] Понятно, что при такомъ умствованіи невозможны были никакіе списки пѣсенъ и всякихъ другихъ памятниковъ народной рѣчи.

Осужденныя проклятію, отверженныя для писанаго слова, эти пѣсни все больше и больше замирали, исчезали, а съ тѣмъ

---

[1] Памятн. Рос. Слов. XII в. 187.

вмѣстѣ понижалась и творческая поэтическая сила народа. Чрез два—три столѣтія эта сила уже не была способна достойным образомъ воспѣть великія событія народной жизни и, изображая напр. Мамаево побоище, обращалась за поэтическимъ образом как и за поэтическою рѣчью все къ тѣмъ же старымъ пѣсенным словесамъ. Таково было вліяніе старой книжности, таковы был послѣдствія ея ученій. Общество было лишено литературнаг своенароднаго развитія. сильные проблески котораго, такъ за мѣтны даже въ лѣтописи XI и XII столѣтій, когда аскетическа идея еще только начинала свой подвигъ. Послѣ того, съ распро страненіемъ господства этой идеи и лѣтопись постепенно пони жаетъ свой независимый голосъ, теряетъ самостоятельност лѣтописи, какъ повѣсти временъ и лѣтъ и становится лиш орудіемъ поученія, средствомъ прославлять и оправдывать дѣл Божіи, какъ и дѣла государевы; поэтому становится или поу чительнымъ словомъ (Степенная книга) или дьячьимъ изложені емъ дѣла (лѣтописи XV и XVI ст.). Такимъ образомъ и ли тературная производительность общества сохраняетъ толь эти двѣ формы словеснаго творчества, поученіе, въ вид слова сказанія, житія, что все равно; или юридическій актъ, дьячь записку изъ дѣла. Пѣсня — повѣсть, былина, старина, а тѣм болѣе сказка и простая пѣсня являются недостойными писанаг слова, потому что вращаются уже въ презрѣнной средѣ бѣсов скихъ угодниковъ. Недостойными являются и всѣ виды мірских веселостей, обыкновенно всегда сопровождаемые пѣсеннымъ ж поэтическимъ словомъ. Степенный старческій чинъ жизни утвер ждаетъ и оправдываетъ лишь одно веселье.—предпоставленну трапезу, мѣрное питіе, и разумѣется строго и безпощадно пре слѣдуетъ питіе не въ мѣру, пьянственную напасть. Но обще ство, въ которомъ были заглушены всѣ умственные и поэти ческіе стремленія и инстинкты, у котораго были отняты ил по крайней мѣрѣ сильно заподозрѣны въ грѣхѣ, всѣ обычны средства веселости, такому обществу совсѣмъ не было возмож ности устоять на мѣрѣ въ единственной узаконенной веселост въ питіи. По его понятію именно въ пьянствѣ и заключалос истинное веселіе. И въ этомъ оно было совершенно справедлив ибо чтожъ другое могло наполнить пустоту его жизни и мысл украсить его отдыхъ, удовлетворить природной потребност вознаграждать мѣру труда, мѣрою удовольствія. Честный пир потому и былъ честенъ и веселъ, что всѣ тутъ напивалис

еселье именно въ томъ и разумѣлось, чтобъ быть пьянымъ: ости не веселы, слѣд. не пьяны и быть навеселѣ и теперь аже значитъ быть умѣренно пьянымъ.

Судя по многочисленнымъ изображеніямъ этого порока, котоыми исполнены старинныя поученія, веселье тогда уже являось пьянственною напастью, когда человѣкъ допивался, какъ оворится, до положенія ризъ. „И что есть, братье, скареднѣе ьянчиваго! Сѣдитъ бо забывый вся и умъ си погубле, яко епстовъ, и не чуется, что творя. Да то ли, братье, *веселье* и аколи, братье, въ законъ и во славу Божію есть!.... Не чуя ичто, аки мертвъ лежитъ и аще ему что глаголеши, не отвѣцаетъ.... Слины бо въ немъ согнѣвшеся смрадомъ воняютъ, и ыганіе, аки скотиное. Помысли убо, како убогая та душа, аки въ ямѣ въ темнѣ, въ тѣлѣ томъ грязитъ! Аще же и возстанетъ, мнящеся изспався, то и еще не здравъ есть, облакъ ьянственный еще мутится ему предъ очима и омрачаетъ.... Братіе трезвы будьте, ибо супостатъ вашъ діяволъ ищетъ пьяныхъ, да пожретъ. О горе! какъ пьянымъ ухорониться, а лежаще, аки мертвымъ! А отъ Бога отбѣгшимъ пьянства ради: и удалшимся отъ Духа Святаго, смрада ради пьянаго; а слова Божія непиущимъ во устѣхъ своихъ, гнилія ради піянственнаго: ангелу хранителю отбѣгшу пьянства ради и плачущися, а бѣсамъ веселящимся о піяницахъ и радующеся: приносятъ жертву ко діяволу отъ піяницы. Діяволъ же радуяся глаголетъ: яко николи же тако радуюся и веселюся о жертвахъ поганыхъ человѣкъ, якоже о пьянствѣ христіанъ; всякія бо дѣла моего хотѣнія суть во піяницахъ: мои суть піяни, а трезви Божіи.... Останитеся братія окаянна піянства. А питіе бо законно, и въ славу Божію, яко на веселіе намъ Богъ далъ. И то въ подобно время. Еже бо ни отнюдь не быти, (то) не отреченно есть питіе святыми отцы: но сице вѣщаше: да не упивайтеся въ піянство. Мнози бо невѣгласи глаголють, яко то праздникъ честный есть, да піемъ и веселимся! Уразумѣйте и сами безумніи, что сіе глаголете, яко оставляете праздники Божія и діяволу угожаете....“ Домострой XVI вѣка, изобразивши всѣ непрактическія и невыгодныя стороны пьянственной напасти, отмѣчаетъ: „не реку не пити: не буди то! Но реку не упиватися въ пьянство злое. Я дара Божія (вина) не похуляю, но похуляю тѣхъ, которые пьютъ безъ воздержанія. Сказано: пейте мало вина веселія ради, а не пьянства ради, ибо пьяницы цар-

ствія Божія не наслѣдятъ“. Но ради какого же веселья слѣдов
ло пить? Если въ немъ самомъ, въ одномъ только питіи соде
жалось веселье, то гдѣже были эти границы, отдѣлявшія вес
лье отъ пьянства? Питіе, разумѣется, возбуждало къ веселост
которая и должна была удовлетворяться мірскими средствами в
селья. Питіе служило наилучшимъ украшеніемъ всякой трапезы
особенно праздничной; какъ даръ Божій оно благословлялось; о
было веселіемъ, удовольствіемъ тѣлеснаго чувства. Но таки
же веселіемъ, удовольствіемъ нравственнаго чувства была п
сни, музыка, пляска, вообще игра, равно какъ и сказка—неб
лица, повѣсть, загадка и т. п., то есть вообще мірская литерат
ра и мірская забава. Положимъ, что во всемъ этомъ въ перв
время слишкомъ ярко и слишкомъ прямо отражалось древн
язычество; но запрещенія, одно за другимъ слѣдовали и прито
еще съ бо́льшею строгостью даже и въ то время, когда и хр
мы и идолы были разрушены и народъ, предаваясь такимъ в
селостимъ, уже не вѣдалъ самъ, что творилъ, а удовлетворя
только своей человѣческой потребности веселиться послѣ р
боты. Положимъ, что эти веселости онъ нерѣдко сопровожда
буйствомъ и грязнымъ развратомъ; но тѣмъ же самымъ
преимуществу сопровождалось и неумѣренное питіе; оно-то
было основою всякихъ неистовствъ, до которыхъ доходило ин
разъ мірское веселье. Оставалось оберегать это веселье имен
только отъ пьянственной напасти; оставалось веселью дать то
мѣсто въ законѣ, какимъ пользовалось собственно питіе, т.
не отрицая мірскихъ веселостей въ существѣ, проклинать ли
ихъ языческія или же вообще грубыя, грязно-развратныя, бу
ныя формы или виды, наравнѣ съ пьянствомъ, какъ съ р
вратнымъ и грязнымъ видомъ питія. Отвергая всѣ формы мі
ской веселости, пѣсню, музыку, пляску, учительная филосо
должна была особенно помогать распространенію въ общест
именно одной только пьянственной напасти. Мірская трапе
начиналась степеннымъ питіемъ, а оканчивалась всегда неист
вымъ пьянствомъ, по той простой причинѣ, что за отсутст
емъ болѣе тонкихъ формъ удовольствія, оно по необходимос
становилось единственнымъ исключительнымъ удовольствіемъ
весельемъ. Такимъ образомъ пьянственную напасть, какъ п
требность веселья, могли остановить не обличенія, а свобод
развитіе умственныхъ и эстетическихъ потребностей обществ
свободное развитіе его поэтическаго творчества, какъ особен

литературѣ, такъ и вообще въ остальной области искусства. ...ели человѣческое удовольствіе, и слѣд. въ обширномъ поня... вся область поэзіи находилась подъ осужденіемъ и прокля...емъ, то человѣку ничего другаго не оставалось, какъ преда...ться веселью пьянства, и стало быть предаваться не простому ...селью. а именно тѣмъ оргіямъ, которыя и подавали главный ...водъ изгонять изъ общественной среды всякія удовольствія. ...уховные интересы были ограничены, тѣмъ безграничнѣе про...ждались инстинкты животные. Въ этомъ обнаруживалъ только ...вою силу неизмѣнный законъ человѣческой нравственной при...оды. Гоненія и стѣсненія привели общество только еще къ ...ольшему огрубѣнію, низвели его до степени прямого животна...о, гдѣ терялось уже сознаніе о нравственномъ и безнравствен...омъ и гдѣ развратъ происходилъ не столько отъ развращенія ...рава, сколько изъ потери этого сознанія. По такой же неиз...ѣнности и неразрушимости законовъ общественной жизни всѣ ...сердныя поученія объ изгнаніи изъ человѣческаго міра при...ожденныхъ ему общественныхъ утѣхъ и удовольствій, всѣ без...щадныя ихъ обличенія, даже всѣ правительственныя мѣры, ...ремя отъ времени поднимаемыя противъ народныхъ увеселе...ій, оказались безсильными. Многое, дѣйствительно, угасло, ...счезло, многое исказилось, потеряло всякій смыслъ не только ...зыческій, но даже и поэтическій; но многое оставалось еще ...ъ первобытной свѣжести даже въ дни петровской реформы, и ...сохранилось до нашего времени, хотя и въ обломкахъ.

Мы знаемъ, что въ домашнемъ быту государева дворца съ большимъ усердіемъ читались всѣ сказанныя поученія; знаемъ также, что церковный и особенно иноческій чинъ не переставалъ обличать всякія мірскія игрища и веселости и постоянно увѣщевалъ беречися пустошныхъ бесѣдъ и смѣхотворенія неподобнаго, плясанія, скаканія, гуденія, пѣсенъ бѣсовскихъ, скомороховъ съ ихъ дѣлами, вообще всякихъ мірскихъ забавъ, къ числу которыхъ, какъ мы видѣли, относились даже шахматы и шашки; знаемъ, что иной разъ и самъ государь принималъ благочестивое рѣшеніе истребить въ народѣ это дьявольское угодіе и посылалъ по государству строгіе указы, подвергалъ ослушниковъ наказаніямъ и пенямъ. Однакожъ мірская жизнь брала свое и самый дворецъ — представитель лучшихъ. пра-

вильныхъ и чистыхъ нравовъ по Бозѣ. оставался въ этомъ отношеніи такимъ же, какъ и весь народъ, обыкновеннымъ міряниномъ, привязаннымъ къ своимъ стародавнимъ забавамъ и утѣхамъ. Строго и точно исполняя уставы Домостроя въ отношеніи келейнаго и церковнаго правила, молитвы, милостыни, особаго благоговѣйнаго усердія къ церкви, особаго почитанія ея служителей и всякаго рода „богомольцевъ". — жизнь государева дворца, какъ жизнь мірская, не въ силахъ была вовсе удалиться отъ мірскихъ обычаевъ и въ отношеніи забавъ и увеселеній большею частію уклонялась отъ увѣщаній тогоже Домостроя. Во дворцѣ мірскія утѣхи были такъ обычны и принадлежали къ такимъ постояннымъ потребностямъ жизни, что были устроены даже въ особое отдѣленіе съ именемъ Потѣшной Палаты и съ цѣлымъ обществомъ разнаго рода потѣшниковъ. Во дворцѣ, какъ видѣли, устраивались обычныя народныя игры, напр. *качели* на святой и *горы* на масляницѣ: во дворцѣ постоянно играли въ шахматы и шашки, тавлеи, саки, бирки, а также и въ карты. Это были собственно домашнія утѣхи. Не говоримъ о потѣхахъ государевыхъ, о выѣзжихъ поляхъ, т. е. о соколиной и псовой охотѣ, о медвѣжьемъ полѣ и медвѣжьей травлѣ. Государева охота была искони устроена въ особое вѣдомство, главный чинъ котораго ловчій, бывалъ всегда въ особомъ приближеніи у государя. Во дворцѣ по видимому вовсе и не думали, что все это было отречено и проклято отеческими поученіями, ибо для изготовленія напр. шахматной игры при дворцѣ жили на жалованьи особые мастера токари, которые такъ и назывались шахматниками, и только тѣ и дѣлали, что работали шахматы и другія подобныя игры. Есть свидѣтельство, что „треклятые" органные гласы раздавались изъ дворца предъ лицемъ всенароднаго множества. Англичанинъ Горсей разсказываетъ, что когда онъ привезъ царю Ѳеодору Ивановичу, и Борису Годунову различные подарки и въ томъ числѣ органы, клавикорды (а съ ними и музыкантовъ), то царица Ирина Ѳедоровна, разсматривая эти дары „особенно была поражена наружностью органовъ и клавикордовъ, которые были раззолочены и украшены финифтью, и восхищалась гармоніею звуковъ этихъ мусикійныхъ орудій, никогда ею невиданныхъ и неслыханныхъ. Тысячи народа толпились около дворца, чтобы ихъ послушать"! Органы однакожъ въ московскомъ дворцѣ не были такою рѣдкостью, какъ можно было бы

заключить изъ словъ Горсея. Мы видѣли (т. I, глава II), что часы съ музыкою въ XVI ст. уже украшали этотъ дворецъ, и забавляли царское семейство своею чудною игрою. Въ отношеніи же органовъ упомянемъ, что еще при Иванѣ III, въ 1490 г. въ Москву вызванъ былъ въ числѣ прочихъ художниковъ и *органный игрецъ* капланъ бѣлыхъ чернецовъ Августинова закона Иванъ Спаситель [1]). Если необходимъ былъ органный игрецъ, то само собою разумѣется, что органы уже стояли во дворцѣ, или же быть можетъ въ тоже время были привезены вмѣстѣ съ игрецомъ.

Объ органахъ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ, составлявшихъ принадлежность царской Потѣшной Палаты, мы будемъ говорить послѣ, а теперь перейдемъ къ обозрѣнію утѣхъ комнатныхъ и такъ сказать кабинетныхъ.

Самымъ виднымъ, наиболѣе выдающимся предметомъ комнатной забавы былъ дуракъ, шутъ. Это былъ, если можно такъ выразиться, источникъ постояннаго спектакля, постоянной вседневной утѣхи для всѣхъ комнатныхъ дворцовыхъ людей. Писаніе обозначало эту сторону домашнихъ увеселеній именемъ глумленія, кощунанія, шпильманской мудрости, а самыхъ дураковъ и шутовъ обозначало шпильманами, глумотворцами, смѣхотворцами, сквернословцами и т. п. именами. Такимъ образомъ штатная обязанность дурака заключалась въ томъ, чтобы возбуждать веселость, смѣхъ. Онъ достигалъ этой цѣли или пошлыми, или острыми, слишкомъ умными или слишкомъ глупыми, но всегда необычайными словами и такими же поступками. Конечно самый грязный цинизмъ здѣсь не только былъ умѣстенъ, но и заслуживалъ общаго одобренія. Въ этомъ, какъ нельзя лучше обрисовывались вкусы общежитія, представлявшаго съ лицевой стороны благочестивую степенность и чинность, постническую выработку поведенія, а внутри исполненнаго неудержимыхъ побужденій животнаго чувства, затѣмъ, что велико было въ этомъ общежитіи пониженіе мысли, а съ нею и всѣхъ изящныхъ, поэтическихъ и эстетическихъ инстинктовъ. Циническое и скандалёзное нравилось, и очень нравилось, потому, что духовное чувство совсѣмъ не было воспитано, а было только связано,

---

[1]) Неправильное чтеніе лѣтописи, по которому этотъ игрецъ выходилъ *грекомъ Арганнпоемъ*, раскрыто кн. Оболенскимъ во Временникѣ Истор. Общества, кн. 16, смѣсь стр. 21 и сл.

какъ ребенокъ пеленками, разными, чисто внѣшними, механическими *правилами* и запрещеніями, которыя скорѣе всего служили лишь прямыми указателями на сладость грѣха, т. е. въ собственномъ смыслѣ на сладость свободныхъ отношеній человѣка къ своей природѣ. Постническій обликъ общежитія съ дѣвическою застѣнчивостію, но съ большою радостью готовъ былъ выслушивать все, что потаенно отъ него сохранялось, лишь бы обличеніе этого потаеннаго происходило изъ устъ человѣка, въ нѣкоторомъ смыслѣ потеряннаго, лишь бы сохранялась таким образомъ стройность постническаго порядка жизни, ибо потерянный для этого порядка человѣкъ, никакъ не могъ, конечно, служить его раззорителемъ. На то и существовалъ въ домѣ дуракъ, чтобы олицетворять дурацкія, а въ сущности вольныя движенія жизни, или вообще волю, свободу, независимость жизни; чтобы ровную, однообразную и при томъ постническп однообразную домашнюю жизнь выбивать изъ ея тѣсной колеи, изъ ея постнической неволи.

Необходимость въ домашнемъ дуракѣ являлась сама собою, именно по той причинѣ, что жизнь общества уже слишкомъ стѣснилась, окрѣпла, одеревенѣла отъ этого многаго *правила*, слишкомъ одомостроилась, такъ что дуракъ, въ иносказательномъ смыслѣ, былъ какъ бы проводникомъ свободнаго, свѣжаго воздуха въ спертую и удушливую атмосферу повседневнаго быта, замкнутаго всевозможными уставами и правилами. Это былъ естественный продуктъ умственнаго и нравственнаго застоя жизни. Какъ скоро жизнь стала освобождаться, выходить на волю, то постепенно стали уходить со сцены и дураки; и теперь трудно даже и представить себѣ, что такое былъ дуракъ на самомъ дѣлѣ?

Должно полагать, что одни изъ нихъ бывали въ дѣйствительности идіоты, умственные уроды, помѣшанные, безумные, содержимые въ домахъ какъ рѣдкость, какъ игра природы, *забавная* наравнѣ съ карликами, говорящими попугаями или арапами, обезьянами и разными другими чудами и дивами, какихъ не всякій видалъ. Понятій о чудовищномъ униженіи въ этомъ случаѣ человѣческаго достоинства, въ старомъ обществѣ не существовало. На это не указывали и поученія домостроевъ, отвергавшія только формы безнравственной жизни, а не самые ея корни, т. е. извращенныя, безчеловѣчныя идеи. Человѣкъ уродъ, какъ невиданный звѣрокъ, становился посмѣшищемъ для

обыкновеннаго человѣка, становился его забавою, игрушкою. Брюннъ, замѣчая вообще о нашихъ допетровскихъ увеселеніяхъ, говоритъ между прочимъ, что „Русскіе веселятся съ какимъ-то звѣрскимъ довольствомъ зрѣлищемъ людей умалишенныхъ и и разныхъ калѣкъ и уродовъ, особенно когда оные находятся въ опьянѣломъ положеніи“ [1].

Съ такимъ же значеніемъ, какъ умственный уродъ, особенно цѣнился и дуракъ-шутъ, умный острякъ, замысловатый глумотворецъ и смѣхотворецъ. Онъ носилъ имя дурака потому, что всякое глумленіе, смѣхотвореніе вообще признавалось степеннымъ и чиннымъ обществомъ чѣмъ-то въ родѣ ребячества и глупости, потому что своими словами и дѣлами онъ слишкомъ уродливо выдвигался изъ умнаго уровня, на какомъ стояла тогдашняя порядочность поведенія. Въ этомъ отношеніи и очень умныя, какъ и очень глупыя слова и дѣла имѣли равный смыслъ дурачества, почему всегда и прощались какъ дурачество, на которое не стоило обращать умнаго, разсудительнаго вниманія. Дуракъ, какъ и юродивый становились иной разъ суровыми и неумолимыми обличителями лжи, коварства, лицемѣрія и всякихъ другихъ личныхъ и общественныхъ пороковъ, надъ которыми они издѣвались съ полнымъ и самымъ свободнымъ цинизмомъ, находя всегдашнее оправданіе для своихъ безцензурныхъ дѣйствій въ томъ же уродливомъ смыслѣ своей жизненной роли. Это была сатира, комедія, та сторона литературы, которая въ развивающемся обществѣ составляетъ прирожденную силу и за неимѣніемъ письменности, печатнаго слова, обнаруживаетъ свои стремленія устнымъ словомъ, сценическимъ и циническимъ представленіемъ, а въ обычномъ смыслѣ дурачествомъ, ибо, какъ мы замѣтили, все смѣшное и комическое было дѣломъ однихъ только дураковъ. Такимъ образомъ другой разрядъ дураковъ, именно дураки-шуты, бывали вообще люди не глупые, что подтверждаютъ даже и историческія свидѣтельства. *Шутъ Гаврила*, въ 1537 г., съумѣлъ спасти себя отъ московской государевой опалы, измѣнивъ своему личному государю, удѣльному Старицкому князю Андрею Ивановичу. Онъ бѣжалъ отъ него въ Москву въ то время, какъ несчастный князь долженъ былъ попасть въ московскія сѣти и окончить свой вѣкъ „въ вужѣ страдальческою смертію“. Шутъ спасалъ свою жизнь и

[1] От. Зап. 1830, CXXV.

вѣрно понялъ, что дѣло его князя было проиграно безвозвратно [1]. — Изъ этого свидѣтельства мы видимъ, что въ началѣ XVI ст. шуты принадлежатъ къ необходимымъ домашнимъ людямъ.

Манштейнъ, описывая придворный бытъ императрицы Анны Ивановны, замѣчаетъ между прочимъ, что „по древнѣйшему въ Россіи установленному обычаю, каждый частный человѣкъ, получающій хорошіе доходы имѣлъ при себѣ покрайней мѣрѣ одного шута. Изъ сего можно судить, что въ нихъ не было недостатка и при дворѣ", т. е. еще въ началѣ XVIII ст., ибо въ это время старая русская жизнь держалась еще очень крѣпко и была только снаружи заставлена разными нѣмецкими декораціями, такъ что Анна Ивановна по своему воспитанію, образованію и особенно по своимъ вкусамъ вполнѣ принадлежитъ не XVIII, а XVII столѣтію и въ этомъ отношеніи XVIII ст., въ смыслѣ новой эпохи, должно начинаться собственно съ Елисаветы Петровны. По той же причинѣ и Петръ I, какъ говоритъ Манштейнъ, отмѣнно жаловалъ шутовъ; при немъ часто ихъ бывало человѣкъ до 12 и болѣе. Петръ былъ родной сынъ и прямой наслѣдникъ XVII ст., а потому и нельзя, чтобы въ его нравственныхъ чертахъ не сохранилось родоваго сходства съ своимъ родителемъ; къ тому же шуты и всякое шутовство ему очень были нужны, не столько по домашнимъ, сколько по политическимъ причинамъ. Съ ними вмѣстѣ онъ велъ борьбу съ старымъ порядкомъ жизни, публично его осмѣивалъ, составлялъ на него цѣлые сатирическіе спектакли...

Шутовъ и шутовство особенно также любилъ и царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Одною изъ главныхъ утѣхъ его говоритъ Карамзинъ, были многочисленные шуты, коимъ надлежало смѣшить царя прежде и послѣ убійствъ и которые иногда платили жизнію за острое слово. Между ими славился князь Осипъ Гвоздевъ, имѣя знатный санъ придворный. Однажды, недовольный какою-то шуткою, царь вылилъ на него мису горячихъ щей; бѣдный смѣхотворецъ вопилъ, хотѣлъ бѣжать: Іоаннъ ударилъ его ножемъ... Обливаясь кровью, Гвоздевъ упалъ безъ памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. „Исцѣли слугу моего добраго," сказалъ царь: „я поигралъ съ нимъ неосторожно". „Такъ неосторожно, отвѣчалъ Арнольфъ, что развѣ

[1] Карамз. VIII, пр. 16.

ѓъ и твое царское величество можетъ воскресить умершаго: немъ уже нѣтъ дыханія". Царь махнулъ рукою, назвалъ ртваго шута псомъ и продолжалъ веселиться". Въ сопровожвіи шутовъ царь дѣлалъ даже церемоніальные поѣзды. Одинъ альянецъ, бывшій въ Москвѣ въ 1570 г., разсказываетъ между ючимъ: „царь въѣзжалъ при насъ въ Москву.... впереди али 3000 стрѣльцовъ, за стрѣльцами шутъ его на быкѣ, а угой въ золотой одеждѣ, затѣмъ самъ государь".... Однажды, дѣваясь надъ поляками въ лицо ихъ посольству, онъ схвалъ соболью шапку съ одного изъ ихъ дворянъ, надѣлъ се своего шута и заставилъ его кланяться по польски. Когда ›тъ отвѣчалъ, что неумѣетъ, то царь сталъ учить его, самъ аняялся и смѣялся. Быть можетъ особенное расположеніе Грозаго къ шутамъ и шутовству условливалось отчасти, подобно акъ и при Петрѣ, причинами замаскированной борьбы съ положеніями своего времени или съ своими личными врагами. акъ, онъ заставилъ везти къ Москвѣ собранныхъ въ Новгоодской области медвѣдей одного опальнаго архимандрита [1].

На пирахъ Грознаго являлись шутниками и его любимцы изъ причниковъ—дворянъ, каковъ былъ, напр., Василій Грязной. огда, въ 1572 г., онъ, вблизи Крыма, на степномъ разъѣздѣ, зятъ былъ въ плѣнъ и писалъ о томъ государю, царь отвѣалъ ему: „что писалъ еси, что по грѣхамъ взяли тебя въ полонъ: пно было, Васюшка, безъ пути середь крымскихъ улуовъ не заѣзжати; а ужъ заѣхано, пно было не по объѣздному пати. Ты чаялъ, что въ объѣздъ пріѣхалъ съ собаками за зайы... али ты чаялъ, что таковожъ въ Крыму, какъ у меня, тоячи за кушаньемъ, шутити? Крымцы такъ не спятъ, какъ ы, да васъ дрочонъ (нѣженокъ) умѣютъ ловити... А что сказываешься великой (знатный) человѣкъ, пно что по грѣхомъ юпнъ учинилось, и намъ того какъ утаити. — Что отца наего и наши бояре намъ учали измѣняти, и мы васъ страдниовъ приближали, хотячи отъ васъ службы и правды. А помянулъ бы ты свое величество и отца своего въ Олексинѣ: пно аковы и въ станицахъ ѣзживали; а ты въ станицѣ у Пѣнинжаго былъ, мало что не въ охотникахъ съ собаками.... И мы того не запираемся, что ты у насъ въ приближеньѣ былъ, и мы

---

[1] П. С. О. Л. III, 167. Въ такомъ смыслѣ, кажется, должно понимать указанный здѣсь текстъ лѣтописи.

для приближенья твоего тысячи двѣ рублевъ дадимъ; а дос
лѣва такіе по 50 рублевъ бывали". Въ своемъ отвѣтѣ Грязно
писалъ между прочимъ, что „заецъ не укуситъ ни одное с
баки, а онъ укусилъ 6 человѣкъ до смерти да 22 ранилъ; ч
было въ Крыму собакъ измѣнниковъ, онъ всѣхъ перекусалъ
т. д. Да еще хочу у Владыки Христа нашего, чтобъ шутит
за столомъ у тебя (т. е. возвратиться въ Москву). Мы холоп
Бога молимъ, чтобъ намъ за Бога и за тебя голова положит
то наша и надежа.... А язъ холопъ твой не у браги увѣчі
добылъ, ни съ печи убился".

Вообще такой шутливый, сатирическій тонъ и такіе шутл
вые разговоры были, кажется, характерною чертою въ пис
махъ Грознаго, а слѣд. и въ его отношеніяхъ къ окружа
щимъ. Припомнимъ его переписку съ Шведскимъ королем
его посланіе въ Кириллов монастырь.... Очень естественн
что шуты при немъ были въ большомъ ходу.

Сынъ его, царь Ѳедоръ, также всегда забавлялся шутами
карликами, мужескаго и женскаго пола, которые кувыркали
передъ нимъ и пѣли пѣсни. Маскѣвичь говоритъ, что вообщ
шуты представляли самую обычную утѣху для нашихъ пре
ковъ, увеселяли ихъ плясками, кривляясь, какъ скоморохи
канатѣ, и пѣснями, большею частію весьма безстыдными. Да
Тушинскій царикъ имѣлъ при себѣ шута, Петра Киселева,
которымъ и побѣжалъ потомъ изъ Тушина. Въ смутное же вр
мя упоминается шутъ Иванъ Яковлевъ Осипка, который б
валъ у царя (Шуйскаго или Тушинскаго, неизвѣстно) всяк
большой праздникъ [1].

Молодаго царя Михаила Ѳедоровича, въ первое время (съ 1613
потѣшалъ *дуракъ Мосяга*, также Мосѣй (Моисей), а въ хор
махъ у матери царя, великой старицы иноки Марѳы Ивановн
въ Вознесенскомъ монастырѣ, жила *дура Манка* (Марья).
1616 г. марта 28, *пятнадцать* человѣкъ портныхъ шили ц
лый день „государевымъ потѣшникамъ" дураку Мосѣю од
рядку въ покромяхъ, а дурѣ Манкѣ лѣтникъ въ сорочкахъ

[1] Подлин. Свидѣтельства о взаимныхъ отнош. Россіи и Польши
Муханова стр. 266.

[2] Покромы, обрѣзки сукна по кромкѣ, изъ которыхъ, отъ сукo
разныхъ цвѣтовъ, и шили это дурацкое платье. *Сорочкою* называл
сберточный конецъ сукна, или его обертка изъ другой напр. лощен
клесчатой ткани, на которой бывали тканыя и даже писанныя р

олжно полагать, что эта одежда готовилась на спѣхъ, быть ожетъ ко дню Свѣтлаго Воскресенья, которое въ томъ году риходилось 31 марта. Въ 1618 г. апр. 4, слѣд. также къ свѣтому дню (5 апр.), государь пожаловалъ дураку Мосѣю одноядку суконную въ разныхъ цвѣтахъ, съ мишурнымъ кованымъ кружевомъ, съ шолковыми завязками и образцами (родъ пановъ съ петлями); кафтанъ суконный изъ остатковъ разными вѣты съ такими же образцами и кружевомъ и съ оловянными уговицами; а дуркѣ Манкѣ дано государева жалованья шубка индячная въ трехъ цвѣтахъ съ оловянными пуговицами. Въ 622 г. марта 18, дуркѣ сшита шапка изъ червчатой камки мишурнымъ кружевомъ. Въ 1624 г. сент. 15 скроенъ лѣтикъ въ жолтыхъ дорогахъ гилянскихъ съ бархательными воширми и съ бобровою опушкою. Въ 1627 г. іюня 8 дуркѣ Манкѣ шитъ опашень въ два цвѣта, изъ червчатаго и желтаго сукна, мишурнымъ круживомъ и оловянными пуговицами и къ нему керелье накладное — медвѣдокъ молодой.

Въ 1620 г. въ товарищи къ дураку Мосягѣ прибылъ новый уракъ Симонка, которому 12 іюля государь велѣлъ сшить кафанъ — терликъ. Затѣмъ въ 1624 г. прибыли еще два дурака, сачка и Ивашка. Въ 1628 г. у государя является еще новый уракъ Семейка. Въ 1631 г. упоминается дуракъ *Шамыра*, а ь 1636 г. появляется еще дуракъ Сергѣй. Шамыра быть моетъ только прозвище тогоже Сергѣя или одного изъ упомянуыхъ прежде

Обыкновенный, можно сказать мундирный, нарядъ всѣхъ ихъ царскихъ дураковъ былъ слѣдующій: однорядка татаргаго покроя, изъ червленнаго (краснаго) сукна съ татарскими вязками, кафтанъ крашенинный лазоревый, опояска изъ покоми червленнаго или зеленаго сукна: шапка черкасская (малоссійская) суконная зеленая съ лисьимъ околомъ, или колпакъ ѣлепый съ нашивкою; сапоги красные, телятинные, бѣлье — убашка и порты холщевые. Такой нарядъ по большой части ни получали къ Святой. Спали они на войлокахъ, одѣвались баньими (овчинными) одѣвальными шубами.

ѣченныя изображенія фабричныхъ знаковъ, буквъ, гербовъ и т. п. ъ писанныхъ суконныхъ сорочекъ сшитъ былъ лѣтникъ дуркѣ Ман- 27 марта 1619 года.

Иногда кому либо изъ дураковъ шилось и болѣе богатое платье въ другихъ цвѣтахъ. Такъ въ 1629 г. іюня 16 государь приказалъ сшить дураку Ивашку однорядку — сукно аглинское вишнево, кафтанъ — дороги гилянскія жолты, за хлопчатой бумагѣ съ атласнымъ лазоревымъ золотнымъ ожерельемъ; ферезп изъ лазореваго киндяку, шапку — сукно багрецъ съ собольею опушкою. Въ 1636 г. апр. 16, государь приказалъ сшить тремъ дуракамъ Симону, Исаку, Сергѣю по однорядкѣ, одна брусничная, другая рудожолтая, третья серебряной цвѣтъ, съ кружевами и завязками татарскими, кафтаны карашенниные, сапоги телятиные. По случаю какой либо особой потѣхи, в которой должны были участвовать и дураки, имъ шилось особое платье, изготовленіемъ котораго занимался уже главный потѣшникъ въ Потѣшной Палатѣ нѣмчинъ Иванъ Семеновъ. Въ 1634 г. дек. 11 для государевы потѣхи дуракамъ на платье было отпущено этому потѣшнику 10 арш. сукна аглинскаго червленнаго да 5 арш. зеленаго. Разные мелочные предметы ихъ наряда и вообще ихъ содержанія, большею частію покупались въ городскихъ рядахъ. Въ 1634 г. въ ноябрѣ дуракъ Шамыра женился; свадьбу играли въ селѣ Рубцовѣ — Покровскомъ и безсомнѣнія не безъ особыхъ потѣшныхъ затѣй. Мы знаемъ только, что ноября 2, въ Рубцово на дуракову Шамырину свадьбу послано изъ царицыной казны 6 полотенъ тройныхъ гладкихъ да 3 полотна тверскихъ, а ноября 6 ему съ невѣстою куплены въ серебряномъ ряду крестъ серебряный золоченый, да 2 перстня серебряныхъ, одинъ ручками, за все рубль; а въ селѣ Рубцовѣ куплено свѣчь на свадьбу на 4 ал. 2 д.

Судя по одному извѣстію, дураки царя Михаила Ѳед. принадлежали къ разряду идіотовъ. Такъ въ 1632 году 25 марта въ недѣлю цвѣтную, по государеву именному приказу эти дураки были отведены въ монастыри, на страстную недѣлю поститься: въ Богоявленскій монастырь, что у дворца (Троицкое подворье) — дуракъ Мосейка; въ Аѳанасьевскій монастырь, что у Фроловскихъ воротъ (Кирилловское подворье), дураки Исакъ да Симанко. Такая забота, вѣроятно, была бы излишнею въ отношеніи дурака-шута.

Въ хоромахъ царицы Евдокѣи Лукъяновны жили для потѣхи дурки: Орька (Орютка, Оринка), Дунька-татарка, Дунька-нѣмка, Палагейка, которую въ 1640 г. привезъ изъ Пскова окольничій Василій Ив. Стрешневъ; Манка (Марья)-дѣвка и еще Манка

утиха слѣпая баба. Эта послѣдняя была взята въ хоромы арицы въ 1632 г. у боярина кн. Ив. Борис. Черкасскаго. ъ томъ году апрѣл. 28 ей купленъ въ рядахъ слѣдующій наядъ: шапка женская камчатная лазоревая съ пухомъ (околомъ); ошень вдовской черный суконный, тѣлогрѣя киндячная лазоевая на зайцахъ; сапоги женскіе барановые красные, всего а 5 руб. 24 ал. 2 д. Въ 1634 г. апр. 29 ей сдѣлана потѣшая шапка изъ червчатой да изъ жолтой камки съ бобровымъ коломъ. Іюля 16 куплена ей шляпа валеная бѣлая. Въ 1636 г. арта 31, этой *шутихъ*, жонкѣ Манкѣ *слѣпой*, сдѣланъ сарафанъ рашенинный лазоревый, да *сукня* изъ червленаго сукна съ елковою нашивкою и съ оловяными пуговицами. Октября 29 уплено ей на нарядъ 16 нитей бисеру бѣлаго, причемъ въ запискѣ она названа *дуркою*. Ноября 12 куплено еще 6 нитей ѣлаго бисеру и два листа мѣди *шумихи* на потѣшную кику, а низанье. Наконецъ въ 1637 г. марта 10 эта баба слѣпая ыла отправлена въ подмосковное село Ильинское съ царицыымъ боярскимъ сыномъ, причемъ заплачено за провозъ 10 алт. урка Палагейка также оставалась не долго въ хоромахъ цаицы. Постоянно потѣшали царицу только четыре дурки: Маньа, Орька и двѣ Дуньки, татарка и нѣмка. Въ разное время, мотря по надобности, имъ изготовлялись различные предметы хъ обыкновенной одежды изъ царицыной казны: тафьи, трехи, тѣлогрѣи, сарафаны, сапоги барановые, телятинные, козовые, большею частію красные, иногда зеленые, такіе же ашмаки и т. п.

У царевны Ирины была также дурка Катеринка (1643—654 г.). Въ 1643 г. мая 12 ей куплена за 11 алт. женская *орока* шитая золотомъ.

Къ числу придворныхъ дурокъ мы можемъ отнести и старицу Мароу уродливую, которая жила въ Вознесенскомъ монатырѣ и также называлась иногда и дуркою. Вѣроятно она бывала часто и во дворцѣ. Покрайней мѣрѣ изъ дворца наравнѣ о всѣми другими подобными лицами, она получала свою одежду и все содержаніе. Въ запискахъ ея имя появляется съ 1624 г. Въ этомъ году, сент. 15, ей скроена шуба теплая изъ нѣмецкой ерной тафты на бѣльемъ мѣху съ бобровою опушкою; въ 1629 г. апр. 4 ей сшита ряска изъ нѣмецкой таусинной камки; 1630 г. окт. 31 сдѣлана шуба крашенинная лазоревая на заиьемъ мѣху съ бобровою опушкою; въ 1631 г. мая 31 ей сдѣ-

лань сарафанъ крашенинный лазоревый; іюля 18, наметка чер-
неческая; ноября 8 опять сарафанъ крашенинный лазоревый;
дек. 24 въ монатейномъ ряду купленъ опостольникъ старицкой.
Смотря по надобности подобные предметы ея наряда въ разно
время изготовлялись во дворцѣ или покупались въ городскихъ
рядахъ. Въ 1640 г. генв. 19 старица Марфа уродливая скончи-
лась; на поминовеніе по ней царица раздала въ церкви, бога-
дѣльни и нищимъ 100 р.

О шутахъ и дуракахъ, состоявшихъ при дворѣ царя Алекс-
Мих., наши свѣдѣнія очень скудны. Можно полагать, что дура-
кія потѣхи при благочестивой царицѣ Марьѣ Ильичнѣ если н
были совсѣмъ оставлены, то стояли далеко на заднемъ планѣ.
У государевой сестры царевны Ирины Мих. жила еще въ эт
время дурка Катеринка. У царицы Натальи Кириловны встрѣ-
чаемъ въ 1674 г. двухъ дуръ дѣвокъ, Аксинью и Авдотью, к-
торымъ 24 іюня скроены двѣ тѣлогрѣи да лѣтникъ изъ выбо-
ки на холстинной подкладкѣ, съ бобровою опушкою; у лѣтник
вошвы камка китайская—змѣи; выбойки и холстины пошло
50 арш. При царѣ Ѳедорѣ Ал. въ 1679 г. дураки Петръ
Семенъ живутъ у верховыхъ богомольцовъ. Въ томъ же год
въ декабрѣ взятъ былъ во дворецъ изъ Переяславля новый д
ракъ, Ѳедоръ, который вѣроятно тоже помѣщенъ былъ у вер-
ховыхъ нищихъ. Въ 1682 г. упоминается дуракъ Тарасъ, к-
торому ген. 8 сдѣланъ кафтанъ суконный на овчинѣ и проч
платье.

При Петрѣ, въ 1700 г., въ дворцовомъ штатѣ состояли д
шута, Яковъ Тургеневъ и Филатъ Шанскій, получавшіе жал-
ванья по 50 р. У императрицы Анны Ивановны было шес
шутовъ, два иностранца, Коста и Педрилло, и четверо русскихъ
князь Голицынъ, князь Волконскій, Апраксинъ и Балакирев
„Способъ, какъ государыня забавлялась сими людьми, говори
Манштейнъ, былъ чрезвычайно страненъ. Иногда она прик-
зывала имъ всѣмъ становится къ стѣнѣ, кромѣ одного, кот
рый билъ ихъ по поджилкамъ и чрезъ то принуждалъ ихъ упас
на землю. (Это было представленіе старинного правежа). Час
заставляли ихъ производить между собою драку и они таска
другъ друга за волосы и царапались даже до крови. Государ
ня и весь ея дворъ, утѣшаясь симъ зрѣлищемъ, помирали
смѣху". Какъ памятенъ въ этихъ забавахъ еще древній, доп
тровскій вѣкъ руской жизни! И эти шуты, хотя и не глуп

люди, носятъ въ своей роли все тотъ же принадлежащій имъ по штату смыслъ дураковъ-идіотовъ. Манштейнъ разсказываетъ, что Педрилло собралъ 10 т. рублей посредствомъ слѣдующаго дурацкаго спектакля. Однажды Биронъ шутя обозвалъ его, что онъ женатъ на козѣ. Шутъ воспользовался шуткою временщика, подтвердилъ ее и объявилъ, что какъ скоро его жена разрѣшится отъ бремени, то онъ осмѣливается просить императрицу со всѣмъ дворомъ въ гости къ нему на родины, въ надеждѣ, что высокіе гости по старому русскому обычаю не придутъ къ родильницѣ съ пустыми руками и будутъ класть что либо на зубокъ для новорожденнаго и онъ такимъ образомъ соберетъ денежную сумму, необходимую для воспитанія ребенка. Въ назначенный день кладутъ его на театрѣ въ постель съ козою. Занавѣсъ поднимается и спектакль начался тѣмъ, что первая же императрица поднесла ему родинный подарокъ и сама назначила, сколько каждый изъ придворныхъ долженъ былъ дать шутовской родильницѣ. Такіе или подобные домашніе спектакли разыгрывались, безсомнѣнья, и въ допетровскомъ придворномъ быту. Свадьба дурака Шамыры при Михаилѣ Ѳед. необходимо происходила со всѣми порядками и обрядами, со всѣмъ свадебнымъ чиномъ, какой по старому Домострою требовалось выполнить. Такимъ образомъ петровскія шутовскія свадьбы шутовъ Тургенева, Шанскаго и князь-папъ, Зотова и Бутурлина, равно какъ и свадьба шута Голицына или, какъ его обыкновенно звали, князь Квасника, происходившая при Аннѣ Ивановнѣ въ Ледяномъ домѣ, не были изобрѣтеніемъ только петровскаго времени, а представляли обычное старинное шутовское увеселеніе, облекавшее въ смѣхъ свои же обычные старинные порядки и разные чины жизни.

Вообще должно замѣтить, что шутовство, иронія, сатира, комическое или каррикатурное представленіе всего чиннаго, степеннаго и важнаго въ жизни, составляли въ нашемъ допетровскомъ обществѣ какъ бы особую стихію веселости. Но, разумѣется, этотъ старый допетровскій смѣхъ надъ жизнію не заключалъ въ себѣ никакой высшей цѣли и высшей идеи. Онъ являлся простымъ кощуннымъ смѣхомъ надъ тѣми или другими порядками и правилами быта, являлся простою игрою тогдашняго ума, воспитаннаго во всякомъ отрицаніи и потому вообще ума кощуннаго. Никакого чистаго идеала впереди у него не было; никакой борьбы во имя такого идеала онъ не проводилъ.

Это было на самомъ дѣлѣ наивное, безсознательное, или же отчасти лукавое глумленіе жизни, выражавшее лишь другую крайнюю сторону тогоже, глубокаго и широкаго ея отрицанія, на которомъ духовне она развивалась въ теченіи столѣтій. Вотъ почему кощунное шутовство такъ было любимо нашимъ старымъ обществомъ и представляло въ его удовольствіяхъ такую потребную и совершенно неизбѣжную статью веселости. Когда многовѣковое отрицаніе, на которомъ росла наша старая умственная и нравственная культура, выразилось подконецъ, въ силу неотразимыхъ законовъ жизненной послѣдовательности безпощаднымъ и всестороннимъ петровскимъ отрицаніемъ самой этой культуры, когда впереди указаны были новые идеалы жизни, тогда и старый *дурацкій* смѣхъ тотчасъ же получилъ смыслъ, даже политическій, и сослужилъ преобразователю великую службу въ перестановкѣ на новую всей старой выработки понятій и представленій общества. При Петрѣ, въ глубинѣ этого смѣха уже лежали идеи преобразованія, идеи борьбы съ ветхими порядками. Сознательная мысль этого петровскаго смѣха вскорѣ переходитъ къ соотвѣтственной литературной формѣ къ сатирѣ драматической и дидактической (интерлюдія, интермедія, сатиры Кантемира), т. е. обнаруживаетъ стремленіе возвести его на степень художественнаго созданія. Но за то в дворцѣ Анны Ивановны шутовской смѣхъ является запоздалымъ гостемъ XVII ст. и обнаруживаетъ только особенную живучесть старыхъ началъ и старыхъ порядковъ быта всегда очень медленно принимающаго въ себя новыя идеи.

Само собою разумѣется, что народное слово, еслибъ пользовалось въ письменности тѣми же правами, какъ и книжное слово, должно было оставить намъ довольно значительную литературу по этому отдѣлу стариннаго шутовства и всякаго глумленія, т. е. вообще по отдѣлу вольнаго смѣха, не стѣсненнаго никакою предвзятою поучительною или моральною указкою, который отъ простой души смѣялся надъ умными дѣлами жизни, облекая ихъ въ шутовской дурацкій нарядъ. Богатство такой литературы условливалось особенною склонностью къ ироніи, къ шутовству всего нашего стараго общества. Нѣтъ сомнѣнія, что случайно уцѣлѣвшие обрывки этой литературы представляютъ весьма малую долю того, что устно, частію письменно и даже печатно ходило въ народѣ.

Изъ числа сохранившихся памятниковъ, мы можемъ отдѣлить цѣлый особый ихъ разрядъ, который будетъ свидѣтельствовать объ особенной наклонности допетровскаго общества къ шутливымъ рѣчамъ и къ шутливымъ изображеніямъ разныхъ положеній старой жизни. Къ этому разряду мы отнесли бы всѣ лубочныя картинки съ шутовскими рѣчами и шутовскими изображеніями. Онѣ очень знаменательны въ томъ смыслѣ, что въ нихъ народная письменность сама собою добралась до печатнаго слова и могла бы заявить себя множествомъ своеобразныхъ произведеній, еслибъ и на этомъ пути не встрѣтилась съ запрещеніями и гоненіями, которыя ее преслѣдовали, начиная отъ патріарха Іоакима, запретившаго продавать листы съ иконными изображеніями, и оканчивая нашими днями, когда въ Москвѣ были уничтожены ея послѣднія печатныя доски по распоряженію гражданской власти. Между тѣмъ въ половинѣ XVII ст., по свидѣтельству Кильбургера, лубочныя картины или *листы деревянной печати* печатались свободно и въ большомъ количествѣ, и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ. Извѣстно, что такими картинками украшались стѣны и въ дворцовыхъ покояхъ и въ хоромахъ у частныхъ людей. Продавались онѣ въ Москвѣ въ первой половинѣ XVII ст. въ Овощномъ ряду, а въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. на Спасскомъ мосту, у Спасскихъ кремлевскихъ воротъ, слѣд. на самомъ бойкомъ мѣстѣ по многолюдству, по цѣнѣ всѣмъ доступной, по деньгѣ, по копѣйкѣ и по 2 копѣйки.

Эти листы сдѣлались теперь величайшею рѣдкостью [1]. Принадлежащіе имъ тексты нерѣдко заключаютъ въ себѣ именно тотъ духъ наивнаго и беззастѣнчиваго шутовства, не всегда удобнаго для печати, которымъ долженъ былъ отличаться народный невоспитанный смѣхъ въ старое время. Онъ въ выборѣ предметовъ для своихъ изображеній, мало стѣснялся какими либо рамками позволеннаго или приличнаго и подвергалъ глу-

---

[1] Они описаны покойнымъ И. М. Снегиревымъ, но безъ приведенія всѣхъ подлинныхъ текстовъ. Намъ извѣстно, что самое полное и обстоятельное описаніе такихъ листовъ съ полными текстами давно уже составлено Д. А. Ровинскимъ въ его Исторіи русской гравюры, этотъ отдѣлъ которой, къ великому сожалѣнію, до сихъ поръ остается въ рукописи. Нѣкоторые списки лубочныхъ текстовъ и вообще старинныя шутовскія статьи были изданы особою книжкою съ заглавіемъ: Старичекъ Весельчакъ, разсказывающій давнія Московскія были.

мленію всякій предметъ, доставлявшій необходимую пищу его остроумію. Таковы, напр. его глумотворныя статьи: Списокъ съ челобитной Калязина монастыря. хожденіе Савы Большой Славы, съ смѣшнымъ икосомъ; Повѣсть, а также и Сказаніе о курѣ и лисицѣ и т. п.

Необходимою формою для шутовской или сатирической литературы служила всегда *вирша* или риѳма, такъ что шутить, острить значило между прочимъ и то, чтобы подбирать въ своей рѣчи пригожій складъ или пригожую риѳму. Древнѣйшимъ нашимъ стихотворцемъ и сатирикомъ мы по всей справедливости должны признавать князя Ивана Хворостинина, который въ началѣ XVII ст. прославился своимъ еретичествомъ, а быть можетъ главнымъ образомъ своими „многими укоризнами и хульными словами въ письмахъ про всякихъ людей Московскаго государства“. тѣмъ особенно, „что гордостью и безмѣрствомъ своимъ въ разумѣ себѣ въ версту не поставилъ никого и тѣмъ своимъ бездѣльнымъ мнѣніемъ и гордостью всѣхъ людей московскаго государства и *родителей* своихъ, отъ кого онъ родился, обезчестилъ и положилъ на всѣхъ людей московскаго государства хулу и неразумье“. Онъ говорилъ въ разговорахъ, что будто на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупой и жити ему не съ кѣмъ и хотѣлъ, чтобъ государь отпустилъ его въ Римъ или въ Литву.... а въ *книжкахъ своего слога* писалъ про всякихъ людей московскаго государства многія укоризны, что будто московскій народъ кланяются святымъ иконамъ по подписи, хоти и не прямой образъ; а которой образъ написанъ хоти и прямо, а не подписанъ и тѣмъ не кланяются; да московскіежъ люди *сѣютъ землю рожью, а живутъ будто все ложью* и пріобщенья ему нѣтъ съ ними никотораго; и составлялъ иныя многія укоризненныя слова, *писаны на виршь* и то знатно, что такія слова говорилъ и писалъ гордостью и безмѣрствомъ своимъ.... У него же въ письмѣ было сыскано: написано государево (царя Михаила Ѳед.) именованье не по достоинству—*деспотомъ русскимъ*, *а деспота* словетъ греческою рѣчью владыка или владѣтель, а не царь и самодержецъ; а онъ князь Иванъ, не иноземецъ, и такъ было про государское именованье писать не пристойно, т. е. умалять государевъ титулъ и государево достоинство, сводить его съ недосягаемой высоты самодержца къ простому деспоту, къ простому владѣтелю.

Вся эта исторія съ княземъ Хворостининымъ представляетъ самую характерную и типическую черту нашей старины, имен

но въ отношенiи ея понятiй о независимомъ литературномъ призванiи кого либо изъ ея современниковъ. Еслибъ Хворостининъ находился въ званiи дурака-шута, старина простила бы ему его литературные грѣхи. За дерзкое слово онъ вытерпѣлъ бы нѣсколько батоговъ, его поучили бы тоже какимъ либо потѣшнымъ, хотя и жестокимъ способомъ, и тѣмъ бы все окончилось. Но князь не былъ шутомъ, поэтому его сатирическiя многiя укоризны тогдашнему московскому обществу иначе и не могли быть поняты, какъ измѣнными ругательными поношенiями честныхъ людей. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что князь лично никого не упоминалъ, а писалъ вообще, какъ истинный сатирикъ; въ противномъ случаѣ онъ пострадалъ бы и по суду за чье либо безчестье. Таково было положенiе литератора въ нашемъ древнемъ обществѣ, т. е. положенiе всякаго самостоятельнаго знанiя или самостоятельной и независимой мысли. Сатирика, а къ тому же еретика, который поколебался мыслiю и сомнѣвался въ воскресенiи мертвыхъ, сослали подъ началъ въ Кирилловъ Бѣлозерскiй монастырь, съ крѣпкимъ наказомъ, чтобъ, кромѣ церковныхъ, безъ которыхъ быть нельзя, иныхъ бы книгъ никакихъ у него не было, для того что *высокоумiемъ вознесся* и *высокословiя возжелавъ*, да не впадетъ въ берегъ погибели, какъ и другiе *самомнители*, о истинѣ погрѣшившiе и *самомнѣнiемъ погибшiе*" [1].

Какъ бы нибыло, но для насъ въ настоящемъ случаѣ любопытно то, что писаное слово на виршь или риѳмованное слово было употребительно еще въ первые годы XVII ст. Оно-то, по нашему мнѣнiю, и составляло главнѣйшую стихiю стариннаго шутовства, и пользовалось наиболѣе широкими правами гражданства лишь въ устахъ шутовъ дураковъ, въ устахъ потѣшниковъ, какъ въ царскомъ дворцѣ, такъ и въ боярскихъ хоромахъ. Въ обыкновенномъ быту, т. е. въ устахъ рядоваго человѣка, не штатнаго потѣшника, смѣхотворныя шутовскiя рѣчи иной разъ приводили къ суду и, разумѣется, даромъ съ рукъ не сходили, доставляя хорошiя выгоды сутяжникамъ и всякой приказной строкѣ. Такъ въ 1733 г. въ Духовную Дикастерiю была подана на Высочайшее имя слѣдующая жалоба служителемъ лейбъ-гвардiи Преображенскаго полку капитана поручика Сергѣя Автам. Головина, Алексѣемъ Гранниковскимъ. „Сего iюня

[1] А. А. Э. III, 212. С. Г. Г. III, 331.

17 дня настоящаго 733 года, писалъ этотъ служитель, случилось быть у меня нижайшаго въ домѣ гости, и безъ призыв моего пришелъ ко мнѣ въ домъ мой, церкви Николая чудотвор ца, что на Хлыновѣ, викарій попъ Василей и принесъ съ со бою некакую *проказу*, роспись смѣхотворную, якобы кому на лежитъ къ женитьбѣ, у которой онъ попъ своею рукою и по писался, и тѣмъ при гостяхъ учинилъ мнѣ нижайшему не ма лой афронтъ и безчестье, понеже оные гости вмѣняли меня ни жайшаго въ непостоянство; а я нижайшій о той росписи и н свѣдомъ, и гдѣ онъ попъ тое роспись взялъ и кто писалъ, знаю, только узналъ подъ тою росписью рука его попова, о чего я весьма опасенъ; а оное неточію бъ попу, но и міряни того дѣлать не пристойно; а онъ попъ чинитъ въ томъ соблазн не малой, а мнѣ нижайшему нанесъ безчестье, а для подлинна безсомнительнаго разсиматeльства со онаго смѣхотворнаго якоб приданаго реэстра. которое за рукою его поповою, при се пріобщаю точную копію. Всемилостивѣйшая Государыня Имп ратрица! прошу Вашего Императорскаго Величества да пов лить державство Ваше сіе мое прошеніе съ пріобщеніемъ смѣхотворнаго реэстра копіею, принявъ, записать, а онаго поп сыскавъ, въ томъ реэстрѣ и въ безчестьи меня нижайшаго, д просить и по произведеніи дѣла по силѣ Вашего Императорск го Величества указовъ и правилъ Святыхъ Отецъ учинить е попу, чему онъ будетъ достоинъ, а за безчестье мое по улож нію на немъ взыскавъ. отдать мнѣ нижайшему, дабы впре оной попъ, ходя по домамъ, такихъ проказъ и незаконныхъ п ступокъ чинить пересталъ".

„Роспись о приданомъ: вначалѣ восемь дворовъ крестьянских промежъ Лебедини, на Старой Резани. недоѣзжая Казани. г пьяныхъ вязали, межъ неба и земли, поверхъ лѣсу и воды; 8 дворовъ бобыльскихъ, въ нихъ полтора человѣка съ четве тью, 3 человѣка дѣловыхъ людей, 4 человѣка въ бѣгахъ да человѣка въ бѣдахъ, одинъ въ тюрьмѣ, а другой въ водѣ: въ тѣхъ же дворехъ стоитъ горница о трехъ углахъ, надъ ж лымъ подклѣтомъ.... третій московской дворъ загородной Воронцовскомъ полѣ, позади Тверской дороги. Во ономъ двор хоромнаго строенія: два столба вбиты въ землю. третьимъ п крыто....—Да съ тѣхъ же дворовъ сходитца на всякой го насыпнаго хлѣба восемь анбаровъ безъ заднихъ стѣнъ: въ о номъ анбарѣ 10 окороковъ капусты, 8 полтей тараканьихъ

8 стяговъ комарьихъ, 4 пуда каменнаго масла. Да въ тѣхъ же дворехъ сдѣлано: конюшня, въ ней 4 журавля стоялыхъ, одинъ конь гнѣдъ, а шерсти на немъ нѣтъ, передомъ сѣчетъ, а задомъ волочетъ; да 2 кошки дойныхъ, 8 ульевъ недѣланыхъ пчелъ, а кто меду изопьетъ.... 2 ворона гончихъ, 8 сафьяновъ турецкихъ; 2 пустоши поверхъ лѣсу и воды. Да съ тѣхъ же дворовъ сходится на всякой годъ всякаго запасу по 40 шестовъ собачьихъ хвостовъ, да по 40 кадушекъ соленыхъ лягушекъ, киса штей, да заходъ сухарей да дубовой чекмень рубцовъ, да маленькая поточка молочка да овинъ киселя; а какъ хозяинъ станетъ ѣсть, такъ не зачѣмъ сѣсть, жена въ столъ, а мужъ подъ столъ; жена не ѣла, а мужъ не обѣдалъ".

„Да о приданомъ платьѣ: шуба собольи, а другая сомовья, крыто сосновою корою, кора снимана въ межень, въ Филиппов мостъ, подымя хвостъ Три опашня сукна мимозеленаго, драно по три напасти локоть; да однорядка не тѣмъ цвѣтомъ, калпта вязовыхъ лыкъ, драно на Брынскомъ лѣсу, въ шестомъ часу; крашенинные сапоги, ежевая шапка... 400 зеренъ зеленаго жемчугу, да ожерелье пристяжное въ три молота стегано, серпуховскаго дѣла; 7 кокошниковъ шитые заяузкимъ золотомъ.... 8 перстней желѣзныхъ золоченые укладомъ, каменья въ нихъ галы, на Неглинной брали; тѣлогрѣя мимокамчатая; круживо берестеное, 300 искръ изъ Москвы рѣки браны... И всего приданаго будетъ на 300 пусто, на 500 ни кола. А у записи сидѣли с. Еремей да женихъ Тимофей, котъ да кошка да п. Тимошка, да сторожъ Филимошка. А запись писали въ сѣрую субботу, въ рябой четвертокъ, въ соловую пятницу; тому честь и слава, а попу каравай сала, да обратина пива, прочитальщику чарка вина, а слушальщикамъ бадья меду да 100 рублевъ въ мошну; а которые добрые люди, сидя при бесѣдѣ и вышеписанной росписи не слушали тѣмъ всѣмъ по головнѣ...."

Не смотря на то, что дѣло относится къ третьему десятилѣтію XVIII вѣка, эта роспись носитъ на себѣ всѣ признаки XVII ст., когда, вѣроятно, она и была составлена, а въ это время ходила уже въ спискахъ. Мы приводимъ ее какъ болѣе или менѣе подходящую характеристику шутовскихъ смѣхотворныхъ рѣчей, какими шуты-дураки потѣшали нѣкогда своихъ слушателей. Мы видѣли, что шутовскія статьи являлись на письмѣ и въ XVII ст.; но всѣ подобные памятники, не имѣя дѣловаго канцелярскаго значенія, быстро изчезали съ самою жизнію ста-

раго общества и только немногіе изъ нихъ попали въ общій литературный оборотъ, переходя въ какіе либо сборники или въ разрядъ листовъ деревянной печати. Не говоримъ о литературѣ скомороховъ, которая по особенному свойству своихъ произведеній должна была изчезать постоянно вмѣстѣ съ живымъ словомъ этихъ потѣшниковъ. Случайно записанныя, эти произведенія уже въ романтическое время нашего вѣка, даже въ рукахъ ученыхъ издателей, тоже были отвергнуты за „пренебреженіе умѣренностью и правилами благопристойности, а также и за насмѣшливый тонъ"; какъ былъ отвергнутъ ими и знаменитый стихъ о Голубиной Книгѣ, не приличный будто бы по смѣшенію духовныхъ вещей съ простонароднымъ разсказомъ [1].

Одною изъ любимыхъ русскихъ комнатныхъ утѣхъ въ долгіе осенніе и зимніе вечера и особенно для грядущихъ ко сну была сказка и по всему вѣроятію не въ спеціальномъ ея значеніи, какое опредѣлила ей наука, а вообще въ значеніи всякой повѣсти, какъ небылицы, такъ и дѣйствительной были, обставленной только поэтическими образами и сказываемой поэтическимъ словомъ. Предки очень любили поминать прошлыя событія, и берегли „память" о дѣлахъ минувшихъ. Лучшимъ доказательствомъ и лучшимъ выраженіемъ ихъ любви и уваженія къ памяти о прошломъ служатъ лѣтописи, разумѣется первоначальныя, когда народныя литературныя начала не были еще стѣснены односторонними книжными вліяніями. Съ какою заботливостью первые лѣтописцы стараются изобразить не свои личныя фантазіи и умствованія, а самое *дѣло жизни;* съ какою правдою стараются они описать событіе, становясь всегда въ сторону отъ своихъ личныхъ стремленій или тутъ же ихъ объясняя, какъ такое же дѣло жизни, достойное памяти потомства, съ цѣлію возстановить одну правду. Все это обнаруживаетъ здоровое и полное силъ литературное направленіе. Любовь и особое вниманіе къ памяти о минувшихъ дѣлахъ и людяхъ. проходитъ черезъ всю нашу исторію и впослѣдствіи получаютъ только иное направленіе, когда память о дѣлахъ людскихъ смѣнится памятью о дѣлахъ Божьихъ, сказаніями о чу-

---

[1] К. Калайдовичь, въ предисловіи къ Древнимъ Россійскимъ Стихотвореніямъ, М. 1818.

дотвореніяхъ, о богоугодныхъ людяхъ, о подвижникахъ жизни иноческой. Письменная литература отдается по преимуществу этому направленію; но за-то словесная устная остается вѣрною своему первоначальному призванію и очень долго, даже до нашихъ дней, безъ средства письма, сохраняетъ въ памяти народа, конечно уже не историческую, лѣтописную, а только поэтическую правду о людяхъ и событіяхъ. Она лучше помнитъ народныхъ героевъ и вѣрнѣе изображаетъ истину ихъ жизни, чѣмъ литература письменная, впослѣдствіи совсѣмъ утратившая въ своихъ изображеніяхъ жизненное чутье, если можно такъ выразиться. На томъ основаніи, что устное слово столь долго и при великомъ множествѣ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, умѣло сберечь память о герояхъ народной исторіи, каковы бы ни были ихъ дѣла, мы имѣемъ полное и во всѣхъ отношеніяхъ основательное право заключать, что въ то время, когда обстоятельства не были еще столько неблагопріятны, устное слово работало во всей силѣ и представляло, не смотря на гоненія со стороны писанаго слова, живую область народнаго творчества, гдѣ русскій человѣкъ всегда находилъ истинное удовлетвореніе эстетическимъ потребностямъ своей мысли и чувства. Очень естественно, поэтому, что сказочникъ, *бахарь*, какъ и *домрачей* и *гусельникъ*—гусляръ, смѣнившіе древнихъ пѣвцовъ и баяновъ, сдѣлались, какъ теперь книга, домашнею необходимостью, безъ которой не полна была бы жизнь всякаго, кому не чужды были человѣческія удовольствія. Ихъ могло вытѣснить, какъ и въ дѣйствительности вытѣснило, только писаное, т. е. печатное слово, и то тогда только, когда съ половины XVIII ст. и оно поставило себѣ цѣлью творчество художественное. У старозавѣтныхъ людей и въ началѣ нашего столѣтія бахарь-сказочникъ бывалъ еще необходимымъ членомъ домашняго препровожденія времени. Такимъ образомъ стараго бахаря, домрачея и гусельника мы должны разсматривать, какъ представителей художественной литературы, свойственной потребностямъ и вкусамъ вѣка. Это были поэты, если и не творцы, за то хранители народнаго поэтическаго творчества. Но не можемъ сказать, что они не были и творцами, ибо есть положительныя свидѣтельства, что народная мысль не только свято хранила поэтическую память о минувшемъ, но съ живостію воспринимала и поэтическіе образы современныхъ событій. Въ этомъ отношеніи для насъ неоцѣнимы пѣсни, записанныя у одного

англичанина въ 1619 г. Онѣ воспѣваютъ событіе, только что совершившееся въ томъ году, пріѣздъ въ Москву изъ плѣна государева отца Филарета Никитича; онѣ поютъ смерть недавняго народнаго героя Скопина Шуйскаго (1610 г.); онѣ поютъ участь царевны Ксеніи Годуновой, участь вполнѣ достойную поэтической памяти; онѣ поютъ *весновую* службу и набѣгъ крымскаго царя, для береженья отъ котораго назначалась служба и въ этомъ 1619 г. марта 12. Имѣя въ виду эти пѣсни и случайность ихъ записи, мы можемъ основательно полагать, что это только незначительныя крохи того, чѣмъ обладало наше старинное пѣснотворство; что не было событія и жизненнаго народнаго дѣла, которое небыло бы пропѣто, прожито не одною матеріальною нуждою, но и поэтическимъ чувствомъ; что поэтическое народное чувство было очень впечатлительно и отзывалось на всякій звукъ жизни, и что, слѣд., въ настоящее время собранныя нами старинныя пѣсни представляютъ весьма незначительную часть того богатаго наслѣдства, какое нашъ народъ скоплялъ намъ въ теченіи вѣковъ въ своемъ пѣсенномъ творчествѣ. Онъ до сихъ поръ въ устахъ сохранилъ напр. пѣсенную память о томъ, какъ „царь сослалъ царицу въ монастырь". Эта пѣсня по всему вѣроятію спѣта про царицу Евдокію Лопухиныхъ, супругу Петра; но по содержанію, или лучше сказать по поэтическому образу царицыной участи она можетъ быть отнесена и къ Соломоніи Сабуровыхъ, т. е. почти за 200 лѣтъ раньше Петровскаго времени. Народъ пропѣлъ и сохранилъ въ устахъ и горькую участь молодой царицы — вдовы, безсомнѣнія Мароы Матвѣевны Апраксиныхъ, едва успѣвшей вступить въ бракъ и оставшейся послѣ царя Ѳедора сиротою въ 15 лѣтнемъ возрастѣ [1]).

Стало быть народъ никогда не былъ безучастнымъ свидѣтелемъ событій своей исторіи и не только событій государственныхъ, общенародныхъ, но и государевыхъ, домашнихъ. Имевно эти пѣсни о царевнѣ Ксеніи и о царицахъ, равно какъ и о домашнихъ отношеніяхъ Грознаго, лучше всего и подтверждаютъ ту истину, что народное поэтическое творчество вовсе не было такъ бѣдно, какъ оно представляется теперешнему наблюдателю. Мы должны много сожалѣть о вліяніи той аскетской мысли, и

[1]) Кирѣевскій, вып. VI, 202, 203, 207. Записки Академіи Наукъ I, кн 2, 203.

которой мірская пѣсня получила значеніе грѣха и благочестивое книжное перо не осмѣливалось начертить ее на бумагѣ и передать писанную на память потомству; по которой на томъ же основаніи во имя святости и подъ покровомъ словъ писанія, взамѣнъ народныхъ пѣсенъ, распространялись самыя темныя апокрифическія басни, содержавшія въ себѣ дѣйствительныя ереси, и притомъ, по происхожденію, совсѣмъ намъ чужія. Записать на бумагу пѣсню еще возможно было въ концѣ XII вѣка, какъ это сдѣлалъ творецъ Слова о Полку Игоревомъ, но и онъ уже, или его позднѣйшій переписчикъ не посмѣлъ назвать этотъ разсказъ прямымъ именемъ — пѣснію; онъ озаглавилъ его *словомъ*, т. е. придалъ ему значеніе обычной въ то время книжно-литературной формы — т. е. слова книжноучительнаго, или книжно-повѣствовательнаго. Въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ писать на бумагѣ пѣсни, значило кощунствовать, развратничать, прямо обрекать свою душу адской безднѣ, а свое земное существованіе вести по меньшей мѣрѣ подъ батоги, а за тѣмъ *подъ началъ*, т. е. къ монастырскому строгому и суровому исправленію: сидѣть на цѣпи, работать всякую трудную монастырскую работу и непрестанно замаливать свой неразумный грѣхъ. Страшно было совершить такое преступленіе особенно потому, что одному грѣху обыкновенно всегда приписывали и всякіе другіе грѣхи, ему сродственные и свойственные. Точно также, какъ человѣкъ не былъ мыслимъ безъ своего рода и всегда и терялъ и пріобрѣталъ, возвышался и подвергался опалѣ и гоненію за одно съ своимъ родомъ; такъ и грѣхъ писанія, какъ грѣхъ мысли, коль скоро выходилъ изъ круга понятій книжности, тотчасъ подвергался осужденію и гоненію за одно со всѣмъ своимъ родомъ своевольной или независимой и самостоятельной мысли. Поэтому записанныя пустошныя рѣчи и пѣсни равнялись еретичеству, невѣрію, и грамотныя тетради не церковнаго да и не дѣловаго содержанія были непремѣнно заподозрѣваемы, какъ тетради еретическія, богопротивныя, кощунныя: а былины съ ихъ миѳическими образами прямо бы осуждены были на сожженіе. Книжное слово зорко и неустанно берегло свою чистоту и тотчасъ изгоняло изъ своей сферы не только памятники явно богомерзскіе, но и простую живую народную рѣчь, которая всегда способна была высокую книжную фразу низвести въ грязь просторѣчія, или отверженнаго шутовства. Вообще старая книжность была на-

шимъ строгимъ и суровымъ дидаскаломъ, строгимъ и суровымъ классицизмомъ, который презиралъ и почиталъ подлымъ, измённымъ и низкимъ все романтическое, т. е. народное, и постоянно стремился изгнать изъ своей сферы не только духъ этого романтизма, но и самыя его формы. Вотъ почему никакой Котошихинъ и не осмѣливался записать старыя наши былины, повѣсти и пѣсни, и никакой бояринъ, а тѣмъ больше самъ государь не могъ и подумать о томъ, чтобы собрать въ книгу народныя пѣснопѣнья. Вотъ почему и Слово о Полку Игоревомъ не могло распространиться въ достаточномъ количествѣ списковъ, хотя книжность знала о его существованіи и тайкомъ воспользовалась имъ, сочинивъ по его образцу и его же рѣчами одно изъ своихъ повѣствованій о Донской битвѣ. Должно замѣтить, что отвергая народное слово, книжность, гдѣ было ей нужно, всетаки пользовалась пѣснями, какъ необходимымъ матеріаломъ. Она нерѣдко по нимъ составляла свои лѣтописныя статьи, свои историческія повѣсти и сказанья въ родѣ повѣданія о Мамаевомъ Побоищѣ; она вносила пѣсни въ хронографы (напр. пѣсню о Скопинѣ), она по всему вѣроятію по такимъ же пѣснямъ въ XVI — XVII ст. составляла свои сказанья о зачалѣ Москвы-города и т. п. Но пользуясь поэтическимъ матеріаломъ отъ нашихъ древнихъ баяновъ, отъ старинныхъ бахарей, домрачеевъ и гусельниковъ, она только искажала ихъ пѣсни, стирала живые ихъ образы, всегда усердно передѣлывала ихъ народную складную рѣчь на свое книжное сухое и чопорное слово. Подражая народному поэтическому слову, книжность иной разъ доводила свою фантазію до образовъ неимовѣрно грубыхъ и чудовищныхъ. Таковы, напр., ея подражанія народнымъ загадкамъ, эти „богословскіе вопросы и отвѣты", гдѣ, по образцу игривой двусмысленности загадокъ народнаго слова, облекались въ циническія загадки священные предметы, напр.: Что есть четыре орлы едино яйцо снесли.... Что есть волъ корову роди.... Кто есть внукъ рѣче бабѣ.... Что есть отрокъ, рѣче: дѣвица, дѣвица.... и т. п. Словомъ сказать, пригнетеніе народной поэзіи, ея отверженіе отъ писанаго слова, низвело и самую книжность до пошлыхъ и циническихъ литературныхъ пріемовъ, въ которыхъ обнаруживалось только всеобщее помраченіе ума и всеобщее огрубѣніе и огрязнѣніе чувства. Между тѣмъ для народной поэзіи, чтобы вывесть ее изъ предѣловъ первобытной непосредственности, и именно изъ предѣловъ всего грубаго, циническаго

сальнаго и грязнаго, для народной поэзіи въ этомъ ея положеніи только и недоставало свободной письменности. Только свободная письменность могла очистить, возвысить, облагородить народное словесное творчество, поднять его изъ грубой матеріальной среды на высоту созданій идеальныхъ, художественныхъ въ полномъ смыслѣ. Писаное слово есть зеркало, въ которомъ народное сознаніе успѣло бы повѣрить себя, высмотрѣть свои безобразныя формы, еслибъ такія и накопились въ немъ; успѣло бы произнести надъ ними достойное осужденіе и выйдти на чистый возвышенный путь. Устное слово этого сдѣлать не могло уже по той причинѣ, что оно все таки жило въ загонѣ и въ презрѣніи, какъ орудіе отверженной потѣхи, а главное потому, что было неуловимо для сознательной повѣрки и его грѣхи или циническій развратъ всегда теряли общій смыслъ и оставались грѣхами и развратомъ самого сказателя или пѣвца, той личности, которая являлась выразителемъ этого слова. Для сознательной повѣрки или критики, для силы очищенія отъ грѣховъ цинизма и разврата въ рукахъ народа не было точки опоры, для всѣхъ общей точки, какую способна была представить только свободная письменность.

Какъ бы ни было, но многое насъ убѣждаетъ, что въ эпоху о которой ведемъ рѣчь, народная поэзія жила еще довольно полною жизнію и устное поэтическое слово постоянно оглашало и дворцовыя палаты, и хоромы бояръ, и народныя праздества и игрища, что пѣвцы и сказатели были людьми необходимыми въ тогдашней и общественной и домашней жизни. Извѣстно, что царь Иванъ Васильевичъ не могъ даже и засыпать безъ бахарей. Нѣмцы, описывая его монашескую жизнь въ Александровой Слободѣ, говорятъ между прочимъ, что послѣ вечерняго богослуженія, царь уходилъ въ свою спальню, гдѣ его дожидались трое слѣпыхъ старцевъ; когда онъ ложился въ постель одинъ изъ старцевъ начиналъ говорить сказки и небылицы и когда уставалъ, то его смѣнялъ другой, и т. д. Царь отъ того скорѣе и крѣпче засыпалъ. Мы полагаемъ, что это была общая привычка старинныхъ русскихъ людей и царь Иванъ Васильевичъ является въ этомъ отношеніи только сыномъ своего вѣка. Онъ точно также любилъ и *веселыхъ*, т е. скомороховъ, любилъ медвѣжью травлю и тому подобныя удовольствія, которыя хотя и были гонимы, но тѣмъ не менѣе представляли обычный репертуаръ царскаго и народнаго уве-

селенія, до самыхъ дней реформы, а у народа отчасти и д
нашихъ дней (медвѣжья травля). Царь Иванъ Васильевич
собиралъ веселыхъ и медвѣдей по всей землѣ. Въ 1571 г. с
этою цѣлью пріѣзжалъ въ Новгородъ нѣкій Субота Осетръ
вѣрно царскій потѣшникъ, и въ Новгородѣ и по всѣмъ горо
дамъ и волостямъ новгородской области бралъ на государя ве
селыхъ людей да и медвѣди описывалъ на государя, у ког
скажутъ. Субота занимался этимъ дѣломъ все лѣто съ весны
и 21 сентября поѣхалъ на подводахъ къ Москвѣ съ собранным
скоморохами, и медвѣдей повезли съ собою на подводахъ к
Москвѣ. — Можно полагать, что и въ другихъ областяхъ бы
вали подобные же сборы скомороховъ, въ числѣ которых
пѣвцы — гусляры непремѣнно занимали самое видное мѣсто.
Остается не одинъ разъ сожалѣть, что царскіе архивы пого
рѣли и мы вообще не имѣемъ достаточныхъ подробностей об
этой, какъ и о многихъ другихъ статьяхъ тогдашняго быта.
Встрѣчается извѣстіе, что у царя Василья Шуйскаго был
бахарь Иванъ..

У царя Михаила мы находимъ тѣже старыя русскія комнат
ныя утѣхи. Его увеселяютъ бахари, домрачеи, гусельники. Въ
первые года ему *бающъ басни* бахари Климъ Орефинъ, Петръ
Сапоговъ, Богданъ Путята или Путятинъ. Царь каждый годъ
жалуетъ имъ платье; такъ 9 февр. 1614 года *государевъ бахар*
Климъ Орефинъ получилъ 4 арш. сукна англинскаго зеленаго,
кафтанъ зенденинный темнозеленый, однорядку суконную вин
шевую. Въ томъ же году мая 7 выдано государева жалованы
другому *государеву бахарю*, Петрушкѣ Тарасьеву Сапогову 4 арш.
сукна англинскаго вишневаго, кафтанъ-зендень лазорева. сапоги
телятинные, причемъ и Климъ Орефинъ, названный Орефьевым
тоже получилъ телятинные сапоги. Въ 1617 г. мая 6 трем
бахарямъ Петрушкѣ, Богдашку и Климашкѣ пожаловано п
4 арш. сукна настрафилю лазореваго, да по 5 арш. сукн
лятчины червчатой. Въ 1618 г. апрѣля 15 государь пожа
ловалъ *домрачея* Богдана Путятина да бахарей Петра Сапо
гова и Клима Орефьева по 4 арш. сукна лазореваго. Въ 1620 г
апр. 29 такое же жалованье получили бахарь Климъ и до
мрачей Путята; въ 1622 г. марта 27 бахарь Богданъ Пу
тятинъ получаетъ опять такое же сукно. Всѣ эти пожалован
произведены по „именному приказу", слѣд. въ награду за по
тѣшенье.

Съ бахарями рядомъ по своему занятію стояли въ Потѣшной Палатѣ домрачеи. Мы видѣли, что бахарь Богданъ Путята отмѣченъ также и домрачеемъ. По всему вѣроятію занятія бахаря и домрачея очень часто соединялись въ одномъ лицѣ, ибо бахарь былъ повѣтствователь, сказочникъ, а домрачей меннезингеръ, пѣсельникъ, воспѣвавшій дѣянья прежнихъ людей, т. е. былины и старины про богатырей, и вмѣстѣ съ тѣмъ и духовные стихи. Домрачеемъ онъ назывался по имени музыкальнаго инструмента, на которомъ подыгрывалъ свой пѣсенный ладъ, и который у славянъ западной Европы употребляется и теперь съ именемъ *тамры;* это была *домра*, струнный инструментъ, на которомъ играли пальцами, какъ на гитарѣ. Очень вѣроятно, что это—имя мандоры, образовавшееся отъ перестановки звуковъ, къ которой такъ расположенъ русскій языкъ, особенно въ отношеніи словъ иностранныхъ; какъ напр. и изъ другаго слова: маскара, образовалось наше скоморохъ или скомрахъ.

Послѣ домрачея Путяты, когда государь въ 1626 г. женился, на свадьбѣ его тѣшили домрачеи Андрюшка Ѳедоровъ да Васька Степановъ. Затѣмъ въ Потѣшной Палатѣ являются уже домрачеи *слѣпые*. Такъ было необходимо, если эти потѣшники должны были увеселять и молодую царицу, не только въ Потѣшной Палатѣ, но, какъ вѣроятно, и въ ея хоромахъ. Что дѣйствительно они главнымъ образомъ воспѣвали свои пѣсни на царицыной половинѣ, на это указываютъ награды имъ отъ лица государыни и довольно частая выдача имъ изъ царицыной казны денегъ на домерныя струны. Такъ 9 іюня 1632 г. царица Евдокія Лукьян. жалуетъ рубль потѣшнику домрачею Гаврилку слѣпому, а *слѣпымъ игрецамъ* домрачеямъ Якову (онъ же Янка, Якушъ, Якунка, 1635—1643 г.) Лукьяну Никифорову (онъ же Лука, Лукашъ, 1635—1639 г.), Науму и Петру приказываетъ въ разное время выдавать по гривнѣ и по двѣ гривны на домерныя струны. Государь неоднократно жаловалъ ихъ платьемъ. Напр. въ 1635 г. мая 31 Науму Слѣпому сдѣлано: однорядка, ферези, кафтанъ, шапка и сапоги, всего на 7 р. 30 к. Августа 29 такое же платье шито Слѣпымъ Якову и Петру.

Такими же пѣвцами народныхъ пѣсенъ были *гусельники*. Но неизвѣстно, находились ли они при дворцѣ постоянно, подобно домрачеямъ, или только призывались временно, какъ напр. въ 1626 г. по случаю царской свадьбы тѣшили царя гусельники:

Уѣзда и Богдашка Власьевъ. Въ 1629 г. іюля 18 государь жалуетъ гусельничу Любиму Иванову полный нарядъ платья: однорядку, кафтанъ, ферези, штаны, шапку, колпакъ и сапоги всего на 16 р. 38 к., сумма довольно значительная, вдвое большая противъ такого же жалованья домрачеямъ, которая должна обозначить и мѣру утѣхи, какую доставилъ государю этотъ гусельникъ.

Къ числу *веселыхъ* принадлежали также и *скрыпотчики*, изъ которыхъ Богдашка Окатьевъ, Ивашка Ивановъ, Онашка, да нѣмчинъ новокрещенный Арманка тѣшили государя на свадьбѣ въ 1626 г.; но въ послѣдующее время свѣдѣній объ нихъ не встрѣчается и намъ неизвѣстно состояли ли при Потѣшной Палатѣ музыканты этого рода.

Иногда въ Потѣшной Палатѣ появлялись и другіе потѣшники, о которыхъ неизвѣстно, чѣмъ они забавляли государя. Такъ въ 1638 г. на святкахъ былъ взятъ съ Тулы крестьянинъ Іевка Григорьевъ, которому дек. 30 сдѣланъ суконный лазоревый кафтанъ.

Музыка конечно была одною изъ первыхъ статей государевой домашней комнатной потѣхи, а особенно на женской половинѣ, увеселенія которой ограничивались по преимуществу только домашними утѣхами. Заморскіе органы, какъ и всякія другія, русскія, статьи старинныхъ дворцовыхъ увеселеній, были по всему вѣроятію и въ то время помѣщены въ одной изъ дворцовыхъ палатъ, которая по этой причинѣ и должна была называться *потѣшною палатою*. Хотя встрѣтившееся намъ свидѣтельство о существованіи Потѣшной Палаты относится ко времени Годунова и Шуйскаго, однако возможно безъ ошибки полагать, что она существовала и въ началѣ XVI ст., существовала безъ всякаго сомнѣнія, какъ отдѣльное помѣщеніе для потѣхъ и въ болѣе раннее время, если не съ названіемъ палаты, то съ названіемъ какой либо потѣшной хоромины. Въ годъ вступленія на царство Михаила, въ 1613 г. ноября 10, устроены были также и *потѣшные хоромы*; тогда въ нихъ было отпущено къ четыремъ дверямъ да къ семи окнамъ на обивку красное сукно. Въ первой половинѣ XVII ст. Потѣшная Палата занимала нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ въ старомъ зданіи дворца, гдѣ находилась и царицына Золотая Палата и надъ

которымъ потомъ выстроены были каменные покои теремнаго дворца (томъ I, глава I и II), послѣ чего она именовалась иногда *потѣшнымъ подклѣтомъ*, ибо находилась уже въ подклѣтномъ этажѣ терема. Въ этомъ помѣщеніи и сосредоточены были тогда почти всѣ дворцовыя комнатныя забавы, начиная съ органовъ и оканчивая бахарями, домрачеями, карлами и попугаями. Здѣсь хранилась и всякая потѣшная утварь и рухлядь, т. е платье, разные вещи и разные музыкальные и другіе потѣшные „струменты.“ При палатѣ находились особые сторожа, носившіе названіе *потѣшныхъ сторожей* и получавшіе соотвѣтственное своей службѣ жалованье. Она представляла въ нѣкоторомъ отношеніи какъ бы особое вѣдомство, къ которому принадлежали всѣ потѣшники и всѣ лица, имѣвшіе во дворцѣ потѣшное значеніе. Потѣшные сторожа были соблюдателями и такъ сказать надзирателями всего этого потѣшнаго чина, ибо черезъ нихъ производились всякія хозяйственныя его дѣла. Главное завѣдываніе надъ Потѣшною Палатою принадлежало царскому постельничему, а впослѣдствіи перешло въ Приказъ Тайныхъ дѣлъ, такъ что въ Палатѣ и въ этомъ Приказѣ находились одни и тѣже сторожа, 4 человѣка.

Въ XVII ст., съ первыхъ же лѣтъ царствованія Михаила Ѳед. органы и цымбалы составляли уже необходимую принадлежность дворцовой Потѣшной Палаты (томъ I, глава II), при которой находились и постоянные игрецы на этихъ инструментахъ, цымбальники и органные мастера. Подъ именемъ цымбалъ должно разумѣть по всему вѣроятію старинный нѣмецкій народный инструментъ (гакебретъ), грубое подражаніе фортепіанамъ, въ родѣ русскихъ гуслей, съ металлическими струнами, на которомъ играли, ударяя по струнамъ двумя деревянными молоточками, обтянутыми сукномъ. Тѣмъ же именемъ могли обозначаться и клавесины или клавикорды, старинныя фортепіаны, такъ что цымбальникъ могъ обозначать и цымбалиста или піаниста. Въ 1614 г. цымбальникомъ Потѣшной Палаты былъ Томило Михайловъ *Бѣсовъ*, котораго и самое прозваніе указываетъ, что это былъ артистъ своего дѣла. Послѣ него упоминаются цымбальники Мелентій Степановъ (1626—1632 г.) и Андрей Андреевъ (1631 г.). Они безсомнѣнія, устроивали не одну игру на цымбалахъ, но завѣдывали и органною игрою. Органная игра видимо очень нравилась домашнему государеву обществу и потому были приняты мѣры устроить ее еще лучше, для чего

и вызваны были, конечно, нѣмцы. Въ 1630 г. октября 14, „выѣхали къ государю послужить ремесломъ своимъ органнаго дѣла мастеры, а главнымъ образомъ мастеры часовыхъ дѣлъ, Ансъ Лунъ да Мелхартъ Лунъ; а привезли они съ собою изъ голандской земли *стрементъ* на органное дѣло, и тотъ они стрементъ на Москвѣ додѣлали и около того стремента станокъ сдѣлали съ рѣзью и разцвѣтили краскою и золотомъ; и на томъ стрементѣ сдѣлали соловья и кукушку съ ихъ голосы; а какъ играютъ тѣ органы и обѣ птицы поютъ собою безъ человѣческихъ рукъ. За то мудрое дѣло государь пожаловалъ имъ изъ своей казны 2676 рублей, вѣроятно по оцѣнкѣ матеріяловъ и работы. Но кромѣ того, когда работа была окончена и государь того ихъ дѣла смотрилъ и игры слушалъ, дважды, имъ дано было по сороку соболей да въ стола мѣсто, т. е. вмѣсто приглашенія къ царскому столу, кормъ и питье, что было очень почетною наградою. Въ 1637 г. Ансъ или Яганъ Лунъ померъ, а братъ его въ 1638 г. былъ отпущенъ въ свою землю по собственному желанію, при чемъ ему дано 100 р. денегъ, сорокъ соболей въ 40 р. и шесть подводъ. Государь приказалъ ему, чтобъ онъ опять возвратился въ Москву и вывезъ бы съ собою двухъ часовыхъ мастеровъ съ условіемъ научить въ Москвѣ учениковъ [1]. Нѣмцы Луневы также выучили къ своимъ органамъ мастера изъ московскихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти нѣмцы въ теченіи восьми лѣтъ своей службы при царскомъ дворцѣ устроили музыкальную потѣшную статью самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Кромѣ большихъ органовъ, которые были сдѣланы еще въ первый годъ ихъ службы, и стояли, въ Грановитой Палатѣ, они вѣроятно устроили нѣсколько подобныхъ же инструментовъ въ меньшемъ размѣрѣ и для Потѣшной Палаты. Такимъ образомъ съ этого времени нѣмецкая органная игра является уже не случайною гостьею въ царскомъ дворцѣ, а становится вседневною потѣхою въ домашнемъ быту государя, служитъ постояннымъ увеселеніемъ для его семейства, для царицы и для дѣтей и для всѣхъ ея комнатныхъ людей. Къ сожалѣнію ничего нельзя сказать, какія пѣсни разыгрывались на этихъ органахъ и были ли поставлены на нихъ и русскія пѣсни. Впослѣдствіи органное дѣло стало обыкновеннымъ дѣломъ и для московскихъ дворцовыхъ мастеровъ, такъ что госу-

---

[1] Временникъ, кн. 16, Смѣсь, 23. Арх. Ор. Пал. Расх. кн. № 756.

царь посылалъ уже органы, какъ диковину, въ подарокъ къ персидскому шаху. Въ первый разъ органы московской работы были туда посланы въ маѣ 1662 г.; они описаны такимъ образомъ: „органы большіе въ деревѣ черномъ нѣмецкомъ съ рѣзью о трехъ голосахъ, четвертый голосъ заводной самоигральной; а въ нихъ 18 ящиковъ. а на ящикахъ и на органахъ 38 травокъ (зачерки. личинъ мѣдныхъ) позолоченыхъ. У 2 затворовъ 4 петли (желѣзныя) позолочены; 2 замки мѣдные позолоченые. Напереди органовъ большихъ и середнихъ и меншихъ 27 трубъ оловяныхъ. около трубъ 2 рѣшотки рѣзные вызолочены: по сторонамъ органъ 2 крыла рѣзные вызолочены; подъ органами 2 дѣвки стоячіе деревянные рѣзные вызолочены; 4 скобы (желѣзные) пріемные съ пробоями и съ гайками вызолочены: 4 шурупы пріемные отъ голосовъ (мѣдные) позолочены; поверху органовъ часы боевые. съ лица доска золочена, указъ посеребренъ; поверху часовъ яблоко (мѣдное) половина позолочена; кругъ часовъ по мѣстамъ рѣзь вызолочена: 5 ключей желѣзныхъ золоченыхъ: позади (органы) оклеены краснымъ сукномъ".

Очень понятно, что въ царской Потѣшной Палатѣ музыкальные инструменты, цымбалы, органы и т. п. существовали не для одного лишь гуденья. а представляли необходимую и весьма важную статью и для другихъ разнообразныхъ увеселеній. При ихъ посредствѣ устроивалось вѣроятно всякое *скомрашное* дѣло и всякая *смѣхотворная хитрость* разными *веселыми* людьми или скоморохами въ исключительномъ смыслѣ. какъ творцами походячихъ народныхъ спектаклей, начиная съ кукольныхъ комедій и оканчивая небольшими сценическими представленіями, какія впослѣдствіи стали обозначаться иноземными именами, интермедій, интерлюдій. Извѣстно, что кукольная комедія и въ старину принадлежала къ числу потѣхъ общенародныхъ, обычныхъ. и нѣтъ сомнѣнія, что ея происхожденіе относится къ очень давнимъ временамъ. „Вмѣстѣ съ вожатыми медвѣдей, замѣчаетъ Олеарій, у русскихъ можно встрѣтить и комедіантовъ, которые, между прочимъ, представляютъ разныя шутки посредствомъ куколъ: для этого устраиваютъ они изъ холста, обвязаннаго вокругъ тѣла, родъ сцены, помѣщающейся надъ ихъ головами, на которой куклы представляютъ разнаго рода фарсы. Съ такими подвижными театрами ходятъ русскіе комедіанты по улицамъ". Конечно, для царскихъ дѣтей подобныя потѣхи представляли одно изъ любимѣйшихъ увеселеній, поэтому въ

Потѣшной Палатѣ, судя по нѣкоторымъ, хотя и скуднымъ, свидѣтельствамъ, шли постоянныя представленія даже нѣмецкихъ фигляровъ, балансеровъ, фокусниковъ и т. п., которые непремѣнно разыгрывали и какія либо дѣйства, арлекинады небольшія шуточныя пьески, на что вообще хитры были странствующіе нѣмецкіе и польскіе артисты, стоявшіе конечно въ этомъ отношеніи выше нашихъ скомороховъ. Такимъ артистомъ былъ, какъ кажется, полякъ Юшка Проскура, которому въ 1626 г. февр. 28, государь приказалъ сшить особое платье, бархатную черную чугу съ серебряною нашивкою, атласный алый кафтанъ съ золоченою нашивкою и суконные красные (багрецовые) штаны съ мѣдными застежками (40 гнѣздъ), всего слишкомъ на 18 руб.— деньги большія и пожалованіе сдѣлано вѣроятно за увеселенія, какими потѣшалъ этотъ Проскура государевъ дворъ во время царской свадьбы (съ 5 февраля). Онъ завѣдывалъ органною потѣхою. Въ 1629 г. является уже настоящій канатный плясунъ, потѣшникъ нѣмчинъ Иванъ Семеновъ Лодыгинъ, вѣрно перекрещенецъ. Іюня 16 ему шьютъ также особое потѣшничье платье: темносинюю суконную епанчу и темновишневый суконный зипунъ. Онъ также состоитъ при Потѣшной Палатѣ (болѣе 10 лѣтъ) и постоянно увеселяетъ царское семейство всякими потѣхами. Время отъ времени для такихъ потѣхъ онъ получаетъ изъ царской казны готовое платье или же весь матеріалъ, изъ котораго онъ самъ уже готовилъ себѣ костюмъ, какъ было надобно. Такъ въ 1630 г. сент. 21 ему сшитъ *юмурлукъ*, особаго покроя кафтанъ, суконный темновишневый, цѣною около 6 р. Въ 1632 г. окт. 16 ему изготовляютъ потѣшничье нѣмецкое платье: *плащъ*, *кабатъ*, *пукши*, роскошно обшитое мишурнымъ кружевомъ, цѣною болѣе 13 р., также сапоги нѣмецкіе бѣлые и шляпу черную съ мишурною *истькою*. Какими именно потѣхами онъ забавлялъ царское семейство, мы незнаемъ; но не только въ дворцовой кремлевской Потѣшной Палатѣ,—онъ давалъ иногда свои представленія и въ загородныхъ дворцахъ, именно въ любимой тогдашней царской дачѣ, въ селѣ Покровскомъ—Рубцовѣ. Такъ въ 1635 г. мая 29, вмѣстѣ съ такимъ же потѣшникомъ нѣмчиномъ Юрьемъ Воинъ-Брантомъ онъ тѣшилъ тамъ государя и шестилѣтняго царевича Алексѣя Мих. Въ томъ же году и тамъ же (7 сентября) онъ опять тѣшилъ государеву семью всякими потѣхами. Въ это время упоминается и еще нѣмчинъ-потѣшникъ

Ермисъ, которому выдаютъ (7 мая) для потѣшнаго дѣла 4 арш. тафты виницейки зеленой да аршинъ тафты рудожелтой и (13 мая) на шитье на нѣмецкое платье шолку зеленаго да желтаго по 5 зол. Повидимому этотъ Ермисъ или Юрмисъ тотъ же Юрій Воинъ-Брантъ, дѣйствовавшій на потѣхѣ 29 мая. Надо замѣтить также, что къ этому дню сшито было нѣмецкое платье три *юпы*, трои *пукши*, три шапки, и тремъ молодымъ накрачеямъ царевича Алексѣя, которые, слѣд., также дѣйствовали на потѣхѣ.

Въ числѣ упомянутыхъ всякихъ потѣхъ было и танцованье по канатамъ. По обычному правилу Московскаго Двора требовать отъ каждаго заѣзжаго искусника нѣмца, чтобы онъ выучилъ учениковъ своему художеству, и потѣшникъ Иванъ Семеновъ тоже училъ русскихъ людей своей бѣсовской мудрости. Въ 1637 г. іюня 27 государь пожаловалъ ему 10 арш. камки двоеличной шелкъ алъ-желтъ, цѣною въ 9 р., да за сукно деньгами 6 р., „за то что онъ выучилъ по канатамъ ходить и танцовать и всякимъ потѣхамъ, чему онъ самъ умѣетъ, пять человѣкъ, да по барабанамъ выучилъ бить 24 человѣка“. Его ученики *метальники* и *накрачеи* забавляли съ тѣхъ поръ царевича Алексѣя и находились въ его штатѣ. Для потѣхъ имъ тоже изготовлялось нѣмецкое платье, какъ напр. тремъ накрачеямъ, о чемъ мы сказали выше. Въ 1638 г. іюня 26 царевичевымъ метальникамъ Макарку да Ивашку Андреевымъ сшиты двѣ *курты* да двои штаны изъ краснаго (червленаго) сукна, а вмѣсто шапокъ, *аракчины* (ермолки), тоже изъ сукна-багреца. Въ томъ же году сент. 12 потѣшникамъ Ивану Семенову съ товарищи для государевыхъ потѣхъ на потѣшное платье было отпущено изъ царской казны 10 арш. камки зеленой мелкотравной, 5 арш. тафты зеленой, 1 арш. тафты рудожелтой, 1 арш. тафты алой, 10 арш. сукна червленаго, 5 арш. зеленаго, 1½ арш. бѣлаго да желтаго, и деньгами на 11½ арш. холста, на 10 арш. стамеду, на 156 арш. снурковъ шелковыхъ, на 36 портищъ пуговицъ нѣмецкихъ шолковыхъ, на 33 зол. шелку сканаго, 9 р. 27 ал. 4 д. Все взялъ самъ потѣшникъ Лодыгинъ, вѣроятно готовившій въ это время какія либо новыя увеселенія для государя. Должно полагать, что въ этихъ нѣмецкихъ потѣхахъ участвовали и женщины, ибо въ 1635 г. генваря 9 и 31 по имянному приказу царицы Евдокѣи Лук. для потѣхи были сшиты четыре портища нѣмецкаго женскаго платья, изъ

коихъ на два употребленъ бархатъ, таөта, сукно и золотное кружево, а на другія два бархатель, мухояръ и мишурное круживо. 31 мая къ тому же или уже къ другому потѣшному нѣмецкому платью куплено 37 золотныхъ пуговицъ.

Потѣшникъ Иванъ Семеновъ видимо былъ артистъ на всѣ руки; онъ тѣшилъ государя и соколами и въ домашнихъ забавахъ возился съ государевыми дураками или шутами. 19 марта 1632 г. онъ подалъ царю слѣдующую челобитную: „государю царю и в. к. Михаилу Өедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Ивашка Семеновъ сынъ Лодыгинъ: въ нынѣшнемъ, царь, во 140 (1631) году до зимняго Николина дни пожаловалъ ты, государь, меня холопа своего, какъ я холопъ твой тебя, государя, тѣшилъ и г. царевича князя Алексѣя Мих. соколами; рекся ты, государь, пожаловать мнѣ холопу своему шубу; и я холопъ твой съ тѣхъ мѣстъ и по сю пору, ожидаючи твоего государева жалованья къ себѣ, не бивалъ челомъ. Милосердый государь! пожалуй меня холопа своего въ то мѣсто къ Свѣтлому Воскресенью ферезцами да кафтанцомъ. А дураки, государь, тѣша тебя, государя, изодрали на мнѣ однорядку да шапку; и однорядочка у меня, холопа твоего къ Свѣтлому Воскресенью съ пугвицы серебряными—твое царское жалованье — есть. Царь государь смилуйся!" На челобитной отмѣчено: государь пожаловалъ, велѣлъ дать ферези—дороги гилянскія, кафтанъ—таөту вишнцейку, да шапку, въ приказъ (т. е. сверхъ годоваго оклада, по которому вѣроятно потѣшникъ получалъ и годовое платье).

Дальнѣйшая исторія нѣмецкихъ потѣхъ у царя Михаила Өед. намъ неизвѣстна. Можно догадываться, что къ концу его царствованія онѣ едва ли и совсѣмъ не прекратились, или покрайней мѣрѣ были очень рѣдки вслѣдствіе разныхъ домашнихъ причинъ тогдашняго царскаго быта. Царь съ царицею прожили уже молодые годы и стали оба часто недомогать, а потомъ и со стороны духовной власти были подняты, какъ увидимъ, старыя поученія о душевной погибели отъ всякихъ бѣсовскихъ потѣхъ. Потѣшникъ Иванъ Семеновъ сходитъ со сцены, покрайней мѣрѣ его имени уже не поминается въ это время; остается потѣшникъ Иванъ Ермисъ, который въ 1642 г. апр. 3 получаетъ отъ государя 10 арш. камки, 5 арш. сукна и сорокъ соболей „за трубничье ученье", которому онъ могъ обучать вовсе не съ потѣшною цѣлью однихъ военныхъ людей.

Въ первые 20 лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича точно также почти вовсе не упоминается о потѣхахъ этого рода. Знаемъ только, что во время моровой язвы, опустошавшей Москву въ 1654 г., когда оставленный дворецъ былъ пустъ и зимою того года „отъ Грановитой къ перегрwelcome и на постельномъ и на красномъ крыльцѣ, и за перегрaдою къ мастерской палатѣ и отъ Стрѣтенья и къ набережнымъ хоромамъ и на дворцахъ", т. е. повсюду лежали сугробы самые большіе и пройдти было невозможно,—въ это время у государя въ Верху, во дворцѣ, въ потѣшномъ подклѣтѣ оставался какой то *князь Янъ* (вѣрно потѣшное прозванье, быть можетъ тотъ же Иванъ Семеновъ), и карла съ царскими попугаями, которыхъ онъ съумѣлъ сберечь до возвращенія царя въ Москву.

Видимо, что молодой царь мало былъ расположенъ къ утѣхамъ домашней Потѣшной Палаты. Его въ первые годы исключительно занимала охота псовая и соколиная, медвѣжьи бои, медвѣжьи и волчьи осоки, походы на лосей и вообще на лѣснаго и полеваго всякаго звѣря. Отвлекать такимъ образомъ молодаго царя подальше отъ государственныхъ дѣлъ было также въ видахъ боярина Морозова, его дядьки и соправителя, тогдашняго временщика. Кромѣ того въ первые же годы царь обнаружилъ стремленіе обновить распущенную жизнь, внести въ нее строй и порядокъ. обнаружилъ, словомъ сказать, стремленіе къ реформѣ, хотя еще вовсе и не сознавалъ, въ чемъ она должна состоять, чтобы принести народу дѣйствительное благо. Былъ возстановленъ идеалъ хорошей жизни по старому Домострою. Стремленіямъ царя тотчасъ отвѣтила духовная власть, которая въ эту эпоху находилась подъ вліяніемъ многихъ старовѣровъ и изувѣровъ и закладывала вмѣстѣ съ ними по поводу исправленія и новаго изданія церковныхъ книгъ основаніе для раскола.

Вспомянуты были нѣкоторыя рѣшенія Стоглава и поученія его роднаго брата—Домостроя объ искорененіи бѣсовскихъ мірскихъ игръ, сатанинскихъ пѣсенъ, и позорищъ, вообще о томъ, чтобы живымъ мірскимъ людямъ устроить свое житіе по старческому началу, т. е. въ домахъ, на улицахъ и въ поляхъ пѣсенъ не пѣть, по вечерамъ на позорища не сходиться, не плясать, руками не плескать, въ ладони не бить, т. е. въ хороводы не играть, и игръ не слушать: на свадьбахъ пѣсенъ не пѣть и не играть глумотворцамъ, органникамъ, смѣхотворцамъ, гусельникамъ, пѣсельникамъ, на святкахъ въ бѣсовское сонми-

ще не сходиться, игръ бѣсовскихъ не играть, пѣсенъ не пѣть, загадокъ не загадывать, сказки не сказывать, празднословіемъ, смѣхотвореніемъ и кощунаніемъ, таковыми помраченными и беззаконными дѣлами душъ своихъ не губить, личины (хари, маски) и платье скоморошеское на себя не накладывать, олова и воску не лить; зернью, въ карты и въ шахматы не играть; на святой на доскахъ не скакать, на качеляхъ не качаться; скоморохомъ не быть; съ гуслями, съ бубнами, сурнами, домрами, волынками, гудками не ходить; медвѣдей не водить, съ собаками не плясать: кулачныхъ боевъ не дѣлать, въ лодыги (въ бабки) не играть; не говоря уже о ворожбѣ, чародѣйствѣ и вообще о мірскомъ суевѣріи.

Всѣ эти народныя общественныя и домашнія удовольствія, всю эту мірскую радость девятнадцатилѣтній государь, внушаемый по всему вѣроятію патріархомъ Іосифомъ, и поддерживаемый въ томъ своимъ дядькою Морозовымъ, рѣшился искоренить во всей землѣ. Въ 1648 г. по всѣмъ городамъ разосланы были царскія грамоты съ крѣпкимъ подтвержденіемъ читать ихъ въ соборахъ по воскресеньямъ и по торжкамъ въ городахъ, въ волостяхъ, въ станахъ, погостахъ, не по одножды всѣмъ въ слухъ [1]. Въ этихъ грамотахъ, царь, жалѣя о православныхъ крестьянахъ, подробно и строго наказывалъ всему православному міру унятся отъ неистовства и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми прекратить, такъ что по грамотѣ вся земля должна была превратиться въ одинъ огромный, безмолвный монастырь съ монашескимъ житіемъ и старческимъ поведеніемъ. Ослушниковъ на первый и второй разъ велѣно бить батогами, а въ третій или четвертый ссылать въ ссылку въ украйные городы, а гусли, домры, сурны, гудки, маски и всѣ музыкальные, гудебные бѣсовскіе сосуды велѣно отбирать, ломать и *жечь* безъ остатку. Скомороховъ же на первый разъ бить батогами, въ другой кнутомъ и брать пѣню по 5 руб. съ человѣка. Такія же грамоты разосланы были повсюду и отъ митрополитовъ, которые грозили ослушникамъ наказаніемъ безъ пощады и отлученіемъ отъ церкви Божіей (1657 г.). Замѣчательно, что охота (псовая, ловчія птицы), столь любимая царемъ, хотя также

---

[1] Описаніе Государ. архива, г. Иванова, 296. Акты истор. IV. № 35. Акты А. Э. IV, № 59, 98.

отвергнутая отеческими поученіями, какъ видѣли выше, была въ этихъ грамотахъ обойдена молчаніемъ. Такое аскетическое нашествіе на народныя домашнія и общественныя игры и всякія веселости, не съумѣвшее сдѣлать различія между оргіею и обыкновеннымъ увеселеніемъ, нѣсколько времени дѣйствительно торжествовало. Олеарій разсказываетъ объ этомъ времени слѣдующее: „Дома, въ особенности же на пирахъ русскіе очень любятъ музыку и уважаютъ это искусство. Нынѣшній патріархъ (Іосифъ?), замѣтивъ, что они начинаютъ злоупотреблять ею, распѣвая разнаго рода скандалезныя пѣсни по кабакамъ, шинкамъ и на улицахъ, приказалъ сначала разбивать находимые въ такихъ мѣстахъ инструменты и также у всѣхъ тѣхъ, кои попадались съ ними на улицахъ, а потомъ совершенно запретилъ инструментальную музыку. По его приказанію немедленно собрали всѣ инструменты, какіе только можно было найдти, въ Москву, нагрузили ими пять возовъ, свезли все это за Москву рѣку (на Болото — мѣсто казни преступниковъ) и сожгли. Только однимъ нѣмцамъ позволено было у себя въ домахъ заниматься музыкою, да еще боярину Никитѣ Ивановичу, другу нѣмцевъ, который держитъ у себя *позитивъ* (*positiv*, маленькій органъ) и разнаго рода другіе инструменты, такъ какъ патріархъ ему одному только не можетъ запретить этого удовольствія“. Читая разсказъ Олеарія, сначала можно было бы подумать, что патріархъ напалъ только на развратныя оргіи народа, которымъ музыка служила подспорьемъ и потому запретилъ тамъ музыкальные инструменты. Такъ, безсомнѣнія Олеарію объясняли дѣло благочестивые современники. Но вскорѣ изъ его же словъ мы узнаемъ, что не оргіи были причиною такого запрещенія, а бѣсовство самыхъ инструментовъ, этихъ отреченныхъ церковью гудебныхъ сосудовъ, которые сами по себѣ изгонялись изъ міра, какъ сатанинскій соблазнъ благочестивыхъ душъ. Торжество старческихъ ученій объ этихъ сатанинскихъ прелестяхъ сего міра воодушевило и молодаго царя, который вообще былъ очень приверженъ къ авторитету священства и монашества. Играя свою первую свадьбу, въ томъ же 1648 году, онъ устроилъ такъ: на прежнихъ государскихъ радостяхъ бывало, что въ то время, какъ государь пойдетъ въ мыленку, во весь день до вечера и въ ночи на дворцѣ играли въ сурны, и въ трубы, и били по накрамъ.... Мы знаемъ, что на свадьбѣ его отца Михаила Ѳед. въ Грановитой Палатѣ сто-

яли и играли варганы и цымбалы и сверхъ того гостей увеселяли такъ называемые *веселые*, попросту скоморохи, гусельники, домрачеи и даже скрыпотчики. „А нынѣ в. государь на своей государевой радости, накромъ и трубамъ быти не изволилъ; а велѣлъ государь во свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и *всякихъ свадебныхъ потѣхъ*, пѣти пѣвчимъ дьякамъ всѣмъ станицамъ (хорамъ), перемѣняясь, *строчные* и демественные большие стихи изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія вещи со всякимъ благочиніемъ. И по его государеву мудрому и благочестивому разсмотрѣнію *бысть тишина* и радость и благочиніе веліе, яко и всѣмъ тутъ бывшимъ дивитися и возсылати славу превеликому въ Троицѣ славимому Богу, и хвалити и удивлятися о премудромъ его царскаго величества разумѣ и благочиніи“. Убѣжденія царя въ этомъ отношеніи были довольно тверды и онъ долго не измѣнялъ тѣхъ распоряженій, какія сдѣланы были его грамотами. Покрайней мѣрѣ, спустя почти 20 лѣтъ, въ его Приказъ Тайныхъ дѣлъ поступали на приходъ *пенныя деньги съ качелей*, которыхъ, напр. въ 1665 г. апр. 20, слѣд. за все время святой недѣли, когда именно и качались на качеляхъ, было собрано въ Суздалѣ и на посадѣ со всякихъ чиновъ людей 121 р. 5 алт.

Въ сущности въ этомъ постническомъ поворотѣ общественной жизни обнаруживался иной ея поворотъ, неудержимый поворотъ къ петровской реформѣ. Здѣсь высказывалась главнымъ образомъ настоятельная потребность всенароднаго нравственнаго очищенія, такая же потребность, какая была заявлена ровно за сто лѣтъ предъ тѣмъ, изданіемъ Стоглава и Домостроя. Но какъ тогда, такъ и въ эту минуту руководители народной потребности смотрѣли не впередъ, а назадъ, стремились найдти источникъ нравственнаго обновленія на старомъ, уже пройденномъ пути, въ старыхъ преданіяхъ, въ старыхъ отеческихъ обычаяхъ и поученіяхъ. Отсюда и въ настоящую эпоху, въ половинѣ XVII ст., новое торжество тогоже Стоглава и тогоже Домостроя, т. е. торжество старой вѣры въ смыслѣ старой культуры, стараго развитія, старой нравственной выработки. Но съ этимъ торжествомъ для старой культуры наставалъ уже послѣдній часъ, ибо въ немъ, при его помощи, для выроставшаго государства, съ большею ясностію предстали односторонія начала старой жизни; лучшимъ людямъ вѣка при новой постановкѣ Домостроя стало несравненно виднѣе, осязательнѣе,

что съ такими началами, если и необходимо жить всякому постнику, то государству съ ними жить невозможно. Оно должно было неизмѣнно и преждевременно погибнуть. Лучшіе люди усматривали новый путь и понемногу направляли туда свои шаги. Въ такихъ попыткахъ прошла вторая половина XVII ст. Между тѣмъ приверженцы Домостроя и его культуры оставались на старомъ и всѣ силы употребляли остановить движеніе къ новинѣ. Отсюда распаденіе русскаго общества, *расколъ*, церковный и нравственный, общественный, котораго исторія еще не совсѣмъ прожита и до нашихъ дней. Если уже не форма, то духъ стараго Домостроя еще господствуетъ и теперь. Онъ вселился только въ новую европейскую форму и этой формой производитъ въ иныхъ случаяхъ лишь оптическій обманъ, выставляя на показъ новыя общечеловѣческія идеи и порядки и въ тоже время съ особенною заботливостію и всѣми силами удерживая жизнь въ старыхъ началахъ малаго глупаго ребячества.

Такимъ образомъ обычныя при царѣ Михаилѣ домашнія утѣхи дворцовой Потѣшной Палаты при его сынѣ были оставлены. Молодой царь промѣнялъ ихъ на отъѣзжее поле, на псовую и особенно на соколиную охоту, которая замѣняла для него всѣ роды другихъ увеселеній. Въ Потѣшной Палатѣ онъ не покинулъ лишь одной утѣхи, именно бахарей, но вѣрный тѣмъ мыслямъ, которыя отвергали бахарство, какъ бѣсовское угодіе и которыя заставили его всенародно запретить эту утѣху наравнѣ со всѣми другими, онъ придалъ дворцовымъ бахарямъ иной смыслъ, соотвѣтственный стариннымъ отеческимъ ученіямъ. Въ государевыхъ потѣшныхъ хоромахъ вмѣсто бахарей съ этой поры живутъ уже *нищіе*, называемые верховыми, т. е. придворными нищими, а впослѣдствіи, съ 1660 г., а быть можетъ и раньше, получившие оффиціальное названіе *богомольцовъ*, *верховыхъ богомольцовъ*. Англичанинъ Коллинсъ (1659 — 1666 г.) между прочимъ говоритъ, что царь содержитъ во дворцѣ стариковъ, имѣющихъ по 100 лѣтъ отъ роду и очень любитъ слушать ихъ разсказы о старинѣ. Названіе этихъ стариковъ верховыми нищими, богомольцами, даетъ намъ основаніе заключать, что это были убогіе пѣвцы, калѣки перехожіе, какъ искони обозначалъ ихъ народъ. Въ старину слово *нищій* было синонимомъ слову пѣвецъ, ибо нищенствовать, просить милостыню значило воспѣвать о милостынѣ. Иностранцы—очевидцы единогласно свидѣтельствуютъ, что нищіе, какъ увѣчные, такъ

и простые колодники (тюремные сидѣльцы), всегда пѣли, когда просили милостыни. Коллинсъ при этомъ разсказываетъ, что когда царскій тесть, Илья Милославскій, былъ посланникомъ въ Голландіи, то голландцы хотѣли угостить его самой лучшей инструментальной и вокальной музыкой, какая была въ Голландіи и спросили потомъ, какъ она ему понравилась: "очень хороша! отвѣчалъ онъ: точно также поютъ наши нищіе, когда просятъ милостыни". Незнаю, что именно играли ему, прибавляетъ Коллинсъ, удивляясь такому сравненію и замѣчая вообще о грубости русской музыки и русскихъ напѣвовъ. Какъ бы ни было, но старинные наши нищіе составляли особый разрядъ пѣвцовъ, отличный отъ пѣвцовъ домрачеевъ и гусельниковъ тѣмъ, что нищіе пѣли свои пѣсни только отъ божественнаго, пѣли такъ называемые духовные *стихи*, что требовалось ихъ прямымъ занятіемъ и ихъ ролью въ обществѣ. Разрядъ такихъ пѣвцовъ, конечно моложе гусельниковъ. Они появились въ одно время съ распространеніемъ Христовой Вѣры и заимствовали содержаніе своихъ пѣсенъ, какъ и самые напѣвы, отъ церкви; они долгое время почитались людьми церковными, даже и жили при церквахъ, такъ сказать у церковныхъ дверей, изъ которыхъ доносились къ нимъ основные мотивы ихъ пѣсеннаго творчества. Въ послѣдующее время съ усиленнымъ развитіемъ ученій Домостроя они изъ церковныхъ людей становятся людьми необходимыми въ общественной организаціи, безъ которыхъ невозможно идти путемъ спасенія; они становятся стольже надобными благочестивому обществу, какъ и самый церковный чинъ; поэтому число ихъ увеличивается неимовѣрно и они сидятъ, лежатъ не только у дверей храма, но и повсюду на торжищахъ, на путяхъ, особенно на перекрестныхъ многонародныхъ мѣстахъ, каковы городскіе ворота, мосты и т. п.; они, какъ мы видѣли, живутъ въ каждомъ благочестивомъ достаточномъ домѣ, какъ всегдашніе его усердные богомольцы и вѣрныя орудія для добрыхъ богоугодныхъ и богобоязненныхъ дѣлъ. Очень естественно, что въ то время (въ половинѣ XVII вѣка), когда ученія Домостроя стремились стать на послѣднюю свою высоту, и царскій дворецъ долженъ былъ растворить свои двери для постояннаго требованія въ немъ этихъ убогихъ пѣвцовъ, различныхъ калѣкъ перехожихъ, т. е. калѣкъ странниковъ. Благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ еще маленькимъ пятилѣтнимъ ребенкомъ слушалъ пѣсни нищихъ старцевъ, воспѣвав-

шихъ ему о Лазарѣ. Юношею вступивъ на престолъ, онъ строго слѣдуетъ правиламъ домостроевскаго благочинія, отметаетъ домашнія утѣхи прежняго времени и взамѣнъ домрачеевъ и гусельниковъ поселяетъ въ своемъ дворцѣ нищихъ съ ихъ духовными стихами.

Вотъ такія-то пѣсни и разсказы, вмѣстѣ съ историческими былинами и повѣстями, вообще пѣснопѣнія и сказанія о героях дѣйствительной исторіи или о героях благочестиваго подвижничества должны были теперь исключительно одни только занимать государя. Гудебные сосуды, т. е. музыкальные инструменты въ родѣ домры также были оставлены; объ нихъ вовсе не помнается въ тѣхъ расходахъ, которые шли на этихъ нищихъ. Знаемъ только, что сначала въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ они жили въ потѣшныхъ хоромахъ, и ходили за ними потѣшные сторожи. Это то и показываетъ, что своею ролью они замѣнили прежнихъ бахарей и домрачеевъ, перемѣнивъ и мірское содержаніе пѣсенъ и сказаній на церковное. Въ 1656 г. мая 13 этимъ „нищимъ, что живутъ у государя въ потѣшныхъ хоромахъ, Антипѣ съ товарищи“ выдано государева жалованья 12 р. При царѣ Алексѣѣ въ разное время, смотря по надобности, въ потѣшные хоромы нищимъ изготовлялись кожаныя барановыя тюфяки и подушки и носильное платье: рубашки, порты, чулки. Въ 1660 г. іюня 21 были куплены имъ двои чулки, взамѣнъ другихъ, коихъ „они не взяли, потому, показались имъ худы“. Любопытная замѣтка объясняющая отношеніе государевыхъ нищихъ къ его дворцовому хозяйству. Обыкновенный ихъ нарядъ составляли кафтаны и рясы, теплые стамедные на овчинѣ, или холодные дорогильные, киндячные, кумачные, крашенинные, вообще изъ недорогихъ матерій и большею частію *смирныхъ*, т. е. темныхъ цвѣтовъ; также овчинныя *кошули* (легкія шубы), шапки суконныя съ бобровымъ пухомъ или съ собольимъ небольшимъ околомъ; дорогильные кушаки, шелковые пояса, сафьянные зеленые или лазоревые башмаки и простые сапоги; на рубахи, порты, простыни, платки, полотенца давался имъ холстъ, иногда полотно. Спали они на кожаныхъ тюфякахъ, набитыхъ оленьею шерстью, на подушкахъ изъ гусинаго перья или изъ пуха, крытыхъ киндякомъ или кожею; покрывались одѣялами киндячными, стегаными на хлопчатой бумагѣ, или же одѣвальными овчинными шубами. Весь такой нарядъ они получили черезъ два года въ третій, го-

ковымъ платьемъ или матеріаломъ, а нерѣдко и деньгами. Но впослѣдствіи, когда ихъ роль стала терять свой смыслъ и значеніе, дворцовое хозяйство стало ихъ забывать; въ 1689 г. они били челомъ, что носятъ платье уже шестой годъ, всѣ обносилисъ. На разные мелкіе, необходимые для нихъ расходы, имъ также выдавались деньги изъ царской казны. Такъ, въ 1666 г. марта 22, богомольцамъ пяти человѣкамъ, во время ихъ говѣнья, выдано изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ по полтинѣ, чтобъ „отдать тѣ деньги отцамъ своимъ духовнымъ отъ „*поновленья*“, т. е. за исповѣдь. На тотъ же предметъ выдано пол-полтины и жившему при нихъ карлику Тимофею Семенову. Такая же выдача повторилась и въ 1668 г. марта 18. При царѣ Алексѣѣ (1666 — 1676 г.) они получали годоваго жалованья на рубахи, порты, сапоги и на мытье бѣлья и платья по 4 р. съ полтиною, на каждаго. Кормы имъ были тоже хорошіе изъ дворца: по праздникамъ и въ субботные дни имъ выдавалось по двѣ чарки вина, по кружкѣ меду каждому. Когда умиралъ кто либо изъ нихъ, то царь собственными деньгами очень щедрою рукою „строилъ душу“ покойнаго. Такъ въ 1665 г. мая 19 по указу государя выдано изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ, иначе изъ его кабинета, на погребеніе богомольца Давыда: за отпѣваніе архимандриту Новоспасскому 5 р., Успенскаго собора протопопу 3 р., дьякону $1\frac{1}{2}$ р., 2 чернымъ священникамъ по $1\frac{1}{2}$ р., 2 бѣлымъ по 1 р.; отцу духовному 2 р., 2 чернымъ дьяконамъ по 40 алт., 2 бѣлымъ по 20 алт.; уставщику пѣвчихъ Өедору Коверину $1\frac{1}{2}$ р.; государевымъ пѣвчимъ первой станицѣ 6 р., другой станицѣ 5 р., да которые не пѣли, 2 челов. по полтинѣ. Отпѣванье происходило всегда на Троицкомъ Сергіевомъ подворьѣ, а потому дано его строителю 2 р., рядовой братьѣ, которые были на отпѣваньи, 8 челов. по 1 р., а которые небыли, 7 чел. по 10 алт. Пономарямъ, дьячкамъ и трудникамъ за копанье могилы 1 р.; на гробъ и на выносъ 3 р. Кромѣ того раздавалась милостыня на поминъ души. Такъ въ 1670 г. мая 18, по нищемъ Павлѣ Алексѣевѣ роздано колодникамъ на тюремномъ дворѣ 941 челов. и въ Земскомъ Приказѣ 54 челов. по 6 денегъ; да на Никольскомъ мосту нищимъ 5 алт., всего 30 р. На отпѣваніи всегда присутствовалъ и самъ государь и послѣ отпѣванья раздавалъ духовенству поминальныя деньги. Верховыхъ нищихъ хоронили въ Екатерининской рощѣ (нынѣ Екатерининская пустынь, 25 вер. отъ Москвы); на погребеніе государь жаловалъ туда 5 р.

Въ первое время, когда эти верховые нищіе имѣли еще значенѣ бахарей и жили въ потѣшныхъ хоромахъ, число ихъ было невелико, кажется, неболѣе пяти человѣкъ. Вотъ ихъ имена за 1665 г.: Никифоръ Андреевъ, Мелетій Васильевъ, Иванъ Никоновъ, Евдокимъ Ивановъ, Венедихтъ Тимофеевъ. Въ 1668 г. ихъ было уже 13 человѣкъ. Вскорѣ по смерти царицы Маріи Ильичны къ тому прибавилось еще трое; въ 1670 г. ихъ числится 20; въ 1676 г.— 14 чел.; въ 1677 г.—13 чел.; въ 1685 в.—33 чел., а въ 1689 г.— 35 чел.—Впрочемъ, вѣрнаго, штатнаго ихъ числа мы не имѣли возможности открыть. Какія были поводы увеличивать ихъ число, намъ тоже неизвѣстно; но можно предполагать, что это дѣлалось по какимъ либо благочестивымъ соображеніямъ царской семьи. Такъ число 13 появляется въ то время, когда наслѣднику престола царевичу Алексѣю Алексѣевичу исполнилось 13 лѣтъ [1]. Трое къ тому причислены почти въ день смерти царицы.

Съ увеличеніемъ ихъ числа, изъ нихъ уже прямо образовалось нѣчто въ родѣ придворной богадѣльни, по этому и ихъ содержаніе приведено было во всѣхъ частяхъ въ годовой штатный порядокъ. Сверхъ того имъ выстроена была даже особая баня внѣ Кремля, у Боровицкихъ воротъ. Какъ скоро это общество царскихъ бахарей получило такое благочестивое значеніе, то, конечно, въ него избирались и поступали старики уже не съ достоинствами бахаря, а по преимуществу люди убогіе. Дѣйствительно въ числѣ ихъ мы находимъ: разслабленныхъ, нѣмыхъ, глухихъ, слѣпыхъ, горбатыхъ, безрукихъ, безногихъ; такъ обозначаются они при своихъ именахъ въ видѣ прозвищъ. Между прочимъ одинъ изъ нихъ Еуфимъ безногій въ 1675 г. учился иконному письму, за что и былъ пожалованъ кафтаномъ [2]. Другой — Полуехтъ Никифоровъ безрукій выучился писать иконы устами и доси хъ поръ еще сохраняются иконы

---

[1]) Припомнимъ, что при дворѣ шотландскихъ королей въ XVI и XVII ст. тоже находились „королевскіе молельщики (King's Bedesman), которые, получая отъ двора милостыню и содержаніе, должны были за то молиться о благоденствіи короля и государства. Число ихъ равнялось числу лѣтъ, прожитыхъ королемъ; поэтому каждый годъ, въ день рожденія государя, прибавлялся къ штатному, числу новый богомолецъ. Они носили пожалованные синіе плащи, отчего назывались также Синими плащами". Предисловіе къ Антикварію Вальтера Скотта.

[2] Книга памятная деньгамъ Приказа тайныхъ Дѣлъ подьячаго Ѳед. Шакловитаго 184 г.

его письма, одна даже съ подписью: „лѣта 7191 сентября въ 3 день писалъ сей образъ изографъ Поліевктъ Никифоровъ, отъ рожденія рукъ неимѣлъ и писалъ устами“ [1].

При царѣ Ѳедорѣ Ал. верховые богомольцы живутъ уже въ особыхъ хоромахъ подлѣ царскаго каменнаго терема. Но старое ихъ значеніе государевыхъ бахарей все еще сохранялось и въ это время, и очень вѣроятно, если не всѣ, то нѣкоторые изъ нихъ все еще потѣшали государя своими разсказами. Въ нѣкоторомъ смыслѣ потѣшное ихъ значеніе обнаруживается въ томъ, что у нихъ живутъ царскіе *дураки*; въ 1679 г. у нихъ жили дураки: Петръ, Семенъ [2] и кажется Ѳедоръ, вывезенный тогда изъ Переяславля. Дураки, какъ извѣстно, носили оффиціальное значеніе государевыхъ потѣшниковъ.

Къ концу XVII ст. и на женской половинѣ дворца при комнатахъ царицъ и царевенъ появились такія же свои нищія *верховыя богомолицы*, вдовы старухи и дѣвицы. Онѣ жили въ подклѣтахъ у царицы Прасковьи Ѳедоровны, у царевны Екатерины Алексѣевны и у царевенъ *меньшихъ*, подлѣ ихъ хоромъ. Здѣсь безъ сомнѣнія онѣ исполняли должность *бахарокъ* или сказочницъ. Въ 1687 г. у царевны Екатерины Алексѣевны живутъ въ ея верхней комнатѣ богомолицы, одна старуха и семь дѣвицъ, въ томъ числѣ одна слѣпая, которымъ царевна 28 окт. шила новыя рясы и тѣлогрѣи. Въ 1674 г. у царевны Марѳы Алексѣевны жила *дѣвочка безногая*.

Намъ слѣдуетъ упомянуть еще о карликахъ. Карлы и карлицы по своему значенію принадлежали тоже къ необходимымъ членамъ дворцоваго потѣшнаго общества. Вмѣстѣ съ арапами, ихъ держали, какъ живую рѣдкость, какъ игру природы, не-

---

[1] Исторія Русскихъ Школъ иконописанія, г. Ровинскаго, стр. 167. Его училъ извѣстный въ свое время жалованный иконописецъ Оружейной Палаты Никита Павловецъ. Въ 1674 г. авг. 29, онъ купилъ своему ученику: 6 ставушечекъ нѣмецкихъ, 2 размѣрца нѣмецкихъ (циркуля) и дубовой пригловашекъ, окованный желѣзомъ, всего на 2 р. 8 алт. Въ запискѣ при этомъ обозначено, что „по указу в. государя тѣ ставушечки и размѣрцы и приголовашекъ взялъ къ в. государю въ Верхъ онъ же Никита ученику своему Поліехту, котораго онъ учитъ по имянному указу въ Верху иконному своему художеству“. А. О. П.

[2] Въ 1679 г. ноября 6 куплены сапоги телятинные за 16 ал. 4 д. и отданы дураку Петру, который живетъ у нищихъ въ Верху. Ноября 27, дураку Семену, который живетъ у нищихъ, куплена шапка суконная съ соболемъ. Столбцы А. О. П.

обычайную, несообразную и потому возбуждавшую особенное любопытство, наивное подивленіе и ребяческій наивный смѣхъ. Подобными предметами красилось тогдашнее тщеславіе, обличавшее тѣмъ свои грубые и нечеловѣчные вкусы. Поэтому карликъ являлся всегда спутникомъ царской и боярской жизни, т. е. вообще жизни богатой, широкой и просторной, которая въ его фигурѣ находила особую красоту для своей роскошной обстановки. И здѣсь, какъ въ отношеніи дураковъ, высказывались тѣже низменныя понятія о человѣческомъ достоинствѣ, которое низводилось до степени простой повседневной частію потѣшной обстановки быта. Какъ живыя куклы, карлики, имѣя декоративное придворное значеніе, очень часто служили также и для потѣхи, вмѣстѣ съ шутами. Флетчеръ говорилъ, что царь Өедоръ Ив. вечернее время до ужина проводилъ съ царицею въ увеселеніяхъ, на которыхъ шуты и карлы, мужескаго и женскаго пола, кувыркались передъ нимъ и пѣли пѣсни и это была самая любимая его забава между обѣдомъ и ужиномъ.

О томъ, что иногда бывало въ хоромахъ царскихъ и боярскихъ въ допетровской Руси, мы можемъ судить также по нѣкоторымъ чертамъ княжескаго литовско-русскаго быта, который во многомъ и долго сохранялъ культуру старинной Руси, кіевской и галицкой, а слѣд. по прямому наслѣдству и московской, ибо московская бытовая культура была только наиболѣе полнымъ развитіемъ общей русской княжеской культуры. Англичанинъ Горсей, при царѣ Өедорѣ Ив., попалъ въ Вильнѣ на обѣдъ къ литовскому князю Христофору Радзивиллу, и описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „обѣдъ начался при звукѣ трубъ и при рокотаніи барабановъ. Послѣ первыхъ кушаній явились *шуты* и *поэты* для увеселенія гостей; потомъ толпа разряженныхъ *карловъ* и *карлицъ* вошла въ залу, при пѣніи, сопровождаемомъ заунывными звуками свирѣлей“. Радзивиллъ сравнивалъ Горсею эту музыку съ кимвалами Давида и колокольчиками Аарона. Послѣ обѣда Горсей смотрѣлъ разныя странныя потѣхи со львами, съ медвѣдями и быками. Все это, даже кушанья, именно, сдѣланныя изъ сахарнаго тѣста подобія львовъ, единороговъ, парящихъ орловъ, лебедей и пр.— столько же обрисовываетъ какъ литовско-русскій, такъ и московско-русскій дворцовый бытъ.

У царя Михаила Өед., еще въ первые годы царствованія мы встрѣчаемъ карлика Ивашку Григорьева, съ 1616 г.; а у ма-

тери царя, великой старицы инoки Мареы Ив., карлицу Афимью, 1619 г. [1] Затѣмъ упоминаются: Васька Григорьевъ, 1622 г.; Гришка Михаиловъ Ключаревъ, 1625 г.; Петрушка Хомяковъ, съ 1625 г., котораго въ 1632 г. женили; Өедька Игнатьевъ, 1630 г.; Филька Игнатьевъ, 1631 г.; Степанка, Стенька Наумовъ, 1631 г.; Демка Софоновъ и Сидорка, 1632 г.; Сенька, 1633 г.; Зиновка, Зинка Павловъ, 1634 г.; Ивашка Тимоөѣевъ, Стенька Ивановъ, Оеонька Семеновъ, Михейка Павловъ, жившіе въ хоромахъ у царевича Алексѣя Мих., 1638—1640 г.: Ивашка Псковитинъ, карла Потѣшной Палаты, 1640 г.; быть можетъ тотъ же Тимоөѣевъ; Ивашка Өедотовъ, 1643 г.

Въ комнатахъ царицы Евдокѣи Лук. жили карлицы: дѣвка Анютка, 1627 г.; Офушка, 1629 г.; Софья, 1630 г.; Өедорка съ 1632 г.; Мареутка, 1633 г.; Соболька, Парашка, Анютка Быкъ, 1642--1648 г.; Манка, 1644 г. Въ комнатѣ у царевны Ирины—Катька и Палагейка, 1642 г.; у царевны Анны Мих.—Өекла, Өеколка, 1648—1653 г.; у маленькой царевны Евдокіи Ал.—Акилина, Прасковья, съ 1651 г.; Аксинья, 1652 г.

При царѣ Алексѣѣ Мих. помпнаются: Ивашка да Ортюшка, 1648 г.; Иванъ Өедотовъ Горбунъ, 1654 г.—Карлы у царевича Алексѣя Алексѣевича: Иванъ Зуевъ, 1660 г.; Тимошка Маленькій, 1661 г.; Петръ Семеновъ, 1664 г.; Карпъ Рѣткинъ, 1664 г.; Дмитрій Верхоценскій, 1668 г.; Петръ Бисеревъ, 1669 г.—У царевича Өедора Ал.: Карпъ Рѣткинъ, Петръ Бисеревъ, 1672—1686 г.; Климъ Андреевъ, 1668 г.; Ивашка Юдинъ, 1671—1690 г.: Янка Ивановъ Ветчинка и Ветчинкинъ, 1671—1686 г.; Василій Хомяковъ, 1674—1686 г.: Петрушка Шимшинъ, Петръ Гавриловъ, Петрушка Клопокъ, 1674—1686 г.—У царевича Ивана Ал.: Дмитрій Верхоценскій, 1677—1690 г.—У царевича Петра Ал. съ перваго времени его возраста: Никита Гавриловъ Комаръ (умре 1690 г.); Ивашка Комаръ и Климка Комаръ; Ивашка и Емелька, Спиридонъ, Игнатій и Михайла — Кондратьевы; Васька Родіоновъ, а также и другіе изъ поименованныхъ ниже. Должно замѣтить, что эти карлики у маленькаго Петра составляли его первое потѣшное общество. Въ 1684 г. для потѣхи имъ были сшиты нѣмецкіе кафтаны и нѣмецкіе платья. Въ 1685 г. апр. 30 карла Никита Комаръ на 5 тел...

---

[1] Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, обозначаются тѣ года, при которыхъ имена встрѣчаются въ документахъ.

гахъ перевезъ въ село Преображенское *всякіе хоромные потѣхи и ружье*, а іюля 1 ему же Комару да Спиридону, Ивану и Игнатью Кондратьевымъ выдано по полтинѣ на починку потѣшнаго ружья или оружія.

Въ 1686 г. и позднѣе упоминаются: Антипа Ларіоновъ Пятово, обозначенный даже комнатнымъ стольникомъ; Матвѣй Филиппов, Алексѣй Ивановскій, Емельянъ Хомякъ и Хомяковъ, Романъ Васильевъ, Яковъ Ильинъ, Ермолай Мишуковъ, Михайло Щеголевъ, Никита и Спиридонъ Муратовы, Денисъ и Ѳедоръ Еремеевы, Артемій и Василій Ѳедоровы, Лука Тимоѳѣевъ, Никифоръ Нагаецъ и др. Вѣроятно, въ числѣ этихъ именъ, есть нѣкоторые изъ упомянутыхъ прежде.

У царицы Натальи Кир. въ 1672 г. показано карлицъ 14 челов.. а въ 1673 г. 22 челов., но въ томъ же числѣ, быть можетъ, должно считать и дѣвицъ боярышенъ.

Карлики и карлицы ходили въ обыкновенномъ тогдашнемъ нарядѣ, но всегда свѣтлаго цвѣта, преимущественно лазореваго и червчатаго. также зеленаго и желтаго. Тѣ и другія носили красные или желтые сапоги. Карламъ сверхъ того иногда шили курты и епанчи и нѣмецкіе кафтаны, а вмѣсто шапокъ, аракчины—ермолки.

Въ хоромахъ особенная комнатная должность ихъ заключалась, кажется въ томъ, чтобы ходить за попугаями, а слѣд. исполнять и другія подобныя заботы. Когда, при царѣ Алексѣѣ, во время мора, весь дворъ выѣхалъ изъ Москвы и во дворцѣ, въ Потѣшной Палатѣ остался жить карла Ивашка, ему были отданы на сохраненіе и всѣ комнатные попугаи. Въ 1659 г. онъ разсказывалъ объ этомъ въ слѣдующей челобитной, поданной царю съ просьбою вознаградить его расходы: „бьетъ челомъ холопишко твой Ивашко карла: какъ ты, государь, пошелъ на другую службу и государыня царица пошла съ Москвы въ походъ, и мнѣ холопишку твоему выдали отъ г. царицы изъ хоромъ четырехъ попугаевъ, а пятаго стараго; и азъ тѣхъ попугаевъ кормилъ; а про то мое терпѣніе и кормленіе твоихъ государевыхъ птицъ вѣдомо истопничему Александру Боркову, потому, государь, что онъ Александръ меня на всякъ день навѣщалъ и твоихъ государевыхъ птицъ осматривалъ и о птицахъ мнѣ приказывалъ, велѣлъ кормить; и я въ 20 недѣль скормилъ, покупаючи съ торгу, 8 ф. миндальныхъ ядеръ; да имъ же на всякъ день покупалъ колачей по двѣ денги и самъ,

съ торгужъ покупаючи, ѣлъ, потому, государь. что мнѣ съ *Низ*
тогда съ Хлѣбеннаго и съ Кормоваго дворца твоего государев
корму указнаго не было; а кормъ птицамъ и мнѣ покупалъ
Дементей сторожъ, что у тебя, государь въ комнату пожало-
ванъ; а 20 недѣль и до вашего государскаго пришествія кор
милъ (я) тѣхъ попугаевъ и отдалъ здравыхъ. Милосердый го
сударь (титулъ) пожалуй меня холопишка своего своимъ госу
даревымъ жалованіемъ за птичей кормъ и за мое терпѣніе
какъ тебѣ в. г. обо мнѣ убогомъ Богъ извѣститъ. Царь государ
смилуйся! *помѣта*: 167 г. марта 31 государева жалованья дат
ему въ приказъ 10 руб.; приказалъ записать и деньги дат
стряпчей съ ключемъ Ѳед. Алекс. Полтевъ.

Вмѣстѣ съ карликами, такое же потѣшное и декоративно
придворное значеніе имѣли *арапы*. У царя Михаила, еще в
молодыхъ его лѣтахъ, въ 1614 г., жилъ, вмѣстѣ съ дуракои
Мосягою, *арапъ Муратка*, которому генв. 12 были куплен
за 9 алт. какіе то особые сапоги *притачки*. Въ 1616 г. упо
минается другой арапокъ Давыдка Салтановъ, которому іюля
государь пожаловалъ однорядку червчатую съ мишурнымъ кру
живомъ и образцами и съ завязками, а въ 1618 г. февр. 8
такую-же однорядку и аракчинъ бархатный (ермолку). „У ца
рицы Евдокѣи жила въ 1630 г. арапка Степанида, котора
потомъ отдана была въ Свѣтлицу въ ученицы, вѣроятно по до
стиженіи возраста. Въ 1632 г. въ ноябрѣ былъ крещенъ в
православную вѣру арапъ Берекеть; поступилъ ли онъ потом
во дворецъ, неизвѣстно. Въ 1668 г. у царя Алексѣя живет
арапъ Савелій, который тогда былъ отданъ учиться грамот
подьячему Земскаго Приказа Васькѣ Коверину. Черезъ год
подьячій, прося награды за ученье, писалъ въ своей челобит
ной государю, что „онъ Савелій часовникъ и псалтырь у нег
выучилъ, и выучась, давно отшелъ, а за ученье ничего не д
вывано". Упомянемъ также. что при Петрѣ, во дворцѣ нах
дились три арапа: Томосъ, Сѣкъ, Аврамъ.

Подъ стать арапамъ и арапкамъ нерѣдко являлись при двор
маленькіе *калмыченки* и *калмычки*, обыкновенно привозимы
плѣномъ. Послѣднія, какъ мы говорили, окрещенныя въ прав
славную вѣру, воспитывались до возраста въ хоромахъ цариц
потомъ обучались рукодѣлью въ царицыной Свѣтлицѣ и выд
вались изъ дворца замужъ. На государевой половинѣ, особен
при комнатахъ царевичей воспитывались тогоже рода мал

чики: у царя Өедора Ал., въ 1679 г., жили два калмыченка, Петрушка Аверкіевъ и Ромашка Васильевъ.

Другія дворцовыя увеселенія, которыя не входили въ кругъ увеселеній Потѣшной Палаты, заключались въ разныхъ зрѣлищахъ. Изъ нихъ первое, самое старое и обычное—была *медвѣжья потѣха*. Если дуракъ былъ необходимымъ и самымъ обычнымъ предметомъ домашней утѣхи, то въ такой же мѣрѣ необходимымъ и самымъ обычнымъ предметомъ общественной утѣхи былъ медвѣдь. Онъ, выученый и нашколенный различнымъ людскимъ ухваткамъ и людскому поведенію, бродилъ съ своими поводырями по всей русской землѣ, изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, потѣшая и забавляя добрыхъ людей каррикатурнымъ, а отчасти и сатирическимъ представленіемъ ихъ же нравовъ и обычаевъ. Во дворцѣ, конечно, собиралось все самое замысловатое и самое искусное въ этомъ родѣ. Мы упоминали, что при царѣ Иванѣ Грозномъ, медвѣди на государеву потѣху отыскивались по всѣмъ областямъ и лучшіе отбирались, разумѣется, силою въ силу царскаго указа. Это, однако, не было исключительнымъ дѣломъ грознаго владыки; это было простымъ обычаемъ царскаго Двора, вмѣстѣ со многими другими такими же обычными порядками царской жизни, которые иногда, какъ особыя исключительныя краски, идутъ не совсѣмъ справедливо на изображеніе только личности Грознаго. Есть грамота о томъ же (1619 г.) молодаго царя Михаила, только вступившаго на престолъ. Успокоивая и устроивая разшатавшееся и раззоренное царство, молодой государь немало заботился и объ устройствѣ своей дворцовой жизни, разумѣется, по старымъ уставамъ и порядкамъ. Такимъ образомъ не была забыта и медвѣжья потѣха. Чтобъ собрать вновь для этой потѣхи медвѣдей и собакъ, государь послалъ на сѣверъ, въ медвѣжью сторону, слѣдующую грамоту: „Отъ царя и в. к. Михаила Өедоровича всеа русіи въ Галичь губному старостѣ Петру Перелешину. По нашему указу посланы съ Москвы въ Галичь и въ Галицкіе пригороды на Чюхлому, къ Солигалицкой, въ Судай, на Унжу, въ Кологривъ, въ Парфеньевъ [1], и тѣхъ

---

[1] На Чухлому Пятому Свиньину, къ Солигалицкой городовому прикащику Өедору Мичюрину, въ Парфеньевъ Семену Дмитріевичу Опух-

городовъ въ уѣзды ловчево пути охотники Богданъ Опочининъ да Наумъ Усовъ да конные псари Петръ Молчановъ, Олферъ Вораксинъ, Костянтинъ Олтуфьевъ, въ наши дворцовыя села и въ княженецкіе и въ дворянскіе, и дѣтей боярскихъ и всякихъ людей въ помѣстья и въ вотчины, и въ патріаршп и въ митрополичи и во владычьи и въ монастырскіе вотчины; и въ тѣ волости, которые вѣдаютъ на обиходъ матери нашіе государыни великой старицы иноки Марфы Ивановны; а велѣно имъ въ Галичѣ и въ галитцкихъ пригородѣхъ, на осадѣ и въ уѣздахъ и у всякихъ людей имать на нашу псарню собаки борзые и гончіе и меделянскіе и медвѣди. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а ловчего пути охотники Богданъ Опочининъ съ товарищи въ Галичь и въ галитцкіе пригороды пріѣдетъ и вы имъ давали (бы) на ослушниковъ стрѣлцовъ и пушкарей и разсылщиковъ, сколько человѣкъ пригожъ; и кормъ тѣмъ собакамъ и медвѣдемъ и провожатыхъ, и подъ медвѣди и подъ меделянскіе собаки подводы, велѣли давать отъ города до города, и кормъ собакамъ и медвѣдямъ велѣли давать, чѣмъ имъ мочно сытимъ быть, отъ города до городажъ; а поводчиковъ за медвѣди, гдѣ возмутъ медвѣди, велѣли давать до Москвы. А прочетъ сю нашу грамоту и списавъ съ нее противень слово въ слово, оставливалибъ есте у себя; а сю нашу грамоту отсылалибъ есте въ галитцкіе пригороды къ приказнымъ людемъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7127 года марта въ 14 день.

Такъ собиралось по всей землѣ все, что только надобилось для государева двора, такъ собирались всякіе художники (напр. иконописцы), ремесленники и разные искусные мастера, когда ихъ искусство и работа требовались для государева обихода. Государь былъ вотчинникомъ своей земли и потому, какъ вотчинникъ-помѣщикъ, почиталъ своею собственностью всякій надобный ему предметъ.

Въ Москвѣ для медвѣжьей, какъ и вообще для звѣриной потѣхи и охоты былъ устроенъ обширный псаренный дворъ, гдѣ кромѣ медвѣдей содержались и другіе звѣри и разнаго рода охотничьи собаки. Медвѣди, постоянно жившіе во дворѣ, вѣроятно ученые, назывались *дворными*; другіе были *гончіе*, также *ступ-*

тину, на Унжу Ивану Яковлевичу Блохину, въ Судай да въ Кологривъ судныхъ цѣловальникамъ.

ные, *спускные* и наконецъ *дикіе*, которыхъ поставляли на потѣху прямо изъ лѣсу. Зимою 1664 г. привезены были изъ Мезени даже и *бѣлые* медвѣди. Медвѣжья потѣха была разнообразна, но вся она распредѣлялась собственно на три статьи: медвѣжья травля, медвѣжій бой и медвѣжья комедія, если правильно будетъ такъ назвать медвѣжьи представленія съ поводчиками, т. е. съ неизмѣнною его сопутницею ряженою козою. Должно полагать, что всѣ эти три статьи входили въ составъ каждаго зрѣлища медвѣжьей потѣхи, которое могло начинаться комедіею или драмою—травлею и оканчиваться трагедіею — боемъ или единоборствомъ. Во всякомъ случаѣ это былъ довольно разнообразный и очень занимательный спектакль для тогдашняго общества, вполнѣ замѣнявшій ему наши театральныя зрѣлища. Медвѣжьи увеселенія давались обыкновенно въ Кремлѣ *на дворцѣ*, т. е. гдѣ либо на нижнемъ подъ горою или на заднемъ государевомъ дворѣ, на особо устроенномъ для того мѣстѣ. Въ XVII ст. нерѣдко они давались и на старомъ Цареборисовскомъ дворѣ, близъ палатъ патріарха. Иногда государь тѣшился на псаренномъ дворѣ на старомъ Ваганьковѣ, гдѣ теперь публичный Музей и на Новомъ Ваганьковѣ, на Трехъ Горахъ. Кромѣ того эта потѣха справлялась временемъ и въ загородныхъ дворцахъ, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ довольно часто въ Покровскомъ Рубцовѣ, въ Хорошовѣ, въ Таининскомъ. На масляной недѣлѣ эта государева потѣха устроивалась обыкновенно на Москвѣ рѣкѣ для всенароднаго зрѣлища и увеселенія. Такъ въ 1675 г. февр. 13 былъ указъ ловчему Матюшкину „со всею потѣхою быть готову, противъ прежняго, на Москвѣ рѣкѣ съ медвѣди съ гонцами и которыхъ колоть рогатинами и съ вилами ходить охотникамъ и псарямъ; и съ волки и съ лисицы и съ собаки борзыми и съ меделянскими; а указано ему быть готову послѣ ранняго кушанья совсѣмъ и ждать его великаго государя указу". Потѣхи однакожъ въ то число почему-то не было. По разсказу Рейтенфельса однажды въ субботу на масляницѣ на Москвѣ рѣкѣ на льду была травля бѣлыхъ самоѣдскихъ медвѣдей британами и другими собаками страшныхъ породъ. Эта сцена порядочно позабавила, потому что и медвѣди и собаки не могли крѣпко держаться на ногахъ и скользили по льду". Во дворцѣ медвѣжій спектакль давался во всякое время года, но, разумѣется, чаще осенью и зимою, чѣмъ лѣтомъ, и при томъ здѣсь представлялись только комедіи и трагедіи, травли же

происходила чаще всего на псарномъ дворѣ и только по праздникамъ.

Въ 1585 г. февр. 20 у царя Ѳедора Ивановича такая комедія началась тѣмъ, что нѣкій Ѳедоръ Пучокъ Молвенмновъ привелъ на потѣхѣ государю „медвѣдя съ хлѣбомъ да съ солью въ саадакѣ“, т. е. вооруженнаго лукомъ и стрѣлами; и потомъ "спущалъ" своего ученаго медвѣдя на бой съ дикимъ медвѣдемъ. Спектакль вѣроятно очень полюбился государю, потому что поводчикъ получилъ довольно значительную награду: камку добрую въ 5 р., зуфь костоманскую въ 3 р., сукно доброе въ 2 р., да человѣкъ его получилъ суконце въ 4 гривны [1]. Извѣстно, что медвѣдчики — поводчики забавляли публику и своими присказками и приговорками, которые объясняли медвѣжьи дѣйства и служили какъ бы текстомъ къ этому медвѣжьему балету. Вѣрно и здѣсь старинный шутливый ироническій умъ русскаго человѣка не ходилъ въ карманъ за словомъ, и беззастѣнчиво и остроумно выставлялъ всякія смѣшныя стороны тогдашней жизни. О томъ, что когда-то представляли ученые медвѣди, мы можемъ составить понятіе изъ одного газетнаго объявленія, относящагося къ половинѣ XVIII ст. Оно тѣмъ болѣе теперь любопытно, что медвѣдники по распоряженію правительства вмѣстѣ съ послѣдними учеными медвѣдями должны скоро совсѣмъ изчезнуть изъ деревенскаго общества. Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1771 г. отъ 8 іюля было напечатано: *Для извѣстія*: Города Курмыша Нижегородской губерніи крестьяне привели въ здѣшней городъ двухъ большихъ медвѣдей, а особливо одного отмѣнной величины, которыхъ они искуствомъ своимъ сдѣлали столь ручными и послушными, что многія вещи, къ немалому удивленію смотрителей, по ихъ приказанію исполняютъ, а именно: 1) вставши на дыбы присутствующимъ въ землю кланяются, и до тѣхъ поръ не встаютъ, пока имъ приказано не будетъ; 2) показываютъ, какъ хмѣль вьется; 3) на заднихъ ногахъ танцуютъ; 4) подражаютъ судьямъ, какъ они сидятъ за судейскимъ столомъ; 5) натягиваютъ и стрѣляютъ, употребляя палку, будто бы изъ лука; 6) борются; 7) вставши на заднія ноги и воткнувши между оныхъ палку ѣздятъ такъ, какъ малые робята; 8) берутъ палку на плечо, и съ оною маршируютъ, подражая учащимся ружьемъ

[1] Дополн. къ Актамъ Истор. I, № 131. Обыкновенная награда даже за медвѣжій бой, т. е. за то, что бойца медвѣдь ѣлъ или ободралъ, — бывала въ это время — сукно доброе цѣною въ 2 рубля.

солдатамъ; 9) задними ногами перебрасываются черезъ цѣпь; 10) ходятъ какъ карлы и престарѣлыя, и какъ хромыя ногу таскаютъ; 11) какъ леженка безъ рукъ и безъ ногъ лежитъ и одну голову показываетъ; 12) какъ сельскія дѣвки смотрятся въ зеркало и прикрываются отъ своихъ жениховъ; 13) какъ малыя робята горохъ крадутъ и ползаютъ, гдѣ сухо, на брюхѣ, а гдѣ мокро, на колѣняхъ, выкравши же валяются; 14) показываетъ, какъ мать дѣтей родныхъ холитъ, и какъ мачиха пасынковъ убираетъ; 15) какъ жена милова мужа приголубливаетъ; 16) порохъ изъ глазу вычищаютъ съ удивительною бережливостью; 17) съ неменьшею осторожностію и табакъ у хозяина изъ за губы вынимаютъ; 18) какъ теща зятя подчивала, блины пекла и угорѣвши повалилась; 19) допускаютъ каждаго на себя садиться и ѣздить безъ малѣйшаго супротивленія; 20) кто похочетъ, подаютъ тотчасъ лапу; 21) подаютъ шляпу хозяину, и барабанъ, когда козой играетъ; 22) кто поднесетъ пиво или вино съ учтивостью принимаютъ и выпивши посуду назадъ отдавая кланяются. Хозяинъ при каждомъ изъ выше помянутыхъ дѣйствій сказываетъ замысловатыя и смѣшныя приговорки, которыя тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ больше сельской простоты въ себѣ заключаютъ. Не столько бы вещь сія была смотрѣнія достойна, ежелибъ сіи дикіе и въ прочемъ необуздаемые звѣри были лишены тѣхъ природныхъ своихъ орудій, коими они людямъ страхъ и вредъ наносятъ; напротиву того не обрублены у нихъ лапы, также и зубы не выбиты, какъ то обыкновенно при таковыхъ случаяхъ бываетъ. Все вышепомянутое показывано быть имѣетъ въ праздничные дни въ карусельномъ мѣстѣ противу церкви Николая чудотворца по полудни въ 6 часу. Первыя мѣста по 25 коп., вторыя по 15 коп., а послѣднія по 5 коп. съ человѣка. Смотрители впускаемы будутъ за заплату наличныхъ денегъ“.

Для насъ неоцѣнимо были бы дороги исполненныя сельской простоты эти замысловатыя и смѣшныя приговорки, еслибъ онѣ дошли къ намъ прямо отъ того медвѣдя въ саадакѣ, которымъ потѣшался царь Ѳедоръ Ивановичь. Но что говорить о старинѣ, когда и современный намъ медвѣдь, сохраняющій еще довольно стараго, скоро совсѣмъ уйдетъ со сцены, никому не разсказавши своей любопытной исторіи.

Медвѣжій бой представлялъ также самое обычное зрѣлище во дворцѣ, которое такъ и называлось *дворцовою потѣхою* и

устроивалось, конечно, не исключительно для одного только государя, или для одного мужскаго чина, но вѣроятно и для всѣхъ любопытныхъ и изъ женскаго чина. На этомъ зрѣлищѣ бывали даже малолѣтныя дѣти; напр. въ 1634 г., въ субботу на масляницѣ пѣшій псарь Герасимъ Степановъ тѣшилъ пятилѣтняго царевича Алексѣя Мих. дворовыми медвѣдями и на той потѣхѣ медвѣди на немъ псарѣ кафтанъ изодрали. Это зрѣлище было самымъ любимымъ и у самаго добраго и богомольнаго царя Өедора Ивановича. Именно по поводу его потѣхъ Флетчеръ описываетъ подробно и это зрѣлище...., „Бой съ медвѣдемъ, говоритъ онъ, происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ кругъ, обнесенный стѣною, ставятъ человѣка, который долженъ возиться съ медвѣдемъ какъ умѣетъ, потому что бѣжать некуда. Когда спустятъ медвѣдя, то онъ прямо идетъ на своего противника съ отверстою пастью. Если человѣкъ съ перваго раза дастъ промахъ и подпуститъ къ себѣ медвѣди, то подвергается большой опасности; но какъ дикій медвѣдь весьма свирѣпъ, то это свойство даетъ перевѣсъ надъ нимъ охотнику. Нападая на человѣка медвѣдь поднимается обыкновенно на заднія лапы и идетъ къ нему съ ревомъ и разинутою пастью. Въ это время если охотникъ успѣетъ всадить ему рогатину въ грудь между двумя передними лапами (въ чемъ, обыкновенно, успѣваетъ) и утвердить другой конецъ ея у ноги такъ, чтобы держать его по направленію къ рылу медвѣди; то обыкновенно, съ одного разу сшибаетъ его. Но часто случается, что охотникъ даетъ промахъ и тогда лютый звѣрь или убиваетъ или раздираетъ его зубами и когтями на части. Если охотникъ хорошо выдержитъ бой съ медвѣдемъ, его ведутъ къ царскому погребу, гдѣ онъ напивается до пьяна въ честь государя, и въ этомъ вся его награда за то, что онъ жертвовалъ жизнію для потѣхи царской“. Напротивъ, мы имѣемъ оффиціальныя свидѣтельства отъ того же времени. что бойцы всегда получали въ награду портище хорошаго сукна на кафтанъ, цѣною въ 2 р.; это было обычнымъ государевымъ жалованьемъ за такую потѣху не только въ XVI. но и въ теченіи всего XVII ст. Въ особенныхъ случаяхъ бойцы получали и большую награду. Разумѣется и эта награда по нашимъ понятіямъ не соотвѣтствуетъ подвигу. Но должно замѣтить, что подвигъ ходить одному на дикаго медвѣдя въ то время едвали почитался дѣломъ необычайнымъ, рѣдкимъ; судя по множеству такихъ случаевъ, на одной только

царской потѣхѣ, онъ былъ простымъ рядовымъ явленіемъ охотничьей жизни, а потому и цѣнился въ мѣру своей такъ сказать повседневной цѣнности. Большею частью бойцы принадлежали къ дворцовому же государеву чину и состояли въ вѣдомствѣ Конюшеннаго Двора при „Ловчемъ пути" или при царской охотѣ. Это были псовники, конные и пѣшіе псари и собственно *охотники*, или ловцы звѣрей — первые люди Ловчаго пути. Изъ нихъ при царѣ Михаилѣ особенно знаменитъ былъ пѣшій псарь Кондратій Корчминъ. Въ 1616 г. въ ноябрѣ на большой потѣхѣ на дворцѣ вмѣстѣ съ семью товарищами, такими же псарями, на немъ медвѣди изодрали зипунъ; а въ декабрѣ на потѣхѣ его медвѣдь измялъ и платье на немъ ободралъ. Черезъ годъ, 1618 г. въ генварѣ, онъ опять потѣшалъ царя медвѣжьимъ боемъ; въ февралѣ 1620 г. опять на потѣхѣ бился съ медвѣдемъ. Въ томъ же году сентября 11-го вмѣстѣ съ товарищемъ, тоже псаремъ, Сенькою Омельяновымъ, тѣшилъ государя на Старомъ Царевѣборисовѣ дворѣ дворными медвѣди-гонцами. На этой потѣхѣ медвѣдь ему изъѣлъ руку, а товарищу его Сенькѣ изъѣлъ голову. Въ генварѣ слѣдующаго 1621 г. онъ снова на потѣхѣ съ четырьмя товарищами — псарями; всѣ они бились съ дикими медвѣдями вилами. Въ февралѣ тогоже года, на мясной недѣлѣ въ середу, какъ государь тѣшился гончими и дикими медвѣди, былъ на потѣхѣ и Корчминъ въ девятеромъ съ товарищами; медвѣди драли на нихъ кафтаны. Въ 1622 г. февр. 28, на масляной недѣлѣ въ четвергъ, Корчминъ опять съ братомъ Иваномъ и треми товарищами псарями былъ на потѣхѣ, бился съ дикими медвѣди вилами. Въ іюнѣ 1625 г. онъ тѣшилъ царя тоюже потѣхою въ селѣ Рубцовѣ. Въ ноябрѣ 1626 г. бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами и медвѣдя вилами поставилъ, да онъ же въ селѣ Рубцовѣ предъ государемъ на потѣхѣ медвѣдя убилъ рогатиною, за что и получилъ награду съ прибавкою, 5 арш. тафты и 4 арш. сукна. Такимъ образомъ Корчминъ увеселяетъ государя, т. е. ходитъ на медвѣдя въ теченіи десяти лѣтъ, а быть можетъ и больше, ибо мы не имѣемъ полныхъ погодныхъ записокъ объ этой потѣхѣ.

Другой герой медвѣжьей потѣхи, конный псарь Алексѣй Меркульевъ, ходитъ на медвѣдя въ продолженіи двадцати лѣтъ слишкомъ. Въ 1631 г. въ ноябрѣ онъ получаетъ обычное жалованье, портище сукна въ 2 р., за то что на потѣхѣ его медвѣдь дралъ. Въ 1632 г. февраля 9, на потѣхѣ онъ бился съ дикимъ

медвѣдемъ вилами добро, какъ и товарищъ его Петръ Молчановъ. Въ 1635 г. въ ноябрѣ самъ четвертъ съ товарищами онъ опять бился съ дикими медвѣдями добро, въ селѣ Рубцовѣ. Въ 1636 г. февр. 28, на масляницѣ на дворцѣ опять въ двоемъ съ товарищемъ бился вилами добро. Въ 1646 г. вмѣстѣ съ другими онъ бился на медвѣжьей потѣхѣ въ с. Павловскомъ и въ с. Покровскомъ. Въ февралѣ 1648 г. онъ со многими другими бился съ дикими медвѣдями на Псаренным дворѣ. Затѣмъ упоминается въ чину псарей въ 1651 г. Въ это время онъ названъ уже охотникомъ. Третій псарь Петръ Молчановъ ставивалъ на потѣхѣ больше тридцати лѣтъ 1620—1651 г., четвертый Осипъ Молчановъ около 25 лѣтъ.

Не порázу также хаживали на медвѣдя на государевой потѣхѣ и многіе другіе товарищи Корчмина, Меркульева и Молчановыхъ, напр. Сенька Омельяновъ, 1620—1626 г.; Ивашка Санинъ, 1620—1626 г.; Аѳанасій Дмитріевъ, 1616—1620 г.; Олферъ Babaкинъ 1620; Марко Юрьевъ, 1621—1627 г.; Степанъ Ябединъ, который въ февралѣ 1620 и 1621 г. передъ государемъ кололъ дикаго медвѣдя рогатиною, а въ 1622 г. декабря 31 на потѣхѣ медвѣдь изодралъ на немъ платье; охотникъ Еремей Терневъ, 1646—1650 г.; Семенъ Головцынъ 1646—1648 г., Тимофей Невѣровъ въ 1649 г. и т. д.

Все это показываетъ, что служители царскаго *Ловчаго пути*; охотники, псари, псовники, едвали не всѣ были истыми героями медвѣжьяго поля, и почитали для себя весьма обычнымъ дѣломъ выходить по надобности и на государеву потѣху. Изъ нѣкоторыхъ указаній видно, что подвигъ медвѣжьяго поля становился достояніемъ цѣлаго рода; таковы были псари Молчановы при царѣ Михаилѣ, упомянутые выше Петръ и Осипъ; послѣдній, если не сынъ, то вѣроятно, братъ перваго, передавшіе въ наслѣдство свою силу и отвагу и своимъ дѣтямъ, изъ которыхъ при царѣ Алексѣѣ были извѣстны сыновья Осипа, Матвѣй да Иванъ, 1646—1651 г.; также Михайло, Любимъ, Ѳадей, тоже родичи, если не дѣти первыхъ. Славна была и семья Озорныхъ: отецъ, Богданъ Озорной, потѣшалъ царя Михаила, съ 1621 г., а сыновья Никифоръ и Яковъ царя Алексѣя, съ 1647, и т. п. Нерѣдко сыновья ходили на бой за одно съ отцами. Такъ въ 1646 г. человѣкъ боярина Б. И. Морозова, Иванъ Брылкинъ съ сыномъ Аѳанаською имались съ медвѣ-

демъ въ селѣ Павловскомъ 31 генв.; потомъ бились съ медвѣдемъ въ генварѣ 1648 г.

Это свидѣтельство указываетъ также, что на дворцовую потѣху вызывались или призывались иной разъ охотники и изъ другихъ сословій или чиновъ. Въ декабрѣ 1614 г. царя потѣшали трое стрѣльцевъ, въ томъ числѣ Семыка Өедоровъ; у нихъ на потѣхѣ медвѣдь изодралъ кафтаны. Въ мартѣ 1618 г. на потѣхѣ дралъ медвѣдь задворнаго конюха Ив. Столешникова. Въ 1615—1619 г. въ царскихъ потѣхахъ участвовалъ человѣкъ боярина Ө. И. Мстиславскаго, Матвѣй Пахов, поставлявшій на государеву псарню къ потѣхѣ дикихъ медвѣдей. Въ ноябрѣ 1627 г. въ Тонинскомъ на потѣхѣ медвѣдь дралъ истопника Илью Севрюкова. Въ 1622 г. генв. 2, на потѣхѣ на дворцѣ постельный сторожъ Петрушка Мекотинъ передъ государемъ дворцовыхъ медвѣдей дражнилъ и съ дикимъ медвѣдемъ бился вилами и его дикій медвѣдь ѣлъ. Въ 1626 г. на святкахъ и въ 1627 г. на масляницѣ тотъ же Мекотинъ выходилъ на бой вилами съ дикими же медвѣдями и въ оба раза остался невредимъ. Въ 1623 г. февр. 18, на масляницѣ во вторникъ на дворцѣ на государевѣ потѣхѣ бился съ дикимъ медвѣдемъ Канинскіе земли Самоѣдинъ Семейка. Въ октябрѣ 1626 г. бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами постельный истопникъ Панка Гигишкинъ въ селѣ Покровскомъ. Въ 1628, въ субботу на масляницѣ на государевой потѣхѣ на дворцѣ тѣшилъ государя, бился съ дикимъ медвѣдемъ *князь* Иванъ Гундуровъ, за что и получилъ 9 арш. камки адамашки лазоревой (на 2 р. 75 к.). Въ октябрѣ 1631 г. въ Покровскомъ на потѣхѣ гончій медвѣдь дралъ подключника Тимофея Өелотьева. Тогда же и тамъ же тѣшилъ государя и человѣкъ боярина кн. И. Б. Черкасскаго Андр. Слѣпой, которому выдано въ награду по 4 арш. тафты и сукна, всего на 8 р., тогда какъ обыкновенная награда бывала въ 2 р. Быть можетъ онъ не прозвищемъ только, а на самомъ дѣлѣ былъ слѣпой, тогда потѣха, конечно представляла еще больше занимательнаго. Въ томъ же октябрѣ стряпчій конюхъ Степанъ Карповъ тѣшилъ государя въ селѣ Тонинскомъ, билъ въ барабанъ и медвѣдя дразнилъ и медвѣдь его дралъ. Въ февралѣ 1632 г. на потѣхѣ медвѣдь дралъ *сына боярскаго* Галичанина Өедора Сытина, который получилъ за потѣху сукно на однорядку, дороги гилянскія на ферези, да на кафтанъ и на приклады къ платью деньгами $5\frac{1}{2}$ р. всего на весь нарядъ 14 р.

Въ томъ же году на масляной медвѣдь дралъ на потѣхѣ *жильца* Бориса Ушакова, которому дано на платье больше 6 р. Въ ноябрѣ 1634 г. потѣшалъ государя иноземецъ птичій стрѣлокъ Исакъ Быковской—какъ государь тѣшился медвѣдемъ гонцомъ и его Исая медвѣдь изломалъ и платье на немъ изодралъ. Въ декабрѣ въ селѣ Рубцовѣ бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами человѣкъ б. кн. Б. И. Черкасскаго Гаврила Жуковъ.—Въ генварѣ 1636 г. на дворцѣ бился съ медвѣдемъ стрѣлецъ Гавр. Савельевъ, и медвѣдь его дралъ и кафтанъ изодралъ и голову непробилъ. — Въ ноябрѣ того же года въ селѣ Покровскомъ бился черкашенинъ (малороссъ) Лукашъ Григорьевъ и медвѣдь гонецъ изодралъ на немъ зипунъ да помялъ руку.—Въ маѣ 1637 г. *жилецъ* Алексѣй Зеленой въ селѣ Рубцовѣ боролся съ дворнымъ медвѣдемъ и получилъ за то 4 арш. сукна на 4 р., да на шапку 2 р. Въ сентябрѣ 1641 г. упомянутый выше конюхъ Степанъ Карповъ снова тѣшилъ государя въ селѣ Коломенскомъ медвѣдями гонцами, передъ тѣми медвѣди бѣгалъ, и платье на немъ однорядку и штаны медвѣди изодрали. Конечно, то былъ счастливый бой, когда оканчивался только драньемъ платья; но иногда, какъ мы и выше видѣли, бойцы подвергались разнымъ увѣчьямъ, что обыкновенно обозначалось: медвѣдь его ѣлъ. Такъ въ генварѣ 1619 г дикій медвѣдь ѣлъ коннаго псаря Петрушку, прозвище Горностай. Въ генварѣ же 1626 г. былъ изувѣченъ охотникъ Алексѣй Титовъ—на дворцѣ дикій медвѣдь ѣлъ его за голову и зубы выломалъ. Въ декабрѣ 1636 г. въ с. Рубцовѣ медвѣдь гонецъ изломалъ псовника Вас. Усова и платье на немъ ободралъ.

Изъ этого перечня медвѣжьихъ боевъ видимъ, что ихъ героями нерѣдко бывали жильцы, т. е. люди средняго дворянства, не говоря уже о дѣтяхъ боярскихъ, подключникахъ и другихъ придворныхъ чиновникахъ, принадлежавшихъ къ дворянству мелкой сошки.

Была еще потѣха львиная. Мы видѣли, что львы были привезены въ Москву еще при царѣ Ѳедорѣ Ив. Быть можетъ съ того времени устроенъ и особый львиный дворъ, находившійся у Китайгородской стѣны, гдѣ теперь губернскія присутственныя мѣста. Можно догадываться, что такъ называемая *Яма* (долговая тюрьма) есть именно старое помѣщеніе львовъ или старинный львиный дворъ. При царѣ Михаилѣ въ 1619 году (февр. 8) какой то рязанецъ Гришка Ивановъ вышелъ къ

государю съ звѣремъ со львомъ изъ Кизылбашъ, т. е. изъ Персіи; онъ-ли самъ его привезъ или только сопутствовалъ привезенному оттуда льву, неизвѣстно. Этому льву ноября 3 отпущено на ошейникъ 4½ арш. зеленыхъ суконныхъ покромей. Одно смотрѣнье на такого рѣдкаго звѣря уже доставляло не малую потѣху для государя и его семейства, какъ и для всего общества Москвы. Но левъ участвовалъ иногда и на обыкновенной медвѣжьей потѣхѣ. Въ 1648 г. февр. 29 на государевой потѣхѣ на псаренномъ дворѣ былъ со львомъ звѣремъ ловчаго пути звѣровщикъ Сила Зерцаловъ, и на той потѣхѣ дикой медвѣдь на немъ однорядку изодралъ.

При царѣ Михаилѣ въ Москвѣ появилась и другая рѣдкая потѣха — приведены были слоны. Въ 1625 г. іюня 12 въ селѣ Рубцовѣ—Покровскомъ тѣшили государя на слонѣхъ слоновщики Чанъ Иврашмовъ и Фотулъ Мамутовъ. Въ 1626 г. окт. 31 вѣроятно тотъ же слоновщикъ арапъ Тчанъ и въ томъ же селѣ опять тѣшилъ государя слономъ.

Съ сѣвера нерѣдко самоѣды пригоняли въ Москву оленей, которые также потѣшали царское семейство. Въ 1617 г. олени были пригнаны изъ Кольскаго острогу; въ 1620 г. съ оленями пріѣхала изъ Кольскаго же острогу Канинская и Тіунская Самоѣдь; въ 1643 г. дек. 16 съ живыми оленями пріѣзжалъ Мезенскій самоѣдинъ Вакъ Пургинъ. Можно полагать, что пригонъ оленей былъ чѣмъ-то въ родѣ обычной дани, или обычныхъ даровъ государю отъ самоѣдскаго населенія. Въ 1666 г. самоѣды, которые были присланы съ Кевроли и съ Мезени съ государевыми оленями, Тренка Ившинъ, Былка Марчиковъ, Ядовкъ Соболковъ, Обленисковъ Нодекирповъ, Якунка Облесовъ, на сырной недѣлѣ по указу в. государя ѣздили на оленяхъ на дворцѣ.

Упомянемъ о нѣкоторыхъ особенныхъ зрѣлищахъ, какія изрѣдка служили также увеселеніемъ для государева семейства. Въ 1633 г. іюля 18 поручикъ Анцъ Зандерсонъ и золотаго дѣла мастеръ Яковъ Гастъ тѣшили государя на дворцѣ долгою пикою да прапоромъ и шпагами *поединкомъ*, за что были хорошо награждены, первый, вѣроятно побѣдитель, получилъ 10 арш. камки и сорокъ соболей; второй сорокъ соболей.

Въ 1634 г. осенью (ноября 23) стрѣлецъ Петрушка Ивангородецъ тѣшилъ государя въ селѣ Рубцовѣ, носилъ на зубахъ бревно. Въ 1645 г. марта 28 царицынъ сѣнной сторожъ Микулка Остафьевъ тѣшилъ государя и царевича,—бился съ ду-

ракомъ Исаемъ, за что по приказу царевича (Алексѣя Мих.) ему выдано 4 арш. сукна въ 2 р.

Наконецъ при царѣ Алексѣѣ во дворцѣ явились зрѣлища театральныя. Изгоняя отовсюду скомороховъ и скоморошество, это наше родное или на своей родной почвѣ выращенное произведеніе народной веселости, изгоняя кощунные смѣхи и разные глумотворные спектакли этихъ веселыхъ людей, наша старина, противъ всякаго чаянія со стороны древнихъ домостроевъ, совсѣмъ неожиданно попала на комидійное дѣйство, въ сонмъ такого же глумотворенія, только иначе, по царски устроеннаго, притомъ по происхожденію нѣмецкаго, которому, слѣдовательно, было какъ-то позволительнѣе явиться передъ глазами стараго благочестія. Нѣмцы дѣйствовали свои дѣйства изъ библіи. Казалось, это было дѣломъ невозможнымъ для понятій старины. Но такова была сила общаго движенія нашей жизни, увлекавшая насъ все ближе и ближе къ европейскому міру, ко всѣмъ сатанинскимъ прелестямъ и обаяніямъ, отъ которыхъ столь долго оберегали древнюю Русь ея добродушные домострои. Невозможное, отверженное въ одномъ видѣ, являлось возможнымъ и признаннымъ въ другомъ; и въ то самое время, когда шли горячіе споры даже только о буквахъ Писанія, на дворцовой сценѣ дѣйствовали комически библію. Однакожъ, дѣло не показалось особенно чудовищнымъ, главнымъ образомъ именно потому, что тутъ дѣйствовали нѣмцы, значитъ люди чужіе, иновѣрные, тоже отверженные. Самому русскому какъ-то неестественно было начать такое небывалое дѣло. Да и какъ было осмѣлиться: чтобы сказали и чтобы надѣлали тогда нововводителю крѣпкія власти Домостроя.

Въ силу постояннаго и неутомимаго отрицанія, господствовавшаго въ нашей старой жизни, отрицанія всѣхъ свободныхъ, самостоятельныхъ и самобытныхъ движеній жизни, говоря разумѣется лишь о сферѣ мысли и о сферѣ искусства,—ничто, конечно, общечеловѣческое, не должно было развиться въ ней изъ самобытныхъ источниковъ; ничто не должно было органически пройдти всѣ степени возраста съ зародыша до возмужалости. Страшная изувѣрная опека мысли, какъ и не менѣе страшная, изувѣрная опека чувства, вообще нрава, обычая, опека воли, держала русское общество цѣлые вѣка въ томъ старовѣрческомъ

умственномъ и нравственномъ гнетѣ, въ которомъ невозможны были никакіе свободные самостоятельные шаги впередъ. Такіе шаги могли являться отъ всякаго другаго, только не отъ воспитанника и ученика Домостроевъ. Поэтому самую свободу такихъ шаговъ мы должны были пріобрѣтать у нѣмцевъ, выписывать изъ-за границы; для русскихъ убѣжденій она была развратомъ и потому на русской землѣ могла являться только въ иноземномъ образѣ, который служилъ оправданіемъ всякому явленію, выходящему изъ круга домостроевскихъ понятій, или изъ уровня извѣстной низменности и тѣсноты старинныхъ представленій вообще о свободныхъ и независимыхъ положеніяхъ жизни.

Такъ, въ старое время, у насъ находились въ рукахъ всѣ средства для того, чтобы простымъ, естественнымъ путемъ дойти до своенародной обработки театральнаго зрѣлища. Въ народѣ „скомрашное дѣло“ процвѣтало, въ народѣ жили походячія кукольныя комедіи; дураки-шуты господствовали своими играми во всякомъ зажиточномъ домѣ, самый медвѣдь являлся актеромъ; не говоримъ о разныхъ бытовыхъ чинныхъ дѣйствахъ, гдѣ всякій сколько нибудь важный шагъ превращался въ спектакль, въ зрѣлище. Словомъ сказать, народъ былъ очень расположенъ къ сценическому художеству и въ своей жизни имѣлъ весьма достаточные матеріалы для его устройства по собственному плану, покрайней мѣрѣ по собственному характеру. Недоставало одного, свободы дѣйствія, свободы литературнаго слова, хотя бы и не полной, но только освященной закономъ, чтобъ не казалась эта свобода грѣхомъ и беззаконіемъ. Какъ можетъ что либо правильно выростать и развиваться, если это что либо находится подъ вліяніемъ сознанія, что самое его существованіе есть грѣхъ и беззаконіе; а именно такимъ сознаніемъ и бичевалось старинное наше сценическое дѣло въ народѣ. Оно поэтому и оставалось все время безъ движенія, въ своей первой порѣ, безъ руководящей мысли, которую среди поденнаго низменнаго и презираемаго труда, конечно, выработать не могло. Вотъ почему мы должны были принять комедію, какъ называлось тогда вообще драматическое представленіе, изъ рукъ нѣмцовъ. Мы такимъ же путемъ должны были принять у нѣмцовъ и живопись, талантъ которой какъ былъ данъ намъ въ руки, такъ и оставался не тронутымъ цѣлые вѣка, ибо и отданъ онъ былъ съ строжайшимъ запрещеніемъ

не касаться его въ свободной и независимой обработкѣ. Византія завѣщала намъ въ этомъ отношеніи духъ полнѣйшаго и всесторонняго отрицанія всякихъ свободныхъ дѣйствій въ ходѣ народнаго развитія. Она завѣщала намъ именно борьбу съ свободою развитія, обзывая эту свободу однимъ общимъ, весьма страшнымъ именемъ, ересью. Опасаясь ереси, мы, малолѣтные и потому малосмысленные ученики, съ особеннымъ усердіемъ и зарывали наши народные таланты на всѣхъ путяхъ. Учители послѣ и сами стали порицать и отвергать это усердіе; но здѣсь виноватымъ и упрямымъ оказывался уже народный умъ, неумолимо послѣдовательный въ своихъ выводахъ, которые онъ по необходимости и довелъ до своей крайности, до послѣдней черты, т. е. до явленій, приготовившихъ и вызвавшихъ петровскую реформу, или петровское освобожденіе народныхъ силъ отъ ихъ закрѣпощенія. Каковы были великія послѣдствія этого освобожденія, когда сидѣвшій тридцать лѣтъ сиднемъ русскій богатырь наконецъ всталъ, порасправилъ члены и началъ дѣйствовать, — объ этомъ тотчасъ же стала разсказывать русская исторія, не перестаетъ разсказывать и до сего дня, дождавшись новаго великаго послѣдствія той же свободы.

Въ половинѣ XVII ст. во дворцѣ, какъ и во всемъ высшемъ обществѣ Москвы хорошо было извѣстно, что такое *комедія* и какъ весело потѣшаются сю въ далекихъ земляхъ Европы и даже въ близкой Польшѣ. Въ 1635 г. московскіе послы были на такой потѣхѣ у польскаго короля, а потѣха была: какъ приходилъ къ Іерусалиму ассирійскаго царя воевода Алафернъ, и какъ Юдифь спасла Іерусалимъ [1]. Въ другой разъ въ 1637 г., наши послы отказались было идти въ такую комедію, потому что былъ тамъ папскій легатъ, а они съ нимъ вмѣстѣ, въ равенствѣ, сидѣть не хотѣли. Послы, возвращаясь въ Москву, конечно, въ подробности разсказывали и объясняли, въ чемъ состояли эти комидійныя дѣйства. При царѣ Алексѣѣ одни разсказы дворянина Лихачова и его товарищей о своемъ Флорентинскомъ посольствѣ 1660 г. должны были приводить въ несказанное изумленіе и подивленіе всѣхъ, кому только удавалось ихъ послушать; а первымъ изъ такихъ любопытныхъ былъ самъ царь Алексѣй, впечатлительный и пытливый, который нисколько не былъ чуждъ интересамъ европейскаго быта. Ребен-

---

[1] Исторія Россіи, г. Соловьева, IX, 248.

комъ, онъ самъ уже хаживалъ въ нѣмецкомъ платьѣ и къ нѣмцамъ, полезнымъ для отечества, всегда былъ милостивъ и щедръ.

Во Флоренціи посланникъ Лихачовъ пробылъ слишкомъ мѣсяцъ; видѣлъ тамъ европейскую жизнь лицомъ къ лицу со всякими ея диковинами и дивами, видѣлъ великолѣпныя палаты, роскошные сады, фонтаны, гдѣ безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя капли, а къ солнцу, что камень хрусталь; смотрѣлъ тамъ все; по потѣшнымъ дворамъ и по палатамъ ѣздилъ 8 дней, въ садахъ пробылъ цѣлую недѣлю: а въ садахъ красота и благоуханіе ароматное; а кросоту въ садахъ нельзя описати; да и вообще сознавался, что „много описать неумѣть, потому, кто чего не видалъ, тому и въ умъ непріидетъ." Удивлялся тамошнимъ жарамъ великимъ: каково тамъ о Крещеньи, у насъ на Руси таково и о Ивановѣ дни. Вообще провелъ тамъ время совершенно по европейски и очень весело: былъ на публичномъ рыцарскомъ игрищѣ въ мячъ, былъ даже на балу у Флоренскаго князя, гдѣ было собрано большихъ думныхъ людей съ женами съ 400 челов., и ночь всю танцовали, самъ князь и сынъ и братья и княгиня. Представлялся не разъ княгинѣ и на послѣдяхъ—торжественно, въ присутствіи дѣвицъ и сѣнныхъ боярынь, которыхъ было ста съ два. По просьбѣ княгини для подарка ея новобрачной невѣсткѣ сдѣлалъ ей по русскому обычаю двѣ шубки, одна подъ камкою, другая подъ тафтою, у одной исподъ горностайной, а у другой бѣлій: и вздѣла княгиня на себя и дивилася, что урядно выдѣлали. Замѣтилъ, что тамошнія женщины ходятъ — сосцы голы и на головахъ нѣтъ ничего; между тѣмъ, какъ русскія женщины закутывали себя и почитали великимъ стыдомъ и грѣхомъ опростоволоситься, т. е. вообще носить волосы открытыми.

Къ довершенію многочисленныхъ удовольствій, какія почти каждый день долженъ былъ испытывать нашъ посланникъ, его три раза приглашали въ театръ, въ комедію. Объ одной комедіи онъ оставилъ небольшую записку, въ которой говоритъ: объявилися палаты, и бывъ палата и въ низъ уйдетъ; и того было шесть перемѣнъ. Да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море колеблемо волнами, въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ; и въ верху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на низъ опущаться; подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять въ верхъ же пошли; а тѣ люди которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися въ верхъ, за

тѣми, на небо. Да спущался съ неба же на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ каретѣ; да противъ его въ другой каретѣ—прекрасная дѣвица; а аргамачки (кони) подъ каретами, какъ быть живы, ногами подрягиваютъ. А князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ.—А въ иной перемѣнѣ, въ палатѣ, объявилося поле, полно костей человѣческихъ; и враны прилетѣли и почали клевать кости. Да море же объявилося въ палатѣ, а на морѣ корабли небольшіе и люди въ нихъ плаваютъ.—А въ иной перемѣнѣ объявилось человѣкъ съ 50 въ латахъ, и почали саблями и шпагами рубитися, и изъ пищалей стрѣляти, и человѣка съ три какъ будто и убили. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ-за занавѣса въ золотѣ и танцуютъ. И многія диковинки дѣлали. Да вышедъ малый, почалъ прошать ѣсть, и много ему хлѣбовъ пшеничныхъ опрѣсночныхъ давали, а накормить его не могли".

Кромѣ удивленія, изумленія, восторженной похвалы, посланникъ не высказываетъ никакого сужденія обо всѣхъ этихъ заморскихъ диковинкахъ, не высказываетъ о нихъ своей русской мысли, т. е насколько все это погибельно съ точки зрѣнія древняго благочестія. Онъ ставитъ только факты и свое простодушное изумленіе предъ ними, полное дѣтской наивности. Конечно его описаніе, какъ и самъ онъ говорилъ, представляло только весьма блѣдный очеркъ того, что онъ видѣлъ на самомъ дѣлѣ. Зато, нѣтъ сомнѣнія, его разсказы были полнѣе, изобразительнѣе и возбуждали большое любопытство въ молодомъ царѣ Алексѣѣ, который по своему уму и по своимъ наклонностямъ не могъ, слушая ихъ, оставаться съ однимъ только удивленіемъ. Мы не говоримъ о другихъ подобныхъ разсказахъ другихъ путешественниковъ или знакомыхъ царю иностранцевъ, каковъ напр. былъ Ив. Гебдонъ, игравшій весьма значительную роль по части знакомства съ западомъ. Извѣстно, что вскорѣ, по возвращеніи въ Москву Лихачова, въ шестидесятыхъ же годахъ XVII ст., царь принялся устроивать въ своихъ загородныхъ дачахъ роскошные дворцы (въ Коломенскомъ) и роскошные сады (въ Измайловѣ) со всякими европейскими затѣями. Не могла остаться совсѣмъ покинутою и мысль о театрѣ. Конечно, для исполненія такой мысли требовалось прежде всего живое сочувствіе со стороны семьи; именно отъ самой царицы; но, кажется, первая супруга царя, Марья Ильична, не совсѣмъ благоволила къ по-

добнымъ иноземнымъ затѣямъ. Другое дѣло дворцы и сады, какъ бы они не были роскошны и великолѣпны; объ нихъ никакого запрещенія въ старомъ Домостроѣ небыло. Напротивъ тамъ очень выхвалялась заботливость о хорошемъ хозяйствѣ. Но театральное зрѣлище, по понятіямъ старины все-таки было угодіемъ соблазнительнымъ и погибельнымъ. И надо было, чтобы мысль о немъ совершила должный оборотъ, прожила въ умахъ извѣстное время, когда все въ ней дикое сдѣлалось бы только диковиннымъ. Такое время настало вмѣстѣ со вторымъ бракомъ государя на Нарышкиной. Разсказываютъ (Берхъ), что молодая царица была очень веселаго нрава и весьма охотно предавалась разнымъ увеселеніямъ, а потому царь, страстно ее любившій, старался доставлять ей всевозможныя удовольствія. Матвѣевъ, ея воспитатель, остался руководителемъ и ея увеселеній. Театръ былъ открытъ и на немъ поставлена піеса, объяснявшая въ лицахъ даже соотвѣтственное новой царицѣ положеніе, т. е. пьеса съ намеками на современныя событія царскаго дворца.

Первыя представленія такъ называемыхъ *комидій* явились у насъ въ 1672 г., черезъ годъ послѣ государева брака съ Нарышкиной. Любопытно также, что годъ рожденія въ Москвѣ театра совпалъ съ годомъ рожденія великаго преобразователя нашей жизни, Петра. Въ это время въ Москву прибыли странствующіе нѣмецкіе актеры. Какъ они прибыли, неизвѣстно; но безъ особаго дозволенія или даже и вызова они пріѣхать не могли, потому что для иноземцевъ всюду существовали тогда самыя крѣпкія заставы и сторожи въ лицѣ пограничныхъ воеводъ, которые были обязаны задерживать такихъ путешественниковъ и тотчасъ давать знать въ Москву о ихъ прибытіи. Быть можетъ вызову этихъ актеровъ способствовалъ извѣстный Матвѣевъ, который потомъ и завѣдывалъ всѣмъ ходомъ и устройствомъ этого небывалаго дѣла въ царскомъ дворцѣ. И такъ въ 1672 году странствующая нѣмецкая труппа, вѣрно не очень большая, подъ управленіемъ магистра Ягана Готфрида Грегори находилась уже въ Москвѣ. Рейтенфельсъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ слѣдующее: „въ послѣдніе годы царь (Алексѣй Мих.) позволилъ прибывшимъ въ Москву странствующимъ актерамъ показывать свое искусство и представлять исторію Ассуира и Эсѳири, написанную *комически*". Затѣмъ онъ объясняетъ, какъ вообще началось это невиданное въ Москвѣ дѣло.

„Узнавши, что при дворахъ другихъ европейскихъ государей въ употребленіи разныя игры, танцы и прочія удовольствія для пріятнаго препровожденія времени, царь нечаянно приказалъ, чтобы все это было представлено въ какой-то французской пляскѣ. По краткости назначеннаго семидневнаго срока, сладили дѣло, какъ могли. Въ другомъ мѣстѣ, прежде представленія слѣдовало бы извиниться, что не все въ должномъ порядкѣ; но тутъ это было бы совершенно лишнее: костюмы, новость сцены, величественное слово: *иностранное* и стройность неслыханной музыки, весьма естественно, сдѣлали самое счастливое для актеровъ впечатлѣніе на русскихъ, доставили имъ полное удовольствіе и заслужили удивленіе. Сперва царь не хотѣлъ, чтобы тутъ была музыка, какъ вещь новая и нѣкоторымъ образомъ языческая; но когда ему сказали, что безъ музыки точно также невозможно танцовать, какъ и безъ ногъ, то онъ предоставилъ все на волю самихъ артистовъ. Во время представленія царь сидѣлъ передъ сценою на скамейкѣ; для царицы съ дѣтьми былъ устроенъ родъ ложи, изъ которой они смотрѣли изъ-за рѣшетки или, правильнѣе сказать, черезъ щели досокъ; а вельможи (больше небыло никого) стояли на самой сценѣ. Орфей, прежде нежели началъ пляску между двухъ подвижныхъ пирамидъ, пропѣлъ похвальные стихи царю". Это было въ субботу на масляницѣ. Въ тотъ же день царь увеселялся на Москвѣ рѣкѣ медвѣжьей потѣхою, а ввечеру смотрѣлъ фейерверки.

Мы можемъ принимать этотъ разсказъ Рейтенфельса за извѣстіе о первомъ театральномъ представленіи въ московскомъ дворцѣ, въ чемъ повидимому нельзя и сомнѣваться, ибо комидія была изготовлена на спѣхъ въ одну недѣлю, т. е. въ теченіи той же масляницы, когда обыкновенно позволялись всякаго рода зрѣлища и даже всякаго рода разгулъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду послѣдующія дѣйствія царя относительно устройства этихъ зрѣлищъ, мы относимъ описанный спектакль именно къ масляницѣ 1672 г., когда суббота этой недѣли приходилась 17 февраля. Съ этого дня и должна начинаться исторія нашего театра.

Потѣха, какъ говоритъ Рейтенфельсъ, очень понравилась, и нѣтъ сомнѣнія, что тогда же актеры были оставлены для устройства новыхъ представленій. Наступившій за тѣмъ великій постъ, святая и весеннее время, въ которое царь потѣшался

обыкновенно соколиною охотою, не были удобны для представленія комедій. Между тѣмъ мая 30 государь былъ неизрѣченно обрадованъ рожденіемъ сына, царевича Петра—будущаго преобразователя. Для Нарышкиной, какъ и для всѣхъ ея родныхъ и приближенныхъ, а стало быть и для Матвѣева—это было торжество дѣйствительно неизрѣченное. Въ тотъ же день главные изъ нихъ получили повышенія въ чинахъ и Матвѣевъ вмѣстѣ съ отцомъ царицы пожалованъ въ окольничіе. 2 іюня, въ воскресенье, въ самое заговѣнье на Петровъ постъ, въ Золотой царицыной палатѣ, государь давалъ боярству и дьякамъ родинное пиршество, простое, не чиновное, безъ зову и безъ мѣстъ, т. е. съ устраненіемъ старыхъ чиновныхъ порядковъ столованья. Можно думать, что за этимъ, такъ сказать, кабинетнымъ пиршествомъ, на общемъ веселіи, между разговорами о разныхъ веселостяхъ было вспомянуто и о нѣмецкой комедіи и тутъ же рѣшено устроить комедію во дворцѣ постоянную. И въ дѣйствительности, на третій же день, какъ только отошло пиршество съ неизбѣжнымъ похмѣльемъ, іюня 4 государь „указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедію, а на комедіи дѣйствовать *изъ библіи книгу Эсфирь* и для того дѣйства устроить хоромину вновь“. Вновь здѣсь вовсе не значитъ, что была старая такая хоромина, взамѣнъ которой строилась эта новая. Слово это означаетъ постройку новой особой хоромины, назначаемой исключительно для комедіальныхъ только дѣйствъ. Очень замѣчателенъ самый выборъ пьесы, ибо исторія Эсѳири нѣкоторыми сторонами и особенно общимъ своимъ смысломъ указывала на исторію государева брака съ Нарышкиною. Смыслъ этой исторіи заключается въ томъ, чтобы показать, какъ Богъ низвергаетъ сильныхъ, возвышаетъ униженныхъ и разстроиваетъ всѣ козни враговъ.

Однажды персидскій царь Ассуиръ (Артаксерксъ Долгорукій) во время веселыхъ роскошныхъ пировъ, разгоряченный виномъ, такъ увлекся общимъ ликованьемъ и разгуломъ, что повелѣлъ привести на пиръ свою царицу, чтобы показать ее, какъ красавицу своимъ собесѣдникамъ. Царица, по восточному обычаю, почитая недостойнымъ для себя и унизительнымъ вообще для женской чести явиться среди веселаго мужскаго собранія, отказалась исполнить волю царя-супруга. Оскорбленный публичнымъ непослушаніемъ супруги, Ассуиръ рѣшился развестись съ ней и отдалъ это дѣло на обсужденіе верховнаго совѣта. Царская

Дума представила, что поступокъ царицы подаетъ поводъ и всѣмъ другимъ женамъ не слушаться своихъ мужей, а потому и одобряла намѣреніе царя удалить отъ себя царицу. Вскорѣ былъ обнародованъ объ этомъ и указъ царя; царь было и раскаялся, что строго осудилъ супругу, но было уже поздно, ибо однажды утвержденный указъ по тамошнимъ законамъ почитался неизмѣннымъ. Тогда вельможи предложили ему собрать изъ всего царства всѣхъ прекрасныхъ дѣвицъ и изъ нихъ выбрать себѣ супругу. Невѣсты были собраны и въ числѣ ихъ чудная красавица іудеянка Едисса (мирта). Ее представилъ ко двору одинъ изъ привратниковъ, ея дядя, Мардохей, у котораго по смерти родителей она воспитывалась вмѣсто дочери. На нее и упалъ царскій выборъ. Тогда ей дали новое имя Есфирь (сокровенная). Царь возложилъ на нее вѣнецъ и провозгласилъ своею супругою. Въ это время любимцемъ и временщикомъ у царя былъ нѣкто Аманъ, до того возвеличенный, что по приказанію царя предъ нимъ всѣ должны были преклонять колѣна, когда его встрѣчали. Мардохей, почитая это идолопоклонствомъ, не исполнялъ царскаго повелѣнія и не кланялся гордому временщику. Аманъ разгнѣвался и рѣшился отмстить. Онъ началъ клеветать на Іудеевъ, привелъ ихъ у царя въ немилость и выпросилъ повелѣніе истребить въ одинъ день всѣхъ Іудеевъ во всемъ царствѣ. Назначенъ былъ уже и день. Іудеи трепетали, молились. Мардохей заклиналъ царицу спасти ихъ, умалить царя объ отмѣнѣ указа. Есфирь приняла на себя этотъ подвигъ и достигла цѣли. Своимъ поведеніемъ она такъ умилостивила царя, что тотъ обѣщалъ ей исполнить все, чего она ни пожелаетъ. На первый разъ она пожелала только одного, чтобы царь вмѣстѣ съ Аманомъ пришелъ къ ней на пиръ. На пиру, очарованный супругою. Ассуиръ снова даетъ обѣщаніе исполнить всѣ ея желанія. Есфирь опять проситъ одного, пожаловать къ ней на пиръ съ Аманомъ и на другой день. Аманъ радуется такому благоволенію и еще больше возвышаетъ свою гордость. Одно не даетъ ему покоя—это непокореніе Мардохея, который и съ мѣста предъ нимъ не встаетъ, въ то время, какъ всѣ повергаются на землю при одномъ появленіи временщика. Въ несказанномъ гнѣвѣ, онъ готовитъ іудеянину висѣлицу. Но Богъ хранитъ своего раба. Царь случайно вспоминаетъ заслуги Мардохея и хочетъ его наградить. Онъ спрашиваетъ Амана: какой почести заслуживаетъ человѣкъ, котораго

царь желаетъ наградить? Аманъ принялъ это на свой счетъ и предложилъ царю, что такого человѣка надо облечь въ царскую одежду, возложить на него вѣнецъ, посадить на царскаго коня и провести торжественно по всему городу. Ассуиръ одобрилъ предложеніе и повелѣлъ Аману же все это исполнить для почести Мардохею. Временщикъ никакъ неожидалъ такой развязки, но долженъ былъ покориться. Послѣ церемоніи онъ былъ позванъ на условленный пиръ къ царицѣ, на которомъ Есѳирь получаетъ отъ царя опять тоже обѣщаніе: исполнить все, чего она захочетъ. Тогда царица разсказываетъ своему супругу о замыслахъ Амана въ его же присутствіи. Дѣло кончается тѣмъ, что Аманъ былъ повѣшенъ на той же самой висѣлицѣ, которую готовилъ Мардохею, а всѣ враги Іудеевъ по всему царству были истреблены. Мардохей сталъ любимцемъ царя и заступилъ мѣсто Амана [1].

Особенный драматизмъ всей этой исторіи давалъ легкую возможность составить изъ ея содержанія очень занимательную пьесу для „дѣйства", которую, быть можетъ и сочинилъ придворный учитель Симеонъ Полоцкій, если она тогда же не была переведена съ нѣмецкой или польской уже готовой комедіи. Сколько было тутъ понятнаго, даже родственнаго для тогдашней дворцовой публики и въ положеніи лицъ, и въ ихъ обстановкѣ, и въ ихъ стремленіяхъ.

Если мы припомнимъ исторію царскаго брака на Нарышкиной, стр. 264—271, то увидимъ, что исторія о Есѳири давала довольно намековъ на современныя дворскія отношенія, что роль Есѳири походила на роль царицы Натальи, во время ея избранія въ невѣсты; такъ какъ роль Мардохея на роль ея родственника и воспитателя Матвѣева. Кто указывалъ на Амана, неизвѣстно, но Матвѣевъ прямо могъ думать о Богданѣ Хитрово, царскомъ дворецкомъ и тогдашнемъ любимцѣ царя Алексѣя, какъ это разсказывается записками о такихъ отношеніяхъ его сына, Андрея Матвѣева. Очень понятно, сколько и сама царица Наталья интересовалась представленіемъ такой комедіи.

Комидѣйная хоромина была построена по указу государя въ селѣ Преображенскомъ, разумѣется на государевомъ дворцѣ, въ которомъ такимъ образомъ полагался первый камень преобразованія нашей общественной жизни. Преображенскій дво-

---

[1] Библейско-біографическій словарь, Сбп. 1849.

рецъ, теперь къ сожалѣнію уже не существующій, достоинъ вѣчной памяти за то именно, что въ немъ зачинались почти всѣ общественныя наши реформы, начиная съ мелочей, съ бритья бородъ, и восходя до преобразованія войска. Постройка этого перваго театра была произведена со всѣмъ нарядомъ на счетъ двухъ приказовъ Володимірской и Галицкой Четей, которыми тогда управлялъ Артамонъ Матвѣевъ; стало быть онъ и былъ главнымъ и непосредственнымъ двигателемъ этого дѣла, которое во дворцѣ быть можетъ не всѣми и одобрялось, а потому и исполнялось вдали отъ дворцовыхъ расходовъ. Сохранилась записка о лѣсномъ матеріалѣ, который былъ употребленъ на постройку этой комидѣйной хоромины. Въ дѣло пошло на стѣны 542 бревна въ 4 саж. длиною, что даетъ поводъ заключать, что пространство хоромины было не меньше 30 арш. въ квадратѣ при вышинѣ въ 6 арш. На переводины пошло 25 деревъ по 10 саж. длины и 50 деревъ семисаженныхъ. На полы и потолки -493 доски; для стропилъ 50 деревъ семисаженныхъ и 300 деревъ въ 4 саж. Въ кровли и на внутреннюю отдѣлку 4220 тесницъ. Для дверей и окошекъ 28 колодъ. Внутри устроены рундуки, полкѝ (мѣста амфитеатромъ), лавки и подмости въ ячахъ, т. е. на сценѣ, для рамъ и декорацій. Передъ хороминою былъ устроенъ обширный рундукъ, т. е. помостъ съ входными ступенями. Кругомъ она была огорожена заборомъ съ створчатыми воротами. На всякіе лѣсные запасы вышло больше 1000 руб.—Изъ дворца было отпущено довольно значительное количество червчатаго (краснаго) и зеленаго сукна на уборку новопостроенной хоромины. Октября 27 выдано въ комединную хоромину въ Преображенское на обивку стѣнъ и на мосты (полы) суконъ анбурскихъ половинками, три половинки червчатыхъ, двѣ половинки зеленыхъ да половинка сукна лятчины [1].

Изъ этого указанія видно, что въ концѣ октября хоромина, совсѣмъ уже выстроенная, убиралась или наряжалась на чисто. Кромѣ внутренней уборки сукнами и коврами, для представленій построено было всякое *потѣшное платье* и написаны *рамы*

---

[1] Въ половинкѣ сукна считалось длины отъ 20 и до 40 арш.; шириною сукно бывало въ 2 арш. съ вершками и безъ вершковъ. См. кн. Арх. Ор. Пал. № 390. Подробности постройки этой хоромины сообщены намъ Н. С. Тихонравовымъ въ выпискахъ изъ расходныхъ книгъ Владимірской и Галицкой Чети. См. его же Лѣт. Рус. Лит. кн. V, 28.

перспективнаго письма, т. е декорацій. Безсомнѣнія помянутое дѣйство Есфири въ теченіи ноября до заговѣнъ, т. е. до 14 числа, давалось не одинъ разъ. Играли быть можетъ и другія какія либо небольшія піесы, напр. интермедіи и т. п. нѣчто, въ родѣ теперешнихъ водевилей.

Затѣмъ въ наступившій постъ царь конечно не могъ смотрѣть подобныхъ зрѣлищъ и потому представленія начинаются опять въ мясоѣдъ уже въ генварѣ 1673 года. На время поста театральные уборы, ковры, сукна и всякое потѣшное платье, были вывезены изъ хоромины и сложены въ палату на кремлевскомъ дворѣ боярина Милославскаго, который послѣ его смерти еще въ 1668 году поступилъ въ число дворцовыхъ зданій, хотя все еще по старой памяти именовался дворомъ Милославскаго. Это такъ называемый потѣшный дворецъ, впослѣдствіи Комендантскій домъ. Повидимому комедіи очень полюбились царю Алексѣю, а особенно, быть можетъ, молодой царицѣ. Новый сезонъ примѣчателенъ тѣмъ, что на этотъ разъ для театра было устроено новое помѣщеніе въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ особой *комидійной палатѣ*.

Дѣйствительно, ѣздить зимою въ Преображенскій театръ было далеко и по многимъ причинамъ весьма неудобно. Надо было подниматься всѣмъ дворомъ, со всѣмъ семействомъ ѣхать ночью по сугробамъ сокольничьяго поля, обременять такимъ выѣздомъ весь дворовый чинъ, не говоря уже о состояніи здоровья, а также и о гостяхъ, для которыхъ эта далекая ночная потѣха была бы тоже не совсѣмъ пріятна, тѣмъ болѣе, что приглашеніе къ ней всегда являлось въ формѣ повелѣнія, которое, хочешь не хочешь—надо было исполнить. Такимъ образомъ зимній сезонъ требовалъ театральнаго помѣщенія въ городскихъ дворцовыхъ зданіяхъ, въ Кремлѣ. Распоряженія о театрѣ начались 22 генваря, въ день бракосочетанія съ царицею, который вѣроятно царь хотѣлъ провести весело. Онъ тогда приказалъ „надъ аптекою, что на дворцѣ, въ палатахъ, построить какъ быть комидѣйному дѣйству“.

Нѣтъ сомнѣнія, что или самъ государь или царица думали, что такое дѣло можно сдѣлать скоро, въ одинъ день, чтобъ къ вечеру было и готово. Когда, быть можетъ, объяснилось, что такъ скоро невозможно устроить театръ, въ тотъ же день, 22 генв., былъ отданъ другой приказъ: „хранившіяся въ Кремлѣ театральныя вещи перевезть въ село Преображенское и тамъ

комидѣйную хоромину нарядить по прежнему, чтобъ къ комидѣйному дѣйству генваря къ 23 числу все было готово". Тотчасъ перевезли все надобное на 8 подводахъ и къ наряду купили гвоздья двоетеснаго и однотеснаго и луженаго, также ременья, скобъ, крючья, проволоки желѣзной. Неизвѣстно только, состоялся ли въ назначенное число этотъ преображенскій спектакль. Должно полагать, что онъ былъ отмѣненъ, ибо въ тотъ же день, 23 генв., государь даетъ повторительный указъ, чтобы „надъ приказомъ Аптекарскіе палаты въ полатахъ построить и нарядить, какъ быть комидѣйному дѣйству", и изъ преображенской комидѣйной хоромины перевезть декораціи, рамы перспективнаго писма, въ Москву, въ упомянутыя палаты надъ аптекою, которыя тогдаже и перевезены.

Надо было очень спѣшить, потому что до масляницы оставалась съ небольшимъ недѣля. Постройка комидіи была поручена стрѣлецкому сотнику Данилу Кобылину изъ полка полковника Бухвостова. Изъ стрѣльцовъ же назначены и плотники, 20 челов., а для поспѣшенья велѣно взять и больше, почему и прибавлено еще 5 челов. Они работали пять дней, съ 25 генваря по 29 и даже по ночамъ, для чего куплено 100 свѣчь сальныхъ большихъ за 15 алт. — Какъ все было построено, неизвѣстно. Знаемъ только, что палата была постлана войлоками (47 штукъ), а по нимъ коврами: двери и стѣны обиты также коврами и сукнами; къ связямъ въ сводѣ были привязаны брусья, къ которымъ сукна прибиты; сцену отдѣлялъ особый брусъ съ перилами, на которомъ положены двѣ полстки; было устроено три завѣса на толстой желѣзной проволокѣ и на мѣдныхъ кольцахъ, которыхъ къ новому завѣсу употреблено 60 штукъ; куплено 10 деревянныхъ подсвѣчниковъ, которые были утверждены на доскахъ; куплены также двѣ дубовыя большія скамьи, а изъ Преображенскаго перевезено и особое *мѣсто*, быть можетъ государево; кромѣ того выкрашены голубцомъ какіе-то четыре *балты*. При перевозкѣ изъ Преображенскаго рамъ—декорацій, 36 штукъ, оказалось, что большія и среднія рамы въ двери новой комидѣйной палаты не прошли, почему были перетерты, т. е. разрѣзаны и построены сдвижными съ придѣлкою 100 задвижекъ и 200 скобъ желѣзныхъ. Эти декораціи писалъ и устанавливалъ живописецъ Петръ Гавриловъ Энглесъ.

Между тѣмъ въ Новонѣмецкой слободѣ магистръ Яганъ Гот-
идъ училъ актеровъ къ комидѣйному дѣйству, дѣтей изъ но-
мѣщанской слободы (теперь улицы Мѣщанскія), для чего
атвѣевъ 22 генваря приказалъ ему въ эту школу отпустить
саж. дровъ съ малороссійскаго двора (улица Маросейка).
Неизвѣстно, въ какой день начались представленія въ новой
итральной палатѣ, но вѣроятно уже на масляницѣ, начавшей-
со 2 февраля. Кажется комидія дана была два раза, ибо въ
о время въ два дни перевезено изъ Нѣмецкой Слободы до
орца 60 человѣкъ дѣтей, которые участвовали въ комидѣйномъ
йствѣ; привозили по 30 ч. въ день; это число и должно обо-
ачать всю труппу, бывавшую на представленіи. Кромѣ того
комидіи дѣйствовали и актеры — нѣмцы, Тимоѳей Гасенкрухъ
товарищи, названные игрецами. Оркестръ тоже состоялъ
ъ нѣмцовъ — музыкантовъ и управлялся полковникомъ Нико-
іемъ Ѳанстаденомъ. Всѣ эти нѣмцы были привозимы во дво-
ецъ три раза и слѣд. играли одинъ, третій разъ, какія либо
юи игры, безъ актеровъ-дѣтей. Съ наступленіемъ великаго
юста театръ былъ оставленъ, и возобновился уже весною, по-
ѣ Троицына дня, въ селѣ Преображенскомъ. На другой день
ого праздника, мая 19, царь со всѣмъ домомъ переѣхалъ
да на лѣтнее житье. 22 числа Матвѣевъ приказываетъ „изъ
емлевскихъ палатъ, что на дворцѣ надъ аптекою органы и
мы перспективнаго письма и что есть, какъ было наряжено
я комидѣйнаго дѣйства, все перевезть въ село Преображен-
ое. въ комидѣйные хоромы и тѣ хоромы нарядить противъ
ежняго". Опять на 15 подводахъ повезены были 32 рамы де-
рацій, 9 ковровъ, сукна, скамьи, органы; опять семь человѣкъ
отниковъ съ мастеромъ перспективнаго письма Энглесомъ
тавливали рамы и устроивали все, что было надобно. Сколь-
разъ давались въ это время представленія, неизвѣстно. Но
дѣли черезъ три, 16 іюня, у магистера Ягана Готфрида на-
лось новое ученье комидѣйнаго дѣйства; вновь выбрано было
комедіанты 26 человѣкъ мѣщанскихъ дѣтей, которые и от-
зены къ нему въ школу въ Нѣмецкую слободу на 3 подво-
хъ. Къ осени готовилась новая комедія, о младшемъ Товіи.
октября по царскому указу Матвѣевъ приказалъ выдать „ма-
стру ко исправленію комедіи на платье ангеловъ и на моло-
го Товію и на одѣяніе его спутьшественниковъ" 30 рублей
ь доходовъ Приказа Галицкой Чети. 7 октября Готфридъ день-

ги получилъ, на строенье комедія, какъ онъ упомянулъ въ росписке. 9 октября изъ дворца отпущено въ Преображенское въ комединную хоромину на обивку стѣнъ 216½ арш. суконъ анбурскихъ червчатыхъ. Между тѣмъ еще съ 5 октября государь со всѣмъ домомъ отправился на богомолье къ Троицѣ, нѣсколько позднѣе обычнаго сентябрскаго похода, по той причинѣ, что 22 августа въ пятницу шестаго часа въ 3 чети даровалъ Богъ государю дщерь, царевну Наталью Алексѣевну, и до истеченія срока родиннаго времени царицѣ подняться въ походъ было нельзя. Съ богомолья государь возвратился 26 октября прямо въ Преображенское, гдѣ со всей семьей и оставался до филипповскихъ заговѣнъ, т. е. до 14 ноября. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, 2 ноября, ввечеру государь ходилъ въ комидію, смотрить дѣйства, какъ нѣмцы дѣйствовали [1]. „Вѣроятно, до 14 ноября комидійное зрѣлище повторилось не одинъ разъ. Потомъ въ рождественскій мясоѣдъ слѣдующаго 1674 года мы находимъ комедію опять въ Кремлевскомъ дворцѣ, откуда на масляницѣ во вторникъ 24 февр. онъ, снова перевозится въ Преображенское. Въ этотъ день Матвѣевъ приказываетъ по повелѣнію государя: изъ палатъ (кремлевскихъ), что построены надъ аптекою для комидѣйнаго дѣйства, рамы, ковры, сукна, стулы и всякой нарядъ и органы перевезти для комидѣйнаго же дѣйства въ село Преображенское въ комидѣйные хоромы, наскоро“.

Въ тотъ же день восьмнадцать подводъ повезли въ Преображенское весь этотъ театральный нарядъ, служившій такимъ образомъ убранствомъ и для кремлевскаго театра въ каменныхъ палатахъ и для деревяннаго театра въ преображенскомъ дворцѣ. Туда же тотчасъ вызваны были изъ Москвы придворный органистъ Симонъ Гутовскій, съ учениками, а изъ новонѣмецкой слободы игрецы *Тимофей Гасенкрухъ* съ товарищами и музыканты, которые всѣ и привезены были на 8 подводахъ. Между тѣмъ тогдаже для комидіи былъ купленъ столъ дубовый за 20 копѣекъ. Въ пятницу на масляной 27 февраля комидія была перевезена на 16 подводахъ со всѣмъ нарядомъ и съ органами опять въ кремлевскія палаты *для комидѣйнаго же дѣйства*, ко-

[1] Выходы царей, 563. Указываемая книга выходовъ 7182 г. здѣсь неправильно обозначена 7181 годомъ, отчего и мы прежде ошибочно относили этотъ выходъ въ комидію къ 1672 году. Срав. Дв. Разр. III, 908 и др.

торое по всему вѣроятію въ тотъ же день и представлялось. Съ окончаніемъ масляницы былъ закрытъ и театръ.

Что было въ весенній мясоѣдъ, намъ неизвѣстно. Осенью, въ сентябрѣ, государь справлялъ двѣ семейныя радости: 1 сентября всенародно съ подобающимъ торжествомъ объявлялъ сына царевича Ѳедора Ал. наслѣдникомъ царства, а съ 4 числа праздновалъ новое рожденіе царевны Ѳеодоры. Пиры по случаю объявленія царевича продолжались въ теченіи сентября, 1, 6, 17 чиселъ; потомъ былъ совершенъ обычный походъ къ Троицѣ. Празднованіе родинъ началось съ 1 окт. когда былъ данъ родинный столъ; затѣмъ 4 окт. новорожденную царевну крестили, а 8 былъ крестинный столъ. Въ эти дни для увеселенія дворцоваго общества на дворцѣ была поставлена старинная музыкальная потѣха, которую въ молодости во время первой своей свадьбы царь Алексѣй было отвергъ, какъ бѣсовское угодіе. Снова явились трубачи, накрачеи, сурначи, литаврщики, набатчики, которые принадлежали собственно къ военнымъ хорамъ, и быть можетъ по особенной торжественности или громозвучности своей музыки потребованы на этотъ разъ и для увеселенія дворца. Затѣмъ развеселившійся государь 21 октября созвалъ къ себѣ въ потѣшные хоромы на вечернее кушанье все боярство съ нѣкоторыми дьяками и даже съ своимъ духовникомъ и угостилъ гостей на славу, водками, ренскимъ, романеею и всякими разными питіями: пожаловалъ ихъ своею государскою милостію, напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ. Во время пира, который продолжался почти до 6 часовъ другаго дня, изволилъ государь себя тѣшить всякими игры, и его тѣшили и въ органы играли, а игралъ въ органы нѣмчинъ; и въ сурну и въ трубы трубили и въ суренки играли и по накрамъ и по литаврамъ били—во вся. Пиръ былъ въ полномъ смыслѣ предшественникомъ пировъ петровскихъ. Само собою разумѣется, что не одною же музыкою потѣшался государь; вѣроятно ее сопровождали и другія всякія игры. Послѣ этихъ кремлевскихъ увеселеній, справивъ подобающимъ чиномъ родительскую Димитровскую субботу поминовенія умершихъ, государь на другой день, 25 окт., выѣхалъ со всѣмъ домомъ въ село Преображенское и оставался тамъ до 13 декабря, потѣшаясь время отъ времени соколиною охотою, комидіями и выѣздами въ близь лежащіе загородные дворцы, въ Измайлово, въ Алексѣевское (см. выше стр. 390).

Нѣмецкія комидѣйныя потѣхи даны были на преображенскомъ театрѣ три раза во время мясоѣда. Въ первый разъ была „комидія какъ Олаферна царица царю голову отсѣкла, т. е. Юдифь, та самая, которую наши послы въ 1634 г. смотрѣли во дворцѣ у польскаго короля; — тѣшили в. государя иноземцы и на органахъ играли нѣмцы да люди дворовые боярина Артем. Серг. Матвѣева. Съ государемъ были въ комедіи бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки, ближніе люди всѣ, и стольники и стряпчіе. А которыхъ бояръ окольничихъ, думныхъ дворянъ и ближнихъ людей не было въ походѣ, т. е. въ Преображенскомъ, и за ними были посланы нарочные съ указомъ быть непремѣнно въ Преображенскомъ, т. е. въ театрѣ.

Другая комедія была Есфирь: *какъ Артаксеркся велѣлъ повѣсить Амана по царицыну челобитью и по Мардохеину наученью*. Въ комидіи съ государемъ была царица, царевичи и царевны — все семейство, а также бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки, ближніе люди; стольники и *всякихъ чиновъ люди*. Тѣшили государя и публику нѣмцы же да люди боярина Матвѣева — и въ органы играли и на фіоляхъ и въ страменты и танцовали.

На заговѣнье ноября 14, была снова потѣха, а тѣшили в. государя иноземцы, нѣмцы да люди боярина А. С. Матвѣева, на органахъ, и на фіоляхъ и на страментахъ и танцовали и всякими потѣхами розными (тѣшили).

Въ зимній мясоѣдъ 1675 г. въ четверкъ на масляницѣ, 11 февраля, была комидія, вѣроятно въ Кремлѣ. Тѣшили в. государя тѣже дѣйствующія лица, иноземцы да люди б. Матвѣева, всякими розными играми; началась комидія въ пятомъ часу ночи или въ десятомъ по нашему счету, *отошла* комидія до свѣта за три часа, слѣд. въ пятомъ часу по полуночи и продолжалась, стало быть около *семи* часовъ. Весенній мясоѣдъ и все лѣто государь со всѣмъ домомъ прожилъ на Воробьевыхъ горахъ; оттуда перешелъ въ с. Коломенское и потомъ уже 9 ноября въ Преображенское, гдѣ и жилъ по 15 декабря, изрѣдка дѣлая выѣзды въ Москву. Быть можетъ между 9 и 14 ноября въ окончаніе мясоѣда и дана была какая либо комедія по примѣру предыдущаго года.

Подтвержденіе этому находимъ у Лизека, который пишетъ слѣдующее: чрезъ нѣсколько дней послѣ нашего отъѣзда (7 ноября, если принять русскій стиль), нѣмецкіе комедіанты имѣли представлять комедію, которая, какъ они увѣряли, доставитъ

большое удовольствіе царю, если только въ ней будетъ участвовать одинъ изъ нашихъ слугъ. Это былъ балансеръ, заслужившій своими шутовскими и ловкими дѣйствіями всеобщее удивленіе, особенно русскихъ, которые единогласно рѣшили, что онъ чародѣй и морочитъ добрыхъ людей бѣсовскою силою. Въ самомъ дѣлѣ, надъ его фокусами нужно было призадуматься. Напримѣръ: онъ перекреститъ нѣсколько разъ ножи, и они сами собою поднимаютъ вѣнки и деньги. Какъ мы ни присматривались къ его штукамъ, но никакъ не могли отгадать причины странныхъ явленій. Нѣмцы и нѣкоторые изъ русскихъ просили пословъ (цесарскихъ) оставить его въ Москвѣ, пока онъ покажетъ свое искусство царю и царицѣ; но желаніе ихъ не было исполнено. По отъѣздѣ нашемъ, слухъ дошелъ до царя, и онъ тотчасъ послалъ въ слѣдъ за нами генерала Менезіуса, бывшаго нѣкогда посломъ въ Вѣнѣ и Римѣ съ переводчикомъ, чтобы воротить въ Москву нашего слугу — фокусника. На третій день они догнали насъ въ почтовыхъ саняхъ, и объяснивъ желаніе царя, просили отпустить сказаннаго слугу, и увѣряли, что царь отдаритъ его щедро и тотчасъ отпуститъ назадъ. Послы предоставили ему на волю. Онъ воротился въ Москву, въ царскихъ палатахъ два раза показывалъ свои фокусы и удивилъ царя и царицу. Къ намъ онъ примкнулъ въ Вистервицѣ въ Моравіи, промотавши все, что подарилъ царь".

Въ зимній мясоѣдъ 1676 года царь заболѣлъ и 30 генваря скончался. Театральныя представленія должны были остановиться на долгое время.... Вскорѣ и главный директоръ этого перваго театра бояринъ Матвѣевъ въ томъ же году подвергся царской опалѣ и наконецъ ссылкѣ. Потерявъ такую важную опору нѣмецкая труппа удалилась вѣроятно во свояси. Люди Матвѣева также частію были разосланы по деревнямъ или же поступили къ новымъ помѣщикамъ. Такимъ образомъ только что возникшая комидія упразднилась сама собою. Но если зрѣлища, въ теченіи четырехъ лѣтъ утѣшавшія государя и дворъ, прекратились, то все таки они не могли пройдти безъ слѣда собственно для народа, покрайней мѣрѣ для московскаго общества, въ низменныхъ его слояхъ, откуда по большой части выбирались актеры и статисты для царскихъ комидій. Зрѣлища прекратились, но осталась мысль, что онѣ позволительны, что въ нихъ нѣтъ особаго грѣха, какъ учили люди Стоглава и Домостроя, ибо и самъ великій государь со всѣмъ своимъ государскимъ до-

комъ, со всею боярскою Палатою и даже съ людьми всякаго чина свободно потѣшались комедіями, интермедіями, и всякими подобными играми и своимъ присутствіемъ на этихъ играхъ какъ бы освящали ихъ гражданство въ ряду всѣхъ другихъ не отреченныхъ народныхъ увеселеній; оставалась, однимъ словомъ, мысль, что можно продолжать такія зрѣлища собственными средствами. Съ этого времени нѣмецкая комидія свила такъ сказать гнѣздо въ московскомъ обществѣ. Такимъ гнѣздомъ были ея ученики, молодежь изъ мѣщанства и подьячества.

Какъ только, еще въ 1672 году, магистръ Яганъ Готфридъ Грегори получилъ приказаніе поставить на Преображенской сценѣ книгу Есфирь, то безсомнѣнія тогда же и образовалась театральная школа. Ученики или актеры, какъ мы видѣли, набраны были изъ мѣщанскихъ, а отчасти и изъ подьяческихъ дѣтей; изъ мѣщанскихъ Новомѣщанской слободы потому, что эта слобода была вновь населена большою частію выходцами изъ западнаго края, которые поэтому и на комидіи смотрѣли другими глазами, болѣе свободными, чѣмъ коренные москвичи, кровные дѣти стараго Домостроя, т. е. окрѣпшей во всякихъ запрещеніяхъ древнерусской культуры. Въ коренныхъ москвичахъ произошло бы отъ такихъ выборовъ великое мнѣніе и смущеніе, а потомъ пожалуй и возмущеніе, ибо къ тому все готовилось въ виду борьбы староверства съ разными новинами. Должно быть ученики набирались и во всякое время, смотря по тому, сколько новыхъ актеровъ или статистовъ требовала поставляемая вновь пьеса. Впрочемъ постоянное число ихъ въ первое время доходило кажется только до 30 человѣкъ. Положеніе этихъ маленькихъ актеровъ было вообще незавидно. Они сначала не получали за свое ученье даже кормовыхъ денегъ. Въ 1673 г. одинъ изъ нихъ подьячишка Васка Мешалкинъ съ товарищами [1] подали государю челобитную, въ которой объясняли: „отослали насъ (въ іюнѣ съ 16 числа 1673 г.). холопей твоихъ, въ Нѣмецкую слободу, для наученія комидѣйнаго дѣла къ магистру къ Ягану Готфрету, а корму намъ ничего неучинено; и нынѣ мы, *по вся дни ходя* къ нему магистру и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапожишками обносились, а пить-ѣсть нечего

---

[1] Изъ числа товарищей—комидіантовъ еще извѣстны по росписямъ въ полученіи денегъ: Лука Степановъ, Тимошка Максимовъ, Родка Ивановъ, Николай Ивановъ.

и помираемъ мы голодною смертію. Милосердый государь! вели намъ поденной кормъ учинить, чтобъ будучи у того комедійнаго дѣла, голодною смертію не умереть". По этой челобитной велѣно имъ выдать кормовыя деньги съ 16 іюня, какъ они поступили въ ученье, по грошу въ день человѣку, т. е. по 4 деньги, съ разрѣшеніемъ выдавать по стольку же во все время, покамѣстъ въ ученьи побудутъ, но однакожъ *съ свидѣтельствомъ*, т. е. съ аттестаціею магистра объ ихъ успѣхахъ и стараніи [1].

Успѣхи и стараніе этой малолѣтной русской труппы засвидѣтельствованы самыми пьесами, которыя она время отъ времени представляла государю. Изъ случайныхъ замѣтокъ въ современныхъ дворцовыхъ запискахъ мы уже знаемъ, что на дворцовой сценѣ даны были комедіи: 1) Есфирь, 2) Юдифь, 3) Товія младшій. Но репертуаръ этимъ не ограничился. Сохранилось въ рукописяхъ еще нѣсколько комедій, игранныхъ въ тоже время, о чемъ положительно говорятъ ихъ *прологи* или предисловцы, и эпилоги, которыми всегда открывалось и закрывалось дѣйство, и которые обыкновенно восхваляютъ царя Алексѣя. Таковы: 4) малая *прохладная* комедія о Іосифѣ, т. е. о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ; 5) малая комедія Баязетъ; 6) о Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ пещи сожженныхъ. Затѣмъ къ тому же времени должно отнести: 7) комедію о Блудномъ сынѣ; напечатана въ Москвѣ въ 1685 г. съ картинками, по образцу лубочныхъ сказокъ; 8) исторію о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ премудромъ, составленную по книгѣ царствъ, а быть можетъ и по изложенію хронографа; 9) Алексѣй, человѣкъ Божій, діалогъ въ честь царя Алексѣя. „Представленъ въ знаменіе вѣрнаго подданства чрезъ шляхетскую молодь студентскую въ коллегіуму кіево-могиланскому на публичномъ діалогѣ". Напечатана, въ Кіевѣ 1674 г., февраля 22.

Комедіи 6 и 7, писаны стихами и принадлежатъ перу Симеона Полоцкаго. Много вѣроятнаго, что и первыя 5 комедій переведены, а иныя быть можетъ передѣланы или и составлены имъ же. Онъ былъ придворнымъ учителемъ, риторомъ и піитомъ, и знатокомъ иностранной, именно свѣтской и особенно польской литературы, откуда легче всего было черпать покрайней мѣрѣ образцы для первыхъ драматическихъ или какъ тогда говорили комидѣй-

[1] Врем. кн. 24, 7,—Лѣт. Рус. Литер. V, 30.

ныхъ сочиненій. Другому не кому было и поручить такого новаго дѣла. Упоминается еще о комедіи Темиръ-Аксаково дѣйство, которая была въ Верху у государя, но была ли поставлена на сцену неизвѣстно, какъ замѣчаетъ г. Соловьевъ (Исторія XII, 171). По всему вѣроятію это та самая комедія, которая названа Баязетомъ. По свидѣтельству г. Пекарскаго, она „написана въ 4 дѣйствіяхъ, въ которыхъ есть всѣ театральные эффекты и ужасы, сраженія, убійства и т. п.“ Дѣло идетъ между Баязетомъ и Тамерланомъ, союзникомъ Палеолога, и слѣд. защитникомъ христіанъ. Въ лицѣ Баязета выведена самонадѣянная гордыня „На сценѣ происходитъ сраженіе; Тамерланъ остается побѣдителемъ и является въ битвѣ на конѣ, къ нему приводятъ побѣжденнаго Баязета въ клѣткѣ, гдѣ онъ и разбиваетъ себѣ голову. Въ пьесѣ есть шутовскія сцены; шутъ называется по голландски Пикель-Гярингомъ; помѣщены также и веселыя пѣсни“ [1].

Комедія Юдифь, библейскій сюжетъ которой достаточно извѣстенъ, принадлежитъ къ числу переводныхъ и нѣтъ сомнѣнія къ числу первыхъ, представленныхъ при царѣ Алексѣѣ, ибо въ ней проходитъ тотъ же драматическій мотивъ, что и въ Есѳири. Она заключается торжествомъ утѣсненныхъ и уничиженныхъ Іудеевъ, выставившихъ на стѣнахъ своего города главу высокомѣрнаго Олоферна и провозгласившихъ всенародно: „Здѣ виситъ яростная глава того мучителя, знаменующе, яко Господь Богъ гордымъ противляется, смиреннымъ же даетъ благодать“. Комедія сочинена въ семи *дѣйствахъ*, а дѣйства распредѣлены на *сѣни*, явленія, всего 29 сѣней и одно *междосѣніе*, послѣ третьяго дѣйства. Все первое дѣйство, 4 сѣни, происходитъ у Ассиріянъ, готовящихся наказать Іудеевъ за непокорность. Второе—въ 3 сѣняхъ, печаль и сѣтованія Іудеевъ, самохвальство Олоферна и радость его солдатъ, что началась война и имъ стало житъ хорошо и привольно, да и прибыточно, потому что грабежъ, разбой—военное дѣло. Третье, 5 сѣней съ междосѣніемъ, идетъ въ перемежку, то у Іудеевъ, пребывающихъ въ страхѣ и въ печали; то у Олоферна, продолжающаго возноситься и презирать даже благоразумные совѣты одного изъ своихъ воеводъ. Въ томъ же порядкѣ идутъ и 3 сѣни четвертаго дѣйства, въ концѣ котораго является Юдифь. Пятое дѣйство, въ 5 сѣняхъ

[1] Наука и Литература при Петрѣ I, 407.

идетъ также въ перемежку между сценами печали и молитвы у Іудеевъ и сценами солдатскаго пира въ станѣ ассиріянъ, и солдатскаго плѣна, т. е. вообще солдатскими сценами, грубыми, цинически шутливыми. Шестое дѣйство. 5 сценей, продолжаетъ перемежку сценъ Юдиѳи и Олоферна и оканчивается, для остановки въ интересномъ мѣстѣ, шутливою казнью у Іудеевъ плѣннаго солдата. Точно также идетъ и седьмое дѣйство, то у Олоферна, то у Юдиѳи, оканчиваясь ея торжествомъ.

Все дѣйствующее общество главнымъ образомъ является въ трехъ видахъ. Одни, царь Навуходоносоръ, а затѣмъ главное лицо Олофернъ съ воеводами изображаютъ непомѣрную гордыню, высокомѣріе и самовосхваленіе; для большаго блеска этихъ качествъ введенъ Ахіоръ, мужъ правды и благоразумія, за что потомъ и страдаетъ. Другіе—Іудеи, первосвященникъ, старѣйшины и пр., изображаютъ печаль угнетенія, смиреніе и надежду на милосердіе Божіе: третьи—ассирійскіе солдаты, равно и служанка Юдиѳи представляютъ грубые, своекорыстные и циническіе интересы простонародья и солдатства. Поэтому въ этомъ послѣднемъ видѣ сосредоточивается и все комическое этой комедіи или собственно драмы, т. е. все шутовское, ибо такъ комическое въ то время понималось. Нельзя сказать, чтобы представленная здѣсь характеристика солдатства рисовала только польское войско: здѣсь общими чертами обозначено солдатство, какимъ оно было въ XVII ст. во всей Европѣ, даже и съ подсмѣиваніемъ надъ жидами по поводу свинаго мяса. Вообще во всей комедіи ничего не видно особенно польскаго, какъ и особенно нѣмецкаго, за исключеніемъ названій чиновъ: гетманъ, войсковой маршалокъ, поручикъ, ротмистръ, бурмистръ, которые могутъ указывать лишь на западно-русское происхожденіе переводчика, какъ и выраженія: укусъ-вкусъ, ходи брате; но онъ же называетъ палача мейстеръ-инкелемъ, а храмы языческіе мечетями. Затѣмъ остается столькоже намековъ на старые русскіе нравы и русскія бытовыя положенія: подарокъ переводится поминкомъ, офицеры—сотниками. Когда передъ висѣлицею прощается съ жизнію солдатъ, шутъ Сусакимъ, то говоритъ между прочимъ:» Простите вы благородные сродники мои изъ питерыхъ чиновъ: ярыжки, чуры, трубочистники, бренія возники и благородные чины духовные, иже при церкви просящею милостынею питаются". Должно полагать, что комедія нѣкогда принадлежала общеевропейской средне-

вѣковой литературѣ откуда перешла въ Польшу, а потомъ и въ Москву. Нѣтъ сомнѣнія, что переводчикомъ былъ Симеонъ Полоцкій.

Цвѣты остроумнаго и смѣшнаго заключаются въ томъ, что тотъ же Сусакимъ, когда ему лисьимъ хвостомъ, вмѣсто меча, отрубили будто бы голову, въ испугѣ думаетъ, что дѣйствительно умеръ; опомнившись, разсказываетъ, какъ мнится ему, что „животъ его отступилъ изъ нутреннихъ потроховъ въ правую ногу, а изъ ноги въ гортань и правымъ ухомъ вышла душа", потомъ, приходя въ себя, собираетъ раскиданное вокругъ платье токмо незнаетъ, гдѣ его глава, вездѣ ищетъ главы своея и затѣмъ обращается къ публикѣ, прося отдать ему голову, если кто изъ любви и пріятства скрылъ ее, и т. д. Когда Юдиѳь совершила свой подвигъ и отдавая служанкѣ Абрѣ голову Олоферна, торопитъ ее спѣшно идти, бѣжать скорѣе, та заключаетъ самое дѣйство слѣдующимъ замѣчаніемъ: „что же тотъ убогій человѣкъ скажетъ, егда пробудится, а Юдиѳь съ главою его ушла?"

Комическое болѣе тонко проведено въ этой послѣдней 3 сѣни VII дѣйства въ разговорахъ между Олоферномъ и Юдиѳью, гдѣ замысловато поставлена игра двухъ стремленій: распаленный виномъ Олофернъ изъясняется предъ Юдиѳью въ любви; та даетъ отвѣты согласія, утверждающіе главнымъ образомъ ея завѣтную рѣшимость лишить его жизни. Сѣнь открывается заздравнымъ кубкомъ Олоферна въ честь Навуходоносора. Въ это время появляется Юдиѳь.

Одидъ. Велеможный Олофернъ! Зри, какая сѣмо приходитъ пресвѣтлая звѣзда!

Олофернъ. Истинно богиня нѣкая еврейская та нарещися можетъ. (Вагавъ проситъ или сапоги, или саблю, хочетъ бѣжать или главы лишиться). *Олофернъ.* Что глаголеши глупче?

Вагавъ. Азъ мнѣ тому достойно быти, да глава ему отсѣчена будетъ, иже отъ таковы прекрасавицы бѣжалъ или устрашился ея.

Олофернъ. Кому бѣжати или устрашитися? Никако! Но пріятствую, да сея нощи главу свою на лонѣ ея держу.

Юдифь. Милостивый господине! Богъ сіе желаніе твое исполнити можетъ.

Олофернъ. О! садися побѣдительница храбрости моея, обладательница сердца моего! Садися возлѣ мене, да яси и піеши со мною, веселящися; ибо яко ты едина мое непобѣдимое велико-

душіе обладала еси, тако нмаши милость мою сама ни чрезъ кого же иного совершенно употребляти.

Юдифь. Ей, господине мой! азъ возвеселюся усердственно; никогда же еще такой чести воспріяхъ (Здѣ она оглядывается и говоритъ:) Абра? дай ми ѣству, юже про мене уготовила еси (Здѣ тихо говоритъ:) Да не отходиже прочь ни пяди; слышишь ли?

Абра (даетъ ей ѣству и молытъ:). Гдѣ мнѣ отходити, собаки бы мя заѣли.

Олофернъ. О вы мои воины! пію же къ вамъ про здравіе сея красавицы, яже впредь еще асиріемъ заступленіе быти имать.

Сисера. Ей истинно Новуходоносоръ великій нарицается богъ Юпитеръ, ты же Олофернъ еси Марсъ; чѣмъ же ассирійское небо возможетъ лучше украшено быти яко сицевымъ прекраснымъ солнцемъ?

Вагаев. Тогда же азъ Меркуріемъ буду, понеже сію богиню Венусъ къ Марсу привелъ есмь.

Абра (говоритъ отай:). Азъ же хотя малою планетою буду у печи.

Всѣ пьютъ за здравіе прекрасной Олоферна. Юдифь проситъ не называть ее такъ, потому что она только раба Олоферна. Олофернъ объясняетъ ей, что она уже не раба его, а повелительница. ибо прехрабрѣйше его учинилась; онъ еще ни единожды не приступалъ къ городу, а она, преизрядная гражданка, уже Олоферновымъ сердцемъ обладаетъ.

Юдифь. Ей воистину! Когда бы, милости твоея сердце въ владѣніи своемъ имѣла, тобы почитала, яко весь свѣтъ себѣ въ свойство получихъ.

Олофернъ. Къ сицевому полученію бози тя сея нощи сподобятъ.

Юдифь. Благоволеніе Божіе съ надеждою моею да исполнится.

Олофернъ. Не зриши ли, прекрасная богиня! яко сила красоты твоея мя уже отчасти преодолѣваетъ; смотрю на тя, но уже и видѣти не могу, хощу же говорити, но языкомъ... (Здѣ онъ говоритъ яко пьяный) больши пророщи не могу.... Хощу, хощу, но не могу же; не тако отъ вина, яко отъ силы красоты твоея азъ низпадаю....

По этому отрывку можно судить и о свойствахъ языка комедіи, неимовѣрно тяжелаго и большею частію темнаго, особенно въ разглагольствіяхъ и разсужденіяхъ, которыми до

чрезвычайности растягивается и замедляется ходъ пьесы. Въ видахъ придать ей нѣкоторое оживленіе, сверхъ шутовскихъ сценъ, внесено и нѣсколько пѣсенъ. Такъ послѣ 3 дѣйства, въ междосѣніи поютъ зѣло жалобно каждый свой стихъ плѣнные царп; въ 5 дѣйствѣ, сѣнь 2, поютъ веселую пѣсню пирующіе солдаты; а въ концѣ пьесы поютъ торжествующую пѣснь освобожденные Іудеи. Пѣснь солдатъ отличается даже нѣкоторою легкостью стиха. Орипъ поетъ:

О братья наша!
Не печалитесь,
Ниже скорбите,
Но веселитесь,
Кто вѣсть, кто изъ насъ утрѣ въ живыхъ будетъ?
Смѣло дерзайте,
Пока живете;
Не сомнѣвайтесь,
Но веселитесь,
До коихъ мѣстъ сердце въ тѣлѣ живетъ.

Вообще должно замѣтить, что тяжесть мудрыхъ нравоучительныхъ и разсудительныхъ разглагольствій, какими всегда наполнялись комедіи, хорошо чувствовалась ихъ составителями или переводчиками и потому необходимою принадлежностью тогдашняго зрѣлища являлась всегда интермедія, нѣчто подобное теперешнему фарсу или дивертисменту. Такъ сочинитель комедіи о Блудномъ сынѣ въ ея прологѣ говоритъ, что раздѣлилъ пьесу на 6 частей и послѣ каждой части, нѣчто примѣсихомъ, утѣхи ради, потому что все стужаетъ (надоѣдаетъ), что едино безъ премѣнъ бываетъ". Примѣсилъ же онъ къ комедіи пѣніе, играніе на органахъ и intermedium.

О комедіи Алексѣй Божій Человѣкъ, мы упоминаемъ послѣ всѣхъ другихъ по той причинѣ, что очень сомнѣваемся была ли она представлена, „въ присутствіи Алексѣя Михайловича при Московскомъ дворѣ [1]. На это не находимъ доказательствъ ни въ самой пьесѣ, ни въ извѣстіяхъ о первыхъ нашихъ театральныхъ зрѣлищахъ. Вѣрно только то, что она играна студентами въ Кіевѣ въ 1673 году, „въ знаменіе вѣрнаго подданства, и въ честь царю Алексѣю". Въ сущности это было вос-

[1] Лѣтп. Р. Литер. г. Тихонравова, V, 33, срав. Наука и Литер. г. Пекарскаго, I. 394.

хваленіе и прославленіе Московскаго царя. Въ Москвѣ же играть эту пьесу не было достаточныхъ поводовъ и едва ли бы царь Алексѣй согласился поставить на сцену своей комедійной хоромины личность своего тезоименитаго ангела, котораго житіе читалось благоговѣйно только на царскихъ именинныхъ трапезахъ. Комедія неудобна была для Москвы и особенно для царскаго дворца даже и по языку, испещренному не только южнорусскими, но во многихъ мѣстахъ и польскими реченіями. Еслибъ она была играна въ Москвѣ, то непремѣнно ее передѣлали бы на московскую рѣчь, разумѣется книжную, какою отличаются всѣ остальныя комедіи. Однимъ словомъ въ Москвѣ она была бы наряжена въ московскій костюмъ и самыя сцены были бы названы не *нахожденіями*, а *сѣнями*, какъ онѣ назывались даже и въ послѣдующее, уже петровское время.

Намъ кажется, что одною изъ первыхъ комедій представленныхъ въ Москвѣ, въ присутствіи государя, была комедія *Баязетъ*. Въ ея эпилогѣ актеры говорятъ царю слѣдующее: „Какъ древле пали всѣ снопы предъ единымъ снопомъ Іосифа, кланяясь, такъ и мы падаемъ на землю предъ царскимъ вашимъ величествомъ. Но что можетъ значить нашъ поклонъ предъ величествомъ и милосердіемъ вашимъ? Однакожъ, какъ нѣкогда великій Александръ, царь Македонскій, сосудъ студеной воды принялъ въ даръ отъ одного изъ рабовъ своихъ, предпочтя оный другимъ золотымъ жертвамъ, такъ и мы, уповая на превысокую милость в. ц. в., припадаемъ паки смиренно къ подножію вашего престола, униженно моляще, да благоволитъ в. ц. в. „*сію малую и вскорѣ сотворенную комедію отъ насъ, яко еще неискусныхъ и несмышленныхъ отрочатъ* всемилостиво воспріяти“. Такъ могли говорить только тѣ Русскіе ученики—комедіанты, съ которыми ставилъ комедіи магистръ Яганъ. Въ другой комедіи о Іосифѣ они тоже засвидѣтельствовали свою работу, объясняя, что *паки* (опять) *малую*, прохладную о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ комедію въ дѣйствѣ о Іосифѣ въ пречестные очи (царя) предпоставити умыслили и не отчаяваются, что обычная милость государя окажетъ свое благоизволеніе и къ этому *дѣтскому дѣйствію* ихъ (во всемилосердомъ пресмотрѣніи дѣтскаго дѣйствія нашего проводите оное благоизволите). Есть намекъ объ отрочествѣ артистовъ и въ *жалобной комедіи* о грѣхопаденіи Адама и Еввы, гдѣ они именуютъ себя *человѣческими отроками*: и смиренно

молятъ царя о прощеніи, что *нынѣ* при потѣшныхъ радостныхъ комедіяхъ и едину малую *жалобную комедію*, т. е. объ Адамѣ и Еввѣ, примѣшали. Радостными комедіями безсомнѣнія названы тѣ, гдѣ торжествуетъ добродѣтель, т. е. вѣра въ Бога, смиреніе и т. д, каковы напр. Есѳирь, Юдиѳь, Товія, Баязетъ. Въ паденіи Адама, въ торжествѣ грѣха, конечно, кромѣ жалости, никакой радости быть не можетъ, вотъ почему она и отличена отъ другихъ комедій именемъ *жалобной*.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, продолжались ли театральныя зрѣлища при царѣ Ѳедорѣ Ал. и въ правленіе царевны Софіи. Можно полагать, что въ осенній мясоѣдъ 1679 г., когда молодой царь неоднократно выѣзжалъ въ Преображенское, тамъ въ ряду обычныхъ веселостей могли быть представляемы и комедіи. Вообще же время Ѳедора, какъ особенно время Софіи, не было благопріятно для подобныхъ утѣхъ. Еще по смерти царя Алексѣя царская семья разрознилась, раздѣлилась на двѣ враждебныя стороны, посреди ея шла постоянная темная смута и ненависть; притомъ, именно та сторона (Нарышкины), которая наиболѣе благопріятствовала европейскимъ новинамъ, съ каждымъ днемъ все больше теряла свою силу и власть; другая сторона, забиравшая эту власть въ свои руки, въ лицѣ своихъ дѣятелей числила очень многихъ ревнителей стараго благочестія да и сама стремилась утвердить свое значеніе на особомъ уваженіи къ его порядкамъ и формамъ. Правила же стараго благочестія совсѣмъ отвергали не только упомянутыя утѣхи, но и малѣйшее отступленіе отъ укрѣпившихся обычаевъ. Все это мало способствовало тому, чтобы во дворцѣ поддерживались Алексѣевскія нѣмецкія потѣхи—комедіи, какъ увеселенія общія, общественныя для дворца.

Однакожъ достаточно распространилось, и утвердилось, какъ фактъ, мнѣніе, что „въ теремахъ просвѣщенной европейскимъ ученіемъ царевны Софіи Ал. представляли не только духовныя трагедіи, написанныя другими, но и собственныя ея сочиненія и переводы; что она сама въ представленіи участвовала съ приближенными боярышнями и царедворцами". „Мнѣ извѣстно по семейнымъ преданіямъ, писалъ кн. А. Шаховской, что прабабка моя Татьяна Ивановна Арсеньева, боярышня царевны Софіи Алексѣевны, представляла лицо Екатерины Мученицы въ трагедіи, написанной самой царевной (такъ она сказывала своей дочери, а моей бабкѣ), и что Петръ Великій, бывая всегда при-

театральныхъ зрѣлищахъ въ теремахъ своей сестры, прозвалъ Татьяну Ивановну „Екатериной мученицей — большіе глаза“. При этомъ авторъ говоритъ еще, что представленія въ теремахъ завелись въ 1690 году и что Дмитревскій полагалъ, что Мольеровъ „Врачь по неволѣ“ если и не переведенъ самою царевною, Софіею, то вѣрно игранъ въ ея теремахъ [1]. Знающему читателю очень замѣтны разсказанныя здѣсь несообразности. Къ сожалѣнію, писатели о театрѣ, вообще мало знакомые съ своею исторіею, повторяли и даже распространяли краткое, но ошибочное указаніе Штелина, который въ своемъ „извѣстіи о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ“, написалъ между прочимъ такъ: „царевна Софія съ благородными дѣвицами и мужчинами играла также въ комедіяхъ“ [2]. Замѣтка вѣрная въ отношеніи царевны, только не Софіи, а Натальи Алексѣевны, тоже сестры Петра, о которой во времена Штелина стало быть успѣли уже совсѣмъ забыть и помнили только одну царевну Софію, оставившую по себѣ историческую память, которой поэтому и присвоивали все, чѣмъ замѣчательна была какая либо царевна. Наталья Алексѣевна († 1716) дѣйствительно была страстная любительница театра и не мудрено, что комедіи давались у ней даже въ ея хоромахъ съ 1690 г., когда ей было уже 17 лѣтъ. Вѣроятнѣе однакожъ, что онѣ ставились на старомъ Преображенскомъ театрѣ. Вѣрно также, что она сама сочиняла разныя комедіантскія дѣйства, ибо Бассевичь прямо свидѣтельствуетъ, что „Принцесса Наталья, младшая и любимая сестра Императора, говорятъ, сочинила не задолга до своей смерти, двѣ пьесы, расположенныя по очень умному плану и въ которыхъ были подробности не лишенныя красоты, но недостатокъ въ актерахъ помѣшалъ представить ихъ на сценѣ“. Другой иностранецъ Веберъ разсказываетъ, что „Наталья Алекс. (уже въ Петербургѣ) заставляла играть драматическія пьесы, которыя смотрѣть воленъ былъ всякій [3]. Для помѣщенія театра избрали огромный пустой домъ, гдѣ устроили партеръ и ложи. 10 актеровъ и актрисъ были природные русскіе, невидавшіе

---

[1] Лѣтопись русскаго театра въ Репертуарѣ 1840 г.

[2] С. Петербургскій. Вѣстникъ 1779. Іюль.

[3] Ходилъ въ эти комедіи и великій братъ ея Петръ. Въ его Походномъ Журналѣ записано, что 1715 февр. 26, по прибытіи въ Петербургъ въ 3 часу пополудни, государь въ 6 изволилъ пойти къ царевнѣ Натальѣ въ комедію.

ничего кромѣ Россіи, а потому можно вообразить себѣ ихъ искусство. Великая княжна и сама сочиняла по русски трагедіи и комедіи, заимствуя для нихъ сюжеты изъ библіи или изъ обыкновенныхъ вседневныхъ приключеній. Роль арлекина (непремѣнное лицо) поручена была одному оберъ-офицеру, и онъ вмѣшивался съ своими шутками туда и сюда впродолженіи представленія; потомъ выходилъ ораторъ и разсказывалъ о содержаніи и ходѣ пьесы, а наконецъ слѣдовала и самая пьеса, гдѣ была изображена неудачность возстаній и всегда несчастный конецъ ихъ. Въ этой пьесѣ, такъ объясняли Веберу современники, было выведено на сцену одно изъ послѣднихъ стрѣлецкихъ возмущеній". Г. Пекарскій, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, открылъ и самую пьесу, это — *Стефанотокосъ*, гдѣ аллегорически представленъ заговоръ Шакловитаго, со вставкою эпизода (IV дѣйствіе) изъ старой комедіи — Эсоири. Послѣ смерти царевны осталось довольно комедіантскихъ письменныхъ книгъ, составлявшихъ цѣлую библіотеку, таковы: о Георгіѣ и Плакидѣ, тетрадь о страданіи Ксенофонта и Маріи, тетради Крисанфа и Даріи, Адріана и Наталіи, Іюліана, Евстафія Плакиды, Павла и Іуліаніи, Искупленіе человѣка отъ паденія его, Повѣсти о цесарѣ Римскомъ Оттѣ [1]. Такимъ образомъ театральный репертуаръ царевны Наталіи носилъ въ себѣ еще идеи XVII ст., держался около церковной книжности, а потому вмѣстѣ съ характеристикою самаго спектакля, сдѣланною очевидцемъ Веберомъ, даетъ довольно опредѣленное понятіе о томъ, какъ составлялось и какъ велось комидійное дѣйство и при царѣ Алексѣѣ. Затѣмъ согласимся, что все разсказываемое въ разныхъ исторіяхъ нашего театра о царевнѣ Софіѣ, должно относиться къ царевнѣ Наталіи, ибо современныхъ извѣстій объ артистическихъ предпріятіяхъ царевны Софіи, какъ и вообще о дворцовыхъ театральныхъ зрѣлищахъ въ ея время мы покуда не имѣемъ.

Замѣтимъ кстати, что при Петрѣ, во время свадьбы шута Филата Шанскаго, въ 1702 г., комедія дана была уже въ Грановитой Палатѣ, куда 26 генваря къ строенію будущей *діолгыи* съ Казеннаго двора отпущено на 20 персонъ тафты разныхъ цвѣтовъ 200 арш. да на завѣсъ тафты лазоревой 50 арш.; а февр. 10 въ Оружейной Палатѣ велѣно изготовить къ комедіи: 12 кирпизовъ

---

[1] Наука и Литература при Петрѣ, г. Пекарскаго, I, 391—447.

(кирасы) и латъ съ шапки, 15 пансырей съ мисюрки, 12 сабель. Новое названіе *діологія* очень вѣрно опредѣляло цѣлый отдѣлъ пьесъ въ тогдашнемъ репертуарѣ, въ которыхъ не было никакого драматическаго дѣйствія, а были только разговоры аллегорическихъ лицъ съ цѣлію изъяснить какую либо общую нравственную или политическую мысль, съ цѣлію указать неисповѣдимые пути Божьяго Промысла въ жизни человѣковъ или же оправдать дѣла государевы и осмѣять его враговъ — приверженцевъ старовѣрства и невѣжества.

ГЛАВА VI.

ЦАРИЦЫНЪ ДВОРОВЫЙ ЧИНЪ.

Женскій чинъ: мамы и верховыя боярыни, ихъ честь и мѣсто. Казначеи. Постельницы. Комнатныя бабы. Мастерицы. Портомои. Мужской чинъ: приказный, крестовый, стольничій, походный, истопничій, мастерской. Царицына слобода Кисловка. Черты жизни и нравовъ младшаго чина дворовыхъ людей по сыскнымъ дѣламъ и челобитнымъ.

Дворовый чинъ или придворный штатъ царицы состоялъ, въ ближайшей службѣ, по преимуществу изъ женщинъ. Первое мѣсто въ женскомъ чину принадлежало боярынямъ, которыя именовались *дворовыми* или *верховыми*, а между ними первое мѣсто занимали боярыни *мамы* малолѣтныхъ царевичей и царевенъ. Старшинство мамъ соотвѣтствовало старшинству возраста царскихъ дѣтей, а потомъ старшинству мужскаго племени предъ женскимъ. Мамы царевичей, хотя бы и самыхъ меньшихъ по возрасту въ цѣлой семьѣ, были всегда выше мамъ даже и старшихъ возрастомъ царевенъ. Въ мамы избирались пожилыя, опытныя и, главное, самыя приближенныя къ царицѣ или къ государю вдовы, большею частію изъ ихъ же родственницъ. Мамою царя Ивана Васильевича была вдова Аграфена Челяднина, жена государева дворецкаго. Челяднины въ то время занимали самыя первыя по приближенію должности почти сряду въ теченіи двадцати лѣтъ (1496—1518 г.) передъ рожденіемъ Грознаго. Отецъ и братъ дворецкаго были конюшими. Первому царевичу изъ рода Романовыхъ Алексѣю Михаиловичу (род. 1629 г.) въ мамы была избрана его бабушка по отцѣ, Ирина Никитична Годунова, сестра Филарета Ники

тича и жена окольничаго Ивана Ивановича Годунова, мужа добраго и благочестиваго по отзыву иностранцевъ, который, служа царю Василью Шуйскому, погибъ въ Калугѣ отъ втораго Лжедимитрія въ 1610 г., „скончася мученически, но къ совѣтникамъ самозванца не приложися“.

Мамы получали годоваго жалованья болѣе чѣмъ вдвое прочихъ дворовыхъ боярынь. Во второй половинѣ XVII ст. ихъ окладъ простирался отъ 50 и до 100 р. Столовыхъ или кормовыхъ денегъ онѣ не получали, затѣмъ что, живя во дворцѣ, пользовались всѣмъ дворцовымъ содержаніемъ. Исполнивъ свою прямую службу, мамы обыкновенно уходили въ монастырь; но при царевнахъ иногда онѣ оставались и послѣ ихъ возраста, завѣдуя по прежнему всѣми ихъ дѣлами и всѣмъ ихъ обиходомъ. Мама царевны Софьи Алекс., княгиня Анна Никифоровна Лобанова-Ростовская оставалась мамою въ дворовомъ штатѣ до своего постриженія въ монастырь. Она скончалась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ 1709 г., схимонахинею. При дворѣ, сначала въ числѣ пріѣзжихъ боярынь, она находилась болѣе 60 лѣтъ.

Въ *чинъ* дворовыхъ боярынь избирались обыкновенно вдовы по большой части изъ царицына родства или же по заслугамъ изъ придворныхъ женщинъ меньшаго чина, преимущественно изъ казначей, а иногда и изъ кормилицъ, разумѣется послѣ долгой и испытанной службы. Такъ извѣстная Анна Петровна Хитрово появляется въ первое время, въ 1630 году, казначеей у царевны Ирины Мих. Въ февралѣ 1646 года, по случаю разбора всего царицына чина умершей царицы Евдокіи Лук., она была отставлена; при чемъ отмѣчено: по ея челобитью отпущена постричься. Но отмѣтка была зачеркнута и показывала только, что Хитрая, вышла изъ дворца по собственному желанію. Спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1658 году, она была пожалована прямо въ дворовыя боярыни и съ этого времени постепенно пріобрѣтаетъ вліятельное и первенствующее положеніе между боярынь. Она особенно возвышается назначеніемъ въ мамы къ царевичу Өеодору Ал. — Когда царевичь достигаетъ возраста и по смерти старшаго брата Алексѣя становится самъ старшимъ въ семействѣ и объявляется наслѣдникомъ престола, его мама, по естественной причинѣ, является тоже старшею и первою въ дворовомъ женскомъ чину. Она приближается даже и къ новой

царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. Въ 1672 г. за родиннымъ столомъ царевича Петра она стоитъ у ней въ кравчихъ, что повторяется и въ 1674 г. на родинномъ и потомъ на крестинномъ пиру царевны Өеодоры. По смерти царя Алексѣя, у царя Өеодора, своего воспитанника, Хитрая становится ближайшимъ человѣкомъ, а по частымъ болѣзнямъ молодаго царя, и необходимымъ лицомъ въ его комнатѣ. Затѣмъ у новыхъ царицъ, у двухъ супругъ царя Өедора, Агаөьи Сем. Грушецкихъ и потомъ у Марөы Матв. Апраксиныхъ она является полною хозяйкою и тоже исполняетъ важную должность кравчей, но не ради только торжественныхъ столовъ, какъ у царицы Натальи, а повседневно. Должно полагать, что она введена во дворъ и въ комнату къ царевичу Өеодору своимъ родственникомъ, любимцемъ царя Алексѣя и его дворецкимъ Богд. Матв. Хитрово, при помощи котораго она постоянно и высилась. Въ чиновныхъ спискахъ ея имя, уже на второмъ мѣстѣ, упоминается еще въ 1698 г.

Находившись такое долгое время, около 70 лѣтъ, въ царицыныхъ хоромахъ, зная насквозь весь царскій домашній обиходъ, всѣ тайныя нити дворскихъ отношеній, эта женщина, всегдашняя приверженница роду Милославскихъ, умѣла такъ себя держать, что невредимою прошла чрезъ всѣ дворскія смуты конца XVII ст., хотя, какъ говорятъ, была одною изъ начальныхъ причинъ семейной вражды между Милославскими и Нарышкиными, потому что была лютою враждебницею царицы Натальи Кирилловны и всего рода Нарышкиныхъ. Подъ фарисейскимъ только видомъ постница, пустой лицемѣрной бабьей святыни только устами полная, Хитрая, по прозванію и по истинѣ хитрая видомъ, нравомъ и самымъ дѣломъ, она ушничествомъ и ложнымъ наговоромъ, быть можетъ больше чѣмъ другіе другими средствами, успѣла родовую вражду въ царскомъ домѣ довести до извѣстной печальной стрѣлецкой трагедіи. Такъ, покрайней мѣрѣ, писалъ о ней сынъ погибшаго въ этой трагедіи боярина Матвѣева, Андрей Матвѣевъ.

Дворовыя боярыни утверждались въ своемъ званіи особымъ царскимъ указомъ. Соблюдался ли при этомъ обрядъ сказыванья имъ ихъ боярства, неизвѣстно; но вѣроятно царицынъ дворецкій или царицынъ дьякъ провозглашали имъ царскій указъ въ присутствіи царицы и прочихъ боярынь. Этотъ указъ вносился иногда даже въ записныя разрядныя книги, въ кото-

рыхъ напр. читаемъ: 1675 г. іюля 6, „пожаловалъ в. государь въ *верховыя* боярыни стольника Өедорову жену Григорьева сына Кокорева *вдову* Марью Иванову дочь, а по отцѣ Акиѳьевыхъ. А указано ей быть, по указу в. государя въ *свѣтлицѣ* у мастерицъ и указано ей вѣдать мастерицъ всѣхъ“ [1]. Такимъ образомъ изъ верховыхъ боярынь нѣкоторымъ поручалось всегда какое либо особое завѣдываніе въ обиходѣ царицына быта. Одна, главнѣйшая боярыня, была *кравчею*, находилась постоянно при царицѣ и была, такъ сказать, ея правою рукою во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ ея обихода. Другая завѣдывала вообще царицыною казною и называлась боярыней — *казначеей*, третья была *свѣтличная*, завѣдывала всѣми рукодѣліями женскаго царицына чина, четвертая—боярыня—*постельница*, въ вѣдомствѣ которой состоялъ весь постельный обиходъ царицы, въ томъ числѣ и портомойное дѣло; пятая была боярыня—*судья*, разсуждавшая разныя дѣла царицына двороваго женскаго чина, относительно исполненія придворныхъ обязанностей, споровъ и ссоръ между тѣмъ же женскимъ чиномъ, особенно рукодѣльнымъ и постельнымъ. Сверхъ того боярынею же называлась и *приказная* Хамовнаго двора, на которомъ изготовлялась всякая бѣлая казна, полотна, скатерти и т. п. Этотъ дворъ находился въ слободѣ Кадашовѣ, отъ чего и боярыня, завѣдывавшая хамовнымъ дѣломъ, называлась *Кадашевскою боярынею*. Она впрочемъ не принадлежала къ чину дворовыхъ боярынь, а равнялась по должности казначеямъ.

Верховыя боярыни получали годовое денежное жалованье, смотря по своему достоинству и по значенію ихъ занятій. Въ XVII ст. оно не превышало 50 р. въ годъ, а въ меньшей степени, въ началѣ столѣтія, доходило даже и до 10 р. Впрочемъ средній и обыкновенный ихъ окладъ бывалъ въ 25 р. Кормовыхъ денегъ онѣ не получали, потому что кормы, подачи и питье для нихъ выдавались изъ дворца.

Въ началѣ царствованія Михаила Өедоров., когда онъ собирался жениться на Марьѣ Влад. Долгорукихъ, а царицынымъ дворомъ правила его мать инока Марѳа Ив., дворовыми боярынями были (1624 г. сент. 15) двѣ вдовы княгини Долгорукихъ, Татьяна Степановна и Прасковья, изъ которыхъ первая получала годоваго жалованья 30 р., вторая 28 р. Вѣроятно онѣ на-

[1] Дворц. Разр. III, 1515.

значены были служить во дворѣ молодою царицею, какъ близкія ея родственницы. Третьею боярынею была Марья Юрьевна Головина, получавшая 10 р. Въ 1625 году мая 28, на мѣсто Долгорукихъ, которыя по смерти царицы удалились въ монастырь, именно въ Вознесенскій, къ инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ, по ея же указу велѣно жить въ Верху вдовамъ же Катеринѣ Бутурлиной съ жалованьемъ по 30 р., и княгинѣ Овдотьѣ Коркодиновѣ съ жалованьемъ по 25 р., причемъ Головиной назначено до 20 р. Передъ свадьбою царя на Стрѣшневой, въ 1625 г. боярынями были тѣже Бутурлина и Коркодинова; вновь поступили: Ѳедора Заболоцкая (жалов. 25 р.), вдова Соломонида Васильчикова (жалов. 23 р.) Быть можетъ послѣдняя поступила на мѣсто Головиной, имени которой съ тѣхъ поръ мы не встрѣчаемъ въ записках.

Приводимъ списки боярынь, состоявшихъ въ царицыномъ чину въ теченіи XVII ст.

У царицы Евдокѣи Лукьяновны мамы: Царевича Алексѣя—Орина Никитична *Годунова*, жена Ивана Ив.; Ульяна Степ. *Собакина*, жена Сергѣя Степан.—Царевича Ивана — Анна Конст. *Стрѣшнева*.—Царевны Ирины—княгиня Марья Ив. *Хованская*, жена Ивана Ѳед.—Царевны Анны—кн. Ульяна Вас. *Троекурова*, жена Романа Ѳедор.—Царевны Татьяны—кн. Марья Ив. *Пронская*, жена Василья Романов.

Боярыни: Собакина Ульяна Степ. крайчая 1628 г., а потомъ мама. *Бутурлина* Катерина Ив., жена Василья Матв.; Кн. *Мезецкая* Солохонида Петровна, крайчая; Кн. *Коркодинова* Авдотья Ѳедоровна, Свѣтличная. *Васильчикова* Соломонида. *Заболотская* Ѳедора, постельница. *Тревина* Анна Борисовна. *Пушкина* Анна. *Колычова* Анна Андреевна, жена Ивана Ѳедор.; *Скобелцына* Татьяна; Кн. *Одоевская* Анна Ив., жена боярина Ивана Ивановича; Кн. *Туренина* Марья Елизарьевна, жена Василья Ивановича.

У царицы Марьи Ильичны мамы царевичей: Димитрія — Катерина Ѳед. *Милославская*.—Алексѣя—кн. Арина Григор. *Катырева-Ростовская*, Кн. Анна Андр. *Мещерская*.—Ѳедора—кн. Прасковья Борисов. *Куракина*, Анна Петровна *Хитрая*.—Симеона — кн. Авдотья Мих. *Хованская*. Аксинья Алексѣев. *Кологривова*, кн. Ульяна Ив. *Голицына*. — Ивана — кн. Анна Фирсовна *Ухтомская*, съ 1667 г. — *Мамы царевенъ:* Евдокія — Кн. Ѳетинья Володимiров. *Сицкая*, съ 28 дек. 1651 г.; Кн. Аксинья *Хилкова*; Пелагея Ив. *Ивашкина*.—Ц. Марѳы—Ульяна Петр. *Шереметева* умре 4 апр. 1676 г.—Ц. Софьи—кн. Анна Никиф., *Лобанова-Ростовская*, съ 1659 г—.Ц. Екатерины—Настасья Ѳед. *Шереметева*; Аѳросинья Денис. *Зубова*; Анисья Юрьевна *Лодыженская*.—Ц. Марьи—Дарья Тим. *Слайдева*,

съ 1660 г.; Марья Ив. *Ильина*.—Ц. Өеодосіи—Ѕиновія Степ. *Головина;* Дарья Силична *Мясново*, съ 22 мар. 1666 г.

Боярыни: Милославская Матрена Сем., съ 30 мар. 1648 г.; *Вельяминова* Анна Мих., урожденная Ртищева, съ 30 мар. 1648 г., крайчая. Кн. *Корходинова* Авдотья Өед.; *Еропкина* Аксинья Григор., съ 30 мар. 1648 г. *Давыдова* Домна Сем., изъ казначей, съ 14 апр. 1648 г.; *Нарбекова* Наталья Ал.; Кн. *Мещерская* Анна Андр., съ 1663 г., жена князя Лаврентья. *Вельяминова* Устинья Ив.; *Хитрая* Анна Петровна вдова Степана Тарасова Хитрово; *Кологривеова* Аксинья Ив.; *Плещеева* Анна Семеновна; *Колычова* Анна Егупьевна; Кн. *Горчакова* Агаөья Роман., съ 1667 г.; Кн. *Волконская* Домна Никит.; Кн. *Хилкова* Анна Матв.

У царевенъ: Кн. *Пронская* Марья Ив.; *Собакина* Ульяна Степ.; *Травина* Анна Борис.; Кн. *Щетинина* Ульяна Мих. (Тимоө.); *Толстово* Дарья Ив.; съ 1663 г.; *Мартюхина* Марья Андр., крайчая у царевенъ большихъ, съ 1659 г.; *Супонева* Анна Матв., съ 1667 г.; *Ивашкина* Пелагея Иван., съ 1667 г.; *Зубова* Афросинья Демид., крайчая царевенъ меньшихъ.

У царицы Натальи Кириловны при жизни царя Алексѣя *мамы:* Царевича Петра — Матрена Романовна *Леонтьева*, Кн. Ульяна Ивановна *Голицына*. Царевенъ: Натальи—кн. Прасковья Ив. *Ромодановская*. Өеодоры—кн. Анна Львовна *Львова*, жена стольн. кн. Андрея Ив.

Мамы дѣтей отъ Милославской: *Шереметева* Ульяна Петр.; Кн. *Лобанова* Анна Никиф.; *Шереметева* Настасья Өед.

Боярыни: Хитрая Анна Петр.; Кн. *Мещерская* Анна Андр.; *Леонтьева* Матрена Роман.; *Вельяминова* Анна Мих.; Кн. *Горчакова* Агаөья Ром.; *Блохина* Матрена Вас., изъ казначей съ 1672 г. на мѣсто Еропкиной; Кн. *Волконская* Домна Никит.; *Соловцова* Анна Степ.; *Давыдова* Марья Борис. съ 1672 г. на мѣсто Вельяминовой Устиньи: Кн. *Ухтомская* Анна Фирсовна: *Плещеева* Өедора Ив.: *Толстова* Дарья Ив.; *Мартюхина* Марья Андр.; *Супонева* Анна Матв.; *Ивашкина* Пелагея Ив.; *Мертваго* Аксинья Алексѣевна, съ 1672 г. на мѣсто Зубовой, крайчая у царевенъ меньшихъ; *Ильина* Марья Ив.; *Мясная* Дарья Силична.

Чинъ боярынь за 1680—1682 г. *Мама* кн. Анна Никиф. *Лобанова*. *Дворовыя: Грушецкая* Марья Матв. у царицы Агаөьи Сем.; *Хитрая* Анна Петр. боярыня у царицъ Агаөьи Сем. и Мароы Матв.; Кн. *Мещерская* Анна Андреевна: Кн. *Ухтомская* Анна Фирсовна, была послѣ у царицы Прасковьи Өед., умре 20 мар. 1688 г.; Кн. *Горчакова* Агаөья Ром. боярыня у царицы Агаөьи Сем., а послѣ у царицы Прасковьи Өед.; *Плещеева* Өедора Ив., царицы Агаөьи Сем.; *Вельяминова* Арина Өед., Свѣтличная, царицы Агаөьи Сем.; *Семьина* Авд. Ив., царицы Агаөьи Сем.; *Орлова* Оөимья Ларіон.; *Полтева* Анна Ив. царицы Агаөьи Сем. *Теплова* Өедосья Ив. изъ казначей царевича Өедора, у царицы Агаөьи Сем., потомъ пострижена въ 1688 г.; *Толстова* Дарья Ив.; *Мартюхина* Марья Андр., у большихъ царевенъ; *Супонева* Анна Матв., у большихъ царевенъ, умре 1688 г.; *Ивашкина* Пелагея Ив., у меньшихъ царевенъ; *Мертваго* Аксинья Ал., у меньшихъ царевенъ; *Ильина* Марья Ив.; *Мяс-*

нова Дарья Спд.: *Лодыженская* Аксенья Юр., въ 1678 г. у царевенъ меньшихъ; Кн. *Шаховская* Марѳа Тимоѳ.

Царицы Натальи за 1680 г.: *Мама* кн. Прасковья Ив. *Ромодановская*. *Боярыни*: *Леонтьева* Матрена Ром.; *Блохина* Матрена Вас.; *Кокорева* Настасья Ив., свѣтличная; кн. *Волконская* Домна Никит.

Чинъ боярынь въ 1691 г. и за послѣдніе годы XVII ст. Мамы: кн. А. Н. *Лобанова-Ростовская*; Марья Мих. *Салтыкова*; Анна Львовна *Собакина*. *Боярыни*: А. П. *Хитрово*, кн. А. Р. *Горчакова*; *Фустова* Татьяна Ив., изъ казначей, умре въ 1695 г.: кн. А. А. *Мещерская*; Ѳ. П. *Плещеева*; А. Ѳ. *Вельяминова*; Ѳ. И. *Неплюева*; Д. П. *Толстова*, умре въ 1698 г.; М. А. *Мартюхина*; П. Н. *Ивашкина*; А. А. *Мертвая*; М. И. *Ильина*; Д. С. *Мясная*; А. Ю. *Лодыженская*; *Измайлова* Анна Андр; *Лодыженская* Авдотья Ив., у царицы Марѳы; *Нелединская* Дарья Лук., у царицы Марѳы; *Татищева* Прасковья Осип.; *Водорацкая* Ульяна Мих. у царицы Прасковьи Ѳед.; *Мотовилова* Мавра Вас.; *Бѣлкина* Марѳа Ив.; *Дурная* Аѳросинья Павл., изъ казначей, съ 1685 г.; *Панова* Татьяна Ив.; *Карташова* Соломонида Сав., изъ казначей, съ 1685 г.; *Петрова* Авдотья Осип., съ 1695 г. изъ кормилицъ, у царицы Прасковья Ѳед.; *Коптева* Ульяна Ив., изъ казначей; Кн. *Мещерская* Авдотья Вас.; *Заболоцкая* Аксинья Петр.; *Ленунова* Олена Григор., умре 1698 г.; *Горяинова* Авдотья Данил., изъ казначей; *Тарбеева* Прасковья Матв.. умре 1697 г. Кн. *Волхонская* Марья Ив.; Кн. *Барятинская* Аграфена Ѳед. съ 1695 г., у царицы Прасковьи Ѳед.; *Бутурлина* Татьяна Сем., у царевны Прасковьи Ив. мама съ окт. 1695 г.

Царицы Натальи: Мама кн. Прасковья Ив. *Ромодановская*; Кн. *Волконская* Домна Никит.; *Ордына Нащокина* Прасковья Борисов., послѣ у царевны Наталіи; *Чихачова* Матрена Гавр.; *Лапатина* Авдотья Поликарп.; *Толстая* Авдотья Ѳедот.; *Махова* Лукерья Сем.; Кн. *Ухтомская* Лукерья Гавр. жена окольничаго кн. Ивана Юрьев., кормилица царевны Наталіи, а съ 19 іюля 1694 г. ея боярыня, на мѣсто умершей кн. Волконской.

Царицы Евдокіи Лопухиныхъ: *Чирикова* Авдотья Авр.; *Лопухина* Наталья Осип.; *Доможирова* Акулина Вас., изъ казначей. *Царевича Алексѣя Петр. Мама* Прасковья Алексѣевна *Нарышкина*; боярыня Авдотья Сем. *Нестерова*, изъ казначей.

Честь и Мѣсто и на царицыной половинѣ государева двора между женщинами соблюдались съ тою же заботливостью, поддерживались и охранялись съ тою же ревностью, какъ и на половинѣ государевой, между мужчинами. Честь и мѣсто даже дворовыхъ боярынь ставились въ *случай*, когда тягались между собою мѣстники—бояре и другіе разрядные люди. Такъ въ 1576

году Васюкъ Зюзинъ, искавшій своего мѣста передъ Өедоромъ Нагимъ, ставилъ въ случай между прочимъ и слѣдующее обстоятельство: „да жила, господине, писалъ онъ боярину—судьѣ, Петрова мать Шетнева (его родни) Өетинья у государя на сѣняхъ, и *какова была* съ Оленою Плещеевою въ государевой милости, *во чти* (въ чести) *и въ мѣстѣхъ*,—въ томъ у государя въ милости и о сыску челомъ бью“.

Въ 1627 году точно также Вас. Пушкинъ, тягавшійся о мѣстахъ съ Андр. Плещеевымъ, подалъ между прочимъ случай, что въ 1547 г., когда царь Иванъ Васильевичь понялъ въ бракъ царицу Настасью Романовну, то у царицыныхъ саней были Никиф. Хвощинской да Ив. Ив. Плещеевъ, а жена Ив. Плещеева, мать Смерда Плещеева, который являлся здѣсь основою спора, была у царицы Настасьи въ Верху и приказано ей было у портомой, а приносила она бѣлое платье (чистое бѣлье) къ боярынямъ, которымъ надъ нею у бѣлаго платья приказано, къ княгинѣ Волконской да къ Оксиньѣ Губиной.

Пушкинъ этимъ доказывалъ, что Волконская была больше жены Ив. Плещеева, что больше ее была даже и Аксинья Губина, такъ какъ больше Ив. Плещеева былъ Хвощинскій, а на Хвощинскаго и Губина ему Пушкину и случаевъ добыть не умѣть, потому что они молодые дѣти боярскіе. Словомъ сказать, Пушкинъ по этому случаю считалъ себя выше Плещеева многими мѣсты. Если такимъ образомъ честь и мѣсто дворовыхъ боярынь шло, какъ говорится, тоже, какъ всякое лыко, въ строку при мѣстническихъ счетахъ, то имъ естественно было поднимать такіе счеты и при ихъ назначеніи во дворъ царицы, гдѣ онѣ никакъ не хотѣли занимать должность меньшую противъ своихъ мѣстницъ или совмѣстницъ. По поводу одного такого назначенія возбуждено было очень большое счетное судное дѣло между знаменитымъ кн. Дмит. Мих. Пожарскимъ и кн. Борисомъ Михаил. Лыковымъ.

Въ 1602 г., при царѣ Борисѣ Годуновѣ, велѣно быть у царицы Марьи Григорьевны въ дворовыхъ боярыняхъ княгинѣ Марьѣ Лыковой, матери Бориса Лыкова, а у царевны Ксеніи Борисовны княгинѣ Марьѣ Пожарской — матери Дмитрія Михайловича. Пожарскій сталъ бить челомъ Царю Борису и писалъ въ челобитной, что по царской милости и по своему отечеству, его матери, княгинѣ Марьѣ, быть меньше княгини Лыковой не вмѣстно, а можно его матери больше быть княгини

Лыковой многими мѣсты и государь бы его пожаловалъ велѣлъ ему съ кн. Мих. Лыковымъ въ отечествѣ дати судъ и счетъ. Пожарскій считалъ себя даже больше отца Борисова Михайлы, потому и просилъ считаться съ нимъ, а не съ сыномъ. Однако государь приказалъ боярамъ: въ отечествѣ его судить и разряды сыскать съ Борисомъ Лыковымъ. Бояре спросили: почему матери его кн. Марьѣ меньше быть кн. Борисовой матери не можно? Пожарскій привелъ множество случаевъ о чести и мѣстахъ своего рода и ни одного о чести и мѣстахъ дворовыхъ боярынь, какъ можно было бы ожидать отъ этого спора: ясно, что счеты о женскихъ мѣстахъ возникали не сами по себѣ, не были особыми самостоятельными придворными счетами, и вполнѣ зависѣли отъ общихъ мѣстническихъ счетовъ, въ которыхъ женское мѣсто точно также, какъ и мужское, становилось *случаемъ*, находкою.

Споръ и судъ не былъ вершенъ при царѣ Борисѣ и возобновился слишкомъ черезъ 6 лѣтъ уже при царѣ Васильѣ Шуйскомъ и при томъ со стороны Бориса Лыкова, который объяснилъ, почему и судъ не былъ оконченъ. Въ своей челобитной царю Шуйскому онъ писалъ: „А прежъ сего, при царѣ Борисѣ въ 1602 и въ 1603 годахъ кн. Дмитрій Пожарской доводилъ на меня Бориска ему царю Борису многіе затѣйные доводы, что будто я, сходясь съ Голицыными да съ кн. Борисомъ Татевымъ, про него царя Бориса разсужаю и умышляю всякое зло. А мать его княжъ Дмитріева княгиня Марья въ тѣжъ поры доводила царицѣ Марьѣ на матерь мою, что будто, мать моя съѣзжаючись съ княгинею Василья Θедоровича Шуйскаго--Скопина Оленою и будто ся разсуждаютъ про нее царицу Марью и про царевну Оксѣнью злыми словесы. И за тѣ затѣйные доводы и за иная многая лганья царь Борисъ и царица Марья на матерь мою и на меня наложили опалу, учали въ томъ гнѣвъ держати безъ сыску, и матери моей не велѣли безъ указу отъ себя съ дворишка съѣзжать (выѣзжать изъ своего дома). И въ тѣ поры тотъ кн. Дм. Пожарскій *не по своему отечеству и не по стычкѣ*, тѣша его царя Бориса, билъ челомъ на меня въ отечествѣ о судѣ, и царь Борисъ его кн. Дмитрія за тѣ затѣйные доводы и за многая лганья жалуючи, а меня, по своему тайному гнѣву, позоря и казня, вмѣсто смертныя казни (какъ бы на смертную казнь) велѣлъ мнѣ въ неволю (неволею) отвѣчать ему кн. Дмитрію въ отечествѣ. И кн. Дми-

трій на судѣ говорилъ и разряды подавалъ Стародубскихъ и Ряполовскихъ князей, будто они больше бывали моихъ родителей Оболенскихъ князей. А самъ онъ къ тѣмъ Стародубскимъ и Ряполовскимъ ко многимъ князьямъ причиталъ отца своего и себя по родословцу лѣсвицею, и ставилъ отца своего, въ лѣсвицѣ, больше многихъ (тѣхъ) князей, а своихъ ближнихъ родителей, Пожарскихъ князей, которые бывали въ городовыхъ прикащикахъ и у иныхъ (подобныхъ) дѣлъ, за ихъ худобою ни въ какихъ случаяхъ не подавалъ и потому своему умыслу и по тѣмъ своимъ затѣйнымъ доводамъ хочетъ больше быть меня лѣсвицею родословіемъ, а не отечествомъ, т. е. ближними родители, и не по разрядамъ. И послѣ того суда я многажды царю Борису бивалъ челомъ о вершеньи того суда и царь Борисъ, не жалуючи меня за тѣ его кн. Дмитріевы и его матери затѣйные доводы, того суда вершить не велѣлъ, а велѣлъ меня для своей докуки послать на службу въ Бѣлгородъ и тотъ судъ и по ся мѣста не вершенъ; а нынѣ кн. Пожарской по тому суду меня съ собою въ ровенствѣ ставитъ". Вообще тяжбу Пожарскаго Лыковъ объяснялъ придворными интригами и случай между ихъ матерями, который подавалъ поводъ тягаться съ нимъ Пожарскому не почиталъ настоящею мѣстническою стычкою.—Какъ бы ни было, но подобные случаи признавались въ мѣстничествѣ тоже опасными для родовой чести и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ могли служить не малою потеркою и позоромъ всему роду, оттого мѣстники и были такъ чувствительны ко всякой мелочи въ своихъ мѣстническихъ счетахъ.

При царѣ Михаилѣ Θедоровичѣ, 1627—1630 г., къ его супругѣ царицѣ Евдокіѣ Лукъяновнѣ была опредѣлена въ Верхъ въ дворовыя боярыни княгиня Ульяна Васильевна Троекурова, жена Романа Θед. Троекурова, и учинена во всемъ царскомъ жалованьѣ равною съ боярынею Катериною Ивановною Бутурлиною, женою Василья Матв. Бутурлина. Въ этотъ разъ Троекурова самолично подала государю челобитную и объясняла, что ей съ Катериною Бутурлиною въ равенствѣ быть не можно: „по вашей государской милости, по нашему отечеству, прадѣдъ родной Вас. Бутурлина и его дѣды и дѣдъ его родной и дядя большой вездѣ въ *пятыхъ* и въ *шестыхъ* товарищахъ (бывали) съ дядею моимъ да съ отцомъ въ вашихъ государскихъ разрядахъ". Въ доказательство она стала перечислять случаи

и въ заключенье просила: „милосердый государь, пожалуй меня рабу свою, не вели мнѣ быть въ ровенствѣ съ Бутурлиною, и вели по своимъ разрядамъ на Бутурлина въ нашемъ отечествѣ свою царскую боронь учинить, чтобъ родству нашему тѣмъ впередъ позорнымъ отъ Бутурлиныхъ не быть. Царь государь смилуйся!“ Рѣшено было противъ указанныхъ случаевъ вывести справки изъ разрядовъ; но чѣмъ окончилось дѣло, неизвѣстно. Знаемъ только, что въ спискахъ дворовыхъ боярынь Троекурова ставилась выше Бутурлиной.

Въ февралѣ 1623 года царь Михаилъ Ѳед. женилъ царевича Михаила Кайбуловича на дочери Григорья Ляпунова, Марьѣ, а на свадьбѣ указалъ быть въ сидячихъ боярахъ: Ив. Плещееву, и князьямъ Роману да Никитѣ Гагаринымъ, а въ сидячихъ боярыняхъ ихъ женамъ: Настасьѣ Семеновнѣ Плещеевой и княгинямъ Катеринѣ Матвѣевнѣ и Марьѣ Михайловнѣ Гагариныхъ. По случаю же болѣзни Плещеевой велѣно быть ея дочери, по мужѣ Вельяминовой. Гагарины тотчасъ заявили, что по росписи имъ назначено быть меньше Плещеева, что теперь они хотя садятся подъ нимъ, но впередъ станутъ бить челомъ государю; а женамъ ихъ меньше Вельяминовой никакъ быть нельзя. Между тѣмъ Вельяминова не сама себя представляла въ сидячихъ боярыняхъ, а представляла только свою мать, почему на свадьбѣ ее и называли не собственнымъ ея именемъ, а именемъ матери, Ивановою женою Плещеева; она только занимала мѣсто матери. Гагарины же не хотѣли сидѣть именно подъ Вельяминовой, какъ очень молодой передъ ними. Однако изъ Разряду велѣно было князей посадить сильно на назначенныхъ мѣстахъ: „да изъ Разряду же пріѣзжалъ разрядный дьякъ, а велѣлъ княгинь Гагариныхъ посадить (стало быть также сильно) подъ Вельяминовою. Вообще велѣно сидѣть по росписи, гдѣ кому указано, а кому до кого будетъ дѣло и они вредь государю бей челомъ.... И они по росписи сидѣли, и послѣ свадьбы Гагарины никто не билъ челомъ.

Подобныя столкновенія даже и между женщинами во дворцѣ были дѣломъ обычнымъ и неизбѣжнымъ по самому существу мѣстническихъ отношеній, ибо во дворцѣ честь и мѣсто никогда не были мечтою. Здѣсь извѣстная мѣстническая потеря чести и мѣста всегда сопровождалась потерею и многихъ служебныхъ весьма существенныхъ выгодъ, и не для одного лица, а для всѣхъ его родичей. Можно было о чемъ подумать и похлопотать,

можно было вытерпѣть и батоги, и тюрьму и опалу, и всякія личныя униженія, лишь бы сохранить то мѣсто, съ которымъ пріобрѣталась, а иначе вовсе терялась извѣстная служебная ступень, а съ нею всѣ существенныя блага, именно денежные и помѣстные оклады.

Но честь и мѣсто, какъ понятіе о достоинствѣ лица, глубоко коренилось въ нравахъ всего народа, отъ дворца до людскихъ помѣщичьихъ избъ, во всякомъ домѣ, гдѣ собирались люди, и особенно во всякомъ домѣ, гдѣ встрѣчалось какое либо служебное господарское раздѣленіе людей, гдѣ былъ дворъ въ смыслѣ дворовыхъ людей. Вотъ напр. что писалъ въ 1681 г. изъ Москвы нѣкій дворецкій къ своему помѣщику (Андрею Безобразову): „а что, государь, написано въ памяти (твоей), чтобъ бабъ развесть по избамъ, и бабы, государь, ни которая ни слушаетъ, все лиша бранятца межъ себя, и меня, холопа твоего, не слушаютъ, лаютъ; и ихъ развесть безъ твоего де государскаго указу нельзя, все большіе и старые. Приходилъ я, холопъ твой, многожды въ избу и имъ говорилъ, чтобъ *измѣстили* Марью Чеглокову, дали мѣста; и онѣ не даютъ, ихто не хочетъ *ниже сидѣть*“....[1]

Послѣ верховыхъ боярынь, вторая степень женскихъ царицыныхъ чиновъ принадлежала *казначеямъ*, на рукахъ которыхъ сохранялась всякая казна, всѣ уборы, вещи, деньги, различныя матеріи и т. п. Онѣ вели приходъ и расходъ этой казны, а потому должно полагать, что по своимъ обязанностямъ онѣ необходимо были грамотницами. Это подтверждается еще и тѣмъ, что иныя казначеи исполняли вмѣстѣ и должность комнатныхъ псаломщицъ, комнатныхъ чтицъ или читальщицъ. Казначеи находились при каждой комнатѣ особо, т. е. у казны царицыной, у казны каждаго царевича и каждой царевны. Такимъ образомъ ихъ штатное число опредѣлялось числомъ членовъ царской семьи. Впрочемъ у самой царицы обыкновенно бывало по двѣ казначеи. Годоваго жалованья онѣ получали по 8 р., да кормовыхъ по 6 денегъ или по 3 копѣйки на день.

Послѣ казначей слѣдовала *ларешница*, у которой на рукахъ были комнатные ларцы, и которая собственно была второю

---

[1] Русскій Истор. Сборникъ, V, 3; II, 268—272. Временникъ VI, 15; XIV, 25, 105; IX, 57. Дворц. Разр. I, 538. Вивл. XIII, 128.

казначеею у царицы, ибо эта должность состояла только при комнатахъ одной царицы, а у другихъ членовъ царской семьи ларцами завѣдывали тѣже казначеи. Послѣ долгой и испытанной службы казначеи нерѣдко жаловались въ санъ верховыхъ боярынь.

Въ нѣкоторомъ равенствѣ съ казначеями были еще слѣдующіе чины: 1) *учительницы* малолѣтныхъ царевенъ грамотѣ, или какъ ихъ иногда называли въ томъ же смыслѣ *мастерицы*. Въ учительницахъ были: *мастерицы* Марья, учившая царевну Татьяну Мих.; Авдотья Пыжина, Варвара Львова, Ѳедора Петрова, учившія царевенъ съ 1675 по 1691 г.

2) *Кормилицы* царевичей и царевенъ. Изъ кормилицъ потомъ поступали, съ уменьшеніемъ чина и значенія, въ постельницы или въ комнатныя бабки, а съ возвышеніемъ — даже въ верховыя боярыни. Впрочемъ государева кормилица оставалась въ своемъ чину до смерти и получала, въ видѣ пенсіи, всѣ свои оклады. На такомъ положеніи оставались кормилицы царя Алексѣя, старица Анисья Ивановна, и царя Ѳедора Ал., Анна Ивановна и пр. По окладу жалованья и учительницы-мастерицы и кормилицы равнялись казначеямъ.

3) *Псаломщицы*, получавшія жалованья по 6 руб. въ годъ, кормовыхъ по 6 д. Впрочемъ эту должность исполняли обыкновенно казначеи, какъ штатныя грамотницы. Такъ у царевны Татьяны Мих. псаломщицею была ея казначея Василиса Пятово, вступившая въ дворцовую службу въ 1646 г. казначеей къ царевнѣ Иринѣ. Въ 1690 г. она умерла и на ея мѣсто опредѣлена псаломщицею Татьяна Мартынова.

Подъ казначеями въ чину стояли *боярышни дѣвицы*, *сѣнныя боярышни*, жившія въ комнатахъ царицы и царевенъ для разныхъ услугъ. Это была третья степень царицына двороваго чина. У царевенъ, онѣ стольничали и какъ сверстницы жили для игръ и забавъ и вообще для собесѣдничества, по этому и штатное число ихъ не было ограничено. Онѣ избирались изъ дворянскаго сословія; но по преимуществу попадали въ Верхъ по отношеніямъ царицына родства или родства верховыхъ боярынь. Котошихинъ говоритъ: „а котораго боярина или окольничаго и думнаго и ближняго человѣка, дочь дѣвица, или вдова, понадобится царицѣ или царевнамъ, для житья взяти къ себѣ въ домъ, и имъ то вольно, кромѣ самыхъ большихъ бояръ дочерей“. Дѣйствительно царицѣ вольно было брать къ себѣ въ комнаты, кого

она похочетъ. Но мы уже видѣли, какъ Дворъ опасался людей мало извѣстныхъ, не сверстныхъ и не родственныхъ, на которыхъ не могъ вполнѣ полагаться во всемъ; поэтому, какъ въ дворовыя боярыни, такъ и въ боярышни дѣвицы, избирались лишь тѣ, которыя вообще бывали близки царицѣ по свойству и родству или по старинной испытанной дружбѣ и службѣ. Родовитыхъ и знатныхъ именъ въ этихъ чинахъ и особенно въ чинѣ боярышень вообще не встрѣчается. Должно думать, что здѣсь всегда набирался только особый родственный и свойственный царицѣ кружокъ, вовсе недоступный для другихъ, хотя и знатныхъ, но мало ей извѣстныхъ личностей.

Боярышни дѣвицы, живя постоянно въ комнатахъ царицы и царевенъ. на всемъ готовомъ содержаніи, конечно, не нуждались и въ отдѣльномъ чиновномъ годовомъ жалованьи. Все, что было имъ нужно, жаловала царица. Но въ концѣ XVII ст. и онѣ стали получать окладное жалованье, старшія по 7 р. въ годъ, младшія по 5 р. и самыя меньшія въ чину по 3 р.

Къ томуже чину дѣвицъ-боярышень принадлежали и *карлицы*, которыхъ занятія также не были опредѣлены особою какою либо должностью. Жалованья онѣ получали въ рядъ съ меньшими боярышнями, рубля по 3 и по 5 р. Число дѣвицъ-боярышень вмѣстѣ съ карлицами бывало, какъ мы сказали, не одинаково. Въ 1682 г. ихъ было, получавшихъ по 7 р.—11 человѣкъ; по 5 р.—36 человѣкъ; по 3 р.—4 человѣка. Въ 1691 г. получавшихъ по 7 р.—12 ч.; по 5 р.—38 ч.

Четвертую степень царицыныхъ чиновъ занимали *постельницы* и *комнатныя бабы*. Имя постельницъ обозначаетъ и ихъ должность: онѣ „постели постилали подъ царицу и подъ боярынь, и спали у царицы въ Верху по суточно, по перемѣнамъ, сидѣли у царицы въ сѣняхъ поденно [1]; а были онѣ жены дворовыхъ всякихъ чиновъ людей, разумѣется меньшихъ степеней.

При каждой комнатѣ, какъ-то у царицы, у каждаго царевича и у каждой царевны находились свои особыя постельницы. число которыхъ не всегда было одинаково. У царицы ихъ бывало человѣкъ по 20 и по 25; въ 1683 г. у царицы Марѳы Матв. Апраксиныхъ ихъ было 30. У царевичей отъ 2 до 5; у царевенъ, старшихъ отъ 8 до 12, и больше; у младшихъ отъ 2 до

[1] Въ 1677 г. изготовлены „двѣ шубы песцовыя подъ стамедомъ, старыя, постельницамъ, въ чемъ сидѣть у царицы въ сѣняхъ“.

5 и больше. Окладнаго жалованья шло имъ въ годъ по 4 р. кормовыхъ, старшимъ по 6 денегъ, остальнымъ по 3 деньги на день.

Кромѣ постельницъ у царицы и у царевенъ при каждой комнатѣ, находились *комнатныя бабы*, по одной у каждой царевны и двѣ у царицы. Это были собственно лѣкарки и поступали во дворецъ изъ принимальныхъ, или повивальныхъ бабокъ, оставаясь здѣсь по всему вѣроятію, послѣ каждыхъ родинъ при комнатѣ ребенка, котораго онѣ повивали или принимали. Онѣ получали жалованья по 1 ½ р. въ годъ, кормовыхъ столько же, сколько и постельницы; хлѣба по 6 четей ржи и овса.

Пятую степень занимали *мастерицы* и *ученицы*, *золотныя* и *бѣлыя*, т. е. золотошвеи и бѣлошвеи, „мужни жёны и вдовы и дѣвицы, честныхъ и середнихъ чиновъ дворовыхъ людей, которыя дѣлаютъ и шьютъ золотомъ и серебромъ и шелками, съ каменьемъ и съ жемчугомъ". Число ихъ также какъ и постельницъ было не одинаково и увеличивалось постепенно, вмѣстѣ съ нарожденіемъ царскаго семейства и распространеніемъ потребностей и надобностей двора. Въ первой половинѣ XVII ст. оно доходило до 40 слишкомъ человѣкъ. Въ 1626 году золотныхъ мастерицъ было 15 ч., а бѣлыхъ 11 ч. Въ 1682 г. ихъ было 59 ч. и 22 ученицы, въ 1691 г. — 87 чел. и съ ученицами. Годовое жалованье и кормовыя деньги назначались имъ не одинаково, смотря по мастерству и трудолюбію. Первостепенныя получали отъ 2 до 4 р., среднія по 1 р. и по 1 ½ р., меньшія, а равно и ученицы по полтинѣ. Въ 1627 г. мастерицы первой статьи получали 4 р., второй 3 р., третьей и четвертой 2 ½ р., пятой 2 рубля въ годъ. Кормовыхъ старшія получали по 5 и по 6 денегъ, среднія по 4, младшія по 3 и ученицы по 2 деньги на день. Хлѣбнаго, ржи и овса, старшія получали по 7 и по 8 четей, среднія по 5 и 6, младшія по 3 и 4 чети. У кого было помѣстье, тѣмъ хлѣбнаго жалованья не давали. Число хорошихъ мастерицъ стояло въ разное время большею частію на 30, отчего онѣ и назывались даже *тридцатницами*, такъ что попасть въ списокъ такихъ тридцатницъ значило пріобрѣсть настоящую степень мастерства. Мастерицы и ученицы были жены и дочери дворовыхъ же государевыхъ людей, царицыныхъ дѣтей боярскихъ, сытнаго и кормоваго двора стряпчихъ, подключниковъ, конюховъ, подьячихъ, а иныя и изъ городоваго дворянства. Когда въ 1680 г. произведена

была повѣрка ихъ дворовой службы, то оказалось, что нѣкоторыя служили въ Свѣтлицѣ лѣтъ по 50, напр. Катерина Темирева, Татьяна Перепечина, а Анна Лукъянова Маслова служила 58 лѣтъ; другія 40, 36 лѣтъ, 33 года, 27, 25 и вообще слишкомъ по 20 лѣтъ.

Шестую и послѣднюю степень женскаго царицына чина занимали *портомои* или по Котошихину—*мовницы*, иначе прачки, „которыя платье моютъ; жены дворовыхъ людей. А когда прилучится имъ мыть платье, говоритъ Котошихинъ, и то платье зимою и лѣтомъ возятъ на рѣку въ саняхъ, въ сундукѣ, замкнувъ и запечатавъ, покрывъ краснымъ сукномъ; а затѣмъ платьемъ идетъ боярыня, для береженья". Число ихъ въ началѣ XVII ст. было не велико, всего 8 челов.; оно увеличивалось съ нарожденіемъ царскаго семейства и въ концѣ столѣтія доходило до 30 челов. Въ 1682 г. ихъ было 24, въ 1691 г.— 28 чел. Жалованья онѣ получали по 3 р. въ годъ, кормовыхъ по 6 денегъ на день. Хлѣба, ржи по 10 четей безъ полуосмины, овса по 15 четей съ осминою.

Общее число царицына женскаго чина, какъ мы видѣли, не было опредѣлено какимъ либо штатнымъ положеніемъ. Оно постоянно измѣнялось, смотря по дѣйствительной надобности въ людяхъ. Праздныхъ и только штатныхъ должностей не существовало. Очень немногія лица сохраняли свои мѣста лишь въ видѣ пенсіи и то въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ мама царевны Софіи княгиня Лобанова-Ростовская очень долго оставалась на своемъ мѣстѣ и съ получаемымъ окладомъ, который былъ даже увеличенъ до 100 р. Но быть можетъ она несла при этомъ какую либо особую дворцовую обязанность. Она оставалась мамою и по удаленіи Софіи въ монастырь. Затѣмъ долго оставались на своихъ мѣстахъ кормилицы государей.

Число женскаго чина младшихъ степеней, начиная съ казначей, какъ и число боярынь, въ теченіи XVII ст. съ приращеніемъ царскаго семейства, постепенно увеличивалось. Въ 1620-хъ годахъ это число стояло около 60 чел.; въ тридцатыхъ годахъ оно простиралось не много за 100; въ 1630 г. было 102 чел.; въ 1634 г. — 106; въ 1637 г. — 113; въ 1640 г. — 120; черезъ десять лѣтъ, въ 1650 г.—было 149 челов.; въ 1660 г.— 178; въ 1673 г.—233 чел.; въ 1691 г.—264.

Въ первое время всѣ младшія степени чина, начиная съ казначей получали кормъ изъ Дворца, какъ и боярыни; но съ 1

сент. 1626 г. им были назначены кормовыя деньги, от 6 до 2 денег в день, смотря по чину и по старшинству в своем чинѣ.

Женскія лица неслужебнаго чина, число которых не было значительно и к которым принадлежали дурки-шутихи, уродивыя, богомолицы, дѣвочки-сиротинки, калмычки, арапки и т. п. — упомянуты в предыдущей главѣ. Этот чин пользовался готовым дворцовым содержаніем, получая все надобное для одежды и для своего личнаго обихода из царицыной казны.

Мужскій царицын чин можно распредѣлить на приказный, крестовый, стольничій, походный, истопничій, и мастерской.

Приказный чин управлял всѣм вѣдомством; он собственно и составлял *Постельный* (комнатный, кабинетный) *Приказ государыни царицы*, иначе *Приказ царицыной мастерской палаты*, что имѣло тот же смысл. Приказ представляли собственно только два лица, царицын дворецкій, стоявшій во главѣ вѣдомства, и дьяк. Царицыным дворецким бывал обыкновенно близкій человѣк по родству, по свойству или по старой испытанной службѣ. Так у царицы Евдокіи Стрѣшневых дворецким был ея дядя Ѳед. Степ. Стрѣшнев, также Вас. Ив. Стрѣшнев. У царицы Марьи Милославских в первое время Прокопій Ѳед. Соковнин, потом Вас. Мих. Еропкин, а в послѣднее время сын перваго Ѳедор Соковнин. У царицы Натальи Нарышкиных Аврам Никитич Лопухин.

Должность царицына дворецкаго по значенію равнялась званію окольничаго, поэтому и лица, занимавшія ее постепенно из простых дворян возводились в думные дворяне, а напослѣдок в окольничіе. Правою рукою дворецкаго и главною силою всего Приказа был дьяк, на обязанности котораго лежала вся письменная часть вѣдомства и все дѣлопроизводство. Он вел приходныя и расходныя книги, денежныя и матеріальныя, и своею подписью утверждал расход; составлял описи и переписи всякой казны, чиновные и всякіе другіе списки и росписи подвѣдомых лиц; производил и записывал сыскныя и распросныя дѣла и т. д.; словом сказать, это был главный секретарь царицы, производитель всякаго ея *приказа* и всякаго назначенія и распоряженія. Его жалованье равня-

лось съ жалованьемъ первыхъ боярынь — мамъ. Въ концѣ XVII ст., именно при царѣ Өедорѣ въ чину находились два дьяка, одинъ получалъ 80 р., другой 70.

Канцелярія дьяка состояла изъ двухъ или трехъ, а впослѣдствіи и изъ пяти подьячихъ, изъ которыхъ старшіе получали жалованья по 25 р., а младшіе по 20, слѣд. столько же, сколько и верховыя боярыни.

Такъ какъ дьякъ представлялъ главный узелъ всякихъ дѣлъ Приказа, то Котошихинъ при обозначеніи, кѣмъ приказъ управляется, вовсе и не поминаетъ дворецкаго, а говоритъ только, что въ томъ приказѣ *сидитъ* дьякъ, а надсматриваетъ казначея-боярыня. Это указаніе должно понимать въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно боярыня-казначея, какъ правая рука царицы и главный органъ ея ежедневныхъ приказаній, являлась по необходимости и главною управительницею приказа во всемъ томъ, что касалось такъ сказать матеріяльной и технической стороны вѣдомства, которое все таки было мастерскою палатою, т. е. учрежденіемъ для устройства всякихъ домашнихъ, комнатныхъ, постельныхъ царицыныхъ обиходовъ, при чемъ дворецкій, конечно, не могъ участвовать своею службою. Въ томъ приказѣ вѣдомо, говоритъ Котошихинъ, царицыно и царевичей и царевенъ платье и мастеровые люди; вотъ именно эта сторона дѣла и находилась въ надзорѣ боярыни-казначеи. Въ вѣденіи дворецкаго оставалась такъ сказать внѣшняя, наружная сторона дѣла, т. е. всѣ распоряженія, касавшіяся служебныхъ лицъ, разбирательство ихъ споровъ, судъ надъ ними и т. д., и потомъ всякое царицыно дѣло, производимое или устроиваемое внѣ хоромъ царицы, а также и всякія сношенія съ другими вѣдомствами.

Въ Приказѣ, кромѣ того, были вѣдомы Хамовныя слободы и села, въ Москвѣ — Кадашево, въ Твери — Константиновская, переведенная потомъ въ Москву же, и въ Ярославской сторонѣ села Брейтово и Черкасово, которыя выдѣлывали на царскій обиходъ полотна и всякую *бѣлую казну*. Всѣ эти люди, какъ и всѣ царицыны чины, судомъ и расправою въ истцовыхъ искахъ были вѣдомы исключительно въ Приказѣ мастерской царицыной палаты.

Къ крестовому царицыну чину мы относимъ крестовыхъ дьяковъ, служба которыхъ намъ уже отчасти извѣстна (т. I. гла-

ва II): они служили у *крестовъ* во время обычныхъ повседневныхъ моленій царской семьи, читали и пѣли, псалтырь говорили, конархали. Одинъ изъ нихъ, начальный, именовался *уставщикомъ*. Это по всему вѣроятію былъ знатокъ церковнаго устава и въ то же время регентъ; онъ управлялъ порядкомъ чтенія и пѣнія. Число крестовыхъ дьяковъ въ разное время было не одинаково. У царицы Евдокѣи Стрѣшневыхъ ихъ было всего 4 человѣка: у Марьи Милославскихъ въ 1654 г. — 6 чел. и у царевенъ 5 чел. При царицѣ Натальи Кир. было 2 уставщика и 26 чел. крестовыхъ. Въ 1682 г. царицыныхъ дьяковъ было 8 чел. и съ *уставщикомъ*, да кромѣ того у большихъ царевенъ 8, у меньшихъ царевенъ 9, у царевича Ивана Ал. 10 чел. — Жалованье они получали разное, вѣроятно по заслугамъ, по познанію и по способностямъ. Уставщикъ получалъ 25 р.; царицыны старшіе по 10 р., средніе по 7 р., младшіе по 5 р.; — у царевенъ большихъ старшіе 25 и 20 р., средніе 12 и 13 р., младшіе 9 и 10 р.; — у царевенъ меньшихъ старшіе 25 р. и 20 р., средніе отъ 11 до 16 р., младшіе 10 р. и 7 р.; — у царевича отъ 16 р. и до 4 р. Сверхъ того всѣ они получали *кормовыя* деньги, главные по 6 р., 1 статьи по 4 р., 2 статьи по 3 р.; также *славленыя* или праздничныя рождественскія первой статьи по 2 р., второй по 1 р., и *причастныя*, на два поста, на великій и успенскій, уставщикъ по 4 р., остальные по 2. Въ 1650-хъ годахъ за причастное сукно, на кафтанъ уставщикъ получалъ по 6 р., остальные по 3 р. и кромѣ того за годовые сукна по 5 р. каждый.

Въ стольничьемъ чину состояли царицыны стольники, которые по своей должности по лѣтамъ и по положенію были отчасти тоже, что пажи. „Въ стольники къ царицѣ, по словамъ Котошихина, — берутъ боярскихъ и окольничихъ и ближнихъ людей дѣтей, лѣтъ по 10 ростомъ (возрастомъ): а какъ они будутъ лѣтъ 15 или 17 и они въ томъ чину не бываютъ, а бываютъ въ царскій чинъ взяты, въ стольникижъ или (особенно близкіе) въ спальники. А бываетъ ихъ въ стольникахъ человѣкъ 20.“ Прямая должность ихъ обозначена самымъ ихъ званіемъ. Они стольничали за столомъ царицы и кромѣ того сопровождали ее въ выѣздахъ и походахъ. Какъ дѣтямъ имъ не было опредѣлено окладнаго жалованья, но за то ихъ должность проводила ихъ на лучшую дорогу на дѣйствительной службѣ въ государевомъ чину. Хотя Котошихинъ и говоритъ, что эт

были дѣти бояръ и вообще первостепеннаго сословія въ государствѣ, однако, судя по фамиліямъ, изъ которыхъ избирались царицыны стольники, мы должны замѣтить, что всѣ эти фамиліи вовсе не принадлежали людямъ знатнымъ. Это были вообще дворяне рядовые, мелкопомѣстные, нисколько не знатные и вступавшіе во дворецъ лишь по дворцовымъ же связямъ, особенно по свойству и родству съ царицею или съ приближенными къ ней людьми. Такъ напр. у царицы Евдокіи Стрѣшневыхъ въ стольникахъ находимъ Сем. Лук. Стрѣшнева, Алексѣя Никит. Годунова, Ив. Ѳед. Стрѣшнева большаго, Ив. Ѳед. Стрѣшнева меньшаго, Вас. Вас. Бутурлина, сынъ Вас. Матв.; Ив. Льв. Волкова, Якова Стрѣшнева, Аѳанасья Стрѣшнева, Як. Ив. Безобразова, кн. Ѳед. Ромодановскаго, сынъ Григорія Петр.—У царицы Натальи Кирилловны стольниками были тоже все родственники, Нарышкины: Левъ, Мартемьянъ, Ѳедоръ Кириловы, Кирила Алексѣевъ, Василій, Андрей, Семенъ Ѳедоровы и пр. У царицы Марьи Ильичны Милославскихъ находимъ въ стольникахъ въ первое время: Милославскаго Матв. Богдан., Голохвастовыхъ Кузьму и Ивана, Ртищева Ѳед. Мих., Соковнина Алексѣя Прок., сына ея дворецкаго Прокопья Ѳедоровича; Еропкина Ѳед., Траханіотова Александра Ив.; потомъ: Ртищева Луку Григ., Колычова Алексѣя Як., Потемкиныхъ Степана Петр. и Ѳедова Ив., Чичериныхъ Петра, Андрея и Артемья Яковлевыхъ, Ржевскаго Алексѣя Ив., Хитрово Петра Савел., Мартюхина Ивана Арт., Еропкина Ив. Ив., Кн. Елецкаго, Луговскаго, Нарбековыхъ, Блохина, Вельяминова, Сомова, Орлова, Прончищевыхъ, Панина, Соколова, Жданова, Кологривовыхъ, Лукина, Протасьева, Зиновьева, Собакиныхъ, кн. Львова, Кузмина, Головина, Полтева, Свиньина, Дашкова., Кутумова, кн. Вяземскаго Ѳед. Як., кн. Волконскаго Ив. Вас., кн. Мещерскаго Петра Ѳед., Мусина Пушкина Ив. Алекс., Бутурлина Ив. Ив., кн. Козловскаго Ѳед. Григ., Змѣева, кн. Долгорукова Влад. Димитр.

Все это дѣти людей не совсѣмъ знатныхъ и извѣстныхъ въ то время. Напротивъ здѣсь видимъ довольно фамилій, которыя принадлежали дворовымъ боярынямъ, каковы Мещерскіе, Волконскіе, Нарбековы, Собакины, Вельяминовы, Мартюхины, Колычовы, Хитрово, Еропкины, Сомовы, Орловы, Блохины, Кологривовы, и т. д., такъ что составъ этихъ стольниковъ видимо наполнялся родствомъ и свойствомъ дворовыхъ царицы-

ныхъ чиновъ. Затѣмъ еще у царицы Марьи, т. е. въ то врем, когда писалъ о дворѣ Котошихинъ, указавшій, что стольниковъ бывало человѣкъ 20,—мы находимъ ихъ гораздо больше Къ концу XVII ст. число ихъ быстро возрастаетъ, особенн съ того времени, когда въ государскомъ дворѣ явилось нѣсколько царицъ, собиравшихъ каждая около себя свой особы *чинъ*, и особенно быть можетъ по той причинѣ, когда молодо царь Петръ сталъ забирать своихъ сверстниковъ дворянъ к себѣ на службу, въ свое потѣшное войско. Тогда всѣ тѣ, кт не желалъ, чтобы дѣти ихъ потѣшничали и стало быть по понятіямъ вѣка безобразничали въ Преображенскомъ, всѣ вообщ лежебоки и бѣлыя руки старались уйдти въ стольники къ царицамъ, гдѣ служба была женская и легкая. Въ 1686 г. у од ной царицы Прасковьи Өедоровны, супруги царя Ивана Алексѣевича, ея стольниковъ числилось уже 263 человѣка, изъ ко торыхъ въ то время по требованію въ Москву явилось толь 62 чел., а 201 оказались въ нѣтехъ, жили по деревнямъ. В 1696 г. отъ царицы Евдокіи Лопухиныхъ присланы были в Разрядъ на смотръ для службы 76 чел. и послѣ смотру, за ма лолѣтствомъ были оставлены въ царицыномъ чину по прежнем

Царицыны стольники, не получая никакихъ окладовъ, жа лованы были только платьемъ, которое получали или готовымъ или кусками тканей и деньгами на прикладъ. Въ 1653—4 го дахъ они получали на холодное платье всего по оцѣнкѣ и с деньгами рублей на 17 слишкомъ.

Къ походному чину относимъ царицыныхъ дѣтей боярских Служба ихъ, по словамъ Котошихина, была такова: посыла ютъ ихъ боярыни во всякіе посылки и ѣздятъ съ царицею в походъ, и спятъ у царицы въ Верху, для сторожи и обереганія, въ низкихъ мѣстахъ, по суточно, по перемѣнамъ. Главнѣйшая надобность въ нихъ представлялась именно во время царицыныхъ походовъ. когда они оберегали поѣздъ на пути оберегали царицынъ дворъ на станахъ. Штатное число их полагалось, кажется, около 100 челов., но бывало больше меньше. Всѣ онѣ кромѣ денежнаго годоваго жалованья, получали и *помѣстный окладъ*. Старшій денежный окладъ бывалъ в 14 и 15 р.; къ нему помѣстнаго оклада назначалось отъ 40 до 500 четвертей или отъ 200 до 250 десятинъ. Средній оклад былъ 10—13 р. денегъ и 300—350 четвертей помѣстья; млад

шій окладъ 7—9 р. и помѣстья 150—250 четвертей. Прибавка жалованья назначалась по заслугамъ, а большею частію по годамъ службы. Во дворѣ у царицы они служили обыкновенно по очереди по три мѣсяца въ году, перемѣняясь, а остальное время жили въ своихъ помѣстьяхъ. Мѣсяцы ихъ дворовой службы назывались *жилыми* мѣсяцами, потому что въ то время они жили въ Москвѣ, или собственно при дворѣ.

Въ истопничемъ чину начальное мѣсто занималъ *истопничій*, который имѣлъ наблюденіе за чистотою и отопленіемъ хоромъ и за всѣмъ обиходомъ, какой только требовался для этой цѣли. Его вѣдомство сосредоточивалось въ *истопничей палатѣ* (т. I, глава II), гдѣ собирались подчиненные ему *мовные* и *сѣнные истопники* и *сторожи* и гдѣ сохранялась всякая истопничья казна, разные матеріалы и вещи.

Въ царицыномъ чину истопничій получалъ жалованья 30 р. и по порядку чиновъ слѣдовалъ за дьякомъ. Мовные истопники топили и готовили мыльни у царицы и у царевенъ, и получали жалованья по 9 р., Мовные сторожи работали у тѣхъ мыленъ за чистотою и сторожили; жалованья получали по 5 р. Въ 1682 г. истопниковъ было 2, а сторожей 4. Сѣнные истопники, которые палаты и хоромы топятъ и метутъ и у дверей для отворянія стоятъ, люди честные и пожалованные помѣстьями и вотчинами, а живутъ на Москвѣ, т. е. въ службѣ во дворцѣ, по полугоду. Сѣнные сторожи стерегли и оберегали на сѣняхъ, крыльцахъ, лѣстницахъ и на дворахъ. Первые получали жалованья по 7 р., а вторые по 3 р. Въ 1682 г. истопниковъ было у царицы 14 ч., у большихъ царевенъ 8 ч., у меньшихъ 17 ч.; сторожей у царицы 39 чел., у большихъ царевенъ 8 чел., у меньшихъ царевенъ 16 чел. Сторожи для своихъ занятій распредѣлялись по разнымъ мѣстамъ и палатамъ: такъ въ 1646 г. въ мастерской палатѣ ихъ было 4 челов., у мастерицъ въ свѣтлицѣ 3 челов., въ портомойнѣ 4 челов., въ Казенной палатѣ 2 ч., и т. д. и также особо у хоромъ царицы, каждаго царевича и каждой царевны, если тѣ хоромы были строены въ отдѣльности.

Мастерской чинъ состоялъ при царицыной мастерской палатѣ изъ разныхъ мастеровыхъ людей по заготовленію платья и разныхъ другихъ предметовъ постельнаго обихода. Это были порт-

ные мастеры, между которыми старшее мѣсто занимали *закройщики*. Закройщиковъ бывало человѣка два, которые получали жалованья по 10 р., кормовыхъ по 5 денегъ на день. Рядовыхъ портныхъ бывало около 10 человѣкъ; затѣмъ чеботники, человѣкъ шесть; шапочникъ, каптурникъ, шляпочникъ, кружевникъ, бѣлильникъ, игольникъ, которые получали по 7 р. жалованья и по 3 денги кормовыхъ.

Въ рукодѣльномъ чину кромѣ мастерицъ, при Свѣтлицѣ состояли: *знаменщики*, два человѣка, которые знаменили, т. е. рисовали потребные для шитья рисунки иконъ, всякихъ изображеній и всякіе узоры, и *свѣтличный писецъ*, составлявшій рисунки надписей, тоже для вышиванья. Они получали жалованья по 15 р., кормовыхъ по 6 денегъ. При той же свѣтлицѣ для пяличныхъ и разныхъ другихъ подобныхъ дѣлъ находился свѣтличный *плотникъ*, собственно столяръ, получавшій 2 р. жалованья и по 6 денегъ на день кормовыхъ.

Какъ старшіе, такъ и младшіе дворовые царицыны чины пополнялись всегда лицами, состоявшими въ близкомъ или дальномъ родствѣ съ тѣми, которыя уже находились на службѣ. Родство съ тѣмъ или другимъ чиномъ всегда давало прямое право просить объ опредѣленіи въ этотъ чинъ. Въ этомъ дворовый порядокъ находилъ наиболѣе вѣрное ручательство при выборѣ служебныхъ лицъ, ибо родъ личности въ то время всегда представлялъ естественную круговую поруку за своего родича и если такая круговая порука состояла уже на службѣ, то тѣмъ легче и тѣмъ прямѣе была дорога для поступленія въ эту службу новаго родича. Въ челобитныхъ прямо и выставлялось это обстоятельство, какъ основаніе просьбы. „Родители, государь, мои, пишетъ одинъ боярскій сынъ, прося царя Алексѣя объ опредѣленіи въ царицынъ чинъ, *дядья и братья* у тебя, государя, во дворѣ, въ царицыныхъ дѣтехъ боярскихъ, въ сытникахъ и въ подключникахъ, а *матья* у тебя же, государя, во дворѣ, у государыни царицы Анны Мих. въ постельницахъ. Милосердый государь! пожалуй меня, холопа своего, вели мнѣ быть у государыни царицы въ дѣтехъ боярскихъ".

Младшій мужской чинъ, сѣнные истопники и сторожи, портные и другіе мастера, въ первое время избирался изъ добрыхъ людей, вѣроятно, тоже по свойству и родству съ дворовыми чинами. Но, конечно, при такомъ порядкѣ, ручательство и одо-

бренie родственниковъ и свойственниковъ за доброе поведенie избираемаго не всегда оправдывало ихъ выборъ и нерѣдко во дворцѣ являлись большie безобразники, которыхъ трудно было унять, остановить. Въ рукахъ дворцовой власти не было никакого твердаго обезпеченiя, что избранный, во все время своей службы, будетъ вести себя пристойно и благонравно во всѣхъ отношенiяхъ, поэтому и здѣсь впослѣдствiи явилась необходимою единственная старинная мѣра охраны отъ всякихъ случайностей служебнаго зла и безпорядка, именно круговая порука. Это произошло по слѣдующему обстоятельству. Въ 1660 г. генваря 7, „великая государыня царица и в. к. Марья Ильична указала истопниковъ Пронку Пототуя да Микитку Шайкина за ихъ многое безчинство и пьянство отставить и учинить жестокое наказанье, бить кнутомъ. И тогожъ числа имъ чинено наказанье, вмѣсто кнута, биты батоги нещадно. Приказъ о томъ изъ хоромъ казначеи Матрены Блохиной. А на ихъ мѣсто указала великая государыня взять вновь иныхъ истопниковъ съ записьми и съ крѣпкими поруками. А впредь указала государыня имать въ истопники и въ сторожи вновь съ поручными крѣпкими съ записьми, и безъ поручныхъ записей отнюдь неимать“.

Послѣ того, при опредѣленiи въ такiя должности, всегда уже приносилась и поручная крѣпкая запись отъ людей, вполнѣ ручавшихся за избраннаго, въ которой они писали: „поручилися есми — въ томъ, что такому-то быть по государеву указу въ такой-то должности, служить вѣрно и государево здоровье *опасать* и все памятовать, что ему чтено въ крестоприводныхъ статьяхъ; у государева дѣла не пить, не бражничать, никакимъ воровствомъ не воровать и съ воровскими съ *приличными* людьми не водиться, виномъ и табакомъ не торговать, карты и зернью не играть; и государскаго самому ничего не красть и для *покражея* въ казнѣ воровскихъ людей не подвесть и дурна никакого и хитрости надъ государевою казною не чинить; всего государскаго беречь съ великимъ радѣньемъ и съ опасеньемъ и подвоху надъ казною никакого не учинить; и что видячи надъ своею братьею какое дурно и о томъ начальнымъ людямъ извѣщать, и съ своею братiею дневать и ночевать по очереди; и безъ указу никуды не съѣхать и вземъ жалованье, не заслужа не снесть и не сбѣжать; и отъ чину, не бивъ челомъ государынѣ, собою не отстать; а буде опредѣляемый что сдѣлаетъ

противное этимъ статьямъ, то, писали поручики, на насъ поручикахъ пеня, а пени, что государь укажетъ, взять на томъ, кто насъ поручиковъ будетъ въ лицахъ,—наши поручиковы головы, вмѣсто его головы".

Вообще дворцовое безчинство и особенно воровство наказывалось во всякомъ случаѣ довольно строго. Однажды, въ маѣ 1688 г. портной мастеръ царицына чина, Михайло Сергѣевъ, отрѣзалъ у двухъ царицыныхъ подножій (родъ ковровъ) нѣсколько соболей. Украденное онъ продалъ на Красной площади и денегъ взялъ всего двѣ гривны. Дворцовая подозрительность проснулась; поднялся розыскъ, допытывались съ какою цѣлью были отрѣзаны соболи, не мыслилъ ли воръ какого зла на государское здоровье? Это нужно было знать тѣмъ болѣе, что подножья принадлежали царицѣ Натальѣ Нарышкиныхъ, а тогда, съ этой стороны, всего опасались отъ другаго царскаго рода Милославскихъ. Розыскъ, однакожъ, кромѣ простаго воровства, ничего не открылъ. За воровство портному была слѣдующая сказка: „Мишка Сергѣевъ! Будучи ты въ мастерской палатѣ въ портныхъ мастерахъ, своровалъ государскаго достоянія, отъ двухъ подножій соболи обрѣзалъ, и въ томъ въ твоемъ воровствѣ винился, и за то твое воровство великая государыня благовѣрная царица и в. к. Наталія Кириловна указала бить кнутомъ и отъ чину отставить и впредь у государскихъ дѣлъ нигдѣ не быть".—Вслѣдствіе этого указа, іюня 19, онъ битъ кнутомъ передъ дворцомъ за Куретными вороты, дано 30 ударовъ.

Обыкновенный способъ исправленія нравственности дворовыхъ служителей и другихъ меньшихъ чиновъ состоялъ въ томъ, что ихъ отправляли, особенно за пьянство, *подъ началъ* въ монастырь, по большой части въ Москвѣ въ Покровскій, что на Убогихъ Домахъ, или въ одинъ изъ отдаленныхъ сѣверныхъ. Такъ въ мартѣ 1666 г. царицыны крестовые дьяки, Михайла да Мартинъ Протопоповы, были сосланы подъ началъ первый въ Убогій Домъ, а другой на Вологду въ Каменный монастырь, съ наказомъ держать подъ крѣпкимъ началомъ, къ церковному пѣнію приходить и всякую работу работать. Эти крестовые могли быть сосланы и за раскольничьи мнѣнія.

Такому же подначальному монастырскому исправленію подвергались въ своихъ проступкахъ и лица женскаго чина. Ихъ ссылали подъ началъ обыкновенно въ Хотьковскій монастырь, а иногда и въ болѣе отдаленные монастыря: въ Успенскій со

Владиміръ, въ Суздальскій Покровскій. Въ 1658 г. авг. 4 сослана въ Хотьковскій монастырь комнатная Евгенія Шишкина, возвращенная оттуда на другой годъ въ маѣ. Въ 1694 г. іюня 7 сослана въ Володиміръ одна постельница при слѣдующей грамотѣ: „Въ Володимеръ въ Успенскій дѣвичь монастырь игуменьѣ Өеодосіи съ сестрами. Послана къ вамъ отъ насъ (государей) изъ комнаты царевны Маріи Алексѣевны подъ началъ постельница Ирина Протопопова за еѣ безчинство и пьянство; и вамъ бы еѣ дать подъ началъ въ келью старицѣ княжнѣ Максимиллѣ Шеховской подъ крѣпкой началъ, и велѣть ей ходить къ церкви ко всякому пѣнію и въ кельѣ поклоны класть, какъ чинъ монастырской надлежитъ; и послѣ церковнаго пѣнія быть у монастырсѣой всякой работы; и съ монастыря еѣ неспускать и хмѣльнова ничево не давать; а буде она въ чемъ не послушна будетъ и еѣ смирять, какъ чинъ монастырской надлежитъ".

Монастыри, такимъ образомъ, въ старомъ нашемъ быту имѣли для правительства весьма важное значеніе, какъ мѣста исправленія всякихъ худыхъ нравовъ, худыхъ мыслей, всякаго самомнѣнія, и даже въ случаяхъ, когда совсѣмъ кто либо лишался ума. Въ 1673 г. іюля 6 царю Алексѣю била челомъ нѣкая вдова Анютка Өомина. „Сынишка, государь, мой, Ивашка Степановъ, будучи при твоей царской милости великія государыни царицы и в. к. Натальи Кирилловны въ мастерской палатѣ въ портныхъ мастерахъ, и въ нынѣшнемъ, государь, во 181 году послѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья за грѣхи мои залежалъ, и въ скорби своей по грѣхомъ во умѣ порушился, меня не слушаетъ и въ домишку всякое неистовство чинитъ и пужаетца и бѣгаетъ; а я бѣдная съ невѣсткою своею, а съ его женою людишка одинакіе, приберечь его и смирить некому, и не слушаетъ. Милосердый государь! Пожалуй меня бѣдную безпомощную рабу свою, вели, государь, его, сынишка моего Ивашка сослать подъ началъ въ монастырь ко Всемилостивому Спасу на Новое, по коихъ мѣстъ Господь Богъ во умѣ его утвердитъ, чтобъ мнѣ бѣдной отъ сынишка своего въ позорѣ не быть и емубъ сынишку моему впредь твоей царской милости не отбыть. Царь государь смилуйся пожалуй! „Государь указалъ сослать его въ монастырь Покрова Богородицы, что на Убогихъ Дому съ наказомъ: „велѣть держать его подъ крѣпкимъ началомъ, и отдать его старцу воздержательному, и велѣть ему

ходить къ вечерни и къ заутрени и къ литоргѣи по вся дни, а винабъ и пива и меду къ нему никто не приносилъ".

Царицынъ младшій женскій и мужской чинъ, именно постельницы, мастерицы, портомои, мастеровые люди, дѣти боярскіе и пр. былъ поселенъ особою слободою, которая была расположена подлѣ Никитскаго дѣвичьяго монастыря, между улицами Никитскою и Смоленскою, нынѣ Воздвиженкою, и называлась *Кисловкою.* Это названіе и теперь сохраняется въ тамошнихъ переулкахъ. Отъ жившаго здѣсь царицына чина самая улица Никитская именовалась иногда Царицыною. По всему вѣроятію заселеніе Кисловки дворовыми людьми царицы относится еще ко временамъ великихъ князей, т. е. покрайней мѣрѣ къ концу XV вѣка, когда Кремль былъ перестроенъ и слободы по Неглинной переставлены на новыя мѣста. Слободская земля была государева и раздавалась подъ дворы, смотря по надобности, въ извѣстномъ размѣрѣ. Съ теченіемъ времени съ умноженіемъ населенія и съ переходомъ дворовъ отъ одного владѣльца къ другому, дворовая мѣра въ иныхъ случаяхъ дробилась, отрѣзывалась на части, а иногда прирѣзывалась, получала большій размѣръ противъ настоящаго, что всегда между жителями возбуждало споры и ссоры. Каждый, особенно изъ вновь приходящихъ требовалъ для себя законной мѣры, жаловался на сосѣда въ неправильномъ владѣніи даже одною саженью. По тѣснотѣ помѣщенія конечно и одна сажень была дорога, а тѣмъ болѣе если и отъ этой малой мѣры зависѣло удобство или неудобство въ расположеніи разныхъ хозяйственныхъ построекъ. Къ тому же многіе изъ царицына чина жили въ разныхъ мѣстахъ по Москвѣ и просили помѣстить ихъ также въ Кисловкѣ, такъ какъ она была ближе ко дворцу, да и мѣсто было казенное, слѣд. для служащихъ по праву даровое. Для удовлетворенія такихъ челобитій, для прекращенія жалобъ и приведенія въ порядокъ этого дѣла въ ноябрѣ 1689 г. было указано учинить въ Кисловкѣ всѣ дворы по ровну, т. е. длинникъ улицы или переулка раздѣлить на равныя части и отмѣрить для каждаго двора поперекъ по воротамъ или 7 или 8 саж., соображаясь съ длиною улицы, или переулка, а на полдвора половину той и другой мѣры, т. е. 3½ и 4 саж. Въ это время въ Кисловкѣ была одна улица и пять переулковъ, въ томъ числѣ Тупой, Ивановской, Кузмодемьянскій. Дворовъ было 115, мѣрою по наличной сто-

ронѣ на 744 саженяхъ. По новому размѣру учинено 181 дворъ по 4 саж. и 208 дворовъ по 3½ саж., при чемъ еще осталось въ разныхъ концахъ мелкою мѣрою 40½ саж. Такимъ образомъ число дворовъ было увеличено съ цѣлію изпомѣстить всѣхъ желавшихъ и имѣвшихъ право здѣсь жить. Видимо, что время отъ времени, смотря по приливу населенія, узаконенная мѣра дворовъ измѣнялась. Такъ въ 1692 г. эта мѣра была только въ 6 саж. на цѣлый дворъ и длиннику внутрь двора 10 саж. Длинникъ всегда зависѣлъ отъ ширины квартала или сплошныхъ дворовъ между двумя улицами, который и дѣлился пополамъ, такъ что въ иныхъ мѣстахъ онъ бывалъ и по 8 саж. Лишняя мѣра, которою по какому либо случаю кто завладѣлъ, всегда могла быть отрѣзана, какъ скоро являлся челобитчикъ. По случаю отставки или смерти и вообще по случаю выбытія изъ чина, владѣлецъ двора свозилъ обыкновенно свои хоромы или продавалъ ихъ заступавшему его мѣсто. Въ иныхъ случаяхъ дворовыя мѣста отдавались жильцамъ изъ оброку; платили съ поперечника по 3 ал. 2 деньги съ сажени.

Во внутреннемъ, такъ сказать домашнемъ устройствѣ слобода Кисловка отличалась отъ другихъ московскихъ слободъ тѣмъ, что въ ней не было старосты, ни сотскаго, ни десятскихъ, т. е. она вовсе не имѣла самостоятельнаго земскаго значенія, а имѣла значеніе дворовое, какъ совокупность людскихъ дворовыхъ избъ. Полное завѣдываніе мѣстомъ и жителями принадлежало Приказу царицыной мастерской палаты, откуда для ближайшаго надзора и управленія, главнымъ образомъ въ полицейскихъ дѣлахъ, назначался въ слободу и особый *прикащикъ* изъ боярскихъ дѣтей царицына чина. Иногда эта должность поручалась двоимъ. Прикащикамъ выдавалась *наказная память*, наказъ, что будучи имъ въ Кисловкѣ въ прикащикахъ надъ дѣтьми боярскими и надъ всякихъ чиновъ людьми, которые живутъ тамъ своими дворами, надсматривать, чтобъ они виномъ и табакомъ не торговали, и корчмы и никакого воровства не чинили, и пріѣзжихъ и пришлыхъ всякихъ чиновъ людей несродичей къ себѣ во дворы никого не принимали, и изъ дворовъ своихъ на улицу всякаго помету не метали; а ослушниковъ и винопродавцевъ, имая съ виномъ, и питуховъ и корчемниковъ и воровскихъ людей приводили бы въ приказъ царицыной мастерской палаты, къ дворецкому и къ дьякамъ. А буде ихъ оплошкою и нерадѣніемъ что объявится, и учинится в. госу-

дарю вѣдомо мимо ихъ, и имъ прикащикамъ за то быти въ опалѣ и въ жестокомъ наказаньи безовсякія пощады. Такой наказъ данъ былъ въ 1670 г. апр. 27. Для береженья отъ воровскихъ людей въ слободѣ на четырехъ улицахъ было устроено въ 1632 г. четыре *рѣшотки*, а пятая улица съ переулкомъ загорожены на глухо, для чего было куплено 201 бревно разной мѣры, длиною отъ 2½ до 4 саж. На каждую рѣшетку выходило около 40 такихъ бревенъ. Это были крѣпкіе заборы, которыми слобода на выѣздахъ отгораживалась отъ чужихъ улицъ. Въ срединѣ для проѣзда устроивалась брусяная рѣшетка, которая днемъ поднималась, а на ночь опускалась, задвигалась желѣзнымъ засовомъ и запиралась замкомъ. У каждой рѣшетки была поставлена сторожевая изба, гдѣ постоянно жилъ *рѣшеточный сторожъ*, наблюдавшій вообще за слободскимъ уличнымъ порядкомъ своего участка. — Рѣшетки по своему мѣстоположенію получали и особыя названія: была рѣшетка *здвиженская*, выходившая къ Воздвиженскому монастырю на Смоленскую, нынѣ Воздвиженскую улицу, *никитская*, стоявшая подлѣ Никитскаго монастыря, *ивановская* у церкви Іоанна Милостиваго.

Чтобы ознакомиться съ людьми, съ ихъ жизнію и нравами, воспользуемся нѣсколькими сыскными дѣлами и челобитными, въ которыхъ являются не въ воображаемомъ, а въ дѣйствительномъ свѣтѣ, и слова, т. е. мысли, и дѣла, или поступки древнихъ людей. Это самые достовѣрные свидѣтели стараго житья-бытья, дающіе всегда такія показанія, которыя трудно и совсѣмъ невозможно передать въ образѣ какого либо научнаго счета, итога или вывода; но которыя, однако скорѣе и прямѣе научныхъ вычисленій вводятъ читателя въ исчезнувшій міръ старинныхъ понятій, убѣжденій, представленій и дѣйствій, т. е. именно въ тотъ міръ, который исключительно именуется жизнію. Здѣсь мы приводимъ нѣсколько такихъ документовъ, обрисовывающихъ отчасти дворцовый *Верхъ*, а по преимуществу дворцовый *Низъ*, т. е. младшую среду дворцовой службы и ея житейскихъ отношеній. Вотъ дѣло о *мышьякѣ*, принесенномъ неумышленно въ Свѣтлицу.

1630 года генваря въ 13 день государыни царицы и в. к. Евдокѣи Лукьяновны словомъ приказала крайчея княгиня Со-

онанида Мезецкая, а велѣла дьяку Сурьянину Тороканову итить въ Свѣтлицу и роспросити золотную мастерицу Онтониду Григорьеву жену Чашникова, какое она государево дѣло вѣдаетъ на мать свою, на золотную жъ мастерицу на Окулину Волкову, и она бъ про то сказала въ правду, по государеву крестному цѣлованью; а что она Онтонида въ роспросѣ скажетъ и тѣ рѣчи записавъ, приказала государыни царица сказати себѣ государынѣ.

И того жъ часу по приказу государыни дьякъ Сурьянинъ Тороканов золотной мастерицы Онтониды Чашниковы роспрашивалъ. Мастерица въ роспросѣ сказала: въ нынѣшнемъ во 138 (1629) году декабря въ 21 день ввечеру пошла изъ Свѣтлицы къ себѣ на подворье сестра ея родная Марья Ярышкина и выронила въ Светлицѣ платъ черной, и она тотъ платъ подняла, а въ немъ завязано въ узлу съ зерновую кость, невѣдомо что, съ одной стороны бѣло, а съ другой черно: и она де тотъ платъ положила у себя для того, какъ сестра ея спроситъ. И на завтрее декабря въ 22 день пришла въ Свѣтлицу сестра ея та жъ Марья и учала говорить, что она вечоръ выронила платъ съ деньгами: и она де ей сказала, что тотъ ея платъ подняла она Онтонида, а тотъ де платъ безъ денегъ. а въ немъ заверчено въ узлу невѣдомо что; и учала.................. передъ подругами своими, и она де Марья тотъ платъ у ней вырвала совсѣмъ и побѣжавъ на лѣстницу, бросила дѣтинѣ своему Онашкѣ, а Онашка взявъ тотъ платъ, пошелъ съ двора; и она Онтонида учела ей говорити, для чего платъ вырывать, а въ немъ было завязано невѣдомо что? И та сестра ея Марья передъ подругами своими говорила ей, что въ томъ плату былъ завязанъ мышьякъ, а послѣ сказала, что была сулема: а подруги ея въ тѣ поры были въ Свѣтлицѣ Катерина Ходина да дѣвки Полагѣя Волкова да Степанида Хлѣбникова; и Катерина учела ей Марьѣ говорить, что она дѣлаетъ не гораздо, носитъ съ собою въ Верхъ мышьякъ. И та де сестра ея сказала, что тотъ мышьякъ приготовленъ былъ у ней на сверчковъ. И на завтрее де того. декабря въ 23 день, била челомъ на нее Онтониду въ Свѣтлицѣ боярынѣ книгинѣ Овдотьѣ Каркадиновѣ Окулина Волкова, что она Онтонида тѣмъ сестру свою, а ея дочь Марью клеплетъ напрасно. Въ тотъ же день боярыня книгиня Овдотья Каркадинова сказывала про то государынѣ. И царица и в. к. Евдокѣя Лукьяновна присылала

про то сыскивать въ Свѣтлицу Василья Ивановича Стрѣшне. Вас. Ив. для того плата посылалъ къ матери ея къ Окулинѣ Волковѣ нарочно. И мать ея Окулина принесла тотъ платъ въ Свѣтлицу. Вас. Ив. Стрѣшневъ, смотря тотъ платъ, казалъ ей Онтонидѣ. И она Онтонида, въ томъ плату смотря, сказала, что въ немъ завязано въ узлу не то, что напередъ того было; прежде того было въ немъ завязано съ зерновую кость съ одной стороны бѣло, а съ другой черно; а послѣ въ томъ плату заверчена соколья соль; а та сестра ея Марья, на кого она нынѣ извѣщаетъ, передъ подругами своими сказывала, что были въ томъ плату завязаны деньги; а послѣ она жъ сказала, что былъ завязанъ мышьякъ; а въ третьи сказала, что была сулема: а какъ ей тотъ платъ показали, и въ томъ де плату завязана соколья соль, а не мышьякъ и не сулема. И она де Онтонида объ томъ била челомъ Василью Ивановичу имянно, что въ плату подменено, а заверчено не то, что было напередъ того завязано. И Василей Ивановичь, взявъ тотъ платъ, запечаталъ и отнесъ его къ государынѣ въ монастырь. И послѣ того мать ея Окулина на нее Онтониду бранилась и хотѣла ее въ Свѣтлицѣ за сестру ея Марью, а за свою дочь, ушибити брусом

Окулина, выслушавъ дочернины рѣчи, запиралась, сказала, что она сестру свою Марью тѣмъ клеплетъ напрасно, такого плата дочь ея у ней изъ рукъ не вырывала, а дала ей тотъ платъ она Окулина, а была въ немъ заверчена соколья соль, а не мышьякъ и не иное что, и та де сестра ея Марья, взявъ у ней тотъ платъ, отдала племянницѣ своей Полагѣѣ Волковѣ, и Полагея, взявъ у ней платъ, отдала дѣтинѣ ея Онашкѣ, а дѣтина, взявъ платъ, отнесъ къ себѣ. Полагѣя Волкова, ставлена съ очей на очи, сказала, что тотъ платъ вынесши изъ Свѣтлицы, дала ей у дверей Марья Ярышкина и она, взявъ у ней платъ, кинула изъ сѣнного окошка дѣтинѣ Онашкѣ. И золотная мастерица Онтонида била челомъ, а сказала, что т Полагѣя Волкова матери ея родная племянница и она по теткѣ своей кроетъ, и про то бъ допросити другую мастерицу, которая въ тѣ поры тутъ же въ Свѣтлицѣ была, дѣвку Степаниду Хлѣбникову; она то вѣдаетъ, какъ сестра ея Марья тотъ платъ у ней вырвала, а не сама ей дала.

Дѣвка Степанида, спрашивана, сказала по государеву крестному цѣлованью: декабря въ 22 день бранилась сестра е Марья въ Свѣтлицѣ съ нею съ Онтонидою, и Онтонида ей г

рила: для чего она у ней вырываетъ платъ, а въ немъ за-
)ченъ мышьякъ; и она ее за то бранила, а какъ у ней Оку-
іны сестра ея Марья тотъ платъ изъ рукъ вырвала, и она
о не видала, потому что шила государское дѣло.
И мастерица Онтонида била челомъ, и на мать свою и на
стру говорила въ примѣръ, что мать ея Окулина ее Онто-
цу не любитъ и по сестрѣ ея, а по своей дочери, кроетъ;
де то подлинно въ тѣ поры видѣла и слышала золотная
стерица Катерина Ходина.
Катерина Ходина, спрашивана, сказала по государеву крест-
ну цѣлованью: съ Окулиною де она Волковою въ побранкѣ,
на чомъ государю цѣловала крестъ и она скажетъ въ пра-
, хотя послѣ вели государь про то сыскать мимо ее: дека-
і въ 22 день пришла въ Свѣтлицу Окулинина дочь Марья
)ышкина и учала говорити сестрѣ своей Онтонидѣ Чашниковѣ,
) она вечоръ декабря въ 21 день въ Свѣтлицѣ выронила
атъ съ деньгами; и Онтонида учала ей говорити, что она
дняла платъ ея безъ денегъ, а въ немъ завязано невѣдомо
); и та сестра ея Марья сказала, что въ томъ плату завя-
ъ мышьякъ. И она Катерина учела ей говорити, что она
дѣлаетъ негораздо, носитъ съ собою въ Верхъ мышьякъ.
Марья сказала, что въ томъ плату завязана сулема, а она
сулему приготовила на сверчки. И послѣ того Марья выр-
ла тотъ платъ у сестры своей у Онтониды изъ рукъ и по-
ла изъ свѣтлицы вонъ, а Онтонида почала съ нею за то
анитца, что она платъ у ней вырвала: а въ томъ де плату
вязано было, походило на зерновую кость, а не мышьякъ и
сулема. А мать ея Окулина то видѣла жъ и нынѣ по до-
ри своей кроетъ; а племянница Полагѣя Волкова не скажетъ
линно для того, что Окулина Волкова ей тетка родная.
Окулина Волкова противъ тѣхъ рѣчей во всемъ запиралась.
устя слишкомъ три мѣсяца, апрѣля 30, государь приказалъ
ику Сурьянину про то дѣло сыскати накрѣпко, дѣтину Она-
у, поставя передъ собою съ золотными мастерицы съ очей
очи. распросить; да будетъ дѣтина противъ извѣтныхъ
чей въ чемъ учнетъ запиратца и государь велѣлъ про то
о его пытати; а кто что въ роспросѣ и съ пытки скажетъ,
государь про то дѣло велѣлъ сказати себѣ государю.
Маія 3 дьякъ Сурьянинъ послалъ по золотныхъ мастерицъ
по дѣтину царицыныхъ дѣтей боярскихъ, а велѣлъ имъ,

взявъ ихъ по подворьямъ безвѣстно, держати всѣхъ порозвь. Тогожъ часу дѣти боярскіе взявъ по подворьямъ золотныхъ мастерицъ да дѣтину, привели къ дворцу. И дьякъ Сурьянинъ дѣтину спрашивалъ. Дѣтина сказалъ: декабря въ 22 день приходилъ онъ на дворецъ къ боярынѣ своей къ золотной мастерицѣ къ Марьѣ Ярышкинѣ и Марья де попросила у него плата, въ чомъ завертѣть рыба; и онъ далъ ей платъ свой, а въ немъ въ узлу завязана была соколья соль, а тое де онъ соль пущалъ женѣ своей въ очи для того, что у ней очи больны. И на завтрѣе де того пришелъ онъ къ той же своей боярынѣ на дворецъ и ему тотъ платъ, вынесши на крыльцо, кинула Окулинина племянница дѣвка Пелагея Волкова; въ томъ де плату завязана была въ узлу тажъ соколья соль, а не кость и не мышьякъ и не сулема; а у боярыни своей у Марьи Ярышкиной плата никакова онъ не имывалъ, кинула ему съ крыльца платъ дѣвка Пелагея. Дьякъ Сурьянинъ спросилъ дѣтину, только ему тотъ платъ и соколья соль показати и онъ узнаетъ ли? Онашка сказалъ, что узнаетъ, да билъ челомъ, чтобъ ему показать. Потомъ, смотря плату, сказалъ, что платъ его, а узолъ, въ чемъ завязана сокольи соль, не тотъ; прежней узолъ былъ поменьше. Дьякъ Сурьянинъ, развязавъ узолъ, казалъ ему соколью соль. Дѣтина, смотря соли, сказалъ, кабы де прежъ того была завязана та соль; а послѣ того учалъ мяться, а сказывалъ, что та, а иное не та; да смотря соли, постоявъ немного, сказалъ, что въ плату подлинно завязана была та соколья соль, а не иное что. Дьякъ Сурьянинъ, видя, что дѣтина почалъ въ рѣчахъ своихъ мяться, велѣлъ его приставомъ вести къ пыткѣ; а золотныхъ мастерицъ Окулину Волкову съ дочерями для подлиннаго сыску къ распросу велѣлъ вести съ нимъ же вмѣстѣ. И приведчи къ пыткѣ, распрашивалъ ихъ порозвь. Дѣтина, стоя у пытки, сказалъ прежніе свои рѣчи, что платъ его, и завязана была въ немъ та соколья соль, что ему казана, а не кость и не мышьякъ и не сулема.

Дьякъ для подлиннаго сыску казалъ золотной мастерицѣ Онтонидѣ Чашниковѣ платъ, въ чемъ заверчена соколья соль, тотъ ли платъ съ костью она видѣла? Онтонида, смотря платъ, сказала, что она его у сестры своей видѣла и его знаетъ, только въ немъ завязанъ былъ узолъ менши тово, а въ томъ узлу заверчена была кабы что кость, величиною съ зерновую кость, или кабы мышьякъ, а не соколья соль, то де подмѣнила сестра

еѣ Марья. А сокольи соли до сѣхъ мѣстъ въ плату отнюдь не было, а заверчена послѣ. И дѣтина противъ того говорилъ, что она сестру свою тѣмъ клеплетъ, опричь де той сокольи соли въ плату завязано кости и мышьяку и судемы не бывало; а Онтонида на дѣтину говорила въ примѣръ, что отнюдь той сокольи соли въ плату заверчено не бывало, а подмѣнили они ту соль, завязавъ въ плату въ узолъ послѣ. Дьякъ Сурьянинъ, поставя съ Онтонидою съ очей на очи мать еѣ Окулину да сестру еѣ Марью, распрашивалъ и платъ и соколью соль имъ казалъ. Онѣ, смотря плата, сказали, что платъ дѣтины ихъ прямой; и въ немъ заверчена была въ узлу прямая сокольи соль, а не кость и мышьякъ и не сулема, и нынѣ въ плату тажъ сокольи соль, а не иное что.

Дьякъ постращалъ дѣтину пыткою, но и у пытки дѣтина говорилъ тоже; между тѣмъ мастерица Онтонида говорила въ примѣръ, что сокольи соли въ плату завязано въ узлу отнюдь небывало, а было иное, да и то подмѣнено послѣ. Дьякъ Сурьянинъ, видя межъ ихъ споръ, велѣлъ дѣтину пытати. Дѣтина съ первой пытки не сказывалъ ничего, а съ другой пытки повинился и сказалъ: въ томъ онъ передъ государемъ виноватъ, велѣли ему въ плату подмѣнити послѣ Тимофѣй Ярышкинъ да жена его Марья да теща его Акулина; а былъ въ плату завязанъ мышьякъ, а купилъ онъ тотъ мышьякъ въ Новѣгородѣ окармливать лисицы; и какъ привезъ въ Москвѣ, и тотъ мышьякъ заверченъ у него былъ въ тотъ платъ, и онъ пришедъ во дворецъ отдалъ платъ и съ узломъ завертѣти рыба боярынѣ своей Марьѣ Ярышкинѣ; и Марья, взявъ у него платъ, пошла въ Свѣтлицу; и какъ у ней тотъ платъ въ Свѣтлицѣ осмотрили и на завтрее кинула ему платъ изъ Свѣтлицы въ окно племянница Окулины Полагея. И тогожъ дни ввечеру пришла съ Верху боярыня его Марья Ярышкина и велѣла ему въ томъ плату перемѣнити, а завертѣти соколью соль, а которой въ плату завязанъ былъ мышьякъ и она его изъ плата вывязала и кинула. И дьякъ Сурьянинъ ставилъ съ дѣтиною у пытки Марью Ярышкину и мать ея Акулину и они въ томъ запирались, а сказали, что того ничего не бывало и подмѣнивать они ему не вѣливали; тѣмъ онъ ихъ клеплетъ, хотя отъ нихъ отойти изъ холопства. И дѣтина предъ ними пытанъ, съ пытки говорилъ прежнія жъ свои рѣчи, что и напередъ того сказывалъ. А Окулина съ дочерью запирались, что подмѣнивать ему мышья-

ка сокольею солью не вѣливали; а дѣтина съ нихъ не сговорилъ. Дьякъ Сурьянинъ послѣ пытки отдалъ дѣтину и золотныхъ мастерицъ держати приставомъ по прежнему, а пыточные рѣчи сказывалъ государю. Государь указалъ золотную мастерицу Онтониду Чашникову, которая въ томъ дѣлѣ на мать свою и на сестру извѣщала, освободить, а до своего указу въ Вверхъ ей ходить не велѣлъ. А матери ея и сестрѣ съ мужемъ велѣлъ сказать: только они вины свои, въ чемъ на нихъ говорилъ съ пытки ихъ человѣкъ, не принесутъ и государь ихъ велѣлъ въ томъ пытати. Мастерицы, выслушавъ рѣчи, повинилясь; а сказали: въ томъ де они передъ государемъ и передъ государынею виноваты, что прежъ сего вины своей къ нимъ государемъ не принесли, боясь отъ нихъ государей опалы. Принесъ де къ ней Марьѣ тотъ платъ дѣтина ихъ завертѣти рыбу спроста; и въ тѣ поры въ плату завязанъ былъ у него мышьякъ; и она Марья, платъ взявъ у него и не розсмотря, въ Свѣтлицѣ выронила, а подняла его сестра ея родная Онтонида Чашникова и развязавъ узолъ, казала подругамъ своимъ. И въ тѣ поры то дѣло пошло въ огласку и она Марья, платъ вырвавъ у сестры своей, отдала дѣвкѣ Полагѣѣ; и та, взявъ у ней платъ, отдала дѣтинѣ; и Онашка платъ принесъ къ себѣ. И какъ у ней про тотъ платъ съ сестрою былъ шумъ и она Марья, пришедчи къ себѣ на подворье, смотрили того плату у дѣтины, что въ немъ въ узлу было завязано, и въ плату завязанъ мышьякъ; и она дѣтинѣ своему учала говорить, для чего онъ къ ней принесъ платъ съ мышьякомъ и нынѣ про него въ Верху учинился шумъ. И Онашка ей сказалъ, что принесъ къ ней платъ съ мышьякомъ, не вѣдая, спроста; и она вывязавъ изъ плата мышьякъ, кинула, и ему заказала, чтобъ онъ впредь про тотъ мышьякъ никому не сказывалъ, а взяла у него соколью соль, что онъ пущаетъ женѣ своей въ очи, да въ то мѣсто завязала въ платъ ту соколью соль и ему приказала говорить, только учнутъ спрашивать, сказывалъ бы, что въ плату была завязана сокольня соль, а не мышьякъ. А мужъ ея и мать ея то свѣдали послѣ. И въ томъ де воленъ Богъ да государь и государыня, учинили они то дѣло, боясь, спроста, а лихово у нихъ умышленья никакого не бывало. И дьякъ Сурьянинъ рѣчи ихъ сказалъ государю.

И государь указалъ, а велѣлъ золотныхъ мастерицъ да дѣтину ихъ вести къ пыткѣ, а приведчи къ пыткѣ, роспросити

ихъ накрѣпко и стращати всякими пригрозами, также они тотъ платъ съ мышьякомъ взяли у дѣтины спроста, и не умышленьемъ ли тотъ мышьякъ для каково злаго дѣла въ Верхъ взносили и прежъ сего въ Верхъ мышьяку или сулемы не нашивалиль и т. д.—Мастерицы у пытки сказали, что они виновати въ томъ, какъ велѣли мышьякъ исторопясь сокольею солью замѣнить, а тотъ былъ у нихъ мышьякъ принесенъ въ Верхъ съ проста, а лихова у нихъ никакова умышленья не бывало. А дѣтина ихъ сказалъ, что мышьякъ принесъ къ нимъ въ Верхъ спроста, невѣдая, а на лихое дѣло того мышьяку къ нимъ не принашивалъ, и самъ онъ тѣмъ мышьякомъ и сулемою никакова дурна не дѣлывалъ и людей не порчивалъ. И дьякъ Сурьянинъ велѣлъ того дѣтину стращать и поднять на пытку дважды, а пытать ево не велѣлъ. И тотъ дѣтина ни въ чемъ не винился, а говорилъ прежніяжъ свои рѣчи.

Мая 5 государь для пяяинъ дщери своей царевны Ирины Михаиловны золотныхъ мастерицъ Окулину Волкову да дочь еѣ Марью Ярышкину пожаловалъ, велѣлъ ихъ изъ за пристава свободить и велѣлъ имъ быти у своего государева дѣла въ Свѣтлицѣ въ мастерицахъ по прежнему; а человѣка ихъ Онашку изъ за пристава до своего государева указу свобожать невелѣлъ. Онъ былъ освобожденъ іюня 3.

Приворотный корень „обратимъ.“

Въ 1635 году 30 генваря, одна изъ царицыныхъ золотныхъ мастерицъ, таже Антонида Чашникова, выронила нечаянно у мастерицъ въ палатѣ, т. е. въ Свѣтлицѣ, гдѣ всѣ онѣ работали платокъ, а въ томъ плату „заверченъ корень невѣдомо какой“. Платокъ и съ корнемъ подняли двѣ бѣлыя мастерицы и тотчасъ же объявили, т. е. представили государынѣ. На другой день по государеву указу и по именному приказу царицы велѣно дьяку царицыной мастерской палаты Сурьянину Тороканову объ этомъ *сыскати накрѣпко*. Дьякъ тотчасъ началъ розыскъ распросомъ: гдѣ мастерица Чашникова тотъ корень взяла, или кто ей тотъ корень и для чего далъ и почему она съ нимъ ходитъ къ государю и къ государынѣ въ Верхъ, т. е. во дворецъ? Чашникова отвѣчала, что тотъ корень не лихой,

а носитъ она его съ собою отъ сердечныя болѣзни, что сердцемъ больна. Само собою разумѣется, что такой отвѣтъ былъ недостаточенъ: царское слово *сыскати накрѣпко* требовало самаго полнаго и строгаго изслѣдованія. Дьякъ сталъ спрашивать со всякою пригрозою: если она про тотъ корень, какой онъ словетъ, и гдѣ она его взяла, или кто ей далъ и для чего далъ, подлинно не скажетъ и государю въ томъ вины своей не принесетъ, то государь велѣлъ ее въ томъ пытати накрѣпко. Мастерица повинилась и сказала, что въ первомъ своемъ распросѣ не объявила про корень подлинно, блюдясь отъ государя и отъ государыни опалы: а теперь про тотъ корень скажетъ подлинно: „Ходитъ де въ царицыну слободу, въ Кисловку, къ государевымъ мастерицамъ къ Авдотьѣ Ярышкинѣ и къ инымъ, жонка, завутъ ее Танькою; и она де той жонкѣ била челомъ, что до нее мужъ лихъ, и она ей дала тотъ корень, который она выронила въ Свѣтлицѣ; а велѣла ей тотъ корень положить на зеркальное стекло, да въ то зеркало смотрѣться и до нѐе де будетъ мужъ добръ. А живетъ та жонка, на Здвиженской улицѣ. Дьякъ тотчасъ велѣлъ жонку Таньку отыскать и привести предъ себя.

Когда посланные за ней дѣти боярскіе поставили ее къ допросу, она сказала, что завутъ ее Танькою, а мужа у ней зовутъ Гришка Плотникъ, а живутъ они на Знаменкѣ на дворничествѣ, т. е. въ дворникахъ у дворянина Головачова. Потомъ жонка Татьянка, какъ нужно было ожидать, во всемъ заперлась и отвѣтила, что она отнюдь въ царицыну слободу въ Кисловку ни къ кому не ходитъ и золотной мастерицы Антониды Чашниковой не знаетъ и иныхъ никакихъ мастерицъ не знаетъ и къ нимъ не ходитъ. Ихъ поставили съ очей на очи. Мастерица говорила, что она Танька въ Кисловку къ мастерицамъ ходитъ, что тамъ у ней съ нею и познать учинилась, что она била ей челомъ, что до нее мужъ лихъ, бьетъ и увѣчитъ и она, Танька, дала ей корень, а велѣла положить его на зеркальное стекло, да въ то зеркало смотрѣтца и до тебя де будетъ мужъ добръ.

Ворожея во всемъ запиралась, говорила, что мастерица тѣмъ ее клеплетъ, что она ее и не знаетъ и коренья ей никакова не давывала. Да объ томъ у нихъ межъ себя было спору много. Дьякъ, видя ихъ споръ, началъ ихъ спрашивать, разводя порозиь, со всякою пригрозою. Но ворожея стояла на своемъ.

Дьякъ потомъ распрашивалъ ее на одинѣ со многою пригрозою, объявилъ ей, что если не повинится, то будутъ ее пытати накрѣпко и огнемъ жечь. Пригроза пытки подѣйствовала и ворожея призналась, однако въ томъ только, что дѣйствительно дала корень мастерицѣ отъ лихова мужа, чтобы ее мужъ любилъ; но въ Кисловку ни къ кому не ходитъ, и ни кого тамъ не знаетъ. Тоже она говорила и на очной ставкѣ съ мастерицею, всячески запираясь, не смотря на улики, что въ царицыну слободу къ мастерицамъ не ходитъ и съ ними не знается. Тѣмъ и заключился предварительный допросъ. Записавъ рѣчи, дьякъ отдалъ подсудимыхъ держать приставамъ.

Чрезъ пять дней, февраля 5, государь, слушавъ это дѣло, велѣлъ ѣхать къ пыткѣ окольничему Василью Ивановичу Стрѣшневу да дьяку Сурьянину Тороканову и про то дѣло сыскивать и мастерицу и жонку Таньку распрашивать на крѣпко. Въ первыхъ своихъ рѣчахъ Антонида сказала, что ей жонка Танька дала корень отъ сердечныя болѣзни, а потомъ сказала, что для того, чтобы до нея мужъ былъ добръ, слѣдовательно рѣчи свои рознила, потому и должна открыть все подлинно. Если она у той жонки взяла корень для лихова мужа, то, по своему воровству, ей довелось тотъ корень держать у себя на подворьѣ, а къ государю во дворецъ его носити не пригоже. А коли она тотъ корень принесла въ Верхъ и она для чего принесла и по какому умышленью; и его государя и царицу и ихъ царскихъ дѣтей портить не хотѣлаль и кто иной ее съ тѣмъ не засылалъ ли? Или она сама по какому умышленью тотъ корень въ Верхъ принесла и для чего принесла? А жонку Таньку распросить: сказываетъ она, что тотъ корень дала мастерицѣ, для того чтобъ до нее мужъ былъ добръ, и она бъ сказала подлинно какой тотъ корень словетъ, и гдѣ она его взяла и сколь давно она тѣмъ промышляетъ, и кому инымъ или ей, Антонидѣ, опричь того какіе коренья давалали, и въ царицыну слободу въ Кисловку ходитъ ли, и съ мастерицами знается ли, и будетъ знается и почему у нихъ съ ними познать; и государя съ государынею и ихъ царскихъ дѣтей не порчивала ли, и инымъ кому портить невеливала ли, и коренья имъ не давала ли, и на то дѣло кто у ней самъ или засылкою не пытался ли? Ввечеру окольничій Стрѣшневъ и дьякъ Тороkановъ ѣздили къ пыткѣ и распрашивали ихъ, разводя порознь, по статьямъ.

У пытки мастерица говорила свои прежнія рѣчи, прибавивъ, что корень во дворецъ принесла спроста, безъ всякаго умыслу и портить никого изъ государской семьи не хотѣла.—Не смотря на то ее велѣли попытать слегка, повторивъ тотъ же самый допросъ съ нѣкоторыми незначительными дополненіями. Такъ ли она надъ государемъ, царицею и царскими дѣтьми кореньемъ или иною какою порчею не порчивала ли, и засылки къ ней о томъ отъ верхнихъ боярынь или отъ постельницъ или изъ иныхъ чиновъ отъ какихъ людей не бывалоль? Только одинъ ли корень она взяла у жонки, не брала ли чего и еще, и съ иными корещицы не знается ли? Но прежній отвѣтъ былъ полученъ и съ пытки.

Болѣе подробностей разсказала у пытки ворожея и корещица Танька; вотъ ея слова: родомъ она города Орла, бывала стрѣлецкая жена, да послѣ того овдовѣла и шла за бродницаго человѣка за Гришку Плотника. Оба они живутъ на Москвѣ на дворничествѣ у Меншова Головачова. Въ нынѣшнемъ въ 1635 году генваря 27, присылала та мастерица Антонида къ ней малова своего, чтобъ она у ней побывала, и какъ къ ней пришла и она ей говорила, чтобъ она ей сдѣлала, чтобъ ее мужъ любилъ; и она де дала ей корень, зовутъ его *обратимъ*, а велѣла ей тотъ корень положить на зеркальное стекло да въ то зеркало смотрѣтца. Въ остальномъ во всемъ она заперлась и ничего не прибавила во время пытки и при улпкахъ на очной ставкѣ, даже тогда, когда ее стали жечь огнемъ [1]. Сказала только, что корень дала мастерицѣ не съ умышленья, по ея просьбѣ; и держала его у себя спроста. И государя и государыню и ихъ царскихъ дѣтей кореньемъ, и инымъ ни-

[1] Устроены, говоритъ Котошихинъ, для всякихъ воровъ пытки: сымутъ съ вора рубашку и руки его назади завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою; обшита та веревка войлокомъ; и подымутъ его къ верху: учинено мѣсто, что и висѣлица (дыба), а ноги его свяжутъ ремнемъ; и одинъ человѣкъ палачь вступитъ ему въ ноги, на ремень своею ногою и тѣмъ его; отягиваетъ. И у того вора руки станутъ прямо противъ головы его, а изъ суставовъ выдутъ вонъ; и потомъ сзади палачь начнетъ бити по спинѣ кнутомъ нарѣдка, въ часъ боевой ударовъ бываетъ традцать или сорокъ: и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станетъ такъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножемъ мало не до костей . . . . И жгутъ огнемъ свяжутъ руки и ноги и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и подымутъ на огонь. Стр. 91 и 92.

чемъ не порчивала и портить не хачивала и засылки къ ней объ томъ отъ верхнихъ боярынь и отъ постельницъ и отъ мастерицъ и изъ иныхъ чиновъ ни отъ какихъ людей небывало, и въ царицыну она слободу къ мастерицамъ и къ инымъ ни къ кому не ходитъ и съ ними ся не знаетъ". Тѣмъ и окончился этотъ розыскъ. О судьбѣ этихъ лицъ въ сыскномъ дѣлѣ находимъ извѣстіе, что сосланы въ Казань за опалу въ вѣдовскомъ дѣлѣ царицынъ сынъ боярскій Григорій Чашниковъ съ женою, да на Чаронду Гриша Плотникъ съ женою съ Танькою и велѣно имъ жити и кормитца на Чарондѣ, а къ Москвѣ ихъ отпустить не велѣно, потому что та Гришина жена вѣдомая вѣдунья и съ пытки сама на себя въ вѣдовствѣ говорила.

Колдовство на царицынъ слѣдъ.

1638 г. ноября 16 извѣщали государю мастерицы Марья Сновидова да Степанида Арапка и разсказывали: какъ былъ государь въ Троицкомъ осеннемъ объѣздѣ [1] и безъ него государя приходила въ Верхъ къ мастерицѣ Дарьѣ Ламановѣ невѣдомо какая жонка, а видѣли то онѣ мастерицы да два сторожа, свѣтлишной да портомойной. Да она жъ Дарья, украдчи остатки государевыхъ дѣланыхъ скатертей, отдала тѣмъ сторожамъ невѣдомо для чего. Да какъ государь пришелъ изъ объѣзду и пріѣхавъ изъ того объѣзда подруга ея мастерица Авдотья Ярышкина, шла въ Верхъ по каменной лѣстницѣ и она Дарья говорила ей, что сыпала песокъ на слѣдъ государыни царицы Евдокіи Лук.; и то слово слышала она Авдотья да свѣтлишная писица Неипла Волонская. а отъ писицы слышала мастерица Анна Коробанова. Да какъ послѣ того царица шла по переходамъ мимо Свѣтлицы и въ тѣ поры онѣ извѣтчицы говорили ей Дарьѣ про свѣтличную пропажу государскихъ скатертей и она имъ сказала: толькобъ де мнѣ царицу уходить, а иныя де мнѣ дешевы и слышали то слово золотныя мастерицы. Да она жъ Дарья, какъ государь былъ въ Троицкомъ объѣздѣ, ѣздила за Москву рѣку къ серпуховитину Ивану

---

1 Государь съ царицею въ этотъ годъ ходили молиться къ Троицѣ, въ Переяславль и въ Александрову Слободу съ 4 по 30 октября.

Соймонову ночевать; а пріѣзжала къ нему покрыта государскимъ полотномъ, въ которыхъ полотнахъ дѣлаютъ государскимъ дѣтямъ сорочки, и она то полотно, ѣздя, изодрала. Вотъ какія свѣтличныя событія происходили на этотъ разъ въ отсутствіе государя и царицы. Надо было *сыскать* подлинно и обо всемъ распросить. Государь указалъ сдѣлать розыскъ тому же окольничему Стрѣшневу и дьяку Сурьянину Тороканову.

При первомъ распросѣ мастерица Дарья сказала, что приходила къ ней въ Верхъ золовка ея Матренка Бахирева и стояла съ нею у нижней Свѣтлицы, и потомъ она взяла ее къ себѣ въ верхнюю Свѣтлицу, потчивала медомъ и отпустила домой: остатки скатертей отдала сторожамъ потому, что они ни къ чему не пригодятся (три лоскута, по смѣтѣ всего съ поларшина); песку на слѣдъ царицы не сыпывала и слова говорила такія: толькобъ государыня ее пожаловала, а иныя ей не дороги, и къ Соймонову ночевать не ѣзживала.

Мастерица Авдотья Ярышкина разсказала, какъ и изъ-за чего началось дѣло. Какъ государь съ царицею пришли изъ троицкаго объѣзда, она, бывъ въ Верху, пошла къ себѣ; и какъ будетъ на крыльцѣ противъ полатки, гдѣ стоятъ на караулѣ, тутъ стояла мастерица Марья Сновидова съ сестрою Домною; и Домна приказываетъ мужу Марьину, чтобъ онъ ея сестру, а свою жену поучилъ гораздо за то, что она покрала въ Свѣтлицѣ коробью у мастерицы Анны Коробановой, а она тоѣ свою сестру завтре въ Свѣтлицѣ передъ всѣми мастерицами выучитъ, чтобъ она впередъ не дуровала. Тогда мастерица Марья, оправдываясь, начала говорить: то де на насъ поноситъ мастерица Дарья Ламанова и только де она въ томъ на насъ посягаетъ, ино де и то будетъ наруже, какъ она на слѣдъ г. царицы сыпала песокъ. Услышавъ отъ нее то слово, Авдотья ударила ее Марью плѣтнымъ батогомъ въ голову: не ври де ты, жидовка! Какъ ты такое слово говоришь, отъ чего головѣ твоей пропасть! Потомъ на завтрее, пришедъ въ Верхъ, она Авдотья сказывала то слово своимъ подругамъ; да слышала то слово и писица Исипла.

Навѣтчицы Марья и Степанида показывали, что какъ царица шла съ переходовъ мимо Свѣтлицы и Дарья въ то время говорила: лишебъ мнѣ уходить царицу, а онѣ ей недороги. Еще сказывала имъ подруга ихъ, тажъ Дарья: есть де у ней такая баба, что всему тому пособитъ, да и звала къ той бабѣ за-

Москву рѣку. Судьи поставили мастерицъ на очную ставку. Съ очей на очи Дарья Ламанова во всемъ запиралась; о царицѣ говорила по случаю пропажи, толькобъ государыня въ той пропажѣ ее пожаловала, а онѣ де ей всѣ недороги. Судьи объявили ей: если она вины своей не принесетъ и правды не скажетъ, то государь указалъ пытать ее накрѣпко и огнемъ жечь.

Постоявъ не много, она заплакала и учала виниться. Въ томъ словѣ, что будто на слѣдъ государыни сыпала песокъ— виновата; нѣчто будетъ то слово подругамъ своимъ она молвила со пьяна. Да и въ томъ она виновата, что за Москву рѣку къ Ивану Соймонову, покрывся государскимъ полотномъ, ночевать ѣздила и какъ пріѣхала потомъ къ себѣ на подворье и мужъ сталъ ее спрашивать, куда она ѣздила и гдѣ ночевала? И она, боясь мужа своего побой, сказала ему, что грѣшнымъ де обычаемъ прожгла она царевны Ирины Мих. сорочку и ѣздила за Москву рѣку прибирать къ той сорочкѣ новое полотно, вмѣсто прозженнаго, которымъ и была покрыта. Но о жонкѣ, которая приходила къ ней въ Свѣтлицу, она подтвердила только прежнія свои рѣчи. На другой же день, государь, слушавъ сего дѣла, велѣлъ мастерицъ и сторожей пытать: „какъ мастерица Дарья на слѣдъ государыни сыпала песокъ, какъ она Дарья звала съ собою за Москву рѣку Степаниду Арапку къ бабѣ, а говорила, надабе де государское сердце уходить, а иныя де ей подруги ея сошлися даромъ, и для-ль государскія порчи хотѣла итить къ бабѣ или для инова какова дѣла и кто съ нею въ томъ дѣлѣ и какіе люди въ думѣ были; и въ Верхъ къ ней Дарьѣ въ Свѣтлицу та ли баба, которая живетъ за Москвою рѣкою, приходила или какая иная и для чего приходила?

У пытки Дарья повинилась: „въ томъ она передъ государемъ и передъ государынею виновата, что къ бабѣ, къ ворожеѣ подругу свою Степаниду Арапку за Москву рѣку звала, а тоѣ де бабу зовутъ Настасьицею, живетъ за Москвою рѣкою на вспольѣ; а спознала ее съ нею подруга ея золотная жъ мастерица Авдотья Ярышкина, для того, что она людей приворачиваетъ, а у мужей къ женамъ сердце и ревность отымаетъ: а наговариваетъ на соль и на мыло; да тоѣ соль даютъ мужьямъ въ ѣствѣ и въ питьѣ, а мыломъ умываютца; да и надъ мужемъ де она, Авдотья, своимъ тожъ дѣлала и у него къ се-

бѣ серцо и умъ отняла: что она Авдотья не дѣлаетъ, а онъ ей въ томъ молчитъ. Да онажъ Авдотья ворустъ съ братьями своими двумя Соймоновыми и ею Дарьею братьямъ своимъ сводничаетъ, тому нынѣ четвертый годъ. И била челомъ, чтобъ поставить Авдотью съ нею съ очей на очи и распросить, потому что она про то дѣло, что ей Дарьѣ давала баба колдунья подлинно выдаетъ. Да тажъ баба давала, наговариваючи, золотной же мастерицѣ Аннѣ Тяпкинѣ, чтобъ мужъ еѣ Алексѣй Коробановъ добръ былъ до еѣ Анниныхъ дѣтей". — Стали пытать Дарью накрѣпко. Съ пытки она говорила, что ѣздила къ той бабѣ и пыталась для мужа, чтобъ ее мужъ любилъ, желала только приворожить мужа и что колдунья въ Свѣтлицу къ ней не приходила. Но когда велѣли пытать другую мастерицу, Марью Сновидову, утверждавшую противное, и какъ ее учали разболокать — мастерица Дарья стала просить чтобъ ее не портить, присовокупивъ, что какъ сыщутъ тоѣ бабу съ которою она спозналась чрезъ Авдотью Ярышкину, — тутъ все объявитца, а она ту бабу укажетъ, и гдѣ живетъ, она дворъ знаетъ. Судьи тотчасъ послали за колдуньей. Привезли жонку — колдунью. Въ распросѣ она сказалась, зовутъ ее Настасьицею, Иванова дочь, родомъ Черниговка, а мужъ у ней Литвинъ, зовутъ его Янкою Павловъ. На очной ставкѣ ее всѣ признали за ту именно бабу, которая приходила во дворецъ. Сама Дарья Ламанова сказала, что у ней та жонка въ Свѣтлицѣ была и медомъ она ее потчивала. Но Настасьица во всемъ запиралась: мастерицъ она ни кого не знаетъ и у нихъ въ Свѣтлицѣ не бывала. Судьи велѣли ее пытати накрѣпко и огнемъ жечь. И послыша то мастерица Дарья, учела винитца и плакать, а той жонкѣ Насткѣ говорить, чтобъ повинилась. „Помнишь ты сама, говорила она ей, какъ мнѣ про тебя сказала мастерица Авдотья Ярышкина; и я по ея сказкѣ къ тебѣ пришла и воротъ чорной своей рубашки, отодравъ, къ тебѣ принесла. да съ тѣмъ же воротомъ принесла къ тебѣ соль и мыло. И ты меня спросила, прямое ли имя Авдотья. а я сказала тебѣ, что прямое, и ты въ тѣ поры той моей рубашки воротъ на шесткѣ у печи сожгла и на соль и на мыло наговорила, а какъ наговорила и ты велѣла мнѣ тотъ пепелъ сыпать на государской слѣдъ, куда государь и государыня царица и ихъ царскія дѣти и ближніе люди ходятъ и тебѣ де въ томъ отъ государя и отъ царицы кручины никакія не будутъ, а ближніе люди уч-

нутъ любити. А мыломъ велѣла ты мнѣ умыватца съ мужемъ а соль велѣла давати емужъ въ питьѣ и въ ѣствѣ, такъ де у мужа моего сердце и ревность отойдетъ и до меня будетъ добръ. Да и не одна я у тебя была, продолжала Дарья; приходили послѣ того со мноюжъ къ тебѣ Васильева жена Колодничя, Семенова жена Суровцова, и ты имъ, наговоря, соль и мыло давала. Авдотья Ярышкина приходила къ тебѣ съ братьями своими Соймоновыми, да у тебя и ночевали.

Не смотря на улики, сопровождаемыя пыткой, ворожея запиралась. Мастерица же говорила, что именно отъ нее получила пепелъ и сыпала на слѣдъ государыни у свѣтлицы по крыльцу, гдѣ ходятъ на переходы, да у дверей проходной палаты, гдѣ ходятъ на тѣжъ переходы; а сыпала она тотъ пепелъ на царицынъ слѣдъ, какъ государь пришелъ изъ рубцовскаго объѣзду (въ концѣ августа). Стали пытать колдунью въ другой разъ и огнемъ жечь. Она не выдержала и повинилась, что мастерицамъ Дарьѣ Ламановѣ и ея подругамъ, которыхъ знаетъ а иныхъ и не знаетъ, сжегши женскихъ рубашекъ вороты, и наговоря соль и мыло, давала, и пепелъ велѣла сыпать на государской слѣдъ, но не для лихова дѣла, а для того, какъ тотъ пепелъ государь и государыня перейдетъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье и то дѣло сдѣлается; да отъ того бываетъ государская милость и ближніе люди къ нимъ будутъ добры. А соль и мыло она велѣла мастерицамъ давать мужьямъ своимъ, чтобъ до нихъ были добры.

Но этого было недостаточно. Предложенъ былъ новый вопросъ: сколь она давно тѣмъ промысломъ промышляетъ и отъ Польскаго и отъ Литовскаго короля къ мужу ея литвину Янкѣ присылка или заказъ, что ей государя или государыню испортить, былъ ли; и чѣмъ она и какими лихими дѣлы ихъ государей портила; и давноль она тому дѣлу, что мужей приворачивать, научилась, и кто ее тому училъ, и мужъ ея про то вѣдаетъ ли? На пыткѣ и на огнѣ колдунья отвѣчала, что къ мужу ея къ литвину Янкѣ и къ ней изъ Литвы отъ короля для государскія порчи приказу и иного никакого заказу небывало, и сама она ихъ государей не порчивала. Только она дала мастерицѣ Дарьѣ ворота зженой рубашки пепелъ, а велѣла сыпать на государской слѣдъ, чтобъ государь и царица и ближніе люди до нее были добры. А что она мужей приворачиваетъ, и она только и наговорныхъ словъ говоритъ: какъ

люди смотрятца въ зеркало, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену да не насмотрѣлся; а мыло, сколь борзо смоетца, столь бы де скоро мужъ полюбилъ; а рубашка, какова на тѣлѣ бѣла, столь бы де мужъ былъ свѣтелъ; да и иныя де она не лихія слова наговаривала, чтобъ государь и государыня жаловали, а ближніе люди любили; а мужъ ея про тотъ промыселъ не вѣдаетъ. А учила ее тому на Москвѣ жонка Манка, слыветъ Козлиха, а живетъ за Москвою рѣкою у Покрова.

Тотчасъ отыскали и Манку Козлиху и поставили ихъ съ очей на очи. Они, какъ и слѣдовало, завели споръ. Настасьица сказывала, что ее ворожить учила она Манка. а Манка отрекалась, говорила, что неучивала. Стали пытать. Почти тоже Манка сказала и съ пытки: ворожить не учивала, ворожбы не знаетъ, а только и знаетъ, что малыхъ дѣтей смываетъ да жабы, у кого прилучитца, во ртѣ уговариваетъ да горшки на брюха наметываетъ, а опричь того и ничего не знаетъ. Между тѣмъ колдунья Настька не переставала ее уличать и доказывать, что она ворожить выучилась у ней. Стали Манку пытать въ другой разъ накрѣпко и огнемъ жечь. Но колдунья не сознавалась ни въ чемъ. Настька, уличаючи ее, говорила, что она запирается, будто мастерицъ никого не знаетъ, она де и портомой знаетъ. Женился солдатъ у портомой, слыветъ Лидовской; и тотъ солдатъ съ портомоею къ ней Манкѣ приходилъ. Та отвѣтила, что приходилъ, но не для ворожбы.

Въ числѣ новыхъ уликъ ворожея Настасьица сказала, что еще за годъ назадъ сынъ Манкинъ, приводилъ къ ней Настькѣ мастерицу Дарью Ламанову, которая съ тѣмъ дѣтиною принесла къ ней наговаривать соль да мыло. И она Настька ему сказала: для чего къ ней съ тою мастерицею мимо матери своей ходитъ; и тотъ отвѣтилъ, что мать его спитъ пьяна; и она Настька, наговоря соль и мыло, для привороту, ей Дарьѣ дала. А наговаривала ту соль, отнимаючи ревность у мужей. На очной ставкѣ все это подтвердила и мастерица Дарья; но Манка Козлиха не сознавалась ни въ чемъ и просила пытать Настьку, потому что она ее клеплетъ. Настька съ пытки говорила прежнія рѣчи. Тогда велѣли пытать Манку въ-третьи, накрѣпко и огнемъ жечь.

„И жонка Манка съ пытки повинилась, а сказала, что она сама ворожитъ и Настасьицу ворожить учила. А ей Манкѣ тоѣ ворожбу оставила при смерти мать ей родная Оленка; а какъ

матери ея нестало, тому нынѣ семой годъ; а ворожа, она, въ приворотѣ, на соль и на мыло и на зеркало наговаривала: какъ смотрятца въ зеркало да не насмотрятца, такъ бы мужъ на жену не насмотрѣлся; а соль: какъ тоѣ соль люди въ ѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ; а на мыло наговаривала: сколь скоро мыло съ лица смоетца, столь бы скоро мужъ жену полюбилъ; а вороты рубашечные жегши приговаривала: какова бѣла рубашка на тѣлѣ, таковъ бы мужъ до жены былъ; а жабу у кого прилучитца во ртѣ уговариваетъ: святый ангелъ хранитель умири и изцѣли, у того имянемъ у кого прилучитца, болѣзнь сію. А инова она ничего лихова опричь того не знаетъ и лихимъ словомъ не наговариваетъ. Да и не одна она тѣмъ ремесломъ промышляетъ, есть на Москвѣ и иныя бабы, которыя подлинно умѣютъ ворожить. Одна живетъ за Арбацкими вороты, зовутъ ее Ульянкою, слѣпая; а двѣ живутъ за Москвою рѣкою, одна въ Лужникахъ, а другая, зовутъ Дунькою, въ Стрѣлецкой слободѣ.

Такимъ образомъ явились еще ворожеи, баба Улька, Дунка, да Ѳеклица, всѣ слѣпыя. Судьи тотчасъ послали по тѣхъ бабъ. Когда ихъ поставили къ дѣлу, съ очей на очи съ Козлихою, то въ распросѣ онѣ сказали, что Манки не знаютъ и сами не ворожатъ и съ ворожеями не знаютца. Но та утверждала, что „они сами ворожатъ и ворожиться къ нимъ изо многихъ дворовъ всякіе люди ходятъ“. Начали пытать накрѣпко жонку Ульку, повторяя всѣ тѣ вопросы, на которыхъ главнымъ образомъ сосредоточивалось все дѣло, т. е. не пыталась ли портить государское здоровье и верховыхъ постельницъ и мастерицъ кого знаетъ? Съ пытки она сказала, что „только и знаетъ, что около малыхъ дѣтей ходитъ, кто поболитъ и она ихъ смываетъ, и жабы во ртѣ уговариваетъ да горшки на брюха наметываетъ, а наговорные слова у ней таковы: ангелъ хранитель утиши во младенцѣ семъ, у кого объявитца болѣзнь сія, да наговоря на воду, дѣтей смываетъ. А жабы во ртѣ давитъ да тѣмижъ словы наговариваетъ“. Потомъ во время новой пытки и жженія огнемъ она прибавила, что „не однимъ тѣмъ промышляетъ, есть де за нею и иной промыслъ: у которыхъ людей въ торговлѣ товаръ заляжетъ, и она тѣмъ торговымъ людямъ наговариваетъ на медъ, а велитъ имъ тѣмъ медомъ умываться, а сама приговариваетъ: какъ пчелы ярыя роятца да слетаютца, такъ-бы къ тѣмъ торговымъ людемъ для ихъ товаровъ купцы

сходились. И отъ того наговору у тѣхъ торговыхъ людей на товары купцы бываютъ скорые. А какъ она мужей къ женамъ привораживала, и она наговаривала на хлѣбъ съ солью, да на мыло; а наговариваючи тотъ хлѣбъ съ солью, велѣла женамъ ѣсть: какъ де хлѣбъ да соль люди любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ; а мыломъ велѣла умываться: сколько скоро мыло къ лицу прильнетъ, столь-бы скоро мужъ жену полюбилъ. А у кого лучитца зердечная болѣзнь или лихорадка или иная какая нутреная болѣзнь—и она тѣмъ людямъ, наговариваючи на вино да на чеснокъ да на уксусъ, давала; а въ приговорѣ наговаривала; утиши самъ Христосъ въ томъ человѣкѣ болѣзнь сію, да Уваръ Христовъ мученикъ, да Иванъ Креститель, да Михаило Архангелъ да Тихонъ святый и иныя божественныя слова, а не лихія,—и отъ того тѣмъ людямъ бывала легость. Послѣ новыхъ пытокъ и жженья Улька ничего въ рѣчахъ не прибавила.

Другая ворожея Дунька слѣпая объяснила съ пытки, что ворожбы и вѣдовства никакого не знаетъ, а только знаетъ, что малыхъ дѣтей отъ уроковъ смываетъ да жабы во ртѣ уговариваетъ. Да она-жъ на бруха, у кого что пропадетъ, смотритъ. А на кого скажутъ невѣрну и она, посмотря на серцо, узнаетъ, потому что у него сердце трепещетъ.

Третья, Ѳеклица, съ пытки созналась только въ томъ, что грыжи людемъ уговариваетъ, — а наговариваетъ на громовую стрѣлку да на медвѣжій коготь да съ тоѣ стрѣлки и съ ногтя даетъ пить воду, а приговариваючи, говоритъ: какъ де ей старой жонкѣ дѣтей не раживать, такъ бы, у кого та грыжа, и болѣзни не было; да снажъ, у кого случитца, на брюха горшки наметываетъ. Несмотря на жестокія пытки и сженіе огнемъ, что повторялось нѣсколько разъ, всѣ эти жонки колдуньи ничего болѣе не открыли. Оставалось распросить оговоренныхъ мастерицъ. Авдотья Ярышкина ни въ чемъ не созналась и сказала, что Дарья ее тѣмъ всѣмъ клеплетъ. Анна Тяпкина сказала, что въ прошломъ году Дарья привезла къ ней въ Свѣтлицу, пьяная, вина да въ бумажкѣ соли и велѣла ей то вино пить, а не сказала, что оно наговорное. Она Анна, боясь, что отъ Дарьи чинится въ Свѣтлицѣ пропажа, того вина не пила и его вылила, а соль разсыпала на землѣ; колдуньи она незнаетъ и ничѣмъ на государское здоровье у ней не пытывалась. Прасковья Суровцова сказала, что пыталась у колдуньи и нагово-

енную соль брала, для того, чтобъ зять ея добръ былъ до ея очери; а инымъ ничѣмъ не пытывалась. Прасковья Колоднича казала, что пыталась у колдуньи, брала наговореную соль, отому что мужъ ея до нея лихъ, и она ему давала ту соль, ля того чтобъ до неѣ былъ добръ.

Дѣло по разнымъ обстоятельствамъ пріостановилось почти а четыре мѣсяца. Въ теченіи этого времени, въ январѣ 1639 ода, послѣ непродолжительной болѣзни, умеръ пятилѣтній цаевичь Иванъ Михайловичь, а въ концѣ марта новорожденный аревичь Василій Михаиловичь (стр. 327). Эти несчастныя для арицы событія не остались безъ вліянія и на ходъ разсматриаемаго дѣла. 1 апрѣля, слѣдовательно чрезъ нѣсколько дней по мерти новорожденнаго царевича, государь указалъ снова распроить и пытать накрѣпко и мастерицу и вѣдунью женку Настьку.

Содержаніе новыхъ допросовъ заключалось въ томъ, что акъ какъ мастерица Дашка, къ бабѣ ворожеѣ, которая людей привораживаетъ и у мужей къ женамъ серцо и ревность отыаетъ, — ѣздила и пыталась у ней, чтобъ баба сдѣлала какъ ы до нее Дашки государь и государыня и ихъ государскія ѣти и ближніе люди были добры; и колдунья Настька, зжегши я Дашкинъ рубашечный воротъ, велѣла ей сыпать на госуарской слѣдъ: какъ де государь и государыня перейдетъ тотъ лѣдъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье и то дѣло сдѣлаетя; и она Дашка на слѣдъ царицы пепелъ сыпала, что все одтвердила съ пытки и сама колдунья; и послѣ того ихъ оровства, какъ мастерица на слѣдъ государыни сыпала вѣовской рубашечный пепелъ, — государыня царица Евдокія Лукьяновна учала недомогать и быти печальна; да послѣ огожъ вскорѣ грѣхъ учинился, государя царевича Ивана Михаиловича не стало; а послѣ тоѣжъ скорби вскорѣ госуарыня царица родила государя царевича Василья Михаилоича больна, и послѣ еѣ государскихъ родинъ и того государя царевича Василія Михаиловича не стало вскорѣжъ; и нынѣ осударыня передъ прежними скорбнажъ и межъ ихъ государей въ ихъ государскомъ здоровьѣ и въ любви стало не по прежнему. И то знатно, кабы съ того времени, какъ она Дашка по вѣдовству жонки колдуньи Настьки Черниговки на слѣдъ осударыни сыпала пепелъ и отъ того времени и до сихъ мѣстъ межъ ихъ государей скорбь и въ ихъ государскомъ здоровьѣ омѣшка. И онабъ мастерица Дашка и вѣдунья жонка Настька

сказали про то подлинно въ правду, для чего она Дашка вѣдовской рубашечный пепелъ на слѣдъ государыни царицы сыпала; а та вѣдунья Настька что подлинно надъ тѣмъ пепеломъ наговаривала и на государской слѣдъ сыпать велѣла: надъ государемъ и надъ государынею и надъ ихъ государскими дѣтьми какое лихое дѣло не умышлялиль и ихъ государей не портилиль и дѣтей ихъ государскихъ у нихъ государей не отнималиль и совѣтъ ихъ государскій межъ ихъ государей своею вѣдовскою розныю къ развращенію не дѣлалиль и дѣтямъ ихъ государскимъ въ ихъ многолѣтномъ здоровьѣ тѣмъ своимъ вѣдовскимъ дѣломъ, порчею, лѣтъ не убавливалиль и иного какого зла имъ государямъ и ихъ дѣтямъ неумышлялиль и умысля что, не дѣлалиль, про тобъ про все сказали вправду.

При особенной пригрозѣ, при новыхъ пыткахъ и сженіи огнемъ, и мастерица и колдунья говорили тѣжъ рѣчи, что и напередъ того сказывали: именно, что одна сыпала, а другая велѣла ей сыпать пепелъ на слѣдъ государыни для того, чтобъ царица ее Дарью жаловала, а не для лихова дѣла.

Затѣмъ истязанія прекратились и колдуньи Настасьицы вскорѣ не стало — она умерла. Умерла также и другая колдунья Ульянка слѣпая; прочія подсудимыя были розданы приставамъ подъ стражу, до окончанія дѣла.

Спустя мѣсяца четыре, въ августѣ тогоже года, это дѣло опять было поднято пыткою и допросомъ оговоренныхъ мастерицъ. На Авдотью Ярышкину несчастная Дарья Ламанова показывала, что она ее спознала съ бабою ворожеею, которая людей приворачиваетъ, а у мужей къ женамъ сердце и ревность отнимаетъ, что Авдотья тѣмъ ворожучи и мужа своего обошла, что хочетъ, то воруетъ, а мужъ ей въ томъ молчитъ; что воруетъ она съ братьями своими и ею Дашкою съ ними сводничала. На новомъ распросѣ мастерица Ярышкина во всемъ запиралась и говорила, что Дарья все затѣяла на нее по недружбѣ. Но съ пытки во всемъ повинилась. Къ колдуньѣ она ѣздить пыталась для того, что у ней на дочери была падучая болѣзнь и еще для того, чтобъ ее любилъ мужъ и ни въ чемъ не возбранялъ, и подругою своею Дарьею сводничала; но на государей никакого зла не умышляла.

Прасковья Суровцова съ пытки же повинилась въ томъ только, что она дѣйствительно у колдуньи Настьки пыталась и наговорную соль и мыло и своей рубашки ворота жженой пе-

пелъ у ней брала, и тѣмъ мыломъ велѣла дочери своей умываться, и соль и пепелъ сыпала въ питье, да давала пить зятю своему, чтобъ зять ее добръ былъ до ея дочери.

Прасковья Колодинча съ пытки призналась также въ одномъ, что ходила за Москву рѣку къ бабѣ Настькѣ, и мыло и бѣлила и соль наговорную у ней брала, и тѣмъ мыломъ умывалась и бѣлилами бѣлилась, а соль мужу своему давала въ ѣствѣ, для того, чтобъ мужъ до нее добръ былъ. И она, убѣлясь, вышла къ своему мужу, какъ онъ пришелъ во дворъ, и мужъ въ тѣ поры ее убилъ (зашибъ, прибилъ); и она видя, что въ томъ наговорномъ мылѣ и въ бѣлилахъ и въ соли помочи нѣтъ, взяла да и остальное мыло и соль разметала.

Въ сентябрѣ тогоже 1639 года вышелъ государевъ указъ: Дарью Ламанову съ мужемъ сослать въ Сибирской городъ на Пелымъ; Авдотью Ярышкину съ мужемъ, сыномъ и съ дочерью сослать въ Каргополь; а ихъ подругъ, другихъ мастерицъ, выслать изъ Двора и съ мужьями и впередъ въ царицыномъ чину не быть: колдуній разослать въ городы: Манку Козлиху къ Солькамской, Дуньку слѣпую въ Кайгородъ, Ѳеклицу слѣпую съ мужемъ на Вятку.—Сторожей, свѣтличнаго и портомойнаго, бить батоги и изъ Двора выслать; сына боярскаго Соймонова и подьячаго Якунина, вѣроятно по тому же дѣлу, бить кнутомъ.

Посмѣшное слово постельницъ.

Въ 1639 г. августа 5 приходитъ къ одному стрѣлецкому десятнику нѣкая полонянка Акулина Незнанова писать челобитье къ государю съ извѣтомъ на постельницу Любаву Волосатову, на ея дочь и на сына и на зятя, и сказывать про нихъ государево *дѣло*, про государя и про царицу посмѣшное *слово*. Стрѣлецъ тотчасъ написалъ и подалъ челобитье, прибавивъ, что ...инова ему и писати нельзя, скажетъ все та иноземка полонянка сама у роспросу и на очной ставкѣ. 9 августа челобитная была уже въ комнатѣ у государя, гдѣ и рѣшено *сыскать*, и розыскъ порученъ царицыну дворецкому В. И. Стрѣшневу съ тѣмъ же дьякомъ, которые на другой день велѣли тотчасъ передъ собою поставить указанную полонянку.

Акулина въ распросѣ сказала: еще въ 1633 г., какъ родился (іюня 2) царевичь Иванъ Мих. (умершій въ этомъ 1639 г. генв. 10) и въ тѣ поры, пришедъ съ государскихъ родинъ къ себѣ на подворье постельница Люба Волосатова съ дочерью Домною да съ сыномъ Иваномъ и съ зятемъ Ортемьемъ, говорили межъ себя въ разговорѣ: наряжу де я курку свою гречанку въ желтые сапоги да въ шубку да въ шапку и прикажу (опредѣлю) ее въ Верхъ въ постельницы и она де будетъ таковажъ постельница жъ, какъ и государскія постельницы, кабы де у государя и у государыни живутъ въ Верху въ постельницахъ добрыя жены; да и сама де царица не дорога, знали ее, коли она хаживала въ жолтикахъ (въ жолтыхъ сапогахъ), нынѣ де еѣ Богъ возвеличилъ! Акулина ссылалась, что тѣ слова слышали двѣ вдовы, которыя у нихъ въ тѣ поры на дворѣ были. Судьи велѣли тотъ же часъ поставить передъ собою и этихъ вдовъ, которыя отъ постельницъ тѣ непригожія рѣчи слышали. Вдовы подтвердили, что такія рѣчи дѣйствительно слышали, въ разговорѣ отъ одной Любины дочери Домны, а она въ тѣ поры была не въ постельницахъ, а жила съ матерью.

Судьи велѣли поставить передъ собою постельницъ, мать и дочь. На распросѣ онѣ во всемъ запирались и говорили, что полонянка и вдовы клеплютъ ихъ, да въ томъ имались съ ними за пытку. Вдовы тоже просили постельницъ на пытку, сказывая, какъ де имъ тѣмъ дѣломъ клепать; что слышали. то и сказываютъ въ правду; да и объяснили, что одна изъ нихъ сыну Любину Ивану теща, а другая его женѣ большая родная сестра, а ему своячина, и имъ будучи съ ними межъ себя въ свойствѣ такого великаго дѣла, какъ учало быть въ сыску, таить не можно. Постельницы учали вдовъ бранить и называли ихъ непригожими словами и корчемницами, что онѣ, воруючи продаютъ вино и инымъ всякимъ воровствомъ промышляютъ, а на нихъ постельницъ то затѣваютъ напрасно. Вдовы защищались и, оправдываясь въ обвиненіи, ссылались на Кадашевскую боярыню Анну Бегичеву, на всю Кадашевскую и Талмацкую слободу и на все Зарѣчье, что онѣ воровствомъ никакимъ не промышляютъ, живутъ за Москвою рѣкою въ Талмацкой слободѣ и корчмы и винныя продажи у нихъ нѣтъ, а кормятца своею прямою работою, прядутъ, покупаючи, ленъ и дѣлаютъ полотна и берутъ убрусы, да что продадутъ, тѣмъ онѣ и питаются; то всѣмъ ихъ сосѣдямъ извѣстно. А что ихъ постель-

ицы называютъ ворухами (въ извѣстномъ смыслѣ) и онѣ, дна послѣ своего мужа вдовствуетъ сорокъ лѣтъ, а другая рпдцать лѣтъ и имъ воровствомъ никакимъ промышлять не пригоже. Да учали вдовы бити челомъ словесно: называютъ іхъ постельницы ворухами, а та Домна, Любина дочь, сама рямая воруха; какъ она была за первымъ мужемъ и она и огды отъ мужа своего воровала съ Пашковыми и лежала послѣ ого въ зельѣ, а лечилъ еѣ зелейнаго ряду торговой человѣкъ, азываютъ его Короткимъ, а взялъ онъ за лечбу 3 р., и какъ омница излечилась и ея мать Люба промыслила тою своею очерью въ постельницы.

Полонянка извѣтчица доводила также и на сына Любина Івана, какъ онъ билъ однажды свою жену, сказывая, что воуетъ въ Верху съ верховыми людьми и когда она полонянка ступилась за нее, стала просить, чтобъ пощадилъ для ради осударыня царицы, онъ Иванъ за то выбранилъ ее и съ цапцею. Иванъ, конечно, отрекался отъ этого, говорилъ, что акихъ словъ не говаривалъ и жены своей не бивалъ. Полонянка улнчаючи его, указала на свидѣтелей, которые сказали, то видѣли они и слышали, какъ Ивашка, встрѣтясь съ полонянкою Окулькою на дорогѣ, ей рукою махалъ и грозилъ: ухошься де ты, что на насъ доводишь; и въ Верху, пришедъ а лѣстницу къ роспросу, также грозилъ ей, чтобъ она на ихъ не доводила. Ивашко въ томъ во всемъ заперался. А олонянка, постоявъ немного, еще сказала, что она отъ постельицы Домны про царицу и не однѣ непригожія рѣчи слышаа: сказывала ей Домна, что государыня царица Евдокѣя Лук. ѣ найдетъ людскіе волосы и она, государыня, съ тѣмъ воосьемъ сучитъ свѣчки да ихъ жжетъ, а сказываетъ, что будто портятъ постельницы. И толькобъ она Акулина отъ Домны акихъ словъ не слыхала, и ей того затѣять не умѣть. Домна томъ во всемъ заперлась.

На другой день, 11 авг., по государеву указу судьи ѣздили пыткѣ. Тамъ послѣ очной ставки подсудимыя опять звали угъ друга на пытку. Сначала попытали слегка одну изъ овъ, которая подтвердила только прежнія свои рѣчи. Но стельница Домна съ пытки повинилась во всемъ, и скала, что про государскій чинъ, что въ немъ живутъ недоыя жены постельницы, и что она нарядитъ курицу и пр. ворила. А про царицу говорила ли не пригожія рѣчи, того

не упомнитъ; въ тѣ поры поразилъ ее о землю недугъ и повалясь, лежала безгласна. Тутъ же, стоя у пытки, палачь Васька подтвердилъ, что ту постельницу знаетъ и на ней та падучая болѣзнь давно. Спросили ея мать, которая, вѣроятно, не зная въ чемъ дѣло, начала было отрекаться, что падучей болѣзни на дочери не бывало, развѣ что учинилась надъ нею теперь. Палачь доказывалъ, что мать лжетъ, что на Доминѣ давно падучая болѣзнь, какъ была она на одной свадьбѣ въ свахахъ и тогды та падучая болѣзнь на ней была. Мать потомъ учала въ рѣчи мяться. Судьи велѣли ее розболочь и хотѣли пытать. Тогда она сказала правду, что болѣзнь была. Ея сынъ Ивашка въ своемъ непригожемъ словѣ про царицу былъ пытанъ накрѣпко; но съ пытки не винился, а сказалъ, когда билъ жену и тѣ поры былъ пьянъ, что говорилъ, того не упомнитъ. Половянка подтвердила его показаніе, что былъ пьянъ. На томъ розыскъ и остановился.

Черезъ нѣсколько времени, 15 сент. государь велѣлъ постельницу Любу съ дочерью и царицыныхъ дѣтей боярскихъ, ея сына и зятя, изъ царицына чину отставить, и изъ царицыной слободы, изъ Кисловки, выслать.

Похвальба царицынымъ жалованнымъ челобитьемъ.

1651 г. ноября въ 6 день извѣщалъ государю Петръ Семеновъ сынъ Хомяковъ на сокольника на Тимошку Григорова, а сказалъ: въ прошломъ въ 159-мъ году въ Коломенскомъ селѣ на Потѣшномъ дворѣ въ хоромехъ, передъ оспожиными говѣйны, говорилъ ему Петру сокольникъ Тимошка Григоровъ, одинъ на одинъ съ нимъ Петромъ: до брата де моего до Левонтья Григорова государская милость, а крестьянинъ де ихъ похваляетца, ходячи по пирамъ: государыня де царица, жалуючи мать Левонтьеву, прислала челобитье съ человѣкомъ ихъ съ Трошкою; а какъ того крестьянина зовутъ, который такіе рѣчи говорилъ и онъ Тимошка тому крестьянину имя сказалъ, а онъ Петръ имя того крестьянина забылъ. Да онъ же сказывалъ ему Петру: намъ де къ родителямъ своимъ и выѣхать нельзя; говорятъ намъ, по дѣломъ де вы дураки, что васъ государь не жалуетъ, какъ милость государская къ Левонтью и

государыни царицы къ матери его; царица де государыня къ матери Левонтьевѣ жаловала, приказывала челобитье.

И того же числа сокольникъ Тимошка Григоровъ роспрашиванъ. А въ роспросѣ сказалъ, что онъ такихъ рѣчей Петру Хомякову не говаривалъ, такіе де рѣчи Петръ Хомяковъ на него Тимошку затѣялъ. А на очной ставкѣ Петръ Хомяковъ говорилъ на него Тимошку прежніе рѣчи, что онъ въ роспросѣ говорилъ. А Тимошка на очной ставкѣ запирался, а сказалъ, что онъ Петру такихъ рѣчей не говаривалъ. Да Тимошка жъ говорилъ: за што де онъ Петръ на него Тимошку въ ту пору не извѣщалъ, какъ будто я ему сказывалъ, и то де знатно, что онъ Петръ на меня затѣялъ. И Петръ Хомяковъ сказалъ: не извѣщалъ государю на него въ ту пору потому, поблюлся де Левонтья, а къ Левонтью въ ту пору была государская милость, чего бъ де онъ Левонтей на него Петра государю не сказалъ; а на него Петра государь въ ту пору былъ кручиноватъ. Да онъ же Петръ сказалъ: извѣщалъ онъ Петръ государю, что кречетъ не кормленъ; и Левка его Петра излаелъ: кто де тебя спрашивалъ извѣщать государю; а какъ его Петра въ ту пору Левка лаелъ, и то слышалъ Мирошка сокольникъ.

И Тимошка Григоровъ у пытки въ роспросѣ сперва говорилъ прежніе свои рѣчи, а постоявъ, винился: виноватъ де я передъ государемъ, Петру Хомякову такіе рѣчи говорилъ, что государыня царица Левонтьеву мать о здоровьѣ спросить велѣла: а сказывалъ ему такіе рѣчи дьячокъ Григорья Богослова Коломенскаго уѣзда села Восцы на рѣчкѣ Селижаркѣ, Васка Артемьевъ. А онъ дьячокъ слышалъ отъ крестьянина деревни Алешкова, у Давыдки, а прозвище Волкъ, да отъ жонки тое жъ деревни отъ вдовы отъ Дуньки: государыня де царица боярыню нашу жалуетъ, чалобитье приказываетъ, человѣкъ де нашъ Гришка Максимовъ шолъ дворцомъ и государыня де царица увидѣла мово человѣка и велѣла спросить съ Верху боярынѣ: каковъ де его боярыня, скажи де ей челобитье.

Декабря 13 по государеву указу посланъ стольникъ Алексѣй Мусинъ Пушкинъ для распросу въ Коломенской уѣздъ въ село Восцы для церковнаго дьячка и для Даниловыхъ крестьянъ Григорова. — По пріѣздѣ на мѣсто декабря 18 стольникъ тотчасъ послалъ сотника Андрея Ромейкова по дьячка Васку и по крестьянъ по Давыдку, прозвище Волка, да по вдову Дуньку Лазаринову да по дворовова человѣка по Тришку Максимова.

И того жъ числа сотникъ привезъ крестьянъ, а Васку дьячка въ томъ селѣ, гдѣ онъ живетъ, не изъѣхали, выбѣжалъ съ двора съ женою и съ дѣтьми. И стольникъ Алексѣй Мусинъ Пушкинъ крестьянъ роспрашивалъ. Давыдко прозвище Волкъ въ роспросѣ сказалъ, что онъ не знаетъ не вѣдаетъ. И къ пыткѣ Давыдко привожонъ и онъ ни въ чемъ не винился жъ. Вдова Дунька Казаринова дочь въ роспросѣ сказала: говоритъ де ей дворовый человѣкъ Тришка такіе рѣчи. что государь жалуетъ боярина нашего Левонтья и боярыню нашу жалуетъ же, приказываетъ государыня царица ей челобитье; а говорилъ онъ Трошка такіе рѣчи пьянъ напився, у дьячка на дворѣ, у Васки Атремьева, а въ тѣ поры были онѣ у дьячка въ гостехъ въ прошломъ во 159-мъ году въ родительскую субботу; а онъ дьячокъ тѣ рѣчи слышелъ ли или не слышелъ и она того Дунька не упомнитъ. Да Дунька жъ въ допросѣ сказала: пріѣзжалъ съ Москвы человѣкъ ихъ Янька Григорьевъ до присылки за три дня, какъ ихъ взяли къ роспросу, съ вѣстью; а ночевалъ онъ одну ночь, а на утрее и поѣхалъ къ Москвѣ; а что въ грамоткѣ писано и она того невѣдаетъ. А какъ пріѣхалъ по нихъ сотникъ Андрей Ромейковъ и она въ ту пору Дунька сидѣла въ комнатѣ у боярыни своей, пряла пряжу и слышала она отъ жонокъ, говорили жонки въ хоромахъ: все де имъ дѣлаетца отъ своего жъ отъ Тимошки Григорова, а которая жонка говорила такіе рѣчи и она того Дунька не упомнитъ. потому что въ ту пору испужалась; а отъ боярыни своей и отъ бояръ никакихъ рѣчей она Дунька не слыхала. Трошка Максимовъ въ роспросѣ ни въ чемъ не винился и на очной ставкѣ съ Дунькою ставленъ и къ пыткѣ привожонъ и подыманъ и ни въ чемъ не винился. Декабря 19 онъ Трошка и Дунька снова роспрашиваны. И постоявъ онъ Трошка винился и говорилъ: пріѣхалъ де онъ Трошка съ Москвы въ прошломъ во 159-мъ году, а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ, того не упомнитъ, и пришодчи де онъ въ хоромы къ боярынѣ своей и боярыня его стала спрашивать: здороволь сынъ мой живетъ Левонтей, и по прежнемуль къ нему государева милость и приказывала ли мнѣ государыня царица челобитье? И онъ Трошка ей говорилъ: шолъ де я дворцомъ мимо хоромъ государыни царицы и изъ хоромъ велѣла его государыня царица спросить боярынѣ: жива ль де твоя боярыня. скажи хе ей отъ меня челобитье. А говорилъ онъ такіе рѣчи боярынѣ своей съ хмѣлю; а затѣелъ онъ такіе рѣчи самъ, а ни отъ

юго онъ такихъ рѣчей не слыхалъ. Какъ по него Трошку пріѣхалъ сотникъ Андрей Ромейковъ и боярыня ему говорила, чтобъ онъ ничего Трошка не сказывалъ; а вѣсть къ нему была ль съ Москвы или не была и онъ того не вѣдаетъ. Да Трошка жъ въ роспросѣ сказалъ, что пріѣзжалъ человѣкъ ихъ Янька Григорьевъ съ Москвы до присылки сотника за три дня, какъ ихъ взялъ сотникъ, • а съ вѣстью онъ Янька пріѣзжалъ или не съ вѣстью, и онъ того не вѣдаетъ, а ночевалъ де онъ Янька одну ночь дома.—И того жъ числа сокольникъ Тимошка Григоровъ противъ вдовы Дунькиныхъ и Трошкиныхъ рѣчей роспрашиванъ, что онъ вѣсть подавалъ ли или нѣтъ? И онъ Тимошка въ роспросѣ винился и говорилъ писалъ де онъ грамотку и написавъ послалъ ее съ стрѣльцомъ къ брату своему къ Василью Григорову, что говорилъ на дьячка и на Артемья Бибева и на Даниловыхъ крестьянъ Григорова, а котораго приказу стрѣлецъ послалъ грамотку и онъ того не упомнитъ: а писалъ онъ Тимошка грамотку до пытки.

Чѣмъ окончилось дѣло, неизвѣстно.

Обманъ въ свадьбѣ царицынымъ жалованнымъ словомъ.

1653 г. государынѣ благовѣрной царицѣ и в. к. Марьѣ Ильничнѣ всеа Русіи бьетъ челомъ изъ Вознесенскаго монастыря богомолица твоя старица Ефросинья, твоего, государыня, дарицына двору на Ивана Девулю да Вознесенскаго монастыря на бѣлицу на вдову Овдотью, что живетъ у старицы у Екатерины Солоховой. Жила у меня, богомолицы твоей, въ кельѣ сиротка, дѣвочка Макринка, и въ нынѣшнемъ государыня во 162 году октября въ 11 день пришодъ ко мнѣ богомолицы твоей въ келью тотъ Иванъ Девуля и та вдова Овдотья, тоѣ моей дѣвки сватали за твоего государыня царицына крестоваго діячка, а сказали мнѣ богомолицы твоей при старицѣ Маремьянѣ Часниковой да при вдовѣ протодьяконицѣ резанской при Овдотьѣ твое, государыня, благовѣрной царицы и в. к. Марьи Ильичной всеа Русіи жалованное слово: по челобитью де твоего, государыня, царицына крестоваго дьячка тоѣ мою дѣвку за него взять. А указала де ты, государыня, напередъ тоѣ моей дѣвки досмотритца, провести мимо тебя, государыню благовѣр-

ную царицу, октября въ 13 день въ пятомъ часу дни; а ты де, государыня, благовѣрная царица будешь въ то время гулять въ Царя-Борисовой палатѣ; и та бы де моя дѣвка провести по улицѣ мимо тоѣ палату. И я богомолица твоя имъ отказывала, что у дѣвки за мужъ мысли нѣтъ и не хочетъ, а се нага и боса, платья ничево нѣтъ. И онъ Иванъ сказалъ: платье де все пожалуетъ государыня благовѣрная царица и полотна съ Верху для ради своего крестоваго дьяка. И октября, государыня въ 13 день въ четвергъ въ четвертомъ часу дни пришли ко мнѣ въ келью тотъ Иванъ Девуля да съ нимъ же пришла, нарядясь, женщина, а сказалась мнѣ и передъ игуменьею Александрою что она съ Верху отъ тебя государыни царицы наплечново мастерова жена, а пришла де по тоѣ мою дѣвку къ смотрѣнью передъ тебя государыню, провести мимо Царя-Борисову палату, и принесли на дѣвку съ собою доброе платье: и я богомолица твоя обрадовався твоей, государыня, благовѣрной царицы и в. к. Марьи Ильичной всеа Русіи жалованью и призрѣнью къ убогой сиротѣ, тоѣ свою дѣвку, не познавъ ихъ лукавства и обману, нарядивъ, къ смотрѣнью отпустила съ ними. И они, государыня, не водя тоѣ моей дѣвки мимо Царя-Борисову палату, отвели въ церковь Козмы и Домьяна, что у святыхъ Вознесенскихъ заднихъ воротъ, и изготовя новобрашново и обвѣнчали, а обвѣнчавъ и отвели къ тому Ивану Девулѣ во дворъ, а не за твоего государыня, крестоваго дьячка, взяли и выдали; а я богомолица твоя про то послѣ свѣдала. И тотъ, государыня, новобрашной бродящей, за ково выдана, невѣдомой и незнаемой намъ какой человѣкъ. А женився, государыня, нынѣ онъ и жить съ нею не хочетъ, посажена у Девули нага и боса, помираетъ голодною смертью и велитъ ей мужъ постритца. И то, государыня, они учинили, Иванъ Девуля и та вдова Овдотья и съ приходящею женщиною, умысля великою воровскою статьею, оманули твоимъ государыня, благовѣрной царицы жалованнымъ словомъ: тоѣ дѣвку у меня, будто передъ тебя государыню къ смотрѣнью за крестового дьячка, выманили и замужъ выдали безвѣстно, одночасьемъ. А мы, государыня, тово новобрашново до тѣхъ мѣстъ и въ тѣ поры ни знали, ни вѣдали и въ рожен его невидали. А тѣ, государыня, Иванъ Девуля и вдова Овдотья, сватая тоѣ дѣвки за твоего государыни царицына крестоваго дьячка, сказывали, что тотъ дьячокъ домомъ и прожитками человѣкъ полной и у тебя де государыни.

пожалованъ. Милосердая государыня благовѣрная царица и великая княгиня Марья Ильична всеа Русіи, пожалуй меня, богомолицу свою и тоѣ бѣдную сироту, вели государыня противу сеѣ моей челобитной про то воровство, про оманъ Иванъ Девули и вдовы Овдотьи и приходящей женщины съ платьемъ сыскать и свой, государыня, царской указъ учинить. Государыня благовѣрная царица смилуйся пожалуй!

И противъ сей челобитной отставленой сторожъ Ивашка Деуля роспрашиванъ, а въ роспросѣ сказалъ: въ нынѣшнемъ де во 162 году октября въ 11 день Вознесенскаго монастыря къ старицѣ Офросиньѣ въ келью не прихаживалъ и дѣвки еѣ Макритки государыни царицы за крестоваго дьяка не сватывалъ, и такихъ рѣчей ей Офросиньѣ не говаривалъ, что тое дѣвки напередъ посмотрить и провесть тое дѣвку мимо Царя-Борисовской палаты, а государыня царица будетъ въ тѣ поры въ тѣхъ палатахъ; а въ тѣхъ де числѣхъ, которые писаны въ челобитной, приходилъ онъ Ивашка въ Вознесенской монастырь къ келарю, къ старицѣ, а какъ зовутъ, того онъ не упомнитъ, и ей говорилъ. чтобъ она у себя въ монастырѣ поискала дѣвки, котораябъ была лѣтна, хотя и увѣчна и нага и боса, а жениха де ты сама знаешь, что зовутъ Флоромъ Мининъ, малоуменъ; и келарь де ему Ивашку сказала, что она про него припамятовала, каковъ онъ, а невѣсты хотѣла поискать; а ему Ивашку велѣла у себя побывать инымъ временемъ. И онъ Ивашка отъ того келаря пошолъ къ себѣ домовь и тутъ же де на монастырѣ попалась ему Ивашку на встрѣчю вдова Дунка Осипова дочь, что живетъ тогожъ монастыря у старицы у Катерины Солеховы; и онъ де Ивашка еѣ Дунки спрошалъ томужъ Фролу про невѣсту; и она де Дунка ему Ивашку сказала про дѣвку Сухоруку, которая живетъ тогожъ монастыря у старицы у княжны Александры Голицыны и онъ де Ивашка пришелъ къ той старицѣ къ подклѣту и та дѣвка вышла къ нему изъ подклѣта сама и ему Ивашку отказала, что она замужъ нехочетъ, а хочетъ постритца; и онъ де Ивашка отшедчи отъ той кельи и сталъ съ тоюжъ вдовою Дункою, и старица де Офросинья шла мимо ихъ и Дунка де учала ей Офросиньѣ говорить: у тебя де есть дѣвка сиротиика, а Ивашка де спрашиваетъ невѣсты. И та де старица Офросинья учала его Ивашка спрашивать, за какого де ты человѣка сватаешь? и онъ де Ивашка сталъ ей про Фрола разсказывать, что онъ Фролъ человѣкъ

уродивой; и та де старица послала тоѣ вдову Дунку къ нему Ивашку на дворъ того Фрола смотрѣть и смотрѣвъ она Дунка его Фрола, пришли съ нимъ Ивашкомъ къ той старицѣ Офросиньѣ въ келью, и съ тою старицею онъ Ивашка за того Фрола тоѣ дѣвку и по рукамъ ударили; а повѣрила де она Офросинья слову вдовы Дунки; и на завтрее де того сватанья пришолъ онъ Ивашка къ той старицѣ Офросиньѣ по невѣсту съ отцомъ его Хроловымъ духовнымъ, а какъ того попа зовутъ, того онъ не вѣдаетъ; а служитъ де онъ у Кузмы Демьяна, что у Чудова монастыря у сзятыхъ воротъ; да съ свахою портного мастера съ Ларкиною женою. И взявъ тоѣ дѣвку, со Фроломъ вѣнчали въ церквѣ Кузмы Демьяна. А противъ челобитной такихъ рѣчей онъ Ивашка неговаривалъ и жонкѣ Дашкѣ наплечного мастера женою называтца онъ Ивашка не велѣвалъ.

А жонка Дунка въ роспросѣ сказала: въ нынѣшнемъ де во 162 году, а въ которомъ числѣ, того она неупомнитъ, приходилъ де къ нимъ въ монастырь Ивашка Деуля и спрашивалъ еѣ Дунки, гдѣ она живетъ? и ему де Ивашку сказали, что живетъ она у старицы Александры Мещениновы; и онъ де Ивашка къ той кельѣ пришолъ; и она де Дунка къ нему Ивашку вышла, и онъ Ивашка учалъ еѣ спрашивать про невѣсту, дѣвку сиротинку лѣтъ въ сорокъ, а у него де Ивашка женихъ есть лѣтъ въ сорокъ же, Фроломъ зовутъ Мининъ. И она Дунка сказала ему Ивашку про невѣсту дѣвку Макритку, что живетъ у старицы Офросиньи, а та де старица Офросинья невѣдомо откуль пришла къ нимъ тутъ же, и она Дунка учала ей Офросиньѣ говорить, чтобъ она тоѣ дѣвку за Фрола выдала замужъ. И та де старица послала къ нему Ивашку на дворъ того Фрола смотрѣть; и она де Дунка у него Ивашка на дворѣ была и Фрола смотрѣла и про него той старицѣ Офросиньѣ сказала; и старица де съ тѣмъ Ивашкомъ за того Фрола замужъ тоѣ дѣвку и по рукамъ ударила; а она Дунка за тоѣ дѣвку замужъ по рукамъ ни съ кѣмъ не бивала. И на завтрее того дни была у нихъ свадьба. А что де въ челобитной старицы Офросиньи написано, того она ничего отъ Ивашка и отъ жонки Дашки такихъ рѣчей неслыхала и какъ она называлась наплечнаго мастера женою.

А жонка Дашка Сидорова дочь въ распросѣ сказалась: портного мастера Ларкина жена Григорьева; была де она Дашка по челобитью Фрола Минина у него Фрола на свадьбѣ въ

свахахъ и ходила въ Вознесенскій монастырь къ невѣстѣ его Фроловѣ съ платьемъ свадебнымъ; а были де съ нею въ монастырѣ Ивашка Деуля да мужъ еѣ Ларка; а какъ де она пришла въ монастырь и еѣ де спрошала Вознесенскаго монастыря игуменья, чья де ты жена? и она де Дашка игуменьѣ сказала, что она гулящева человѣка Ларкина жена, портного мастера, а наплечного мастера женою она Дашка сама не называлась и никто еѣ не научивалъ.

Челобитье на поругательницу жену.

1670 г. въ декабрѣ царицы Марьи Ильичны чину сынъ боярской Никифоръ Скорятинъ билъ челомъ на жену свою Пелагею, а въ челобитной его написано: жалоба, государь, мнѣ на поругательницу на жену свою Пелагею: во 176 г. кусала она, жена моя, тѣло мое на плечахъ зубомъ, и щипками на рукахъ тѣло мое щипала и бороду драла; и я холопъ твой билъ челомъ тебѣ, в. государю, въ Приказѣ Мастерскіе Палаты и подалъ челобитную окольн. Васил. Мих. Еропкину. И противъ моего челобитья меня холопа твоего дьякъ Иванъ Взимковъ въ Приказѣ Маст. Пал. поругательство жены моей и зубнаго яденья на тѣлѣ моемъ досматривалъ, и въ томъ еѣ поругательствѣ женѣ никакого указу не учинено. И въ 178 г. она жена моя Пелагея, хотя меня холопа твоего топоромъ срубить, и я отъ еѣ топороваго сѣченья руками укрывался и посѣкла у меня правую руку по запясью и я отъ того еѣ топороваго посѣченія съ дворишка своего чють живъ ушелъ и билъ челомъ въ Приказъ Маст. Пал. стольнику Ѳедору Пракофьев. Соковнину; и стольн. Ѳ. П. Соковнинъ приказалъ посѣченую мою рану записать; и отъ той посѣченой моей руки я во вѣки увѣченъ. Да и впредь она жена моя хвалитца на меня всякимъ дурнымъ смертоубивствомъ и по твоему государеву указу посажена она поругательница жена моя за приставы; и она, сидя за приставы, хвалитца на меня и нынѣ всякимъ дурномъ смертнымъ убивствомъ. Милосердый государь! пожалуй меня, вели въ такомъ поругательствѣ и въ похвальбѣ еѣ женѣ моей свой царской указъ учинить и меня съ нею розвесть, чтобъ мнѣ отъ неѣ жены своей впредь напрасною смертью не умереть. *Помѣта*: 179 г.

дек. 19 велѣть противо челобитья на патріарховъ дворъ послать память и съ памятью отослать Никифора Скорятина и съ женою его съ Полагеею. (Посланы съ указомъ: учинить по правиломъ св. апостолъ и св. отецъ, чего доведетца).

Дѣло комнатной бабки, укравшей горсть соли.

1671 г. августа въ 13 день по указу (в. государя царя) и в. к. Алексѣя Мих. (титулъ) государыни царицы и в. к. Наталіи Кириловны *комнатная бабка* Марѳа Тимоѳеева роспрашивана накрѣпко, а сказала: въ нынѣшнемъ де во 179 г. августа 11 дня, пришла она къ мыленкѣ государыни царицы, и передъ мыленкою де ходила и стряпала дохтуръ Литовка, и принесла передъ мыленкою на серебряномъ блюдѣ грибы, и поставила на томъ же серебряномъ блюдѣ. А ей-де Марѳѣ до того времени грибовъ печоныхъ велми хотѣлось ѣсть. И она де украла передъ мыленкою въ сѣняхъ изъ стола соли изъ сковородки, изъ которой про государыню царицу въ кушанье вынимаетъ дохтуръ. И она де, изъ той соли взяла въ горсть тайно.... къ грибамъ и хотѣла съ того серебряного блюда, которые принесены въ стряпню про государыню царицу, украсть грибъ и тою краденою солью тотъ краденый грибъ осолить и испечь тутъ же въ печи, гдѣ стряпаютъ кушанье про государыню царицу. И въ то де время увидѣла дохтуриха, что она соль украла, стала ее въ сѣняхъ спрашивать, что у ней въ горсти? и она де Марѳа сказала ей, дохтурихѣ, что у ней въ горсти ничего нѣтъ. И отъ той дохтурихи пошла въ мыленку для того, чтобъ ей соль высыпать на землю, чтобъ ее не увидѣли. И какъ де она вошла въ мыленку и увидѣла, что въ мыленкѣ сидитъ Анна Леонтьевна, испужалась ее, и тое соль подлѣ ушата въ мыленкѣ у дверей изъ руки высыпала на землю. А въ то-де время варили щти про государыню царицу. И высыпавъ соль, пошла тотчасъ назадъ изъ мыленки, и дохтуриха де ее спросила, что она носила въ мыленку? И она сказала, что ничего не носила. И пошла отъ мыленки къ портомойнѣ. И у портомойни де варила грибы государыни царевны и в. к. Евдокѣи Алексѣевны комнатная жъ Офросинья. И она де, Марѳа, взяла грибъ и испекши съѣла, для того, что ей безмѣрно хо-

тѣлось въ то время грибовъ ѣсть. И послѣ де того, на другой день въ субботу въ обѣдъ, пришли въ казенную Матрена Блохина и Марина Кишкина. И сказала ей, Марѳѣ, Марина, что де про её Марѳино дѣло государынѣ царицѣ извѣстно. И она де учала бить челомъ Матренѣ Блохинѣ, чтобъ её заступила. И Матрена де на неё закричала и велѣла ей Марѳѣ ѣхать къ Москвѣ. И она де и поѣхала.

А нынѣшнего де августа 13 числа была она у обѣдни у себя въ приходѣ, въ Хамовникахъ у церкви Николая Чудотворца, и идучи де отъ обѣдни, сошлась съ сосѣдкою своею государыни царевны и в. к. Софіи Алексѣевны съ постельницею съ Марѳою Кузминой и говорила ей со слезами, что она безъ хитрости впала въ бѣду. И Марѳа де спрашивала её, въ какую бѣду? И она де ей разсказала, какъ она соль украла и какъ хотѣла грибъ украсть и испужався Анны Леонтьевны, тоѣ соль высыпала на землю въ мылеикѣ подлѣ кади и чтобъ она, Марѳа, гдѣ ей мочно заступила. И Марѳа де ей сказала, чтобъ она уповала на Бога и на ихъ государскую милость, и на безхитростныя вины ихъ государское милостивое разсмотрѣнье. И пошла де она, Марѳа, къ себѣ на дворъ, потому что она живетъ въ Хамовной слободѣ, и мужъ у ней былъ тоѣ слободы тяглецъ, а сынъ и нынѣ живетъ въ той слободѣ, а торгуетъ въ серебряномъ ряду. А родомъ де отецъ её былъ сынъ боярской Карташовыхъ, а котораго городу того не упомнитъ. А сестра ей родная въ Верху у государыни Царицы въ портомояхъ, а мужъ у ней былъ стрѣтенскія сотни тяглецъ, Гришкою звали. А иныхъ никого въ Верховомъ чину и въ государевѣ дворѣ сродниковъ у ней нѣтъ.

Да она жъ сказала, что хотѣла она бить челомъ в. государю, чтобъ в. государь пожаловалъ велѣлъ её отпустить въ монастырь, что она въ разумѣ проста, а *нынѣ* де *стало не по прежнему жестоко*, никто де ни о чемъ доложить не смѣетъ, развѣ де одна Матрена Блохина доложитъ о какомъ дѣлѣ доведетца. А она де Марѳа никуды въ домы не вхожа и въ деревняхъ у ней никого нигдѣ сродниковъ нѣтъ. А что де она соли украла и грибъ хотѣла украсть, и какъ её спрашивали, что она въ горсти несетъ и она запиралась, и то де все учинила она безъ хитрости, для того, что де ей и напередъ сего грибы дохтуриха давывала, и она де въ мыленкѣ пекала. А она де Марѳа, про государыню царицу дѣлаетъ всегда кислые шти, а хитрости

никакія за нею нѣтъ и не было, работаетъ имъ, государемъ, лѣтъ съ тринадцать.

И для подлиннаго розыску допрашивана государыни царевны и в. к. Софіи Алексѣевны постельница Марѳа Кузьмина, что ей нынѣшняго числа говорила бабка Марѳа? И постельница Марѳа сказала противъ роспросу комнатныя бабки Марѳы: а родомъ она сказалась Вяземка, посацкаго человѣка жена и *родители* всѣ у ней и нынѣ въ Вязмѣ на посадѣ, а иныхъ никого *родителей* нигдѣ нѣтъ.

И бабка Марѳа подымана на дыбу и висѣла, а сказала прежнія свои рѣчи. Она жъ и къ огню приношена и всячески стращена, а говорила тожъ, что и въ роспросѣ сказала. И послѣ роспросу Марѳа Кузьмина свобожена, а Марѳа Тимофѣева посажена на Житномъ дворѣ въ приказной избѣ за караулъ [1].

Царицыны дѣти боярскіе въ провожатыхъ за боярынею.

1673 г. апрѣля 10, въ Приказѣ Мастерскія Палаты, по случаю внезапной смерти одного изъ царицыныхъ дѣтей боярскихъ, слѣдовавшихъ въ проводахъ за боярынею, произведенъ былъ распросъ, отчего ему смерть приключилась? Тогда царицына чину сынъ боярскій Иванъ Тавлеевъ въ распросѣ сказалъ: апрѣля въ 6 день ходили они, дѣти боярскіе, восемь человѣкъ съ дворца на дворъ къ окольничему къ Ивану Михайловичу Милославскому, провожали боярыню Оксинью Мертваго да дѣвку боярычню; а дѣтей боярскихъ было: Иванъ Кутузовъ, Илья Парской, Истома Брянцовъ, Иванъ Левашовъ, Григорій Мелеховъ, Яковъ Степановъ да умершій — Ѳедоръ Аменевъ. И тотъ Ѳедоръ съ дворца шелъ за колымагою пьянъ, да и у Ивана Михайловича пилъ вино двойное, и пиво и медъ. И съ двора окольничаго Ив. Мих. Милославскаго за тою колымагою пошли всѣ; а какъ онъ Ѳедоръ отъ колымаги отсталъ и кто его билъ ли и какъ ему смерть случилась, того Иванъ Тавлеевъ не вѣдаетъ, потому что всѣ дѣти боярскіе были пьяни. — Иванъ Кутузовъ сказалъ тѣжъ рѣчи, Истома Брянцевъ

---

[1]) За сообщеніе въ спискѣ этого любопытнаго акта приносимъ искреннюю благодарность П. П. Пекарскому.

сказалъ тѣжъ рѣчи, Яковъ Степановъ сказалъ тѣжъ рѣчи. А въ томъ де они всѣ шлютца на боярыню Оксинью Мертваго и на дѣвку боярычню и на постельницъ, которыя за боярынею были, какъ они съ двора окольн. И. М. Милославскаго подлѣ той колымаги шли до самаго дворца, а отъ колымаги ни на часъ не отставывали и ни съ кѣмъ не бранивались. А пріѣхала де та боярыня на дворецъ и они за нею пришли въ четвертомъ часу ночи и проводя боярыню, пошли всѣ семь человѣкъ въ Кисловку вмѣстѣ, а про него Ѳедора чаели, что онъ отставъ, пошолъ домовь. Послѣ того осматривали умершаго сына боярскаго Ѳедора Аменина, а по осмотру половина лба и носъ весь замерло багрово и на спинѣ да на лѣвомъ локтѣ багрово жъ.

Царевнина карлица въ гостяхъ.

1677 г. генв. 7, царицы Наталіи Кириловны сѣнной сторожъ Ѳедка Степановъ, прозвище Бородавка, про пріѣздъ къ нему въ домъ карлицы дѣвки Овдотьи и про скорую смерть еѣ распрашиванъ, отчего ей та скорая смерть учинилась? а въ роспросѣ сказалъ: царевны Екатерины Ал. карлица дѣвка Овдотья пріѣхала къ нему въ полчаса ночи, да съ неюжъ пріѣхали Володимерова приказу Воробина стрѣлецъ Андрюшка Левонтьевъ да сестра еѣ родная Огашка, того жъ приказу стрѣльца Васкина жена Рожи, а его де Ѳедки въ то время дома не было, а была въ то время дома жена его Окулка; а какъ онъ пришолъ домой въ часъ ночи и она карлица Овдотья съ женою его Окулкою были въ то время въ вышкѣ и изъ вышки сошли съ нимъ Ѳедкою въ избу, и онъ имъ поднесъ вина по достоканцу троецкому и ужинали вмѣстѣ, и поужинавъ легли спать часу въ девятомъ ночи; и проснулися они часу въ десятомъ ночи и увидѣли они тоѣ карлицу: лежитъ лицомъ къ подушкѣ мертва, а отъ чего ей та смерть случилась, того онъ не вѣдаетъ; а прежде сего въ гостяхъ она и сестра еѣ у него не бывали, а пріѣхали они къ нему въ первые; да у него жъ былъ въ гостяхъ и ночевалъ стрѣтенскія сотни тяглецъ Ефремко Ѳонасьевъ, по знакомству.—Ѳедкина жена въ роспросѣ сказала: пріѣхала къ нимъ карлица дѣвка Овдотья за полчаса до ночи, да съ нею же пріѣхала сестра еѣ родная Огашка да

стрѣлецъ Андрюшка Левонтьевъ; а пріѣхали къ нимъ они пьяни; а сказала она карлица, что была она у сестры своей родной Огашки; а мужа еѣ Окулкина въ то время дома не было, а гдѣ онъ былъ, того она не вѣдаетъ. И она имъ поднесла по достоканцу троецкому вина, а въ достоканцѣ будетъ чарки двѣ или три, и послѣ того водила она Окулка еѣ карлицу изъ избы въ вышку одноѣ и тамъ ей поднесла тотъ же достоканецъ вина жъ; а мужъ еѣ пришолъ домой часы въ отдачи и ужинали вмѣстѣ, а за ужиномъ поднесли имъ по дважъ достоканца; и отужинавъ стала она карлица говорить, чтобъ ей дали мѣсто, гдѣ ей спать. И они положили подушку на лавку и она тутъ и легла спать въ часъ ночи; а они сидѣли часу до пятаго ночи и хотѣли еѣ разбудить, чтобы она съ ними жъ сидѣла и стали еѣ будить, и она де лежитъ мертва, лицомъ въ подушкѣ; а тоскованья у неѣ и иныя болѣзни не видали; только у мертвой усмотрѣли, что изо рта у ней шла пѣна.—Стрѣтенскіе сотни тяглецъ Ефремко Аѳанасьевъ въ роспросѣ сказалъ: былъ онъ въ гостяхъ у Ѳедки Бородавки и къ нему пришелъ стрѣлецъ Андрюшка Левонтьевъ и сказалъ ему Ѳедкѣ, что будетъ къ нему въ гости карлица; и онъ Ѳедка ходилъ для тоѣ карлицы покупать вина. И безъ него Ѳедки та карлица къ нему пріѣхала да съ нею сестра еѣ Огашка да стрѣлецъ Андрюшка Левонтьевъ; а была де въ то время дома жена его Ѳедкина Окулка; и поднесла имъ вина по достоканцу троецкому; а у Окулки въ то время было подпито; и пошептала ей карлицѣ она Окулка на ухо и пошла изъ избы вонъ и помѣшкавъ пришли опять въ избу; и Ѳедка въ то время пришолъ съ ними жъ въ избу вмѣстѣ и сѣли ужинать: и та карлица ужинала и за ужиномъ пила вино тѣмъ же достоканцомъ и послѣ ужина легла она карлица спать и они всѣ полегли спать же. И часу въ пятомъ ночи стали еѣ будить и она карлица мертва и лежитъ лицомъ къ подушкѣ и лицо у ней посинѣло.—Володимерова приказу Воробина стрѣлецъ Андрюшка Левонтьевъ въ роспросѣ сказалъ: карлицы Овдотьина сестра родная Огашка живетъ у отца его у Левки на дворѣ. И генваря въ 1 день въ понедѣльникъ пріѣхала къ ней Огашкѣ сестра еѣ карлица Овдотья и жила у нихъ генваря до 6 числа, а генваря въ 6-мъ числѣ за два часа до вечера поѣхала отъ нихъ та карлица съ сестрою своею Огашкою да съ нимъ Андрюшкою, не пивъ ни чего и не ѣтчи, и пріѣхала къ Ѳедкѣ Бородавкѣ въ гости; а какъ они пріѣхали и Ѳедки въ то время дома не было; а была

жена его Окулка, и знать, что у неѣ было подпито; и поднесла пиъ по достаканцу вина и поднесши имъ вина по достаканцу и пошептала ей карлицѣ въ ухо, и карлица ей Окулкѣ говорила, что де мнѣ съ тобою дѣлать? и она Окулка ей сказала: что де заставятъ, то и дѣлай! и взяла еѣ въ вышку и были въ вышкѣ съ четь часа; и въ то время Ѳедка Бородавка пришолъ домой и прошолъ къ нимъ же въ вышку и бывъ у нихъ Ѳедка сошелъ въ избу; послѣ того вскорѣ и она Окулка и карлица сошли въ избу жъ и въ избѣ сѣли на лавкѣ; и въ то время подносили имъ пасынокъ его Ѳедкинъ и жена его Окулка и онъ Ѳедка по достаканцу вина: и она карлица выпила у нихъ толко одинъ достаканецъ, а дву достоканцевъ не пила, а говорила: полно де пить вина и такъ де тошно; и объявилось, что хмѣль еѣ сталъ изнимать и сталъ языкъ мѣшатца; и сѣли они ужинать вмѣстѣ, а какъ поставили студень и она взяла кусокъ мяса и не донесла до рта, уронила и стала сидѣчи дремать и дремавъ храпѣла и слины у ней изо рта текли; и подлѣ еѣ положили подушку и она на тоѣ подушку повалилась безпамятно ничь; и лежавъ храпѣла, а послѣ икала; а лежала она съ четь часа и стали ее будить, чтобъ она вставъ съ ними сидѣла, а она лежитъ мертва; а какъ еѣ подняли и у ней лицо да правая рука посинѣло, а животъ взнесло высокъ. Карлицына сестра Огашка въ роспросѣ сказала тѣжъ рѣчи, что и Андрюшка, только въ рѣчахъ своихъ убавила, какъ де ей карлицѣ положили на лавку подушку и она карлица на тоѣ подушку не сама повалилась безпамятно, а положила еѣ карлицу на тоѣ подушку она Огашка.

Пропавшая церковная чарка.

1686 г. іюля противъ 28 числа въ церкви Пресв. Богородицы Похвалы у всенощнаго пропала церковная чарка серебряная съ житіемъ Іосифа Прекраснаго. 31 іюля указано крестовыхъ дьяковъ и псаломщиковъ и понамарей, которые тогда были на всенощной, роспросить подлинно. Указъ о томъ былъ изъ хоромъ царевны Екатерины Алексѣевны. Одни сказали, что въ церкви были, но въ алтарь не входили и чарки не видали. Псаломщикъ Мих. Далматовъ сказалъ: у всенощнаго въ церквѣ онъ

былъ, стоялъ на крылосѣ и во всенощное пѣніе изъ трапезы къ крылосу вынесла дѣвица Ирина щипцы мѣдные, а велѣла вычистить понамарю, и онъ Михайло взявъ тѣ щипцы и вшедъ въ олтарь, спросилъ понамаря и въ олтарѣ де въ то время понамаря не было; и онъ вышедъ изъ олтаря тѣ щипцы сукномъ, которое прибито въ придѣлѣ Алексѣя Человѣка Божія, вычистилъ и вычистя, отдалъ той же дѣвицѣ Иринѣ; а чарки изъ олтаря онъ не имывалъ. Псаломщикъ Петръ Борисовъ сказалъ, что онъ у всенощнаго былъ на лѣвомъ крылосѣ и въ вечернее пѣніе пришла къ крылосу старица Аѳонасья Потемкина и велѣла ему послать понамаря Семена по священника по Дементіана, и онъ Петръ того понамаря послалъ, а чарки изъ олтаря не имывалъ. Понамарь Ив. Артемьевъ сказалъ: у всеношнаго пѣнія въ церквѣ былъ онъ въ олтарѣ съ товарищемъ своимъ съ понамаремъ же съ Семеномъ Тимоѳѣевымъ, а седмица де по очереди была его Иванова; а пропавшая серебр. чарка стояла въ придѣлѣ Алексѣя Чел. Божія на горнемъ мѣстѣ. Сем. Тимоѳѣевъ сказалъ: пришелъ онъ ко всеношному въ то время, какъ почали говорить на вечерни каѳизму, и пришедъ въ алтарь, чарки не видалъ. И тогожъ часа псаломщикъ Петръ Борисовъ послалъ его по священника по Дементіана и съ тѣмъ священникомъ пришелъ онъ въ церковь на вечерни во время литіи; и на стиховнѣ онъ Семенъ вышелъ изъ церкви и стоялъ на паперти и послѣ того вышелъ къ нему товарищъ его Иванъ въ каѳизму, какъ учали говорить, на утренне; и сидѣли на паперти до второй каѳизмы и пили кислые щти, и пошелъ съ товарищемъ благовѣстить и звонить и пришедъ въ церковь послѣ звону той чарки онъ не хватался, а въ соборномъ олтарѣ въ то время были свящ. Дементіанъ да дьяконъ Борисъ; а какъ чарка пропала того онъ не вѣдаетъ, а хватался онъ той чарки тогожъ числа передъ обѣднею, для изготовленья къ службѣ священнику воды; а кто чарку взялъ, того онъ не вѣдаетъ.

194 г. авг. 3, в. г. цари указали роспросить (ихъ всѣхъ) въ застѣнкѣ съ большимъ пристрастіемъ накрѣпко, чтобъ они сказали правду, кто изъ нихъ чарку изъ церкви взялъ? Авг. 4 крестовые дьяки и псаломщики и понамари въ Кадашевѣ на Хомовномъ дворѣ въ застѣнкѣ у пытки роспрашиваны съ большимъ пристрастіемъ накрѣпко и руки въ хомутъ кладены. Всѣ сказали прежвія свои рѣчи. Понамарь Ив. Артемьевъ прибавилъ: августа 2 приходилъ къ нимъ въ Истопничую па-

лату попъ Василій, который служилъ у церкви Похвалы іюля въ 28, и говорилъ ему Ивану и всѣмъ имъ: „за то де вамъ, для чего мнѣ заслуженыхъ денегъ не дали, да и впредъ де мнѣ заслуженые деньги платить станете". И онъ Иванъ учалъ ему попу говорить, чтобъ онъ чарку серебр., которая пропала изъ церкви, отдалъ. И тотъ попъ замолчалъ и молвилъ, что де у него чарки никакой нѣтъ и изъ палаты отъ нихъ вышелъ вонъ.

194 г. августа 5, в. государи указали: которые сидѣли въ Кадашевѣ на большомъ Хамовномъ дворѣ въ пропалой церковной чаркѣ,— свободить. Указъ о томъ изъ хоромъ царевны Екатерины Алексѣевны сказала боярышня Марья Ивановна Шеина.

ГЛАВА VII.

ЦАРИЦЫНЫ НАРЯДЫ, УБОРЫ И ОДЕЖДА.

Общій обзоръ. Головной уборъ, дѣвичій и женскій. Золотые уборы или ларечная кузнь: золото, саженье, низанье. Одежды. Обувь. Мастерская Палата. Свѣтлица и ея рукодѣлья. Бѣлая казна.

Иностранцы бывавшие въ Москвѣ въ теченіи XVI и XVII ст. единогласно восхваляютъ красоту русскихъ женщинъ; иные (Лизекъ) присовокупляютъ, что красотѣ соотвѣтствовали и достоинства ума. Но за то всѣ очень неодобрительно говорятъ о разныхъ прикрасахъ женскаго лица, которыя были въ большомъ употребленіи и по ихъ замѣчанію только безобразили природную красоту. Одинъ итальянецъ (Барберини), видѣвшій нашихъ прабабокъ въ половинѣ XVI ст., отмѣчаетъ вообще, что русскія женщины чрезвычайно хороши собою, но употребляютъ бѣлила и румяна и при томъ такъ неискусно, что стыдъ и срамъ! О томъ же свидѣтельствуетъ Флетчеръ, говоря, что женщины, стараясь скрыть дурной цвѣтъ лица, бѣлятся и румянятся такъ много, что каждому это замѣтно; что этого не стараются и скрывать, ибо таковъ обычай; мужчинамъ это очень нравится и они радуются, когда ихъ жены и дочери изъ дурныхъ превращаются въ красивыя куклы. Изъ его словъ можно заключать, что всякія притиранья въ то время вовсе не имѣли значенія искусственныхъ средствъ поддѣлывать природу, натуру лица или своей красоты, а были, такъ сказать, необходимою одеждою лица, безъ которой невозможно было появиться въ обществѣ. „Что касается женщинъ, говоритъ Петрей (нач. XVII ст.), то онѣ чрезвычайно красивы и бѣлы лицомъ, очень стройны, имѣютъ небольшія груди, большіе *чорные* глаза, нѣжныя руки и тонкіе пальцы, только безобразятъ себя часто тѣмъ, что не

только лицо, но глаза, шею и руки красятъ разными красками, бѣлою, красною, синею и темною: черныя рѣсницы дѣлаютъ бѣлыми, бѣлыя опять черными или темными, и проводятъ ихъ такъ грубо и толсто, что всякому это замѣтно. Такъ онѣ украшаются особенно въ то время, когда ходятъ въ гости или въ церковь", т. е. вообще когда появляются въ общество. Олеарій въ половинѣ XVII ст. пишетъ между прочимъ, что „русскія женщины вообще средняго роста, стройны, нѣжнаго тѣлосложенія, красивы, но въ городахъ всѣ почти румянятся, притомъ чрезвычайно грубо и неискусно; при взглядѣ на нихъ можно подумать, что онѣ намазали себѣ лице мукой и потомъ кисточкой накрасили себѣ щеки. Онѣ красятъ себѣ также брови и рѣсницы черною, а иногда и коричневою краскою". Дальше онъ говоритъ, подтверждая Флетчера, что это былъ неизмѣнный обычай, которому противиться не было никакой возможности. „Посѣщая своихъ близкихъ или являясь въ общество, женщины непремѣнно должны быть нарумянены, не смотря на то что отъ природы онѣ гораздо красивѣе, чѣмъ въ румянахъ. Это исполняется ими для того, объясняетъ авторъ, чтобы родная красота не брала перевѣса надъ искусственнымъ украшеніемъ. Стало быть, прибавимъ мы, это исполнялось для того, чтобы одѣть лице въ извѣстный образъ красоты, возможно ближе стать подъ извѣстный, господствовавшій въ то время, ея типъ и идеалъ, какъ въ дѣйствительности и было, о чемъ скажемъ ниже. Въ доказательство своего заключенія авторъ приводитъ примѣръ. Такъ, говоритъ онъ, во время нашего пребыванія въ Москвѣ, когда жена знатнаго вельможи князя Ивана Борисовича Черкасскаго, женщина прекрасной наружности, нехотѣла сначала румяниться, то тотчасъ же оговорена была прочими женами бояръ: зачѣмъ де она презираетъ обычаи своей земли, что хочетъ, видно, опозорить прочихъ подобныхъ ей! И чрезъ мужей своихъ онѣ до того довели дѣло, что отъ природы прекрасная женщина, должна была румяниться и такъ сказать уподобиться свѣчкѣ, зажженной при свѣтломъ солнечномъ сіяніи". Такова была власть обычая, власть общественнаго мнѣнія, прибѣгавшаго по характеру вѣка, къ самымъ предосудительнымъ способамъ, чтобы заставить противника повиноваться. Очень вѣроятно, что дѣло о бѣлилахъ и румянахъ Черкасской доходило до царя и что изъ хоромъ царицы ей указано строго держаться въ этомъ отношеніи общаго уровня. Англичанинъ

Коллинсъ, описывая такіе обычаи русскихъ женщинъ, замѣчаетъ, что „румяны ихъ похожи на тѣ краски, которыми мы (англичане) украшаемъ лѣтомъ трубы нашихъ домовъ, и которыя состоятъ изъ красной *вохры* и испанскихъ бѣлилъ (изъ висмута). Онѣ *чернятъ* свои *зубы* съ тѣмъ же намѣреніемъ, съ которымъ наши женщины носятъ *черныя мушки* на лицѣ (т. е. для приданія лицу большей бѣлизны или бѣлизнѣ лица большей выразительности). Зубы ихъ портятся отъ меркуріальныхъ бѣлилъ и потому онѣ превращаютъ необходимость въ украшеніе и называютъ красотою сущее безобразіе. Здѣсь любятъ низкіе лбы и продолговатые глаза, и для того стягиваютъ головные уборы такъ крѣпко, что послѣ не могутъ закрыть глазъ, также, какъ наши женщины не могутъ поднять рукъ и головы. Русскіе знаютъ тайну чернить самые бѣлки глазъ. Маленькія ножки и стройный станъ почитаются безобразіемъ. Красотою женщинъ они считаютъ толстоту. Худощавыя женщины почитаются нездоровыми и потому тѣ которыя отъ природы не склонны къ толстотѣ, предаются всякаго рода эпикурейству съ намѣреніемъ разтолстѣть: лежатъ цѣлый день въ постелѣ, пьютъ русскую водку, очень способствующую толстотѣ. потомъ спятъ, а потомъ опять пьютъ“. Женщины въ Московіи. прибавляетъ Корбъ (конецъ XVII ст.), имѣютъ ростъ стройный и лицо красивое, но врожденную красоту свою искажаютъ излишними румянами; станъ у нихъ также не всегда такъ соразмѣренъ и хорошъ, какъ у прочихъ европеенокъ, потому что женщины московскія носятъ широкое платье и ихъ тѣло, нигдѣ не стѣсняясь уборомъ, разростается, какъ попало“. Путешественникамъ съ европейскаго Запада наша старая жизнь казалась вообще до чрезвычайности странною, нелѣпою, чудовищною, и они, какъ видимъ, каждый по своему, старались объяснить себѣ ту или другую сторону нашихъ бытовыхъ порядковъ. Относительно женскихъ прикрасъ, иностранцевъ главнымъ образомъ поражало, какъ нельзя не замѣтить, полнѣйшее отсутствіе и малѣйшаго даже искусства, малѣйшей утонченности въ употребленіи такихъ прикрасъ; ихъ поражала эта необыкновенная грубость мазанья и безъ того красиваго лица. Но существовали же какія либо причины. достаточныя для того, чтобы крѣпко держался подобный нелѣпый обычай. Намъ кажется, что первою изъ такихъ причинъ былъ своеобразный русскій идеалъ женской красоты, а второю—недостатокъ лучшихъ средствъ въ самыхъ

матеріалахъ, ибо краски для притиранья употреблялись простыя и грубыя, особенно въ среднемъ городскомъ быту, какой больше всего и наблюдали заѣзжіе иноземцы. У русской красоты было

Бѣлое лицо какъ бы былой снѣгъ,
Ягодицы (на щекахъ) какъ бы маковъ цвѣтъ,
Черныя брови какъ соболи,
Будто колесомъ брови проведены;
Ясныя очи какъ бы у сокола...
Она ростомъ-то высокая,
У ней кровь то въ лицѣ словно бѣлаго заяца,
А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки...
Ходитъ она словно лебедушка,
Глазомъ, глянетъ, словно свѣтлый день...

Не смотря на то, что эта послѣдняя черта русской красоты— ея взглядъ словно свѣтлый день,—переноситъ представленія о ней въ область идеаловъ поэтическихъ или романтическихъ, однако въ общемъ ея типѣ, какъ видимъ, господствуютъ, представленія самыя матеріальныя, господствуютъ сильныя, рѣзко опредѣленныя краски безъ всякой поэтической, т. е. романтической оттѣнки, а такъ, какъ ими расписывались старинные эстампы деревянной лубочной печати.

Въ приведенномъ изображеніи идеала женской красоты матеріально обрисовываются и самыя средства, какими обыкновенное лицо могло достигать этого идеала. Бѣлизна лица уподоблялась бѣлому снѣгу,—естественно было украшать его бѣлилами въ такой степени, что въ цвѣтѣ кожи не оставалось уже ничего живаго, ибо и самый первообразъ не указывалъ ничего живаго или поэтически и эстетически жизненнаго. Самое сравненіе: кровь-то въ лицѣ словно бѣлаго заяца, еще сильнѣе обозначаетъ тоже представленіе о снѣгоподобной бѣлизнѣ лица. Щеки—маковъ цвѣтъ, или щечки—аленькій цвѣтокъ, точно также свое идеальное низводили слишкомъ прямо и непосредственно къ простому матеріальному уподобленію красному цвѣтку мака. Маковъ цвѣтъ долженъ былъ покрывать, какъ бы цвѣтокъ на самомъ дѣлѣ, только ягодицы щекъ; такимъ образомъ снѣгоподобная бѣлизна должна была довольно рѣзко освѣщаться яркимъ алымъ румянцемъ, который не разливался по всему лицу, а горѣлъ лишь на ягодицахъ. Очень понятно, что при такомъ сочетаніи на лицѣ бѣлаго и краснаго цвѣта, требовался цвѣтъ волосъ на бровяхъ и рѣсницахъ наиболѣе опредѣленный, который бы какъ можно сильнѣе выдѣлялъ эту *писаную*

красоту всего лица. Конечно для такой цѣли ничего не могло быть красивѣе черныхъ волосъ соболя, тонкихъ, мягкихъ, нѣжныхъ, блестящихъ. Оттого соболь становится исключительнымъ идеаломъ для характеристики бровей и черная соболиная бровь, проведенная колесомъ, является необходимымъ символомъ красоты. Все это вмѣстѣ служило самою выгодною обстановкою именно для свѣтлости и ясности глазъ. Ясныя очи своимъ блескомъ, а вмѣстѣ и взглядомъ, указывали идеалъ яснаго сокола, который, по всему вѣроятію, и яснымъ обозначался тоже за особую свѣтлость своихъ глазъ. Однакожъ для того, чтобы еще больше возвысить ясность, свѣтлость и блескъ очей, подкрашивали не только рѣсницы подъ стать бровямъ тоже черною краскою, сурьмою, но пускали черную краску и въ самые глаза, особымъ составомъ изъ металлической сажи съ гуляфною водкою или розовою водою.

Такимъ образомъ, Петрей могъ справедливо говорить, что у русскихъ женщинъ глаза черные, чего, конечно, въ дѣйствительности не было, но выходило такъ по украшеніямъ бровей, рѣсницъ и самыхъ бѣлковъ.

Черныя брови и рѣсницы, какъ и черные глаза служили типомъ желаемой красоты, а потому и господствовали въ уборѣ красавицъ и тѣмъ болѣе, что сурмленіе доставляло болѣе легкую возможность уподобить прикрасу самой природѣ. Другое дѣло было, когда желали украсить волосы подъ цвѣтъ русыхъ или темно-русыхъ. Недостатокъ добраго матеріала или же неискусство въ составленіи краски тотчасъ обнаруживалось и волоса выходили коричневыми, какъ замѣчаетъ Олеарій. Чтоже касается украшенія рѣсницъ бѣлою краскою, о которомъ говоритъ Петрей, то, вѣроятнѣе всего, здѣсь лишь неискусно употреблялись бѣлилы или какая либо пудра, собственно для украшенія лица. Тоже должно сказать и о синемъ цвѣтѣ, который на лицѣ, на шеѣ и на рукахъ могъ происходить отъ плохихъ бѣлилъ или румянъ, оставлявшихъ по себѣ синеватые слѣды. Какъ бы ни было, но эпическій идеалъ красоты, жившій съ незапамятныхъ временъ въ воображеніи народа, заставлялъ своими указаніями приближать къ нему всякій образъ красиваго лица. Онъ долженъ былъ подчинять своему образу всѣ другія представленія о красотѣ, уравнивать ихъ по своимъ чертамъ.

Однакожъ, въ сущности, основнымъ понятіемъ или основнымъ представленіемъ о красотѣ женскаго лица въ допетровской Руси

было простое представленіе о физическомъ цвѣтущемъ здоровьѣ. Это, конечно, самая коренная идея красоты. Старина не только не уважала блѣдной и изнѣженно-слабой красоты, но почитала ту и другую болѣзненнымъ состояніемъ здоровья, если такъ бывало на самомъ дѣлѣ, или же относила эти болѣзненные по ея понятіямъ признаки прямо къ худому поведенію, къ разврату, которому и самое имя выводила изъ одного корня съ словомъ блѣдный. Въ этомъ она совершенно расходилась съ понятіями красавицъ конца XVIII ст., а отчасти и нашей памяти, которыя употребляли всевозможные способы, *чтобъ поблѣднѣть.* Разсказываютъ, что нѣкоторыя изъ нихъ „всякое утро принимали по 8 катышковъ бѣлой почтовой бумаги и безпрестанно носили подъ мышками камфору; также кушали мѣлъ, пили уксусъ и т. п. [1], стараясь достигнуть этой желанной цѣли. Старинныя допетровскія красавицы, напротивъ, употребляли всѣ усилія, чтобы казаться въ полномъ смыслѣ дѣвицами красными и разцвѣчивали себя, какъ маковъ цвѣтъ. Идеи романтической, сентиментальной красоты не была имъ извѣстна; онѣ еще были очень близки къ самымъ реальнымъ представленіямъ по этому предмету, къ древнѣйшему коренному значенію самаго слова красота. Онѣ еще переживали эпическій возрастъ русскаго развитія, а потому и были такъ матеріальны въ своихъ понятіяхъ о красивомъ лицѣ.

Само собою разумѣется, что и въ ихъ время, какъ и во всякое время, уборы и наряды должны были служить тому же господствовавшему идеалу красоты. Головной уборъ, какъ и уборъ одежды, точно также ставилъ себѣ цѣлью придать лицу еще большую цвѣтность и вообще возвысить описанную красоту въ большей степени. Неизмѣнныя части такого убора всегда стремились произвести необходимую гармонію и съ бѣлизною лица, съ алыми щеками и черными бровями, для чего въ головномъ уборѣ одно изъ видныхъ мѣстъ занималъ убрусъ, повязка изъ тонкаго бѣлаго полотна съ золотымъ шитьемъ и низаньемъ изъ жемчуга; золотныя кики украшались жемчугомъ въ такомъ видѣ, что жемчужныя нити окаймляли бѣлое лицо со всѣхъ сторонъ: лобъ украшала жемчужная кичная поднизь, стороны у щекъ жемчужныя нити рясъ,

[1]) Магазинъ общеполезныхъ знаній съ присовокупленіемъ моднаго журнала, часть II, Спб. 1795, стр. 271.

шея красилась жемчужнымъ стоячимъ ожерельемъ или же жемчужною нитью, которая называлась *перломъ*. Припомнимъ, что и самое достоинство жемчуга заключалось въ особенной бѣлизнѣ и чистотѣ его блеска; желтаго жемчуга по свидѣтельству торговой книги XVI ст. никто не покупалъ на Руси. Среди жемчугу иногда блистали дорогіе каменья, большею частію лалы (алые, малиновые) и изумруды, цвѣтъ которыхъ подбирался съ тою же главною цѣлью придать лицу и глазамъ наибольшую цвѣтность, свѣтлость и выразительность. Само собою разумѣется, что общимъ фономъ для всѣхъ такихъ уборовъ служило непремѣнно золото, т. е. золотное тканье, шитье, плетенье, а также и золотая кузнь, кованье въ различныхъ видахъ. Безъ золота невозможно было устроить никакого убора; это былъ самый обычный, общеупотребительный матеріалъ для всякихъ уборовъ, какъ и для убора самаго платья. Для алыхъ щекъ являлся господствующимъ особый цвѣтъ матерій, атласовъ, бархатовъ, камокъ и т. п., именно червчатый и алый. На шапкахъ этотъ цвѣтъ красился также жемчугомъ, что придавало не мало блеску притиранью лица, румянамъ и бѣлиламъ. Въ отношеніи бровей и рѣсницъ, ихъ цвѣтность усиливалась еще въ большей степени мѣховою, обыкновенно черною бобровою или собольною опушкою шапки. Мѣхъ, особенно собольій и бобровый, принадлежалъ къ самымъ любимымъ и неизмѣннымъ уборамъ въ одеждѣ и нѣтъ сомнѣнія по той именно причинѣ, что вполнѣ отвѣчалъ тогдашнимъ идеальнымъ представленіямъ вообще о женской красотѣ, служилъ самою изящною для нея и наиболѣе выразительною рамкою. Почти всѣ одежды, особенно выходныя, парадныя, какъ зимнія, такъ отчасти и лѣтнія окаймлялись бобровымъ пухомъ; а накладное бобровое ожерелье, родъ пелерины, составляло самую видную часть женской одежды въ торжественныхъ случаяхъ и принадлежало къ царственнымъ уборамъ царицъ, и зимою и лѣтомъ. (См. рисунки на заглавномъ листѣ и въ концѣ книги I и II). Притомъ должно замѣтить, что бобровый мѣхъ для такихъ уборовъ всегда подкрашивался черненьемъ. Словомъ сказать, русскія красавицы XVI и XVII ст. вовсе не были безучастны къ красотѣ своего наряда; онѣ вовсе не были такими, какими ихъ рисуютъ нѣкоторые наши изслѣдователи, говоря вообще что русскія женщины допетровскаго вѣка „не заботились ни объ изяществѣ формы, ни о вкусѣ, ни о согласіи цвѣтовъ, лишь

бы блестѣло и пестрѣло!... не имѣли понятія о томъ, чтобъ платье сидѣло хорошо и т. д. Русскія красавицы, какъ и красавицы всѣхъ временъ и народовъ, точно также очень много заботились о томъ, чтобы нарядиться *къ лицу*, и нарядиться со вкусомъ и изяществомъ, какъ этотъ вкусъ и изящество сознавались въ ихъ время. Вкусъ и понятія изящнаго и красиваго по отношенію къ одеждѣ вопросъ весьма сложный и весьма спорный, такъ что не разобравши въ подробности всего дѣла, едвали можно выводить рѣшительныя заключенія. Необходимо прежде всего раскрыть основы и всѣ условія, какія способствовали въ извѣстное время образованію того или другаго вида эстетическихъ представленій и вкусовъ.

Уже давно рѣшено, что достоинство вкусовъ трудно оспаривать и нельзя не согласиться, что вкусы, управляющіе повседневными мелочами жизни, суть только выразители извѣстной минуты въ развитіи эстетическихъ, а также и нравственныхъ идей и представленій у того или другаго народа. Въ дѣлѣ вкуса нравственныя идеи имѣютъ даже преобладающее значеніе. Нравы же въ своихъ мелочахъ преходятъ, видоизмѣняются, какъ и все то, что именуемъ жизнію; а вмѣстѣ съ ними преходятъ и видоизмѣняются и вкусы, чему самымъ выразительнымъ доказательствомъ служатъ наши моды, которыя такъ нравятся въ свое время и становятся потомъ такъ нелѣпы и смѣшны. Въ этомъ отношеніи съ такою же долею правды можно судить, упрекая въ отсутствіи вкуса, даже разсудка, обо всякой старой модѣ. Съ точки зрѣнія нашихъ модъ мы засудимъ конечно все, что съ ними не согласуется. Но старинное народное платье, которое было носимо не мѣсяцы или только годы, а цѣлыя столѣтія, всегда отличается несравненно въ меньшей степени разными нелѣпостями и неразуміемъ вкуса. Его покрой и характеръ убора установляется и обработывается подъ вліяніемъ самой культуры народа и потому въ немъ лежитъ всегда какая либо очень разумная основа, которая даетъ ему многія черты отвѣчающія вкусамъ всякаго времени, слѣд. вообще отвѣчающія закону изящнаго, не говоря уже о томъ, что старинное народное платье вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчаетъ всегда и климатическимъ условіямъ страны.

Изучая старинные русскіе вкусы въ женскомъ нарядѣ, мы встрѣчаемся здѣсь съ предметами, которые навсегда останутся наилучшимъ уборомъ красоты, каковы напр. дорогіе мѣха,

жемчугъ, золото и шелковыя ткани, атласы, бархаты. Особенностью этихъ вкусовъ, для нашихъ глазъ конечно, является излишняя пестрота или въ сущности цвѣтность наряда. Но яркая жизнь старины, даже въ нравственныхъ дѣлахъ, требовала всего яркаго и во всей внѣшней обстановкѣ. Она въ женскомъ нарядѣ, какъ видимъ, особенно предпочитала теплый, жаркій, живой колоритъ, что было совершенною необходимостью для обстановки живаго здороваго румянаго лица, которое почиталось высшимъ идеаломъ красоты. Романтическія тѣни, неземныя созданья, т. е. красоты—мечты, отвлеченности. въ родѣ античныхъ бѣломраморныхъ статуй, старинѣ были недомыслимы. При томъ и античныя статуи, какъ доказываютъ, были тоже расписываемы красками для живства. Такимъ образомъ наша старина, предпочитая въ красотѣ тоже самое живство, нисколько не отставала въ своихъ идеалахъ отъ всѣхъ другихъ своихъ товарищей по древности. Въ ней только быть можетъ ужъ слишкомъ долго сохранялись самые первоначальные и первобытные вкусы по этому предмету. Въ уборахъ одежды она очень любила напр. сочетаніе цвѣтовъ, напоминавшее египетскую древность; лазоревое платье она окаймляла по подолу червчатою, алою или жолтою тканью, жолтый цвѣтъ ставила рядомъ съ зеленымъ или синимъ, голубымъ и т. п.

Все это обозначало только глубокую древность вкуса, но ни какъ не безвкусіе, ибо нерѣдко и самыя моды попадаютъ на тотъ же слѣдъ въ разныхъ прикрасахъ наряда.

За такое свойство или за такой характеръ нашихъ старинныхъ вкусовъ иные причисляютъ нашу старину къ разряду культуръ восточныхъ, азіатскихъ. Есть мнѣніе, что даже весь свой старинный костюмъ мы заимствовали у татаръ; да и на наши теперешніе глаза старинная русская женская одежда прямо является татарскою. Но обманчивое сходство объясняется только тѣмъ, что у теперешнихъ татаръ употребляются въ одеждахъ золотыя ткани, парчи, и мы забываемъ, что было время, когда вся Европа носила такія же ткани, что большею частію онѣ и привозились къ намъ изъ той же Европы.

Дѣйствительно, нашъ допетровскій костюмъ общимъ своимъ характеромъ приближаетъ насъ больше къ Азіи, чѣмъ къ Европѣ. Но это нисколько не доказываетъ, что онъ былъ когда-то заимствованъ у того или другаго азіатскаго народа. Напротивъ, это доказываетъ только его глубочайшую древность, недося-

гаемую для изслѣдователя, когда такой костюмъ былъ общимъ для многихъ народностей и азіатскихъ и европейскихъ, обитавшихъ въ той же климатической полосѣ. Самыя названія, напр. кафтанъ и др., сходныя съ татарскими, турецкими, сходны также и съ греческими (χαβάδιον) и указываютъ только на одинъ общій источникъ ихъ происхожденія, разумѣется изъ Азіи, откуда идутъ и древніе народы и древніе языки. Нельзя думать, чтобы и наша народность, перенеся въ Европу свой древнѣйшій языкъ, не перенесла въ тоже время и костюма съ его названіями. Родились мы и были одѣты конечно въ незапамятное время, и происхожденіе нашего костюма, особенно въ главнѣйшихъ его очертаніяхъ, необходимо отыскивать въ той же странѣ, гдѣ образовался и нашъ древнѣйшій языкъ. Само собою разумѣется, что бывали и заимствованія; но онѣ всегда ограничивались лишь тѣми частями и формами, которыя являлись какъ бы знаками или выразителями новыхъ идей и стало быть новыхъ формъ развитія и жизни. Являлось особое сословіе военное; по необходимости оно усвоивало себѣ и различные знаки своего особаго призванія и заимствовало ихъ оттуда, гдѣ находило ихъ уже въ полномъ употребленіи. Явилась идея княжескаго, а впослѣдствіи царскаго достоинства, она точно также по необходимости брала свои знаки оттуда, гдѣ это достоинство было облечено уже въ полный его нарядъ. Такимъ образомъ немалая доля нашего стараго костюма была заимствована у византійскихъ грековъ и принадлежала въ свое время къ общимъ для всей Европы формамъ одежды, каковъ именно и былъ царскій или княжескій нарядъ, сначала устроиваемый вездѣ по византійскимъ образцамъ, заимствованнымъ въ свою очередь у древнихъ царей востока. Потомъ мы остались на мѣстѣ, а европейская культура ушла дальше; мы такимъ образомъ и остались съ восточнымъ, азіатскимъ, а въ сущности съ самымъ древнѣйшимъ обликомъ во всемъ нашемъ развитіи. Вотъ почему тѣже европейцы, пріѣзжавшіе къ намъ, въ XVI и XVII ст., писали единогласно (Флетчеръ, Олеарій, Лизекъ), что русская одежда весьма сходна съ греческою.

Особенно значительно въ этомъ случаѣ свидѣтельство Олеарія, который путешествовалъ и по татарскимъ землямъ въ Персію, слѣд. могъ основательно судить о сходствѣ русской одежды съ татарскою. На самомъ дѣлѣ, отъ татаръ мы могли заимствовать развѣ только нѣкоторыя незначительныя части

нашего костюма, которыя всегда и обозначались въ названіяхъ *татарскими*, ибо, скажемъ опять, одѣты мы были за долго до появленія татаръ и во всякое время крѣпко держались своей старины, не допуская въ ней большихъ измѣненій. Скорѣе наоборотъ, татары должны были заимствовать отъ насъ нѣкоторые наши кафтаны, ибо въ XVI и XVII ст. мы постоянно ихъ одѣвали своимъ платьемъ въ видѣ даровъ или поминковъ, замѣнившихъ ордынскую подать; точно также, какъ въ ту же эпоху мы постоянно одѣвали своимъ платьемъ и сибирскихъ инородцевъ, у которыхъ, у женщинъ до сихъ поръ остаются въ употребленіи наши женскія красныя суконныя шубки XVII ст. Такъ точно въ свое время нашихъ первыхъ князей и дружинниковъ одѣвали своими даже царскими одеждами византійскіе императоры, о чемъ свидѣтельствуетъ Константинъ Багрянородный, совѣтуя своему сыну Роману прекратить этотъ постыдный обычай и разсказывать варварамъ, что царскія одежды дѣлаются не человѣческими руками, что получены онѣ еще Константиномъ Великимъ отъ ангела съ небесъ, всегда хранятся въ Софійской церкви и кто изъ императоровъ станетъ ихъ носить въ обыкновенное, не торжественное время или дарить ими кого-либо, тотъ будетъ проклятъ. Если такая ложь требовалась для того, чтобы по возможности охранить передъ варварами достоинство царскаго наряда, не вводя его въ употребленіе между ними, то безсомнѣнія, прочіе, такъ сказать, рядовые богатые византійскіе одежды и уборы принадлежали къ самымъ обычнымъ подаркамъ для нашихъ варваровъ. Такимъ образомъ наиболѣе богатый костюмъ первыхъ русскихъ князей и ихъ дружинниковъ, а слѣд. и ихъ женъ, долженъ былъ установиться по византійскимъ образцамъ и въ отношеніи своихъ видовъ нѣсколько отдѣлиться отъ костюма народнаго. Близкія сношенія съ Византіей естественно много способствовали тому, что всякія мелочи ея культуры легко и свободно переносились въ нашъ бытъ. Константинополь въ свое время былъ тѣмъ же Парижемъ не для одной русской земли. Богатая и роскошная обстановка его быта представлялась для всѣхъ окружавшихъ его варваровъ образцомъ наиболѣе изящной, т. е. богатой жизни и особенно въ отношеніи костюма, который поэтому, если не вполнѣ, то наиболѣе видными частями водворялся повсюду. Этотъ-то костюмъ, частію заимствованный у византійцевъ, а частію украшаемый въ подражаніе ихъ образцамъ, составилъ

тотъ особый выборъ одеждъ, который исключительно употреблялся княжескимъ и боярскимъ, вообще знатнымъ и богатымъ сословіемъ допетровской Руси и былъ потомъ упраздненъ реформами Петра. Что съ древнѣйшаго времени оставалось въ немъ въ собственномъ смыслѣ народнаго или всенароднаго, то сохраняется и до сихъ поръ въ народѣ, а все сословное, принадлежавшее княжеской и боярской культурѣ, совсѣмъ утратилось съ преобразованіемъ самой культуры по европейскимъ образцамъ.

Нельзя однако въ этомъ отношеніи забывать и вліянія на нашъ костюмъ со стороны сѣверной Европы, черезъ варяговъ, а въ послѣдующее время чрезъ новогородскія торговыя связи. Покрайней мѣрѣ съ одеждами норманнскими встрѣчается въ нашихъ одеждахъ довольно сходнаго, частію въ общемъ, а также и въ частностяхъ.

Но румяны, бѣлилы, сурмилы, подкрашиваніе глазъ и прочее тому подобное, все это мы заимствовали съ востока, непремѣнно у византійскихъ красавицъ и если не прежде, то покрайней мѣрѣ еще во времена Ольги, ибо при ней русскія женщины собственными очами могли любоваться красотою греческой обстановки. [1] Въ ея путешествіи въ Царьградъ, сопутствовали ей 6 (или 16) родственницъ и 18 приспѣшницъ (женщинъ служебныхъ), обѣдавшихъ также, какъ и княгиня, въ царскихъ палатахъ и получившихъ царскіе дары [2].

И нѣтъ сомнѣнія, что это былъ не первый, да и не послѣдній примѣръ пребыванія русскихъ женщинъ въ Константинополѣ. Оттуда же наши красавицы заимствовали, если не самую кику, то ея княжескую или царственную форму съ ея особыми украшеніями, именно *рясами*, длинными жемчужными прядями, ниспадавшими къ плечамъ по обѣимъ сторонамъ этого головнаго убора. Такія рясы были носимы въ Византіи, не только царицами, но и царями на царскихъ вѣнцахъ, какъ это видно на ихъ монетахъ и на другихъ древнихъ изображеніяхъ византійскихъ царей и царицъ. Точно такой же головной уборъ

---

[1] Одинъ Лѣтописецъ (Переяславля Суздальскаго), изображая первобытные нравы Славянъ, замѣчаетъ между прочимъ: „слабъ сущ и женскій обычай, и начаша одна предъ другою *червити* (румянить) лице и бѣлымъ тереть, абы юноша возжелалъ ея на похоть.“

[2] Извѣстія Виз. Истор. III, 54, 55.

существовалъ еще раньше въ греческихъ черноморскихъ ко лоніяхъ, именно въ странѣ Киммерійскаго Босфора, гдѣ, н Таманскомъ полуостровѣ, въ древнемъ царствѣ Фанагорійском намъ случилось въ 1864 г. открыть подобный уборъ въ гроб ницѣ тамошней царицы или, какъ доказываютъ, жрицы богин Деметры (IV вѣка до Р. Х.) [1]. Онъ состоялъ изъ золото кики, золотаго начельника въ видѣ волнистыхъ волосъ и золо тыхъ же рясъ въ видѣ большихъ бляхъ съ сѣтчатыми длин ными подвѣсками, тоже золотыми. Для насъ въ этомъ случа очень важно лишь то, что форма убора и его составныя част имѣютъ много сходнаго съ такими же уборами русскими XV и XVII ст., а это указываетъ вообще на глубокую древност нашего убора и можетъ отдалять его происхожденіе даже п эпоху нашихъ сношеній съ Византіею.

Точно также одна изъ женскихъ одеждъ съ очень широки и длинными рукавами, всегда роскошно украшаемыми золоты шитьемъ, именно лѣтникъ, по своему покрою тоже много н поминаетъ подобныя же одежды византійскія, въ которыхъ из бражаются тамошніе цари и царицы. Первообразъ такой одеж (саккосъ) можно указать даже на изображеніяхъ въ катако бахъ Рима, относимыхъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, говоря о сходныхъ изображеніяхъ послѣдующаго времени. XIII в. Рубруквисъ обозначилъ, что русская одежда вооб сходствовала съ одеждою народовъ западной Европы. На номъ очень древнемъ окладѣ Евангелія, X вѣка (Готской би ліотеки), изображена германская императрица Ѳеофанія (сыномъ Оттономъ III), въ костюмѣ, который вполнѣ сход съ такимъ же костюмомъ нашихъ боярынь XVI и XVII Изображеніе опредѣляется временемъ общаго правленія ея сыномъ, именно годами 985—991.

Мы не имѣемъ возможности удаляться въ подробныя срав тельныя разысканія по этому предмету и желаемъ только о значить сходство нашего старииннаго костюма съ древнѣйши образцами византійскими, а частію и съ средневѣковыми за дноевропейскими. Мы ограничиваемъ свою задачу лишь посл нымъ объясненіемъ собственной древности, послѣ чего досту нѣе будутъ и сравнительные изслѣдованія и выводы.

---

[1] См. Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 186 Спб. 1865.

Какъ бы ни было, но Византія имѣла значительную долю вліянія именно на женскій нашъ костюмъ, покрайней мѣрѣ въ томъ его составѣ, который принадлежалъ верхнему народному слою древней Руси, княжескому и боярскому, или вообще, какъ мы говорили, знатной и богатой средѣ. Здѣсь это вліяніе выразилось извѣстною постническою идеею, подчинившей своимъ цѣлямъ даже и покрой женской одежды.

Идеалъ постницы, на которомъ воспитывалось и оканчивало жизнь наше старинное женское племя, смотрѣлъ вообще на красоту, какъ на запрещенный плодъ и поучалъ убѣгать ея обольщеній, какъ великой грѣховной напасти. Онъ спряталъ ее въ теремъ, чтобы не смущался ею міръ, чтобы и она не прельщалась красотою міра; онъ неутомимо слѣдилъ за нею, наблюдалъ каждый ея шагъ съ цѣлью отстранить отъ нея и малѣйшій соблазнъ убора и наряда или какого бы-то ни было лукавства (кокетства) въ отношеніи умноженія ея прелестей. По естественнымъ и впрочемъ исключительнымъ причинамъ, онъ, нѣкоторую свободу въ уборѣ и нарядѣ съ цѣлью возвысить красоту, благословлялъ только возрасту невѣстъ, которыя покрайней мѣрѣ могли носить открытые волосы. Этимъ обозначалась и извѣстная доля женской свободы въ дѣвическомъ возрастѣ. Напротивъ замужняя женщина, по слову Апостола, становившаяся подъ власть мужа, должна была навсегда спрятать свои волосы, ибо не мужъ отъ жены, а жена отъ мужа, и не мужъ созданъ для жены, а жена для мужа, посему и должна женщина имѣть покрывало на головѣ, въ знакъ власти надъ нею [1]. Кромѣ того покрывало вообще обозначало стыдливость и цѣломудріе, поэтому для постническихъ идей оно являлось необходимымъ и неизмѣннымъ условіемъ и сохранить и выразить свою нравственную чистоту. Для женщины не было бо̀льшаго срама и безчестья, какъ всенародно опростоволоситься, т. е. раскрыть свои волосы предъ глазами общества. Цѣломудренное значеніе покрова распространилось и на покрой всей одежды, которая въ сущности представляла тотъ же постническій покровъ для всего тѣла. Въ одеждѣ постническія идеи заботливо старались совсѣмъ скрыть талію и весь женскій бюстъ и торсъ, разрѣшивъ употребленіе пояса лишь въ одеждахъ

[1] Корине. XI, 10.

нижнихъ, домашнихъ, каковы были сорочки [1] и устранивъ во всѣхъ верхнихъ выходныхъ одеждахъ даже и малую складку, какая могла способствовать хоть малой обрисовкѣ лебединой груди или вообще таліи.

Самый поясъ на сорочкахъ былъ носимъ, какъ символъ цѣломудрія и благочестія и вовсе не служилъ средствомъ придавать стану большую стройность и красоту. Появляться въ какихъ либо случаяхъ безъ пояса на сорочкѣ значило обнаруживать свой развратъ. Такъ могла поступать только молодая Марина Игнатьевна: она, призывая въ свой теремъ Змѣя Горыныча, высовывалась по-поясъ въ окно въ одной рубашкѣ безъ пояса. Такъ бѣгала по широкому двору Настасья Королевична, во единой рубашечкѣ безъ пояса,—когда спасала своего милаго Дуная. Вообще ходить распоясной во всякомъ случаѣ почиталось грѣхомъ. Распоясаны были только однѣ верхнія одежды съ тою цѣлью, какъ мы сказали, чтобы не обнаружить ни одною складкою какихъ либо частей тѣла. Всѣ такія одежды имѣли одинъ покрой той же сорочки, т. е. простаго полотнища, разставленнаго, гдѣ необходимо, клиньями, и у нѣкоторыхъ разрѣзаннаго спереди на полы, при чемъ воротъ у всѣхъ возвышался до самой шеи. Такимъ образомъ *лифъ* былъ совсѣмъ изгнанъ изъ покроя женскихъ одеждъ, а съ нимъ, конечно, была удалена и вся красота женскаго наряда, ибо лифъ въ одеждѣ есть непосредственный и существенный выразитель всего изящнаго одежды. Естественная потребность нравиться, быть красивою, изящною, т. е. естественная потребность изящнаго въ костюмѣ была ограничена, стѣснена, а потому вмѣсто эстетическихъ духовныхъ идеальныхъ представленій о красотѣ явились представленія исключительно матеріальныя, представленія объ однихъ лишь физическихъ ея достоинствахъ. Просторно сидѣвшія и длинныя до пятъ платна по необходимости сводили понятія о красивой изящной фигурѣ на понятія о дородной фигурѣ, что на самомъ дѣлѣ почиталось однимъ изъ достоинствъ старинной женской красоты; такъ какъ другимъ ея достоинствомъ былъ высокій ростъ, которому тѣже длинныя платна безъ всякой кринолинной пышности въ подолѣ прида-

---

[1] Тогдашнія сорочки, верхнія, соотвѣтствовали теперешнему платью въ его спеціальномъ значеніи.

вали конечно еще большую высоту, и тѣмъ дорисовывали идеалъ красивой фигуры по старинным понятіямъ.

Однакожъ необходимо замѣтить, что сужденія о нашемъ старинномъ женскомъ костюмѣ, именно объ отсутствіи въ немъ живописной красоты или вообще рисунка женской фигуры, неимѣютъ достаточныхъ основаній дѣлать объ этомъ рѣшительныя, окончательныя заключенія по той причинѣ, что нѣтъ у насъ передъ глазами, какъ говорится, живой натуры. Намъ извѣстны большею частію рисунки древнихъ одеждъ только иконописные, гдѣ и въ платьѣ, какъ въ самыхъ фигурахъ и особенно въ позахъ, столько же натуры, сколько натуры вообще находимъ въ древней иконописи. Иконописецъ даже страшился изобразить что либо натурально, а тѣмъ болѣе страшился изображать натурально женскую фигуру съ ея одеждою, дабы не ввести зрителя въ прелесть сатанинскую. Не говоримъ о томъ, что онъ вовсе не умѣлъ рисовать и особенно не удавались ему предметы живые, одушевленные. Символизмъ, условность его рисунка, рабски переводившаго одни только старые образцы, неспособны были возпроизвести ни одной натуральной черты, ни въ лицахъ, ни въ нарядѣ. Желая обозначить пышность или складки костюма, онъ чертилъ совокупность извѣстныхъ линій однажды навсегда усвоенныхъ и приспособленныхъ для этой цѣли (рис. V. 3, 4). Онъ не могъ размышлять не только о натурѣ, но вообще о школьной правильности рисунка въ теперешнемъ смыслѣ, ибо у него были свои, чисто условныя, понятія объ этой правильности, отъ которыхъ онъ, какъ знающій и опытный художникъ, никогда не отступалъ. Изо всего этого выходило то, что иконописцы не только не оставили намъ изображеній, дѣланныхъ, какъ они говорили, съ *живства*, но и нарисованныя ими изображенія отъ руки они большею частію передавали безъ всякихъ характерныхъ оттѣнковъ, плоско и стерто, указывая лишь однѣ общія наиболѣе типичныя формы древняго костюма. Словомъ сказать изъ этихъ иконописныхъ изображеній мы получаемъ очень скудныя представленія о живой дѣйствительности стараго костюма, даже въ его общихъ формахъ, не говоря о полнотѣ разныхъ предметовъ наряда, а тѣмъ болѣе о разныхъ подробностяхъ, о которыхъ находимъ свѣдѣнія въ старинныхъ описяхъ и вовсе не находимъ ихъ въ оставшихся рисункахъ. Здѣсь старое русское художество не только ни чѣмъ не послужило старой дѣйствительности, но своими чисто ре-

мысленными, условными, рабскими пріемами даже обезобразило ее въ нашихъ глазахъ до послѣдней степени. Совсѣмъ не то было на западѣ, отчего тамошній средневѣковой костюмъ представляется не только въ своей дѣйствительной, но во многомъ даже и преукрашенной красотѣ. Тамошніе художники, напротивъ, всегда идеализировали современную имъ дѣйствительность, не мертвою формою, а живою натурою; покрывали ее чертами не только правильнаго, но и изящнаго рисунка. Даже и въ древнее время, при несовершенствѣ искусства, въ ихъ грубыхъ изображеніяхъ мы всетаки встрѣчаемся съ болѣе или менѣе правдивымъ и выразительнымъ живствомъ и въ постановкѣ фигуры и въ драпировкѣ одежды. Искусство всегда лучшій и вѣрнѣйшій выразитель жизни и всегда въ своихъ произведеніяхъ очень многое даетъ для правильнаго ея пониманія. Ложный путь, по которому слѣдовало наше древнее художество, не только отнялъ у него здоровыя силы, лишилъ совсѣмъ развитія, но и намъ передалъ искаженныя представленія о прожитомъ нашемъ бытѣ, такъ что не объ одномъ костюмѣ, но о всей нашей исторіи мы теперь думаемъ не иначе, какъ о сухой безжизненной формѣ. Прилагая въ концѣ книги рисунки стараго женскаго костюма, мы должны замѣтить, что это только простые списки изображеній, необходимые для поясненія нашихъ описаній.

Переходя къ описанію допетровскаго женскаго наряда, мы въ настоящемъ случаѣ, ограничиваемся только предметами, которые входили въ составъ наряда царицъ и взрослыхъ царевенъ въ XVI и XVII ст. и касаемся общаго описанія одеждъ лишь настолько, чтобы объяснить частности, принадлежавшія собственно царскому быту. Это вообще предметъ очень дробный и мелочной и потому требуетъ разсмотрѣнія покрайней мѣрѣ по сословнымъ отдѣламъ, ибо въ каждомъ сословномъ кругу онъ представлялъ свои видоизмѣненія.

Само собою разумѣется, что царицынъ бытъ, какъ высшій порядокъ жизни, заключалъ въ себѣ и всѣ общія, т. е. основныя черты древнихъ нарядовъ и уборовъ. Такъ и въ царскомъ быту, какъ и во всенародномъ, взрослыя дѣвицы носили волосы открытыми и распущенными по плечамъ, при чемъ въ достаточномъ и знатномъ быту, а слѣд. и въ царскомъ, волоса бывали завиты, какъ говоритъ Корбъ „съ великолѣпнымъ изяще-

ствомъ въ искусственныя кудри". Это можно замѣтить и на современныхъ изображеніяхъ, рис. I, II, III, V.

Другой родъ волоснаго убора, столь же обыкновенный, даже и теперь въ простомъ быту, заключался въ томъ, что волосы заплетали въ одну косу или въ двѣ косы, которыя и ниспадали назади къ плечамъ и по спинѣ. При этомъ въ концы косъ вплетались ленты или же бахрома, а иногда прикрѣплялась золотая кисть или подвѣска. Это былъ *косникъ* или *накосникъ*. На рисункѣ VIII, 2, изображенъ такой уборъ въ двѣ косы съ косниками. Но здѣсь же мы видимъ, что вмѣстѣ съ косами остаются и распущенные по сторонамъ волосы. Дѣйствительно ли употреблялся и въ этомъ видѣ волосной уборъ, сказать не можемъ; но знаемъ что, напр. при вѣнцахъ, корунахъ и кикахъ у царевенъ всегда подавался и косникъ, который составлялъ даже принадлежность этихъ уборовъ и описывался, какъ составная ихъ часть. Между тѣмъ царевны въ вѣнцахъ видимы тоже съ распущенными по сторонамъ волосами. Можно полагать, что по сторонамъ оставлялись только пряди волосъ, завитыхъ въ локоны, ибо локоны были очень употребительны въ дѣтскомъ уборѣ и даже въ уборѣ замужнихъ женщинъ, именно царицъ, рис. I и II.

По свидѣтельству Болтина „косу заплетали сколь можно слабѣе, дабы была она шире, раздѣливъ волосы на множество прядей и перевивъ ихъ золотыми нитками" (упомянемъ, что подблюдная святочная пѣсня поетъ: русу косу плетучи, шелкомъ перевиваючи, златомъ приплетаючи); а у богатыхъ на сіи нитки нанизывался жемчугъ. Потребно было искусство и привычка хорошо заплесть косу и чтобъ она закрывала всю шею отъ самыхъ ушей и низвѣшиваясь по спинѣ, постепенно съуживалась до самаго косника. Такимъ образомъ заплетенная коса представляла видъ рѣшотки искусно связанной [1]."

Косникъ или *накосникъ* состоялъ главнымъ образомъ изъ кисти шелковой, золотной или жемчужной, непремѣнно съ золотою или жемчужною *ворворкою*, какъ называлась верхняя связка кисти, скрѣплявшая въ одномъ узлѣ ея нити и состоявшая обыкновенно изъ плетенья или вязанья, которое и представ-

---

[1] Примѣчанія на Леклерка т. I, 437.

ляло ворворку [1]. При устройствѣ косника эта ворворка или кистевая связка получала разнообразную форму, которая поэтому и пріобрѣтала отдѣльно названіе косника въ собственномъ смыслѣ. Въ богатомъ нарядѣ она дѣлалась даже изъ металла, изъ золотой или серебряной *цки*, дощечки или листа различной формы, къ которой и прикрѣплялась необходимая кисть. Иногда эта цка устроивалась съ тремя ворворками и двумя кистями; одна ворворка въ такомъ случаѣ помѣщалась вверху двухъ другихъ и служила для нихъ связью. Косникъ вплетался въ косу посредствомъ снурка и *пожилинъ* (Матеріалы № 59), которыя находились вверху основной ворворки.

Болтинъ описываетъ старинный косникъ „треугольникомъ въ два или три вершка шириною, сдѣланнымъ изъ картузной бумаги, обшитой шелковою тканью и унизанной въ узоръ жемчугомъ и каменьями; привязывался онъ къ концу косы однимъ угломъ". Изъ предыдущихъ указаній также видно, что косникъ и въ видѣ кисти или какой либо цки дѣлался также треугольникомъ.

Для сохраненія въ порядкѣ ниспадавшихъ по плечамъ волосъ, являлась необходимою *перевязка*, какую видимъ на рис. III, 6. Это въ обыкновенномъ повседневномъ употребленіи была простая шелковая или золотная не широкая лента. Само собою разумѣется, что она служила также и весьма красивымъ уборомъ для головы, выдѣляя своимъ цвѣтомъ, прибраннымъ къ лицу, или своими украшеніями изъ золота, жемчуга и дорогихъ камней, еще сильнѣе бѣлизну, румяность и вообще красоту лица и волосъ. Очень естественно также, что въ вырѣзкѣ по краямъ она получала разнообразную форму, какая наиболѣе нравилась. Такъ у царевны Татьяны М. (12 лѣтъ) была *перевязка* низанная съ городы; у царевны Анны М. (22 лѣтъ) упоминается *перевязочка* низаная жемчужная съ каменьи. Кромѣ того иногда налобная, передняя часть перевязки устроивалась съ большимъ богатствомъ въ видѣ какого либо узорочнаго узла или фигуры. Такой перевязкѣ присвоивалось преимущественное названіе *чела*, *челки*, какъ особаго налобнаго украшенія. *Чело* упоминается еще въ духовной Калиты 1328 г. Въ числѣ да-

---

[1] Отъ *верет*, *врать*, *вирать*, сплетать, плести: „ворворки враны серебромъ; петли серебрены, концы обвираны золотомъ". Срав. веревка, вервь, веретено, заверет лапти.

ровъ дочери своей, князь Верейскій (1486 г.) упоминаетъ *челку*, низану великимъ жемчугомъ [1]. Въ простонародномъ быту самая перевязка-лента носила названіе *начелка*, *начельника*, *очелка*, также *повязки* и *повязи*; такимъ образомъ съ именемъ перевязки соединяется смыслъ вообще головнаго начельнаго убора, который могъ имѣть весьма разнообразную форму.

Перевязка-лента обращалась въ особый уборъ съ именемъ чела или очелья и вообще повязки, когда устроивалась изъ болѣе или менѣе широкой каймы, огибавшей чело стоймя на ребро, причемъ начельная часть дѣлалась обыкновенно шире или выше, въ родѣ кики, а концы сходили назадъ обрѣзами въ видѣ зубцовъ или постепенно (серповидно) уменьшались до ширины простой перевязочной тесьмы. Эти концы связывались назади широкими лентами, ниспадавшими внизъ по спинѣ въ видѣ лопастей, рис. VII, 3.

Можно полагать, что подобная повязка въ XV вѣкѣ называлась *челомъ кичнымъ*, ибо въ передней части она стояла на головѣ или возвышалась кикою. Впрочемъ чело кичное могло въ дѣйствительности обозначать и одну только переднюю *цку* или доску самой кики.

Повязка, устроенная сплошною, напр. жемчужною каймою вокругъ головы, называлась *вѣнкомъ*. Особый видъ вѣнка, который дѣлался обыкновенно изъ металлической *цки* и прорѣзывался насквозь какимъ либо узоромъ съ городками или зубцами вверху, назывался *вѣнцомъ*. Вѣнцу съ городы, т. е. съ острыми углами вокругъ, присвоено было царственное значеніе, ибо онъ и дѣланъ былъ по образцу древнѣйшихъ царскихъ вѣнцовъ, въ какихъ цари и царицы, особенно восточные изображались на монетахъ и др. памятникахъ. Такой вѣнецъ употреблялся у насъ исключительно въ дѣвичьемъ уборѣ, по той причинѣ, что его носили только на открытыхъ волосахъ. Нѣтъ сомнѣнія, какъ дѣвичій уборъ, онъ существовалъ еще въ древнемъ княжескомъ быту; удѣльный Верейскій князь Михайло Андреевичъ въ 1486 г. пожаловалъ далъ дочери своей (Марьѣ) „*вѣнецъ* царской съ городы да съ яхонты да съ лалы да съ зерны съ великими; другой *вѣнокъ* низанъ великимъ жемчугомъ“ [2]. Въ XVI и XVII ст. вѣнецъ составляетъ необходи-

---

[1] С. Г. Г. т. 1, № 21, 122.

[2] С. Г. Г. т. I, № 122.

ный уборъ царевенъ съ малаго возраста и государевыхъ невѣстъ, когда онѣ нарекались царевнами. На рисункахъ II, III видимъ, что вѣнцы надѣвались безъ всякаго другаго убора, принадлежащаго къ тому же наряду, каковы были *рясы*, *поднизь*, *косникъ*, или *накосникъ*. Однакожъ въ описяхъ казны царевенъ эти принадлежности наряда описываются вмѣстѣ съ вѣнцомъ, какъ его составныя части, а потому должно заключить, что рисунки изображаютъ нарядъ не вполнѣ. — Удѣльный князь Верейскій, отдалъ дочери (1486 г.) вмѣстѣ съ вѣнцомъ царскимъ между прочимъ и „*рясы* съ яхонты да съ лалы, колтки золоты съ яхонты". Рясами, какъ увидимъ, назывались длинныя пряди изъ жемчуга, каменьевъ съ сережными кольцами и колтами, привѣшиваемыя по сторонамъ вѣнца. Поднизь въ собственномъ смыслѣ была начельникомъ и прикладывалась къ вѣнцу съ передней, налобной его стороны въ видѣ перевязки или въ видѣ сѣтки съ жемчужными или золотыми висюльками по нижнему краю.

Свадебный вѣнецъ царицы Евдокіи Лук., носимый ею, когда она наречена была невѣстою-царевною, и хранившійся потомъ въ ея казнѣ въ коробьѣ новгородской за печатью ея свекрови инокиМарѳы Ив., описанъ коротко: „вѣнецъ съ каменьи и съ жемчуги", съ отмѣткою, сдѣланною въ послѣдствіи, что въ 1629 г. іюля 5 „сей коробью и съ вѣнцомъ отнесъ ко государю въ хоромы Ѳед. Ст. Стрѣшневъ"; и потомъ, что въ 1629 г. авг. 30, сей коробью и вѣнецъ принесъ (въ казну) отъ государя изъ хоромъ В. И. Стрѣшневъ, а сказалъ, что съ того вѣнца снято съ городовъ для государева дѣла каменье да выпорото у вѣнца изъ *косника* 5 запонъ золоты съ каменьи".

Полный нарядъ вѣнца описанъ у малолѣтной царевны Ирины Мих. У ней былъ „вѣнецъ теремчатъ о десяти верхехъ дѣланъ по золотой цкѣ травы прорѣзные съ финифты съ розными, а въ вѣнцѣ въ нижнихъ теремахъ въ золотыхъ гнѣздехъ три яхонта червчаты гранены да три яхонта лазоревы да четыре изумруда гранены; да въ верхнихъ теремахъ въ золотыхъ же гнѣздехъ четыре яхонта червчеты да три яхонта лазоревы да три изумруда четвероугольны; около верхнихъ и нижнихъ теремовъ и на низу обнизано жемчугомъ; по верхъ теремовъ на спняхъ десять зеренъ гурмыцкихъ. Подложенъ тафтою червчатою. — *Поднизь* по отласу по червчатому низана жемчугомъ большимъ и середнимъ: межъ жемчугу звѣздки золоты: у под-

низи въ пяти репьяхъ жемчужныхъ 5 гнѣздъ золоты четвероугольныя; а въ гнѣздѣхъ 3 яхотны червчаты да 2 изумруда; по сторонамъ у поднизи по репейку жемчужному, а въ нихъ 2 изумрудца невелики; да межъ большихъ репьевъ 4 репьи жемчужныхъ безъ каменья; у поднизи на привѣскахъ 31 зерно гурмыцкихъ на золотыхъ спняхъ. *Рясы* жемчужные, у рясъ колодочки и колца серебряны золочены съ финифтомъ съ червчатымъ; межъ рясъ и по концамъ 6 яхонтовъ лазоревыхъ да 6 лаловъ. *Косникъ* по цкѣ серебреной золоченой низанъ жемчугомъ репьи; ворворка у косника низана жемчугомъ, кисть золота съ шолкомъ съ червчатымъ".

Что значитъ *теремчатъ* и что означаютъ здѣсь *терема*, опредѣлительно сказать не можемъ, ибо не знаемъ типической фигуры въ украшеніяхъ, которая носила названіе терема. Это могла быть сердцевидная форма кровельной бочки и вообще видимо, что это были тоже зубцы, расположенные въ два яруса и украшенные въ перемежку яхонтами и изумрудами, а на верхахъ жемчужинами.

Въ 1636 г. генв. 24 на крестины царевны Татьяны, царь Михаилъ пожаловалъ дщери своей царевнѣ Иринѣ новый „вѣнецъ золотъ съ городы, по немъ травы золоты прорѣзные съ финифты съ розными; у вѣнца въ городѣхъ и межъ городовъ 96 алмазовъ да 109 лаловъ. *Накосникъ* по цкѣ серебреной золоченой низанъ жемчугомъ большимъ, на концѣ у накосника три ворворки обнизаны жемчугомъ; въ кистей мѣсто низано жемчугомъ мелкимъ, по концамъ перепелы серебрены золочены, подложенъ тафтою жолтою. Лагалище на вѣнцѣ деревяное оклеено кожею съ поталью". Отмѣтка: 1641 г. генв. 14 отъ сего вѣнца накосникъ отпорола боярыня княгиня Марья Хованская и взяла въ царицы въ хоромы", гдѣ вѣроятно былъ пришитъ къ вѣнцу другой „*косникъ* по цкѣ серебреной золоченой низанъ жемчугомъ, межъ жемчугу, 4 изумруда да 2 яхонта лазоревы да 5 лаловъ; три ворворки да двѣ кисти жемчужные". Въ описи при этомъ отмѣчено: на вѣнцѣ одинъ городъ въ хоромехъ сломленъ.

Въ 1635 г. авг. 4, теремчатый вѣнецъ съ поднизью и рясами царица пожаловала царевнѣ Аннѣ, при чемъ къ вѣнцу приложенъ былъ новый „косникъ цка серебрена золочена, ворворка низана жемчугомъ, кисть шолкъ съ золотомъ". А для царевны Ирины тогдаже былъ купленъ вѣнецъ *литовскій* жем-

чужный за 430 р., изъ котораго въ царицыной мастерской палатѣ нѣмецкіе мастера устроили для царевны коруну и еще двѣ коруны для царевенъ Анны и Софьи. Коруною назывался вѣнецъ, подобный по устройству описаннымъ выше, но съ прибавленіемъ къ нему круглой тульи, состоявшей иногда изъ отдѣльныхъ огибей, которыя, какъ радіусы въ центрѣ, соединялись въ верху, на самой маковкѣ убора, гдѣ, именно въ видѣ маковки, прикрѣплялся или дорогой большой камень или золотая высокая запона, а у царей крестъ.

Коруна царевны Ирины описывается такъ: Коруна нѣмецкое дѣло, дѣлана по цкѣ серебреной золоченой низана жемчугомъ большимъ и середнимъ, съ городы: межъ жемчугу 24 репьи золоты сѣнчаты съ финифты съ лазоревымъ да съ бѣлымъ; подложена тафтою алою. Да къ той же корунѣ приложенъ у царицы въ хоромѣхъ прежній царевнинъ косникъ, отъ теремчатаго вѣнца, подареннаго царевнѣ Аннѣ. Рясы къ корунѣ были низаны жемчугомъ, промежъ жемчугу и по концамъ 10 яхонтовъ лазоревыхъ, да 18 лаловъ; колодки у рясъ золоты, навожены чернью; въ колодкахъ 4 яхонта червчатыхъ да 2 изумруда да на спняхъ 8 зеренъ жемчужныхъ.

Точно также описана коруна и царевны Анны, но съ однимъ только косникомъ, переложеннымъ къ корунѣ отъ теремчатаго вѣнца.

Подобная же коруна царевны Софьи, перешедшая по случаю ея смерти къ царевнѣ Татьянѣ, была также низана жемчугомъ съ городы по цкѣ серебреной золоченой, межъ жемчугу на корунѣ репьи золоты съ финифтомъ съ бѣлымъ да съ лазоревымъ, подложена тафтою алою; лагалище коженое съ поталью.

Такимъ образомъ и вѣнецъ и даже коруна были носимы царевнами съ косникомъ и рясами, а вѣнецъ кромѣ того съ поднизью. Эти принадлежности убора составляли обычный всенародный нарядъ кичный, носимый замужними женщинами при кикахъ, съ тою разницею, что вмѣсто косника или накосника, у кикъ женщины носили *задокъ* бархатный или соболій, покрывавшій затылокъ, и называемый въ простомъ народѣ подзатыльнемъ.

Замужнія женщины собирали свои волосы въ *подзубрусникъ*, родъ повойника или легкой шапочки изъ червчатой тафты или

другой подобной ткани, напр. изъ дороговъ гилянскихъ, тоже червчатаго цвѣта. Покрой подъубрусника намъ неизвѣстенъ; неизвѣстно, была ли это шапочка круглая въ родѣ тафьи или скуфьи, облегавшая голову по ея овалу; или она состояла изъ окола, вѣнчика, къ которому пришивался круглый *верхъ*. Неизвѣстно также стягивалась ли она около головы снуркомъ или надѣвалась просто, какъ шапка. Впрочемъ по всему вѣроятію это былъ обыкновенный повойникъ. Прямое назначеніе подъубрусника заключалось въ томъ, чтобы подобрать и спрятать подъ него послѣдній волосокъ, для чего съ затылочной стороны при немъ употреблялся еще *подзатыльникъ*, небольшой платъ изъ такой же ткани, закрывавшій затылокъ. Въ описяхъ частнаго имущества въ концѣ XVII ст., (1688—1695 г.), эти предметы обозначаются такъ: шесть подъубрусниковъ тафтяныхъ, шесть подзатыльниковъ; или: десять подъубрусниковъ на оба лица съ подзатыльниками.—Судя по этимъ указаніямъ, можно полагать, что подзатыльникъ употреблялся и отдѣльно, какъ особый дополнительный уборъ, и сшивался вмѣстѣ, какъ составная часть убора.

Подъубрусникъ своимъ именемъ показываетъ, что онъ служилъ только принадлежностью, подставною частью другаго убора, который назывался *убрусомъ*. Это было тонкое полотняное полотенце (полотнище), уменьшительно называемое *полкою*, *полка убруская*. Оно украшалось или браньемъ, или шитьемъ бѣлью, или вышивалось шелками съ золотомъ и серебромъ и по концамъ и на *челѣ* низалось жемчугомъ [1]. Убрусъ свертывался, повивался [2] на головѣ красивымъ узломъ, для чего безсомнѣнія требовалось не малое умѣнье и навыкъ. Концы его, *застѣнки*, низпадали съ повязки на сторону. Составляя такимъ образомъ, наиболѣе видную часть въ уборѣ, они всегда богато украшались золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и даже мелкими дробницами, т. е. разновидными бляшками. Убрусы прикалывались на головѣ въ своихъ складкахъ серебряными или золотыми булавками съ жемчужинами, корольками или же дорогими каменьями. На рис. I изображена въ такомъ убрусномъ уборѣ

---

[1] „Убрусецъ (образной) тафта червчата, по концомъ и на челѣ низано жемчугомъ мелкимъ и шито золотомъ". А. О. II. № 153.

[2] И рече Ярославъ дружинѣ: знаменантеся, *повивайте* себѣ *убрусы* голову (1016 года). П. С. Р. Л. III, стр. 1.

царица Марья Ильична и придворныя женщины. Кромѣ полотна, на убрусы употреблялись и шелковыя легкія ткани, напр. тафта, и при томъ цвѣтныя, особенно любимаго цвѣта червчатаго. Въ казнѣ царицы Шуйской сохранялись 7 убрусцовъ тафтяныхъ по концамъ низаны жемчугомъ. Въ казнѣ царевны Ирины Мих. находимъ „два убруса тафта червчата, *застѣнки* низаны жемчугомъ, межъ жемчугу дробницы серебрены золочены, по нихъ рѣзаны тразы". Флетчеръ называетъ этотъ уборъ общимъ именемъ, шлыкъ и обозначаетъ его русское названіе *obrosa* (убрусъ), которое Карамзинъ (X, пр. 465) полагалъ объяснить *наурусою, науруземъ*. Но это послѣднее имя обозначало мужской головной нарядъ въ родѣ колпака съ полицами. Убрусные покровы въ простомъ быту назывались также *спусками* (Времен. кн. 25, стр. 167). Рисунки такихъ спусковъ и убрусной повязки см. IV, 1 и 4; VI, 3.

Убрусу, какъ чепчику, который повязывался на головѣ изъ убрусной полки, соотвѣтствовалъ другой уборъ, въ собственномъ смыслѣ чепчикъ или готовая особая шапочка въ этомъ родѣ. Это былъ *волосникъ*—головная сѣтка, вязеная или плетеная изъ волоченаго или пряденаго золота, или изъ серебра или изъ золота и серебра вмѣстѣ. Она по большой части *ошивалась*, украшалась по вѣнцу или около отласною или тафтяною *ошивкою*, разныхъ цвѣтовъ, но преимущественно червчатаго, алаго или бѣлаго цвѣта, которая богато вышивалась золотомъ канителью, унизывалась жемчугомъ въ видѣ запанъ, украшалась дорогими каменьями и золот. или серебр. дробницами, т. е. металлическими запонками. Само собою разумѣется, что передняя часть украшалась богаче и узорочнѣе остальныхъ, а потому и пріобрѣтала даже особое названіе *очелья*, которое иногда дѣлалось съ *подзоромъ*, т. е. съ каймою, болѣе или менѣе широкою, въ родѣ дѣвичьей повязки. Такъ какъ *ошивка* въ этомъ уборѣ составляла самую видную и богатую часть, то нерѣдко весь уборъ назывался однимъ именемъ—*ошивкою*, при которой подразумѣвался и волосникъ; и наоборотъ, если ошивка была проста шелковая, или золотная, незатѣйливая, то уборъ удерживалъ только имя волосника. Впрочемъ въ описяхъ имущества для точности ошивка обозначалась отдѣльно отъ волосника, который нерѣдко назывался и просто *сѣткою*. По способамъ вязанья и вышиванья *въ цѣпки*, цѣпочками или *въ кружки*, кружками, и ошивка и волосникъ назывались цѣпковыми, кружковыми.

Ошивка, сверхъ того, по большой части украшалась *паворозами*, особыми борами, сборками, въ видѣ каймы, которыя служили вмѣстѣ съ тѣмъ связью для всего убора, ибо устроивались перекрестно на темени сѣтки или волосника и окаймляли уборъ или самую ошивку по околу головы. Здѣсь паворозы служили и задережкою, снуркомъ, посредствомъ котораго уборъ стягивался по головѣ [1].

Такимъ образомъ волосниковой уборъ составлялъ легкую шапочку, которая въ народномъ быту называлась *зборникомъ* [2], а въ Петровское время стала называться *чепцомъ*, по той причинѣ, что для ея изготовленія употреблялся преимущественно одинъ наиболѣе красивый способъ шитья шелками и золотомъ, именно *въ цѣпки*, *цѣпковый*, или по старому произношенію *чепковый*. въ родѣ тамбурной работы. Въ XVIII ст. старинная форма убора стала измѣняться, приноравливаясь къ потребностямъ европейскаго костюма; впослѣдствіи она получила самыя разнообразныя видоизмѣненія, подчинившись прихотямъ моды; но старое русское имя сохранилось до нашего времени. Въ началѣ XVII ст. эту шапочку, волосникъ съ ошивкою и съ паворозами, или чепецъ, носили сверхъ убруса, какъ это видно на рисункѣ IV, 2. Въ послѣдующее время ее надѣвали и подъ убрусъ, выставляя только переднюю часть ошивки. Такой порядокъ въ употребленіи этихъ уборовъ могъ зависѣть отъ ихъ относительнаго другъ къ другу богатства. Болѣе дорогой и роскошный убрусъ бралъ верхъ и надѣвался на ошивку, такъ какъ и болѣе богатая и роскошная ошивка въ свой чередъ покрывала простой незатѣйливый или менѣе богатый убрусъ.

Въ началѣ XVII ст. ошивка, или особый ея видъ, назывался *шамшурою*. Въ переписномъ продажномъ спискѣ рухляди Ни-

---

[1] Паворозы тоже, что поворъ, поворцы—веревки, коими связывается на возахъ сѣно, дрова; а также переметины, плетеницы на стогахъ, служащія связкою стога. Слово, какъ и ворворка, отъ тогоже корня вереть, вирать, врать—плести, сплетать. У Даля: паворозъ, паворозень—задержка у мѣшка, кошеля; вздѣвка, затяжка, завязка, обора, гачникъ (т. е. вообще снурокъ, коимъ стягивается что либо на петляхъ или на сборкахъ; могло обозначать и собственно *оборку*).

[2] По объясненію Акад. Словаря, *зборникъ* головной женскій уборъ, въ простомъ народѣ употребляемый, состоящій изъ начельника и верхушки, спереди съ сборами, а сзади стягивается шнуркомъ". Онъ прямо называется также *волосникомъ*. См. Шевырева поѣздку въ Кирилл. Бѣлоз. монастырь I, 132.

иниты Строгонова 1620 г. упомянуты между прочими вещами: Шамшура шита золотомъ по бѣлой землѣ, *очелье* шито золотомъ и серебромъ. Шамшура плетеная съ метлеками, очелье шито золотомъ. Волосникъ, паворозы. Подъубрусникъ. Очелье волосниковое" [1].

Въ описяхъ частнаго имущества встрѣчаемъ слѣдующія описанія ошивокъ: 1643 г.—ошивка низаная волосникъ золотной, цѣна 10 р.; ошивка шита волоченымъ золотомъ волосникъ золотной, цѣна 4 р.—1666 г.—ошивка низаная сѣтка золотная, другая ошивка цѣпковая сѣтка серебреная. 1674 г.—два волосника золотые, у одного ошивка жемчужная низаная съ камьемъ и съ зерны, другая золотная. 1677 г.—волосникъ золотной ошивка жемчужная съ запоны и съ каменьи; два волосника золотныхъ ошивки у нихъ жемчужные низаны въ одно зерно; пять волосниковъ золотныхъ и серебряныхъ съ разными ошивками. 1689 г.—ошивка канительная по бѣлому отласу, сѣтка серебро съ золотомъ.

Подобный уборъ однажды царица Евдокія Стрѣшневыхъ посылала своей сестрѣ Ѳедосьѣ Лукъяновнѣ, выходившей замужъ за Матюшкина, при чемъ была написана слѣдующая грамотка: „отъ государыни царицы и в. к. Евдокѣи Лукъяновны Ѳедосьѣ Лукъяновнѣ. Пожаловали есмя послали къ тебѣ своего..... жалованья: волосникъ золотной (ошивка) низаная съ канителью и съ трунцаломъ; три цѣвки золота, три цѣвки серебра; аршинъ на подубрусники тафты виницѣйки червчетой; полотно двойное, да три полотна тройныхъ; да пятдесятъ золотниковъ шелковъ цвѣтовъ разныхъ, да два фунта бѣлилъ. Да дочери твоей пожаловали есмя серешки золоты съ жемчюшки каменье лалы; да шубку камка желта на пупкахъ собольихъ круживо серебрено, пуговки серебрены жъ. Да тыжъ намъ била челомъ о сергахъ и мы тѣ серги пришлемъ къ тебѣ впередъ, а нынѣ не успѣли послати."

Подобно тому какъ дѣвичій вѣнецъ имѣлъ значеніе какъ бы короны дѣвичества, такъ и *кика* была короною замужнихъ женщинъ или короною замужества, вѣнцомъ брачной жизни. Поз-

[1] Въ областномъ словарѣ шамшура—холстинный чепецъ, носимый замужними женщинами подъ кокошникомъ (Арх., Перм.); также кокошникъ, повойникъ (Сибир.) Метлякъ—бабочка, мотылекъ (Перм.)

тому на свадьбахъ вмѣстѣ съ подубрусникомъ, подзатыльникомъ, убрусомъ и волосникомъ она принадлежитъ къ числу брачныхъ женскихъ регалій и занимаетъ среди нихъ первое мѣсто.

Въ царицыномъ быту рядомъ съ кикою появляется и царственная регалія, *коруна*, обозначающая царственное достоинство царицыной личности; но кика, какъ завѣтная и нерушимая старина, сохраняетъ и здѣсь свое первенствующее значеніе, покрайней мѣрѣ при свадебномъ обрядѣ, и даже въ описяхъ казны ставится на свое, первое, мѣсто. О царицыныхъ корунахъ мы имѣемъ мало свѣдѣній и находимъ упоминаніе объ нихъ только въ описи казны царицы Агаѳіи Сем. Тамъ въ первой главѣ описаны слѣд. наряды: „Кика 1 наряду во влагалищѣ бархатномъ за хоромною печатью. Кика 2 наряду во влагалищѣ бархатномъ за хоромною печатью". Во второй главѣ значится: „Двѣ коруны низаны жемчугомъ съ каменьи, 1 да 2 нарядовъ, во влагалищахъ бархатныхъ за хоромною печатью. Коруна низана жемчугомъ съ каменьи 3 наряда, во влагалищѣ сафьянномъ за печатью хоромною. Коруна дѣлана въ цвѣтахъ живые репьи шолки розныхъ цвѣтовъ обнизаны жемчугомъ, во влагалищѣ сафьянномъ" (А. О. II. № 148).

Коруна отъ кики отличалась своею формою, именно коронною, кронистою, тульею изъ огибей или изъ цѣлой цки, собранной какъ скуфья надъ обычнымъ вѣнцомъ.

Обыкновенная и древнѣйшая форма кики представляла тулью въ родѣ обыкновеннаго картуза, т. е. состояла изъ *подзора*, какъ бы пояса, вышиною въ 3 или 4 вершка, облегавшаго вокругъ голову, и изъ круга, плоскаго или устроеннаго по овалу, который помѣщался на верху, т. е на темени. Ширина или діаметръ этого круга, собственно кичной верхушки, всегда дѣлалась вершка на $1\frac{1}{2}$ и на 2 больше ширины въ вѣнцѣ или въ лобной части кики, такъ что кика къ верху постепенно расширялась, а въ самомъ верху, гдѣ вшивался кругъ, устроивалась нѣсколько разваломъ, рис. III, 7; VI, 2; VIII, 1.

Такую форму кики встрѣчаемъ еще у античныхъ грековъ, покрайней мѣрѣ въ ихъ черноморскихъ поселеніяхъ, не только на рисункахъ, но и въ самыхъ предметахъ, открытыхъ въ 1864 г. на Таманскомъ полуостровѣ, о чемъ говорили выше, стр. 583.

Тулья кики и съ верхомъ сшивалась изъ какой либо простой ткани на александрійской картузной бумагѣ и проклеивалась рыбьимъ клеемъ, а затѣмъ покрывалась атласомъ или другою

подобною тканью яркаго, обыкновенно червчатаго цвѣта; иногда она покрывалась золотою или серебряною *цкою*, дскою, т. е. тонкимъ листомъ изъ этого металла. Эта именно цка металлическая или золотная и атласная составляла *подзоръ* кики, т. е. ея поясъ, кайму. Есть указаніе, что кичный подзоръ дѣлался изъ *нерпы* или ворвани, тюленьей кожи, крашеной вѣроятно въ бѣлый цвѣтъ для бѣлыхъ кикъ. Въ казнѣ царицы Евдокіи Лук. хранились: „двѣ ворвани, одна дѣланая, а другая недѣланая, черные; и тѣ ворвани пошли въ дѣло къ царицынымъ кикамъ". По всему подзору или собственно по тульѣ ставились золотыя или серебряныя вызолоченныя запоны, репьи различной формы, съ дорогими цвѣтными каменьями, алмазами, яхонтами лазоревыми и червчатыми, изумрудами, лалами, бирюзами или достоканами (хрусталями), такихъ же цвѣтовъ. Межъ запонъ по мѣстамъ ставились тоже камни отдѣльно въ металлическихъ гнѣздахъ, и вообще весь подзоръ убирался подобными драгоцѣнностями въ видѣ какого либо роскошнаго узора.

Передняя налобная часть кичнаго подзора, разумѣется, убиралась съ большимъ богатствомъ и особою затѣйливостью относительно узора. Она нерѣдко устроивалась отдѣльно отъ кики и прикрѣплялась къ ней смотря по надобности. Какъ отдѣльная часть, она получила и особое названіе; въ старину ее называли *челомъ кичнымъ*, а въ концѣ XVII ст. *переденкою*. Въ казнѣ В. К. Дмитрія Ив. († 1509) хранилось „чело кичное золото съ яхонты и съ жемчуги и съ жемчужинами и съ плохимъ каменьемъ.

Конечно, во всемъ женскомъ нарядѣ и уборѣ кика сама по себѣ представляла подзоръ или такую часть, которая бросалась въ глаза, наиболѣе была видима; подзорный значитъ видный, также верхній, возвышенный, находящійся на видномъ мѣстѣ.

Кромѣ дорогихъ камней подзоръ особенно напереди убирался обыкновенно *нелепелками* или *переперками*, *переперами* и *живыми репьями*, т. е. металлическими, б. ч. серебряными, булавками въ родѣ перышекъ, и другихъ подобныхъ фигуръ, которыя отъ движенія головы качались, дрожали и тѣмъ производили еще больше блеску во всемъ уборѣ. Подобнымъ образомъ были убраны кики къ свадьбѣ царицы Евдокіи Лук. въ 1626 г. Тогда стараго государева двора серебряный мастеръ Давыдъ Омельяновъ дѣлалъ серебр. *цку* къ царицыной кикѣ, *спни* къ гурмыцкимъ зернамъ, золотые *гнѣзди* къ каменьямъ, и на живые репьи

12 чашекъ золотыхъ, да 12 трубокъ; а въ Мастерской Палатѣ употреблено 4 золотника волоченаго серебра къ царицынымъ *кикамъ унизать пелепелки*. Уборка кикъ перепёрами идетъ изъ древности. Въ казнѣ в. к. Димитрія Ив. († 1509) хранились „три перепёры кичные серебряны волочены съ яхонты и съ плохимъ каменьемъ; и 11 запонокъ съ перепёры съ яхонты и съ лалы и съ жемчугомъ и съ плохимъ каменьемъ (С. Г. Г. I. № 147).

Внизу подзора или тульи, со стороны лобной части, прикрѣплялась *поднизь*, особая золотная вязаная сѣтка, низаная жемчугомъ со вставкою по мѣстамъ жемчужныхъ же репьевъ съ каменьями или просто большихъ гурмыцкихъ жемчужинъ. Поднизь окаймлялась также гурмыцкими зернами. Въ нижней ея части, низпадавшей по лбу, ставились въ привѣскѣ на спняхъ всегда самыя лучшія зерна, т. е. самыя крупныя и особенно круглыя или же отличавшіяся своею фигурою, *уродоватыя*. Кромѣ того нижняя кайма поднизи украшалась какими либо тоже жемчужными или металлическими фигурами, въ родѣ репьевъ, коронокъ, звѣздокъ и т. п., которыя при движеніи головы тряслись и блистали, какъ объ этомъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ и Таннеръ, видѣвшій, при своемъ въѣздѣ въ Москву между множествомъ народа и многихъ женщинъ, безъ милосердія набѣленныхъ и нарумяненныхъ: у нихъ у кикъ свѣшивались на лобъ серебряныя звѣздочки, которыя тряслись и блистали. Подзоръ надъ самою поднизью убирался также особою каймою изъ какихъ либо фигуръ. На одной изъ кикъ царицы Евдокіи Лук. такая кайма состояла изъ пяти птицъ, снизанныхъ изъ жемчуга и утвержденныхъ на золотыхъ спняхъ (булавкахъ), такъ что онѣ вѣроятно выдавались изъ убора нѣсколько впередъ.

Къ задней части кики, къ нижней каймѣ подзора, прикрѣплялся *задокъ*, особый платъ изъ чернаго бархата или изъ соболя, на что употреблялся одинъ цѣлый мѣхъ соболя, которымъ опредѣляется и величина этого плата.

Въ какомъ видѣ кроился этотъ задокъ, сказать утвердительно не можемъ. Должно полагать, что платъ, дабы онъ способнѣе низпадалъ около шеи, долженъ былъ дѣлиться на *лепести*, т. е. въ нижнемъ концѣ онъ разрѣзался, вѣроятно, на 3 закругленныя доли, которыя и составляли лепести, одну въ срединѣ на подзатыльи, а двѣ по сторонамъ. Бархатные и собольи задки подкладывались обыкновенно тафтою. О такихъ тафтя-

ныхъ лепестяхъ упоминается при изготовленіи бѣлыхъ кикъ царицы Марьи Ил.; рисунокъ ихъ, вѣроятно, былъ подобенъ лепестямъ каптура, см. рис. II, 16.

Царицына уборная казна не была однако слишкомъ богата киками. У царицы Евдокіи Лук. было всего пять кикъ, изъ числа которыхъ одну перваго наряда царь Михаилъ подарилъ своей двухлѣтней дочери царевнѣ Иринѣ въ 1629 г. іюля 3 (по другому свидѣтельству ноября 3). Эта кика описана слѣд. образомъ: кика отласъ червчатъ на ней запоны золоты съ каменьемъ съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды; у поднизи зерна гурмыцкіе на золотыхъ спняхъ; назади бархатъ чорной. Остальныя: *Кика* отласъ червчатъ, на ней цка золота, по цкѣ въ репьяхъ каменье въ гнѣздѣхъ яхонты лазоревы и червчаты и изумруды, въ поднизи зерна гурмыцкіе на спняхъ, назади бархатъ черной. *Кика* отласъ червчатъ запоны золоты съ каменьемъ съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды, межъ запонъ въ гнѣздѣхъ яхонты лазоревы червчаты и лалы. Въ поднизи репьи низаны (жемчугомъ) съ каменьи; по краемъ у поднизи зерна гурмыцкіе; а по кикѣ на спняхъ золотыхъ птицы (5 птицъ) низаны жемчугомъ; назади бархатъ чорной. *Кика* бѣлая, у ней запоны золоты съ каменьемъ съ яхонты и съ лалы и съ изумруды и съ бирюзами; назади соболь. *Кика* бѣлажъ, у ней цка серебрена золочена; назади соболь.

У царицы Марьи Ил. находимъ 4 кики, тѣже самыя, которыя съ добавленіемъ одной перешли и къ царицѣ Натальѣ Кир. Вновь поступившая кика принадлежала царевнѣ Иринѣ Мих. и кажется была только богаче украшена и быть можетъ передѣлана изъ указанной выше, подаренной ей отцомъ. Она описывается такъ: кика — отласъ червчатъ, на ней запоны золоты съ алмазы и съ яхонты червчатыми и съ лазоревыми и съ изумруды; въ одной запонѣ орелъ одноглавый, въ немъ яхонтъ лазоревъ; въ поднизи цка золотая, по ней низано жемчугомъ живые репьи съ каменьи; въ поднизи зерна гурмыцкіе на золотыхъ спняхъ; позади бархатъ черный (Бывала царевны Ирины Мих. и поставлена та кика ее государыни царевны въ казну, 1676 г.).

У царицы Агаѳьи Сем. было двѣ кики, одна 1-го наряда, другая 2 наряда, которыя хранились въ бархатныхъ влагалищахъ за хоромною печатью, а потому подробно и не описаны.

Переходя по наслѣдству отъ одной царицы къ другой, кики, разумѣется, возобновлялись и переправлялись, особенно въ тѣхъ частяхъ, напр. задкахъ, которыя могли быть занашиваемы.

У кикъ былъ еще уборъ, составлявшій необходимую ихъ принадлежность, это были *рясы*, длинныя пряди изъ жемчугу въ перемежку съ дорогими каменьями и съ золотыми пронизками бусами различной формы и работы). Пряди бывали двойныя, тройныя, четверныя и т. д., отчего и рясы назывались *тройными*, *четверными* и т. п. Пряди утверждались въ верхней части въ золотыя же колодки или лапки съ кольцами, посредствомъ которыхъ рясы привѣшивались къ кикѣ по сторонамъ, надъ висками, и слѣд. ниспадали внизъ къ плечамъ, или на грудь. Иногда промежъ жемчугу помѣщались, вмѣсто пронизокъ-бусъ, тоже колодки или лапки съ дорогими каменьями, также орлики и другія фигурки изъ золота [1]. У царицы Евдокіи Лук. въ 1626—1627 гг. было четверо кичныхъ рясъ: *Рясы* жемчюжные, а въ нихъ промежъ жемчюгу и по концамъ 16 яхонтовъ лазоревыхъ да 8 лаловъ, да промежъ жемчюгужъ и каменья 16 пронизокъ золоты репейчаты прорѣзные съ финифты съ розными; по сторонамъ у пронизокъ въ гнѣздѣхъ искорки яхонтовые да изумрудные. У рясъ колодки и колца золоты съ финифты съ розными, около колодокъ веревочки низаны жемчюгомъ, у колодокъ въ гнѣздѣхъ 4 алмаза да 4 яхонта червчатыхъ гранены да два изумруда. *Рясы* жемчюжные, а въ нихъ промежъ жемчюгу и по концомъ 24 яхонты лазоревыхъ да 8

---

[1] Нѣтъ сомнѣнія, что слово *рясы* одного значенія съ *ряснами*, рѣсницами, т. е. въ отношеніи какого либо убора и украшенія оно обозначало вообще что либо сходное съ бахрамою, прядями, кистями, мохрами, также сборками, зубчиками и т. п. Южная пѣсня, обращаясь къ дубу, говоритъ: листья твои *рясни*; рясою въ Тульской губ. называются сѣмена березы; ряски—изодранное платье, отрепье, лохмотье, мохры; онъ весь въ *рясках*, ряска на ряскѣ, говорятъ въ Вологодской губ. Отсюда понятенъ и старинный способъ низанья жемчугомъ *въ-рясную*, *рясою*, *ряскою*, въ отличіе отъ низанья въ одно зерно. Въ старинныхъ кичныхъ уборахъ рясами, какъ мы видѣли, назывались длинныя жемчужныя пряди, по всему вѣроятію въ единичномъ смыслѣ рясы, какъ только низанной пряди, нити. Въ областномъ же быту значеніе этого слова распространено: *Ряски* значитъ 1) жемчугъ или бусы, вынизанные на шелку и поставленные *сборами*. 2) Привѣска жемчужная, пришиваемая къ кокошнику у женщинъ и къ вѣнцу у дѣвицъ для украшенія лба (Твер.), или жемчужная рѣшетка, сѣтка, пришиваемая къ передней части кокошника или вѣнца (Псков.), что въ другихъ мѣстахъ и въ Понстровскомъ уборѣ, какъ видѣли, называется поднизью. Наконецъ рясами зовутся жемчужныя серьги и жемчужныя ихъ подвѣски (Арх. Волог.,—Областн. Словарь и Даля—Толковый Словарь).

пронизокъ золоты съ чернью; по сторонамъ у пронизокъ въ гнѣздѣхъ искорки яхонтовые да изумрудные; у рясъ колодки и колца золоты съ чернью, въ колодкахъ четыре алмазы гранены да четыре яхонты червчатыхъ да 2 изумруда, да у колодокъ же 24 зерна невелики на спняхъ золотыхъ (Отмѣтка: 143 г. авг. 14, сѣ рясы царица пожаловала дщери своей царевнѣ Иринѣ М.). — *Рясы* жемчюжные, промежъ рясъ и по концомъ 18 колодокъ золоты съ чернью, у колодокъ по сторонамъ искорки яхонтовые да изумрудные; у рясъ колодки золоты съ чернью на три грани, въ колодкахъ 8 яхонтиковъ червчатыхъ да 2 искорки яхонтовыхъ лазоревыхъ да два изумрудца; поверхъ колодокъ 2 пронписки съ колцы золоты, въ пронпискахъ искорочки яхонтовые да изумрудные. (И 136 г. ноября въ 8 д. сѣ рясы государыни царица и в. к. Евд. Лук. приложила къ чудотворному образу къ Знаменію Пречистыя Богородицы, что у государева Старова Двора). *Рясы* жемчужные, а въ нихъ промежь жемчюгу и по концомъ орлики золоты, въ орликахъ искорки лаловые да бирюзки. (И 135 г. апрѣля въ 23 д. сѣ рясы государыни царица и в. к. Евд. Лук. приложила къ чюдотворному образу Пречистыя Богородицы Владимерскіе, что стоитъ въ соборной церкви Рожества Преч. Богородицы на сѣнѣхъ).

Въ лѣтнее время при выѣздахъ въ богомольные и другіе походы царицы надѣвали *шляпы* бѣлыя поярковыя съ круглою тульею и съ полями вершка въ 2 и болѣе ширины, рис. IV, VI. Иностранцы находили эти шляпы сходными съ клобуками ихъ епископовъ. Дѣйствительно шляпы были мужскаго образца. Наружная ихъ сторона покрывалась обыкновенно левкасомъ изъ бѣлилъ (въ обычныхъ случаяхъ изъ мѣлу) и рыбьяго клея, что придавало убору глянцовитый, лоснящійся видъ и сохраняло отъ дождя. Ихъ поля, называемыя *полками* съ испода подбивались гладкимъ или золотнымъ атласомъ червчатаго цвѣта, а по краямъ обшивались тафтянымъ торочкомъ; внутри, въ тульѣ, шляпы подкладывались гладкимъ такимъ же атласомъ, если полки были золотныя, или тафтою, червчатою, зеленою и другихъ цвѣтовъ. Кромѣ того шляпа всегда украшалась *суромъ*, атласною или тафтяною лентою, вышитою золотомъ, низанною жемчугомъ, убранною запанами съ дорогими каменьями. Эта лента огибала шляпу по вѣнцу тульи и черезъ полку двумя

концами низпадала къ плечамъ, съ боку, или по заду къ спинѣ. На концахъ сверхъ того висѣли низанные же *функики* или *спицы* и кисти. Въ XVI ст. шляпы царицъ убирались съ особымъ богатствомъ. Въ 1585 г. мая 21, царицѣ Иринѣ Өедоровнѣ была дѣлана шляпа большаго наряду треми золотошвеями мужчинами, Мартыномъ Петровымъ, Юрьемъ Андреевымъ и Богданомъ Григорьевымъ. которые за то получили въ награду по сукну въ 2 р. и деньгами по 2 р. [1]). Довольно значительная награда показываетъ, что шляпа была устроена съ большимъ искусствомъ. Въ казнѣ царицы Шуйской хранились „шестеры снуры съ кистьми шиты золотомъ и серебромъ съ шолки; 4 снуры шиты по бѣлой тафтѣ розными шолки, на концѣхъ кисти шолкъ червчатъ. Снуръ шляпочной дѣланъ картунелью и трунцалы съ жемчуги, подложенъ тафтою зеленою, 4 кружива снурныхъ, 2 низаны жемчугомъ, а 2 шиты золотомъ и серебромъ. 2 *функика* отъ снуръ низаны жемчугомъ.“

Въ числѣ уборовъ царицы Евдокіи Лук. находилось всего только семь шляпъ: „*шляпа* валеная бѣла, у ней полки по отласу по червчатому низано жемчугомъ съ канителью, а въ ней подложено отласомъ же червчатымъ; вторая—полки подложены атласъ съ серебромъ; третья — полки — атласъ золотной, четвертая-подложена атласомъ золотнымъ по червчатой землѣ травы и опахала. (Въ 1631 г. мая 16 эту шляпу царица пожаловала своей сестрѣ Өедосьѣ Лук. Матюшкиной). Пятая — полки по атласу по червчатому дѣланы трунцаломъ травы“; и еще двѣ шляпы—подпушены полки отласомъ золотнымъ по червчатой землѣ, по одномъ отласѣ травки велики, а по другомъ травы мелковаты съ шолки съ розными. Всѣ шляпы въ тульяхъ имѣли атласную червчатую подкладку. Къ нимъ принадлежали *три* снура шляпочные: *Снуръ* по отласу по червчатому низанъ жемчюгомъ большимъ съ канителью, въ немъ запоны золоты съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды, промежъ запонокъ и сверху и съ исподи въ гнѣздѣхъ каменье яхонты и лалы и изумруды. Другой такой же, съ тѣмъ только отличіемъ, что въ числѣ камней находились бирюзы и не было лаловъ. Третій *снуръ* — по цкѣ серебряной золоченой низанъ жемчугомъ, въ немъ 4 запоны золоты съ финифты и съ каменьи съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды, межъ запанъ три изумруда.

---

[1] Доп. А. И. I, № 131.

У царицы Марьи Ильичны находимъ въ первое время шесть шляпъ и три снура, а по ея кончинѣ оставалось 4 шляпы и 2 снура, которые перешли въ казну царицы Натальи Кир.

Но всѣ эти шляпы и снуры были устроены еще царицею Евдокѣею и вѣроятно при надобности только подновлялись или передѣлывались по мѣрѣ. Въ общей описи казны царицъ Марьи и Натальи, 1676 г., о снурѣ перваго наряду, принадлежавшемъ и царицѣ Евдокѣѣ (см. выше) находится слѣдующая отмѣтка: 184 г. февр. 20 изъ сего снура запона передняя вынета и спицы и кисти отняты, и нашиты на снуръ большого наряду, что дѣланъ въ нынѣшнемъ во 184 г. къ троецкому походу. И 185 г. окт. 15 спицы низаны (я) съ кистми золотными выданы изъ хоромъ, и въ кистяхъ жемчугу нѣтъ.

Наиболѣе обыкновенными головнымъ нарядомъ особенно въ осеннее и зимнее время были *шапки*, а исключительно зимою, треухи и каптуры. *Шапка* состояла изъ *верха*, т. е. тульи и *пуха* или опушки, мѣховаго окола. Шапки, носимыя женщинами, отличались отчасти формою, а больше украшеніями верха отъ мужскихъ и потому назывались *женскими*. *Верхъ* или *вершокъ* сшивался изъ шелковой, а чаще изъ золотной ткани или кругло (сферически) или конусообразно или дѣлался столбуномъ (цилиндромъ).

Въ мужскихъ шапкахъ круглый верхъ б. ч. дѣлался вдвое выше, чѣмъ у женскихъ, и притомъ конусообразно; между тѣмъ какъ женскій образецъ придерживался правильной полусферы. Другое отличіе женскихъ шапокъ отъ мужскихъ заключалось въ кройкѣ окола. Дѣвичьи шапки въ этомъ отношеніи мало отличались; но шапки замужнихъ женщинъ, кроились нѣсколько иначе, именно околъ, или собственно пухъ, начиная съ боковъ опускался вершка на 2 на затылокъ съ тою цѣлью, чтобы и этимъ нарядомъ скрыть отъ людскихъ глазъ свои волосы. Спереди въ налобной части точно также оставлялся небольшой *мысокъ* вѣроятно съ цѣлью придать наряду большую красоту а лицу выразительность. Оттого у женскихъ шапокъ околъ носилъ исключительное названіе *пуха*, ибо кроился не ровно, а смотря по фигурѣ выема, см. рис. V, 2 и др.

Вершокъ женскихъ шапокъ перваго наряда всегда украшался съ большимъ богатствомъ и съ большою затѣйливостью золотымъ шитьемъ, жемчужнымъ саженьемъ съ каменьями, пере-

перами, запанами и тому подобными прикрасами. Естественно, что такія украшенія трудно было ставить на мягкой тульѣ, и потому было необходимо устроивать ее подклейную, какъ у шляпъ; *шапочные подклейки* дѣлались изъ александрійской (картузной) бумаги и заячины, или изъ клееной легкой ткани; для простыхъ шапокъ на это употреблялась клейная крашенина. Въ кроенье на вершокъ шапки выходило атласу подъ золотное шитье 5 вер., шириною около аршина, слѣд. тулья верха вышиною бывала не менѣе 4 вершковъ. *Пухъ* или опушка, околъ, кроился изъ боброваго черненаго мѣха, на что выходило два бобра.

Для большей красоты между блестѣвшею золотомъ или серебромъ, жемчугомъ и каменьями тульею и ея бобровымъ околомъ помѣщали почти всегда особую кайму изъ золотнаго *плетенька* или *пояска*, который пришивался поверхъ пуха или окола, и изъ бобровой же *накладки*, или *накладнаго пуха*, узенькой мѣховой ленточки, которая отдѣляла плетенекъ отъ узоровъ и украшеній богатой тульи. Такое раздѣленіе мѣха отъ тульи золотною мѣховою каемкою въ дѣйствительности придавало наряду не мало красоты и узорочности. На накладку выходило мѣху 2 звена, т. е. двѣ части или половина цѣлаго боброваго мѣха. Иногда вмѣстѣ съ этою каймою или взамѣнъ накладнаго пуха употреблялось золотное плетеное или кованое кружево. Мы говорили, что въ шапкахъ перваго наряда тулья всегда украшалась богато и затѣйливо. Кромѣ золотаго шитья съ канителью трунцаломъ, бганью и т. п., и жемчужнаго низанья съ каменьями, живыми репьями, переперами и пр. въ видѣ разнообразныхъ травъ и узоровъ, этѣ тульи очень часто украшались и низанными изъ жемчуга или шитыми золотомъ изображеніями различныхъ животныхъ, особенно птицъ. Бывали низаны орлы двоеглавые и даже осмиглавые, инроги (единороги), павы, птички, звѣрки.

Внутри тулья подкладывалась у холодныхъ шапокъ атласомъ червчатымъ, а у теплыхъ легкимъ мѣхомъ, обыкновенно черевами бѣльими.

Для сохранности шапокъ съ богатыми уборами полагались на нихъ тафтяные *чехлы* и хранились онѣ въ Мастерской Палатѣ на шапочныхъ *столбунцахъ* или болванахъ.

Мы замѣтили, что шапки, носимыя дѣвицами походили на мужскія. Онѣ дѣлались съ *околомъ* въ собственномъ значеніи,

т. е. ихъ мѣховая опушка огибала голову вѣнкомъ и не опу калась на затылокъ, какъ пухъ у женскихъ шапокъ. При том и околы ихъ бывали обыкновенно соболья, особенно у шапок нарядныхъ; околъ изъ бобровaго пуха ставился на шапках повседневныхъ, побѣднѣе. Кромѣ того, какъ дѣвичьи так женскія шапки не имѣли, подобно мужскимъ *прорѣхъ*, передне и задней. Шапки царевны Ирины описываются слѣдующим образомъ: Шапка околъ соболей, тулея отласъ золотной п червчатой землѣ, по отласу низано жемчугомъ, межъ жемчуг репьи золоты съ финифты съ разными, да репьижъ канител ные съ жемчуги, межъ репьевъ вшита запона золота, а въ не 21 яхонтъ, червчаты. Шапка—околъ соболей, тулея отлас серебренъ по алой землѣ. Шапка—околъ соболей, тулея отлас золотной по зеленой землѣ. Шапка отласъ алъ съ пухомъ кру живо золотное кованое. (И тоѣ шапку пожаловала государын нѣмкѣ Дункѣ). Шапка шита по бѣлому отласу цѣпи золоты звески (звѣздки) съ шелки съ розными, поверхъ пуху плете некъ золотной;—и пр.

Кромѣ этого образца дѣвицы въ зимнее время носили шап лисьи черныя, *горлатныя* и *черевьи*. Такъ исключительно назы вались высокія прямыя шапки, у которыхъ вся тулья, выш отъ 6 до 8 вершковъ, была мѣховая. Въ вершинѣ такія шап дѣлались нѣсколько шире, чѣмъ въ вѣнцѣ. Въ нихъ обыкно венно являлись бояре при посольскихъ пріемахъ, отчего онѣ и носятъ названіе шапокъ боярскихъ. На устройство ихъ тульи на подклейку употреблялась ирха (выдѣланная кожа) и ровдуг или ровдуга—замша. См. рис. IV, 7; VI, 2; VII, 2, 4.

Черевья или горлатная шапка была необходима для новобрач ной, ибо по свадебному чину, новобрачная должна была въ ней выходить въ хоромы на другой день свадьбы, когда ее торжественно подымали съ постели сваха и боярыни; поэтому мы находимъ такія лисьи шапки и у царицъ въ казнѣ [1].

[1] У царицы Евдокіи Лук. описаны шапки: Шапка лисья горлотная. (135 г. марта 22, государь—взялъ сеѣ шапку и отдалъ въ свою г-ву Мастерскую Полату.) Шапка лисья черевья. (137 г іюня 14, царица была въ своей государской казнѣ и та шапка отнесена за нею государынею ко государю въ хоромы).

Шапка по атласу по червчатому низана жемчюгомъ съ канителью, на ней 17 яхонтовъ лазоревыхъ, подъ низаньемъ поверхъ пуху плетенекъ золотной съ пухомъ. (И съ той шапки выпоротъ камень и взятъ къ

Столбунцами назывались шапки цилиндрической формы съ прямою тульею, которая бывала или вся мѣховая, обыкновенно соболья, или изъ шелковыхъ и золотныхъ тканей, изъ атласа, бархата, объяри, зорбаѳа и т. п., съ пластинчатою собольею опушкою. Вершокъ или *кругъ* въ обоихъ случаяхъ кроился также изъ шелковыхъ и золотныхъ тканей, и украшался иногда жем-

---

царицѣ въ хоромы. 147 г. мая 25, сеѣ шапку царица пожаловала сыну своему царевичу Алексѣю Михаиловичу.) Двѣ *шапки* по отласу червчатому низаны жемчюгомъ съ канителью и съ трунцаломъ и съ пелепелы. У шапокъ плетенки золотные съ пухи; и изъ тѣхъ шапокъ одну шапку пожаловала царица—Ивановѣ женѣ Матюшкина Ѳедосьѣ. *Шапка* участокъ двойной по серебреной землѣ листки золоты круживо низано жемчюгомъ съ пухомъ, подложена отласомъ червчатымъ. (145 г. авг. 20, тоѣ шапку царица пожаловала Семеновѣ женѣ Лукьяновича Стрѣшнева Марьѣ Алексѣевнѣ.) *Шапка* участокъ по серебреной землѣ травы золоты въ цвѣтахъ шолкъ червчатъ да зеленъ, съ пухомъ. И тоѣ шапку царица пожаловала матери своей Аннѣ, Костентиновнѣ. *Шапка* отласъ по зеленой землѣ травы и листье и репьи золоты, въ травахъ и въ репьяхъ шолкъ. червчатъ да бѣлъ да зеленъ; поверхъ пуху поясокъ золотной плетеной съ пухомъ. (140 г. окт. 18, сеѣ шапку царица пожаловала матери своей Аннѣ Костентиновнѣ.) *Шапка* по червчатому отласу шита золотомъ да серебромъ волоченымъ травы и репьи, подъ шитьемъ поясокъ золотной съ пухомъ, подложена отласомъ червчатымъ. (И тоѣ шапку царица пожаловала боярина кн. Ив. Борис. Черкасскаго княинѣ Овдотьѣ Васильевнѣ.) *Шапка* отласъ червчатъ, круживо низано съ городы и съ переперы, въ круживѣ 9 яхонтовъ червчатыхъ да 9 изумрудовъ въ гнѣздѣхъ, пониже кружива плетенекъ золотной съ пухомъ. *Шапка* отласъ бѣлъ круживо низано по цкѣ съ городы и съ перепелы въ круживѣ 10 яхонтовъ червчатыхъ да 8 изумрудовъ въ гнѣздѣхъ, пониже кружива плетенекъ золотной съ пухомъ.

Шапка дѣлана по цкѣ серебреной золоченой репья живые низаны жемчюгомъ съ перепелы, въ репьяхъ каменье розные яхонты червчаты и лалы и изумруды; круживо у шапки низано жемчугомъ большимъ, межъ кружива репьи живыежъ низаны жемчюгомъ, въ репьяхъ каменье алмазы и яхонты червчаты и лалы и изумруды; да по шапкѣжъ межъ репьевъ и перепеловъ по цкѣ низано жемчюгомъ же, да вверху у шапки межъ репьевъ запона золота съ алмазы; подложена шапка отласомъ червчатымъ, у шапкижъ плетенекъ золотной съ пухомъ. (И 144 г. августа 14, изъ сеѣ шапки въ хоромехъ выпоротъ репей съ яхонтомъ червчатымъ и съ жемчюгомъ, а по сказкѣ казначеи Анны Хитрые положенъ тотъ камень и съ жемчюгомъ въ соборной церкви на вѣнецъ къ образу Успенія Пречистыя Богородицы.) *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчюгомъ орлы двоеглавые да травы съ канителью да съ нацвѣты; поверхъ орловъ запаны золоты, а въ нихъ по 3 лалики да по 3 яхонтики лазоревы да по изумрудцу да въ золотыхъ гнѣздѣхъ

чужнымъ низаньемъ съ запонами и каменьями. Судя по кройкѣ такихъ столбунцовъ маленькимъ царевнамъ, тулья ихъ была не слишкомъ высока. Въ 1632 г. пятилѣтней царевнѣ Иринѣ „скроена шапочка столбунцомъ соболья, вышина 2¼ вер., ши-

4 яхонты червчаты да 16 лаликовъ да 18 изумрудовъ большихъ и малыхъ; поверхъ пуху поясокъ золотной. (144 г. авг. 14 изъ той шапки выпоротъ камень, а по сказкѣ Анны Хитрые положенъ тотъ камень и вѣнецъ въ соборъ Успенія Преч. Бцы). *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчюгомъ съ репьи, межъ репьевъ бирюски въ золотыхъ гнѣздѣхъ, подъ низаньемъ поверхъ пуху плетенекъ золотной. (142 г. сю шапку царица пожаловала Ивановѣ женѣ Матюшкина.) *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчюгомъ съ канителью и съ трунцаломъ и со бганью травы, межъ травъ нироги и птички, межъ нироговъ и птичекъ нацвѣты, поверхъ пуху плетенекъ золотной. И та шапка отдана царевнѣ Иринѣ М., а послѣ того та шапка отдана Аннѣ Костянтиновнѣ. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчюгомъ орлы да нироги съ канителью золоченою; межъ травъ искорки лаловые и изумрудные, поверхъ пуху плетенекъ золотной. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугомъ съ канителью и съ трунцалом и со бганью травы межъ травъ зерна жемчужные. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчюгомъ на проволокѣ травы съ зерны жемчюжными, межъ травъ, запанки золоты сѣничаты съ финиоты съ розными. *Шапка* по цкѣ по серебреной золоченой травы низаны жемчюгомъ поверхъ пуху плетенекъ золотной круживо низано жемчюгомъ. *Шапка* по цкѣ серебреной золоченой травы низаны жемчюгомъ, межъ травъ розцвѣчивано шолкъ червчатъ съ золотомъ. *Шапка* по лазоревому отласу низана жемчюгомъ травы, въ травахъ павы съ канителью цвѣтною. (152 г. дек. 29, верхъ спороть, а на пухъ нашитъ новой верхъ по отласу по червчатому шитъ золотомъ воloченымъ. И тогожъ числа къ царицѣ въ хоромысѣ шапку приняла постельница Прасковья Скорятина, а сказала, что тое шапку государыня пожаловала княинѣ Аннѣ Ромадановской.) *Шапка* по червчатому отласу орлы двоеглавые да птички низаны жемчюгомъ и дѣлана канителью золоченою и цвѣтною, около орловъ чепочки дѣланы канителью, по отласу звѣздки золочены (150 г. февр. 24, тое шапку царица пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ). *Шапка* по отласу по червчатому травы низаны жемчюгомъ съ канителью и съ трунцаломъ, въ травахъ розцвѣчивано канителью цвѣтною, межъ травъ по отласу звѣздки. (И изъ подъ того верха пухъ выпоротъ. 150 г. февр. 24, тотъ верхъ царица пожаловала крестницѣ своей дѣвкѣ пѣвкѣ Овдотьѣ Капитоновѣ [1]. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчю-

[1] Въ другой списи при этомъ находится слѣдующая отмѣтка: 153 г. авг. 30 тотъ вершокъ къ Овдотьѣ Капитоновѣ отнесъ подьячій Ивашка Взиковъ. Стало быть назначенный подарокъ отданъ черезъ три съ половиною года, и то, вѣроятно, по случаю смерти царицы Евдокіи, 18 авг., а до того времени онъ лежалъ въ казнѣ царевны Ирины.

рина 5¼ вер., т. е. кругомъ 10½ вер.; на верху кругъ камка серебрена по алой землѣ 3¼ вершка. Въ 1651 г. царевнѣ Евдокіѣ Ал. (около 2 лѣтъ) къ празднику Рождества Христова былъ скроенъ „*столбунецъ* соболей, въ кроенье пошло пара соболей въ 35 р. да соболь въ 12 р. съ полтиною; да на тулейку (внутрь) пошло полсема пупка собольихъ. Нашитъ *верхъ* по бархату турецкому золотному (пошло вершокъ съ четью во

гомъ съ канителью цвѣтною кружки, въ кружкахъ орлики и звѣрки, межъ кружковъ птички. *Шапка* отласъ золотной по зеленой землѣ, круживо низано жемчюгомъ, поверхъ пуху плетенекъ золотной. Верхъ пожаловала государыня матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ. *Шапка* отласъ червчатъ, круживо низано по цкѣ съ городы и съ перепелы. *Двѣ шапки* отласъ золотной по лазоревой землѣ въ цвѣтахъ шолкъ алъ да зеленъ да бѣлъ, у шапокъ поверхъ пуху плетенки золотные. (147 г. мая 20, царица одну шапку пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ; 148 г. августа 18, другую шапку пожаловала окольничево Васильевѣ женѣ Ивановича Стрѣшнева). *Шапка* отласъ золотной по червчатой землѣ межъ травъ репейки шолкъ бѣлъ, поверхъ пуху плетенекъ золотной. (148 авг. 18, сеѣ шапку царица пожаловала княинѣ Марьѣ Хованской). *Шапка* по отласу по бѣлому шита золотомъ да серебромъ въ нацвѣтахъ шолкъ червчатъ да лазоревъ, у шапки поверхъ пуху поясокъ золотной. (И та шапка въ отдачѣ царевнѣ Иринѣ М.). *Шапка* по отласу по червчатому шита золотомъ да серебромъ съ нацвѣты, межъ травъ звѣздки золоты, поверхъ пуху плетенекъ золотной. (148 августа 18 сеѣ шапку царица пожаловала Семеновѣ женѣ Лукьяновича Стрѣшнева). *Шапка* по отласу по червчатому розвода и травки шиты золотомъ волоченымъ, около розводы въ обводѣ шито серебромъ волоченымъ, поверхъ пуху плетенекъ (въ отдачѣ царевнѣ Иринѣ М.). *Шапка* отласъ алъ гладкой, круживо кованое серебреное широкое, поверхъ пуху плетенекъ золотной (въ новныхъ). 154 сент. 28 сеѣ шапку государь пожаловалъ казначеѣ Варварѣ Унковской. Двѣ *шапки* отласъ червчатъ гладкой на соболяхъ. *Шапка* отласъ по серебреной землѣ травы золоты, поверхъ пуху плетенекъ золотной. (150 мар. 10 пухъ выпоротъ и отданъ князь Михайловѣ княинѣ Шеховского).

Шапка низана жемчюгомъ большимъ по отласу по червчатому, въ жемчюгѣ 44 запоны золотые съ каменьи съ алмазы съ яхонты съ изумруды съ бирюзы, около жемчюгу обшивано трунцаломъ золоченымъ; на шапкѣжъ круживо низано жемчюгомъ большимъ, а дѣлана шапка къ Свѣтлому Воскресенью въ 150 г. апр. 8. *Шапка* отласъ золотной по лазоревой землѣ обвода золота и серебрена, круживо низано жемчюгомъ среднимъ, подъ круживомъ на шапкѣ плетенекъ золотной, дѣлана въ 152 г. дек. 12 (152 г. мая 2 круживо снято и положено на новую шапку, а старую шапку царица пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ).

всю ширину ткани) низанъ жемчюгомъ; да въ томъ же *кружечкѣ* вшито 8 запонъ золоты, промежъ запонъ вшивано по 4 жемчюжины, да среди кружка вшита запона золота въ ней 21 яхонтъ червчатъ."

Холодные столбунцы подкладывались атласомъ и таѳтою, а теплые легкимъ мѣхомъ. Въ царицыномъ быту столбунцы употреблялись рѣдко; ихъ находимъ только у царицы Марьи Ильичны одинъ: столбунецъ — кругъ алтабасъ золотной розвода серебрена; тулея пупки, околъ пластины собольи; и у ц. Агаѳьи Сем. три, въ томъ числѣ: столбунецъ объярь серебряна по ней травы золоты съ шолки, подкладка отласъ жаркой цвѣтъ; опушка пластины собольи. Столбунецъ — зарбаѳъ серебрянъ, по немъ травки золоты съ шолки; подкладка отласъ бѣлъ; безъ опушки".

Въ числѣ болѣе употребительныхъ зимнихъ головныхъ нарядовъ, преимущественно у замужнихъ женщинъ и особенно у вдовъ, первое мѣсто принадлежало *каптуру*. О каптурѣ можетъ дать нѣкоторое понятіе его потомокъ, выходящій уже изъ употребленія, теперешній капоръ. Это былъ нарядъ, вполнѣ защищавшій голову отъ стужи, отъ вѣтра и отъ всякой непогоды. Онъ весь былъ мѣховой и покрывалъ не только голову, но и облегалъ по сторонамъ лицо до самыхъ плечъ. Каптуръ кроился изъ соболей съ невысокою цилиндрическою тульею на подобіе кики, и съ тремя ушами, ниспадавшими до плечъ на затылкѣ и по сторонамъ головы. Рис. I, 8; II, 16; VI, 1. Въ кройку обыкновенно выходило соболей 2½ пары. По краямъ нарядъ опушался бобромъ, на что употреблялось или цѣлый бобръ или два бобра безъ трети, смотря по ширинѣ, какую желали дать опушкѣ. Изъ цѣлаго бобра выкраивалось опушки 4 ар. 3 в., шириною въ 2 вер. Въ опушкѣ около чела ставился особый бобровый мѣхъ, черненый, называвшійся пухомъ *переднимъ, очельнымъ, челошнымъ*, для чего употреблялось полбобра (2 звена) и цѣлый бобръ. Кромѣ того этотъ очельный пухъ убирался поверхъ еще бобровою же накладкою, *накладнымъ пухомъ*, котораго выходило одно звено или четверть бобра. Исподъ каптура подбивался также мѣхомъ, собольими пупками, и такъ какъ онъ облегалъ кругомъ всю голову, то и назывался *оголовью, оголовьемъ*; при чемъ по краямъ ставилась также небольшая опушка, называемая *оголовочнымъ пухомъ*. На *ушки* ставилось треть бобра, самаго добраго. Простые каптуры, дѣланные только для образца, кроились изъ мерлушекъ (овчины); вмѣсто боброваго

пуху на нихъ употреблялся козелъ черненой, а на оголовочный пухъ—барсукъ. Изъ этого сочетанія различныхъ мѣховъ нагляднѣе выступаетъ связь всего мѣховаго убора въ каптурѣ. *Верхъ* каптура покрывался арабскими миткалями, которыхъ въ кройку выходило 4 вершка широкихъ и 8 в. обыкновенныхъ. Кромѣ того для сохранности наряда всегда дѣлался изъ такихъ же миткалей особый верхъ—*чехолъ*, на что употреблялось миткалей 6 верш. широкихъ (въ 2 арш. ширины) и 12 вер. обыкновенныхъ (отъ 8 до 14 в. ширины). При каптурахъ употреблялась также и *повязка* изъ полотна, котораго выходило въ кройку поларшина литовскаго.

Каптуръ. соболій, упоминается еще въ духовной княгини Іуліаніи Волоцкой, 1503 г.—У царицы Евдокіи Лук. въ первое время было въ казнѣ только 4 каптура, потомъ ихъ было 6 и наконецъ число ихъ увеличилось до 8. У царицы Марьи находимъ ихъ 7, изъ которыхъ перешло къ царицѣ Натальѣ Кир. только 3. У молодой царицы Агаѳьи Сем. въ казнѣ вовсе не было каптуровъ.

Подержаные и поношеные старые каптуры царицы обыкновенно раздавали боярынямъ. Такъ въ 1631 г. сент. 10, царица Евдокія изъ числа своихъ каптуровъ одинъ, который былъ сдѣланъ еще ея предшественницѣ, покойной царицѣ Марьѣ Влад. Долгорукихъ, подарила матери своей Аннѣ Константиновнѣ. Въ 1634 г. генв. 8, она пожаловала изъ своихъ же два каптура боярынямъ Оринѣ Микитичнѣ (Годуновой) да матери Аннѣ Конст., которой еще былъ подаренъ каптуръ въ 1641 г. февр. 20. Въ 1642 г. авг. 12 пожаловала каптуръ бояр. кн. Аннѣ Вас. Трубецкой, при чемъ относили каптуръ подъячій мастерской царицыной палаты да каптурникъ. Кромѣ того одинъ старый каптуръ царица пожаловала царевинѣ кормилицѣ Натальѣ.

Каптуры очень рѣдко украшались богато на подобіе нарядныхъ шапокъ. Такой находимъ только у царицы Натальи Кир.—каптуръ пластины собольи съ пухомъ; *верхъ* отласъ бѣлъ низанъ жемчугомъ съ каменьи съ олмазцы и съ изумруды и съ яхонты червчатыми и съ искры. (Дѣланъ у царицы въ хоромѣхъ во 180 году).

Треухъ—зимняя шапка, съ треми ушами, защищавшими уши и затылокъ. Его *верхъ* (тулья, покрышка) шился изъ шелковой

или золотной ткани, изъ камки или атласу и алтабасу, которыхъ въ кроенье выходило 10, 12 и 16 вершковъ; но какой формы была эта тулья, въ видѣ ли столбунца или скуфьи,— неизвѣстно. Впрочемъ можно полагать, что это былъ по покрою тотъ же каптуръ, только крытый не мѣхомъ, а тканью. Исподъ у него какъ и у каптура кроился изъ собольихъ пупковъ или изъ пластинъ; выходило 5 пупковъ, а пластинъ 2 пары. Верхъ опушался также соболемъ, на что выходила пара; а кругомъ опушки поверхъ соболя треухъ украшался низаньемъ изъ жемчуга, или кружиномъ, или запонами съ каменьями. Кромѣ того у треуха были, какъ и у кикъ *лепести*, на которыя выходило тафты 2 верш., во всю ширину (1½ арш.). Треухи принадлежали однакожъ къ такимъ нарядамъ, которые употреблялись довольно рѣдко.

У царицы Евдокѣи Лук. въ казнѣ находимъ только одинъ треухъ соболій, покрытъ атласомъ червчатымъ гладкимъ; у Марьи Ильичны также одинъ, у Натальи Кириловны 3. У царицы Агаѳьи Сем. ихъ было 4; притомъ они шились уже изъ богатыхъ тканей и украшались жемчугомъ и каменьями, что заставляетъ предполагать, что въ концѣ XVII ст. треухи стали входить такъ сказать въ моду: „*Треухъ* отласъ венецейскій по золотной землѣ травы и розводы шолкъ червчатъ, исподъ и опушка пластины собольи: кругомъ опушки поверхъ низано жемчугомъ кафимскимъ. *Треухъ* алтабасъ по золотной землѣ травы кубы серебрены; исподъ и опушка пластины собольи; вмѣсто кружива запаны золоты съ каменьи съ алмазы и съ яхонты червчатыми, съ городы; кругомъ запанъ обнизано жемчугомъ скатнымъ.

Уборы, извѣстные подъ общимъ именемъ *золота* и *саженья* или *лоречной кузни* заключались. кромѣ нѣкоторыхъ головныхъ, описанныхъ выше, въ нарядахъ шеи, каковы были *монисто, цѣпочка. ожерелье*; въ нарядѣ ушей—*серьги*. и рукъ—*перстни*, *жиковины*, *обручи*, *запястья*, *зарукавья*. Самымъ значительнымъ изъ этихъ уборовъ было. монисто.

Въ областномъ языкѣ до сихъ поръ словомъ *манисты*, *монисто* обозначаютъ ожерелье изъ бусъ, гранатъ и т. п., также изъ монетъ; тѣмъ же словомъ обозначаютъ косынку шейную (Новг.), и вообще *связку* предметовъ, снизку, напр. связку ключей, ка-

нистка ключей (Тв.); называютъ такъ даже нижнюю челюсть бѣлуги, вѣроятно по сходству ея съ снизкою бусъ.

Въ южномъ областномъ языкѣ *намистомъ* кромѣ того называютъ ожерелье изъ бусъ, на которомъ носится всегда *дукачъ*, вѣроятно дукатъ, серебряная, мѣдная или оловянная бляха въ родѣ медали, величиною въ цѣлковый.

Обычай носить на шеѣ съ ожерельемъ монеты и особенно золотыя, а также и подобныя монетамъ бляхи, имѣвшія значеніе и амулетовъ, очень древенъ и къ намъ перешелъ съ незапамятныхъ временъ.

Можно полагать, что монисто—слово испорченное изъ греческаго номисма—золотой, и что ближе къ нему стоитъ южное произношеніе: намиста, изъ котораго на сѣверѣ уже послѣдовала передѣлка въ монисто. Какъ бы нибыло, но монисто въ древнемъ смыслѣ означало шейный уборъ, ожерелье исключительно золотое, т. е. состоящее изъ золотыхъ привѣсокъ, у котораго на гайтанѣ (снуркѣ) помѣщались небольшія иконы, панагіи, кресты, раздѣляемые въ снизкѣ золотыми *пронизками*, т. е. бусами. Лѣтописецъ (Ипат. 219) разсказываетъ, что Владиміръ Васильковичъ Волынскій на смертномъ одрѣ передъ своими очами перелилъ все свое золото и серебро въ гривны и разослалъ милостыню по всей землѣ: „и *мониста* великая золотая бабы своей и матери своей, все полья“... Онъ же возложилъ на намѣстную икону Богородицы монисто золото съ каменіемъ дорогимъ (1288 г.). Въ числѣ женскихъ уборовъ монисто упоминается и въ Москвѣ, въ 1328 г., когда Иванъ Калита отказываетъ своей дочери Фетиньѣ „матери ее монисто ново. что есмь сковалъ.“.

Верейскій князь Михаилъ въ 1486 г. тоже отказываетъ своей дочери: на манистѣ икона животворящаго древа окована золотомъ съ зерны съ великими да тринадцать хрестцевъ золотыхъ съ великими зерны то и съ иконами...

Волоцкая княгиня Іуліанія (1503 г.) отказываетъ своей внукѣ Овдотьѣ изъ дочерниша приданаго: манисто большое золото... да манисто на гайтанѣ: четыре кресты золоты, да четыре иконы золоты, да три кресты камены съ золотомъ да восемь пронизокъ золотыхъ...

Около тогоже времени первовѣнчанный московскій князь, внукъ Ивана Вас., Димитрій († 1509 г.) въ своей духовной обозначаетъ хранящіяся въ его казнѣ: манисто золото *лѣска*...

(Сравн. четки — *лесенки*, Матер. № 38) да манисто со кресты и иконы и пронизки...

На манистѣ казны царицы Шуйской было: икона золота Пр. Бцы, 5 крестовъ золотыхъ съ каменьи и жемчуги и 8 пронизокъ золотыхъ. Въ той же казнѣ хранилось монисто золото на чѣпочкѣ золотой. Въ „книгахъ царицы Евдокіи Лук. Мастерскіе Палаты крестомъ и *манисту* и судамъ и платью и иной казнѣ“, царицыно манисто описано слѣдующимъ образомъ:

Ящикъ оболочен бархатомъ червчатымъ, а въ немъ маниста да кресты съ мощми, которыми благословила царицу и в. к. Евдокѣю Лукьяновну великая государыня инока Марѳа Ивановна. Манисто чепочка золота звенчата, у чепочки наконечники золотыхъ рѣзь грани съ черные, а на чепочкѣ *въ манистѣ* на гайтанѣ понагѣя золота на четыре углы въ ней яхонтъ лазоревъ, на яхонтѣ рѣзь Спасовъ образъ Вседержителя, по полямъ 2 яхонта червчаты да два изумруда; на переди на главѣ рѣзь херувимъ, а на другой сторонѣ рѣзь великомученикъ Димитрей, навожено чернью; подъ главою въ закрѣпкѣ по концомъ два зерна гурмыцкихъ. (И 135 г. маія въ 3 д. сеѣ понагѣю взяла царица и в. к. Евдокѣя Лукьяновна къ себѣ въ хоромы. 136 г. апрѣля въ 12 д. сеѣ понагѣю выдала отъ царевны (Ирины) изъ хоромъ на гайтанѣ шолковомъ червчатомъ боярыня княгиня Марья Хованская, а сказала, что царица и в. к. Евд. Лук. *благословила* тою понагѣею царевну и в. к. Ирину Михаиловну и велѣла ее держать въ царевниныхъ казнѣ. Да съ тоюжъ понагѣею княгиня Марья Хованская выдала отъ царевны изъ хоромъ двѣ *прониски* корольновые, одна бѣла, а другая червчета, а велѣла ихъ положить съ понагѣею вмѣстѣ). Два *креста* золоты съ мощми, въ нихъ животворящее древо Господне, на крестѣхъ Распятія Господня золоты литые; у крестовъ въ гнѣздѣхъ по два яхонтика лазоревыхъ да по два лала да по изумруду, около крестовъ обнизано жемчугомъ большимъ; у главъ въ закрѣпкахъ по концамъ по 4 зерна гурмыцкихъ, а въ крестѣхъ по подписямъ мощей: мощи Ивана Предотечи, древо животворящее, мощи Іякова Перского, мощи мученика Прова, мощи архидіакона Стефана, мощи мученика Артемія, мощи преподобнаго Стефана Новаго, мощи Павла Исповѣдника, мощи мученика Еустратія, мощи мученика Ивана Новаго. (И 136 г. апрѣля въ 29 д. изъ сихъ крестовъ крестъ золотъ съ каменьи и съ жемчуги взяла царица и в. к. Евдокѣя Лукъяновна *благословить* дщерь свою царевну и в. к. Пелагѣю Мих.) *Крестъ* золотъ на немъ Распятіе Господне вольячное, у креста въ гнѣздѣхъ 3 яхонта лазоревы да яхонтъ червчатъ, да лалъ; около креста обнизано жемчюгомъ, назади рѣзь: снятіе Господне со креста. *Крестъ* золотъ рѣшетчатъ, на немъ распятіе Господне литое, на главѣ Спасовъ Нерукотворенный образъ; да на крестѣ въ гнѣздѣхъ 4 яхонта лазоревы, около креста жемчюги на спняхъ да бирюзки въ гнѣздѣхъ, а назади бирюзкижъ въ гнѣздѣхъ да подпись по гречески. *Крестъ* золотъ съ мощми, на немъ Распятіе Господне литое, въ крестѣ

3 яхонта лазоревы да лалъ, около креста обнизано женчюгомъ на главѣ Спасовъ Нерукотворенной образъ, въ закрѣпкахъ по концамъ по женчюгу; а въ крестѣ но подписи мощей: риза Александра Сверскаго чюдотворца, мощи Пантелѣймана, перстъ святаго Марка и иныхъ многихъ святыхъ мощи. *Крестъ* золотъ съ мощми, на немъ Распятіе Господне литое на главѣ рѣзь: Нерукотворенный образъ Господень, да на крестѣжъ въ четырехъ гнѣздѣхъ яхонты лазоревы, а назади у креста Предтечевъ образъ литой, да рѣзныхъ образовъ Ивана Богословъ, Никола чудотворецъ, святый мученикъ Георгій, святая мученица Ульяния.

Да на манистѣжъ промежъ понагѣй и крестовъ на гайтанѣ двѣ пронискп золоты рѣшетчаты да двѣ королковые бѣлые, да двѣ королковыежъ червчаты, да прониска яшмовая зелена. И 135 г. марта въ 28 д. съ сего маниста золотую чепочку государыни царица и в. к. Евд. Лук. взяла къ себѣ государынѣ въ хоромы. Да маія въ 3 д. съ сегожъ маниста государыня царица взяла двѣ прониски королковыя. (138 г. мая 3, съ сего царицына маниста золотую чепочку съ наконечники, которая была во 135 г. съ тогожъ маниста снята, выдала отъ царицы изъ хоромъ боярыня Катерина Бутурлина, а велѣла на нее положить царицыно манисто по прежнему).

Изъ этой описи мы видимъ, что въ собственномъ значеніи монистомъ называлась снизка иконъ, крестовъ и пронизокъ и что цѣпочка, какъ и шелковый гайтанъ — снуръ, представляли только составную и разумѣется необходимую его часть. Въ самомъ заглавіи описи крестамъ и манисту, кресты указаны отдѣльно по той только причинѣ, что послѣ крестовъ маниста описывается еще нѣсколько крестовъ, хранившихся особо. Впрочемъ въ концѣ XVII ст. монистомъ называлась снизка бусъ, жемчугу или металлическая цѣпочка съ крестомъ, — который носили на этой снизкѣ или цѣпочкѣ. Само собою разумѣется, что иногда такихъ снизокъ и цѣпочекъ носили съ крестомъ по нѣскольку, а въ древности даже и мущины. Въ 1147 г. „бьюче Кіяне Михаила, отторгоша хрестъ на немъ и съ *чепьми*, а въ немъ гривна золота“ (Ип. 34). Въ XVII ст. у царевны Ирины Мих. находимъ „крестъ золотъ литое дѣло и три цѣпи золоты *воротные*.“ Были ли носимы *воротныя* цѣпи, какъ простое ожерелье, безъ креста, неизвѣстно.

Замѣтимъ въ заключеніе, что на свадьбахъ монистомъ или панагіею по обычаю благословляла новобрачную родная мать. Царицу Евдокѣю, какъ видѣли, монистомъ благословила ея свекровь, инока Мареа Ив. — Должно также упомянуть, что упомянутыя выше корольковыя пронизки на гайтанѣ мониста, принизывались къ монисту не безъ особой цѣли. Въ старинныхъ

лѣчебникахъ о корольках между прочимъ говорится: аще который человѣкъ на манистѣ кралки носитъ, того колдованіе и иное никакое вѣдовство неиметъ; а какъ тотъ человѣкъ позанеможетъ, то кралки красные бѣлѣти станутъ, а какъ поздоровѣетъ тотъ же человѣкъ, такъ кралки опять станутъ черны.. Отъ тѣхъ же кралковъ духъ нечистый бѣгаетъ, понеже кралекъ крестообразно растетъ".

Ожерелье. Именемъ *ожерелья* (отъ слова горло, жерло) обозначался шейный нарядъ или уборъ, состоявшій собственно изъ атласнаго и рѣдко другой шолковой ткани, низаннаго жемчугомъ, стоячаго воротника. Отъ мужскаго подобнаго же ожерелья оно отличалось лишь своею длиною, также характеромъ низанья и другихъ украшеній. Мужское низалось обыкновенно въ шахматъ, а женское во—реѳидь. Шириною такое ожерелье бывало не болѣе 3 вершковъ и кроилось во всю ширину атласнаго полотнища (отъ 8 до 12 верш.). Эта лента ставилась на александрійскую (картузную) бумагу и подкладывалась киндякомъ, а по немъ алою тафтою, вѣроятно по настилкѣ изъ хлопчатой бумаги. Къ платью оно прикрѣплялось посредствомъ шелковаго *мутовыся* или мутовоза, особой вздержки, которая сплеталась по нижнему его краю. Напереди ожерелье застегивалось богатыми пуговицами. Его носили какъ стоячій воротникъ; рис. I, II; но располагали также около шеи и нѣсколько отклонно къ плечамъ; причемъ, разумѣется оно и выкраивалось иначе, въ нижней части шире, чѣмъ въ верху, въ самой горловинѣ. Рис. IV, 7; VII, 4.

Въ 1328 г. Иванъ Калита въ числѣ золота отказалъ своей дочери Фетиньѣ *ожерелье,* не обозначивъ подробно, какое оно было; а двумъ меньшимъ дочерямъ Марьѣ и Ѳедосьѣ отдалъ нарядъ съ двухъ своихъ кожуховъ съ аламы съ женчугомъ — на ожерелье. Князь Верейскій, 1486 г., отдаетъ дочери ожерелье съ великими яхонты, сажено съ зерны съ великими; другое ожерелье пристежное съ передци низано.

Кн. Волоцкая, 1503 г., отказываетъ сыну своему Ивану ожерелье сожено съ пугвицами съ большими, а своей внучкѣ Овдотьѣ ожерельѣ сожено, а исподней рядъ снизонъ да 4 у него пугвицы жемчужны...

Въ казнѣ князя Димитрія Ив. († 1509) находились: „ожерелье на цкахъ на золотыхъ розрушано съ яхонты и съ жемчуги и

съ плохимъ каменьемъ въ 13 жеребьѣхъ и съ придѣльными жеребьи; да ожерелейцо сажоно жемчугомъ гурмыскимъ и новогородцкимъ.

Описанія ожерелій цирицъ XVII ст. мы не встрѣчаемъ по той причинѣ, что ихъ *низанье* сохранялось всегда въ ларцахъ и шкатулахъ за хоромною печатью и не поступало въ руки дьяковъ для описи.

У царевны Ирины М. было ожерелье: по цкѣ серебреной золоченой низано жемчугомъ рогатымъ большимъ; въ ожерельѣ межъ жемчугу 20 изумрудовъ въ золотыхъ гнѣздѣхъ; у ожерелья 6 пугвицъ зерна гурмыцкіе большіе на золотыхъ спияхъ; у пугвицъ въ закрѣпкахъ 3 яхонты лазоревы да 3 лалы въ золотыхъ ногтяхъ, подложено тафтою алою.

Болѣе употребительный узоръ низанья ожерелій, особенно во второй половинѣ XVII ст., былъ рефидь, или арефидь, рис. III, 2; V, 4.

Приводимъ нѣсколько описей женскихъ ожерелій изъ свадебныхъ рядныхъ записей XVII ст.; — 1643 г. Ожерелье жемчужное низано в-реѳидь пугвицы золотые цѣна 150 р., другое ожерелье—обнизь пугвицы серебреные позолочены цѣна 70 р.— 1667 г. Ожерелье жемчужное обнизь пугвицы золоты съ искрами яхонтовыми.—1674 г. Ожерелье жемчужное большое низано в-реѳить съ пуговицы; другое ожерелейцо малое пришивное съ каменьемъ. — 1677 г. Ожерелье жемчужное низано в-реѳидь пугвицы золотые съ яхонтовыми и съ изумрудными искрами и съ зерны бурминскими; ожерелье уское съ изумруды и съ зерны каѳимскими, у него три пугвицы лалъ да изумрудъ да яхонтъ съ зерны бурминскими.

Ожерелья—воротники составляли наиболѣе богатый и видный уборъ этого рода, по той причинѣ, что обнизанныя жемчугомъ, а нерѣдко и каменьями, представляли въ убранствѣ больше узорочья, чѣмъ ожерелья простыя, низанныя въ снизку на нитяхъ. Закрывая высоко шею и грудь, онѣ кромѣ того въ полной мѣрѣ отвѣчали требованіямъ постническаго идеала не раскрывать обольщеній женской красоты, а потому и составляли самый употребительный и обычный нарядъ не только для женщинъ, но и для дѣвицъ, которыя разумѣется употребляли и простыя снизки жемчугу на нитяхъ, пользуясь свободою открывать по крайней мѣрѣ хотя одну шею. У царевны Анны М. находимъ

два такихъ ожерелья, одно зерна гурмыцкіе, другое — жемчугъ рогатый большой.

Серьги. Обыкновенная, наиболѣе употребительная и вѣроятно самая древнѣйшая форма серегъ состояла изъ кольца, вдѣваемаго въ ухо, къ которому прикрѣплялась висящая булавка или *спень* съ надѣтымъ на него дорогимъ камнемъ, всегда просверленнымъ для этой цѣли, ибо въ древности иначе неумѣли укрѣплять камни въ подобныхъ случаяхъ. Конецъ спня, остававшійся ниже камня, украшался кромѣ того двумя большими жемчужными зернами, точно также надѣтыми на спень одно къ другому. Взамѣнъ зеренъ ставились и золотые *бубенчики* (бусы дутыя), а также *каточки* (бусы литыя). Это были серьги *одинцы*, *одиначки*. Иногда такимъ же образомъ укрѣплялись два камня на двухъ спняхъ, тогда серьги назывались *двойчатыми*, двойчатками, *двоечками*, *двоинками*; если три — *тройчатыми*, тройнями.

Серьги — *лапки* назывались такъ, если ушное кольцо къ низу устроивалось въ видѣ лапки. Въ лапки вставлялись жемчужины или дорогіе камни.

Серьги——*колты*, серьги колодкою, состояли изъ ушнаго кольца, которое въ нижней части оканчивалось различной величины и различной формы бляхою, кубоватою, круглою, овальною, или на -углы, также сѣнчатой, островерхой и т. п., что собственно и называлось *колтомъ* (колодка, брусокъ). Къ этому колту снизу прикрѣплялись *подвѣски* изъ жемчужныхъ зеренъ, а самый колтъ всегда украшался финифтью или каменьями. У древнѣйшихъ серегъ на такихъ колтахъ изображались финифтью птицы, звѣри, сирены, львы, цвѣтки и т. п.

Серьги—*запаны* состояли изъ ушнаго кольца, и прикрѣпленной къ нему запоны разнаго вида. Запаною называлась вообще бляшка въ видѣ репья, у которой въ срединѣ ставился дорогой камень, бо́льшаго размѣра, а вокругъ его нѣсколько камней меньшихъ, или же нѣсколько искоръ. Внизу запаны почти всегда ставились три привѣски изъ жемчужинъ или изъ золотыхъ бусъ съ алмазами. Такія серьги составлялись иногда изъ нѣсколькихъ запанъ разной величины, которыя отдѣлялись другъ отъ друга золотыми съ каменьями привѣсочками съ жемчужинами по концамъ.

И запаны, и колты, и каменья всегда украшались разнообразными привѣсками, каточками, трубочками, чепочками, репьями и т. п., которыя размѣщались по желаемой формѣ или образцу. Упоминаются серьги *орлички* или *орлики*, называемыя такъ по фигурамъ орловъ, служившимъ привѣсками. По свидѣтельству Флетчера обыкновенная длина серегъ бывала въ 2 дюйма и больше; но вообще тогда любили носить серьги длинныя.

Перстни—жиковины. Въ духовной в. к. Димитрія († 1509) именемъ перстней обозначены жиковины: „а перьстней моихъ золотыхъ: напалокъ да 14 жиковинъ съ лаломъ и съ яхонтцомъ и съ берюзами и жемчужки и съ переѳтми (перелефть, халцедонъ) и съ плохимъ каменьемъ. Тамъ же упомянуты двадцать и три жиковины *женскихъ* золоты съ яхонтцы и съ лалцы и съ изумруды и съ жемчушки и съ плохимъ каменейцомъ“. Семнадцать жиковинъ золотыхъ отказываетъ своей дочери кн. Верейскій въ 1486 г.

Именемъ жиковины въ XVII ст. обозначалась большая дверная петля, вырѣзная въ видѣ лапокъ жука или вообще въ формѣ, сходной съ цѣплястою лапою какого либо подобнаго насѣкомаго. Такимъ образомъ можно полагать, что жиковиною называлось кольцо съ дорогимъ камнемъ, который былъ укрѣпленъ во вставкѣ или въ гнѣздѣ посредствомъ какой либо цѣплястой фигуры, охватывавшей его подобно лапкамъ жука. Въ XVII ст. при описаніи подобныхъ перстней такой способъ укрѣпленія камней, обозначался такъ: гнѣздо (съ алмазомъ) въ ноктяхъ, или въ ноктяхъ яхонтъ синь къ верху островатъ. Но точно также жиковиною могъ обозначаться перстень древнѣйшаго устройства, который дѣлался не сплошнымъ слитымъ кольцомъ, а кольцомъ—согнутымъ или обогнутымъ около пальца, такъ что концы этой огиби, приходившіеся съ исподней стороны, охватывали палецъ подобно лапкамъ жука или когтямъ птицы.

Кромѣ того извѣстно, что у египтянъ, а потомъ и у древнихъ грековъ жукъ имѣлъ символическое значеніе, и очень нерѣдко изображался на перстняхъ. Эти перстни — скарабеи устроивались обыкновенно такъ, что рѣзная въ видѣ жука печатка изъ дорогаго камня или металла вставлялась въ кольцо на вертлюгахъ или осяхъ, которыми служили концы самаго кольца. Вставка съ верхней стороны изображала фигуру жука, а съ исподней на ней вырѣзывалась печатка, т. е. какіе либо знаки, іероглифы

или какое либо изображеніе. Перстень по верхнему изображенію жука именовался вообще скарабеемъ. Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ указаніямъ *жукомъ*, *жуковиною* обозначалась вообще выпуклая часть чего либо, напр. на плоскости въ родѣ сука, суковины. Жуковиною называется выпуклая округлая часть верхней доски отъ распиленнаго бревна, въ отличіе отъ плоской, которая называется запилёнкомъ. Жучками назыв. особыя косточки на гладкой кожѣ нѣкоторыхъ рыбъ, у осетра, стерляди и т. п. Жуки—особые металлическіе выпуклые рѣпьи, *исподники*, родъ небольшихъ ножекъ, придѣлываемыхъ по угламъ къ нижней доскѣ переплета на книгахъ напрестольныхъ евангелій. Такимъ образомъ „жиковиною" на самомъ дѣлѣ могла обозначаться различнаго вида выпуклая бляшка, составлявшая необходимую принадлежность перстня, который тѣмъ и отличался отъ простаго кольца.

Что царицы носили перстни, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться; къ сожалѣнію особаго описанія ихъ перстней намъ не встрѣтилось. Имѣемъ только описи перстней царевенъ, гдѣ въ числѣ ларечной кузни царевны Анны Мих. (см. опись ея шкатулы, т. I, Матер.) обозначено 14 перстней; въ казнѣ царевны Ирины М. хранилось 25 перстней; но къ обозрѣнію казны царевенъ мы еще возвратимся въ своемъ мѣстѣ. Въ 1614 г. въ государеву казну поступило изъ *Маринкины* рухляди, присланной изъ Астрахани, 10 перстней, въ томъ числѣ: 1—съ яхонтикомъ червчатымъ. около его искорки алмазные, цѣна 8 р.; 2—съ звѣздою и камышки алмазными, 20 р.; 3—съ чернью о семи алмазцахъ, 15 р.; 4—четвероуголенъ о четырехъ алмазцахъ, 20 р.; 5 и 6 съ яхонтомъ лазоревымъ, одинъ граненъ островатъ; другой гладокъ продолговатъ, цѣна по 3 р.; 7—съ финифтомъ съ бѣлымъ въ немъ яхонтикъ лазоревъ, 4 р.; 8—о шести алмазцахъ, 12 р.; 9—съ чернью и съ яхонтомъ лазоревымъ, 2 р.; 10—съ бирюзою, цѣна 1 р.

Перстни, серьги и другіе подобные предметы конечно хранились въ футлярахъ или особыхъ коробочкахъ, которыя и изготовлялись, смотря по надобности. Такъ въ маѣ 1692 г. царицѣ Наталіи Кир. было сдѣлано шесть *перстневиковъ*, длиною по 4 вер., въ ширину 1½ вер., съ выдвижными ящики; три *коробочки сережныя* длиною и ширинею по 2½, а вышиною по 1. верш., съ лица оклеенныя бархатомъ краснымъ, внутри тафтою, по краямъ серебрянымъ галуномъ.

Кромѣ перстней, къ золотымъ нарядамъ рукъ, именно ручной кисти, принадлежали *обручи*, *запястья* и *зарукавья*, соотвѣтствовавшіе нынѣшнимъ браслетамъ. *Обручи*, состоявшіе собственно изъ золотой и вообще металлической проволоки, болѣе или менѣе толстой, гладкой или свитой вдвое, втрое и т. д., были самою древнѣйшею формою такого наряда: покрайней мѣрѣ, въ отношеніи ихъ названія, они указываютъ такую древность, которая превосходитъ древность *обруча* уже въ переносномъ его значеніи, какъ связки для разной деревянной посуды, напр. бочекъ, кадокъ и т. п. Очень естественно, что и употребленіе обручей мы встрѣчаемъ въ болѣе старое время, чѣмъ описываемая нами эпоха. Такъ въ XIV в. они, по видимому, были еще очень любимымъ нарядомъ. Въ 1328 г. Калита отдаетъ своей дочери Фетиньѣ, изъ *золота* ея матери, 14 обручи. Княгиня Волоцкая въ 1503 г. отдаетъ своей внукѣ уже только три обручи золоты, а своей снохѣ два обруча золоты. Затѣмъ въ XVII ст. объ обручахъ уже не поминается; ихъ замѣняютъ зарукавья и запястья, да и тѣ, сравнительно съ другими нарядами, въ видѣ браслетъ употребляются очень рѣдко. Быть можетъ большимъ и меньшимъ употребленіемъ этой части наряда рисуется самый переходъ женскаго быта отъ большей свободы общественнаго положенія женской личности къ большей его замкнутости, даже и въ отношеніи одежды. Болѣе открытая одежда требовала, конечно, и въ большей мѣрѣ такихъ нарядовъ, какъ обручи—браслеты; напротивъ того, когда одежда становилась—покровомъ постничества, то оказывались излишними и разныя ея принадлежности, возвышавшія красоту открытую.

Что касается *запястій*, то этимъ словомъ очень рѣдко обозначаются браслеты, въ родѣ обручей. Запястьемъ называлась у всякой одежды конечная часть рукава, противоположная *коренюю*, по той вѣроятно причинѣ, что она покрывала запястье руки, т. е. не только верхнюю часть ручной кисти, но и верхнюю ея сторону, противуполагаемую ладони. На такое значеніе запястья указываетъ кройка рукавицъ, у которыхъ исподы полагались въ ладоняхъ изъ бѣличьяго мѣха, а запястья изъ собольяго; у холодныхъ рукавицъ *запястья*, собственно поверхность рукавицы надъ запястьемъ или вся поверхность кисти богато украшались золотымъ шитьемъ. У нѣкоторыхъ одеждъ, особливо у мужскихъ, запястья (обшлага) также украшались

или кружномъ или шитьемъ и низаньемъ и даже дорогими каменьями, какъ напр. у царскихъ становыхъ кафтановъ. Въ женской одеждѣ подобнымъ образомъ украшались запястья верхнихъ сорочекъ. Прямыхъ извѣстій о томъ, что подобныя запястья носились на рукахъ отдѣльно отъ одежды, мы не имѣемъ. Запястье, упоминаемое въ духовной кн. Верейскаго 1486 г. и принадлежавшее къ ожерелью съ передци (тогожъ ожерелья запястье великимъ жемчугомъ низано) есть, по всему вѣроятію, жемчужный спорокъ съ какой либо одежды, какъ и самое это ожерелье. О такомъ же запястьѣ упоминаетъ въ своей духовной и княгиня Волоцкая, 1503 г.—ожерелейной жемчугъ и передцевой и съ запястьемъ. Запястья съ значеніемъ браслетъ, т. е. носимыя не на рукавахъ только, а на рукахъ, назывались по большой части *зарукавьями*, какъ уборъ, котораго мѣсто на рукѣ было за рукавомъ, по конецъ рукава. Отъ *обручей* такіе браслеты отличались тѣмъ, что состояли изъ цѣпочки болѣе или менѣе широкой, или собственно изъ нѣсколькихъ звенъ, соединенныхъ цѣпочками или петельками, между тѣмъ какъ обручи дѣлались изъ цѣльной проволоки кольцомъ, и могли разниматься развѣ только посредствомъ вертлюга (шолнера), что вошло въ употребленіе уже впослѣдствіи.

Богатыя зарукавья и запястья—браслеты находимъ въ царской казнѣ Шуйскихъ, Матер. № 19. У царевны Ирины было: *зарукавье*—двѣ чепочки золоты звенчаты навожены чернью: у зарукавья въ гнѣздѣхъ 10 алмазцовъ граненыхъ да 10 зеренъ жемчужныхъ. Подъ это зарукавье для храненія сдѣланы двѣ *колодки*, обшиты тафтою алою, родъ футляровъ, на которые зарукавья надѣвались.

Въ описи казеннаго государева Двора 1663 г. упоминаются: *зарукавье* золото съ алмазы и съ черчеты яхонты, а въ нихъ 16 мѣстъ, цѣна 70 руб.; челомъ ударилъ греченинъ Петръ Богдановъ, 168 г. іюл. 13; *зарукавье* золото съ каменьи съ искры яхонтовыми червчаты, а въ нихъ 39 мѣстъ, а одного мѣста нѣтъ. Въ описяхъ частнаго женскаго имущества находимъ: 1674 г. зарукавье низаное по цкѣ съ каменьемъ; 1677 г. зарукавье золотое съ яхонты; зарукавье жемчужное; 1681 г. зарукавье низаное жемчужное и съ каменьемъ.

Дорогія *булавки*, которыми закалывали на головѣ убрусы и съ этою цѣлью употребляли и въ другихъ уборахъ, упомина-

ются еще въ концѣ XV ст. съ именемъ *занозокъ*. Въ 1489 г. князь Верейскій отказываетъ своей дочери между прочимъ „трои заноскы золоты“. Въ царской казнѣ начала XVII ст. описаны: 3 булавки зерна гурмыжскіе на золотыхъ спняхъ большіе скатные; 4 булавки зерна невелики гурмыжскіежъ, три на золотѣжъ, а четвертая на серебрѣ“. Булавка такимъ образомъ состояла или изъ одного *спня*, какъ заноза, или изъ спня съ жемчужною головкою. Простыя булавки назывались кажется *пелепелками*, и собирательно *пелепеломъ*, Матер. №. 65. [1].

Въ духовной в. к. Дмитрія († 1509) упоминается 11 *запонокъ* съ переперы съ яхонты и съ лалы и съ жемчугомъ и съ плохимъ каменьемъ, которыя по всему вѣроятію были ничто иное, какъ булавки.

Всѣ описанные предметы назывались общимъ именемъ *кузнью*, потому что были металлическіе, кованые; также *низаньемъ* и *саженьемъ*, потому что были жемчужные, такъ какъ въ низанье и саженье употреблялся одинъ лишь жемчугъ и небольшою частію дорогіе самоцвѣтные каменья, или просверленные или же утвержденные въ гнѣздахъ съ ушками.

Ларецъ, въ которомъ все это сохранялось, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и уборнымъ ларцемъ, вполнѣ замѣнявшимъ для нашихъ прабабокъ уборный столикъ. Въ такомъ ларцѣ, величина котораго была различна, смотря по богатству и широтѣ потребностей, въ верхней кровельной его доскѣ устраивалось иногда и зеркало; но большею частію зеркала дѣлались въ особыхъ металлическихъ же влагалищахъ—футлярахъ, бывали небольшія, вершка въ 3 и 4 или меньше и больше, и всегда съ закрышкою, т. е. всегда закрывались створкою своего футляра. Если же такое зеркало было вставлено только въ ободу, въ рамкѣ, то во всякомъ случаѣ его хранили тоже во влагалищѣ суконномъ или бархатномъ.

---

[1] Въ Серебряной Палатѣ состояли особые мастера *переперщики*, *пелепелщики*, изъ которыхъ въ концѣ XVII ст. былъ извѣстенъ Матвѣй Даниловъ, получавшій въ годъ окладу 7 руб. жалованья и кормовыхъ по 6 денегъ на день. Въ 1661 г. переперщикомъ былъ Игнашка Ѳед. прозвищемъ Серебрянникъ, которому дек. 16 дано дѣлать 1000 серебряныхъ пелепелковъ. Въ 1658 г. авг. 25 Грузинскому царю къ коретѣ употреблено пелепелковъ золоченыхъ 3¼ золотника, въ покупкѣ за золотникъ по 8 алт. 2 д.

О различныхъ уборныхъ принадлежностяхъ мужскихъ и женскихъ, мы достаточно говорили въ первой части Д. Быта Царей, глава II, и въ Матеріалахъ помѣстили нѣсколько описаній. Здѣсь въ дополненіе упомянемъ, что въ уборномъ ларцѣ, кромѣ бѣлилъ, румянъ, сурмилъ и клею для подклепванья волосъ, особенно бровей, сохранялись, по всему вѣроятію, и различныя другія снадобья, необходимыя для возвышенія всяческаго тѣлеснаго благолѣпія и красоты, какъ то: умыванья, ароматы или водки (духи), балсамы (помады), и т. п. Въ царскомъ быту такіе составы изготовлялись обыкновенно въ аптекарской палатѣ, смотря по надобности, по рецептамъ царскихъ врачей. Но нѣтъ сомнѣнія, что простыя не слишкомъ замысловатыя снадобья, особенно умыванья, готовились также и домашними лѣкарками, *комнатными бабками*.

Старинные „Прохладные или избранные *Вертограды*, изысканные отъ многихъ мудрецовъ о различныхъ врачевскихъ вещахъ“; или врачевскія книги, лѣчебники, даютъ много совѣтовъ, какъ и чѣмъ наводить благолѣпіе и свѣтлость лицу, глазамъ, волосамъ и всему тѣлу. Всѣ они конечно вмѣстѣ съ переведенными лѣчебниками, приходили къ намъ изъ средневѣковой Европы и тамъ значительною долею заимствованы еще отъ античной древности; но должно полагать, что отъ той же древности, чрезъ посредство Византіи, иное изъ этихъ совѣтовъ было и намъ извѣстно задолго до появленія въ нашей письменности упомянутыхъ Прохладныхъ Вертоградовъ. Силы естества въ растительномъ и минеральномъ царствѣ были знакомы и нашимъ доморощеннымъ вѣдунамъ и знахарямъ, а по женской части—вѣдуньямъ и знахаркамъ, которыя, какъ мы уже и видѣли, стр. 538 и слѣд., сохраняли много способовъ и средствъ нравиться даже тайныхъ, въ собственномъ смыслѣ вѣдовскихъ.

Простыя средства пріобрѣтать красоту всѣхъ родовъ и видовъ были дѣломъ самымъ обычнымъ и потому, быть можетъ, такъ мало намъ извѣстны; ибо не было никакой надобности записываньемъ сохранять объ нихъ память. Такъ, изъ лѣчебниковъ и изъ доморощенной практики наши допетровскія красавицы должны были знать, что *овсяная* мука, смѣшанная съ добрыми бѣлилами и вареная въ водѣ доставляла умыванье отъ коего лицо бывало бѣло и свѣтло;—*ячмень* толченый безъ мякины, вареный въ водѣ до великія клеести, потомъ выжатый сквозь платъ, доставлялъ умыванье (въ видѣ теплой воды) отъ

загара. *Сорочинское пшено*, варено въ водѣ, выводило изъ лица сморщенье. Вода изъ *бобоваго цвѣта*, равно и изъ бобовой травы, когда ею умывали лице и тѣло, всякую нечистоту выгоняла, придавала тѣлу гладкость и свѣтлость. Тоже производили и бобовыя скорлупы, вареныя въ водѣ до клея. *Мука бобова*, мелко толчена (пудра), если потирать ею тѣло, какимъ обычаемъ нибуди, лице и тѣло ставила гладкимъ. Сѣмя *дынное*, варено въ водѣ, давало умыванье для лица и рукъ, отчего тѣло бывало чисто и бѣло. Сѣмя дынное, высушенное на солнцѣ, толчено безъ чешуи мелко, смѣшано съ мукою бобовою, или ячменною, или пшеничною на гулявной водкѣ (розовой водѣ) въ видѣ пресночка (лепешки), высушенное потомъ на солнцѣ, доставляло особый родъ мыла, отъ котораго, при умываньи лица и рукъ, тѣло становилось свѣтлымъ и всякая нечистота и лишаи пропадали. Вода изъ дубоваго листвія, какъ умыванье, тоже очищала все тѣло и доставляла ему свѣтлость. Вода изъ *зори*, какъ умыванье, сгоняла нечистоту съ лица и угри черные и прыщеватые, и свѣтлость наводила. Къ тому же служилъ сокъ корения травы *бедренца*, отъ котораго лице дѣлалось чисто и молодо. Вода изъ травы *иссоповы*, какъ умыванье и питье, давала лицу свѣтлость; иссопъ въ винѣ наводилъ лицу благолѣпіе. и т. п. Всякія подобныя травы въ достаточномъ количествѣ разводились въ царскихъ садахъ, московскихъ и подмосковныхъ, а также и въ аптекарскихъ огородахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ садахъ, по совѣту тѣхъ же врачевскихъ Вертоградовъ, собиралась дѣвицами съ цвѣтовъ роса, которая тоже доставляла лицу свѣжесть и свѣтлость. „Платомъ чистымъ, говоритъ Вертоградъ о рябомъ и угреватомъ лицѣ, сбирать росу съ цвѣту колосовъ пшеничныхъ зеленыхъ и съ цвѣтовъ всякихъ, и платъ выжимай (собирая воду), и тою росою умывать лице, чисто будетъ.

По совѣтамъ врачевскаго Вертограда многое благолѣпіе доставляли также пряныя зелья. Онъ говоритъ между прочимъ: кто часто *корицу* въ брашнѣ пріемлетъ, у того блѣдность изъ лица выведетъ и благолѣпостенъ станетъ. также темность очную сгонитъ и свѣтлость творитъ; *гвоздика* часто пріята — очамъ свѣтлость наводитъ; *мушкатный орѣхъ* на тощее сердце пріятъ утре (полорѣха) благолѣпіе лицу наводитъ; *перецъ* еѳіопской, аще во ртѣ жуемъ, благовоніе рту наводитъ и смердящей духъ отгонитъ; *шафранъ* пріятъ въ питіи благолѣпіе лицу наводитъ и

сердце укрѣпляетъ, и т. п. Всѣ такія пряности, какъ извѣстно, и въ дѣйствительности употреблялись въ допетровское время въ большомъ количествѣ во всякаго рода брашнахъ и снѣдяхъ и во всякихъ питьяхъ, въ водкахъ, медахъ, винахъ. Въ XVII ст. напр. во всеобщемъ употребленіи былъ аптекарскій „сыропъ коричной", равно и *коричная водка* (вода), такъ какъ самымъ употребительнымъ лѣчебнымъ (предохранительнымъ), средствомъ была *водка апоплектика*, ароматическо-спиртуозная вода, въ составъ которой, кромѣ разныхъ сильно духовитыхъ, пряныхъ растеній, входили главнымъ образомъ *духъ*, т. е. спиртъ гладышевъ, коего шло около ½, и водка гуляфная, около ⅓; и которая по этому употреблялась и вообще какъ благовоніе для тѣла, ибо ею мыли голову.

Словомъ сказать благовонныя, ароматическія и спиртуозныя воды различнаго состава во дворцѣ и особенно на женской половинѣ были въ большомъ употребленіи, какъ это видно по краткимъ указаніямъ рецептовъ напр. для царевенъ Екатерины Ал., Евдокіи Ал., и др. [1]. Такія воды и водки хранились у царевенъ въ особыхъ *погребчикахъ*, ящикахъ и коробочкахъ. Въ 1685 г. дек. 15 въ хоромы царевны Ѳеодосіи Ал. велѣно сдѣлать два погребчика къ 32 сулейкамъ (скляницамъ) измайловскаго дѣла, одинъ на четыре грани, другой на шесть граней о 16 мѣстахъ, гдѣ быть сулейкамъ.

Въ казнѣ царевны Ирины хранились: шкатула деревеная нѣмецкое дѣло, писана золотомъ, съ замкомъ, а въ ней 8 скляницъ на аспидное дѣло, у скляницъ шурубцы (пробки — завертки) оловянные. Шкатулка оклеена бархатомъ червчатымъ, оправлена серебромъ, въ ней 5 скляницъ шурупы серебрены, *араматникъ* золотъ съ *балсаны*, навоженъ финифты розными, на верху ниже кольца въ закрѣпкѣ 8 алмазцовъ да въ стоянцѣ 12 искорокъ алмазныхъ. *Араматникъ* золотъ съ финифты съ розными, привязка золото съ серебромъ. У царевны Софьи Ал. былъ также *араматникъ* алмазной. Кромѣ того: *шкатула* оправлена волоченымъ и сканнымъ серебромъ сдѣлана изъ благоуханнаго дерева съ зеркаломъ и съ двемя ящики; въ той же шкатулѣ ящикъ серебряной съ камешки, да блюдечко да малой ящикъ. *Погребецъ* деревянной, оправленъ серебромъ, въ немъ 6 скляницъ, 2 достокана хрустальные.

[1] Исторія медицины въ Россіи т. II. 169, 207.

Совсѣмъ убранная, наряженная и изукрашенная красота покрывала свое лицо *фатою*, тонкимъ сквознымъ покрываломъ огненнаго цвѣта, какъ замѣчаетъ Рейтенфельсъ, чрезъ которое можно было все видѣть и самой быть видимой. Флетчеръ говоритъ. что такое покрывало употреблялось особенно лѣтомъ и состояло изъ тонкаго бѣлаго полотна или батиста, было густо унизано дорогимъ жемчугомъ и завязывалось у подбородка съ двумя длинными висящими кистями. Фатою вообще назывался большой четыреугольный платъ—покровъ, сшитый изъ самой легкой ткани, каковы были напр. выбойки турскія и индѣйскія, миткали арабскіе, камки индѣйскія, бязи и т. п. Она бывала и цвѣтная, т. е. набивная разными цвѣтами, разноцвѣтная, и одноцвѣтная, алая, синяя, но больше бѣлая, нерѣдко полосатая. Напр. синя полосы бѣлы, полосата розные шолки. Въ 1645 г. у царевны Ирины была фата бѣла полосата, кругомъ фаты кайма червчата. Ей же въ 1648 г. подано въ хоромы на фаты 7 арш. камки индѣйской серебреной по алой землѣ.

По порядку первою одеждою была *сорочка* и въ качествѣ бѣлья, какъ рубашка, и потомъ въ качествѣ теперешняго *платья*. Какъ бѣлье, рубашка, шитая обыкновенно изъ полотна, она называлась въ общемъ смыслѣ *бѣлою*. Собственно это была сорочка нижняя. Какъ платье, она шилась большею частію изъ цвѣтныхъ тканей и потому носила общее названіе сорочки *красной*, т. е. верхней, болѣе красивой и по матеріалу и по убору. Нижнія полотняныя или *бѣлыя* сорочки кроились равно широко и въ воротѣ и въ подолѣ, т. е. изъ прямыхъ полотнищъ, безъ клиньевъ въ подолѣ и съ обыкновенными короткими рукавами. Воротъ стягивался пояскомъ или снуркомъ и посрединѣ на груди имѣлъ небольшой разрѣзъ, дабы удобнѣе было надѣвать одежду.

Верхнія сорочки кроились также, какъ и нижнія полотняныя, съ тою разницею, что онѣ были шире и длиннѣе, и имѣли до чрезвычайности длинные рукава, которые обыкновенно собирались на рукѣ во множество мелкихъ складокъ. О такой длинѣ рукавовъ иностранцы свидѣтельствуютъ, что „складки ихъ едва можно было уложить отъ кистей рукъ до самыхъ плечь, что множество складокъ такъ хорошо защищали руки и плеча отъ холода, что даже зимою не было нужды надѣвать какую

либо одежду въ рукава. Дѣйствительно, покрой вторыхъ или среднихъ одеждъ вполнѣ соотвѣтствовалъ назначенію носить рукава сорочки наружѣ и даже какъ довольно замѣтный уборъ во всемъ нарядѣ. Вторыя одежды, хотя и шились тоже съ рукавами, но въ мышкахъ имѣли всегда проймы, въ которыя обыкновенно и продѣвалась рука, одѣтая въ сборчатый рукавъ сорочки, такъ что рукава вторыхъ одеждъ висѣли за плечомъ, и кроились больше для полноты наряда, а вовсе не для употребленія. Ниже увидимъ, что сорочечные рукава украшались сверхъ того богатымъ золотнымъ шитьемъ и низаньемъ, какъ необходимымъ уборомъ для видной открытой части наряда.

По свидѣтельству Олеарія и Корба рукава сорочекъ бывали длиною въ 6, 8 и 10 локтей. Если считать обыкновенный локоть въ $10\frac{2}{3}$ вершковъ, какъ онъ переводился на русскую мѣру въ XVI и XVII ст., то выйдетъ что длины въ такихъ рукавахъ бывало 4 ар., $5\frac{1}{3}$ и $6\frac{2}{3}$ арш.

Коллинсъ, говоря объ одеждѣ царицы, замѣчаетъ, что ея нарядъ отъ другихъ особенно отличался длиною рукавовъ у сорочки, которые бывали отъ 30 до 36 англійскихъ футовъ. Чѣмъ тоньше была матерія тѣмъ длиннѣе дѣлались рукава и потому длина кисейныхъ бывала больше 10 локтей.

Верхнія сорочки шились изъ легкихъ шелковыхъ тканей, преимущественно изъ тафты червчатой, алой, бѣлой, желтой; также изъ тафты полосатой—полосы бѣлы да червчаты, желты да червчаты, зелены да червчаты; изъ *шиды* [1], полоски алы съ золотомъ, бѣлы съ золотомъ; изъ *кушаковъ*, тоже шелковой полосатой ткани,—полосы бѣлы, а другія желты съ золотомъ; изъ кисеи, особенно изъ цвѣтной полосатой, шелкъ желтъ бѣлъ,—бѣлъ зеленъ червчатъ,—желтъ зеленъ,—бѣлъ червчатъ, и т. п. Нарядныя сорочки по швамъ вынизывались мелкимъ жемчугомъ въ *веревочку*, причемъ рукава по запястью до локтя и по швамъ низались особымъ болѣе красивымъ способомъ *рясою* или *ряскою*, т. е. на подобіе бахромы.

Иногда вмѣсто жемчугу по швамъ бывали *кладены* пояски плетеные (тесьмы), золотые или серебряные. Особенно богато всегда отдѣлывались рукава, преимущественно на плечахъ и

---

[1] *Шидою* или *шитою*, откуда *ситецъ*, называлась индѣйская бумажная набивная ткань. У насъ именемъ шиды могли обозначаться и различныя шелковыя ткани, особенно тонкія таоты, но также всегда набивныя, привозимыя тоже изъ Индіи.

у запястья; здѣсь они узорочно вышивались цвѣтными шелками, золотомъ, серебромъ, низались жемчугомъ съ мелкими золотыми дробницами или разновидными бляшками. У сорочекъ, которыя надѣвались подъ вторую одежду, рукава богато украшались шитьемъ и низаньемъ только у запястій. Въ описяхъ царицыной казны времени Годуновыхъ и Шуйскаго находимъ достаточныя подробности о такихъ сорочкахъ. Матер. № 17. Упомянемъ также, что еще въ 1486 г. князь Верейскій въ своей духовной жалуетъ своей дочери въ числѣ прочаго наряда „сорочку шлдену сажену съ дробницею, да четыре сорочки красны, да ларецъ желтъ съ сорочками съ шидеными; а княгиня Волоцкая (1503 г.) отказываетъ своей внукѣ между прочимъ сорочку—шита (шида?) червчата, рукава сажены.

Сорочка верхняя какъ мы замѣтили соотвѣтствовала въ употребленіи теперешнему *платью*. Это была исключительно комнатная повседневная одежда, носимая съ поясомъ, слѣд. обозначавшая станъ и грудь, что и ставило ее въ разрядъ одеждъ стыдливыхъ. Показаться предъ посторонними людьми и особенно предъ мужчинами въ такой сорочкѣ, для женщины было величайшимъ неприличіемъ. По разсказу Поссевино изъ за такого именно обстоятельства совершилось при Грозномъ несчастное убійство царевича Ивана. „Всѣ благородныя и не совсѣмъ бѣдныя женщины, говоритъ онъ, носятъ здѣсь обыкновенно по три одежды, которыя, сообразно съ временемъ года и состояніемъ погоды, то легче, то тяжеле. Женщина, которая носитъ только одну одежду, навлекаетъ на себя дурную славу. Однажды во дворцѣ, въ Александровской слободѣ, въ жаркій лѣтній вечеръ, третья жена царевича Ивана, бывшая на послѣднихъ порахъ беременности, лежала, растянувшись на скамьѣ въ легкой одеждѣ, какъ вдругъ вошелъ свекоръ ея, великій князь. Она тотчасъ вскочила, но в. князь, внѣ себя отъ гнѣва, ударилъ ее рукою по щекѣ, а потомъ палкою (посохомъ), которую постоянно носилъ съ собою, до того ее отдѣлалъ, что она въ слѣдующую же ночь преждевременно разрѣшилась сыномъ. Царевичь Иванъ прибѣжалъ на этотъ шумъ, вступился за жену и сталъ упрекать отца, что по его же жестокости онъ лишился своихъ прежнихъ двухъ женъ, удаленныхъ въ монастырь. Тогда гнѣвъ отца обратился на него и онъ нанесъ ему посохомъ такой сильный ударъ въ високъ, что тотъ упалъ, смертельно ра-

ненный и, не смотря на всевозможную помощь, скончался по прошествіи пяти дней.“

Мы видѣли что и былины, описывая зазорное поведеніе нѣкоторых своих героинь, изображают их въ одной сорочкѣ и притом еще без пояса, дѣлая тѣм самым прямой намек на забвеніе необходимаго и обычнаго приличія. Покрой сорочек см. на рис. VI, 6; VII, 6; VIII, 4'.

Изъ вторых или выходных одежд самою употребительною, была *тѣлогрѣя*. Это было платье распашное, застегиваемое по передамъ небольшими пуговками или нашивкою, т. е. завязками. Она кроилась как и всѣ другія выходныя одежды въ длину почти до пят, при среднем ростѣ въ 2 арш., въ ширину въ плечах около аршина, въ подолѣ въ 3 арш. (или кругом въ 6 арш.), съ воротом въ 5 вер. ширины, съ длинными до и ниже подолу рукавами, имѣвшими ширины въ корени вершков 6, въ запястьѣ около 3 вер., у которых под мышками, въ ластках, дѣлались *проймы* вершков въ 5 длиною, въ разстояніи от ворота вершков на 6 и больше.

Въ эти проймы тѣлогрѣя и надѣвалась на сорочку, так что ея рукава всегда оставались висящими и низпадали позади рук до подолу или связывались назади за спиною въ перекидку друг на друга. По свидѣтельству иностранцев такіе рукава почитались необходимым украшеніем этого платья, как и вообще обычнаго женскаго выходнаго наряда. Для тѣлогрѣй, как и вообще для выходнаго платья, употреблялись ткани болѣе тяжелыя, чѣм для верхних сорочек, именно золотные и простые камки, атласы, объяри (гродетур), изрѣдка тафты, а иногда *зуфь*, шерстяная ткань въ родѣ камлота, и т. п. По вороту, по полам, и по подолу эта одежда окаймлялась кружевом, обыкновенно золотным, также шелковым; полы, как мы сказали, застегивались пуговицами, число которых бывало различно от 9 до 20 и даже до 30; обыкновенно бывало 15 и 17. Онѣ ставились по всей полѣ от ворота до подола.

Холодныя или *лѣтнія* тѣлогрѣи подкладывались тафтою, а по подолу сверх того имѣли атласную или камчатную *подпушку*, вершка въ $1\frac{1}{2}$ шириною, которая во всѣх подобных одеждах употреблялась для сохранности подольной части платья. Подпушка своим цвѣтом всегда болѣе или менѣе ярко отдѣлялась от подкладки. Къ лазоревой, червчатой, брусничной, зеленой

подкладкѣ пришивалась подпушка желтая; къ бѣлой, лазоревой, желтой—червчатая; къ червчатой—свѣтлозеленая; къ желтой—зеленая, алая и т. п. Есть извѣстіе, что у тѣлогрѣй бывали и *зепи* карманы, на которые царицѣ Агаѳьѣ Сем. вышло тафты алой четверть аршина (А. О. П. № 536). Подъ *теплыя тѣлогрѣи* подкладывался мѣховой *исподъ*, горностаевый, бѣлій, лисій, соболій, песцовый, а иногда и черевій заячій, съ *пухомъ*, т. е. съ бобровою опушкою, причемъ на полахъ оставлялся *подполокъ* изъ той же ткани, изъ коей былъ скроенъ верхъ. Бѣлые мѣха нерѣдко *нацвѣчивались* черными, напр. бѣлый песцовый нацвѣчивался черными песцами, т. е. по мѣстамъ вшивались лапки, хвостики [1].

Покрой тѣлогрѣи см. Рис. I, 2, 7, 8, 11, 12, 15, 16. Рис. II, 2, 5, 6, 8, 10; IV, 2.

При описаніи одной изъ тѣлогрѣй царицы Евдокіи Лук. упоминается—„*запястье*, по отласу по червчатому низано жемчугомъ съ канителью“. Но у тѣлогрѣй запястья ничѣмъ не украшались, а тѣмъ болѣе жемчугомъ, и это упоминаніе есть лишь описка вмѣсто слова круживо [2].

Къ тому же отдѣлу вторыхъ или среднихъ одеждъ принадлежала *шубка накладная* или *столовая*, въ XV и XVI ст. обозначаемая просто *шубою*. Верейскій князь въ 1486 г. отказываетъ своей дочери: „шуба кована бархатъ червчатъ, шуба камка мисюрская, шуба червьчата, шуба зелена, шуба багрина, шуба рудожолта, шуба бѣла, да другая шуба бѣла“. Княгиня Іуліанія Волоцкая, 1503 г., отдаетъ своей внукѣ женскаго платья: двѣ шубы скорлатъ червьчетъ одна безъ тафты, да шуба бѣлоголуба безъ тавты жъ, да шуба цини (ценинаго цвѣта) безъ тавтыжъ, да шуба червьчетая ипская, да шуба свѣтлозелена лунская, да шуба багреци... Такъ какъ наиболѣе обычною тканью для шубокъ было сукно, то въ этой росписи о немъ и не упоминается, а обозначается только его цвѣтъ, и иногда мѣстность, откуда привозилось, ипское, лунское.

---

[1] Мѣха по мездрѣ прокладывались ветошками: 153 г. іюля 15 наплечный мастеръ купилъ на 8 алт. 2 д. ветошекъ рубашечныхъ на царицыну тѣлогрѣю киндячную черную на черевей заячій исподъ на настилку.

[2] Описаніе г. Саввантова, стр. 113 и 172.

Шубка этого названія шилась покроемъ сорочки, безъ разрѣза на полы, и надѣвалась, какъ сорочка, съ головы, отчего въ отличіе отъ другихъ верхнихъ одеждъ и называлась *накладною*, ибо не накидывалась на плеча по кафтанному, а накладывалась, какъ мы сказали съ головы. Въ этомъ ея различіе отъ тѣлогрѣи. Кроилась она длиною тоже до пятъ, при среднемъ ростѣ въ 2 арш., ширпною въ плечахъ около аршина, съ высокимъ прямымъ воротомъ, какъ у сорочки, т. е. съ небольшимъ разрѣзомъ на груди для надѣванья, который застегивался пуговкою съ петлею. Рукава ея ниспадали почти до подолу и въ мышкахъ или ластвахъ имѣли проймы, въ которыя обыкновенно продѣвались руки, одѣтыя въ сорочку. Ширина подола разставлялась клиньями и обыкновенно бывала въ 3 арш. или кругомъ въ 6 арш.

Это платье быть можетъ потому называлось шубкою, что на него употреблялись ткани плотныя и тяжелыя, шелковыя, и большею частью золотные бархаты, атласы, алтабасы, зарбафы, объяри, камки (по преимуществу камка кизылбашская и *бурская*, какъ самая дорогая и тяжелая). Изъ золотныхъ тканей кроились шубки парадныя, праздничныя, выходныя и ѣздовыя. Онѣ подкладывались обыкновенно тафтою. Другой разрядъ накладныхъ шубокъ, назначаемый только для домашняго употребленія кроился изъ сукна, бѣлаго, червчатаго, жолтаго, безъ подкладки, только съ тафтяною подпушкою по подолу. Въ накладныхъ шубкахъ обыкновенно выходили за столъ, отчего онѣ и назывались также *столовыми*.

Такъ какъ накладная шубка не была одеждою распашною, то на ней и не встрѣчаемъ никакихъ наружныхъ уборовъ, ни кружива, ни кашивки, ни пуговицъ. Она оставалась *чистою*, т. е. безъ всякаго наряда и убора. На богатыхъ выходныхъ и ѣздовыхъ шубкахъ всегда носили *накладное ожерелье*, круглый широкій воротникъ или пелерину изъ боброваго мѣха. Покрой накладныхъ шубокъ см. рис. I, 1, 4; V, 1.

Покрой шубки и дорогія тяжелыя ткани, изъ которыхъ она шилась, способствовали тому, что у царицы какъ и у большихъ царевенъ она, особо украшенная, пріобрѣтала значеніе царскаго платна, порфиры, или вообще одежды царственной. Тогда она дѣлалась распашною, съ рукавами длиною только по кисть и шириною въ запястьѣ вершковъ въ 7 или 8, и роскошно украшалась широкимъ круживомъ по запястью рука-

вовъ, по поламъ и по подолу. На полахъ кромѣ того ставились богатыя пуговицы, числомъ 13, 14 или 15. Круживо особенно по передамъ украшалось нерѣдко *аламами*, большими круглыми бляхами изъ басменнаго золоченаго серебра.

На плечахъ у такой шубки полагалось изъ той же ткани круглое широкое ожерелье, родъ пелерины, соотвѣтствовавшее царской діадимѣ и потому всегда богато украшаемое кружпвомъ съ аламами, обнизанными жемчугомъ.

Такъ украшена была царская шубка царицы Марьи Ильичны (Матер. № 42), и царицы Агаѳьи Симеон. (Матер. № 100), которая впослѣдствіи въ 1681 г. марта 3 употребила весь этотъ богатый уборъ своей шубки на окладъ образа Пр. Богородицы, въ церковь на Потѣшномъ Дворѣ. На этой шубкѣ аламовъ было въ круживѣ и на ожерельи 46 мѣстъ, вѣсу въ нихъ 12 ф. 83 зол.

Подобныя шубки—платна передѣлывались иногда изъ готовыхъ уже шубокъ. Въ 1682 г. для новобрачной царицы Марѳы Апраксиныхъ были „передѣланы платномъ съ широкими рукавы, двѣ шубки покойной царицы Агаѳьи Грушецкихъ, первая 28 марта—отласъ виницейской по серебреной землѣ травки и репьи золоты оксамичены изрѣдка, въ обводахъ шелкъ бѣлъ; подкладка тафта червчата (кроено во 189 г. ноября въ 14 д.); вторая 30 марта — бархатъ виницейской золотной по немъ морхъ червчатъ да орлы двоеглавые оксамичены золотомъ и серебромъ: подкладка тафта ала" [1]. Покрой царскихъ шубокъ см. рис. I, 7, 9; II, 14.

Изъ числа золотныхъ, шелковыхъ и суконныхъ столовыхъ или накладныхъ шубокъ царицы Евдокіи Лук. описываются слѣдующія: *Шубка* бархатъ червчатъ, на ней круживо серебрено золочено басманное обнизано жемчугомъ, подкладка тафта жолта; на ней 15 пугвицъ золоты съ чернью (144 г. іюня 10 съ сеѣ шубки у царицы въ хоромехъ около *аламовъ* жемчугъ на государскіе дѣла снятъ мѣстами). *Шубка* бархатъ венедитцкой по червчатой землѣ круги серебрены, подъ кругами листье золото въ нихъ шолкъ зеленъ да червчатъ подкладка тафта

[1] А. О. П № 148. Въ Описаніи старинныхъ царскихъ утварей г. Савваитова отмѣтка объ этой передѣлкѣ у первой шубки не упомянута, стр. 135; а у второй, стр. 136, передана не совсѣмъ точно, съ обозначеніемъ: передѣлана *платіемъ*, вмѣсто—платномъ.

двоелична шолкъ бѣлъ да алъ. *Шубка* алтабасъ по серебреной землѣ травы золоты подкладка тафта червчата. *Шубка* алтабасъ по серебреной землѣ травки розные шолки съ золотомъ, подкладка тафта виницейка червчата. (И 135 г. ноября 27, сеѣ шубку царица пожаловала княинѣ Устиньѣ Оболенской). *Шубка* отласъ по червчатой землѣ рѣки и листье шолкъ бѣлъ да зеленъ съ золотомъ другое листье серебрено съ лазоревымъ шолкомъ, подкладка тафта лазорева. *Шубка* камка кизылбашская по червчатой землѣ люди и звѣри золоты съ розными шолки, подкладка тафта виницейка жолта. *Шубка* сукно скорлатъ червчатъ, подпушка тафта лазорева. *Шубка* сукно скорлатъ бѣлъ, подпушка тафта червчата. *Шубка* сукно лундышъ свѣтлозелено, подпушка тафта червчата.

Лѣтникъ принадлежалъ къ одеждамъ накладнымъ, т. е. надѣваемымъ подобно сорочкѣ съ головы, а не въ опашку и потому кроился также сорочкою безъ разрѣза на полы. Его покрой въ стану сходствовалъ съ покроемъ накладной шубки. Но онъ отличался отъ всѣхъ одеждъ особымъ покроемъ рукавовъ, которые и назывались даже не рукавами, а *накапками*. Въ длину эти рукава, начиная отъ плеча, равнялись длинѣ всего платья, слѣд. простирались нѣсколько, вершка на 4, ниже подола, средняя ихъ ширина была въ половину длины, причемъ въ корени они дѣлались шире на вершокъ противъ запястья. Они сшивались рукавами только до половины длины или нѣсколько болѣе; нижняя ихъ половина оставалась несшитою и украшалась вошвами, такъ что на рукѣ они висѣли какъ перекинутое полотнище. Рис. 1, 9, 10; II, 3; IV, 6; VI, 5. Нѣтъ сомнѣнія, что по этой кройкѣ и по особой ширинѣ рукавовъ, одежда и получила особое названіе лѣтника, какъ одежды открытой въ рукавахъ, прохладной. Станъ въ плечахъ также кроился на нѣсколько вершковъ просторнѣе, чѣмъ у другихъ лѣтнихъ и даже зимнихъ одеждъ. Ширина подола была обыкновенная, 3 арш., или вокругъ 6 арш. Длина всего платья простиралась до пятъ и при среднемъ ростѣ имѣла около 2 арш., какъ и всѣ другія верхнія выходныя одежды, носимыя въ хоромахъ.

Въ кройкѣ составныя части лѣтника были слѣдующія: передъ, задъ или станъ, крыльца, клинья передніе и задніе поднакапошные, воротъ (воротникъ), подольникъ. Передъ и накапки иной разъ кроились изъ одной ткани, болѣе богатой, или

узорчатой, а задъ и клинья изъ другой, разумѣется, подобранной подъ цвѣтъ и подъ узоръ; а если изъ гладкой, то въ этомъ случаѣ ее поддѣлывали вышиваньемъ, золотнымъ или шелковымъ, смотря по ткани переда. (Матер. №. 18 и 58).

Подольникъ составлялъ особую отъ платья кайму шириною съ небольшимъ въ 2 вершка, которая пришивалась по подолу, но не опушкою, въ накладку, а какъ прибавка къ длинѣ подола; она по большой части бывала атласная или изъ другой подобной же блестящей ткани и всегда другаго цвѣта съ платьемъ; такъ къ бѣлому атласному лѣтнику пришивался подольникъ алый или червчатой, къ червчатому—зеленый, свѣтлозеленый, празеленый; къ лезоревому или желтому — червчатый и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что въ выборѣ цвѣта на подольникъ руководились желаніемъ подобрать его къ лицу, т. е. возвысить имъ и собственную красоту и красоту всего наряда. Все платье шилось изъ золотныхъ и шелковыхъ тканей, по преимуществу изъ золотной камки бурской, кизылбашской и подобныхъ, также изъ кушаковъ, золотной же тяжелой полосатой ткани, и изъ шелковыхъ—атласа, камки, тафты, дороговъ и пр. Подкладка ставилась подо всѣмъ платьемъ легкая тафтяная.

Особый нарядъ или уборъ лѣтника составляли *вошвы*. Это были небольшія полотнища или платы, скроенныя косынями длиною въ 1¾ или 1½ арш. шириною въ верхнемъ концѣ вершковъ въ 8 и болѣе. Нижній же конецъ нѣсколько округлялся и срѣзывался на-нѣтъ [1]. Онѣ дѣлались изъ болѣе тяжелой, плотной и дорогой ткани, обыкновенно парчевой, а большею частію и изъ гладкаго атласа или бархата, по которому роскошно и богато украшались золотымъ и шелковымъ шитьемъ и жемчужнымъ низаньемъ съ дорогими каменьями и нерѣдко съ металлическими дробницами.

Эти косыни своею долевою стороною пришивались къ нижнему концу рукавовъ или накапокъ, при чемъ широкій конецъ вошвы ставился къ передней части рукава, а острый къ задней, такъ что, при подъемѣ руки, широкій конецъ находился вверху, а острый ниспадалъ къ подолу; въ этомъ положеніи вся вошва всегда оставалась открытою и служила самымъ виднымъ и роскошномъ уборомъ одежды. Для того, чтобы вошвы

---

[1] Обыкновенно изъ полотнища въ 1¾ и въ 1½ арш. длины, въ аршинъ или больше шириною, кроилось съ-угла-на-уголъ двѣ вошвы косынями.

всегда оставались вышиными и не смятыми, ихъ подклеивали съ подкладки рыбьимъ клеемъ.

Разумѣется такой покрой и уборъ рукавовъ требовалъ, чтобы руки всегда были подняты или прижаты къ груди, дабы поддерживать вошву въ долевомъ и открытомъ ея положеніи. Въ чрезвычайно длинныхъ накапкахъ съ такими дорогими вошвами опускать руки было невозможно; тогда и накапки и вошвы волочились бы по землѣ. Но такъ какъ лѣтникъ и особенно богатый, нарядный, былъ всегда одеждою парадною, а извѣстно, что въ допетровское время во всякихъ парадныхъ, церемонныхъ, а по русски, во всякихъ чинныхъ случаяхъ держаніе рукъ у груди представлялось для женщинъ обычнымъ, самымъ необходимымъ приличіемъ, выражавшимъ вообще кроткое и покоренное ихъ положеніе въ обществѣ, то это видимое неудобство въ покроѣ рукавовъ лѣтника вполнѣ совпадало съ обычными и приличными формами умѣнья держать себя въ обществѣ.

Самое слово *вошва* указываетъ, что платъ вшивался въ накапку. Но оно же могло обозначать и то, что эти платы, въ богатомъ и достаточномъ быту украшались всегда вышиваніемъ, слѣд. означали предметъ наряда исключительно вышивной работы. Кромѣ вошевъ на рукавахъ, лѣтникъ украшался подобными же, но меньшими, косынями на груди у ворота, которыя поэтому назывались *передцами*.

У царицы Евдокіи Лук. былъ лѣтникъ отласъ бѣлъ, вошвы отласъ турской по червчатой землѣ развода и круги велики золоты, въ кругахъ шелкъ лазоревъ, листье шолкъ бѣлъ: исподольникъ отласъ червчатъ, подкладка тафта бѣла. У лѣтника на вороту *передцы* по атласу по червчатому шиты золотомъ да серебромъ.—Въ духовной Верейскаго князя 1486 г. упомянуто ожерелье пристѣжное съ *передци* низано и съ запястьемъ; въ духовной княгини Волоцкой 1503 г.—ожерелейной жемчугъ и *передцевой* и съ запястьемъ. Все это принадлежало къ убору какой либо одежды.

Передцами вообще назывались платы разнаго вида, вшиваемые въ платье для большей красоты на видныхъ переднихъ мѣстахъ. Самыя вошвы — запястья накапокъ украшались иной разъ тоже передцами, т. е. особыми нашивками. Въ царицыной казнѣ временъ Шуйскаго были вошвы столпчатыя, очень богато разшитыя золотомъ шипами и на чеканное дѣло, у нихъ

торыхъ были пришиты передцы—шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ волоченымъ (Матер. №. 17).

Для осенняго и зимняго времени лѣтникъ опушался бобровымъ пухомъ, т.е. мѣховою лентою около подвершка или меньше шириною, по вороту, по краямъ вошевъ и по подолу. Съ такою опушкою лѣтники иногда носили и лѣтомъ.

Въ холодную пору съ лѣтниками носили накладное бобровое ожерелье; въ лѣтнее время, вмѣсто такого ожерелья подавалась *опашница*, родъ короткой мантіи изъ богатой золотной ткани, украшенная золотымъ шитьемъ. На такихъ опашницахъ времени Шуйскаго были вышиты золотомъ и серебромъ на одной орлы, олени, павы; на другой орлы и олени, на третьей—орлы. Кромѣ того у одной изъ этихъ опашницъ были еще и *передцы*, шитые тоже золотомъ и серебромъ и бархаченые шелками. Четвертая опашница имѣла 14 пугвицъ. Матер. №. 17, 18.

Опашница царицы Евдокіи Лук. была украшена вышитымъ золотомъ бѣлымъ атласнымъ кружевомъ и червчатыми тафтяными передцами, шитыми также. Лѣтничная опашница иначе называлась лѣтничною *приволокою*. Въ казнѣ Шуйскихъ сохранялась приволока изъ лазореваго золотнаго бархата съ горностаевою опушкою. У царевны Ирины Мих. съ лѣтникомъ *большаго наряда* подавалась „приволока тафта червчата, съ пухомъ, вошвы по атласу по червчатому низаны жемчугомъ“. Въ другой описи у той же приволоки вмѣсто вошевъ обозначено *оплечье*.

Въ августѣ 1648 г. молодой царицѣ Марьѣ Ильичнѣ была сшита приволока тоже изъ червчатой тафты, съ бобровою опушкою, съ 10 пуговицами и съ оплечьемъ, по червчатому атласу низанымъ жемчугомъ большимъ. У царицы Агаѳьи Сем. была приволока тафта червчата; *нарамки* низаны жемчугомъ по червчатому атласу; на рамкахъ жъ пухъ бобровый; на ней же нашито 5 пуговицъ съ ѳиниѳтью. Такимъ образомъ древніе передцы въ XVII ст. стали обозначаться оплечьемъ, а потомъ нарамками, сохраняя и общее названіе вошевъ, какъ частей вшивныхъ, пришивныхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобная же одежда называлась и *подволокою*, которая съ этимъ именемъ употреблялась въ XV и XVI ст. и украшалась тогда богатымъ *запушьемъ*. Верейскій князь въ 1486 г. отказываетъ дочери своей четыре *подволоки*: подволока на червьцѣ жолтъ шелкъ, подволока бѣла, подволока

желта, подволока камка на золотѣ: а в. к. Ивану Вас. *запушье* подволочное сажено... Быть можетъ это же самое „запушье подволочное сажено жемчугомъ гурмыскимъ въ дробницею на беле на камкѣ на червчатой", — находимъ потомъ въ числѣ *сажены* въ казнѣ сына в. к. Ивана Вас., Димитрія Ив. (1509 г.). Но здѣсь это запушье могло обозначать нарядъ мужской подволоки.

Въ свадебныхъ чинахъ лѣтникъ пріобрѣталъ значеніе какъ бы штатной мундирной одежды, равно какъ и накладная шубка, надѣваемая съ нимъ вмѣстѣ. Свадебные чины, свахи, сидячія боярыни по уставу должны были до совершенія обряда наряжаться въ лѣтники желтые, въ шубки червчатыя, въ убрусы и въ бобровыя ожерелья, а зимою, вмѣсто убрусовъ, — въ каптуры. Сама невѣста, готовясь къ обряду, была въ вѣнцѣ и также въ золотомъ лѣтникѣ и въ червчатой шубкѣ. Съ этою цѣлью къ свадьбѣ царицы Агаѳьи Сем. постельницамъ было сшито 15 лѣтниковъ камчатыхъ жолтыхъ, вошвы атласъ золотной по таусинной землѣ, подложены киндякомъ; и столько же шубокъ накладныхъ суконныхъ червчатыхъ. (А. О. П. № 243). На другой день, по чину, и новобрачная и боярыни одѣвались въ бѣлые лѣтники. Кромѣ того свадебный чинъ уставляетъ невѣстѣ прикрываться накапкою, когда являлся князь молодой женихъ и садился подлѣ нея на мѣсто. На другой день, когда сваха съ боярынями, новобрачную подымали съ постели, одѣвали въ бѣлый лѣтникъ, въ шубку золотную обьшиую и въ горлатную шапку, она, шествуя въ хоромы, должна была, по чину, тоже прикрывать себя накапками [1].

Лѣтникъ, разрѣзанный на полы, распашной, назывался *роспашницею*, а иногда и *опашницею*. Роспашницу кроили изъ легкихъ шелковыхъ или золотныхъ тканей, изъ камки, таѳты, атласу, большею частію бѣлаго или червчатаго и алаго цвѣта; подкладывали или таѳтою, или дорогами, и украшали кружевомъ около ворота, на полахъ и по подолу; также дорогими пуговицами, числомъ 15 и 20, которыя пришивались на вороту, т. е. въ верхней поясной части полъ; рукава обшивали богатыми вошвами. Неизвѣстно, какъ длинны бывали рукава этой одежды. Отъ лѣтника она отличалась еще и тѣмъ, что не имѣла подольника, который замѣнялся кружевомъ.

[1] Временникъ Общ. Ист. и Др., кн. 25.

Въ 1627 г. царицѣ Евдокіѣ Лук. была скроена роспашница, обозначенная также и опашницею и описанная въ числѣ лѣтниковъ слѣдующимъ образомъ: роспашница камка куфтерь бѣла, вошвы по бархату по червчатому шиты золотомъ и серебромъ орлы оксамичены, круживо по отласу по червчатому шито золотомъ и серебромъ травы, въ травахъ орлы и нироги и львы и павы, на вороту 15 королковъ червчатыхъ рѣзныхъ, у королковъ репейки и спни золоты въ закрѣпкахъ искорки изумрудные. подкладка у опашницы (sic) тафта (винецейка) бѣла. (И съ тое роспашницы королковые пугвицы сняты и положены въ казнѣ, а на роспашницу нашиты 15 пуговокъ серебрены золочены, снявъ съ царицыной съ тафтяной съ алой тѣлогрѣи, что на пупкахъ собольихъ. 144 г. сентябр. 3, сеѣ роспашницу царица пожаловала боярина Ивановѣ дочери Никитича Романова).

Другія роспашницы описаны такъ: Роспашница камка куфтерь червчата травная, круживо по отласу по бѣлому шито золотомъ да серебромъ, вошвы по бархату по черному шиты золотомъ да серебромъ травы, межь травъ орлы и нироги и птицы и листье оксамичены, подкладка тафта виницѣйка жолта; на роспашницѣ 15 пугвицъ золоты островаты съ чернью. Роспашница тафта виницейка ала, круживо по тафтѣ по зеленой шито золотомъ да серебромъ. На опашницѣ 15 пугвицъ серебрены золочены островаты, по нихъ полоски. (147 г. апр. 24 сеѣ роспашницы верхъ царица пожаловала княжнѣ Ростовской). Роспашница камка бурская на червцѣ травы и листье золото; вошвы по бархату по черному низаны жемчугомъ съ дробницы и съ каменьи съ ахонты съ лазоревыми и съ червчатыми; круживо по бархату по червчатому низано жемчугомъ репьи и косы, въ репьяхъ и въ косахъ въ золотыхъ гнѣздѣхъ зачеканиваио каменье яхонты и лалы и изумруды и бирюзы: на *вороту* 15 пугвицъ серебрены золочены велики продолговаты сѣнчаты съ финифты съ розными, сверху и снизу репейки финифтъ темнолазоревъ, въ закрѣпкахъ зеренчаты; подкладка свѣтлозелена тафтяная. (146 г. генваря 2, съ сеѣ роспашницы изъ кружива низаного выпорото 26 репьевъ, съ яхонтами червчатыми въ гнѣздахъ, 76 бирюзъ, 101 искорка яхонтовыхъ червчатыхъ, 29 косъ съ каменьемъ, всего 232 мѣста;—нашито каменье на государево круживо, которое платно было на государѣ на Богоявленьевъ день въ нынѣшнемъ 146 г.).

Покрой роспашницы см. рис. IV, 6.

Опашень, иначе *охобень*, верхнее лѣтнее роспашное плать из шелковой или золотной добротной ткани, а большею части изъ червчатаго сукна. Покрой его былъ такой же какъ и у другихъ верхнихъ одеждъ, т. е. съ прямымъ стапомъ и со встав кою по бокамъ обычныхъ клиньевъ. Какъ верхняя одежда, он дѣлался во всѣхъ частяхъ полнѣе; воротъ у опашня кроилс скошеннымъ къ поламъ и служилъ ихъ продолженіемъ. Окол шеи къ нему пришивалось вокругъ *ожерелье* или *воротникъ* из ткани болѣе богатой, обыкновенно парчевой; ширина этого во ротника бывала вершка въ полтора и къ концамъ скашивалас или закруглялась, а длиною онъ ставился вершковъ въ 20, так что концами опускался вершковъ на 5 или на 6 по груди н обѣимъ сторонамъ. Рукава бывали полные, обычной длины. т. е невступно до подола. Полы и подолъ украшались круживо[м] золотнымъ, жемчужнымъ, а полы кромѣ того застегивались т[а] кими же петлями и серебряными пуговицами, всегда великим величиною съ грецкій орѣхъ и больше, иногда половинчатым которыя по своей величинѣ справедливо назывались так *чашками* (А. О. II. № 673). Онѣ украшались финифтью и каменьям Круживо часто полагалось вдвойнѣ, одно широкое, другое узко На суконныхъ опашняхъ вмѣсто кружива дѣлалась *строка*, про строчка мелкая или крупная, или же обѣ вмѣстѣ, которыя бы вали и низаны жемчугомъ, одна въ рясную, другая въ од зерно. Иногда вмѣсто строки полагался картулинъ.

Съ исподу опашень подкладывался тафтою съ атласною по[д] пушкою подъ передами, т. е. подъ полами; впрочемъ бывала одна только подкладка безъ подпушки, или же одна подпуш без подкладки; суконные же по большой части дѣлались с одною подпушкою.

Число пуговицъ, которыя ставились на опашень, бывало н[е] одинаково, что зависѣло частію отъ ихъ величины (особен крупныя, занимали мѣста больше и разумѣется ставились рѣж а частію отъ роста, т. е. отъ длины полъ. Пришивали 5, 7 9, 11 и 15 пуговицъ.

Опашни, какъ выходная верхняя одежда, въ царицыно[мъ] быту всегда убирались съ большимъ богатствомъ. Къ свадьб царицы Евдокіи Лук., въ 1626 г. на ея опашень въ Серебр ной палатѣ было сдѣлано въ круживо 53 золотыхъ гнѣзда, к чемъ ставить каменье, вѣсомъ 12 зол.; да въ жемчужное кру живо 64 гнѣзда золотыхъ же.

Покрой опашня см. рис. IV, 7; а описи и кроенье въ Матеріалахъ по указателю.

Опашень или охабень, положенный на мѣху, собольемъ, лисьемъ, горнастаевомъ, и т. п. назывался *шубою*. Воротникъ (ожерелье) у шубы ставился бобровый, отворотный, какъ у опашня. На передахъ или полахъ пришивались такія же большія пуговицы, числомъ 9, 11 и больше, съ петлями или нашивкою, всегда украшенною кистями съ золотными или жемчужными ворворками. Круживо на шубѣ не употреблялось. Въ царскомъ быту въ XVII ст. шубы кроились только для дѣтей и очень рѣдко для взрослыхъ, ибо ихъ вполнѣ замѣняли теплыя тѣлогрѣи, обозначаемыя иногда шубами; также кортли и торлопы. У царицъ въ числѣ платья даже вовсе не находимъ шубъ. Въ простомъ быту шубы употреблялись на образецъ мужскихъ. См. рис. V, 2.

Кортель, одежда зимняя мѣховая, соболья, бѣлья, горностайная, кунья, иногда нагольная, но обыкновенно покрытая легкою шелковою тканью, тафтою, камкою, кушаками. Кортель, даже и нагольный, украшался всегда богатыми вошвами и подольникомъ; эти его части указываютъ на сходство въ покроѣ съ лѣтникомъ, почему, за неимѣніемъ другихъ, болѣе прямыхъ указаній, можно полагать, что это былъ по покрою тотъ же лѣтникъ, только исключительно зимній, мѣховой. Сходство съ лѣтникомъ дополняется и тѣмъ, что у кортеля не было ни кружива, ни пуговицъ. Но были ли у него стольже длинные и столь же широкіе рукава—накапки, неизвѣстно. Можно полагать, что рукава кортля дѣлались въ обычную длину, но были широки по лѣтничному, а потому и обозначались въ описяхъ только именемъ вошевъ, какъ необходимой ихъ принадлежности. Впрочемъ тѣмъ же именемъ, какъ мы видѣли выше, могло обозначаться и оплечье, также передцы, т. е. особые платы, вшиваемые въ одежду по плечамъ для большаго ея убранства.

Кортель, какъ и всякая зимняя и вообще теплая одежда, опушался бобровымъ пухомъ, съ тѣмъ отличіемъ, что такой пухъ ставился у него гораздо шире, чѣмъ у другихъ одеждъ. Въ 1630 г. къ горностайному нагольному кортелю царицы Евдокіи былъ скроенъ пухъ къ вороту въ 2 вершка безъ чети, а около вошевъ и подольника въ 3 вершка безъ чети. Этотъ и два другіе кортеля изъ числа ея одеждъ описаны слѣдующимъ образомъ: Кортель горностайной нагольной опушенъ пухомъ чернымъ.

Кортель тафта бѣла на черевахъ на бѣльихъ, вошвы отласъ турецкой по червчатой землѣ розвода и круги золоты въ цвѣтахъ шолки розные, опушенъ пухомъ чернымъ. (143 г. авг. 23, сесь кортель царица пожаловала боярина княжъ Ивановѣ княгинѣ Борисовича Черкасскаго). Кортель дороги алы, подкладка тафта нѣмецкая свѣтлозелена на черевехъ на бѣльихъ, подольникъ тафта вииицейка жолта, вошвы по отласу по таусинному шиты золотомъ да сереброиъ.

Торлопъ, судя по описанію, Матер. №. 19, тоже, что и кортель,— мѣховая одежда крытая тафтою, украшенная вошвами на рукавахъ и подольникомъ. Быть можетъ отъ кортеля она отличалась воротникомъ стоячимъ или отворотнымъ, какъ у опашня и какъ у теперешняго тулупа, который происходитъ, по всему вѣроятію отъ торлопа. Употребленіе вошевъ указываетъ, что рукава его были широкіе, лѣтничные.

Въ числѣ одеждъ торлопы вообще встрѣчаются рѣдко. Въ царицыной казнѣ Марьи Ильичны, въ XVII ст. (1648-1676 г.) находился только одинъ торлопъ горностайной опушенъ пухомъ чернымъ, который и записанъ въ числѣ кортлей, а по другой описи даже и значится подъ именемъ кортля, А. О. П. № 146 и 204. Видимо, что этимъ именемъ названъ описанный выше нагольный кортель царицы Евдокіи Лук. Въ такомъ случаѣ можемъ заключить, что торлопомъ именовался кортель безъ покрышки, нагольный (тулупъ). Впрочемъ въ царской казнѣ Шуйскихъ описанъ торлопъ крытый тафтою, Матер. №. 19.

Поверхъ нѣкоторыхъ одеждъ, именно лѣтниковъ, шубокъ, плеча, даже и въ лѣтнее время, покрывались, какъ мы говорили, пуховымъ (бобровымъ) ожерельемъ, которое по особымъ способамъ кройки называлось *накладнымъ* и (въ XVI ст.) *наметнымъ*. Такое ожерелье кроилось изъ боброваго пушистаго мѣха, непремѣнно черненаго, т. е. подкрашеннаго въ самый черный цвѣтъ. Оно дѣлалось различной величины, смотря по желанію или по надобности, и потому кроилось иногда только изъ половины бобра, иногда изъ цѣлаго мѣха и самое полное изъ двухъ бобровъ. Хорошій, добрый, бобровый мѣхъ цѣнился въ половинѣ XVII ст. (1644 г.) въ 15 руб., такъ что полное ожерелье стоило 30 р. безъ приклада и безъ работы. Накладнымъ оно называлось по той причинѣ, что кроилось безъ разрѣза на полы,

а цѣльнымъ круглымъ воротникомъ съ отверстіемъ въ срединѣ для надѣванья черезъ голову. Въ этомъ отверстіи для большаго удобства при надѣваньи дѣлался спереди небольшой разрѣзъ, который потомъ застегивался съ исподи пуговками. Впрочемъ наметное ожерелье отличалось отъ накладнаго разрѣзомъ на полы. Въ этомъ послѣднемъ видѣ оно употребляется и теперь въ простомъ быту при короткихъ шубейкахъ. Наметкою въ старину вообще назывался нарядъ въ родѣ длиннаго воротника или пелерины (напр. наметка черническая).

Въ царицыномъ быту употреблялись пуховыя ожерелья только накладныя. Въ такомъ ожерельѣ на заглавной страницѣ этой книги изображена царица Марья Ильична. См. также рис. I и II, и др. Пуховое бобровое ожерелье вообще придавало старинному наряду, по преимуществу цвѣтному и золотному, весьма значительную долю красоты; оно же своимъ чернымъ цвѣтомъ много способствовало и возвышенію красоты лица, всегда набѣленнаго и нарумяненаго. По этимъ причинамъ оно надѣвалось довольно часто. Не смотря на то, количество такихъ ожерелій сохранявшихся въ царицыной казнѣ. не было значительно.

У царицы Евдокіи Лук. въ первое время (1626—1628 г.) хранилось всего шесть ожерелій, изъ коихъ одно она подарила своей матери Аннѣ Константиновнѣ, а другое родной сестрѣ Ѳедосьѣ, вышедшей замужъ за Ин. Матюшкина; третье приказала написати въ отставку. Затѣмъ (1629—1642 г.) у царицы употреблялось и сохранялось только 4 ожерелья, изъ которыхъ одно поношенное отдано женѣ брата Семена и взамѣнъ шито новое. У царицы Марьи Ил. сохранялось въ казнѣ 5 ожерелій у царицы Натальи Кир. 6 и съ оставшимися отъ царицы Марьи; у царицы Агаѳьи Сем. одно.

Зимою для защиты рукъ отъ холода, кромѣ теплыхъ рукавковъ, царицы надѣвали иногда *рукавъ* (муфту). Этотъ рукавъ не былъ однако такъ пышенъ и полонъ, какъ дѣлаютъ муфты теперь. Кроился онъ изъ бархата или атласа и разныхъ золотныхъ тканей, длиною всего въ 5 вершковъ, съ опушкою изъ собольихъ хвостовъ вершка по 2 шириною, слѣд. всей длины имѣлъ неболѣе 9 верш. Внутри подкладывался также соболемъ пупками, полегче, или пластинами, потяжеле. Снаружи по простой шелковой ткани украшался иногда золотнымъ круживомъ, а въ особыхъ случаяхъ и жемчужнымъ низаньемъ съ каменьями.

Однако въ описяхъ казны царицы Евдокіи Лук. въ числѣ другихъ предметовъ наряда рукава не встрѣчаемъ.

Послѣ царицы Марьи Ил. оставался одинъ только „рукавъ объерь по серебреной землѣ травы золоты, исподъ и опушка пластины собольи". Но у царицы Агаѳьи Сем. находимъ 7 рукавовъ собольихъ: бархатный червчатый съ круживомъ плетенымъ съ городы золото съ серебромъ; атласный золотный червчатый же травы и разводы шолкъ червчатъ; алтабасный— по золотной землѣ травы кубы серебрены; атласный серебренъ, травы золоты съ серебромъ; алтабасный золотной—травы серебрены съ горностаевымъ исподомъ, но съ опушкою собольною; атласный червчатый — рѣки и травы золоты; и рукавъ низанъ жемчугомъ по алому бархату съ запаны алмазными и съ яхонты червчатыми и съ изумруды [1]. Можно полагать, что въ концѣ XVII ст. употребленіе рукавовъ стало входить въ моду.

Судя по тому, что въ описяхъ царицыной казны первыхъ лѣтъ XVII ст. вовсе не упоминается о перчаткахъ или *рукавкахъ перщатыхъ*, даже и о простыхъ рукавкахъ, т. е. рукавичкахъ, можемъ полагать, что въ то время, а равно и въ XVI ст. въ царицыномъ быту онѣ еще не были въ употребленіи, по крайней мѣрѣ не принадлежали къ обычнымъ статьямъ женскаго наряда. Разумѣется въ простомъ трудовомъ быту въ зимнее время употреблялись, смотря по надобности, и рукавицы, и простыя и перщатыя; но въ общемъ нарядѣ въ нихъ не было даже и надобности, ибо ихъ вполнѣ замѣняли длинные рукава одеждъ, которыми руки прикрывались и отъ холода и во всякихъ другихъ случаяхъ.

Вообще, какъ статья нарядная, перчатки употреблялись очень рѣдко. Царицѣ Евдокіѣ Лукьян. въ 1626 г. ноября 6 были сшиты теплыя рукавки, на которыя употреблена пара соболей. Потомъ царь Михаилъ въ 1629 г. іюня 28 въ троицкомъ богомольномъ походѣ подарилъ своей супругѣ *рукавки персчаты* нѣмецкое дѣло вязены узоромъ шелкъ брусничевъ, запясье по отласу по алому дѣлано канителью и трунцалы (Матеріалы № 30). Затѣмъ въ періодъ времени 1629—1632 г. находимъ у царицы еще рукавки теплыя бархатъ червчатъ на

[1] Срав. Описаніе г. Саввантова, стр. 134.

черевехъ на лисьихъ на чернобурыхъ опушены соболемъ. Въ послѣдующее время, 1633—1643 г., въ казнѣ царицы хранились рукавки бархатъ червчатъ на пупкахъ на собольихъ, запясья по червчатому бархоту шиты канителью золоченою да серебреною съ картулиномъ да съ трунцаломъ въ нацвѣтѣ шолкъ зеленъ да лазоревъ, запясье подложено камкою жолтою куфтеремъ, нѣмецкое дѣло. Эти рукавки въ 1642 г. сент. 18 были подарены государемъ царевичу Алексѣю Мих.

Въ томъ же году у царицы находимъ новыя „рукавки везеныя шелкъ червчатъ нѣмецкое дѣло, запясья шиты по атласу по червчатому канителью да трунцаломъ золоченымъ травы и звѣри и птицы и въ травахъ низано жемчугомъ мелкимъ, промежъ травъ звѣздки золоченыя пришиваны съ жемчугомъ, около запясей обдѣлывано золотомъ, подложены запясья тафтою червчатою".

Такимъ образомъ царица Евдокія Лук. имѣла собственно только одну пару перчатокъ, перемѣняя съ теченіемъ времени съ 1629 по 1642 г., старую пару на новую. Это и показываетъ, что онѣ употреблялись очень рѣдко и вовсе не входили въ кругъ обыкновенныхъ потребностей наряда. У одной изъ дочерей царицы, у царевны Ирины М., находимъ также только 2 пары рукавковъ, однѣ: „рукавки *иршаныя* (лайковыя) нѣмецкое дѣло, запястье шито золотомъ; другія: рукавки тафта червчата на соболѣхъ".

Носили-ли перчатки царицы Марья Ил. и Наталья Кир., неизвѣстно. Въ описи ихъ казны о рукавкахъ не упоминается. У царицы Агаѳьи Сем. рукавковъ перщетыхъ было двѣ пары; однѣ: отласъ бѣлъ, исподъ пупки, опушка пластины собольи; кругомъ галунъ золотной; другія: шелковые шемоханскіе вязеные, запястье круживо золотное; по краямъ круживо золото съ серебромъ.

При выходахъ въ церковь или къ гостямъ и вообще въ парадныхъ случаяхъ царицы и царевны, какъ и всѣ женщины и дѣвицы, въ рукахъ всегда носили *ширинку*, носовой платокъ, роскошно вышитый золотомъ, серебромъ и шелками, а иногда и низанный жемчугомъ и *накищенный* по каймамъ золотыми кистями. Изображеніе такой ширинки см. на рис. VII, 1. Ширинки кроились изъ тонкихъ арабскихъ миткалей, а по большой части и особенно наиболѣе богатыя изъ бѣлой вницейской тафты. Бывали также и кисейныя, которыя иногда

присылались въ дарахъ изъ Крыма (М. № 21). Особенная цѣнность ширинки заключалась въ шитьѣ, гдѣ со всею роскошью выказывалось женское рукодѣльное искусство, не только въ чистотѣ и тонкости работы, но и въ женскомъ замышленіи по отношенію къ сочиненію узора и всякихъ украшеній. Ширинка такимъ образомъ, всегда служила хвастовскимъ предметомъ домашняго рукодѣлья и указывала значеніе и высоту рукодѣльныхъ достоинствъ всякой доброй и порядливой домоводицы изъ женщинъ, и трудолюбивой и слѣд. добронравной невѣсты изъ дѣвицъ. Въ самомъ нарядѣ это была наиболѣе замѣтная статья въ этомъ отношеніи; и женщина и дѣвица, неся въ рукахъ ширинку, тѣмъ самымъ какъ бы доказывала, если не всегда собственные рукодѣльные таланты, то всегда искусство и совершенство работъ своей свѣтлицы, и слѣд. свои хозяйскіе таланты. Оттого ширинки, вмѣстѣ съ убрусами, волосниками, сорочками, какъ исключительные предметы домашняго рукодѣлья, занимаютъ очень видное мѣсто и въ свадебныхъ дарахъ, гдѣ такими дарами всегда старались представить съ самой выгодной и похвальной стороны рукодѣльное прилежаніе и художество невѣсты и ея семьи. Чужой родъ, какъ и всѣ гости получали здѣсь наглядныя доказательства о такихъ достоинствахъ невѣстина рода и дома.

Описаніе ширинокъ царицыной казны (времени Шуйскаго), а также записки о ихъ заготовленіи въ свѣтлицѣ помѣщены въ отдѣлѣ Матеріаловъ. Тамъ же, № 100, находится указаніе и о цѣнѣ, по какой иногда покупались сработанныя ширинки и которая восходила отъ 2 до 8 руб. Сумма, сравнительно съ другими цѣнностями того времени, очень значительная, указывающая вообще какъ дорого цѣнилась такая работа. Иногда на ширинкахъ выставлялось даже имя хозяина дома, гдѣ она работалась. Олеарій разсказываетъ, что подобную ширинку онъ получилъ (1643 г.) отъ молодой супруги графа Шляковскаго, женившагося на русской. Это былъ по его словамъ: „носовой платокъ изъ бѣлой таѳты, вышитый золотомъ и серебромъ, съ длинною по концамъ бахрамою (накищенье); такими носовыми платками обыкновенно дарятъ невѣсту жены и дочери знатныхъ вельможъ: такъ на полученномъ мною мелкими буквами вышито было имя *Стрѣшнева*, брата отца великой княгини“ (царицы Евдокіи Лук.).

Въ казнѣ царицы Евдокіи хранилось „19 ширинокъ тафтяныхъ бѣлыхъ (поступившихъ къ ней изъ казны патріарха Филарета Никит.), и въ томъ числѣ: ширинка тафтяная *везена* золотомъ, репьи низаны жемчугомъ; 18 ширинокъ по бѣлой же тафтѣ шиты золотомъ и серебромъ съ шолки розными; кисти всѣхъ у 19 золотыхъ. (Взяты у стольника у князя Юрья Андреевича Сицково да у дьяка Тимоѳея Голосова, государевы патріарховы казны. И тѣ ширинки взялъ и отнесъ къ царицѣ въ хоромы окольничей В. Ив. Стрѣшневъ).

Въ казнѣ царевны Ирины находимъ: 25 *ширинокъ* шиты по тафтамъ по бѣлымъ золотомъ да серебромъ съ шолки съ розными; у ширинокъ кисти золотные. *Ширинка* тафта бѣла безъ кистей; на ней въ кругу вышитъ орелъ двоеглавой, по угламъ шиты травы золотомъ да серебромъ съ шолки съ розными. *Ширинка* тафта бѣла безъ кистей, шита золотомъ да серебромъ, около ширинки обшивана веревочка золотная. *Ширинка* кисейная турское дѣло, по ней по всей шиты травы золотомъ да серебромъ волоченымъ съ шолки съ розными".

Должно замѣтить вообще, что ширинкою назывался носовой платокъ болѣе или менѣе украшенный шитьемъ. Обыкновенные *платочки* носили свое обычное названіе и кроились въ царицыномъ быту тоже изъ бѣлой тафты или изъ миткалей, и рѣдко изъ тонкого полотна.

При богомольныхъ выходахъ, царицы, по примѣру своихъ супруговъ, употребляли также жезлъ, какъ знакъ царственнаго ихъ достоинства. Съ такимъ жезломъ въ рукѣ царица Марья Ильична шествовала въ Вознесенскій мон. къ панихидамъ, см. рис. I. Въ казнѣ царицы Евдокіи Лук. хранился: Жезлъ нѣмецкое дѣло дерево черное гладкое; въ рукоядь врѣзываны травы серебрены: межъ рукояди въ дву шурупѣхъ серебреныхъ золоченыхъ шурупцы костяные, въ шурубцахъ составы араматные; а тутъ же костяной ставикъ съ кровлею, а въ немъ зубочички костяные. Да въ томъ же жезлѣ трубка зрительная; да поверхъ жезла и рукояди въ шурупѣ серебреномъ золоченомъ часы солнечны съ маточникомъ. Кровля серебряна золочена, а кровлѣ деретца левъ съ змѣемъ. Подковецъ у жезла серебренъ золоченъ. (*Отмѣтки*: и тотъ жезлъ взятъ къ царицѣ въ хоромы, а изъ хоромъ выданъ въ казну; 146 г. мая 26, отъ царицы изъ хоромъ половину того жезла принесъ Родіонъ Стрѣшневъ; а другую половину выдалъ бояр. Лук. Ст. Стрѣш-

невъ: и у того жезла въ шурупехъ попорчено и шурубцы костяные съ араматы и костяной ставикъ съ кровлею съ зубочистки изъ того жезла выняты).

Царицыну обувь составляли: чулки, башмаки, ичедыги, чеботы. Въ царскомъ быту *чулки* вязаные или вязеные употреблялись очень рѣдко и дома не изготовлялись, а покупались у нѣмцовъ готовые. У царицы Евдокѣи Лук. было трое такихъ чулокъ: „чюлки вязеные шолкъ лазоревъ съ серебромъ, нѣмецкое дѣло; двои чюлки вязеные шолкъ алъ да жолтъ, нѣмецкоежъ дѣло“. Обыкновенно чулки кроились изъ тафты, камки, атласа, дороговъ и даже изъ сукна. Атласу въ кройку выходило на пару 1 ар. 2 в. во всю ширину полотнища (12 вер.); такимъ образомъ длина женскихъ чулокъ была вершковъ въ 12 и болѣе. Ширина ихъ измѣрялась въ *верхахъ* и надъ *стрѣлками*, около щиколотки. Конечно ихъ кроили въ плотную по ногѣ, для чего и необходимы были острые клинья или стрѣлки. Холодные чулки подкладывались тафтою: червчатые — лазоревою, желтые — червчатою и т. п. Подъ теплые подкраивались мѣховые испoды лисьи и бѣльи черевьи, собольи пупчатые, песцовые. Въ особыхъ случаяхъ холодные украшались даже кружевомъ. Такъ царицѣ Евдокіѣ Лук. на камчатные червчатые чулки было нашито круживо серебряное съ пелепелы. (Матер. № 29). При особой длинѣ всѣхъ одеждъ для чулокъ такого убора конечно вовсе и не требовалось; но здѣсь, вѣроятно, обнаружилось лишь общее требованіе богатаго убора въ соотвѣтствіе всему остальному. По свидѣтельству Рейтенфельса чулки носили безъ подвязокъ. Дѣйствительно, свѣдѣній о женскихъ подвязкахъ намъ не встрѣтилось.

Башмаки кроились изъ бархата, атласа и сафьяна. Бархату въ кройку выходило 6 вершковъ во всю ширину (12 вер.) полотнища, атласу 9 вер. (шир. около 8 вер.), сафьяна четверть кожи; на подкладку тафты широкой въ 1¼ арш. — 3 вершка. По *швамъ* башмаки обшивались золотнымъ съ шелкомъ пояскомъ или круживомъ, котораго выходило 1¼ арш. и больше; *каблуки* или *закаблучье* всегда обвивались волоченымъ золотомъ, на что требовалось золотой нити 5 и 8 арш. Бархатные и атласные, какъ и сафьянные *переды* по большой части узорочно вышивались золотомъ, низались жемчугомъ иногда съ дорогими

каменьями. У сафьянныхъ переды ставились иногда бархатные, на что употреблялось ткани 2 вер. По верхнимъ краямъ башмаки опушались атласомъ или бархатомъ другаго цвѣта. Наиболѣе употребительный цвѣтъ башмаковъ въ царскомъ быту былъ червчатый: но шились также башмаки бѣлые, жолтые, зеленые, алые, лазоревые. Подъ каблуки, которые бывали очень высоки, всегда ставились у простыхъ повседневныхъ скобы желѣзныя, а у нарядныхъ выходныхъ — серебряныя. *Стельки* ставились полстяныя и обшивались червчатою тафтою. Употреблялась полсть *старицкая* бѣлая. На поднарядъ употреблялась иногда объярь, шелковая ткань, а на подклейку *ирха* и клей; подошвы ставились обыкновенныя. Башмаки кромѣ того всегда *строчились* волоченымъ золотомъ или серебромъ.

Съ башмаками, какъ ихъ принадлежность, носились нерѣдко *ичетыги* или *ичедоги*. Это въ точномъ смыслѣ — сафьянные чулки, ибо всегда шились изъ сафьяна безъ поднаряда и безъ особой подошвы. По большой части они покрывались, оболакивались камкою, или атласомъ, а съ исподней стороны подкладывались какъ чулки, тафтою, тогоже цвѣта или червчатые—лазоревою, бѣлые—червчатою и т. п.; по верхнему краю подпушались атласомъ другаго цвѣта. Въ комнатномъ быту ичетыги могли замѣнять спальные сапоги, такъ что ихъ носили и безъ башмаковъ; тогда къ нимъ ставили легкую подошву. Очень рѣдко они употреблялись безъ поволоки или оболоки шелковою тканью. Нѣтъ сомнѣнія, что ичетыги съ самымъ названіемъ [1] заимствованы у татаръ и въ XVII ст. упоминаются нерѣдко ичетыги крымскіе, крымское дѣло. Упоминаются при башмакахъ еще и *черевинки*, М. № 17, тоже крымскіе, быть можетъ обувь въ родѣ туфель или тѣхъ же ичетыговъ.

Женскіе *чеботы*, родъ сапогъ, кроились, какъ и башмаки изъ сафьяна, бархата и атласа. Это были башмаки съ голенищами, которыя назывались *прежниками*), а потому и въ кройкѣ, въ отдѣлкѣ и въ украшеніяхъ они сходствовали съ башмаками. На чеботы выходило въ кройку: на сафьянные—полсафьяна, на бархатные и атласные—этой ткани, на *полные* по 1 ар. 6 в.; а *полуполные* по аршину съ вершкомъ и съ 2 в., смотря по ширинѣ портища. На подкладку употреблялась тафта червчатая

[1] Ичь—итыкъ—внутрь—сапогъ, слѣд. чулокъ, см. Саввантова Описаніе стар. царскихъ утварей, стр. 178.

отъ 8 до 11 вер. Верхи обшивались атласомъ или бархатомъ другаго цвѣта, выходило 3 вершка; по швамъ пришивался золотный поясокъ или кованое золотное узкое или широкое круживо, котораго выходило 3 арш. и больше. Иногда на переды вмѣсто кружева пришивались *образцы*, низанные жемчугомъ какія либо изображенія, фигуры или узоры; тогда на остальные части кружева выходило только 2 арш. Скобы ставились также у простыхъ—желѣзныя, у нарядныхъ—серебряныя.

Кромѣ указанныхъ украшеній нарядные чеботы всегда вышивались богато золотомъ, унизывались жемчугомъ съ каменьями и по швамъ вмѣсто золотнаго пояска низались жемчугомъ же. Особенно узорочились ихъ *переды* и *задники*.

Чеботы бывали *кривые* и *прямые* относительно кройки подошвы; *полные* и *полуполные*, относительно длины голенища. *Строчились*, простые—шолкомъ, а нарядные—золотомъ. Цвѣтъ употреблялся такой же, какъ и для башмаковъ, червчатый, бѣлый, желтый, зеленый, алый. По свидѣтельству Маржерета вышина каблуковъ была въ 3 пальца, т. е. вершка въ 1½. Олеарій говоритъ, что женщины и преимущественно дѣвушки носили башмаки съ очень высокими каблуками, вышиною въ четверть аршина, такъ что носокъ едва касался земли, и ходить было очень затруднительно. Чрезмѣрную вышину каблуковъ подмѣтили даже и народныя былины. У Дюка Степановича были сапожки зеленъ сафьинъ, подъ пяту-пяту воробей пролети, о пяту-пяту яйцо прокати.

Сапогами въ собственномъ значеніи называлась обувь кожаная, которая въ царскомъ быту въ женскомъ нарядѣ не употреблялась, а изготовлялась только для придворныхъ женщинъ. Они шились изъ опойка (телятинные) и изъ сафьяна (козловые и барановые) такихъ же цвѣтовъ, какихъ бывали и чеботы, т. е. червчатаго, желтаго, зеленаго, лазореваго, бѣлаго и сиирные—чернаго. Въ царскихъ кладовыхъ, въ началѣ XVII ст. находимъ однакожъ сапоги бархатные и атласные, низанные жемчугомъ съ каменьемъ. Матеріалы, №. 39.

Мы видѣли, что царицыно платье большею частію шилось изъ тканей довольно тяжелыхъ, каковы были сукно и золотные и шелковые плотные скоба-скобой, камки, атласы, бархаты и т. п. Очень понятно, что женскія руки царицыныхъ мастерицъ не могли хорошо управляться ни съ кройкою, ни съ шитьемъ такихъ портищъ. Была необходима болѣе сильная и твердая мужская рука для того, чтобы съ успѣхомъ владѣть ножницами, иглою и утюгомъ для устройства изъ этихъ толстыхъ полотнищъ цѣлаго наряда. Такимъ образомъ мы и находимъ въ Мастерской царицыной палатѣ не портнихъ, а портныхъ мущинъ, которые при томъ пользовались почетнымъ именемъ *наплечныхъ* мастеровъ, ибо одѣвали царское плечо.

Личный составъ Мастерской палаты указанъ выше, стр. 524. Кромѣ наплечнаго или портняжнаго дѣла мужскія работы заключались еще въ изготовленіи обуви и головныхъ покрововъ: шапокъ, каптуровъ, столбунцовъ, треуховъ, тафей, шляпъ, а по однородности дѣла также мѣховыхъ ожерелій и т. п., требовавшихъ не одного шитья тканей, но ихъ подклейки и шитья разныхъ клеенокъ и кожи. Мастерская палата вообще занималась изготовленіемъ всякихъ нарядовъ какъ бы въ чернѣ. Все, что касалось украшенія, убора въ каждомъ такомъ нарядѣ, то принадлежало уже занятіямъ и работамъ царицыной Свѣтлицы.

Расходъ различныхъ матеріаловъ при употребленіи ихъ въ кройку или для другаго изготовленія очень подробно и обстоятельно, даже иногда съ разцѣнкою, записывался въ особую книгу, которая по главной статьѣ употребленія называлась книгою *кроельною*. Здѣсь записывалась также и мѣра кроенному платью съ обозначеніемъ *скупо* или *сыто* какая часть скроена, сколько оставлено въ запасѣ и т. п. Изъ кроельныхъ книгъ, хотя и не сохранившихся вполнѣ, мы узнаемъ, покрайней мѣрѣ приблизительно, какіе именно предметы наряда бывали въ большемъ употребленіи, сравнительно съ другими, и потому чаще строились и расходовались, совсѣмъ изношенные, въ отставку, а годные и новые—для подарковъ родственнымъ и служебнымъ лицамъ. Вотъ примѣрныя цифры подобныхъ построекъ для царицъ Евдокіи Лук. 1627—1629 г. и Марьи Ил. 1648—1650 г.

	136 г.	137 г.	156 г.	157 г.	158 г.
Шапка . . .	1	7	„	11	2
Кантуръ . .	1	1	„	„	„
Треухъ . . .	„	1	1	2	„
Шубка . . .	2	1	7	3	1
Тѣлогрѣя . .	9	14	25	18	20
Лѣтникъ . .	10	5	15	21	10
Приволока .	„	„	1	„	„

	136 г.	137 г.	156 г.	157 г.	158 г.
Роспашниц.	1	„	„	„	3
Опашень . .	„	2	2	„	„
Рукавки . .	1	„	„	„	„
Чулки. . . .	2	3	3	„	„
Башмаки . .	8	4	8	„	4
Ичедыки . .	„	„	2	„	„
Чеботы . . .	11	15	17	2	15

Кромѣ значенія мастерской, которое было такъ сказать коренное, почему и самый Постельный царицынъ Приказъ большею частію назывался тоже Мастерскою Палатою, эта Палата имѣла еще значеніе царицыной кладовой, иначе гардеробной, въ которой, въ особыхъ помѣщеніяхъ, въ поставцахъ, коробьяхъ, шкатулахъ, ларцахъ, ящикахъ и сундукахъ сохранялись всякіе предметы изъ платья и уборовъ, разумѣется, за исключеніемъ только тѣхъ, которые употреблялись вседневно и по этому хранились въ хоромахъ у самой царицы или у царевенъ. Выдавая наряды по назначенію, Палата вела точныя и подробныя объ этомъ записки, извѣстныя подъ именемъ *выходныхъ* книгъ, которыя по отношенію къ царицамъ и царевнамъ, къ сожалѣнію, не сохранились.

Изъ общихъ ея описей мы получаемъ любопытныя свѣдѣнія о количествѣ платья и уборовъ, какое за извѣстное время сохранялось въ казнѣ и которое даетъ понятіе вообще о степени щегольства въ быту царицъ и царевенъ. Съ этою цѣлью помѣщаемъ здѣсь сводную роспись различныхъ одеждъ царицъ Евдокіи Стрѣшневыхъ, Марьи Милославскихъ, Агаѳьи Грушецкихъ и взрослыхъ царевенъ Большихъ, отъ Стрѣшневой, и Меньшихъ, отъ Милославской.

Уборы и одежды.	Царицы. Евдокѣи Лук. 1626-8.	1632.	1642.	Марьи Ильичн.	Агаѳьи Сем.	Царевны. (1673 г.) Ирины.	Анны.	Татьяны.	Евдокіи.	Марѳы.	Софьи.	Екатерин.	Марьи.
Коруны	...	..	..	..	4								
Кики	5	—	—	4	2								
Рясы	4	—	—	1	—								
Шляпы	7	—	—	6	—								
Снуры шляпочные	3	—	—	3	—								
Каптуры	18	—	—	7	—								
Ожерелья бобровыя	16	—	—	5	1								
Шапки	8	15	38	27	2								
Горлатныя шапки	2	1	..	..	..	1	1	1	1	1	1	1	1
Пухъ шапочн.	—	—	—	3	—								
Верхи шапочн.	—	—	5	11	1								
Треухи	1	1	1	1	4								
Столбунцы	—	—	—	—	3								
Приволока	—	—	—	1	1								
Опашни	2	5	6	7	—	2	2	1	1	1	1	1	2
Лѣтники (вообще)	49	65	95	116	9	33	10	16	18	13	10	11	5
Въ томъ числѣ:													
Золотные	—	—	33	50	—								
Атласные	—	—	11	20	—								
Камчатные	—	—	25	27	—								
Объяринные	—	—	14	11	—								
Таѳтяные	—	—	11	8	—								
Дорогильный	—	—	1	—	—								
Роспашницы	—	3	9	9	—								
(Золотн., камч., объяр., таѳт.)					—								
Кортли	—	3	5	4									
Шубки (вообще)	...	..	..	..	..	18	10	9	11	9	7	7	7
Бархатныя	5	5	—	—	4								
Алтабасныя	2	1	—	—	—								
Атласныя	5	4	—	—	3								
Камчатныя	2	2	—	—	—								
Суконныя	14	18	24	22	2								
Золотныя	—	—	11	14	—								
Объяринныя	—	—	—	—	1								
Тѣлогрѣи, теплыя и холодныя (вообще)	35	52	124	—	—	37	15	30	43	47	25	23	27
Въ томъ числѣ:													
Золотныя	—	—	27	—	35								
Атласныя	—	—	22	—	12								
Камчатныя	—	—	30	—	15								
Объяринныя	—	—	20	—	8								
Таѳтяныя	—	—	23	—	2								
Дорогильныя	—	—	2	—	—								
Одѣялы	—	4	—	—	—	7	9	3		5	4	5	
Вошвы	13	12	—	—	—								
Рукавки	1	1	1	—	2								
Чеботы	12	20	42	—	—								
Башмаки	7	9	18	—	8								
Рукавъ	—	—	—	—	7								
Чулки вязен. и камчат.	—	—	13	—	6								

Здѣсь не поименованы нѣкоторые, особенно богатые уборы и вообще *кузнь ларешная*, всякія драгоцѣнности, по той причинѣ, что, какъ мы уже говорили, и само вѣдомство Мастерской Палаты ничего не знало объ ихъ количествѣ, ибо они хранились всегда въ особыхъ ларцахъ, ящикахъ, шкатулахъ и коробьяхъ за царицыною печатью и въ такомъ видѣ сдавались дворецкими и дьяками при случаѣ новаго пересмотра и новой переписи. Такъ здѣсь нѣтъ описи царицыныхъ корунъ, вѣнцовъ, богатыхъ ошивокъ, убрусовъ, жемчужныхъ ожерелій, монистъ, серегъ, перстней и т. п. Въ казнѣ у царицы Евдокіи Лук. въ числѣ ларцовъ находились: „*Ларецъ* кипарисный съ костьми, обложенъ серебромъ, во влагалищѣ въ суконномъ червчатомъ съ замкомъ за печатью царицы, а ключь отъ замка у ней государыни въ хоромѣхъ. *Ларецъ* по зеленой землѣ травы писаны розными красками за печатью государыни великія старицы инокп Марѳы Ив.—*Ларецъ* зеленъ окованъ желѣзомъ за печатью царицы, а въ немъ государя (т.) нарядныя сорочки.—*Ларецъ* кипарисный за царицыною печатью, а въ немъ государевы полотенца. *Ларчикъ* кипарисной окованъ, а въ немъ царицыны ошивки. *Коробья* новгороцкая съ замкомъ за печатью царицы, а въ ней царицыны сорочки. Коробья новгороцкая окована желѣзомъ, замкнута, за царицыною печатью, а въ ней государевы да царицыны отставныя сорочки. *Коробья* осиновая бѣла съ вислымъ замкомъ за царицыною печатью, а въ ней по ярлыку написано: *низаные убрусцы*; а ключь того замка у царицы въ хоромѣхъ. (155 г. генв. 31, съ убрусцы взялъ государь (Алексѣй М.) и отнесъ къ себѣ въ хоромы). *Ларецъ* кипарисный окованъ, съ замкомъ, а ключь отъ того замка у царицы въ хоромѣхъ; а по сказкѣ боярыни Анны Костянтиновнѣ въ томъ ларцѣ сорочки царевны Ирины. *Ларчикъ* оболоченъ бархатомъ червчатымъ оковцы серебрены; во влагалищѣ суконномъ съ замочкомъ вислымъ. а ключь отъ того замка въ хоромѣхъ.“ Точно также и отъ нѣсколькихъ другихъ ларцовъ, коробей и шкатулъ, въ коихъ неизвѣстно что хранилось, ключи тоже находились у царицы въ хоромахъ.

Что касается одѣялъ и именно того обстоятельства, что у царевенъ они значатся въ весьма достаточномъ количествѣ, то должно припомнить, что царевны совершали свои выходы подъ покровомъ именно такихъ одѣялъ или полъ (см. выше стр. 297), изготовляемыхъ для этой цѣли не только изъ сукна,

но въ парадныхъ случаяхъ большою частію изъ тяжелыхъ золотныхъ тканей. Матеріалы № 21.

Одежды и уборы царицъ, послѣ ихъ смерти, преемственно переходили со всею ихъ казною къ новымъ царицамъ, за исключеніемъ развѣ носильнаго повседневнаго платья, которое большею частію раздавалось на поминъ души родственницамъ бывшей царицы или же продавалось съ цѣлью раздать деньги тоже на поминъ по церквамъ и монастырямъ. Такъ въ 1645 г. по смерти царицы Евдокіи продано было ея черное (траурное) платье съ предварительною оцѣнкою торговыхъ людей. Парадное выходное платье, вообще не часто надѣваемое, долго оставалось свѣжимъ и новымъ и потому долго сохранялось въ казнѣ. Новыя царицы, изъ остававшагося запаса выбирали многое и для своего гардероба, передѣлывали и перешивали, что не было по плечу, а иное, что было въ пору, приказывали подавать себѣ и безъ передѣлки. Такъ, спустя 11 лѣтъ по смерти царицы Маріи Ильичны, нѣкоторыя ея одежды, 2 шубки, 5 лѣтниковъ 2 тѣлогрѣи, поступили даже къ молодой царицѣ Агаѳьѣ Сем., а еще прежде вся ея казна перешла къ молодой царицѣ Натальѣ Кирил., которая къ оставшемуся гардеробу въ теченіи первыхъ 5 лѣтъ прибавила только 9 лѣтниковъ (къ остававшимся 116), 7 шубокъ (къ остававшимся 56) и до 40 тѣлогрѣй, коихъ послѣ царицы Марьи вѣроятно, оставалось около 70. Между тѣмъ и гардеробъ царицы Марьи заключалъ въ себѣ значительное количество одеждъ, перешедшихъ къ ней отъ царицы Евдокіи, ея свекрови. Такимъ образомъ количество болѣе или менѣе богатыхъ одеждъ накоплялось въ царицыныхъ кладовыхъ постепенно въ теченіи десятковъ лѣтъ и даже цѣлаго столѣтія. Укажемъ на постепенное приращеніе одеждъ у царицы Евдокіи, число которыхъ въ 20 лѣтъ увеличивалось вдвое и втрое, по той причинѣ, что тутъ же сохранялись и старыя, непзношенныя, но шитыя прежде. Не говоримъ о *выросткахъ*, т. е. о дѣтскомъ платьѣ, изъ котораго дѣти выростали и которое обыкновенно переходило послѣдовательно къ младшему поколѣнію иногда въ полномъ составѣ. Замѣтимъ также, что то богатство нарядовъ, какое мы находимъ въ царицыной казнѣ въ эпоху Смутнаго времени, извѣстное намъ лишь по отрывочнымъ, не вполнѣ сохранившимся описямъ (Матер. № 17), объясняется тою же обычною бережливостью царскаго Двора. Здѣсь многіе предметы, особенно предметы свѣтличнаго рукодѣлья, каковы напр.

лѣтничныя вошвы, могли оставаться еще отъ первыхъ царицъ XVI ст., такъ какъ въ концѣ XVII ст. оставались еще въ царицыной казнѣ уборы, напр. кики и одежды царицы Евдокіи (†1645). Такая сохранность одеждъ и разныхъ другихъ предметовъ обнаруживала съ одной стороны великую бережливость и можно сказать великое скопидомство, какимъ отличалось государево и особенно царицыно хозяйство до послѣднихъ мелочей. Послѣдній вершокъ ткани, остатокъ и обрѣзокъ сохранялся и шелъ въ дѣло или въ домовомъ обиходѣ или въ даръ. Въ расходныхъ царицыныхъ запискахъ часто встрѣчаются отмѣтки, что тому или другому ея родственному или служащему лицу выдавались именно вершки тканей, золотники шелковъ и т. п.

Здѣсь старое хозяйство было вѣрно своему старому исконивѣчному Домострою, который училъ: „остатки и обрѣзки (отъ кройки тканей и др. предметовъ) ко всему пригожаются въ домовитомъ дѣлѣ: поплатить ветчаново товожъ портища или къ новому прибавить, или какое нибудя починить; а остатокъ и обрѣзокъ какъ выручитъ, а въ торгу устанешь прибираючи въ то лицо, въ три—дорога купишь, а иногды и не приберешь.“ Этотъ добрый совѣтъ не оставался пустою рѣчью, или однимъ только поучительнымъ присловьемъ, а водворялся въ дѣйствительности, даже и въ такомъ богатомъ и широкомъ обиходѣ, каковъ былъ обиходъ царицы. Въ казнѣ царицы Евдокѣи Лук. Стрѣшневыхъ находилось не мало коробей и ящиковъ, именно со всякими остатками и обрѣзками. Напр.: „*Сундукъ* кипарисной кованой, а въ немъ шубка бархатъ червчатъ, круживо кованое низано жемчугомъ и иная мелочь, камчатые и тафтяные остатки. *Коробья* лубеная, а въ ней остатки и всякое лоскутье бобровое и лисье. И тѣ остатки и лоскутье проданы, для того что излежались. *Коробья* осиновая, а въ ней остатки тафтяные и шолкъ. *Коробья* бѣлая, а въ ней бобровые и лисьи остатки. И тѣ остатки проданы. *Коробка* ноугороцкая невелика съ замкомъ съ нутренымъ, а въ ней остатки золотные и отласные большіе и мелкіе. *Коробья* бѣла осиновая, а въ ней остатки камчатые и тафтяные и пестредиляные. *Коробья* невелика съ замкомъ съ нутренымъ, а въ ней отласные, да камчатые да тафтяные мелкіе остатки.“ Множество подобныхъ остатковъ, обрѣзковъ и лоскутьевъ сохранилось въ казнѣ времени Годунова и Шуйскаго.

Если съ такою бережливостью сохранялись мелкіе лоскутки, то очень естественно, что цѣлыя одежды, переживали иной разъ

не одно поколѣніе. Ихъ береженье главнымъ образомъ поддерживалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время вовсе не были извѣстны модные покрои платья, которое кроилось по вѣковѣчнымъ неизмѣннымъ образцамъ, при томъ изъ такихъ тканей, что могло даже черезъ цѣлое столѣтіе вполнѣ отвѣчать и потребностямъ и вкусамъ тогдашнихъ красавицъ, и какой либо богатый и роскошный лѣтникъ, сшитый въ началѣ XVI ст. напр. вел. княгинѣ Еленѣ Глинской, могъ послужить въ концѣ столѣтія такимъ же богатымъ и роскошнымъ нарядомъ и для царевны Ксеніи Годуновой, лишь бы пришелся по плечу и въ ростъ [1]. Надо замѣтить, что Смутное время или московская Разруха опустошила царскія кладовыя до нитки, такъ что первыя царицы XVII ст. должны были дѣлать себѣ все вновь, снова накоплять свою казну, которая въ дѣйствительности къ концу XVII ст. и наполнилась множествомъ различныхъ одеждъ, нашитыхъ разными царицами постепенно въ теченіи столѣтія.

Мы уже говорили (томъ I, глава I), что Свѣтлицею вообще, въ старинныхъ хоромахъ, называлась болѣе обширная, сравнительно съ другими, и свѣтлая хоромина, которая въ домовитомъ обиходѣ и особенно на женской половинѣ устроивалась по преимуществу для женскихъ рукодѣлій, была рабочею комнатою. Своимъ устройствомъ, т. е. большими красными окнами и ихъ количествомъ она походила на теремъ и отличалась отъ него лишь тѣмъ, что ставилась не въ самомъ верхнемъ ярусѣ древнихъ хоромъ, т. е. не входила въ составъ жилаго хозяйскаго Верха, а принадлежала къ хороминамъ нижнимъ и въ смыслѣ мѣстоположенія и въ смыслѣ своего служебнаго, рабочаго назначенія. Впрочемъ свѣтлица всегда устроивалась только для чистыхъ работъ и если въ иныхъ случаяхъ занимала верхнее помѣщеніе, то и называлась теремомъ, каковъ, напр. въ царскомъ дворцѣ XVII ст. былъ *иконный теремъ*, находившійся въ верхнемъ этажѣ набережной стороны Дворца. Сохраняя общее значеніе свѣтлой, чистой и просторной рабочей комнаты,

---

[1] Упомянемъ, что въ государевой казнѣ 1645 года сохранялась, кажется еще старая сума в. к. Ивана Калиты. Въ кроильной книгѣ (А. О. П. № 1158), апрѣля 19 записано: скроена сума камка индѣйская шолкъ голубъ да вишневъ, противъ старые сумы вел. кн. Ивана Даниловича Калиты.

свѣтлица, конечно, бывала необходимою принадлежностью и для другихъ статей домовитаго хозяйства, напр. въ государевомъ дворцѣ были особыя свѣтлицы на Сытномъ дворѣ „у отпуску боярской водки и у винной раздачи въ столовое и вечернее кушанье"; на Хлѣбенномъ—„у присмотру приказныхъ ѣствъ", т. е. которыя бывали особо приказываемы и т. д. [1]. Но частное, такъ сказать спеціальное ея значеніе оставалось по преимуществу за комнатою женскихъ чистыхъ рукодѣлій, которая и носила названіе Свѣтлицы по преимуществу.

Сначала въ государевомъ дворцѣ Свѣтлица находилась въ деревянныхъ хоромахъ и всегда обозначала совокупность нѣсколькихъ рукодѣльныхъ комнатъ. Въ 1625 г. позади дворцовыхъ зданій надъ Куретными дворцовыми воротами выстроена особая *свѣтличная каменная палата*, которая посредствомъ крытыхъ и открытыхъ переходовъ или галлерей соединялась съ постельными хоромами царицы и царевенъ, а слѣд. и со всѣмъ остальнымъ дворцомъ.—Но и въ это время подлѣ Свѣтличной палаты были поставлены и еще отдѣльныя деревянныя свѣтлицы, по той причинѣ, что вѣроятно одной каменной палаты было недостаточно для помѣщенія царицыныхъ рукодѣльницъ. Въ этихъ то зданіяхъ сосредоточивалась вся рукодѣльная статья царицыной жизни. Здѣсь постоянно работало болѣе пятидесяти женщинъ, мужнихъ женъ, вдовъ и дѣвицъ,—мастерицъ и ученицъ, изъ которыхъ однѣ занимались *бѣлымъ* шитьемъ, т. е. шитьемъ всякаго бѣлья; другія—*золотымъ*, подъ именемъ котораго разумѣлось и шелковое шитье, т. е. всякое вышиванье золотомъ, серебромъ и шелками. Первыя назывались по этому *бѣлыми швеями* и *бѣлыми мастерицами*;—вторыя *золотыми* и *золотными мастерицами*.

Само собою разумѣется, что въ царскомъ дворцѣ искусство вышиванья получало самое дѣятельное и обширное примѣненіе и всегда стояло на высшей степени своего совершенства, всегда славилось и лучшими во всей странѣ искусницами шитья и лучшими образцами произведеній, чему, конечно, очень много способствовали государскія дворцовыя средства, какъ въ отношеніи богатства, такъ и въ отношеніи сосредоточенія въ своихъ

[1] Въ 1667 г. нояб. 10, на кормовой и на хлѣбенный дворцы въ *свѣтлицы* отпущено на полавочники, на покрышку лавокъ, двѣ половинки сукна краснаго лятчины.

рукахъ всего лучшаго, всего наиболѣе достойнаго по искусству и наиболѣе цѣннаго по матеріалу. Царицына Свѣтлица была, въ своемъ родѣ, такою же художественною школою, какою на половинѣ государя была Иконописная палата и которой Свѣтлица ни въ чемъ не уступала, изображая тѣже иконы не красками, а шелками, съ такою тщательностію и отчетливостію, что онѣ и до сихъ поръ заслуживаютъ удивленіе археологовъ. Стиль иконописной раскраски, своего рода мозаики, давалъ полную свободу подражать ему въ воспроизведеніи иконописныхъ ликовъ такою же мозаикою шелковаго шитья, которое притомъ исполняло свои работы по тѣмъ же иконописнымъ переводамъ, прорисямъ и образцамъ съ соблюденіемъ не только основныхъ линій но и колорита раскраски.

Царицына Свѣтлица, такимъ образомъ, представляетъ намъ цѣлый особый и забытый міръ художнической дѣятельности, въ которой художникомъ является русская женщина, приносившая рядомъ съ мужчиною, свой усердный и столькоже замѣчательный трудъ на возвышеніе красоты и великолѣпія Божьяго храма.

Начало шелковаго и золотаго шитья мы должны относить къ самымъ первымъ временамъ нашей исторіи, когда оно, по всему вѣроятію, служило лишь домашнимъ потребностямъ богатаго наряда и убора. Само собою разумѣется, что съ принятіемъ христіанства, благодаря потребностямъ Церкви и знакомству и близкимъ связямъ съ византійскою Греціею, откуда безъсомнѣнія вмѣстѣ съ образцами работы являлись къ намъ мастера и мастерицы,—это женское по преимуществу художество получило обширнѣйшее примѣненіе, распространилось и утвердилось какъ особая отрасль художества, служившаго исключительно Церкви. Вѣроятнѣе всего, что въ первое время особому его распространенію способствовали женскія монастырскія общины. Мы видѣли, стр. 92, что уже первыя княжны основываютъ монастыри, собираютъ черноризицъ и съ богомольными цѣлями путешествуютъ даже въ Греки, въ Царьградъ. гдѣ конечно, въ женскихъ же монастыряхъ знакомятся еще ближе съ искусствомъ. Женскій монастырь долженъ былъ существовать женскимъ же рукодѣліемъ; а какое же рукодѣліе было соотвѣтственнѣе монастырскому настроенію мысли, какъ не то, которое прямо шло на украшеніе Божьяго храма. Очень естественно, что первые женскіе монастыри были и первыми мастерскими

и первыми разсадниками этого искусства. Татищевъ упоминаетъ, что первая монахиня изъ русскихъ княженъ, дочь Всеволода, Янка сама учила черноризицъ дѣвицъ грамотѣ, пѣть, шить. (Кар. II, пр. 156.) Онъ же приводитъ свидѣтельство, что другая Анна Всеволодовна, жена Рюрика Ростиславича (1200 г.) „ни о чемъ болѣе прилежала, какъ о милости и милостыни; обидимыхъ и страждущихъ въ напастехъ охраняла и защищала, еше же и должность материнскую хранящи, научила чадъ своихъ словесамъ и закону Божію, также милости и благонравію. Сама прилежала трудамъ и рукодѣліямъ, шеніямъ златомъ и серебромъ, какъ для себя и своихъ дѣтей, паче же для монастыря Выдубицкаго, которому особенно усердствовала вмѣстѣ съ мужемъ [1]. Припомнимъ Февронію Муромскую, которая бывъ крестьянкою ткала красна, а ставши княгинею, а потомъ и монахинею, однажды „въ храмѣ Пречистыя соборныя церкви своима рукама шила воздухъ, покровъ на св. сосуды, на немъ же бѣ лики святыхъ“. Въ это время бывшій ея супругъ, также инокъ, князь Петръ, присылаетъ къ ней вѣстника, что приблизился часъ его кончины и ждетъ онъ ее, чтобъ вмѣстѣ „отъити отъ тѣла“. Она отвѣтила: пожди—вотъ дошью воздухъ во святую церковь. Супругъ присылаетъ вторично, говоря, что остается мало ожидать; присылаетъ въ третій разъ, съ словами, что ожидать уже невозможно; „она же останошное дѣло воздуха святаго шіяше, уже бо единаго святаго ризъ еще не дошивъ, лице же нашивъ, и преста, и воткне иглу и приверте нитею, ею же шіяше, послала къ блаженному супругу о преставленіи купнемъ и помолившеся, преставилась“.

Такимъ образомъ не будетъ и малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ одно время съ построеніемъ у насъ первыхъ христіанскихъ храмовъ явились на украшеніе ихъ и первые памятники женскаго золотаго и шелковаго шитья. Скупые на подробности лѣтописцы, рѣдко, и то уже въ позднее время, описываютъ самые предметы вышиванія и обозначаютъ ихъ вообще именемъ церковной *круты*.

---

[1] Татищевъ кн. III, 329. Лѣтопись не говоритъ объ ученіи дѣтей рукодѣлью (Ип. 153); но прибавки нашего перваго историка вполнѣ вѣроятны, оправдываются всѣми обстоятельствами и могли быть заимствованы изъ позднѣйшихъ сказаній, которыя обозначали подробнѣе то, что разумѣлось вообще въ короткихъ словахъ лѣтописца.

Въ 1146 г. они упоминаютъ, какъ князь Изяславъ взялъ городъ князя Святослава и церковь св. Вознесеніе всю облупиша, забралъ: сосуды, „пиднтьбѣ и платы служебныя, а все шито золотомъ“...

Въ 1183 г. въ градѣ Володимери Суздальскомъ сгорѣла соборная церковь, Богородица Златоверхая, а въ ней всѣ узорочья и въ томъ числѣ „портъ (одеждъ) шитыхъ золотомъ и женчюгомъ, яже вѣшали на праздникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ во владыцнихъ сѣній во двѣ же верви, чюдныхъ“.

Въ XIII вѣкѣ они упоминаютъ: о церковныхъ сооруженіяхъ князя Владиміра Васильковича на Волыни, который между прочимъ устроилъ: „завѣсы золотомъ шиты, платцы (воздухи) оксамитны шиты золотомъ съ женчюгомъ — херувимъ и серафимъ, иньдитья золотомъ шита вся“...

Изъ предметовъ мірскаго наряда упоминаютъ облечье золотомъ шито, какъ принадлежность одежды знатныхъ людей, и сапози зеленаго хза шити золотомъ, что указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на мужское золотошвейное искусство.

Но конечно не однѣ монастырскія мастерскія доставляли украшеніямъ церкви столько работъ и еще чудныхъ, какъ обозначаетъ ихъ лѣтопись. Впослѣдствіи, особенно, когда монастырскіе идеалы вполнѣ водворились въ семейномъ быту, каждый княжескій и боярскій домъ, каждый достаточный домъ, направляемый благочестіемъ и особеннымъ усердіемъ къ Церкви, точно также приносилъ ей свои труды, или на помина души или исполняя свои набожные обѣты и моленія. — Это становится наконецъ святымъ обычаемъ, которому слѣдовали непреложно и неизмѣнно въ теченіи всего допетровскаго вѣка, хранили его, какъ догматъ благочестивой семейной жизни.

Въ послѣдующее время, въ XVI и XVII ст. мы находимъ, что въ каждомъ домостройномъ и достаточномъ хозяйствѣ, золотное и шолковое *пяличное* дѣло принадлежитъ уже къ необходимымъ статьямъ общаго домоводства и занимаетъ самое видное мѣсто въ числѣ разныхъ другихъ рукодѣлій. Каждая достаточная государыня и добрая домоводица, а главное, добрая рукодѣльница всегда сама была искусницею въ этомъ пяличномъ дѣлѣ. Оно служило первымъ признакомъ хорошаго воспитанія и образованія въ женскомъ быту, лучшимъ украшеніемъ хозяйскихъ добродѣтелей дѣвицы и женщины. Къ тому же и са-

мое положеніе женскаго быта, монастырски замкнутаго и недоступнаго обществу, должно было особенно благопріятствовать укорененію и распространенію этого рукодѣлія. Въ достаточной средѣ трудно было найдти занятіе болѣе соотвѣтственное общему набожному настроенію мыслей и набожнымъ представленіямъ о наилучшемъ мірскомъ подвигѣ жизни, съ другой стороны, нельзя также было найдти занятія болѣе соотвѣтственнаго такъ сказать „изящному" провожденію времени, по крайней мѣрѣ по понятіямъ вѣка и особенно для дѣвицъ. И дѣйствительно, это рукодѣліе вполнѣ могло удовлетворять самымъ возвышеннымъ потребностямъ тогдашнихъ стремленій и вкусовъ, созидая памятники на украшеніе Божьему храму, и производя множество предметовъ для красоты женскаго, а отчасти и мужскаго наряда. Словомъ сказать золотное и шелковое шитье все-таки вводило людей въ міръ искусства вообще, приближало ихъ къ изящному въ жизни, и тѣмъ самымъ, быть можетъ, смягчало нравы. направляло ихъ къ лучшей по обстановкѣ вѣка жизни. т. е. къ жизни иноческой.

Какъ бы ни было, но еще и до сихъ поръ въ монастыряхъ и церквахъ сохраняется множество памятниковъ, которые показываютъ, что женскій трудъ вышиванья нисколько не уступалъ мужскому иконописному труду и въ такой же мѣрѣ обогащалъ Церковь своими болѣе разнообразными произведеніями. Въ этихъ памятникахъ, предъ лицемъ исторіи, женская личность свидѣтельствуетъ о своей многовѣковой дѣятельности, о своемъ независимомъ самостоятельномъ трудѣ, который былъ приносимъ съ единою цѣлію возвысить красотою и богатствомъ обстановку церковнаго служенія и молить о спасеніи души.

Нѣкоторые памятники въ своихъ надписяхъ или въ записках по случаю ихъ постройки красноречиво разсказываютъ эти благочестивыя стремленія женской личности. Такъ на одной древней епитрахили въ Новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ читаемъ слѣдующія слова: „Госпоже Богородица, Пречистая Мати Божія, Милостивая Царице, пожалуй, Госпоже, помилуй рабу свою Марію, отдай ей грѣхъ; буди, Госпоже, Помощница въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ рабѣ своей Маріѣ и раба своего Θеодора. Спаси ее, Госпоже, Царица Пречистая. Пожалуй, Госпоже, помилуй!"[1] Въ записках новгородскаго Софійскаго си-

[1] Археол. описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, соч. архим. Макарія, ч. II, стр. 337.

водика XVI в. между прочимъ значится: 1541 г. шила *пелену* княгиня Анна Оболенская въ домъ св. Софіи непзрѣченныя премудрости Божія, къ ней же пелена и приложена бысть. А за то поминати (княгиню) въ сенанникѣ и въ литейномъ поминаніи и въ повседневномъ, докуда и храмъ св. Софіи стоитъ, а изъ поминанія не выгладити (не выскоблить имени) княгини Анны. — 1543 г., шила златомъ и сребромъ *пелену* княгиня Ксенія Шуйская въ домъ св. Софіи, а приложена къ Спасову образу. И какъ представится кн. Ксенія—поминати (се) въ сенанникѣ и въ литейномъ поминаніи и въ повседневномъ, докуды и храмъ св. Софіи стоитъ. 1548 г. тая же княгини Ксенія шила *покровъ* десяти пядей образъ Іоанна архіепископа новгородскаго— златомъ и сребромъ и шолки различными цвѣты. И на праздникъ на св. Пасху положила на гробѣ чудотворца Іоанна во храмѣ св. Іоанна Предтеча—за здравіе князя Ивана Михаиловича (ея супруга) и за свое и за своихъ благородныхъ чадъ. А по преставленіи князя Ивана и княгини Ксеніи поминати ихъ во всенанники и въ литеи во вѣки въ церкви св. Софіи и въ храмѣ св. Іоанна Предтеча, идѣже лежать мощи Іоанна новгородскаго“ [1].

При настоящей задачѣ нашего труда, мы не имѣемъ намѣренія да и возможности дѣлать перечисленіе памятниковъ, какіе были совершены въ разное время искусствомъ вышиванья. Повторимъ только, что не смотря на утраты, ихъ много сохраняется и до сихъ поръ, а въ прежнее время ихъ существовало великое множество, чему свидѣтелями могутъ служить всѣ древнія описи церквей и монастырей, въ которыхъ отдѣлъ церковной „круты“, т. е. одеждъ разнаго наименованія и назначенія, шитыхъ и саженыхъ или низаныхъ жемчугомъ всегда бываетъ столько же полонъ и богатъ, какъ и другіе отдѣлы храмовой утвари. На памятникахъ наиболѣе замѣчательныхъ почти всегда вышивалась и лѣтопись ихъ сооруженія, иногда даже съ обозначеніемъ именъ трудившихся. Въ Антоніевомъ новгородскомъ монастырѣ хранятся ризы (1654 г.), у которыхъ на оплечьи шиты золотомъ и серебромъ съ передней стороны обр. Богородицы на престолѣ, 8 Апостоловъ и 4 новгородскихъ чудотворца: а съ задней стороны: Спасъ и Богородица и Предтеча, т. е.

---

[1] Временникъ Общ. Ист. и Др. кн. 24, стр. 40.

деисусъ, и въ лѣтописи обозначено: *„жила Ростквина (?) Катерина Петрова“* [1].

Въ Сольвычегодскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ сохраняется пелена къ образу царевича Димитрія, шитая по малиновому атласу золотомъ, серебромъ и шелками, на которой изображенъ царевичъ во весь ростъ и событіе его убіенія, а въ поляхъ святые и въ углахъ символы Евангелистовъ. На задней сторонѣ вышита лѣтопись: „7163 (1654) года октября 19 совершена бысть сія пелена къ образу святаго благовѣрнаго царевича и великаго князя Димитрія московскаго и всея Русіи чудотворца, что на посадѣ у Соли Вычегодской въ церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы *по обѣщанію именитаго человѣка Димитрія Андреевича Строганова, а труды и тщаніе сія пелены жемчугомъ жены его Димитрія Андреевича Анны Ивановны, а въ лицахъ и въ ризахъ и во всякой утвари труды инокини Марѳы, по реклу Веселки“* [2]

Такимъ образомъ и въ царицыной Свѣтлицѣ главными и первыми самыми видными предметами золотаго и шелковаго вышиванья были различныя церковныя утвари, исполняемыя точно также по обѣщанію, или въ ознаменованіе усердныхъ молеңій и благодареній по случаю какихъ либо домашнихъ, семейныхъ событій, домашнихъ семейныхъ отношеній между царствующими супругами, за здравіе живущихъ и на помινъ души умершихъ, такъ что сооруженіе такихъ памятниковъ всегда олицетворяло въ нихъ внутреннюю задушевную исторію благочестивой жизни царскаго Дома.

Въ разное время, смотря по требованіямъ и по назначенію царицы или царевенъ, мастерицы изготовляли здѣсь слѣдующіе предметы церковной утвари: святительскія шапки и саки (саккосы), омофоры, епитрахили, орари, оплечья ризныя и стихарныя, поручи; на церковныя сосуды покровцы и воздухи, пелены и застѣнки къ образамъ, убрусцы; хоругви, плащаницы, надгробные покровы, и т. п.

Изъ домашнихъ мірскихъ вещей первое мѣсто въ свѣтличныхъ золотошвейныхъ рукодѣліяхъ принадлежало *вошвамъ*. Это были бархатные или атласные, вообще шелковые платы, о которыхъ мы уже говорили, стр. 636, и которые всегда роскошно

---

[1] Археол. Опис. Церк. Древн. Новгорода, Арх. Макарія, II, 324.

[2] Сольвычегодская старина, рукопись, В. Попова.

разшивались узоромъ, травами и разными изображеніями; а потому изъ нихъ же очень часто устроивали оплечья у священническихъ ризъ и у дьяконскихъ стихарей и ихъ размѣръ вполнѣ былъ пригоденъ для такого употребленія. Было въ обычаѣ богатые женскіе наряды, именно *причастные*, въ которыхъ причащались св. таинъ, и именно лѣтники съ богато шитыми вошвами жертвовать по смерти въ церковь на ризы. По всему вѣроятію эти то *вошвы-платы*, вшиваемые въ оплечья ризъ, и возбудили мнѣніе о неприличіи такого дѣла еще въ XII вѣкѣ, въ извѣстныхъ „вопросахъ" Кирика.

Изъ другихъ частей старинаго женскаго и мужскаго наряда мастерицы вышивали: шапочные вершки, особенно у женскихъ шапокъ, ожерелья или воротники, стоячіе и отложные, запястья, женскіе башмачные и чеботные переды изъ бархата и атласа, вышивали также женскія и мужскія сорочки, фаты и особенно много изготовляли вышивныхъ ширинокъ, фустокъ или платковъ, полотенецъ, убрусовъ, т. е. головныхъ покрововъ. Въ государеву Мастерскую Палату изготовляли такъ называемый *кречатій нарядъ*, уборъ ловчихъ птицъ и для собственнаго употребленія и для посылки въ дарахъ къ Турецкому султану въ Царьградъ, въ Кизылбаши къ Персидскому шаху и къ европейскимъ государямъ, особенно въ англійскимъ королямъ. Этотъ уборъ состоялъ изъ вотолки, нагрудника, нахвостника, нагалокъ, шитыхъ изъ атласа и клобучка изъ бархата, которые частію вышивались золотомъ, а преимущественно низались жемчугомъ, а также изъ обнажей, должика, силецъ и задережекъ, которые украшались жемчужными низаными ворворками и клинышками.

Въ золотное дѣло употреблялось волоченое золото и серебро, нѣмецкое и отчасти турское, *сканое* и *пряденое* съ шелкомъ, а также золотая и серебряная бить разновиднаго изготовленія, именно *канитель*, *трунцалъ* или *струнцалъ*, *картулинъ* или *картулень, картунель*; *бгань* или *гбань*, и разные роды такъ называемыхъ блестокъ: *звѣздки*, *пелепелы*, *плащики*, *чѣпочки*, и т. п. Больше всего употреблялась канитель и особенно нѣмецкая, которая была *тонкая* и *толстая*, *гладкая* и *грановитая*, *красная* собственно золотая, и *цвѣтная* (разныхъ цвѣтовъ), а также *бѣлая*, серебряная; трунцалъ также былъ *красный* золотой и *бѣлый* серебряный, какъ и вообще словомъ бѣлый обозначалось серебро, въ отличіе отъ золота и золоченья.

Всѣ эти предметы покупались въ Серебряномъ ряду и у торговыхъ нѣмцовъ, за золотникъ по 5 алтынъ. Толстая канитель была дороже и покупалась по 6 алт. 4 д.; въ этой же цѣнѣ была канитель цвѣтная. Трунцалъ, бгань и цѣпочки продавались также нѣсколько дороже, по 5 алт. по 2 и по 4 деньги золотникъ. Волоченое или пряденое золото и серебро продавалось намотанное на цѣвки или катушки или же связаное кистями, и вѣсилось *литрами* (72 зол.) и цѣвками (6 зол.) отчего и называлось литернымъ и цѣвочнымъ; нитями въ золотникѣ считалось 10 нитей, а въ цѣвкѣ 60.

Въ XVI ст. литра продавалась дешево по 4½ р. и дорого по 6 р. Въ XVII ст. дешевая цѣна была 10 р. 80 к. (по 15 к. зол.) дорогая 14 р. 40 к. (по 20 к. зол.) Таже самая цѣна стояла и на всѣ другія издѣлія изъ золотой и серебряной бити, поименованныя выше.

Такъ какъ волоченаго золота и серебра и канители употреблялось много, а дома все это можно было приготовлять дешевле и выгоднѣе, то во Дворцѣ еще въ началѣ XVII ст. было заведено канительное производство, были вызваны нѣмцы мастера и устроенъ канительный станъ. Въ первой половинѣ XVII ст. находились при Дворцѣ и въ царицыну Мастерскую Палату поставляли канитель и подобные предметы канительные мастеры: Иванъ Баженовъ 1614 г.; Мурза Гавриловъ 1614—1626 г.; Фредрикъ Гурикъ и Курикъ 1622—1632 г.; Юрій Яковлевъ, волочильникъ 1623—1630 г.; Авраамъ Юрьевъ Каврикъ и Гарвинъ 1628—1633 г.; Ульянъ Ульяновъ 1632—1636 г.; Иванъ Буковъ 1632—1633 г.; французенинъ Иванъ Бостинъ 1633 г.; Абрамъ Арфинъ 1634—1637 г. и др.

О способахъ и о самомъ производствѣ золотаго шитья мы имѣемъ мало свѣдѣній. По всему вѣроятію многое изъ старинной техники этого дѣла сохраняется и теперь, у нынѣшнихъ русскихъ золотошвеекъ, особенно по украинныхъ старинныхъ городамъ. О способахъ шитья въ XVII ст. встрѣчается нѣсколько указаній при описаніи шитыхъ вещей. Такъ обозначается шитье *гладью*, *высокимъ швомъ*, *на чеканное дѣло*, т. е. на подобіе чеканной металлической работы; *на-канительное дѣло*, спиралью; шитье *въ петлю*, *въ большую петлю*, *въ круги*, *въ мелкіе кружки*, *въ цѣпки*, *въ вязь*, *въ клопецъ*, *въ ломъ*, *въ черенки*, *скалью*. Чаще встрѣчается обозначеніе шитья *на—аксамитное дѣло*, на подобіе аксамита, особаго рода парчи, въ которой узоры, травы и раз-

воды ткались или возвышенно передъ полемъ или фономъ матеріи или же на оборотъ: поле ткалось возвышенно, а разводы углубленно, при чемъ поле бывало золотное, а разводы шелковые, или поле шелковое, а разводы золотные. Золотое и шелковое шитье подражало этому способу ткани, почему и самый способъ такого шитья опредѣлялся словомъ *аксамитить*, т. е. шить подобіемъ аксамита. Такимъ же образомъ шитье подобіемъ бархата обозначалось выраженіемъ; бархатить [1].

Нераздѣльно съ золотошвейною работою стояло *низанье* или *саженье* жемчугомъ, который цѣнился по величинѣ, окатности или скатности, особенной круглотѣ, и по чистотѣ воды, т. е. по чистотѣ (лоску) и бѣлизнѣ зерна, вообще цѣна ему была „по зерну смотря", т. е. въ высшей степени различна. „Память, почему знать купить разныя всякія купеческія рухляди и товары" на счетъ жемчуга совѣтуетъ такъ: покупай жемчугъ все бѣлый да чистый, а желтаго никакъ не купи: на Руси его никто не купитъ". Напротивъ у восточныхъ народовъ предпочитался жемчугъ желтоватый, никогда не терявшій своей воды, между тѣмъ какъ бѣлый черезъ нѣсколько лѣтъ темнѣлъ и желтѣлъ.

Жемчугъ зерновой окатной, чистый и бѣлый, покупался въ XVI в. за зерно безъ малаго въ золотникъ вѣсомъ по 8 руб. По этому расчету съ нѣкоторымъ пониженіемъ цѣнились зерна и меньшей величины, такъ что зерно въ ¼ зол. стоило рубль.— Это былъ жемчугъ „великій, большой". Жемчугъ средній и мелкій, ссыпной, и при томъ *рядовой*, т. е. обыкновенный, не отличавшійся особенною чистотою и окатностью цѣнился также сообразно своей величинѣ: 15 зеренъ въ золотникѣ стоило 1 ½ р. 30 зеренъ—1 р.: 50 зеренъ—полтина и т. д. Зубоватый, т. е. не гладкій, угольчатый, рогатый, но чистый, шелъ при гладкомъ въ полцѣны; а самый окатный или окатистый чистый, при рядовомъ въ двѣ цѣны. *Зернятка*, очень мелкій, и *буторъ*, ломъ, продавался еще дешевле.

Лучшимъ, а слѣд. и болѣе дорогимъ почитался жемчугъ *гурмыцкій* или *бурмицкій*, *бурминскій*, вывозимый изъ Ормуза или Гурмыза (страна, городъ и островъ при Персидскомъ заливѣ) [2].

---

[1] Сравн. въ Описаніи г. Саввaитова стр. 290.

[2] Городъ Гурмызъ былъ центромъ южной азіатской торговли: о немъ Мавры говаривали: „аще бы свѣтъ былъ перстнемъ, Ормуздъ былъ бы его каменемъ. Тамъ торгуютъ купцы всякого народу".

Затѣмъ слѣдовалъ жемчугъ кафимскій, вывозимый изъ Кафы (Θеодосія). Много жемчугу привозили и съ западной границы чрезъ Архангельскъ. Употреблялся также и русскій жемчугъ *варзужскій*, добываемый въ р. Варзугѣ (Арханг. губ. Кемскаго уѣзда), онъ же, вѣроятно, въ началѣ XVI ст. назывался *новогородскимъ*.

Низали жемчугомъ *въ снизку*, *въ ряску*, *въ ряскую*, *рясою*, *въ перье*, *въпрядь*, *въ одну*, *въ двѣ*, *въ три пряди*, *въ одно зерно*, *въ шахматъ*, *въ ревидь*, *лѣсомъ*, *зелы*, т. е. въ видѣ буквы зѣла, и т. п., вообще способъ низанья обозначался фигурою узора или какого изображенія.

Кромѣ жемчугу въ украшенье золотаго и серебрянаго шитья употреблялись и дорогіе камни разныхъ наименованій, всегда для низанья просверленные; а также и простые камни изъ стеклянныхъ сплавовъ, называемые *достоканами*, *варениками* и *смазнями*. Въ XVII ст. употреблялись въ низанье камни *черныя бирюзки*. *Пронизки* или бусы и *бисеръ* въ работахъ царицыной Свѣтлицы употреблялись рѣдко, по той причинѣ, что это былъ нарядъ небогатый. Въ соотвѣтствіе каменьямъ шитье украшалось нерѣдко и металлическими, золотыми и серебряными *дробницами*, т. е. дробными мелкими чеканными или рѣзными фигурами и *запонами* съ каменьями или съ финифтью.

Всякія изображенія и узоры и надписи, назначаемые для вышиванья или низанья, прорисовывали по ткани обыкновенно бѣлилами или чернилами состоявшіе при Свѣтлицѣ *знаменщики* или рисовальщики. Въ иныхъ случаяхъ рисунки изготовлялись и на бумагѣ, черченьемъ и прокалываньемъ. Мастерицы по рисунку выметывали очеркъ бѣлью и затѣмъ разшивали шелками или золотомъ и серебромъ. Въ свое время для царицыной Свѣтлицы много работалъ и знаменитый иконописецъ второй половины XVII ст. Симонъ Θедоровъ Ушаковъ, состоявшій сначала знаменщикомъ въ Серебряной палатѣ.

По штату при Свѣтлицѣ знаменщиковъ было двое. Въ 1620 г. знаменщиками золотныхъ мастерицъ были Иванъ Некрасовъ, Иванъ Ивановъ, которые апр. 3 получили вѣроятно въ награду за труды по 4 арш. сукна. Потомъ упоминаются: Петръ Ремезовъ (съ 1625 г.), на мѣсто котораго 1652 г. февр. 29 поступилъ Карпъ Тимофеевъ. Прося этого мѣста, онъ писалъ въ своей челобитной, 12 генв., что при немъ Петрѣ Ремезовъ знаменилъ онъ многіе *дѣла* въ прибавку больши 10 лѣтъ, по иконному: святительскія шапки и саки и амфоры и

патрахели и улари и рызные и стихарные оплечья и поручи; плащаницы и на церковные сосуды покровцы и воздухи и гробные покровы и на пеленах святых отец дѣяніе и *столповые слова* около покровов и воздухов и пелен и подписи; и всякое травное дѣло знаменить; а прежній де знаменщик, Петр Ремезов, знаменил одно *травное дѣло*, а по иконному знаменить и *словописново дѣла* и подписей писать неумѣет; а знаменивали прежде сего, по иконному, его (Карповы) братья, иконники, из корму, а давано им от того дѣла по 2 алт. по 2 деньги на день; а словописец де был жалованной; а ему было денег 15 р. да хлѣба 20 чети ржи, овса тож; и он Карп жалованьем перед своею братьею, иконниками, скорблен: и живучи у государева дѣла безпрестани, оскудал и одолжал", почему и просил сравнять его с жалованными иконниками. Из этой челобитной видим, что свѣтличные знаменщики знали только одно травное дѣло, а по иконному рисовать не умѣли. Для иконнаго знаменья, как увидим, призывались знаменьщики--иконники из Серебряной и Оружейной Палаты. В концѣ XVII ст., 1660—1690 г., свѣтличными знаменщиками были: Петр Симонов, Оника Онисифоров, Аѳанасій Резанцев, Григорій Лукьянов; писцами: Иван Ферапонтов, Дмитрій Третьяков.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе вообще о рукодѣльной дѣятельности царицыной Свѣтлицы, приводим в отдѣлѣ Матеріалов № 114 нѣсколько записок о *знаменных* дѣлах, по которым исполняли свои работы мастерицы.

Само собою разумѣется, что рукодѣлія царицыной Свѣтличной палаты не ограничивались только этими первостепенными богатыми и роскошными работами, вышиваньем и низаньем. Мастерицы занимались также шелковым и золотным плетеньем, вязаньем, тканьем, сканьем (сученьем), изготовленіем кистей, снурков, поясков, тесемок и т. п. разными мелочными дѣлами, не говоря уже о *бѣлом дѣлѣ*, о шитьѣ бѣлья и вообще о шитьѣ всяких предметов даже и кукол маленьким царевнам и царевичам и разнаго потѣшнаго их рукодѣлья. Подробности обо всѣх таких работах можно найдти в приводимых ниже записках Верховому взносу и кроенью платья. в отдѣлѣ Матеріалов.

Во второй половинѣ XVII ст. в Москвѣ славились своими работами и свѣтлицы нѣкоторых боярынь. Андрей Матвѣев

говоритъ, что окольничій Василій Волынскій, человѣкъ гораздо посредственнаго смысла и легкомысленной совѣсти и мужъ малограмотный, вошелъ у тогдашнихъ временщиковъ въ великое жалованье, а стало быть проложилъ себѣ путь и къ высшимъ мѣстамъ, по своему лицемѣрному похлѣбничеству и „*супруги своей по всехвальному въ Москвѣ въ тѣ времена всякаю золотомъ и серебромъ дорогого шитья въ своемъ домѣ, гораздо знаменитыхъ швей художеству*"; такимъ образомъ, не по разуму своему, но токмо по той льстивой и стеклянной фортунѣ пріобрѣлъ зѣло свѣтлое благополучіе. Ему былъ данъ въ управленіе даже Посольскій Приказъ, а онъ это управленіе и политическія дѣла, столько остро зналъ, сколько медвѣдь на органѣхъ играть [1].

Другая знаменитая боярская свѣтлица принадлежала боярынѣ Дарьѣ Прохоровнѣ Милославской, женѣ боярина Ивана Богдановича Милославскаго, у которой иногда покупались разныя вещи во дворецъ, въ государевы хоромы, Матер. № 100.

Не говоримъ о дѣвичьихъ монастыряхъ, гдѣ золотошвейное искусство всегда процвѣтало, особенно въ Вознесенскомъ, въ которомъ въ началѣ царствованія Михаила сосредоточена была даже и вся дворцовая свѣтличная работа, ибо тамъ жила великая инока Мароа Ив., мать государя, управлявшая въ первое время всѣмъ царицынымъ хозяйствомъ двора. Но и менѣе значительные монастыри также славились своими мастерицами. Въ 1651 г. (іюня 12) Варсонофьевскаго монастыря старица Доминикія Волкова дѣлала и обнизывала жемчугомъ святительскую шапку въ Назаретъ назарейскому митрополиту Гаврилу.

Само собою разумѣется, что монастыри были наполнены такими рукодѣльницами, ибо туда поступали дѣвицы и вдовы, уже искусныя во всякихъ домашнихъ рукодѣліяхъ, а золотое шитье, какъ мы говорили, всегда было необходимымъ и почти исключительнымъ занятіемъ женщинъ достаточнаго, а особенно знатнаго круга, для котораго монастырь обыкновенно становился единственнымъ пріютомъ, какъ скоро, по какой либо причинѣ, должно было оставить кровъ домашній.

Петрей, обозначая вообще положеніе русскихъ женщинъ, говоритъ, что „въ домашнемъ хозяйствѣ лучшія и знатнѣйшія женщины имѣютъ мало значенія: мужья содержатъ ихъ, какъ

[1] Исторія о Невин. заточ. боярина Матвѣева, изд. 2, стр. 388.

невольницъ; онѣ сидятъ въ заперти въ своихъ комнатахъ и обыкновенно шьютъ, либо вышиваютъ на полотнѣ ширинки золотомъ, серебромъ и шелками; онѣ очень искусны въ этомъ дѣлѣ и мастерицы вышивать по всякому узору, нѣкоторыя даже до того, что перещеголяютъ иныхъ швей въ шитьѣ жемчугомъ, и *рукодѣлья ихъ вывозятся въ дальніе краи*".

Именемъ *бѣлой казны* обозначался запасъ полотенъ и разныхъ другихъ льняныхъ издѣлій, изготовляемыхъ про царскій обиходъ. Какъ въ крестьянскомъ быту льняное дѣло находилось исключительно въ женскихъ рукахъ, такъ точно и въ государевомъ дворцѣ эта статья домашняго хозяйства принадлежала исключительно вѣдомству самой царицы. Здѣсь по обширности потребностей это дѣло было устроено въ широкихъ размѣрахъ. Изготовленіемъ разныхъ предметовъ бѣлой казны занимались двѣ большія городскія слободы. въ Москвѣ Кадашевская и въ Твери Константиновская (впослѣдствіи переведенная въ Москву), и два села Ярославскаго уѣзда Тимонинскаго стану, Брентово и Черкасово. И слободы и села назывались хамовными по имени главнаго производства, которымъ занимались, т. е. тканья полотенъ, что въ собственномъ смыслѣ и называлось *хамовнымъ дѣломъ*. Нельзя полагать, что это слово *хам* идетъ отъ шведскаго *ham* рубашка и вообще отъ нѣмецкаго, слѣд. отъ варяговъ. По всему вѣроятію оно идетъ, быть можетъ вмѣстѣ съ производствомъ, еще изъ Индіи, гдѣ *хаманъ* значитъ полотно бумажное бѣлое, очень тонкое и частое, уподобляющееся голландскому. Оттуда вмѣстѣ со многими индѣйскими тканями, напр. шидою (ситецъ), оно и привозилось въ древнѣйшее время; а послѣ, по его образцу, стали ткать его и у насъ.

Полотна въ царицыныхъ слободахъ ткались двойныя изъ двойной пряжи, гладкія и полосатыя; тройныя изъ тройной пряжи, потолще, тоже гладкія и полосатыя, тверскія, тоже тройныя, составлявшія третій сортъ, похуже первыхъ двухъ. Затѣмъ скатерти или скатертные столбцы—задѣйчатые посольскіе, большіе, середніе и малые, тверскіе, хлопчатые; убрусы или полки убрусныя; утиральники, полотенца, и кромѣ того изготовлялись нити и бѣль.

Производствомъ занимались хамовники (ткачи) и дѣловицы: ткальи, пряльи, бральи, швеи, задѣльницы, бѣльницы или бѣлиницы и бердники. Работа была распредѣлена между ними на годовые уроки. Каждый урокъ назывался *дѣломъ*: дѣло ткалейное, дѣло прядитье, дѣло бралейное, швейное, бѣляное, бердяное. Объемъ дѣла уравнивался большею или меньшею трудностью издѣлья; хамовники работали *на дѣло*, т. е. въ годовой урокъ по семи полотенъ тонкихъ (двойныхъ) и по семи полотенъ тверскихъ (тройныхъ), причемъ двойное полотно одно считали за 1½ полотна тройныхъ и такъ счетъ держали между собою при раскладкѣ дѣлъ по общему тяглу.

Мастерицы—ткальи работали на дѣло по 6 полотенъ двойныхъ и по 8 тройныхъ. Мѣрою въ длину полотна ткались въ 14 арш. Для полотенъ пряжу готовили для каждаго сорта особыя пряльи и ставили пряжи на дѣло въ годовой урокъ для двойныхъ полотенъ 2 полотна, а для тройныхъ 3 полотна. Пряльи тверскихъ полотенъ ставили пряжи на дѣло по 8 полотенъ тверскихъ. Убрусы или убрусныя полки и утиральнички готовили также бральи, пряльи и швеи. Бральи ставили на дѣло по 10 полочекъ, причемъ утиральничекъ бральи ставили *во браньѣ* за три полочки убрусныхъ, слѣд. по работѣ онъ въ три раза былъ труднѣе убрусовъ. Для тогоже дѣла пряльи ставили, т. е. пряли основки, называемыя по особому качеству пряжи убрусными. На дѣло въ годовой урокъ такихъ основокъ онѣ пряли по 20. Швеи утиральничныхъ и убрусныхъ дѣлъ шили на дѣло по 5 убрусовъ, и утиральничекъ въ шитьѣ ставили по трудности работы за 4 убруса.

Такъ было въ московской хамовной слободѣ Кадашовѣ. Въ ярославскихъ селахъ уроки убруснаго дѣла немного отличались отъ московскихъ. Тамъ убрусы работали тонкіе и двойные изъ двойной пряжи. Бральи брали такихъ убрусовъ по 8 на годовое дѣло; швеи шили тонкихъ убрусовъ по 5, а двойныхъ по 6 на дѣло. Для двойныхъ убрусовъ пряльи готовили пряжи въ годовой урокъ по 24 убруса. Двойному полотну по дѣлу равнялись 8 убрусовъ, а тройному—12 убрусовъ.

Полотна скатертныя или скатертные столбцы изготовлялись бральями, пряльями и бѣльницами. Эти столбцы также бывали двойные и тройные, мѣрою по 10 арш. Здѣсь, по особому способу работы, ткалей замѣняли бральи, которыя готовили на дѣло въ годовой урокъ по 2 столбца двойныхъ и тройныхъ.

Пряжу для нихъ ставили особыя пряльи, работавшія въ годовое дѣло пряжи для двойныхъ столбцовъ — по 2 столбца; для тройныхъ столбцовъ по 6 столбцовъ: для хлопчатыхъ скатертей по 8 столбцовъ. Бѣль для тѣхъ же скатертныхъ столбцовъ ставили пряльи — бѣляницы: для двойныхъ столбцовъ по 4 столбца; для тройныхъ — по 8 столбцовъ. Двойные столбцы назывались также задѣйчатыми. Пряльи этихъ задѣйчатыхъ скатертей работали пряжи на дѣло по 10 основокъ и по 10 утковъ. Такъ называемыхъ посольскихъ скатертей, украшаемыхъ кромѣ браньи еще и шитьемъ, изготовлялось всего 2 столбца въ годъ, на что требовалось бралейныхъ 4½ дѣла, а швейныхъ 9 дѣлъ.

Обыкновенно каждый скатертный столбецъ, т. е. полдѣла, работала одна бралья, одна пряльи пряла основки и утки и одна бѣляница давала бѣль. Но иногда два столбца работали три бральи, три пряльи и двѣ бѣляницы.

Узоры, которые выбирались на скатертяхъ, извѣстны слѣдующіе: 1) Ключатикъ, 2) Орѣховая развода по два оленя въ гнѣздѣ, 3) Орѣховая развода по оленю въ гнѣздѣ, 4) Лося подъ деревомъ, 5) Полтинки, 6) Пѣтухи, 7) Нѣмецкое колесо, 8) Чешуйки, 9) Листочки, 10) Мѣсецы, 11) Деревье, 12) Осмерногъ въ двазубь, 13) Осмерногъ въ трязубь, 14) Бараньи рога, 15) Безконечникъ, 16) Кривоногъ, 17) Красная развода, 18) Короваи, 19) Гусиная плоть — узоръ наиболѣе употребительный для расхожихъ скатертей, 20) Клетчатина, именемъ которой обозначалась и вообще скатертная ткань; и др.

Годовой урокъ нитной пряжи, для нитей расхожихъ, а равно и бѣлевой измѣрялся мѣрою полотна, т. е. количествомъ пряжи, какое ставилось на цѣлое полотно. На годовое дѣло нитныя пряльи ставили нитей по 6 полотенъ. Кромѣ того дѣло нитное и бѣлевое измѣрялось также мотами или пятинками. Бѣли цѣлое дѣло заключало въ себѣ 24 мота, а столбцами 8 столбцовъ, ибо столбецъ считался за 3 мота.

Бердники въ цѣлое годовое дѣло изготовляли бердъ на 100 дѣлъ различной бѣлой казны, ткалейныхъ, бралейныхъ, придитьихъ.

На покупку необходимыхъ для производства работы припасовъ, на ленъ, мыло, золу, на ничаницы (тонкія веревки) и окончины для оконъ выдавалось изъ царицыной казны денежное жалованье, смотря по дѣлу. Въ ярославскихъ селахъ пряльи

получали въ годъ на дѣло 47 алт. 4 д.; ткальи—23 алт. 2 д.; бральи убрусовъ—23 алт. 2 д.; бральи скатертей—46 ал. 4 д.; швеи—35 алт. 3 д.; бердники на ленъ на перевой 46 алт. 4 д.— Въ Кадашевской слободѣ хамовники и бердники по 30 алт., дѣловницы всѣ кругомъ по 17 алт.

Кромѣ того выдавалось еще хлѣбное жалованье также по размѣру дѣла. На цѣлое дѣло шло въ Кадашовѣ въ 1631 г. по 10 четвертей безъ полуосмины ржи и по 7 четвертей безъ полуосмины овса. Въ ярославскихъ селахъ въ 1670 г.—по 10 четв. съ осьминою ржи и по 6 четв. овса. Въ тверской Константиновской слободѣ въ 1659 г. 9 и 6 четв. ржи, 10 четв. съ осминою и 7 четв. съ осминою овса и на квасы по четверику овса.

Каждая хамовная слобода и ярославскія села были обложены извѣстнымъ количествомъ дѣлъ, соотвѣтственно количеству земли, занимаемой дворами и для посѣва льна, а также и полевой въ селахъ, отдѣляемой тоже для посѣва льна. Мѣра *дѣловой* дворовой земли называлась дворовою *загородкою* и равнялась, кажется, 200 квадр. саж. Къ этому въ селахъ на дѣло назначалось для посѣва льна полевой земли по два *четвертачка* или по полудесятинѣ въ полѣ, а въ дву потомужъ.

Въ Кадашовѣ окладныхъ дѣлъ было 189 съ полудѣломъ (1624—1644 г.), занимавшихъ въ слободѣ 413 дворовъ да пустыхъ мѣстъ цѣлыхъ 7 дѣлъ. Въ тверской Константиновской слободѣ въ 1631 г. 29 дѣлъ; въ 1659 г. 28 дѣлъ, а въ 1682 г. на 60 дворахъ 37 дѣлъ безъ чети. Въ селахъ Брептовѣ и Черкасовѣ въ 1625 г. 154 дѣла безъ 12 доли дѣла. Въ 1638 г. 175½ дѣлъ и пол-пол-трети дѣла; а въ 1670 г. на 248 дворахъ 200 дѣлъ съ третью. Таже цифра оставалась здѣсь и до послѣднихъ годовъ XVII ст. (1696 г.), хотя число дворовъ къ этому времени увеличилось до 300. Такимъ образомъ изъ этихъ указаній о числѣ дворовъ и числѣ дѣлъ мы видимъ, что жилой дворъ вовсе не былъ мѣрою цѣлаго дѣла.

Царицына Мастерская Палата, назначала въ слободы и села только общее количество окладныхъ дѣлъ и не входила въ подробности распредѣленія этихъ окладовъ между хамовниками и дѣловницами. Слободы и села сами уже разверстывали оклады по дворамъ и по людямъ, смотря потому, кто и какою долею общаго земляного надѣла пользовался и какую долю хамовнаго дѣла работалъ. Въ этомъ случаѣ хамовному населенію была предоставлена полная свобода. Изъ окладныхъ дѣлъ всякій бралъ

себѣ то, что умѣлъ сработать. Каждое дѣло при разверсткѣ дробилось не только на половины и четверти, но даже и на осмухи, и дворъ—семья могъ сидѣть и на полуторѣ дѣлѣ и на цѣломъ дѣлѣ, и на трехъ четвертяхъ, и на половинѣ, и на четверти дѣла, и къ тому еще даже и эту величину могъ составлять изъ мелкихъ долей различныхъ дѣлъ, смотря по тому, кто что умѣлъ въ семьѣ работать. Такъ бывали дворы или семьи, работавшіе напр. полдѣла съ осмухою или пять осмушекъ: 3 осмушки дѣла прядитья двойныхъ полотенъ, осмуха дѣла прядитья тройныхъ полотенъ, осмуха прядитья двойныхъ убрусовъ. Или: дворъ—на три осмухи прядетъ полотно двойное безъ четверти да на осмуху прядетъ пол-полотна безъ осмухи тройныхъ да на осмуху прядетъ два убруса съ четвертью двойныхъ убрусовъ. Или дворъ—три четя дѣла: полдѣла ткалейна тройныхъ полотенъ да четь прядитья двойныхъ полотенъ; дворъ — цѣлое дѣло: полдѣла прядитья тройныхъ полотенъ, четь прядитья двойныхъ полотенъ, четь швейная тонкихъ убрусовъ; дворъ—цѣлое дѣло: полдѣла прядитья тонкихъ убрусовъ, четь прядитья тройныхъ полотенъ, четь бралейна двойныхъ столбцовъ. Такимъ образомъ каждый членъ семьи изъ женскаго племени избиралъ себѣ большую или меньшую долю того или другаго дѣла и работалъ эту долю на годовой урокъ. Иной бралъ четь шитья убрусную и шилъ убрусъ съ четью, ибо на цѣлое дѣло шитья убруснаго шло 5 убрусовъ; иной бралъ половину дѣла бралейную столбешную (двойныхъ столбцовъ) и бралъ столбецъ, ибо на цѣлое дѣло шло 2 столбца, иной—четь ткалейную двойныхъ полотенъ и ткалъ $1\frac{1}{4}$ полотна; иной — осмуху дѣла прядитья двойныхъ полотенъ и прялъ четь полотна; иной — четь дѣла бѣляную и прялъ бѣли на столбецъ двойной или 6 мотовъ, и т. д. По такимъ дробямъ распредѣлялось и денежное и хлѣбное жалованье.

Въ ярославскихъ селахъ въ 1670 — 1696 годахъ $200\frac{1}{2}$ дѣлъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: двойныхъ полотенъ ткалей $18\frac{1}{2}$ дѣлъ; прядитьихъ $54\frac{1}{2}$ дѣла. Тройныхъ полотенъ ткалей 18 дѣлъ, прялей 48 дѣлъ. Тонкихъ убрусовъ бралей 5 дѣлъ, прялей пол-5 дѣла; швей пол-8 дѣла. Двойныхъ убрусовъ бралей пол-2 дѣла, прялей пол-дѣла, швей 2 дѣла. Двойныхъ скатертныхъ столбцевъ бралей 8 дѣлъ, прялей 8 дѣлъ, бѣляницъ прялей 4 дѣла.—Тройныхъ скатертныхъ столбцовъ бралей 12 дѣлъ, прялей основкамъ и уткамъ 4 дѣла, бѣляницъ

прялей 4 дѣла.—Бердныхъ 2 дѣла. Всего въ годовой урокъ готовилось: двойныхъ полотенъ 108, по 14 арш. длины, да полотно убрусное полосатое; тройныхъ—144; тонкихъ убрусовъ 38; двойныхъ убрусовъ 12; скатертныхъ столбцовъ двойныхъ 16, мѣрою по 10 арш.; тройныхъ 24 столбца (22 столбца да за 2 столбца: 2 полотна нитяные по образцу, тонкое да ровное: да 20 мотовъ нитей тонкихъ и ровныхъ въ пятинку, по образцу). Денежнаго жалованья на всѣ дѣла выдавалось въ годъ 251 р. 24 алт. 5 д.

Намъ неизвѣстно время первоначальнаго заведенія хамовныхъ слободъ и селъ. Знаемъ только, что московскія слободы существовали уже въ половинѣ XVI ст., именно за Москвою рѣкою, гдѣ въ Кадашовѣ въ это время царемъ Иваномъ Вас. была построена церковь Козмы и Дамьяна, которая и содержалась на государевой ругѣ. Въ той же мѣстности царица Анастасія Романовна устроила еще слободу *бѣлильную*, которая по церкви именовалась Екатерининскою (теперь церковь св. Екатерины на Ордынкѣ) и поставляла въ царицыну казну бѣлевую пряжу. Впослѣдствіи эта слобода принадлежала царицѣ Иринѣ Ѳедоровнѣ, а послѣ Московской Розрухи (Смутное время) по приказу иноки Мареы Ив. въ 1626 г. ее стали снова собирать со льготою на три года, изъ вольныхъ охочихъ людей.

Но вѣроятно мысль о новомъ устройствѣ этой слободы была оставлена, ибо черезъ годъ, въ 1627 г., Екатерининская слобода поступила изъ вѣдомства царицына Постельнаго приказа въ Земскій приказъ, т. е. въ число черныхъ слободъ. Вѣроятно также. что взамѣнъ новой слободы была въ это время переведена въ Москву изъ Твери хамовная тверская Константиновская слобода, поселенная тоже за Москвою рѣкою. Въ 1635 г. эта Константиновская слобода называется еще *новою*.

Въ 1643 г. царица Евдокія Лук. устроила подъ селомъ Рубцовымъ—Покровскимъ еще новую хамовную слободу, Введенскую, съ церковью Введенія, которая была заложена 14 сент. 1643 года и освящена 17 ноября [1].

---

[1] Впослѣдствіи слобода Семеновская съ урочищемъ Введенскія горы. Въ расходной книгѣ царицыной Мастерской Палаты 152 г. между прочимъ записано: сент. 14, какъ окладывали церковь Введенія Пречистыя Богородицы въ новой хамовной слободѣ и по приказу государыни ца-

Нѣтъ сомнѣнія, что теперешнее урочище Хамовники (церковь Николы въ Хамовникахъ), гдѣ также была хамовная слобода, упом. съ 1624 г., принадлежитъ къ первымъ хамовнымъ поселеніямъ Москвы.

Хамовныя слободы хотя и находились въ вѣдомствѣ Постельнаго Приказа царицъ, и были подсудны только этому приказу, но во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управлялись по старымъ обычаямъ собственными выборными людьми, мірскимъ сходомъ или совѣтомъ и старостою съ цѣловальниками и десятскими, которые всѣ выбирались обыкновенно на годъ. Эти служащія лица утверждались въ своихъ должностяхъ особою записью, *выборомъ*, гдѣ прописывались и обоюдныя обязанности. Въ Кадашевской Хамовной слободѣ, въ концѣ XVII ст. по случаю большаго населенія (больше 2000 дворовъ) выбирали двоихъ старостъ, 4 цѣловальниковъ, 16 десятскихъ и дьячка (писаря). Выбиравшіе писали „и быть имъ старостамъ на Хамовномъ дворѣ и за нашими мирскими дѣлами ходить неоплошно и объ нашихъ мирскихъ дѣлѣхъ радѣть и о чемъ доведется бить челемъ великому государю; а намъ ихъ всею слободою слушать и въ челобитьѣ ихъ не подавать и по ихъ присылкѣ на Хамовной дворъ на *совѣтъ* приходить безъ ослушанія и не огуряться"... Въ ярославскихъ селахъ въ выборныхъ службахъ бывало: староста, три цѣловальника, два земскіе дьяка, два доводчика.

Центральною мѣстностью Слободы въ дѣловомъ отношеніи былъ Хамовный дворъ, на которомъ находилось нѣсколько хамовныхъ избъ, просторныхъ и свѣтлыхъ, съ большими окнами, для производства различныхъ работъ, ткалейныхъ, бралейныхъ и швейныхъ. Сюда-то и собирались каждый рабочій день хамовники и дѣловицы, садились за станы, ткали полотна, брали скатерти и убрусы и шили въ пяльцахъ. По дворамъ они работали только не очень сложныя дѣла, по преимуществу пряжныя или прядиты, и вообще такія, которыя не требовали обширнаго помѣщенія.

Въ Кадашевской слободѣ на Хамовномъ же дворѣ жила въ особомъ помѣщеніи Кадашевская Приказная боярыня и стоялъ

рицы Евдокіи Лук., идучи съ окладу, нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ дано милостыни 15 алт. 2 д. Ноября 17, какъ г. царица пошла въ Рубцовскій объѣздъ и съ Москвы дорогою идучи и на освященіе церкви Введенія Пр. Богородицы нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ милостыни 42 алт.

особый анбаръ съ хамовною всякою казною, гдѣ хранился ленъ нечесаный, очесаный кужель, счески т. п.; также берда простыя и берда съ набилками, что берутъ посольскія скатерти, берда наметочные полотенные, утиральничные, убрусные, нитные и пр. На томъ же дворѣ находилась и слободская *схожая* изба, въ которой слобожане собирались на мірскіе совѣты.

Въ 1658—1662 г. Кадашевской хамовный дворъ былъ построенъ каменный. Когда по царскому указу приступили къ постройкѣ дѣловыхъ палатъ, то прежде всего опросили приказную боярыню Татьяну Шилову, всѣхъ дѣловыхъ хамовниковъ и мастерицъ, какія именно палаты, какой величины и какого устройства будутъ надобны, чтобы дѣлать въ нихъ всякое хамовное дѣло. Тѣ объяснили, что надобны 4 палаты поземныя, а промежъ ихъ сѣни, а мѣрою длиннику 21 саж., поперегъ 5 саж.; а противъ тѣхъ палатъ другія таковыжъ мѣрою.

Около двора выстроена каменная ограда кругомъ на 157 саж., въ вышину отъ бѣлокаменнаго фундамента въ 2 саж.; съ двумя воротами большими и малыми, ширпною пол-5 саж.: вверхъ до орла 6 саж.; и съ четырьмя наугольниками круглыми (родъ башенъ) вышиною отъ ограды до яблока въ 1½ саж. Дѣловыхъ палатъ выстроено двѣ большихъ въ длину внутри каждая по 8½ саж., шириною внутри по 4¾ саж., съ сводами пазушными вышиною 2 саж. слишкомъ и каждая съ 20 окнами въ свѣту по 1½ ар. длины и по 1 арш. ширины. Межъ ими сѣни шириною 2½ саж., съ рундукомъ; а во второмъ ярусѣ палата надъ сѣнями съ 6 окнами и двѣ палаты по сторонамъ тогоже размѣра и съ тѣмъ же количествомъ оконъ, какъ въ нижнихъ палатахъ. Вεходъ былъ сдѣланъ съ рундука лѣстницею въ 17 ступеней.

Въ палатахъ было построено 5 печей, 4 бѣлыхъ, а пятая *кіевская мурамленая*. Кромѣ того подлѣ хамовнаго двора огороженъ рѣшеткою *бѣленной* дворъ для бѣленья полотенъ въ длину 34, а поперекъ 16 саж., съ рѣшетчатыми же воротами, а на межѣ бѣленнаго и хамовнаго дворовъ вырытъ колодезь. Впослѣдствіи, при Петрѣ, изъ этого Хамовнаго двора устроенъ Суконный дворъ, сохранившій и доселѣ свое имя въ такъ называемыхъ Суконныхъ баняхъ, между большимъ и малымъ Каменными мостами.

Кадашевская хамовная слобода, пользуясь большими льготами въ торговыхъ промыслахъ, была едвали не самая богатая сло-

бода въ Москвѣ. Изъ ея жителей всегда пополнялась и Гостиная сотня. Однакожъ, для того, чтобы хамовное дѣло стояло всегда вполнѣ и не разстроивалось отъ выхода изъ слободы дѣловницъ, было крѣпко заказано (особенно съ 1670 г. окт. 25), чтобъ кадашевцы дочерей своихъ и племянницъ и внучатъ, не бивъ челомъ государю, за слободу и въ Кадашево инослободцовъ и гулящихъ людей замужъ отнюдь не выдавали и въ домы не принимали.

Управлявшая хамовнымъ дѣломъ слободы Кадашевская Боярыня заботилась главнымъ образомъ о томъ, чтобы бѣлая казна во всѣхъ своихъ видахъ работалась какъ возможно лучше, чище, отчетливѣе. Когда она доставляла царицѣ казну въ наиболѣе исправномъ видѣ, то обыкновенно получала въ награду портище сукна на опашень. Точно также хамовники и дѣловицы особенно отличавшіеся въ искусствѣ своего рукодѣлья тоже получали отъ царицы награду, а ихъ рукодѣлье, посылалось на хамовной дворъ, какъ образецъ для работы съ приказомъ дѣлать точь въ точь по такому образцу. Время отъ времени являлись большіе искусники въ томъ или другомъ родѣ хамовнаго рукодѣлья. Въ 1692 г. великимъ государямъ Іоанну и Петру билъ челомъ *сидѣлой* хамовникъ ткачь Авдюшка Епифановъ и писалъ между прочимъ: работаю вамъ государямъ лѣтъ съ 15, и рукодѣльишко мое вамъ государямъ годилось и въ образцахъ съ Верху на хамовной дворъ сходило, чтобъ точь моей руки было слово въ слово; и моей руки въ точи ни у кого не прибрали, только прибрали въ точи моей же руки работу.

Въ ярославскихъ селахъ Брентовѣ и Черкасовѣ хамовный дворъ назывался *семеренныме* дворомъ отъ семеренныхъ избъ, въ которыхъ производилось хамовное дѣло, сидѣли мастерицы. Семернею именовалась изба или хоромина семи сажень длиною, съ свѣтлыми по обѣимъ стѣнамъ окнами, постройка, именно по своей длинѣ, необходимая для ткацкаго дѣла. Мы видѣли, что въ Кадашовѣ палаты имѣли каждая 8½ саж. длины и по 10 оконъ въ стѣнахъ. Подобнымъ образомъ устроены были и семерни, т. е. помѣщенія деревянныя. Въ селахъ хамовнымъ дѣломъ и хамовниками завѣдывалъ прикащикъ, назначаемый отъ царицыной Мастерской Палаты. Дворъ его стоялъ подлѣ Семереннаго двора. Сельчане же между собою управлялись и разверстывали хамовное дѣло своими выборными людьми, мірскимъ сходомъ. На отвѣтственности прикащика, старостъ и

цѣловальниковъ лежала исправная доставка бѣлой казны в Москву, въ Приказъ царицыной Мастерской Палаты, куда казну отвозили старосты съ цѣловальниками и сдавали ее въ коробьяхъ за своею печатью. Когда на Семеренномъ дворѣ новую казну въ дѣло заводили (каждогодно въ началѣ февраля, 9 числа, иногда въ началѣ апрѣля), то въ семеренныхъ избахъ попы всегда пѣли молебны Спасу, Богородицѣ и Ивану Предтечи и воду святили. Изготовленіе казны оканчивалось въ концѣ ноября и когда ее укладывали въ коробьи, дек. 1 или 10, чтобы везти въ Москву, то попы также пѣли молебенъ Рождеству Богородицы, Іоанну Предтечи, Алексѣю Человѣку Божію, за что причту на весь соборъ вобче давалось въ первомъ случаѣ 6 алт. 4 д., а во второмъ 4 ал. 2 д. и къ образамъ свѣчь восковыхъ ставилось на 6 денегъ.

О населенности этихъ селъ переписныя книги свидѣтельствуютъ, что въ 1669 г. въ Брентовѣ находилось жилыхъ дворовъ 159, людей въ нихъ 910 челов.; въ Черкасовѣ 89 дворовъ, людей въ нихъ 490 ч. Въ 1671 г. мая 20, по случаю цѣлованья креста новой царицѣ Натальѣ Кирилов., въ Брентовѣ и на посадахъ, на Заруцкомъ и на Воронецкомъ, хамовниковъ и братьи ихъ и племянниковъ и дѣтей и внучатъ было 233 чел. мужскаго пола и хамовницъ и дѣвицъ 234 ч. Въ Черкасовѣ муж. 134 ч., жен. 135 ч.; и обоего 736 ч.

МАТЕРІАЛЫ.

Записи крестоприводныя. Записки расходныя, матеріальныя и денежныя. Записки Верховому взносу, кроильныя, издѣльныя и др. Описи платья и всякой казны. Переписка дворецкаго и дьяковъ и пр.

I. КРЕСТОПРИВОДНЫЯ ЗАПИСИ.

По сей записи цѣлуютъ крестъ государыни царицы и великіе княгини Евдокѣи Лукьяновны истобничей и дѣти боярскіе и иные царицына чина дворовые люди. Язъ имркъ цѣлую сей святый и животворящій крестъ Господень государю своему царю и великому князю (зачеркн. Михаилу Ѳедоровичу) Алексѣю Михаиловичу всеа русіи и матери его государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣѣ Лукьяновнѣ и ея (зач. ихъ) благороднымъ царскимъ дѣтемъ имркъ (зачеркн. и которыхъ имъ государемъ дѣтей впредь Богъ дастъ) на томъ: служити мнѣ имъ государемъ своимъ и прямити и добра хотѣти во всемъ безо всякіе хитрости и мимо мнѣ государя своего царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа русіи иного государя изъ иныхъ и ни изъ которыхъ разныхъ государствъ царей и царевичевъ и Литовскаго и Нѣмецкаго королей и королевичевъ и изъ Русскихъ родовъ никово на Московское государство не хотѣти. Также мнѣ будучи у государя своего царя и великаго князя (зач. Михаила Ѳедоровича) Алексѣя Михаиловича всеа русіи и у государыни своей царицы и великіе княгини Евдокѣи Лукьяновны и у ея (зачерк. ихъ) царскихъ дѣтей въ ихъ царскомъ чину или у какова дѣла ни буди лиха ни котораго имъ государемъ своимъ не хотѣти и не мыслити и въ ѣствѣ и въ питьѣ и въ овощахъ и въ пряныхъ зельяхъ и въ платьѣ и въ полотенцахъ и въ постеляхъ и въ сорочкахъ и въ портахъ лиха жъ никакова не наговаривати и не испортити отнюдь ни въ чемъ никоторыми дѣлы и во всемъ мнѣ имъ государемъ своимъ добра хотѣти и ихъ государскаго здоровья ото всякаго лиха оберегати по сему государеву крестному

цѣлованью; а гдѣ услышу или свѣдаю на государя своего царя и великаго князя Михаила Θедоровича всеа русіи и на государыню свою царицу и великую княгиню Евдокѣю Лукьяновну и на ихъ царскихъ дѣтей въ какихъ людехъ скопъ или заговоръ или иной какой злой умыселъ и мнѣ на тѣхъ людей про то сказати государю своему царю великому князю (зач. Михаилу Θедоровичу) Алексѣю Михаиловичу всеа русіи или его государевымъ бояромъ и ближнимъ людемъ.—Такъ же мнѣ гдѣ государь царь и великій князь Михаило Θодоровичь всеа русіи велитъ быти на своей государевѣ службѣ и мнѣ ему государю своему служити и прямити и добра хотѣти во всемъ безо всякіе хитрости и съ недруги его государевыми битися до смерти и безъ его государева указу ни о которыхъ дѣлехъ ни съ кѣмъ не ссылатися и лиха ему государю своему ни въ чемъ не хотѣти и не дѣлати и къ воровству ни къ которому не приставати никоторыми дѣлы и не измѣнити, въ Крымъ и въ Литву и въ Нѣмцы не отъѣхати. Цѣлую сей святый и животворящій крестъ Господень изъ имркъ на томъ на всемъ, какъ въ сей записи писано.

По сей записи цѣлуютъ крестъ царицы и великіе княгини Евдокѣи Лукьяновны *боярыни*. Цѣлую сей святый и животворящій крестъ Господень государю своему царю и великому князю (зач. Михаилу Θедоровичу) Алексѣю Михаиловичу всеа русіи и матери ево государевѣ государынѣ (зач. своей царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣѣ Лукьяновнѣ и (зач. ихъ) ея царскимъ дѣтемъ имркъ (зач. и которыхъ имъ государемъ впредъ Богъ дастъ) на томъ: служити мнѣ имъ государемъ своимъ и прямити и добра хотѣти во всемъ безо всякіе хитрости. А что мнѣ государь царь и великій князь (зач. Михаило Θедоровичъ) Алексѣй Михаиловичъ всеа русіи и мать его государева государыня царица и великая княгиня Евдокѣя Лукьяновна велѣла быти у своего государева дѣла въ боярыняхъ и мнѣ имркъ будучи у ихъ государскихъ дѣлъ ему государю своему царю и великому князю (зач. Михаилу Θедоровичу) Алексѣю Михаиловичу всеа русіи и матери ево государевѣ государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣѣ Лукьяновнѣ и (зач. ихъ) ея царскихъ дѣтемъ служити и прямити и добра хотѣти во всемъ безо всякіе хитрости. а лиха мнѣ никотораго имъ государемъ (зач. и ихъ царскимъ дѣтемъ) не учинити и не испортити, зелья лихова и коренья въ ѣствѣ и въ питьѣ не подати и ни въ какіе ево государевы обиходы не класти и лихихъ волшебныхъ словъ не наговаривати и безъ ихъ государскаго вѣдома ни съ кѣмъ ни о какихъ ихъ государскихъ дѣлахъ не ссылатись и надъ государевымъ и матери его государевы надъ царицынымъ платьемъ и надъ сорочками и надъ портами и надъ полотенцами и надъ постелями и надо всякимъ государскимъ обиходомъ лиха никотораго не чинити и ото всякаго лиха мнѣ государя своего царя и великаго князя (зач. Михаила

Өедоровича) Алексѣя Михаиловича всеа русіи и матерь его государеву государыню свою царицу и великую княгиню Евдокѣю Лукьяновну и (зач. ихъ) ея царскихъ дѣтей оберегати и надъ подругами своими и надо всякими людми смотрити и беречи накрѣпко, чтобъ они лиха никакова государю (зач. и матери его государевѣ) государынѣ и (зач. ихъ) ея царскимъ дѣтемъ не учинили; а что увижу или услышу отъ кого нибудь, кто учнетъ государю или государынѣ или ея (зач. ихъ) царскимъ дѣтямъ какое лихо дѣлати или мыслить и мнѣ про то сказати государю своему царю и великому князю (зач. Михаилу Өедоровичу) Алексѣю Михаиловичю всеа русіи или государевѣ матери государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣѣ Лукьяновнѣ или ихъ (зач. его) государевымъ бояромъ и ближнимъ людемъ; а не утаити мнѣ того никакъ ни которыми мѣрами ни которою хитростью, по сему государеву крестному цѣлованью. А что язъ будучи у государя своего царя и великаго князя (зач. Михаила Өедоровича) Алексѣя Михаиловича всеа русіи и у матери его государевѣ государыни своей царицы и великіе княгини Евдокѣи Лукьяновны и у ея (зач. ихъ) царскихъ дѣтей въ Верху какихъ ихъ государскихъ тайныхъ дѣлъ увижу или услышу и мнѣ про то отнюдь никому ничего не сказывати и не проносити. Цѣлую сей святый и животворящій крестъ Господень язъ пиркъ на томъ на всемъ, какъ въ сей записи писано.

По сей записи цѣлуютъ крестъ царскихъ дѣтей *кормилицы*. Цѣлую сей святый и животворящій крестъ Господень государю своему царю и великому князю Михаилу Өеодровичу всея русіи и государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣѣ Лукьяновнѣ и ихъ царскимъ дѣтемъ пиркъ и которыхъ имъ государемъ дѣтей впредь Богъ дастъ на томъ: служити мнѣ имъ государемъ и прямити и добра хотѣти во всемъ безо всякіе хитрости. А что мнѣ государь царь и великій князь Михаило Өеодоровичъ всеа русіи и государыни царица и великая княгиня Евдокѣя Лукьяновна велѣли быти у государыни царевны и великіе княжны Ирины Михайловны въ кормилицахъ и мнѣ имъ государемъ своимъ и ей государынѣ служити и прямити и добра хотѣти во всемъ безо всякіе хитрости, а лиха мнѣ ни котораго имъ государемъ не учинити и не испортити, и еѣ государыню отъ сосца своего кормити съ великимъ береженьемъ и со опасеньемъ; а зелья лихово и коренья въ ѣвствѣ и въ питьѣ не подати и ни въ какіе ихъ государскіе обиходы не класти и лихихъ волшебныхъ словъ не наговаривать и надъ государскимъ платьемъ и надъ сорочками и надъ портами и надъ полотенцами и надъ постелями и надо всякими ихъ государскими обиходы лиха ни котораго не чинити и ото всякаго лиха мнѣ ихъ государей оберегати и надъ подругами своими и надо всякими людми смотрити и беречи накрѣпко, чтобъ они лиха никакова имъ государемъ не учинили и не испортили; а что увижу или услышу отъ кого нибудь, кто учнетъ имъ государемъ какое лихо дѣлать

или мыслить и мнѣ про то сказати государю своему царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа русіи или его государевѣ царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣ Лукьяновнѣ или его государевымъ боярамъ и ближнимъ людемъ; и не утаить мнѣ того никакъ, ни которыми мѣрами и ни которою хитростью по сему государеву крестному цѣлованью. А что изъ будучи при ихъ государехъ какихъ ихъ царскихъ тайныхъ дѣлъ увижу или услышу и мнѣ про то ни кому ничего не сказывати и не проносити.... (конца недостаетъ).

---

2. Свадебные пріѣзды къ царю бояръ.

124 г. ноября 6, государь ц. и в. к. Михаилъ Ѳед. пожаловалъ боярина Бориса Михайловича Салтыкова, какъ пріѣзжалъ къ государю челомъ ударить на завтрея своей свадьбы: образъ Пречистые Богородицы Воплощенье окладъ серебренъ золоченъ басмянъ, вѣнецъ сканной съ финифты. Кубокъ серебренъ золоченъ съ покрышкою на высокомъ стоянцѣ, по покрышкѣ и по пузу у кубка выбиваны травки, подъ пузомъ три дуги, на верху теремокъ, поверхъ теремка человѣкъ стоячей литой, около правой руки обвилась змѣя ссетъ за лѣвую титку; въ лѣвой рукѣ повѣза; вѣсу 3 гривенки 41 зол: — 10 арш. бархату алого гладкого по $1\frac{1}{2}$ р. арш.: 10 арш. отласу лазореваго по рублю по 10 алт. арш.; 10 арш. камки куфтерю червчетово по рублю 6 ал. 4 д.; 10 арш. камки куфтерю зеленой по рублю съ гривною арш. Сорокъ соболей, цѣна 40 р. Государыня и в. с. инока Марѳа Ив. пожаловала боярина Бориса Михайловича Салтыкова: 10 арш. камки куфтерю червчатово по 1 р. 6 ал. 4 д.; сорокъ соболей 35 р. Ноября 8, въ Верхъ къ инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ въ хоромы отпущенъ лѣтникъ кушачной золотной, вошвы шиты по бѣлой камкѣ шелкомъ лазоревымъ зеленымъ червчатымъ съ золотомъ (пробѣлъ) Богдановскіе рухляди Бѣльсково; да на опушку пошелъ бобръ цѣна рубль 16 ал. 4 д.; а тѣмъ лѣтникомъ государыня пожаловала боярыню Марью Ивановну Салтыкову. Отнесъ казенной мастеръ Путилко Ѳоминъ. Ноября 9, въ Верхъ въ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ 10 арш. камки куфтерю червчетово по рублю 8 ал. 4 д. арш., да сорокъ соболей цѣна 25 р., а тою камкою и собольми государыня пожаловала боярыню Марью Ивановну Салтыкову.

124 (1616) г. іюля 16, государь пожаловалъ крайчево Михаила Михайловича Салтыкова, какъ пріѣзжалъ на третій день своей свадьбы государю челомъ ударить. И государь ево благословилъ: образъ Троица Живоначальная обложенъ серебромъ золоченымъ басмяннымъ, вѣнцы сканные. Да ему жъ государь

пожаловалъ: кубокъ серебренъ золоченъ съ покрышкою на высокомъ стоянцѣ, по покрышкѣ около ложечки короткіе гладкіе, межъ ложечекъ образцики человѣчьи литые, на верху человѣкъ литой, глядитъ на сторону, колпакъ искривя, въ правой рукѣ ратовище изогнулось, копье сломлено; подъ человѣкомъ кругъ, подъ нимъ яблоко, на немъ три образины человѣчьи литые не велики да древка чеканные; пониже ихъ дуги не велики завернулись литые; по кубку изнутри выбиваны грады и древа и травы и звѣри; подъ пузомъ три дуги завернулись литые, пониже дугъ три образцики бараньи и человѣчьи литые; по стоянцу ложечки гладкіе межъ ихъ земля комофарена; повыше стоянца яблоко гладко золочено, около его травки литые спускные вѣсу 4 гривенки 8 зол.; взятъ съ поставца у погребного ключника у Ѳедора Красново;—10 арш. бархату чернаго гладкаго по 1 ½ р. арш.; 10 арш. отласу червчатого по 1 р. 6 ал. 4 д.; 10 арш. отласу лазоревого по 1½ р; 10 арш. камки куфтерю червчатого по 1 р. 6 ал. 4 д. — Сорокъ соболей цѣна 40 р.—Отъ государыни и великой старицы иноки Марфы Ив. крайчему Мих. Мих. Салтыкову: образъ Пречистые Богородицы Смоленскіе: окладъ серебренъ золоченъ басмянной, вѣнецъ сканной, да 10 арш. камки куфтерю червчатого по 1 р. 6 ал. 4 д. Сорокъ соболей цѣна 20 р.—Іюля 17, государь крайчево Мих. Мих. Салтыкова жену Прасковью Ивановну благословилъ: образъ Троица Живоначальная обложенъ серебромъ вѣнцы сканные. Да ей же пожаловалъ 10 арш. камки куфтерю червчатого по 1 р. 13 ал. 2 д.; 10 арш. отласу лазореваго по 1 р. 10 ал.; сорокъ соболей цѣна 23 р. Государыня и великая старица инока Марѳа Ив. крайчево Мих. Салтыкова жену Парасковью Ивановну благословила: образъ Преч. Богородицы Умиленіе, обложенъ серебромъ, вѣнецъ сканной. Да ей же государыня пожаловала: 10 арш. камки кармазину мелкотравные червчатые по 1 р. 11 ал. 4 д.

125 г. іюля 6, къ государю ц. и в. к. Михаилу Ѳедоровичу пріѣзжалъ на завтрее своей свадьбы стольникъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ челомъ ударити и государь его жаловалъ: образъ Спасовъ обложенъ серебромъ золоченымъ вѣнецъ басманъ золоченъ; кубокъ серебренъ золоченъ съ покрышкою надостоканное дѣло на высокомъ стоянцѣ, на покрышкѣ и по кубку выбиваны травки и звѣри, на покрышкѣ три дуги литыя у нихъ головы человѣчьи, на нихъ теремокъ, на теремкѣ человѣкъ литой въ правой рукѣ копье, въ лѣвой повѣза, вѣсу 4 гривенки 39 зол., что государю прислалъ аглинской король въ поминкахъ во 123 г.:— 10 арш. отласу червчетого, по 40 алт. арш.; 10 арш. отласу жолтого по 20 алт.; 10 арш. камки куфтерю лазоревой по 30 алт.; сорокъ соболей, цѣна 40 р. Отъ г. и в. старицы иноки Марѳы Ив. стольнику Борису Ив. Морозову: образъ Пречистые Богородицы Одигитріе, окладъ и вѣнецъ серебрены золочены басмяные; 10 арш. камки кармазину червчетого по рублю арш., да сорокъ соболей, 30 р. Отъ государя стольника Борисовѣ женѣ Ивановича Моро-

зова: образъ Вознесеніе Господне обложенъ серебромъ, вѣнцы сканные; 10 арш. отласу кармазину чрвчетово, по 23 ал. по 2 д.; сорокъ соболей 20 р. Отъ г. и в. старицы иноки Мареы Ив. стольника Борисовѣ женѣ Ивановича Морозова: образъ Пречистые Богородицы обложенъ серебромъ, вѣнецъ сканной; да 10 арш. камки жолтой адамашки по 20 ал. по 4. д.

156 г. генваря 27, по государеву указу и по приказу казначея Богдана Минича Дубровского государева жалованья бояри-ну Борису Ивановичу Морозову: кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею чеканной вѣсу 5 ф. 9 зол.; кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, ложки большіе на кровлѣ травка цвѣтная, вѣсу 2 ф. 60 зол., по 10 р. фунтъ; кубокъ серебренъ золоченъ съ кровлею, ложки большіе, на кровлѣ трава цвѣтная, вѣсу 4 гривенки 42 зол., по 8 р. фунтъ. Отласъ золотной по серебреной землѣ травки золоты съ шолкомъ съ зеленымъ да съ червчатымъ мѣрою 9 ар. 5 в., по оцѣнкѣ 30 р., а прежняя ему цѣна 35 р., а тѣмъ отласомъ государынѣ царицѣ челомъ ударилъ бояринъ и дворецкой кн. Алексѣй Михайл. Львовъ 156 г. генв. 19. Отласъ турской по червчатой землѣ травы золоты въ обводѣ шолкъ бѣлъ, мѣрою 9 ар. безъ 6 вер., 27 руб., Г. царицѣ челомъ ударилъ бояринъ Мих. Мих. Салтыковъ 156 г. генв. 19. Отласъ золотной турской по червчатой землѣ опахалами въ обводѣ шолкъ бѣлъ, 9 ар. безъ вершка, 25 р. Отласъ золотной по червчатой землѣ въ травахъ шолкъ бѣлъ лазоревъ 8 ар. 9 вер., 25 р.; 10 арш. бархату чревчатого гладкого кармазину по 2 р. по 5 алт. аршинъ; 10 арш. отласу червчатого по 30 алт.—10 арш. отласу жолтого по 29 алт.; 10 арш. отласу бѣлого по 28 ал. 2 д.; 10 арш. камки куфтерю червчатой по 29 ал.; 10 арш. камки куфтерю желтой по 28 ал. 2 д.; 10 арш. камки куфтерю двоеличной шолкъ алъ жолтъ по 29 ал.; 10 арш. камки адамашки шолкъ бѣлъ да алъ по 26 ал.; 10 арш. камки адамашки зеленой кружчатой по 26 ал.; сорокъ соболей 70 р., сорокъ соболей 50 р. сорокъ соболей 40 р. А явлено ему государево жалованье при государѣ въ Передней; являлъ дьякъ Захарей Онофріевъ. А пожаловалъ государь его, какъ онъ государю челомъ ударилъ на завтрея своей свадьбы. И то государево жалованье къ боярину на дворъ дьякъ Захарей Анофріевъ (пробѣлъ). Да въ тожъ время государь благословилъ боярина Бориса Ивановича Морозова: образъ Спасовъ обложенъ серебромъ. И тотъ образъ изъ образные казны отъ крестоваго дьяка Ивана Семіонова. (Упомянемъ, что 25 генв. государь пожаловалъ Морозову къ свадьбѣ свою отцовскую постелю со всѣмъ уборомъ. (См. томъ 1, глава 11, обзоръ постельной комнаты).

---

3. Царицыны походные расходы.

144 года сентября 21, как государыня царица и великая княгиня Евдокѣя Лук. пошла съ Москвы въ Троецкой осенней объѣздъ и по еѣ государынину приказу на Москвѣ и по дорогѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ роздано на милостыню рубль 29 ал. 2 д. Тогожъ дни по именному приказу (царицы) для ихъ государскихъ чадъ куплено всякихъ потѣхъ на 21 алт. Сен. 23 государыня царица шла мимо села Пушкина и по еѣ приказу села Пушкина попадьѣ 2 р., подносила къ государынѣ пироги. Сен. 24, какъ г. царица пошла изъ села Здвиженскаго и по еѣ приказу нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ по дорогѣ на милостыню 31 ал.; да деревни Вихоревѣ крестьянкѣ Устиньицѣ, которая подносила ко государынѣ сыръ, полтина. Сен. 25 у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ троецкому крестьянину Якушку Семенову за 12 братинокъ красныхъ по 6 д. за братинку, за 5 братинокъ по 8 д. за братинку; емужъ за двѣ братинки да за 6 ложекъ красныхъ 6 ал., итого 24 ал. 4 д. Братинки и ложки взяты въ хоромы, приняла княгиня Соломонида Мозецкая.... Сен. 26, какъ г. царица пошла отъ Троицы изъ Сергіева монастыря и по еѣ приказу въ богадѣльню нищимъ, что въ слободѣ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, рубль; да нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ роздано на милостыню рубль 16 ал. 2 д.

145 года сентября 21, какъ государыня царица пошла съ Москвы въ Троецкой осенней объѣздъ и по еѣ государынину приказу на Москвѣ и по дорогѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ роздано на милостыню рубль двѣнадцать алтынъ. Тогожъ дни по имянному приказу для ихъ государскихъ чадъ торговому человѣку Микиткѣ Павлову за потѣшной возокъ съ коньми деревянные (пробѣлъ), деньги взялъ самъ. Тогожъ дня г. царицы по имянному приказу для ихъ государскихъ чадъ куплено всякихъ потѣхъ на 6 алт. на 4 деньги. Сен. 22, какъ г. царица пошла изъ села Тонинского деревни Ядреевы крестьянкѣ Овдотьицѣ Григорьевѣ по еѣ государынину приказу полтина—подносила государынѣ блинки. Тогожъ дни г. царица шла мимо села Пушкина и по еѣ приказу села Пушкина попадьѣ рубль—подносила къ государынѣ пироги. Тогожъ дни какъ г. царица пошла изъ села Тонинского и по еѣ приказу въ селѣ въ Тонинскомъ и идучи изъ села Тонинского до села Братошина по дорогѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ роздано на милостыню 27 алт.—Сен. 23, какъ г. царица пошла изъ села Братошина и по еѣ приказу по дорогѣ до села Здвиженскаго роздано на милостыню 18 алт.—Сен. 24, какъ г. царица пришла къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь и по еѣ приказу семи человѣкамъ вдовамъ новгородкамъ по полуполтинѣ чело-

вѣку.—Сент. 25, къ царицѣ въ хоромы полтина; приняла княгиня Марья Хованская, а сказала, что тѣ деньги дать за потѣхи царевны Ирины Мих.—Сен. 26, какъ г. царица пошла отъ Троицы и по еѣ приказу роздано нищимъ на милостыню 1 р. 14 алт. 2 д.—Сен. 28, какъ г. царица пошла изъ села Здвиженскаго и по еѣ приказу роздано нищимъ на милостыню 16 алт.; да села Рохманцова попу на молебенъ полтина, да проскурницѣ гривна; да въ селѣжъ Пушкинѣ куплено колачиковъ на 6 алт. на 4 деньги. Тогожъ дни какъ г. царица шла къ селу Братошину и по еѣ приказу роздано по дорогѣ нищимъ на милостыню 2 гривны. Тогожъ дни государыня пожаловала села Братошина крестьянина Васку Матвѣева, велѣла ему дать полтину—подносилъ государынѣ прѣсной медъ сотовой да рѣпу.—Сен. 29, какъ г. царица слушала молебенъ въ селѣ въ Братошинѣ у церкви Николы чудотворца съ своими государскими чады и по еѣ приказу дано на молебенъ 2 р.; да тогожъ села Братошина церкви Покрова Пречистые Богородицы попу рубль. Какъ г. царица шла изъ села Братошина къ селу Тонинскому и по еѣ приказу роздано нищимъ на милостыню чернорizцамъ и вдовамъ 11 алт. Тогожъ дни г. царица пришла въ село въ Тонинское и по еѣ приказу села Пушкина попу рубль—подносилъ съ попадьею государынѣ блинки.

146 г. сен. 21, какъ г. царица пошла съ Москвы въ Сергіевской осенней походъ въ Троецкой монастырь и по еѣ приказу по дорогѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ роздано на милостыню 21 алтынъ. Тогожъ дни по еѣжъ государынину приказу къ образу Пречистые Богородицы, что на Никольскихъ воротехъ, на молебенъ рубль. Тогожъ дня куплено для государскихъ дѣтей колачиковъ и орѣховъ и ягодъ и моркови и рѣпы на 8 алт.—Сен. 22, какъ г. царица пошла изъ села Тонинского и по еѣ приказу дано нищимъ на милостыню 12 алт. 4 д. Тогожъ дни какъ г. царица шла изъ села Тонинского мимо деревни Андреевы и по еѣ приказу деревни Андреевы крестьянкѣ Огрофенкѣ двѣ гривны для того, что подносила къ государынѣ блинки.—Сен. 22, какъ г. царица шла изъ села Тонинского мимо монастырскіе деревни Тарасовки и по еѣ приказу деревни Тарасовки крестьянкѣ Марьицѣ полтина для того, подносила къ государынѣ пироги. Какъ г. царица шла изъ села Тонинского мимо села Пушкина и по еѣ приказу села Пушкина попу съ попадьею рубль для того, подносилъ къ государынѣ блинки и пироги и бражку. Какъ г. царица пришла въ село Братошино и по еѣ приказу села Братошина крестьянкѣ Дарьицѣ полтина да крестьянкѣ Огафьицѣ 6 ал. 4 д., для того, подносили къ государынѣ пироги. Тогожъ дни по приказу г. царицы въ селѣ въ Братошинѣ бѣднымъ дѣтемъ боярскимъ и черницомъ и черницамъ и нищимъ роздано на милостыню 26 ал. 2 д. — Сен. 30, какъ г. царица пошла съ Москвы въ село Рубцово и по еѣ приказу по дорогѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ на мило-

стыню 24 алт., да куплено для потѣхи государскимъ дѣтемъ морковн и рѣпы и орѣховъ на 4 ал. на 4 д. Тогожъ дни въ Покровскую богадѣльню нищимъ заздравные милостыни рубль. Нояб. 6, какъ г. царица пришла съ Москвы въ село Тонинское и по еѣ приказу тремъ человѣкомъ крестьянкамъ Марьицѣ да Парасковьицѣ да Зиновкѣ по 2 гривны человѣку для того—подносили къ государынѣ пироги и блинки: приказала крайчея княгиня Соломонида Мезецкая. Тогожъ дни какъ г. царица шла изъ села Тонинского мимо деревни Ядреевы и по еѣ приказу тоѣ деревни крестьянкѣ Устиньицѣ 16 алт. 4 д. для того—подносила государынѣ блинки: приказалъ Семенъ Лук. Стрѣшневъ. Какъ государыня царица шла изъ села Тонинского къ селу Братошину мимо села Пушкина и по еѣ приказу села Пушкина попу съ попадьею рубль для того, подносили къ государынѣ пирожки. Какъ г. царица пришла въ село въ Братошино и по еѣ приказу села Братошина четыремъ человѣкомъ крестьянкамъ по 2 гривны человѣку для того, подносили государынѣ пирожки. — Ноябр. 7, какъ г. царица пришла въ село Воздвиженское и по еѣ приказу села Здвиженскаго попадьѣ 13 алт. 2 ден., подносила государынѣ пироги. — Ноябр. 9, какъ г. царица пришла къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь и по еѣ приказу троецкому крылашенину старцу Закхѣю по княинѣ Аннѣ Ивановнѣ Одоевской рубль. — Ноябр. 13, какъ г. царица пришла изъ походу къ Москвѣ и по еѣ приказу по дорогѣ и на Москвѣ роздано бѣднымъ дѣтемъ боярскимъ и вдовамъ и черндомъ и черницамъ и нищимъ и на Москвѣ въ Никольской застѣнокъ полоняникомъ и всякимъ бѣднымъ людемъ рубль 29 алт.

147 г. окт. 4, какъ г. царица пошла съ Москвы въ троецкой осенней объѣздъ и по еѣ государскому приказу проѣзжіе милостыни въ тюрьму 2 рубли. Тогожъ дни чудотворному образу Пречистые Богородицы, что на Ильинскихъ воротехъ, черному попу на молебенъ рубль. Тогожъ дни Олексѣева приказу Полтева стрѣльцу Игнашку Маркову за потѣху, за деревяные коники и шенданы и за птички 2 р... Потѣха взята царевичу князю Олексѣю Михаиловичу.—Окт. 9, Троицы Сергіева монастыря крестьянину Васькѣ Прокофьеву за четыре братинки писаны красками четыре алтына; взялъ братинки Ив. Ѳед. Стрѣшневъ Меньшой, а сказалъ, что тѣ братинки взяты царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ. Тогожъ дни Живоначальные Троицы Сергіева монастыря стрѣлецкимъ женамъ 3 человѣкамъ, Манкѣ да Анюткѣ да Дунькѣ, по 2 гривны человѣку, для того, подносили государынѣ пироги. — Окт. 18, Переславля Залѣского торговому человѣку Ивашку Дорову за лисицу красную 16 алт. 4 д.; а лисицу принелъ бояринъ Лукьянъ Степ. Стрѣшневъ, а сказалъ, что тое лисицу государыни пожаловала ему подъ рукавицы.

148 г. сен. 22, какъ государыня шла изъ села Тонинского мимо села Пушкина и по еѣ приказу села Пушкина попу рубль, подносилъ царицѣ пироги и блинки. Сент. 26 по приказу

г. царицы села Клементьева крестьянкѣ Дарьицѣ Ивановѣ полполтины, подносила госуд. царицѣ пироги. Тогожъ дни по приказу г. царицы деревни Корелиной двѣмъ крестьянкомъ по гривнѣ человѣку; подносили государынѣ пироги да бражку. Сент. 29 села Братошина крестьянкѣ Мароицѣ Григорьевѣ полтина, подносила царицѣ пироги. Тогожъ дни г. царица пожаловала, велѣла дать села Братошина крестьянкѣ Марьицѣ 2 алт. 2 д., подносила государынѣ квасъ. Тогожъ дни царица пожаловала, велѣла дать села Пушкина попадьѣ рубль, подносила государынѣ пироги. Тогожъ дни г. царица пожаловала деревни Ростокина крестьянина Ивашка Тимоѳѣева, велѣла ему дать 16 алт. 4 д., подносилъ государынѣ хлѣбъ.

148 г. март. 8, какъ г. царица пошла съ Москвы въ монастырь къ Живоначальной Троицѣ и пожаловала за свое государское здоровье на молебенъ Пречистой Богородицы Владимірской, что на Стрѣтенскихъ воротехъ 16 а. 4 д., да нищимъ роздано милостыни 6 а. 4 д.—Мар. 10, какъ г. царица пришла къ Троицѣ и проѣхавъ село Клементьево, пожаловала въ богадѣльню нищимъ проѣзжіе милостыни 16 ал. 4 д., да нищимъ же, которые сидѣли на мосту у Троицы под Сергіевскимъ монастыремъ, на милостыню 8 ал.—Мар. 11, г. царица пожаловала у Троицы въ Сергіевскомъ монастырѣ затворнику Никону на милостыню 3 р.. да въ монастырѣжъ у Троицы роздано нищимъ милостыни 10 ал. 2 д.—Мар. 13, какъ г. царица пришла отъ Троицы въ село въ Братошино и по еѣ приказу села Братошина тремъ человѣкомъ попомъ по 5 ал. челов., да тремъ человѣкомъ просвирницамъ по гривнѣ челов., для того, приходили къ государынѣ съ хлѣбы и съ пироги.—Мар. 14, какъ г. царица шла отъ Троицы мимо села Пушкина и пожаловала того села Пушкина попу Матвѣю 16 ал. 4 д. для того, приходилъ къ государынѣ съ пироги и съ питьемъ.

150 г. сент. 23, г. царица пришла въ село Братошино и еѣ государыню встрѣчали села Братошина Благовѣщенской да Покровской попы Олексѣй да Григорей да попадьи ихъ, подносили государынѣ пироги, и пожаловала государыня проѣзжіе милостыни попомъ и попадьямъ по полтинѣ человѣку.— Сент. 24, г. царица пришла въ село Здвиженское и еѣ государыню встрѣчали села Здвиженскаго попъ Гаврило съ попадьею и подносили пироги и г—ня пожаловала велѣла дать проѣзжіе милостыни попу полтину, а попадьѣ полтину. Сент. 26, какъ г. царица шла отъ Троицы въ село Здвиженское и еѣ государыню встрѣчала села Клементьева крестьянка пряничница Катеринка и поднесла ей государынѣ дѣланые пряничныя рыбы, и государыня пожаловала, велѣла ей дать за тѣ рыбы 2 р. съ полтиною.—Сент. 29, г. царица шла мимо села Пушкина и еѣ государыню встрѣтили въ селѣ Пушкинѣ Никольской попъ Иванъ съ попадьею да съ дочерью и подносили ей государы-

нѣ пироги и питье и государыня пожаловала попу съ попадьею по полтинѣ, а дочери рубль. Сен. 30, къ г. царицѣ въ селѣ Тонинское пріѣзжалъ села Пушкина Никольской попъ Иванъ и привозилъ пироги и питье и по еѣ государынину приказу дано ему рубль.

151 г. сент. 21, какъ г. царица пошла съ Москвы въ Троецкой походъ и по еѣ государынину приказу на молебенъ полтина; пѣли молебенъ Пречистой Богородицы Казанской, что у Никольскихъ воротъ; да нищимъ роздано, идучи дорогою, 27 ал. 2 д.—Сент. 22, г. царица шла мимо села Пушкина и по приказу боярина Лукьяна Степ. Стрѣшнева села Пушкина попу рубль за то, что онъ поднесъ государынѣ сотовой медъ.—Сент. 23, г. царица какъ пошла изъ села Здвиженскаго и по еѣ приказу нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ по дорогѣ милостыни 18 а. 4 д. Да у Троицы въ богадѣльню старицамъ и на мосту лежанкамъ 24 ал.—Сент. 24, села Здвиженскаго деревни Ереминой крестьянкамъ Дорофейковѣ женѣ Олексѣева да Матюшкинѣ женѣ Берсоватово полтина, за то что они поднесли государынѣ два сыра; приказалъ деньги дать Сем. Лук. Стрѣшневъ, деньги взяли сами.—Сент. 25, госуд. царица какъ шла отъ обѣдни на праздникъ Сергѣя Чудотворца и по еѣ приказу дѣвкѣ дряхлой милостыни на шубу полтину; да Троицы Сергіева монастыря вдовой попадьѣ Матренѣ съ дѣтьми самой - четвертой милостыни полтина.—Сент. 26 Троицы Сергѣева монастыря посацкому человѣку Якушку Иванову за семь братиночекъ писанныхъ по 5 денегъ за братинку, да за семь ложекъ по 2 ден. за ложку. Тогожъ дни у Троицы въ Сергѣевѣ монастырѣ затворнику въ келью милостыни рубль,—относилъ деньги протопопъ Никита. Тогожъ дни Троицы Сергѣева монастыря посацкому человѣку Омелькѣ Васильеву три алтына 2 деньги, за то что онъ подносилъ царицѣ брагу. Тогожъ дни по челобитной сыну боярскому Семену Левашеву для его бѣдности и нищеты на шубу полтина. Приказала деньги дать княгиня Онисья Ромодановская.—Сент. 27. Переславля Залѣского посацкаго человѣка карлицы Анюткинѣ матери Овдотьицѣ государева жалованья для того, что дочь еѣ взята въ Верхъ, семъ рублевъ. Приказала деньги дать княгиня Марья Хованская.

152 г. сентября въ 21 день, какъ г. царица пошла съ Москвы въ Троецкой объѣздъ и идучи изъ города нищимъ милостыни 22 алт. Сент. 22, какъ г. царица пошла изъ села Тонинскаго и идучи дорогою и на рѣчкѣ Талицѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ и леженкамъ милостыни рубль 20 ал. 2 д. Тогожъ дни дорогою идучи крестьянкамъ за пироги и за ягоды 7 ал. и за то, что подносили пиво и брагу. Сент. 23, села Пушкина попу 16 ал. 4 д., за то, что онъ съ попадьею государынѣ царицѣ подносилъ пироги пряженые да сотовой медъ, да нищимъ милостыни 5 ал.—Сент. 24, какъ

государыня пошла изъ села Здвиженскаго и дорогою идучи и у Троицы нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ милостыни 2 р. 2 ал. 2 д. Тогожъ дни села Здвиженскаго деревни Ереминой крестьянкѣ Дорофейковѣ женѣ Домницѣ 6 ал. 4 д., за то что государынѣ поднесла сыръ. Сент. 26, у Троицы въ Сергѣевѣ монастырѣ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ милостыни по рукамъ 2 р. 27 алт. Тогожъ дни Троицы Сергѣева монастыря соборнымъ дву человѣкамъ чернымъ пономаремъ на шубы по полтинѣ человѣку, приказъ боярина Лукьяна Степановича Стрѣшнева. Сент. 27, какъ государыня шла отъ Троицы и въ селѣ Рюминскомъ крестьянкамъ пожаловала государыня 16 ал. 4 д., за то, что они подносили ей государынѣ хлѣбы и калачи и пироги. Сент. 28, въ Олександровѣ слободѣ къ царицѣ въ хоромы 16 ал. 4 д. приняла дѣвка Овдотья нѣмка. Тогожъ дни, какъ г. царица пошла изъ Олександровы слободы въ село Клины и дорогою идучи крестьянкамъ 15 ал. за то, что тѣ крестьянки подносили государынѣ пироги да сотовой медъ. Того жъ дни карлицы Анюткину отцу Васкѣ милостыни 3 ал. 2 д.—Окт. 1, въ селѣ Клинахъ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ милостыни 43 ал. 2 д.—Окт. 2, въ Юрьевѣ Польскомъ какъ государыня ходила молитца въ соборъ и за ихъ государское здоровье нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ милостыни 2 р. 30 ал. Окт. 3, какъ государыня пошла изъ Юрьева и въ ту пору нищимъ милостыни 25 ал. 2 д. да соборные церкви просвирницѣ гривна. Окт. 5, какъ государыня пошла изъ деревни Тютковы и идучи дорогою въ селѣ Андреевскомъ пятницкому попу на молебенъ гривна. Тогожъ дни дорогою жъ идучи по деревнямъ до Александровы слободы крестьянкамъ пожаловала государыня 21 ал. 4 д., за то, что онѣ государынѣ подносили пиво и пироги и блины и ягоды. Окт. 8, Суздальскаго уѣзду изъ пустыни Покрова Прч. Богородицы Кукутцкого монастыря игуменьѣ съ сестрами 20 человѣкамъ г. царица пожаловала милостыни 4 р.; да тогожъ монастыря попу да дьякону гривна. Того жъ дни розныхъ деревень крестьянскимъ женамъ бѣднымъ вдовамъ 8 человѣкамъ пожаловала государыня милостыни 26 ал. 4 д. Того жъ дни Александровы слободы протопопицѣ Марьѣ рубль, за то, что она госуд. царицѣ подносила пироги. Тогожъ дни Александровы жъ слободы крестьянкѣ Палагѣйкѣ Трофимовѣ 8 ал. 2 д., за то, что у ней государыня стояла на дворѣ, какъ были въ Переславскомъ походѣ. Тогожъ дни ко г. царицѣ въ хоромы 2 ал., принялъ Ив. Ѳед. Стрѣшневъ большой, а сказалъ, что на тѣ деньги куплено румяницу на потѣху. Тогожъ дни Александровы слободы крестьянину Богдашку Иванову рубль; приказалъ деньги дать бояринъ Лукьянъ Степ. Стрѣшневъ, за то, что у него сгорѣла баня въ ту пору, какъ государыня пошла изъ слободы. Тогожъ дни, какъ г. царица пошла изъ Александровы слободы и идучи дорогою государыня пожаловала роз-

ныхъ селъ попамъ 4 человѣкамъ да дьячку милостыни рубл да черному старцу пустыннику да уродивому по 8 алт. ю 2 д. человѣку; да нищимъ по рукамъ 18 алт. Тогожъ дни из Александровыжъ слободы идучи дорогою по деревнямъ, пожаловала государыня царица крестьянскимъ женамъ 22 ал. 2 д. за то, что подносили ей государынѣ и царевнамъ хлѣбы и пироги и ягоды. Окт. 10, какъ г. царица пошла изъ села Слотина и идучи дорогою крестьянкамъ 9 ал: за то, что государынѣ подносили хлѣбъ и пироги. Окт. 11, какъ г. царица ходила изъ Воздвиженскаго на Городенескъ и слушала обѣдни и молебна и идучи съ Городенска милостыни всякимъ бѣднымъ людемъ 21 ал.—Окт. 12 какъ г. царица пошла изъ Воздвиженского въ Братошино и дорогою идучи крестьянкамъ за пироги и за ягоды 4 ал.—Окт. 14, какъ г. царица пошла изъ села Тонинскаго и на Москвѣ дорогою идучи нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ и на мосту лежевкамъ милостыни полтора рубли 5 алтынъ.

160 году іюня 2 г. царь и в. к. Алексѣй Мих. изволилъ ити молиться Живоначальные Троицы въ Сергіевъ монастырь съ своею царицею и в. к. Марьею Ильичною и съ государынями царевнами Ириною, Анною, Татьяною Мих. и Евдокіею Алек. Г-ня царица и в. к. Марья Ильична, идучи съ Москвы жаловала дорогою нищимъ милостыни на Никольскомъ мосту и у Пречистые Богородицы Казанскіе 2 р. 22 ал. 4 д.; въ Неглинеских воротѣхъ 4 ал. 2 д.; въ Тверскую богадѣльню ст челов. нищимъ по алтыну; приказалъ дать стольникъ Өед. Мих. Ртищевъ. У Тверской богадѣльни къ царицѣ въ колымаг 5 р., принялъ стольникъ Матв. Богд. Милославской. На Тверской въ Воскресенской монастырь царица пожаловала на молебен 2 р., приказалъ дать Матв. Богд. Милославской. Дорогою идучи п Тверской улицѣ и за Тверскими вороты и за Землянымъ городом роздано нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ милостыни 2 р 18 алт. 4 д.; приказалъ деньги давать боир. Борис. Ив. Морозовъ, раздавалъ подьячей Офонасей Батмановъ. Іюня 3 въ сел Тонинскомъ изутра къ царицѣ въ хоромы 2 р., деньги приняла крайчая Анна Вельяминова, по деньги приходилъ подьячей Лукьянъ Голосовъ, относилъ подьячей Илья Өедоровъ. Тогож числа, какъ пришла царица изъ села Тонинскаго на станъ в село Братошино ввечеру и роздано нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ 2 р. 2 ал. 4 д.; приказалъ боярин Илья Дан. Милославской. Того жъ числа царица пожаловала въ селѣ Пушкин церкви Николы Чуд. вдовой попадьѣ Матренѣ рубль; подноси она къ царицѣ пироги: приказалъ деньги дать бояринъ Ил Дан. Милославскій. Іюня 5, идучи изъ с. Воздвиженскаго к Троицѣ, по дорогѣ и у монастыря роздано милостыни нищим и всякимъ бѣднымъ людямъ 8 р. 29 алт. Да царица, идучи от Троицы съ монастыря, пожаловала ручною милостынею н щихъ и роздано за монастыремъ нищимъ и всякимъ бѣдны

юдемъ 11 р. 2 ал.; приказалъ милостыню давать бояринъ Илья Данил. Милославской. Іюня 7 царица и царевны въ с. Воздвиженскомъ въ церкви Воздвиженія слушали обѣдни и молебна и пожаловали на молебенъ 2 р., деньги взялъ дьякъ Ив. Взииковъ. Да въ придѣлъ Алексѣя Человѣка Божія попу Тимоѳѣю на молебенъ рубль, деньги взялъ крестовой дьякъ Ѳома Борисовъ. Да того жъ села Воздвиженскаго пожаловала государыня бобыльской женѣ Овдотьицѣ на похороны мужа ея полтину; да того жъ села нищимъ, что въ богадѣльнѣ, гривну.—Іюня 8 въ с. Братошинѣ въ церкви Николы Чуд. царица слушала обѣдни и молебна и пожаловала на молебенъ попу Ильѣ рубль; да идучи изъ села Братошина нищимъ роздано ручной милостыни и всякимъ бѣднымъ людемъ 2 р. 2 ал. 2. д. Въ селѣ Рохманцовѣ пожаловалъ государь дѣвкамъ полтину, подносили они государю ягоду клюкву; да нищимъ роздано 13 алт. 4 д.; да деревни Тарасковы дворнику полтину. Да по разнымъ подписнымъ челобитнымъ бѣднымъ вдовамъ жаловала государыня по алтыну и по гривнѣ, и того рубль 28 ал. 4 д. Да по подписнымъ челобитнымъ приказывалъ бояринъ Илья Дан. Милославскій, 3 алт. 2. д.—Того жъ числа, какъ пришла г. царица къ Москвѣ, роздано нищимъ у Фроловскихъ воротъ 3 р. 29 алт.; да въ богадѣльню нищимъ въ Кулижскую избу сту человѣкамъ 3 р.; да въ тюрьмы 812 чвк. 24 р. 12 ал. 4 д., по алтыну человѣку; приказалъ б. И. Д. Милославской. Ямщикамъ, которые на сытномъ и на кормовомъ и на хлѣбенномъ дворцахъ были подъ обиходы, 121 подвода, корму на лошадь и съ проводникомъ по алтыну на день, іюня съ 2 и по 8 число, да 64 подводы іюня на 8 число,—и того 27 р. 11 алт.

Розыски государевой казны у бывшей царицы Марьи Петровны Шуйской [1].

4. Лѣта 7117 марта въ 14 день взято у дьяка у Ивана у Ѳедорова въ государынѣ въ хоромы платнехъ денягъ 100 рублевъ безъ 10 алтынъ. И тѣхъ денегъ государыня пожаловала свое государское жалованье: 2 казначеемъ 7 руб., постельницамъ 25 р., золотнымъ мастерицамъ 44 р., съ полтиною, бѣлымъ швеямъ

---

[1] Супруга царя Василья Шуйскаго, нареченная царскимъ именемъ Марья, а невѣстою Екатерина, Петровна, дочь князя П. И. Буйносова-Ростовскаго, потомъ вмѣстѣ съ несчастнымъ мужемъ насильно постриженная въ инокини съ именемъ Елены, оставалась въ Смутное время въ Москвѣ и принуждена была отдавать боярамъ подробный отчетъ въ царскихъ расходахъ своего супруга и собственныхъ своихъ. Она пережила свое несчастіе, пользовалась при царѣ Михаилѣ достойнымъ почетомъ и скончалась въ 1624 году.

18 р., комнатнымъ 4 р. съ полтиною, портомоямъ 7 р., кормилицѣ 2 р., Поснику подьячему 5 р., сыну боярскому Анпину брату Шестаковой 6 р. И въ росходѣ денегъ 118 р.

5. (119 года) Октября въ 11 день мастерицы Марфа Березникова да Люба.. акой..ва сказали, что князь Васильева княгиня Шуйского.... матери своей княгинѣ Марфѣ Буйно..... сестрѣ своей князь Ивана Воротынсково княгинѣ да князь Дмитріевѣ княгинѣ Шуйсково княгинѣ Катеринѣ платья низаное жемчюгомъ и съ тѣхъ платенъ пороли жемчюгъ на подворьяхъ и тотъ жемчюгъ продавали, а денги отдавали князь Васильевѣ княгинѣ Шуйского, или нѣтъ, того не вѣдаютъ.

6. 119 года октября въ 27 день митрополитъ Пафнотей да архимандритъ Ѳерапонтъ да бояре князь Иванъ Семеновичь Куракинъ да князь Василей Михайловичь Мосальской съ товарищи смотрили царицыны казны по списку переписи Кузмы Безобразова да дьяка Ивана Федорова, и въ томъ спискѣ написано: нарядъ: серги двоенки лалы съ яхонты на золотѣ, серги яхонты лазоревы на золотѣ, и тѣхъ серегъ на лицо нѣтъ, а въ роспросѣ казначея Анна Шестакова сказала, что тѣ серги двоенки княжъ Васильева княгиня Шуйского отдала, княжъ Васильевѣ Буйносова княгинѣ Оринѣ, а другіе серги яхонты лазоревы отдала матчерицѣ ее княжнѣ Марфѣ; и бояре князь Иванъ Семеновичь да князь Василей Михайловичь съ товарищи говорили казначеемъ Аннѣ Шестаковѣ да Ульянѣ Орловѣ, чтобъ они сказали вправду, сколько княжъ Васильева княгиня Шуйского государевы казны покрала и кому давала хоронити или и вирокъ кому давала, тобъ все сказали вправду, а не скажутъ правды и имъ быти пытанымъ. И бояре князь Иванъ Семеновичь да князь Василей Михайловичь съ товарищи, выслушавъ памятей, спрашивали казначей Анны Шестаковы да Ульяны Орловы, гдѣ та рухлядь нынѣ, что поставлена была у Фетиньи Великой да у Парасковьи Колычовы и есть ли у нихъ книги приходные и расходные противъ тѣхъ памятей, у ково что взято и кому сколько дано. И казначеи Анна и Ульяна сказали, что тоѣ рухлядь, что поставлена была у Фетиньи, у Парасковьи, ставили какъ воры были сперва подъ Москвою, да тоѣ рухлядь она и взяла назадъ, а книгъ де приходныхъ и расходныхъ у нихъ нѣтъ; а тѣ росписцы писали себѣ для памяти. И бояре посылали къ старицѣ Марьѣ Шуйской дьяка Семейку Еуфимьева да гостя Ивана Юрьева, а велѣли ей говорити: прежъ того хотѣла она прислати роспись написавъ, у ково сколько какіе рухляди схоронено да и по ся мѣста не присылывала; и онабъ нынѣ дала роспись, сколько у ково какіе рухляди схоронено или что кому дано и хто у нее какую рухлядь продавалъ и на какіе росходы денги шли и есть ли тому приходные и росходные книги? И тогожъ дни дьякъ Семейка Еуфимьевъ и Иванъ Юрьевъ къ старицѣ Марьѣ ѣздили и спрашивали и старица княгиня Марья Шуйского сказала,

что у Парасковьи Колычовы да у Фетиньи Великой была казенная рухлядь, а давала она въ тѣ поры какъ пришелъ Воръ сперва къ Москвѣ, да и опять назадъ взяла; а отдавала ту рухлядь и имала назадъ по ее приказу казначея Ульяна Орлова, а было у Фетиньи всего столовые сундуки да сорочки, а у Парасковьи ящикъ не великъ кипарисной со кресты, а болши де тово у нихъ ничего не было; да у Фетиньижъ де было 2 сорока соболей и она де тѣ два сорока отдала княжнамъ да именовала одну Прозоровскую; а другіе не сказала, а говорила: „*мало ли ково мужъ мой и я жаловали, да не у всѣхъ поимать! Рострига былъ не лутче насъ, да его дачи ни у ково не емлютъ.* А межъ нами кому было у насъ третьему быть. А нынѣ что ее бояре и оманываютъ, просятъ росписи, а сами у всѣхъ, у ково что было положено, все поимали, а будетъ невѣрятъ и она скажетъ подлинно: у княгини Прозоровскіе была коробья съ золотомъ да съ шолки да платейцо дочери ее; у княгини Соломониды Бахтеяровы 1300 золотыхъ да рясы да 3 серги; у княгини Анны Урусовы коробка съ рухлядью; и у тѣхъ у всѣхъ и поимано, а болши тово она ни у ково ничего отнюдь не харанивала, а и то взяла было, проча своей дочери, надѣяся на то: *послѣ Бориса жена многую казну поимала, о чомъ не сыскивали? А и Рострига кому что давалъ, почему назадъ не емлютъ?*" Да спрашивала о томъ, естьли отъ короля къ бояромъ листъ, что ее позорить и грабить, а будетъ и есть и ей хоти и не велитъ Богъ жити съ государемъ по прежнему и государь за нее вступитца, не покинетъ его король." И Семейка и Иванъ говорили, что она то слово говоритъ не пригоже, мужъ ее и она пострижены, какъ тому статись, что жить въ мирѣ по прежнему; и старица говорила: „учну я зватись черницою, какъ вы всѣ увидите то надъ собою" А имъ говоря, отдала серги яхонты да лалы двоеники, что было дала продавать князь Васильевѣ княгинѣ Буйносова, и тѣ серги у ней взяты; а про продажную рухлядь сказала, что продано всякіе рухляди у нее на 12000 рублевъ, а продавали у нее боярыни, которые жили въ Верху, и постелницы а денги приносили къ ней, а она тѣ денги отдавала мужу своему, а иногды имали къ нему отъ нее Иванъ Чепчюговъ да Измайловы да князь Семенъ Прозоровской, а шли тѣ денги въ росходъ нѣмцомъ и на жалованье дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людемъ, и естьли будетъ тѣмъ денгамъ росходъ у розрядныхъ дьяковъ, тово невѣдаетъ: а у нее той продажи книгъ и денгамъ приходу и росходу нѣтъ.

7. (Октября?).... въ 30 день бояромъ князю Ивану Семеновичю Куракину да князю Василью Михайловичю Мосалскому съ товарищи Фетинья Великая сказала въ росиросѣ, что пороли жемчюгъ съ государева и царицына платья и съ круживъ и со всякіе рухляди она Фетинья и иные боярыни, да княгини Прозоровская, Парасковья Колычова; и тотъ жемчюгъ про-

давали царицынъ сынъ боярской Микита Молчановъ да истопникъ Ивашка Бахаревъ; а она продала жемчюгу золотниковъ со сто, а кому продала и что денегъ взяла и куды тѣ деньги шли въ росходъ, и.... у ней есть писмо; а продавалъ у нее тотъ жемчюгъ человѣкъ ее Матюшка Братковъ по 24 алтына золотникъ, а денги взяла казначея Анна Шестакова: а тотъ человѣкъ ее, нынѣ въ Старицѣ въ деревнѣ, а писмо у него тому, что кому продалъ, есть; да ей же велѣла княгиня продать двои серги, один яхонтъ лазоревъ, а другіе лалы, а велѣла было взять по 40 рублевъ за серги, и она взяла за нихъ 90 рублевъ; а носили продавать Ивашко Бахаровъ къ Овдотьѣ Морозовой; и Овдотья то вѣдаетъ, кому тѣ серги проданы; а денги она отдавала княгинѣ Марьѣ: а отъ княгини Шуйской ко князю Василью денегъ отдано съ 17000 рублевъ, а денги имали ко князю Василью князь Семенъ Прозоровской да Иванъ Чепчюговъ да Гордюшка Мандрыкинъ. Да она жъ сказала, что княгинѣ Прозоровской дано лѣтника съ три и съ четыре и ожерелье жемчюжное; да Ромодановской княжнѣ также дано; а продавали всякое узорочье княгиня Солововида да княгини Софья Бахтеярова да Прасковья Колычова и постельницы всѣ продавали; а Микита Молчановъ на одной недѣлѣ продавалъ тысячи по двѣ. А послѣ роспросу велѣно быти у Фетиньи ... въ приставствѣ Федору Хрипунову.

8. Паметь. Дала государыня продати двои серги яхонты да лалы, взяли на обѣихъ 90 рублевъ, продалъ Иванъ Бахаръ; и тѣ денги оточла у меня Анна Шестакова. Да далъ Иванъ Федоровъ продати лѣтникъ отласецъ золотной, а взяли 30 рублевъ, продалъ Иванъ Бахаръ, а деньги отдали Ивану Федорову; продали лѣтникъ, бѣлъ комчатъ поношенъ, а взяли 14 рублевъ, деньги отдали Ивану Федорову; продала приволоку, комочка бѣла, а взяли полпята рубля, денги отдали Ивану Федорову; да продали 90 золотниковъ жемчюгу а золотникъ продали по 24 алтына.... денги у меня оточла въ казну Анна Шестакова; продали 20 безъ золотника мелкова жемчюжку по 4 гривны, денги у меня оточла Ульяна въ казну. Продавали, государь, боярыни и постельницы и казначеи, жемчюгъ и камьи, а давали казначеи, ихъ спрашивайте. Ивану давали Федорову жемчюгъ продавать, казначеи вѣдаютъ; а всѣхъ болши продавалъ Микита Молчановъ, а денги приносилъ казначеемъ; и видѣла я, давала Анна Шестакова продавать ожерелья отложная низана да тафью низану, а сказала мнѣ, что взяли 120 рублевъ; да язъ же, государь, продала лѣтникъ отласной золотной, а взяли 30 безъ рубля, да денги отдала Ивану Федорову; да продали ожерелье низано, а взяли пол—80 рублевъ и денги оточла государыни; а Анна Шестакова продала пуговицы, а взяли.... шесть золотыхъ, отдала золотые государыне да государыни пожаловала всѣмъ намъ по торлопу по бѣльему боярынемъ, а намъ княжнѣ Овдотьѣ шубу соболью под

комкою. Да била челомъ кнеиня Соломонида Бохтеярова, что пожалоњала что племянницѣ то.... что лѣтникъ тафтянъ дала жолтъ, а инова невѣдаю, что дано..... дочь моя прибѣжала отъ воровскихъ людей съ помѣстьишка и..... пожаловала спорокъ комочка черчета поношенъ да тѣлогрѣйку безъ пугвицъ и безъ подкладки ветчану объеринну; да Парасковьинѣ Колычовѣ внукѣ дала тѣлогрѣю, не разсмотрѣла, какова, вѣдаютъ казначеи; да княжнѣ Бохтеяровѣ кнеинѣ Володимировѣ дочери дано лѣтникъ да шюбка да ожерелья да серги: да кнеини Софьинѣ внукѣ Бохтеяровѣй дано шюбка да лѣтникъ да серги, а инова государь не вѣдаю, казначеи вѣдаютъ. Да изъ шкатулки дала боярынямъ и кнежнамъ и казначеемъ по перстеньку по золотому, а мнѣ дала перстикъ малешекъ съ камышками и у меня на той же недѣли украли, всѣмъ вѣды. Да которые кнежны жили на сѣнехъ, Прозоровская и Ромодановская, и тѣмъ государь даваны лѣтники и шюбки золотные и лѣтники камчатые и тафтяные и тѣлогрѣи и шубки суконные и....... и по два ожерелья низаныхъ и вѣнцы и жемчюгъ на поднизи и серги лалы и яхонты на одномъ колцѣ, и все носили казенное, а вѣдаютъ государь казначеи, сколько которой дано, малымъ кнежнамъ: треми дано по ожерелью низаному, да...... шапки черные да кнежъ Гавриловѣ Коркодиновѣ зендень черчату, аршинъ сукна; да Анниинѣ племянницѣ ферези комчаты черчеты, да Аннѣ дано лѣтникъ отласенъ, а цвѣту не разсмотрѣла, да Бохтеяровой опашенъ да лѣтникъ; да сказала мнѣ сама Анна, что ей пожаловала шюбку отласну золотну..... ей не видала: да давали жемчугу на ожерелья Ульяннѣ жемчюгу, а невѣдаюжъ сколько, да племянницѣ Анниинѣ дана шапка черна; да давала дѣвку свою замужъ государыни давала лѣтники комчатые и тофтяные и тѣлогрѣи комчатые шапки и опашни и ожерельи жемчюжные, а вѣдають государь казначеи, сколько ей дано; да Марьинѣ дочери Потребинѣ, видѣла—шюшку бархатную, слухомъ слышала—лѣтникъ, не вѣдаю что давано; а не вѣдаю что.....ютъ казначеи. А сестрамъ да снохѣ что давано, ино все вѣдаютъ казначеи. Да дала Любѣ Горихвостовѣ лѣтникъ непор...... да двѣ наволоки черчаты комчаты и она шила...... боярынямъ давала каптуры, а инымъ соболи д.....; да казначеемъ и постельницамъ давали соболи и бобры на.....ры, да тремъ кормилицамъ дано платья и ожерелья низаны и серги, а вѣдаютъ казначеи, сколка давана, и шапки кружива низаные да Кахановской дѣвкѣ давали, слухомъ слышела, платья и ожерелья, а иного не вѣдаю, казначеи вѣдаютъ; да постельницѣ и казначеемъ давала шапки старые отставливаные отласнои золотные; да на свадбѣ государской дано четыремъ свахамъ..... по лѣтнику, да Марьѣ Неустроевѣ лѣтникъ. *Помѣта.* 119 года октября въ 31 день дала Фетинья Великая.

9. Память Ульянѣ Орловѣ. Росходъ денгамъ пятидесяти рублемъ, что государыня взяла у Парасковьи Колычовы: дано по

князѣ Петрѣ Ивановичѣ 4 руб. 23 алт. 2 ден., декабря въ девятый на десять день; да ходила государыня Петру Чюдотворцу молиться, дала на молебенъ 2 руб.; да на милостыню полтину; да на Чюдотворцову память Петрову на молебенъ крестовымъ въ хоромехъ двѣ гривны; да Екатерининскимъ попомъ пожаловала царевна двѣ гривны; тогожъ дни на милостыню полполтины, да на молебенъ на Рождество Христово крестовымъ на молебенъ двѣ гривны, да Екатерининскимъ попомъ двѣ гривны; Рожественскимъ попомъ на молебенъ же полполтины, да на милостыню полтора рубля, да Ѳетинья Великая взяла полтину. Декабря въ 27 день государыня пожаловала мастерицѣ на похороны рубль; да мастерицамъ полтину, да княгиня Соломонида взяла полполтины, Неустроеву сыну пять алтынъ, да Аннину племянчику двѣ гривны. Генваря въ первый день на молебенъ четыре гривны да на милостыню 9 алт.. Марьѣ Звякиной рубль; генваря въ третій день князю Ивану Петровичу два рубли; послѣ Крещенья на третій день милостыны 10 алт.; канунъ Крещенья, какъ пѣли часы царскіе, протопопу полполтины; въ тотъ же день на молебенъ 4 гривны: того же дни на румянецъ да на мыло 4 алтына. Въ 12 день генваря взяла княгиня Овдотья Прозоровская на къ ку (цку?) кишную 3 рубли. Генваря въ 17 день на милостыню 2 гривны. Генваря въ 18 день дано князь Васильевѣ княжнѣ Ивановича Буйносова полтина, княжнѣ Касаткинѣ рубль, на молебенъ да на милостыню четыре гривны.—Генваря въ 27 день тѣхъ же денегъ Анна Шестакова взяла 5 рублевъ, а отслала Живоначальной Троицѣ, Волгѣ Борисьевнѣ; да Анна же взяла 2 рубли дала князю Ивану Петровичю.—Генваря въ 29 день воскресенья на Златоустовъ день на милостыню 10 алт., тогоже дни на молебенъ полполтины. Генваря въ 30 день взяла княгиня Софья 18 алт. къ кишному очелью; да подъ Срѣтеньевымъ днемъ въ среду на милостыню 2 гривны, да на Срѣтеньевъ день на молебенъ въ хоромехъ 10 алт., да назавтрея воскресенья на молебенъ пять алтынъ, да на милостыню 5 алтынъ, на заговѣнной недѣли 30 алт. на пухъ, да 12 алт. за сани, да 2 руб. въ тюрму на заговѣнной недѣлѣ передъ масленицею; да тѣхъ же денегъ на милостыню въ тюрму 4 рубли; да свѣтлишному сторожю 2 гривны, да тѣхъ же денегъ Ульяна отдала Парасковьѣ Колычевы 9 руб., да 10 руб. летничныхъ денехъ.

10. Память Ульянѣ. Взялъ у меня Гордуша ко государю царицыныхъ денегъ 16 руб. и 20 алт., а деньги тѣ, что Неустроева жена принесла; да взяла Ульяна у Фетиньи у Велик
90 руб. и тѣмъ денгамъ расходъ: взялъ Иванъ Ченчюговъ 13 рубли; да тѣхъ же денегъ государыня пожаловала кнейнѣ Оленѣ Скопинѣ 50 безъ трехъ рублевъ; да взяла Ульяна у князь Василья Ивановича Буйносова 13 рубл. и 2 гривны, да взяла у княжны у Ромодановские 6 руб. денегъ, и тѣмъ денгамъ росходъ: кнейнѣ Оленѣ Скопинѣ додали 16 руб., да положили

рубль и 4 алт. въ то сто, что Неустроева жена принесла не полна сто; да Иванъ взялъ Чепчюговъ государю 60 алт.; да князь Иванъ Пётровичь взялъ 15 руб. *На оборотъ:* продала Өетинья двои серги, а взяла 90 руб.; да лѣтникъ продала отласной золотной, взяла пол-30 рубл., и тѣ денги отдала Ивану Федорову: да продала лѣтникъ отласной, а взяла 30 безъ рубля и тѣ денги отдала Ивану Федорову.

11. Память Ульянѣ, что она взяла у Ивана Чепчюгова денегъ 56 руб. и тѣмъ денгамъ росходъ: Иванъ же взялъ къ государю 27 руб., да Анна Шестакова тѣхъ же денегъ государю дала 4 руб., да государыня къ государю взяла полтину, да государыня пожаловала Настасіѣ Ступишинѣ 5 руб., да государыня же пожаловала князю Ивану Петровичю полтора рубли, да съ правежу государыня пожаловала скупила полтретья рубли; дала княжнѣ князь Васильевой дочери Буйносовѣ полтину, да княгинѣ Соломонидѣ Бахтеяровѣ дѣтемъ боярскимъ 2 дала, да Хитровой полтину; да тѣхъ же денегъ государыня пожаловала княгинѣ Соломонидѣ Бахтеяровѣ 2 руб., канунъ Михайлова дни; да Өетинья Великая взяла къ царевнинымъ сорочинамъ на мясо 2 руб.; да канунъ Михайлова дни государыня пожаловала женщинѣ.... рубль, да въ тотъ же день государыня пожаловала на роздачю рубль денегъ четырмя человѣкомъ по полтинѣ; да къ сорочинамъ царевнинымъ протопопу полполтины, да въ неделю двѣ гривны на молебенъ да на молебенъ на Михайловъ день 4 гривны; да на Михайловъ день на милостыню 10 алт., да въ тотъ же день князю Юрью Петровичю 3 алт., да на мыло 2 алт., да ю... дипцамъ 2 рубля съ четвертью; да Парасковія 5 алтынъ къ церкви . . . .

12. Іюля въ 30 день, взялъ къ государю Гордѣй у казначеи у Анны у Шестаковой 400 руб. Іюня въ 1 день взялъ къ государю жъ князь Семенъ Прозоровской у казначеи у Анны у Шестаковы 700 руб., а сказалъ отдалъ Томилу Луговскому на отдачю козакомъ мѣсечены. Августа въ 1 день Гордѣй взялъ къ государю 3 руб. Іюня въ 8 день взялъ у казначеи Иванъ Микифоровичь Чепчуговъ, у Анны, 190 руб. Іюля въ 31 день взялъ къ государю Гордѣй у казначеи у Анны 3 руб.; да Гордѣй же взялъ 3 руближъ; да князь Семенъ Прозоровской взялъ къ государю у казначеи у Анны 250 руб.; взялъ княжъ Иванъ Петровичь къ государю у казначеи у Анны Шестаковой 130 руб.; да Иванъ Микифоровичь взялъ къ государюжъ 10 рублевъ. Ноября въ 5 день взялъ къ государю Иванъ Микифоровичь Чепчуговъ у казначеи у Анны 15 рублевъ; до Ноябряжъ въ 6 день къ государюжъ взялъ Иванъ Микифоровичь Чепчюговъ 70 руб.—Заговѣвъ на первой недѣлѣ Оспожина посту въ четвергъ взяла государыня у казначеи Ульяны 30 руб., а отдала княгинѣ Марьѣ Воротынской; да князю Ивану Воротынскому 100 руб.; Прозоровскому 5 руб., отцу духовному 8 руб.; оборовали царевну масломъ дали 3 руб. 5 алт.; въ Возне-

сенской монастырь дано княгинѣ Софьѣ 5 руб. съ полтиною; Пимину 5 р.; княгинѣ Софьѣ Бохтеяровой 10 руб.; князь Ивану Петровичю 30 р. *На оборотѣ*: Иванъ Чепчуговъ взялъ дѣтемъ боярскимъ 41 р. Да на Кузму Демьяновъ день Иванъ же Чепчуговъ взялъ 61 р.; да въ монастырь крылошенкомъ 10 р.; діякомъ 5 р.: да Иванъ Чепчуговъ взялъ у Ульяны у казначеи къ государю 26 р.; да къ государю взяли 4 р. Ноября въ 7 д. Иванъ Микифоровичь Чепчюговъ взялъ 49 р. 15 алт.; ноябрямъ въ 19 д. взялъ Иванъ Микифоровичь Чепчуговъ къ государю 280 р.: да ноябрямъ въ 21 д. взялъ князь Иванъ Петровичь Буйносовъ къ государю 80 р. Да ноябрямъ въ 22 д. взялъ Иванъ Микифоровичь Чепчуговъ къ государю 70 рублевъ. — 2 сорока отдала княжнамъ Лисуфашевымъ (?) . . . . . . на 12000 продала . . . . Чепчуговъ, Исмаиловы, Прозоровской, истобничей.

13. Ноября въ 1 день бояромъ князю Ивану Семеновичю да князю Василью Михайловичю съ товарищи Иванъ Зубатой подалъ челобитную, а въ челобитной пишетъ: Царю государю и великому князю Владиславу Жигимонтовичю всеа Русіи, бьетъ челомъ и извѣщаетъ холопъ твой Ивашко Зубатой, стараго Борисовского двора на Назара Блудова въ томъ, что дала государь за него царица Шуйская дѣвку свою приданку старого своего двора, а дала за нею твоей государевы казны лѣтникъ алъ комчатъ, да два лѣтника тафтяныхъ, одинъ червчатъ широкая тафта, а другой желтъ, да шубку накладную свѣтлозелену царицы Марьи Григорьевны плеча, да шубку холодную кизылбашская камка, да ожерелье низаное пугвицы съ яхонты, да серги яхонты лазоревы, да два перстня золоты, одинъ съ яхонтомъ, а другой простой; да шапку золотную, да каптуръ соболей, да ожерелье накладное бобровое: да мужскихъ тому Назару два ожерелья жемчюжныхъ, опроче кодашовскихъ полотенъ и убрусцовъ и сорочекъ, да ононшенъ багрецовой пугвицы серебряные. И выдавъ ту дѣвку царица Шуйская велѣла ей быти у себя въ постельницахъ. И тебѣ бы государю было вѣстьно". И бояре князь Иванъ Семеновичь да князь Василей Михайловичь съ товарищи, выслушавъ Ивана Зубатого челобитные, велѣли Назара Блудова поставити передъ собою, а во дворѣ рухлядь ево и платье велѣли запечатать (sic). И по Назара Блудова посыланъ Семенъ Челищевъ. И тогожъ дни передъ бояры Назаръ Блудовъ ставленъ и роспрашиванъ: княжъ Васильева княгини Шуйского, что ему и женѣ ево давала хоронити и что ему за женою ево дано приданово платья и кузни и полотенъ и всякіе рухляди? И Назаръ Блудовъ сказалъ, что князь Васильева княгиня Шуйского хоронить имъ ничево не давывала, а дала ему казначея Анна Шестакова продать золотниковъ со сто жемчюгу, а сказала ему, что княгиня Шуйского велѣла ему продать; и онъ тотъ жемчюгъ далъ продавать сторожю Юшкѣ, а спдитъ онъ

въ серебряномъ ряду; и Юшка тотъ жемчюгъ продалъ невѣдомо кому, а взялъ по двадцати алтынъ съ гривною за золотникъ, а денги онъ отдалъ казначеѣ Аннѣ Шестаковѣ; а князь Васильева княгиня Шуйского дала за женою ево приданова, опашень да три лѣтника, одинъ камчатъ, а два тафтяныхъ; да тѣлогрѣю тафтяну, да шубку накладную сукно лундышъ свѣтлозелена, да двѣ шапки, одна отласъ золотной, а другая камчата. да ожерелье женское да мужское да серги; и то платье и ожерелье у него на подворьѣ, а полотна давала женѣ ево тожъ, что инымъ постелницамъ. И бояре князь Иванъ Семеновичь и князь Василей Михайловичь съ товарищи велѣли Назару Блудову то приданое принести передъ себя, а съ нимъ послали сына боярскаго Семена жъ Челищева. И тогожъ часу Назаръ Блудовъ и Семенъ Челищевъ принесли приданое платье и кузни. а по смотру той рухляди: ожерелье жемчужное женское пугвицы серебряные, а въ нихъ втираны искорки каменей обышныхъ, забиваны жемчюжки; серги двоечки на серебрѣ въ сергѣ по яхонтику лазуревому. а вдругой по жемчюгу уродцу; перстень золотъ, а въ немъ искорка камешекъ червчатъ: 4 перстня серебряны позолочены. въ одномъ вставка жемчужная, а въ другомъ берюзишка; а въ дву смазни; лѣтникъ тафта червчата вошвы атласъ на зеленой землѣ круги серебряны продолговаты; тѣлогрѣя тафта ала изношена подложена зенденью лазоревою круживо золотное; опашень сукно багрецъ, а у нево 13 пугвицъ серебряныхъ; шубка накладная сукно лундышъ свѣтлозелена подпушка тафта ала: каптуръ соболей. ожерелье бобровое, шапка отласъ золотной на зеленой землѣ, шапенка камка червчата. И Назаръ Блудовъ билъ челомъ бояромъ князю Ивану Семеновичю и князю Василью Михайловичю съ товарищи, а сказалъ, что прибавилъ онъ къ женскому ожерелью, купивъ, жемчугу десять золотниковъ, да пугвицы приложилъ, а четыре перстнишка серебряные ево, а не приданые; да емужъ князь Васильева княгиня Шуйская дала въ приданые лѣтникъ камка ала да лѣтникъ тафта жолта да ожерелье мужское жемчюжное и лѣтникъ камчатъ: да ожерелье съ бѣдности онъ продалъ, а лѣтникъ тафтянъ жолтъ жена ево износила. А казначѣи Анна Шестакова да Ульяна Орлова сказали, что Назаръ Блудовъ прибавилъ къ женскому ожерелью свое ожерелье. что дала ему княгиня Шуйского въ свадьбѣ; а пугвицы къ тому ожерелью дѣлала Назарова жена своими денгами. а перстни серебряные Назаровыжъ. *На оборотѣ*: 119 г. ноября въ 1 день приговорили бояре князь Иванъ Семеновичь да князь Василей Михайловичь съ товарищи той рухлядь у нихъ взяти, а чево въ лицахъ необъявитца и ихъ поставити велѣли для сыску передъ собою.

14. 119 года ноября въ 1-й день митрополиту Пафнотью да архимариту Ферапонту да бояромъ князю Ивану Семеновичю Куракину да князю Василью Михайловичю Мосалскому съ

товарищи сказывала казначея Анна Шестакова, что княгиня Соломонида Бахтеярова жила у княжъ Васильевы княгини Шуйского блязко и государеву казну хоронила, а того невѣдаетъ, вся ли та государева казна, которую она хоронила, у нее взята, а начаетца того, что она вѣдаетъ и иную хороненую казну. И по княгиню Соломониду посыланъ Шаверъ Козаковъ. И бояре князь Иванъ Семеновичь и князь Василей Михайловичь говорили княгинѣ Соломонидѣ: княжъ Васильева княгиня Шуйского сколько государевы казны покрала и кому давала хоронити или впрокъ кому давала, тобъ все сказала вправду. И княгиня Соломонида въ роспросѣ сказала, что князь Васильева Шуйского княгиня Марья давала ей хоронити государевы казны золотые и иную рухлядь и у нее то все и взято, а болши тово у нее нѣтъ и гдѣ будетъ что схоронено или кому давано, тово невѣдаетъ. И бояре князь Иванъ Семеновичь и князь Василей Михайловичь съ товарищи говорили княгинѣ Соломонидѣ: сказываетъ она, что княжъ Васильева княгиня Шуйского кому давала государевы казны хоронити и впрокъ, тово невѣдаетъ, а ей самой многую казну давала? И княгиня Соломонида подала перстень золотъ, а въ немъ яхонтикъ червчатъ; и бояре князь Иванъ Семеновичь и князь Василей Михайловичь посылали на княгининъ дворъ Шавра Козака, а велѣли ему княгининыхъ людей взяти и привести къ себѣ для роспросу. И тогожъ дни Шаверъ Козаковъ къ бояромъ ко князю Ивану Семеновичю да ко князю Василью Михайловичю съ товарищи привелъ княгини Соломониды жонку Ѳедоску, а сказалъ, что опричь тоѣ жонки у нее нѣтъ. И бояре князь Иванъ Семеновичь и князь Василей Михайловичь съ товарищи спрашивали жонку Ѳедоску накрѣпко и пыткою стращали, чтобъ сказала вправду: княгиня Соломонида ко князь Васильевѣ княгинѣ Шуйского ково посылывалаль и что у нее государевы казны жемчюгу и каменья и платья и всякой рухляди схоронено, и старица Улея Баранова отъ княгини Соломониды ко княгинѣ Шуйской о чомъ посылывалали и гдѣ нынѣ племянникъ ее Данило Елизаровъ да человѣкъ ее Наумко? И Ѳедоска сказала, что княгиня Соломонида къ Шуйской княгинѣ старицы Улеи Барановы ко княгинѣ Шуйской ни о чомъ не посылывала, а тоѣ Улею видѣла она Ѳедоска у церкви и ничего съ нею не говаривала: а Данило поѣхалъ на службу съ городомъ: а Наумко де княгининъ человѣкъ збѣгъ безвѣдома; а государевы казны никакіе рухляди она у княгини Соломониды невидала и ни у ково невѣдаетъ. И жонка Ѳедоска дана держать сотнику стрѣлецкому Баушу.

15. Ноября въ 2-й день митрополитъ Пафнотей да архимандритъ Ѳерапонтъ да бояре князь Иванъ Семеновичь Куракинъ да князь Василей Михайловичь Мосальской съ таварищи писали въ царицынѣ полатѣ, что противъ мастерскіе, да въ той же палатѣ взяли въ ящикѣ казначеи Анны Шестаковы да

Ульяны Орловой приходные и росходные памяти и росписи государевѣ казнѣ, у ково что схоронено а въ памятехъ пишетъ.... И бояре князь Иванъ Семеновичь Куракинъ да князь Василей Михайловичь Масалской съ товарищи, выслушавъ казначѣи Ульяны Орловы приходныхъ и росходныхъ памятей велѣли изъ тѣхъ памятей приходъ и росходъ выписати. И въ тѣхъ памятехъ написано въ приходѣ: казначѣя Ульяна Орлова взяла денегъ у казначѣи у Анны Шестаковы 20 рублевъ 18 алт. 2 ден., у Ивана Чепчюгова 56 рублевъ, у Парасковьи Колычевы 50 рублевъ, у Фетиньи Великой взято 90 рублевъ, у князь Василья Буйносова 13 рублевъ 2 гривны, у княжны Ромодановскіе 6 руб., у Ивана Федорова 99 руб. 23 алт. 2 ден., у Неустроевы жены 16 рубл. 20 алт., а объявилось тѣ денги въ росходѣ, что взялъ у нее Гордюша ко государю царицыныхъ 16 рубл. 20 алт.: а денги тѣ, что Неустроева жена принесла; да на томъ же столбцѣ написано нижъ того подъ иными росходы положено рубль 4 алт. въ то сто, что Неустроева жена принесла, неполно сто; а въ приходѣ тѣ обѣ статьи написаны; и того невѣдомо, тѣхъ денегъ сто ли рублевъ у Неустроевы жены взято, или 116 рублевъ 20 алтынъ; а въ роспросѣ Ульяна Орлова сказала, что она у Нестроевы жены взяла 116 рубл. 20 алт., а у той де Неустроевы жены продажа была многая, а продавалъ де у нее дядя ее князь Васильева старова двора Богданъ Чюлковъ. И по Неустроеву жену посыланы Василей Толстой да гость Иванъ Сверчковъ. И Василей и Иванъ сказали, что они по Неустроеву жену ходили и ее де привести нелзе, для того, что болна, родила недавно робенка; а привели мужа ее Неустройка Злобина. А въ роспросѣ Неустройка Злобинъ сказалъ, гдѣ что схоронено или что кому дано государевы казны, то всево невѣдаетъ. И бояре князь Иванъ Семеновичь и князь Василей Михайловичь съ товарищи говорили Неустройку: сказываетъ онъ, что про государеву казну ничего невѣдаетъ, а жена его была въ постелницахъ и жемчюгъ и каменья продавала многое, а продавала сама, а иную продавалъ дядя ее Богданъ Чюлковъ, а онъ то все вѣдаетъ же. И Неустройко всего того запирался, а послѣ того сказалъ: женѣ его княжъ Васильева княгини Шуйского жемчюгъ продавать велѣла и она по ее велѣнью и продавала и Богдану Чюлкову продавать давала, а сколко денегъ за что взяла и тѣ денги отдавала казначеемъ; а что будетъ нынѣ у княжъ Васильевы княгини Шуйского, что какіе рухляди схоронено, тово невѣдаетъ, потому что онъ живетъ своимъ дворомъ; у княгини де нынѣ живетъ Неустройко Зѣвакинъ съ женою, а жена де ево была въ постелницахъ же. И бояре князь Иванъ Семеновичь и князь Василей Михайловичь въ Ивановской дѣвичь монастырь ко княжъ Васильевѣ княгинѣ Шуйского посылали Васильяж Толстово да гостя Ивана Сверчкова, а велѣли имъ взяти Неустройка Зѣвакина да жену ево Мирью для роспросу. И тогожъ

дни Василей Толстой да гость Иванъ Сверчковъ къ бояромъ ко князю Ивану Семеновичю да ко князю Василью Михайловичю привели Неустроеву жену Зѣвакина Марью, а про Неустроя сказали, что ево несыскали.—И бояре князь Иванъ Семеновичь и князь Василей Михайловичь спрашивали постелницу Марью накрѣпко и пыткою стращали: сколько княжъ Васильева княгиня Шуйского государевы казны покрала и кому давала хоронити или впрокъ кому давала, тобъ все сказала вправду. И постелница Марья сказала, что она у княжъ Васильевы княгини Шуйсково у Марьи была въ постелницахъ и кому она что давала государевы казны хоронить и впрокъ, тово она невѣдаетъ, а вѣдаютъ про государеву казну боярыни и казначеи, которые у нее близко жили. И постелница Марья дана держать (пробѣлъ). А Богданъ Чюлковъ сидитъ у пристава у стрелѣцкой головы у Ивана Толстово, и велѣно его привести къ роспросу къ бояромъ. И всего въ приходѣ у Ульяны Орловы 452 руб. 10 ден., и изъ того числа въ росходѣ князь Иванъ Буйносовъ взялъ 22 руб., Иванъ Чепчюговъ взялъ ко князю Василью Шуйскому 73 руб. 26 алт. 4 ден., Гордюшка Мандрыкинъ взялъ ко князю Васильюжъ Шуйскому 16 руб. 20 алт., Парасковьѣ Колычовѣ 19 руб.; да въ мелкихъ статьяхъ въ росходѣ 121 руб. 21 алт. 2 денги, и всего въ росходѣ 253 рубли 8 алтынъ. И нѣтъ въ росходѣ противъ приходу 198 руб. 27 алт. И казначея Ульяна Орлова била челомъ бояромъ князю Ивану Семеновичю да князю Василью Михайловичю съ товарищи, а сказала, что у ней въ росходѣ денги всѣ противъ приходу да не все записано, потому что записать было у ней некому. А у казначеи у Анны Шестаковы по росходной памяти въ росходѣ 2070 руб. 21 алт. 4 ден. И бояре князь Иванъ Семеновичь да князь Василей Михайловичь съ товарищи спрашивали казначею Анну Шестакову, многоли у ней денегъ въ приходѣ было и естьли у ней тѣмъ денгамъ приходъ записанъ. И казначея Анна Шестакова сказала приходныхъ памятей денгамъ у ней нѣтъ, а имала она денги въ росходъ княгини Шуйскіе: а что возметъ, то и въ росходъ отдастъ; и въ тѣхъ денгахъ считала ее княгиня же Шуйского. И бояре князь Иванъ Семеновичь да князь Василей Михайловичь спрашивали казначею Анну Шестакову, что по ее сказкѣ посыланъ ко княгинѣ Оринѣ Буйносова и ко княжнѣ Марѳѣ для серегъ, Василей Толстой, что дала имъ княгиня Марья Шуйского серги; и княгиня Орина сказала, что царица дала ей одни серги продавать, а иныхъ недавывала: а княжна Марѳа сказала, что ей царица Марья никакихъ серегъ недавывала. И казначея Анна сказала, что купилъ у царицы Марьи князь Василей Буйносовъ дочери своей княжнѣ Марѳѣ серги двоенки лалы да яхонты, далъ 20 руб.; да княгиняжъ Марья дала княжнѣ Марѳѣ серги яхонты лазоревы, а хотѣла ей тѣ серги зачести за долгъ за 50 руб., что занято у отца ее у князь Василья 500 руб.; а княгинѣ Ори-

нѣ дала Шуйского княгиня одни серги, про которые прежъ того сыскъ былъ, что дала ей продавать; а иныхъ серегъ ей опричь того недавывала; а нынѣ тѣ серги у старицы у Шуйскіе. А ко княгинѣ Оринѣ да ко княжнѣ Марфѣ посылали бояре Дмитрея Коверина, что (бъ прислали) онѣ тѣ серги и иную всякую рухлядь, что давала имъ княжъ Васильева Шуйского княгиня Марья. И казначея Анна и Ульяна сказали, чево они въ прежнехъ роспросехъ боярину князю Андрѣю Андреевичю Телятевскому съ товарищи сказать пропамятовали, а нынѣ вспомнятъ, и они одноконечно того не утаятъ, кому что дано или гдѣ что схоронено, все подлинно написавъ учнутъ памяти приносити. А Дмитрѣй Коверинъ сказалъ: ходилъ де онъ ко княгинѣ Оринѣ Буйносовѣ да ко княжнѣ Марфѣ и говорилъ имъ, чтобъ они прислали къ сыску серги и всякая рухлядь, что дала имъ княгини Марья Шуйского; и княгиня де Орина Буйносова сказала: дала де ей княгиня Шуйского продавать серги двоенки лалы съ яхонты на золотѣ и она тѣ серги не продала; да какъ княжъ Васильева княгиня Шуйского съѣхали на старой дворъ и она тѣ серги опять отдала царицѣ да про то сказывала она напередъ сего боярину князю Андрѣю Андреевичю Телятевскому съ товарищи: а иныхъ у нее серегъ и никакіе рухляди нѣтъ. А княжна Марфа сказала, что княгини Марья Шуйского серегъ яхонтовъ лазоревыхъ ей не давывала.

16. 119 года ноября въ 4 день къ бояромъ ко князю Ивану Семеновичу Куракину да ко князю Василью Михайловичю Мосалскому съ товарищи думной дьякъ Степанъ Соловецкой привелъ отъ бояръ.......кова да гостей Ивана Юрьева....... Порывкина, а сказалъ: били челомъ....... всѣ гостя на Федора о обидахъ да тутъ же.... межъ себя (зачеркн: говорили межъ себя и про государево дѣло) упрекали государевы казны про переписные книги. И бояре велѣли ихъ распросити да что будетъ межъ ихъ про государеву казну про книги объявитца (зачерк: государево дѣло) и то записати. И бояре князь Иванъ Семеновичь да князь Василей Михайловичь съ товарищи Федора Янова и гостей Ивана Юрьева и Богдана Порывкина роспрашивали, а въ роспросѣ гости Иванъ Юрьевъ да Багданъ Порывкинъ сказали: какъ де послѣ Ростриги велѣлъ переписывати государеву казну князь Василей Шуйской Ивану Колычову да Федору Янову........омъ меньшому Булгакову да Матвѣю....... ейниково, да имъ гостемъ Ивану Юрьеву и Богдану Порывкину..... Кошурину, Ивану Юдину, Максиму Твердикову, и они де писали всѣ вмѣстѣ и печатали полату Иванъ да Федоръ; а они гости.... прикладывали съ нимижъ; а приказъ деи былъ Шуйскаго, что было имъ къ книгамъ и руки прикладывать и имъ де рукъ прикладывати къ книгамъ Федоръ и дьяки недали, а здѣлали книги каковые надобе; а начаютця они въ томъ отъ Федора и отъ дьяковъ воровства. А Федоръ Яновъ сказалъ: приказъ князя Василья

Шуйскаго былъ, что было къ тѣмъ книгамъ руки прикладывати гостемъ. только въ тѣ поры было руки прикладывати какъ пересмотря всю казну по книгамъ; и казны де Шуйской несматривалъ.....что послѣ переписи почалъ быти той казнѣ росходъ великой въ жалованье; а печатали де казну гости не всѣ, одинъ Иванъ Юрьевъ........а и ни.....гости не всѣ ходили по перемѣнамъ....по два и по три; а какъ де казну переписали и тоѣ де казну печаталъ Шуйской самъ. Да гостижъ Иванъ Юрьевъ да Богданъ Порывкинъ сказали: ималъ де съ казеннаго двора у Федора Янова гость Ондрей Юдинъ суды серебряные въ дѣло на денги; и отписи тѣмъ судомъ Федоръ Яновъ Ондрѣю Юдину съ товарищи давали, а послѣ того опять у нихъ того своего писма просили назадъ невѣдомо для чено; а начаютца они того.......Федоръ Яновъ и казенные дьяки Меншій....овъ да Матвѣй Коробейниковъ государевою казною корыстовались. А Федоръ Яновъ сказалъ, что онъ гостю Федору Юдину въ государевыхъ судехъ въ серебряныхъ отписей недавывалъ, а давалъ онъ Ондрею росписи государевымъ судомъ серебрянымъ колко коли въ дѣло выдастъ судовъ и что въ нихъ вѣсу было, почему имъ имати опять денги противъ серебра; а у него у Федора противъ тѣхъ росписей книги подлинные были; да въ томъ слался на Ондрѣя Юдина, что опричь росписей, какъ суды посыла...., отписей не давывали.

Описи платья и всякой казны времени царей Өедора Ив., Бориса Годунова, Василья Шуйскаго.

17. Начала нѣтъ. Слѣдуетъ опись шубокъ золотыхъ (17, въ томъ числѣ): шубка алтабасъ серебренъ на червцѣ. Шубка камка бурская на червцѣ розные шолки съ золотомъ. Шубки суконные (22, въ томъ числѣ:) Шубка сукно скорлатъ червчатъ, подпушка тафта лазорева. Ш. сукно багрецъ червчатъ, подпушка тафта голуба. Ш. сукно порпьянъ червчатъ, подпушка тафта голуба. Ш. сукно лунское червчато. подпушка тафта голуба. Ш. сукно брюкишь бѣла голуба, подпушка тафта червчата.

Опашни. Опашень сукно скорлатъ червчатъ безъ ожерелья, за строки мѣсто положенъ картулинъ, петли трунсалные, безъ пугвицъ, подложенъ тафтою голубою. Опашень сукно скорлатъ червчатъ безъ ожерелья и безъ пугвицъ и безъ строки и безъ петель, подложенъ тафтою голубою. Опашень сукно скорлатъ червчатъ круживо колешчато золото съ серебромъ, а другое круживо золото кружки, петли золоты въ кружки, безъ пуг-

вицъ и безъ ожерелья, подложенъ таѳтою голубою. Опашенсукно скорлатъ червчатъ строка мелкая безъ пугвицъ подложенъ таѳтою голубою. Кортели (12, въ томъ числѣ): Кортель соболей, вошвы шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ лученчаты и бархачены шолкъ зеленъ червчатъ. Кортель соболей, вошвы шиты золотомъ серебромъ волоченымъ аксамичены. Кортель бѣлей хрептовой, вошвы аксамичены по червчатому бархату золотомъ и серебромъ. Кортель бѣлей хрептовой, вошвы камка бурская на синей землѣ реки и листье. Кортель бѣлей черевей, вошвы камка кизылбашская люди стоячіе и сидячіе розные шолки. Кортель камка еская жолта на горностаехъ, вошвы бархатъ венедитцкой шолкъ червчатъ съ золотомъ и съ петлями. Кортель камка цареградская на горностаехъ шолкъ бѣлъ червчатъ безъ вошевъ.... 2 цки кортельные горностайны. 2 цки кортельные бѣльи. Тѣлогрѣи теплые: Тѣлогрѣя камка травчаская мелкой узоръ розные шолки, кружево нѣмецкое серебрено на горнастаехъ, а у неѣ 15 пугвицъ серебреныхъ. Тѣлогрѣя объярь червчата на горнастаехъ, а у неѣ 17 пугвицъ обнизаны жемчюгомъ. Тѣлогрѣя камка кизылбашская полосата по полосамъ люди и птицы золото волоченое, на черевахъ на лисьихъ, а у неѣ 13 пугвицъ серебреныхъ. Тѣлогрѣя отласъ ценинень венедитцкой на песцовыхъ черевахъ. Тѣлогрѣи холодные (12, въ томъ числѣ): Тѣлогрѣя отласъ зеленъ кружево плетеное и листье золото съ серебромъ, а у неѣ 13 пугвицъ раковинныхъ обложены золотомъ (*отмѣтка*: нѣтъ, всѣ сказ. Иванъ, въ росходѣ). Тѣлогрѣя камка мисюрская на алѣ съ розными шолки круги золоты, у неѣ 28 пуговокъ зерна жемчужные. Тѣлогрѣя камка бурская на лазори съ золотомъ, по ней попугаи, безъ пугвицъ. Спорки тѣлогрѣйные (13). Спорки лѣтничные (15). Ящикъ дологъ оболоченъ кожею, а въ немъ: круживо низано по вишневому отласу переды съ дробницею съ золотою и съ яхонты и съ лалы и съ изумруды. Тогожъ портища подольнее круживо нашиты дробницы золотые на вишневомъ отласѣ безъ жемчюгу. Тогожъ портища круживо на рукава, а на немъ дробницы золотые съ яхонты и съ изумруды да мѣсто порожжо. Перевезь низана жемчюгомъ большимъ съ яхонты и съ лалы и съ изымруды, по краемъ бахрома золотая съ переперы. Образцы низаны большимъ жемчюгомъ съ канютелью, 6 воротныхъ да 2 пробѣшныхъ: 29 образцовъ литовское дѣло низаны жемчюгомъ; 2 узла жемчюгу, что спороть съ рукавъ ѳерезей бархатныхъ червчатыхъ съ праваго рукава 131 золотникъ да съ лѣвого рукава 138 золотниковъ. (Взяла де Шуйская княгиня въ хоромы весь жемчюгъ). Въ третьемъ узлѣ жемчюгу, что принесъ Кузма Безобразовъ, въ трехъ прядехъ 108 золотниковъ да 539 зеренъ жемчюгу скатново, 53 зерна большихъ и середнихъ да мелково жемчюгу 4 золотника. 7 колецъ да 9 гвоздей серебреныхъ. Остатки бархатные и камчатые (15, въ томъ чис-

лѣ: барх. 9 арш., а изъ него сдѣлано платенцо дитячье). Одѣяло недодѣлано камка бурская на червцѣ съ золотомъ цвѣпи и листье и звѣздки прошиваны серебромъ, опушка камка на сини съ золотомъ, грива камка бурская на бѣли съ золотомъ деревья.

Коробья не велика, а въ ней: крестъ золотъ съ мощми съ каменьемъ и съ жемчуги. 5 иконъ воротныхъ золоты съ каменьемъ и съ жемчуги рѣзаны на камени. Ларецъ кипарисной окованъ бѣлымъ желѣзомъ, а въ немъ: 7 убрусцовъ тафтяныхъ по концомъ низаны жемчугомъ. 2 бѣлиленки низаны жемчугомъ съ кистьми (на полѣ отмѣтка: отданы князь Васильевой дочери Буйносова да 2 Прозоровской). Бѣлиленка шита золотомъ и сереброиъ (отдать Ромадановской). 3 суремницы съ спицами низаны жемчугомъ. Вошвы низаны жемчугомъ съ картулиныо (sic) полосы червчаты да вишневы отласные. 2 шапочки скроены, а не сшиты, одна камка ала съ золотомъ, а другая руде желта съ сереброиъ. Вошвишка невелики камка бурская на бѣли шолкъ лазоревъ съ золотомъ. 2 фуника отъ снуръ низаны жемчугомъ. 3 остатка участковыхъ золотныхъ въ мѣрѣ ихъ пол-2арш. (Есть 1, а другой отданъ Ромадановской да Прозоровской). 55 арш. тафты бурскіе червчатые (изошла на сорочки). Остатокъ бапбереку....... 32 ¾ арш. тафты шамскіе (взята на сорочки). Ларчикъ писанъ мусеею, а въ немъ 25 пучковъ шолку лазоревого да зеленого. Ларецъ въ лагалищѣ въ черномъ серебрянъ позолоченъ съ каменьемъ нѣмецкое дѣло. (Есть, а въ немъ нынѣ понагѣя золота; на сорочкѣ крестъ низанъ жемчугомъ, да 2 запоны золоты съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды; сорочка образовая низана жемчугомъ, да въ бумажкѣ въ гнѣздѣхъ въ золотыхъ 26 яхонтовъ и лаловъ, въ розни жемчужина да 21 искорка лаликовъ.) Гребенекъ костяной съ каменьемъ. 2 ларчика писаны съ красками, въ одномъ 15 кружковъ мыла, другой порозжонъ. Коробья ноугородцкая окована бѣлымъ желѣзомъ, а въ ней простыни и наволочки. (Есть, а въ ней 6 простынь да 50 полотенецъ да простынка мала). Коробья ноугородцкая окована бѣлымъ желѣзомъ, а въ ней простынки (въ ней 12 простынь да сорочка женская полотняна да 3 бортки, одни нарядные). Коробья ноугородцкая, а въ ней 7 полокъ, поясъ шолковъ, 17 сорочекъ полотняныхъ женскихъ, сорочка кисейная, сорочка кушачная полосата, сорочка тафта червчата, 2 сорочки мускихъ нарядныхъ, 3 порты тафтяны.

Сундукъ кипарисной невеликъ, а въ немъ сорочки женскіе: сорочка тафта ала, сорочка тафта бѣла выбиваны звѣздки золотомъ, 2 сорочки тафта желта, сорочка полосата тафта бѣла да червчата; 2 сорочки тафта червчата, у одной рукава низаны жемчугомъ, а у другой шиты золотомъ. Сорочка муская тафта двоелична была низана и жемчугъ съ неѣ снятъ. 8 поясковъ верхнихъ и нижнихъ шолковыхъ. 6 сорочекъ мускихъ, 6 пор-

ты полотняныхъ, 3 сорочки женскихъ полотняныхъ. Коробочка невелика, а въ ней рухлядка отставная царевны Ѳеодосьи (нѣтъ, сказ... взяла въ хоромы совсѣмъ). Чарка серебрена; и ту чарку отнесъ ко государю въ хоромы Кузма Безобразовъ. 5 покрышекъ братинныхъ серебреныхъ, 4 обломки серебрены. 21 пугвица золоты на закрѣпкахъ жемчуги. 12 пугвицъ обнизаны жемчугомъ. 2 круживца спорки узенки. Тафья отласъ червчатъ, тафейка скорлатная съ запаномъ, а въ запанѣ камень изумрудъ. 14 петель нашивки золотные ворворки низаны; 14 пуговокъ канютельныхъ; въ бумашкѣ пуговка серебрена да дробницы; 5 пугвицъ серебр. золочены; 13 нашивокъ серебрены съ кистьми. 2 ножика да свайка рыбей зубъ окованы серебромъ золочено. Трубка серебрена воденая. Ящичекъ невеликъ окованъ серебромъ по бархату. Остатокъ кружива золото съ перепелки. 2 одѣяла зуфь червчата. 2 подушки тафта червчата. 10 плащиковъ серебрены золочены, въ бумажкѣ 23 зерна жечмужныхъ. Коробья ноугородцкая съ мелкою рухлядью. Рукомойникъ да лахань серебрены золочены. Коробья ноугородцкая окована чернымъ желѣзомъ, а въ ней: 18 сорочекъ женскихъ, 28 полокъ убрусовъ, пол—13 арш. кисеи. 3 полотенца съ золотомъ кисейныхъ, утиральникъ бѣлой, 3 волосники съ ошивками везены золотомъ и серебромъ. Сорочка мужская скроена шита золотомъ, 2 пояса шолкъ червчатъ, полотно золосато. Остатки кисейные и миткалинные и полотняные бѣлые. Аршинъ тафты шамскіе червчатые. 2 ставика нѣмецкіе съ бѣлилы. Да въ той же коробьѣ: 2 сорочки мускихъ, одна тафта червчата, порты тафтяные бѣлы, а нашивка на сорочки золотная, да сорочка полотняная нашивка торочкован зеленъ шолкъ съ золотомъ, рукава женскіе кисейные. Коробья ноугородская, а въ ней потѣшные суды (тѣ коробьи взяты въ хоромы). 2 ящика серебрены съ бирюзками. Въ лагалищѣ песочные часы серебрены. Трои шахматы, 14 королковъ, поясъ шолкъ зеленъ. Ларчикъ кипарисной маленекъ порозженъ. Ларчикъ нѣмецкой писанъ, а въ немъ мелкая рухлядка. Коробья ноугородцкая невелика (взята въ хоромы), а въ ней: 2 литры золота да въ розни цѣвки съ три золотажъ. 2 литры серебра да въ розни цѣвки съ четыре серебражъ. Литры съ 2 шолку розныхъ цвѣтовъ. Коробка. а въ ней 2 псалтыри да олександрѣя (были четыре; у Ѳетиньи Великой есть псалтырь одна....) Ларчикъ кованъ желѣзомъ, а въ немъ очистьки мыла (отданъ портомоямъ).

Коробья ноугородцкая, а въ ней: 64 волосники золотныхъ (нѣтъ, сказ взяты, у Бахарева); 3 волосники золото съ серебромъ (у Бахарева жъ сыскать). Волосникъ серебренъ (у Бахаря жъ). 14 ширинокъ шиты золотомъ и серебромъ шолки (взяты въ хоромы); 29 полокъ шитыхъ и брайныхъ. Коробка, а въ ней: пол—2 ансырю шолку. Литры съ 3 шолку бурского

розныхъ цвѣтовъ. Ящикъ бѣлъ, а въ немъ: тесматурская зелена дѣлана въ кружки; обрѣзки серебрены мелкіе басменные. Лѣтникъ таѳта лазорева виницейка вошвы камка бурская шолкъ бѣлъ съ золотомъ. Лѣтникъ таѳта червчата виницейка вошвы камка на зелени рыбки и копытца золоты и серебрены. Шубка сукно лундышъ зелена. Тѣлогрѣя камка венедитцкая червчата на бѣльихъ черевахъ, а у ней круживо золото съ серебромъ, 12 пуговицъ серебрены золочены. Тѣлогрѣя камка венедитцкая лазорева, а у ней 13 пуговокъ серебрены золочены. Чеботы сафьянны червчаты.

Сундукъ кипарисной долгой окованъ бѣлымъ желѣзомъ, а въ немъ; вошвы низаны по червчатому отласу середнимъ жемчугомъ, межъ жемчугу дробницы золоты съ ѳиниѳты да въ вошвѣ по 13 яхонтовъ лазоревы въ золотыхъ гнѣздехъ. (Нѣтъ, сказ. взяли въ хоромы). Вошвы низаны по черному бархату лученчаты ѳряское дѣло съ канютелью и съ трунсаломъ большимъ и середнимъ и мелкимъ жемчюгомъ. Вошвы низаны по черному бархату середнимъ жемчугомъ съ дробницею съ серебреною съ золоченою. Вошвы низаны по червчатому отласу треми жемчуги большимъ и середнимъ и мелкимъ жемчугомъ съ канютелью и съ переперы, въ одной вошвѣ 15 лаликовъ въ золотыхъ гнѣздѣхъ, а въ другой вошвѣ 16 лаликовъ въ золотыхъ гнѣздѣхъ. Вошвы столпчатые полосье низаны треми жемчуги большимъ и середнимъ и мелкимъ съ переперы ѳряское дѣло, а межъ низаныхъ полосъ прошиваны полосы круживо нѣмецкое золотомъ и серебромъ волоченымъ. (И съ одной вошвы снято 6 полосъ низаныхъ на омѳоръ). Вошвы столпчатые полосы низаны жемчугомъ мелкимъ съ канютелью съ шипами и съ переперы, а другіе полосы шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ волоченымъ съ переперыжъ. (Нашиты на лѣтникъ на кушашной полосы червчаты, а другіе зелены съ золотомъ). Вошвы шиты по червчатому отласу золотомъ орлы дѣланы канютѣлью золотою и серебреною.—Четверы вошвы бархатные и камчатые съ золотомъ и съ серебромъ и съ петлями розные шолки. Вошвы дѣланы канютелью грановитою золотою и серебряною и кратулиною и трунсаломъ по полосамъ одни полосы дѣланы по червчатому отласу, а другіе полосы по лазоревому отласу. Вошвы столпчатые двои полосы. однѣ полосы шиты волоченымъ золотомъ чеканное дѣло, а другіе полосы шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ волоченымъ съ переперы шипами; да у тѣхъ же вошевъ пришиты передцы товожъ дѣла шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ волоченымъ. Вошвы шиты по зеленому бархату золотомъ и серебромъ аксамичены. Вошвы шиты по червчатой камкѣ золотомъ и серебромъ волоченымъ круги большіе и травы. Вошвы шиты по червчатому бархату золотомъ и серебромъ аксамичены. Вошвы полосаты полосы розные цвѣты шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ. Вошвы

камка венедитцкая на червцѣ старое дѣло шолкъ бѣлъ да зеленъ съ золотомъ каймы кругъ вошевъ шиты по зеленому отласу золотомъ съ червчатымъ шолкомъ. Вошвы камка бурская на алѣ розные шолки съ золотомъ рѣки и листье. Вошва одна шита по бѣлой камкѣ золотомъ и серебромъ и шолки. Да что были вошвы большіе низаны большимъ жемчюгомъ по червчатому отласу съ яхонты и съ лалы и съ тѣхъ вошевъ Разстрига снялъ жемчюгъ и каменья на вошвы, что съ запонами, самъ дѣлалъ, а остался на вошвахъ жемчюгъ на каймахъ на одниxъ и безъ веревокъ (взяты въ хоромы). Опашница шита по червчатому отласу золотомъ и серебромъ въ розводахъ орлы и олени и павы. 2 зеркала хрустальные, одно серебрено кругло золочено, травы на немъ серебрены гнутые, влагалище бархатное золотное; другое зеркало четвероугольно съ затворомъ, влагалище и затворъ дѣлано канютѣлью и трунсаломъ. (Есть одно первое, а другое отдано княгинѣ Катеринѣ). Опашница шита по лазоревому отласу золотомъ и серебромъ орлы и олени, у той же опашницы передцы шиты золотомъ и серебромъ бархачены червчатымъ да зеленымъ шолкомъ. Круживо широко дѣлано въ кружки, середка золота съ лазоревымъ шолкомъ. кайма серебро съ червчатымъ шолкомъ. Круживо золото плетевое да серебро колешчато ветчано, въ мѣрѣ его) арш. и 7 вер; круживо плетевое золото—$7\frac{1}{4}$ арш.; 2 спорка тафта червчата (какъ ожерелья мужскіе) у нихъ по 2 пуговки жемчужныхъ. Да изъ тогожъ сундука вынялъ государь: зенбереку червчатого 17 арш. безъ вершка; попонку кизылбашскую дѣлана золотомъ и серебромъ и шолки, а велѣлъ еѣ подложити тафтою да отдать на конюшню Ивану Измаилову.... Да государь же взялъ подпружку литовскую дѣлана по верямъ шолки.

Коробка ноугородская желта окована чернымъ желѣзомъ, въ ней: 60 ширинокъ тафтяныхъ съ золотыми кистьми. убрусца низаныхъ. 2 ширинки низаныхъ государскихъ. ширинки тафтяныхъ шитыхъ безъ кистей. 2 убрусца низаны. 2 ширинки тафтяныхъ съ золотыми кистьми, что государю челомъ ударили боярыни послѣ свадбы. Ширинка старая шита на проемъ кисти шолкъ червчатъ съ золотомъ. Коробья ноугородская желта окована чернымъ желѣзомъ, а въ ней: 59 убрусцовъ низаныхъ. Убрусецъ шитъ серебромъ. 11 убрусцовъ жемчугъ съ нихъ споротъ. Коробья ноугородская желта окована бѣлымъ желѣзомъ, а въ ней: сорочка полотняна нарядная полосата, нашивка и поясии червчатъ шолкъ съ золотомъ. 3 сорочки нарядныхъ полотняныхъ гладкихъ, нашивка и пояски червчатъ шолкъ съ золотомъ ветчаны. 6 сорочекъ полотняныхъ ветчаныхъ, нашивка торочковая. 4 порты. 3 ехлы полотняныхъ ношены. 3 сорочки полотняныхъ нашивка торочковая, двѣ новы, а третья ветчана. Порты. 10 простынь полотенныхъ безшивныхъ и полотняныхъ. Ожерелье мужское

теска стегана по вишневому отласу. Коробья ноугородская желта не окована, а въ ней Царицы и великіе княгини сорочки тафтяные: сорочка широкая тафта червчата рукава низаны жемчугомъ съ дробницами съ мелкими съ золотыми. Сорочка тафта полосата, полосы бѣлы да червчаты, по швомъ (пробѣлъ). Сорочка тафта полосата полосы желты да червчаты по швомъ низаны мелкимъ жемчюжкомъ въ веревочку, а по рукавамъ и по швомъ низана ряскою (поправл. рисою). Сорочка тафта полосата полосы червчаты да зелены по швомъ кладены пояски серебрены плетеные. Сорочка тафта червчата рукава были низаны жемчюгомъ и жемчюгъ снятъ. Сорочка тафта желта. Сорочка тафта ала. Сорочка кушачна полосы бѣлы, а другіе желты съ золотомъ. Сорочка шиденая полоски по ней шелкъ алъ съ золотомъ. Сорочка шиденая бѣла полоски съ золотцомъ. Сорочка тафта бѣла рукава шиты золотомъ (нѣтъ сказ. отдано княгинѣ Катеринѣ). Сорочка тафта бѣла. Сорочка тафта ала шамская. Сорочка тафтица ала тонкая, 2 сорочки тафтицы тоненкіе желты. Сундукъ кипарисной окованъ бѣлымъ желѣзомъ, а въ немъ царя Өедоровскіе сорочки: 13 сорочекъ полотняныхъ нашивка торочковая. 11 порты. Коробка лубеная, а въ ней: наволока зголовейная крымская шита по червчатому отласу серебромъ волоченымъ. Ичетыги да башмаки крымскіе шиты по червчатому отласу золотомъ волоченымъ, а въ травахъ шелкъ лазоревъ зеленъ (нѣтъ, взяли въ хоромы). Башмаки да черевики крымскіежъ сафьянъ алъ писаны золотомъ. Перстенъ золотъ крымскіе присылки, а въ немъ олмазъ не великъ (нѣтъ сказ. Иванъ отдалъ въ хоромы). Зуфь ангульская зелена цѣла. 101 аршинъ тафты червчатые бурскіе. 2 косяка тафты, одинъ алъ, другой желтъ шемохѣйка. Косякъ тафты бѣлой китайки. Камка кизылбашская цвѣтная шолкъ лазоревъ, цѣлая. Остатокъ бархату венедитцково гвоздичново съ золотомъ, по немъ звѣздки, 2 арш. безъ чети (нѣтъ данъ Буйносовой на во....). 2 завѣса тафта червчата. Рукава женскіе тафта лазорева. Сорочка тафта бѣла ветчана, нашивка спорота.

Коробья ноугородская желта не окована, а въ ней отставочныхъ 7 сорочекъ полотняныхъ нашивка торочковая; 11 порты, 6 онучки. Коробка ноугородская окована бѣлымъ желѣзомъ, а въ ней: 32 литры съ цѣвкою золота. 7 литръ и 2 цѣвки серебра. 3 литры шолку червчатаго шемохѣйскаго. (Нѣтъ, вся взята въ хоромы). Коробка ноугородцкая, а въ ней: сорочка миткалиная. 4 порты миткалиные (а троихъ портовъ нѣтъ). 2 сорочки безиные. 2 порты безиные. 4 сорочки полотняные съ пугвицами. Рукавца сарпатные. 4 порты полотняные. Коробка ноугородцкая, а въ ней по ерлыкомъ (нѣтъ той коробьи, совсѣмъ взята въ хоромы). 77 аршинъ тафты червчатые шамскіе; 49 арш. 7 вер. тафты алые шамскіе. 47 аршинъ шиды алой выбиты по ней звѣздки. 14 арш. тафты жолтые бурскіе. Ост. дороговъ двоеличныхъ, 14 арш. тафты жолтые

китайки. Ширинка наблюдная миткалинная шита золотомъ и серебромъ на середкѣ орелъ. Остатокъ сарпату....

Коробья ясеновая большая, а въ ней: чеботы бархатъ червчатъ низаны жемчугомъ. Чеботы отласъ червчатъ, жемчугъ споротъ. 7 чеботы сафьянные шиты золотомъ и серебромъ. 11 чеботы сафьянные простые. 6 башмаки сафьянные. 2 чюлки тафта желта. Чюлки теплые тафта червчата на лисицѣ. Коробья ясеновая, а въ ней чеботы отставочные: 14 чеботы сафьянные желты. 15 башмаки сафьянные желтые. 2 чюлки лѣтніе тафта желта. 2 чюлки теплые одни на черевахъ на лисьихъ, а другіе на черевахъ на бѣльихъ. (Тутожъ сверхъ списка чюлки алы да червчаты тафтяны, да сапоги бархатны съ золотомъ да сапоги низаны жемчюгомъ съ каменьемъ по червчатому отласу новые). Коробья ноугородцкая желта, а въ ней чеботы сафьянные зелены шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ, по швомъ низаны жемчугомъ. 3 чеботы отласъ червчатъ шиты золотомъ и серебромъ. 2 чеботы бархатъ червчатъ, у однихъ образцы низаны жемчюгомъ; чеботы бархатъ бурской съ золотомъ. 2 чеботы сафьянные одни алы, а другіе бѣлы. 4 башмаки желты сафьянные. Коробья ноугородцкая желта, а въ ней: 5 чеботы сафьянные желтые. 3 чеботы сафьянные бѣлые. Чеботы сафьянные черлены. Чюлки тафтяные, 2 черчеты, а третьие алы. Коробья ясеновая черна, а въ ней: 8 чеботы сафьянные желтые, 5 башмаки сафьянные желтые.

Сундукъ бѣлъ плосокъ, а въ немъ: Лѣтникъ камка кизылбашская на празелени люди стоячіе и сидячіе, безъ вошевъ. Лѣтникъ камка козылбаская люди и птицы съ розными шолки, безъ вошевъ. Шубка бархатъ червчатъ полосатъ съ золотомъ. Шубка камка кизылбашская на празелени розные шолки съ золотомъ. Шубка камка бурская шолкъ бѣлъ черчетъ съ золотомъ змѣйки. Шубка не додѣлана зелена сукно лундышъ. Тѣлогрѣя обьярь ценинная подпушена камкою червчатою. Ост. сукна зеленаго лундышъ.... Запонъ полосатъ тафта ала полосы шиты по зеленой камкѣ золотомъ и серебромъ. 2 подкладки лѣтничные тафта червчата. Ожерелье пуховое. Остатки кушачные полосы изъ нихъ вырѣзаны. 2 вотолки кречатьи шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ. Коробьи лубеная, а въ ней: 40 литръ шолку бурсково розныхъ цвѣтовъ, 3 литры шолку почеты; 21 ансырь шолку розныхъ цвѣтовъ. 2 зеркала, на одномъ плащи серебряны позолочены. Нашивка золотная съ кистьми. Шапка лисья черная. Полотно, 5 плоточковъ, 6 чеботы, 6 башмаки, 3-и четыги. Коробья ясеновая бѣла, а въ ней ризы и потрахѣли и книги. Коробья лубеная, а въ ней лоскутье гнило. (Нѣтъ, роздано). Ящичекъ нѣметцкой съ бѣлилы (справит съ отдачею и съ продажею).

Коробья лубеная поволочена кожею, что изъ Потѣшные полаты, а въ ней лѣтники отставочные: (описано 8 лѣтниковъ, 12 шубокъ бархатныхъ, 5 камчатыхъ, суконныхъ 6). Опа-

шень теплой сукно скорлатъ, а подъ нимъ песцы черные. 3 шапки золотныхъ. Спорокъ кафтанной алтабасъ шолкъ червчатъ съ золотомъ. Ферезцы выростокъ камка бурская на бѣли шолкъ червчатъ багровъ съ золотомъ. Наволока отставочная камка червчата, съ государевы постели съ бумажники. 2 наволочки зголовепные, одна червчата, а другая желта. Вошвы кушачные ветчаны. Спорки вошевные отласъ червчатъ. Цки бѣльи хрептовые. 2 подкладки лѣтничные тафта ала; 2 подкладки опашневые тафта лазорева; спорокъ лѣтничной камка бела. Подкладка шубочная тафта лазорева. 3 одѣяла холодные зуфные черьчаты. Одѣяло теплое камка кизылбаская на горностаяхъ. 2 ожерелья пуховые. Одѣяло соболье нагольное. Подушечка отласъ червчатъ. Тѣлогрѣи теплые: (Описано 10 тѣлогрѣй камчатыхъ, тафтяныхъ на мѣху, 2 шубки). Тѣлогрѣи холодные: (Описано 4 и спорокъ). Шуба нагольная соболья. Сундукъ бѣлъ окованъ желѣзомъ, а въ немъ: 3 наволоки зголовейные бархатъ червчатъ съ золотомъ. 2 арш. 3 в. сукна багрецу червчатово. 2 суконца кровельныхъ. Аршинъ тафты алой. 3 чехла. 2 простынки. Коробья ясеновая ветчана, а въ ней обрѣзки бархатные и камчатые и тафтяные мелкіе. Сундукъ въ лагалищѣ оболоченъ кожею, а въ немъ каптуръ соболей да 7 ожерелей бобровыхъ. Коробья лубеная велика, что взята въ Потѣшной Палатѣ за государевою печатью, отослана на казенной дворъ, а въ ней (описаны въ портищахъ и остаткахъ камки, бархаты, отласы, тафты, объяри, алтабасъ, дороги): камка крымская.... камка гирѣйская лазорева цѣлая; камка кизылбаская.... нѣмецкая.... Камка царегородская на лазори шолкъ бѣлъ змѣйки и копытечка, цѣлая. (И та камка изъ коробьѣ вынята, а велѣлъ государь въ той камкѣ скроить себѣ шубу).... Кушакъ ценинненъ шемохейской полосатъ полосы съ золотомъ и съ серебромъ съ розными шолки. Кушакъ полосатъ мисюрской золотной мелкіе полосы въ мѣрѣ 3 арш. безъ вершка. Остатокъ тесмянки бѣлы полоски съ золотомъ (3 вер.). Кутния цѣлая ала. Миткали арапскіе цѣлые. 9 пугвицъ серебряныхъ золочены....

18. Въ палатѣ, что противъ Царицыны Золотые Полаты.

Лѣтники золотные (положены въ 1 сундукъ): Лѣтникъ камка бурская на зелени шолкъ червчатъ да бѣлъ съ золотомъ травы, вошвы низаны жемчугомъ по отласу по червчатому съ канителью грановитою и съ картулиньою орлы и львы и травы, а въ орлахъ по яхонту лазоревому (взятъ). Лѣтникъ камка бурская на зелени шолкъ червчатъ лазоревъ багровъ съ золотомъ и съ серебромъ круги и травы, вошвы шиты волоченымъ золотомъ по червчатому бархату аксамичены золотомъ, низаны жемчюгомъ (взятъ). Лѣтникъ камка бурская на червчѣ шолкъ бѣлъ лазоревъ зеленъ съ золотомъ круги болшіе острые, вошвы низаны жемчюгомъ по синему отласу оксамичены золотомъ (взятъ). Лѣтникъ кушаки золотные полосы зелены, а дру-

гіе червчаты, а по полосамъ копытца и змѣйки, а въ стану кушаки съ золотомъ и съ серебромъ и съ розными шолки, вошвы шиты по червчатому бархату волоченымъ золотомъ низаны жемчюгомъ змѣйки и репьи (взятъ). Лѣтникъ камка кизылбаская на червцѣ розные шолки съ золотомъ люди стоячіе и сидячіе, вошвы бархатъ венедитцкой синь съ золотомъ и съ петлями низаны жемчюгомъ.... (Слѣдуетъ опись 6 лѣтниковъ). Лѣтникъ кушаки зелены съ розными шолки съ золотомъ, вошвы аксамичены золотомъ и серебромъ по червчатому бархату; дѣланъ 113 году къ Велику дни. (Есть во 2 палатѣ).... Лѣтникъ камка кизылбаская на зелени розные шолки съ золотомъ львы и барсы и козы, вошвы шиты по черчатому бархату золотомъ аксамичены серебромъ (взятъ). Лѣтникъ камка кизылбаская шолкъ алъ съ серебромъ звѣрки и травки мелкіе, вошвы шиты по синему бархату золотомъ и серебромъ почечки аксамичены. Лѣтникъ камка кизылбаская на ценинной землѣ шолкъ черчатъ да синь съ золотомъ змѣи крылатые и травы, вошвы бархатъ венедитцкой шолкъ черчатъ да зеленъ съ золотомъ рѣки и листья. Лѣтникъ камка кизылбаская на серебряной землѣ шолкъ черчатъ мужички, вошвы бархатъ венедитцкой на вишневой землѣ зеленъ шолкъ съ золотомъ и съ петлями. Лѣтникъ кушаки черчаты съ золотомъ и съ розными шолки, вошвы царевскіе бархатные. (Всего описано 23 лѣтника).

Лѣтники золотные царевны Оксиньи. (А взят ден у князя Василья Мосальскаго). Лѣтникъ камка бурская на лазори черчатъ да бѣлъ шолкъ съ золотомъ травы мелкіе, вошвы бархатъ венедитцкой черчатъ съ золотомъ и съ петлями низаны жемчюгомъ (взятъ). Лѣтникъ камка бурская на червцѣ шолкъ бѣлъ лазоревъ зеленъ съ золотомъ круги большіе вострые около ихъ бѣлъ шолкъ съ лазоревымъ, вошвы бархатъ венедитцкій черңъ съ золотомъ и съ петлями низаны жемчюгомъ цвѣточки бархачены шолкомъ черчатымъ. Лѣтникъ камка кизылбаская на золотой земли розные шолки мужички малые и птицы и травки, вошвы низаны двема жемчюги по зеленому по узорчатому бархату съ дробницею съ золотою. Лѣтникъ камка бурская на зелени шелкъ черчатъ алъ бѣлъ съ золотомъ травы мелкіе, вошвы аксамичены золотомъ и серебромъ по отласу по черчатому орлы дѣланы конютелью съ жемчюгомъ. (Есть во 2 полатѣ). Лѣтникъ кушаки полосаты розные шолки съ золотомъ, а въ стану съ золотомъ и съ серебромъ, вошвы аксамичены съ золотомъ и съ серебромъ по черчатому бархату. Лѣтникъ камка кизылбаская на зелени розные шолки съ золотомъ и съ серебромъ львы и барсы, вошвы шиты золотомъ аксамичены серебромъ по черчатому бархату. Лѣтникъ камка казылбаская на алѣ розные шолки съ золотомъ люди стоячіе и сидячіе вошвы аксамичены золотомъ и серебромъ. Лѣтникъ камка бурская на червцѣ шолкъ зеленъ лазоревъ жолтъ съ серебромъ, вошвы шиты по черному бархоту золотомъ и серебромъ листье и травы. Лѣт-

никъ камка бурская на серебряной землѣ черчатъ да жолтъ шолкъ копытца, вошвы бархатъ венедитцкой зеленъ двоеморхъ съ золотомъ и съ петлями. Лѣтникъ камка бурская на червцѣ полоски золоты, а другіе серебрены, вошвы шиты по черному бархату золотомъ и серебромъ и шолки кречаты и лебеди. Лѣтникъ камка бурская на бѣли черчатъ да лазоревъ шолкъ съ золотомъ клинцы, а въ клинцахъ змѣйки и копытца, вошвы бархатъ венедитцкой черчатъ да зеленъ шолкъ съ золотомъ и съ петлями. Лѣтникъ отласъ зеленъ съ волоченымъ золотомъ полосии, вошвы шиты по черчатому отласу золотомъ и серебромъ орлы аксамичены серебромъ. Въ хоромехъ лѣтникъ кушаки двойчаты съ розными шолки съ золотомъ, вошвы шиты по черчатому отласу золотомъ и серебромъ, дѣланъ 113 году. Лѣтникъ камка бурская на бѣли шолкъ зеленъ да алъ съ золотомъ, вошвы шиты серебромъ по черчатому бархату аксамичены золотомъ. Лѣтникъ камка куфтерь бѣла съ золотомъ, непеписная, вошвы бархатъ венедитцкой червчатъ двоеморхъ съ золотомъ и съ петлями. Лѣтникъ камка бурская на червцѣ кружки золоты, а въ кружкахъ шолкъ бѣлъ да лазоревъ, вошвы столбчатые дѣланы въ кружки съ золотомъ и съ серебромъ; а взятъ изъ Ѳеонасьевы рухляди Власьева.

Лѣтники беззолотные. Лѣтникъ камка куфтерь бѣла, по ней купки розные шолки, а въ купкахъ попугаи, вошвы аксамичены по червчатому бархату золотомъ и серебромъ (взятъ). Лѣтникъ другой таковъ же камка куфтерь бѣла по ней купки травные розные шолки, а въ купкахъ попугаи, вошвы шиты золотомъ и серебромъ лученчеты бархочены черчатымъ да зеленымъ шолкомъ. И тотъ лѣтникъ государыня пожаловала Матвѣевѣ женѣ Годунова Марьѣ. Лѣтникъ камка кизылбаская полосата, а въ полосахъ розные шолки и слова арапскіе. вошвы шиты золотомъ и серебромъ круги и репьи аксамичены по синему бархату.... Лѣтникъ камка бурская на червцѣ бѣлъ шолкъ звѣздки суремницы шолкъ алъ лазоревъ зеленъ, было въ нихъ золото да зашито шолки, вошвы по синему бархату шиты золотомъ аксамичены почки золотомъ и серебромъ.... Лѣтникъ камка на червцѣ бѣлъ шолкъ яблочка, вошвы шиты по синему бархату золотомъ и серебромъ коруны... Лѣтникъ камка гирѣйская ала, по немъ полосы, а въ полосахъ розные шолки змѣи крылатые, вошвы аксамичены золотомъ и серебромъ и бархачены шолки, съ царивского дѣла (отданъ деи на Казенной дворъ).... Лѣтникъ камка еская желта вошвы шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ круги и репейки аксамичены, съ опашницею; опашница шита по отласу по черчатому золотомъ и серебромъ орлы. И нынѣ подъ тотъ лѣтникъ подложены горностаи для государевы радости. (Есть, а горностаи выпороты). Лѣтникъ камка цареградская бѣлъ да черчатъ шолкъ, вошвы шиты по зеленому бархату золотомъ и серебромъ кречаты и лебеди (взятъ). Лѣтникъ камка кизылбаская на червцѣ бѣлъ шолкъ

люди и барсы и птицы, вошвы камка бурская на зелени съ золотомъ.... Лѣтникъ камка кизылбаская на бѣли черчатъ шолкъ мелкой узоръ, вошвы камка бурская на лазори розные шолки съ золотомъ мелкой узоръ... Лѣтникъ камка кизылбаская черчатъ да бѣлъ шолкъ мужички малые, вошвы камка бурская на синей землѣ шолкъ черчатъ лазоревъ зеленъ съ золотомъ и серебромъ.... Лѣтникъ камка кизылбаская шолкъ зеленъ да бѣлъ мужички и барсы, вошвы бархатъ кизылбаской съ золотомъ розные шолки круги и травы и птицы.... Лѣтникъ камка еская малиновой цвѣтъ, вошвы шиты по зеленому бархату золотомъ и серебромъ кречаты и лебеди.... Лѣтникъ, камка кармазинъ черчатъ большой узоръ, вошвы камка бурская на лазори шолкъ зеленъ да черчатъ да бѣлъ съ золотомъ.... Лѣтникъ тафта широкая желта, вошвы бархатъ бурской черчатъ съ золотомъ.... Лѣтникъ камка бурская на лазори жолтъ шолкъ репьи денежки, вошвы бархатъ кизылбаской черчатъ съ серебромъ.... Лѣтникъ дороги прозелены, вошвы камка бурская на червцѣ шолкъ лазоревъ зеленъ бѣлъ съ золотомъ листье большое (въ хоромехъ деи, а изъ хоромъ отданъ Катеринѣ).... Лѣтникъ камка венедитцкая зелена, вошвы камка бурская на лазори съ золотомъ. (Отданъ князь Васильевѣ дочери Буйносова Ростовскаго)... Лѣтникъ отласъ полосатъ черчатъ да бѣлъ шолкъ, вошвы камка бурская по золотой землѣ рѣки. (Отданъ князь Васильевѣ женѣ Буйносова Ростовскаго).... Лѣтникъ отласъ на черчатой землѣ полосы желты широкіе около желтыхъ полосъ полоски шолкъ бѣлъ, вошвы бархатъ царевской розные шолки съ золотомъ и съ петлями (отданъ деи на Казенной дворъ).... Лѣтникъ камка еская ценинна, вошвы шиты по отласу червчатому золотомъ и серебромъ въ кругахъ орлы серебряны. (Всего описано 72 лѣтника).

Государыни царицы и великіе княгини шубки бархатные. Шубка бархатъ венедитцкой, низана жемчугомъ узоры, круживо низано жемчугомъ по томужъ бархату съ дробницею съ золотою съ чернью съ яхонты и съ изумруды, а въ круживѣ 19 яхонтовъ да 21 изумрудъ въ гнѣздѣхъ; подложена тафтою лазоревою (взята). Шубка бархатъ венедитцкой на черчатой землѣ кружки золоты, а около кружковъ травы шолкъ бѣлъ; подложена тафтою ценинною. Шубка камка бурская на червцѣ шолкъ бѣлъ да лазоревъ рѣки и листья золоты и серебряны, подложена тафтою жолтою (взята).... (Всего описано 16 шубокъ камчатыхъ и бархатныхъ). Шубки скорлатные: 3 шубки черлены подложены тафтою лазоревою. Шубка черлена подложена тафтою желтою (взята). Шубки лундышные: 3 шубки брусничной цвѣтъ подложены тафтою зеленою. (Всего описано 27 шубокъ, всѣ подложены тафтою). Опашни скорлатные: опашень черчатъ круживо низано зпты съ каменьемъ съ рознымъ (а нынѣ въ казнѣ противъ Мастерской).

Опашни въ казнѣ противъ Золотой. Опашень черчатъ, около ево двѣ строки, одна низана въ рясную, а другая въ одинъ жемчюгъ, петли низаны жемчюгомъ; у него 15 пуговицъ золото канительное на закрѣпкахъ низаны жемчюгомъ, а на закрѣпкахъ бирюзки (взятъ.) Опашень черчатъ, около ево два кружива, оба кружива и петли фрязское дѣло съ картулиномъ и съ жемчюгомъ безъ пугвицъ. (Есть. Да 15 пугвицъ золоты съ зерны сняты съ иного опашня. Взятъ и съ пугвицы). Опашень черчатъ, а на немъ два кружива золотные, широкое да узкое нѣмецкое дѣло, петли золото съ серебромъ, у него 15 пугвицъ золотыхъ круглые съ чернью. (Всего описано 7 опашней, 5 подложены, а 2 подпушены тафтою лазоревою).

Государыни царицы и великіе княгини тѣлогрѣи лѣтніе. Тѣлогрѣя камка бурская на червцѣ бѣлъ да лазоревъ шолкъ съ золотомъ яблочка бѣлы, круживо низано жемчюгомъ по синему атласу съ канителью, пугвицы рѣзаны на проемъ съ жемчюги 14. Тѣлогрѣя камка бурская на лазори шолкъ бѣлъ да червчатъ травы, круживо дѣлано канителью и картуленью по червчатому атласу, пугвицы золоты рѣзаны съ чернью круглы 15. Тѣлогрѣя камка бурская на зелени копытца золоты, а змѣйки серебряны, круживо шолкъ черчатъ съ золотомъ и съ серебромъ, пугвицы золоты съ жемчюги рѣзаны на проемъ 15. Тѣлогрѣя камка кизылбаская на зелени розные шолки люди стоячіе и зверки и птицы, круживцо нѣмецкое золото съ серебромъ пугвицы серебряны золочены рѣзаны грани прямые. (По ерлыку сеѣ тѣлогрѣи пугвицы и круживцо снято на царицыну тѣлогрѣю, что дѣлана къ радости). Тѣлогрѣя камка бурская на бѣли розные шолки травы чеканены, круживо золото плетено широкое. Тѣлогрѣя камка венедитцкая алъ да бѣлъ шолкъ, круживо шито золотомъ по синему атласу аксамичено серебромъ и шолки, пугвицы серебряны золочены 13. Тѣлогрѣя камка венедитцкая желта большой узоръ, круживо сдѣлано въ кружки черчатъ шолкъ съ серебромъ, пугвицы серебряны золочены грани прямые рѣзаны, на забоехъ зерна бѣлы, 13. Тѣлогрѣя объярь зелена, круживо сдѣлано въ кружки черчатъ шолкъ съ золотомъ и съ серебромъ, пугвицы сереб. золочены шишкою чеканены, 15. Тѣлогрѣя атласъ венедицкой цвѣтной на червцѣ шолкъ зеленъ бѣлъ рудожолтъ травы, круживо нѣмецкое серебрено кованое, пугвицы серебряны золочены рѣзаны через грань. Пугвицы и круживо по ерлыку снято во 113 году къ царицыной къ иной тѣлогрѣѣ, 15. (Всего описано 21 тѣлогрѣя).

Лѣтніе-жъ тѣлогрѣи. Тѣлогрѣя камка кизылбаская на зелени шолки розные съ золотомъ листье и травы, круживо дѣлано въ цѣпки шолкъ черчатъ съ золотомъ и съ серебромъ лоси. пугвицы серебряны жлудики, 15. Тѣлогрѣя дѣлана изъ платна. камка кизылбаская полосата шолки розные съ золотомъ, въ полосахъ слова арапскіе, круживо нѣмецкое дѣло серебряно, пугвицы сереб. золочены через грань рѣзаны, 15. Тѣлогрѣя

камка бурская на червцѣ шолки розные змѣйки золоты мелкіе, круживо нѣмецкое шолкъ черный съ золотомъ съ волоченымъ узко, пугвицы серебряны золочены узлы. Тѣлогрѣя атласъ венедицкой черчатъ круживо съ неѣ снято, пугвицы серебряны съ чернью на миндальное дѣло, 15. Тѣлогрѣя новодѣлана отласъ черчатъ шиты люди на конехъ и пѣшіе, львы и птицы и травы золотомъ и серебромъ съ розными шолки безъ кружива и безъ пугвицъ. (Описано 20 тѣлогрѣй).

Тѣлогрѣи теплые. Тѣлогрѣя камка кизылбаская на червцѣ шолкъ бѣлъ мелкой узоръ на пупкахъ собольихъ, круживо дѣлано въ кружки шолкъ зеленъ по краямъ червчатъ съ золотомъ и съ серебромъ, пугвицы серебр. золочены. Тѣлогрѣя отласъ цвѣтной на червцѣ шолкъ зеленъ да бѣлъ на черевахъ на бѣльихъ, круживо золото нѣметцкое, пугвицы серебряны жлудики. (Описано 10 тѣлогрѣй).

Теплые-жъ Оксиньины. Тѣлогрѣя отласъ зеленъ полосатъ съ волоченымъ золотомъ на пупкахъ собольихъ, круживо дѣлано въ кружки червчатъ шолкъ съ золотомъ и съ серебромъ лоси, пугвицы серебр. золочены через грань рѣзаны. Тѣлогрѣя камка кизылбаская на червцѣ бѣлъ шолкъ мелкой узоръ на черевахъ на бѣльихъ, круживо дѣлано въ кружки серебро съ золотомъ. пугвицы серебряны золочены грановиты. Тѣлогрѣя камка кизылбашская полосата розные шолки на черевахъ на лисьихъ, круживо дѣлано въ кружки червчатъ шолкъ съ серебромъ, пугвицы серебряны уголчаты съ чернью. Тѣлогрѣя отласъ жолтъ шолкъ огнивца, безъ наряду, черева бѣльи сняты.... Тѣлогрѣя объярь бѣла, круживо нѣметцкое золото съ серебромъ, 14 пуговокъ королковыхъ въ репейкахъ въ серебряныхъ въ сканныхъ, въ закрѣпкахъ жемчюжки. (Описано 11 тѣлогрѣй).

Кортель тафта широкая червчата на черевахъ на бѣльихъ, вошвы камка бурская на жолти червчатъ да лазоревъ шолкъ съ серебромъ. Кортель камка венедицкая жолта чешуйчата, безъ вошевъ на черевахъ на бѣльихъ. Кортель горносталей наголной, вошвы бархатъ венедитцкой червчатъ съ золотомъ и съ петлями.

Въ той же палатѣ: сундучекъ новъ не великъ окованъ бѣлымъ желѣзомъ, а въ немъ: Вошвы шиты въ ряды серебромъ, аксамичены золотомъ и шолки. Вошвы шиты по бѣлой камкѣ серебромъ въ ряды, аксамичены золотомъ да червчатымъ шолкомъ...... Вошвы камка кизылбашская на празелени розные шолки съ золотомъ люди на конехъ, а иные пѣши..... Вошва одна шита по вишневому бархату золотомъ, аксамичена золотомъ и серебромъ. (Описано 19 паръ вошевъ и одна). Камки цѣлые: Камка гирейская бѣла. Камка кизылбашская полосата розные шолки, по полосамъ слова арапскіе. Камка мисюрская шолкъ червчатъ да бѣлъ. Камка кизылбашская на алой землѣ мужички и травы. (Описано 6 камокъ). Остатки:

(бархату, камки, атласу, тафты, зуфи). Зеркало хрустальное въ серебрѣ, чишени золочены, лагалище дороги алы на бумагѣ стегано.

Въ той же палатѣ: Коробка ноугородская, а въ ней выростки (Нѣтъ, сказ Анна згнили и выкинуты): 7 кафтанцовъ теплыхъ и холодныхъ тафтяны и камчаты. Ѳерезцы холодные тафтяны. 2 одѣяла холодное да теплое. 17 тафеекъ отласныхъ и камчатыхъ и суконныхъ отставочныхъ. Сапошки сафьянны жолты. Башмачки лазоревы. Выростковъ сорочки и порты. (Всѣ сгнили выростки). Сундучекъ бѣлъ кипарисной окованъ желѣзомъ, а въ немъ широкіе бѣлые тафты 26 арш., да 20 арш. съ полуаршиномъ кисеи. 2 сорочки нарядныхъ. Порты. Чехолъ. 4 сорочки съ пугвицы съ торочковыми. Поясъ шолкъ червчатъ съ золотомъ. 14 ширинокъ шиты золотомъ и серебромъ. 3 утиральника. 5 полотенецъ. Кисея съ шолки и съ золотомъ. 2 связки простыхъ бѣлыхъ. Коробья лубяная поволочена кожею, а въ ней отставочново платья: 5 шубокъ золотныхъ розныхъ цвѣтовъ. — Шубка цвѣтная камчатая беззолотная. 2 спорка камчаты цвѣтные. Спорокъ алъ. Кафтанишко тафтянъ черленъ. 2 узла остатковъ ветчаново платья бархатныхъ и отласныхъ и дорогильныхъ и тафтяныхъ. Коробочка ноугородцкая невелика окована желѣзомъ, а въ ней спорки образцовые 32 гнѣзда. 41 кистей кляпушныхъ золотыхъ ворворки низаны жемчюгомъ. 7 кляпушей золотыхъ съ кистми ворворки низаны жемчюгомъ. 16 кистей розныхъ портищъ золотыхъ и серебряныхъ. 5 портищъ завязокъ ветчаныхъ съ золотомъ и съ серебромъ съ розными шолки. Кисть золота ворворка низана жемчугомъ. 4 кружива спурныхъ, 2 низаны жемчюгомъ, а 2 шиты золотомъ и серебромъ. Мошна бархатъ червчатъ аксамичена съ кистьми шолкъ зеленъ. Коробочка таковаже, а въ ней: 6 литръ шолку розныхъ цвѣтовъ. Ларчикъ красной окованъ желѣзомъ, съ мелочью, а въ немъ: сорочки со крестовъ и ожерельные. Сорочка отставная пошевная ветха. Коробка ноугородцкая окована, а въ ней отставочные сорочки и порты: 18 сорочекъ мужскихъ, 5 чехловъ. 29 порты. 12 сорочекъ женскихъ. 2 сорочки тафтяныхъ. Коробья ноугородцкая не окована, а въ ней отставочныежъ сорочки: 26 сорочекъ мужскихъ. 3 чехлы. 39 порты. 37 онучекъ. Спорокъ ко(л)пачной ординской. Коробка ноугородцкая окована бѣлымъ желѣзомъ, а въ ней: 6 сорочекъ мужскихъ отставочныхъ. 2 чехла. 7 порты. Сорочка женская. Поясъ шолкъ червчатъ ворворки низаны жемчюгомъ. 10 полотенецъ бѣлыхъ, 2 кики. Вѣнецъ съ городками. 3 судна серебряны золочены. 2 чаши паникадильныхъ серебряныхъ. Коробка ноугородцкая, окована чорнымъ желѣзомъ, а въ ней: 3 сорочки мужскихъ, 4 порты, чехолъ, 2 сорочки кисейныхъ бѣлыхъ, 3 пояски шолковыхъ красныхъ, 3 онучки, 3 простыни, тесма муская чорная. Коробка ноугородцкая долга окована желѣзомъ бѣлымъ,

а въ ней: 2 сорочки мускихъ кисейныхъ, нарядныхъ, порты нарядные кисейные, чехолъ кисейной нарядной. 3 порты обычные, 2 сорочки женскихъ, 3 полотенца, простыня. Коробка ноугородцкая желта не окована, а въ ней: 15 сорочекъ женскихъ, 2 сорочки драныхъ мускихъ, 10 онучки. 6 ширинокъ да полотенцо шиты золотомъ и шолки, 2 полотенца бѣлыхъ, 2 рукава женскихъ кисейныхъ полосатыхъ, 4 кистки шолкъ багровъ съ золотомъ и съ серебромъ. Коробья желта ноугородцкая неокована, а въ ней ларчикъ раковинной, а въ немъ: передцы шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ. 2 платочка тафтяныхъ, 2 остатка отъ кружива струнцанью (sic) по вершку. 20 полотенецъ бѣлыхъ; 2 волосника шолкъ червчатъ да зеленъ съ золотомъ; ошивка шита золотомъ; 6 простынь; ширинка шита золотомъ и шолки; 4 связки косынныхъ. Коробка ноугородцкая жолта окована чорнымъ желѣзомъ, а въ ней: 6 снуры съ кистьми шиты золотомъ и серебромъ съ шолки; образцы початы шить по червчатому отласу, 3 простыни, полотно нитей, 2 наволоки бѣлыхъ, скатерть шитая; 6 спорковъ покровныхъ шиты золотомъ и серебромъ по черному и по тауснному отласу, жемчюгъ снятъ. Коробка ноугородцкая невелика жолта, а въ ней 5 сорочекъ мускихъ обычныхъ; 10 полотенецъ; 12 полочекъ; простыня; полполотна нитей. Коробка ноугородцкая желта неокована, а въ ней: 100 полотенецъ бѣлыхъ роздаточныхъ; 19 спорковъ цѣлыхъ и драныхъ съ тафтяныхъ и дорогильныхъ разныхъ цвѣтовъ. Зеркало обнизано жемчюгомъ, лагалище у него бархатъ черной, оковы и маковки у лагалища серебряны, колечко серебряно жъ (взято)

Коробья лубеная взята изъ потѣшной палаты, а въ ней: опашень черчатъ недомѣрокъ сукно багрецъ, а у него 10 пугвицъ серебряны. Рукавка шита по бѣлому отласу золотомъ и серебромъ. (И тое рукавку взяли ко государю). Поясъ тесма шолкъ лазоревъ оковы и пряжи и наконечники золоты. И тотъ поясъ взяли ко государю. Торлопъ черева бѣльи. Опашень чорнъ сукно настрафиль. Лѣтникъ олтабасъ на серебряной землѣ съ золотомъ, опашница у него шита по черчатой камкѣ золотомъ и серебромъ волоченымъ, безъ вошевъ; а у неѣ 14 пугвицъ серебряны. (Нѣтъ сказ Иванъ. Есть въ сундукѣ во 2 полатѣ, въ сундукѣ, что изъ сѣнника). Лѣтникъ тафта бѣла, вошвы камка черчата съ золотомъ. Лѣтникъ камка желта, вошвы камка на червцѣ съ золотомъ. Шубка камочка на червцѣ съ золотомъ ветчана. Зуфи черчаты 7 ар. безъ 2 в., зуфи желтые 3 ар.; 2 чеботы женскіе бархатные черчаты, у однѣхъ по швомъ поиски серебряны (взяты); 4 чеботы сафьянные желтые; чеботы мешинные желты. Башмаки сафьянные желтые опушены бархатомъ черчатымъ. 2 сафьяна одинъ алъ, а другой желтъ (взяты). Полсафьяна черчатого да полсафьяна алово. Чеботы скроены сафьянные бѣлы (взяты). Ширночка тафта бѣла съ кистми съ золотыми. 11 полотенъ. Мѣшечикъ невеликъ, а въ немъ остатки суконные.

2 коробочки нѣметцкіе маленкіе, въ одной коробкѣ четки королковые (нѣтъ взят въ хором.) 2 простыни. Лахань винецейская скляничная въ лагалищѣ въ деревянномъ. Ларецъ бѣлъ не окованъ, а въ немъ ящичокъ невеликъ, а въ ящичкѣ въ пяти бумажкахъ жемчюгу не по многу да камышки мелкіе разныхъ цвѣтовъ да дробницы серебрены золочены. 5 иконъ серебряны золочены рѣзаны на нихъ дѣисусы. Цата невелика золота съ черныю, а въ ней лалъ да 2 бирюзы. 2 золотыхъ угорскихъ и тѣ золотые взяты въ хоромы. 2 литры золота. Шолку рудожолтого турскіе сканя 113 золотникъ съ полузолотникомъ. Шолку черчатого турскіе скани шеморхансково 120 золотниковъ. Шолку таусинного турскіе скани 274 золотника. Шолку черчатого бурсково литра и 60 золотникъ. Спорки, веревки и бахрамы съ золотомъ. Ширинка шита шолки съ золотомъ. Въ мѣшечкѣ по ярлыку 7 рублевъ и 2 алтыны съ денгою. (Нѣтъ сказ взялъ въ хором.). Мѣшечикъ кindяченъ черчатъ, а въ немъ: 47 пугвицъ золотыхъ и серебряныхъ. 8 сорочекъ иконныхъ черчатыхъ бархатныхъ. Покровецъ тафта черчата шита золотомъ. Коробья лубеная обшита кожею, а въ ней: 2 кортеля наголные бѣльи черевьи. Ожерелье пуховое. Лѣтникъ отласъ черчатъ. вошвы камка бурская на бѣли съ золотомъ травы и листье. Лѣтникъ моркосъ лазоревъ, вошвы камка бурская на червцѣ розные шолки съ золотомъ. Лѣтникъ камка венедитцкая шолкъ бѣлъ желтъ, безъ вошевъ. Лѣтникъ камка голуба чешуйчата, вошвы шиты на черни золотомъ и серебромъ, ветчанъ.—Восемь подволокъ камчатыхъ и тафтяныхъ розныхъ цвѣтовъ, дѣланы на игрицъ. 2 шубки черчатыхъ, одна подпушена тафтою лазоревою, а другая зеленою. Шубка с. зелено лундышъ, подпушена тафтою алою. Кортель дороги бѣлы. Чеботы сафьяные черчаты строчены шолкомъ зеленымъ. Чюлки теплые на черевахъ на лисьихъ поволочены тафтою алою. Наволока постелная камка черчата. Подкладка одѣялная зендень желта. 4 однорядки черчаты выростки. 3 шубки выростки камочка цвѣтная. Спорокъ шубной лазоревъ тафта шамская. Кортель кушачной мелкіе полосы на черевахъ на бѣльихъ, вошвы бархатъ венедицкой на червцѣ [1].

19. 119 года.... Цата образовая золота чеканная (съ каменьи). Крестъ золотъ литой тѣлникъ наведенъ черью. гойтанъ шолкъ червчатъ, на немъ 2 королка невелики. 2 блюда серебр. золоч. Лохань. Солонка серебреная вѣнецъ золоченъ подписано имя Царя Ивана. Рослникъ серебр. Часы бое-

[1] Перепись писана столбцомъ на листкахъ, у коихъ по склейкамъ на оборотѣ скрѣпа: діякъ Иванъ Ѳедоровъ. При каждой статьѣ или при каждомъ предметѣ съ боку на полѣ находятся отмѣтки: *взять*, *есть*, *справиться*, и т. п., изъ коихъ наиболѣе любопытныя мы указали въ своихъ мѣстахъ.

вые круглые ободы меденые золочены рѣзаны травы. 2 Шапки. Колпакъ ардынской подложенъ камкою золотною въ цвѣтахъ шолки червчатъ да лазоревъ да зеленъ, на прорѣхахъ по двѣ петли низаны жемчюгомъ. Ложечка серебреная складная рѣзаны травы золочена, ложечникъ бархатъ кизылбашской золотной, поцѣрка шелкъ червчатъ съ золотомъ. Торчь булатной черенъ каменой сизъ, шлякъ и оковы золоты. ножны по хзу по черному, оковы серебреные позолочены съ рѣзью, поцѣпка шолкъ червчатъ съ золотомъ. На поясу на шолковомъ на червчатомъ связенки въ 4 ножнахъ въ хозовыхъ въ черныхъ окованы серебромъ, ножикъ, шило, трубка, ножницы, свайко, сверло.

Въ Задней Повалышѣ рухлядь смотрена и переписана, а привезена та рухлядь на Старой дворъ съ Верху въ ларцѣ съ кипарисномъ. Зеркало хрустальное влагалище въ бархатѣ въ червчатѣ петелька, и крючокъ серебряны, исподъ поддѣланъ серебромъ бѣлъ рѣзаны травы, ободъ мѣденъ золоченъ. на верху орелъ двоеглавой; одного науголника нѣтъ. Солоница. 3 булавки зерна гурмыжскіе на золотыхъ спияхъ большіе скатные. 4 булавки зерна невелики гурмыжскіежъ, три на золотѣжъ, а четвертая на серебрѣ. Чарка винная хрустальная, поддонье и по верху обложено золотомъ съ чернью. подпись имя царя Василья. Гребень кость чюбара на одной сторонѣ 5 искоръ яхонтовыхъ червчатыхъ да 4 бирюзки. а на другой сторонѣ 4 искры яхонтовыхъ червчаты да 5 бирюзъ врѣзываны въ золото. Лагалище оболочено кожею красною. Зарукавья золоты плащи кованые.... Два запястенца нѣмецкое дѣло золоты, дѣлано около костей по золоту наведены травы финиктомъ (sic) чернымъ да бѣлымъ, по 8 звенъ въ запястейцѣ. Зарукавья золото розсыпано 8 звенъ, на верху рѣзаны травы на проемъ, а съ исподи наведено чернью. 16 плащиковъ золотыхъ.... Наузольникъ круголъ да 2 плащика золоты рѣзаны на проемъ. 18 образцовъ серебреныхъ литыхъ золочены рѣзаны травы. Печать серебрена индрогъ кругомъ писано имя царя Василья, гойтанъ шелкъ червчатъ. Орелъ двоеглавой низанъ жемчугомъ. 36 зеренъ жемчугу большово уродоватъ.

Въ коробьѣ въ кованной ноугородцкой: 4 сорочки мужскихъ, на дву нашивка и плетенекъ шолкъ червчатъ съ золотомъ, а на дву нашивка тафтяная съ тесмами. 2 порты съ тесмами. 4 убруса, 3 шиты серебромъ, 4 съ золотомъ; 2 полки убрусные простые. Съ четверть гривенки дробницъ серебреныхъ басменыхъ; 2 ноженки маленки нѣмецкое дѣло. Пелепелочекъ серебреныхъ золочены съ четверть гривенки. Застѣнокъ по отласу таусинному бывалъ низанъ жемчюгомъ, а жемчюгъ снятъ. 4 образцы бывали низаны по таусинному отласу жемчюгомъ. 10 образцовъ бывали низаны по червчатому отласу жемчюгомъ. Наволока постельная да наволока

заголовенная камка червчата да желта, шахмочены. Въ коробьѣ бѣлой: торлопъ бѣлей черевей подъ тафтою подъ лазоревою подъ широкою, вошвы бархатъ на золотѣ шолкъ червчатъ да зеленъ, подольникъ червчатъ. Одѣяло отласъ золотной по червчатой землѣ около шито золотомъ и серебромъ съ шолки, грива шиты арабскіе слова золотомъ да серебромъ волоченымъ. Ферези женскіе отласъ червчатъ подложены дороги алы подпушка отласъ зеленъ около плетеневъ золотъ, 11 пуговокъ серебреныхъ съ рѣзью. Завѣсъ шитъ полосами. 8 полосъ шито по камкѣ по таусинной да по зеленой золотомъ да серебромъ да прожежъ ихъ 7 полосъ отласныхъ и камчатыхъ, подложенъ тафтою розными цвѣты. Одѣяло соболье покрыто камкою золотною кизылбашскою, грива отласъ золотной по бѣлой землѣ въ цвѣтахъ шолкъ червчатъ да зеленъ да черпъ. Въ коробьѣ оболочена кожею: постеля бумажная, наволока дѣлана клинцами отласъ червчатъ зеленъ бѣлъ жолтъ лазоревъ. 2 ковра сорочинскихъ по бѣлой землѣ. 3 свѣчника мѣденыхъ.

Государева Старого двора: 28 образовъ да 2 складни обложены серебромъ басмою. Понагея рѣзь на кости Распятіе Христово, обложено серебромъ, сорочка бархатъ зеленъ. Понагея рѣзь на кости Троица Живоначальная да Пречистая Знаменіе, обложено серебромъ; сорочка бархатъ цвѣтной. Понагея Троица Живоначальная за хрусталемъ, обложена серебромъ, въ закрѣпкахъ 2 жемчуги. 2 креста золоты невелики, на обѣихъ Распятіе Христово, у одного въ закрѣпкахъ 4 жемчюжка невелики, 5 камошковъ простыхъ, 3 бауси да хрусталь, да лненикъ. 191 образъ неокладныхъ. 3 складни въ мѣди. Стопа ценинная. Налоецъ коженой. Книги: Евангеліе толковое въ десть, печать литовская. Апостолъ писменой въ полдесть. Книга въ десть, печать литовская, Василья Кесарѣйскаго. Псалтыря писменая въ полдесть толковая. Книга Правила писменая въ полдесть ветчана Книга въ затылкѣ въ голыхъ доскахъ писменая. Лѣтописецъ въ полдесть. Книга въ полдесть писменая, выписано изъ Правилъ святыхъ отецъ *цвѣтки*. Книжка въ затылкѣ въ доскахъ въ четверть, выписано изъ Правилъ же святыхъ отецъ. Книжка въ четверть литовская, писмо польское, святаго Кирила патріярха о Вѣрѣ, страница рускаго писма, а другая польского. Книга въ полдесть ветчана Измарагдъ. Книга Треодь цвѣтная въ десть печать московская. Книга въ полдесть писменая Треодь посная. Книга въ четверть печать литовская. Часословецъ. Книга въ полдесть писменая Охтаи 4-хъ гласовъ, начало 5 гласа. 2 тетрати въ десть изъ Бытьи съ знаменьемъ. 4 тетради въ кожахъ Житье и кануны Пречистые Знаменья да Онтонія Римлянина да Николы Чюдотворца, а 4 выписаны изъ Златоуста о нравѣ человѣческомъ; всѣ въ полдесть. 5 тетратей польскихъ печатныхъ въ полдесть. Книжка въ четверть ветха, выписано изъ лѣтописцы. 4 Книжки въ четверть польскіе, печать литовская. Тетрать въ полдесть *травникъ* нѣ-

мецкой печатной. 5 тетратей въ полдесть выписано изъ Звѣздочетья. 2 книги въ десть польскіе, печать литовская. 11 Миней мѣсечныхъ: Сентябрь писменой въ десть, Октябрь, Ноябрь, Декабрь. Генварь въ полдесть. 2 Марта, одна въ десть, а другая въ четверть; Апрѣль, Май, Іюнь, въ полдесть, всѣ писменые.

Старого же двора, положено въ осиновую коробью съ государевымъ: 2 ожерелья отложные низаны одно большимъ жемчюгомъ, а въ немъ въ гнѣздахъ изумрудъ да 2 бирюзы, а другое низано обычнымъ жемчюгомъ безъ каменья (Ростригина данья). Отласъ золотной цѣлой по червчатой землѣ шолки бѣлъ да лазоревъ (Растригина донья). Наурузъ отласъ золотной по червчатой землѣ шелкъ бѣлъ да зеленъ, на немъ двѣ кисти шолкъ лазоревъ съ золотомъ, ворворки низаны жемчюжкомъ мелкимъ. Тигиляй съ горностали бархатъ шолкъ червчатъ да зеленъ съ золотомъ, нашивка пуговки серебряны на петляхъ. Орьячокъ тонкой, завязки шолкъ голубъ. Мошна шита золотомъ да серебромъ по отласу червчатому, поцѣвка шолкъ червчатъ, ворворки низаны жемчюжкомъ мелкимъ. Ѳата цвѣтная выбойка турская. Рубашенка женская ветчана тафта червчата. Наколенки нагавичные шиты по отласу червчатому золотомъ да серебромъ. 4 полотенечка шиты розными шолки. Рубашка мужеская нашивка пуговицы шолку червчатого. Штаны ветчаны бархатъ вишневъ, наставки камчатые. Шапка рысья. Шапка черна лисья. Шапочка санная камка багрова на пупкахъ собольихъ. Часы мѣденые боевые на 4 углы нѣмецкіе въ лагалицѣ. 2 скляночки питьи, одна лазорева, а другая бѣла. Склянпица водяная. 9 братинокъ троицкихъ съ вѣнцы. 3 достоканчики. 4 скатерти бранныхъ. 10 трубокъ свѣчныхъ. Фонарь наюсной большой круглой свадебной. Фонарь наюсной большой 4 угольной. 3 ковра сорочинскихъ по червчатой землѣ травы бѣлы лазоревы зелены жолты. Коверъ бѣлъ по немъ крапины черны. Попона бѣла черкаская. Шатеръ кизылбаской безинной бѣлъ, полы безинные бѣлы, подложенъ шатеръ и полы бязью вишневою. Кровать складная. Шкатула порозжа. Лохань мѣденая большая. Лоханка мѣденая невелика. Куганъ мѣдяной большой. Ламбикъ мѣдяной. Рукомойничокъ мѣдяной невеликъ. Иготь мѣдная. Оловяничокъ маленкой чарки въ три. Сковоротка мѣдяная съ носкомъ. Кубикъ мѣдяной винной невеликъ съ трубою. Сулея оловяная въ лагалицѣ въ деревяномъ. Миса большая оловянная. Фляшка тыквяная съ шурупомъ. Миндерь кожаной.

И 119 г. февраля въ 25 день по приказу думнаго дворянина и казначея Ѳедора Ивановича Андронова изъ тое рухляди взято на Казенной дворъ и отдано дьякомъ Меньшому Булгакову да ....вѣю Коробейникову серебра: 2 блюда — лохань — солонка — кровелька — росольникъ, 2 рукомойника — 2 таза — лохань — солоница — 17 образовъ. — Печать — чѣпь — 2 ошейника. Достоканецъ. Да денегъ — 12 р. Еще рублевъ съ 11.

20. (Слѣдуетъ, кажется, опись мониста).... икона золота въ середкѣ образъ Пр. Богородицы. рѣзвая.... 3 креста золотыхъ съ каменьи и жемч. 2 креста золотыхъ съ каменьи и жемчюги. На монистѣ 8 пронизокъ золотыхъ. Ожерелье жемчюжное муское, жемчюгъ бурминской. 2 перстня золоты навожены финифтомъ, а въ нихъ 2 алмаза. Чичакъ золотъ на немъ яхонтъ лазоревъ, вверху и внизу 2 зерна бурмискихъ. Чепочка золота колечки витые, а другіе триграниые. Песочница да чернилница серебряна. Тесма муская. Шапка отласъ червчатъ низана жемчугомъ съ канителью. 16 полотенъ двойныхъ. 12 полотенъ тройныхъ. 2 полотна тверскихъ. 2 сорочки шиты золотомъ да 2 порты; сорочка кесейная шита золотомъ сорочка жъ да порты тафтяные червчаты съ поясы золотыми. Зеркало булатное обдѣлано канителью. Крестъ серебрянъ золоченъ съ мощми, на немъ Распятіе литое. Чепь золота кольца ребристые; пронизка золота дѣлано.... Крыжъ золотъ съ финифтомъ.... 2 колотки рясные золоты навожены финифтомъ, а въ нихъ 6 яхонтовъ червчатыхъ. Коробочка серебряна съ кровлею золочена по ней рѣзаны травы. Монисто золото на чепочкѣ золотой.... Паникадило мѣдяное съ часами. Жаровня мѣдяна, а въ книгахъ написана серебрена золочена, для духовъ. Вѣски и фунтъ серебрены во влагалище. Часы мѣдяны золочены стенчіе, стояница боранья. Чернилница серебрена, въ ней свистѣлка серебрена съ зуботычками и да съ уховерткою. Лыспина серебрена съ камешки по раковинѣ. 2 пера серебрены. Чепочки серебрена золочена межъ звенъ бубенчики. Зуботычка серебрена золочена. 2 зуботычки серебрены бѣлы. 2 остроги серебрены золочены. 19 пугвицъ золоты съ чернью, съ опашня царя Ѳедора. Ларецъ мѣдиной, а въ немъ (пуговицы). 3 самопала короткихъ навожены золотомъ съ костьми. Стопа ценинна. Шахматы хрустальные. Зеркало булатное испорчено обдѣлано серебромъ съ раковинами. 21 звено чѣпи гремячей золотой. Застежечка серебрена отъ книги. Печать государева серебрена въ мѣшечкѣ въ отласномъ въ золотномъ. Шкатулка, а въ ней блюдечко да солонка да перешница да блюдечко малое да ложка большая да середняя да малая да вилыца серебрены золочены да ножикъ стальной. Часы мѣдяны круглые указные да ящикъ на кости. Тесемка шелкова зелена жуки и назади кольца и крюкъ и наконечникъ золоты. Ножъ булатной. Ложечка серебрена золочена складная, лжичевъ бархатъ съ золотомъ. Сумочка, въ ней 5 полотенецъ. Чюлочки дорогилыны подшиты бѣлки. Брусикъ скляной. Зголовье 2. Коверъ сорочинской. Зеркало булатно. Чотки рыбей зубъ. Панагея золота. Палашъ стальной. 5 золотыхъ угорскихъ. Шахматы ентарные. 2 Шахматы одни рыбей зубъ, а другіе костяные. Тавлеи, въ нихъ втирки ентарные. 2 доски шахматные. 8 самопаловъ короткихъ. Петрушникъ серебрянъ склянчей. Фляшка капога

Палашпкъ малой. Сабля стальная. Ножъ булатной... Шкатула оболочена бархатомъ чернымъ, а въ ней: 2 креста золоты съ алмазы, а у нихъ 5 жемчюговъ. — Камень безуй въ коробочкѣ. — Запона золота (съ каменьи). Гнѣздо золото, дѣлано на проемъ... 3 запоны золоты (съ каменьи). 2 запоны (съ каменьи). 2 кляпышка золоты въ нихъ берюзки. 30 пронизокъ виписовыхъ. Запона въ ней звѣрокъ коза подъ нею изумрудъ ... 13 пронизокъ золоты рѣзаны на проемъ. Ряса, а въ ней 9 веревочекъ жемчюжныхъ на спиихъ и на кольцахъ золотыхъ. 5 крестовъ золоты.... Икона яшма зелена на ней вырѣзаны 3 святыхъ, одинъ подписанъ: царь Костянтинъ, обложена золотомъ съ яхонты и съ изумруды и съ лалы, назади наведено чернью мученикъ Христовъ Ѳедоръ да пророкъ Еремей; сорочка бархатъ червчатъ низана жемчюгомъ. Крестъ золотъ съ мощми на немъ 3 берюзы да 2 червца да 2 жемчюга Понагея золота, на ней чернью наведенъ образъ Вседержителевъ, а назади мученикъ Ѳеодоръ; а въ понагеѣ Троицы Живоначальныя вырѣзано на кости, обложена золотомъ. Запана серебрена кругла дѣлана сканью камень сизовъ. Дробница серебрена кругла съ финифты. Въ коробочкѣ серебреной 31 перстень съ алмазы, а иные съ яхонты и съ бирюзами; да 3 запаны золоты въ одной 2 человѣка, въ другой птица, въ 3 два яхонта, всѣ съ жемчюги. Чепочка золота гойтанная кольчата, промежъ сѣ звенца скатные.

Въ коробьѣ въ новгородцкой въ связкѣ сорочка съ ожерельемъ жемчюжнымъ: пугвицы жемчюжные буряпскіе, въ закрѣпкахъ лалики да изумруды. Порты. — Чехолъ. — Простыня. — Онучки. Утиральникъ. Коверъ сорочинской Чертежъ похоратьѣ. 7 лоханей меншихъ да 2 лохани большихъ. 2 лохани столчаковы мѣдяны. 3 шандана мѣдяны. Рукомойникъ мѣдянъ. Столчакъ. Въ коробьѣ лубяной: 4 простыни. Часы боевые. Фонарь слюдяной. 2 трубы мѣдяные водопускные. 2 скляницы водяныхъ. Кругъ желѣзной, ставитъ надъ свѣчами. Коробья осиновая съ письмомъ запечатана. Ладонница да щипецъ мѣдяны. 2 стула бархатъ червчатъ оковы серебрены. Стулъ путной. Шахматы каменые донца серебрены золочены. Доски левпидные обложены серебромъ на ножкахъ на серебреныхъ. Подсвѣчникъ мѣдянъ. Зеркало нѣмецкое съ часы. Самопалъ колесной съ костьми. Сабля московская безъ поиса. Зерцала залочены. Зерцала турскіе на тесмахъ залочены съ яшшеми, подложены выбойкою пестрою. Фонарь слюдяной во влагалищѣ. 2 фонаря паюсныхъ. 5 столчаковъ, 2 суконные, 3 бархатные. 4 лохани столчаковые да 8 лоханей меншихъ и середнихъ да лохань сѣнная. 7 свѣчниковъ мѣдяныхъ, 8 кунгановъ луженыхъ. Шанданъ стѣнной булатной. 2 шандана мѣдяныхъ стоячихъ. 3 шандана желѣзныхъ стѣнныхъ. 2 скляницы водяныхъ. 2 кувшина оловяныхъ. Тазъ мѣдянъ. Чемоданъ столчаковой. Охобенъ вуфь багрова сто-

ловой. Посохъ царской золотъ, дѣланъ съ финифтомъ и съ яхонты и съ жемчюги. Рукавки замшаные подложены горностаи, по запястьямъ шито золотомъ съ шолки по червчатому отласу по узору низано жемчюгомъ. Рукавка ястребья.... Карманецъ сафьянъ червчатъ подложенъ тафтою китайкою зеленою. Рогъ корольковой красной. Осонъ посошной серебреной. Мѣсто царское кизылбаское.... Мѣсто сандальное складное оковы серебрены.... Мѣсто писано золотомъ по бакану подушка и застѣнокъ и налокотникъ сафьяные Мѣсто бархатъ червчатъ съ бахромами рѣшетчатыми... Стулъ серебреной, на немъ 7 кистей золотныхъ, у нихъ ворворки жемчюжные, поволоченъ камкою золотною. Стулъ сафьянъ червчатъ деревяной золоченъ. Стулъ деревяной золоченъ поволоченъ бархатомъ червчатымъ, оковцы серебрены. Стулъ дерев. поволоченъ сафьяномъ червчатымъ (Всего 5 стуловъ). 2 стула кожаные. Ящикъ съ перьемъ струцовымъ.

Часы золочены сырчаты съ планидами во влагалищѣ. 2 часы флягою планидныежъ на стоянцѣ. Часы столпчатые золочены планидныежъ, на нихъ орелъ. Часы столпчатые боевые. Часики воротные боевые старые испорчены, у нихъ гойтанъ и кисть серебрены. ворворка жемчюжная. Часы боевые башня съ планидами. Часы боевые сыромъ испорчены. Часы боевые ходячіе на колосѣхъ колымага. Часы боевые струнные круглые башенка. Часы ходовые съ мигаломъ образника. Часы медвѣдь съ боемъ. Часы трубные. Часы кубокъ серебренъ боевые. Часы боевые съ четвертьми на гойтанѣ шолкъ свѣтлозеленъ съ серебромъ, ворворка низана жемчюгомъ, кисть серебрена. Часики боевые малые круглые. Часы книжкою планидные. Часики мѣдяны кубчикомъ обложены боевые попорчены. Часы боевые сыръ большой. Панья ходячая. Зеркало нѣмецкое во влагалищѣ. Зеркало кругло съ рукоядкою. 2 ковра причастные золотные. 4 посоха сандальныхъ у одного рога и подковенъ. серебрены золочены, а у трехъ рога рыбей зубъ. 2 посоха съ настругою каповою, рога рыбей зубъ. Кровать сандальная дорожная. Знамя видѣніе Иванна Богослова. въ кругу образъ Господень на лошади изо устъ его изыде оружіе, избивая языки, а за нимъ воинство небесное, а передъ нимъ въ кругу архангелъ Михаилъ; шито по тафтѣ по червчатой золотомъ и серебромъ, опушка тафта таусинна; еще недодѣлано. Зголовейцо мѣстное бархатъ червчатъ съ золотомъ, а на другой сторонѣ камка жолта. одѣяло отласъ жолтъ, подкладка тафта червчата. Бумажникъ и зголовейцо бархатъ червчатъ. застѣнки кругомъ камки золотная на лазори. 2 подушечки, одна камка червчата, а другая отласъ зеленъ. Связка шолкъ червчатъ, кольцо серебрено. 2 ковра сорочинскихъ. 2 одѣяла бѣльихъ, одно подъ камкою бурскою, а другое подъ кизылбаскою съ золотомъ. Одѣяло объярь червчата, гриви камка га зелени съ золотомъ. подклад-

ка тафта жолта. 2-я коробья постельная, а въ ней 4 сукна червчаты настрафиль возковые. Наволока постельная бѣлая, въ ней бумага хлопчатая по смѣтѣ гривенокъ съ 5. 4 колодки подножные, одна позолочена отласъ золотной червчатой, а три поволочены сукномъ червчатымъ. Миндерь сафьянъ червчатъ. Коробья съ простынями купѣлными. Сундукъ, что взятъ въ сѣнникѣ, а въ немъ сорокъ соболей. Стулпкъ поволоченъ бархатомъ червчатымъ. Кубокъ раковинной бѣлъ обдѣланъ серебромъ. Кубокъ раковинной буйволъ на стоницѣ.... Судно хрустальное. Обломокъ хрусталю на три угла. Ларчикъ оболоченъ бархатомъ червчатымъ, обитъ серебромъ, въ немъ рогъ королковый красной. Ящикъ костяной черной, въ немъ прибиваны мишени серебрены, а въ немъ 4 ящика серебреные, съ кровелками. Шапочка *царевнина* отласъ серебренъ по рудожелтой землѣ.

Платья: спорокъ съ тѣлогрѣи. Спорокъ съ шубки. Лѣтникъ алтабасъ золото и серебро волоченое безъ вошевъ, опашница шита золотомъ и серебромъ волоченымъ, подложенъ камкою червчатою. Опашень бархатъ кизылбаской. Лѣтникъ камка венидицкая. Кортель тафта червчата. Пола кравати англинскіе бархатъ алъ по швамъ и кругомъ каймы серебрены, подложено тафтою червчатою. Чеботы женскіе отласъ червчатъ, кривые. 4 снуры шиты по бѣлой тафтѣ розными шелки, на концѣхъ кисти шелкъ червчатъ. Камень яшмовой змѣины головы съ одну сторону, а на другой сторонѣ рѣзи нѣтъ. Сорочка бархатъ червчатъ, крестъ низанъ жемчюгомъ. Коробья осиновая бѣла, а въ ней: 2 блюдечка ценинные, одно бѣло, а другое пестро. 2 блюдечка бѣлы яшмовые. 3 чашки скляничные. Чашка янтарная. 2 чарки скляничныхъ по нихъ полосы бѣлы. 3 братинки съ кровлями скляничными. 4 достакана скляничныхъ, 9 скляницъ достоканцами розное дѣло. Кувшинецъ скляничной полосатъ кровля серебрина (описано 4). Скляница съ травами на стоницѣ съ серебромъ.

Коробка ноугороцкая, а въ ней: 6 сорочекъ полотняныхъ нашивка шолковая частая. 4 порты полотняные пошевные. Сорочка женская полотняная. Рукава рубашечные кисейные полосаты. Веретенцо серебрено, другое костяное. Уломокъ сурмы. Блюдечко серебрено чеканное по немъ выбиваны люди и травы. Въ другой коробьѣ ноугороцкой: Полотенцо шито шолкомъ чернымъ. Прокладка діадимная тафта ала съ бумагою. 6 полокъ убрусныхъ шитыхъ. Застѣнки къ постелѣ и къ подушкамъ шиты по отласу по бѣлому. Снуръ шляпочной дѣланъ картунѣлью и трунцалы съ жемчюги, подложенъ тафтою зеленою. 7 арш. сарпату. Ожерелье отласъ золотной по зеленой землѣ. Въ перьѣ зеленомъ стекло зеркальное.

21. Взято съ Казеннаго двора изъ нижніе палаты, гдѣ сидятъ дьяки: 2 сулеи серебр. золоч. съ чепми. 81 чарка се-

ребр. бѣлыхъ гладкихъ, что дѣланы были на роздачу. 8 образцовъ низаны жемчюгомъ по таусинному бархату дѣланы лапою на трое. 10 образцовъ дѣланы лапою на пятеро (дѣланы на проемъ и т. п.). Образы складни на кипарисѣ рѣзные 2 цки: о Тебѣ радуетца да Единородный Сынъ — поля обложены серебромъ сканью съ финифты. Зеркало круглое булатное въ лагалищѣ. Ложка рыбья бѣлая. Коробочка ноугородцкая окована худенька, а въ ней мыла грецково 25 брусковъ. 2 сатыни по портищу; мухояръ червчатъ. Ѳата выбойка турская. Ѳата безпиная сиия полосы бѣлые. Зеркало хрустальное нѣмецкое кругомъ врѣзываны раковины. Приволока бархатъ венедицкой лазоревъ съ золотомъ опушена горностаи. подкладка дороги алы безъ пугвицъ...... 4 кафтанишка литовскихъ згнили. Коробья лубяная. а въ ней 70 ѳатъ золотныхъ и беззолотныхъ и бумажныхъ. Коробья осиновая, а въ ней: (остатки тканей), кіотчишко, ящищекъ да ценинненка да ставичекъ съ камышки плохими. Лучишко карасанской да 2 саблишка *дитячьихъ*, оболочены ножны бархаты. Коробья лубяная, а въ ней: 2 зерцала мѣдяны золочены съ камышки съ бирюзки; 2 щита мѣдяны золочены съ камышки плохими и съ бирюзками; 2 наручи мѣдяны золочены съ камышки плохими и съ бирюзки: 4 булавы оправлены мѣдью золочены съ камышки плохими и съ бирюзки; сабля черенъ и ножны окованы мѣдью золоченой съ каменьемъ, ножны оболочены бархатомъ черленымъ; 2 сабли; 14 попоновъ да покровецъ конскихъ нарядовъ. 10 стремена. Чашки желѣзные непорчены: колокольчикъ мѣдинъ....

Саанъ нѣмецкой съ подольникомъ шитъ по черному бархату алтабасомъ, около алтабасовъ веревочки золотные. 7 барсовъ большихъ полежали, 8 барсовъ погнили, 3 барсы гнилыхъ. 4 волчишка. Скатерть турская на золотой землѣ шолкъ алъ зеленъ лазоревъ багровъ жолтъ съ серебромъ. 7 ширинокъ кисейныхъ шиты золотомъ и серебромъ крымскіе ирисылки.

Коробья ноугородцкая. а въ ней: 12 литръ золота, 2 литры серебра, 30 колодочокъ серебра волоченово, въ чомъ дѣлають канютѣль. 2 цѣвки золота, 3 цѣвки серебра. Треухъ литовской рысей. Курта парчьинъ червчатъ, подкладка отласъ цвѣтной. Курта сукно тмозелено, подкладка бархатъ косматъ. Полотенцо литовское шито золотомъ и серебромъ съ шелкм. Тебенякъ литовской.

Изъ подъ палаты, что подъ Благовѣщеньемъ. подъ навѣсомъ у рѣшотки: Соболи, куницы. 6 волковъ. 6 разсамахъ. 16 черевесей. Въ мѣху 1060 бѣлокъ. Исподишко чорно коты морскіе. 4 колокольчики очепныхъ невелики. 11 ковровъ сорочинскихъ. рознымн цвѣты. Попонка волоская бѣлая. 180 зубовъ рыбьихъ.

Въ большомъ погребѣ 3 книги Минеи мѣсячныя въ десть, Сентябрь, Октябрь, Іюль. Да книга въ полдесть Онтонія Печерского. Посохъ костяной складной испорченъ. 2 мѣста оболочены бархатомъ червчатымъ гладкимъ съ бахрамами, гвоздье мѣдные золочены, у одного орелъ шитъ золотомъ въ травахъ. Столчакъ походной оболоченъ бархатомъ червчатымъ ветчанъ. Столчакъ походной оболоченъ сукномъ червчатымъ ветчанъ, а въ немъ лахань мѣденая (взялъ Костянтинъ Михалковъ къ государю и съ лоханью). 2 рога мамонтовые, одинъ цѣлъ, а другой перетертъ на двое. Сундучекъ желѣзной порозженъ.

119 г. Февраля въ 9 день выдано изъ полаты, что позадь Благовѣщенья: (Описаны камки, отласы, участки, бархаты, и между прочимъ): 19 наволокъ двойныхъ золотныхъ и беззолотныхъ розныхъ шолковъ. 11 наволокъ одинакихъ. Моркосъ вишневъ шолкъ съ золотомъ. 2 шиды алы съ мишюрою. Ѳата полосата розные шолки. Ѳатажъ миткалиная. Налатникъ выбойка по миткалямъ. 8 пуговицъ аспидные на спняхъ на мѣденыхъ. Съ портища пуговки каменные обложены серебромъ. Да Февр. 21 отдано на купетцкой дворъ изъ полаты, что позадь Благовѣщенья: Два посоха серебреныхъ черезъ грань золочены. Коробейка ноугородцкая, а въ ней: осмеры подвязки кружчаты золото и серебро съ шолки, пряжи и наконечники и запряжники серебрены. Четверы подвязки нахтерманные сгрочены, пряжи и наконечники серебрены....

Записки верховому взносу.

22. 7123 года верхней относъ. — Сентября 3 въ Верхъ къ государынѣ и великой старицѣ инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ въ хоромы отнесъ дьякъ Жданъ Шиповъ сипцу сахару леденцу, вѣсу въ ней фунтъ 42 зол. — Окт. 1 въ хоромы инокп Марѳы Ив. въ избушку на обивку на двери и на окончины 7 арш. сукна аглинского лазоревого, 2 р. 3 ал. 2 д.—Окт. 16 въ Верхъ къ государю въ хоромы сорокъ соболей 30 р., другой сорокъ соболей 25 р., а тѣми соболми государь пожаловалъ царя Васильеву царицу иноку Олену Петровну въ Новой дѣвичѣ монастырь на новоселье. — Окт. 17 къ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы сорокъ соболей 100 р., сорокъ 80 р., сорокъ 60 р., сорокъ 50 р., сорокъ 37 р., сорокъ 30 р., а тѣ соболи посланы въ Литву преосвящ. митр. Филарету. — Окт. 20 къ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы: охобенекъ объерь таусинная подкладка киндякъ темносинь, нашивка тнѣгиная, цѣна 11 р. 30 ал.; да шуба объярь вишнева на соболехъ, цѣна 109 р. 15 алт.—

послано въ Литву къ преосвящ митр. Филарету. На обертку на платье 4¾ арш. сукна инбарскаго зеленого, да двои сумы вьючные, по 1¾ р.—Ноябр. 2 къ инокѣ Мареѣ Ив. литру золота пряденого да литру серебра, по 6¾ р., взяла Марья Головнина.—Ноября 6, въ Верхъ къ инокѣ Мареѣ Ив. пара соболей 4 р.; государыня пожаловала Орину Никитичну на новоселье. — Въ Верхъ къ государю сорокъ соболей 25 р., государь пожаловалъ князь Юрья Янишча (sic); да сорокъ соболей 20 р., государь пожаловалъ Орину Никитичну на новоселье—Ноябр. 8 къ инокѣ Мареѣ Ив. въ хоромы въ верхъ отнесъ д. Шиповъ фунтъ 43¾ золот. сахару леденцу по 10 алт. 5 д. фунтъ; взялъ истопникъ Жданъ Ивановъ. Дек. 13 по приказу инокини Мареы Ив. дано ея государынина жалованья крестовому пѣвчему дьяку Васькѣ Максимову 2 арш. сукна аглинского багрового цѣна 1 р. 10 алт.—Генв. 9 въ Верхъ къ инокѣ М. И. сорокъ соболей 25 р., государыня пожаловала постельничаго и намѣстника трети Московскіе Констянт. Ив. Михалкова. — Генв. 17 къ нейже въ хоромы—одѣяло хребты песцовые поволочено зенденью тмосинею огривокъ зендень тмозелена, 8 р. 22 ал— Генв. 26 снесено съ Верху медвѣдно, и въ томъ медвѣднѣ здѣлано двѣ шапки, одна дураку Мосягѣ, а другая дурочкѣ да на прибавку пошло двѣ кошки, цѣна 4 ал. 2 д.; да двѣ ирхи 6 ал. 2 д. — Марта 9, къ инокѣ М. И. въ хоромы взялъ Глѣбъ Ивановичь Морозовъ 4¾ арш. сукна багрецу да 5 ар. сукна багрецужъ, 10 арш. тафты широкой зеленой, а относилъ за нимъ истопникъ Сенка Михаиловъ. — Марта 30 къ инокѣ М. И. въ хоромы боранъ синь, а пожаловала государыня тѣмъ бораномъ Марью Головнину.—Апр. 3 въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ очки, что въ нихъ много видитца.—Апр. 7 въ Верхъ къ инокѣ М. И. въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ шубу тафту черную подь горностаи, цѣна 14 р.; да опашенекъ киндякъ багровъ, цѣна 1 р. 21 ал. 1 д.; длина 2 арш. безъ 2 вершковъ, въ плечехъ 1¾ арш., рукишмъ съ полугаму 1¾ арш., въ запястьѣ 2¾ верш., въ локти 4¾ вер, въ корени 6 верш., воротъ 10 верш., въ подолѣ 3 арш. 6 вер.: на немъ 33 пугвицы хамьянцыя, цѣна 12 ал. 2 д.—Апр. 29 къ инокѣ М. И. въ хоромы полотенцо коленское 4 р.—Мая 29 въ свѣтлицу золотымъ мастерицамъ покрывати воздухъ 8 арш. сукна инбарскаго червчагово.—Іюня 5 къ инокѣ М. И. два арш. безъ чети камкасѣи червчатой травки черны да рудожелты. — Іюня 7 къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ трубку нѣмецкую, что изъ неѣ видѣть далеко. — Іюля 11, къ государю въ хоромы три ожерелья бархатныхъ и огласныхъ золотныхъ съ розными шолки по 16 ал. 4 д. ожерелье. А тѣми ожерельи пожаловалъ государь крайчего Мих. Мих. Салтыкова да стольника Глѣба Иванов. Морозова, да стряпчего Өедора Мих. Толочанова.— Іюля 26 къ инокѣ М. И. два сорока соболей по 12 р. да 10

арш. камки одамашки зеленой, по 26 ал. 4 д.; пожаловала государыня князя Дмитрея Салтанышевича да княгиню его.— Августа 29 къ инокѣ Марѳѣ Ив. полотенцо кропивное шито шелкомъ лазоревымъ зеленымъ червчатымъ да вишневымъ съ золотомъ и серебромъ волоченымъ, да тафья шита по отласу по червчатому золотомъ волоченымъ, что государю прислала въ поминкахъ царева мать во 123 г.

23. 124 г Книги, а нихъ писанъ *верхней относъ.*—Сент. 29 государь пожаловалъ на стану на Мытищѣ села Здвиженского крестьянина Ивашка Ѳедорова дано ему 4 арш. безъ чети сукна настрафилю лазоревого, цѣна 2 р. съ полтиною, а пожаловалъ государь его за то, что онъ нашелъ государевъ перстень съ олмазомъ. — Сент. 30 въ хоромы иноки Марѳы Ив. пол-литры шолку рудожолтово да пол-литры шолку бѣлово 3 р.; взяла боярыня Марья Головина.—Нояб. 27 государыня и в. ст. инока Марѳа Ив. пожаловала молодаго подьячево Ивашка Титова, *что у мастерицъ*, дано ему вершокъ шапочной сукенной аглинской 6 ал. 4 д.—Генв. 1, въ Верхъ въ мастерскую палату отпущено на шахматные доски аршинъ сукна настрафилю червчатово цѣна 18 алт.. взялъ знаменщикъ Иван. Некрасовъ. — Генв. 24 въ Верхъ къ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы. 10 арш. камки адамашки червчатой по 25 алт., а тою камкою государыня пожаловала кн. Оѳанасья Васильевича Лобанова Ростовсково племянницу.—Февр. 15 государь пожаловалъ крайчево Мих. Мих. Салтыкова, дано ему 4 арш. сукна лундышу вишневого по рублю по 10 ал., а приказалъ государевымъ словомъ Борисъ Ив. Морозовъ.—Февр. 21 къ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Жданъ Шиповъ три литры золота, одна 10 р., а двѣ по 9½ р., да полотенцо коленское 4 р., да миткали арабскіе 2 р.—Февр. 26, тудаже 3 литры золота по 10 р.. да двѣ литры золота по 8 р. 3 ал. 2 д.—Марта 1, тудаже двѣ литры шелку, одна лазорева, другая зелена, по 3 р — Мар. 7. тудаже литра шелку шемархансково, 3½ р.—Марта 11, къ государю въ потѣшную полчетверта аршина сукна настрафилю лазоревого по полтинѣ аршинъ, взялъ цынбальникъ Томило Михаиловъ. — Марта 15 послано въ конюшенной приказъ на государеву аргамачью конюшню къ государыниной каптанѣ литра шелку черного 3½ р.; 1½ пуда бумаги хлопчатой по 4 р. пудъ. 18 арш. камки адамашки багровой по 26 ал. 4 д.: 46 ар. 2 вер. сукна лундышу чорново по 1½ р.; 10 арш. сукна настрафилю казеннова черисьи по 18 ал. 4 д.; да на подбивку въ каптану пошло 14 сороковъ безо шти соболей, цѣна 199 р 18 алт. 2 д.—Марта 17, къ инокѣ М. И. въ хоромы сорокъ соболей 20 р., а тѣми собольми государыня пожаловала князя Юрья Енишча (sic) княгиню Марѳу Михаиловну на новосельи, да пару соболей цѣна 2 р.—Марта 21, въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ три камени безуръ, вѣсу въ нихъ 24 золотника безъ

деньги цѣна 215 руб.—Марта 25 къ инокѣ Мареѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ крестъ золотъ обнизанъ жемчугомъ, что государя благословилъ печерскій архимаритъ Іакимъ во 124 г.—Апр. 3 къ инокѣ Мареѣ Ив. въ хоромы 11½ арш. камки куфтерю тмоснего по рублю по 20 ал. по 4 д, а тою камкою государыня пожаловала царя Василыеву царицу княиню Олену Петровну.—Мая 1, къ инокѣ Мареѣ Ив. 4 арш. сукна англинсково зеленово по 29 ал. 4½ д.. а тѣмъ сукномъ государыня пожаловала Ильину дочь Судимантову, да 3 арш. алтабасу полосатово по 5 р.—Инокѣ М. И. въ хоромы на поклонную колодочку поларшина сукна шебединскаго черново, 4 ал.—Мая 8, государыня и в. ст. инока Мароа Ив. пожаловала боярыню Анну Замыцкую, дано ей пару соболей, 2½ р.—Мая 16, отпущено въ походъ къ Троицѣ Живоначальной подъ образы на подстилку 2½ арш. сукна настрафилю лазоревого по 18 ал. 4 д., взялъ крестовой дьякъ Овдѣй Васильевъ. Отпущено въ мастерскую палату на станъ въ Таинское аршинъ 3 вер. камки адамашки червчатой 29 ал. 1 д.: государынѣ на изголовейцо на наволоку. — Мая 10 въ оружейной приказъ отпущена сабля булатная Тевриская, ножны хозъ черной, окова булатные цѣна 5 руб.; отнесъ молодой подъячей Семейка Костентиновъ. — Мая 29 отнесено къ государынѣ въ хоромы 9 арш. 3 в. отласу турецкого на червцѣ розные шолки съ золотомъ цѣна 50 р., 9 арш. отласу турецково по червчатой землѣ съ золотомъ 60 р.; 10 арш. алтабасу по серебреной землѣ по 5 р. аршинъ, 15 арш. отласу по червчатой землѣ круги и травы золоты по 5 р. арш.; 10 арш. 3 вер. отласу на зелени шолкъ алъ красно-лазоревъ мелкіе травки золоты 65 р.; косякъ отласу бурсково на червцѣ шолкъ бѣлъ жолтъ зеленъ лазоревъ круги островаты съ золотомъ, въ кругѣхъ змѣйки и древца, мѣры 9 арш. безъ чети, по 3 руб: четыре участка серебреныхъ цѣлыхъ по 7 р. участокъ; 7 арш. объяри по серебреной землѣ травки шолкъ зеленъ вишневъ 33 р. съ гривною; камка кизылбаская на одно лицо, по ней люди стоячіе и птицы и древа и кони и головы звѣрины шолкъ алъ бѣлъ красновишневъ синь ценинъ (sic) съ золотомъ, поверхъ людей солночники, цѣна 40 р.; камка кизылбаская на одно лицо по ней люди стоячіе съ саблями и съ щиты и луны и мечети на нихъ по два человѣка по угломъ и барсы и птицы и люди на слонѣхъ и сулейки, шолкъ празеленъ алъ бѣлъ зеленъ свѣтлозеленъ съ золотомъ, цѣна 30 р.; 14½ арш. камки адамашки жолтой по 26 ал. 4 д.; 18 арш. безъ чети камки адамашки багровой цѣна по 26 ал. 4 д.; камочка еская багрова 4 р.; двѣ камочки нѣмецкихъ по 5½ р. камочка; 10 арш. камочки кизылбаской жолтой по 23 ал. 2 д., 10 арш. камки кармазину червчатово травной на одно лицо по рублю 6 ал. 4 д.; 10 арш. камки кармазину мелкотравной по рублю 6 ал. 4 д.—Мая 30, инока Мареа Ив. пожаловала боярина князя Юрья Енишеевичу Су-

лешева княиню Мареу Михаиловну, дано ей опашень червчатъ съ круживомъ серебренымъ пугвицы серебрены золочены елкою, цѣна 17 р., Богдановской рухляди Бѣльсково.—Іюня 1 отпущено въ мастерскую полату 6 косяковъ таѳтъ нѣмецкихъ розныхъ цвѣтовъ, по 2 р. съ полтиною. Въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ перстень золотъ наведенъ черню, въ немъ олмазъ четвероуголенъ, 40 рублевъ.—Іюня 2, въ Верхъ въ хоромы инокн Мареы Ив. 17 арш. камки адамашки лазоревой, по 30 ал.: 10 арш. таѳты червчатой кармазину по рублю 11 ал. 4 д.; 8 арш. таѳты жолтой широкой по 26 ал. 4 д.; 40 арш. камки адамашки червчатой по 23 ал. 2 д.; взяла Марья Головнна.—Іюня 6, государь пожаловалъ стольника Бориса Ив. Морозова, дано ему 10 арш. отласу кармазину червчатово, по рублю 20 ал.—Іюня 8, къ инокѣ М. И. въ хоромы аршинъ сукна аглинсково вишневого 29 ал. 4½ д., взялъ истопникъ Ортемъ Спасеной, у него взяла казначея Анна Суминца.—Іюня 9, государыня царева (царевна) и великая княиня Настасѣя Ивановна всеа Русіи государыни и великой старицѣ инокѣ Мареѣ Ивановнѣ на новоселья челомъ ударила два сорока соболей, одинъ 30 руб., другой 25 руб.—Іюня 10, въ Вознесенской дѣвичь монастырь къ государыни и в. ст. инокѣ Мареѣ Ив. отнесъ дьякъ Жданъ Шиповъ сорокъ соболей 20 руб., да 4 пары соболей по 1½ р. пара.—Іюня 12, въ Верхъ къ инокѣ Мареѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ запонку золоту въ ней вииса долга съ камышки изумруды цѣна 15 р.; запонка съ тумпазомъ, а около 4 виннсы, 20 р.; запонка съ вииcою, а около 4 зерна да 4 камышка, 8 р.; запонка съ тумпазомъ, а около 4 искорки яхонтовые червчаты 8 р.. запонка съ виисою граненою рогата 15 р., запонка съ хрусталемъ рогата 10 р.; запонка съ бирюзами 6 р., 5 запонокъ маленкихъ 10 р.; да аршинъ безъ чети бархату черново 26 ал. 4 д.—Іюня 14 инока Мареа Ив. пожаловала золотную мастерицу Микитину жену Тяпина Анну дано ей 4 арш. сукна настрафилю червчатово по 21 ал. 4 д., а приказала государынинымъ словомъ казначея Анна.—Тогожъ дни государь пожаловалъ бояриНа кн. Ооонасья Васильевича Лобанова Ростовсково дано ему шлыкъ бархатъ венедицкой шолкъ червчатъ съ золотомъ двоеморхъ петлеватъ, Исковского Вора. Въ Верхъ къ инокѣ Мареѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ четыре завязки съ ворворки шолкъ зеленъ съ золотомъ, ворворки низаны жемчугомъ, да плащи низаны жемчугомъ по отласу по таусинному; спороты съ платна Исковского Вора. Къ ней же дьякъ Шиповъ отнесъ: платно бархатъ венедицкой шолкъ червчатъ съ золотомъ двоеморхъ петлеватъ, завязки шолкъ червчатъ съ золотомъ; а то платно государыня пожаловала боярина кн. Аѳон. Вас. Лобанова Ростовскаго за сто рублевъ, что было ему взяти на ней на государыни; а то платно прислано изъ стрѣлецкого приказу.—Іюня 17, на конюшенный дворъ на обивку къ Дмитровскимъ санемъ 29 арш. алта-

басу по серебреной землѣ шолкъ зеленъ червчатъ багровъ съ золотомъ, по 5 р. арш. Тогожъ дни въ конюшенной приказъ 29 арш. крашенины лазоревой на подкладку въ Дмитровскіе сани по 9 ал., да на мпндеръ шесть сафьяновъ червчатыхъ по 23 ал. 2 д., взялъ мпндерной мастеръ Микита Ивановъ. Въ Верхъ къ государю въ хоромы двѣ запоны шитые на бѣли, индѣйскіе розные шолки, по 10 р. запона, да одѣяло бархатъ алъ шито золотомъ и шолки, 20 р.—Іюня 20 въ конюшенной приказъ на крощлю къ Дмитровскимъ санемъ 12 арш. бархату кизылбасково червчатово по 26 ал. 4 д.; на подкладку 12 арш. камки нѣмецкой зеленой по 20 ал. 2¾ д.—Іюня 26 въ мастерскую палату отпущено двои цки собольи съ рукавы, одни сто рублевъ, другіе 150 руб. Одни отпущены подъ государеву подъ русскую шубу да подъ терликъ. Память прислана Іюля (sic) въ 6 числѣ, взялъ портной мастеръ Өедоръ Кейковъ.—Іюня 27 въ конюшенной приказъ пудъ 32 гривенки бумаги хлопчатые по 4¾ р. пудъ.—Іюня 28, тудаже на мѣстное изголовейцо 2 арш бархату по серебреной землѣ шолкъ алъ, по рублю 23 ал. 2 д.; на подкладку 1¾ арш камки адамашки червчатой по 20 ал.; да пудъ бумаги хлопчатые, 4¾ р.; взялъ конюхъ Илья Одинцовъ. Тудаже на скамейку 4 ар. 7 в. бархату кизылбасково червчатово гладково по 26 ал. 4 д.; да на 12 попонъ 30 арш. сукна багрецу по рублю 6 ал. 5 д. Въ Верхъ къ инокѣ М. И. въ хоромы поставъ сукна настрафилю свѣтлозеленого 22 р, взялъ истобникъ Жданко Мясникъ. Тудаже отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ Кисею цѣна 2 р.; тудаже на изголовейцо аршинъ бархату нѣмецково полосатово шолкъ бѣлъ зеленъ съ серебромъ, рубль.—Іюля 5 на конюшню къ колымагѣ 4¾ арш сукна багрецу моченово на тежи и на мелкіе снасти, по рублю 5 ал. 2 д.; да подъ 12 попонъ на подкладку 9 косяковъ таффтъ нѣмецкихъ зеленыхъ и лазоревыхъ по 2¾ р. косячекъ. — Іюля 10, государь пожаловалъ боярина кн. Өеоп. Вас. Лобанова Ростовского дано ему полотенцо кисейное по немъ шито шолки въ круги розными цвѣты. Въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ тафейку шита по отласу по червчатому золотомъ и серебромъ волоченымъ, веревочка на прекресткахъ и кругомъ шита золотомъ пряденымъ, цѣна 25 алт.—Іюля 23, къ инокѣ Марөѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ 50 литръ золота и серебра пряденого, по 6¾ р. литра; да ожерелейцо низано по отласу по бѣлому половинчатымъ жемчугомъ, счетомъ 145 жемчужинъ.—Августа 26 государыня и в. стар. инока Марөа Ив. пожаловала бѣлую мастерицу Люкерью Хлѣбникову дано ей 5 арш. сукна настрафилю червчатово по 23 ал. 2 д., а приказала государынинымъ словомъ боярыня Марья Юрьевна Головина. Авг. 28 дано подъ понагею, что у Благовѣщенья, что къ государю носитца, аршинъ безъ 3 вершковъ камки червчатой кармазину мелкотравной, 30 алт. съ денгою.

24. 7125 г. Верхней относъ. Сент. 26 въ государынины хоромы къ семерымъ дверемъ, къ пяти вставнямъ большимъ да къ шести вокнамъ да подъ пятеры крюки и подъ мелкое гвоздье на подбивку 43 арш. безъ чети сукна настрафилю червчатово, по полтинѣ аршинъ.—Окт. 10 къ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы отнесъ дьякъ Шиповъ крестъ золотъ взятъ съ блюда изъ мощей, розымаетца на двое, на одной сторонѣ Распятіе, а на другой Богоявленіе; въ главѣ червецъ круглъ; у вертлюга два зернышка жемчужныхъ, около креста по бокамъ слова греческія; а въ немъ четверы мощи розныхъ святыхъ, а подписи на нихъ нѣтъ. А благословила тѣмъ крестомъ государыня княэь Дмитрееву княгиню Пожарсково, какъ родила дочь Пелагѣю.—Окт. 15 въ Верхъ къ г. и в. с. инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы отпущено: Покровъ—Пофнотей Боровскій, шитъ по камкѣ по вишневой, надъ главою во облацѣ Пречистая Воплощеніе, кругомъ шитъ трепарь серебромъ, подкладка киндякъ синь, недодѣланъ. Да отъ пелены шито по камкѣ по таусинной тропарь золотомъ, около словъ шито вклопецъ.—Пелена шита по камкѣ по червчатой куфтерной Пречистыя Воплощеніе, около херувими, поля камка таусинна, подкладка зендень тмозелена.—Застѣнокъ недодѣланъ шитъ по камкѣ по багровой розными шолки съ золотомъ Господь Саваоѳъ, царь Давидъ, царь Соломонъ. Пророкъ Илья да Семіонъ Богопріимецъ да Иванъ Воинникъ; около святыхъ и по краямъ шито золотомъ вклопецъ.—Пелена по камкѣ кармазину червчатому почета шить шолки, недодѣлано, около трепарь Богоявленіе выметанъ бѣлью и почетъ шить серебромъ, подкладка крашенина.—Покровъ—благовѣрный князь Гаврилъ, шитъ по отласу по таусинному золотомъ и серебромъ съ розными шолки, недодѣланъ.—Пелена, на ней шита Живоначальная Троица золотомъ и серебромъ съ розными шолки по отласу по таусинному.—Оплечья бархатъ вишневъ, по немъ выметано бѣлью травы и узлы, около бѣли шито золотомъ, 12 дробницъ кіотцами, на нихъ рѣзаны святые; да дробницы мелкіе на нихъ рѣзаны репьи и слова и травы, третьи дробницы лапочки, на нихъ рѣзаны травки золочены; дѣлано въ Суздаль Дѣвичь монастырь къ Преподобной Еуфросиніи; подкладка киндякъ синь.—Оплечья по бархату по черному низано середнимъ жемчюгомъ листочки, большой жемчюгъ и дробницы сняты, около жемчюгу веревочка золото пряденое.—Окт. 21 въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ діякъ Жданъ Шиповъ птицу гамаюнъ.—Окт. 25 отпущено въ Вознесенской монастырь къ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы на книгу на молитовникъ лоскутъ сафьяну 6 ал. 4 д., взялъ старецъ Іосифъ.—Окт. 30 къ инокѣ М. И. въ хоромы отпущено книга печатная въ десть Василья Кисарейского оболочена въ кожѣ въ бораньѣ да Псалтырь писменая съ слѣдованьемъ, оболочена сафьяномъ синимъ.—Окт. 31 государь пожаловалъ стольни-

ковъ Бориса да Глѣбе Ивановичевъ Морозовыхъ—по 10 арш. камки кармазину червчатаго по рублю арш., а пожаловалъ государь ихъ, какъ государь былъ и государыня въ Казанѣ.—Декабря 15 дано государева жалованья *кадашевской боярынѣ* Аннѣ Замыцкой на опашень 4½ арш. сукна фрясково черново по 2 р. арш.—Къ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы отпущено (между прочимъ): Покровъ Іоны митрополита камка куфтерь багрова, около шитъ тропарь: „отъ юности своея“ серебромъ, образъ его назнаменевъ бѣлилы, подкладка холстъ бѣлъ. Покровъ бархатъ червчатъ по полямъ шито серебромъ, около слова: „покоищ кая житейская пища печали пребываетъ не причастна“.—Дек. 16 къ государю въ хоромы сорокъ соболей 40 р., а тѣ соболи государь пожаловалъ царя Васильевѣ царицѣ княинѣ Марьѣ Петровнѣ на новоселье, что въ Кремлѣ городѣ. Относилъ стольникъ Ив. Ив. Ромодановской—Февр. 15 послано въ мастерскую полату къ инокѣ Марѳѣ Ив. на постели и на изголовейцо на наволоки два киндяка тмосиниxъ по 26 ал. 4 д. киндякъ.—Марта 17 въ Вознесенской монастырь къ инокѣ Марѳѣ Ив. отнесъ діякъ Шиповъ: запона золота въ ней 73 алмазца, у ней три зерна висячихъ на спнѣхъ цѣна 400 р.—Запона золота, въ ней 76 алмазовъ цѣна 500 р., у ней внизу три зерна висячихъ на спнѣхъ, назади у запоны наведено розными финиеты кіотцомъ.—Запона золота съ розными финифты, въ ней въ срединѣ яхонтъ лазоревъ гранень да 6 яхонтовъ червчатыхъ, 4 изумруда. 22 яхонта лазоревы; у ней 3 зерна висячихъ на спнѣхъ назади запона сдѣлана полаткою съ розными финифты, цѣна 100 р.—Запона золота, и въ ней алмазъ большой, да 19 алмазовъ середнихъ, да яхонтъ червчатъ съ московку, да 53 яхонта червчатыхъ меньшихъ; въ срединѣ сдѣлано кіотомъ, а въ ней жена стоитъ вычлечаси, у ней въ правой рукѣ травка, на лѣвой рукѣ младенецъ, а другой младенецъ подлѣ ее стоитъ правою рукою вверхъ поднявъ, а другую назадъ загнувъ, наведено финифты, у ней зерно висячее велико на спнѣ да у плечь два зерна на запонѣ. (Отписной казны, что отписано у боярина у кн. Бориса Мих. Лыкова съ товарищи).—Марта 22 инока Марѳа Ив. пожаловала старицу Ѳеофилю дано ей рукавъ бѣлей хребтовой цѣна 2 гривны.—Апр. 10 государь пожаловалъ духовника своего благовѣщенскаго протопопа Кирила—зуфь ангурская свѣтлобагрова цѣна 7 р., за то, что онъ челъ на стояніе Похвалы Преч. Богородицы икосы.—Апр. 20 къ государю въ хоромы 10 арш. отласу червчатаго гладкого кармазину по 23 ал. 2 д. арш.; а пожаловалъ государь тѣмъ отласомъ боярина Ивана Никитича дочерь Парасковью.—Апр. 29 къ инокѣ Марѳѣ Ив. 12 арш. камки черной чешуйчатой по 26 ал. 4 д.; а пожаловала государыня тою камкою царя Васильеву царицу княиню Олену Петровну.—Іюля 31 въ серебреную полату подъ образъ св. апостола Архипа на

подкладку 7 вер. камки адамашки червчатой по 26 ал. 4 д. арш.; взялъ серебряной мастеръ Данилко Степановъ. Приказала инока Марѳа Ив. своимъ словомъ крайчему Мих. Мих. Салтыкову.—Авг. 25 къ инокѣ Марѳѣ Ив. въ Вознесенской м. отнесъ дьякъ Шиповъ: Застѣнокъ Пречистые Умиленіе, окладъ и вѣнецъ сканной съ красками истрапез (sic); середина камка червчата, поля камка адамашка таусинна; около середины и поль круживо шито золотомъ пряденымъ, жемчюгъ споротъ, подкладка тафта шамская червчата.—Поля отъ пелены камка таусинна, по ней шиты слова золотомъ пряденымъ, тропарь и кондакъ Успенію Преч. Богородицѣ, около словъ шито золотомъ вклопецъ, подкладка зендень зелена. Принесено отъ г. и в. стар. инокп Марѳы Ив.: застѣнокъ середина камка адамашка червчата, на ней шиты слова серебромъ, Пречистые Воротынскаго; 16 кіотцовъ круглыхъ, на нихъ святые наведены черныо; да 30 дробницъ серебреныхъ сканныхъ рѣзаны на проемъ; поля камка адамашка таусинна; около середины и поль шито золотомъ въ петлю; по немъ низано жемчюгомъ середнимъ; вверху меньшіе дробницы нѣтъ; подкладка тафта бурская червчата ветха. Застѣнокъ Пречистые Рублева письма, на немъ 20 кіотцовъ серебреныхъ на нихъ рѣзаны святые наведены черныо; да 40 дробницъ троеугольныхъ рѣзаны на проемъ, наведены финифтомъ; середина камка кармазинъ червчата, поли камка таусинна; около кіотцовъ и дробницъ низано жемчюгомъ середнимъ; около середины и поль шито золотомъ въ петлю. Застѣнокъ Пречистые князя Васильевскаго Гагина, середина камка кармазинъ червчата; 16 кіотцовъ круглыхъ, на нихъ рѣзаны святые; да 37 дробницъ сканныхъ поля камка таусинна, около кіотцовъ и дробницъ низано жемчюгомъ середнимъ, около середины и поль шито золотомъ въ петлю, по немъ низано жемчюгомъ, подкладка тафта бурская червчата избилась. Застѣнокъ Благовѣщенье Сцепятевского, на немъ 16 кіотцовъ серебреныхъ на нихъ наведены святые черныо, мелкіе дробницы всѣ цѣлы; середина камка кармазинъ червчата, поля камка таусинна, около середины и поль шито золотомъ въ петлю низано жемчюгомъ, подкладка тафта червчата избилась. Застѣнокъ Пречистые милостивые Куртагинскіе..... Тогожъ дни въ Вознесенскій м. отнесъ дьякъ Шиповъ, что послать въ Литву къ Преосвящ. митроп. Филарету Никитичу монатья грубинъ черн҃, грубину пошло 16 ар.. цѣна 14 р. 13 ал. 2 д.; да на источники пошло 19 арш. тесемъ червчатыхъ по 4 д. арш.; да 2 арш. тафты бѣлой винницейки... до около монатьи пошло 15 арш. поиску шолкъ чорнъ, 25 алт.; да на опушку и на подкладку 4¼ арш, камки куфтерю лазоревой по 1 р.; да у монатьижъ 4 пуговки рудожелты 2 денги..... Да манатья байберекъ черной.... Ряска камка куфтеръ гвоздичка.. нашивка тафтяная въ 33 пугвицы, 1 р. 25 алт. —

25. 133 г. Книги, а въ нихъ писанъ ***верхней относъ,*** **что отпускаетца къ государю ц. и в. к. Михаилу Өеодоровичу в. р. въ хоромы, и что отпущено къ его царской радости и къ великой государынѣ въ новые хоромы и великой государынѣ старицѣ инокѣ Марөѣ Ивановнѣ и къ постельничему къ Костянтину Михалкову и къ боярынѣ къ Марьѣ Головинѣ и въ мастерскую Полату 133 да по 134 годъ.**

Сент. 9 къ государевѣ радости отпущено въ Верхъ въ мастер. Полату бархатъ турецкой золотной по червчатой землѣ, въ мѣрѣ 10 арш. безъ четп, цѣна 120 р.; бархатъ золотной по червчатой землѣ 10 ар. 100 руб.; отласъ по бѣлой землѣ травы золоты $9\frac{1}{4}$ арш. 45 р.; отласъ турецкой по червчатой землѣ круги золоты островаты 40 руб. — Тогожъ дня къ государевой къ его царской радости отпущено къ в. государынѣ инокѣ старицѣ Марөѣ Ивановнѣ въ Вознесенской дѣвичь монастырь 20 арш. отласу жолтого по 31 ал. 4 д. аршинъ; 20 арш. отласу бѣлого по 27 алт. по 5 д.; 20 арш. отласу ценинного по 31 алт. 4 д; 10 арш. отласу малинового по 31 алт. 4 д.; 10 арш. отласу темноалаго по 43 алт. по $4\frac{1}{2}$ д.; 10 арш. отласу алаго нѣмецкаго по 31 алт. 4 д.; 10 арш. отласу красноалаго по 43 алт. $4\frac{1}{2}$ д.; 10 арш. отласу зеленаго по 31 алт. 4 д.; 10 арш. отласу свѣтлозеленого по 26 ал. 4 д.; камки куөтерю червчатого травного на одно лицо по 35 ал.; 10 арш. камки кармазину мелкотравного по рублю; 10 арш. камки куөтерю червчатого по рублю; 10 арш. камки куөтерю желтаго по 26 алт. 4 д.; 10 арш. камки куөтерю травной свѣтло зеленой на одно лицо по 35 алт.; 10 арш. камки куөтерю рудожолтого на одно лицо по рублю; 10 арш. камки адамашки травной двоелпчной шолкъ червчатъ да жолтъ по 26 алт. по 4 д.; 10 арш. таөты виницѣйки зеленой по 25 ал.; 10 арш. таөты виницѣйки жолтой по 24 ал.; 10 арш. таөты кармазину червчатого по рублю; 10 арш. таөты виницѣйки алой по 31 ал. 4 д.; 10 арш. таөты виницейки свѣтло зеленой по 21 ал. 4 д.; отнесъ дьякъ Жданъ Шиповъ.—Сент. 10 въ Вознесенской дѣвичь монастырь къ в. и в. старицѣ инокѣ Марөѣ Ивановнѣ отнесъ дьякъ Жданъ Шиповъ серебра волоченого золоченого 99 золотн., цѣна турецкая 13 р. 17 ал. 3 д.— Тогожъ дни въ Мастер. Полату отпущено на шубу русскую 10 арш. безъ чети бархату по червчатой землѣ золото съ серебромъ, цѣна 110 р.—Сент. 11 въ Верхъ къ боярынѣ къ Марьѣ Головиной отпущено полөунта бумаги хлопчатой битой 2 ал. 3 д.

Сент. 13 къ его царской радости, къ двумъ свѣчамъ сдѣланы кошелки въ бархатѣ золотномъ, по немъ травы шолкъ червчатъ, пошло аршинъ—5 р.; да къ тѣмъ же кошелкамъ на шлеп товожъ бархату пошло 3 арш. безъ чети; на подкладку подъ кошелки пошло 2 арш. безъ чети киндяку свѣтлозеленого по 3 ал. по 2 д.; да къ кошелкамъ же на круги пошло четь арш. сукна кострышу червчатого 6 ал. 4 д; къ

шлеямъ на подкладку пошло 12 арш. покромей по 3 д.—А государеву свѣчу несли стольники Мих. Вас. Олферьевъ, да Вас. Ив. Стрѣшневъ. А государынину свѣчу несли стряпчіе Ив. Вас. Олферьевъ да Ив. Петр. Чихачовъ. Фонарь несли надъ государевою свѣчею Дмитрей Баимовъ Воейковъ да Нефедъ Кузминъ сынъ Мининъ; а другой фонарь несли Өедоръ Андреевъ Олябьевъ да Мих. Ив. Ларіоновъ.—Тогожъ дни къ государевѣ радости скроенъ терликъ въ платнѣ въ отласѣ крымскомъ по червчатой землѣ круги золоты въ цвѣтахъ шолкъ бѣлъ да рудожолтъ, 8 р.,—а старой верхъ олтабасной съ того терлика снятъ и положенъ въ казну.

Сент. 16 въ Шатерной Приказъ къ его царской радости на полавочники 19¾ арш. бархату травного по серебряной землѣ травы шолкъ алъ, по 60 ал.; да 51 арш. 5 в. бархату травного по бѣлой землѣ травы шолкъ черленъ, по 2 р.; 9 арш. безъ 2 вер. бархату по бѣлой землѣ травы шолкъ червчатъ, по 2 р. съ полтиною; 22 арш. бархату по серебреной землѣ травы шолкъ черленъ, по 2 р. съ полтиною; взялъ Шатерничей Савинъ Обрютинъ.—Тогожъ дни отпущено къ государю въ хоромы брусъ мыла грецкого, 2 ал. 4 д; взялъ пѣвчей діякъ Вас. Семеновъ. Въ Верхъ къ постельничему къ Костянтину Михалкову отпущено 12¾ пудъ бумаги хлопчатой битой по 4 р. пудъ.—Въ Шатерной Приказъ 20 зол. шолку рского червчатого, по 6 д. зол., а шить тѣмъ шолкомъ государевы бархатные полавочники; да на подкладку подъ полавочники 11 киндяковъ жолтыхъ по 23 ал. 2 д.: взялъ Степанъ шатерникъ.—Въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ діякъ Жданъ Шиповъ на одѣяло отласъ турецкой двойной золото съ серебромъ, цѣна турецкая 75 р., а московская 100 р.; соболей пошло въ исподъ четыре сорока, по 100 р. сорокъ; да на опушку казенныхъ бобровъ пошло 2 бобра, по 4 р. 10 д.: да 2 бобра черныхъ по 8 р взяты изъ ряду.— Отпущена въ Верхъ къ государю въ хоромы пелена низана жемчюгомъ дробницы круглыя на нихъ чеканены святые, а въ крестѣ и по полемъ дробницы сканные съ финифты позолочены; отнята отъ пречистыя Богородицы Владимерской, а приложена та пелена ко Пречистой Богородицѣ Барловской: взялъ крестовой дьякъ Ив. Семеновъ.—Въ государынины въ новые хоромы на двери и на окна отпущена половинка сукна багрецу червчатого въ мѣрѣ 19¾ арш., 20 р.; да въ прибавку 10 арш. сукна по 36 ал. 4 д.; да 9 юфтей сафьяновъ черленыхъ по 26 ал. 4 д.; да 3 барана черленыхъ 16 ал.; взяты изъ ряду.—По памяти за печатми шатерничихъ Савина Обрютина да Олексѣя Карбышева отпущено въ шатерной приказъ на шесть зголовеецъ да на полуторной столъ 11¼ арш. сукна багрецу червчатого, по 40 ал.

Сент. 17 къ государеву сѣннику на дверь 3¼ арш. сукна багрецу червчатого по 2 р.—Въ Верхъ въ государынины въ новые хоромы на обтирку аршинъ сукна лятчины лазоревой

8 ал. 2 д., взялъ истопникъ Проня Ушаковъ.—Отпущено въ государевъ сѣнникъ для его царской радости 4 сорока соболей по 20 р.; и тѣ сороки отнесены къ государынѣ и в. стар. инокѣ Мареѣ Ив. въ монастырь.—Въ Конюшенный приказъ на государевъ приступъ пол-сема арш. бархату червчатого гладкого по 2¼ р.; да государынины колымаги на завѣсцы 12 арш. тафты винницѣйки жолтой по 24 ал.; да государыниной колымаги на огибп на подушечки 3½ ар. тафты винпцейки червчатой карлазину, по рублю. Въ Верхъ въ мастер. полату на государево меншое одѣяло 6 арш. отласу золотного по черленой землѣ, по 6 р: въ подкройку пошло двои цки собольи пупчатые однѣ съ рукавы, а другіе безъ рукавъ. 48 р.; да на опушку пошло пола да два рукава горностальи, 5 р. 19 ал. 1 д: взяты изъ подъ навѣса. Одѣяльцо взялъ постельничей Кост. Михалковъ.—Сент. 16 къ государской радости отпущено въ конюшенной приказъ два ковра золотныхъ. одинъ коверчатъ, а другой бархатной съ розными шолки и съ серебромъ: накищены у одного шолкъ зеленъ съ золотомъ, а у другого кисти золото и серебро съ розными шолки: одному цѣна 40 руб.; а другому 100 рублевъ.

Сент. 18 въ государеву въ новую мыленку къ дверемъ и къ окнамъ и подъ крюки и подъ жиковины 12 ар. сукна настрафилю червчатого, по полтинѣ; взялъ плотникъ дворцовой Ганка Степановъ.—Скроено къ носиламъ коровайнымъ 8 шлей въ участкѣ золотномъ, по немъ травы шелкъ черленъ. пошло 6 ар. 1 в., по 6 р: да на подкладку подъ шлеи пошла кожа сыромятная цѣлая 30 ал., да 24 арш покромей. по 4 д.; длина всѣмъ шлеямъ 24 аршина. Да къ тѣмъ же шлеямъ сдѣлано 8 пряжъ желѣзныхъ посеребрены. цѣна рубль 8 ал. Да на короваи пошло 50 пенезей большихъ серебрены позолочены. взяты изъ серебреного приказу. А коровай государевъ несли кн. Өедоръ да кн. Петръ княжъ Өедоровы дѣти Волконскіе; Осипъ да Иванъ Ивановы дѣти Чемодановы. А государынинъ коровай несли Богданъ Муснвъ, Юрья да Степанъ Телепневы.—Тогожъ дни на государево и государыни ц. и в. к. Марьи Володимеровны на обручальное мѣсто пошло 22 арш. бархату кармазину черленого по рублю 26 ал. 4 д.; да на приступъ къ томужъ обручальному мѣсту бархату нѣмецкого черленого гладкогожъ 8½ ар. по 40 ал.; да къ двумъ коровайнымъ носилямъ на ручки бархату червчатого гладкого кармазину 3 арш. по 1 р. 26 ал. 4 д.—А обручальныя свѣчи несъ Микита Өедоровъ сынъ Шушеринъ; а съ богоявленскою свѣчею шолъ Илья Кузминъ сынъ Безобразовъ. Тогожъ дни къ его царской радости на осыпало пошло 3 участка по серебреной землѣ, по 8 р. участокъ; а вымѣрено изъ нихъ 54 лоскута; да дважды по тридевять соболей. итого 54 соболя, 28 р. съ полтиною; да дважды по тридевять бѣлки плѣти, итого 54 бѣлки по 6 денегъ бѣлка; да дважды по девяти золотыхъ

угорскихъ, итого 18 золотыхъ, по 30 алт. золотой (золотые взяты съ Денежнаго двора); да тридцать маковицъ, цѣна 10 денегъ: да гривенка хмелю 4 д.; да двожды по 18 пенезей серебревыхъ позолочены; пенези взяты отъ государыни изъ монастыря. Отпущено въ хоромы.—Тогожъ дни на государево и в. государыни ц. и в. к. Марьи Волод. подножейцо 6 арш. камки куфтерю червчатого, по рублю; да сорокъ соболей 30 р. А пожаловалъ государь тою камкою и собольми протопопа Максима.—Тогожъ дни отпущено въ Верхъ къ государю въ хоромы 45 арш. отласу червчатого, по рублю. А сланъ тотъ отласъ передъ государемъ по пути и государь пожаловалъ тѣмъ отласомъ стольниковъ и стряпчихъ, которые передъ государемъ путь слали, Петра Микитина сына Измайлова, Ондрея Ив. Чепчюгова, Ив. Ив. Карамышева, стряпчихъ кн. Дмитрея княжъ Олександрова Ростовского, Ивана Озѣева сына Опухтина, Михаила Ефимова Телепнева.—Въ государеву новую избушечку на двери и на окна 9 арш. сукна настрафилю червчатого по 16 ал. 4 д.—Въ Грановитую Полату на окна 12 арш. сукна багрецу червчатого по 36 ал. 4 д.; 12 арш. сукна аглинского черленого по 20 ал.

Сент. 20 въ Верхъ къ государынѣ ц. и в к. Марьѣ Волод. три пары соболей, двѣ пары по 3 р., пара 3 р. съ полтиною: да три золотыхъ угорскихъ по 30 ал. золотой.—Сент. 22 послѣ государевой радости въ третій день въ середу у государя отецъ его и богомолецъ великій государь свят. патріархъ Филаретъ Никитичь москов. и в. р. въ Грановитой Полатѣ ѣлъ и послѣ стола в. государь... отца своего... дарилъ для своей царской радости. А рѣчь говорилъ и дары являлъ діякъ Жданъ Шиповъ, а рѣчь была токова: А великій государь святѣйшій Филаретъ Никитичь Божіею милостію патріархъ московскій и всеа Русіи! По милости Божіи и по твоему в. г. отца нашего благословенію сынъ твой в. г. ц. и в. к. Михаило Ѳедоровичь всеа Русіи сочеталъ законнымъ бракомъ и на своей царской и пресвѣтлой радости и даритъ тебя в. г. отца своего и богомольца: Кубокъ серебренъ золоченъ съ покрышкою на достокавное дѣло... вѣсу 7 гривенокъ 36 зол., по 5 р. гривенка. Кубокъ серебренъ золоч. съ покрышкою... вѣсу 4 гривенки 18½ зол.—Кубокъ... вѣсу 4 гривенки. Отласъ золотной турецкой 60 р.; 10 арш. бархату черного по рублю по 23 ал. 2 д.; 10 арш. бархату багроваго, по 1½ р.; 10 арш. бархату лазоревого, по рублю; 10 арш. отласу вишневого, по 31 ал. 4 д.; 10 арш. отласу зеленого, по 31 ал. 4 д.; 10 арш. камки багровой по 35 ал.; камка кизылбашская 6 р.; 10 арш. камки адамашки двоеличной по 23 ал. 2 д.; 10 арш. камки адамашки свѣтлозеленой по 23 ал. 2 д.; 12 арш. обьяри лазоревой, по рублю; дороги кашанскіе свѣтлозелены 3 р. 20 ал.; сорокъ соболей 65 р., сорокъ соболей 60 р., сорокъ соболей 40 р.—Сент. 23 отпущено въ Сергіевской походъ къ государе-

вымъ образомъ на простилки 3 арш. сукна лятчины лазоревой, по 8 ал. 2 д.; взялъ крестовой діякъ Вас. Семіоновъ.—Сент. 24 на государевъ обиходъ (къ погребному ключнику Офанасью Родіонову) пудъ бумаги хлопчатые на свѣтилна въ свѣчи вощаные цѣна 4 р.

Сент. 28 въ Верхъ къ государю въ хоромы отпущенъ образъ Живоначальные Троицы окладъ серебреной золоченъ на поляхъ преподобные Сергей да Никонъ, въ вѣнцахъ у Троицы 5 изумрудцовъ да 4 лалики; на поляхъ 6 пупышковъ рѣзныхъ; кольцо серебрено золочено; подкладка камка адамашка свѣтлозелена мелкотравная. Да крестъ золотъ съ мощми обнизанъ жемчюгомъ въ одну веревочку; въ немъ во главѣ камень изумрудъ да 4 зерна гурмыскіе; на крестѣ Распятіе литое да два лала да два яхонта лазоревы. А въ немъ мощи по подписи: древо животворящее, мощи Иванна Предотечи, м. Іакова Перскаго, м. мученика Прова, м. архидіякона Стефана, м. муч. Артемія, м. преп. Стефана Новаго, м. Павла Исповѣдника, м. муч. Еустратія, м. муч. Иванна Новаго. На крестѣ сорочка бархатъ червчатъ. Крестъ и около креста веревочка низаны жемчюгомъ крупнымъ; трость и копіе жемчюгъ середней; подпись мелкой жемчюгъ. У сорочки жъ два кляпышка обшиты золотомъ волоченымъ. А благословилъ тѣмъ образомъ и крестомъ в. государя послѣ его царской радости въ третей день отецъ его и богомолецъ в. г. свят. патр. Филаретъ Никитичь моск. и в. р. Образъ и крестъ взялъ крестовой дьякъ Иванъ Семіоновъ.

Сент. 30, въ Верхъ къ государю въ хоромы отнесъ діякъ Жданъ Шиповъ судки столовые серебреные; по вѣнцомъ у кровель и у поддоновъ по краемъ и подъ пузами и кружечки и каемки и птички рѣзные золочены; у руковедей на узлу по лепести литой золоченой; у солонки повыше стоянца подъ пузомъ два репья дорожчаты на кровляхъ у судковъ и у солонки и у перешницы по маковкѣ чешуйчатой золоченой; у вѣка по краю дорожчато золочено; по серединѣ вѣка столбикъ, на немъ кольцо. Вѣсу въ судкахъ и съ вѣкомъ 6 гривенокъ, по 5 р. гривенка. 5 блюдъ сереб. золоченыхъ на оба лица 21¾ гривенка; шесть блюдъ маленкихъ глубокихъ, сереб. золоч. 5 гривенокъ 43 зол.—Лохань сереб. золоч. угольчата. 21 грив.; рукомойникъ чеканной, 7 грив. 6 зол.; лохань сереб. золоч. 15 грив. 19 зол. (по 5 р. гривенка у всѣхъ предыдущихъ); рукомойникъ серебр. золоч. чеканной, 8 грив., по 5 р. гривенка.—Нонбря 4. въ Верхъ къ государю въ хоромы 5 арш. сукна лундышу вишневаго по рублю по 26 ал. 4 д., а пожаловалъ государь тѣмъ сукномъ князь Василья Долгоруково.—Отпущено къ г. царицѣ и в. к. Марьѣ Волод. кисѣя тонкая, 5 р.; поллитры золота 3 р. 4 ал. 1 д.; 87 зол. шолку бурского всякихъ цвѣтовъ, по 8 д. золот.; взялъ князь Богданъ Долгоруково.—Нонбря 12, къ царицѣ Марьѣ Волод. отпущено къ

новой избушечкѣ на дверь да на окна да подъ крюки 6½ арш. сукна настрафилю червчатаго по 16 ал. 4 д.—Ноября 14, въ Верхъ къ г. царицѣ отпущено 54 портища тафтъ винницѣекъ широкихъ розныхъ цвѣтовъ по 5 арш. въ портищѣ, четырнадцать по 26 ал. 4 д.; сорокъ портищъ по 21 ал. 4 д.; шесть косячковъ тафтъ нѣмецкихъ зеленыхъ по 60 ал.—Въ Вознесенской монастырь къ г. и вел. стар. инокѣ Марѳѣ Ив. отпущено 10 арш. камки кармазину червчатого мелкотравного по 26 ал. 4 д.; 19 портищъ камокъ адамашекъ розныхъ цвѣтовъ по 10 арш. въ портищѣ, по 21 ал. 4 д.; 37 портищъ тафтъ винницѣекъ розныхъ цвѣтовъ по 5 арш. въ портищѣ, по 21 ал. 4 д., два портища тафты кармазину червчатаго по 5 арш., по 26 ал. 4 д.; два портища камки куфтеры жолтого по 10 арш., по 28 ал. 2 д.—Дек. 9, въ Верхъ къ царицѣ отпущено полтора аршина бархату травного по зеленой землѣ травы шелкъ черnъ, по рублю арш.; приняла боярыня Татьяна Степановна Долгоруково —Дек. 11, въ Верхъ къ царицѣ М. В. въ хоромы два участка двойныхъ золотные по зеленой землѣ, по 14 р.; два участка двойныхъ золото съ серебромъ, 26 р.; кафтанъ по червчатой землѣ круги золоты въ разводѣ шолки розные 12 р.; приняла боярыня Татьяна Степановна Долгоруково да казначея Варвара Унковсково.—Дек 14, къ в. г. свят. патр. Филарету Никитичу—отпущено два зуба рыбья доброй кости щадрою вѣсу 3 ф. 85 зол. по рублю фунтъ. А дѣлать въ той кости у списковъ харатейныхъ наконечники.—Дек. 18 къ государю въ хоромы отнесъ дьякъ Булгакъ Милованинъ: пѣтушекъ да склышку деревянную круглую, къ ней подъ стекломъ мужикъ съ женкою, склышкѣ цѣна 10 алт.; а пѣтушкомъ государю челомъ ударилъ Михайло Смываловъ.—Дек. 27, въ Верхъ къ государю въ хоромы 10 паръ соболей по 3 р. пара; а даны тѣ пары государева жалованья государыни и в. старицы иноки Марѳы Ив. десяти старицамъ крылошанкамъ за славленье. Дек. 28 въ Вознес. м. къ в. старицѣ инокѣ Марѳѣ Ив. отнесъ дiякъ Жданъ Шиповъ сто золотниковъ пелепелковъ бѣлыхъ, 200 золотниковъ пелепелковъ золоченыхъ, по 5 алт. золотникъ.

Генв. 7, отпущено на преставленіе государыни царицы и в. к. Марьи Володимеровны аршинъ шесть вершковъ камки куфтерю бѣлого, по 40 алт.; взялъ дiякъ Сурьянинъ Тороканoвъ.—Генв. 9, въ Вознесенской м. государынѣ царицѣ и в. к. Марьѣ Волод. на гробницу подъ покровецъ 4 арш. сукна багрецу по 40 ал.—Генв. 12, въ конюшенной приказъ на пиалцовскіе сани на подбивку 15 арш. отласу червчатого, по рублю; на кровлю 6 арш. сукна багрецу червчатого по 60 алт.—Генв. 13, на гробъ царицы М. В. отпущено аршинъ сукна аглинского червчатого, рубль; взялъ крестовой дьякъ Васил. Семеновъ, приказалъ кн. Богданъ Долгоруково.

Февр. 28, къ в. г. свят. патр. Филарету Никитичу 10 арш. сукна агленского да кострышу темносинего меншіе земли, по 20 ал.; а быть тому сукну у патр. Ф. Н. въ крестовой палатѣ на двери и на окнахъ, какъ бываютъ при немъ государѣ иные земли власти.—Марта 27, къ свят. патр. Филарету Никит. отпущено на Господню срачицу, что прислано отъ Шах-аббаса, аршинъ съ вершкомъ камочки кизылбаской 2 р. съ полтиною.—Марта 31, въ Вознесенской м. къ инокѣ Марѳѣ Ив. отпущено 7 кистей шолковые съ золотомъ по 5 ал. 2 д.; 16 кистей шолковыхъ розныхъ цвѣтомъ по 8 д.—Къ в. г. свят. патр. Фил. Ник. отпущена миса ценинная большая 13 ал. 2 д.; два блюда ценинныхъ, по 6 ал. 4 д.; 5 чашъ серединхъ ценинныхъ по 5 ал.; три тарели ценинныхъ по 3 ал. 2 д.; а присланы тѣ суды къ государю въ дарехъ отъ кизылбаскаго отъ Шахъ-Аббаса.—Апр. 3, въ Вознесенской м. къ г. и в. старицѣ инокѣ Марѳѣ Ив. 10 арш. камки буфтерю жолтого по 31 ал. 4 д.; аршинъ участку двойного золото съ серебромъ 7 р.; застѣнокъ, на серединѣ подпись: „сія застѣнокъ Преч. Богородицы Умиленіе на празелени Борисоглѣбской съ Устья“; середина камка кармазинъ, поля камка таусинна: около пелены и середины камка золотая по ней низано жемчугомъ мелкимъ: на ней 14 дробницъ круглыхъ золоченыхъ, на нихъ рѣзаны святые, а другіе дробницы мелкіе басмянные; подложена тафтою бурскою червчатою. А дѣлать въ томъ застѣнкѣ г. царицѣ и в. к. Марьѣ Volод. на гробъ пелена.—Апр. 9, въ Верхъ въ мастерскую палату отпущено 3 арш. сукна лятчины лазоревой по 7 алт., а обтирать тѣмъ сукномъ царицыны хоромы.—Апр. 15, въ Верхъ къ государю въ хоромы отпущена губка грецкая да щотка да брусокъ мыльца грецкого, цѣна всему 7 алт.; чистить образы, взялъ крестовый дьякъ Яковъ Дмитреевъ.—Тогожъ дни къ г. и в. старицѣ инокѣ Марѳѣ Ив. отпущенъ застѣнокъ, середина камка кармазинъ, поля низаны жемчугомъ мелкимъ по таусинной камкѣ; около середины и поль круживо шито золотомъ дробницы большіе круглые золочены на нихъ рѣзаны святые, а мелкіе басмянные золочены; на серединѣ шита подпись: „сія застѣнокъ Пречистыя на престолѣ со младенцомъ передъ нею два преподобныхъ“; подложена тафтою черленою шамскою. Взялъ истопникъ Рюма.—Апр. 29, въ Верхъ къ боярынѣ къ Марьѣ Головниной аисырь шолку черного рыского. 2 р., взялъ свѣтличной сторожъ Ѳеонка Харитоновъ.—Мая 18, въ Вознес. м къ госуд. и в. старицѣ инокѣ Марѳѣ Иван. отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ жемчугу 134 зерна скатныхъ по 2 р. съ полтиною зерно,—335 р.; 91 зерно по 2 р.; 599 зеренъ по 30 ал. 2 д.,—539 р. 3 ал. 2 д.; 550 зеренъ по 7 алт. 3 д. зерно; 900 зеренъ по 4 алт. зерно; 1468 зеренъ по 3 ал. 2 д.; 622 зерна по 2 алт.; 1713 зеренъ по 10 денегъ; всего 6077 зеренъ. а денегъ за нихъ 1557 р. 20 алт. 4 д.; купленъ у аглинского

гостя у Тамоса Рыдерева.—Іюня 8, въ Троецкомъ походѣ вышло на Господню срачицу четверть аршина бархату черленого гладкого, 16 ал. 4 д.—Іюля 29 въ Вознес. м. къ г. и в. стар. ин. Марѳѣ Ив. отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ судовъ цениннызъ: двѣ чашки глубокихъ середнихъ по 5 алт.; 6 чашекъ поменши по 3 алт. 2 д.; 5 чашекъ маленкихъ по 10 д.; три блюда середнихъ по 6 ал. 4 д.; 4 блюдечка маленкихъ по 3 ал. 2 д.; двѣ чары большихъ по 10 алт.—Авг. 13, въ мастер. палату 7 арш. сукна черленого гранату, парпьянъ тожъ, цѣна турецкая по 3 р. съ полтиною, а московская по 2 р. съ полтиною.—Авг. 17, въ Вознес. м. къ инокѣ Марѳѣ Ив. 4 литры золота по 7 р., да литра шолку шемоханскаго, 2 р. 10 алт.; приняла старица Олена Языкова.—Авг. 24, туда же отпущено на пелену подъ низанье 10 верш. отласу зеленого, 18 алт. 5 д.

26. Книги, а въ нихъ писанъ *верхней относ.* 134. г. окт. 11, отпущено въ Верхъ къ государевымъ арганамъ аршинъ 2 вер. дороговъ черленыхъ гилянскихъ 10 ал.; взялъ потѣшной сторожъ Патрекейка Лукьяновъ.--Окт. 18, крестовой дьякъ Иванъ Семіоновъ взялъ книгу харатейную, въ ней писано Правила апостольскія въ доскахъ въ десть. — Окт. 21, въ Вознес. м. къ инокѣ Марѳѣ Ив. 50 литръ золота и серебра по 7 р. литра.—Ноября 6, въ Верхъ къ государю въ хоромы отпущенъ орѣхъ индѣйской; взялъ Борисъ Иван. Морозовъ, а другой орѣхъ индѣйской государь велѣлъ розбить предъ собою.—Дек. 31, въ Вознесенскій м., къ инокѣ Марѳѣ Ив. отпущено пол-сема аршина камки куфтерю тауснного по 30 алт., да на подкладку зендень дымчата 16 ал. 4 д.; а шить на той камкѣ покровъ на Максима Христа ради уродивого, что на Варварскомъ крестцѣ покровъ.—Генв. 3, въ Верхъ ко княгинѣ Овдотьѣ Корходиновой 3 арш. киндяку темносинего по 3 ал. 2 д.—Генв. 20, отпущено въ Большой дворецъ ко кн. Олексѣю Мих. Львову 11 паръ соболей по 3 р. пара, да 11 куницъ по 11 ал. куница, а пожаловалъ государь тѣми собольми и куницами инокн Марѳы Ив. крылошанокъ старицъ за рожественское славленье.—Генв. 28, изъ Вознесенскаго м. отъ в. г. иноки Марѳы Ив. принесенъ подкладывать покровъ Максима Блаженнаго шитой старой, пошло таѳты виницѣйки черленой 3 арш. 1 вер. по 23 ал. 2 д.—Генваря въ 31 день великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи, къ его царской радости изошло на осыпало три участка по серебреной землѣ травы золотные, цѣна по четырнадцати рублевъ участокъ, а вымѣрено изъ нихъ пятдесятъ четыре лоскута.—Февраля въ 5 день въ Верхъ къ государю въ хоромы отпущено на осыпало осмнадцать золотыхъ угорскихъ по тридцати алтынъ золотой; золотые взяты съ денежного двора; да двожды по осмнадцати незезей серебреныхъ позолочены, незези взяты изъ серебреного приказу; пятьдесятъ четыре бѣлки плѣти цѣна по

осми денегъ бѣлка; тридцать маковицъ цѣна восмь денегъ; гривенка хмелю, цѣна шесть денегъ; отнесли дiяки Гаврила да Булгакъ. — Февр. 5 отпущено въ конюшенной приказъ въ государынину на нарядную большую каптану на 4 зголовенца два отласа турецкихъ по червчатой землѣ шолкъ бѣлъ зеленъ лазоревъ кубы и травы зол ..., цѣна 100 р.; да на мѣстное зголовенцо на подкладку 3 а. ш. камки кармазину черленого по 30 алт.; на двѣ скамейки на обивку 4 арш. сукна багрецу по $1\frac{1}{2}$ р.; да на каптану въ моченье дано 38 арш. сукна полуширлату, а моченого стало $33\frac{1}{4}$ арш. по 2 р. 21 ал. ! д.; на подбивку 18 сороковъ соболей; да подноженцо соболье; цѣна сорокамъ и подноженцу съ дѣломъ 1145 р.; 7 киндяковъ розныхъ цвѣтовъ по полтинѣ. А въ меншую каптану отпущено на подбивку 16 сороковъ соболей, цѣна 405 р., да на окна 5 соболей по 41 ал. 4 д. соболь; да подноженцо соболье, пошло 62 соболя, цѣна 39 р.; 15 арш. камки кармазину по 45 ал.—Февр. 5 къ государынѣ въ хоромы 3 золотыхъ угорскихъ по 30 алт.; 3 пары соболей по 2 р. пара. Тогожъ дни въ Верхъ къ государынѣ на кашу отпущено двѣ пары соболей цѣна 5 р.

Февр. 8, в. г. свят. патр. Филаретъ Никитичъ—дарилъ сына своего в. г. ц. и в. к. Михаила Феодоровича в. р., и в. г. царицу и в. к. Евдокѣю Лукъяновну послѣ ихъ царской радости, благословенiе: Образъ Спасовъ, окладъ и вѣнецъ чеканной, въ вѣнцѣ 4 камени лазоревы яхонты, около вѣнца низано жемчугомъ; вмѣсто цаты 8 чепочекъ золотыхъ; пелена камка ала, по ней крестъ и слова низаны жемчугомъ съ дробницами. Крестъ золотъ съ мощми съ каменьемъ обнизанъ жемчугомъ съ зерны гурмышскими. Кубокъ серебренъ золоченъ съ покрышкою, вѣсу 14 гривенокъ 16 зол., по 5 р. Кубокъ 14 грив.; кубокъ 10 грив. 6 зол.; бархотъ турецкой золотной 95 р.; отласъ турецкой двойной по серебреной землѣ золото 60 р.; 10 арш. безъ вершка олтабасу золотного 50 р.; въ отласу мѣсто, что отласу въ казнѣ не было, 8 арш. безъ чети бархату жолтого кызылбаского 7 р.; бархатъ 8 р.; 10 арш. отласу черленого по 1 р. 11 ал. 4 д., 10 арш. камки куфтерю червчетого по 1 р. 20 ал.; 10 арш. камки куфтерю жолтого по 1 р. 20 ал.; 10 арш. камки куфтерю лазоревого по 36 ал. 4 д. Сорокъ соболей 140 р., сорокъ—130 р., сорокъ—37 р.; сто золотыхъ угорскихъ по 30 алт. золотой. Государынѣ царицѣ и в. к. Евдокѣѣ Лукъяновнѣ благословенiе: образъ Спасовъ обложенъ серебромъ, вѣнецъ и цата и поля чеканные золочены, оплечье съ чернью. Крестъ золотъ съ мощми, к съ жемчюгомъ. Кубокъ серебр. золоч. съ покрышкою, вѣсу 9 грив. 49 зол., по 5 р. Кубокъ 9 грив. 12 зол., кубокъ 8 грив. безъ 10 зол.; отласъ турецкой двойной по серебреной землѣ листье золото 50 р., отласъ по лазоревой землѣ золото 50 р., бархатъ жолтъ 4 р., 10 арш. отласу алого по 31 ал. 4 д., 10 арш. камки куфтерю черленого по 1 р. 20 ал., 10 арш. камки куфтерю жолтой по 1 р. 20 ал., 10 арш.

камки куф. лазоревой по 36 ал. 4 д. Сорокъ соболей 140 р. сорокъ 130 р.; сорокъ 37 р.; сто золотыхъ угорскихъ 30 ал. Образы и кресты патріарши казны, а кубки, бархаты и отласы и камки и соболи государевы казны, съ казенного двора... и принесены на казенной дворъ. А государевъ образъ и кресты отданы въ казну крестовому дьяку Ивану Семіонову; а царицынъ образъ взялъ царицынъ дьякъ Сурьянинъ Тороканювъ. Послѣ государской радости въ третій день въ середу у государя отецъ его—свят. Патр. Филаретъ Никитичь—въ Грановитой полатѣ ѣлъ: и послѣ стола в. государь отца своего—дарилъ для своей царской радости. А рѣчь говорилъ и дары являлъ діакъ Гаврило Облезовъ (подобно предыдущему, см. выше стр. 64).

Февр. 9 въ конюшенной приказъ на подъемные на десять каптанъ 160 арш сукна настрафилю червчатого по 20 ал.— Къ государынѣ царицѣ и в. к. Евдокѣѣ Лукьяновнѣ на поставецъ отнесъ діакъ Булгакъ Миловановъ три кубочка серебр. золоч. съ кровлями ложечки мелкіе по вѣнцамъ городочки бѣлы, въ одномъ вѣсу гривенка 5½ зол., въ другомъ гривенка 15 зол., въ третьемъ—гривенка 12 зол., по 5 р. гривенка

Февр. 17, в. г. царица и в. к. Евдокѣя Лукьяновна в. государыню инoку Мароу Иван. дарила послѣ своей радости: Кубокъ сереб. золоч. съ покрышкою вѣсу 7 грив. 22 зол., по 5 р. гривенка. Кубокъ — 5 грив. 12 зол. Кубокъ — 5 грив. 2 зол.; 10 арш. бархату черного гладкого по 1½ р.; 10 арш. бархату лазоревого по 1 р.; 10 арш. отласу вишневаго по 40 ал; 10 арш. отласу черного по 1 р.; 10 арш. камки куфтерю багрового по 40 ал., 10 арш. камки куф. таусинного по 30 ал., 10 арш. камки куф. черного по 1 р.; 10 арш. камки адамашки красновишневой по 1 р., 10 арш. камки адам. зеленой по 26 ал. 4 д.; 10 арш. камки адам. черной по 23 ал. 2 д., 10 арш. камки адам. таусинной по 30 ал.; 12 арш. объяри гвоздичной по 23 ал. 2 д.; 12 арш. байбереку шолкъ зеленъ черңъ по 13 ал. 2 д.; 5 арш. тафты виницѣйки таусинной по 23 ал. 2 д. Сорокъ соболей 65 р., сорокъ—60 р., сорокъ—40 р. А дары отвозили діяки Гаврило Облезовъ да Булгакъ Миловановъ, а за ними несли тѣ дары царицыны дѣти боярскіе. А въ Вознесенскомъ м. въ передней приилъ тѣ дары у нихъ кн. Алексѣй Мих. Львовъ и являлъ тѣ дары онъ же. И февр. 21, отъ в. г. инoки Мароы Ив. дьякъ Сурьянинъ Тороканов на казенной дворъ въ государеву казну принесъ изъ тѣхъ даровъ (три кубка; бархатъ лазоревъ и соболи).—Тогожъ дни на государеву на поклонную колодочку отпущено 2 арш. бархату кизылбаского червчатого, по 1 р. 5 ал.—Къ царицѣ отпущено въ хоромы на столъ 1½ арш. сукна багрецу да на колодочку аршинъ безъ вершка сукна багрецу, по 2 р. аршинъ.— Февр. 28, къ царицѣ отнесъ дьякъ Булгакъ Миловановъ три запоны золоты съ каменьемъ цѣна 300 р., да отласъ турец-

кой 50 р.; приняла государыня инока Марва Ивановна. — Въ Вознес. м. къ госуд. и вел. инокѣ Марвѣ Ив. къ ризамъ подъ низанье скроено оплечье въ камкѣ кармазинѣ, пошло 1½ арш., да на опушку къ стихарю 2 ар. безъ 5 вер. камки кармазину жъ, по 40. ал.,—приказалъ государынинымъ словомъ Василій Иванов. Стрѣшневъ.—Марта 1 отпущено въ конюшенной приказъ г. царицы и в. к. Евдокѣи Лукьяновны на меншую каптану дано въ моченье 39 арш. сукна багрецу, а стало 34 арш. 6 вер., по 60 ал.; да подъ доброе сукно и въ каптану подъ соболи 45 арш. сукна лятчины черленой по 6 ал. 4 д.; да на тужъ каптану на чехолъ 45 арш.сукна настрафилю черленого по 16 ал. 4 д. Да государыни великіе иноки Марвы Ив. на двѣ коптанки чорного англинского сукна дано 39 арш., а моченаго стало 35½ арш., и отпущено 30 арш., по 30 алт.; взялъ приказщикъ Василей Блудовъ.—Марта 2, въ Верхъ къ государынинымъ мастерицамъ отпущено на столъ 1½ арш. сукна аглинского червчатого по 30 ал.—Марта 7, въ мастер. палату 12 ар. сукна настрафилю черленого по полтинѣ, а подбивать тѣмъ сукномъ царицына постельная коробья.—Къ панагеѣ сдѣлана сорочка въ суккѣ багрецѣ, пошло пол-вершка шапочнаго, 8 ал. 2 д.; да гайтанъ шолкъ шемоханской съ золотомъ 23 ал. 2 д.; понагею и гойтанъ взялъ Рожественской діяконъ Онкидинъ.—Тогожъ дни въВознесенской монастырь къ государынѣ и великой инокѣ Марвѣ Ивановнѣ къ ризамъ подъ низанье на опушку аршинъ безъ 3 вер. камки куфтерю черленого 43 ал. 2 д. — Марта 11,въ Верхъ въ свѣтлицу ко княгинѣ Овдотьѣ Каркадиновой подъ низанье къ стихарю на опушку аршинъ безъ чети камки кармазину 17 ал. 3 д. взялъ знаменщикъ Петръ Ремезовъ.—Марта 12 въ Верхъ къ царицѣ къ ризамъ подъ низанье на опушку аршинъ съ четью камки кармазину черленого рубль. — Марта 20, въ Вознесен. мон. къ инокѣ Марвѣ Ив. шуба тафта нѣмецкая черная, пошло 10 арш. по 8 ал. 2 д.; въ подкройку цки черева бѣльи 46 ал. 4 д.; на пухъ пошолъ бобръ, рубль; подъ переды крашенины 2 арш. 2 ал. 4 д.; нашита нашивка тафтяная 8 ал. 2 д. Всего шубѣ цѣна 5 р. 7 ал., а пожаловала государыня тою шубою старицу уродивою Марву.—Мар. 30, отпущено къ мастерицамъ на яблоко къ поникадильной кисти 2 вер. атласу червчатого, 4 ал.—Апр. 7, къ государю въ хоромы на обтирку 3 арш. безъ чети сукна лятчины лазоревой по 6 ал. 4 д.; взялъ сторожъ комнатной Григорій Носъ.—Къ патр. Филарету Никитичу въ келью на обтирку 3 арш. сукна такого же, взялъ истопникъ Кузма Быковъ.—Къ царицѣ въ хоромы на обтирку аршинъ сукна такого же взялъ царицынъ сынъ боярской Степанъ Переспечинъ.—Апр. 8. въ Верхъ къ царицынѣ качелкѣ отпущено пол-аршина бархату черленого гладкого 12 ал. 3 д., взялъ истопникъ Жданъ Ивановъ.—Апр 22, на царицынъ на постельной возокъ отдано въ моченье 16 ар. сукна аглинско-

го черленого, и убыло въ моченье 3 ар. безъ 2 вер., взялъ истопникъ Субота Демидовъ.—Въ конюшенной приказъ въ царицыны въ сорокъ колымажекъ на постельки и на тѣжи я на обшивку 90 арш. сукна настрафилю черленого по полтинѣ, да 90 арш. покромей настрафильныхъ черленыхъ по 3 д.—Апр. 23, въ конюшенный приказъ на царицыны на малыя на три колымажки 36 арш. сукна багрецу по 1½ р.; взялъ нарядчикъ Борисъ Горяиновъ.—Апр. 24, къ царицѣ на столъ на обертку 10 арш. сукна лятчины лазоревой по 6 ал. 4 д.—Къ государынѣ на образную простилку 9 арш. сукна лятчины лазоревой по 6 ал. 4 д.; взялъ крестовой дьякъ Овдѣй Васильевъ. Того жъ дни въ конюшенный приказъ въ царицыну въ золотную колымагу на зголовье 10 арш. бархату черленого по 60 алт., да 8 арш. настрафилю черленого по 20 ал.; да инокѣ Мареы Ив. колымаги на шеи на подѣлку 4 арш. сукна аглинского темносинего по рублю, да на царицыну на малую колымажку 13 ар. сукна по 60 алт.—Мая 12, къ царицѣ въ хоромы отнесъ дьякъ Гаврила Облезовъ братину серебреную большую съ кровлею, въ ней бражникъ сидитъ у бочки, вѣсу 7 грив. 24 зол. по 6 р. гривенка. Принялъ Өедоръ Степ. Стрѣшневъ. И та братына снесена въ казну.—Мая 20, въ государеву въ мастерскую палату бобръ чорнъ 5 р. 10 д., да цки горностальи съ рукавы 8 р. 3 ал. 2 д., да на тѣ же цки на натирку пошло четь фунта анису 10 д.—Іюня 11, къ государю въ хоромы отнесъ дiякъ Гаврило Облезовъ два сорока соболей, одинъ 70 р., другой 50 р., принялъ Вас. Ив. Стрѣшневъ; и пошли тѣ соболи отъ государя и отъ царицы къ в. г. инокѣ Мареѣ Ив. на новоселье; и іюня въ 15 д. в. г. инока Мареа Ив. указала тѣ соболи взяти на казенной дворъ.—Іюня 26, къ Екатеринѣ Христовой мученицѣ отпущена чаша ценинная 16 ал. 4 д.; взялъ царицынъ крестовой дiякъ Овдей Васильевъ. — Авг. 10, къ царицѣ носилъ въ смотръ дiякъ Булгакъ Миловановъ пару соболей 6 р. и государыня оставила у себя въ хоромехъ соболя, а другово соболя государыня указала дать государева жалованья Семену Лукьяновичу Стрѣшневу подъ шапочку.—Авг. 14, въ Верхъ въ царицыну въ мастерскую палату отнесъ дьякъ Гаврило Облезовъ литру золота да литру серебра, по 7½ р.; принялъ царицынъ дьякъ Сурьянинъ Тороклновъ, а сказалъ, что отнесъ де онъ то золото и серебро къ царицѣ.

27. 136 г. Окт. 15, изъ свѣтлицы ото княини Овдотьи Корходиновы принесены вошвы шиты по бархату по чорному золотомъ да серебромъ. И по государеву именному приказу тѣ вошвы отосланы на казенной дворъ на церковное строеніе къ ризамъ на оплечье.—Март. 25 отъ государя изъ хоромъ принесъ Ѳ. С. Стрѣшневъ камку куфтерь жолту, мѣрою 10 арш., а сказалъ: государь пожаловалъ тоѣ камку царицѣ на лѣтникъ. И марта 31 камку изъ царицыны изъ Мастерскія полаты взялъ къ царицѣ въ хоромы В. И. Стрѣшневъ.—Апр. 10, отъ царицы

изъ хоромъ принесъ діякъ Сурьянинъ Тороканов кованова кружива 27 басемъ серебрены позолочены, а про тѣ басмы Сурьянину приказала боярыня Катерина Бутурлина царицынымъ словомъ, велѣла тѣ басмы держати въ царицынѣ казнѣ до указу. —Апр. 17 отъ царицы изъ хоромъ выдала Катерина Бутурлина камку золотную бурскую по червчатой землѣ въ цвѣтахъ шолкъ лазоревъ да бѣлъ, 9 ар. 3 в., а сказала что тоѣ камку поднесла государю мати ево государева в. г-ня инока Марѳа Ив. на Великъ день апрѣля 13, а государь тоѣ камку пожаловалъ царицѣ на лѣтникъ.—Мая 19, отъ царицы изъ хоромъ выдала крайчея Ульяна Сабакина двѣ постели да два изголовья, подушечка, одѣяло горносталное подъ камкою золотною, другое одѣяло холодное подъ камкою серебреною, коверъ цвѣтной. Іюня 11 тѣ двѣ постели и изголовье и подушечка и коверъ взяты къ царицѣ въ хоромы.

28. 136 г. Сент. 2, г. царицы къ двоимъ сергамъ на чемоданы 3 вер. отласу червчатого да на подкладку 1¾ в. тафты вииицейки лазоревой.—Сент. 29, къ царицѣ въ хоромы къ государевымъ сорочкамъ да къ портамъ на тачки 5 арш. тафты вииицейки червчатой принела боярыня Катерина Бутурлина.—Ноябр. 9 въ свѣтлицу на государевы сорочки 5 арш. тафты вииицейки червчатой принесла б. кн. Овдотья Корходинова.—Февр. 7, въ свѣтлицу къ государевымъ сорочкамъ на тесмы пол-сема арш. тафты вииицейки червчатой, принела б. кн. Овд. Корходинова.—Февр. 28, царица Евдокѣя Лукьяновна пожалова отцу своему Лукьяну Степановичу Стрѣшневу четки рыбей зубъ, а ударилъ челомъ царицѣ тѣми четками Спского монастыря игуменъ Іона.—Февр. 29 портнымъ мастеромъ къ царицыну платью на шитье 1¾ арш. полотна нитей да полэолотника шолку червчатого.—Мар. 5 въ свѣтлицу на ширинку 6 вер. тафты вииицейки бѣлой, принела б. кн. Овд. Корходинова.—Мар. 15 государыни царицы къ сѣннымъ окнамъ на завѣсу 2¾ арш. сукна настрафилю черленого.—Апр. 4 царица пожаловала Лукьяну Степ. Стрѣшневу верхокъ отласу червчатого гладкого.—Мая 12 въ свѣтлицу на шитье государевыхъ сорочекъ полотно нитей тонкихъ —Мая 26 царица пожаловала Микифора Сабакина, велѣла ему дати на шапку соболь; пожаловала Лук. Ст. Стрѣшнева, велѣла ему дати къ шапкѣ пухъ— четверть бобра.

29. Книги, а въ нихъ писано царицы Евдокѣи Л. кроеніе платью 136 г.—Сент. 27, царицѣ скроена роспашница въ камкѣ бѣлой куфтерѣ, пошло 11¾ арш. — Окт. 26 царицѣ скроенъ бумажникъ да зголовейцо въ камкѣ червчатой мелкотравной, пошло 11 ар. 1 в., да въ простилку пудъ бумаги хлопчатой битой; а на зголовейцо камки 3 арш. 10 в., да пуху лебяжія бѣлого 17 фунт.—Ноябр. 9 царицѣ скроены рукавки въ бархотѣ червчатомъ, пошло 9 в., на исподъ 4 черева лисьи чорнобуры, на опушку соболь. — Ноября 12 инокѣ Марѳѣ Ив. скро-

ены рукавки въ бархатѣ чорномъ гладкомъ, пошло 9 вер., на исподъ 4 черева лисьи буры, на опушку соболь. — Генв. 30 царицѣ скроенъ лѣтникъ въ отласѣ золотномъ по лазоревой землѣ травы и деревья золоты въ нихъ шолкъ червчатъ, пошло 9 ар. безъ 5 в; на подкладку тафты вининейки червчатой пол-7 арш., на подольникъ отласу червч. 1 ар. безъ 3 вер., на опушку 1¼ бобра; вошвы бархатъ червчатъ шиты золотомъ да серебромъ. А что остался остатокъ того отласу и тѣмъ остаткомъ, царица пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ на шапку. — Февр. 6, къ царицыну каптуру скроенъ верхъ въ миткаляхъ, пошло 12 вер. — Марта 24 царицѣ къ камчатой къ куфтерной бѣлой опашницѣ на прибавку 6 вер. камки бѣлой да на подкладку 7 арш. тафты бѣлой вининейки да на опушку 2 бобра безъ чети. — Мар. 26 по имянному приказу царицы скроена къ Онтипью Вмч. къ чудотворному образу пелена въ объярахъ серебряныхъ, пошло 1 ар. 2 в.; на опушку камки жолтой травной 1¼ ар., на крестъ 2 ар. кружива золотного; на подкладку 3¼ ар. киндяку свѣтлозеленого. — Март. 28 царицѣ скроена тѣлогрѣя въ отласѣ въ празеленомъ, пошло 9 ар.; подкроено цки черева бѣльи, на опушку 1¼ бобра. Нашито круживо золотное плетеное широкое, да 23 пуговки золоты сѣчиваты съ виниифты съ розными въ закрѣпкахъ по искоркѣ по алмазной. — На царицыну на камчатую бѣлую опашницу нашито 15 корольковъ розныхъ на золотыхъ спняхъ по краемъ репейки золоты, у репейковъ на спняхъ въ закрѣпкахъ въ гнѣздахъ по искоркѣ изумрудной. — Март. 30 къ царевинѣ къ качели обшита сѣдалка тафтою червчатою, пошло 4¼ вер. — Мая 11, царицѣ скроены чюлки въ камкѣ въ кармазинѣ червчатой, пошло 2 арш. безъ чети. На чюлки нашито 2¼ ар. кружива сереброного съ пелепелы; подложены тафтою лазоревою вениицейкою, пошло 1 ар. — Мая 18 царицѣ скроены чулки въ сукнѣ въ червчатомъ въ багрецѣ, пошло 9 нер.; подложены киндякомъ лазоревымъ, пошло 2 ар.; и тогожъ дни сказалъ дьякъ Сурьянинъ Тороковъ: царица тѣми чюлками пожаловала Анну Костентиновну. — Мая 20 царицѣ почпиены прежніе чюлочки камкою желтою, пошло 3 верш. — Мая 25 подложена пелена шита золотомъ и серебромъ Знаменіе Пр. Бцы тафтою лазоревою, пошло 11 в. — Іюня 21 царицѣ скроены башмаки въ сафьянѣ въ жолтомъ. Прикладу къ башмакамъ кружива нѣмецкого узкого шолкъ червчатъ съ серебромъ 1¼ арш., на обвивку къ коблукамъ золота 8 ар., на мелкой па всякой прикладъ 3 алт. 2 д. — Авг. 9 скроена къ образу Пр. Богородицы Казанскіе пелена подъ шитье въ тафтѣ въ дымчатой, пошло полтретья вершка. — Авг. 26 царевнѣ Иринѣ подъ зарукавье двѣ колодки обшиты тафтою алою, пошло 2 вершка.

30. 137 года Приносъ отъ г. царицы изъ хоромъ и изъ г-вы Мастерскіе палаты. — Сент. 16, отъ царицы принесено изъ хоромъ шесть холстовъ льняныхъ толстыхъ, и въ тѣхъ хол-

стахъ шить дуракамъ рубашки. — Окт. 7, отъ г-ря изъ хоромъ принесъ Ѳ. Ст. Стрѣшневъ три камки золотные кизылбашскіе.... а сказалъ, государь пожаловалъ одну 7 ар. 3 в. царицѣ, другую 7 ар. 4 в. царевнѣ Иринѣ, третью 7 ар. 3 вер. царевнѣ Пелагѣѣ. — Окт. 9, отъ царицы изъ хоромъ принесъ Ѳ. Ст. Стрѣшневъ отласъ золотной по червчатой землѣ розвода и травы и межъ розводъ рыбки золоты въ розцвѣтахъ шолкъ зеленъ да бѣлъ, 9 ар. пол-4 вер., *за объими* петки. — Окт. 12, отъ царицы изъ хоромъ принесъ Ѳ. Ст. Стрѣшневъ миткали арабскіе, а сказалъ, что царицу дарила г-ня инока Марѳа Ив. — Окт. 19, отъ царицы изъ хоромъ принесъ дьякъ Сурьянинъ Тороканов 2 ф. канители золоченой, да въ слиткѣ серебра 27¾ зол., да на витейкѣ волоченого золоченого серебра вѣсомъ и съ витейкою 38¼ зол. — Окт. 12 взято изъ государевы изъ Мастерскіе полаты полтретья золотыхъ угорскихъ, отданы на канительное дѣло канительному мастеру Юшкѣ. — Окт. 29 принесъ дьякъ Сур. Торок. 75 дробницъ золоты съ чернью за печатью царицы. — Февр. 23 отъ государя изъ хоромъ принесъ Ѳ. Ст. Стр. сафьянъ кизылбашской по червчатой землѣ писаны травы золотомъ да серебромъ. — Марта 1 государь пожаловалъ царицѣ на еѣ государынины имянины на лѣтникъ отласъ турецкой по серебряной землѣ круги велики золоты, въ кругѣхъ по 3 кружки золоты съ репьями, межъ круговъ по краемъ листье золото, 10 ар. 1 вер.—Іюня 28 государь пожаловалъ царицѣ въ троицкомъ походѣ рукавки персчаты нѣмецкое дѣло визены узоромъ шолкъ брусниченъ, запясье по отласу по алому дѣлано канителью и трунцалы, репьи и около деревъ змѣйки, въ репьяхъ и въ змѣйкахъ шолки розные, межъ репьевъ и древъ звѣздки золоты, запясье положено тафтою алою.

31. Книги расходные 137 г.—Ноябр. 4 въ свѣтлицу подъ низанье къ ризамъ на оплечье и на патрахель и на поручи да на дьяконскій стихарь на оплечьежъ и на уларь и на поручижъ 7 арш. безъ 2 в. камки куфтерю червчатой. — Ноябр. 27 къ царицѣ въ хоромы на лавочные стирки двѣ петки сукна настрафилю лазоревого, отнесъ Ѳед. Ст. Стрѣшневъ. — Дек. 1 къ царицѣ въ хоромы подъ государево ожерелейцо полтретья вершка отласу червчатого, 2½ вер. тафты вишнцейки червчатой, приняла бояр. Катер. Бутурлина. — Дек. 15 къ царицѣ въ хоромы къ лавкамъ на стирки 7 вер. сукна червчатого настрафилю. — Генв. 14 царица пожаловала отцу своему Лукьяну Степановичу 10 золотниковъ шолку червчатого. — Генв. 21 въ свѣтлицу подъ низанье къ камчатому къ бѣлому стихарю на зарукавье 1 ар. безъ 2 в. камки куфтерю червчатой, отнесъ В. И. Стрѣшневъ. - Генв. 22 въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ ансырь 8 зол. шолку бѣлого приняла б. кн. Овд. Коркодинова. — Генв. 28 въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ фунтъ безъ получетверта зол. шолку свѣтлозеленаго, 1 ф. 20 зол. шолку рудожолтово, 1 ф. 10 зол. вишневаго, 1 ф. 1 зол.

жолтово, 1 ф. безъ 4 зол. гвоздичного, да 3 ф. червчатого, лазоревого, зелен.го, приняла онаже. — Февр. 18 въ царицѣ въ хоромы подъ государево ожерелейцо подъ низанье вершокъ съ четью отласу червчатого приняла кн. Ульяна Троекурова. — Февр. 19 въ свѣтлицу къ царицынымъ 2 шапкамъ на поясци цѣвка золота, приняла кн. Овд. Корк. — Февр. 23 тудаже на ширинки 1 ар. 3 вер. тафты виницейки бѣлой; прин. кн. Ов. Корк.—Февр. 25 къ царицѣ въ хоромы на еѣ государынины полотенца на стрепню 5 вер. сукна багрецу червчатого, приняла казначея Варвара Унковская. — Марта 6 въ царицѣ въ хоромы на еѣ государынины полотенца на стрепню вершокъ сукна багрецу. — Марта 11 царицы съ отласного съ жолтого лѣтника вошвы по червчатому отласу шиты золотомъ да серебромъ отнесены на казенной дворъ, а по государеву указу велѣно въ нихъ сдѣлать къ Рожеству Пр. Богородицы, что на сѣнехъ, къ ризамъ оплечье.—Марта 20 въ царицѣ въ хоромы 82¼ арш. объяри таусинной да 1¾ арш. камки жолтой адамашки, принялъ В. И. Стрѣшневъ, а сказалъ объярьми царица пожаловала комнатныхъ боярынь Ирину Никитичну съ товарищи осми человѣкъ, а камку пожаловала ему Василью. — Марта 22 въ царицѣ въ хоромы на царевичевы крестины двѣ пары соболей изо 63 рублевъ (сорокъ), принялъ В. И. Стрѣшневъ. — Марта 27 царица пожаловала Ѳ. С. Стрѣшневу на шапку 9 вер. бархату чорново.—Апр. 21 къ царицѣ въ хоромы 5 арш. сукна настрафилю червчатаго—царица пожаловала портомоѣ Соломонидѣ Одинцовѣ. — Апр. 21 царицѣ Евдокѣи Лукъяновнѣ обшита качель сукномъ багрецомъ червчатымъ да по верхъ сукна бархатомъ червчатымъ гладкимъ, на обшивку сукна пошло аршинъ, а бархату аршинъ полшеста вершка.—Апр. 27 къ царицѣ въ хоромы 3 арш. сукна червчатаго настрафилю, а тѣмъ сукномъ покрыта въ переднихъ сѣнехъ царицына *качель*.—Мая 12 къ царицѣ въ хоромы полотно сарпату розными цвѣты царевичу Алексѣю М. на положекъ.—Мая 13 къ царицѣ въ хоромы изъ кипарисного изъ большого ларца ларчикъ обложенъ серебромъ золоченымъ, а въ него врѣзываны кости рыбьи, съ золотыми, отнесъ Ѳ. С. Стрѣшневъ.—Мая 21 къ царицѣ въ хоромы коробья новгородская съ еѣ съ государыниньмъ вѣнцомъ да съ косникомъ; приняла кн. Овд. Коркодинова. — Іюня 3 въ царицѣ въ хоромы 3 вершка отласу золотнаго по червчатой землѣ травы и опахалы золоты отнесъ дьякъ Сурьянинъ Тораканов, а сказалъ: царица пожаловала Ульяны Ст. Собакиной сыну на ожерелье.—Іюня 4 къ царицѣ въ хоромы 4 пары соболей изъ сорока изъ 20 р., приняла б. Ульяна Собакина, а сказала: царица пожаловала новымъ постельницамъ на каптуры.—Іюня 6 въ царицынѣ въ мастерской полатѣ на поставецъ, на которомъ дѣлаютъ царицыно платье, наслано 4 арш. сукна настрафилю червчатого.—Іюня 12 къ царицѣ 7

вер. бархату червчатого гладкого отнесъ д. Сур. Торок., а сказалъ: царица пожаловала брату своему Семену Лук. на шапку.— Іюня 18 въ государевъ въ Троицкой въ вешней походъ къ ларцомъ на связки 4 ар. покромей лазоревыхъ (и къ коробьемъ на связки еще 4 ар. Іюня 21). — Іюня 19 къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы на потѣшные куклы 2 вер. отласовъ и камокъ розныхъ цвѣтовъ.—Іюля 7 къ царицѣ въ хоромы два ставчика да ложечка троецкихъ отнесъ Ѳ. Ст. Стрѣшневъ.

32. Книги платью кроенье 137 г. — Сент. 12 Ивановѣ женѣ Матюшкина Ѳедосьѣ Лукъяновнѣ подложена шляпа полки отласомъ червчатымъ, а внутри тафтою зеленою виницейкою; отласу пошло 11 вер., тафты 7 вер., да на торочекъ вершокъ тафты свѣтлозеленой.—Сент. 23 царицѣ на большой опашень въ номочь нашито 15 пугвицъ сереб. гладкихъ.—Окт. 4 къ образу Пр. Богородицы, что у государя въ хоромѣхъ, скроено подъ цату серебрену бумажникъ въ отласѣ червчатомъ, пошло пол-аршина.—Окт. 6 скроенъ другой такой же бумажникъ къ тому же образу подъ цату въ отласѣ червч. въ гладкомъ, пошло 8 в.—Нояб. 5 царицѣ скроено въ отласѣ въ червчатомъ шапочной вершокъ подъ низанье, пошло 5 в.— Нояб. 12 царицы переневая шкатулка оболочена бархатомъ зеленымъ, 2 в., да бархатомъ червчатымъ, 2 в., да отласомъ зеленымъ гладкими 3 ар. 7 в.—Генв. 10 царицѣ въ чеботы да въ башмаки обшиты шестеры стельки тафтою виницейкою червчатою, пошло 1 ар.—Генв. 28 въ крымскую посылку къ рукавкѣ запясье подъ шитье въ отласѣ червч. гладкомъ, пошло 5 вер.—Апр. 9 къ рукавкамъ зарукавье подъ шитье въ отласѣ червч. гладкомъ.—Февр. 18 царицѣ скроены двѣ ошивки въ отласѣ червчатомъ подъ низанье, пошло 6 вер.— Февр. 25 на царицыны на большіе на золотные и на серебреные на лѣтники и на тѣлогрѣи скроено въ десяти киндякахъ розными цвѣты шесть чохловъ.—Апр. 29 царицѣ скроено подножье въ розныхъ въ аглинскихъ сукнахъ, въ жолтомъ, въ зеленомъ, въ вишневомъ, да въ темновишневомъ—пошло всякого цвѣту по полуаршину да на подкладку поларшина сукна червчатого багрецу да на поясы и на шитье 4 зол. шолковъ розныхъ цвѣтовъ.—Мая 11 подложена пелена низана жемчюгомъ да шита золотомъ да серебромъ, образъ Пр. Богородицы Казанскіе, отласомъ червчатымъ, пошло 10 вер.—Мая 29 подложена готовая шляпа вдовская отласомъ чернымъ въ отдачу, пошло 9 в.—Іюня 13 царицѣ на кипарисной ларецъ, что съ ея государынными полотенцы, скроено влагалище въ сукнѣ багрецѣ червчатомъ, пошло 1 ар., на подкладку 2 арш. 1 вер. киндяку свѣтлозеленого.—Августа въ 31 день царицѣ Евдокѣѣ Лукъяновнѣ подложена шляпа внутри отласомъ червчатымъ гладкимъ, а полки подложены отласомъ золотнымъ по червчатой землѣ опахала и травы золоты, въ нацвѣтахъ шол-

ки бѣлъ лазоревъ зеленъ, на подкладки пошло отласовъ золотного 7 вер., гладково аршинъ безъ чети.

33. 138 г. Ноября 1, отъ царицы изъ хоромъ принесъ Ѳед. Ст. Стрѣшневъ фонарь слюденъ теремчатъ о девяти верхахъ съ нацвѣты съ розными, по немъ писаны розными краски травы въ кругѣхъ, на травахъ птицы розные, а велѣлъ тотъ фонарь поставить въ царицынѣ казнѣ до еѣ государынина указу.—Мая 12 отъ царевны Ирины изъ хоромъ принесъ дьякъ Сурьянинъ Тороканов достоканъ виницейской бѣлъ по немъ полосы лазоревы косы; да качель обита тафтою червчатою виницейскою, поцѣпка у качели обшита сукномъ да бархатомъ червчатымъ.—Іюня 29, отъ царицы изъ хоромъ принесъ дьякъ Сур. Тороканов ларчикъ ветчанъ окованъ желѣзомъ бѣлымъ съ замкомъ съ нутренымъ, а по сказкѣ боярыни Катерины Бутурлины въ томъ ларцѣ царицы ошивки.

34. Книги расходные 138 г.—Сент. 16 въ свѣтлицу на царицыны на лѣтничные вошвы под низанье 1¼ арш. съ вершкомъ бархату червчатого гладкого. Приняла кн. Овд. Коркод.—Сент. 20 къ царицѣ въ хоромы царевнѣ на потѣхи 30 лоскутковъ золотныхъ отласныхъ и камчатыхъ розныхъ цвѣтовъ.—Сент. 23 въ свѣтлицу ко государевымъ сорочкамъ да къ портамъ на тачки 2 арш. тафты виницейки червчатой.—Сент. 25 царица пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ на починку къ дорогильной къ зеленой тѣлогрѣѣ 7 черевъ лисьихъ бурыхъ, да къ рукавамъ на роставку 4 хребта бѣльихъ, да 9¼ верш. кружива кованово золото съ серебромъ, да на опушку бобрикъ, да 15 пугвицъ серебряныхъ.—Окт. 9 въ свѣтлицу къ опашницѣ на круживо под шитье 2 ар. 2 в. отласу бѣлого.—Окт. 27 къ царицѣ въ хоромы 5 арш. сукна аглинского черново отнесъ Ѳ. Ст. Стрѣшневъ, а сказалъ, то сукно царица пожаловала Аннѣ Замыцкой для того, что она привезла государеву бѣлую казну лучше прошлыхъ лѣтъ бѣлой казны.—Ноября 7, въ свѣтлицу на царевнины на потѣшные куклы вершокъ отласу золотного по лазоревой землѣ, приняла кн. Овд. Корходинова. — Ноябр. 20 въ свѣтлицу подъ низанье потрахиль камка кармазинъ червчата, приняла кн. Овд. Корходинова.—Ноябр. 30 канительщику Юшкѣ Яковлеву для государева дѣла въ передѣлъ гривенка канители золоченой. — Дек. 9, къ г. в. старицѣ инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ въ Вознесенской дѣвичь монастырь царевнѣ Иринѣ на потѣшные куклы 20 лоскутовъ отласныхъ золотныхъ и серебреныхъ и камчатыхъ и тафтяныхъ, приняла старица Олена Языкова.—Дек. 21, въ свѣтлицу на ширинки 12 вер. миткалей, приняла кн. Овд. Корходинова.—Генв. 23, къ царицѣ въ хоромы подъ государево ожерелейцо вершокъ тафты лазоревой виницейки.—Февр. 9, ко государеву ожерелью вершокъ отласу червчатого, да на подкладку 1 в. тафты виницейки лазоревой.—Дек. 7, къ царицѣ въ хоромы полтретья вершка отласу тауснного ей госуда-

рынѣ подъ ожерелье.—Марта 7, въ свѣтлицу на царицыны на ошивки подъ шитье 5 вер. отласу червчатого.—Марта 26, къ царицѣ въ хоромы отласныхъ и камчатыхъ золотныхъ и камокъ цвѣтныхъ и камчатныхъ кизылбашскихъ 58 лоскутовъ большихъ и середнихъ и малыхъ приняла Ульяна Сабакина. Того жъ дни царица пожаловала дьяка Сурьянина Торокановa велѣла ему дати на ожерелье 3 вер. отласу золотного по червчатой землѣ травы и опахала золоты въ цвѣтахъ шолки бѣлъ да лазоревъ.—Апр. 20 въ свѣтлицу подъ шитье на розное оплечье 1 ар. 10 вер. бархату таусинного.—Мая 21 въ царицынѣ мастерской палатѣ къ eѣ государынину стулу на кровлю 1¼ ар. сукна багрецу червчатого.—Мая 26, къ царицѣ въ хоромы къ суремницѣ на подкладку полтретья вершка камки лазоревой куфтерю да 2 арш. бархатели по бѣлой землѣ съ поталью, приняла бояр. Катерина Бутурлина. —Іюля 25 царевны Анны М. на крестины на кашу пара соболей изъ сорока изъ 20 р.

35. Кроенье 138 г. — Ноябр. 7 въ свѣтлицу къ царицынѣ опашницѣ скроены передцы подъ шитье въ тафтѣ въ червчатой винницейкѣ, пошло аршинъ.—Ноябр. 8 царицы на слюденой на большой на теремчатой фонарь скроенъ чехолъ въ суквѣ въ стамедѣ въ червчатомъ, пошло 6 арш. безъ 2 вер. — Марта 28, царевнѣ Иринѣ скроенъ охобень въ объяряхъ червчатыхъ, пошло 3 арш. безъ вершка, на подпушку 12 в. тафты винницейки жолтой, на ожерелье поларшина отласу зеленого гладкого; на охобень нашито полпята аршина кружива серебр. кованого, да въ 9 мѣстѣхъ нашивка серебрена съ кистьми ворворки низаны жемчугомъ да 9 пуговицъ золоты свичаты съ алмазы.— Іюня 19 царицы къ горностайному нагольному кортелю скроенъ пухъ къ вороту въ 2 вершка безъ чети, а около вошевъ и подольника въ 3 вершка безъ чети, на пухъ пошло 6 бобровъ.

36. 139 года.—Окт. 9 отъ государя изъ хоромъ принесъ В. И. Стрѣшневъ блаженные памяти г. царя и в. к. Ивана Васильевича в. Русіи тахтуй по бѣлой тафтѣ шитъ золотомъ да серебромъ клѣтчатъ, по немъ по всемъ пелепелы серебрены золочены, на одномъ углу по той же тафтѣ въ каймахъ репьи шиты золотомъ да серебромъ. И въ томъ тахтуѣ сдѣланы лѣтничные вошвы, а положены тѣ вошвы на царицынъ камчатой на травной на червчатой лѣтникъ.

Ноября 4, царица пожаловала Ивановѣ женѣ Матюшкина Өедосьѣ Лукьяновнѣ велѣла ей дати къ тѣлогрѣѣ на починку въ остаткахъ 3 соболя.—Дек. 3, въ царицынѣ въ мастерской палатѣ въ переднемъ углу обиты стѣны и лавки сукномъ летчиною зеленымъ, пошло 8 аршинъ. — Генв. 27, къ царицѣ въ хоромы на потѣшные царевнины куклы хвостъ бобровой приняла кн. М. Хованская. — Генв. 29, къ царицѣ и къ царевичу и къ царевнамъ въ хоромы къ лавкамъ на стирки 2арш. сукна летчи-

ны зеленой. — Февр. 11 къ царицѣ въ хоромы на кровлю и на подстилку къ еѣ государскому платью полтретья арш. сукна багрецу, приняла кн. Солом. Мезецкая. — Февр. 23, въ свѣтлицу на ширинки 1½ арш. тафты виницейки бѣлой да подъ шитье на подкладку три сорочки крашенинные съ суконъ. — Марта 24. царевны Анны кормилицѣ подъ шапку, по отласу червчатому шита золотомъ да серебромъ, исподъ цки черева бѣльи; да ей же кормилицѣ на подубрусникъ 6 вер. дороговъ червчатыхъ гилянскихъ. — Марта 24 къ царицѣ въ хоромы къ окнамъ на завѣску аршинъ сукна англинского червчатого. — Августа 17, царицы къ постелямъ на кровлю 4 арш. сукна багрецу. — Тогожъ дни царица пожаловала двѣ пары соболей комнатнымъ боярынямъ кн. Марьѣ Пронской да Аннѣ Пушкинѣ.

37. 150 г. апр. 6, съ казеннаго двора шолку таусинного шесть золотникъ съ четью, взято по приказу боярина Бориса Ивановича Морозова: и тогожъ дни по егожъ боярскому приказу въ семъ шолку здѣлана государынѣ царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ кисть къ косику; и тогожъ часу сю кисть взялъ бояринъ Борисъ Ивановичъ и отнесъ въ хоромы къ государынѣ царицѣ.

38. 153 г. Сент. 14, въ свѣтлицу 5 арш. тафты червчатой, приняла Татьяна Скобелцына, а сказала что на государскіе сорочки. — Сент. 17, къ царицѣ въ хоромы 5 арш. сукна червчатого аглинсково. приняла Скобелцына, а сказала, что государыня пожаловала золотной ученицѣ дѣвкѣ Варварѣ Ладоженской. — Сент. 27, къ царицѣ въ хоромы 5 арш. тафты вишневой да 1 арш. 11 вер. бархату рытого чорного, приняла боярыня кн. Марья Аѳ. Хованская, а сказала, что государыня пожаловала Степановой женѣ Стрѣшнева на лѣтникъ. — Сен. 30, отъ дву бобровъ побочины приняла постельница Катерина Соколова, а сказала, что государыня пожаловала Ивашку карлу на опушку къ кафтану. — Окт. 12, къ царицѣ въ хоромы 5 арш. тафты двоеличной вдовской принялъ стол. Ив. Ѳед. Стрѣшневъ Большой. — Окт. 15 туда же 15 ар. сукна червчатого аглинсково приняла Татьяна Скобелцына, а сказала, что г-ня пожаловала тремъ дѣвкамъ золотнымъ ученицамъ Манкѣ Волковой, Катеринкѣ Мироновой, Матренкѣ Петровой, по 5 арш. — Окт. 18, въ хоромы поларшина бархату червчатого принялъ окольнич. Вас. Ив. Стрѣшневъ, а сказалъ, что г-ня пожаловала дочери его на тафью; относилъ Гаврило шапошникъ. — Ноября 4, въ свѣтлицу 2 вер. тафты алой приняла Тат. Скобелцына, а сказала, что подъ царицыно ожерелье. — Ноября 6 къ царицѣ въ хоромы 10 вер. камки таусинной мелкотравой да 5 пупковъ собольихъ приняла боярыня княгиня Марья Аѳанасьевна Хованская, а сказала, государыня пожаловала ей на треухъ. — Ноября 11, государыня царица и в. к. Евдокѣя Лукьяновна пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ восьмь золотниковъ шолку бѣлово. Относилъ къ Аннѣ Костянтиновнѣ на дворъ чеботникъ Вас. Васильевъ. —

Ноября 17 къ царицѣ въ хоромы коверъ мѣрою въ длину 2 ар. 10 в., въ ширину 2 ар. безъ чети, принялъ стол. Ив. Ѳед. Стрѣшневъ Большой, а сказалъ, что г-ня пожаловала дщеря своей царевнѣ Иринѣ.—Дек. 2, царица пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ 21 зол. шолку бѣлово. Относилъ на дворъ Гаврило Савельевъ шапочникъ.—Дек. 9, г-ня пожаловала отцу своему бояр. Лукъяну Степановичу Стрѣшневу цки хребтовые бѣльи съ рукавы, плецкіе. Относилъ на дворъ шапочникъ Гаврило Савельевъ.—Тогожъ дни къ царицѣ въ хоромы 2 зол. шолку таусинного да 3 вер. отласу таусинного да 5 арш. таѳты двоеличной шолкъ вишневъ да зеленъ. Шолкъ и атласъ приняла боярыня Ульяна Степ. Собакина, а сказала, что царицѣ на ожерелье подъ низанье; а таѳту приняла казначея Анна Хитрово, а сказала, что г-ня пожаловала мастерицѣ Марьѣ, что учитъ царевну Татьяну Михаиловну грамотѣ.—Дек. 12 къ царицѣ въ хоромы полтретья вершка отласу червчатого да 4 зол. шолку шемоханского приняла бояр. Ул. Ст. Собакина, а сказала, что шолкъ царевнѣ Аннѣ къ ожерелью на мутовысь (sic).—Генв. 4. ко государю царевичу князю Алексѣю Мих. въ хоромы двои чотки рыбьи да шесть лесенокъ принялъ бояринъ Б. И. Морозовъ.—Генв. 8. къ царицѣ въ хоромы зендень зелена приняла дѣвка нѣмка Овдотья Кошитонова, а сказала, что г-ня пожаловала крестовому Ѳомѣ Борисову.—Генв. 28, къ царицѣ въ хоромы 10 ф. ладону принялъ ок. В. И. Стрѣшневъ, а сказалъ, что г-ня послала въ Солонецкой монастырь съ солонецкимъ же игуменомъ.—Марта 13 къ царицѣ въ хоромы семь зенденей лазоревыхъ да зеленыхъ, приняла казначея Анна Хитрово, а сказала, что г-ня пожаловала крестовымъ.—Марта 20 въ свѣтлицу 10 зол. шолку личново (sic) да 5 арш. таѳты червчатой доброй приняла Тат. Скобелцына, а сказала, что шолкъ для государевыхъ дѣлъ на всякой расходъ, а таѳта на государевы сорочки.—Марта 31 къ царицѣ въ хоромы 5 арш. крашенины лазоревой да 5 арш. холстины, да 3 ар. снурку красново нитного, да 15 пугвицъ оловяныхъ, приняла бояр. кн. Марья Ив. Пронская, а сказала, что то все г-ня пожаловала на тѣлогрѣю карлицѣ Ѳеколкѣ.—Мая 3, г. царица пожаловала отцу своему бояр. Лук. Ст. Стрѣшневу 2 вершка бархату чорново да полтретья вершка камки чорной.—Мая 4, къ царицѣ въ хоромы 10 ар. камки двоеличной шолкъ червчатъ да таусиненъ да пару соболей цѣною 2 руб. Приняла дѣвка нѣмка Овдотья Кошитонова, а сказала, что тоѣ камку и соболи г-ня пожаловала мастерицѣ Марьѣ, которая учитъ грамотѣ царевну Татьяну Мих.—Іюня 20 въ свѣтлицу 5 арш. таѳты червчатой доброй, 10 ар. крашенины лазоревой толстой; приняла Тат. Скобелцына, а сказала, что таѳта на государскіе сорочки, а крашенина къ пяльцамъ на мѣшечки.—Іюня въ 29 день, отъ царицы Евдокѣи Лук-

яновны изъ хоромъ принесъ дiакъ Петръ Арбеневъ фату бѣлу полосату кругомъ фаты кайма червчата, и сказалъ что тоѣ фату выдала ему боярыня княгиня Марья Офонасьевна Хованская, а сказала де ему, что та фата царевны Ирины Михайловны.—Авг. 18 къ государю въ хоромы 16¼ ар. камки бѣлой куфтерю да 18 арш. бархату черново принялъ ок. В. И. Стрѣшневъ, а сказалъ, что камка бѣлая государынѣ ц. и в. к. Евдокѣѣ Лук. на саванъ, а бархатъ черной на выносные сани на покрышку.

39. 153 г.—Сент. 14 по приказу бояр. кн. М. А. Хованской царевны Ирины шкатулка шитая золотомъ, хоромная, обита кружиномъ кованымъ серебрянымъ узкимъ, пошло 3 зол.—Дек. 27 на шкатулкужъ скроено лагалище въ сукнѣ червчатомъ багрецѣ.—Сент. 27 по приказу казначеи Анны Хитрой на казенномъ дворѣ сдѣлано два лѣтника въ дорогахъ жолтыхъ гилянскихъ; подложены крашениною лазоревою, вошвы нашиты бархатъ рытъ по бѣлой землѣ морхъ червчатъ, подольники пришиты киндякъ червчатъ (опушены пухомъ бобровымъ); мѣрою одинъ лѣтникъ—въ длину 2 ар., въ плечехъ аршинъ съ четью, въ подолѣ въ 3 арш. безъ вершка; другой—въ длину 2 ар. 1½ в., въ плечехъ 1 ар. 2 в., въ подолѣ 3 ар. безъ 3 вер..... Да сдѣлана тѣлогрѣя въ крашеиинѣ лазоревой, подложена холстиною, пугвицы нашиты оловянные; мѣрою въ длину 1¼ арш., въ плечехъ 1 ар.; и сент. 30 царица пожаловала дѣвкамъ Марьѣ Скобелцынѣ да Марьѣ Колычовѣ, а тѣлогрѣю карлицѣ Аленкѣ.—Ноября 9 по приказу Тат. Скобелцыной скроена подъ шитье херуговь—середина въ камкѣ червчатой мелкотравой, каймы въ камкѣ лазоревой мелкотравой. Да генв. 27 къ херугови скроены крыльца подъ шитье, два крыльца въ тафтѣ червчатой, а третье крыльцо въ тафтѣ бѣлой. Мая 4 къ херугови прикроена опушка въ отласѣ золотномъ по червчатой землѣ. И мая 20 сеѣ херуговь государыня пожаловала въ соборную церковь Успенія Богородицы, взялъ ключарь Иванъ.—Ноября 18 по приказу боярыни кн. М. А. Хованской царевны Ирины на бархатную червчатую хоромную подушку скроено лагалище въ сукнѣ червчатомъ багрецѣ, пошло ¾ ар., да на подкладку 2¼ ар. киндяку жолтого.—Ноября 28 по приказу казначеи Анны Хитровой на казенномъ дворѣ сдѣланы ризы въ тафтѣ бѣлой, подложены зенденью лазоревою опушены дорогами полосатыми, подпушены зенденью зеленою; а оплечье нашито, снявъ съ царицына тафтяного лѣтника алово, вошвы-отласъ золотной полосатой. Мѣрою ризы въ длину 2 ар. 2 в. И тѣ ризы царица пожаловала въ церковь Николы чуд. Явленсково декабря 1, какъ она государыня ходила молитца.—Дек. 21 по приказу б. кн. М. А. Хованской сдѣланы двѣ шубы въ дорогахъ червчатыхъ гилянскихъ: ожерелья пришиты бобровыя, опушены пухомъ бобровымъ, круживо и петли нашито плетеные

серебреные, да по 9 пугвицъ серебр. бѣлыхъ; исподы подложены черева бѣльи. А мѣрою въ длину по 1 ар. 5 в., въ плечехъ по 1 ар. безъ 5 в., въ подолѣ по 2 ар. 3 в. И тѣ шубы приняла въ хоромы казначея Анна Хитрово, а сказала, что царица пожаловала колматцкимъ дѣвкамъ, которыя взяты въ Верхъ.—Февр. 3 сдѣлано 4 шапки черевьи лисьи черные по образцу, да пятая шапка въ вышину шести вершковъ; государыня пожаловала дѣвкамъ.—Марта 31 скроена въ отдачу тафья въ бархатѣ чорномъ, пошло 4 вер., на подкладку киндяку лазоревого 4 в., нашито кружива кованого серебр. на нижнюю кайму 1 ар. безъ 2 вер. на верхнюю кайму кружива такогожъ узкого 1 ар. безъ 3 в., въ хоромы приняла Анна Хитрово.—Апр. 15 скроены въ цареградскую посылку подъ шитье два запясья въ отласѣ червчатомъ. Пошло пол- 7 вер. Шиты запясья золотомъ и серебромъ. — Апр. 27 по приказу казначеи Анны Хитрой сдѣланы три лѣтника въ сорочкахъ крашенинныхъ съ поталью. И тѣ лѣтники государыня пожаловала дурамъ Аринкѣ да Дункѣ татаркѣ, да Манкѣ. — Іюля 1 по приказу боярина Б. И. Морозова скроена подъ шитье плащеница середина въ камкѣ лазоревой куфтерѣ, каймы въ камкѣ зеленой куфтерѣжъ. — Іюля 9 по его же приказу скроена подъ шитье другая плащеница (такая же). — Іюля 10, по приказу Тат. Скобелцыной подложенъ покровецъ шитой, церковныхъ сосудовъ, камкою зеленою мелкотравою, а на покровцѣ вышито въ лицахъ Агнецъ. — Іюля 29 до приказу дѣвки Овдотьи Коиптоновы скроенъ въ отдачу бумажникъ да изголовье, верхніе наволоки въ дорогахъ черныхъ, а исподніе въ полотнѣ тверскомъ, пошло по 15 ар.; да бумаги хлопчатой въ настилку пошло 10 ф., да въ зголовье пуху сѣрого 5 ф. Іюля 30 приняла въ хоромы нѣмка жъ Овдотья Коиптонова, а сказала, что государыня пожаловала боярынѣ Ульянѣ Ѳед. Романовой. — Іюля 30 по приказу Тат. Скобелцыной скроенъ покровецъ подъ шитье середина въ камкѣ червчатой куфтерѣ, каймы въ камкѣ лазоревой куфтерѣжъ.—Авг. 17 по памяти изъ приказу Большого Дворца скроено подъ шитье въ крымскую посылку запясье въ отласѣ червчатомъ; шито золотомъ и серебромъ.

40. 155 г. февр. 7 дуркѣ Катеринѣ сдѣлана тѣлогрѣя въ выбойкѣ по лимонной землѣ, пошло 8 ар. 1 вер., по 5 алт.: на подкладку 8 арш. холста по 4 денги арш.; пришито 15 пугвицъ оловянныхъ, 2½ деньги, петли снуровъ гарусной 2½ денги; около круживо *искит* (исткн?) съ суконъ (sic) мишурные 10 д.—Февр. 11 по приказу бояр. Б. И. Морозова сдѣланъ лѣтникъ въ камкѣ черной клѣтчатой, пошло 11 ар., по рублю, подолникъ 6½ вер. тафты зеленой, на подкладку 14½ арш. киндяку вишневого; въ опушкѣ пухъ 2 р.; на вошвы 1 ар. 1 в. бархату таусинного мѣстами травки золоты круглые и копытца. Шубка столовая сукно черно фрясвое, пошло 5 арш. по 2 р., на подпушку тафты тмозеленой.... Каптуръ соболей, пошло па-

ра соболей 10 р., пара—7 р., соболь 3 р., да бобръ 5 р. колскихъ; два звена пуху черненыхъ, да звенцо накладки; на вершокъ миткалей широкихъ 6 вер., да на повязку поларшина полотна литовского 6 денегъ. И тотъ лѣтникъ и шубку и каптуръ взнесъ въ государеву мастерскую полату дьякъ Гр. Панкратьевъ, а принялъ постельничей Михаило Алекс. Ртищевъ, а сказалъ, что тѣмъ лѣтникомъ и шубкою и каптуромъ пожаловалъ государь дочь его.

155 г. февр. 9 къ царицынымъ санямъ на станичные шлеи и на побочи и на узды и на обшивку да на дыхло и на приступъ и на колодку на обивку 62 ар. бархату червчатого. На стулы въ тѣже сани 4 ар. сукна багрецу, на подстилку половинка сукна лятчины черленой, на миндери шесть сафьяновъ черленыхъ. Въ государынины сани на зголовейцо въ прибавку 2 арш. отласу золотного.

41. Верхній относъ 156 г. — Сент. 2, ко государынѣ царевнѣ и в. к. Аннѣ М. въ хоромы 7 вершковъ тафты червчатой приняла боярыня княгиня Марья Ивановна Пронская, а сказала, что тое тафту царевна пожаловала ей. — Сент. 13, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы вершокъ съ четью отласу золотнаго по червчатой землѣ приняла кн. Марья Ив. Пронская, а сказала, что царевнѣ на потѣху. — Сент. 18, къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы хребтовъ бѣльихъ въ длину 2½ вершка, поперегъ 3 арш. приняла дѣвка Марфа Голохвастова, а сказала, что тѣ хребты бѣльи царевна пожаловала ей. — Окт. 8, для государевыхъ дѣлъ въ свѣтлицу 18 зол. шолку шемаханского да аршинъ кпндяку лазоревого приняла княгиня Овдотья Коркодинова. — Окт. 26, въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ 4 сорочки крашенинныхъ съ сукомъ приняла кн. Овд. Коркодинова. — Къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы шапка горлатная лисья черная, цѣною 12 руб., приняла казначея Василиса Пятово, а сказала, что тое шапку царевна пожаловала дѣвкѣ Марѳѣ Голохвастовѣ. — Окт. 27, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы литра золота приняла боярыня кн. М. И. Пронская. — Ноября 17, въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ 30 зол. шолку темновишневого, по 20 зол. шолку темнолимонного, зеленого, 10 зол. шелку тауснново да по четверти вершка бархату да отласу червчатаго да сорочка съ сукомъ крашенинная. Тогожъ дни въ свѣтлицу по 30 зол. шолку темногвоздичного да зеленого, да 45 зол. шолку сѣрого приняла кн. Овд. Коркодинова, а сказала, что тотъ шолкъ на покровъ, для шитья, Савы Сторожевскаго. — Нояб. 20, въ свѣтлицу 4 цѣвки золота да 8 зол. шолку рудожелтаго приняла кн. Овд. Коркод. а сказала, что золото и шолкъ на каймы къ покрову Савы Сторожевского. — Ноябр. 24, въ свѣтлицу 20 зол. шолку темногвоздичного, приняла кн. Ов. Корк. — Нояб. 25, въ свѣтлицу 4 цѣвки золота да 8 зол. шолку рудожелтого приняла кн. Овд. Коркодинова, а сказала, что на каймы для шитья къ покрову Савы Сторожевскаго. — Нояб. 27, къ царевнѣ Иринѣ

въ хоромы 1¾ вер. отласу таусинного да 2 зол. шелку таусиннового приняла Анна Травина государю подъ ожерелье. Тогожъ дни въ свѣтлицу 2 ар. 9 вер. камки лазоревой куфтерю да 3 ар. 3 вер. тафты червчатой да по 2 зол. шолку темновишневого да зеленого, да по золотнику шолку рудожелтово да лазоревого приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что на камку нашита середина старая покрова Савы Чуд. Сторож., тафта на подкладку подъ тотъ же покровъ, а шелки на шитье къ покровужъ.—Дек. 13, въ свѣтлицу 2 ар. тафты червчатой приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что та тафта на государскія сорочки.—Дек. 15, въ свѣтлицу 5 зол. шолку бѣлого, рудожелтого, червчатого, и въ томъ шолку соткано 10 ар. безъ чети поясковъ къ царевниннымъ тѣлогрѣямъ на спурки и на петли.—Дек. 19, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы пол-шеста вершка бархату зеленого да 2 зол. шелку шемоханского, приняла бояр. кн. М. И. Пронская, а сказала, что бархатъ подъ образъ Николы чуд. *моленія* царевны Анны.— Дек. 26, въ свѣтлицу 6 ар. тафты бѣлой, приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что та тафта на ширинки.—Генв. 5, въ свѣтлицу 6 литръ золота приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что то золото къ ширинкамъ па кпщенья.—Генв. 8, въ свѣтлицу цѣвка золота да 2 зол. шолку червчатого, и въ томъ золотѣ и въ шолку царевнамъ на чеботы соткано 9 арш. поясковъ.—Генв. 9, въ царицыну мыленку для обивки вставней и втулокъ окошечныхъ и дверей 7 ар. 6 вер. сукна червчатого аглинского, взялъ истобничей Александръ Борковъ. Тогожъ дни постельничей Михаило Алексѣевичь Ртищевъ взялъ на царицыно на запасное стольчяковое мѣсто аршинъ 5 вер. сукна червчатого аглинсково.—Генв. 14, въ свѣтлицу пара соболей цѣною въ 7½ руб. да аршинъ 2 вер. тафты червчатой, приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что соболи на царицыны бѣлыя на двѣ кики на задки, а тафта къ тѣмъ же кикамъ на лепести.—Генв. 15, къ царицѣ Марьѣ Ильичнѣ въ хоромы фунтъ 14½ зол. мыла грецкого принялъ постельничей Михаило Алексѣевичь Ртищевъ, а сказалъ, что то мыло про государыню царицу.—Генв. 16 къ царицѣ въ хоромы аршинъ тафты червчатой принялъ постельничій М. А. Ртищевъ.—Генв. 17, къ царицѣ въ хоромы поларшина сукна багрецу принялъ постельничей,—а сказалъ, что то сукно на стряпню казначеѣ. Тогожъ дни къ царицѣ въ хоромы 2 ар. 10 в. сукна багрецу приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова, а сказала, что на покрыванье государыни царицы платья.—Генв. 24, къ царицѣ въ хоромы три сорока соболей цѣною одинъ въ 70 р., другой въ 50 р., третій въ 30 р., принялъ окольничій Илья Данил. Милославской, а сказалъ, что тѣми соболями царица пожаловала боярина Б. И. Морозова да жену его Анну Ильичну.—Генв. 26, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы аршинъ полшеста вершка дороговъ червчатыхъ гилянскихъ да сукна багре-

цу въ длину 2 ар. 2 вер., поперегъ аршинъ съ четью, приняла бояр. кн. М. И. Пронская, а сказала, что дороги въ писаному царевнину ларцу на подкладку, а сукно на столъ для покрыванья.—Февр. 22, къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы 7 арш. камки индѣйской серебряной по алой землѣ да 5¼ зол. шолку шемоханского, приняла казначея Василиса Пятово, а сказала, что камка на фаты.—Февр. 23, къ царицѣ въ хоромы 20 арш. тафты вдовской розными цвѣтами да киндякъ зеленъ да бобръ цѣною въ 6 р. приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова. Тогожъ дни по приказу (царицына) дворецкого Прокофья Өедор. Соковнина взяли истобничіе Александръ Борковъ да Иванъ Скорятинъ два ковра, одинъ золотной, а другой цвѣтной, золотной мѣрою въ длину 4 арш. безъ чети, поперегъ 2 ар. 3 вер.; цвѣтной въ длину 4 ар. 5 вер., поперегъ 3 ар., а сказали, что тѣ ковры постилать подъ мѣсто государыни царицы Марьи Ильичны, какъ она государыня бываетъ у церкви у пѣнія. Тогожъ дни въ свѣтлицу 7 арш. 3 вер. крашенины лазоревой приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что крашенина къ пяльцамъ намѣнечки.—Февр. 24, по приказу Прокофья Өедор. Соковнина судовой Иванъ Текутьевъ взялъ ложку каповую, сказалъ, что та ложка крайчей, чѣмъ накушивать передъ государынею царицею кушенье.—Февр. 29, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы по 2 зол. шолку бѣлово да рудожолтово приняла бояр. кн. М. И. Пронская, да онажъ приняла 10 зол. шолку шемаханского, а сказала, что тотъ шолкъ царевнѣ на поясъ. Къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы 27 арш. 6 вер. тафты бѣлой приняла казначея Василиса Пятово, а сказала, что тафта царевнамъ на сорочки, да онажъ приняла 2 зол. шолку бѣлого.— Марта 3, къ царицѣ въ хоромы полбобра (а потомъ цѣлый бобръ) принялъ Пр. Өед. Соковнинъ, а сказалъ, что г. царица пожаловала окольн. Ив. Андр. Милославскому.—Тогожъ дни въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ 48 зол. шолку личного приняла кн. Овд. Өедор. Коркодинова.—Марта 13, къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы 14½ зол. шолку шемаханского приняла казначея Вас. Пятово, а сказала, что царевнѣ на поясъ.—Мар. 15, къ царицѣ въ хоромы 12 ар. тафты алой да 10 ар. камки червчатой куфтерю, да 7 вер. отласу червчатого, приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова, а сказала, что тафта государынѣ на сорочки, отласъ подъ два шляпочные снуры подъ низанье.—Марта 18, къ царицѣ въ хоромы двѣ ложки каповыя принялъ Прокофей Өед. Соковнинъ. Тогожъ дни къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы ложка каповая; приняла казначея Василиса Пятово.—Марта 19, къ царицѣ въ хоромы ложка каповая, да двѣ ложечки красныхъ маленкихъ да братинка корѣлчатая; принялъ Пр. Өед. Соковнинъ, а сказалъ, что то все государыня пожаловала Татьянѣ Григорьевнѣ Милославской.—Марта 20, въ свѣтлицу цѣвка золота да 3 зол. шолку червчатого; и въ томъ золотѣ и въ шолку соткано поясковъ царевнамъ на чо-

боты мѣрою 10 арш.—Марта 22, въ свѣтлицу 2 вершка отласу черчатого приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что тотъ отласъ государю подъ ожерелье.—Март. 23, къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы 15 киндяковъ розныя цвѣтами, да 3 верш. тафты алой, приняла казн. Вас. Пятово, а сказала, что тѣ киндяки царевны пожаловали верховымъ дѣвкамъ и карлицамъ.—Мар. 30, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы 1 ар. 6 вер. кружива кованово серебряного да золотникъ шолку зеленого, да четь арш. камки алой куфтерю, да четь арш. бархату зеленого. Круживо и шелкъ и камку приняла княжна Марья Шеховская, а бархатъ приняла казначея Гликерья Торжнева, а сказали, что подъ образъ Воскресенія Христова *моленія* царевны Анны Мих.—Іюня 11, къ царицѣ въ хоромы 6 литръ золота; Іюня 13, литра серебра, приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова.—Іюля 2, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы 2 ар. безъ 3 вер. отласу золотного по черчатой землѣ, да 3 ар. безъ 6 вер., отласу золотного по серебряной землѣ, да аршинъ кружива кованова серебреного голуну, да аршинъ тафты жолтой, приняла княжна Марья Шеховская, а сказала, что то все на два покровца.—Іюля 11, въ свѣтлицу для государева дѣла 3 вер. отласу черчатого да цѣвка золота; отласъ приняла боярыня княгиня Овд. Корводинова, а цѣвку—мастерица Ульяна Яхонтна, а сказала, что то золото на покровъ на шитье къ Савѣ Чуд. Сторожевскому.—Іюля 24, въ свѣтлицу по полфунта шолку бѣлово да рудожолтово приняла бояр. кн. Овд. Корк., а сказала, что тотъ шолкъ на покровъ Савы Чудотворца.—Іюля 27, въ свѣтлицу 2 ар. безъ чети отласу бѣлого приняла б. кн. Овд. Корк., а сказала, что тотъ отласъ г. царицѣ на вошвы подъ шитье.—Авг. 8, въ свѣтлицу 6 вер. отласу бѣлово приняла б. кн. Овд. Коркод. а сказала, что тотъ отласъ г. царицѣ къ чеботамъ переды подъ шитье.—Авг. 9, въ свѣтлицу 10 зол. шолку гвоздичного да цѣвка серебра, шолкъ приняла мастерица Катерина Заворова, серебро мастерица Домна Волкова, а сказала что шолкъ на Спасову пелену на шитье, а серебро на покровъ Савы Чуд.—Авг. 12, въ свѣтлицу 5 вер. отласу жолтого, приняла б. к. Овд. Коркод, а сказала, что царицѣ на чеботные переды подъ шитье.—Авг. 13, къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы четь арш. камки черчатой куфтерю, да пол-девята верш. камки куфтерю зеленово; приняла казначея Вас. Пятово, а сказала, что та камка на покровецъ.

42. Книга кроильная государыни царицы и в. к. Марьи Ильичны 156 года.—Генваря 9, государынѣ царицѣ и в. к. Марьѣ Ильичнѣ сдѣлано стольчаковое судно, сукна багрецу на то судно на оболочку пошло 2 арш. безъ 2 вер., да въ настилку пошло 2 ф. бумаги хлопчатой да на шитье пошло золотникъ шолку.—Генв. 12, царицѣ скроены трои башмаки да двои ичедоги въ отласѣ черчатомъ, въ бѣломъ, въ аломъ. Отласу въ кроенье въ башмаки и въ ичедоги черчатого и алово по-

шло по аршину по 6 вер., а въ бѣлые башмаки отласу пошло 9 верш. Да на червчатые и алые башмаки и ичедоги нашито круживо кованово серебреное узкое, пошло полсема аршина; на бѣлые нашито круживо золотное кованое, пошло 1 ар. 10 вер.; да на обвивку къ коблукамъ по 5 арш. золота; къ башмакамъ да на верхи къ ичедогомъ пошло 6 вер. отласу жолтово; да на подкладку подъ башмаки и подъ ичедоги пошло аршинъ 9 вер. тафты червчатой. Да подъ башмаки подбиты скобы серебреные бѣлые. Да на шитье пошло 3 зол. шолку. Тогожъ дни царицѣ скроены четверы чулки, двои въ камкѣ червчатой мелкотравой, да двои чулки въ отласѣ червчатомъ. Камки и отласу въ кроенье пошло по $2\frac{1}{4}$ арш. Одни камчатые подложены тафтою лазоревою пошло 9 вер.; подъ другіе камчатые подложенъ исподъ черева бѣльи; подъ отласные одни подложенъ исподъ пупчатой соболей, пупковъ пошло 42 пупка; а другіе подложены тафтою лазоревою, пошло 9 вер.; да на шитье пошло 3 зол. шолку.—Генв. 13, царицѣ скроенъ лѣтникъ въ отласѣ бѣломъ, отласу въ кроенье пошло 10 ар. 9 вер. да на подкладку пошло 6 ар. съ полуаршиномъ тафты бѣлой: да на подольникъ пошло аршинъ безъ 2 вер. отласу червчатого: да на тотъ же лѣтникъ нашиты вошвы шиты по отласу червчатому золотомъ и серебромъ травы, межъ травъ косы, въ травахъ, и въ косахъ аксамичено въ цвѣтахъ шолкъ зеленъ и лазоревъ, а выданы тѣ вошвы изъ хоромъ въ прошломъ во 155 г. Сент. 11; да на пухъ скроено полтора бобра; да на шитье полтретья зол. шолку.—Генв. 14, на бархатную червчатую шубку нашивано круживо съ оламами: около оломовъ низано жемчугомъ; шолку пошло на шитье $1\frac{1}{2}$ зол.. Да на тоежъ шубку нашито 14 пугвицъ золоты съ чернью въ закрѣпкахъ по искоркѣ алмазной. Тогожъ дни царицѣ скроены чюлки въ отласѣ бѣломъ: отласу пошло $1\frac{1}{4}$ арш.; да исподъ подкроено черева бѣльи. Тогожъ дни царицѣ скроена тѣлогрѣя въ отласѣ рудожелтомъ, по немъ травки невелики; отласу въ кроенье пошло 9 арш., да исподъ подкроенъ черева лисьи съ руканы: да на тоѣже тѣлогрѣю нашито 9 арш. 6 вер кружива кованово золото съ серебромъ; да на пухъ скроено бобръ; да 15 пугвицъ серебреныхъ золоченыхъ съ финифты. Тогожъ дни царицѣ скроены двѣ тѣлогрѣи, одна въ отласѣ червчатомъ, другая въ отласѣ бѣломъ, пошло по 9 ар.; на червчатую нашито круживо плетеное золото съ серебромъ широкое, пошло 10 ар.; на бѣлую нашито круживо кованое золотное, пошло 9 ар. 6 вер.; подъ червчатую исподъ подложенъ цки горностайныя, а подъ бѣлую пупки собольи; да на пухъ скроено на обѣ тѣлогрѣи два бобра; да нашито по 15 пугвицъ серебр. золоч. съ финифты. Тогожъ дни царицѣ скроены чеботы въ отласѣ бѣломъ, отласу въ кроенье пошло 1 ар. 6 вер. да на верхи нашито 3 верш. отласу червчатого; да по швамъ нашито 3 арш. съ четью кружива кованова золотново узково, да къ коблукомъ на обвивку пошло

5 арш. золота да на подкладку пошло 11 верш. тафты червчатой; да скобы подъ чеботы серебреные.—Генв. 16, царицѣ скроенъ лѣтникъ въ тафтѣ бѣлой, пошло полшеста арш., да на подкладку полсема арш. тафты лазоревой, да на подольникъ 7 вер жолтой тафты, да на пухъ скроено бобръ, да на вошвы пошло 1 арш. 2 вер. отласу золотново по серебреной землѣ. Тогожъ дни царицѣ скроена тѣлогрѣя въ тафтѣ бѣлой, пошло полпята арш.: подкроенъ исподъ черевей бѣлей; нашито 9 арш. кружива кованое серебряное узкое, да 15 пугвицъ серебрены золочены, да на пухъ скроено полбобра.—Генв. 22, царицѣ скроены двои чеботы, одни въ бархатѣ по золотной землѣ травы шолки розные цвѣтные, а другіе въ бархатѣ цвѣтномъ по жолтой землѣ травы и звѣри и птицы шелкъ червчатъ; на подкладку пошло подъ обои чеботы аршинъ тафты червчатой, да на верхи пошло по 3 верш. отласу, на золотные червчатого, на цвѣтные жолтого, да по швамъ 6 арш. кружива серебр. узкого, да (на) обвивку къ каблукамъ 10 арш. золота; да подъ тѣжъ чеботы подбиты скобы серебреные.— Генв. 23, скроена шубка накладная въ камкѣ кизылбаской по золотной землѣ травы шолкъ червчатъ, бѣлъ, лазоревъ пошло 7 арш. безъ 2 вер.; на подкладку—7 арш. 7 вер. дороговъ рѣскихъ. Тогожъ дни скроенъ лѣтникъ въ обьяри по бѣлой землѣ по ней травки золотные, пошло $10\frac{1}{2}$ арш., на подкладку полсема арш. тафты червчатой; на подольникъ 1 ар. безъ 2 вер. отласу червчатого; на пухъ скроенъ бобръ съ четью; вошвы нашиты нѣмецкое дѣло дѣланы по отласу червчатому золотомъ волоченымъ съ канителью золоченою гладкою цвѣтною въ травахъ низано жемчугомъ мелкимъ, межъ травъ нашиты звѣздки и репейки канительные цвѣтные, въ репьяхъ зерна жемчужные.— Генв. 24, царицѣ скроены чеботы въ бархатѣ червчатомъ гладкомъ; пошло 1 ар. 2 в.; на подкладку пошло пол-аршина тафты червчатой да на верхи 3 вер. отласу жолтого; нашито по швамъ 3 ар. кружива кованово узково, на обвивку къ каблукамъ 5 ар. золота; подъ чеботами скобы серебрены. Тѣ чеботы къ царицѣ въ хоромы принялъ постельничей Михаило Олексѣевичъ Ртищевъ, а сказалъ государыня пожаловала боярина Борисовѣ женѣ Ивановича Морозова Аннѣ Ильичнѣ.—Генв. 27, въ церкви Христовы Мученицы Екатерины, что въ Верху обито мѣсто сукномъ, государыни царицы, гдѣ она государыня ставитца; сукна багрецу пошло въ длину 3 арш. безъ 3 вер., поперегъ 2 ар. безъ 6 вер.—Февр. 2, царицѣ скроена шубка накладная въ отласѣ по алой землѣ, по немъ травы золоты, промежъ травъ листки и репейки серебреные; пошло 10 ар. безъ 5 в., въ запасѣ 1 в., на подкладку 4 ар. 6 в. тафты жолтой, на шитье 2 зол. шолку.—Февр. 2, царицѣ скроена тѣлогрѣя въ объери по серебреной землѣ листье и травы золоты въ травахъ шолки разныхъ цвѣтовъ въ кроенье пошло 10 ар.; на подкладку $4\frac{1}{2}$ ар. тафты червчатой; на подпушку $1\frac{1}{2}$ ар.

камки желтой мелкотравой; нашито 10 ар. безъ 5 в. кружива кованово золотново широково Воробьева дѣла, да 20 пугвицъ серебр. золоч. съ финифты розными. — Февр. 14, царицѣ скроенъ треухъ соболей, верхъ въ отласѣ червчатомъ, пошло 1 ар. безъ чети, да на лепестки пошло 2 в. тафты червчатой, а исподъ выданъ соболей изъ хоромъ. — Марта 6, царицѣ скроены башмаки въ сафьянѣ жолтомъ, пошло четверть сафьяна; на тачку золотникъ шолку червчатого; на обвивку къ каблукамъ 15 арш. золота; а кружива не нашивано. Государыня пожаловала матери своей боярынѣ Катеринѣ Ѳедоровнѣ Милославской. -- Марта 12 на бархатную червчатую шкатулу (царицы) скроено лагалище въ сукнѣ багрецѣ, пошло $1\frac{1}{4}$ ар., на подкладку 3 ар. 5 в. киндяку зеленого, на шитье золотникъ шолку. — Апр. 23, царицѣ скроенъ опашень въ сукнѣ скорлотѣ червчатомъ, сукна моченого пошло 4 ар. 9 в.; на подкладку 6 ар. тафты лазоревой; нашито 9 ар. 3 вер. кружива кованова серебреного широкого съ пелепелы; да такоже узкого $9\frac{1}{2}$ ар., да на петли тогожъ кружива пошло 15 арш. (На другой подобный же нашито 15 пугвицъ серебр. золоч. чеканное дѣло). -- Мая 2, царицѣ скроены на чеботы образцы подъ низанье въ отласѣ червчатомъ, пошло 5 вер. — скроены чеботы въ отласѣ жолтомъ, пошло 1 ар. 1 в.; на верхи 3 вер. отласу червчатого по швамъ нашито опричь передовъ 2 ар. кружива кованого серебр. широкого; на подкладку пошло полдевята вершка тафты червчатой. На переды нашиты образцы по отласу червчатому низаны жемчугомъ. — Мая 11 скроена тѣлогрѣя въ отласѣ бѣломъ, пошло 10 ар., на подкладку $4\frac{1}{2}$ ар. тафты бѣлой; подпушки $1\frac{1}{2}$ ар. камки червчатой мелкотравой; нашито 10 ар. кружива кованого золотного широкого съ пелепелы; 20 пугвицъ серебр. золоч. съ финифты въ закрѣпкахъ по искоркѣ червчатой. Государыня пожаловала боярина Борисовѣ женѣ Ивановича Морозова Аннѣ Ильичнѣ. — Іюля 5, скроенъ царицѣ лѣтникъ въ отласѣ золотномъ виницейскомъ по червчатой землѣ травы и листье золоты да серебрены, пошло 10 ар. безъ вершка; на подкладку $6\frac{1}{2}$ арш. тафты жолтой, на подольникъ 1 ар. 1 в. отласу жолтово, вошвы пришиты по бархату черному дѣланы канителью и трунцаломъ и бганью травы, промежъ травъ звѣри и птицы да вшиваны звѣздки золоченые. Да на тотъ же лѣтникъ скроенъ чехолъ въ киндякѣ лазоревомъ, пошло 13 арш.—Іюня 25, царицы у отласнаго бѣлово лѣтника перемѣнены крыльца для вошевъ, что малы, отласу на крыльца пошло аршинъ безъ 2 вер. — Авг. 12, царицѣ скроена приволока въ тафтѣ червчатой, пошло 4 ар. безъ 3 вер.; 10 пугвицъ серебр. золоч. вольячные, да на ожечье нашито по отласу червчатому низаны жемчугомъ большимъ; на пухъ скроенъ бобръ безъ чети.

43. Книга *кроильная* царевенъ Ирины, Анны, Татьяны Мих. 156 г. --- Сент. 14, государынимъ царевнамъ скроено по чул-

камъ въ тафтѣ червчатой, пошло 2 ар., исподы подкроены черевьи бѣльи, на шитье пошло 3 зол. шолку. — Окт. 23, царевны Ирины починивано одѣяло пупчатое соболье, что подъ тафтою червчатою, грива тафта бѣла. — Нояб. 22, царевнамъ Аннѣ и Татьянѣ скроено по чеботамъ въ сафьянѣ жолтомъ, нашито по швамъ по 3 ар. понеку шолкъ красной съ золотомъ, на верхи по 3 в. атласу червчатаго, на обвивку къ каблукомъ по 5 арш. золота. — Генв. 10, царевнѣ Иринѣ на старой пуховикъ вмѣсто старой камчатой червчатой мелкотравой наволоки скроена новая наволока въ камкѣ червчатой мелкотравой, пошло 12 ар. да къ исподней подкладкѣ въ прибавку пошло 4 ар. полотна тверского на шитье золотникъ шолку. — Марта 11, царевнѣ Татьянѣ Мих. на перевязку вязаную; что (съ) городы скроено логалище въ тафтѣ червчатой, пошло 2 в. да на подкладку киндяку зеленого 4¾ вер. — Апр 29, царевны Анны Мих. на стольчаковое новое судно сукна багрецу на оболочку 2 арш. безъ чети да въ настилку пошло 2 ф. бумаги хлопчатой. — Мая 15, царевнѣ Татьянѣ Мих. скроены на пуховикъ да на зголовье, да на подушку наволоки въ камкѣ червчатой мелкотравой, пошло 16 ар., въ пуховикъ въ прибавку 3¾ ф. пуху гусиннаго бѣлаго.

44. 156 г. ноября 2, по приказу казначеи Василисы Пятово велѣно нашить на казенномъ дворѣ на шубу тафтяную рудожелтую, что на черевехъ бѣльихъ, круживо и нашивку сербреное плетеное, да вычинить двѣ шапки черевьи лисьи, а сказала, что шуба княжны Ирасковьи Колмыцкой, а шапка одна Настки Поповой, а другая Манки карлицы. — Дек. 8, по приказу казначеи Вас. Пятово сдѣлана на Казенномъ дворѣ тѣлогрѣя въ крашенинѣ лазоревой на черевехъ заячьихъ опушена пухомъ бобровымъ, пугвицы нашиты оловяныя: мѣрою въ длину аршинъ съ вершкомъ, въ плечехъ 11 вер., въ подолѣ 1¾ ар., а сказала, что тое тѣлогрѣю царевна пожаловала дѣвкѣ карлицѣ Анюткѣ Быку. — Дек 19, по приказу Анны Борисовны Травиной сдѣлано на портомойные сани сукно, въ сукнѣ червчатомъ моченомъ настрафилѣ, подложено крашенниною лазоревою: на сукно нашито образцы сафьяные: мѣрою въ длину полшеста аршина поперекъ межъ покромей 2¾ арш.. — Дек. 24, по приказу казначеи Вас. Пятово сдѣлано 4 тѣлогрѣи, одна въ зендени лазоревой, а три въ крашенинѣ, лазоревой, исподы черевьи заячьи опушены пухомъ бобровымъ, пугвицы оловяныя, приняла казн. В. П., а сказала, что зендениную тѣлогрѣю царевна Ирина пожаловала княжнѣ Ирасковьѣ Калмыцкой, а крашенинныя карлицамъ Аленкѣ, Манкѣ, Анюткѣ Быку. — Ген. 13, скроена шубка накладная въ отдачу въ сукнѣ скорлатѣ бѣломъ, пошло 4¾ ар., на подпушку 1¼ ар. тафты червчатой. Тое шубку государь пожаловалъ стрянчего Iева Голохвастова женѣ Матренѣ. — Февр. 4, по приказу боярина Ильи Данил. Милославскаго матери его Марьи Семеновны къ каптуру сдѣлавъ но-

вой пухъ, пошло бобръ безъ трети; на тотъ пухъ нашито звено пуху накладново.—Марта 3, по приказу кравчей Анны Мих. Вельяминовы сдѣланы двои ризы дорогильные зеленые, да два стихаря подризныхъ киндячныхъ, да стихарь дьяконской въ дорогахъ зеленыхъ, да двѣ потрахели, трои поручи, уларь, въ камкѣ двоеличной индѣйской, пугвицы сереб. бѣлые, кисти шолковые. И то все принялъ бояринъ Илья Дан. Милославской, а сказалъ, что то все государыня пожаловала въ церковь Преч. Богородицы Страстной, что за Тверскими вороты.—Марта 4, по приказу боярыни Ульяны Степановны Собакины сдѣлано 2 тѣлогрѣи въ камкѣ индѣйской двоеличной шолкъ червчатъ да жолтъ, подложены крашениною; кружива плетеные сереб., пугвицы сереб. бѣлыя. Мѣрою одна въ длину 2 ар. безъ вершка; въ плечехъ 1 ар. безъ 1½ в., въ подолѣ 3 ар. безъ чети; другая дл. 1 ар. 14½ в., въ плечехъ 1 ар. безъ 1½ в., въ подолѣ 2 ар. 12 в., а сказала, что царевны пожаловали дѣвкамъ княжнѣ Марьѣ да княжнѣ Аннѣ Шеховскимъ.—Марта 24, по приказу боярыни кн. Марьи Ив. Пронской царевны Анны на писаной ларецъ скроено лагалище въ сукнѣ аглинскомъ червчатомъ, пошло поларшина, на подкладку аршинъ киндяку зеленого.—По приказу казначеи Вас. Пятово сдѣлано 7 тѣлогрѣй, одна въ камкѣ, круживо серебряное плетеное, 10 пугвицъ сереб. бѣлыхъ; другая въ дорогахъ, круживо мишурное, пугвицы оловяные; 5 въ киндякахъ розныхъ цвѣтовъ подложены крашениною и холстиною, пугвицы оловяныя; да 2 тѣлогрѣи въ киндякахъ исподы черевьи бѣльи, да двѣ тѣлогрѣи въ крашенинѣ подложены холстиною, пугвицы оловяныя. Государыни царевны *пожаловали* верховымъ дѣвкамъ.—Марта 27, по государеву указу сдѣлана шубка накладная въ отласѣ золотномъ по сереб. землѣ, подложена дорогами червчатыми гилянскими; лѣтникъ въ камкѣ кизылбаской золотной по червчатой землѣ, подложенъ киндякомъ, подольникъ пришитъ дороги жолты гилянскія, опушенъ пухомъ бобровымъ: вошвы нашиты отласъ золотной по серебряной землѣ. Да двѣ тѣлогрѣи, одна въ камкѣ червчатой травной нѣмецкой, другая въ камкѣ двоеличной индѣйской шолкъ червчатъ да жолтъ, подложены киндякомъ, подпушены дорогами нашито по 15 пугвицъ сереб. бѣлыхъ; на червчатую нашито круживо кованое сереб. узкое, а на двоеличную—сереб. плетеное; и то все государь пожаловалъ крестницѣ своей дѣвкѣ нѣмкѣ Овдотьѣ.—Апр. 17, по приказу кравчей Анны Мих. Вельяминовы царицы на *хоромное* Евангеліе скроено лагалище въ сукнѣ аглинскомъ червчатомъ, пошло 3 вер., взялъ крестовой Ѳома Борисовъ.—Мая 2 по приказу кравчей Анны Мих. Вельяминовы подкладываны отдаточные 4 шляпы, двѣ отласомъ червчатымъ, полки отласомъ золотнымъ, а двѣ таѳтою червчатою, полки отласомъ червчатымъ. Отласу пошло 2¼ ар., таѳты 1 ар.

Іюня 13 царица пожаловала Аннѣ Ильичнѣ Морозовой: двѣ тѣлогрѣи въ тафтѣ лазоревой, одна холодная, а другая теплая, хребты бѣльи, по 20 пугвицъ; сапоги да пчедоги да башмаки въ сафьянѣ червчатомъ. Іюня 26, шубка накладная въ сукнѣ зеленомъ аглицкомъ:—Іюля 5—лѣтникъ въ тафтѣ лазоревой—вошвы отласъ золотной по червчатой землѣ развода и круги золоты съ шолкомъ бѣлымъ.

Іюля 6, по приказу кравчей А. М. Вельяминовы сдѣлано два завѣса къ царскимъ дверемъ, одинъ въ тафтѣ жолтой, другой въ зеленой, пришито 16 пугвицъ желѣзныхъ. Царица пожаловала въ церковь Екатерины да въ придѣлъ Прп. отца Онофрея.—Іюля 24, по приказу казначеи Василисы Пятово подложенъ Спасовъ образъ нерукотвореннаго, что стоитъ въ Верху у Спаса въ церкви, *моленія* царевны Ирины Мих, камкою червчатою куфтеремъ, пошло 1 ар. 2 в.—Авг. 5, по приказу кравчей Анны Мих. Вельяминовы сдѣлано къ образамъ подъ чаты семь подушечекъ въ отласѣ червчатомъ гладкомъ насланы бумагою хлопчатою. Государыня пожаловала въ ц. Благовѣщенія Преч. Богородицы, что у государя на сѣнехъ—Авг. 7, для ученія каптурнаго дѣла скроенъ каптуръ въ мерлушкахъ, мерлушекъ пошло 4, да вмѣсто пуху козелъ черненой, да на оголовичный пухъ пошло пол-барсука.—Авг. 29, по приказу боярыни Матрены Семеновны Милославской на отдаточной бумажникъ да на зголовье скроены исподніе наволоки въ полотнѣ тверскомъ, въ настилку бумаги хлопчатой 14 ф. 12 зол. Въ изголовье пуху гусиного всыпано 10 ф., наволоки верхнія нашиты камка жолта куфтерь; а сказала, что тотъ пуховикъ и зголовье царица пожаловала матери своей Катеринѣ Ѳедоровнѣ.

45. 157 г. фев. 4 отъ царицы изъ хоромъ принесъ дьякъ И. Арбеневъ три тесемки шолковые тканы въ кружки - мѣра гроба Господня; да пять кружечковъ персти отъ святыхъ мѣстъ; фунтъ 79 золотниковъ измирна, чотки араматные да 5 свѣчь воску ярова—отъ гроба Господня; да двѣ коробочки сахару леденцу, да полотенцо кисейное шито золотомъ волоченымъ, да 9 арш. 2 вер. объяри по серебреной землѣ по ней травы золоты съ шолки розными; да мыла грецкого въ дву брускахъ, да въ десяти кружкахъ, вѣсомъ 2 ф. 29 зол. а сказалъ, что то все выдала ему крайчая Анна Вельям, а сказала, что то все царицѣ подносъ Еросалимской патріархъ Поисей. Тогожъ дни отъ царицы изъ хоромъ принесъ дьякъ И. Арбеневъ крестъ деревяной складной по немъ на обѣ стороны вырѣзано двунадесятные Господскіе праздники, да мѣра гроба Господня—тесемка шолковая, да чотки ароматныя, да 5 свѣчь воску ярова отъ гроба Господня, да коробочка сахару леденцу, полотенцо кисейное шито золотомъ и серебромъ волоченымъ на оба лица, да 3 арш. безъ 2 вер. алтабасу по серебреной землѣ листье золоты—то все царевичу Дмитрію Алек. поднесъ Еро-

салимской патріархъ Паисей. Тогожъ дни отъ царевны Анны Мих. изъ хоромъ принесъ дьякъ И. Арбеневъ три кружка персти отъ святыхъ мѣстъ, тесемка шелковая—мѣра гроба Господня: чотки араматные; 50 зол. измирна да 6 свѣчь воску ярова отъ гроба Господня, да мыла грецкого въ 4 брусках да въ 12 кружкахъ, вѣсомъ 4 ф. 21 зол;—то все царевнѣ Аннѣ поднесъ Еросалимской патріархъ Паисей.

Марта 24 отъ царевны Анны М. изъ хоромъ принесъ дьякъ И. Арбеневъ вошвы по отласу червчатому дѣлано бганью и картулиномъ травы, около травъ низано жемчюгомъ, промежъ травъ пелепелы, у пелепелъ въ закрѣпкѣ по 3 зернышка жемчужныхъ; да въ травахъ же шиты птицы низаны жемчугомъ на проволокѣ; выдала ему изъ хоромъ княжна Марья Шеховская, а сказала, что тѣми вошвами дарила царевну Анну М. царица Марья Ильична. Нашиты на лѣтникъ отласной золотной по червчатой землѣ въ травахъ шолкъ зеленъ.

Марта 27 отъ царицы изъ хоромъ принесъ онъ же шапку по отласу червчатому низана жемчюгомъ мелкимъ орлы и дѣлано канителью золоченою и цвѣтною съ трунцаломъ золоченымъ и звѣздками; да въ шапкѣ жъ вшито 40 запонъ съ искорками яхонтовыми червчатыми и съ изумрудными и съ зерны жемчужными, запоны съ финифты розными, межъ орловъ и запонъ вшиваны зерна жемчужные, около вершка и по швомъ низано жемчюгомъ въ сиязку, по верхъ пуху плетенекъ золотной. Тою шапкою дарила царицу царевна Ирина Мих.

Апр. 2 отъ царицы изъ хоромъ принесъ онъ же двои чеботные переды да задники да прежники хозовые, одни червчатые, а другіе рудожолтые. Переды и задники шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ. А сказалъ, что тѣ переды и задники и прежники выдала ему Анна Вельяминова, а велѣла положить въ казну до указу, а шиты въ Оружейной полатѣ.

Мая 2 царицы крестовой дьякъ Ѳома Борисовъ принесъ 8 ковшей каповыхъ, а сказалъ, что тѣми ковшами госуда[illegible] и царицѣ и царевнамъ челомъ ударили крутицкой митропол[illegible] да симоновской архимаритъ.

46. 157 г. Окт. 23 къ царицѣ въ хоромы 2½ вершка с[illegible] багрецу да пола хребтовъ бѣльихъ, приняла Анна Мих. В[illegible]минова. Да онажъ приняла пару соболей, а сказала, ч[illegible] пара положена на кашу государя царевича на родинахъ.— Окт. 30 къ царицѣ въ хоромы полосма вершка сукна багрецу приняла Анна кормилица, а сказала, что то сукно государю царевичу на кунганъ, въ чемъ воду носить.—Ноября 1, къ царевнѣ Аннѣ М. отъ бобра побочены приняла кн. М. И. Пронская, а сказала, что царевна пожаловала дѣвкѣ Насткѣ Колмыцкой къ тѣлогрѣѣ на пухъ.—Нояб 18 къ царицѣ въ хоромы 20 паръ соболей по 5 р. приняла А. М. Вельяминова,

а сказала, что тѣми парами царица пожаловала боярынь дворовыхъ для роженья царевича Дмитрія Ал.—Генв. 8 къ царевнѣ Иринѣ М. приняла казначея Василиса Пятово 7 арш. 9 вер. камки евской шелкъ алъ да жолтъ; Соболѣ да Смирѣ на двѣ шубы на верхи.—Марта 28 къ царицѣ въ хоромы 20 арш. камки евской червчатой да 10 арш. жолтой, да 10 ар. камки травной червчатой, приняла Анна М. Вельяминова, а сказала, что государыня пожаловала *пріѣзжимъ дѣвкамъ*.—Іюня 6 къ царицѣ въ хоромы 5 ар. 6 в. отласу таусинного приняла Оксинья Григорьевна Еропкина, а сказала, что подъ онфорные образцы подъ шитье—Іюня 15 въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ золотникъ шолку свѣтлозеленого да цѣвка серебра, приняла Оксинья Григорьевна Еропкина да онажъ приняла фунтъ бумаги хлопчатой да 2¼ арш. киндяку лимонного, а сказала, что киндякъ на подкладку подъ амфоръ патріарховъ подъ шитье.—Іюня 30 къ царицѣ въ хоромы двѣ лохани серебр. золочены съ рукомойники приняла Анна М. Вельяминова, а сказала, что одною лоханью и рукомойникомъ царица дарила царевну Анну, а другою дарила царевну Татьяну.—Іюля 24 къ царевнѣ Аннѣ М. въ хоромы ея государынины казны 9 ар. 3 в. камки бурской на червцѣ, да пол-9 арш. безъ вершка обьяри бѣлой съ серебреною струею травы золоты съ розными шолки, корешки у травъ шолкъ зеленъ, да кафтанъ турской отласъ золотной по червчатой землѣ, подложенъ отласомъ зеленымъ; приняла кн. М. Ив. Пронская, а сказала, что кафтаномъ царевнѣ дарить государя, а камкою государыню, а обьярью царевича Димитрія на свой государынинъ ангелъ іюля въ 25 день.

47. 157 г. Окт. 17 скроенъ царицѣ шапочной пухъ, пошло два бобра безъ чети, на тотъ пухъ нашитъ вершокъ по отласу червчатому низанъ жемчугомъ съ канителью, на вершкѣ 17 яхонтовъ лазоревыхъ.... исподъ подкроенъ черевей бѣлей, поверхъ нашитъ плетенекъ золотной.—Окт. 22, царицы на отласной золотной лѣтникъ, что по червчатой землѣ травы и листье золоты скроенъ новой пухъ, пошло бобръ, да нашиты вошвы по бархату черному, дѣланы канителью и труницаломъ и бганью травы, промежъ травъ звѣри и птицы. И тотъ лѣтникъ царица пожаловала боярина Б. И. Морозова женѣ Аннѣ Ильичнѣ—Дек. 22 царицѣ скроенъ каптуръ соболей, пошло полтретьи пары: на пухъ 2 бобра безъ трети: въ оголовье семь пупковъ собольихъ, на чехолъ 6 нерпиковъ миткалей широкихъ, на пухъ чолошной полбобра: поверхъ пуху нашито звено пуху накладного.—Августа 22 царицѣ на двѣ шляпы подъ низанье скроены полки въ отласѣ червчатомъ, пошло 1 ар.—Авг. 24 царицѣ на бархатную червчатую хоромную шкатулку скроено нагалище, пошло сукна червч. багрецу 5 вер., на подкладку 1 ар. 3 в. киндяку лазореного.—Дек. 27 на казенномъ дворѣ собрано царевнамъ Ири-

нѣ, Аннѣ, Татьянѣ на три подножья теплые три пластины хребты собольи, одна въ длину и поперегъ по $1\frac{1}{2}$ арш. съ вершкомъ, а двѣ по 1 ар. 6 вер. пластина; первая цѣною 40 р., а двѣ по 30 р.; подложены сукномъ багрецомъ добрымъ, да въ тѣже подножья пошло 2 войлока толстыхъ.—Февр. 10 царевнѣ Аннѣ сдѣлана къ коснику кисть, пошло 3 цѣвки съ четью золота да $1\frac{1}{4}$ зол. шолку шемохансксго.—Марта 19 царевнѣ Татьянѣ сдѣланъ въ серебрѣ косникъ, пошло 3 цѣвки да шолку шемохансково $1\frac{1}{2}$ зол.—Апр. 6 царевнѣ Аннѣ сдѣланъ косникъ въ серебрѣ, пошло 3 цѣвки да золотникъ шолку шемаханского.

48. 157 г. Сент. 19 сдѣланы ризы, стихарь дьяконской, стихарь подризный, на престолъ пелена, воздухъ, 2 покровца, запонъ къ царскимъ дверемъ —царица пожаловала въ греки въ Офонскую гору въ Пантелеймоновъ монастырь. Еще нояб. 3 патрахель, уларь, поручи.—Окт. 21 по приказу казначеи Василисы Пятово подложенъ Спасовъ образъ хоромной моленія царевны Ирины М. камкою червчатою мелкотравою, пошло 6 вер.—Дек. 31 скроены два треуха въ тафтѣ червчатой, исподы куньи—царевна Ирина пожаловала дѣвкамъ Соболѣ да Смирѣ.—Мая 28 скроенъ сакъ—царица пожаловала Еросалимскому патріарху Паисею.—Іюня 8 по приказу боярыни Аксиньи Григор. Ероикиной подложена пелена, а на ней вышитъ образъ вел. чудотворца Николы камкою свскою мелкотравою.—Іюня 17 по приказу тойже боярыни подложенъ воздухъ шитой въ лицахъ положеніе Господне во гробъ тафтою зеленою—Іюля 17 по приказу казначеи Василисы Пятовой скроенъ подъ низанье покровъ, середина въ бархатѣ червчатомъ, пошло 4 ар. безъ чети, на кайму 3 ар. безъ 5 вер. отласу зеленого. Приняла онаже, а сказала, что тотъ покровъ св. праведнаго Артемія Веркулского на покровеніе на гробницу его.

49. 157 г. сент. 13 къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы 1 ар. 10 вер. дороговъ червчатыхъ приняла казначея Гликерья Торжнева, а сказала что къ царевнину умывальному ларцу на обивку.—Нояб. 22 къ царицѣ поларшина, сукна червчатого аглинского, приняла кравчая Анна Вельяминова, а сказала что тѣмъ сукномъ обить мѣсто въ церкви Христовы муч. Екатерины, гдѣ ставитца государыня царица.—Ген. 15 къ царицѣ въ хоромы двѣ шапки черевьи лисьи, одна въ 22 р., другая въ 4 р., приняла кравчая Анна Вел., а сказала. что лутчюю шапку царица пожаловала княжнѣ Аннѣ Шеховской, а другую—дѣвкѣ Овдотьѣ нѣмкѣ.—Февр. 2 къ царицѣ въ хоромы шапка черевья лисья въ 8 р.—государыня пожаловала нѣмочкѣ Овдотьѣ.—Марта 7 въ свѣтлицу $1\frac{1}{4}$ вер. отласу червчатого, 2 зол. безъ чети шолку шемоханского, $1\frac{1}{2}$ зол. шолку бѣлого, вершокъ безъ чети тафты лазоревой, вершокъ тафты алой, 2 вер. киндяку лазоревого. Приняла бояр. Аксинья Ероикина, а сказала, что то все на государ-

рево ожерелье.—Марта 21 въ свѣтлицу 11 цѣвокъ золота приняла золотная мастерица Степанида Петрова, а сказала, что на покровъ Алексѣя митрополита.—Апр. 3 въ свѣтлицу 13 зол. шолку шемохинского да 10 арш. безъ 3 вер. холстины; приняла бояр. Акс. Еропкина, а сказала, что въ шолку царевнѣ Татьянѣ велѣно соткать поясъ, а холстина на мѣшки въ пяльца.—Апр. 23 къ царевнѣ Татьянѣ 7 ар. безъ вершка камки кизылбаской по брусничной землѣ травки золоты, въ цвѣтахъ шолкъ таусиненъ. Сею камкою царица Евдокѣя Лук. пожаловала дщерь свою царевну Татьяну, какъ было новоселье въ селѣ Рубцовѣ въ еѣ государынинѣ избушкѣ.—Мая 20 къ царицѣ въ хоромы 5 ар. 2 в. сукна черново да колыбель сукно полуаглинское червчаго —сукно государыня пожаловала новокрещеной нѣмкѣ Аленѣ, а колыбель дочери еѣ Алениной.—Мая 24 къ царицѣ въ хоромы 10 зол. шолку бѣлово, приняла боярыня Матр. Милославская, а сказала, что тотъ шолкъ государыня пожаловала б. Б. Ив. Морозова женѣ Аннѣ Ильичнѣ.—Іюля 16 въ свѣтлицу 5 ар. тафты червчатой приняла б. Аксинья Еропкина, а сказала, что на государевы сорочки. Авг. 7 въ свѣтлицу 3 вер. отласу таусинного, 3 золот. шолку таусинного, пол-7 вер. киндяку зеленого. 2 вер. тафты алой, приняла бояр. Акс. Еропкина, а сказала, что то все на ожерелье подъ низанье государыни царицы.

50. Книга кроильная г. царицы и в. к. Марьи Ильичны 158 г. Сент. 9, царицѣ скроенъ шапочный верхъ подъ шитье въ отласѣ бѣломъ, пошло 5 вер.—Сент. 17, царицѣ скроена тѣлогрѣя ѣздовая въ камкѣ кизылбаской по алой землѣ травы золоты съ шолкомъ зеленымъ, пошло 6¼ ар.; исподъ подкроенъ горностайной; вмѣсто вѣтоши на настилку пошло 9 ар. полотна тройного; нашито пол-осма аршина съ вершкомъ кружива плетеного нѣмецкого золото съ серебромъ звѣздки серебр.: 20 пугвицъ серебр. золоч. съ финифты съ бѣлымъ, лазоревымъ чорнымъ.—Генв. 5, царицѣ скроено ожерелье накладное, пошло пол-бобра.—Февр. 5, царицы оболочено два каптурные лагалища сафьяномъ червчатымъ пошло 4 сафьяна, на подкладку 5 ар. дороговъ гилянскихъ зеленыхъ, а на другое 3 ар. киндяку жолтого; да на жуки на серебренье пошло 2 ефимка.—Февр. 14, на ожерелье низаное жемчужное скроено лагалище въ тафтѣ алой, пошло 5 в. и на подкладку.—Марта 2, царицѣ скроено подъ круживо подъ низанье въ отласѣ таусинномъ, пошло 1 ар. 7 вер., приняла Акс. Гр. Еропкина.—Марта 8, царицѣ на шапку низаную, что по ней низаны орлы *осмиличные* положена накладка два звена пуху.—Апр. 11, царицѣ скроено ожерелье накладное, пошелъ бобръ въ 14 р.—Тогожъ дни скроены два ожерелья накладные, пошло два бобра въ 25 р.—приняла Анна Вельяминова, а сказала, что однимъ царица дарила царевну Ирину, а другимъ царевну Анну.—Апр. 12, царевнѣ Евдокѣѣ Ал. скроена

шубки накладная въ тафтѣ алой, по ней писаны травы золотомъ, пошло 1 ар., на подкладку 1 ар. безъ 3 вер. тафты жолтой.—Апр. 26 царицѣ скроено два нагалища на рясы низаные жемчужные, въ тафтѣ червчатой, пошло тафты по 9 вер., на подкладки тафты жолтой по 9 в., на настилку бумаги хлопчатой ¼ ф. На три шляпы скроены чехлы пошло пол-5 ар. полотна тверского.—Мая 2 царицѣ скроенъ шапочной пухъ пошло 2 бобра, на пухъ положена накладка 2 звена пуху; подложенъ исподъ черевей бѣлей. Да на сесь же пухъ нашитъ верхъ по отласу бѣлому низанъ жемчюгомъ и канителью цвѣтною кружки, въ кружкахъ орлики и звѣрки и межъ кружковъ птички; да поверхъ того нашитъ плетенекъ золотной.—Мая 21, царицѣ на шапку, что вершокъ по бѣлому отласу дѣланъ канителью и струнцаломъ кружки, въ кружкахъ орлы и пироги, около кружковъ розвода низана жемчугомъ, скроенъ чохолъ въ тафтѣ червчатой, пошло ¼ арш.—Іюля 10, царицѣ на хоромное зеркало, что оправлено серебромъ съ каменьи и съ искорками яхонтовыми червчатыми изумрудными, скроено лагалище въ бархатѣ червчатомъ гладкомъ, пошло 5 верш., на подкладку 2½ вер. тафты алой.—Іюля 16, царицѣ скроены вошвы въ отласѣ бѣломъ подъ шитье, пошло 2 ар. безъ полу 4 вер., на подкладку 2¼ ар полотна тверского. И тѣ вошвы подъ шитье приняла бояр. Акс. Еропкина (въ свѣтлицу). Тогожъ дни царицѣ подъ шитье скроены вошвы въ бархатѣ червчатомъ гладкомъ, пошло 2 ар. безъ полу-4 вер. И тѣ вошвы подъ шитье приняла б. Акс. Еропкина.—Іюля 18, царицѣ скроено на роспашницу круживо подъ шитье въ отласѣ червчатомъ гладкомъ, пошло 2 ар. 2 в., приняла б. Акс. Еропкина.—Іюля 29, царицѣ скроенъ вершокъ шапочной подъ шитье въ отласѣ червчатомъ, пошло 5 вер., на подкладку 1 ар. безъ 2 в. киндяку червчатого: приняла б. Акс. Еропкина.

51. 158 года сент. 14, царевнѣ Иринѣ скроено лагалище въ сукнѣ багрецѣ червчатомъ на ларчикъ кипарисной, что съ костьми на костяхъ рѣзаны птицы и травы.—Сент. 21, царевнѣ Татьянѣ на зеркало скроено лагалище въ сукнѣ багрецѣ червчатомъ, пошло 1¼ вер. на подкладку тафты лазоревой 1¼ вер.—Царевнѣ Аннѣ на умывальной ларецъ скроено лагалище въ сукнѣ аглинскомъ червчатомъ, пошло 9 вер., на подкладку 1½ арш. крашенины лазоревой.—Дек. 12, царевны Анны обшиваны качельные веревки бархатомъ червчатымъ, пошло 3 ар. 2 в.—Дек. 29, царевнѣ Иринѣ на двои серги скроено лагалище въ отласѣ червчатомъ гладкомъ, пошло 3 вер., на подкладку тафты жолтой 1¼ вер.—Генв. 8, царевнѣ Иринѣ скроенъ запанъ въ камкѣ индѣйской полосатой, пошло 11 арш., на подкладку 12¼ арш. дороговъ зеленыхъ.—Мая 17, царевны Татьяны М. въ ящикѣ кипарис-

номъ внутри, что кладетца её государынина поднизь, оклеено бархатомъ червчатымъ, пошло 13 вер.

52. 158 г. сент. 15, по приказу крайчей Анны Вельяминовы на казенномъ дворѣ сдѣланъ кафтанъ поповской въ камкѣ куфтерѣ зеленой, подложенъ исподъ черевей лисей краснобурой, нашивка нашита шолковая, пугвицы серебр. золоченыя; и тотъ кафтанъ приняла онажъ, а сказала, что царица Марья Ильична пожаловала духовнику Стефану. — Сент. 20. по приказу крайчей Анны Вельяминовы подложена пелена Рожества Пречистые Богородицы шитая въ лицахъ съ дѣйствы по камкѣ червчатой, тафтою лазореною, пошло 1 ар. 5 в.; тое пелену царица пожаловала въ церковь Рожества Пр. Богородицы, что у ней государыни на сѣнехъ. — Сент. 25, по приказу крайчей А. В. для ученія каптурного дѣла ученику скроенъ каптуръ, пошло полтретьи пары соболей, на пухъ пошелъ бобръ, на очелошной пухъ пошло полъ-бобра черченого да звено пуху накладного, да на чехолъ пошло 6 вер. миткалей. 158 г. февр. 15 сесь каптуръ приняла боярыня Матрена Милославская, а сказала, что царица пожаловала (его) бабкѣ Иринѣ. — Окт. 21, подложены воздухъ да два покровца церковныхъ сосудъ, шитые въ лицахъ, камкою червчатою мелкотравою, приняла кравчая Анна Вел., а сказала что въ церковь Пр. Богородицы Казанскіе.

53. 158 г. апр. 20, отъ царицы изъ хоромъ крестовой дьякъ Ѳома Борисовъ принесъ 10 ковшей каповыхъ, а сказалъ, что тѣми ковшами царицѣ и царевнамъ челомъ ударили крутицкой митрополитъ, да симоновской архимаритъ. — Іюня 30, государевъ крестовой дьякъ Ив. Степановъ принесъ 5 стаканчиковъ съ подписью, да 5 ложечекъ, да 5 ножичковъ, и сказалъ, что царицѣ и царевнамъ челомъ ударили Кирилова монастыря власти въ Братошинѣ.

54. 158 г. февр. 12, отъ царицы изъ хоромъ выдала кравчая Анна Вельям. вершокъ шапочной по отласу алому низаны жемчугомъ и канителью и трунцаломъ орлы осмиглавые, промежъ орловъ вишиваны зерна гурмыцкіе; да въ томъ же верху шито 30 запанъ золоты съ искорками яхонтовыми червчатыми, около вершка обнизано въ одну нить зернами жемчужными кафимскими. А велѣли тотъ верхъ нашить на старой пухъ, что былъ подъ отласнымъ червчатымъ вершкомъ круживо низано жемчюгомъ по цкѣ серебреной золоченой съ городы и съ пелепелы.

55. 159 г. Дек. 27, государыни царевны Татьяны Михаиловны въ хоромехъ скроенъ запанъ въ сукнѣ аглинскомъ червчатомъ, сукна пошло 8 арш. 10 вер., тогожъ дни государыни царевны Анны Мих. въ хоромехъ скроенъ запанъ въ сукнѣ червчатомъ аглинскомъ, сукна пошло 9 арш. 6 вер.

56. Книга спискѣ отъ царицы и отъ царевенъ изъ хоромъ 160 года. Сент. 5, отъ г. царевны Анны Мих. изъ хоромъ при-

несъ дьякъ Петръ Арбеневъ 15 пугвицъ золоты сѣнчаты съ финифты съ бѣлымъ да съ лазоревымъ да съ зеленымъ, а сказалъ, что тѣ пугвицы выдала ему изъ хоромъ кн. Марья Ивановна Пронская, а сказала, что тѣми пугвицами царевну дарила царица, а велѣло нашить на царевнинъ опошень.—Сент. 9, отъ царицы изъ хоромъ выдала Матрена Семеновна Милославская 15 сороковъ соболей, а сказала, что тѣ соболи царицѣ Марьѣ Ил. принесены на новоселье, какъ было въ хоромехъ новоселье 160 г. сент. 8, а велѣла тѣ соболи положить въ казну.—Окт. 8, отъ царевны Татьяны изъ хоромъ выдала казначея Марья Петрова вошвы по черному бархату шиты золотомъ и серебромъ травы, а сказала, что тѣми вошвами царевну дарила царица, а велѣла тѣ вошвы нашить на царевнинъ лѣтникъ.—Окт. 9, отъ царевны Анны изъ хоромъ выдала казначея Лукерья Торжнева вошвы по червчатому отласу шиты золотомъ и серебромъ, травы, въ травахъ косы и кубы, въ кубахъ и въ травахъ оксамичены, а сказала, что тѣми вошвами царевну дарила царица, а велѣла положить въ казну.—Окт. 28, отъ царевны Ирины изъ хоромъ выдала казначея Василиса Пятово 5 сороковъ соболей съ хвосты, а сказала что царевнѣ принесены на новоселье.—Окт. 30, отъ царевны Татьяны изъ хоромъ выдала казначея Марья Петрова 5 сороковъ соболей съ хвосты, а сказала, что царевнѣ принесены на новоселье.—Окт. 31, отъ царевны Ирины выдала изъ хоромъ Анна Борисовна Травина 7 арш. камки кизылбаской по серебреной землѣ травки золоты съ шолки розными, а сказала, что тою камкою царевну дарилъ государь, а велѣла въ той камкѣ скроить шубку накладную.—Ноября 27 отъ царицы—двои вошвы по червчатому бархату шиты золотомъ и серебромъ травы—выдала изъ хоромъ кравчая Анна Вельяминова, а велѣла одни нашить на ризы отласные бѣлые гладкіе, которые скроены рожественскому протопопу Ондреяну; другіе на стихарь дьяконской.—Апр. 2, отъ царицы—два бархата кизылбаскіе, одинъ по червчатой землѣ, другой по жолтой землѣ травы шолки розныхъ цвѣтовъ, мѣрою по 7 арш. безъ вершка—выдала кравчая А. В., а сказала, что бархаты государь пожаловалъ царицѣ, и велѣла положить царицѣ въ казну.

57. 160 г. сент. 2, въ Свѣтлицу для государева дѣла по 6 зол. шолку таусинного да рудожелтого, да 4 цѣвки золота приняла боярыня Оксинья Кропкина, а сказала, что все на шитье Савы Сторожевского на пелену.—Сент. 9 въ Истобничью Полату 2 арш. летчины принялъ истобничей Степанъ Давыдовъ, а сказалъ, что къ царицѣ и къ царевнамъ въ хоромы на стирки.—Сент. 10, къ царицѣ въ хоромы 5 арш. тафты зеленой да два кindяка лазоревыхъ, приняла казначея Матрена Блохина, а сказала что царица пожаловала боярынѣ Катеринѣ Ѳедоровнѣ.—Сент. 12, къ царицѣ въ хоромы

3 вершка отласу червчатого гладкого приняла боярыня Оксинья Еропкина, а сказала, что царицѣ на ошивку подъ шитье. — Сент. 24, къ царевнѣ Евдокѣѣ въ хоромы 5 верш. сукна багрецу да фунтъ бумаги хлопчатой приняла кн. Өет. Вол. Сицкая, а сказала. что въ царевнинныхъ хоромѣхъ обиваны у оконъ кобылки.—Сент. 25, къ царицѣ въ хоромы 2 арш. пол-6 вер. сукна багрецу приняла кравчая Анна Вельяминова, а сказала, что царицѣ на столъ.—Окт. 3, къ царицѣ въ хоромы 2 арш. безъ чети бархату черного приняла б. Акс. Еропкина, а сказала, что царицѣ на вошвы на шитье. Она же приняла къ царевнѣ Аннѣ—чулки черевьи лисьи подъ камкою червчатою мелкотравою, а сказала, что царевна пожаловала княжнѣ Марьѣ Пронской. — Окт. 30, къ царицѣ въ хоромы коверъ кизылбаской приняла казначея Матрена Блохина, а сказала, что государыня пожаловала къ Рожеству, что на сѣняхъ. Ноября 6, къ царицѣ въ хоромы аршинъ бархату червчатого приняла кравчая А. В, а сказала, что рожественскому дьякону на уларь подъ низанье. — Ноября 19, въ Свѣтлицу цѣвка золота да 3 зол. шолку червчатого, и въ томъ золотѣ и въ шолку царицѣ и царевнамъ соткано понесковъ на чеботы 9 арш. — Дек. 10, къ царицѣ въ хоромы — аршинъ бархату червчатого, приняла кравчая А. В., а сказала, что на уларь подъ шитье. - Дек. 14, къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы аршинъ съ четью отласу золотного по лазоревой землѣ травы золоты приняла боярыня кн. Марья Ив. Пронская, а сказала, что царевна пожаловала своей комнаты постельницамъ на шапочные верхи. — Дек. 15, къ царицѣ въ хоромы полчетверта аршина бархату червчатого приняла боярыня Акс Еропкина, а сказала, что подъ низанье на оплечьи. — Дек. 16, къ царицѣ въ хоромы 21 арш. сукна анбурсково червчатого приняла кравчая А. В., а сказала что тѣмъ сукномъ обивано у царицы въ золотой полатѣ въ окна ставни и окна и втулки. — Дек. 19, къ царевнѣ Татьянѣ М. въ хоромы лѣтникъ тафтяной алой, подкладка дороги зелены; вошвы отласъ золотной по серебреной землѣ листье золото травы шолкъ зеленъ, приняла казначея Марья Петрова, а сказала, что лѣтникъ царевна пожаловала княжнѣ Марьѣ Шеховской, а вошвы княжнѣ Палагеѣ Друцкой. — Дек. 23, въ свѣтлицу для государева дѣла 20 зол. струнцалу золотного да 47¾ зол. струнцалу серебреного приняла б. Акс. Еропкина; а тотъ трунцалъ дѣланъ въ золотой полатѣ. — Генв. 13, въ свѣтлицу 20 зол. шолку шемоханского да пол-3 зол. зеленого, да 10 зол. лазоревого приняла б. Акс. Еропкина, Іоны митрополита на покровъ. — Марта 10, къ царицѣ въ хоромы пудъ бумаги хлопчатой, приняла кравчая А. В., а сказала, что та бумага новгородскому митрополиту. — Мар. 18, къ царевнѣ Аннѣ М. въ хоромы 7 арш. тафты алой, приняла б. кн. М. И. Пронская, а сказала, что царевнѣ на сорочки. — Мар. 29, ей же въ хоромы 9 арш. кружива серебр.

кованого; царевна пожаловала дѣвкѣ Парашкѣ на тѣлогрѣю. — Марта 31, къ царевнѣ Татьянѣ М. въ хоромы три шапки лисьихъ высокихъ приняла казначея Марья Петрова, а сказала, что одное шапку царевна пожаловала княжнѣ Марьѣ Шеховской, другую княжнѣ Друцкой, третью Савинѣ. — Апр. 5, къ царицѣ въ хоромы 2 арш. безъ 2 в. бархату таусинного гладкого, приняла кравчая А. В., а сказала, что на оплечье подъ низанье. — Апр. 27, къ ней же въ хоромы 1 арш. 2¼ вер. камки куфтерю червчатой приняла казначея Матр. Блохина, а сказала, что камка подъ шитье.—Мая 10, къ ней же 2 арш. безъ чети бархату таусинного гладкого, приняла казначея Матр. Блохина на оплечье подъ шитье.

58. Книга кроильная платью. 160 г. сент. 3, царицы на шапку низаную жемчужную скроенъ чехолъ въ тафтѣ червчатой, пошло 3 вершка.—Сент. 5, государыни царицы колодочка поклонная оклеена бархатомъ червчатымъ, пошло 1 ар. 5 в.— Сент. 6, царицы у мѣста, что у Рожества, обивано подножья сукномъ багрецомъ, пошло 2 ар. да къ тому же мѣсту на покрыванье пошло 1 ар. 5 в. — Сент. 10 царицѣ скроены подъ шитье башмаки въ бархатѣ виницейскомъ по золотной землѣ травы шолкъ розныхъ цвѣтовъ, пошло 6 вер. — Окт. 5, царицѣ скроена шубка накладная въ суккѣ лундышѣ свѣтлозеленомъ, пошло 5 арш., въ моченьѣ сѣло 5 вер.; на подпушку пошло 1 арш. 11 вер. тафты червчатой, на шитье шолку 3 зол. -- Окт. 22, царицѣ скроено два чохла на два каптура въ миткаляхъ, пошло ½ ар. — Ноября 14, царицѣ скроены чеботы въ сафьянѣ бѣломъ, пошло пол-сафьяна; на подкладку 9 вер. тафты червчатой, на верхи 3 вер. отласу червчатого; по швомъ нашито 3 арш. поисковъ шолкъ червчатъ съ золотомъ, на обнивку около коблуковъ 5 арш. золота да золотникъ шолку. — Дек. 11, царицы зголовенные двѣ колодочки, обита одна бархатомъ турскимъ золотнымъ по червчатой землѣ репьи золоты, межъ репьевъ травки серебрены, пошло 1 арш. 1 вер.: другая обита бархатомъ по серебреной землѣ по немъ травы шолки розные, пошло 15 вер. — Дек. 13, царицѣ скроена роспашница въ отласѣ бѣломъ гладкомъ, пошло 11 ар. ½ вер., подкладка тафта бѣла; круживо нашито по камкѣ червчатой мелкотравой шито золотомъ и серебромъ съ шолкц розными; 20 пугвицъ серебр. золоч. съ финифты; пухъ нашитъ старой; вошвы по отласу червчатому шиты волоченымъ золотомъ въ цвѣтахъ шолкъ бѣлъ лазоревъ зеленъ.—Дек. 30, подъ каптуръ скроенъ кружечикъ въ отласѣ червчатомъ пошло полпята вершка; да въ настилку пошло 6 зол. бумаги хлопчатой, на шитье шолку ½ зол. — Марта 10, на шапку низаную по червчатому отласу съ запаны перемѣнена накладка, пошло на накладку два звена пуху. — Мар. 11, у трехъ шапокъ, у одной низана по алому отласу, другая по червчатому отласу низаны на обѣихъ орлы, промежъ орловъ запаны, у третьей, что

по ней низано лѣсомъ, починиваны накладки. пошло два звена пуху накладново. — Апр. 29, шапка, вершокъ низанъ жемчугомъ по алому отласу орлы двоеглавые, вмѣсто теплова испода подложена отласомъ червчатымъ. — Мая 13, скроено изъ наволоки отласной золотной по червчатой землѣ розвода большая къ лѣтнику передъ да накапки, отласу пошло на передъ и на накапки 5 арш. Да къ тому же лѣтнику скроено подъ шитье задъ да клинья въ отласѣ червчатомъ гладкомъ, пошло 4 арш. — Мая 21, скроены башмаки въ сафьянѣ жолтомъ, пошло четверть сафьяна: нашито на передки 2 в. бархату алово, по швамъ нашито $1\frac{1}{2}$ арш. поясковъ шолкъ червчатъ съ золотомъ, на подкладку 3 вер. тафты червчатой. на обивку около коблуковъ 5 арш. золота. — Мая 31, на четыре ожерелья жемчужные низаные скроены лагалища въ тафтѣ бѣлой, пошло 1 ар.; на подкладку 1 ар. тафты лазоревой. — Іюня 1, царицы столчаковое судно оболочено сукномъ червчатымъ, пошло 2 ар. безъ четп; въ настилку пошло 2 ф. безъ чети бумаги хлопчатой, да на обивку по краямъ пошло $10\frac{1}{2}$ арш. кружива серебряного галуну. — Іюня 14, на зеркальное лагалище суконное червчатое нашито 3 пугвицы серебр. золоч. съ финифты.

59. 160 г. дек. 30, царевны Татьяны М. стольчаковое судно обито сукномъ червчатымъ, пошло $1\frac{1}{2}$ арш.; въ настилку 2 ф. бумаги хлопчатой, около судна на обивку пошло пол-9 арш. кружива кованого серебряного узкого. — Февр. 14, царевнѣ Иринѣ Мих. скроены на ичедоки сафьянные верхи камчатые червчатые мелкотравые, пошло 1 ар. 1 в., на подкладку 11 вер. тафты червчатой. — Марта 3, царевнѣ Аннѣ на подушечку скроена наволока въ отласѣ червчатомъ, пошло пол-7 вершка. — Марта 23, царевнѣ Аннѣ М. сдѣлано въ государевѣ мастерской палатѣ два косника, одинъ серебряной, другой золотной съ шолкомъ серебра пошло 3 цѣвки да на пожилины и на снурокъ пошло золотникъ шолку бѣлого, а на другой пошло 2 цѣвки золота, $4\frac{1}{2}$ зол. шолку шемоханского. — Мар. 26, царевнѣ Аннѣ скроена тѣлогрѣя умывалная изъ лѣтника отласнаго червчатаго гладкого, въ кроенье пошолъ весь, на подкладку пошло того жъ лѣтника подкладка тафта жолта; на подпушку $\frac{3}{4}$ ар. тафты зеленой; нашито 9 арш. кружива серебр. кованого узкого, да 17 пугвицъ серебр. золоченыхъ сѣнчатыхъ да 3 арш. снурку шолкового. — Апр. 12, царевнѣ Аннѣ скроены наволоки на пуховикъ да на зголовье въ камкѣ червчатой мелкотравной (на исподнія наволоки — полотно тверское да киндякъ зеленой). Да въ тотъ же пуховикъ всыпано 10 ф. пуху гусиново. — Апр. 15, ей же на бумажникъ наволока въ камкѣ жолтой мелкотравой $10\frac{1}{2}$ арш., на исподнюю наволоку 12 арш. полотна тверского, въ настилку 14 ф. бумаги хлопчатой. — Апр. 16, царевнѣ Аннѣ сдѣланы въ государевѣ мастерской палатѣ два косника золотные, на

однвъ пошло 3 цѣвки золота, на другой 2 цѣвки. Да къ той же *кисти* пошло 1½ зол. шолку вишневого да на обѣ *кисти* шолку алого 2 зол. И тѣ косники приняла княжна Марья Шеховская. — Апр. 30, царевнѣ Аннѣ скроена на перевязочку низаную жемчужную съ каменьи логалище въ отласѣ червчатомъ гладкомъ, пошло 3½ вер., на подкладку 2 в. тафты алой. — Мая 30. царевнѣ Ирины ичедоки оболочены камкою червчатою травною, пошло 1 ар. 5 в., на подкладку ¾ арш. тафты червчатой. — Іюня 1 царевны Анны столчаковое судно оболочено сукномъ червчатымъ багрецомъ пошло 1½ арш., въ настилку 1 ф. бумаги хлопчатой, по краямъ на обивку 10 ар. безъ чети кружива сереб. галуну.

60. 164 г. сент. 13 къ царицѣ въ хоромы 10 ар. камки червчатой куфтерю да сорокъ соболей въ 40 р. приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова, а сказала, что государыня пожаловала стольнику Борису Гаврилову Юшкову. — Сент. 20 къ царицѣ въ хоромы 10 ар. камки куфтерной червчатой, сорокъ соболей въ 40 р., два кindяка лазоревыхъ, да киндикъ зеленой, 2 зол. шолку жолтого,—приняла кравчая А. М. Вельяминова, а сказала что государыня пожаловала гонцу Алексѣю Митріеву Колтовского. — Сент. 26 круживного дѣла мастеру Ѳедору Корнильеву дано 3 литры серебра, а велѣно ему въ томъ серебрѣ сдѣлать круживо аксамитное. — Окт. 8 по приказу кравчей Анны Мих. Вельяминовы скроены двѣ тафьи въ бархатѣ чорномъ, пошло 10 в., подъ тафьи подложены горностайные пеподы. — Окт. 9 къ царицѣ въ хоромы 10 ар. отласу червчатого да сорокъ соболей въ 50 р. приняла казначея Матрена Блохина. а сказала, что государыня пожаловала за пріѣздъ стольнику Петру Иванову Матюшкину.—Окт. 25 къ царицѣ въ хоромы бобръ цѣлой приняла кравчая А. М. Вельямин., а сказала, что тѣмъ бобромъ государыня пожаловала племянницомъ. — Окт. 29 въ свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ 12 зол. шолку рудожолтого, мотъ бѣли, 10 зол. шолку бѣлого, 10 зол. червчатого, 10 зол. рудожолтого, 2 мота бѣли,—приняла казначея Матрена Блохина. — Нояб. 2 по приказу кравчей А. М. В. подложенъ амфоръ низанъ жемчюгомъ по полотну золотному тканому, — объярью по серебреной землѣ по немъ травы шолкъ розныхъ цвѣтовъ съ золотомъ, пошло 6 ар. да на подушечку отласу виницейского золотного по бѣлой землѣ травы золоты. 11 вер.; да томужъ амфору скроенъ чехолъ въ тафтѣ зеленой, пол-9 арш., да на постилку бумаги хлопчатые 2 ф. А тотъ амфоръ дѣланъ великому государю (sic) святѣйшему Никону патріарху; къ царицѣ въ хоромы приняла кравчая.

Денежные расходы царицыной мастерской палаты.

61. 124 г. марта 28 казеннымъ портнымъ мастеромъ Пустяку Ѳомину съ товарищи, четыремъ человѣкомъ, да рядовымъ мастеромъ Якушку Никитину съ товарищи, десяти человѣкомъ корму на день по 6 денегъ человѣку, а одному 8 денегъ, и всего 15 ч. корму на день 15 алт. 2 д. Дѣлали государынымъ потѣшникамъ Мосѣю однорядку въ покромяхъ, а дурѣ лѣтникъ въ сорочкахъ.

62. 130 г. марта 18 въ Вознесенской дѣвичь монастырь къ государынѣ и великой старицѣ инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ въ хоромы дѣвкѣ дуркѣ Манкѣ на шапку 6 вер. камки червчатой, цѣна 7 алт. 3 д. да аршинъ 2 вер. кружива мишюрново цѣна 3 алт. съ деньгою.

63. 133 г. сент. 15 къ государынѣ великой старицѣ инокѣ Марѳѣ Ив. въ хоромы для еѣ государынина дѣла 100 рублевъ отнесъ дьякъ Сурьянинъ Торакановъ, а у него приняла старица Олена Языкова.—Окт. 3 судового ряду торговому человѣку за три ставчика деревяные золоченые на торѣлкахъ по 5 алт. за ставчикъ; взяты ставчики про государя.—Ноября 25-го знаменщику Ондрюшкѣ Мосѣеву за 300 листовъ золота сусального торгомъ 2 р. 23 алт. 2 д.; да емужъ на олифу и на клей 10 денегъ; а взято то золото и олифа и клей на позолоту къ царицыну стулу.- Ноября 28 по приказу г. и в. старицы иноки Марѳы Ивановны стольникомъ, которые были на государевой радости у государя въ свѣчникехъ Василью Стрѣшневу да Михайлу Олферьеву за обручи серебряны золочены, которые были на государевѣ свѣчѣ, вѣсомъ за четыре гривенки; да стряпчимъ Ивану Чихачову да Ивану Олферьеву, которые были у царицы въ свѣчникехъ, за обручижъ серебряные вѣсомъ за три гривенки, и обоего за семь гривенокъ серебра 30 руб., взяли сами.—Дек. 17 серебрянымъ мастеромъ Давыду Омельянову да Остафью Иванову 21 алт. 4 д.; а они на тѣ денги купили въ ряду къ серебряному дѣлу пять гривенокъ воску, по гривнѣ гривенка; да 15 гривенокъ смолы по двѣ денги гривенка; окладываютъ серебромъ образъ Пречистыя Богородицы Казанскіе отъ царицы изъ хоромъ.—Дек. 30 за столбцы кленовые 2 алт., взяты столбцы на царицынъ стулъ.—За войлокъ ордынской 10 алт., взятъ на царицыно подножье. Посошнику Тимохѣ Ѳедорову за доски липовыя 3 алт.; въ тѣхъ доскахъ дѣлалъ подъ государеву новую діядиму кругъ да на рукавки правилца.—Генв. 22 по приказу г. в. старицы иноки Марѳы Ивановны въ серебряной приказъ Кузьмѣ Титову пять гривенокъ серебра по счету денгами 21 рубль 2 гривны; а въ томъ серебрѣ велѣно Кузьмѣ здѣлать ко гробу блаженные памяти царицы и в. к. Марьи Володимеровны на покровъ крестъ съ дробницами; взялъ денги

ма санъ. — Генв. 26 царицыну чеботнику Ивану Галкѣ ивны: купилъ въ коробейномъ ряду коробью осиновую ную съ замкомъ:взята коробья на дары государыни цари- —Генв. 30 жалованья на 133 г. въ Кадашово приказной Аннѣ щкой 8 р.; приказала государыниныяъ словомъ старица а Языкова. — Маія 20 овошного ряду торговому человѣку за стекла хрустальные, за одно полтина, а за другое двѣ ны: а взяты тѣ стекла одно въ царицыно заркало, а де въ государево опахало. — Мая 23 по приказу иноки ы Ив. ученицамъ золотыхъ дѣлъ Марьѣ Волковѣ да ѣ Архимаритовѣ въ приказъ для свадбы по 3 рубли. — дарынину серебряному мастеру Давыду Омельянову на олотыхъ червоныхъ и угорскихъ по 30 алт. за золотой, озолоту къ образному окладу Богородицы Казанскіе, коимъ образомъ благословила государыня царицу Марью димеровну. Да емужъ къ тому окладу на позолоту на 2. ф. и по 12 алт.; да къ тому же дѣлу на щеть мѣденую 3 алт. — 8 колмогорцу Ивану Носу за опахало съ зеркаломъ е струцово розными цвѣты 3 р.; взято въ мастерскую ту. — Августа 7 книжнымъ писцомъ Юрью Евсевьеву да у Насонову на киноварь да на чернила двѣ гривны; пиь государеву воинскую книгу. — Авг. 10 посошнику охѣ отъ большіе десные каракси, къ писцомъ, которые утъ государеву воинскую книгу.

. 134 г. Сент. 18 серебряного ряду за перстень серебъ золоченъ съ лазоревою печатью навоженъ финифты 10 отданъ государеву потѣшнику Юрью Проскурѣ. — Окт. 29 бр. мастеръ Давыдъ дѣлалъ ко государынѣ въ Казенную ать серебряную. — Ноября 20 книжному писцу Юрью евьеву на киноварь двѣ гривны; а взятъ тотъ киноварь ти государева воинская книга. — Дек. 5 знаменщику пу Панеѣину на чернила да на уголье, чѣмъ знаменить дареву воинскую книгу, 3 алт. Дек. 27 по приказу иноки ы Ив. Петру Безобразову въ приказъ 10 руб.; относилъ ячей Ондрей Ивановъ. Генв. 3 по государеву имянному азу Петру Яковл. Безобразову дочери его на приданое убл.: относилъ тотъ же подьячей. — Генв. 19 куплены: ноекъ булатной черенъ рыбей зубъ 5 алт., ножнкъ желѣзной т.: взяты къ царицѣ въ хоромы. За коробью лубяную шую 30 алт.: взята къ царицѣ на постелю. За коробью овую большую писаную съ замкомъ; взята въ мастер- на царицыну казну. — Генв. 23 куплены къ государевымъ мъ въ мастерскую полату ножницы желѣзные большіе кое дѣло. Къ царицынымъ кичнымъ лагалищамъ на люги и на крюки и на петли 30 алт. — Апр. 20 серебрямастеру Давыду Полоченинову къ золотому царицыну на 5 золотниковъ сулемы по 3 денги за золотникъ; да ожу Ондрюшкѣ Степанову за три коробьи осиновыхъ

бѣлыхъ, которые взяты къ казначеемъ 15 алт. 2 д.; да къ царицынымъ чеботамъ да къ башмакамъ на прикладъ 8 алт.; да къ царицынымъ же шитымъ сафьяннымъ червчатымъ чеботамъ на подкѣейку, на прху и на клей 10 д. Да канительнику Мурзѣ Гаврилову къ кречатьимъ рукавкамъ на запястья на шитье за 2 зол. серебра золоченого да за золотникъ серебра бѣлово иголново по 5 алт. за золотникъ. Да къ боярынѣ къ княгинѣ Овдотьѣ Коркодиновѣ на мѣлъ да на клей 8 денегъ. Да шляпочнику Осипу Фатьянову на царицыны шляпы на бумагу и на зайчину двѣ гривны.—Июня въ 19 день мыльнику Ларькѣ Олексѣеву за брусъ мыла индѣйского да за 3 бруса мыла грецкого, что взято къ царицѣ. 25 алт.; да овошного ряду торговому человѣку за фунтъ да за вѣски, что взяты въ свѣтлицы, 20 ал.; да ветошного ряду торговому человѣку за щеть, что взята въ царицыну въ мастерскую полату, 5 алт. Да иконьнику Ивашку Яковлеву за крестъ, на немъ Распятіе Господне писаное, про[illegible] пять алтынъ: а приводити къ тому кресту государевыхъ [illegible]ровыхъ людей, которыхъ во дворъ емлютъ вновь.

65. 135 г. сент. 2, за стекло зеркальное въ царицыно опахало полполтины, да стекло закрѣпливать на булавки 2 ден.—Сент. 13, къ каменной казенкѣ, что у царицыны мастерскіе палаты въ сѣнѣхъ, на замокъ 10 д.—Сент. 14, за фунтъ бѣлилъ 5 алт.; отнесены въ царицыны хоромы.—Сент. 28, за стекло хрустальное, что взято въ царицыно серебряное зеркало, 13 алт. 3 д.: да отъ того стекла отъ вставливанья на пелепелъ часовнику Мосѣю Терентьеву 4 алт.—Ноября 6, овошного ряду торговому человѣку за шесть золотниковъ румяницу лекового по пяти денегъ за золотникъ, да за пять золотниковъ румяницу же ступичного бакану турского, по осми денегъ за золотникъ; купленъ къ царицѣ въ хоромы.—Дек. 15, овощного ряду торговому человѣку за десять золотниковъ румяницу лекового по алтыну за золотникъ; купленъ къ царицѣ въ хоромы. (Была покупка еще февраля 14 столько же, марта 25 лекового 5 золотниковъ: мая 9, лекового 2 зол.; іюня 25 лекового 10 золотн.; по 10 денегъ.)—Дек. 15 за коробью большую ноугородскую красную съ замкомъ 13 алт. 2 д.; куплена на царицыно на бѣлое платенцо.—Февр. 14, царицынымъ крестовымъ дьякомъ Овдѣю Васильеву, Ивану Семенову, Гаврилу Парфеньеву, Кирилу Григорьеву по рублю человѣку: а пожаловалъ ихъ государь за то, что они славили у царицы въ хоромѣхъ на Рождество Христово.—Февр 27 за двѣ чѣпи желѣзныхъ луженыхъ 3 алт., за замокъ 2 алт. 2 д.; куплены къ полаткѣ къ судебной, гдѣ судятъ судные дѣла. За коробейку лубяную 4 д. куплѣна на явки.—Апр. 12 за коробью бѣлую осиновую съ пробои 13 алт. 2 д., куплена къ царицѣ въ хоромы на полавочники.—Апр. 22 овошного ряду торговому человѣку за погребчикъ бумажный въ немъ четыре скляники маленькіе зе-

лены, 3 алт. 2 д.; куплен къ царицѣ въ хоромы на водки.—Мая 4 портному мастеру Ивану Олександрову на провозъ. 3 алт., ѣздилъ съ полотенечками къ Спасу на Новое къ в. г. инокѣ Марѳѣ Ив., какъ ходила молитца въ монастырь; и изъ монастыря наскоро (ѣздилъ).—Мая 22 дворцовому старостѣ Дмитрею Сверчкову за лохань мѣденую зеленую ручную вѣсу въ ней три гривенки безъ чети, по 5 алт. гривенка; да за кумганецъ маленкой мѣденой луженой на оба лица 8 алт. 2 д.: куплено къ царевнѣ въ хоромы.—Авг. 21, мыльного ряду торговому человѣку за косякъ мыла простого добраго 36 алт., куплено въ царицыну портомойню къ платью на мытье. (Мая 22, овощного ряду за три бруса мыла грецкого 22 алт.; къ царицѣ въ хоромы. Тудаже іюня 12 косякъ мыла костромского добраго большаго 23 алт. 2 д.; Іюня 15 три бруса мыла костромскова 15 алт.—Іюня 25 мыльного ряду за косякъ мыла простого добраго большаго 30 алт.; въ царицыну портомойню къ государеву и къ царицыну платью на мытье).

66. 136 г. Окт. 26 овощного ряду за гребень большой костяной слоновой 6 алт.; къ царицѣ въ хоромы.—Окт. 28 за 4 войлока бѣлыхъ коровятинныхъ по 5 алт., въ царицыну нижнюю полату, гдѣ ходятъ судить, на двери и на окна на обивку къ судебной полатѣ (въ которой судятъ кодашовцовъ) 117 ременьевъ, 12 колодокъ гвоздья луженаго.—Окт. 31 за 10 ф. пуху лебяжья бѣлого доброго по 13 алт. 2 д.; за 20 ф. пуху сѣрого лебяжья доброго 10 алт.; про царицынъ обиходъ въ постели.—Дек. 3 за 2 фунта бѣлилъ 13 алт. 2 д.; къ царицѣ въ хоромы.—Дек. 18 за чернилницу глиненую 6 д., да за песошницу жестяную 3 д.,—въ судебную палату. За двѣ колодки гвоздей луженыхъ 5 д.; къ царицѣ въ хоромы на прибивку къ полавочникамъ.—Дек. 28 царицынымъ крестовымъ діякомъ Ивану Семенову съ товарищи шти человѣкомъ по рублю—за то, что они славили у царицы въ хоромахъ на Рождество Христово.—Дек. 29 за 6 зол. румяницу лековаго по 8 д.; царицѣ въ хоромы. (Покупано еще: марта 27—семь золоти. по 10 д.; авг. 13 три золот. 2 алт.).—Генв. 2 епанечнаго ряду за полсть бѣлую 20 алт.; царицѣ на стелечки.—Марта 26 часовнику Потапку за два замка нѣмецкаго дѣла съ пружинами и съ орлики 20 алт.; къ царицыну да къ царевниным кипарисным ларцамъ.—Марта 27 за два аршина волоченой мѣди, да за 4 колечка мѣденыхъ 10 д., въ царицыны въ задніе сѣни къ окончинамъ къ завѣсомъ.—Апр. 10 царевны Ирины кормилицыну сыну Степану къ ожерелью 2 камышка достоканца да виниски 4 алт.—Апр. 26 царицыну бѣлилному мастеру Микифору Карпову за свинецъ и за дрова, за солодъ, хмель, медъ, что пмано у него къ государеву бѣлилному дѣлу въ 134 и 135 г.—Авг. 13 фунтонному мастеру Макару Васильеву въ царицынъ въ серебряной фунтъ на литье ползолотника серебра и за дѣло 3 алт.

67. 137. г. Сент. 11 къ царицѣ въ хоромы отнесъ Ѳед. Ст. Стрѣшневъ 10 руб., а сказалъ, пожаловала государыня крайчей Ульянѣ Степановнѣ Сабакинѣ.—Сент. 16 царицыны мастерскіе палаты портнымъ мастеромъ къ чищенью къ царицыну платью на голички и отъ точенья отъ ножницъ 6 денегъ. —Сент. 21, куплено въ ряду старицѣ Марѳѣ уродивой сарафанъ крашенинной да шапка изуфреная гвоздичная да сапоги телятинные чорные, а за все 20 алт. 2 д.--Ноября 14 золотного ряду торговому человѣку за два аршина за серебреной поясочекъ 4 алт., а взятъ тотъ поясокъ къ царевниным къ червчатымъ къ отласнымъ чоботомъ.—Дек. 17 посошнику Тим. Федорову на уголье, на клей и на свѣчи 4 алт. 2 д., дѣлалъ царевнѣ Пелагѣѣ Мих. на платье сундукъ капарисной.—Дек. 18 токарной мастеръ Ондрюша Ондрѣевъ дѣлалъ царицѣ подъ шапки и подъ каптуры и подъ царевнины шапочки 14 столбунцовъ, да царевнѣ точилъ двѣ колыбели, и ему на кормъ на недѣлю 7 алт.—Марта 21 карлицѣ Анюткѣ подѣлываны серги да на тѣжъ серги прикупленъ камень, а по уговору за дѣло и за камень два алтына.- Март. 24 царица Евдокѣя Лук. пожаловала велѣла дати Васильевской женѣ Неупокоя вдовѣ Оленѣ на дорогу до Колуги 2 р.; пріѣзжала къ Москвѣ для государева дѣла.—Апр. 29 шляпочному мастеру Осипу за двѣ шляпы бѣлые 13 алт. 2 д., а взяты тѣ шляпы къ царицѣ въ хоромы къ боярынямъ въ отдачю.—Мая 5 манатѣйново ряду торговому человѣку за шапку черническую камчатую подложена крашенинною съ овчиною, чорную 5 ал.; а взята та шапка старицѣ Марѳѣ дуркѣ. -Іюня 13 каптурнику на царицыны шляпы къ левкасенью на клей рыбей и на мѣлъ 3 алт. 4 д. —Авг. 14 коробейнаго ряду торговому человѣку Ивашку Онисимову за коробью осиновую бѣлую 4 алт.4 д.; а взята у него коробья на ерданскіе полотна

68. 138 г. Сент. 8 къ царицынѣ шляпѣ къ левкасенью на клей 6 денегъ.--Сент. 30 серебреному мастеру Ивашкѣ Колугѣ за золото и за серебро басмяное 32 алт. 5 д.: а взято то золото и серебро царевны Ирины къ шапкѣ, что сдѣлана съ городы.—Ноября 29 бѣлильному мастеру Микифору Карпову за 5 ½ зол. румяницу рускаго по 4 д. золотникъ, къ царицѣ въ хоромы.—Дек. 23 сапожново ряду торговому человѣку за сапоги жолтые сафьянные 8 алт. 2 д.: взяты сапоги карлицѣ Офушкѣ.—Генв. 17 серебряного ряду старостѣ Оксенку Чорнышову за 3 свайки серебряные 12 алт.; а взяты тѣ свайки къ царицѣ въ хоромы.—Февр. 10 за 8 сажень проволоки желѣзной да за 20 колецъ бронныхъ 5 алт. 2 д.; въ церковь муч. Екатерины къ запону.—Февр. 11 за коробью красную съ нутреннымъ замкомъ 6 алт.; корыто липовое большое да три лопаты липовые 5 алт. 2 д.; въ портомойню къ государеву къ бѣлому платейцу.—Февр. 15 за замокъ вислой 10 д.; въ нижней подклѣтъ, гдѣ кладутъ царицыны мастерскіе полаты дрова.

69. 139 г. Сент. 5 шляпочному мастеру отъ трехъ шляпъ за валенье по 10 алт. отъ шляпы; а дѣланы тѣ шляпы въ отдачю комнатнымъ боярынямъ.—Сент. 25 троецкому казначею старцу Микитѣ за троецкіе сосуды, которые троецкіе власти принесли къ царицѣ, 5 руб.—Дек. 20 извощику Богашку Софонову отъ провозу отъ 2 коробей 10 ден.; а возилъ нъ тѣ коробьи въ тюрму съ отставными съ простынями на раздачу тюремнымъ сидѣльцомъ.—Дек. 27 торговкѣ Окулинѣ Юрьевѣ за рубашку да за портки холщевные 10 алтынъ 2 д.; взята та рубашка и портки дураку Мосѣйку.—Авг. 10 Катерининские попы на Царяборисовскомъ на старомъ дворѣ в полатѣ пѣли молебенъ и святили воду; и на молебенъ государь пожаловалъ имъ 16 алт. 4 д.—Мая 23 сапожново ряду торговому человѣку за двои сапоги ветчаные за подшивки алт. 4 д; сапоги взяты къ царицѣ въ хоромы Ивановѣ доми Стрѣшнева да карлицѣ Анюткѣ.—Мая 24 холщевного ряду торговому человѣку за 20 арш. холстины толстой льняной аршинъ по алтыну; а взята та холстина дуракомъ на башки.—Мая 29 по приказу Вас. Ив. Стрѣшнева села Рубцова садовнику Ивашку Васильеву на воскъ и на варъ въ село въ Рубцово ко государеву саду къ яблонямъ на прививки, 3 алт. 2 д.—Юня 6 въ портомойнѣ подѣлывалъ коробейного ряду торговой человѣкъ Максимка Софоновъ мовную коробью, въ которой возятъ на рѣку государское платье, и сму пробои да отъ подѣлки и за желѣзо и за гвоздье 3 алт.; деньги взялъ царицынъ сынъ боярской Игнатей Молчанов.—Авг. 21 за 25 скобъ желѣзныхъ 10 алт. 2 д.; подъ царицыны чеботы и башмаки.

. 140 г. Ноября 8 ипанечново ряду торговому человѣку за шляпу валеную 23 алт. 2 д., да сапожново ряду (торг. чел.) за сапоги мужские да за двои сапоги женские сафьянные да темные 29 алт. 4 д. взята шляпа царевны Анны Мих. карлицѣ, а сапоги карламъ Стенкѣ да Анюткѣ, да дуркѣ Оринкѣ.—Ноября 20 ипанечнево ряду торговому человѣку войлокъ коровитинной 2 алт. 4 д.: а взятъ войлокъ въ Оркѣ.—Дек. 24 манатейново ряду торговому человѣку остольникъ старицкой 4 алт. 2 д., а взятъ тотъ апостольникъ старицѣ Марфѣ уродивой.—Декабря 24 за 10 ф. гусина бѣлово по 11 алт. по 4 д. за фунтъ; а пухъ взятъ царицыну да въ царевнины постели.—Генв. 18 торговому человѣку за 13 арш. сатыни цвѣтной за аршинъ по 8 алт.; а взята та сатынь кроить лѣтничные образцовые приволоки. Тогожъ дни сапожново ряду торговому человѣку за сапоги барановые зеленые 13 алт. 2 д.; а взяты тѣ сапоги дѣвкѣ Оринкѣ.—Марта 1 манатѣйново ряду торговому человѣку за наметку старицкую 3 алт. 2 д., а наметка взята старицѣ Марфѣ уродивой.—Мая 13 шапочному мастеру на пухы къ отласной къ червчатой шапкѣ на накладной пухъ

да на подклейку да на нити 6 алт. 2 д.; шапка дѣлана новой карлицѣ дѣвкѣ.—Іюня 9 государыни царицы Евдокѣи Лукьяновны по имянному приказу потѣшнику домрачею Гаврилку слѣпому въ приказъ рубль дано.

71. 141 г. Окт. 2, чеботнику Василью Васильеву къ отдаточнымъ къ двоимъ сапогамъ на прикладъ 8 алтынъ: а дѣланы тѣ сапоги въ отдачю княжнѣ Марьѣ Ромодановской да Ивановѣ дочери Стрѣшнева. — Ноября 17 къ царицѣ въ хоромы рубль приняла боярыня Соломонида Мезецкая, а сказала, что тѣ деньги царица пожаловала сѣнному сторожу Ондрюшкѣ прозвище Сапегѣ на похороны. — Ноября 18, иконного ряду торговому человѣку Варфоломѣю Иванову промѣну за *образъ* св. мч. Антипы 10 алт.; образъ отнесенъ къ царицѣ въ хоромы, а денги взялъ крестовый Ѳома Борисовъ. -- Ноября 21, овощного ряду за щеть нѣмецкое дѣло обложена мѣдью волоченою 5 алт.; къ царицыну платью.—Дек. 12 за окончину слюденую большую 30 алт.; взята въ судную (зачерк. судимую) полату, гдѣ судятъ царицынъ чинъ.—Марта 5, государыни царицы Евдокѣи Лукьяновны казначеѣ къ ключамъ на поцѣпку отослалъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ съ комнатнымъ сторожемъ съ Васкою Ивановымъ два золотника съ четью шолку червчатого.—Марта 12, завязочного ряду торговому человѣку Ивашку Семенову за 37 пугвицъ обдѣлываны золотомъ пряденымъ по 8 д. за пугвицу; а взяты тѣ пугвицы къ потѣшному къ нѣмецкому къ бархатному платью.—Апр. 16, за десять золотниковъ воску ярого бѣлого по 2 д. за золотникъ, къ царицѣ въ хоромы приняла казначея Анна Хитрово. — Іюня 22, сопожново ряду торговому человѣку за сапоги сафьянные желтые 18 алт. да сапоги телятинные красные 8 алт.; взяты сапоги сафьянные княжнѣ Марьѣ Друцкой, а телятинные карлицѣ дѣвкѣ Марфуткѣ.

72. 142 г. ноября 12, шапочному мастеру къ отдаточной къ отласной къ червчатой шапкѣ на накладной пухъ да на поясокъ золотной, да на клейную крашенину 13 алт. 2 д., а шапка дѣлана карлицѣ дѣвкѣ. — Мая 18, кафтанного ряду торговому человѣку за сарафанъ крашенинной 13 алт. 2 д., да за шапку черническую холодную 4 алт. 2 д.; а сарафанъ и шапка взята старицѣ Марѳѣ уродивой. — Іюня 14, за полсть валяную бѣлую 25 алт.; взята въ царицыны да въ царевнины чеботы на стельки и на колодки.—Іюня 17, дано портнымъ мастеромъ на свайку, чѣмъ у государевыхъ зипуновъ прокалывать втычные пуговкг, 6 д., да на нити, чѣмъ сшить на поставецъ простыня, 6 д. — Іюля 16, торговому человѣку за шляпу валеную бѣлую 13 алт. 2 д. да къ той шляпѣ куплено выбойки руской аршинъ, и дано 10 денегъ; а шляпа взята въ отдачю слѣпой бабѣ, которая живетъ у царицы въ хоромѣхъ, Марьѣ.

73. 143 г. Окт. 1 сапожного ряду торговому человѣку за сапоги телятинные красные 14 алт.; а взяты тѣ сапоги дуркѣ дѣвкѣ татаркѣ.—Окт. 29, москотинного ряду торговому человѣку за шестнадцать нитей бисеру бѣлого и цвѣтного 6 алт. 4 д.: а взятъ тотъ бисеръ на нарядъ дуркѣ бабѣ слѣпой.—Февр. 12, въ царпцѣ въ хоромы полтина, приняла крайчея княгиня Соломонида Мезецкая, а сказала, пожаловала государыня царица тѣ деньги на похороны Ивашку карлу.—Февр. 19, боярынѣ княгинѣ Марьѣ Пронской за двои чотки короловые красные, а въ нихъ 200 пронизокъ, 7 руб.: да за 44 арш. тесемъ шолковыхъ алыхъ по 2 ал. 1 д. арш. — Мая 8. сапожного ряду торговому человѣку за трои сапоги телятинные красные рубль 8 алт. 2 д.; сапоги отданы потѣшные палаты слѣпымъ Якушу съ товарищи.—Іюня 5 государынѣ царицѣ Евдокѣи Лукьяновнѣ въ хоромы взялъ окольничей Ѳед. Степ. Стрѣшневъ 6 алт. 4 д.; а сказалъ что онъ отдалъ тѣ деньги потѣшные полаты слѣпымъ игрецомъ Якушу да Лукѣ на струны.—Іюля 11 потѣшные полаты домрачеемъ Лукашу слѣпому съ товарищи на струны 4 алт., приказалъ окольничей Ѳед. Степ. Стрѣшневъ. — Іюля 21 по приказу боярина Бориса Ивановича Морозова дано печатново двора книжнымъ переплетчикомъ тремъ человѣкомъ поденново корму на недѣлю по алтыну на день человѣку: дѣлали государынѣ царицѣ къ шапкамъ два влагалища набивали сусальнымъ золотомъ и серебромъ по сафьяну по червчатому. — Авг. 17, торговому человѣку за вѣнецъ литовской жемчюжной четыреста тридцать рублевъ; взялъ деньги окольничей Вас. Ив. Стрѣшневъ, а вѣнецъ по государеву указу отдалъ въ царицыну въ мастерскую полату дьяку Сурьянину Тороканову, а велѣно ему передѣлать вѣнецъ царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ.

74. 144 г. Окт. 17, ипанешного ряду торговому человѣку Макарку Иванову за мѣшокъ шерсти оленьи мягкіе 8 алт. 2 д.; взята въ царицыну мастерскую полату къ царицынѣ сафьянной колодкѣ. Тогожъ дни, къ царицѣ въ хоромы 2 р. приняла крайчея княгиня Соломонида Мезецкая, а сказала, что тѣ деньги пожаловала государыня постельницѣ Ѳедорѣ Нестеровой на пострнганье.—Окт. 29 шубного ряду торговому человѣку за шубу баранью одѣвальную рубль 20 алт., шуба отдана старицѣ Марѳѣ юродивой.—Ноября 8, къ царицѣ въ хоромы 5 р. 25 алт.; приняла княгиня Соломонида Мезецкая, а сказала, что она тѣ деньги дала торговымъ людемъ за 6 мѣховъ заечьихъ, въ которыхъ дѣланы тѣлогрѣи боярышнамъ да за потѣшной тазъ.—Дек. 4, къ царицѣ въ хоромы рубль 16 алт. 4 д. приняла княгиня Соломонида Мезецкая, а сказала, что дала она тѣ деньги за холодные тѣлогрѣи торговымъ людемъ, что взяты въ Верхъ боярышнямъ.—Декабря 13, потѣшные полаты домрачею Лукашу слѣпому на струны гривна, дано.—Генваря въ 31 день, кузнецу Ивашку Трофимову 5 алт.;

а онъ за тѣ деньги здѣлалъ въ царицыну мастерскую полату утюгъ желѣзной.—Февр. 16, канительного дѣла мастеру Ульяну Ульянову за 76 зол. проволоки посеребриваной, по 2 алт. за золотникъ; взята къ двумъ корунамъ, которые коруны дѣланы въ мастерской полатѣ царевнѣ Аннѣ да царевнѣ Софьѣ.—Февр. 17, за коробью осиновую бѣлую съ пробои 4 алт.; взята на деревяные суды царевны Татьяны Мих. — Марта 28, по приказу окольничего Ѳед Степ. Стрѣшнева потѣшные полаты Якушу слѣпому на струны гривна, взялъ самъ. —Апр. 8, сапожного ряду торговому человѣку за сапоги женскіе телятинные лазоревые 14 алт.: сапоги отданы старицѣ Марѳѣ юродивой. —Апрѣля въ 9 день, по приказу окольничево Ѳедора Степанов. Стрѣшнева часовничному мастеру Потапку Моисѣву за желѣзной аршинъ, за желѣзо и за дѣло 4 алт.; отнесенъ къ царицѣ въ хоромы.—Мая 5, отпущено къ государынѣ царицѣ въ хоромы пять рублевъ, а была въ тѣ поры государыня у Рожества Пречистые Богородицы, что на сѣнехъ, у обѣдни; взялъ деньги подьячей Левонтей Лазаревской, а сказалъ: велѣлъ де ему деньги взять околничей Ѳедоръ Степановичь Стрѣшневъ. — Мая 7, по приказу окольничего Ѳед. Степ. Стрѣшнева потѣшные палаты Якушу слѣпому на струны 3 алт. 2 д. дано.

75. 145 г. Окт. 10 потѣшному Лукѣ слѣпому на домерные струны 3 алт. 2 д., деньги взялъ самъ.—Генв. 9, потѣшному слѣпому Лукашу Микифорову на струны 3 алт. 2 д., деньги взялъ самъ.—Генв. 23, за пять сажень желѣзной проволоки 3 алт. въ царицыны хоромы къ завѣсу. — Генв. 26, тудаже девять сажень проволоки желѣзной, 5 алт.—Генв. 27, за корелчатый ставецъ да пять блюдъ красныхъ 16 ал. 4 д.; къ царицѣ въ хоромы.-Апр. 22, москатильного ряду торговому человѣку за бурсы 16 алт. 4 д.; въ царицѣ въ хоромы принялъ окольн. Ѳ. С. Стрѣшневъ.—Августа 29, потѣшные палаты Якушу слѣпому на струны 3 алт. 2 д., деньги взялъ самъ.

76. 146 г. Сент. 15 токарю Аѳонкѣ Семенову на 10 дней корму по 10 д. на день; дѣлалъ царицѣ 8 болвановъ шапочныхъ, 5 болвановъ каптурныхъ, на тазы влагалище; на корону, на чарку, на мушкатной кубокъ да на скуръ—по влагалищу.—Окт. 18 овощного ряду за травеной вѣникъ, чѣмъ чистятъ государское платье, 8 д.; взятъ въ царицыну мастерскую палату.—Окт. 19, руковишного ряду торговому человѣку за треухъ пестрой суконной 4 алт., государыня царица Евдокѣя Лукьяновна пожаловала потѣшной дѣвкѣ Оринкѣ.—Ноября 4, государыня царица пожаловала велѣла дать казначеѣ Аннѣ Хитрой да ларешницѣ Матренѣ Кобеленѣ по полтинѣ.—Ноября 5, царица пожаловала велѣла дать нѣмкѣ дѣвкѣ Овдотьѣ въ Вознесенской монастырь на свѣчи 16 алт. 4 д. Тогожъ дни часовнику Моисѣю Терентьеву за хрустальное стекло 6 алт. 4 д.; вставлено царицы Евдокѣѣ Лук. въ турское

ало.—Февр. 2, суровского ряду за четверы гилянскіе до-
да за двое желты по 2 р. 13 ал. 2 д.; да кишного ряду
вкѣ за три рубашки мужскихъ шиты золотомъ да сереб-
по 2 р; въ хоромы къ царицѣ принялъ околн. Вас. Ив.
пневъ.—Апр. 10, дано по приказу боярина Бориса Ивано-
Морозова иконнику Ивашку Данилову за икону промѣну
одобнаго Семіона 30 алт.; отданъ образъ уродивому
ю, что живетъ въ монастырѣ у Спаса на Новомъ.—Авг.
ято за платьишка за обноски всякіе, что носили дураки
олишка, три рубли 4 алт 4 д; продано всякимъ лю-
а кому что продано и на комъ что денегъ взято и то
о имянно въ продажной книгѣ.

147 г. Сентября въ 23 день суровского ряду торговому
вку Тимошкѣ Михайлову за четыре таФтицы перситцкіе
ъ полтиною; взяты царевнамъ на пологи.—Сент. 30 къ
ѣ въ хоромы полтина; взялъ стольникъ Вас. Голохвас-
а сказалъ что тѣ денги царица пожаловала ему Ва-
на сапоги.—Окт. 31 по приказу окольничего Ѳед. Степ.
пнева потѣшнымъ Якову да Лукьяну слѣпымъ на стру-
алт. 2 д.; деньги взяли сами.—Дек. 3 за двѣ коробьи
ыхъ бѣлыхъ 13 алт. 2 д.; взяты въ царицыну въ мастер-
полату *на кисеи*, что государь пожаловалъ дщерямъ
ь царевнѣ Иринѣ да царевнѣ Аннѣ на кладовые соро-
Февр. 8 овошного ряду—за три гребни слоновые, по
ны гребень; къ царицѣ въ хоромы приняла княгиня
а Троекурова.—Марта въ 11 день овошного ряду торго-
человѣку за четыре бруса мыла грецкого 20 алт. къ
з въ хоромы приняла бабка Авосья.—Іюля 22 за сундукъ
й съ оковы желѣзными 3 р. 4 ал. 4 д; въ царицыну мас-
ю полату на государское платье.

148 г. Сент. 20 къ царицѣ въ хоромы 3 руб.; приняла
я Марья Пронская, а сказала, что тѣ деньги на милос-
ю раздачу, какъ бываютъ государынямъ царевнамъ въ
и въ Чудовъ монастырь походы молитьси.—Окт. 31
йного ряду торговому человѣку за полпуда пуху гуси-
о 10 алт. за гривенку; да за перину со взголовьемъ
алт. 4 д.; пухъ взятъ въ государскіе постели, *) а перина
въ отдачю княинѣ Овдотьѣ Щербатовой.—Ноября 8 мов-

омѣ покупки у торговыхъ людей, ухъ (перье) заготовлялся
даревъ обиходъ въ Постельномъ приказѣ и посредствомъ сно
ъ воеводами тѣхъ мѣстностей, гдѣ можно было его добывать.
имою 1625 — 1626 гг. писано было къ воеводамъ въ Ростовъ и
авль съ приказомъ купить „пуху лебяжьяго и гусина бѣлаго
о добраго, сколько у кого сыщется." Въ 1625 г. Дек. 7 съ Дви-
вода Никита Вельяминовъ прислалъ 22 Фунта пуху лебяжья да
пуху гусина да 9 пудъ 18 гривенокъ пуху утячья; а въ 1626 г.
онъ же прислалъ пуху гусинаго 6 пудъ 14 Фунтовъ.

ному сторожу царицыны мыленки Омельяну Григорьеву на похороны 16 алт. 4 д.; деньги взялъ царицынъ истопникъ Ортюха Гудокъ. Тогожъ дни, овошного ряду торговому человѣку за три стаканчика стекляныхъ на стоянцахъ 7 алт., стоканчики принелъ къ царицѣ въ хоромы Иванъ Өедоровичь Стрѣшневъ Меньшой.—Ноября въ 11 день серебряного ряду торговому человѣку за серги, серебряные позолочены двойчатки съ каменьемъ и съ жемчюгомъ рубль 14 алт.; серги принела къ царицѣ въ хоромы княгиня Марья Хованская.—Ноября 23 шапочного ряду торговому человѣку за десять болвановъ точоныхъ, за болванъ по 10 денегъ; болваны взяты царицы подъ шапки. —Генв. 11 къ царицѣ въ хоромы рубль; принела крайчея княгиня Соломонида Мезецкая, а сказала, что тѣ деньги Екатерининскому попамарю Өиипкѣ за двои сапоги желтые сафьянные женскіе, а сапоги государыня царица пожаловала двемъ дѣвкамъ, Голохвастовѣ да Марьѣ Еремѣевѣ.—Генв. 19 взято къ государынѣ царицѣ въ хоромы сто рублевъ, относилъ Ив. Мих. Аничковъ, приняла де у него деньги у хоромъ боярыня Анна Пушкина, а велѣла записать: взяты деньги въ роздачю по старицѣ по Марфѣ уродивой.—Генв. 28 овошнаго ряду торговому человѣку за двѣ братиночки стеклянныхъ 16 алт. 4 д.; братины принелъ въ хоромы Иванъ Өедоровичь Стрѣшневъ Меньшой.—Февр. 23 серебряного ряду торговому человѣку за серги серебряны позолочены рубль 16 алт. 4 д.: серги приняла къ царицѣ въ хоромы княгиня Марья Хованская, а сказала, что тѣми сергами государыня царица пожаловала дѣвку Голохвастову.—Марта 30 овошного ряду торговому человѣку за три стокана стеклянныхъ, за стоканъ по 2 алт.: взяты къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы, принела боярыня кн. Марья Хованская.—Іюня 25 япопечного ряду торговому человѣку за полсть бѣлую рубль 12 алт. 4 д.; полсть взята въ государскіе чеботы на колотки и на стельки.—Іюля въ 10 день государыня царица Евдокѣя Лук. пожаловала старицѣ Стрѣшневѣ на скимленье и на тазъ мѣденой 26 алт. 4 д.; отосланы тѣ деньги царицыны мастерскіе полаты съ портнымъ мастеромъ со Власомъ Кешеневымъ.

79. 149 г. Сент. 6 къ царицѣ въ хоромы рубль; приняла княгиня Соломонида Мезецкая, а сказала, что тѣ деньги государыня пожаловала дуркѣ дѣвкѣ Полагейкѣ, которую привезъ изо Пскова околничей Василей Ивановичь Стрѣшневъ.—Ноября 8 по росписи за помѣтою дьяка Сурьянина Тороканова царицыны мастерскіе полаты шапочнику Гаврилу Савельеву на два мѣсяца и на 12 дней корму на день по 10 денегъ, а дѣлалъ онъ въ тѣ дни царицѣ шапки и рукавки и накладные ожерелья.—Ноября 11 ветошнаго ряду торговому человѣку за опашень суконный чорный 2 р. 30 алт. опашень государыня пожаловала Псковской бабкѣ Аннѣ.—Ноября 27 чемоданному мастеру Семейкѣ Яковлеву на ремевья и на вер-

ви 23 алт. 2 д., тѣми ременьями и нервями обшивалъ царицыну постельную большую лубяную коробью.—Дек. 9 взято къ государынѣ царицѣ въ хоромы рубль, взялъ Василей Голохвастовъ, а сказалъ: взятъ въ отдачю къ Спасу на молебенъ.—Дек. 30 царица пожаловала дѣвицамъ боярышнямъ и княгинямъ, которые у ней государыни и у царевенъ на сѣнѣхъ, въ жалованье 50 руб.—Генв. 9 отпущено государынѣ царицѣ въ хоромы 4 р. относилъ деньги Иванъ Михайловичь Аничковъ, принела де у него деньги княгиня Марья Хованская. а сказала: взяты въ отдачю рудометницѣ.—Февр. 28, взята въ серебреномъ ряду гривна серебрена золочена чеканная вѣсу въ ней рубль 2 д.; да за дѣло... велѣно тоѣ гривну по приказу государыни приложить къ образу Препод. мч. Евдокѣи.—Іюля 12 коробейного ряду торговому человѣку на коробью большую окованую желѣзомъ чернымъ олифленымъ 7 р. съ полтиною, да за три коробьи осиновыхъ бѣлыхъ полтина; большая коробья взята государыни царицы большого наряду на платье, а осиновые коробьи взяты на книги и на столпы въ царицыну въ мастерскую полату.

80. 150 г. Ноября 2, серебреного ряду торговому человѣку отъ синя серебреного булавочного и съ тѣмъ, что за дѣло, 2 алт. 2 д.; булавку принялъ Иванъ Ѳедоровичь Стрѣшневъ Меньшой, а сказалъ, что та булавка царицына, а зерно гурмыцкое на тоѣ булавку изъ хоромъ выдалъ онъ же.—Генв. 15, сапожнаго ряду торговому человѣку за башмаки прямые телятинные красные 6 алт.; башмаки государыня пожаловала дѣвкѣ дуркѣ Орюткѣ.—Марта 18, къ царицѣ въ хоромы 4 ал. 2 д.; приняла Катерина Бутурлина—куплено тремъ дуркамъ дѣвкамъ по перевязкѣ.—Мая 24, кафтанного ряду торговому человѣку за сарафанъ крашенинной лазоревой 8 алт. 2 д., сарафанъ государыня пожаловала дѣвкѣ дуркѣ Дунькѣ.—Авг. 16, государыня царица пожаловала Переславля Залѣского посацкому человѣку карлицы Анюткину отцу Васкѣ Минневу 2 р. взялъ деньги самъ; приказалъ царицынымъ словомъ Сем. Лук. Стрѣшневъ.—Августа въ 17 день, сапожного ряду торговому человѣку за трои сапоги, за двои желтые мешинные да за красные телятинные, 23 алт. 2 д.; сапоги государыня пожаловала желтые да красные карлицамъ Анюткѣ да Соболкѣ, а другіе желтые новокрещеной дѣвкѣ Дункѣ.—Авг. 29, куплено 6 вер. отласу золотного турского по червчатой землѣ, по немъ травы золоты въ цвѣтахъ шолки розные 3 р.; царицѣ къ бѣлымъ ѳлянамъ на подпушки къ полкамъ.—Авг. 31, къ царицѣ въ хоромы рубль 6 алт. 5 д. принела комнатная Овдотья Рукина, а сказала, что тѣ деньги дати скорнянного ряду торговымъ людемъ за два заячьи мѣхи, а мѣхи взяты карлицамъ на тѣлогрѣи, которые у царевны Ирины Мих. живутъ въ комнатѣ.

81. 151 г. Сент. 5, ко государынѣ царицѣ въ хоромы 3 р. 8 алт. 2 д; принела деньги княгиня Ульяна Троекурова, а сказала, что тѣ деньги дати торговкѣ Оринкѣ Гавриловѣ за мускую рубашку да за портки, рубашка шита золотомъ въ петлю по кисеѣ: а та де рубашка и портки въ отдачу.—Царицыны мастерскіе полаты бѣлильнику Микифорку за ящикъ дубовый съ пробойцы 2 ал.; взятъ ящикъ изъ коробейного ряду на царицыны бѣлилы.—Сент. 9, царицыну сыну боярскому Прохору Перепечину 2 ал.; а онъ Прохоръ тѣ деньги далъ извощику отъ провозу, какъ ѣздилъ по карлицу въ Огородную слободу.—Сент. 10, ко государынѣ царицѣ въ хоромы 14 алт., отнесъ деньги дьякъ Петръ Арбеневъ, а сказалъ, что тѣ деньги приняла Овдотья Пирова, а на тѣ де деньги куплены двои сапоги да двои чюлки карлицамъ Парашкѣ да Анюткѣ.—Окт. 30, ко государынѣ царицѣ въ хоромы 16 алт. 4 д.; приняла казначея Анна Хитрово, а сказали, что на тѣ деньги куплены двѣ тѣлогрѣи, заечьи подъ крашенинною карлицѣ Каткѣ, другая крашенинная карлицѣ Палагѣйкѣ.—Ноября 2, шубного ряду торговому человѣку за два кафтана шубныхъ рубль 26 алт. 4 д.: куплены тѣ кафтаны дуркамъ.—Ноября въ 7 день ко государынѣ царицѣ въ хоромы 20 алтынъ приняла комнатная Овдотья Рукина, а сказали, что на тѣ деньги куплена тѣлогрѣя заячья новокрещеной нѣмкѣ дѣвкѣ дуркѣ.—Декабря 29. въ хоромы жъ полтина; приняла боярыня княгиня Марья Офонасьевна Хованская, а сказала, что на тѣ деньги купить два сарафана дѣвкамъ дуркамъ Дункѣ да Манькѣ.—Февр. 1, ко государынѣ царицѣ въ хоромы 40 алтынъ, приняла Анна Хитрово, а сказали, что тѣ деньги дати торговымъ людемъ за сапоги черные телятинные да за башмаки красные женскіе да за рубашку да за портки, да за исподъ заячей; сапоги государыня пожаловала Ивановского монастыря старицѣ уродивой Аксиньѣ, а башмачи дуркѣ дѣвкѣ Орюткѣ, а рубашку и портки и исподъ пожаловала карлу Ивашкѣ.—Апр. 18 коробейного ряду торговому человѣку за постелю да за изголовье пуховое 2 р. 30 алт.; да за 4 ф. безъ чети за пухъ гусиной по 10 алт. за фунтъ; перина и пухъ государыня царица пожаловала за дѣвкою Марьею Стрѣшневою, какъ она выдана за мужъ—Апр. 20, въ серебреномъ ряду взяты двѣ чарки винныхъ рѣзныхъ, одна золочена, вѣсу 32 зол.; къ царицѣ въ хоромы принялъ окольн. В. И. Стрѣшневъ.

82. 152 г. Сент. 1 соборному рожественскому попу Аксифору 10 денегъ; пѣлъ въ царицынѣ въ мастерской полатѣ молебенъ на Семенъ день Лѣтоначатца нынѣшнего 152 году.—Сент. 14, какъ окладывали церковь Введеніе Преч. Богородицы въ новой Хамовной Слободѣ и по приказу государыни царицы, идучи съ окладу, нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ дано милостыни 15 ал. 2 д.—Ноября 17, какъ государыня царица пошла въ Рубцовскій объѣздъ и съ Москвы дорогою

идучи и на освященіе церкви Введенія Пр. Богородицы нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ милостыни 42 ал.—152 г. февр. 13 коробейного ряду торговому человѣку за двѣ *верны* и за дѣло и отъ крашенья рубль 3 ал.; куплены тѣ верны ко государскимъ кикамъ на подзоръ.—Мая 5 серебреного ряду торговому человѣку за серебреные серги 9 алт. 2 д.; и тѣ серги государыня пожаловала дѣвкѣ дуркѣ Оркѣ.—Мая 18 по государеву указу и по приказу Ивана Өедоровича Меншово Стрѣшнево куплено домришко по цѣнѣ восмь денегъ; и сю домришку взялъ онъ же Иванъ Өедоровичь и отнесъ ко государю въ царицыны хоромы, а сказалъ играть въ домришку дуркѣ.—Іюня 2 къ царицѣ въ хоромы полтина, приняла кн. М. Хованская, а сказала, что тѣ деньги государыня пожаловала карлицы Манкиной матери.—Іюня 5 государыня царица пожаловала на погребеніе сторожа Сенки Аверкѣева рубль, взялъ деньги сторожъ Андрюшка Степановъ.—Іюня 12 государыня царица пожаловала на погребеніе золотные мастерицы Оксиньи Кривцовы рубль.—Іюля 20 къ царицѣ въ хоромы 2 р. приняла Анна Хитрово; царица пожаловала царевичу Алексѣю рубль, а другой рубль царевнамъ Аннѣ и Татьянѣ на мелкой расходъ.

83. 153 г. Окт. 22 кафтанного ряду торговому человѣку за двѣ тѣлогрѣи теплые заечьи 2 р. 10 алт.; тѣми тѣлогрѣями государыня пожаловала татарокъ дву дѣвокъ колмацкого полону.—Дек. 14 ко государынѣ царицѣ въ хоромы рубль принела казначѣя Анна Хитрово, а сказала, что тѣ деньги государыня пожаловала постельницѣ Марьѣ Парской на пострiганье.—Дек. 19 по государеву указу за станокъ, что дѣланъ станъ къ кованымъ кружкамъ, кружевному мастеру Өедкѣ Корнильеву, за деревье липовое и за подножки и за рѣшетку и за бердо 40 алт. 4 д.; да за свинцовые гири за полтора пуда за свинецъ и за дѣло рубль 20 алт.; да за веревки посконные за 900 саж. по 6 алт. за сто сажень; да за 10 прутовъ желѣза 11 алт.; за 10 вьюшекъ 2 алт. съ денгою, за 60 колесъ деревяныхъ 10 алт., да за гнѣздо костяное, что класть въ бердо, 5 денегъ, за сто клинчиковъ мѣдныхъ 5 алт., за тридцать за три трости стальные 33 алт.; и всего по цѣнѣ 6 р. 10 алт.—Дек. 19 по челобитной и по помѣтѣ дьяка Петра Арбенева безмѣстной старицѣ Еуфимьѣ Толмачевой, для ее бѣдности, что она заложила три образы, и ей на выкупъ 2 р. Тогожъ дни по челобитной и по помѣтѣ дьяка Петра Арбенева Вознесенского дѣвича монастыря старицѣ Федулѣи Жамайлово для ее бѣдности на келейное строеніе рубль.

84. 156 г. Февр. 1 овошного ряду торговому человѣку за три трубки зрительные полтора рубли; къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы приняла боярыня княгиня Марья Ивановна Пронская.—Февр. 22 царицына чина сыну боярскому Любиму Пирову 2 алт. 4 д.; а онъ на тѣ деньги купилъ двѣ сажени про-

волоки желѣзной да колецъ желѣзныхъ къ завѣсу, чѣмъ завѣшивать царевнины горлатные лисьи шапки. — Февр. 27 сапожному мастеру отъ жолтыхъ сафьянныхъ сапоговъ отъ дѣла и за прикладъ 5 алт., сапоги царевна Ирина Мих. пожаловала карлицѣ Манкѣ. — Февр. 29 овошного ряду торговому человѣку за два кувшинца полосатые стеклянные съ носочки 16 алт. 4 д.; къ царевнѣ Иринѣ въ хоромы приняла казначея Василиса Нятово.

85. 157 г. Ноября 18 овошного ряду торговому человѣку Сенкѣ Филипьеву за двѣ трубки зрительные рубль; къ царевнѣ Аннѣ въ хоромы приняла княжна Марья Шеховская. — Ноября въ 26 день зелейного ряду торговому человѣку за восемь золотниковъ струйки бобровой да сала барсучья 7 алт.; ко государынѣ царицѣ въ хоромы приняла кравчая Анна Михайловна Вельяминова. — Генв. 1 коробейного ряду торговому человѣку за коробью бѣлую 6 алт. 4 д. коробью приняла казначея Василиса Нятово, а сказала что тоѣ коробью царевна Ирина Мих. пожаловала Катеринѣ дурѣ. — Генв. 14 ко государынѣ царицѣ въ хоромы 1022 р. 30 алт. принялъ бояринъ Илья Даниловичь Милославской, а сказалъ, что тѣ деньги изъ хоромъ дати торговымъ людемъ за жемчюгъ да за вѣнецъ съ каменьи да за серги золотыи съ запоны да за перстень съ алмазомъ. - Марта 20 мыльного ряду за брусъ мыла бѣлого нижегородцкого гривна, приняла казначея Марья Старинская, а сказала, что то мыло на умыванье царицѣ — Апр. 18 овошного ряду торговому человѣку за трубку зрительную въ черной басманной кожѣ полтина; къ царевнѣ Татьянѣ Мих. въ хоромы приняла княжна Марья Шеховская.

86. 158 г. Дек. 29 ко государынѣ царицѣ въ хоромы рубль 6 алт. 4 д., приняла кравчая Анна Вельяминова, а сказала, что тѣ деньги государыня царица указала изъ хоромъ отдать кодашовской дѣловицѣ Федосьицѣ Ивановѣ за дѣло отъ скатерти задѣйчатой, а дѣлала она тоѣ скатерть блаженные памяти государя царевича князя Димитрія Алексѣевича з кормилицу Улиту.

87. 159 г. Окт. 29 коробейного ряду торговому человѣку за два изголовья, наволоки крашенина лазорева, 15 алт. 4 д.; изголовья приняла постельница Марья Елизарова, а сказала, что тѣ изголовья государыня царица пожаловала новымъ карлицамъ Акилинѣ да Прасковьѣ. — Окт. 30, ветошнаго ряду торговому человѣку Симонку Кирилову за запону по отласу бѣлому шита золотомъ и серебромъ волоченымъ и пряденымъ съ шолки розными и дѣлана канителью, девяносто рублевъ; запона положена у государыни царицы въ казнѣ. — Шатерному мастеру Ивану Яйышеву кормовыхъ на 4 дни 6 ал. 4 д.; въ тѣ дни оклеивалъ кіотъ Преч. Богородицы камкою червчатою, что стоитъ у Екатерины Христовы Муч., что у царицы на сѣняхъ, да на тотъ же кіотъ сдѣлалъ тафтяную запону.

88. 160 г. Мая 31 государыни царицы мастерскіе полаты кафтурнику Іевку Өедотову 4 алт. 4 д.; а онъ на тѣ деньги купилъ для бѣленья шляпъ государыни царицы полфунта бѣлилъ, да кичкой болванъ; а тотъ болванъ въ хоромы приняла казначея Матрена Блохина.

89. 161 г. Сент. 3 серебряного ряду торговому человѣку за серги съ жемчюги, каменье вареники рубль 16 ал. 4 д.; тѣ серги царица пожаловала дѣвкѣ Огрофенѣ Лопухиной. — Февр. 28 кичново ряду торговому человѣку за паворозы шолковые червчатые 10 алт. 2 д.; а тѣ паворозы ко государынѣ царицѣ Маріи Ильичнѣ въ хоромы приняла казначея Матрена Блохина. — Апр. 28 овошного ряду торговому человѣку за зрительную трубку 17 алт.; ко государынѣ царевнѣ Аннѣ Мих. приняла боярыня Марья Ивановна Пронская. — Апр. 28 серебряного ряду — за 62 пелепела серебряныхъ позолочены 25 алт.; ь царевнѣ Аннѣ Мих. приняла княжна Марья Шеховская. — ая 22 кичного ряду — за ожерелье женское жемчюжное съ гвицы 27 р. 26 алт. 4.; царица пожаловала дѣвкѣ татарь Татьянѣ. — Іюня 9 царица пожаловала окольничему Ив. здр. Милославскому 300 руб; стольникомъ Семену Юр. да атвѣю Богд. Милославскимъ по 100 руб.

90. Счеты денежнаго прихода и расхода царицыной масрской полаты съ 1624 по 1653 годъ.

		Рубли.	Алтыны.	Деньги.		Рубли.	Алтыны.	Деньги.
Въ 133 г.	Приходъ	2156	4	5½	Расходъ	1982	11	1
Въ 134 г.	—	1315	12	½	—	1312	16	1½
Въ 135 г.	—	494	12	1	—	381	14	2
Въ 136 г.	—	263	17	5	—	199	17	½
Въ 137 г.	—	298		6½	—	278	11	2
Въ 138 г.	—	370	12	1	—	334	32	2
ъ 139 г.	—	958	21	3½	—	277	6	1
ъ 140 г.	—	1167	18	1	—	660	—	7
ъ 141 г.	—	1648	21	2	—	1238	6	6
ъ 142 г.	—	1059	26		—	964	23	1
ъ 143 г.	—	1226	14	3	—	1210	14	3
ъ 144 г.					—	944	30	5
ъ 145 г.	—	1252	19	4	—	781	11	2
ъ 146 г.	—	1099	3	½	—	1089	—	3
147 г.	—	491	21	4½	—	456	7	—
148 г.	—	371	29	4½	—	331	32	5
149 г.	—	643	5	5½	—	627	32	1
150 г.	—	441	28	3½	—	429	25	4
151 г.	—	424	28	1	—	410	27	3½
152 г.	—	533	8	3	—	528	6	4
153 г.	—	810	13	3½	—	786	20	3
156 г.	—	778	26	2	—	763	17	4
157 г.	—	7590	17	3	—	7556	26	1

		Рубли.	Алтыны.	Деньги.		Рубли.	Алтыны.	Деньги.
Въ 158 г.	Приходъ	3531	17	2	Расходъ	3530	25	5
Въ 159 г.	—	6275	26	3½	—	6247	32	3½
Въ 160 г.	—	3964	4	3	—	3884	20	½
Въ 161 г.	—	10612	20	2½	—	8665	33	

ПЕРЕПИСКА ДВОРЕЦКАГО И ДЬЯКОВЪ.

91—1. Өедоръ Петровичь! Указалъ великій государь прислать свой великаго государя рукавъ бархатной зеленой, а сыскивать его въ хоромехъ и въ мастерской; а будетъ не сыщетца, изволь прислать новой, сдѣлавъ на спѣхъ; шкарпетокъ, штановъ, чюлковъ теплыхъ, сукна кармазинового красного половинку — великіе росходы, что станъ, то росходъ. Башмаковъ жолтыхъ. Да взять изъ Оружейной Полаты доски шахматные, тавлейные, сачные, бирковые, шахматы, саки, тавлеи, бирки и прислать наскоро сегожъ числа; изволилъ великій государь самъ приказать. Да сдѣлать шубку женскую въ тафтѣ двоеличной цвѣтной на хребтахъ бѣльихъ, пухъ положить хорошей, пуговицы пришить серебряные золоченые на женское дѣло; въ длину 2 арш. безъ 2 вершковъ; ширина въ плечахъ аршинъ безъ 3 вер.; а сдѣлавъ прислать съ иными дѣлы тотъ же часъ. Пожалуй государь Өедоръ Петровичь не пополошись, здѣ спрашиваютъ въ мгновеніи ока. Ивашка Чаплыгинъ челомъ бьетъ. 188 г. сент. 13.

2. Өедоръ Петровичь! По указу великаго государя приказала боярыня Анна Петровна Хитрово взять тебѣ въ Свѣтлицѣ у боярыни у Орины Вельяминовой полотенцы всѣ, что ей приказано нашить и приготовить въ Троицкой монастырь, и прислать въ Воздвиженское въ понедѣльникъ безо всякого замедленья; а велѣть ѣхать днемъ и ночью на спѣхъ. Да и съ Архипомъ, что писано, противъ того письма всежъ присылать Ивашка Чаплыгинъ челомъ бьетъ.

3. Өедоръ Петровичь! Писано къ тебѣ по указу в. государя и велѣно тебѣ сходить въ Свѣтлицу къ боярынѣ къ Оринѣ Вельяминовѣ и взять у неѣ монастырскіе полотенцы, сколько ей приказано сшить и сдѣлать; и тебѣ тѣ полотенцы взявъ у неѣ, прислать тотчасъ въ Воздвиженское въ понедѣльникъ и велѣть ѣхать днемъ и ночью на спѣхъ безо всякого замедленья, для того къ тебѣ посланъ стрѣлецъ нарочно. Ивашка Чаплыгинъ челомъ бьетъ. 188 г. сент. 21. Въ государеву Мастерскую Палату дьяку Өедору Казанцову.

4. Корнило Петровичь, Өедоръ Петровичь! Того часу пошлите къ сусальщикамъ къ Семену съ товарищи, хотя ночью; возмите у нихъ тетрадь сусальнаго золота самаго добрего безъ серебра и пришлите съ тѣмъ же стрѣльцомъ тогожъ

часу. Да покупаемъ товары, неосматривая, лише деньги теряемъ; красная тафта вся въ пятнахъ, осматривайте. Старостъ велѣлъ сыскать противъ вчерашняго писма и выслать въ походъ. И посемѣстъ не высланы. О всякомъ дѣлѣ будетъ десятя писать, истерно (sic) будетъ писму. Завтра бы тѣ старосты высланы были ко мнѣ. Иванъ бы Невѣжинъ пріѣхалъ ко мнѣ, съ чѣмъ ему приказано, завтра въ десятомъ часу дни. Дѣла вели принимать у подьячихъ Ондрею Озерову, осматривая. Да послано 5 портищъ, и вы велите сдѣлать одну отласную теплую Домнушкѣ да и прикладъ весь, Ивану Артемьеву и Василью Качалкину, имъ даны дѣлать. Да вели утре рано ѣхать Ивану Невѣжину и взять у тѣхъ старостъ книги ихъ году росходныя тотчасъ, а буде поноровитъ, на себѣ приметъ. А шолъ бы на дворъ съ старостами съ Иваномъ Гусятниковымъ да съ Кириломъ Пороцкимъ, чтобъ приклепу небыло. Неучините того, чтобъ не въ отдачю часовъ онъ шелъ для того. А съ золотомъ стрѣльца прислать тотчасъ. О семъ Никитка челомъ бью. 189 г. мая 17, привезъ стремянного приказу стрѣлецъ Яковъ Воронинъ. *Надпись*: Отдать государыни царицы въ Мастерскую Полату.

5. Корнило Петровичь, Θедоръ Петровичь!... Образъ Пресвятыя Богородицы и каменье отдай Богдану Силину и запиши, и золото у тебя есть кое, отдай емужъ; да пришли ко мнѣ роспись дѣламъ, кои отданы въ серебряную и въ золотую полату. Да послалъ я Якова Молчанова, сходи ты и возми съ собою его къ царевнамъ Большимъ и къ Меншимъ и роспиши по комнатамъ постельницъ въ черныхъ книгахъ, тѣхъ, у коихъ дворы есть, и тѣхъ же комнатъ бездворныхъ къ нимъ на большіе дворы и проппши; а на малые дворы не пиши, а напиши только большихъ да меншихъ царевенъ да царевича Іоанна Ал.: а которые до сего времени на тѣхъ дворехъ живутъ и иныхъ комнатъ, и тѣхъ не ссылать. Да велите сыскать Марьюшкину постель, у Ивана Пояркова осталась въ Мастерской, и пришли завтра съ Иваномъ портнымъ. О семъ Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. 189 г. мая 18.

6. Корнило Петровичь! Въ хоромы г. царевнѣ Mθ. А. да къ царевнѣ Ев. А. чего нынѣ просили, подать, что я приказалъ. А что проситъ Орина Вельяминова бархату на вошвы Марьѣ Матвѣевнѣ, посмотрить въ расходной книгѣ, бархатъ черной взятъ изъ государевой Мастерской Палаты и поданъ; и справясь съ книгою и съ нею, отписать ко мнѣ завтра, чтобъ тѣмъ дѣла не постановить. А будетъ бархатъ не поданъ, подать, сыскавъ въ казнѣ тотчасъ. А что она проситъ дву аршинъ тафты да шолку и про то еѣ спросить, на какое дѣло проситъ и отписать ко мнѣ завтра подлинно. Калибѣли потѣшныя прислать всѣ. Да коробью родилную, которая запечатана, прислать съ добрымъ сторожемъ завтра, увязавъ въ сукнѣ и запечатавъ. А круживомъ новымъ прислать покупку

и росходъ на писмѣ. Къ Петру Аврамовичу пошли съ памятцою съ моею, приказано Андрюшкѣ, и отпиши ко мнѣ, что онъ скажетъ. У Ѳедора Силина взять сказку и про порутчиковъ розыскать, хто ихъ свободилъ, а держать ихъ не велѣть, только про нихъ розыскать, хто свобожалъ. Одноконечно прислать, кто изъ Кадашова поѣдетъ къ Макарью, пора денги давать имъ. Исподъ соболей пупчетой худой старой лежалъ въ казнѣ въ сундукѣ, гдѣ соболи лежатъ, недавно я ево видѣлъ: посмотри, гдѣ онъ; и справитца съ росходомъ, куды въ росходъ пошелъ, и отписать. 189 года мая 21, привезъ Андрей Озеровъ.

7. Корнило Петровичь, Ѳедоръ Петровичь! Пришлите отласу бѣлого да тафты бѣлой же и камокъ, шолку бѣлого и красного и алого, — прислать все тотчасъ. Ѳедоръ Петровичь будь въ походъ утре на первомъ часу. Пугвицъ золоченыхъ прислать тотчасъ, круживъ шире тѣхъ, на царевнины тѣлогрѣи: шире тѣхъ нѣтъ, велите поискать въ ряду тотчасъ и показать имъ государынямъ и кои велятъ взять, тѣ и возмите. Киндяковъ купить вишневыхъ да темнозеленыхъ; болванъ каптурной большой велѣть выточить и прислать накладку на каптуръ хорошую; прислать питей, щеть, миткалей пол-аршина. Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. 189 г. мая 27.

8. Корнило Петровичь, Ѳедоръ Петровичь! Пришлите въ походъ Ивана Артемьева тотчасъ и сыщите, кто отдавалъ круживо на тѣлогрѣю княгинѣ Ѳеклѣ Семеновнѣ, а нашиты розные кружива, и о томъ отписать ко мнѣ тотчасъ.... Да ножницы новые, чѣмъ кроить платье, ниток, мѣлу, мыла простого. Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. 189 г. мая 28.

9. Княгини Агаѳьи Романовны лѣтникъ объярпяной, что дѣлалъ Иванъ Артемьевъ, да Ѳедосьи Нѣѣловой шубку, что онъ же дѣлалъ прислать завтра. Княгини Анны Семеновны платье, которое отдано было дѣлать портнымъ мастерамъ по рукамъ, справясь по кроельной книгѣ, прислать все; наволочку камчатную алую, которая послана изъ походу, набить пухомъ и прислать въ походъ же.... Корнилу Петровичу утре до обѣдни итить въ Чюдовъ м. и велѣть отпѣть понахиду по Семенѣ Ивановичѣ, и дать денегъ 2 р., а кутью и медъ и свѣчю взять изъ дворца.

10. Корнило Петровичь государь! Изволь прислать въ походъ мыла грецково хорошево, а которое, государь, въ походѣ было, и то, государь, худо, ростирать нелзя для того, что розно розваливается по слоямъ; и то государь, мыло послалъ къ тебѣ съ Макаромъ, изволь его принять, а вмѣсто того прислать хорошево. Рабъ милости твоей Андрюшко Озеровъ челомъ бьетъ. А въ походѣ государь ни одного наряду нѣтъ, изволь ростерши прислать нарядами, не помѣшкавъ; безпрестанно, государь, спрашиваютъ. *На оборотѣ*: съ круженникомъ Макаромъ 189 г. мая 28, послано мыло 20 нарядовъ. Да съ

нимъ же послано пять иковъ окладныхъ, взяты государыни царицы у крестоваго у уставщика у Григорья.

11. Корнило Петровичь! Которую челобитную подписную послалъ я къ тебѣ съ чеботникомъ.... и ты по той челобитной пошли память въ стрѣлецкой приказъ, чтобъ того стрѣльца прислали въ мастерскую полату тотчасъ; а какъ его пришлютъ, тотчасъ пришли ко мнѣ его; а противъ подписи, что на той челобитной подписано ничего не дѣлай и къ Степану Янову не посылай ни зачѣмъ.... Послалъ я зеркало съ чеботникомъ, вели стекло перемѣнить и закрѣпить и прислать завтра. Өедора Алабардеева съ чепи свободи, а скажи ему, если онъ впредь гулять станетъ, поймавъ, опорю батоги. Якову Молчанову для ангела государыни царевны кафтанъ вели отдать. Сукна истопникамъ и сторожамъ, которымъ не дано, вели давать.... Да вели поискать шпрайбату самого добраго аршинъ съ 20 и пошли въ нѣмецкую слободу къ нѣмцамъ для шпранбату, хотя самъ съѣзди, нужно, надобно на наметки. Да пріѣдь завтра ты Корнило Петровичь въ походъ къ обѣдни. Да у нѣмецъ же посмотри самъ объярей дикихъ цвѣтовъ, осиновой, коричной, лимонной и иныхъ цвѣтовъ; и въ нѣмецкую слободу пошли, ково разумнаго человѣка или самъ съѣзди, чтобъ такихъ объярей сыскать и пришли въ походъ завтра къ обѣду; нужно, надобно: а буде къ обѣду не поспѣетъ, хотя и пожже. Снурковъ розныхъ цвѣтовъ и шелковъ. Да сыщи перья черные опахальные боярина Ильи Даниловича Милославского и пришли въ походъ съ Онофреемъ чеботникомъ. Да вели сдѣлать г. царицѣ башмаки сафьянъ бѣлъ, а каковы мѣрою и о томъ приказано Онофрію. Никитка Акинфовъ. 189 г. мая 29.

12. Корнило Петровичь, Өедоръ Петровичь! Государыни царевны и великія княжны Софіи Алекс. съ сестрами, кои изволили быть въ походѣ въ селѣ Воробьевѣ, платье все, что есть пришлите въ походъ, чтобъ посылокъ меньше было, и башмаковъ и что пристойно къ походу.... Тысечѣ своей, что у тебя былъ росходъ, очистку привези въ походъ завтра, а живучи въ походѣ сдѣлаешь. А Өедору Петровичу остатца на Москвѣ; а какъ поѣдешь въ походъ, побывайте оба въ палатѣ, чтобъ вѣдалъ Өедоръ Петровичь пошто пришлютъ изъ походу и московской расходъ, и завтра пріѣдтя оба въ походъ въ третьемъ часу дни.... Да писалъ ты ко мнѣ о шпранбатѣ, что по 40 алтынъ съ гривною и по $1\frac{1}{2}$ рубли аршинъ; чаю штучка по $1\frac{1}{2}$ р.; нестатки, что по $1\frac{1}{2}$ р. аршинъ. Огниши ко мнѣ подлинно.... а безъ сторожабъ у подьячихъ въ полаткѣ не было, и подьячіебъ ходили безпрестани.... Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. 189 г. мая 29.

13. Өедоръ Петровичь! Пришли въ походъ въ село Воробьево г. царицы сундучокъ желтой, а стоитъ въ большой казнѣ въ передней. Отласу червчатого 10 ар., камки цвѣтной тоже, тафты цвѣтной 6 арш.; денегъ 10 р. приказъ о семъ изъ

хоромъ в. г. царицы, а приказывала боярыня кн. Аг. Ром. Горчакова. Изволь, государь, утре рано къ Никитѣ Ивановичу на дворъ съѣздить и о томъ доложи, по коихъ мѣстъ въ деревню ѣхать не изволитъ.... Корнилка Петровъ челомъ бьетъ. *Въ другомъ письмѣ*.... Пришли сафьянъ, чтобы былъ алъ пушоной, а чаять лежитъ въ рундукѣ царевны Екатерины Ал. или царевны Маріи Ал., или въ сафьяниехъ; а будетъ нѣтъ, вели, государь, купить.... Послана съ Григоріемъ чеботникомъ объярь тауснина мѣрою 5 арш. съ лишкомъ, пошли еѣ къ Марьѣ Матвѣевнѣ на дворъ и вели сказать, что пожаловала г. царица ей на тѣлогрѣю; и вели скроить и сдѣлать тотчасъ, чтобъ поспѣло къ государскому ангелу.... Пожалуй благодѣтель мой побереги домишку моего во время нужды. 189 г. мая 31.

14. Ѳедоръ Петровичь, государь! изволь прислать въ походъ съ утра рано чеботника Ивана Григорьева, да съ нимъ прислать сафьянъ бѣлой. Да онъ же бъ съ собою привезъ чеботные деревья всѣ. Г. царица указала ему себѣ дѣлать башмаки на мужское дѣло въ походѣ и государынямъ царевнамъ. И на прикладъ, государь, вели дать башмаковъ на пятеры или на шестеры денегъ и отласу, чтобъ ни зачѣмъ дѣло не стало. Одноличнобъ колыбель сдѣлать, обшить бархатомъ червчатымъ, а ременья обшить, чѣмъ пристойно: а будетъ деревья нѣтъ, прикажи купить въ ряду тотчасъ; и яблоки обш[illegible]а какъ обшить, и то мастеры знаютъ. А какъ поспѣетъ, и о томъ отписать съ нарочнымъ ѣздокомъ. Спроси, государь, у подьячего у Андрея Озерова: Никито Ивановичь подносилъ г. царицы образцы объярей золотныхъ цвѣтныхъ и тѣ образцы кто къ нему приносилъ? и по тѣ образцы послать, чтобъ присылали въ походъ. Приказывалъ Никито Ивановичъ, чтобъ платье развѣшивать и ты государь изволь развѣшивать. А портомойню вели одну чистить и топить, чтобъ не очень жарко было. *Надпись*: писано по приказу думн. двор. Василья Савича Нарбекова. 189 г. іюня 1.

15. Ѳедоръ Петровичь! Съѣзди самъ въ сибирской приказъ и возми сорокъ соболей съ хвосты цѣною во сто рублевъ: приказала боярыня княгиня Агафья Горчакова: и пришли, запечатавъ, тотчасъ. Васка Нарбековъ челомъ бьетъ. Чтобъ поспѣлъ въ обѣдни. Колыбелью спѣшить. *Надпись*: Въ царицыну мастерскую палату. 189 г. іюня 1. *Въ другомъ письмѣ*:... И противъ вчерашняго писма изволь прислать все, надобно на родины.... Государынямъ царевнамъ, которыя въ походѣ нынѣ, а дѣлаютъ имъ тѣлогрѣи на Москвѣ за поставщомъ, прислать въ походъ утре рано....

16. Ѳедоръ Петровичь! Пришли сего іюня 2 числа въ походъ кисею тотчасъ, а лежатъ они въ рундукѣ въ верхнемъ г. царевны Софіи Ал.; да вели у колыбели и ремни обшить бархатомъ такимъ же, какая колыбель. Васка Нарбековъ челомъ бьетъ. *Надпись*: Въ царицыну мастерскую палату.

17. Өедоръ Петровичь! Будетъ поспѣли тѣлогрѣи государыни царевны и великія княжны Екатерины Алексѣевны роспошивочные, изволь прислать съ чеботникомъ съ Аноөреемъ тотчасъ; а будетъ непоспѣли, одноличио ихъ сдѣлавъ, прислать утре съ закройщикомъ; зело спрашиваютъ ихъ. Пожалуй государь всѣ дѣла отставь.... Васка Нарбековъ челомъ бьетъ. 189 г. іюня 3.

18. Благодѣтель государь мой Өедоръ Петровичь! Умилостивись надо мною, не сдѣлай въ великой печали, пришли бѣли подъ жемчюгъ тагой же, что вчерась прислалъ, а купи съ алтынъ на десять или на полтину; а хорошобъ взять у старостъ прошлаго 188 году. А пришли утре рано. У истопничаго въ чюланѣ вели вынять горшокъ мѣдной большой съ кровлею и пришли тотчасъ съ истопникомъ съ Борискомъ; а замокъ вели сбить, будетъ истопничего нѣтъ 189 іюня 6.

19. Өедоръ Петровичь, государь! Изволь прислать въ походъ: государыни царевны и в. к. Анны Мих. завѣсъ тафтяной зеленой. Къ пирогамъ пріѣзжимъ боярынямъ роспись. Бѣль прислать подъ жемчюгъ. Писано іюня въ 6 числѣ. Шолку бѣлово и рудожолтово и красново по фунту. 189 г. іюня 7.

20. Өедоръ Петровичь государь! Пришли съ Москвы въ походъ на Воробьево государыни царевны Софьи Алексѣевны тѣлогрѣю объярь жаркой цвѣтъ или ала, холодная. Г. царевны Маріи Ал. ларецъ сафьянной, червчатой. Г. царевны Екатерины Ал. тѣлогрѣю тафта ценинна нового дѣла Сдѣлать вновь: г. царевнѣ Софіи Ал. двѣ тѣлогрѣи тафта червчата, холодная, съ голуномъ золотымъ; тафта осинова, теплая, бѣлья, безъ кружива. Прислать тотчасъ; пуговицъ золоченыхъ гладкихъ. Ивана Артемьева вели государь въ палатѣ подержать до Никиты Ивановича; велѣно ему сточать объярь червчата и онъ ничего несдѣлалъ и уѣхалъ. Василья Кочалкина вели сыскать, также его подержать, спился съ ума, и нынѣ изъ походу ушолъ. Портного мастера Гаврила выслать тотчасъ. Да чеботника выслать же, которому въ походѣ жить, да съ ними прислать вышеписанное. Взять въ ряду косякъ кисеи самой тонкой и чистой, чтобъ тоѣ лутче не было. Да киндякъ черной. Зуфь коричную или зеленую. (И) о томъ княгиня Горчакова именно и запиши въ смотръ, а денегъ не плати, когда пойдетъ, тогда и отпишемъ. А до Никиты Ивановича не подать. Пришли государь пера съ три лебяжьихъ, да глиняныхъ черниляницъ маленкихъ. Нитей суровыхъ три пятины. — Государыни царицы: лѣтникъ съ низаными вошвы середнего наряду, а часть съ орлы вошвы. Пришли 2 тѣлогрѣи золотные самые лутчіе холодные. Рукавъ низаной. Скобъ и гвоздей вели купить Аноөрію. Шолку бѣлого. 189 г.

21. Өедоръ Петровичь! Пришли тотчасъ съ мастеровымъ человѣкомъ да съ истопникомъ, который напередъ его посланъ, да съ симъ стрѣльцомъ: государыни царицы каруну второ-

го наряду да государыни царевны Евдокѣи Алексѣевны одѣяло холодное золотное. подъ чѣмъ она государыня ходитъ. Государыни царевны Марьи Алексѣевны ларецъ обкленъ бархатомъ, другой сафьянной красной. И ларцы прислать завтра, какъ будетъ иная посылка. Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. Чтобъ корону прислать за часъ 189 г. іюня 8. За два часа до свѣту. *Надпись*: Въ царицыну мастерскую палату.

22. Ѳедоръ Петровичь, государь! Думный дворянинъ Никита Ивановичь Акинфовъ приказалъ тебѣ сего дня ѣхать къ себѣ въ село Коломенское и хотѣлъ съ тобою переговорить кое о чемъ. Да послано государь, изъ села Воробьева къ Москвѣ четыре ковра, колыбель большая, да двѣ колыбели маленькихъ, судно большое, которое ты прислалъ съ Москвы. Я вчерашній день въ Коломенскомъ былъ, а нынѣ на Воробьевѣ. Пришли пожалуй въ походъ желѣзныхъ аршиновъ, а память въ большой приходъ писана, а хотя и другую память послать. Ѳуѳима вышли. государь, нынѣ же, да пришли на Воробьево изъ остатковъ камокъ, таѳтъ, дорогъ. Корнило Петровъ челомъ бьетъ. 189 г. іюня 9.

23. Корнило Петровичь государь! Ц. Мр. А. (царевны Марьи Ал.) изъ комнаты Мавра Ильина спрашиваетъ ларца сафьянного красного, я его искалъ въ мастерской и въ образной казнѣ да не могъ сыскать. Пожалуй изволь ты поискать, въ которыхъ мѣстехъ знаешь, и буде его сыщешь изволь прислать съ Иваномъ съ чеботникомъ не замѣшкавъ, а буде не сыщешь, изволь отписать Да пожалуй изволь прислать несошницу. Да о чемъ тебѣ людишка мои будутъ бить челомъ, пожалуй не презри ихъ прошенія, о семъ рабъ твой Ѳедка Казанцевъ челомъ бьетъ. 189 г. іюня 9.

24. Корнило Петровичь! Запонъ алмазныхъ поищи въ ряду или у нѣмцовъ, самъ съѣзди съ утра, въ золотой или большин золотого. Или въ Золотой полатѣ у Назара Шишкина спроси: да поищи объярей серебряной по алой землѣ въ рядужъ или у нѣмецъ же.... Знаменщика Анику завтра въ отдачю вышли въ походъ тотчасъ. Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. Объяри черной лоскутокъ прінщи и привези съ собою. 189 г іюня 9.

25. Корнило Петровичь! Послана камка осиновая травная, прінщи въ казнѣ портище и пришли въ походъ; а будетъ въ казнѣ нѣтъ, купить въ ряду и прислать въ походъ тотчасъ, не замѣшкавъ. О семъ Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ *Приписка*: да приказалъ думной дворянинъ Никита Ивановичь Акинфовъ дать государева жалованья свѣтлишной боярынѣ на новоселье портище камки; а образъ ей данъ на Воробьевѣ. Да изволь завтро выслать на Воробьево Ивана Невѣжина съ кормовыми денгами постельницамъ. Да изволь прислать тотчасъ денегъ 20 р. Да прикажи мастерицъ для государева ангела напоить и накормить, а достальныхъ девяти чело-

вѣкъ мастерицъ велѣно напоить и накормить въ походѣ. Да изволь прислать подножье суконное. 189 г. іюня 9.

26. Корнило Петровичь! Послалъ я къ тебѣ дѣло Игнашки Кирилова съ Ѳедоромъ Сплинымъ, помѣчено; вели противъ той помѣты все очистя то дѣло привезть на Воробьево Ивану Невѣжину сего іюня 10 числа. Ларецъ сафьянной красной ц. Мр. А. пришли на наемной подводѣ тотчасъ. Анику знаменщика на Воробьево вышли тотъ же часъ. Портныхъ мастеровъ выслать всѣхъ въ походъ тотчасъ, а вмѣсто ихъ въ мастерской прикажи дневать чеботникомъ. 189 г. іюня 10.

27. Корнило Петровичь! Серги государыни царевны Ѳеодосіи Ал. посланы къ тебѣ запечатаны, вели ихъ тотчасъ въ Золотой полатѣ, сдѣлавъ, привезть съ собою. Гребень въ оружейной полатѣ взять таковъ же, каковъ къ тебѣ посланъ, ей же государынѣ царевнѣ... Вошвы казначеи Овдотьи Горяиновы прислать... Микиту Иванова сына Беклемишева вели привесть къ Вѣрѣ, быть ему у г. царицы въ стольникахъ. По денги посылай тотчасъ въ приказъ, товаровъ набрано много, надобно заплатить.... Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. 189 г. Іюня 11, въ субботу.

28. Никита Ивановичь, государь! Изволь приказать купить въ ряду камки красной небольшія травки, такой же, какая есть на Воробьевѣ въ дву остаткахъ; надобно государынѣ царицѣ на тѣлогрѣю. Приказала о томъ княгиня Агафья Романовна Горчакова. Да онажъ приказала взять въ ряду и прислать на Воробьево въ смотръ объярей самыхъ добрыхъ рудожолтыхъ и тафтъ гладкихъ и битыхъ рудожолтыхъ же, объярей же и отласовъ и камокъ травныхъ и тафтъ гладкихъ и битыхъ брусничного цвѣту и китайскихъ тѣхъ же цвѣтовъ отласовъ и камокъ, чтобъ государь прислать сегодня, будетъ сыщутца. Ѳедка Казанцевъ челомъ бьетъ. 189 г. іюня 15.

29. Никита Ивановичь, государь! Изъ хоромъ государыни царевны и в. к. Марѳы Ал. выдала княгиня Мещерская треухъ соболей подъ отласомъ зеленымъ, а сказала, что тотъ треухъ ея г. царевны, чтобъ вмѣсто того треуха сдѣлать новой треухъ пластинчатой съ опушкою доброю. Изволь государь приказать для соболей послать въ Сибирской приказъ и тѣ соболи взявъ и образцовой треухъ прислать на Воробьево сегодня. О томъ къ тебѣ государю велѣла отписать нарочно и треухъ образцовой послать княгиня Мещерская. Ѳедка Казанцовъ челомъ бьетъ. Да буди тебѣ государю извѣстно: великій государь и государыня царица сегодня съ Воробьева идутъ въ село Коломенское вскорѣ: велѣла къ тебѣ о томъ отписать княгиня Горчакова. 189 г. іюня 16.

30. Корнило Петровичь государь! Изволь, купя, прислать на Воробьево тотчасъ нитей бѣлыхъ тонкихъ среднихъ и ровныхъ пять питинъ. Нужно: спрашиваютъ въ свѣтлицу на шитье государевыхъ дѣлъ. Ѳедка Казанцовъ челомъ бью.

31. Корнило Петровичь! Пожалуй вели взять алексиру проприітатисъ изъ аптеки да миндалново молока, а вели взять миндальное молоко во дворцѣ и пришли то все къ Михаилу Собакину на дворъ, не мѣшкая. 189 г. іюня 16.

32. Корнило Петровичь государь! Изволь прислать на Воробьево мыла простово, а на Воробьевѣ нѣтъ ни одного нариду; а для того мыла послалъ я лубяную коробью съ сторожемъ... Да пожалуй, государь, изволь меня сегодня перемѣнить, извѣстно тебѣ самому, что людишекъ моихъ изъ Судного приказу приставы заволочили, а безъ меня людишкамъ нечего дѣлать. А есть либъ не та нужда и ябъ жилъ и другую недѣлю. А какъ тебѣ годно и я на перемѣну готовъ. Өедка Казанцовъ челомъ бью. 189 г. іюня 17. Привезъ сторожъ Ермошка Венедиктовъ.

33. Өедоръ Петровичь! Пришли въ походъ в. государыни царицы и в. г. царевенъ платью кроильную книгу, списокъ царицына чину дѣтей боярскихъ и листъ дневальной, что у стѣны; и истопникомъ и сторожамъ г. царицы и г. царевенъ большихъ и меньшихъ роспись понедѣльно. Да вели Прохору Чередѣеву походить за дѣломъ Өоимьи Ларионовны Орловы въ Доимочномъ Приказѣ. Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. 189 г. іюня 19.

34. Өедоръ Петровичь, государь! Пришли тотчасъ пуговицъ золоченыхъ гладкихъ, бумаги хлопчатой битой, снурковъ алово, червчатого, жолтого. Непомѣшкай, кормилецъ мой! Торочковъ бѣлого, жарково, червчатого, алово,—въ большой казнѣ, въ шолкономъ ящикѣ. Да и шелковъ, которые есть въ казнѣ противъ вчерашняго писма. А иные и послѣ пришли. А за тѣлогрѣи золотные на меня гнѣвъ великой. А чеботника Ивана, кой съ симъ писмомъ пріѣдетъ, домовь не отпускай. 189 г. іюня 24.

35. Никита Ивановичь государь! Къ великой государынѣ царицѣ и в. к. Агафіи Симеоновнѣ въ хоромы спрашивали круживъ, чтобъ были узорочны, нашивать на тѣлогрѣи. И я государь подалъ ящикъ съ кружывы, который присланъ съ Москвы, а денегъ за тѣ кружывы не плачено. И она государыня изволила сама выбрать и велѣла нашивать на тѣлогрѣи. И тѣ, государь, кружывы нашивают, изъ преж. А ко государынямъ царевнамъ круживъ спрашивают въ хоромы въ смотръ непрестанно. И я, государь, подавалъ кружывы средней руки прежнихъ покупокъ и они, государь, сказали что тѣ кружывы узки. И государыня царевна и в. княжна Евдокѣя Алексѣевна съ сестрами указали послать въ рядъ, чтобъ взять круживъ золотныхъ и серебреныхъ, чтобъ были узорочны, а шириною бъ были вершка въ 2 и въ $1\frac{1}{2}$, и всѣ бъ были цѣлыя портища, а въ портищѣ бъ было по 12 аршинъ. Корнилко Петровъ челомъ бьетъ. Пожалуй, государь прикажи прислать шолку алого да червчатого да золота и серебра литерного, спрашива-

ютъ къ государынѣ царицѣ. Да извѣстно, государь, тебѣ буди, ко государынѣ царевнѣ и в. к. Марьи Алекс. въ хоромы спрашиваютъ отласу зеленого портище. Да къ государынѣ царевнѣ и в. к. Татьянѣ Михаиловнѣ спрашиваютъ въ хоромы на тѣлогрѣи въ смотръ камки цевинной да камки зеленой мелкотравой по портищу. А рукавицы государь перщетые посольскіе на Воробьевѣ не дѣлаютъ и княгини Агафьи Романовны въ походѣ нѣтъ, а Ѳедора Ивановна Плещеева сказала, что она не вѣдаетъ. А мастерицы, государь, сказали, что отдана рукавица Аникѣ знаменщику. Изволь государь приказать дѣлать на Москвѣ. Іюня 24. 189 г.

36. Ѳедоръ Петровичь, государь! По письму твоему писма всѣ посланы запечатаны въ сукнѣ, и кормовыя деньги. Тутъ же писма и Якова Молчанова. Да пришли пожалуй съ спижъ ѣздовами мыла грецково и простово и шолковъ алого и червчатого и круживъ. А о круживахъ я писалъ къ Думному дворянину къ Никитѣ Ивановичу Акинфову, и ты, государь, пожалуй съѣзди къ нему на дворъ для круживъ и его доложи. А которыя у насъ кружива и я тѣ въ хоромы въ смотръ носилъ, и про тѣ сказали, что негодятца. Аника знаменщикъ съ образцами съ рукавицею въ походъ при мнѣ не бывалъ, изволь спросить про него въ Свѣтлицѣ и доложи о томъ Никитѣ Ивановичу, чтобъ дѣлать на Москвѣ. А на Воробьевѣ боярыни княгини Агафьи Романовны Горчаковы нѣтъ, а Ѳедора Ивановна Плещеева сказала, что ей приказу никакова нѣтъ и мастерицы никакой рукавицы не дѣлаютъ, а только дѣлаютъ оплечьи одни. Корнилко Петровъ челомъ бьетъ. Іюня 21. 189 г.

37. Корнило Петровичь! Прикажи Ѳедору Петровичу, чтобъ утре былъ въ походѣ, а ты пошли память въ Большую казну и роспись товаромъ. Да вели ходить къ Степану Ловчикову о писцѣ, чтобъ прислалъ не мѣшкавъ. А думному дворянину Сергѣю Матвѣевичу Заборовскому по указу в. государя велѣно дать отласу, и онъ пріискалъ въ ряду, и того отласу поторгуй, чтобъ цѣны неиспортить. Онъ сказываетъ, что по 30 алтынъ аршинъ, а мы по той цѣнѣ николи не купливали, буде по осми гривенъ аршинъ и ты купи и деньги давай. Да выдай человѣку Сергѣя Матвѣевича на тѣлогрѣю портище пугвицъ серебреныхъ золоченыхъ и снурокъ и подушку подъ той тѣлогрѣю, что снорокъ пожаловала государыня царица женѣ его Овдотьѣ Никитичнѣ, зарбавъ по бѣлой землѣ. Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. Іюня 26. 189 г. *Надпись*: Сіе писмо пожалуй государь мой пришли назадъ.

38. Корнила Петровичь государь! Выходили изъ хоромъ боярыни, отъ большихъ царевенъ княгиня Мещерская, отъ меньшихъ Дарья Мясново и приказывали, чтобъ ты приказалъ истопничему Володимеру Шилову и велѣлъ собрать истопниковъ и сторожей и въ хоромехъ и въ чардакахъ государынь

царевенъ, большихъ и меншихъ вычистить и выместь, а въ иныхъ и вымыть; а для указыванья и для наряду въ хоромы меншихъ царевенъ присланы будутъ дѣвушки изъ походу; а къ хоромамъ большихъ царевенъ прикажи сыскать постельницъ Боранцову, Конюхову и иныхъ, которые есть на Москвѣ. Изволь Государь, приказать истопничему не оплошно, чтобъ онъ въ хоромехъ и въ чардакахъ присмотрилъ всего самъ неоплошно для того, что государева пришествія совсѣмъ чаять вскорѣ. Ѳедка Казанцовъ челомъ бьетъ. Тѣлогрѣя у Макара кружевника Ц. Ѳ. А. принята и онъ отпущонъ. 189 г. іюня 29. Привезъ Макаръ въ отдачи часовъ дневныхъ.

39. Корнило Петровичь! Многажды къ тебѣ пишу, что съ Моксемъ Масловымъ въ товарехъ справитца, что держитъ на себѣ долгъ. Съѣзди самъ и справся съ нимъ. Дано денегъ 200 рублевъ, росписки не взято, достальные на насъ стоятъ, все Приказу не очистка. Доверши сегодишнего дня. А пишешь ты, что взяли 1000 рублевъ. Я и прежнимъ деньгамъ расходу невидалъ. Андрей писалъ и держитъ у себя и привозилъ ко мнѣ все неочищено порознь что у кого куплено. Мочноль съ него кафтанъ снять и въ тетратяхъ имянно очистить. Да онъ же привезъ ко мнѣ тетрадь и онъ тово путново дѣла не сдѣлалъ по моему; вели ему передѣлать порознь бы написалъ приходъ въ мастерскую полату мелкимъ приходомъ и взятье изъ Приказовъ и расходъ имъ. Чево лѣнитца сидѣть. А пишешь ты ко мнѣ о долгахъ, я невѣдаю, за что платить. Пришли ко мнѣ долгамъ роспись, за что и почему денги платить. Я отпишу за кои платить. Кумачи отдай, дороги. Бумаги хлопчатой поторгуй самъ и вели взять три пуда и по пудно вели завязать, одинъ пудъ вели держать, а два пуда заплатить. Дѣло Игнашкино вели прислать; шуму не могу обратца; а Иванъ Невѣжинъ и о писцахъ неходитъ; чтобъ сего дня Игнашкино дѣло прислать.... 189 г. іюля 1.

40. ...Съ Андрея Озерова вели снять кафтанъ, чтобъ ко мнѣ прислалъ приказу мастерскіе полаты приходъ деньгамъ, что взято по суднымъ.... дѣламъ, и что онъ принялъ у подьячихъ остаточныхъ наличныхъ денегъ и что въ приходѣ и въ росходѣ прошлого и нынешнего году и вели ему привезть въ среду.... Два гребня противъ образца купить и прислать сегодня, будетъ не сыщутъ, вели сдѣлать, а образцовые прислать сегодня въ походъ Ц. Ек. А.--Подъячихъ нижнія полатки для чего для государскаго ангела накормить и напоить не приказали. Купить крашенины 50 арш. по грошу, а другую 50 по алтыну.... Одноконечно приходъ и расходъ Андрею вели приготовить и прислать. О семъ Никитка Акинфовъ челомъ бьетъ. 189 г.

41. Корнило Петровичь! Дневать у хоромъ вели по два истопника да по два сторожа, а будутъ дневать не станутъ, вели бить. А книдяки прислалъ ты, а росходу, кои на Москвѣ

въ росходѣ, того не прислано; а дѣлаете самовольствомъ, Корнило Петровичъ. Я велѣлъ Сергѣю Матвѣевичу деньги за отласъ за аршинъ по осми гривенъ отослать, а ты отласъ отослалъ; хотя бъ сотья присылалъ, дѣлалъ бытьто что я тебѣ приказалъ. Впередъ не буду ни о чемъ писать; дѣлайте, какъ начали: хорошо бы дѣлать по совѣту.... 189 г. іюля 1.

42. Митрофанъ Петровичъ! Гаврило Өедоровичъ! Пожалуйте сходите или каво пошлите въ Верхъ въ каменную комнату на окошнѣ подъ образомъ, подъ скамейкою, прикажи взять Кіевской чесасловъ. Пожалуйте благодатели мои пришлите ко мнѣ въ походъ. Искатель вашего жалованья Антипка Пятово челомъ бьетъ. 190 г. сент. 4.

43. Иванъ Петровичъ государь! Изволилъ великій государь приказалъ во всенощную у своего государева суконнаго лисьего кафтана, что съ узкими рукавы, прибавить пугвицу да петлю; и у насъ въ запасѣ ни пугвицъ, ни снурковъ ни какихъ нѣтъ и мы и извѣстили, что съ Москвы отъ васъ ничего не прислано и отъ государя былъ за то великой гнѣвъ; а насъ сдѣлали дураками. И ты, Иванъ Петровичъ, изволь приказать наскоро прислать въ походъ хотя портище пугвицъ такихъ же канительныхъ большихъ, каковы на томъ суконномъ кафтанѣ, да снурку золотного и серебряного, да шелку желтого, золотникъ съ тѣмъ же стрѣльцемъ, который съ симъ писмомъ къ тебѣ пріѣдетъ. Да изволь приказать наскоро сдѣлать стулъ да подушку, а писано къ тебѣ нарочно о томъ съ стрѣльцомъ, чтобъ одноконечно прислать утре на 1 часу. Да у тогожъ суконнаго кафтана воротъ только сдѣланъ въ пол-аршина, а надобно было въ девять вершковъ, и то знатно, что закройщикъ бываетъ пьянъ, кафтановъ въ мѣрѣ не осматриваетъ; и на прибавку къ тому вороту изволь прислать кружива таковожъ, каково нашито на кафтанъ да соболь на опушку. Да изволь прислать запасное все, что ни есть, которое у тебя приготовлено, исподы и снурки, пугвицы и кружива и иные всякіе мелочи утре на первомъ часу, для того, что у насъ спрашиваютъ многова, а у насъ ничего нѣтъ. Пронка Деревнинъ челомъ бью. А прибавочное что писано выше сего изволь прислать съ симъ же стрѣльцомъ. 190 г. сент. 8. *Надпись*: отдать Ивану Петровичу Чаплыгину, а дворъ его на Знаменкѣ въ приходѣ у церкви Антипы чудотворца, что у большихъ конюшенъ.

44. Иванъ Петровичъ, Митрофанъ Петровичъ! Указалъ в. государь прислать въ походъ на скоро Прологъ во весь годъ печатной да книгу Іоасафа царевича да псалтырь со возслѣдованіемъ, да псалтырь на виршахъ, а чтобъ прислать сегожъ числа къ вечеру, да прислать книгу Минею общую да часословъ. Ивашко Дашковъ челомъ бью.—Да извольте прислать стопу бумаги пищей, да купить два ножичка съ ножнами съ мѣдною оправою и прислать въ походъ нынѣжъ;

чернилъ скляницу. Да приказалъ Иванъ Васильевичь прислать въ походъ всѣхъ суконъ, что ни есть въ казнѣ, образцы: да взявъ изъ сибирского п. на опушку ихъ кафтановъ 2 бобра, прислать въ походъ же. 190 г. сент. 8.

45. Митрофанъ Петровичь, Гаврило Федоровичь! Великій гнѣвъ носимъ за кафтанъ суконной коричной песцовой голубой и за башмаки и за кровельные сукны. Сентября съ 9 числа по 14 число присылки никакой небывало, а чеботниковъ на Москвѣ трое. Для Всемогущаго Бога пришлите башмаковъ, что есть сдѣлано, и кафтанъ (съ) стольникомъ или съ стряпчимъ. Да отласу желтаго 10 арш. да три юфти сафьяновъ желтыхъ про государя на башмаки, бумаги хлопчатой 10 ф., суконъ на кровельные сукна аршинъ 20, да чюлки портные всѣ что есть сдѣлано. Мѣсяцъ октябрь, лимонный цвѣтъ и шапки бархатные зимовные сысканылъ, а у насъ ихъ нѣтъ. А платье сдѣлавъ прислать въ сундукѣ въ корунной телѣгѣ, а буде корунной телѣги нѣтъ, велѣть телѣгу обить краснымъ сукномъ. Да половинку сукна анбурского красного. Приказъ о томъ постельничего Алексѣя Тимоѳеевича Лихачева. Ивашка челомъ бью. 190 г. сент. 16. Въ государеву мастерскую полату.

46. Митрофанъ Петровичь, Гаврило Федоровичь! Приказалъ Алексѣй Тимоѳеевичь сходить въ аптеку и взять пять или шесть скляницъ водяныхъ, и устроить въ коробочкѣ, отыкавъ бумагою хлопчатою прислать въ походъ съ дневальщикомъ нарочно. Да изъ сибирскаго приказу взять 20 пеподовъ песцовыхъ хрептовыхъ изъ тѣхъ, которые остались за крымскою кладью, а вѣдомо подлинно у насъ, что осталось за кладью больше ста пеподовъ,—и прислать вмѣстѣ съ скляницами. Да прислать съ тѣмъ же дневальщикомъ государю башмаковъ, а у насъ ни одиѣхъ нѣтъ. А Иванъ чеботникъ у насъ, почитай, сконалъ сидитъ, денно и нощно дѣлаетъ башмаки. А на всякъ день подаютца по двои и по трои башмаки. И мы Алексѣю Тимоѳеевичу и Михаилу Тимоѳеевичу докладывали, что къ тебѣ, Митрофанъ Петровичь, писали иидо сотью, и ты къ намъ въ походъ ни кафтана государева суконного съ узкими рукавы, ни башмаковъ не присылывалъ. И тебѣ, Гаврило Петровичь, приказали они, велѣли противъ прежнихъ писемъ все исправить, и башмаковъ прислать наскоро, съ тѣмъ же дневальщикомъ, которой съ скляницы поѣдетъ въ походъ. И иные статьи, которые посланы писма въ мастерскую съ становъ. А лимонной цвѣтъ отдѣлывать велите, не мѣшкавъ и пришлите въ походъ же съ стольники и съ стряпчими. Ивашка Чаплыгинъ челомъ бью. Писано на стану въ Олександровѣ слободѣ сентибря въ 14 д., а съ 16 числа пойдемъ въ Переславль, а изъ Переславля въ Ярославль, а изъ Ярославля во Фролищеву пустыню. — *На обороть.* 190 г. сент. 16: Въ мастерскую полату.

47. Митрофанъ Петровичь, Гаврило Өедоровичь! Здравствуйте пріятели мои о Господѣ Бозѣ! А естьли бы вы не прислали башмаковъ того часа и умедлялибъ малымъ часомъ, конечная бъ была на насъ государева кручина и гнѣвъ. А последнія башмаки вчерась взяты, изволъте надѣлать еще двадцатеры башмаки въ томъ числѣ на меншое дерево десятеры, на среднее пятеры, на большое пятеры. Чюлковъ песцовыхъ пятеры, черевьихъ пятеры. На росходъ суконъ аглинскихъ половину, кармазиновыхъ портищъ пять; а которыя были — всѣ въ роздачѣ. Бумаги хлопчатой десять фунтовъ. Бумажникъ, о которомъ писано, мѣсяцъ октябрь, лимонной цвѣтъ, кушаки, подвязки, заячьи мѣхи, — противъ письма всеѣ прислать тотчасъ, что поспѣло. Десять кindиковъ. Иванъ Семеновичь челобитныя мои незабуди съ сыномъ моимъ съ Тимошкою: пособствуй ему побить челомъ. 190 г. сентября 18.

48. Митрофанъ Петровичь, Гаврило Өедоровичь! Которые неподы песцовые хребтовые вы въ походъ по письму прислали и тѣ всѣ неподы приказалъ Алексѣй Тимоөеевичь по прежнему послать къ Москвѣ, а вмѣсто тѣхъ приказалъ вамъ прислать, взявъ изъ сибирскаго приказу 20 неподовъ заетчьиныхъ хрептовыхъ; а прислать вмѣстѣ съ платьемъ лимонного цвѣту, съ Кузьмою Микулинымъ. Да что писано къ вамъ съ нимъ Кузмою въ письмѣ, и вы все, что ни есть исправьте и пришлите съ нимъ же Кузмою. Да что петрясъ дорогою Максимъ Өедоровъ, и то ему велите заплатить. Да пришлите въ походъ съ ѣздокомъ или нарочно съ посыльщикомъ образъ Иверскіе Богородицы въ бархотномъ кіотѣ, въ вѣнцѣ у Пресвятыя Богородицы запаны, цка менши птилистовой. А искать ее въ мастерской въ казнѣ, а будетъ нѣтъ, искать въ Грановитой въ сундукѣ съ иными, а сундукъ стоитъ у арганов; а буде въ сундукѣ нѣтъ, искать въ Спаской и въ Воскресенской ризницахъ; а была она въ походѣ въ Воробьевѣ. Да мыла грецково брусковъ 40, да брусъ костромского. Ивашка Чаплыгинъ челомъ бью. 190 г. сент. 22. Подалъ завязочникъ Максимъ Өедоровъ. *Надпись*: въ Мастерскую полату.

49. Митрофанъ Петровичь, Гаврило Өедоровичь! Указалъ великій государь три образа, писаные на полотнѣ, которые посланы къ вамъ изъ Ярославля съ ярославцы посадскими людьми, поставить въ мастерской полатѣ въ казнѣ. А образы сіе: обр. Распятія Господня, обр. Снятіе Господня со креста, обр. Авраама, егда сына своего принесъ на жертву, всѣ въ рамахъ; а посланы къ вамъ всѣ въ цѣлости. Ивашко Дашковъ челомъ бью. 190 г. окт. 13.

50. Иванъ Петровичь, государь! Приказалъ Михаило Тимоөеевичь къ тебѣ отписать, что великаго государя шествіе изъ села Алексѣевскаго будетъ утре рано. А прислалъ ты, государь, въ запасъ запасовъ немного, противъ прежней росписи ничего неисполнено. И черниллицъ и ножницъ и ножечковъ

и золотыхъ и соболей и сургучу и иныхъ многихъ статей противъ писемъ ничего не прислано; а на станы будетъ присылать медленно, потому что походъ дальней. Пожалуй государь Иванъ Петровичь прикажи и досталь всякую мелочь прислать нынѣже. Да изволь прислать сафьяновъ на башмаки, колецъ мѣдныхъ, на подвязки кружив(ъ), башмачного дерева. Да изволь прислать его золотыхъ. Да изволь выслать шапочника Ивана Тимоѳеева, а поѣхалъ онъ Иванъ по болваны и по цвѣть вчера въ полдень. Да прикажи прислать чернилъ. Ей ничего нѣтъ, опричь родной чернилицы, ни ножницъ, ни клея, ни ножичка, ничего нѣтъ. Да прислать же нынѣ: стопу бумаги писчей, 5 перей, и иныхъ всякихъ мелочей, которые писаны въ семъ писмѣ. Пронка челомъ бью. 190 г.

51. Митрофанъ Петровичь, Гаврило Ѳедоровичь! спрашивали къ государю часовъ зенныхъ и часовника, а у насъ нѣтъ. Изволь съѣздить на дворъ къ боярину ко князю Петру Алексѣевичу и чтобъ часы выдать изволилъ и часовника выслать, и прислать нынѣжъ. Иванка челомъ бью. 191 г. сент 4. *Надпись*: въ мастерскую.

52. Митрофанъ Петровичь, Гаврило Ѳедоровичь, государь! По указу в. Государей приказалъ бояринъ кн. Петръ Ивановичь Прозоровской выслать въ походъ въ село Воздвиженское подьячего Прокофья Ѳедоровича, также и портныхъ мастеровъ, шапочника, чеботника, и сторожей, которымъ доведетца быть по очереди въ Троецкомъ походѣ. Да изволте одѣяло в. государю ц. и в. к. Петру Алексѣевичу тафтяное зеленое, здѣлавъ, прислать тотчасъ: а бархату червчатого 3 арш. приказалъ б. кн. Петръ Ивановичь купить изъ ряду и прислать въ походъ тотчасъ. Да приказалъ окольничей Тихонъ Микитичь Стрѣшневъ прислать въ походъ же Книгу Царственную, въ которой писаны персоны благочестивыхъ князей и царей россійскихъ. Да изволте прислать бумаги пять дестей, да чернилницу мѣдную, 3 пера лебяжьихъ, чернилъ, песку. Рабъ милости вашей Ѳедка Тверитиновъ челомъ бью. Часы изволте прислать Ростовскіе столовые, что за стеклы. Да изволте прислать карламъ кафтаны теплые суконные. 191 г. сент. 15. Съ часовникомъ съ Дмитріемъ. *Надпись:* Великихъ государей въ мастерской палатѣ.

53. Митрофанъ Петровичь, Гаврило Ѳедоровичь! Здравствуйте на многіе лѣта! Да по указу в. государей приказалъ бояринъ кн. Петръ Ивановичь Прозоровской прислать в. государю два испода пластиничатые собольи ферезейные, да царя Ѳедора Алексѣевича чюлки песцовые и черевьи бѣльи, всѣ, что есть изъ розвѣски. Да рукавицъ теплыхъ песцовыхъ и пластинчатыхъ суконныхъ, а буде суконныхъ нѣтъ, бархатные есть. Да егожъ государя кафтанъ верхней лисей, которой исподъ посредній. А платье въ золотой палатѣ въ розвѣскѣ снять и положить въ сундуки и поставить въ той же золотой

палатѣ. Да взять съ казенного двора камокъ и тафтъ цвѣтныхъ и смирныхъ аршинъ со сто, буде въ казну дьяки ходятъ и буде не за казначеевою печатью; а буде дьяки за казначееву печать не ходятъ, о томъ отписать. Да взять изъ ряду по двѣ юфти сафьяновъ желтыхъ да черныхъ, да по юфтѣ алыхъ да рудожолтыхъ и подошевъ и скобъ и гвоздей и вервей и шилья; да чеботника, чья очередь, съ деревьемъ съ чеботнымъ да съ башмачнымъ и совсѣмъ, какъ дѣлать прислать, да и готово что ни есть, все чеботное прислать же. Да полсти на стельки, мыла грецкого 20 брусковъ, мыла костромского, стопу бумаги писчей, а въ монастырѣ нѣтъ... . Три цѣвки серебра на обшивку каблуковъ. А прислать съ подьячимъ съ Өедоромъ Тверитинымъ, а буде его на Москвѣ нѣтъ, съ Иваномъ Нѣгоморскимъ. и послать провожатыхъ мастеровыхъ людей, кружевниковъ и пашивочниковъ, человѣкъ 5 или 6. А изъ Москвы, доложа бояръ, велѣть выпроводить до Алексѣевского надворной пѣхотѣ. Да прислать двѣ черниліцы мѣдные, да двѣ глиненые, да 5 перей хорошихъ, двои ножницы, клей, чернилъ. Скляику, снурковъ шолковыхъ: у насъ въ походѣ ничего нѣтъ, всѣмъ изошло. а безъ того быть нельзя и въ хоромы емлютъ безпрестанно. Да прислать отласовъ на подпарады алаго, желтого, рудожолтого аршинъ по 5; да три пояса шолковыхъ въ штаны. Да увезъ Өедоръ 4 р: денегъ, привезъ бы съ собою.... А противъ сего писма все исполнить, просто его не положить, а напередъ сего о томъ писывано, и вы ничего противъ писемъ не исполнили, и мы за то великой гнѣвъ на себя приняли. Да прислать двѣ обушки, буде наружѣ, да взять изъ оружейной три подобушника, строчены по хозу. Да прислать Книгу Царственную, откуда произыде корень великихъ государей, спрашиваютъ въ хоромы къ царю Петру Алексѣевичу. Ивашко Чаплыгинъ челомъ бью. Песку прислать. А подводы взять конюшенныя, а буде нѣтъ взять ямскіе.... 191 г. сент. 23.

54. Дмитрій Самсоновичь! Приказалъ думной дворянинъ Михаила Петровичь прислать завѣсы, о которыхъ писано вчерашняго числа. Да изъ оптеки водки отъ головной боли.... масла миндальнаго сладкаго Е....... бѣлого безую съ пироговою...... по наряду. Да ковчежецъ, которой тебѣ отд.... бархатомъ, а на верху того ковчежца крестъ. Да возми изъ государевы мастерской палаты бархату красного 5 вершковъ и въ томъ бархатѣ вели сдѣлать рукавъ длина 5 вершковъ, ширина, какъ пристойно, исподъ подложить пупчатой, опушить хвостами собольими въ два хвоста, каковы есть въ мастерской, а сдѣлавъ, пришли въ походъ. Въ судномъ приказѣ о денгахъ вели говорить, и что скажутъ, отпиши. Государыни царицы въ малой новой комнатѣ прикажи полъ затвердить, чтобы нескрыпѣлъ и доскибъ были тверды. Посланъ съ симъ писмомъ портной мастеръ Макаръ Алексѣевъ, и его при-

кажи оставить на Москвѣ, а вмѣсто его прикажи быть въ походѣ иному кому изъ портныхъ же. Писавый Тараска Невѣжинъ челомъ бьетъ. Писано апрѣля 29 числа. 194 г. апрѣля 29 подалъ въ 5 часу дни.

55. Гаврило Өедоровичь! Бояринъ князь Борисъ Ивановичь Прозоровскій велѣлъ къ тебѣ отписать, чтобъ ты сказалъ Савина монастыря стряичему, чтобъ ихъ Савина монастыря власти къ великимъ государемъ для челобитья къ празднику къ Москвѣ не ѣздили; а скажи имъ, что великимъ государемъ пришествіе къ празднику къ Савѣ Чудотворцу будетъ, а походъ съ Москвы ноября съ 27 числа, а прежде пойдутъ въ Воскресенской монастырь; и ты изволь сказать стряичимъ, чтобъ онѣ то вѣдали. Васка Тарбѣевъ челомъ бьетъ. Да прислать двое чюлки холодные, буде нѣтъ—сдѣлать тотчасъ.—Поисовъ къ штанамъ шолковыхъ или таффтяныхъ. Да высѣчь чеботника Кондрашку батоги, за то, отпустилъ онъ башмаки, не отдѣлавъ, и за то Кирьяку Ивановичу былъ отъ великаго государя гнѣвъ. Простыню пришли тотчасъ. Ивашко Чаплыгинъ челомъ бью. *Надпись:* великихъ государей въ мастерскую палату.

56. Дмитрій Самсоновичь! Пришли въ походъ государыни царицы пуховикъ, который остался въ малой комнатѣ. Да бумаги хлопчатой фунтъ. Доски шахматные, которые осталисъ въ хоромехъ, а будетъ въ хоромехъ не отыщешь, изъ мастерскіе. Да посланъ ключникъ нѣмецкой и ты съ тѣмъ ключникомъ сходи къ хоромамъ и передъ старою комнатою изъ поставца вынь лепешки, попугая чѣмъ кормятъ, и пришли въ походъ. Приказъ о томъ о семъ боярыни Параскковьи Алексѣевны. Писавый Тараска Невѣжинъ челомъ бьетъ. Посланъ съ симъ писмомъ чеботникъ Данило Трофимовъ. *На оборотѣ:* 194 г. апрѣля въ 30 день подалъ чеботникъ Данило Трофимовъ.

57. Дмитрій Самсоновичь государь! Приказалъ думный дворянинъ Михаило Петровичь прислать съ Москвы отласу коричневаго аршинъ да по полѣ хребтовъ и черевъ бѣлыхъ, бумаги пищіе десть, мыла грецкаго бруска два или три. Да приказалъ думной же дворянинъ Михаило Петровичь, чтобъ вамъ одноличио безо всякой мешкоты радѣть въ серебряной полатѣ о кадилкахъ и о передачахъ. И въ оружейной палатѣ о сундукахъ и объ ножичкахъ, и въ приказѣ большіе казны объ деньгахъ и въ судномъ московскомъ приказѣ и о всякихъ дѣлахъ радѣтельно ходить и про все въ походъ о семъ отписать имянно, зачѣмъ чево не отпустятъ или не сдѣлано. Писавый Ивашко Самороцкой челомъ бьетъ. И для того посланъ нарочно чеботникъ Дмитрій Щепетной. 194 г. мая 4, подалъ въ 5 часу дни.

Записки товарнаго расхода, издѣльныя и др.

92. 127 г. марта 27 по приказу государыни и великой старицы иноки Марфы Ивановны дано дуркѣ Манкѣ лѣтникъ въ сорочкахъ отъ суконъ, сорочекъ пошло писанныхъ шесть, цѣна по 3 алт. по 2 д. сорочка, да на подкладку пошло три сорочки цѣна по 10 д. сорочка, да на опушку пошло медвѣденко, цѣна 20 алт. — 128 г. мая 3 послано въ шатерной приказъ на государевъ солночникъ въ походъ къ Николѣ Чюдотворцу на Угрѣшю 14 арш. сукна шарлату червчатого да на подкладку 5 киндяковъ цвѣтныхъ; да государыни и великой старицѣ инокѣ Марфѣ Ивановнѣ на солночникъ 15 арш. сукна аглинского гвоздичного, на подкладку 5 киндяковъ; взялъ шатерничей Юрья Мартюхинъ. — 135 г. іюня 9 государева жалованья дуркѣ Манкѣ опашень въ сукнѣ въ летчинѣ въ червчатой да въ жолтой, сукна пошло 10 арш. по 8 ал. по 2 д. арш., подъ переды пошло на подпушку 2 арш. крашенины лазоревой по 7 д. арш., на петли на нашивку пошло 11 арш. кружива мишурного широкого по 2 алт. арш.; пришито 15 пугвицъ оловяныхъ, цѣна 6 алт. 4 д.; да ожерелье накладное медвѣдокъ молодой цѣна 5 алт., пришито три пугвицы оловяныхъ большихъ, 4 д.; а приказалъ государевымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Тороканов дьяку Гаврилу Облезову. — 137 г. апр. 4 государева жалованья, Вознесенскаго дѣвичья монастыря старицѣ Марфѣ уродивой ряска камка нѣмецкая, тауснина пошло пол-9 арш., на подкладку пол-9 ар. киндяку зеленого, подъ нашивку на постилку $1\frac{1}{4}$ ар. крашенины лазоревой, нашита нашивка тафтяная торочковая тауснина 32 гнѣзда, около ряски на обшивку пошло пояска шолкъ гвоздиченъ 10 арш. 5 ал.; а приказалъ государь дьяку Гаврилу Облезову, отнесъ ряску въ Вознесенской монастырь портной мастеръ Богданъ Яковлевъ. — 138 г. генв. 28 государыня царица указала, а велѣла сдѣлать для своихъ государскихъ нарядовъ 250 пелепеловъ серебреныхъ золочены съ чашками и съ трубками; а каковы пелепелы и чашки и трубки дѣлать и тому посланъ образецъ; велѣти сдѣлати тотчасъ и прислати государыни царицы къ Постельный Приказъ къ Ѳед. Ст. Стрѣшневу да къ дьяку Сурьянину Тороканову. — Марта 20 великой государыни инокп Марфы Ивановны скроена ряска въ камкѣ въ куфтерю въ чорномъ; пошло 9 арш.; на подкладку и на кормансцы аршинъ пол-4 вер. тафты виницейки багровой; около ряски обшито 12 арш. поясковъ шолкъ чорнъ; да на ряску нашито мѣсты 36 гнѣздъ нашивки тороченой тафта чернажъ; да на шитье 3 зол. шелку чорново. — 138 г. іюня 9 скроено въ Турскую посылку на кречетъ подъ низанье вотолка да

нагрудникъ да нагавки да пахвостникъ да къ рукавкѣ записье въ отласѣ въ червчатомъ, пошло 1½ арш. съ вершкомъ; да на коблучокъ 2 вер. бархату червчатого.

93. 141 г. сент. 28 по имянному приказу государыни царицы старицѣ Марфѣ уродивой здѣлана шуба въ крашенинѣ лазоревой пошло 10 арш., на опушку 9 арш. пуху, нашито три нашивки хамьяные, въ подкройку подъ переды полмѣха заячинного хребтового, а задъ и рукава старые.—всего шубѣ цѣна рубль 15 ал. Двумъ сѣннымъ дѣвицамъ сдѣланы двѣ тѣлогрѣи въ зендени лазоревой пошло 19 арш. безъ чети, въ подкройку полтора мѣха заячьихъ черевьихъ, на настилки ветошекъ на 2 алт., на опушки пуху 16 арш. пришито двѣ нашивки шелкъ лазоревъ на ремешкахъ, всего тѣлогрѣямъ цѣна 3 р. 5 ал. 1½ д.: а приказалъ царицынымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Тороканов дьяку Гаврилу Облезову.—141 г. окт. 31 государева жалованья княжнѣ Иринѣ Ивановнѣ Мстиславской здѣланъ сарафанъ въ тафтѣ виницѣйкѣ гвоздичной; пошло 5 ар., по 1 р. арш.; въ подкройку пошли цки черева бѣльи съ рукавы 2 р., да въ прибавку пошло 30 черевъ бѣльихъ по 2 д.; на опушку 8 арш. пуху 1 р.; пришито четыре пуговки шелкъ гвоздиченъ на ремешкахъ 4 д.; всего 8 р 10 ал. 4 д. А приказалъ государевымъ словомъ стольникъ Василій Ивановичь Стрѣшневъ дьяку Гаврилу Облезову; и тотъ сарафанъ отнесъ дьякъ Гаврило Облезовъ въ Верхъ; принялъ стольникъ Василій Ивановичь Стрѣшневъ.—141 г. генв. 31 государева жалованья сѣннымъ дѣвицамъ здѣланы двѣ шубки зендень лазорева пошло 15 арш., въ подкройку мѣхъ заечей черевей, на опушку треть арша, пришиты двѣ нашивки втычные шелкъ лазоревъ, всего шубкамъ цѣна 2 р. 10 д.: а приказалъ государевымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Тороканов дьяку Гаврилу Облезову, взялъ шубки царицыны мастерскія полаты портной мастеръ Яковъ Трофимовъ.

94. 141 г. іюня 16 по имянному приказу государыни царицы ея государынина жалованья карлихѣ здѣлана шубка накладная въ сукнѣ аглинскомъ черленомъ, пошло и съ моченьемъ 4 арш., на подпушку полтора аршина киндяку лазореваго, всего шубкѣ цѣна 4 р. 7 ал. 3 д. Сѣнной дѣвкѣ здѣланъ лѣтникъ въ киндякѣ желтомъ, пошло 6 арш., на пикапки пошло бархатѣли съ потялью аршинъ 5 вер., на подкладку 9 арш. холста, на опушку пуху пол-9 арш., пришиты пуговки шелкъ жолтъ: всего лѣтнику цѣна 2 р. 13 ал. 5 д. Старицѣ Марфѣ уродивой сарафанъ здѣланъ въ камкѣ адамашкѣ черной мелкотравной, пошло 8 ар. 5 вер., на подкладку 9 арш крашенины лазоревой, нашито три гнѣзда нашивки тафтяной; всего сарафану цѣна 7 р. 8 д.; другой сарафанъ крашенинной лазоревъ, пошло 8 ар. по 8 д.: на подоплеку пошло аршинъ съ четью холста, по 6 д.; пришиты пуговицы втычные шолковые 4 д.; всего сарафану цѣна 11 ал. 2 д. А приказалъ царицы-

нымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Тороканова дьяку Гаврилу Облезову.—141 г. августа 19 государыни царицы по имянному приказу скроенъ старицѣ княжнѣ Иринѣ Мстиславской сарафанъ въ объярехъ въ тауспиныхъ, къ сарафану на подкладку 2 зендени кирпичной цвѣтъ да въ плетенкахъ 7 зол. шолку гвоздичного.

95. 143 г. мая 31 государева жалованья потѣшнику Науму Слѣпому здѣлано платья: однорядка сукно агли́нское зелено, на подпушку 1 ар. безъ чети киндяку лазоревого, на строку пошло золотникъ шолку багрового, нашиты петли хамьяные, пришито 12 пугвицъ серебряныхъ бѣлыхъ, на отлошки лоскутъ отласу золотного; всего однорядкѣ цѣна 3 р. 1 алт. 4½ д.; ферези киндякъ лимонной, на подпушку зендени червленой 1 ар. безъ чети, на подкладку пол-5 аршина крашенины лазоревой, на настилку бумаги хлопчатой полфунта, нашивка шолкъ черленъ съ мишурою, всего ферезямъ цѣна рубль 3 алт. 3 д.; кафтанъ дороги гилянскіе черлены, на подпушку 9 вер. киндяку лимонново, на ожерелье вершокъ отласу золотного по черленой землѣ, на подкладку пол-4 ар. крашенины лазоревой, на простилку полфунта бумаги хлопчатой, нашита нашивка на спуркѣ шолкъ рудожолтъ, всего кафтану цѣна рубль 28 алт. пол-6 д.; сапоги сафьянные жолты, 15 ал.; шапка сукно черлено съ пухомъ, 26 ал. 4 д.; а пожаловалъ государь ево въ приказъ, приказалъ государевымъ словомъ бояринъ Бор. Ив. Морозовъ.—143 г. іюля 11 государева жалованья потѣшникомъ слѣпымъ Якункѣ да Лукашку по однорядкѣ сукно настрафиль, одинцовые, татарскіе, съ круживы и съ завязки по 3 р. по 11 алт. однорядка; по кафтану крашенинному по 23 алт. 2 д. кафтанъ; взялъ однорядки комнатной сторожъ Тимоха Омельяновъ, а кафтаны потѣшной сторожъ Пермка Гурьевъ а присылалъ ево государевымъ словомъ бояр. Бор. Ив. Морозовъ.—144 г. окт. 22 государева жалованья Якиѣ слѣпому шапка сукно вишнево съ пухомъ, 26 ал. 4 д.; сапоги сафьянные жолты 16 ал. 2 д.; штаны сукно агли́нское зелено 21 ал. 4 д.; кафтанъ крашенинной холодной, ожерелье бархатѣль съ мишурою 30 ал.; а приказалъ государевымъ словомъ стряпчей съ ключемъ Ив. Мих. Онучковъ. — 144 г. марта 31 въ хоромы сдѣлано шутихѣ жонкѣ Манкѣ слѣпой сарафанъ крашенинной лазоревъ, крашенины пошло пол-9 ар. по 9 д. арш., на подкладку пошло пол-8 ар. холста по 4 д. арш., пришита пугвица оптная. денга; ей же сукня сукно настрафиль черлено, сукна пошло 3½ арш. по 20 алт. арш., на подоплеку 2 арш. крашенины лазоревой; на опушку около ворота 7 верш. киндяку зеленого 1½ ал. нашита нашивка шелкъ зеленъ, пугвицы оловяные 9 алт.; всего сукнѣ цѣна 2 р. 12 алт. съ деньгою: а приказывалъ царицынымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Тороканова.

96. 145 г. Окт. 31 по имянному приказу государыни царицы уродивому Елисѣю сермяга сукно муравское бѣлое, пошло съ моченьемъ 7 арш. 7 вер., на подкладку 9 арш. крашенины лазоревой, пришита нашивка втычная шелкъ бѣлъ, на петли пошло 10¾ арш. снурка шелкъ бѣлъ; всего сермягѣ цѣна 2 р. 29 ал. пол 5 д., а приказалъ царицынымъ словомъ дьякъ Сурьянинъ Тороканов, взялъ игольникъ Карпъ Кириловъ. — 148 г. дек. 30 по приказу стольника Ивана Өедоровича Стрѣшнева Меншова велѣно сдѣлать на Казенномъ дворѣ двѣ тафьи суконые настрафилные одну червчегу, а другую желтую; и тѣ тафьи принялъ къ царицѣ въ хоромы онъ же Иванъ Өедоровичь, а сказалъ, что тѣ тафьи государыня пожаловала дѣвкамъ дуркамъ Орюткѣ да татаркѣ Дункѣ. — 168 г. іюня 28 государева жалованья богомольцу Исаю здѣланъ чюгаи изъ дороговъ кармазиновыхъ; пошли цѣлыя дороги, въ прибавку 2 арш. на подпушку аршинъ дороговъ зеленыхъ гилянскихъ, на подкладку 10 арш. крашенины, пришито 25 пугвицъ серебряныхъ. Ему жъ здѣланъ *чюфаи* киндяшной, въ кроенье пошло киндякъ узкой, на подкладку 8¾ арш. холста; емужъ здѣлана шапка верхокъ вишневъ соболь полтора рубли, на подооръ пупокъ соболей, на тулью 8 хребтовъ бѣльихъ: рубашка да порты тонкіе 40 ал., сапоги да башмаки сафьянные 1¾ р.; а приказалъ о томъ Өед. Ал. Полтевъ дьяку Данилу Панкратьеву; и то платье взялъ потѣшныхъ хоромъ сторожъ Сава Максимовъ. — 169 г. окт. 10, въ потѣшную полату сдѣлано попугаю на постилку изъ киндяка красного длина ¾, ширина пол аршина: полфунта бумаги хлопчатой; взялъ постилку потѣшной палаты сторожъ Сава Максимовъ.

97. 175 г. фев. 9, государь указалъ сдѣлать въ оружейной палатѣ царицѣ Марьѣ Ильичнѣ колымагу деревяну рѣзную противъ образца бумажнаго и расписать по золоту цвѣтными краски: вмѣсто сукна покрыть бархатомъ и подложить жолтою тафтою, а въ колымагѣ вмѣсто кожи золотной подбить отласомъ червчатымъ съ голунами, а шеи обшить бархатомъ и положить круживо кованое серебряное. — Марта 21 столповой прикащикъ Лукьянъ Оболдуевъ сказалъ: въ новую колымагу надобно: 4 креста съ мощми въ серебрѣ или въ золотѣ, а на чемъ ставить и укрѣпить надобно 20 крючковъ серебряныхъ. Миндерь бархатной, а на миндерь изголовейцо мѣстное да опричь зголовейца надобно назади подушка поперегъ во всю колымагу, да по обѣ стороны по подушкѣ, золотные. Въ дверяхъ 2 запоны во всю колымагу или какіе укажутъ; у запонъ 24 колечка сереб. на снуркѣ жолтомъ; рундукъ обить бархатомъ червчатымъ, да 4 стульцы для боярынь малые выносные обить бархатомъ червч. и наслать стульцы бумагою хлопчатою. Да на постилку коверъ золотной большой, а подъ тотъ коверъ послать тюфячекъ или полсть и покрыть краснымъ сукномъ. Да лѣсницу сукномъ червч. багрецомъ обить. На другомъ мѣ-

стѣ, гдѣ садятся боярыни, здѣлать сундукъ поперегъ во всю колымагу и обить. А по описке у колымаги станъ дубовой съ колесы выкрашевъ краскою и окованы желѣзомъ. На сохахъ и на крюку положены каймы дерев. рѣзн. золоч. Двѣ подпоры и оттужины желѣзные витые съ рѣпьями по золоту расписаны краски. На стану 8 коробокъ желѣзныхъ золоченыхъ. У колымаги на задней доскѣ вырѣзана съ живства, птица да 6 маковицъ дерев. золоч. У ящика на задней доскѣ вырѣз. орелъ въ клеймѣ съ коруною, около орла 4 птицы и виноградные вѣтви золоч. и сереб. и росписаны красками. На передней доскѣ вырѣзанъ кунганъ и изъ него виноградные вѣтви, а на вѣтвяхъ 4 птицы розные. На задней каймѣ два льва съ живства, на дву углахъ вырѣзано по главѣ львовой. Внутри повсюду писаны всякіе птицы и травы розными цвѣтными краски. Лестница деревянная золочена росписана краски. — Марта 16 записано: сдѣланы царицѣ Марьѣ Ильичнѣ двѣ колымаги деревянные золоченые, одна рѣзная, другая гладкая, и по золоту росписываны розными цвѣтными красками; а вмѣсто сукна одна покрыта бархатомъ червчатымъ. а другая сукномъ багрецомъ алымъ и подложены жолтою тафтою; а въ колымагахъ вмѣсто кожи золотной подбито атласомъ червчатымъ съ серебрянымъ голуномъ, а шлеи у одной колымаги обшиты всѣ бархатомъ червчатымъ и на нихъ положены кружива серебряные кованые. А писали тѣ колымаги по золоту и по серебру розными цвѣтными краски жалованные и кормовые иконописцы. (Изъ жалованныхъ работою завѣдывали Өед. Евтифеевъ и Иванъ Леонтьевъ).

98. 183 г. Окт. 17 скроены къ государынѣ царицѣ Наталіи Кириловнѣ въ хоромы потѣшныя рукавицы сукно скорлатъ червчатъ, исподъ черева лисьи, опушены соболемъ: въ кроенье вышло сукна ¼ арш., испода 5 черевъ, на опушку пара соболей. Приняла боярыня Матрена Блохина, а сказала пожаловала де г. царица боярынѣ Дарьѣ Мясной для походу.— 183 г. окт. 25 скроенъ къ царицѣ Наталіи Кириловнѣ въ хоромы треухъ маленкой тафта червчата, исподъ хребты бѣльи, опушенъ пухомъ бобровымъ, приняла боярыня Матрена Блохина, а сказала пожаловала де государыня царица царевны Марфы Алексѣевны дѣвочкѣ безногой.—183 г. окт. 25 скроены госуд. царицѣ Наталіи Кириловнѣ въ хоромы рукавицы потѣшныя сукно червчатъ багрецъ, исподъ черева лисьи, опушены обочина бобровая; въ кроенье вышло сукна 3 вер., на исподъ 4 черева.

99. 184 г. марта 22 въ соборъ Рождества Пресвятыя Богородицы, что на сѣняхъ государыни царицы къ мѣсту на починку верхняго столбца кованого золоченого, серебра 4 золот., да въ горошчатомъ гвоздьѣ 2½ золотн. — 184 г. августа 14 бояринъ и дворецкой и оружейничей Богданъ Матвѣевичь Хитрово выдалъ изъ хоромъ великіе государыни царевны Ирины

Михайловны шесть сулеекъ хрусталныхъ во влагалищѣ, оболочено бархатомъ алымъ; а приказалъ въ тѣмъ сулейкамъ здѣлать оправки серебреные сканные, а къ затычкамъ цѣпочки и гвоздики серебреныежъ. И тогожъ числа къ тѣмъ ко шти сулейкамъ на оправки и на цѣпочки и на гвоздики мастеру Осипу Астраханцу серебра 37 зол.; принято у него въ дѣлѣ 33⅝ зол., на удѣлокъ золотникъ съ четью. Къ тѣмъ сулейкамъ оправки прикрѣплены и къ великой государынѣ царевнѣ Иринѣ Мих. въ хоромы отнесъ оптекарскіе полаты дохтуръ Степанъ Фанъ Гадоновъ

100. 185 г. іюля 9 въ церковь Екатерины Христовы Муч. въ чюланъ, гдѣ ставитца государыня царица Наталія Кириловна, въ двери на занѣсъ тафты желтой аршинъ съ четью. — 187 г. ноября 30 бояриву Ивану Богдановичю Милославскому за товары, которые у него взяты въ прошломъ во 186 г. въ розныхъ числѣхъ, за вошвы шитые по червчатому бархату золотомъ и серебромъ травы оксамичены 40 р.; за вошвы по красному бархату да за трои по черному бархату шиты золотомъ и серебромъ высокимъ швомъ съ звѣздки по 30 р. за вошвы; да за вошвы земля зашивная золотомъ и серебромъ съ розными цвѣты 25 р.; за вошвы по черному бархату шиты гладью золотомъ и серебромъ 18 р.; да за патрахѣль, да за два уларя, шитые по червчатому бархату золотомъ и серебромъ высокимъ швомъ 47 р.; всего 250 р. — 187 г. августа 24, по указу великого государя боярина Ивана Богдановича Милославскаго женѣ его боярынѣ Дарьѣ Прохоровнѣ за ширинки тафтяные шитые золотомъ и серебромъ, накищены золотомъ же, которые у ней взяты въ его государевы хоромы, за пять ширинокъ по осми рублевъ, за двадцать за девять ширинокъ по пяти рублевъ, за десять ширинокъ по три рубли, за шестнадцать по два рубли, — всего за шестьдесят ширинокъ двѣсти сорокъ семь рублевъ. — 189 г. генв. 6 царицы Агаѳьи Симеон. шубку, расшитная, бархатъ червчатъ гладкой съ аламами серебреными золочеными чеканными, выдала изъ хоромъ боярыня кн. Агаѳья Горчакова, а сказала: жемчюгъ которой около тѣхъ аламовъ былъ обнизанъ весь снятъ и пугвицы отняты въ хоромѣхъ у г. царицы и отъ ожерелья нижней аламъ отнятъ въ хоромехъ же. 11 марта въ 3 д. съ сей шубки аламы всѣ щетомъ сорокъ шесть мѣстъ, вѣсу въ нихъ двѣнадцать фунтовъ 83 золотника, сняты и отданы въ серебряную полату.

101. 189 г. іюля 14 въ 14 часу дни въ послѣдней чети по изволенію Великаго Бога великая государыня царица и в. к. Агаѳія Симіоновна преселися въ вѣчныя обители. Подлинно о всемъ писано въ чиновной книгѣ. А по представленіи еѣ в. г. царицы подано въ хоромы: на саванъ камки бѣлова куфтерю 13 арш., на вѣнецъ отласу бѣлово 2 верш., да на шитье золота шестерного цѣвка. На подушку и на онучки

камки бѣлой травной под-4 арш.: на калиги бархату червчатого 6 верш., дѣлали чеботники. На кровлю гроба, чѣмъ покрыто было въ хоромехъ, сшито въ два полотнища не розрѣзавъ объярь золотная по червчатой землѣ 10 арш.; взята изъ государевы мастерскіе полаты. Тогожъ дни на верхнюю гробовую доску на покровъ, подъ чѣмъ несли въ Вознесенской монастырь. сшито въ два полотнища не розрѣзавъ алтабасъ по серебреной землѣ травы золоты 11 арш. съ четью, по 7 руб. арш. — На сани покровъ сшить въ два полотнища не розрѣзавъ аксамитъ по золотной землѣ травы золоты и травки серебрены, за обѣми нетки, 12 арш., выданъ былъ изъ хоромъ г. царицы августа въ 31 д. 189 году (цифра 9 замарана, смазана пальцомъ) снесъ думной дворянинъ Никита Ив. Акинфовъ. Тогожъ дни скроено на гробницу въ Вознесенской монастырь покровъ бархатъ червчатъ, въ кроенье вышло 7 арш.; на крестъ и кругомъ покрова по краямъ кружива золотного кововово широково мѣрою 18 арш, вѣсомъ 98 зол. На подкладку таоты жолтой 4 арш. 2 вер.

102. 192 г. генв. 9, какъ изволилъ в. г. царь и в. к. Іоаннъ Алексѣевичь вѣнчатися законнымъ бракомъ съ благочестивою государынею царицею и в. к. Парасковьею Федоровною въ соборной апостолской церкви Успенія Пресвятыя Богородицы и въ церквѣ по полу было послано отъ царскихъ дверей до западныхъ въ два ряда сукнами алыми полукармазиновыми, вышло двѣ половинки мѣрою по 30 по 7 ар. въ половинкѣ, да въ прибавку 10 ар. аглинского червчатого. И тѣ сукна пожаловалъ великій государь болшого Успенского собору ключарей; приказалъ записать бояринъ князь Петръ Ивановичь Прозоровской.

103. 192 г. марта 21 въ хоромы къ царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ стольникъ Михаила Васильевъ сынъ Сабакинъ приказалъ сдѣлать шесть шапочниковъ круглыхъ, въ нихъ болваны точеные и оклеить съ лица сафьяны желтыми, внутри дорогами красными; и сдѣлавъ ихъ окрвинть оправою луженою желѣзною, противъ прежнихъ. — Апр. 10 къ великому государю въ хоромы на качель, 12 саж. покромей да на обшивку 4 ар. 5 вер. бархату червчатого московскаго дѣла. — Апр. 10, шатернымъ мастеромъ 6 человѣкомъ поденного корму 11 алт. 4 д.; дѣлали великихъ государей въ мастерской полатѣ качель, обшивали бархатомъ червчатымъ, да почининвали другую качель бархатную желтую.

194 г. апр. 10 за воровину за 35 сажень 16 алт. 4 д., за нити 3 алт. 2 д.; воровина въ хоромы на качели, нити на обшивку качели сукномъ и на шитье половыхъ суконъ — Апр. 15 шатерные полаты портнымъ мастеромъ поденного корму на 3 дни да 2 чел. на 2 дни по 10 д. человѣку; за дѣло къ царицѣ Прасковьѣ Федоровнѣ въ хоромы трехъ качелей да шиндеря; да на шитье тѣхъ качелей за шелкъ и за нитки 6 алт.

4 д.—Ноября 15 Думн. дворянинъ Михаило Тимоѳеевичь Лихачевъ приказалъ въ попугайные двѣ клѣтки, которые велѣно сдѣлать въ хоромы къ царевнѣ Екатеринѣ Алекс. сентября 4 числа, (сдѣлать) водопойки жестяные съ перегородкою.

195 г. сент. 13, въ хоромы царицы Прасковіи Ѳедоровны двѣ веревки посконныхъ мѣрою по 10 саженъ обшиты сукномъ, а въ кроенье пошло 4 ар. сукна анбурскаго червчатого.

104. 196 г. окт. 8 по указу великихъ государей велѣно здѣлать въ казенномъ приказѣ въ хоромы царевны Екатерины Алексѣевны богомолицамъ, которые живутъ у ней великой государынѣ въ верхней комнатѣ, дѣвицѣ Катеринѣ рясу теплую киндячную, одѣяло крашенинное дѣвицѣ Аннѣ Григорьевой рясу киндячную холодную, другую теплую киндячьуюжъ; старухѣ Аленѣ Микитиной тѣлогрѣю китайчетую теплую, дѣвицѣ Прасковьѣ тѣлогрѣю крашенинную, два одѣяла киндячные теплые; дѣвицѣ Дарьѣ двѣ рясы, теплая да холодная, киндячные; дѣвицѣ Натальѣ рясу теплую киндячную, другую крашенинную росношивную, подушку покрыть киндякомъ: дѣвицѣ Аннѣ Денисовой тѣлогрѣю киндячную теплую; дѣвицѣ Ѳеклѣ слѣпой двѣ тѣлогрѣи, теплая да холодная, киндячные, а верхи кроены и исподы заячинные и на подушку перье въ исподней наволокѣ выдано изъ хоромъ, а достальной прикладъ положить изъ казеннаго приказу.

105. 196 г. Авг. 16 къ царицѣ Наталіи Кириловны въ хоромы изъ Мастерскіе полаты серебра 4 фунта ефимковъ приняла боярыня Параскевья Алексѣевна Нарышкина, а сказала: въ томъ де серебрѣ сдѣлано въ приданые дѣвкамъ Акулинѣ да Аграфенѣ Созмановымъ, да Аграфенѣ Левонтьевой три доски зеркальныхъ, три тазика, три бѣлильницы, три румяницы, три суремницы.

106. 200 г. іюля 6 велѣно сдѣлать въ комнату къ царевнѣ Аннѣ Михаиловнѣ вѣко мѣдное, гдѣ ставить ковшъ передаточной, длиною въ вѣкѣ аршинъ, ширпною 10 вершковъ, вышиною въ четверть аршина, по сторонамъ скобы. въ немъ и снаружьи вылудить; да ковшъ передаточной мѣдной новой по образу, двѣ кружки по образцу жъ чистаго олова. Іюня 28 велѣно купить въ село Коломенское для подаванья въ хоромы изъ Коломенскихъ садовъ ягодъ смородины и малины на дѣло ставиковъ съ кровлями 20 липинъ облыхъ.—201 г. декабря 12 велѣно подрядить сдѣлать въ хоромы царицѣ Наталіи Кириловнѣ мѣдной посуды: лохань 2 арш. безъ чети, двѣ лохани $1\frac{1}{2}$ арш., три лахани одни въ аршинъ съ четью, двѣ по аршину; кунганъ въ три ведра, кунганъ въ полтора ведра, два кунгана по 6 кружекъ 24 таза, мѣрою 2 большіе одинъ въ поларшина, другой 9 вер., а достальные тазъ въ тазъ. — 201 г. февраля 14 велѣно купить къ царицѣ Наталіи Кириловнѣ въ портомойную полату двѣ бадьи съ скобами

желѣзными лужеными и съ обручами: два заслона желѣзныхъ два ошника мѣдныхъ, 5 сковородъ желѣзныхъ, чѣмъ медельники покрывать. — Марта 15 велѣно перемѣнить въ хоромы къ царицѣ Наталіи Кириловнѣ лохань мѣдную старую... горшокъ мѣдный съ крышкою, другой горшокъ мѣдной съ крышкою, горшокъ вылудить, къ горшку сдѣлать крышку и вылудить, къ горшку сдѣлать ручки по образцу, двѣ сковороды вылудить на оба лица, солонку оловянную починить, лахань мѣдную вычинить и вылудить, ендову перемѣнить на новую, кувшинъ мѣдный съ крышкою перемѣнить.... кунганъ вылудить и крышка придѣлать, сковороду вылудить. Да къ царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ въ хоромы три воронка промѣнить на новые доброво олова аглинскаго, кружку промѣнить, а вымѣнить таковажъ олова, и на тѣхъ воронкахъ и на кружкѣ вырѣзать титла; сковороду, ковшикъ мѣдной—вылудить; да купить вновь горшечекъ мѣдной луженой съ кровлею и съ ушками въ полторы кружки, ставчикъ олова аглинскаго въ кружку: тазъ мѣдной луженой, мѣрою во днѣ въ поларшина. — 202 г. генваря 15 велѣно перемѣнить въ хоромы царевны Маріи Алексѣевны старой оловеникъ на новой, а вымѣнить новой безъ носка нѣмецкаго дѣла аглинскаго олова; ставчикъ оловяной аглинскогожъ олова; миску старую на новую, а вымѣнить по мѣрѣ съ кровлею, а у миски и у кровли былибъ ножки, ширина миски въ 6 вершовъ: старой кунганъ вычинить за ново: старой тазъ перемѣнить, вмѣсто таза яндову, мѣрою противъ таза съ подъемными скобками; старая яндова перемѣнить на тазъ; старой кувшинъ вычинить заново. Да вновь купить двѣ лохани мѣдные круглые, шириною по три четверти, глубиною по 2 вершка, въ нихъ вылужено; горшечикъ мѣдный лужоной съ руковяткою и съ кровлею въ двѣ кружки, а крышка былабы съ поддономъ вылужена на оба лица. — 202 г. генваря 24 велѣно сдѣлать въ хоромы къ царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ жаровню желѣзную длиною въ аршинъ съ четвертью, шириною въ ¾ аршина, въ глубину въ четверть аршина, толстую; да таганъ длиною въ аршинъ съ 2 вер., шириною въ 10 вер., вышиною въ три чети аршина; да два прута желѣзныхъ, на чемъ рыбу жарить, да два мѣшечка дутныхъ.

107. Государыня царица и в. к. Наталія Кириловна пожаловала дьяка Ивана Взинкова женѣ его на поминъ мужа еѣ: съ сытного дворца — 5 ведръ вина, 5 ведръ меду, 10 ведръ пива, четверть солоду ячного, четверть солоду ржанаго. Съ кормоваго дворца — везиги, икры, рыбы бѣлужины и осетрины звена по 3 и по 4 соленой; по 2 звена свѣжей. Съ хлѣбеннаго дворца четверть муки пшеничной, четверть крупъ грешневыхъ, муки ржаной десять четьи. Приказала княгиня Ульяна Ивановна Голицына.

Бѣлая казна.

108. Книги государевѣ Кадашевской слободѣ дворовые и дѣловые цѣлыхъ дѣлъ и полудѣлъ и четверти дѣлъ, кто на чомъ живетъ и какое Государево (дѣло) кто дѣлаетъ, 139 года.

(Слѣдуетъ переписъ дворовъ, а затѣмъ общій счетъ:)

И всѣхъ дворовъ: Въ Перепелкинѣ улицѣ: 3 двора на цѣлыхъ дѣлѣхъ; 2 двора безъ четверти на дѣлѣхъ: 17 дворовъ на полудѣлѣхъ; 12 дворовъ на четвертяхъ; четверть земли въ пустѣ. — Въ Воскресенскомъ переулкѣ: 2 двора на цѣлыхъ д.; 19 дв. на полудѣлѣхъ; 9 дв. на четвертяхъ; цѣлое дѣло въ пустѣ лежитъ земли. — Въ Алымовѣ улицѣ: 2 д. на цѣлыхъ д.: 18 дв. на полудѣлѣхъ; 15 дв. на четвертяхъ; цѣлое дѣло земли лежитъ въ пустѣ. — Въ Воскресенской улицѣ: 14 дв. на полудѣлѣхъ, 19 дв. на четвертяхъ. — Въ Хохловѣ улицѣ: 2 дв. на полуторѣ дѣлѣ: 3 дв. на цѣлыхъ д.; 2 дв. безъ четверти на дѣлѣхъ; 26 дв. на полудѣлѣхъ; 10 дв. на четвертяхъ. — Въ Мухинѣ улицѣ: 2 дв. на цѣлыхъ д.; дворъ безъ четверти на дѣлѣ; 18 дв. на полудѣлѣхъ, 20 двор. на четвертяхъ; два дѣла безъ четверти пустыхъ мѣстъ. — Въ Приказной улицѣ: 3 дв. на цѣлыхъ д.; 22 двора на полудѣлѣхъ: 10 дв. на четвертяхъ: цѣлое дѣло земли лежитъ въ пустѣ. — Въ Козмодемьянской улицѣ: 5 дворовъ на цѣлыхъ д.; 3 дв. безъ чети на дѣлѣхъ: 35 дв. на полудѣлѣхъ; 26 дв. на четвертяхъ; пол-2 дѣла земли пустыхъ мѣстъ. — Въ Якиманской улицѣ: дворъ на полуторѣ дѣлѣ: 3 дв. на цѣлыхъ дѣлѣхъ; 2 дв. безъ чети на дѣлѣхъ; 45 дв. на полудѣлѣхъ: 42 дв. на четвертяхъ: пол-дѣла впустѣ.

И обоего: — 3 дв. на полуторѣ дѣлѣ; 23 дв. на цѣлыхъ дѣлѣхъ: 10 дв. безъ четверти на дѣлѣхъ; 214 дв. на полудѣлѣхъ; 163 дв. на четвертяхъ. Всего 413 дворовъ, да пустыхъ мѣстъ цѣлыхъ 7 дѣлъ. А людей во дворѣхъ жильцовъ тоже. А полныхъ государевыхъ всякихъ хамовныхъ 189 дѣлъ съ полудѣломъ, всѣхъ, что и съ пустыхъ дѣлъ всякіе государевы хамовныя дѣла дѣлаютъ.

109.—139 года. Въ Кадашовѣ на государевѣ Хамовномъ дворѣ государевыхъ хамовныхъ дѣлъ по государеву указу въ заводѣ: прялей убрусныхъ основокъ 6 дѣлъ съ четью дѣла, а на дѣло прядутъ по 20 основокъ убрусныхъ; а всѣхъ основокъ прядутъ на годъ 125 основокъ: и изъ того числа тѣхъ же убрусныхъ основокъ ходитъ въ государевы утиральнички и въ посольскіе скатерти на годъ по 29 основокъ. А въ полочки убрусные ходитъ на годъ 96 основокъ подъ шитье и въ грузные. Бралей утиральничныхъ и убрусныхъ 10 дѣлъ съ полудѣломъ, а на дѣло берутъ по 10 полочекъ убрусныхъ. А всѣхъ поло-

къ на годъ берутъ 93 полочки въ шитье да 3 полочки груз-ıхъ; да 3 утиральнички, а утиральничекъ бральи ставятъ во анье за три полочки убрусныхъ. Швей утиральничныхъ и русныхъ 21 дѣло, а на дѣло шьютъ по 5 полочекъ; а всѣхъ лочекъ на годъ шьютъ 93 полочки да 3 утиральнички: а ути-альничекъ въ шитьѣ ставятъ швеи за 4 полочки убрусныхъ. ралей посольскихъ скатертей полпята дѣла, а берутъ 2 столб-а на годъ; а длина по 10 аршинъ въ столбцѣ. А швей у тѣхъ е у дву столбцовъ посольскихъ 9 дѣлъ. Прялей основныхъ олотенъ одно дѣло; а прядутъ по 2 полотна на годъ, а въ по-отно ходитъ по 10 основокъ. Да пряльи убрусныхъ же осно-вокъ чети дѣла, а прядетъ на годъ по 5 основокъ: оставляют-ся у бралей и у швей въ лишкѣ сверхъ указныхъ дѣлъ; и въ государево дѣло тѣ 5 основокъ ходятъ, перемѣняючись, по го-сударскому указу, съ докладу, въ полочки и въ полотна, какъ государской указъ учинитца.

Двойныхъ полотенъ прялей 20 пол-2 дѣла, а на дѣло, пря-дутъ по 2 полотна: а всѣхъ двойныхъ полотенъ прядутъ на годъ 43 полотна. Тройныхъ полотенъ прялей 39 дѣлъ безъ трети дѣла: а на дѣло прядутъ по 3 полотна; а всѣхъ трой-ныхъ полотенъ на годъ прядутъ 116 полотенъ. Прялей основ-ку и утку задѣйчатыхъ скатертей 5 дѣлъ безъ получети дѣла; а на дѣло прядутъ по 10 основокъ и утковъ по томужъ; а всѣхъ основокъ скатертныхъ прядутъ на годъ 26, а утковъ тоже. Бра-лей задѣйчатыхъ скатертей 13 дѣлъ; а на дѣло берутъ по 2 столбца: а всѣхъ столбцовъ задѣйчатыхъ на годъ берутъ 26 столбцовъ. Нитныхъ прялей 5 дѣлъ; а на дѣло прядутъ по 6 полотенъ; а всѣхъ на годъ прядутъ по 30 полотенъ нитей. Прялей тверскихъ полотенъ 22 дѣла безъ получети дѣла и съ бѣлью; а на дѣло прядутъ по 8 полотенъ тверскихъ; а всѣхъ на годъ прядутъ 173 полотна тверскихъ; да изъ тверскіежъ прижи на годъ ходитъ по 2 полотна бѣли, съ тѣхъ же твер-скихъ дѣлъ. Прялей хлопчатыхъ скатертей пол-4 дѣла; а на дѣло прядутъ по 8 столбцовъ; а всѣхъ на годъ прядутъ 28 столбцовъ хлопчатыхъ. Хамовныхъ всѣхъ 26 дѣлъ, а на дѣ-ло ткутъ русскіе хамовники и иноземцы всѣ ровно, по семи полотенъ тонкихъ да по семи полотенъ тверскихъ. А двойное полотно хамовники ставятъ въ дѣлѣ за пол-2 полотна трой-ныхъ и потому межъ собя въ полотнахъ къ хамовнымъ дѣ-ламъ и щотъ держатъ, кому сколько на годъ доведетца сдѣлать. А всѣхъ полотенъ на годъ сдѣлаютъ тонкихъ и тверскихъ всѣ хамовники 334 полотна. А коли бываетъ государской указъ, сдѣлать полотно въ тѣхъ основкахъ, что оставляются въ лиш-кѣ (см. выше) сверхъ указныхъ дѣлъ, и изъ тѣхъ лишнихъ основокъ въ два годы бываетъ одно прибылое полотно основ-ное. Бердниковъ 2 дѣла: а дѣлаютъ берда всѣмъ хамовни-камъ и дѣловицамъ бральямъ и ткальямъ, межъ собя считаю-чись, на всякіе государевы дѣла Ткалей хлопчатыхъ 1 дѣло,

а ткутъ 28 столбцовъ на годъ. И всѣхъ государевыхъ дѣлъ въ Кадашовской слободѣ 189 дѣлъ съ полудѣломъ. Годоваго жалованья хамовникомъ и русскимъ и иноземцамъ и бердникамъ на 27 дѣлъ съ полудѣломъ по 30 алт. на дѣло, да дѣловницамъ, прядьямъ и бральямъ и швеямъ и ткальямъ на 162 дѣла, по 17 алт. на дѣло. Хамовнаго двора дьяку 2 руб. И всего 109 р. 12 ал. 2 д. Хлѣбнаго годоваго жалованья всѣмъ ровно по 10 четвертей безъ полуосмины ржи, по семи четьи безъ полуосмины овса на дѣло. Дьяку 16 четвертей ржи, 6 четвертей овса.

Приходъ бѣлой казны.

110. Въ первомъ 7134 году показаны цифры всей наличности, какая находилась въ казнѣ и съ годовымъ приходомъ послѣ дворцоваго пожара въ этомъ году.

Годы	7134.	135.	136.	137.	138.	139.	140.	141.	142.	143.	144.
Полотенъ:											
Двойныхъ гладкихъ . .	433	42	88	102	102	121	79	127	98	130	97
полосатыхъ	57	4	3	21	5	5	4	6	4	5	3
Тройныхъ гладкихъ . .	748	110	244	251	273	284	171	20	214	261	226
полосатыхъ	74	12	—	11	15	15	7	21	9	12	12
Тверскихъ	635	307	191	285	297	375	180	422	272	337	173
Полотно основное	1	3	—	3	1	2	1	2	—	3	1
Убрусовъ или полокъ убрусныхъ	749	104	76	125	125	164	68	215	148	176	141
Полотенцо полосатое убрусное	9	—	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Середочникъ убрусной браной	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Утиральниковъ шитыхъ.	23	2	3	3	3	3	3	2	—	17	—
Столбцовъ скатертныхъ и скатертей	123	56	78	102	105	145	56	147	92	117	85
посольскихъ	—	—	—	—	—	2	2	—	—	16	2
Скатертей посольскихъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	—
дѣланыхъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—
Скатертка убрусная . . .	—	—	—	—		—	—	—	—	1	—
Полотенъ нитей	8	15	8	12	12	5	7	12	11	13	10½
Мотовъ нитей	1										
Мотовъ бѣли	11	4	—	2	2	—	—	—	—	—	—
Связка бѣли	1	—	—	—	—	4	—	4	2	—	—
Полотенъ бѣли	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1

Расходъ бѣлой казны.

111.—134 г. мая 25, по приказу великія старицы Марѳы Ив. въ Убогихъ домы 9 полотенъ тверскихъ, отнесъ на Патріарховъ дворъ портной мастеръ Ив. Гудокъ. Іюня 15, дуркѣ Манкѣ на рубашку полотно тверское.

135 г. въ Свѣтлицу къ боярынѣ Овдотьѣ Коркодиновѣ для государевыхъ дѣлъ на простыни, 10 полотенъ тверскихъ. Дек. 13, на кормовой дворецъ про государя на скатерти 8 столбцовъ скатертей шитыхъ, взялъ судовой Олексѣй Комсинъ. Дек. 29, на казенной дворъ 200 полотенъ двойныхъ, 600 полотенъ тройныхъ, 500 полокъ убрусныхъ — продати двойное по 2 р., тройное по 1½ руб., полку убрусную по 1½ рубли. Марта 23, на кормовой дворецъ поворонъ на нагрудники полотно тверское. — Туда же про г-въ обиходъ на скатерти 4 столбца скатертей задѣйчатыхъ двойныхъ, 2 столбца скатертей тверскихъ. — Туда же на 2 скатерти царицы Евдокѣи столбецъ двойной; про боярынь на 4 стола скатертей два столбца гусиные плоти. Апр. 10, въ Свѣтлицу къ боярынѣ Коркодиновѣ для г-ва дѣла на скатерти три утиральника. Апр. 12, къ царицѣ въ хоромы ученицамъ на ширинки полотно тройное. Апр. 24, на сытной дворецъ на полотенца и на ситки 3 полотна тверскихъ. Мая 11, въ Убогихъ домы 10 полотенъ тверскихъ, взялъ крестовой дьякъ. Іюня 5, на погребенье кормилицыну мужу 2 полотна тверскихъ. Іюля 8, на кормовой дворецъ для г-выхъ росхожихъ скатертей столбецъ скатертной гусиная плоть, мѣрою 11½ арш.

136 г. марта 10, къ царицѣ 5 полокъ убрусныхъ да полка грузная. Апр. 2, на кормовой дворецъ на государевы скатерти 4 столбца скатертныхъ задѣйчатыхъ; да передъ властей настилать 4 столбца гусиной плоти; да на царицынъ обиходъ про боярынь 2 столбца гусиной плоти. Мая 17, въ Иконный Приказъ для иконныхъ починковъ 5 арш. полотна тверского. Мая 28, въ Убогіе домы на покровы, на усопшіе; 9 полотенъ тверскихъ; взялъ патріаршъ Тіунъ Тимоѳей Потаповъ. Іюля 20, къ шатерничимъ въ государеву въ ердань на кладезь 12 полотенъ тверскихъ.

137 г. сент. 16, на роздаточные полотенца въ Сергіевъ монастырь архимандриту съ братьею 33 полотна тройныхъ гладкихъ. Окт. 1, къ патріарху Филарету Никитичу на столовые скатерти 3 скатерти дѣланые задѣйчатые да 6 столбцовъ гусиной плоти. Окт. 19, въ Свѣтлицу на раздаточные полотенца въ монастыри 13 полотенъ тройныхъ гладкихъ. Нояб. 29, на Кормовой Дворецъ про государя на зеленой столъ на скатерть столбецъ задѣйчатой скатертной; да про бояръ на столы 10 столбцовъ гусиной плоти; взялъ судовой Иванъ Елдезинъ. Дек. 1, царица пожаловала дьяка Сурьянина Торокапова: 2 полотна тройныхъ гладкихъ, отъ царевны Ирины полотно, да отъ царевны Пелагеи полотно: приказъ сказала Ульяна Степановна Собакина. Дек. 12, на Кормовой Дворецъ царицынымъ судовымъ про боярынь на скатерти два столбца гусиной плоти. Дек. 15, въ Свѣтлицу про государя и про царицу на простыни 16 полотенъ тверскихъ, приняла боярыня Коркодинова. Февр. 1, въ Свѣтлицу для государевыхъ дѣлъ: 4 мота бѣли, 2

клуба нитей сканыхъ; приняла бояр. Корходинова. Апр. 19, къ царицѣ 100 полотенъ тверскихъ, а тѣми полотнами государыня жаловала постельницъ своихъ и царевичевыхъ и царевниныхъ и мастерицъ золотныхъ и бѣлыхъ и учениць и портомой и карлицъ, которые во 137 году на Святой недѣлѣ погорѣли. Мая 19, въ Убогіе домы на кровлю, на усопшіе, 9 полотенъ тверскихъ; взялъ патріаршъ стряпчей. Іюня 1, къ царицѣ 13 полотенъ двойныхъ гладкихъ, ко государю на полотенца; приняла боярыня Катерина Бутурлина. Іюня 9, на Кормовой Дворецъ про государя на круглые столы: 4 утиральника, да про бояръ въ столы на большіе скатерти 20 столбцовъ задѣйчатыхъ. Іюля 31, въ Свѣтлицу на простыни іяраданскіе въ село въ Рубцово 5 полотенъ тверскихъ; приняла боярыня Коркодинова.

138 г. окт. 14, къ патріарху Филарету Никитичу про его обиходъ: 3 скатерти шитые задѣйчатые, да на 4 скатерти 6 столбцовъ скатертныхъ задѣйчатыхъ, да на расхожіе на 6 скатертей столбцовъ скатертныхъ хлопчатыхъ. Ноября 20, къ инокѣ Маріѳѣ Ив. въ Вознесенской монастырь про нее на столы на скатерть 2 столбца скатертныхъ задѣйчатыхъ, да про старицъ и про боярынь на столы 6 столбцовъ хлопчатыхъ. Генв. 7, къ царицѣ на простыни въ мыленку и въ портомойню 33 полотна тверскихъ. Марта 12, въ царицыну Мастерскую полату на поставецъ, гдѣ дѣлаютъ царицыно платье, на простыню 2 полотна тверскихъ. На Сытной дворецъ на полотенцы и по погребомъ на ситки 5 пол. тверскихъ. Мая 13, государыни царицы словомъ приказала боярыня Ульяна Собакина послать въ Убогіе домы 10 полотенъ тверскихъ сверхъ 9 полотенъ, которые отпущены на Патріарховъ дворъ.

139. г. дек. 4, въ Свѣтлицу, а изъ Свѣтлицы сдѣлано въ государеву въ новую мыленку на простыни. 50 полотенъ тверскихъ: приняла Коркодинова.

140 г. марта 2, царевна Ирина была въ царицынѣ казнѣ, а съ нею были окольничій В. И. Стрѣшневъ да боярыня княгиня Марья Хованская и взяли изъ казны въ хоромы 2 полотна двойныхъ да семь полотенъ тройныхъ гладкихъ. Мая 15, въ Конюшенной Приказъ къ государевымъ лошадямъ и къ сапникомъ на простыни 111 полотенъ тверскихъ, а въ нихъ мѣрою 1320 аршинъ.

141 г. нояб. 3, въ Свѣтлицу для государевыхъ мыленныхъ простынь 30 полотенъ тверскихъ. Генв. 4, въ Шатерной Приказъ въ ердань на кладезь 11 полотенъ тверскихъ, 6 полотенъ тройныхъ гладкихъ.

142 г. ноября 19, къ царицѣ въ хоромы ношена Кадашевская бѣлая казна 140 году смотрить и по смотру тое казны у ней г-ни въ хоромѣхъ вынето: 20 полокъ убрусныхъ шитыхъ, 2 полки убрусныхъ грузныхъ и т. д. Мая 22, въ Убогіе

хоромы на усопшихъ на кровлю 14 полотенъ Тверскихъ, отвозилъ крестовой Ив. Семеновъ.

143 г. сент. 9, на Кормовой Дворецъ про государя, про царицу, царевичей и царевенъ на столовые скатерти: столбцы скатертные задѣйчатые шитые, столбцы тверскіе, столбцы хлопчатые. Окт. 23, царевны Ирины и Анны къ потѣшнымъ постелемъ на наволоки дано полотно тверское. Нояб. 15, по приказу боярина Бориса Иван. Морозова дано ко государю въ хоромы на царевичевы потѣшные жгуты полотно тверское.

145 г. іюня 9, на государеву Аргамачью конюшню государева сѣдла лошадямъ и санникамъ на простыни, на 170 простынь, 140 полотенъ тверскихъ.

146 г. сент. 13, къ царицынымъ шапкамъ на покрывальные полотенца полотно двойное гладкое. Апр. 22, дворовымъ боярынямъ на пуховики скроено 10 наволокъ, пошло 15 полотенъ тройныхъ гладкихъ. Іюля 14, на освященіе церкви Ильи, что за Чертольскими вороты, полотно тверское да столбецъ скатертной хлопчатой.

148 г. апр. 30, царица пожаловала полотно тверское на рубашки боярышнямъ, которые живутъ въ комнатѣ у царевны Ирины.

149 сент. 6, полотно тверское царица пожаловала окольничево Васильевѣ дуркѣ Ивановича Стрешнева. Окт. 8, царица смотрила своей Брейтовской казны и оставила у себя въ хоромехъ 50 полокъ убрусныхъ. Апр. 30, къ царицѣ въ хоромы 3 столбца скатертныхъ тройныхъ—тѣми столбцами царевнамъ жаловать троицкаго келаря Александра Булатникова. Авг. 17, бояринъ Борисъ Ив. Морозовъ взялъ полотно тверское, а сказалъ, что царевичу Алексѣю М. на потѣху. Іюля 11, бояринъ Борисъ Ив Морозовъ взялъ пять полотенъ тройныхъ гладкихъ, а сказалъ, что тѣми полотнами на праздникъ Аѳанасія Аѳонскаго царевичь Алексѣй жаловалъ мастеровъ (учителей) своихъ Василья Сергѣева съ товарищи. Авг. 31, къ царицѣ въ хоромы полка убрусная; приняла боярыня кн. Марья Хованская, а сказала, что тѣми полками царевичь Алексѣй жаловалъ мастеровъ своихъ Василья Прокофьева съ товарищи.

150 г. царица смотрѣла казну, окт. 19 Брейтовскую, ноября 2 Кадашовскую. Ноябр. 26, стольникъ Богданъ Хитрой взялъ ко г-рю на пластыри 4¾ арш. полотна двойнаго. Генвар. 23, послано въ Убогихъ домъ для погребенія двухъ мертвыхъ, которые висѣли по Тверской дорогѣ. 2 полотна тверскихъ. Февр. 22, къ царицѣ въ хоромы 15 полотенъ двойныхъ гладкихъ; приняла б кн. Марья Хованская, а сказала, что тѣ полотна на государскіе сорочки Мая 26, къ Убогимъ домамъ на покрыванье мертвымъ 14 полотенъ тверскихъ.

151 г. Мая 7, къ царицѣ въ хоромы пять полотенъ двойныхъ да шесть полотенъ тверскихъ приняла казначея Анна

Хитрово, а сказала двойные полотна на государскіе сорочки, а тверскіе на простыни.

112. 194 г. Генваря 20 великіе государи указали Кадашевского (двора) и Хамовные слободы и Хамовныхъ селъ Брейтова и Черкасова дѣлы, полотна оцѣнить въ правду... холщевого ряду торговымъ людемъ настоящею цѣною... (Цѣновщики сказали:) Двойные полотна цѣною купить въ рядъ аршинъ по 2 алтына по 2 денги, а изъ ряду продать, дожидаючись охочево купца, цѣною аршинъ по 3 алтына; а въ ряду де у нихъ такихъ полотенъ нѣтъ.—Тройные полотна купить цѣною въ рядъ аршинъ по 10 денегъ, а изъ ряду продать по 2 алтына аршинъ. Тверскіе полотна въ рядъ по 5 денегъ аршинъ. а изъ ряду по 6 денегъ аршинъ. Скатерти хлопчатые въ рядъ по 5 денегъ, а изъ ряду по 6 денегъ аршинъ. А про скатерти задѣйчатые и про убрусы сказали цѣновщики, что они цѣны имъ не знаютъ, а знаютъ де цѣну въ Кишномъ ряду.. Скатерти задѣйчатые въ рядъ по 2 рубля, а изъ ряду по 2 руб. съ гривною. Полки убрусные лутчіе узорчатые въ рядъ по полтинѣ, а изъ ряду по 20 алтынъ.—Полки средніе руки въ рядъ по 4 гривны, а изъ ряду по 15 алтынъ продаютъ.

Записки кроильныхъ книгъ.

113. —7135 г. марта 12, скроенъ государынѣ Марѳѣ Ивановнѣ охабень—отласъ багровъ; длина: по передомъ аршинъ 14 верш., а позаду аршинъ и 13 верш. съ полувершкомъ. Въ плечѣхъ: аршинъ и 2 верш. Рукава съ полустана аршинъ 12 верш.; въ корени въ ластках 7 верш. съ полувершкомъ. Въ запястьѣ 2 верш. съ полувершкомъ, сыто.—Воротникъ въ корени длина 10 в., ширина пол—2 в.—По подолу 3 ар. 10 в.—отласу пошло 9 ар. съ полуаршиномъ. На таченье дано шелку гвоздичнаго 2 зол., на плетенекъ шелку багроваго 6 зол.; подъ нашивку подъ переды кindяку.... На подкладку таѳты вишнцѣйки шелкъ зеленъ да таусиненъ 5 ар.; На подпушку камки зеленой травной 2 ар.: на нашивку пошло торочковъ....

135 г. марта 23, скроена государынѣ Марѳѣ Ивановнѣ шуба объярь таусинна, исподъ черевей лисей черн.—Длина по передомъ 1 ар. и 13 верш., да въ запасъ 1 вер.; а по заду длина 1 арш. и 12 вер. да въ запасъ пущенъ вершокъ: въ плѣчехъ аршинъ и 2 вер.; рукава съ полустана аршинъ и 11 вер.; въ ласткахъ въ корени 7 вер съ полувершкомъ; въ запястьѣ 2 вер. съ полувершкомъ, сыто;—воротникъ въ корени длина 10 вер; ширина 1½ вер.: по подолу 3 ар. и 10 вер.; объяри пошло 12 ар. съ четью. На нашивку торочковъ... шелку таусиннаго на шитье 2 золотника.

136 г. апр. 7, скроенъ государынѣ Марѳѣ Ивановнѣ *охабень* въ камкѣ въ травной въ черной. Длина 2 ар. безъ полутретья вер.; ширина въ плечѣхъ аршинъ 3 в.; въ подолѣ пол-четверта аршина; рукавамъ длина аршинъ съ четью; ширина въ корени 6 вер.; въ запясьѣ полтретья вершка, сыто; камки пошло 9 ар. безъ вершка. А кроенъ государынѣ тотъ охобень противъ еѣжъ государынина стараго камчатого травного черного охабня, безъ подкладки. На подпушку вышло таѳты широкіе двоеличные шелкъ зеленъ да таусиненъ $1\frac{1}{2}$ ар.; на нашивку и на пугвицы торочковъ 38 ар. съ четью; а нашивана нашивка 36 гнѣздъ; длина нашивкѣ 3 вер.; въ пугвицу торочковъ по 5 вер. (въ нашивку торочковъ 27 ар., а въ пугвицы 11 ар. съ четью).

138 г. мая 6, скроенъ царевнѣ Иринѣ Мих. *опашень* отласъ золотной по червчатой землѣ розвода и листье и травы золото да серебро въ цвѣтахъ шелки розные; подложенъ таѳтою виницейкою червчатою; подпушенъ отласомъ желтымъ; ожерелье у опашня отласъ по серебряной землѣ травы золоты съ шелки розными: подложено отласомъ червчатымъ; на *охобень* нашито 5 пуговицъ золоты съ чернью; да на *опашень* же нашито 10 петель низаны жемчугомъ; да на ожерелье круживо низано жемчугомъ же. А на тотъ охобень пугвицы и петли и круживо положено съ прежняго опашня.

139 г. Апр. 19, скроена царевнѣ Иринѣ Мих. шуба таѳта червчата; исподъ пупчетъ соболей, изъ подъ прежніе же таѳтяные червчатые шубки; длина по переду и по заду аршинъ съ вершкомъ; ширина въ плечѣхъ 11 вер.; по подолу аршинъ 12 вер., рукавамъ длина отъ стану 14 вер., ширина въ корени 3 вер. съполувершкомъ, въ запястьѣ 2 вершка безъ чети.

140 г. декб. 24, скроена царевнѣ Иринѣ Мих. *тѣлогрѣя* камка двоеличная, шелкъ червчетъ да желтъ, елки въ кругахъ, на пупкахъ на собольихъ. Длина аршинъ съ вершкомъ да въ запасѣ вершокъ; ширина въ плечѣхъ 11 вер. да въ запасѣ вершокъ. По подолу аршинъ 14 вер., ворогъ пол-сема вершка, рукова отъ стану 15 вер. да въ запасѣ вершокъ; въ корени 4 вер., сыто; въ запястьѣ 2 вер.; проймы пол-четверта вершка.

141 г. февр. 6, царевнѣ Иринѣ Мих. скроенъ *кортель* въ таѳтѣ въ виницейкѣ въ бѣлой, таѳты пошло 3 арш.; на подольникъ 5 верш. таѳты веницейской червчатой, да на исподъ подкроено задъ черева бѣльи. Вошвы нашиты съ прежняго съ царевнина лѣтника.

143 г. дек. 14, царицѣ Евдокѣѣ Лукьяновнѣ скроена *тѣлогрѣя* камка кизылбашская по бѣлой землѣ травы и цвѣты розныхъ шолковъ, алъ брусниченъ зеленъ голубъ, промежъ травъ цвѣтики рѣпьи золотые. Длина шубѣ по передомъ 2 арш.; по заду длина 2 арш. безъ вершка, ширина въ плечѣхъ 1 арш. съ полувершкомъ, въ подолѣ ширина 3 арш.; рукавамъ длина съ полустану 2 арш. съ вершкомъ, въ корени рукавамъ ширина

6 верш.; въ запясьѣ ширина пол-третья вершка; проймы на мышкахъ отъ передовъ поларшина; воротъ 9 верш., проймы длиною 5 верш.; исподъ горностайной; на пухъ бобръ цѣна 7 рублевъ съ полтиною. Камка вышла въ кроенье вся мѣрою 7 арш. Скроена противу шубы бѣлой отласной, что на горностаѣхъ, круживо положено не новое, взято съ Казеннова Двора; 15 пугвицъ положены сѣнчаты продолговаты двоелощеты.

144 г. декабр 4, царевнѣ Иринѣ Мих. скроена приволока въ таѳтѣ въ червчатой; въ кроенье пошло таѳты 3 ар., да на пухъ 1½ бобра; да нашиты вошвы по атласу по червчатому низаны жемчугомъ.—Марта 29, царевнѣ Иринѣ Мих. скроена шубка накладная въ бархатѣ въ червчатомъ въ гладкомъ; въ кроенье пошло бархату 7 ар., да на подкладку 3 ар. 6 вер. таѳты желтой; да нашиты аламы кованые серебряны золочены, обнизано около аламовъ жемчугомъ; да нашито 12 пуговицъ золоты островаты съ червью, что сняты съ царицыны роспашницы.

145 г. дек. 21, скроена государынѣ царицѣ тѣлогрѣя отлась цвѣтной по немъ травы куѳтерные шолкъ червчатъ да свѣтлозеленъ. Длина шубѣ по передомъ 2 арш. съ ¼ верш., въ плечѣхъ ширина 1 ар. 2 вер., въ подолѣ 3 ар. безъ вершка, рукавамъ длина съ полустану 2 арш. безъ вершка. Проймы отъ ворота 6 верш., а пронято проемъ 5 вер. Исподъ подложенъ пупки собольи... Кружива серебр. широкого 10 арш., вѣсомъ 80¾ золот. Пугвицы серебр. золоч. съ ѳсиноты. Іюля 6, скроенъ государынѣ царицѣ лѣтникъ отласъ червчатъ, по немъ травы золоты. Длина по передомъ до подольнику 2 ар. безъ чети, позади длина тожъ. Ширина арш. съ 5 вер. Накапкамъ длина съ полустану 2 ар. безъ чети; ширина накапкамъ 13 вер., въ корени ширина аршинъ безъ вершка; у вошвъ ширина 13 в., въ подолѣ ширина 3 ар.; въ запасѣ пущено по 2 в.; отласу вышло въ кроенье 13 ар. 2 в. Подольникъ отласъ желтъ; въ подольникъ отласу вышло аршинъ; подкладка таѳта желта, таѳты вышло 7 ар. Вошвы по червому бархату низаны жемчугомъ съ каменьемъ. На пухъ вышло 2 бобра опричѣ обочинъ.

152 г. генв. 15, царевнѣ Иринѣ Мих. скроенъ кортель въ отласѣ рудожелтомъ въ травномъ; въ кроенье пошло 12 ар. съ 1 вер.; да подкроенъ исподъ горностайной, исподу пошло 2 мѣха: и отъ одного осталися рукава; да на пухъ скроены 2 бобра.

188 г. царицѣ Агаѳіи Симеоновнѣ скроено шубка алтабасъ по серебряной землѣ травы золоты велики; подкладка таѳта жолта, въ длину по передамъ и съ запасомъ 2 арш. 3 вер., въ подолѣ 5 арш., рукавамъ длина 2 арш. безъ 2 вер. въ кроенье вышло алтабасъ цѣлой, мѣрою 9 арш. 11 вер., да отъ другаго 2 арш. На подкладку таѳты полсема аршина. Авг. 26, въ хоромы къ царицѣ скроена тѣлогрѣя таѳта зелена, подпушка таѳта червчата, подкладка киндякъ лазоревъ, въ длину 2 арш. 1 вер., въ плечахъ 1 арш. безъ вершка, проймы отъ

ш, ворот въ семь верш., въ подолѣ ширина 3 ар. 6 вышло тафты полшеста арш., червчатой аршинъ. 17 пугна петли снурку зеленаго полтретья аршина, отдана бояѲеклѣ Семеновнѣ. Ноября 3, Аннѣ Семеновнѣ Грушецкой рпданое скроена шубка столовая суконная, въ длину по амъ 2 ар. 3 вер., позади 2 ар. 2 в., воротъ 1 арш. безъ ., въ подолѣ 5 арш.

СВѢТЛИЧНЫЯ ЗНАМЕННЫЯ ДѢЛА.

. — Въ концѣ XVI ст. знаменными работами во дворцѣ ался знаменщикъ Посникъ Дмитріевъ сынъ Ростовецъ. 584 г. марта 30 онъ получилъ въ награду сукно англинцоброе, за то — знаменовалъ онъ на гробъ государевъ цап в. к. Ивана Васильевича, во иноцехъ Іону, покровъ итъ венедицкой червъ гладкой, садили жемчугомъ съ пцами. Въ XVII ст. въ царицыной Свѣтлицѣ производяслѣдующія знаменныя дѣла:

5 г. февр. 6, знаменщикъ Иванъ Некрасовъ знаменилъ ами покровъ на гробъ блаженныя памяти царицы Марьи имеровны, а около того покрова подпись: да у ризъ оплечья. а 5, знаменщикъ Андрюша Моисеевъ знаменилъ около ова царевича Дмитрія тропарь да кондакъ. Окт. 20, знаикъ Пасовъ знаменилъ на покровѣ иноки Марѳы Ивановодпись. Дек. 5, знам. Петруша Ремезовъ знаменилъ бѣлиу ризъ оплечье. Декабр. 28, выдано Ив. Некрасову къ пнымъ дѣламъ на бѣлила 2 денги.

6 г. февр. 6, знаменщикъ Пасонъ чернилами и бѣлилами нилъ покровъ блаженнаго Максима. Іюня 7, выдано къ ьину дѣлу для знаменья на бѣлила 4 д. Сент. 12, знамен Иванъ Володимеровъ знаменилъ бѣлилами покровъ цаа Димитрія Углицкаго, а Иванъ Некрасовъ да Петръ Реъ знаменили къ царицынѣ опашницѣ круживо тоже бѣи.

7 г. февр. 11, знаменщикъ Петръ Ремезовъ знаменилъ лами къ царицыну одѣялу гриву, а февр. 17, знаменилъ ими застѣнокъ отласъ червчатъ, который указанъ инжемчугомъ къ царицынѣ постелѣ. Марта 21, Иванъ Неъ бѣлилами знаменилъ къ царицыну одѣялу гриву. Апр. ванъ Некрасовъ сурикомъ знаменилъ царицыны чоботы. 2, знаменщикъ Серебряной Палаты Иванъ Гомулинъ знаъ покровцы да воздухъ въ соборъ къ Благовѣщенью Бцы, пяхъ. Авг. 31, Иванъ Некрасовъ знаменилъ сурикомъ пекъ Спасову Нерукотворенному образу, что у государыни і Марѳы Ив.) въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

1628 г. авг. 10, иконописецъ (знаменщикъ Серебряной Палаты) Иванъ Папсѣинъ знаменилъ подъ шитье покровцы да пелену къ Казанской Пречистой Богородицѣ.

1629 г. окт. 20, Петру Ремезову да Ивану Некрасову выдано на сажу и на киноварь и на иные краски на знаменье къ государевымъ дѣламъ 2 ал. 2 д.

1630 г. мая 18, иконникъ Ив. Папсѣинъ знаменилъ образъ Знаменія Богородицы на олександрѣйской бумагѣ. Мая 29, Ив. Гомулинъ знаменилъ около образа Знаменія Бцы на бумагѣ тропарь да кондакъ. Іюня 19, Ив. Папсѣинъ знаменилъ образъ Знаменія Бцы. на бѣлой таѳтѣ. Въ тотъ же день ему выдано на розныя краски 3 ал. 2 д., а взяты тѣ краски на розцвѣтъ къ образу Знаменія Бцы, который назнаменованъ былъ на олександрѣйской бумагѣ.

1631 г. мая 18, Серебреного приказу знаменщику Дружинѣ на бѣлила 2 алт., а тѣми бѣлилы онъ Дружина знаменилъ княгини Татьяны Ѳедоровны къ бархотному къ червчетому къ готовому къ покрову на кайму слова.

1632 г. окт. 2, Ив. Гомулинъ знаменилъ къ покрову умершей царевны Марѳы Мих. на каймѣ слова. Окт. 25, Ив. Гомулинъ знаменилъ около пеленъ на каймахъ слова. Тоже самое онъ дѣлалъ и еще 7 ноября, всего работалъ 11 дней.

1633 г. авг. 24. Ив. Гомулинъ знаменилъ на блюдахъ царевны Ирины подписные слова, 4 дни. Окт. 8, знаменщикъ Иванъ Гомулинъ четыре дни знаменилъ великого государя святѣйшаго Филарета Никитича патріарха московского и всеа русіи къ покрову кайму. Ноябр. 4, Иванъ Гомулинъ знаменилъ (4 дни) въ свѣтлицѣ государевы розные дѣла.

1634 г. мая 30. знаменщикъ Иванъ Гомулинъ четыре дни знаменилъ въ свѣтлицѣ на пеленахъ да на покровахъ государево образное дѣло. Авг. 26, знаменщики Иванъ Папсѣинъ да Иванъ Гомулинъ шесть дней знаменили въ царицынѣ полатѣ и въ свѣтлицѣ иконное и словесное письмо. Ноября 24, знаменщикъ Иванъ Гомулинъ два дни знаменилъ на пеленахъ подписные слова.

1635 г. окт. 30, Ив. Гомулинъ знаменилъ (7 дней) въ свѣтлицѣ пелены и воздуха и святые, да въ Мастерской Палатѣ покровъ Антонія Римлянина.

1636 г. марта 12, словописецъ Ив. Гомулинъ знаменилъ 7 дней въ царицынѣ Мастерской Полатѣ каймы около покрова царя Ивана Васильевича да около пелены тропарь Преч. Бцы Казанскія. Марта 18, словописецъ и знаменщикъ Ив. Гомулинъ знаменилъ (3 дня) около хоругови тропарь да лѣтописецъ, которая хоругвь дѣлана въ монастырь Николы чуд., что на Угрѣшѣ. Іюня 21, Ив. Гомулинъ знаменилъ туже херуговь да покровъ на царевну Софью. Окт. 27, Ив. Гомулинъ знаменилъ крестъ на покровъ умершей царевны Софьи Мих. и лѣтописецъ справливалъ на хоруговѣ къ Николѣ чудотворцу, что на Угрѣ-

да покровъ на Еуфросинью Донскую да ко Пречистой
іской на пеленѣ трепарь (работалъ 7 дней).
37 г. генв. 11, иконникъ Марко знаменилъ къ Рожеству Бо-
пцы, что у государя на сѣнехъ, пелену съ дѣяньемъ
талъ 4 недѣли со днемъ). Августа 14, иконникъ Маркъ
ѣвъ 9 дней знаменовалъ амфоръ по отласу и по бумагѣ да
явленіе Господне по камкѣ и по бумагѣ. Дек. 6. знамен-
Иванъ Гомулинъ 9 дней дѣлалъ государевы розные дѣла.
38 г. февр. 20, иконникъ Маркъ Матвѣевъ 9 дней знаме-
по бумагѣ и по камкѣ Богоявленіе Господне 3 дни, ам-
по отласу по таусинному знаменовалъ 6 дней. Іюля 1, Ив.
ѣинъ да Маркъ Матвѣевъ съ образа Богородицы Казан-
на листу писали дѣянья (6 дней). Іюля 6, знам. Иванъ
линъ 9 дней знаменилъ государевы розные дѣла. Авг. 24,
же 4 дни дѣлалъ государевы дѣла.
39 г. Генв. 14, Ив. Гомулинъ дѣлалъ 7 дней государевы
и еще Марта 2. Мая 31. Маркъ Матвѣевъ дѣлалъ 11 дней
аревы розные дѣла. Іюля 26, икон. Маркъ Матвѣевъ да
ѣнкъ Гавриловъ знаменили (14 дней) образъ Б-цы Влади-
іе, а около образа Двунадесятные праздники, по бумагѣ
еновали и красками цвѣтили и по тафтѣ знаменовали. Но-
23, Серебряные палаты знаменщикъ Иванъ Гомулинъ зна-
алъ (10 дней) амфоръ да покровъ на царицу Настасею
овну да на царевича Ивана Михаиловича покровъ же да
омъ же покровѣ крестъ. Дек. 10, иконники Марко Матвѣ-
да Сидорко Осиповъ — знаменили (7 дней) государеву деа-
да на гробъ блаженные памяти госуд. ц. и в. к. Ивана
льевича всеа русіи покровъ. Дек. 10, иконники Маркъ
ѣевъ да Сидорка Осиповъ знаменили государеву діадиму
гробъ царя Ивана Васильевича покровъ (7 дней).
10 г. февр 24, иконникъ Марка Матвѣевъ двѣ недѣли да
же съ Сидоркою Осиповымъ три дни—дѣлали знаменили въ
ную апостольскую церковь большого собору къ настоя-
образу Преч. Богородицы къ Успенію пелену и на при-
съ того образа знаменовали на бумагу и красками роз-
вали и съ бумаги на тафтѣ знамовали (sic). Мая 4, зна-
икъ Ив. Гомулинъ 8 дней знаменилъ государевы розные
Іюля 3 иконники Баженко Савинъ, Маркъ Матвѣевъ, зна-
вали образъ Богородицы Владимірской, что велѣно по го-
еву указу послать въ Астрахань; да властелинскую по-
по тафтѣ и на бумагѣ.
11 г. генв. 13, знаменщ. Ив. Гомулинъ 8 дней знаменовалъ
е государевы розные дѣла. Генв. 16, иконописецъ Өедька
феевъ знаменилъ подъ шитье около пелены Богородицы
итрея каймы (что послана въ Астрахань), 6 дней. Іюля
икон. Маркъ Васильевъ знаменилъ (20 дней) образъ Бого-
цы настоящей, что въ Вознесенскомъ монастырѣ, да об-
Зачатія Акимъ и Анны, да церковные покровцы.

1642 г. апр. 5, Ив. Гомулинъ знаменилъ (5 денъ) въ Алексѣевскій дѣвичь монастырь воздухъ да 2 пелены. Мая 30 Ив. Гомулинъ 3 дни знаменилъ въ свѣтлицѣ государевы дѣла. Іюля 31, икон. Марко знаменилъ (6 дней) по таѳтѣ жолтой, къ Рожеству Богородицы, что на сѣняхъ, на убрусѣ деисусъ, да трехъ святителей Петра, Алексѣя, Іоны Москов. чудотворцовъ да Ѳеогноста митрополита. Окт. 20, Ив. Гомулинъ знаменилъ на убрусцѣ Пречистой Богородицѣ тропарь да Кирилу Бѣлозерскому чудотворцу на покровъ подпись. Нояб. 11, шатерные мастеры Ив. Янышевъ съ товарищи три человѣка дѣлали покровъ на гробъ Кирилы Бѣлозерскаго чудотворца и слова переводили на новую камку, работали съ 4 по 19 сентября и получили на кормъ по два гроши на день человѣку. всего 60 алт.

1643 г. Іюня 4, Ив. Гомулинъ на покровцахъ писалъ слова. а икон. Марко знаменилъ воздухи (работ. 6 дней). Нояб. 10. Ив. Гомулинъ знаменилъ крестъ на гробъ ц-ча Ивана Мих., да къ стихарю оплечье подъ низанье, что въ Верху въ соборъ Пречистыя Богородицы: да тропарь, да кондакъ Александру Свирскому чудотворцу (5 дней).

1644 г. іюля 21, Маркъ Матвѣевъ знаменилъ по камкѣ на днои сосуды покровы (6 дней). Авг. 4 икон. Маркъ знаменилъ покровцы. Окт. 27, Ив. Гомулинъ знаменилъ 9 дней воздухи и покровцы и на каймахъ слова у херугови Успенія Богородицы. Нояб. 10, Маркъ Матвѣевъ съ товарищемъ два дни знаменили воздухи.

1645 г. іюня 21, шатерные мастеры Ив Янышовъ да Васко Орефьевъ 9 дней починивали старую херуговь и перешивали на таѳту изъ большого собору Успенія Богородицы. Іюля 7. Оруж. Пал. знаменщикъ Иванъ Матвѣевъ знаменилъ (6 дней) херуговное дерево въ соборную церковь Успенія Богородицы. для чего ему выдано на масло скипидарное да на левкашенье 3 алт.—Іюля 7, Оруж. Пал. иконописцы Сидоръ Поспѣевъ, Иванъ Соловей, Ив. Муравей, Ив. Борисовъ, Козма Чертеновъ, Кирилъ Ивановъ знаменили образецъ на плащеницу въ монастырь къ Спасу, что на Новомъ. Авг. 19, Сереб. Пал. словописецъ Ив. Гомулинъ, писалъ (8 денъ) на херугови новой, въ Успенскій соборъ тропарь да кондакъ да на пелену Рожества Б-цы, что на сѣнихъ тропарь да кондакъ; да на покровѣ царя Михаила Ѳедоровича подпись.

1648 г. дек. 11, Серебр. Пал. знаменщикъ Симанка Ѳедоровъ (Ушаковъ) знаменилъ на покровѣ подъ шитье Спасовъ Нерукотворенный образъ да на покровѣ жъ Николы Чудотв. образъ.

1649 г. апр. 6, иконоп. Карпунка Тимоѳеевъ знаменилъ (20 дней) подъ шитье пелену Рожества Богородицы въ девятнадцати мѣстѣхъ да воздухъ да два покровца церковныхъ сосудовъ да съ того воздуха и покровцовъ знаменилъ и цвѣтилъ красками на бумагу. Апр. 16. Серебряныя палаты словописецъ Андрюшка Гомулинъ знаменилъ 17 дней (по алтыну на день кормовыхъ) подъ шитье на

воздухахъ да на дву покровцахъ да на плащаницѣ под-
ь лѣтописцомъ; да на трехъ пеленахъ Пречистыя Бого-
Одигитріе, да Животворящего креста да Николы чудо-
тропари да Алексѣя чудотворца на покровѣ тропарь
акъ съ лѣтописцомъ. Апр. 27, Симанъ Өедоровъ (Уша-
знаменилъ (29 дней) подъ шитье покровъ Алексѣя Ми-
та Моск. чуд., да на куколи деисусъ, да поверхъ деи-
рувимы, да пелену Рожества Богородицы съ дѣйствы
ѣ, подъ шитьемъ, да цвѣтилъ съ тое пелены красками
да воздухъ по камкѣ знаменилъ. Мая 22, Серебр. Пала-
менщикъ Симонъ Өедоровъ 3 дни знаменилъ покровцы и
и Спасовъ образъ на Патріаршеской сакъ подъ шитье.
. иконоп. Мина Якимовъ знаменилъ (5 дней) воздухъ
ровецъ да на амофоръ образцы по бумагѣ и цвѣтилъ
да Рожества Богородицы дѣйство по бумагѣ во шти
и цвѣтилъ краски. Іюня 8, Симонъ Өедоровъ знаме-
дни) на амфоръ по бумагѣ образцы да Рожества Бо-
ы дѣйство по бумагѣ и цвѣтилъ краски, съ иконопис-
ною Яковлевымъ. Іюня 12, иконоп. Карпунька да По-
икъ Тимофеевы да Андрюшка Кириловъ знаменили (1
о атласу тауснинному подъ шитье на два амфора кре-
растные. Іюля 1, иконоп. Поликарпикъ Тимоөеевъ да
ка Кириловъ знаменили (2 дни) по атласу таусинному
итье амфорные образцы. Іюня 8, Серебр. Пал. словопи-
ндрюшка Гомулинъ знаменилъ (9 дней) бѣлилами на дву
хъ да на четырехъ покровцахъ тропари и кондаки,
итье. Авг. 11, Симанка Өедоровъ знаменилъ (7 дней)
итье по камкѣ образъ преподобнаго Савы чудотв. Сто-
аго съ чудесы. Авг. 17, словописецъ Андрюшка Гому-
знаменилъ (7 дней) тропарь да кондакъ да лѣтописецъ
овѣ святаго Артемія Веркульскаго, подъ шитье. Окт. 4,
Ремезовъ купилъ фунтъ бѣлилъ за 3 ал. 2 д. для зна-
сникихъ государевыхъ дѣлъ. Окт. 30 Оруж. Пал. трав-
Ів. Соловей знаменилъ (2 дни) на дву покровахъ, Алек-
трополита да Савы чудотворца Сторожевскаго, на по-
авы. Ноябр. 9, иконоп. Карпъ Тимоөеевъ подписывалъ
й) водосвященную чашу да два покровца да воздухъ да
нѣ Пречистыя Богородицы тропарь да кондакъ, подъ
да знаменилъ крестъ и подпись на покровъ умершаго
а Димитрія Алексѣевича.
г. авг. 30, шатерные мастеры Ивашка да Өедька Яны-
дней перешивали двѣ пелены шитые въ лицѣхъ Роже-
еч. Богородицы да Христовы мученицы Параскевгѣи,
емыя Пятницы, на новую камку для того, что на чомъ
тѣ камки въ шитьѣ позамаралися. Окт. 30, шатерный
Ив. Янышевъ наклеивалъ на полотно Савы чудотвор-
зецъ съ житіемъ, на бумагѣ писанъ. Ноября 19, Ору-
полаты знаменщикъ Ивашка Матвѣевъ знаменилъ (6

дней) подъ шитье на сакъ по бархоту червчатому оплечье и зарукавье и круживо, да съ того переводилъ образцы на бумагу. Нонбр. 30 иконникъ Степ. Резанецъ знаменилъ (5 дней) подъ шитье по камкѣ два покрова Алексія да Іоны митрополитовъ.

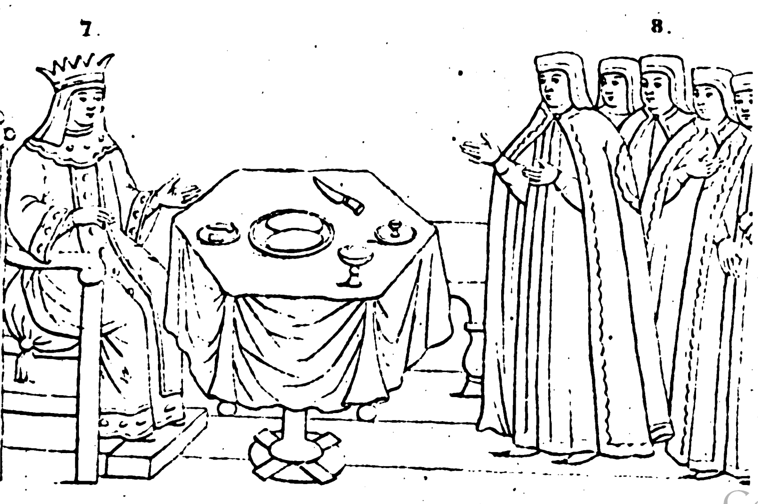
1652 г. мая 12, шатерн. мастеры Ив. да Ѳед. Янышевы знаменили (18 недѣль, по 10 д. на день, всего 12 р. 20 ал.) на пеленахъ образъ Рожества Богородицы, образъ Спасовъ, да Вмч. Параскевгія, нарицаемыя Пятницы, да хоругвь Архангела Михаила да поручи. Да въ тѣже дни они здѣлали царицы Маріи Ильичны подножье. Дек. 28, Оруж. Пал. знаменщикъ Ив. Матвѣевъ знаменилъ (11 дней) оплечья да поручи подъяческія.

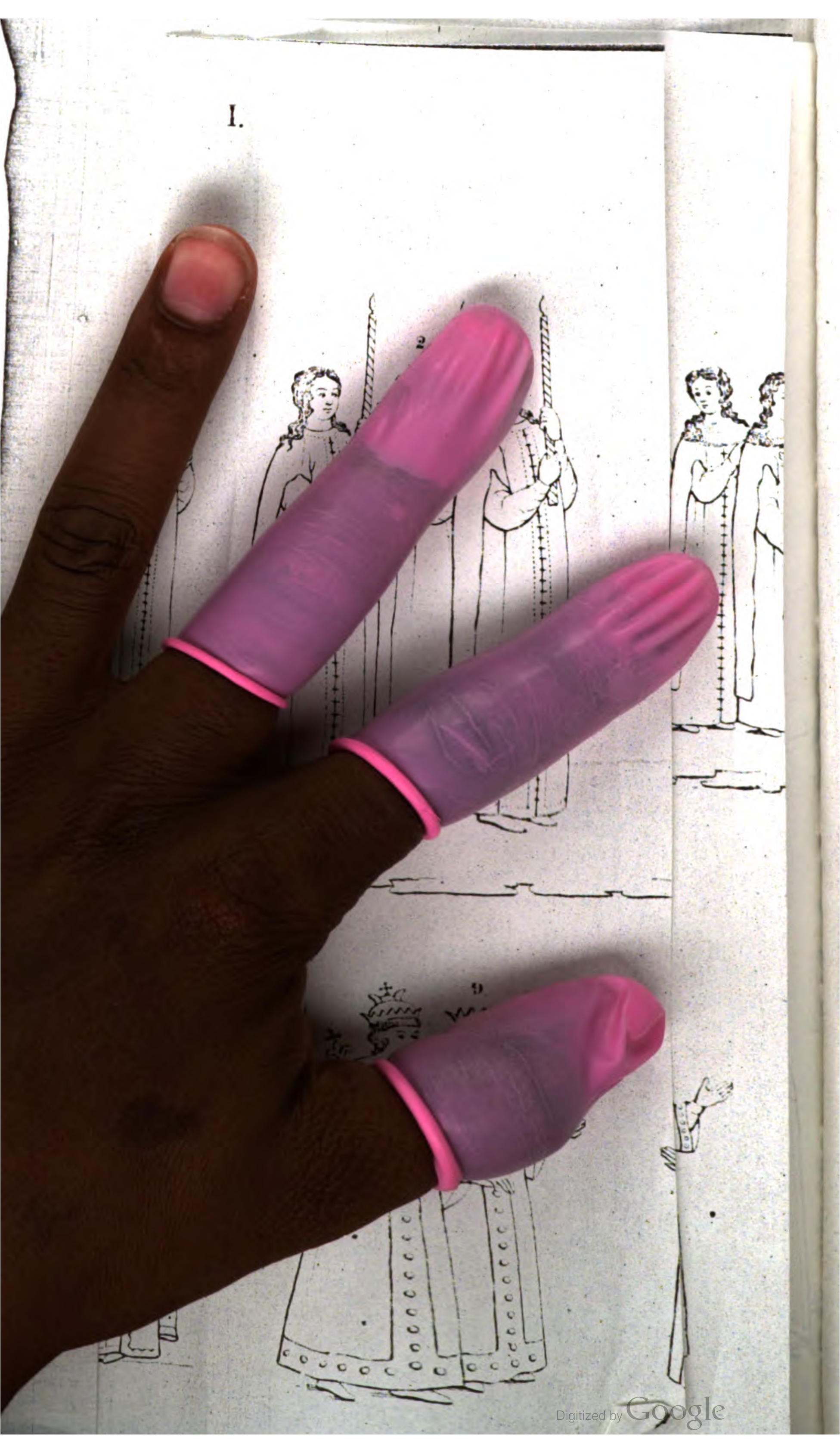
1653 г. генв. 26, Ив. Матвѣевъ недѣлю и 6 дней коло(л)ъ узоры шапочные и ошивочные и шириночные, за что получилъ кормовыхъ по 8 денегъ на день. Марта 17, Оружейные Полаты знаменщикъ Ивашка Соловей шесть дней знаменилъ оплечье да поручи.

Въ 1659 г. апр. 22, Золотой и Серебряной Палаты знаменщикъ, Симонъ Ушаковъ, извѣстнѣйшій и искуснѣйшій иконописецъ своего времени, писалъ между прочимъ въ одной изъ своихъ челобитныхъ: знаменитъ онъ (чертитъ, рисуетъ) на сосудѣхъ и на дробницѣхъ, и къ инымъ дѣламъ емлютъ ко иконописнымъ, и для чертежныхъ дѣлъ, и государыни царицы въ Мастерскую Палату емлютъ знаменить пелены и утвари... Въ это время онъ получалъ по окладу 20 руб. денегъ, хлѣба ржи и овса по 32 чети, поденнаго корму по 6 денегъ на день. Въ 1662 г. онъ получалъ уже 25 р., хлѣба по 52 чети, кормовыхъ по 8 денегъ на день. Поступивъ въ Серебряную Полату въ знаменщики въ 1646 г., съ не большимъ двадцати лѣтъ, онъ служилъ тамъ до 1664 г., когда мая 4 былъ переведенъ въ жалованные иконописцы въ Оружейную Полату. Здѣсь до 1673 г. онъ получалъ жалованья 30 руб., кормовыхъ 36 р. 16 алт. 4 д. да за дворцовый поденный кормъ и за питье 50 р. Въ 1673 г. кормовые были причислены къ жалованью, котораго онъ сталъ получать 67 р. и хлѣба 52 четверти кромѣ 50 р. изъ Приказа Большаго Дворца за кормъ и питье. Онъ скончался 25 іюня 1686 года.

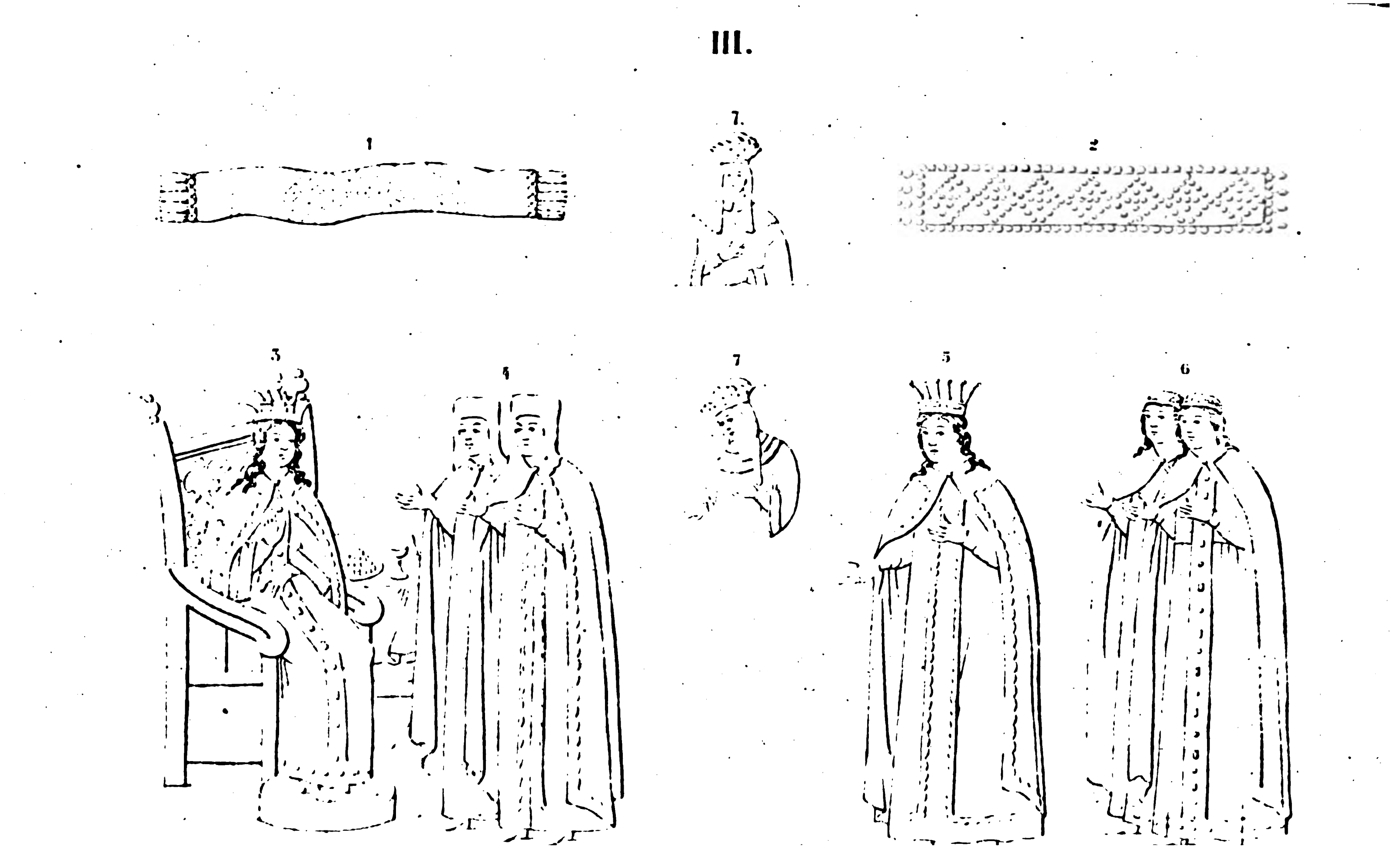
Указатель предметовъ, упомин. въ Матеріалахъ.

5. 6. 1.

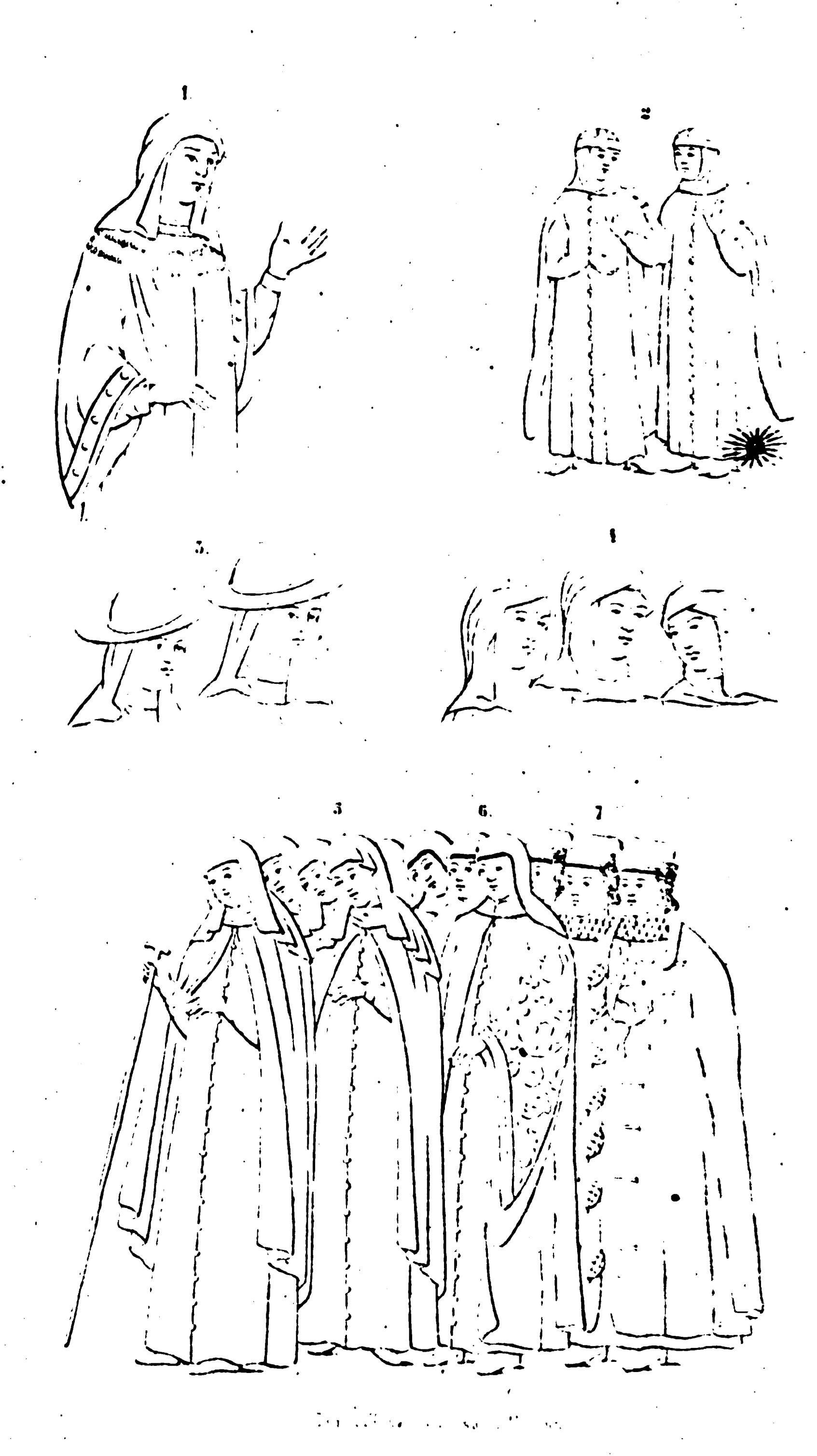



I.
2
9

III.



IV.



V.

VI.
1
2
3
4
5
6
7

Лит. [illegible] въ Москвѣ